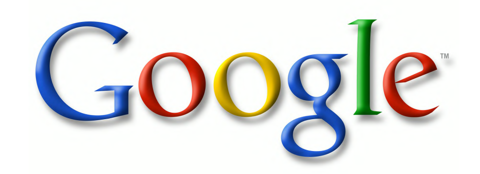

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

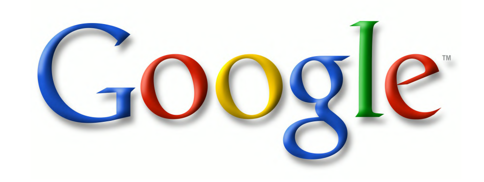
Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at http://books.google.com/

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

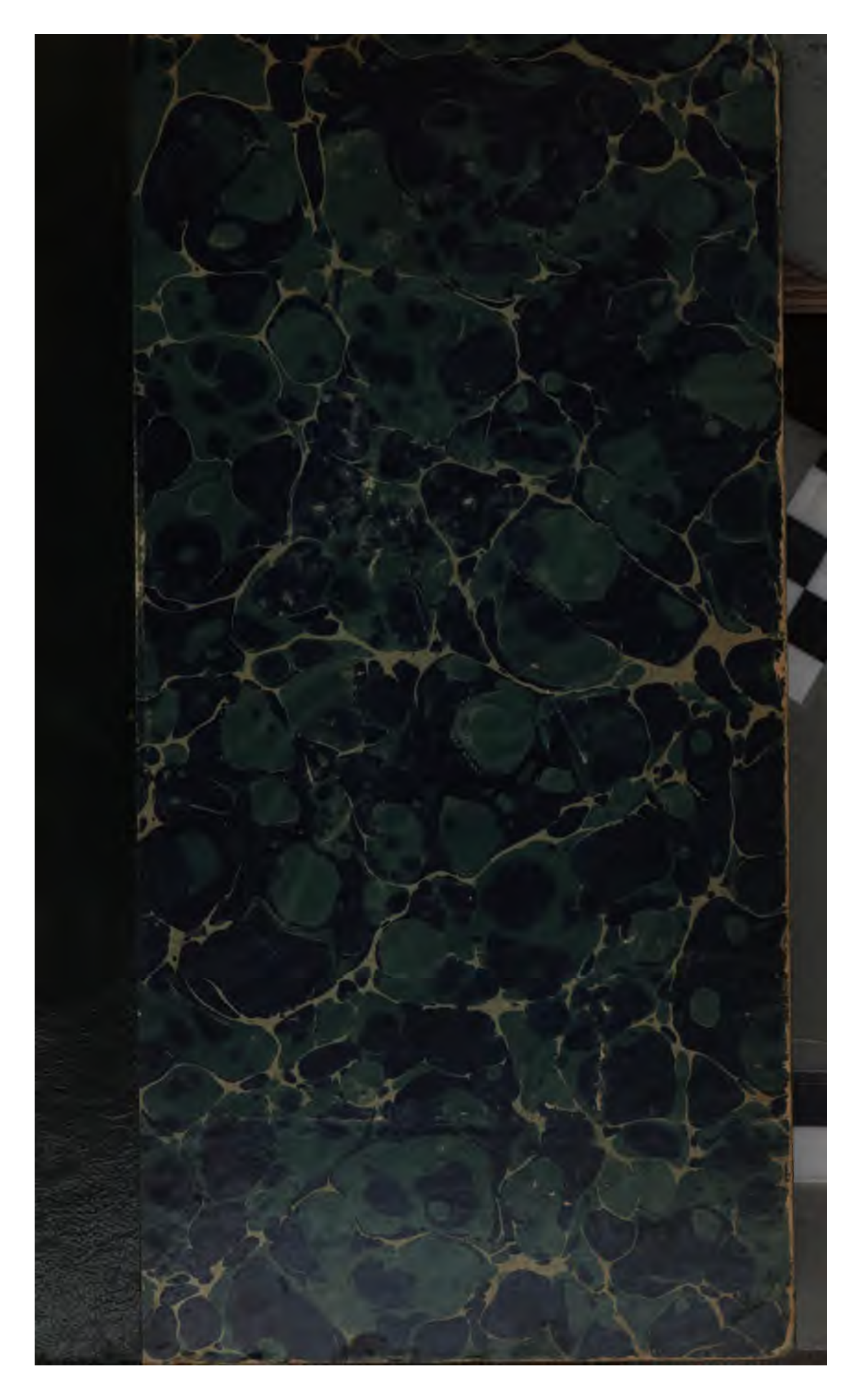
Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

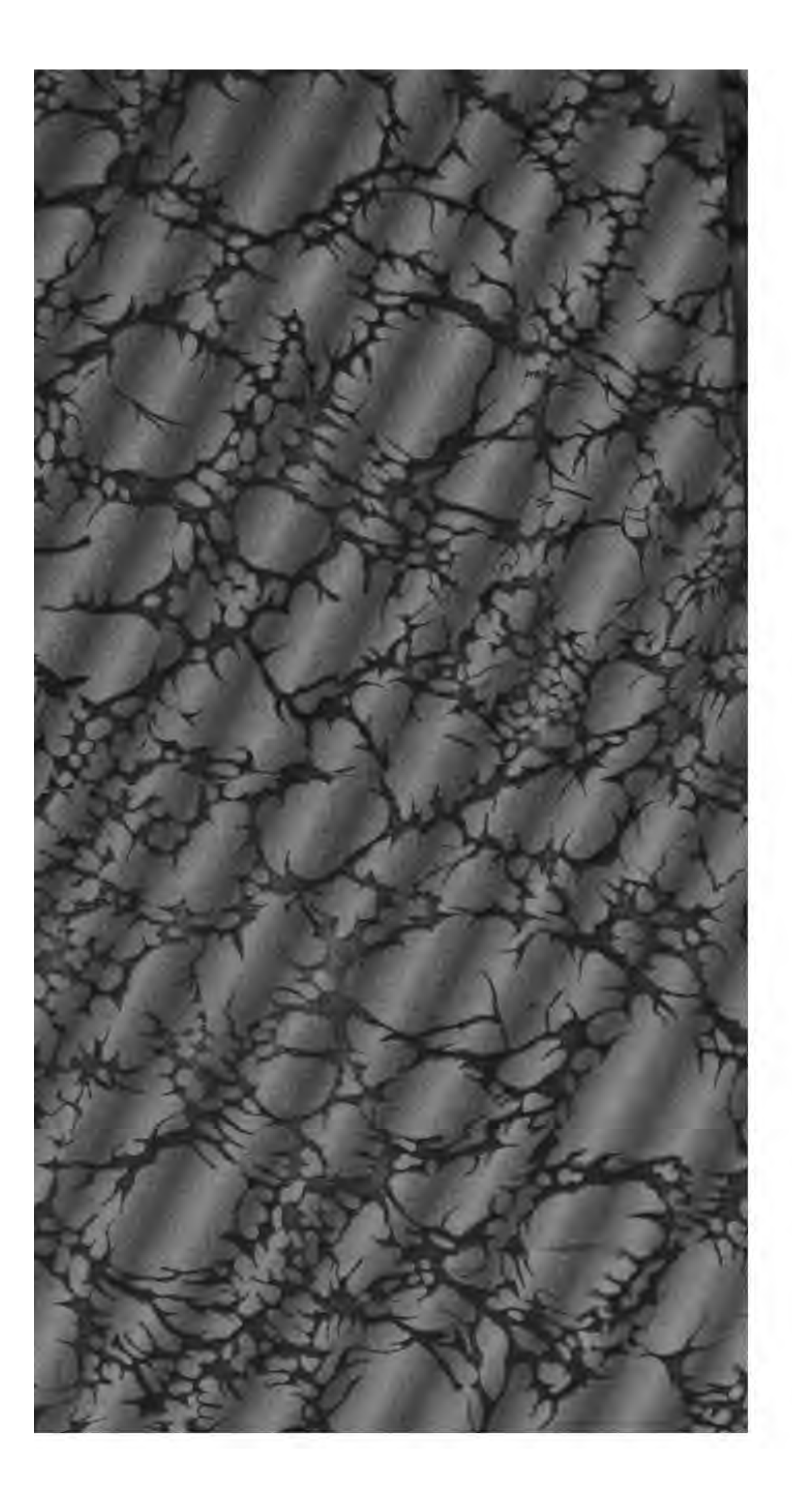
Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.
- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

No. 125.

Ив. Ивановъ.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ РОЛЬ ФРАНЦУЗСКАГО ТЕАТРА

въ связи съ философіей XVIII-го вѣка.

МОСКВА.
Университетская типографія, Страстной бульв.
1895.

Изъ „Ученыхъ Записокъ“ Императорскаго Московскаго Университета, отдѣлъ Историко-Филологическій.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Восемнадцатый вѣкъ — одна изъ популярнѣйшихъ эпохъ въ научной исторической литературѣ. Идеи просвѣтительной философіи, біографіи и личности отдѣльныхъ философовъ выяснены въ длинномъ рядѣ изслѣдованій самаго разнообразнаго характера. Но во всей этой литературѣ, умножающейся непрестанно новыми трудами остается одинъ существенный пробѣлъ, — до сихъ поръ не выясненъ и не установленъ на твердыхъ основаніяхъ *общій духъ* философской проповѣди прошлаго вѣка. Этотъ пробѣлъ, въ свою очередь, породилъ рядъ недоразумѣній относительно средствъ и путей философской пропаганды.

Философія XVIII-го вѣка не была обыкновенной философской системой, замкнутой въ тѣсныхъ предѣлахъ школы. Она по своимъ всеобъемлющимъ преобразовательнымъ стремленіямъ носила всѣ черты религіознаго движенія. Это—фактъ давно признанный. Его Тэнъ ставитъ во главѣ характеристики «духа и доктрины» революціонныхъ идей. Но изъ этого факта не выведены необходимыя слѣдствія, не разобраны всесторонне практическія положенія, въ которыя неминуемо должны были становиться философы-проповѣдники. Имъ предстояло воспользоваться всѣми средствами, какія только были въ ихъ время доступны мысли и слову, овладѣть всѣми отраслями современной литературы, разсѣять сѣмена философіи по всѣмъ направленіямъ общественной жизни. Историки съ большимъ вниманіемъ изслѣдуютъ нѣкоторыя изъ этихъ средствъ,—именно произведенія философскаго и куль-

турнаго содержанія, характеризують также подробно и основательно одинъ изъ популярнѣйшихъ путей философской пропаганды—салоны. Во всякой работѣ, посвященной XVIII-му вѣку, обширное мѣсто обязательно отводится изложенію идей энциклопедистовъ по ихъ брошюрамъ и даже сочиненіямъ беллетристическаго содержанія, съ такой же тщательностью изображается салонная жизнь философской эпохи и распространеніе новыхъ идей въ этой средѣ. Благодаря такой программѣ, вся философія иногда принимаетъ видъ салонныхъ упражненій въ интересныхъ, но совершенно безцѣльныхъ теоретическихъ разсужденіяхъ и сами философы низводятся до уровня праздныхъ острословов, наполнявшихъ досуги своихъ щедрыхъ покровителей. Именно въ такомъ видѣ рисуется большинство просвѣтителей въ весьма популярныхъ этюдахъ Гонкуровъ и въ новѣйшихъ работахъ Du Bled, Guillois. Болѣе серьезные изслѣдователи не ограничиваютъ, конечно, поприще философскихъ идей салонами, считаютъ необходимымъ указать на ихъ популярность въ среднихъ и даже низшихъ классахъ общества. Но здѣсь дѣло рѣшается также крайне простымъ способомъ: констатируется фактъ распространенія идей того или другаго философа среди буржуазіи и народа,—а вопросъ, какимъ путемъ проникли идеи въ общественные слои, незнакомые съ салонной жизнью,—считается предрѣшеннымъ, разъ названы трактаты философовъ.

Лучшими примѣрами, какъ излагается пропаганда философскихъ идей въ самыхъ почтенныхъ трудахъ современныхъ историковъ,—могутъ служить книги Тэна и Обертэна. Первый пишетъ обширную главу—*La propagation de la doctrine* и двѣ трети ея посвящаетъ распространенію идей въ аристократическомъ салонномъ обществѣ, причемъ характеризуетъ писателей XVIII-го вѣка, какъ *gens du monde*, а ихъ идеи какъ *la conversation philosophique*. Что касается средняго класса, — всѣ объясненія ограничиваются указаніемъ на связь матерьяльныхъ успѣховъ буржуазіи, опредѣлившихся вполнѣ въ философскую эпоху,—съ доктринами Руссо. Воп-

росъ, какъ произошло усвоеніе философскихъ идей буржуазнымъ обществомъ,—Тэнъ разрѣшаетъ по общепринятой программѣ: буржуа постепенно превратился въ свѣтскаго кавалера (il est du monde), получилъ доступъ въ аристократическіе салоны, открылъ подобные салоны у себя,—и философская пропаганда среди буржуа приняла также форму *la conversation philosophique*. Авторъ перечисляетъ рядъ сочиненій, написанныхъ философами спеціально для свѣтскихъ дамъ: слѣдуетъ заключить, что ничего подобнаго философы не признали нужнымъ сдѣлать ради остальной, не салонной публики. Относительно собственно народа историкъ уже совершенно не говоритъ объ идеяхъ, изображаетъ только бѣдственное положеніе крестьянъ и ихъ крайнее стихійное озлобленіе на существующій строй. Въ результатѣ впечатлѣніе получается вполнѣ опредѣленное: просвѣтительныя идеи оказались удѣломъ матерьяльно-благоденствующихъ классовъ, здѣсь философія могла вызвать новые политическіе и общественные идеалы, на долю народа осталась только слѣпая злоба (la colère aveugle), безсмысленныя подозрѣнія и неудержимыя истребительныя наклонности. Все это должно было найти исходъ въ революціи независимо отъ какихъ бы то ни было идей [1].

Обертэнъ не даетъ такихъ рѣзкихъ выводовъ.—но философская пропаганда и въ его книгѣ рисуется въ тѣхъ же чертахъ. Онъ характеризуетъ прежде всего типичнаго «философа—государственнаго человѣка», т. е. маркиза Даржансона, потомъ говоритъ о салонахъ, наконецъ, подробно разбираетъ оппозиціонное настроеніе среднихъ, буржуазныхъ сферъ,—янсенистовъ и парламентскихъ адвокатовъ. Книга Обертэна явилась раньше сочиненія Тэна,—и мы видимъ, что второй авторъ шелъ въ сущности по слѣдамъ своего предшественника. Пути ихъ совпадаютъ даже въ подробностяхъ. Рѣшительнымъ моментомъ фисософскихъ успѣховъ оба историка

---

[1] *Les origines de la France Contemporaine. L'ancien régime.* Paris 1882. Livre quatrième.

считаютъ громкую популярность брошюры адвоката Toussaint'a—*Les Moeurs*, излагавшую идеи деизма, другими словами авторы не выходятъ изъ предѣловъ книжной литературы новаго направленія и ея читателей, принадлежавшихъ къ высшимъ культурнымъ слоямъ общества [2]. Такъ представляется историкамъ начало пропаганды, и дѣло, на ихъ взглядъ, не мѣняется до самаго конца философскаго періода. Обертэнъ, имѣя предъ собой обильнѣйшій матерьялъ по общественной и литературной исторіи, не счелъ нужнымъ даже коснуться свѣдѣній относительно философскихъ вліяній въ низшихъ классахъ. Разсказывая о презрѣніи парижскаго населенія къ духовенству, о непопулярности Маріи Антуанеты среди «народа», Обертэнъ видитъ во всѣхъ этихъ настроеніяхъ только «ненависть и желаніе мести»—со стороны «низшихъ классовъ» [3]. Этихъ чувствъ, конечно, нельзя было отрицать у подданныхъ старой монархіи,—но рядомъ съ ними должны были существовать отраженія современнаго идейнаго движенія. Тэнъ, излагая исторію революціонныхъ смутъ, говоритъ о народныхъ ораторахъ, цитировавшихъ *Contrat social*,—даже въ провинціальныхъ захолустьяхъ [4]. Историку, слѣдовательно, въ интересахъ логической полноты необходимо было свой разсказъ о пропагандѣ идей дополнить свѣдѣніями о философскихъ вліяніяхъ на провинцію. Обертэнъ только отчасти заполняетъ этотъ пробѣлъ. Онъ неоднократно указываетъ, какими путями проникали въ провинцію парижскія новости [5], но совершенно не затрогиваетъ вопроса, какое мѣсто среди этихъ новостей занимала философія и какъ относились провинціалы къ событіямъ въ этой области. Въ результатѣ, — предъ нами яркая картина философской пропаганды среди высшихъ слоевъ столичнаго населенія и только случайные, отрывочные намеки на судьбы философіи за пре-

---

[2] *Les origines*. Ib. p. 377. *L'esprit public au XVIII-e siècle*. Paris 1873, p. 285.

[3] *O. c.* p. 262, 435.

[4] *Les origines. La révolution*, p. 24—6.

[5] *O. c*, p. 130, 380.

дѣлами культурнаго центра и за предѣлами избранныхъ классовъ, питавшихся идеями изъ первоисточниковъ, изъ брошюръ и многотомныхъ сочиненій философовъ.

Такимъ образомъ установилась прочная программа для историческихъ сочиненій, характеризующихъ общественную культуру XVIII-го вѣка: столица, высшіе и отчасти средніе классы—единственная умственно-развитая среда, вбирающая въ себя взгляды и выводы современной мысли; провинція и низшіе классы интересуютъ историковъ, только какъ почва для экономическихъ и юридически-административныхъ изысканій.

Недавно вышло обширное сочиненіе, посвященное провинціи XVIII-го вѣка—Albert'a Babeau—*La province sous l'ancien règime.* Оно вполнѣ соотвѣтствуетъ указанной программѣ. Оба тома наполнены подробностями, весьма часто вновь добытыми изъ архивовъ,—относительно матерьяльной жизни Франціи, ея экономическаго положенія, администраціи, городскаго устройства, суда,—одинъ только вопросъ авторъ тщательно обходитъ—культурное состояніе провинціи, ея духовные интересы. Ему не разъ представляется случай—коснуться этого вопроса: когда онъ говоритъ о религіи, о народномъ образованіи. Въ первомъ случаѣ онъ упоминаетъ о вспышкѣ фанатизма на югѣ Франціи около половины вѣка, т. е. совсѣмъ близко подходитъ къ знаменательнѣйшимъ эпизодамъ философской пропаганды, въ другой разъ характеризуется положеніе провинціальныхъ университетовъ и академій, опять, слѣдовательно, предъ авторомъ поводъ отмѣтить участіе послѣднихъ въ развитіи популярнѣйшихъ идей эпохи. Но и въ томъ и въ другомъ случаѣ—философія не упоминается ни единымъ словомъ, и имена нѣкоторыхъ философовъ, напримѣръ, Вольтера и Кондорсе, называются, только потому что этимъ писателямъ пришлось высказать свои взгляды на интендантовъ [6]. Выходитъ, будто все населеніе Франціи

[6] Babeau. *La prov. sous l'ancien regime.* Paris 1894. О религіи pp. 290 etc. О просвѣщеніи p. 315 etc. О Вольтерѣ и Кондорсе—II. p. 326, 327.

XVIII-го вѣка было поглощено исключительно экономическими, юридическими и административными вопросами и остается неизвѣстнымъ, откуда впослѣдствіи въ *наказахъ* оказались статьи общаго политическаго и философскаго содержанія?

Изъ этихъ примѣровъ ясно, въ какихъ существенныхъ дополненіяхъ нуждается исторія философской пропаганды. Вопросъ, въ какомъ направленіи могутъ быть сдѣланы эти дополненія,—легко рѣшается на основаніи тѣхъ же историческихъ сочиненій. Авторы слишкомъ узко понимаютъ свою задачу—объяснить философскую литературу и указать пути, какими ея идеи проникали въ публику. Если просвѣтительная философія носила религіозный характеръ, она, очевидно, должна была опираться на самый широкій кругъ учениковъ и послѣдователей, и философы подобно религіознымъ проповѣдникамъ должны были искать несравненно болѣе обширныхъ и доступныхъ авдиторій, чѣмъ салоны. Ихъ не могли даже удовлетворить вообще *читатели*, какъ бы популярны ни были философскія произведенія. Всякая проповѣдь должна имѣть *слушателей*, должна дѣйствовать живымъ словомъ: иначе философія останется только школой, достояніемъ избранныхъ, аристократической мудростью. Философія XVIII-го вѣка избѣжала этой участи и именно потому, что въ ея распоряженіи была самая демократическая форма проповѣди и самая доступная авдиторія. Мы говоримъ о драмѣ и о театрѣ.

Нельзя сказать, чтобы отъ вниманія политическихъ историковъ совершенно ускользнуло просвѣтительное значеніе драматической литературы и сцены. Обертэнъ центрами оппозиціи называетъ «театръ, академію, салоны», говоритъ о «совѣщаніяхъ кабинета по поводу трагедіи», о безпокойствахъ, причиняемыхъ правительству вольностью актеровъ, о публикѣ авторъ даетъ даже весьма рѣшительный отзывъ: «еще на половину раба,—она уже проявляетъ настроеніе самодержца». [7]. Эти замѣчанія въ общемъ справедливы,

[7] *O. c.* p. 395—6. „Encore à demi esclave, il (le public) a déjà l'humeur d'un souverain“.

за исключеніемъ одного, касающагося актеровъ. Обертэнъ, очевидно, мимоходомъ бросилъ нѣсколько строкъ, не счелъ нужнымъ разобраться въ ихъ фактической точности, не придавая большаго значенія предмету. Дальше онъ дѣлаетъ рядъ ошибокъ, представляетъ актеровъ—политическими протестантами и вольнодумцами—только на основаніи того, что—m-lle Клэронъ сидѣла разъ въ тюрьмѣ. Мы впослѣдствіи будемъ имѣть возможность оцѣнить истинный смыслъ политики актеровъ и роль m-lle Клэронъ. Факты заставятъ сдѣлать выводы, противоположные разсужденіямъ Обертэна. Но важно, что онъ, заговоривъ объ общественномъ значеніи драматической литературы и театра, ограничился намекомъ на нѣкоторые въ сущности второстепенные эпизоды и совершенно не воспользовался *Секретными записками* и другими своими источниками именно относительно даннаго вопроса. Тэнъ, повидимому, отнесся къ вопросу внимательнѣе, по разнымъ поводамъ упомянулъ нѣсколько фактовъ, совершенно забытыхъ въ настоящее время даже историками литературы. Но всѣ эти упоминанія сдѣланы авторомъ будто въ интересахъ внѣшней полноты изложенія, внутренній смыслъ фактовъ остается вездѣ неоцѣненнымъ.

Говоря о повсемѣстномъ господствѣ философіи, Тэнъ называетъ трагедію, оперу, даже ярмарочные парады, какъ произведенія философскаго направленія. Но читатель долженъ вѣрить автору на слово, потому что онъ въ подтвержденіе своихъ словъ называетъ три пьесы, всѣмъ извѣстныя—*Oedipe* Вольтера, *Tarare* и *le Mariage de Figaro*, относительно четвертой—*Manco Capac*—онъ ограничивается отзывомъ Башомона—краткимъ, но на столько краснорѣчивымъ, что историкъ долженъ бы почувствовать необходимость—ближе познакомиться съ пьесой и сообщить намъ, какъ она излагала *Эмиля* и *Общественный договоръ*. И, конечно, такихъ пьесъ была не одна: объ этомъ не говорится ни слова. Относительно популярности театра,—Тэнъ ограничивается пере-

---

[8] Taine. *O c.* p. 359, 369.

сказомъ того же эпизода съ m-lle Клэронъ, какой сообщилъ уже Обертэнъ. Въ другомъ мѣстѣ, по поводу матерьяльнаго и нравственнаго прогресса буржуазіи, въ примѣчаніи называется драма *Le philosophe sans le savoir*, изображавшая «высшій типъ буржуа». [9] Впослѣдствіи мы увидимъ, что драма дѣйствительно весьма интересна въ общественномъ смыслѣ, но герой ея не буржуа, а родовитый дворянинъ, занимающійся торговлей и свидѣтельствуетъ, слѣдовательно, о совершенно другомъ сословномъ явленіи, чѣмъ сообщаетъ Тэнъ. Такимъ образомъ, лишь только историкъ въ своихъ сужденіяхъ о драмѣ и театрѣ выходитъ за предѣлы общеизвѣстныхъ фактовъ, немедленно обнаруживаетъ отсутствіе близкаго самостоятельнаго знакомства съ ними и впадаетъ въ грубыя ошибки. Въ результатѣ,—даже признаніе философской роли театра не приноситъ пользы въ виду поверхностныхъ свѣдѣній историковъ по вопросу и крайне легкаго отношенія къ его значенію. Важнѣйшіе моменты философской пропаганды, имѣвшіе мѣсто въ драмѣ и на сценѣ, отмѣчаются буквально двумя тремя словами. Обертэнъ, напримѣръ, не счелъ нужнымъ объяснить свой отзывъ о театральной публикѣ, Тэнъ только упомянулъ о «комедіи Палиссо»,— а между тѣмъ за этими темными намеками скрываются явленія величайшаго философскаго и политическаго значенія. Кромѣ того, на основаніи замѣчаній Тэна получается опять ложное представленіе даже о фактахъ — независимо отъ ихъ смысла. Историкъ рядомъ называетъ «une comédie de Palissot, une satire de Gilbert» [10]. Въ дѣйствительности,— дѣятельность Палиссо, направленная противъ энциклопедистовъ, обнимаетъ, какъ увидимъ ниже, нѣсколько десятковъ ихъ, а произведеніе Жильбера, умершаго въ юношескомъ возрастѣ, заключаетъ въ себѣ нѣсколько десятковъ стиховъ. Возможно ли, послѣ того—безъ всякихъ оговорокъ—оба явленія ставить на одну линію? Возможно при единственномъ

условія: когда авторъ не представляетъ ясно, какое значеніе имѣла въ свое время антифилософская драматическая сатира, вызванная непосредственно правительственной властью.

Таковы недоразумѣнія и пробѣлы, допускаемые историками—общества и государства. На это можно возразить, что всѣ упущенія естественно исправить историкамъ литературы: драма и театръ подлежатъ ихъ прямому вѣдѣнію. Но дѣло не выигрываетъ и въ этихъ рукахъ. Если политическіе историки обращаютъ слишкомъ мало вниманія на *литературу*,—литературные столь же небрежно относятся къ *философіи*, т.-е. политическому и общественно-преобразовательному смыслу драматическихъ произведеній XVIII-го вѣка. Примѣрами и здѣсь могутъ служить лучшія работы по исторіи драмы и комедіи XVIII-го вѣка—каковы—Lanson'a: *Nivelle de La Chaussée et la comédie larmoyante*, Lenient'a *La comédie en France au XIII-e siècle*, Desnoiresterres'a *La comédie satirique au XVIII-e siècle.*

Сочиненіе Лансона—основательная исторія чувствительной драмы во Франціи. Особенно подробно разобраны произведеня. Лашоссе, ихъ содержаніе и идеи приведены въ связь съ общеевропейскими литературными мотивами XVIII-го вѣка, съ большой проницательностью указано значеніе дѣятельности Лашоссе въ развитіи новой драмы. Но всѣ изслѣдованія автора—отъ начала до конца—остаются на почвѣ чисто-литературной, художественной. Говоря о связи драмы Лашоссе съ театромъ XIX вѣка,—авторъ не считаетъ нужнымъ опредѣлить мѣсто чувствительнаго драматурга въ философскомъ движеніи просвѣтительной эпохи, тщательно оцѣнить реформаторскій общественный смыслъ новаго мотива драмы — *чувства* и привести въ связь морализирующее направленіе театра Детуша и Лашоссе съ проповѣдническими задачами энциклопедистовъ. Однимъ словомъ,—мѣщанская и чувствительная драма остается будто совершенно обособленнымъ явленіемъ философской эпохи. Чувствительные драматурги не играли никакой роли въ философской пропагандѣ, въ свою очередь философы—ничего не сдѣлали для чувствитель-

ной драмы. Съ этой точки зрѣнія Лансонъ до крайней степени унижаетъ Дидро, какъ художественнаго критика, видитъ въ его эстетическихъ разсужденіяхъ одну реторику, по идеямъ будто бы предвосхищенную драматургами—не энциклопедистами. Также поверхностно, какъ увидимъ ниже, судитъ Лансонъ и о Вольтерѣ — драматургѣ [11]. Авторъ, очевидно, увлекся драмой, исключительно какъ литературнымъ явленіемъ, а дѣло энциклопедистовъ призналъ философіей въ узкомъ смыслѣ слова, и въ результатѣ оказалось, что оба теченія, въ сущности гармоничныя и во многихъ отношеніяхъ тождественныя, не имѣютъ между собой ничего общаго въ культурномъ и просвѣтительномъ смыслѣ и иногда даже враждебны другъ другу. Недоразумѣніе Лансона особенно рѣзко отразилось на всѣхъ его отзывахъ о вождѣ философіи, какъ поэтѣ и критикѣ. Авторъ остановился на грубомъ представленіи — о литературныхъ жанрахъ XVIII вѣкѣ — трагедіи и драмѣ, даже не подозрѣвая, что практически оставались только внѣшнія формулы того и другаго жанра,—содержаніе, идеи, даже сюжеты постепенно пріобрѣли единство, - и Вольтеръ—въ трагедіяхъ являлся такимъ же чувствительнымъ авторомъ, какимъ Лашоссе былъ въ своихъ драмахъ. Съ другой стороны, драмы того же Лашоссе превращались по существу въ *философскія* произведенія въ томъ именно смыслѣ, какъ понимали энциклопедисты.

Слѣдовательно, Лансонъ одновременно впалъ въ двоякое заблужденіе: не распозналъ въ драмѣ элементовъ просвѣтительной мысли и не понялъ могучаго вліянія чувства и чувствительной литературы на *всѣ* художественныя и теоретическія произведенія XVIII-го вѣка. Ясно, въ какой степени отъ подобныхъ заблужденій должна страдать исторія философской пропаганды: благодаря узко-литературнымъ взглядамъ изслѣдователя,—изъ этой исторіи исчезаетъ обильнѣйшій источникъ философскихъ идей, — драма, и затемняется философское значеніе основнаго мотива драматической литературы — чувства.

[11] Lanson. *O. c.* p. 225, 270.

То же самое слѣдуетъ повторить и относительно работы Леньяна. Она охватываетъ развитіе французской комедіи и драмы за цѣлое столѣтіе,—съ преемниковъ Мольера до великой революціи включительно. Слѣдовало бы ожидать, что философское движеніе найдетъ въ такомъ изслѣдованіи достойное мѣсто, тѣмъ болѣе что Леньянъ не пропускаетъ даже «забытыхъ и пренебреженныхъ писателей», второстепенныхъ дѣятелей театра XVIII-го вѣка [12]. На самомъ дѣлѣ, и этотъ авторъ остается почти исключительно въ предѣлахъ литературныхъ и эстетическихъ вопросовъ. Основной недостатокъ его книги — отрывочность историческаго разсказа. Отдѣльные писатели поставлены рядомъ потому только, что они жили одновременно,—преемственности творчества и идей Леньянъ не подозрѣваетъ. Единственное исключеніе намѣчается только во главѣ, посвященной Дидро: Леньянъ считаетъ энциклопедиста—систематическимъ теоретикомъ фактовъ, уже созданныхъ раньше его—Лашоссе. Взглядъ, какъ увидимъ, ошибочный, и ошибка коренится въ той же односторонности историка литературы: онъ смотритъ на драму и теоріи, ею вызванныя, только какъ на явленія искусства, а не общественной преобразовательной мысли. Въ результатѣ,—разсужденія Дидро о драмѣ могутъ показаться совершенно неоригинальными, потому что для его *эстетическихъ* обобщеній можно найти иллюстраціи въ драмахъ Детуша и Лашоссе, но получается другой выводъ, если драмы Лашоссе и теоріи Дидро сравнить съ *философской* и *культурной* точки зрѣнія. Естественно—отъ автора ускользаетъ послѣдовательное развитіе эстетики XVIII-го вѣка въ зависимости отъ роста общественной и политической мысли,—и Мерсье, въ глазахъ Леньяна, является «умомъ — фантастическимъ, уродливымъ, притязательнымъ, эксцентричнымъ и болѣе эктравагантнымъ чѣмъ оригинальнымъ» [13]. Въ доказательство приводится нѣсколько соображеній Мерсье спеціально-театральнаго и эсте-

---

[12] Lenient. *O. c.* II, chap. XVI: *Les éphémères: oubliés et dédaignés.*
[13] *Ib.* II, 379.

тическаго характера. А между тѣмъ, существенное значенiе вообще всѣхъ литературныхъ теорiй XVIII-го вѣка и въ особенности теорiй Мерсье, писателя конца эпохи, — заключалось не въ чисто-художественныхъ взглядахъ, а въ ихъ философскомъ духѣ. Этотъ духъ являлся господствующей силой эпохи и налагалъ свою власть одинаково и на творчество, и на критику. Судить, слѣдовательно, о какомъ бы то ни было произведенiи XVIII-го вѣка, не принявъ въ разсчетъ этого факта, значитъ судить о предметѣ по его отраженiю или тѣни. Именно *отраженiемъ* философiи было все искусство XVIII-го вѣка, даже если писатели завѣдомо и не принадлежали къ философской партiи.

Леньянъ говоритъ, что «мѣщанская драма родилась, такъ сказать, изъ инстинкта Лашоссе» [14]. Съ такимъ же правомъ авторъ могъ сказать: Лашоссе инстинктивно проповѣдовалъ философскiя идеи, лично не имѣя ничего общаго съ философами. Тоже самое можно повторить о старшемъ его современникѣ Лашоссе—Детушѣ. Оба они открыто заявляли свое отчужденiе отъ энциклопедической партiи, — но въ то же время Лашоссе разчищалъ путь Вольтеру и Дидро, какъ драматургамъ—философамъ, а Детушъ, какъ увидимъ, даже обмолвился защитительнымъ словомъ въ пользу современныхъ философовъ. Это въ полномъ смыслѣ былъ голосъ инстинкта: чувствительный драматургъ будто невольно призналъ внутреннее родство своей дѣятельности съ философской пропагандой.

Именно такъ слѣдовало и историкамъ драмы смотрѣть на свой предметъ, — не отдавать все свое вниманiе литературной критикѣ, а на каждомъ шагу выдѣлять изъ художественныхъ произведенiй и критическихъ трактатовъ — сѣмена философiи, разсѣянныя всюду въ подавляющемъ изобилiи. Разъ, напримѣръ, Лансонъ и Леньянъ признали, что драматурги XVIII-го вѣка — *проповѣдники*, по выраженiю сатиры — *pères reverends* а драмы — *sermons* и *homilies*, — эстетическiя

---

[14] *Ib.* II, 317.

разсужденія являются праздными, вопросъ долженъ быть сосредоточенъ на почвѣ идей и принциповъ.

Третья упомянутая нами работа, принадлежащая одному изъ самыхъ основательныхъ знатоковъ литературы XVIII-го вѣка,—отличается поразительнымъ обиліемъ фактовъ, и въ тоже время свидѣтельствуетъ о полной неспособности автора—уяснить себѣ общій смыслъ безконечной вереницы явленій и опредѣлить ихъ относительное значеніе. Пріемъ Денуартерра очень простой: онъ упоминаетъ какой нибудь фактъ политической или общественной жизни, и перечисляетъ сатирическія комедіи, вызванныя этимъ фактомъ. Въ число сатиръ здѣсь попадаютъ и трагедіи и драмы философскаго содержанія—въ родѣ *Эдипа* Вольтера, *Друидовъ* Леньяна. Благодаря такому эпизодическому изложенію, разсчитанному преимущественно на полноту фактовъ,—основные вопросы XVIII-го вѣка, философскіе, возбуждавшіе въ теченіе всего вѣка ожесточенную борьбу на сценѣ,—лишены подобающаго имъ мѣста, и у читателя нѣтъ возможности составить ясное представленіе о томъ, какъ шла именно эта борьба и какъ относилась къ ней публика. Дѣятельность сатириковъ, враговъ философіи, въ глазахъ автора ничѣмъ въ сущности не отличается отъ сатиръ всякаго другаго направленія. Денуартерръ спѣшитъ отмѣтить необыкновенно горячій характеръ борьбы, совершенно устранившій всѣ эстетическія соображенія,—но идейный, общественный и политическій смыслъ борьбы остается даже не намѣченнымъ [15]. А между тѣмъ въ исторіи философской пропаганды великое значеніе имѣетъ прежде всего самый фактъ борьбы новыхъ идей съ защитниками стараго порядка—на театральной сценѣ съ явнымъ разсчетомъ на третейскій судъ общественнаго мнѣнія, а потомъ въ интересахъ безпристрастной оцѣнки философскихъ силъ необходимо знать, какіе обвинительные мотивы выставлялись противниками движенія, чѣмъ были вызваны нападки и какого сорта вожди стояли во главѣ антифи-

[15] *La com. satirique au XVIII-e siècle.* Paris 1885, p. 123.

лософской агитаціи? Философы создали общественное мнѣніе въ XVIII мъ вѣкѣ, даже больше—ихъ философія постепенно слилась съ общественнымъ мнѣніемъ:—важно, по этому, выяснить—съ возможными подробностями—роль этой силы въ эпоху открытой борьбы философіи съ ея врагами и критиками. Кромѣ того, Денуартерръ упускаетъ изъ виду почву, на которой возникла антифилософская сатира, не называетъ и не оцѣниваетъ по достоинству ея сотрудниковъ и союзниковъ [16]. А между тѣмъ, Палиссо и его послѣдователи представляли въ сущности всѣ общественныя и политическія силы, враждебныя просвѣтительному движенію. Тѣмъ настоятельнѣе необходимость охарактеризовать отношеніе публики къ дѣятельности сатириковъ,—авторъ ограничивается замѣчаніемъ о «тріумфѣ антифилософской партіи»,—сообщеніе, какъ увидимъ, не точное и далеко не полное. *Исторія* антифилософской сатиры особенно поучительна именно съ точки зрѣнія отношенія публики къ этой сатирѣ, Денуартерръ не имѣетъ этого въ виду и потому совершенно опускаетъ множество фактовъ, сопровождавшихъ сценическіе успѣхи и неудачи сатириковъ и не отмѣчаетъ рѣзкіе результаты философской пропаганды, ставшіе очевидными, между прочимъ, — благодаря судьбѣ анти-философскихъ сатиръ на сценѣ въ концѣ просвѣтительнаго періода. Ясно, слѣдовательно, — авторъ интересовался преимущественно историко-литературной стороной вопроса и только случайно касался философской и общественной.

Такимъ образомъ, важнѣйшіе изслѣдователи, изучавшіе разнообразныя явленія философской эпохи, неизмѣнно обнаруживали односторонность точекъ зрѣнія: политическіе и культурные историки, признавая всеобъемлющій характеръ

---

[16] Авторъ говоритъ о покровительствѣ Шуазеля Палиссо, мотивируетъ это покровительство только частной причиной: Палиссо, по порученію министра, написалъ сатиру на Фридриха II въ отвѣтъ на посмѣшки прусскаго короля надъ французскимъ. Участіе Палиссо въ анти-философской агитаціи коренилось, какъ увидимъ, въ болѣе сложныхъ причинахъ.—*О. С.* p. 131.

философіи XVIII-го вѣка, не оцѣнили всѣхъ ея орудій; историки литературы не привели въ тѣснѣйшую связь явленій художественнаго творчества съ современными идеями и идейнымъ настроеніемъ современнаго общества и государства. Въ результатѣ, у тѣхъ и у другихъ писателей осталось не выясненнымъ философское содержаніе драматической литературы и не оцѣненнымъ значеніе театральной сцены въ философской пропагандѣ.

Остается сказать нѣсколько словъ о сочиненіяхъ, своими темами обѣщающихъ, повидимому, исправить указанные недостатки. Книга Ипполита Люка носитъ названіе: *Histoire philosophique et littéraire du théatre français*. Въ предисловіи авторъ говоритъ: «Наблюдая поочередно воздѣйствіе нравовъ на театръ и театра на нравы, мы пытались изобразить духъ каждой эпохи, показывая тайныя связи, тѣсно связующія ихъ другъ съ другомъ. Намъ казалось любопытнымъ — прослѣдить съ тщательнымъ вниманіемъ непрерывную философскую и литературную основу, скрѣпляющую всѣ нити тонкой и изящной ткани нашей театральной исторіи».

На основаніи этихъ словъ слѣдовало заключить, что авторъ раскроетъ философское содержаніе драмы и просвѣтительную роль театра. На самомъ дѣлѣ, его книга вышла еще болѣе спеціально-литературной исторіей, чѣмъ работы Леньяна и Лансона. Такой результатъ тѣмъ удивительнѣе, что Люка признаетъ исключительныя характерныя черты драматической сцены XVIII го вѣка. Начиная разсказывать о театрѣ въ эпоху революціи, авторъ замѣчаетъ: «Театръ могущественно помогъ революціи. Въ теченіи всей второй половины XVIII-го вѣка сюда ходили затѣмъ, чтобы рукоплескать сатирѣ на правительство и учрежденія, схватывали повсюду намеки на вопросы минуты, даже когда игрались пьесы, написанныя пятьдесятъ лѣтъ назадъ» [17]. Въ доказательство Люка приводитъ двѣ старыя пьесы.—Этимъ и

---

[17] Lucas O. c. Deuzième édition, 1862. II, 101—2. Выше цитировано предисловіе къ первому изданію, 1843.

ограничиваются общественно - историческія данныя относительно театра. Авторъ, отмѣтивши столь оригинальную черту публики XVIII-го вѣка, не счелъ нужнымъ иллюстрировать ее фактами и объяснить ея значеніе для философской пропаганды.

Столь же мало вниманія обратилъ авторъ на философскія идеи драматическихъ произведеній. Нагляднѣйшимъ примѣромъ можетъ служить разсказъ автора о дѣятельности Вольтера. Мы дальше увидимъ, какое значеніе имѣла въ исторіи просвѣтительнаго театра трагедія *Эдипъ*, какое впечатлѣніе произвела она на публику даже отдѣльными стихами,—авторъ ни слова не говоритъ объ этихъ фактахъ и ограничивается критическими замѣчаніями на счетъ художественныхъ достоинствъ пьесы [18].

Въ другомъ мѣстѣ авторъ даетъ совершенно невѣрное представленіе о философскихъ трагедіяхъ Вольтера, отнимаетъ у нихъ всякое вліяніе па публику только нотому, что онѣ были написаны въ ложно-классическомъ жанрѣ [19]. Впослѣдствіи мы убѣдимся въ совершенно противоположномъ,—но еще важнѣе отмѣтить недоразумѣніе автора уже знакомое намъ изъ другихъ историко-литературныхъ работъ. Авторъ не умѣетъ за традиціонной формой вольтеровской трагедіи разсмотрѣть новое содержаніе, новый духъ въ сюжетахъ и характерахъ, видитъ только «сентенціи и максимы,—направленные противъ предразсудковъ и злоупотребленій». Относительно драматурговъ — просвѣтителей авторъ — или ограничивается шаблонными характеристиками, напримѣръ, о Бомарше, или пребываетъ исключительно въ области художественной критики. Люка оцѣнилъ литературныя теоріи Мерсье лучше, чѣмъ Леньянъ, но только съ художественной и историко-литературной точки зрѣнія. Общественные и политическіе принципы, вызвавшіе теоріи Мерсье, совершенно опущены,—и естественно изъ всей обширной драматической

---

[18] *О. с.* II, 5—7.
[19] *О. с.* II, 74.

дѣятельности Мерсье онъ называетъ одну второстепенную драму и оцѣниваетъ только ея психологическія достоинства [20].

Очевидно, Люка еще менѣе оказался способнымъ озарить истиннымъ свѣтомъ даже тѣ явленія, на какія онъ указалъ въ предисловіи къ своей работѣ: «взаимное вліяніе нравовъ на театръ и театра на нравы». Что же касается господствующаго движенія эпохи,—оно почти совсѣмъ ускользнуло отъ «тщательнаго вниманія» автора.

Наконецъ, во французской литературѣ существуетъ брошюра, носящая еще болѣе опредѣленное названіе, чѣмъ книга Люка: сочиненіе Фонтэна — *Le théâtre et la philosophie au XVIII-e siécle* [21]. Брошюра построена по весьма простому плану: она не представляетъ ни историко-литературнаго, ни философскаго, ни культурно-общественнаго изслѣдованія. Авторъ перечиталъ нѣкоторыя произведенія драматурговъ XVIII вѣка, отмѣтилъ въ нихъ мѣста, выражающія ту или другую философскую идею, и расположилъ цитаты по соотвѣтствующимъ рубрикамъ. Въ результатѣ получилась работа, весьма близко напоминающая распространенный въ XVIII-мъ вѣкѣ жанръ литературно-поучительныхъ сборниковъ, разныхъ *Esprits*, *Dictionnaires, Abrégés*. Подобный очень пространный сборникъ, основанный исключительно на драматической литературѣ, вышелъ въ Парижѣ въ 1767 году подъ заглавіемъ *Esprit des tragédies et tragicomédies, qui ont paru depuis 1630 jusqu'en 1761*. Здѣсь такія, напримѣръ, рубрики: *Nature*, *Religion*, *Liberté*, *Prince*. У Фонтэна—рубрики приспособлены къ предметамъ философіи XVIII-го вѣка: въ этомъ существенная разница между хрестоматіей прошлаго вѣка и брошюрой современнаго автора. Очевидно, — такого сорта работы не могутъ давать даже приблизительнаго представленія о *пропагандѣ* идей путемъ сцены.

[20] *O. c.* II, 85 заявилъ, что „практика" Мерсье уступаетъ его „теоріи", Люка замѣчаетъ: „Cependant il y a de l'intérêt dans sa *Brouette du Vinaigrier*. Ce brave homme dont le tonneau est la cassette, et qui fait le bonheur de son fils avec l'or que sa pieuse avarice a ramassé, offre un caractère original. L'emphase a nui aux drames de Mercier".

[21] Ed. Versailles, 1878.

Изъ всѣхъ предыдущихъ замѣчаній выясняется цѣль предлагаемаго труда. Онъ долженъ прежде всего установить общіе характерные черты просвѣтительной философіи, опредѣлить ея мѣсто въ культурномъ развитіи человѣчества, теоретическое и практическое отношеніе самихъ философовъ къ своему дѣлу. Одновременно съ рѣшеніемъ этихъ вопросовъ должна выясниться исключительная роль театра въ философской пропагандѣ. Представится, слѣдовательно, необходимость разобрать новый жанръ литературы, явившейся въ XVIII-мъ вѣкѣ, — съ точки зрѣнія философскихъ принциповъ, охарактеризовать общественное положеніе театра въ философскую эпоху и воспроизвести культурную физіономію публики. Необходимымъ дополненіямъ къ этимъ даннымъ должна явиться исторія философской борьбы на сценѣ,—борьбы, раскрывшей во всей полнотѣ и общественно-просвѣтительную роль театра и положеніе философовъ—въ современномъ государствѣ и обществѣ. Эта часть книги будетъ касаться *путей*, какими шла философская пропаганда,—и въ частности попытается представить въ должномъ свѣтѣ—одинъ изъ этихъ путей, не оцѣненный до сихъ поръ исторической литературой,—театральную сцену. Предметъ второй части подробный разборъ *средствъ*, какими пользовалась пропаганда на этомъ пути,—выясненіе философскаго содержанія произведеній, принадлежащихъ къ различнымъ жанрамъ драматической литературы.

Матерьяломъ здѣсь должны служить наравнѣ съ извѣстными произведеніями до сихъ поръ популярныхъ авторовъ—пьесы и брошюры, совершенно забытыя въ наше время, но имѣвшія значеніе въ философской пропагандѣ, часто вызывавшія искренніе восторги друзей новой мысли и энергическія мѣры ея враговъ. Мы поэтому признали необходимымъ самостоятельно пересмотрѣть публицистическую и художественную литературу XVIII-го вѣка, относящуюся къ драмѣ и сценѣ, воспользоваться для этой цѣли указаніями *Корреспонденцій*, *Записокъ*, періодической печати, съ возможной полнотой отмѣчавшихъ факты литературной и об-

щественной жизни въ эпоху дѣятельности философовъ. Фактическія данныя этихъ источниковъ, отзывы и впечатлѣнія современниковъ всякій разъ мы провѣряли на литературныхъ произведеніяхъ, подлежавшихъ критикѣ. Этой провѣркѣ вполнѣ благопріятствовали богатыя хранилища литературы XVIII-го вѣка въ парижскихъ библіотекахъ.

Что касается программы нашего изслѣдованія, — она опредѣляется сама собой. Основной мотивъ драмы — *чувство* — долженъ былъ отразиться ближе всего на вопросахъ о *семьѣ*. Эти вопросы, въ свою очередь, при господствѣ сословныхъ привилегій и общественныхъ предразсудковъ надъ каждымъ шагомъ личности при старомъ порядкѣ, логически должны были поставить на очередь критику *общественныхъ отношеній*. Съ этими отношеніями и отчасти даже съ условіями семьи дореволюціоннаго общества тѣсно связаны принципы и практическая дѣятельность католическаго духовенства. Драматическій мотивъ, слѣдовательно, естественно распространяется на *реформу религіи и церкви*. *Политическій вопросъ* является послѣднимъ звеномъ просвѣтительнаго движенія. Мы увидимъ, что онъ также въ сильной степени подчинился направленію современной художественной литературы — чувствительному и буржуазному и извѣстные идеалы въ политической области складывались независимо отъ теоретическихъ принциповъ — но въ полномъ согласіи съ ними. Широкая популярность идей и настроеній, проникавшихъ въ общество путемъ драмы и сцены, неизбѣжно ставитъ вопросъ, какихъ результатовъ достигла философская пропаганда къ концу вѣка? Отвѣтъ дается въ подлинныхъ документахъ, съ возможной полнотой отразившихъ воззрѣнія французской націи наканунѣ революціи — по всѣмъ вопросамъ, затронутымъ просвѣтительной литературой. Въ виду этого — ссылки на *cahiers* являются необходимыми иллюстраціями успѣховъ философской пропаганды.

Въ результатѣ, смѣемъ надѣяться, — работа, выполненная по этой программѣ, должна внести новыя данныя въ исторію преобразовательныхъ идей прошлаго вѣка, освѣ-

тить болѣе яркимъ свѣтомъ культурные источники, питавшіе подданныхъ старой французской монархіи, открыть во всей дѣйствительной широтѣ предѣлы философскихъ вліяній,— и этимъ самымъ привести въ болѣе тѣсную связь учителей — мыслителей, подготовлявшихъ реформу стараго общества и государства, съ учениками—дѣятелями, осуществлявшими эту реформу.

Философія XVIII-го вѣка.

I.

Ни одинъ изъ французскихъ королей при вступленіи на престолъ не былъ встрѣченъ съ такимъ энтузіазмомъ, какъ Людовикъ XVI. Столица и провинція наперерывъ стремились заявить вѣрноподданическую горячую преданность новому государю, вѣру въ наступающіе лучшіе дни Франціи и удивленіе предъ нравственными совершенствами ея юнаго вождя. На статуѣ Генриха IV въ Парижѣ появилась надпись *Resurrexit* Это было величайшей политической похвалой Людовику—одинаково въ устахъ простыхъ гражданъ и большинства представителей современной философской мысли. Въ народныхъ пѣсняхъ воспѣвались отеческія чувства новаго государя къ подданнымъ. Провинція рукоплескала аллегорической драмѣ, изображавшей гибель всѣхъ частныхъ и общественныхъ пороковъ предъ лицомъ добродѣтельнаго и гуманнаго монарха. Генрихъ IV, одинъ изъ героевъ піесы, восклицалъ: «Слава Богу! У французовъ есть, наконецъ король!»... [1].

Во время царствованія Людовика эти восторги разгорались по временамъ съ новой силой—по поводу того или другого событія въ жизни короля. За семь съ половиной лѣтъ до собранія Генеральныхъ Штатовъ—парижане привѣтствовали оваціями

[1] *Memoires secrets,* 1 oct. 1774—приведена одна изъ такихъ пѣсенъ. ВъРеннѣ 28 янв. 1775 шла на сценѣ піеса *Le couronnement d'un roi.* Генрихъ IV: „Vive Dieu! Les Français ont donc un roi!“—*Corrispondance littéraire.* (Grimm). X, 425.—Намъ еще придется встрѣтиться съ этой эпохой.

рожденіе дофина: въ столичныхъ театрахъ, по выраженію современника происходилъ «праздникъ чувства» (la fête du sentiment) [2]. Съ теченіемъ времени «праздники» становятся рѣже по мѣрѣ того, какъ у народа ростетъ разочарованіе въ новомъ правительствѣ, и тотъ же Людовикъ требуетъ отъ цензуры особенно внимательнаго отношенія ко всякому слову въ современной литературѣ, какое можно принять за намекъ на жизнь и личность короля или королевы [3].

Но эти недоразумѣнія между государемъ и подданными готовились, повидимому, совершенно исчезнуть въ самый моментъ наступленія великаго переворота. Наканунѣ собранія народныхъ представителей король велъ съ народомъ дѣйствительно отеческія, даже чувствительныя бесѣды. Лѣтомъ въ 1788 году Людовикъ XVI заявлялъ духовенству, что среди Генеральныхъ Штатовъ онъ намѣренъ навсегда обезпечить свободу и счастіе своихъ народовъ, докончить дѣло возрожденія королевства и установленія порядка во всѣхъ его ластяхъ [4]. Въ приговорѣ государственнаго совѣта отъ 5 іюля того же года читаемъ о желаніи короля—Генеральные Штаты превратить въ большую семью, имѣющую во главѣ общаго отца [5].

Эти рѣчи произвели сильное впечатлѣніе на всѣ сословія Франціи. Избиратели безпрестанно ссылаются на то и другое заявленіе короля и кладутъ ихъ въ основу своихъ предложеній и ходатайствъ. По всей Франціи совершается на этотъ разъ настоящій «праздникъ чувства»,—свидѣтельствуемый не кликами и рукоплесканіями, а оффиціальными документами. Начиная съ принцевъ крови, всѣ французы стремятся гово-

---

[2] Mouhy: *Abregé de l'histoire du théatre français*. Paris. 1780, IV, 135.

[3] Victor Hallays Dabot: *Histoire de la censure théâtrale en France*, Paris. 1862. p. 124.

[4] *Réponse du roi aux remontrances du clergé, du 15 juin 1788. Archives parlementaires* I, 385.

[5] *Arrêt du Conseil d'Etat du roi consernant la convocation des Etats généraux du royaume, 5 jullet 1788*. Chassin. *Les élections et les cahiers de* Paris en 1789. I, 9.

рить съ государемъ — «языкомъ чувства». Избиратели «посвящаютъ первыя движенія своего сердца живой признательности, которою они проникнуты по отношенію къ безпримѣрному патріотизму августѣйшаго самодержца. Онъ,—не довольствуясь слишкомъ обычнымъ титуломъ *Отца отечества*, желаетъ заслужить другой гораздо болѣе рѣдкій,—титулъ Возродителя націи (Regenerateur de la nation) [6]. Избиратели увѣряютъ, что сильнѣйшее желаніе ихъ сердца видѣть—полное единеніе и согласіе всѣхъ сословій вокругъ своего короля, какъ отца семьи [7]. Такъ говорятъ въ окрестностяхъ Парижа. Въ глубинѣ Франціи тѣ же чувства еще стремительнѣе.

Людовика XVI здѣсь считаютъ не только отцомъ подданныхъ: онъ образецъ для всѣхъ владыкъ. Доброта сердца признается основной его добродѣтелью. Избиратели свои наказы заканчиваютъ молитвой къ вѣчной справедливости, чтобы она служила защитой справедливѣйшему изъ государей [8].

Чувства стремятся перейдти въ дѣло. Избиратели желаютъ почтить короля какимъ-нибудь исключительнымъ прозвищемъ и особенно величественнымъ монументомъ. Третье сословіе Парижа требуетъ, чтобы въ честь Людовика XVI былъ воздвигнутъ великолѣпнѣйшій памятникъ, какой когда-либо Франція посвящала славѣ своихъ королей [9]. Третье сословіе Ліона присоединяется къ этому требованію и предлагаетъ надпись для памятника: *Людовику XVI, Возстановителю свободы и правъ націи* [10]. Одно изъ приходскихъ собраній Парижа и нѣкоторыя провинціальныя предлагаютъ воздвигнуть этотъ памят-

---

[6] *Mémoire présenté au roi par* monseigneur *comte d'Artois etc..:* „Les princes soussignés se plaisent à parler à Votre Majesté le langage du sentiment“. *Archives.* I, 489. Chassin: *Les élections* IV, 168; *Cahier de Meudon.*

[7] *Cahier de la paroisse d'Essonnes*, *Archives Parlementaires* IV, 531. Для поясненія мысли Cahier ссылается даже на басню Лафонтэна *Le Père de famille et ses enfants.*

[8] *Cahier et instructions du tiers-état du baillage rogale de Casset.* Archives *V, 643—6.*

[9] Chassin: *Les élections* IV, 457.

[10] *Archives* III, 618.

никъ на развалинахъ Бастиліи, очевидно, — въ полной увѣренности, что король ничего не будетъ имѣть противъ одного изъ центральныхъ актовъ революціи [11] Третье сословіе Руана, именуя Людовика «отцомъ отечества», проэктируетъ для него памятникъ, непремѣнно превосходящій великолѣпіемъ всѣ другіе монументы столицы, чтобы,—говорятъ избиратели,—«иностранцы и потомство могли понять важность событій, при которыхъ воздвигнутъ памятникъ, и силу чувствъ, (l'énergie des sentiments), вызвавшихъ таковое рѣшеніе» [12].

Сопоставленіе Людовика съ Генрихомъ IV, столь популярное въ началѣ царствованія и едва совершенно не забытое съ теченіемъ времени, теперь снова появляется на устахъ избирателей. Поселяне изъ окрестностей Парижа хотѣли бы видѣть монументъ Людовика XVI по сосѣдству съ памятникомъ Генриха IV, потому что оба эти короля живутъ рядомъ въ сердцахъ французовъ [13]. Другіе не удовлетворяются однимъ памятникомъ: статуи во славу Людовика XVI должны быть воздвигнуты по всему государству, даже въ деревняхъ. Если же у какой деревни не достанетъ средствъ, то посадить дерево и дать ему имя Людовика. У этихъ статуй или деревьевъ должна храниться хартія свободы, возстановленной этимъ королемъ. Её будутъ читать по крайней мѣрѣ одинъ разъ въ годъ по всѣмъ городамъ и деревнямъ—при кликахъ народа [14].

Избиратели обнаруживаютъ большую изобрѣтательность по части прозвищъ, какими долженъ быть почтенъ Людовикъ. Самое простое предложено дворянствомъ: Людовикъ *Французскій*—«въ ознаменованіе всего, чѣмъ Франція обязана этому великодушному государю» [15]. Другія сословія чаще всего

[11] *Archives*, V 312; *Cahier des instructions et pouvoirs, que donnent les trois ordres des baillages de Montfort—l'Amaury et de Dreux. Archives* IV, 40. *Cahier de la Communauté des Grand et Petit Charonne, Fontarable et Dépendances* IV, 410.

[12] *Archives*, V, 602.

[13] *Cahier des habitants de la paroisse de Triel. Archives* V, 147.

[14] *Cahier de la paroisse de Fosses*, *Archives*, IV, 565.

[15] *Cahier de l'ordre de la noblesse des baillages de Mantes et de Menlan*. Archives III, 661.

предлагаютъ — *Благодѣтель Bienfaisant* и *Отецъ отечества.* Одинъ приходъ въ окрестностяхъ Парижа додумывается даже до эпитета — *Соревнователь Карла Великаго—Emulateur de Charlemagne.* Избиратели находятъ, что Людовикъ идетъ именно по слѣдамъ Карла Великаго, стремится къ счастью своихъ народовъ и, несомнѣнно, затмитъ всѣхъ промежуточныхъ государей (eclipsera tous les princes intermédiaires). Даже если ему не удастся выполнить своихъ намѣреній, онъ все равно заслужилъ безсмертіе уже тѣмъ, что питалъ именно такія намѣренія [16].

Почести, предназначаемыя государю, раздѣляетъ его министръ. Въ Парижѣ требуютъ памятника и для Неккера, наряду съ Людовикомъ, и прозвища для него—*Возстановитель Франціи* или *Добрый министръ.* Послѣднее предлагается въ виду укоризны по адресу дурныхъ совѣтниковъ въ родѣ Калонна, Ламуаньона [17]. Провинціальное третье сословіе гораздо щедрѣе: оно предлагаетъ поднести Неккеру три гражданскихъ вѣнка и проситъ его величество—о разрѣшеніи присоединить эти вѣнки къ гербу *министра—гражданина* [18].

Такимъ образомъ обращеніе Людовика XVI къ патріотическому чувству подданныхъ оправдалось въ достаточной степени. Наказы всѣхъ сословій говорили въ тонъ его отеческимъ заявленіямъ и нерѣдко восторженно свидѣтельствовали о признательности и довѣріи народа.

Но въ обращеніи правительства, помимо чувствительной декламаціи, была другая несравненно болѣе серьезная сторона вопроса. Довѣрчивость правительства, даже и искренняя, основывалась не столько на добромъ расположеніи, сколько на невѣдѣніи. При дворѣ и въ министерствѣ весьма плохо знали тѣхъ людей, къ которымъ обращали теперь необычныя воззванія. Фразы объ отеческихъ чувствахъ власти

---

[16] *Cahier des habitants de la paroisse et baronne de Ballainvilliers Archives* IV, 336.

[17] Chassin: *Les élections* III, 186; IV, 411.

[18] *Cahier du tier-état de la province du Maine. Archives.* III, 651.

къ народу, о взаимномъ довѣріи и трогательномъ согласіи неизбѣжно должны были вызвать соотвѣтствующій отголосокъ у всѣхъ сословій королевства. Мы увидимъ ниже, до какой степени чувствительность была въ ходу въ XVIII вѣкѣ: не даромъ авторъ любопытнаго *Наказа четвертаго согласія* (Cahiers du quatrième ordre) счелъ нужнымъ сослаться на «національную чувствительность» — *la sensibilité nationale* и за нѣсколько лѣтъ до революціи Неккеръ въ полуаффиціальномъ трактатѣ именовалъ французовъ—*чувствительнымъ народомъ* [19].—Эта чувствительность несомнѣнно, въ сильной степени подогрѣла лирическія тирады наказовъ. Въ теченіе десятковъ лѣтъ её воспитывала художественная и даже политическая литература.—Послѣ того какъ драматурги и философы твердили, что идеальный человѣкъ—существо чувствительное—*l'être sensible*,—въ концѣ вѣка для аббата высшей похвалой католицизма, будетъ *la religion sensible* [20]. Чувствомъ и чувствительностью крайне злоупотребляли въ вѣкъ Руссо:—мы въ этомъ убѣдимся, излагая происхожденіе новой драмы. Примѣры этого злоупотребленія,—между прочимъ изліянія французскихъ избирателей наканунѣ революціи. Въ основѣ патріотическихъ восторговъ, несомнѣнно, лежало правдивое традиціонное отношеніе французскаго народа къ своимъ монархамъ. Но оно слишкомъ часто далеко уступало формѣ въ какой его выражали и, кромѣ того, уживалось рядомъ съ совершенно инымъ настроеніемъ.

Это настроеніе обнаружилось также по поводу королевскихъ заявленій, но на этотъ разъ фактъ явился полной неожиданностью для правительства, по крайней мѣрѣ — со стороны большинства избирателей. Королю угодно было, чтобы «обыватели захолустныхъ и почти неизвѣстныхъ мѣст-

---

[19] Chassin. *Les élections* II, 584. *De l'administration des finances de la France*. 1784, I—*Introduction* p. CLVIII.

[20] *Principes généraux de la réligion nationale*, par l'abbée Fauchet. Chassin. *Les élections*. IV, 413.

ностей» непремѣнно заявили ему свои желанья и жалобы [21]. Можно думать, что именно на «желанія» захолустій правительство особенно и разсчитывало. Ему было отлично извѣстно броженіе политической и общественной мысли среди третьяго городскаго сословія и даже среди высшихъ классовъ. Отъ представителей этой части населенія можно было ожидать немало затрудненій. Не то—крестьяне, которымъ невѣдомы никакія новыя идеи. Такъ думало правительство и разсчитывало волей людей, не умѣвшихъ, по его разсчету, даже читать,—парализировать мятежные замыслы другихъ избирателей [22].

Въ надеждѣ на вѣковую косность и невѣжество «почти неизвѣстныхъ мѣстностей» правительство упорно твердило о «старыхъ формахъ» собранія Генеральныхъ Штатовъ. Въ приговорѣ государственнаго совѣта отъ 5 іюля говорилось: король непремѣнно постарается «приблизиться къ формамъ издревле обычнымъ». Онъ даже обращался къ ученымъ и къ членамъ Академій—за помощью раскрыть хранителю печати данныя, касающіяся собранія Генеральныхъ Штатовъ и тогда его величество будетъ имѣть возможность опредѣлить въ точности, что̀ слѣдуетъ соблюдать при созывѣ народныхъ представителей и такимъ путемъ «создать собраніе — какъ слѣдуетъ—національное и правильное» [23]. Эта заботливость о соблюденіи *формъ*, несомнѣнно, жила рядомъ съ надеждой видѣть и въ *содержаніи* предстоящаго акта повтореніе старины.

Члены прежнихъ Генеральныхъ Штатовъ были въ подавляющемъ большинствѣ—челобитчиками. Они смиренно излагали свои просьбы и мольбы, ихъ *cahiers* не заключали въ себѣ

---

[21] *Reglement fait par le roi pour l'éxecution des lettres de convocation du 24 janvier 1789.* Archives. I, 544: „Sa Majesté a désiré que des extrémités de son royanme et des habitations les moins connues, chacun fut assuré de faire parvenir jusqu'a elle ses voeux et ses réclamations; Sa Majesté ne peut souvent atteindre que par son amour à cette partie de ses peuples..“

[22] Токвиль: *Старый порядокъ и революція.* Спб. 1861, кн. II, гл. XII. Ср. Chassin. *Le Genie de la révolution.* Paris. 1864, I, 102.

[23] Chassin: *Les élections* I, 9—11.

политическихъ теорій и требованій по праву. Правительство не могло ждать буквальнаго воспроизведенія старинныхъ челобитныхъ, но оно менѣе всего разсчитывало встрѣтить цѣлыя государственныя системы въ наказахъ, приходившихъ со всѣхъ концовъ страны. Король и его министры вдругъ очутились предъ лицомъ совершенно чужихъ людей, говорившихъ иначе и другимъ языкомъ, чѣмъ допускали *формы* и традиціонныя отношенія подданныхъ къ высшей власти. Если чувствительное расположеніе правительства было принято съ горячей признательностью,—его политическія соображенія на первыхъ же порахъ потерпѣли явную неудачу. Избиратели отвѣчали королю лирическими завѣреніями въ чувствахъ и здѣсь же принимались разсуждать о разныхъ вопросахъ и рѣшать ихъ въ такомъ смыслѣ, что завѣренія оставались только личной любезностью избирателей—частному лицу, носившему имя Людовика, а взгляды ихъ, какъ гражданъ Франціи, подрывали исконныя основы власти Людовика, какъ государя.

Король ссылался на историческія преданія и отъ знатоковъ старины ожидалъ разъясненія *формъ*. Его подданные въ политическихъ вопросахъ предпочитали другіе источники и если ссылались на писателей и историковъ, то вовсе не затѣмъ, чтобы въ концѣ XVIII вѣка воспроизвести съ возможной точностью исторію Генеральныхъ Штатовъ 1614 года.

Въ силу королевскаго обращенія—разсужденія по вопросамъ исторіи и политики могли теперь печататься безъ предварительной полицейской цензуры. Это обстоятельство немедленно вызвало множество брошюръ и подняло оживленную полемику. Но цѣль брошюръ и полемики оказалась другая, чѣмъ разумѣлось въ постановленіи Государственнаго Совѣта. Авторы, даже не выходя изъ предѣловъ французской исторіи, произносили смертный приговоръ существующему порядку. Одинъ, напримѣръ доказывалъ, что первый французскій король—Гуго Капетъ—узурпаторъ, и что французы рождены свободными, и только съ теченіемъ времени стали рабами. Доказательства сопровождались крайне нетерпимой рѣчью къ королю: «открой, наконецъ, глаза на то, чѣмъ ты обязанъ

покорному народу, которымъ ты управляешь, несчастный государь»... Другой убѣждалъ публику, что никто въ правительственныхъ сферахъ серьезно не желаетъ Генеральныхъ Штатовъ. Это видно изъ того, что король ссылается на старую форму ихъ. А эта форма въ 1614 году сдѣлала собраніе сословныхъ представителей совершенно безплоднымъ [24].

Такія рѣчи слышались въ столицѣ и отъ людей, стоявшихъ, вѣроятно, въ первыхъ рядахъ современной образованности. Но тоже самое министры должны были прочесть въ наказахъ, представленныхъ всѣми тремя сословіями изъ провинціальныхъ культурныхъ центровъ и далекихъ захолустій. Оказывалось, вездѣ и у всѣхъ на очереди стоятъ другіе авторитеты и другія идеи, невѣдомыя въ эпоху прежнихъ Генеральныхъ Штатовъ.

Первое мѣсто въ старомъ порядкѣ занимало консервативнѣйшее сословіе — духовенство. Оно имѣло всѣ поводы держаться за формы и основы, завѣщанныя исторіей, — по крайней мѣрѣ — въ области его исключительнаго вѣдѣнія.

Отдѣльныя лица среди духовенства заклинаютъ націю — *la Nation assemblée* «утвердить основы общественнаго блага на *природѣ* и *разумѣ*» [25]. Этотъ фактъ не представляетъ еще ничего поразительнаго: такихъ единицъ философски мыслившихъ было не мало среди привилегированныхъ сословій, — и мы дальше познакомимся съ направленіемъ и практическимъ смысломъ ихъ философіи. Но вопросъ принималъ другой оборотъ, когда цѣлыя группы духовенства начинали говорить языкомъ тѣхъ самыхъ сочиненій, которыя подвергались жестокому гоненію другихъ представителей церкви. Правда, языкъ этотъ не отличается смѣлостію и обиліемъ идей, — но невольно бросаются въ глаза слѣдующіе факты.

Духовенство, напримѣръ, возстаетъ противъ рабства черныхъ и ссылается при этомъ только одинъ разъ на христіанство, открывшее «истинное достоинство человѣка и его права

[24] Брошюра *Droits du peuple*. Chassin *Les élections* I, 12; 13.
[25] Аббатъ Fauchet. Chassin *Les élections* IV, 411.

на свободу» [26]. Въ другихъ случаяхъ основаніями освободить негровъ—являются *религія* и *гуманность*, [27] или только *гуманность* [28]. Духовенство метцскаго бальяжа рабство негровъ считаетъ противнымъ «естественному закону и всѣмъ законамъ гуманности» [29]. Еще любопытнѣе ссылка духовнаго наказа на сочиненіе Монтескье и оцѣнка свободы, какъ «неотчуждаемаго права человѣческой природы»— *un droit inaliénable de la nature humaine* [30].

Можно не придавать особенной силы выраженію *humanité*. Въ XVIII вѣкѣ это слово употреблялось въ томъ самомъ смыслѣ, въ какомъ употребляетъ его мольеровскій Донъ Жуанъ, подавая нищему луидоръ: «Je te le donne pour l'amour de l'humanité» [31]. Никакого философскаго значенія здѣсь *humanité* не имѣетъ. Мы можемъ указать на одинъ изъ парижскихъ наказовъ, опредѣляющій смыслъ этого слова. Рядъ статей носитъ общее заглавіе: *Religion, clergé et humanité* и одна изъ статей трактуетъ о призрѣніи бѣдныхъ [32]. Этимъ фактомъ устраняются споры на счетъ Мольеровскаго выраженія, но совершенно иначе стоялъ вопросъ въ XVIII вѣкѣ. Мы увидимъ, съ какой жестокостью враги философіи попадали не только на ея идеи, но и на термины. *Humanité*—было однимъ изъ самыхъ ненавистныхъ и служило пунктомъ обвиненія противъ Вольтера и его учениковъ. Духовенство шло во главѣ всѣхъ противниковъ философіи и не могло, конечно, равнодушно относиться къ ея излюбленнымъ орудіямъ. Въ духовныхъ наказахъ мы встрѣчаемъ популярнѣйшія выраженія философовъ—*la loi naturelle, les lois de l'humanité*, а планъ

---

26 *Archives*. III, 736. *Cahier de l'ordre du clergé des baillages de Melun et Moret.*

27 *Cahier du clérgé séculier et regulier de la province de Forez. Archives* III, 383; *Cahier du clérgé de Paris intra muros.* Archives. V, 266.

28 *Archives* III, 659. *Cahier du clergé des baillages de Mancs et Meulun.*

29 *Archives* III, 760.

30 *Cahier du clergé de Peronne, Montdidier et Roye.* Archives III, 347.

31 *Don Juan* III, 2.

32 Chassin. *Les élections* II, 281.

реформъ, представленный «нѣсколькими церковниками парижскаго превотства и виконтства», прибавляетъ къ этому—*природу* и *разумъ*. Вступленіе гласитъ о правахъ, дарованныхъ человѣку этими двумя силами [33]. Никакихъ ссылокъ на религіозное ученіе нѣтъ, между тѣмъ какъ цитата изъ книги Монтескьё приводится по вопросу объ отмѣнѣ рабства. Ясно, — *humanité* принадлежитъ къ той же области философскихъ отголосковъ. Это не простое состраданіе и милосердіе, а космополитическая любовь къ людямъ. Духовенство требуетъ свободы негровъ не во имя добраго чувства къ несчастнымъ, а во имя *естественныхъ правъ* человѣка. Говоря о *неотчуждаемомъ правѣ на свободу*, авторы наказа могли бы припомнить тождественное выраженіе *Contrat social*—Руссо [34].

Въ результатѣ, для насъ несомнѣнно проникновеніе въ среду духовенства, столичнаго и провинціальнаго — идей и понятій, совершенно не принимавшихся въ разсчетъ правительственной властью. Наказы, говорившіе о *разумѣ* и *природѣ*, очевидно, имѣли въ виду нѣчто другое помимо историческихъ преданій и документальныхъ источниковъ. Авторитеты, пустившіе въ ходъ эти представленія, менѣе всего могли бы удовлетворить запросамъ правительства относительно организаціи Генеральныхъ Штатовъ и программы ихъ дѣйствій—на основахъ вѣковаго обычая.

Второе привилегированное сословіе—дворянство—высказывало оригинальныя желанія еще энергичнѣе. Парижская знать проэктъ *Конституціи* открываетъ такимъ заявленіемъ: «Депутаты прежде всего потребуютъ ясной деклараціи правъ, которыя принадлежатъ всѣмъ людямъ» [35]. Что разумѣлось подъ этими правами, отчасти выражало самое заглавіе дворянскаго наказа: *Cahier des citoyens nobles de Paris. Citoyen*—слово новаго происхожденія, вошедшее въ моду ко второй

---

[33] Chassin. *Les élections* IV, 34.

[34] Liv. I, 4.

[35] Chassin. *Les élections. Cahier des citoyens nobles de la ville de Paris.* Constitution. III, 321.

половинѣ столѣтія. [36]. Парижанинъ—третьяго сословія объясняетъ современное значеніе слова въ краткихъ и энергическихъ словахъ: «мы были подданные... теперь мы граждане». [37]. Очевидно, такое же противоположеніе жило въ умахъ благородныхъ избирателей, которые предпочли вмѣсто обычнаго *la noblesse*—написать *les citoyens nobles*. Провинціальное дворянство требуетъ освобожденія негровъ на основаніи «священныхъ правъ человѣчности» — *les droits sacrés de l'humanité*. [38] Парижская знать вспоминаетъ подвигъ, совершенный во имя этихъ правъ вождемъ философовъ: оно требуетъ полнаго возстановленія памяти Лабарра. [39]. Находятся отдѣльныя личности среди высшаго дворянства, еще послѣдовательнѣе выполняющія завѣты великаго просвѣтителя. Маркизъ Вилльe, ученикъ Вольтера, во время выборовъ усердно агитируетъ за уничтоженіе феодальнаго рабства во Франціи и свободу негровъ въ колоніяхъ. Несчастные горцы Юры, едва ли не болѣе всѣхъ страдавшіе отъ вассальнаго ига, нашли въ лицѣ благороднаго маркиза неутомимаго защитника. [40].

Всѣ эти данныя новыхъ вѣяній, какъ бы ни были онѣ драгоцѣнны, являются среди первыхъ двухъ сословій оазисами. Можетъ-быть, личныя либеральныя рѣчи и модныя слова произносились не всегда съ полнымъ пониманіемъ ихъ важности и практическихъ слѣдствій. Мы не разъ будемъ

---

[36] Тэнъ думаетъ, что—одновременно съ трактатами Руссо это не вполнѣ точно. *Contrat Social* вышелъ въ 1762 году, а годомъ раньше публика восторженно привѣтствовала слѣдующій стихъ въ комедіи Фавара *Soliman Second:* „Tout citoyen est roi sous un roi citoyen“ (II p. 3). Ниже мы увидимъ, что *citoyen* встрѣчалось въ литературѣ еще въ сороковыхъ годахъ XVIII вѣка и для своей популярности не нуждалось въ сочиненіяхъ Руссо.

[37] Extrait du discours de. A. L. Millin de Grandmaison. Chassin. *Les élections* II, 398: „Nous étions des sujets Aujourd'hui nous sommes des citoyens“.

[38] *Cahier de la noblesse de la province du Thimorais. Archives.* II, 643.

[39] *Cahier. Justice.* Chassin. *Les élections* III, 327.

[40] Брошюры: *Prostestation d'un serf du Mont—Jura, Lettre à Necker.* Chassin. *Le génie de la révolution* I, 160, rem.

имѣть случай убѣдиться, какъ поверхностны и неискренни были идеальныя увлеченія привилегированныхъ. Факты докажутъ справедливость замѣчанія историка: роковыя слова *droits naturels* были на устахъ у всѣхъ и ихъ произносилъ кто угодно,—буржуа, родовитый эгоистъ, удерживавшій за собой всѣ свои беззаконныя преимущества или духовное лицо, ставившее свою догму выше свободы и бенефицію выше отечества. [41]. Это соображеніе мы всегда должны имѣть въ виду, когда дѣло идетъ о либерализмѣ первыхъ двухъ сословій. Но, несомнѣнно, имѣетъ значеніе уже тотъ фактъ, что мода признавала людей съ *естественными правами*, а не одну *canaille miserable*—тамъ, гдѣ болѣе милліона французовъ томилось въ вѣковомъ рабствѣ. Очевидно, нашлась сила, поколебавшая даже аристократическую исключительность и привилегированный эгоизмъ.

Третьему сословію не представлялось необходимости—ни лицемѣрить, ни праздно декламировать. Еще до собранія Генеральныхъ Штатовъ въ Дофинэ разыгралась настоящая прелюдія революціи. Она имѣла цѣлью побудить короля созвать представителей народа и отказаться отъ такихъ насильственныхъ нововведеній, какимъ явилась *Cour plenière*—ровно за годъ до Генеральныхъ Штатовъ. Всѣ три сословія Дофинэ возстали противъ произвола центральной власти и объявили самодержавіе народа. Въ результатѣ ненавистная корпорація была уничтожена и воля сословій осуществлена.

Любопытно, какъ отразились эти событія за предѣлами Дофинэ.

Въ одну изъ парижскихъ петицій, возникшую по поводу выборовъ, вставлена восторженная похвала сословіямъ мятежной провинціи. Поступокъ ихъ признается образцомъ для всей Франціи. «Отдадимъ честь истинѣ; воздадимъ славу тѣмъ, кому она надлежитъ. Три сословія Дофинэ во всемъ, что̀ они сдѣлали, во всемъ, что они сказали, во всемъ что они написали,—представили величайшіе примѣры мудрости, про-

[41] Chassin. Ib. p. 174.

свѣщенія, патріотизма и энергіи, — примѣры, какіе только можетъ подать народъ. Образуя свои провинціальныя штаты, они одновременно преподали урокъ, представили образецъ, и вызвали спасительное движеніе въ умахъ и сердцахъ французовъ. Каждая провинція должна благословлять ихъ и подражать имъ. Съ чувствомъ живѣйшаго удовольствія, чистѣйшей радости, безграничной признательности,—мы пользуемся случаемъ—принести должную дань похвалы нашимъ соотечественникомъ въ Дофинэ. Пусть же мы въ свою очередь удостоимся отъ нихъ такихъ же похвалъ!» [42].

Парижане говорятъ о *всѣхъ трехъ сословіяхъ* Дофинэ и называютъ всѣ ихъ вмѣстѣ народомъ. Очевидно, ночь 4-го августа была предвосхищена въ этой провинціи: въ петиціи гренобльскихъ гражданъ къ королю говорилось о «братскомъ согласіи всѣхъ классовъ», а протоколъ провинціальнаго собранія, избиравшаго депутатовъ въ Генеральные Штаты исполненъ демократическаго духа. [43]. Число представителей третьяго сословія должно быть равно числу представителей первыхъ двухъ, взятыхъ вмѣстѣ, причемъ голосованіе—поголовное. Этими постановленіями обезпечивался успѣхъ ходатайствамъ гренобльскихъ и вьенскихъ горожанъ за сельское населеніе [44].

[42] *Petition des citoyens domiciliés à Paris.* Chassin. *Les élections* I, 35. Петиція гренобльскихъ гражданъ—*Archives* I, 534—5. Петиція между прочимъ, одинъ изъ оригинальнѣйшихъ примѣровъ—чувствительныхъ изліяній, перемѣшанныхъ съ настоятельными совершенно революціонными заявленіями о „правахъ, нераздѣльныхъ съ званіемъ человѣка и гражданина".

[43] *Extrait du procès—verbal des Etats de la province de Dauphiné Archives* III, 80.

[44] *Cahier de la ville de Vienne.* Въ главахъ *D'elagriculture et du commerce* и *Du clergé* картинно изображается печальная участь земледѣльца, угнетаемаго сеньёромъ сборщикомъ податей и духовенствомъ. *Archives* III, 84—5. Гренобльскіе граждане восклицаютъ: „Que ne pouvons nous mettre sous les yeux de Votre Majesté le tableau de la classe la plus nombreuse de cette province, accablée de misère et de malheurs... Дальше выражается готовность пожертвовать всѣми привилегіями—мѣстными и сословными—„для блага націи".

Послѣдній фактъ заслуживаетъ особеннаго вниманія. Въ Дофинэ руководящая роль, по всей видимости, досталась на долю городской демократіи и эга демократія не замедлила вспомнить о безпомощныхъ жертвахъ феодализма—земледѣльцахъ. Парижскіе буржуа несомнѣнно увлеклись прежде всего гражданскимъ мужествомъ дофинэсцевъ, съ такой гордостью именовавшихъ себя *гражданами*. Но на парижанъ должны были повліять также гуманныя идеи доблестныхъ провинціаловъ относительно низшихъ слоевъ трудоваго населенія.

Въ Парижѣ знаютъ два разряда горожанъ—*народъ* и *привилегированные*, различія но сословіямъ должны быть уничтожены. [45]. Основной признакъ третьяго сословія—его сочувствіе народу. Поэтому, одинъ изъ самыхъ видныхъ парижскихъ ораторовъ, выдѣляетъ изъ третьяго сословія *Haut Tiers*, которое питаетъ къ народу даже еще болѣе глубокое презрѣніе, чѣмъ знать. [46]. Другой парижскій политикъ додумывается до установленія *четвертаго сословія—священнаго сословія несчастныхъ*, полагая что и само гражданское общество образовалось преимущественно въ интересахъ бѣдныхъ и слабыхъ. [47].

Въ наказахъ третьяго сословія предъ нами являются въ ясныхъ и точныхъ формахъ идеи, мелькавшія часто только въ видѣ намековъ у первыхъ сословій. Въ наказѣ вьенскихъ жителей не упоминается именъ писателей, но мы безошибочно можемъ открыть буквальныя заимствованія изъ сочиненія Монтескье. Въ главѣ *Des lois et des tribunaux*—плодотворность какой бы то ни было политической конституціи обусловливается тѣсной связью гражданскихъ и уголовныхъ законовъ и судебныхъ учрежденій съ политическими принципами. Это ничто иное, какъ повтореніе пятой и

---

[45] *L'Assemblée des trois ordres*. Chassin. *Les élections*. III, 212.

[46] *Motion de J. P. Brissot de Warville*. Chassin. *Les élections* II, 402.

[47] *Cahiers du quatrième ordre*. Chassin Ib, II, 584.

и шестой книги *Духа законовъ* [48]. Еще болѣе важное совпаденіе въ главѣ *Des lois constitutionnelles.* Горожане въ Дофинэ либеральны и крайне озабочены личной и политической свободой гражданина. Но они должны примириться съ абсолютизмомъ,—потому что онъ необходимъ для большаго государства. Лишь только свобода націи будетъ обезпечена, власть короля должна стать по возможности абсолютной: «que la liberté de la nation soit inviolable; et après le grand interêt assuré, la puissance du Roi rendue aussi absolue qu'il est possible, et qu'il est nécessaire au gouvernement du grand empire». Эти слова буквальное повтореніе слѣдующей фразы Монтескьё: «un grand empire suppose une autorité despotique dans celui qui gouverne» [49].

Можно подумать, — свободолюбивые дофинэсцы поступились своими гражданскими чувствами именно въ виду авторитета Монтескьё и предоставили разрѣшить народнымъ представителямъ довольно затруднительную дилемму.

Парижскіе горожане и въ этомъ случаѣ не отстанутъ отъ вьенцевъ. Настаивая на смягченіи уголовныхъ наказаній, они весьма точно передадутъ разсужденіе Монтескьё о томъ же предметѣ. Они вслѣдъ за нимъ укажутъ на связь гуманныхъ законовъ съ политической свободой, опишутъ тлетворное вліяніе жестокихъ наказаній на душу и нравы гражданъ.

Въ главѣ *Legislation en matière criminelle* того же парижскаго наказа находится разсужденіе о присягѣ обвиняемыхъ. Она рѣшительно отвергается, какъ «противная естественному человѣческому чувству самосохраненія, какъ насиліе надъ

---

[48] Книги V и VI носятъ названія: *Des lois que le legislateur donne doivent être relatives au principe du gouvernement* и *Conséquences des principes des gouvernements par rapport à la simplicité des lois civiles et criminelles, la forme des jugements et étahlissement des peines.* Въ *Cahier* говорится: „La Constitution serait infructueuse pour les peuples, si les lois civiles et criminelles n'en descendaient comme de leur principe et si les tribunaux n'étaient rendus conformes à ce nouvel ordre des choses“. *Archives* III, 84.

[49] *De l'esprit des lois,* Liv. VIII.

человѣческой природой». Это разсужденіе совершенно точно воспроизводитъ мнѣнія Беккаріи о томъ же предметѣ [50].

Избиратели не называютъ источниковъ потому, что увѣрены въ ихъ широкой популярности. Иногда они только упоминаютъ о новыхъ принципахъ правосудія и немедленно переходятъ къ частнымъ реформамъ, потому что принципы достаточно выяснены литературой [51].

Монтескьё не единственный вдохновитель избирателей. Онъ долженъ или дѣлить эту честь съ Руссо или уступать мѣсто ему одному. Вліянія того и другаго писателя сказались въ одной изъ парижскихъ конституцій. Во главѣ стоитъ принципъ: *tous les hommes sont né libres et égaux en droits*, потомъ идетъ разсужденіе объ учредительной власти—*le pouvoir constituant*—т.-е. націи—объясняетъ авторъ, другія—власти учрежденныя—*les pouvoirs constitués*. До сихъ поръ—*Contrat social*. Дальше

---

[50] *Cahier du tiers*. Chassin. *Les élections* III, 359, art. 3. *De l'esprit des lois*, l. VI: On augmentait les supplices à mésure qu'on manqnait de moeurs.—Il serait aisé de prouver que dans tous ou presque tous les Etats d'Europe les peines ont diminué ou augmenté à mésure qu'on s'est plus approché ou plus éloigné de la laberté.—Разбирая японскія законы, Монтескьё показываетъ до какой степени неумѣренныя наказанія ожесточаютъ сердца и развращаютъ нравы, особенно благодаря публичности. *Cahier:* La modération des lois pénales caractérise la douceur des moeurs et la liberté des gouvernements. L'observation a prouvé que l'extrême severité des peines a des effets directement contraires au but même de la loi; qu'elle tend à endurcir les âmes, et à rendre des moeurs cruelles en familiarisant l'imagination avec des spectacles atroces"... Беккарія былъ переведенъ Морлеи изданъ съ примѣчаніями Дидро. Въ этомъ переводѣ глава *Des sermens* гласитъ: C'est une contradiction entre les lois et les sentiments naturels de l'homme, que celle qui résulte de l'usage des sermens qu'on exige d'un accusé dont on veut faire un homme véridique, lorsqu'il a le plus grand intérêt à ne pas l'être..." (*Traité des délits et des peines*. Nouvelle édition, Paris, An V p. 42). *Cahier:* Le serment exigé des accusés, étant evidemment contraire au sentiment naturel qui attache l'homme à sa propre conservation n'est qu'une violence faite à la nature humaine, inutile pour découvrir la vérité, et propre seulement à affaiblir l'horreur du parjure". Chassin. *Ib.* III, 358.

[51] *Rémontrances du tiers—état du baillage de Nemours. Archives* IV, 160.

Esprit des lois: власти строго должны быть раздѣлены—законодательная, исполнительная и судебная. Они должны быть безусловно независимы другъ отъ друга и взаимно наблюдать другъ за другомъ [52].

Въ другихъ конституціяхъ и наказахъ духъ Руссо царитъ гораздо шире. Парижскій избиратель снабжаетъ націю основнымъ правомъ, указаннымъ въ *Общественномъ договорѣ*: основнымъ закономъ слѣдуетъ признать право націи—вручать исполнительную власть, кому нація заблагоразсудитъ [53]. Третье сословіе Парижа усвоиваетъ въ своемъ наказѣ термины женевскаго философа. Въ главѣ *Declaration des droits* читаемъ: «*La volonté generale* fait la loi; *la force publique* en assure l'execution» [54]. Иногда наказъ не только воспроизводитъ идеи Руссо, но даже написанъ въ стилѣ автора *Общественнаго договора*. Напримѣръ, упомянутый выше *Наказъ четвертаго сословія* содержитъ длинное разсужденіе, составленное изъ отрывковъ романа *Эмиль* и политическаго разсужденія того же автора. Въ романѣ вычитанъ восторженный панегирикъ народу, составляющему сущность и основу и цѣль всякаго политическаго союза [55]. Изъ *Общественнаго договора* взято представленіе о *pacte de societé*, договорномъ установленіи общества.

Теоретическія опредѣленія отдѣльныхъ понятій на каждомъ шагу. Выраженія *droits noturels*, *droits de la nature* особенно многочисленны въ наказахъ третьяго сословія. Парижскіе избиратели строго различаютъ три категоріи правъ—*естественныя*, *гражданскія* и *политическія*. Всѣ они должны быть включены въ національную партію и положены въ основу французскаго правительства. Съ такою же точностью опредѣляется свобода *естественная*, *гражданская* и *религіозная* [56]. Очевидно,

---

[52] *L'assemblée des trois ordres*. Chassin. *Les elections* III, 212—3. Ср. *Du contrat social* I, 1; 5. *De l'esprit des lois*, XI.

[53] *L'assemblée des trois ordres*. Chassin. Ib. III, 184. *Du contrat social* III, 3.

[54] Chassin. *Les élections* III, 334. *Du contrat social* I, 5 etc.

[55] *Emile*, livre quatrième, troisiéme maxime.

[56] Chassin. *Les élections* III, 335.

формулы политической математики Руссо стали общественнымъ достояніемъ въ столицѣ. Не менѣе развито пристрастіе къ теоріи и у провинціальныхъ избирателей.

Третье сословіе немурскаго бальяжа разсуждаетъ о цѣли установленія политическихъ обществъ, требуетъ объявленія «естественныхъ и соціальныхъ правъ человѣка и гражданина» настаиваетъ, чтобы эта декларація была внесена даже въ дѣтскіе учебники — «dans tous les livres destinés à l'education de la premiere enfance». — Во множествѣ городовъ, мѣстечекъ и приходовъ даютъ точное опредѣленіе свободы: она состоитъ въ правѣ человѣка свободно дѣлать все, что не вредитъ другимъ [57].

Нація, такъ близко освоившаяся съ современной политической литературой, имѣетъ право считать себя просвѣщенной. Просвѣщеніе является общимъ мотивомъ для гуманныхъ реформъ въ законодательствѣ, въ общественномъ и государственномъ порядкѣ. Наказъ дофинэсцевъ придаетъ громадное значеніе образованію и объясняетъ его вліяніе на нравы, на весь нравственный міръ человѣка. «Король и Штаты не забудутъ, что воспитаніе—мать нравовъ, и что государства преуспѣваютъ только благодаря нравамъ.— Человѣкъ — созданье (l'ouvrage) своихъ учителей и его жизнь — послѣдствіе принциповъ, которые раньше были ему преподаны» [58].

Въ этихъ словахъ высказана одна изъ популярнѣйшихъ идей просвѣтительной эпохи: природа человѣка подлежитъ непреодолимому воздѣйствію идей. Разумъ можетъ все исправить и преобразовать согласно своимъ логическимъ построеніямъ. Избиратели пишутъ настоящія похвальныя рѣчи про-

---

[57] *Cahier. Remontrances, moyens et avis que le tiers état du baillage de Nemours charge ses députês de porter aux Etats généraux. Archives.* IV, 161—2. Здѣсь перечислены мѣстности, давшіе одно и то же опредѣленіе свободѣ. Перечисленіе—неполное: въ томъ же немурскомъ бальяжѣ приходъ *Saint-Sulpice de Chevannes* пишетъ въ своемъ *cahier* главу: *De l'exposition des droits de tous les citoyens,* гдѣ настаиваетъ на опредѣленіи свободы и изложеніи правъ общихъ для всѣхъ людей. *Archives* III, 216.

[58] *Archives* III, 86.

«Третье сословіе», пишутъ избиратели, «могло бы высказать свои мнѣнія въ одномъ словѣ.

«Всегда существовало одно только сословіе, которому нація обязана своимъ благосостояніемъ и богатствами. Существовало одно только сословіе, на которое взваливали всѣ несправедливости и всѣ тягости, на которомъ все это тяготѣло изъ вѣка въ вѣкъ.

«Въ городахъ смутно представляютъ, что третье сословіе не было сословіемъ покровительствуемымъ. Здѣсь знаютъ только малую долю того, что заставляетъ страдать деревни, и надо много пожить среди земледѣльцевъ, чтобы составить истинное представленіе объ ихъ страданіяхъ.

«Одинъ и тотъ же народъ населяетъ всю Францію. Но семейства, которыя живутъ въ городахъ, получаютъ заботливое воспитаніе, къ ихъ услугамъ наука и искусства, они окружены утѣхами роскоши, привыкли, подобно духовенству и знати, пользоваться плодами чужаго труда, заразились многими предразсудками высшихъ сословій, убѣждены—и на самомъ дѣлѣ, можетъ быть, это и вѣрно—что ихъ интересы противоположны интересамъ деревни, воображаютъ, что торговля и юриспруденція гораздо важнѣе, чѣмъ земледѣліе, званіе буржуа считаютъ болѣе почетнымъ, чѣмъ званіе крестьянина.

«А между тѣмъ, именно крестьяне поддерживаютъ страну. Именно ихъ нравы отличаются исключительной чистотой, ихъ трудъ—самый полезный, они не создаютъ своего благосостоянія на счетъ другихъ и когда они освобождаются отъ бѣдности, этимъ самымъ они въ сильнѣйшей степени умножаютъ богатства націи.

«Главный городъ Немурскаго бальяжа справедливо гордится тѣмъ что менѣе другихъ городовъ королевства зараженъ предразсудками и не признаетъ принциповъ, унижающихъ земледѣльцевъ и вредныхъ для ихъ благороднаго занятія. Напротивъ, граждане этого города, сдѣлавъ извлеченіе изъ наказовъ различныхъ приходовъ и общинъ бальяжа, признаютъ откровенно, что принадлежитъ имъ самимъ, чѣмъ въ

особенности они обязаны своимъ согражданамъ. Множество золъ, злоупотребленій и несправедливостей, о которыхъ они и не думали раньше, стало имъ извѣстно благодаря деревенскимъ наказамъ». [63]

Горожане боятся пропустить жалобу какого-нибудь прихода. Они къ своему наказу присоединяютъ инструкціи поселянъ, разсчитывая, что такимъ путемъ до свѣдѣнія націи и короля дойдетъ разумное желаніе послѣдняго земледѣльца.

Составители наказа, очевидно, подробно и основательно ознакомились съ условіями крестьянской жизни въ своемъ бальяжѣ. Они сдѣлали, вѣроятно, гораздо больше—постарались просвѣтить крестьянъ насчетъ путей, ведущихъ къ исправленію золъ и несправедливостей

Картина совмѣстной дѣятельности города и деревни представляется ясно: деревня доставляетъ городу фактическій матерьялъ, знакомитъ его съ дѣйствительнымъ положеніемъ различныхъ отраслей государственнаго управленія, съ экономическими данными земледѣльческой промышленности. Городъ дѣлаетъ общіе выводы и набрасываетъ планъ желательныхъ реформъ. Можетъ случиться, — горожанинъ тотъ же самый планъ подскажетъ сельскому собранію и тогда въ деревенскомъ наказѣ мы встрѣтимъ подробный проектъ конституціи со всѣми обычными теоретическими опредѣленіями.

Эта просвѣтительная дѣятельность горожанъ среди народа доказывается фактами. Лишь только по Франціи разлетѣлась вѣсть о созывѣ Генеральныхъ Штатовъ,—вся страна пришла въ движеніе. Оно охватило все населеніе, не миновало самыхъ захолустныхъ деревень, отразилось на такихъ несчастныхъ жертвахъ феодальнаго гнета, какими были юрскіе горцы.

Значеніе этихъ людей вдругъ стало яснымъ для господъ, едва знавшихъ объ ихъ существованіи. Правительство признало выборное право почти за всѣмъ населеніемъ. Исключены были только поденщики и ремесленники, не имѣвшіе

---

[63] *Archives* IV, 113.

никакой собственности и не платившіе прямыхъ налоговъ. Привилегированнымъ предстояло заручиться голосами избирателей, не имѣвшихъ даже фамильныхъ именъ. И весьма часто сеньерамъ даже не приходилось прибѣгать къ агитаціи: легко было продиктовать какой угодно наказъ. Образчикомъ такого рода наказовъ можно считать челобитную одного прихода въ сенешальствѣ Э. Прихожане просятъ короля объ одномъ—чтобы ихъ сеньеру былъ уплаченъ королемъ долгъ: долгъ исчисляется съ большой тщательностью и уплата признается благодѣяніемъ для самихъ челобитчиковъ [64].

Но безъименные избиратели не вездѣ могли быть до такой степени покорны и безпомощны. Тогда дворянству приходилось «выпрашивать голоса» (mendier les suffrages). Появлялись циркуляры (lettres circulaires), имѣвшіе въ виду расположить сельское населеніе въ пользу того или другаго джентльмэна. Всякое сословіе могло выбрать представителя изъ другаго сословія, и одна изъ парижскихъ брошюръ даже призывала проклятіе на того, кто на основаніи сословной исключительности не остановитъ своего выбора на достойномъ членѣ не своего сословія [65]. Съ другой стороны, наказы третьяго сословія постоянно настаиваютъ, чтобы депутатовъ не выбирать изъ среды привелигированныхъ. Горожане легко могли выполнить это предписаніе,—но совершенно въ другомъ положеніи находились крестьяне. Они только по особенно счастливой случайности въ своей средѣ могли найдти такого человѣка, какой, напримѣръ, выставляется идеаломъ будущаго въ одномъ изъ приходскихъ провинціальныхъ наказовъ: человѣкъ, умѣющій читать и писать, знающій законы своей страны, отдающій себѣ отчетъ въ несовершенствахъ дѣйствующаго порядка и понимающій причины несовершенствъ и пути къ исправленію [66].

При такихъ обстоятельствахъ помощь сельскому населенію извнѣ была необходима, – и она явилась въ лицѣ горожанъ.

[64] *Cahier des habitants de la paroisse de ce lieu de Brue Archives.* VI, 265.
[65] *L'assemblée des trois ordres.* Chassin. *Les élections* III, 214.
[66] *Instructions de la paroisse de S. Sulpice de Chevannes. Archives* IV, 228.

Циркуляры дворянства немедленно вызвали соотвѣтствующій протестъ со стороны третьяго сословія, обладавшаго средствами для теоретической избирательной борьбы.

Возникли общества съ цѣлью выборной агитаціи. Изъ кого состояли они — показываютъ слѣдующія данныя. Въ Анжу организовалось—*Общество буржуа для защиты правъ народа и для просвѣщенія крестьянъ*. Въ Шампани вышли: *Письма труасскихъ буржуа къ ихъ соотечественникамъ и сосѣдямъ*. Въ Провансѣ появился *Катехизисъ третьяго сословія для всѣхъ провинцій Франціи* [67].

Въ результатѣ деревни быстро наводнились брошюрами, летучими листками, объяснявшими крестьянамъ политическое положеніе минуты. Одна изъ этихъ брошюръ—*Avis aux habitants des champagnes* обращалась къ крестьянамъ съ такою рѣчью:

«Земледѣльцы!... Въ награду за тягостные и полезные труды вы влачите грубое существованіе. Непосильные налоги обременяютъ васъ, ненавистныя поборы отнимаютъ у васъ часть жатвы. Всевозможныя животныя опустошаютъ ваши поля,—и какихъ только бичей вы не являетесь жертвами!...

«Наступилъ теперь для васъ благопріятный моментъ — высказать во всеуслышаніе справедливый протестъ. Гражда-

---

[67] Chassin, *Le genie de la révolution*. Pièces justificatives I, 408. Авторъ *Письма труасскихъ буржуа* считаетъ произведеніемъ аристократическаго общества, потому что эти письма предлагаютъ учредить *четвертое сословіе*, сословіе крестьянъ, какъ это существуетъ въ Швеціи. По мнѣнію автора,— эта идея могла принадлежать исключительно врагамъ уравнительнаго движенія, т.-е. привилегированнымъ: другіе могли требовать только уничтоженія всякаго дѣленія по сословіямъ. Это соображеніе опровергается многочисленными наказами. Приведемъ нѣкоторые. *Крестьяне* фландрской деревни Монтиньи требуютъ учрежденія *четвертаго сословія*,—потому что говорятъ избиратели—сословіе крестьянъ самое полезное въ государствѣ. *(Archives* III, 223). Тоже самое требованіе повторяется деревней d'Estrées, общиной Кателле и многими другими. И вездѣ избиратели ссылаются на Швецію. Слѣдовательно *Письма труасскихъ буржуа* могли принадлежать не только авторамъ изъ третьяго сословія, но подъ ними подписалось бы не мало коренныхъ жителей деревень.

не всѣхъ сословій готовятся собраться, чтобы обсудить ваше положеніе, положеніе націи. Вы призваны на это собраніе, потому что вы члены общества. Вашъ образъ дѣйствій можетъ принести вамъ большую пользу, если будетъ благоразуменъ, и большой вредъ — въ случаѣ вашей неосторожности.

«Когда вамъ предстоитъ какое либо дѣло,—не правда ли, вы выбираете человѣка, по вашему мнѣнію, наиболѣе способнаго обсудить данный вопросъ? Вамъ никогда и въ голову не приходило—довѣриться своему противнику въ то время, когда ваши и его интересы противоположны. Смотрите же! при настоящихъ обстоятельствахъ дѣйствуйте, какъ вы дѣйствуете ежедневно,—и вашъ путь будетъ правильнымъ....

«Не вѣрьте ни одному знатному человѣку, который станетъ возбуждать васъ лично или чрезъ своихъ агентовъ, будьте увѣрены, что онъ ставитъ вамъ ловушку и стремится обмануть васъ, разсчитывая на вашу простоту.

«Земледѣльцы,—ваши истинные защитники – только среди васъ, въ третьемъ сословіи. Если вы ихъ станете искать въ другомъ мѣстѣ, ваши интересы будутъ принесены въ жертву чужимъ, и вы останетесь при томъ же несчастномъ существованіи».

Такія рѣчи были совершенно понятны всякому крестьянину. Агитаторы искусно умѣли одновременно затронуть вѣками наболѣвшія язвы земледѣльцевъ и указать на ихъ новую роль и настоящее политическое значеніе. «Вы члены общества»,—это звучало нѣсколько странно для феодальныхъ подданныхъ,—но къ этимъ словамъ легко привыкалъ человѣкъ въ то время, когда само правительство спрашивало у него мнѣній и совѣтовъ и господа «выпрашивали голосъ».

Легко представить, какъ при такихъ условіяхъ заговорятъ крестьяне. Они прежде всего примутъ необыкновенно дѣятельное участіе въ выборахъ. По звону приходской церкви будутъ собираться не только полномочные избиратели, но всѣ бѣдняки и даже женщины. И усердіе съ особенной силой скажется именно тамъ, гдѣ чувствительнѣе всего

бѣдствія и неправды стараго порядка. Мы постоянно встрѣчаемъ длинный рядъ подписей подъ сельскими наказами. Это — только имена нѣкоторыхъ выборщиковъ: многіе поселяне умѣютъ поставить только крестъ, но непремѣнно вотируютъ.

Протестъ, скопившійся цѣлыми вѣками, теперь рвется наружу непреодолимымъ потокомъ. Страданія, которыя всегда казались несправедливыми и незаслуженными, сообщаютъ рѣчамъ крестьянъ чувство гордости и независимости.

Горожане становятся на ихъ сторону: крестьяне благодарны за помощь, согласны слиться съ ними въ одно сословіе и, подобно горожанамъ, пишутъ: «одинъ только народъ или третье сословіе несъ до сихъ поръ большую часть общественныхъ тягостей». [68]. Но не всегда крестьянамъ, искони оторваннымъ отъ остальныхъ согражданъ, такъ легко пойти навстрѣчу чужимъ людямъ. Въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ они жили своей жизнью, испытывали множество лишеній, вѣдомыхъ только имъ однимъ это—мы видѣли,—признавали и сами горожане. Крестьянамъ необходимо довести до свѣдѣнія короля и націи именно эти лишенія, а всякій ли городъ рѣшится оказать имъ такое вниманіе, какъ столица Немура? Здѣсь сельскіе наказы были почтительно внесены въ городской наказъ,—въ другихъ случаяхъ горожане могутъ пренебречь жалобами деревень. Такъ это въ дѣйствительности и происходитъ въ бальяжѣ Commercy, гдѣ представители города на выборахъ совершенно оттѣснили крестьянъ.

Тогда крестьяне стараются довести до свѣдѣнія правительства свои вопли независимо отъ общаго наказа третьяго сословія Они не могутъ помириться съ мыслью, что въ Штатахъ не будетъ истиннаго представителя ихъ интересовъ [69].

Такія дѣйствія крестьянъ съ ихъ точки зрѣнія совершенно логичны. Крестьяне убѣждены, что они лучше всѣхъ во всемъ государствѣ знаютъ недостатки современнаго по-

---

[68] *Cahier de la paroisse d'Essonnes. Archives* IV, 527.

[69] Chassin. *Le génie de la révolution* I, 423—4.

рядка. Вотъ чтò пишутъ жители прихода *Saint Sulpice de Chevannes*: «никто такъ хорошо не знаетъ злоупотребленій, какъ люди, страдающіе отъ этихъ злоупотребленій. Въ королевствѣ живутъ, можетъ быть, милліоны крестьянъ, знающихъ объ этомъ предметѣ больше министровъ. И, можетъ быть, король замѣтитъ, что въ продолженіи пятнадцати лѣтъ—кого онъ ни спрашивалъ изъ своихъ приближенныхъ—на счетъ бѣдствій народа и способовъ устранить ихъ, ему не сказали столько полезнаго, сколько въ теченіи трехъ недѣль будетъ повергнуто къ подножію его трона—благодаря двумъ страницамъ указа о собраніи Генеральныхъ Штатовъ».

Дальше прихожане выражаются еще энергичнѣе. Они требуютъ всеобщей грамотности крестьянъ за тѣмъ, чтобы у короля постоянно были вѣрные совѣтники. Всѣ злоупотребленія возникли потому, что прекратились сообщенія французскихъ государей съ народомъ. «Короли», поясняютъ крестьяне, «живутъ среди двора; министры берутся изъ города, и въ теченіе четырехъ сотъ лѣтъ нашлось только четыре министра, имѣвшихъ истинное представленіе о важности земледѣлія и нѣкоторыя точныя свѣдѣнія объ условіяхъ сельской жизни. [70].

Съ такой самоувѣренностью и самосознаніемъ люди говорятъ въ то время, когда чувствуютъ себя сплоченной единой силой, когда увѣрены, что ихъ заявленія выражаютъ чувства большинства, и требованія основаны на незыблемыхъ основахъ разума и справедливости. Крестьяне такъ и смотрятъ на свои наказы.

Обитатели самыхъ бѣдныхъ, жалкихъ деревень сознаютъ себя представителями всего народа, какъ они его понимаютъ, т. е. всѣхъ непривелигированныхъ. Даже юрскіе горцы изображая потрясающую картину своего рабскаго существованія, ходатайствуютъ за судьбу милліона французовъ, т. е. по ихъ счету,—всѣхъ феодальныхъ крѣпостныхъ. [71] Въ другихъ

---

[70] *Archives* IV, 227—8.

[7] Такая цифра стóитъ въ наказѣ Saint-Claude. Chassin. *Le genie de la rev.* I, 160 чет. Наказъ этотъ, къ сожалѣнію отсутствуетъ въ *Archives*

наказахъ обобщенія идутъ гораздо дальше. Крестьяне простираютъ свою заботливость на всѣхъ безправныхъ и обдѣленныхъ и, подобно другимъ болѣе просвѣщеннымъ сословіямъ, разрѣшаютъ вопросы о политическихъ принципахъ.

Сельскому населенію не трудно было понять смыслъ такихъ выраженій, какъ *естественныя права, прирожденная свобода*. Въ этихъ идеяхъ именно и заключалось искомое спасеніе отъ феодальныхъ преданій. Одинъ изъ провансихъ деревенскихъ наказовъ утверждаетъ, что вассальная зависимость не примирима съ достоинствомъ человѣка. Впослѣдствіи мы увидимъ, что это сознаніе человѣческаго достоинства было принято художественной литературой XVIII вѣка за основную черту новаго крестьянина, — и это сознаніе непосредственно вело къ критикѣ феодальныхъ отношеній. Въ наказахъ эта связь сказывается съ такою же яркостью и послѣдовательностью.

Въ одномъ наказѣ цѣлая глава посвящена *Выясненію правъ всѣхъ граждань*. Выясненіе нагинается весьма скромно и ловко: «кюре», пишутъ крестьяне, «въ своихъ мудрыхъ наставленіяхъ, которыя онъ постоянно преподаетъ прихожанамъ, часто говорилъ имъ, что *всѣ люди братья*, и такъ какъ эта истина—одно изъ правилъ вѣры,—прихожане въ ней не сомнѣвались».

Послѣ этого заявленія слѣдуетъ статья о правахъ и свободѣ. Крестьяне требуютъ, чтобы король и Генеральные Штаты объявили права, общія всѣмъ людямъ—бѣднымъ и неизвѣстнымъ наравнѣ съ богатыми и знаменитыми, и чтобы эта декларація была зарегистрирована всѣми парламентами и ежемѣсячно читалась во всѣхъ приходахъ. Крестьяне предлагаютъ нѣкоторыя статьи для предполагаемой консти-

---

parlementaires, нѣтъ также и *Doléances des habitants du Mont-Jura*, которыя были пріобщены къ общему наказу бальяжа Аваль. Въ наказахъ духовенства и третьяго сословія (*Archives* II, 137, 143) находится нѣсколько замѣчаній въ либеральномъ духѣ относительно крестьянъ.

туціи, во главѣ стоитъ опредѣленіе свободы, какъ права каждаго человѣка дѣлать все, что не наноситъ вреда другимъ.

Очевидно, авторы наказа всѣ эти разсужденія взяли изъ другой области,—не изъ проповѣдей своего кюре, и ссылка на кюре осталась только внѣшнимъ предлогомъ — развить теоріи, не имѣвшія ничего общаго съ церковными поученіями. И дальше крестьяне уже ссылаются на свою вѣковую опытность, на свои страданія отъ неправдъ правительственной власти и привилегированныхъ сословій. [72].

Сельскіе избиратели по сосѣдству съ столицей не считаютъ нужнымъ прикрывать свои идеи ссылками на кюре и церковныя проповѣди. Они прямо опираются на произведенія современной политической литературы и не боятся заявлять свое глубокое уваженіе къ одному изъ самыхъ революціонныхъ писателей.

Обитатели прихода *Passy—les Paris* раньше какихъ бы то ни было предложеній находятъ нужнымъ рѣшить вопросъ о представительствѣ. Руссо въ *Общественномъ договорѣ* выразилъ крайнее презрѣніе къ представительству, заявилъ, что самая идея народнаго представительства безчеститъ имя человѣка и что націи, собирающія депутатовъ, находятся въ рабствѣ у своихъ избранниковъ. [73]

Эти разсужденія, очевидно, произвели сильное впечатлѣніе на составителей упомянутаго наказа. По словамъ «превосходнаго писателя», пишутъ они, — «все должно быть направлено къ тому, чтобы ослабить у представителей націи личную волю и довести *общую—la volonté générale*—до высшей степени развитія». Избиратели, полные недовѣрія къ депутатамъ, обращаются къ нимъ съ такою рѣчью: «развѣ ваша слава требуетъ, честь ваша нуждается въ томъ, чтобы тридцать тысячъ, двадцать четыре милліона людей оказались безсильными въ вопросѣ о своихъ собственныхъ насущныхъ интересахъ, лишь только эти интересы довѣрены тысячѣ

---

[72] *Archives* IV, 216 etc.

[73] *Du contrat social* III, 15.

двумъ стамъ представителей, или въ первомъ случаѣ - только одному».

Дальше мы все время находимся въ сферѣ идей и даже терминовъ Руссо: слышимъ, что всякое общественное соглашеніе—*toute convention sociale*—имѣютъ цѣлью возможное благополучіе тѣхъ, кто соединяется въ общество; узнаемъ, что депутаты избираются только потому что нація не можетъ собираться вся цѣликомъ—en totalité, что нація имѣетъ право поручить кому угодно исполнительную власть, но, по разнымъ историческимъ и мѣстнымъ условіямъ, эту власть полезнѣе всего перенести на самодержца, — наконецъ, во главѣ конституціи ставится принципъ: «всѣ власти по существу пребываютъ въ націи и всѣ истекаютъ отъ нея» [74].

Весь наказъ такимъ образомъ,—довольно точное воспроизведеніе идей женевскаго философа,—и составителямъ наказа кажется вполнѣ естественнымъ—называть Руссо—*превосходнымъ писателемъ* и здѣсь же свидѣтельствовать Людовику XVI «чувства любви, уваженія и признательности». Отдѣльныя главы въ наказахъ носятъ заглавія, обязанныя своимъ происхожденіемъ автору знаменитыхъ разсужденій объ естественномъ состояніи. Жители прихода *Rosny—sous les bois de Vincennes* въ проектѣ конституціи предлагаютъ возвращеніе къ естественной свободѣ—*Retour à la liberté naturelle*. Но это возвращеніе отнюдь не призывъ переселиться въ первобытные лѣса. Извѣстно, что и самъ Руссо одновременно написалъ разсужденіе *О происхожденіи неравенства*, возвелъ въ перлъ созданія миѳическаго естественнаго человѣка и заявилъ, что онъ отнюдь не стремится разрывать священныя узы общества и предоставляетъ своимъ читателямъ повиноваться законамъ и чтить добрыхъ и мудрыхъ государей [75]. Очевидно, и составителямъ наказовъ возможно

---

[74] *Cahier des plaintes et doléances des habitants de la paroisse de Passy-lès—Paris. Archives* V, 1—6. О недовѣріи къ депутамъ ср. также *Cahier du tiers—état de la ville de Paris. Archives* V, 288, art. 37.

[75] *Quelle est l'origine de l'inegalité parmi les hommes.* Предисловіе и примѣчанія.

было говорить о возстановленіи естественной свободы и разумѣть ни болѣе, ни менѣе, какъ уничтоженіе феодализма и созданіе конституціонной монархіи [76].

Чтобы не вдаваться въ частности, мы разберемъ одинъ изъ самыхъ полныхъ крестьянскихъ наказовъ. Здѣсь собраны вмѣстѣ всѣ черты, разсѣянныя въ другихъ наказахъ. Предъ нами яркая картина вѣрноподданическихъ чувствъ, переплетающихся съ новыми идеями. Безпрестанно слышится голосъ традиціонной преданности подданныхъ своему монарху, и здѣсь же въ каждой строкѣ звучитъ намекъ, что былая цѣльность политическаго настроенія разбита новыми теченіями и обѣ силы—старое чувство и новая мысль идутъ рядомъ—непримиренныя, другъ другу чуждыя и будто исполненныя страха вступить во взаимную рѣшительную борьбу.

Крестьяне прихода *d'Essonnes* заявляютъ искреннее довѣріе королю и только на основаніи этого довѣрія рѣшаются представить ему свои жалобы. Но заявленіе стоитъ въ концѣ обращенія *къ королю и нашимъ господамъ Генеральнымъ Штатамъ*. Наказъ составители называютъ трактатомъ,—и это—справедливо. Во всемъ собраніи наказовъ нѣтъ другаго, написаннаго съ такой логической послѣдовательностью и полнотой. Руссо не отказался бы подписаться подъ этимъ произведеніемъ, тѣмъ болѣе, что онъ—его настоящій авторъ.

Первыя строки гласятъ: люди равны по природѣ и должны быть таковыми въ глазахъ закона. Но это не абсолютное равенство. Руссо еще во второмъ разсужденіи призналъ неравенство физическихъ и нравственныхъ силъ у людей. Въ *Общественномъ договорѣ*—онъ вооружился противъ естественнаго состоянія и нашелъ возможнымъ «безпрестанно» прославлять переходъ человѣка изъ естественнаго—т. е. по новому взгляду философа,—животнаго состоянія къ гражданскому. Естественное равенство кажется теперь Руссо—незаконнымъ, безнравственнымъ: онъ проповѣдуетъ равенство по договору—par convention—и праву [77]. О такомъ равен-

[76] *Archives* V, 56.
[77] *Du contrat social* I, 8.

ствѣ говорятъ и составители наказа. Они идутъ еще дальше — все по слѣдамъ своего авторитета.

Руссо послѣ своихъ общихъ разсужденій написалъ трактатъ о польской конституціи — и здѣсь уже стоялъ не только за подчиненіе человѣка гражданскимъ уставамъ, но вводилъ сложную систему личныхъ и сословныхъ отличій, устанавливалъ чины и ордена, ранги гражданъ рекомендовалъ отмѣчать особыми медалями [78]. Авторы наказа проектируютъ подобныя отличія въ виду людскаго самолюбія и съ цѣлью возбуждать соревнованіе среди гражданъ, льстя имъ предъ глазами отечества. Это именно — мотивы Руссо [79].

Раньше чѣмъ установить частности, прихожане даютъ рядъ теоретическихъ опредѣленій общаго характера. Цѣлую главу они посвящаютъ разсужденію: *О людяхъ вообще и ихъ соединеніи въ общество*, опредѣляютъ, что такое государство, свободный человѣкъ, вообще — свобода. Признается два договора — (conventions, contrat) одинъ, устанавливающій гражданское общество, другой — создающій правительство. Политическая форма — результатъ соглашенія: монархія, напримѣръ, возникла потому, что нѣсколько семействъ, обществъ или племенъ вполнѣ свободныхъ — соединились вмѣстѣ, установили разные законы для общаго блага и исполненіе ихъ поручили одному лицу [80].

Таково было начало всѣхъ гражданскихъ обществъ. Французамъ, конечно, важнѣе всего знать первичныя установленія своей страны. Составители разбираемаго наказа отлично знаютъ ордонансы старыхъ королей, свободно ссылаются даже на салическій законъ и на ученыя сочиненія по древней политикѣ и исторіи. Но они нигдѣ не находятъ точныхъ указаній, на какихъ основахъ образовался союзъ побѣдителей и побѣжденныхъ въ древней Галліи. Избиратели постоянно называютъ отдаленные вѣка — «эпохой невѣжества

[78] *Considérations sur le gouvernement de Pologne*. Chap. VI, XIII.

[79] *Cahier*. chap. VIII: *Divisions des personnes de l'ordre du tiers-état*, Archives IV, 527.

[80] *Cahier*. Chap. XII.

и заблужденій». Напрасно было бы ждать отъ этой эпохи отвѣтовъ на запросы современной жизни,—и составители наказа рѣшили слѣдовать «исключительно свѣту разума»—nous avons osé suivre les seules lumières de la raison—и такимъ путемъ утвердить свои идеи».

Это не значитъ, что избиратели безразлично отдадутся первому встрѣчному новому вѣянію. Подвергая критикѣ времена варварства, они въ современной политической литературѣ отвергнутъ все, что щадитъ старые предразсудки. Они минуютъ книгу Монтескье, ограничатся только пренебрежительнымъ замѣчаніемъ насчетъ его опредѣленія принципа монархіи—*чести*, l'honneur,—но за то они на каждомъ шагу цитируютъ политическіе трактаты, согласные съ ихъ теоріями. Монтескье стоялъ за привилегіи,—и уже это одно обстоятельство должно было вызвать къ автору *Духа Законовъ* настоящую ненависть у людей, доказывающихъ, что всякая привилегія—противна естественному и гражданскому праву.

Привилегіи, слѣдовательно, результатъ захвата, а всякій захватъ слѣдуетъ считать поводомъ—нарушить общественный договоръ—annuler le contrat. Общество не можетъ существовать, если въ немъ царствуетъ сила: его слѣдуетъ разорвать—il faut la dissoudre.

Но полное разногласіе съ Монтескье не мѣшаетъ избирателямъ пользоваться его идеями, когда эти идеи помогаютъ имъ въ критикѣ нравственныхъ и общественныхъ отношеній. Разбирая принципы различныхъ государственныхъ формъ, Монтескье принципомъ республики признаетъ *vertu*—добродѣтель,—и политическую добродѣтель опредѣляетъ, какъ—любовь къ отечеству, способность къ самопожертвованію въ цѣляхъ общаго блага: la vertu politique est un renoncement à soi-même. Эти слова буквально повторяютъ составители наказа: «что другое—добродѣтель, какъ не благородное и добровольное пожертвованіе своею личностью и всѣми личными интересами—пользамъ отечества?». [1]

[1] *Cahier*. Chap. VII, VI. *De l'esprit des lois*, III, IV.

Такое совпаденіе наказа съ книгой Монтескье—рѣдкая случайность. У избирателей другой авторитетъ.

Духъ Руссо вѣетъ надъ собраніемъ. Онъ отражается даже въ формѣ наказа. Строго логическія разсужденія внезапно прерываются лирическими изліяніями въ честь третьяго сословія, т. е. народа, во славу гармоніи, царствующей въ природѣ: она, въ глазахъ авторовъ, является прообразомъ общественнаго порядка. Эти восторги предъ мельчайшимъ насѣкомомъ, предъ гигантскими кедрами, предъ солнечнымъ свѣтомъ, безграничнымъ моремъ—все это живо напоминаетъ многочисленныя страницы *Исповѣди*, *Эмиля*, *Новой Элоизы* [82].

Весь этотъ лиризмъ и теоріи отнюдь не декламація легкомысленныхъ подражателей и фантазеровъ. Наказъ отличается въ высшей степени серьезнымъ тономъ. Никакихъ слѣдовъ радикальной запальчивости, внѣшнихъ эффектовъ, стремленія—рисоваться смѣлостью идей и красотой формы,—въ чемъ не всегда безгрѣшенъ женевскій философъ. Напротивъ, избиратели искренне стараются построить новое зданіе на старой почвѣ и при этомъ никого не испугать и не огорчить. Гдѣ возможно—они опираются на ордонансы, и вообще чувствуютъ большое уваженіе къ историческимъ преданіямъ, если это не предразсудки невѣжества и варварства. Къ идеѣ королевской власти и личности короля избиратели питаютъ благоговѣніе: «это—добрый, благородный монархъ», а они—«добрые и вѣрные подданные - bonset loyaux sujets» Неккеръ—«просвѣщенный доблестный министръ». Съ истинно-сыновней нѣжностью прихожане говорятъ о своихъ кюре, указываютъ на ихъ труды въ холодъ и зной и ходатайствуютъ объ улучшеніи ихъ матерьяльнаго положенія. Тѣ же чувства и къ католической религіи,—наказъ требуетъ только, чтобы богослуженіе совершалось на французскомъ языкѣ — требованіе весьма обычное въ наказахъ—особенно деревенскихъ [83].

---

[82] *Cahier* Chap. VIII, XI. Въ видѣ примѣровъ, можно указать *Confessions* IV. 297, *Nouvelle Héloisse* I, lettre XXIII, pp. 136. *Emile* IV, 131.

[83] *Cahier* chap. XI, *culte public*. Ср. *Cahier de la paroisse de Fosse*,

Это сочувствіе избирателей многимъ существеннымъ основамъ стараго порядка—избирателей, съ такой смѣлостью рѣшающихъ вопросы общей политики въ духѣ новыхъ идей, доказываетъ чистосердечно-мирныя стремленія составителей наказовъ. Они дѣйствительно вѣрили правительству и ждали важныхъ благодѣяній отъ доброй воли короля и его министра. Избиратели совершенно искренне дѣлили свои сочувствія между королемъ и людьми, расширявшими ихъ умственный кругозоръ. Въ наказѣ прихода *d'Essonnes* одной изъ важнѣйшихъ силъ общественнаго порядка признается «писатель l'homme de lettres—просвѣщающій общество и указывающій ему новыя пути къ счастью»[34].

Это—въ высшей степени характерная черта: составители наказовъ обнаруживаютъ глубокое уваженіе къ просвѣщенію и усиленную заботливость объ образованіи. Просвѣтители, мы видѣли, даже называются по именамъ и избиратели сами намѣчаютъ ихъ своими представителями. Реформа образованія стоитъ на первомъ планѣ. И здѣсь любопытнѣе всего, конечно,—вопросъ о *народномъ* образованіи и притомъ вопросъ, рѣшаемый самимъ народомъ.

Крестьяне съ разныхъ концовъ Франціи одинаково объясняютъ правительству пользу всеобщей грамотности. Если сельское населеніе будетъ умѣть читать и писать, оно гораздо лучше и скорѣе пойметъ, какими путями можно устранить злоупотребленія, какими средствами можно помочь народу въ его борьбѣ съ безчислеными бѣдствіями. Крестьяне разныхъ мѣстностей могли бы тогда вступать въ сношенія другъ съ другомъ, дѣлиться между собой свѣдѣніями касательно земледѣлія—«прекрасной науки еще очень несовершенной, но весьма способной совершенствоваться». Не одни земле-

---

Archives IV, 565 art. 30. Избиратели утверждаютъ, что прихожане, благодаря незнанію богослужебнаго языка, или скучаютъ въ церкви и болтаютъ другъ съ другомъ, какъ на улицѣ, или просто избѣгаютъ посѣщать церковь. *Cahier du tiers état de la prévoté et vicomté de Paris hors les murs.* V. 241: *culte* art. 3.

[34] *Cahier* chap. XI: *De l'ordre public.*

дѣльческіе вопросы могли бы рѣшать крестьяне: ихъ обсужденію стало бы доступно «безчисленное множество» и другихъ предметовъ. — Въ результатѣ крестьяне предлагаютъ учредить школы по всѣмъ деревнямъ и дать крестьянамъ право самимъ рекомендовать учителей и перемѣнять ихъ въ случаѣ нужды [85]

Это разсужденіе типично для цѣлаго ряда общинъ, приходовъ и деревень. Обученіе должно быть даровымъ, по крайней мѣрѣ для бѣдныхъ, плата учителямъ и содержаніе школъ иногда возлагается на монастыри и духовенство.—Крестьяне не только хотятъ лично считаться съ учителями,—они представляютъ готовыя программы преподаванія. Въ этихъ программахъ замѣчателенъ одинъ особенно распространенный пунктъ—изученіе морали — *é tude de la morale*. Школы признаются разсадниками нравственности. Большинство наказовъ такъ изображаетъ цѣль школы: школа должна наставить учащихся во всемъ, что необходимо для нравственности и воспитанія—*les moeurs et l'education*. [86]. Другіе къ морали прибавляютъ изученіе политики: школа должна воспитывать гражданъ, должна сообщить имъ правильныя понятія о правахъ и обязанностяхъ [87]. Съ этой цѣлью рекомендуется даже составить для всей страны одинъ *классическій* учебникъ [88].

---

[85] *Archives* IV. 228.

[86] *Cahier de la communauté d'Aix. Archives* III 209. *Cahier de la communauté de Brillon* III, 218. *Cahier du village d'Abscons* III, 223. *Cahier de la paroisse d'Angervillers* IV, 297 (даровое образованіе бѣдныхъ). *Cahier de la paroisse de Belleville* IV, 351 (образованіе на счетъ монастырей). *Cahier de la paroisse de Besons* V, 353 art 3· Qu'il soit aperçu sur l'énorme produit des differentes abbayes ou prieurés, des sommes qui serviraient à doter, dans chaque village, des écoles pour l'instruction des enfants. Rien de plus intéressant pour un gouvernement que l'éducation de la jeunesse. C'est le seul moyen d'avoir des citoyens, des patriotes, des honnêtes gens enfin; et c'est ce dont il manque aurjoud'hui partout". Подобныя статьи встрѣчаются во множествѣ другихъ *cahiers*.

[87] *Archives* IV, 532. *Cahier de la paroisses de Limours* IV, 648; IV, 297.

[88] *Cahier de la paroisse de Villiers—le Basde.* Archives V, 211.

Избиратели, очевидно, стремятся воспитать молодыя поколѣнія въ духѣ новыхъ принциповъ, излагаемыхъ въ наказахъ. Избиратели исповѣдуютъ идеи – о нравственномъ преобразованіи общества путемъ просвѣщенія о политическомъ переустройствѣ стараго порядка—путемъусвоенія различныхъ теорій. Школа должна сообщать не столько знанія, сколько принципы, создавать не ученыхъ, а философовъ и политическихъ дѣятелей. Дидро за-долго до выборовъ въ Генеральные штаты угадалъ это стремленіе націи. Онъ былъ увѣренъ, что публика искала въ *Энциклопедіи* не научныхъ свѣдѣній по исторіи, географіи, математикѣ и искусствамъ, а «твердой и смѣлой философіи излюбленныхъ авторовъ» [89]. И Дидро объявляетъ—въ письмѣ къ Вольтеру, въ чемъ разница между простой фактической наукой и философской: «Другіе историки намъ разсказываютъ факты затѣмъ чтобы научить насъ фактамъ; – вы, – затѣмъ чтобы возбудить въ глубинѣ нашихъ сердецъ негодованіе противъ лжи, невѣжества, лицемѣрія, суевѣрія, фанатизма, тиранніи, и это негодованіе остается, когда факты уже улетучились изъ памяти». [90].

Вотъ чѣмъ само знаніе было дорого для просвѣтителей. Оно служило практическимъ цѣлямъ—умственному развитію и нравственному совершенствованію. Въ этомъ смыслѣ справедливо выраженіе: «философія—ничто иное какъ мораль» [91]. Именно такъ смотрѣли на дѣло избиратели, желавшіе школы превратить въ разсадники гражданъ и честныхъ людей.

До какой степени новое представленіе о результатахъ образованія было распространено среди народа, доказывается краткими будто мимолетными замѣчаніями наказовъ. Жители одной общины пишутъ свою челобитную крайне простымъ, даже нѣсколько грубымъ языкомъ, у нихъ ученики школъ—называются *les entants e'colés*,—но они хотятъ «фор-

---

[89] Diderot. *Oeuvres complètes* XII. Paris 1821. *Correspondance* p. 355.
[90] *Ib.* p. 309.
[91] *Mémoires de Condorcet.* Paris 1824. II, 21.

мировать подданныхъ способныхъ оказывать услуги его величеству и обществу» (former des sujets capables de rendre services à Sa Majesté et au public). Другой наказъ разсчитываетъ видѣть въ воспитанникахъ школъ — *христіанъ* и *гражданъ* [92]. Слѣдовательно, и въ этихъ скромныхъ заявленіяхъ традиціонный, консервативный элементъ сливается съ новыми представленіями. Вѣрноподданническія чувства и общественное служеніе, религіозное воспитаніе и гражданское развитіе. Эти понятія—*le public, le citoyen*—новыя, невѣдомыя старому порядку въ томъ смыслѣ, въ какомъ ихъ употребляютъ избиратели. Рядомъ съ исконной оффиціальной властью народилась другая сила—общество. Старинная формула монархіи, отлично выражавшаяся словами монарха—*государство—это я*—теперь не примѣнима. Внѣ личности государя останется нѣчто другое, не входящее въ вѣковыя рамки. Это другое не менѣе чѣмъ власть вызываетъ у составителей наказовъ стремленія—служить, быть полезнымъ.

Новую силу чувствуютъ въ захолустьяхъ, — въ столицѣ ее называютъ по имени и открыто признаютъ ея значеніе. Въ наказѣ парижскаго третьяго сословія читаемъ: «общественное мнѣніе, повидимому, признало необходимымъ голосовать въ Генеральныхъ Штатахъ поголовно, чтобы избѣжать неудобствъ, проистекающихъ отъ дѣленія представителей на сословія». [93].

Общественное мнѣніе—не какое либо оффиціальное указаніе, даже не брошюра или трактатъ современнаго писателя, агитатора. Общественное мнѣніе — это результатъ всѣхъ идейныхъ воздѣйствій, результатъ успѣвшій опредѣлиться къ эпохѣ выборовъ въ Генеральные Штаты.

Кому обязана страна этимъ фактомъ, этой вновь народившейся силой?

Избиратели сами отвѣчаютъ на вопросъ, цитируя популярнѣйшія произведенія своего времени, называя своихъ учи-

---

[92] *Cahier de la communauté d'Aix. Archives* III, 209.

[93] *Cahier de la paroisse de Bessancourt. Archives* IV, 354. *Cahier du tiers état de la ville de Paris.* Chassin. *Les élections* III 334.

телей по именамъ, превознося значеніе писателей и ученыхъ. Общество настолько развилось, что умѣетъ пользоваться благодѣяніями и цѣнить по достоинству благодѣтелей. И это не плодъ воспламененнаго воображенія демократическихъ энтузіастовъ. За пять лѣтъ до собранія Генеральныхъ Штатовъ Неккеръ въ *Трактатѣ объ управленіи финансами во Франціи* первый изъ государственныхъ людей открыто указалъ на новую силу и съ точностью опредѣлилъ эпоху ея возникновенія и ея роль въ современной политической и общественной жизни. Онъ назвалъ эту силу трибуналомъ, предъ которымъ обязаны предстать всѣ, возбуждающіе вниманіе публики. Трибуналъ этотъ—*общественное мнѣніе*—будто съ высоты трона раздаетъ награды и вѣнки, создаетъ и разрушаетъ репутаціи.

Онъ, продолжаетъ Неккеръ, выросъ постепенно и теперь было бы трудно его разрушить. Онъ царствуетъ надъ всѣми умами, сами государи уважаютъ его если только ихъ не ослѣпляютъ непреодолимыя страсти: одни повинуются ему добровольно—изъ честолюбивыхъ стремленій пріобрѣсть благосклонность публики, а другіе, менѣе покорные, подчиняются ему, сами не замѣчая этого, увлекаемые авторитетомъ окружающихъ.

По мнѣнію Неккера, въ его время ни одна страна въ Европѣ не видѣла такого всепоглощающаго вліянія общественнаго мнѣнія, и большинство иностранцевъ едва представляютъ, какъ далеко идетъ это вліяніе. Они съ трудомъ понимаютъ, что невидимая сила — безъ помощи денегъ, полиціи, войска, — создаетъ законы для города, двора, даже дворцовъ королей.

Это наиболѣе благородная и разумная власть, какая только извѣстна человѣчеству. Она постигаетъ людей на ступеняхъ трона, унижаетъ ихъ, но также — окружаетъ ихъ почетомъ въ изгнаніи и немилости.

Неккеръ придаетъ большое *политическое* значеніе общественному мнѣнію своихъ современниковъ. Именно оно является величайшимъ препятствіемъ для власти на пути злоупотребленій, только оно сохраняетъ за націей извѣстное

вліяніе на государственныя дѣла, обѣщая славу или угрожая презрѣніемъ. Если бы общественное мнѣніе утратило всякій авторитетъ, свобода потеряла бы главную опору и странѣ болѣе чѣмъ когда-либо потребовались бы исключительныя добродѣтели государя и умѣренность министровъ.

Лично Неккеръ отдаетъ себя всецѣло во власть новой силы: министръ финансовъ, долженъ больше всѣхъ другихъ считаться съ общественнымъ мнѣніемъ.

Эта верховная власть сравнительно недавняго происхожденія. Еще во времена регентства, блиставшія легкомысліемъ и равнодушіемъ къ судьбѣ страны и общимъ вопросамъ,— Франція не знала нравственнаго вліянія общественнаго мнѣнія. Только послѣ этой эпохи постепенно сталъ возвышаться могущественный трибуналъ, вскорѣ подчинившій себѣ всѣ другія власти [94]. Такъ заявлялъ публично одинъ изъ талантливѣйшихъ министровъ Людовика XVI.

Писатели должны были высказаться въ томъ же смыслѣ еще раньше. Мальзербъ,—за много лѣтъ предвосхитилъ идеи Неккера почти съ буквальной точностью и ясно указалъ на виновниковъ великаго историческаго явленія. Онъ торжественно, при громадномъ стеченіи публики, во вступительной академической рѣчи говорилъ: «Возникъ трибуналъ, независимый отъ всѣхъ властей. Его почитаютъ всѣ власти. Онъ оцѣниваетъ всѣ таланты, произноситъ приговоръ надъ всѣми заслугами. Въ просвѣщенный вѣкъ, въ тотъ вѣкъ, когда каждый гражданинъ можетъ говорить съ цѣлой націей путемъ печати, всѣ обладающіе талантомъ—поучать другихъ и даромъ—волновать ихъ, однимъ словомъ,—всѣ писатели— среди современной публики, разсѣянной по всей странѣ,— тоже самое что ораторы Рима и Аѳинъ—среди народа, собраннаго на площади. Истина, которую я высказываю въ собраніи писателей, была уже объяснена лицамъ, власть имѣющимъ, и никто изъ нихъ не отказался признать три-

---

[94] *De l'administration des finances de la France.* 1781, Tome I, *Introduction* p. p. LVII, LVIII, LX, LXI, LXIII, LXIV, LXV.

буналъ общества верховнымъ судомъ надъ всѣми судьями земли» [95].

Подобныя рѣчи мы слышимъ до самой революціи. Мальзербъ въ общихъ выраженіяхъ указалъ на писателей, какъ на творцовъ новаго трибунала. Другіе назовутъ имена этихъ творцовъ. Въ главѣ ихъ неизмѣнно будетъ стоять имя Вольтера. Описывая старость фернейскаго патріарха, его будутъ называть — «трибуналомъ, болѣе справедливымъ и болѣе могущественнымъ, чѣмъ всякій другой, — трибуналомъ, предъ которымъ всѣ безразлично искали суда».

Здѣсь всѣхъ выслушивали, и приговоры всѣми признавались.

«Эта власть общественнаго мнѣнія», пишетъ современникъ, «созданная Вольтеромъ, который всегда къ ней аппеллировалъ, разрушая старыя заблужденія, вызвала къ жизни почти совершенно новыя поколѣнія народа».... [96].

Вольтеръ во всѣ трудныя минуты полагается на новую силу, независимую отъ какихъ бы то ни было оффиціальныхъ давленій. Когда дѣло *Энциклопедіи* готово рушиться, Вольтеръ указываетъ Даламберу на «голосъ публики», какъ самаго подежнаго защитника и покровителя самого Даламбера и всего предпріятія [97].

Обнадеживанія Вольтера большею частью оправдываются на дѣлѣ. Общественное мнѣніе въ теченіи всего до-революціоннаго періода, доказываетъ истинно-сыновною признательность Вольтеру и его друзьямъ. Вольтеру постоянно приходится по поводу того или другаго событія заявлять: «публика, слѣдовательно за насъ». [98]. Это вмѣшательство пуб-

---

[95] Рѣчь Мальзерба относится къ 1775 году. *Etudes sur le XVIII—e siècle* par Ernest Bersot. Paris. 1855 p. 34.

[96] *Mémoires de Condorcet.* Paris 1824. II, p. 20—1.

[97] *Lettres de M. de Voltaire et de M. d'Ahembert 1746—1768.* De l'imprimerie de la Societé lattéraire typographique. 1784. I, 82.

[98] *Ib.* I, 153—4, по поводу неудачъ авторовъ пасквилей, направленныхъ противъ философовъ,—Палиссо и Фрерона, и по поводу успѣха драмы Дидро *Perè de famille.*

лики въ пользу извѣстной партіи писателей не ограничивается только общими вопросами. Личныя дѣла друзей Вольтера находятся подъ неусыпной защитой того же трибунала. Любопытна, напримѣръ, исторія съ пенсіей Даламбера, подробно выясняемая перепиской Вольтера съ его другомъ.

Вопросъ открылся лѣтомъ въ 1765 году. Для Даламбера академическая пенсія являлась единственной прочной поддержкой въ старости. Онъ сильно перетревожился, когда правительство отнеслось крайне равнодушно, даже враждебно къ его ходатайству. Онъ пишетъ Вольтеру письма, переполненныя жалобами. Патріарху требуется не малыхъ усилій утѣшить друга. И его единственный сильный доводъ— «общественное мнѣніе — владыка міра, и философы управляютъ этимъ владыкой» [99].

«Владыка» не приминулъ, по обыкновенію, оправдать разсчеты Вольтера. Въ августѣ Даламберъ сообщаетъ, какъ Парижъ отомстилъ за него Версалю. Въ августѣ философъ заболѣлъ. Болѣзнь привлекла всеобщее вниманіе и вызвала горячее сочувствіе публики къ энциклопедисту. Даламберъ не ожидалъ такого единодушнаго интереса согражданъ къ своей личности. Онъ даже радъ, что съ нимъ произошло несчастіе. Теперь онъ ни за какія сокровища не покинетъ Парижа ради какой бы то ни было иностранной столицы [100].

При такихъ условіяхъ правительство не могло длить постыдную исторію съ пенсіей. Правда, — назначенная пенсія оказалась крайне скромной,—но побѣда общественнаго мнѣнія была засвидѣтельствована уже фактомъ уступки правительства. Оригинальная борьба длилась всего шесть мѣсяцевъ, не вызвала особеннаго шума, но философы съ гордостью могли вписать ее въ лѣтопись своихъ успѣховъ [101].

То же самое происходитъ и относительно другихъ представителей новой мысли. Публика неуклонно стоитъ на стра-

---

[99] *Ib.* I, 369.

[100] *Ib.* I, 374.

[101] Пенсія Даламбера простиралась отъ 300 до 400 ливровъ. *Lettres*.. I, 383.

жѣ и немедленно протестуетъ противъ власти и ея агентовъ, нападающихъ на извѣстную партію писателей. Аббатъ Морле попалъ въ Бастилію за памфлетъ противъ одного изъ враговъ философіи. Даламберъ пишетъ Вольтеру: «Весь Парижъ кричитъ, весь Парижъ интересуется имъ». Все это заставляетъ властей крайне бережно обращаться съ узникомъ, оказывать ему даже уваженіе [102].

Дидро даже самоувѣреннѣе Вольтера смотритъ на связь своей партіи съ общественнымъ мнѣніемъ. Во время ожесточенной войны, поднятой пасквилянтами-драматургами противъ философіи, Вольтеръ обезпокоился и началъ сѣтовать на равнодушіе Дидро къ этой войнѣ. Редакторъ *Энциклопедіи*, какъ увидимъ, больше всѣхъ своихъ друзей подвергавшійся всевозможнымъ навѣтамъ, написалъ Вольтеру отвѣтъ, исполненный достоинства: «Вы жаловались, какъ передавали мнѣ,—на то, что обо мнѣ совсѣмъ не было слышно во время скандала, унизившаго столько писателей и доставившаго такую потѣху свѣтскому обществу. Мой дорогой учитель, я счелъ для себя болѣе приличнымъ держаться совершенно вдали. Именно такая роль была и прилична и безопасна. Въ подобномъ случаѣ публикѣ слѣдуетъ предоставлять—месть». Въ виду этого Дидро даже не нашелъ нужнымъ ознакомиться поближе съ произведеніями своихъ враговъ [103].

Общественное мнѣніе, защищавшее Вольтера и его соратниковъ, не было только «крикомъ Парижа». Даламберъ говоритъ—съ одинаковой увѣренностью о сочувствіи всѣхъ просвѣщенныхъ людей Европы. Именно этотъ фактъ особенно возвышаетъ въ его глазахъ смыслъ дѣятельности его и его единомышленниковъ. Но въ письмахъ Вольтера мы встрѣчаемъ крайне важное указаніе: все значеніе его мы будемъ имѣть возможность оцѣнить позже.

У Вольтера неоднократно срываются рѣзкія замѣчанія по адресу мелкаго люда—«сапожниковъ и служанокъ». Онъ даже

---

[102] *Lettres* I, 115.

[103] *Oeuvres de Dénis Diderot*. Paris. 1821, t. XII. *Correspondance* p. 308.

прямо заявляетъ, что этотъ классъ онъ отнюдь не разсчитываетъ просвѣщать. Это говорится непосредственно послѣ заявленія, что *l'infâme*, т. е. религіозныя суевѣрія, потеряли всякій кредитъ среди «почтенныхъ людей». Этимъ «почтеннымъ людямъ» противополагается суевѣрная толпа [104]. Раздраженіе Вольтера противъ низшихъ слоевъ демократіи вытекало изъ его глубокой ненависти противъ малѣйшихъ проявленій традиціонной религіозности и набожнаго легковѣрія. Но мы убѣдимся, что это раздраженіе отнюдь не порабощало общественой мысли Вольтера и не мѣшало личной высокогуманной и просвѣщенной дѣятельности. Философъ неоднократно имѣлъ случай убѣдиться—что даже его *философское* негодованіе далеко не всегда основательно. Въ одномъ письмѣ къ Даламберу находится оригинальное совпаденіе презрительнаго взгляда Вольтера на невѣжество толпы и факта, свидѣтельствующаго о чемъ-то совершенно другомъ.

Дѣло идетъ все о тѣхъ же врагахъ энциклопедистовъ. «Не восхищаютъ ли васъ», спрашиваетъ Вольтеръ, «прозвища, какія глупый народъ даетъ нѣкоторымъ людямъ?» [105] Гораздо позже, во время предсмертнаго путешествія въ Парижъ, Вольтеръ могъ услышать отъ того же народа крайне лестное прозвище и для себя самого. На парижскихъ улицахъ его сопровождалъ единодушный крикъ: *l'homme aux Calas*! И крикъ этотъ, по разсказу современника, несся отъ всѣхъ сословій, отъ людей почтенныхъ и отъ черни, безпрестанно повторявшей: «Это Вольтеръ, это—защитникъ несчастныхъ угнетенныхъ, тотъ, который спасъ семью Каласа и Сирвена» [106]. И очевидецъ эти восторги считаетъ естественной наградой человѣку, завоевавшему литературѣ больше уваженія и достоинства, а общественному мнѣнію—власть болѣе

---

[104] *Lettres de M. de Voltaire*, I, 486.

[105] *Lettres* I, 411.

[106] *Desnoiresterres. Voltaire et la société au XVIII—e siècle*, Paris 1876. VIII, 303.

свободную и болѣе независимую отъ всякой другой власти, кромѣ таланта и разума [107].

Очевидно, эта власть потому и чувствовала себя такой свободной и независимой, что не ограничивалась однимъ сословіемъ или даже только высшими сословіями, всѣми такъ называемыми «почтенными людьми». Это была власть, считавшая въ своемъ подданствѣ столько же разнородныхъ элементовъ, сколько и оффиціальная власть правительства Къ концу XVIII вѣка эти двѣ власти стояли другъ противъ друга,—и общественное мнѣніе поспѣшило во всѣхъ концахъ Франціи заявить о своемъ существованіи: наказы исповѣдывали невѣдомыя раньше идеи, заявляли чувства глубокаго уваженія къ людямъ,—менѣе всего почтеннымъ съ точки зрѣнія стараго порядка. Осуществлялась рѣшительная побѣда дѣятелей, въ теченіе десятилѣтій вносившихъ въ сознаніе общества новыя представленія объ общественномъ и политическомъ благоустройствѣ, новые взгляды на самого человѣка, какъ личность, какъ гражданина.

Эти представленія и взгляды съ самаго начала получили наименованіе *философіи XVIII вѣка*,—наименованіе, не соотвѣтствующее предмету. Человѣческая культура не знаетъ ни одной философской школы, имѣвшей практическіе результаты, сколько нибудь похожіе на завоеванія писателей прошлаго вѣка. Ни одна *философія* никогда и нигдѣ не отождествлялась съ *общественнымъ мнѣніемъ*. Въ первый разъ это произошло во Франціи,—и разрушило всѣ привычныя представленія о развитіи и ростѣ какихъ бы то ни было философскихъ ученій.

Чтобы понять исключительный характеръ *философіи XVIII вѣка*—слѣдуетъ прежде всего обратиться къ личнымъ возрѣніямъ философовъ на свое дѣло и свою общественную роль. Именно эти воззрѣнія объяснятъ намъ небывалую въ исторіи цивилизаціи власть идей и теорій, провозглашенныхъ не вдохновенными пороками, а просто талантливыми писателями.

---

[107] Grimm: *Correspondance littéraire*. XII, 71.

II.

Представители самыхъ разнородныхъ политическихъ и философскихъ теорій прошлаго вѣка сходятся въ оцѣнкѣ одной философской системы, завѣщанной древнимъ міромъ: всѣ питаютъ одинаково восторженное удивленіе предъ высокими принципами стоической школы. Примѣръ поданъ былъ Монтескье въ *Персидскихъ письмахъ*. «Когда съ какимъ нибудь европейцемъ случится несчастье»,—говорится здѣсь,— «у него только и есть одно утѣшеніе—чтеніе нѣкоего философа, по имени Сенеки» [108]. Въ сочиненіи *Духъ Законовъ* Монтескье еще энергичнѣе высказался о стоической философіи. Ей посвящена цѣлая глава. По мнѣнію автора, въ древнемъ мірѣ не было ни одной философской школы, исповѣдовавшей принципы, болѣе достойные человѣка и болѣе способные воспитывать добродѣтельныхъ людей,—чѣмъ школа стоиковъ. Гибель философіи Зенона Монтескье считаетъ однимъ изъ бѣдствій всего человѣчества. Только эта философія умѣла создавать гражданъ, только она образовывала великихъ людей и великихъ императоровъ.

Монтескье до такой степени увлекается стоицизмомъ, что не отступаетъ предъ прославленіемъ императра Юліана,—хотя эти восторги являются прямымъ противорѣчіемъ взглядамъ автора на культурное значеніе христіанства.

Въ заключеніе Монтескье высказываетъ въ высшей степени важное замѣчаніе: «рожденные для общества, они—стоики—вѣрили, что ихъ назначеніе—работать для него и эта работа не казалась имъ тягостной, потому что награду за трудъ они находили въ самихъ себѣ; счастливые своей философіей,—они думали, что только счастіе другихъ можетъ умножить ихъ собственное» [109].

---

[108] *Персидскія письма*. С.-Петербургъ. 1892, стр. 65.

[109] *De l'esprit des lois*. Livre XXIV, chap. X: *De la secte stoique*. О христіанствѣ Chap III.

Энциклопедисты въ общемъ остались вѣрны этому чувству. Благодаря Гольбаху на французскій языкъ были переведены сочиненія Сенеки, тотъ же Гольбахъ убѣдилъ Дидро — написать разборъ этихъ сочиненій [110]. Именно Сенека долженъ былъ возбуждать особенное сочувствіе философовъ XVIII вѣка. У него не мало недостатковъ и достоинствъ, свойственныхъ самимъ энциклопедистамъ. Одинъ изъ новыхъ историковъ при чтеніи произведеній римскаго стоика чувствовалъ себя перенесеннымъ въ среду энциклопедистовъ [111]. И это совершенно естественное впечатлѣніе. У Сенеки таже склонность къ резонерству, острословію и изрѣдка къ софизмамъ, какой не чужды французскіе писатели XVIII вѣка,—при всей ихъ литературной талантливости и серьезности ихъ просвѣтительныхъ задачъ. Но тотъ же Сенека всѣхъ древнихъ философовъ превосходитъ ясностью логики, силой убѣжденія, необыкновеннымъ искусствомъ и тонкостью діалектики. Иное письмо къ Люцилію будто выхвачено изъ корреспонденціи Дидро или Даламбера, на самого Дидро они производили впечатлѣніе вольтеровскихъ брошюръ. Но еще больше родства—въ идеяхъ римлянина и энциклопедистовъ.

Популярность стоицизма въ XVIII вѣкѣ была подтверждена человѣкомъ, презрительно взиравшимъ на всю прошлую исторію человѣчества—Робеспьеромъ. Среди всѣхъ философовъ XVIII вѣка онъ считалъ безусловно достойнымъ похвалы одного Руссо,—но въ честь стоиковъ потребовалъ особаго празника въ только что основанной французской республикѣ. Знаменитѣйшіе республиканцы—Катонъ, Брутъ и его товарищи—принадлежали къ «высокой сектѣ стоиковъ», проповѣдывавшей столь благородныя идеи о достоинствѣ человѣка, исполненной такою энтузіазма предъ добродѣтелью, впадав-

---

[110] *Oeuvres des Dénis Diderot.*, Paris 1821. *Avertissement.*—Дочь Дидро сообщаетъ, съ какимъ восторгомъ ея отецъ принялся за работу, перечиталъ всю литературу о Сенекѣ, работалъ часто по четырнадцати часовъ въ сутки. *Memoires sur Diderot.* См. *Mémoires et correspondance et ouvrages inédits de Diderot.* Paris, 1841 p. 356.

[111] Laurent: *Etudes sur l'histoire de l'humanité*, III, 438.

шей въ крайности развѣ только въ своемъ героизмѣ. Стоики воспитывали соревнователей Брута и Катона даже въ ужасныя времена послѣ гибели римской свободы. Стоицизмъ спасъ честь человѣческой природы, униженной пороками преемниковъ Цезаря и въ особенности терпѣніемъ народовъ [112].

Мы видимъ, — каждая партія умѣла найдти нужныя ей доблести въ школѣ стоиковъ. Рѣчь Рабеспьера интересна только для характеристики воззрѣній крайней революціонной фракціи, развернувшей свою дѣятельность въ эпоху террора. Мысли вождя террористовъ важны лишь какъ дополненіе къ общей исторіи стоицизма въ XVIII вѣкѣ. Но собственно — просвѣтительный смыслъ школы вполнѣ исчерпывается критикой Монтескье и сочиненіемъ Дидро.

Этотъ смыслъ заключается — въ нравственной, общественно-преобразовательной проповѣди. Монтескье — первый изъ философъ — указалъ на эту черту стоицизма и тѣмъ самымъ открылъ внутреннее родство между философіей XVIII вѣка и древней школой. Стоики являлись съ самаго начала проповѣдниками извѣстныхъ практическихъ принциповъ, стремились пересоздать жизнь на другихъ основахъ, открыть человѣчеству новые пути къ духовному совершенствованію: все это было драгоцѣнными завѣтами для французскихъ просвѣтителей. Они — безъ различія партій — могли подписаться подъ этой программой.

Перечитывая *Нравственныя письма Сенеки*, невольно начинаешь вѣрить въ прямое заимствованіе основныхъ принциповъ XVIII вѣка изъ этого источника. Сколько тождественныхъ идей, даже выраженій и какъ поразительно сходны идеалы людей, отдѣленныхъ другъ отъ друга длиннымъ рядомъ вѣковъ!

Дидро, разбиравшему книги Сенеки, казалось, что онъ читаетъ у римскаго философа характеристику современныхъ французскихъ нравовъ. Это сходство Дидро видитъ даже въ

---

[112] *Oeuvres de Robespierre, recueillies et annotées par A. Vermorel.* Paris 1866, p. 322—4.

отдѣльныхъ типахъ, описываемыхъ Сенекой[113]. Онъ подслушиваетъ выраженія порабощенныхъ римлянъ, и они буквально совпадаютъ съ излюбленными истинами погибающихъ дѣтищъ стараго порядка. Развѣ знаменитое *après nous le déluge* не то же что ἐμοῦ θανόντος γαῖα μιχθήτω πυρί? Это все частности, но за ними скрывается общая почва, свидѣтельствующая въ тотъ и другой періодъ человѣческой исторіи о смѣнѣ одного строя жизни другимъ, еще не наступившимъ, но готовымъ дѣйствительно подобно потопу поглотить одряхлѣвшій міръ.

Новыя основы, предлагаемыя стоицизмомъ, одинаковые и него съ принципами просвѣтителей.

Сенека не одинъ разъ принимается осмѣивать старую схоластическую мудрость, презрительно обзываетъ ее *филологіей* и рисуетъ новыя задачи для философіи. Она должна быть—*закономъ жизни*, *искусствомъ жить*, а философъ—*наставникомъ рода человѣческаго*, *устроителемъ жизни* — *paedagogus generis humani*, *artifex vitae*[114]. Ясно, при такихъ задачахъ философіи—философъ неминуемо превращается въ проповѣдника, становится своего рода апостоломъ.

Стоикъ такъ и понимаетъ практическую дѣятельность своихъ послѣдователей. Онъ не перестаетъ доказывать пользу философской проповѣди. Въ нѣкоторыхъ письмахъ онъ предлагаетъ даже образцы этой проповѣди и требуетъ отъ самого проповѣдника непоколебимаго нравственнаго мужества: «Противъ мнѣній всего рода человѣческаго слѣдуетъ возвысить голосъ: вы безумствуете, заблуждаетесь, увлекаетесь пустяками, никого не цѣните по достоинству»[115]. Эпиктетъ въ высшей степени яркими красками рисуетъ апо-

---

[113] *Essai sur les règnes de Claude et Néron. Oeuvres.* 1821, XI p. 412—3.

[114] *Epistulae morales*: Quae philosophia fuit—facta philologia est, Lib. XVIII, ep. V. quod autem philosophia non vitae lex est? Lib. XIV, ep. II. Lib, XIV, ep. I. На нѣкоторыя мѣста этого же письма можно указать какъ на рѣдкій примѣръ увлеченія Сенеки—софистическими тонкостями діалектики и мало содержательнымъ резонерствомъ.

[115] *Ep. mor.* Ep. LXXXVII. „Dicam etiam invitis profutura": lib XIV, ep. I.

стольскій путь философа,—путь, исполненный лишеній, личныхъ обидъ, неустанной борьбы. Рабъ — философъ первый произноситъ слово *мученикъ*—μάρτυρος—въ смыслѣ *свидѣтель за истину*[116]. Оба философа, требуя философской проповѣди—только остаются вѣрными исконнымъ преданіямъ школы.

Что же будетъ проповѣдывать стоикъ? Отвѣтъ—всѣ идеи, провозглашенныя во Франціи семнадцать вѣковъ спустя, Прежде всего Руссо могъ каждую строчку своихъ разсужденій подкрѣпить ссылкой на сочиненія стоиковъ.

Онъ могъ прочесть у Сенеки негодующую характеристику утонченностей культуры и идеализацію естественнаго состоянія. Все, что говоритъ Руссо о блаженной жизни дикарей въ первобытныхъ лѣсахъ, съ буквальной точностью изображено римскимъ стоикомъ. Сенека доходитъ до отрицанія искуственной одежды, жилища, сложной пищи,—и для доказательства ссылается на скиѳовъ и другія дикія племена, умѣющія обходиться безъ всякихъ европейскихъ измышленій. Сенека называетъ жизнь ихъ—*naturalis modus*: это ничѣмъ не отличается отъ *l'etat naturel*[117].

Единственное спасеніе для культурнаго человѣка—возвратъ къ естественному состоянію: «мудрость состоитъ въ томъ, говоритъ Сенека, чтобы обратиться къ природѣ и вновь утвердиться въ томъ состояніи, откуда извлекли насъ людскія заблужденія»...[118]. Въ другомъ мѣстѣ философъ восклицаетъ: «Вернемся къ законамъ природы. Она богата всѣми благами»[119]. *Жить согласно съ природой — secundum naturam vivere*, τὸ κατὰ φυσιν ζῆν — излюбленный принципъ всѣхъ стоиковъ—съ самаго возникновенія школы.

---

[116] Διατριβῶν βι. γ; κβ; κζ; Ed. 1741. Выраженіе Эпиктета, соотвѣтствующее—paedagogus generis humani—ὁ παιδευτής ὁ κοινός.

[117] *Epist mor.* Lib. XIV, ep. II.

[118] „Hoc est enim sapientia in naturam converti et eo restitui unde publicus error expulerit“. *Ep. mor.* XV, ep. II.

[119] „Ad legem naturae revertamur—divitiae paratae sunt“. Ep. mor. Lib. III, ep. IV.

Несомнѣнно,— съ подобнымъ совѣтомъ логически должно быть связано идеальное представленіе о человѣческой природѣ въ ея сущности, не тронутой тлетворнымъ вліяніемъ культуры. Стоики, подобно философамъ XVIII вѣка, вѣрятъ въ прирожденныя нравственныя совершенства и свободу человѣка. «Ты ошибаешься», пишетъ Сенека своему ученику, «если полагаешь, что пороки рождаются вмѣстѣ съ нами: они возникаютъ позже, они результатъ внѣшнихъ вліяній!.. Природа не заражаетъ насъ ни единымъ порокомъ. Она создала насъ чистыми и свободными».

Очевидно, природа не могла освятить общественнаго и политическаго неравенства. По мнѣнію стоика, достаточно быть человѣкомъ, чтобъ имѣть право на милосердіе, гуманность. *Humanitas* — *humanité* стоиковъ переполняетъ произведенія Сенеки. Римскому философу принадлежатъ такіе принципы, вѣющіе истиннымъ дыханіемъ XVIII вѣка: «Природа создала насъ равными. Нѣтъ ни всадника, ни вольноотпущенника, ни раба: это пустыя наименованія, созданныя человѣческимъ тщеславіемъ. Рабство—противоестественно, потому что «человѣкъ для человѣка—нѣчто священное».

Съ этой точки зрѣнія все человѣчество является однимъ тѣломъ, весь міръ—общимъ отечествомъ людей: предъ нами еще одна идея просвѣтителей—*космополитизмъ*. Самое понятіе—*космополитъ*—принадлежитъ Эпиктету [121].

Стоикъ человѣка въ естественномъ состояніи рисуетъ истиннымъ царемъ всего живущаго. «Насъ природа произвела на свѣтъ великодушными. Вложивъ въ разныхъ

---

[120] „Natura nos cognatos edidit". „Homo—sacra res homini". Ep. mor. lib. XV, ep. III. lib. IV, ep. III. У Эпиктета находится разсказъ о томъ, какъ одинъ добрый человѣкъ, сынъ пирата, потерпѣвшаго крушеніе, оправдывалъ свой поступокъ такимъ соображеніемъ: οὐ τὸν ἄνθρωπον, ἀλλα τὸ ἀνθρώπινον τετίμηκα. (*Fragmenta* p. 778). Это—τὸ ἀνθρώπινον соотвѣтствуетъ выраженію *espèce humaine*, употребляемому Дидро и особенно часто—Кондорсэ.

[121] Λιατριβαί. βι. β' κ πυλίτης, εἶ τοῦ κόσμου. Та же самая мысль у М. Аврелія. Πρὸς ἑαυτὸν μς' μδ'.

животныхъ — дикость, хитрость, трусость, — намъ даровала благородный возвышенный духъ, стремящійся къ идеальной красотѣ, а не къ безопасности, духъ, подобный вселенной, съ которой онъ долженъ сообразоваться и соревновать, насколько въ его силахъ... Онъ—владыка всего, онъ выше всего: и пусть ничто не подчиняетъ его своей власти» [122].

Такое представленіе о человѣческомъ достоинствѣ должно было восхитить всѣхъ, кто шелъ на борьбу съ преданіями. Любопытенъ одинъ фактъ—у Сенеки вѣра въ человѣка, преклоненіе предъ человѣческой природой сливается съ тѣми самыми парадоксами, какими изумлялъ и увлекалъ европейскую публику женевскій философъ. Сенека рисуетъ городскую жизнь въ такихъ чертахъ, что можно подумать—предъ нами страницы *Эмиля.* Даже указаніе Руссо на рабство культурнаго человѣка предъ чужимъ мнѣніемъ предвосхищено Сенекой съ поразительной точностью [123]. Вообще диссертаціи Руссо могутъ быть въ полномъ объемѣ возстановлены по сочиненіямъ Сенеки.

Но у стоика есть еще принципъ, столь же для него священный, какъ и природа — *разумъ.* Это ничто иное, какъ только другое выраженіе для законовъ природы: Сенека ставитъ рядомъ *ratio* и *natura* совершенно въ тѣхъ же цѣляхъ, какъ это дѣлали въ XVIII вѣкѣ, говоря—*les lois de la*

---

[122] *Epist. mor.* Lib. XV, ep. II. Lib. XVIII, ep. I, и lib. XIX ep. VII: „Satis natura homini dedit roboris, si illo utamur, si vires nostras colligamus ac totas pro nobis, certe non contra nos concitemus. Nolle in causa est, non posse praetenditur“.

[123] Въ разсужд. *Quelle est l'origine de l'inégalité parmi les hommes:* „le sauvage vit en lui-même, l'homme sociable taujours hors de loi, ne sait que vivre dans l'opinion des autres“. Seneca: *Ep. mor.* Lib. XV, ep. II: „Magna pars sanitatis est hortatores insaniae reliquisse et ex isto coetu noxio procul abesse. Hoc ut esse verum scias adspice quanto aliter unusquisque populo vivat, aliter sibi... Ambitio et luxuria et inpotentia scenam desiderant sanobis ista, si absconderis“. Можно указать еще на книгу Гердера *Ideen zur Philosophie der Geschichte der Menschheit*, какъ на цѣлую сокровищницу тѣхъ же самыхъ нападокъ на городскую жизнь и культурное рабство.

nature et de la raison. Но отъ послѣдняго выраженія не отказался бы Вольтеръ и всѣ энциклопедисты, между тѣмъ какъ они же не изъявили бы ни малѣйшаго сочувствія навѣтамъ Сенеки на городскую жизнь, его безграничной идеализаціи естественнаго состоянія. Для всѣхъ просвѣтителей, кромѣ Руссо и его послѣдователей, успѣхи цивилизаціи и общественной жизни были разумны и дороги. Энциклопедисты, слѣдовательно, принуждены были нерѣдко оговариваться въ своихъ увлеченіяхъ стоическими ученіями.

Идеи свободы личности, человѣческаго достоинства, вѣра въ человѣческія силы — все это вошло въ философію XVIII вѣка. Но поправки и ограниченія начинаются съ основнаго положенія стоиковъ—о распространеніи идей. Знакомство съ этими поправками прямымъ путемъ введетъ насъ въ самую сущность французской мысли прошлаго вѣка,—сущность, безусловно оригинальную и единственную въ исторіи цивилизаціи.

Дидро могъ прочесть у Сенеки множество рѣчей крайне для себя симпатичныхъ: стоикъ любитъ употреблять понятія *humanitas*, *honestum*, *moralitas*: все это французскія *humanité honnête*, *moralité* и излюбленныя выраженія именно самого Дидро. Всѣ они свидѣтельствуютъ о тѣхъ же общественныхъ стремленіяхъ древней школы, какія сказались въ идеѣ о философской проповѣди [124]. Но энциклопедистъ былъ достаточно проницателенъ, чтобы открыть въ этой идеѣ одну черту, осуждавшую стоицизмъ на сравнительно незначительные практическіе результаты.

Сенека былъ подданнымъ Нерона и видѣлъ вокругъ себя рабовъ и безотвѣтныхъ жертвъ тиранна. Нравственнаго свѣта

---

[124] Дидро встрѣтилъ у Сенеки даже идею новой драмы, жанра средняго между трагедіей и комедіей. Сенека въ одномъ изъ писемъ настаиваетъ на исключительно-нравственной цѣли даже чтенія книгъ, („Dummodo quidquid legeris ad mores statim referas“—*Ep. mor.* Lib. XIV, ep. I).—Если бы Дидро обратилъ вниманіе на это правило, онъ могъ бы почерпнуть у стоика представленіе о поучительной мѣщанской драмѣ—своемъ любимомъ родѣ литературныхъ произведеній.

можно было ожидать развѣ только изъ страны варваровъ,— о чемъ дѣйствительно откровенно и заявилъ своимъ современникамъ Тацитъ. Думать о широкомъ распространеніи высокихъ принциповъ въ такой средѣ — было бы крайней наивностью. Философъ въ силу вещей принужденъ былъ заботиться о самомъ ограниченномъ кружкѣ избранныхъ и притомъ даже ихъ приходилось скорѣе учить умирать, чѣмъ жить. Къ философу и къ кому угодно изъ его учениковъ всегда могъ явиться преторьянецъ—и прервать и философію и самую жизнь. Фактъ неожиданно-близкой смерти всегда стоялъ предъ глазами именно того, кто имѣлъ право считать себя лучше другихъ.

Отсюда — безконечныя разсужденія Сенеки о смерти и о страхѣ предъ ней. Очевидно, это—разсужденія человѣка совершенно беззащитнаго. Гиббонъ краснорѣчиво изобразилъ эту беззащитность. «Римская имперія обнимала цѣлый міръ, и когда она подпадала подъ власть одного человѣка, весь міръ обращался въ надежную и страшную тюрьму для его враговъ. Жертва императорскаго деспотизма, — все равно влачила ли она свои позлащенныя цѣпи въ Римѣ и въ сенатѣ, или томилась въ изгнаніи на безплодномъ утесистомъ Сернерѣ или на холодныхъ берегахъ Дуная,—ожидала своей участи въ безмолвномъ отчаяніи... Сопротивленіе вело ее къ гибели, а бѣгство было для нея невозможно» [125].

При такихъ условіяхъ — естественнѣе всего человѣку искать утѣшенія въ своемъ личномъ нравственномъ мірѣ. Пусть по принципу онъ признаётъ необходимость проповѣди,—но всѣ поприща для нея закрыты. Мало этого. Философъ съ теченіемъ времени почувствуетъ глубокое отвращеніе къ людямъ, вынуждающимъ его на одиночество. Онъ перестанетъ довѣрять ихъ стремленіямъ. Ему будетъ казаться, что даже ихъ сочувствіе—нѣчто оскорбительное и порочное.

Въ результатѣ—ученіе о высшемъ блаженствѣ самосозерцанія, жизни въ самомъ себѣ, довольствѣ собою: *Sapiens se*

---

[125] *Исторія упадка римской имперіи* I, 113.

contentus est—мудрецъ доволенъ собою—неизмѣнное правило Сенеки. Всѣ стоики совѣтуютъ возможно дальше уйдти отъ внѣшней жизни, предоставить разыгрываться на свободѣ морю людскихъ страстей и хранить невозмутимый миръ въсобственной душѣ. Эпиктетъ рекомендуетъ всякому—питать исключительно интересъ къ самому себѣ и указываетъ на примѣръ Бога, пребывающаго въ состояніи вѣчнаго самоудовлетворенія и не ощущающаго нужды ни въ какихъ собесѣдникахъ. Маркъ Аврелій изумляется, какъ можно обращать вниманіе на чужое мнѣніе о себѣ [126].

Легко представить, какое впечатлѣніе должны были производить подобныя идеи на энциклопедистовъ. Они всѣми силами стремились къ публичной дѣятельности, у нихъ на первомъ планѣ стояло общественное мнѣніе, совмѣстная работа съ возможно бóльшимъ количествомъ—послѣдователей и сотрудниковъ—на пользу просвѣщенія.

Дидро протестуетъ противъ «монашескаго элемента» въ стоицизмѣ. Онъ не можетъ себѣ представить — философской мысли вдали отъ общества. «Философію», пишетъ онъ, «слѣдуетъ нести ко двору, предъ лицо вельможъ, на поприще общественной службы — иначе она — голосъ вопіющій въ пустынѣ. Мнѣ нравится мудрецъ, когда онъ на виду у всѣхъ, какъ атлетъ на аренѣ».

Сенека совѣтуетъ не возбуждать у другихъ ненависти, зависти и презрѣнія. Онъ пренебрежительно относится къ популярности и съ высоты философскаго величія совѣтуетъ отличать апплодисменты школы отъ рукоплесканій театра. По мнѣнію Дидро, — это значитъ парить въ облакахъ, т. е. «играть безсмысленную роль», исповѣдывать «монастырскіе и противообщественные взгляды».

Энциклопедистъ, напротивъ, нисколько не боится ни ненависти, ни зависти, ни презрѣнія: есть люди, чья ненависть —

---

[126] Seneca: *Epist. mor.* Lib. II, ср. III; lib. IV, ср. LXXIV, LXXXI Πρός Ἑαυτὸν ιβ', δ'; Ἐγχειρίδιον; „Μηδενὶ σπουδάζων φαίνου ἢ σεαυτῷ"; κεφ. Χγ'; Διατριβαί, βι. γ', κεφ. ιγ', ιδ'.

равняется славѣ; зависть—всегда почетна, презрѣніе часто простая аффектація. Относительно мнѣній народа—Дидро защищаетъ человѣческое достоинство толпы: «мы видѣли въ наши дни, говоритъ онъ, какъ государи продаютъ своихъ подданныхъ и обмѣниваются землями,—но человѣческое общество все таки не стадо животныхъ: смотрѣть на него такимъ образомъ — значитъ оскорблять человѣческую породу».

Сенека школу философіи называетъ святилищемъ, а философовъ—жрецами: для Дидро это дикія понятія, отнимающія у философіи жизненный смыслъ [127].

Намъ ясна теперь разница между практическими воззрѣніями стоиковъ и энциклопедистовъ. Послѣдователи Зенона — ближайшіе по идеямъ предшественники философовъ XVIII вѣка Трудно указать какой либо просвѣтительный принципъ, не высказанный тѣмъ или другимъ ученикомъ портика. Мы видѣли, — совпаденіе простирается даже на употребительнѣйшіе термины. И все таки древніе мудрецы прошли по исторической сценѣ едва замѣтной «сектой» — для громаднаго большинства современниковъ. Это былъ проселочный путь, доступный только отдѣльнымъ личностямъ. И стоики не старались сдѣлать его торнымъ.

Несмотря на высокое представленіе о человѣкѣ, въ сердцахъ философовъ гнѣздилось горькое чувство пессимизма и отчаянія. Сенека совѣтуетъ своему ученику уклоняться отъ общественной дѣятельности. Она ниже достоинства философа. Нужно особенное государство, чтобъ стоикъ рѣшился заняться его дѣлами: онъ не возьмется за преобразованіе безнадежной по его мнѣнію страны. И римскій стоикъ не видѣлъ предъ собой ни одного уголка на землѣ, гдѣ бы философъ съ достоинствомъ могъ исполнять политическія обязанности [128].

При такомъ взглядѣ на жизнь, — самые возвышенные прин-

---

[127] *Essai sur les règnes de Claude et de Néron. Oeuvres.* Paris 1821. I, 352. 333, 427—9, 336.

[128] *De otio* III, 3. „Secta fortissima et sanctissima“. Ep. mor. LXXXIII

ципы утрачивали практическій смыслъ. Стоическое представленіе о философѣ—апостолѣ оставалось идеальной мечтой,—отъ нея не было ни малѣйшей пользы для общества. Этого Дидро не могъ простить стоикамъ, при всемъ своемъ уваженіи къ нимъ и вполнѣ ясномъ представленіи о внѣшнихъ условіяхъ, окружавшихъ стоическую школу.

Философы XVIII вѣка воскресили старыя преданія, отнюдь не заимствуя ихъ изъ книжнаго источника, а снова натолкнутые на извѣстныя идеи историческимъ ходомъ вещей. Для преобразованія общества, переполненнаго рабскими недугами, суевѣріями, всевозможными нравственными извращеніями, — открывался, какъ и прежде при подобныхъ обстоятельствахъ,—тотъ же путь—природы, разума, гуманности. Но только новые философы этотъ путь превратятъ въ широкую большую дорогу, попытаются направить по ней все человѣчество и то, чтó раньше было мудростью школы, философскаго храма, уединенной виллы, они сдѣлаютъ достояніемъ площади, улицы, театра. Они во всемъ объемѣ осуществятъ идею стоической проповѣди и философское просвѣщеніе превратятъ въ религіозную пропаганду.

Стоики именовались «сектой», философы XVIII вѣка будутъ называться «церковью». Въ теченіе всей исторіи человѣчества философскій разумъ дважды принималъ на себя апостольскую миссію—преобразовать жизнь общества, создать новыя основы нравственныхъ воззрѣній и практической дѣятельности. Оба раза предъ реформаторами лежалъ трудный и продолжительный путь среди властныхъ вѣковыхъ преданій, среди беззаконій и недуговъ—личности и государства. Принципіальныя программы и въ томъ и въ другомъ случаѣ являлись одинаковыми, и даже жизненныя задачи во многихъ отношеніяхъ совпадали. Но стоики, въ силу историческихъ условій, не могли осуществить во всемъ объемѣ своихъ гуманныхъ реформаторскихъ идей и даже не вѣрили въ возможность осуществленія. Для нихъ родъ человѣческій—*genus humanum*—ограничивался предѣлами школы. Все внѣшнее оставалось добычей общаго мрака и рабства,—и на эту участь

философы смотрѣли, какъ на роковое непреодолимое зло. *По идеямъ* — стоицизмъ былъ прогрессивнымъ и дѣйствительно благороднѣйшимъ явленіемъ въ исторіи культуры, — по *на-настроенію* — онъ носилъ въ себѣ зерно современной нравственной подавленности, чувство безнадежности—при мысли о будущемъ человѣчества. Должны были придти люди, обладающіе неисчерпаемой жизненной силой, яснымъ и бодрымъ отношеніемъ къ дѣйствительности, оптимисты по натурѣ, вѣрующіе—одинаково и въ теоріи и въ личной дѣятельности. Тогда разумъ могъ ждать обширныхъ завоеваній, и разсчитывать на могучее практическое вліяніе: тогда онъ могъ стать своего рода религіей и школу и учениковъ превратить въ громадное общество вѣрующихъ.

Это именно и произошло съ философіей XVIII вѣка.

Энциклопедистамъ съ самого начала былъ ясенъ исключительный характеръ ихъ дѣятельности. Его предугадалъ писатель другой страны, бельгійскій врачъ XVII-го вѣка Ванъ—Гельмонтъ предсказывавшій возникновеніе новой религіи на смѣну стараго католическаго христіанства. Религію эту Ванъ-Гельмонтъ называлъ *Филадельфіей* и срокомъ ея начала полагалъ 1700-й годъ [129]. Онъ ошибся только на нѣсколько десятковъ лѣтъ. Новая религія, дѣйствительно, явилась въ первой половинѣ XVIII вѣка и къ концу столѣтія представитель старой религіи съ церковной каѳедры нашелъ возможнымъ заявить объ ея благодѣяніяхъ и побѣдахъ [130].

Общепризнанный основатель философской религіи—Вольтеръ, носившій даже соотвѣтственное прозвище—*патріарха*. Оно должно было особенно льстить вождю философовъ. Онъ

---

[129] Laurent. *Etudes sur l'histoire de l'humanite.* XII, *La philosophie du XVIII-e siècle et le christianisme.*

[130] Аббатъ Fauchet 5 августа 1789 года въ церкви св. Іакова произнесъ проповѣдь въ память гражданъ, погибшихъ при взятіи Бастиліи Проповѣдникъ высказалъ, между прочимъ, такую мысль: „Слѣдуетъ заявить, во всеуслышаніе, даже въ самыхъ храмахъ, что философія воскресила природу, возсоздала человѣческій духъ, возвратила сердце человѣческому обществу“. Ср. Laurent. *Op. cit.* XIII, p. 259.

находитъ великое удовольствіе—давать своимъ товарищамъ и сподвижникамъ различныя наименованія, обычныя въ христіанской церкви и вообще въ области религіозно-проповѣдническои дѣятельности. Вся переписка «патріарха» переполнена этими сравненіями. Остановимся на письмахъ Вольтера къ Даламберу: они отличаются глубиной сердечнаго чувства и истинно-дружеской задушевностью.

Вольтеръ въ теченіе всего философскаго періода занимаетъ центральное мѣсто среди представителей новой мысли. Всѣ они обращаются къ нему, какъ къ защитнику и руководителю, и онъ самъ требуетъ, чтобы ему сообщали вó-время обо всѣхъ происшествіяхъ въ литературѣ, въ политикѣ, въ общественной жизни. Даже если мы выдѣлимъ изъ писемъ Дидро и Даламбера обычныя любезности, особенно иногда горячія въ письмахъ Даламбера, — значеніе Вольтера все таки останется первостепеннымъ. Во время войны, поднятой Палиссо противъ философовъ Даламберъ заклинаетъ *патріарха*—принять участіе въ борьбѣ. «Вамъ, дорогой учитель», пишетъ онъ, «стоящему во главѣ литературы, оказавшему столько услугъ философіи, можетъ быть, болѣе другихъ оскорбляемому пьесой и свободному отъ какихъ бы то ни было страховъ,—слѣдуетъ отомстить за честь писателей» [131]. Въ другой разъ Вольтеръ самъ требуетъ, чтобы Дидро сообщилъ ему имена враговъ философіи: «я ихъ отдѣлаю по заслугамъ», грозитъ онъ, «въ новомъ изданіи *Всеобщей исторіи*» [132]. Въ критическія времена онъ говоритъ тономъ вождя, даетъ пароль по всему строю философской партіи. «Я васъ заклинаю—кричать и заставлять кричать», пишетъ онъ Даламберу по поводу дѣла Каласа. Онъ указываетъ, на что въ данную минуту должны быть направлены усилія энциклопедистовъ, — и, когда мужество борцовъ падаетъ, онъ всѣми силами старается ободрить ихъ: «Смѣлѣй, мои братья! Проповѣдуйте энергичнѣй, пишите искуснѣе и

---

[131] *Oeuvres complètes de Voltaire*. Ed. 1784, t. 68. p. 108.

[132] *Oeuvres de Denis Diderot*. Paris. 1821. XII, 285.

Богъ благословитъ васъ!..» Вольтеръ готовъ окончить дни свои, ободряя сподвижниковъ и защищая «стадо вѣрныхъ». Его вѣчная забота — поддержать единеніе защитниковъ новой мысли. «Пустъ истинные философы образуютъ братство, подобно свободнымъ каменщикамъ, пусть они собираются вмѣстѣ, поддерживаютъ другъ друга, пребываютъ вѣрными своему братству, — и тогда я готовъ идти въ огонь за нихъ. Эта тайная академія оказалась бы сильнѣе аѳинской академіи и всѣхъ академій въ Парижѣ» [133].

И Вольтеръ первый подавалъ примѣръ подчиненія своей личности общимъ цѣлямъ. Онъ отлично зналъ размѣры своего таланта и умѣлъ при случаѣ постоять за свое достоинство — писателя. Но когда вопросъ шелъ о судьбѣ философіи, надменный критикъ Шекспира и непримиримый обличитель Руссо превращался въ скромнаго литературнаго сотрудника. Онъ пишетъ Даламберу по поводу своихъ статей въ *Энциклопедіи*: «Я повиновался, какъ только могъ, вашимъ приказаніямъ. У меня нѣтъ ни времени, ни знаній, ни здоровья чтобы работать какъ мнѣ хотѣлось бы. Я посылаю вамъ свои опыты только какъ матерьялы, которыми вы можете пользоваться по своему усмотрѣнію для безсмертнаго сооруженія, воздвигаемаго вами. Прибавляйте, урѣзывайте; я вамъ даю свои неотдѣланные камни въ надеждѣ, что они пригодятся въ какомъ-нибудь углу вашего зданія» [134].

Другое письмо еще скромнѣе. «Пока во мнѣ останется искра жизни, я буду къ услугамъ славныхъ авторовъ *Энциклопедіи*. Я буду считать для себя высокой честью, если сумѣю внести свою слабую лепту въ величайшій и прекраснѣйшій памятникъ націи и литературы» [135]. Но Вольтеръ въ свою очередь и отъ другихъ требуетъ такого жа самоотреченія ради общаго дѣла. Онъ раздаетъ порученія во всѣ стороны—Даламберу, Гельвецію, Сорэну, множеству другихъ

---

[133] *Oeuvres compl. de Voltaire*. Ed. 1784, t. 68. pp. 204, 235, 452, 163.
[134] *Oeuvres compl. de Voltaire*. (Beuchot). t. LVI, p. 353.
[135] *Oeuvres eompl. de Voltaire*. Ed. 1784, t. 68 pp. 12—13.

лицъ, также причастныхъ къ философской пропагандѣ, — и настаиваетъ на точномъ исполненіи своихъ распоряженій. Особенно часты и отвѣтственны порученія на счетъ раздачи книгъ, не имѣющихъ ни малѣйшей надежды пройдти цензуру. Въ такихъ услугахъ «фернейская мануфактура» нуждалась безпрестанно и Вольтеръ не пропускалъ случая — сдѣлать выговоръ своимъ агентамъ за медленную или неискусную дѣятельность [136].

Философскую партію, какъ увидимъ, обуревало не мало раздоровъ и междуусобицъ. Но въ лучшія минуты она умѣла проникнуться однимъ духомъ и заявить о себѣ предъ лицомъ враговъ, какъ «о братствѣ», «о республикѣ», «о церкви». Одинъ изъ близкихъ друзей энциклопедистовъ въ шутливомъ тонѣ разсказываетъ, какъ философы собрались однажды и, вдохновенные духомъ святымъ, рѣшили почтить Вольтера статуей при его жизни [137]. За этой шуткой скрывается вполнѣ серьезная идея.

Вольтеръ постоянно пользуется традиціоннымъ языкомъ отцовъ церкви. У него иногда это также не чуждо шутливаго оттѣнка, но гораздо чаще рѣчь патріарха звучитъ вполнѣ серьезнымъ убѣжденіемъ и вдохновляющей силой. Онъ называетъ философскую партію *Божьей церковью*, *Іерусалимомъ*, *виноградникомъ*, надъ которымъ вѣетъ *св. Духъ*, философы — *миссіонеры*, *братья по духу*, *апостолы*, *стадо вѣрныхъ*. Отдѣльнымъ сподвижникамъ онъ даетъ наименованія — Даламберу — *Павелъ философіи*, Трюблэ *архидіаконъ*, Тиріо—*дьяконъ*. Онъ обнимаетъ ихъ, какъ братьевъ, во имя апостоловъ—предшественниковъ новой философіи, начиная съ Сократа, Эпиктета, Юліана и кончая Коллинсомъ, Юмомъ и Болинброкомъ. Каждый новый послѣдователь философіи—*прозелитъ*, и Вольтеръ убѣжденъ, что и въ новѣйшее время,

---

[136] Desnoiresterres. *Voltaire et la societé au XVIII siècle* Paris. 1875 VI, 249. Ср. *Correspondance littéraire* (Grimm) passim.

[137] Grimm. *Corresp. litt.* IX, 16.

какъ и въ эпоху христіанства, гоненія на *стадо вѣрныхъ и кровь мучениковъ* создаютъ прозелитовъ [138].

Многія ихъ этихъ выраженій съ перваго взгляда можно принять за простую игру словъ. Но они вполнѣ точно характеризуютъ сущность философской пропаганды и оружіе, какимъ пользовались просвѣтители. Придавая философіи смыслъ религіи, — этимъ самымъ писатели XVIII-го вѣка опредѣляли кругъ своей дѣятельности и манеру дѣйствовать. Стоики, вооруженные великими принципами, фактически пребывали въ полномъ равнодушіи къ ихъ распространенію. У древнихъ философовъ не было духа прозелитизма, составлявшаго главную силу новыхъ защитниковъ разума и природы. *Философія*—предметъ изученія для немногихъ, и поэтому философу нѣтъ необходимости особенно заботиться *о формѣ ученія*. *Религія* разсчитана на всѣхъ, имѣющихъ уши,—для нея существенный вопросъ, въ какомъ видѣ выпустить въ свѣтъ ту или другую идею. Отъ рѣшенія этого вопроса зависитъ судьба всей философской дѣятельности.

Въ *Энциклопедіи* находится въ высшей степени любопытная характеристика *философа*, какъ понимали его просвѣтители. Авторъ статьи, по всей вѣроятности, Дидро: въ статьѣ повторяется та же оцѣнка стоическихъ недоразумѣній на счетъ общества и «большой публики», съ какой мы познакомились на основаніи сочиненія Дидро о Сенекѣ. Основная идея статьи— философъ долженъ обладать всѣми общественными талантами, долженъ «желать нравиться и быть полезнымъ». Гражданское общество—для него своего рода «божество на землѣ». Ему отнюдь не слѣдуетъ сторониться отъ свѣтскихъ удовольствій, избѣгать жизненныхъ благъ: напротивъ, онъ, какъ и всѣ, будетъ посильно пользоваться всѣмъ этимъ. Вообще это—пріят-

---

[138] *Oeuvres compl. de Voltaire*. Ed. 1874, t. 69 p. 83, t. 68, 286, 290, 305, 269, 289, 282; t. 69, 193 (nous sommes comme les apôtres...); t. 68, 81, 113, 100, 107, t. 69, 195. Il est vrai que les enmemis ont aussi leurs armes: elles ont tué le chevalier de la Barre, elles ont blessé à mort Helvetius; mais le sang de nos martyrs fait des proselytes. Le troupeau des sages grossit à la sourdine.

нѣйшій собесѣдникъ, гуманный, любезный, только взирающій на міръ съ точки зрѣнія разума и просвѣщенныхъ мыслей [139].

Вольтеръ въ откровенной перепискѣ съ друзьями прибавилъ еще нѣсколько чертъ къ этой характеристикѣ. Даламберъ вполнѣ согласился съ этими чертами. Идеальный философъ—борецъ долженъ удовлетворять евангельскому совѣту: быть невиннымъ какъ голубь и мудрымъ какъ змѣя. Этотъ совѣтъ буквально повторяетъ Вольтеръ. Мудрость змѣи получаетъ еще дальнѣйшія разъясненія, вызываемыя тяжелыми внѣшними условіями дѣятельности философовъ. «Я желалъ бы», пишетъ Вольтеръ Даламберу, «чтобы вы были немножко плутомъ—un peu frippon». И дальше идетъ наставленіе, какъ особымъ стилемъ прикрывать опасныя идеи. Это значитъ быть одновременно неустрашимымъ и осмотрительнымъ. Вообще не слѣдуетъ всегда дѣйствовать въ открытую. Нужно раздавить гидру, но такъ чтобы, умирая, она не знала—кто ея убійца. Честные люди въ извѣстныя времена могутъ сражаться только подъ прикрытіями. Даламберъ немедленно съ полнымъ одобреніемъ повторяетъ эту истину. «Бросайте стрѣлу не показывая руки»,—пишетъ Вольтеръ и на основаніи этого не ставитъ имени на своихъ сочиненіяхъ и немедленно отрекается отъ нихъ въ случаѣ нужды. По поводу *Философскаго словаря* онъ пишетъ Даламберу: «Я думаю,—въ Парижѣ весьма мало экземпляровъ этого отвратительнаго алфавита, и что ихъ совсѣмъ нѣтъ въ опасныхъ рукахъ. Но лишь только представится малѣйшая опасность—я убѣдительно прошу васъ увѣдомить меня, чтобы я отрекся отъ этого произведенія во всѣхъ публичныхъ изданіяхъ—съ своей обычной искренностью и невинностью».

Вообще Вольтеръ—можетъ таскать изъ огня каштаны, не обжигая рукъ. Такъ характеризуетъ его Даламберъ, и Вольтеръ въ восторгѣ отъ комплимента. Философія будетъ сооружать свои стрѣлы изъ всякаго дерева. Все должно служить

---

[139] *Encyclopédie ou dictionnaire raisonnée.* Génève. 1779, art. *Philosophe* XXV, pp. 667—670.

ей, даже парламенты и нѣкоторые почтенные люди, проклинающіе ее и не вѣдающіе, что своими проклятіями они приносятъ ей пользу. «Не все ли равно», восклицаетъ Вольтеръ, «чью руку Богъ удостоиваетъ направлять къ своимъ цѣлямъ»! Иной политики трудно было держаться, когда каждый шагъ философа сторожили *церковныя крысы*, по выраженію того же Даламбера и съ ожесточеніемъ набрасывались на врага, лишь только онъ дѣлалъ малѣйшую оплошность. Вольтеръ превосходно въ двухъ словахъ изобразилъ положеніе просвѣтителя XVIII-го вѣка. Онъ перечисляетъ Даламберу замки, которыми можетъ располагать и прибавляетъ въ поясненіе: «философы всегда должны имѣть двѣ-три подземныхъ норы въ виду собакъ, гоняющихся за ними» [140].

Предъ нами краснорѣчивая картина войны — двухъ теченій. Историческія преданія и реформаторскія идеи стоятъ другъ противъ друга. На одной сторонѣ—всѣ матерьяльныя силы государства, оффиціальной власти, — на другой слово и мысль, разсчитанныя на сочувствіе общества. Такое положеніе безъ всякихъ колебаній опредѣляло пріемы философской пропаганды.

Мы видѣли,—въ энциклопедической статьѣ идеальный философъ изображается—человѣкомъ пріятнымъ и полезнымъ въ обществѣ. На соединеніи этихъ качествъ настаиваетъ Вольтеръ: «мой дорогой философъ, полезный и пріятный свѣту», обращается онъ къ Даламберу. Руссо, не питавшій къ общественной жизни такого пристрастія, какъ энциклопедистъ, настоятельно рекомендуетъ истинному философу чувство отзывчивости на людскія страданія, умѣніе глубоко проникать въ человѣческія сердца — и являться всюду помощникомъ и утѣшителемъ [141]. Руссо не хотѣлъ только от-

[140] *Oeuvres compl. de Voltaire.* Ed. 1784, t. 68 p. 451, 301, t. 69, 201, t. 68, 332, 452: Les honnêtes gens ne peuvent combattre qu'en se cachant. derrière les haies. Даламберъ: p. 457; 255, 317; t. 69, 159; t. 68, 270: 106 Qu'importe de quel bras Dieu daigne se servir! *Idem*—p. 357. 106.

[141] *Ib.* t. 68, 346.

[142] *Quelle est l'origine de l'inégalité parmi les hommes. Emile*: livre IV, 3-e maxime.

кровенно признать могучее средство, какимъ онъ самъ пользовался для достиженія этой цѣли: искусство популяризаціи отвлеченныхъ идей. Впослѣдствіи, поклонникъ Руссо—Робеспьеръ, осыпая упреками энциклопедистовъ, ни словомъ не помянулъ ихъ величайшей заслуги предъ цивилизаціей и предъ самой революціей. Одинъ изъ искреннѣйшихъ друзей свободы и просвѣщенія оказался гораздо справедливѣе. Кондорсэ нѣсколько разъ въ своихъ произведеніяхъ указываетъ—на значеніе философовъ XVIII-го вѣка, какъ популяризаторовъ научныхъ и нравственныхъ идей. Во вступительной академической рѣчи онъ привѣтствовалъ Академію за ея отношеніе къ писателямъ, лично не открывшимъ ничего новаго, но разъяснившимъ чужія открытія публики, создавшимъ союзъ между наукой и литературой. Въ разсужденіи *картина прогресса человѣческаго ума* Кондорсэ въ краткихъ словахъ далъ точную характеристику проповѣдниковъ новой религіи, назвавъ ихъ по именамъ. «Въ Европѣ возникъ классъ людей, менѣе занятыхъ открытіемъ и изслѣдованіемъ истины, чѣмъ ея распространеніемъ. Они посвятили себя борьбѣ съ предразсудками, находившими защиту среди духовенства, въ школахъ, въ правительствахъ, въ старинныхъ корпораціяхъ. Они полагали свою славу въ томъ, чтобы разрушать заблужденія народа, а не въ томъ, чтобы расширять предѣлы человѣческихъ знаній. Это—косвенный путь способствовать прогрессу, но не менѣе опасный и не менѣе полезный». И Кондорсэ, перечисляетъ средства этихъ борцовъ: все, что можетъ дать ученость, философія, умъ, литературный талантъ, все, начиная съ шутки и кончая патетической рѣчью, научная компиляція, романъ, летучій памфлетъ. Для слишкомъ слабыхъ лицъ истина нуждается иногда въ покровахъ,—ими съ великимъ искусствомъ умѣли пользоваться философы [143].

Все это разсужденіе привело бы Руссо въ страшное негодованіе. Онъ право говорить и писать о наукахъ признавалъ только—за оригинальными учеными первостепенной

---

[143] Condorcet. *Oeuvres complètes* X, p. 10).; VIII, 249—250.

силы, въ родѣ Бэкона, Ньютона, Декарта. Даже заниматься науками должно быть позволено только тѣмъ, кто совершенствуетъ ихъ собственными силами, а не компиляторамъ, открывающимъ доступъ въ научный храмъ для черни, недостойной даже приблизиться къ нему [144]. Это убѣжденіе не помѣшало Руссо трактовать о самыхъ разнообразныхъ отрасляхъ знанія и искусства, и, несомнѣнно, въ сильной степени подогрѣло ненависть Робеспьера, къ энциклопедистамъ, когда онъ обвинялъ ихъ въ угодливости предъ сильными міра, въ лицемѣріи и трусости.

Всѣ другіе писатели XVIII-го вѣка, кромѣ женевскаго философа, съ полной искренностью объяснили свои цѣли. Вольтеръ въ *Посланіи вѣрнымъ* писалъ: «цѣлесообразно писать только о предметахъ простыхъ, краткихъ, понятныхъ самымъ грубымъ умамъ. Пусть одушевляетъ писателей только истина, а не жажда блеска. Пусть они уничтожаютъ ложь и суевѣріе и учатъ людей—быть справедливыми и терпимыми. Слѣдуетъ желать, чтобы никто не пускался въ метафизику, понятную только для немногихъ и всегда дающую оружіе врагамъ. Надежнѣе и въ тоже время пріятнѣе—выставлять теологическіе споры въ смѣшномъ или ужасномъ свѣтѣ. Слѣдуетъ дать почувствовать людямъ, какъ прекрасны идеи о нравственности и какъ возмутительны догматы. Надо умѣть просвѣщать одновременно канцлера и сапожника» [145].

«Сапожники» иногда выводятъ Вольтера изъ терпѣнія—своей косностью и невѣжествомъ, но онъ неуклонно заботится объ ихъ умственномъ развитіи. Во время революціи эта заслуга Вольтера была признана народомъ и его представителями: «Онъ сдѣлалъ разумъ популярнымъ», писала современная газета; «научилъ народъ думать—и только благодаря этой наукѣ народъ могъ воспользоваться своими силами». Онъ приготовилъ народъ къ революціи,—говорили ора-

[144] *Si le retablissement des sciences et des arts a contribué à épurer les moeurs.*

[145] *Epître aux fidèles par le grand apôtre des Délices.*

торы Учредительнаго собранія, требуя перенесенія праха великаго философа въ Пантеонъ.—И замѣчательно въ эту эпоху слышались голоса, будто преднамѣренно опровергавшіе сужденіе Руссо о философахъ и «компиляторахъ». Очевидцы апоѳеоза Вольтера писали: «Не великаго поэта, не всеобъемлющаго ученаго, не перваго среди нашихъ историковъ народъ чествовалъ и боготворилъ, — а великаго философа, одного изъ главныхъ творцовъ революціи». И эти самые очевидцы вспомнили главное оружіе Вольтера, учившее народъ думать, — смѣхъ [146].

Вольтеръ совѣтуетъ *украшать разумъ—orner la raison*— остротами, смѣхомъ, салонной бесѣдой, потому что искусный разговоръ, два-три остроумныхъ замѣчанія, стоютъ хорошей книги — по своимъ результатамъ. «Смѣйтесь, мой дорогой философъ», пишетъ Вольтеръ Даламберу, «и наставляйте людей». Самъ Вольтеръ любитъ гораздо больше смѣшное, чѣмъ героическое. Онъ въ восторгѣ отъ Бомарше именно потому, что тотъ сумѣлъ достигнуть блестящихъ результатовъ путемъ смѣха: «онъ заставилъ смѣяться въ серьезномъ дѣлѣ—и всѣ оказались на его сторонѣ [147].

Друзья патріарха съ точностью слѣдуютъ его совѣтамъ. Съ какимъ усердіемъ и искусствомъ Даламберъ ведетъ философскую пропаганду въ обществѣ,—мы знаемъ изъ тѣхъ же писемъ Вольтера. Дидро оставилъ образчики философскихъ бесѣдъ съ свѣтской публикой. Ему случалось импровизировать свои статьи среди общей бесѣды, — напримѣръ статью *Sarrazin—въ Энциклопедіи* [148]. Гольбахъ и Гельвецій содержаніе своихъ сочиненій почерпнули изъ тѣхъ же бесѣдъ. Какъ салонный разговоръ сливался съ самыми серьез-

---

[146] *Le Mércurc de France.* 7 avril 1790. Laurent. *Etudes sur l'histoire de l'humanité. XIII, 261, 263—4.*

[147] *Oeuvres compl. de Voltaire*, t. 68, 291: cp. riez, mon cher philosophe et instruisez les hommes. 399, 161; 132: j'aime mieux les ridicules que les héros; t. 69, 213 cp. Desnoiresterres. *Voltaire et la société au XVIII-e siècle VII, 455.*

[148] Bersot. *Etudes sur le XVIII siècle*. Paris 1855. p. 471.

ными философскими идеями, лучше всего показываетъ одно небольшое произведеніе Дидро — *Разговоръ философа съ мармальшей де...*—Дидро начинаетъ разговоръ такимъ разсказомъ: «Мнѣ предстояло, не помню, какое дѣло у маршала***. Я отправился въ его отель утромъ. Маршала не было дома. Я велѣлъ доложить о себѣ его супругѣ, госпожѣ маршальшѣ. Это очаровательная женщина. Она прекрасна и набожна, какъ ангелъ. Ея лицо исполнено привѣтливости, звукъ ея голоса и наивность бесѣды какъ нельзя больше соотвѣтствуютъ внѣшности. Она сидѣла за туалетомъ. Мнѣ подали кресло, я сажусь и мы начинаемъ болтать».

Nous causons... не болѣе, а, между тѣмъ, дальше рѣшаются важнѣйшіе вопросы религіи и нравственности. И бесѣда ни на минуту не утрачиваетъ легкаго, изящнаго тона. Она такъ и блещетъ искрами вдохновеннаго остроумія. На этомъ фонѣ красоты, любезныхъ улыбокъ, граціозныхъ жестовъ развертывается истинно идейная картина, какой можетъ позавидовать кабинетъ серьезнѣйшаго мыслителя.

Такъ умѣли въ прошломъ вѣкѣ учить, и неизвѣстно кто больше испытывалъ наслажденія отъ такой науки, самъ ли учитель рядомъ съ даровитою красавицей, или эта красавица невольно, въ наивномъ порывѣ, восклицавшая: «Какъ! я философствую!»... [149].

Вождь философовъ отлично знаетъ значеніе такого рода бесѣдъ. Онъ въ своихъ письмахъ безпрестанно совѣтуетъ своимъ ученикамъ и сотрудникамъ чаще бывать въ обществѣ, вступать въ бесѣду со свѣтскими и вліятельными людьми, не пренебрегать случаемъ—бросить остроумное словцо по адресу той или другой личности, враждебной философскому движенію. Словцо будетъ подхвачено десятками охотниковъ до каламбуровъ и эпиграммъ, изъ салона перелетитъ на улицу, будетъ усвоено столичною толпой и жертва философскаго остроумія окажется заклейменной и униженной

---

[149] *Entretien d'un philosophe avec la maréchale de... Oeuvres philosophiques de Dénis Diderot*. Bruxelles 1829. III p. 179.

мимолетною остротой гораздо сильнѣе, чѣмъ глубокомысленнымъ, тяжеловѣснымъ и малодоступнымъ трактатомъ.

Факты на каждомъ шагу подтверждаютъ вѣрность этого разсчета фернейскаго патріарха. Достаточно вспомнить одинъ изъ самыхъ эффектныхъ. Академикъ Помпиньянъ, позволившій себѣ въ торжественномъ засѣданіи Академіи напасть на защитниковъ новыхъ идей, подвергся граду насмѣшекъ и эпиграммъ. Вольтеръ, какъ всегда, явился застрѣльщикомъ. Парижъ поддержалъ любимаго писателя—и Помпиньянъ принужденъ былъ навсегда покинуть столицу [150]. Такихъ результатовъ трудно было бы достигнуть людямъ, дѣйствующимъ на публику издали, изъ своего кабинета.

Но и дѣятельность на открытой сценѣ не много принесла бы пользы нравственнымъ и общественнымъ идеямъ, если бы личныя свойства просвѣтителей ограничились литературной талантливостью,—искусствомъ—пользоваться людьми и обстоятельствами. Такая практичность, какую проповѣдывалъ и осуществлялъ Вольтеръ, могла только подорвать нравственное вліяніе философовъ, если бы этой практичностью и ограничивались отношенія ихъ ко внѣшнему міру. Враги просвѣтителей какъ увидимъ дальше, умѣли выставить въ яркомъ свѣтѣ всѣ темныя стороны философской проповѣди,—и Робеспьеръ не приминулъ изложить ихъ съ ораторской трибуны. Но ни литературные противники философіи, ни политическіе радикалы не дорисовали картины до конца. А между тѣмъ, даже парижская чернь могла бы дополнить ихъ свѣдѣнія.

Руссо любилъ изображать эгоизмъ и равнодушіе философа къ страданіямъ ближняго. «Философія изолируетъ человѣка», писалъ онъ, «подъ вліяніемъ ея философъ, при видѣ страданій другаго, говоритъ про себя: Я въ безопасности». И по мнѣнію Руссо, подъ окнами философа можно задушить человѣка: философъ только заткнетъ уши, чтобы не слышать криковъ [151]. Это замѣчаніе осталось на долгое время девизомъ

[150] Съ этимъ эпизодомъ намъ придется встрѣтиться. Ср. Desnoiresterres *Op. cit.* V, 441 etc.

[151] *Quelle est l'origine de l'inégalité parmi les hommes.*

всѣхъ враговъ философіи,—и все таки врядъ ли въ теченіе XVIII вѣка была высказана другая клевета, равносильная по несправедливости и болѣе безсмысленная, чѣмъ инсинуація женевскаго гражданина.

Энциклопедисты отнюдь не намѣрены защищать чувствительныя сердца вообще всѣхъ философовъ. Вольтеръ и Даламберъ одинаково думаютъ, что философія сама по себѣ не располагаетъ къ чувствительности, — но оба они одарены рѣдкой способностью отзываться на страданія людей, совершенно чужихъ, принимать участіе въ судьбѣ несчастныхъ только потому, что они несчастны [152]. «Быть несчастнымъ—значитъ быть невиннымъ» — правило примѣняемое людьми XVIII-го вѣка даже относительно враговъ и измѣнниковъ [153]. Правда, Вольтеръ, напримѣръ, не отличался такимъ незлобіемъ, когда дѣло шло о судьбѣ его дорогихъ идей. Онъ не могъ простить отщепенства Руссо отъ партіи энциклопедистовъ. За этой злобой скрывалось признаніе громаднаго таланта Руссо. Сколько бы Вольтеръ ни осыпалъ рѣзкими рѣчами своего личнаго и идейнаго противника, онъ невольно долженъ сознаться, что измѣна одного такого сторонника, какъ Руссо, стоитъ вражды цѣлой партіи фанатиковъ. Вольтеръ даже простилъ бы ему личныя оскорбленія, если бы женевскій гражданинъ не сталъ, по нѣкоторымъ вопросамъ, на сторону женевскихъ священниковъ [154].

Что Вольтеръ способенъ былъ такъ поступить,—показываютъ его отношенія къ Даламберу. Существуетъ письмо, отъ Даламбера къ Вольтеру помѣченное первымъ марта 1744 года. Геометръ возмущается взглядомъ Вольтера на одно второстепенное историческое лицо: «Милостивый государь», пишетъ онъ, «неужели вы вѣчно останетесь льстецомъ по-

---

[152] *Oeuvres compl. de Voltaire.* Ed. 1784. t. 68, p. 420; t. 69 p. 307.

[153] Стихъ Лафонтэна, примѣненный къ Лагарпу, ставшему во время революціи ожесточеннымъ врагомъ движенія XVIII вѣка. *Histoire du théâtre français depuis commencement de la révolution,* par C. Etienne et A. Martainville. Paris 1804. *Gréf;* VII—VIII,

[154] *Oeuvres compl. de Voltaire.* Ed. 1784, t. 68 pp. 343, 347.

рока?» Подобный вопросъ, дающій понятіе о тонѣ всего письма—кровное оскорбленіе. Письмо—сомнительной подлинности [155], но оно не противорѣчитъ множеству безусловно достовѣрныхъ писемъ Даламбера.

Онъ никогда не переставалъ дѣлать строгія замѣчанія Вольтеру на счетъ его слишкомъ терпимаго отношенія къ знатнымъ и вліятельнымъ особамъ. Онъ является настоящимъ Мефистофилемъ Вольтера, но только всегда серьезнымъ, часто негодующимъ и рѣзкимъ. Онъ не пропускаетъ случая—сообщить Вольтеру объ измѣнническомъ поступкѣ того или другаго лицемѣрнаго знатнаго друга философіи. Онъ выводитъ на чистую воду Шуазеля, Ришелье, г-жу Дюдеффанъ, принцессу Робеккъ и цѣлый рядъ другихъ лживыхъ или ненадежныхъ доброжелателей Вольтера. Съ другой стороны онъ ведетъ упорную защиту Руссо. Онъ указываетъ на его одиночество, на его несчастія, причиняемыя болѣзнями, бѣдностью, личнымъ характеромъ. Онъ сравниваетъ благородныхъ друзей Вольтера съ этой жертвой фанатизма, — въ результатѣ нельзя и сомнѣваться, кто заслуживаетъ бóльшаго уваженія [156]. И Вольтеръ все это выслушиваетъ терпѣливо и не перестаетъ осыпать Даламбера увѣреніями въ горячей привязанности, въ искреннемъ восторгѣ предъ его личностью и дарованіями. Нѣкоторыя письма,—и особенно написанныя незадолго до смерти Вольтера—дышатъ юношески-пылкимъ чувствомъ [157].

Это чувство основано на дружномъ стремленіи къ одной идеальной цѣли. Та же самая цѣль вызываетъ у Вольтера и его друзей истинно-христіанскую дѣятельность въ средѣ, переполненной насиліями и неправдами. Кондорсэ пред-

[155] Письмо не помѣщено въ перепискѣ Вольтера съ Даламберомъ и напечатано въ дополненіи къ сочиненіямъ Даламбера парижскаго изданія 1822 года. Ср. Desnoiresterres. *Voltaire et la société au XVIII siècle* V pp. 160—1, rem. 1 и 2.

[156] *Oeuvres compl. de Voltaire.* Ed 1784, t. 68, pp. 2367, 121, 123, 114, 127. О Руссо: t. 68 pp. 211, 334; t. 69, pp. 67—9.

[157] *Ib.* t. 69, pp. 251, 255 etc.

ставляетъ философовъ XVIII вѣка фалангой, направленной противъ всякаго рода тиранніи, одушевленной чувствомъ *всемірнаго человѣколюбія — philanthropie universelle.* [158]. Во главѣ фаланги шелъ Вольтеръ, съ теченіемъ жизни ставшій общепризнаннымъ защитникомъ жертвъ—религіознаго фанатизма и судейской неправды.

Во время перенесенія праха Вольтера въ Пантеонъ на саркофагѣ были начертаны слова:

Il defendit Calas
Sirven, Labarre et Montbally.

Эти имена свидѣтельствовали о подвигахъ гуманности философа, извѣстныхъ всему міру. Но еще больше добрыхъ дѣлъ не знали—ни Франція, ни Парижъ. «Моя философія—чувствительна», — писалъ Вольтеръ и оправдывалъ это на дѣлѣ. Въ исторіи съ Сирваномъ Фридрихъ II явилъ примѣрное великодушіе. Вольтеръ по этому поводу сообщалъ Даламберу: «Эта капля бальзама упала на раны, нанесенныя разуму и невинности; она не много облегчила меня, но не исцѣлила. Мнѣ стыдно быть такимъ чувствительнымъ, такимъ отзывчивымъ въ мои годы. Я страдаю отъ землетрясенія въ Константинополѣ...., я плачу о людяхъ, у которыхъ вырываютъ языки...» Даламберъ, по мнѣнію его друга, ко всѣмъ этимъ вещамъ относился хладнокровно. «Вашъ желудокъ отлично переваривает, мой нѣтъ. Вы еще—молоды, а я больной старикъ, простите мои огорченія. Я только что прочелъ въ *Gazette de France*, какъ громъ поразилъ какую-то старуху, — и громъ не палъ на головы судей Аббевилля! Развѣ можно это переносить равнодушно». Очевидно, только подъ давленіемъ глубокой печали и мрачныхъ мыслей Вольтеръ могъ упрекнуть Даламбера въ равнодушіи: въ другое время онъ привѣтствуетъ его, какъ чувствительнаго и благороднѣйшаго человѣка во всемъ Парижѣ [159].

[158] *Tableau des progrès de l'esprit. humain.* An IX. p. 258—9.

[159] *Oeuvres compl.* Ed. 1784, t. 68, p. 409, ср. p. 420; t. 69 p. 307.

Дидро не менѣе Даламбера умѣлъ говорить съ Вольтеромъ энергическимъ даже гордымъ тономъ, когда Вольтеръ потребовалъ — прекратить изданіе *Энциклопедіи*, попавшей подъ цензуру Сорбонны. Недоразумѣніе едва не кончилось разрывомъ,—но Дидро продолжалъ отдавать должное заслугамъ Вольтера. «Славный и нѣжный другъ человѣчества», писалъ онъ патріарху, въ немногихъ словахъ рисуя весь образъ. Онъ сообщаетъ Вольтеру, сколько страданія причиняютъ добрыя дѣла философа фанатикамъ [160]. И философы иногда пользуются этимъ обтоятельствомъ: передаютъ значительныя суммы денегъ самому парижскому архіепископу для раздачи бѣднымъ [161].

Но главнымъ поприщемъ благотворительности Вольтера былъ Фернэй. Объ этомъ знали во всей Франціи, во время революціи вспомнили «о фернэйскомъ сеньёрѣ», какъ освободителѣ цѣлой страны, окружавшей замокъ, какъ борца за свободу горцевъ Юры, задушенныхъ феодальнымъ рабствомъ [162]. Посѣтители Фернэя разсказываютъ, какія теплыя чувства соединяли Вольтера съ простымъ народомъ. Солдаты иногда принимали участіе въ спектакляхъ философа—въ роли стражи, и рѣшительно отказывались получать плату: «Мы видѣли Вольтера», говорили они, «вотъ — наша награда». Вольтеръ приходилъ въ восторгъ и приглашалъ солдатъ приходить обѣдать въ его замокъ, когда они хотятъ [163].

Вольтеръ переносилъ своё сочувствіе народу, его нуждамъ и на болѣе широкую сцену. Дальше мы познакомимся съ его общественными взглядами. Теперь напомнимъ—его дѣятельное участіе въ финансовомъ вопросѣ, возникшемъ между сосѣдней ему страной—Gex—и финансовымъ вѣдомствомъ. Фи-

---

[160] *Oeuvres de Dénis Diderot*. Paris 1821, XII, pp. 368, 349.

[161] Такъ поступаетъ Даламберъ въ началѣ 1773 года—отъ лица всей *компаніи* и послѣ предварительнаго совѣщанія съ *братьями*. *Oeuvres compl. de Voltaire*. Ed. 1784, t. 69. p. 145.

[162] *Mémoires de Condorcet*. Paris 1824, I, 67. Laurent. *Op. cit.* XIII p. 264.

[163] Chabanon. *Tableau de quelques circonstances de ma vie*. Paris 1795. p. 140.

лософъ обнаружилъ искусство настоящаго политика, лично явился въ собраніе мѣстныхъ штатовъ. Населеніе устроило ему восторженную овацію. Его лошадей увѣнчали лаврами, забросали цвѣтами экипажъ, по всему пути—въ каждой деревнѣ— единодушные клики неслись на встрѣчу философу: *Yive le roi! Yive Yoltaire!* Описавъ это тріумфальное шествіе, современникъ прибавляетъ: «Даже для человѣка, самаго нечувствительнаго къ счастью своихъ ближнихъ и къ своей личной славѣ, такой день былъ бы однимъ изъ самыхъ блестящихъ дней во всей жизни,—тѣмъ болѣе для Вольтера, обладавшаго въ высшей степени тѣмъ и другимъ чувствомъ» [164].

Вольтеръ вмѣшался въ дѣла своихъ сосѣдей, разсчитывая на Тюрго. Онъ привѣтствовалъ новое министерство, какъ золотую эпоху въ исторіи Франціи. Эта вѣра съ особенной силой охватила страну, гдѣ жилъ Вольтеръ. Такъ онъ самъ заявлялъ, указывая при этомъ программу реформъ—установленіе свободной хлѣбной торговли и уничтоженіе натуральныхъ повинностей. «Эти двѣ предварительныя мѣры», писалъ Вольтеръ, «я считаю спасеніемъ Франціи» [165].

Дѣло не удалось довести до конца. Въ странѣ образовалась оппозиція противъ демократическихъ замысловъ Вольтера, Тюрго принужденъ былъ вскорѣ оставить министерство—и въ наказѣ третьяго сословія страны Gex мы читаемъ просьбы о тѣхъ самыхъ реформахъ, какія проэктировалъ Вольтеръ. Тотъ же самый наказъ объясняетъ намъ, какой характеръ носила дѣятельность Вольтера и откуда шла оппозиція. Мы знаемъ, что противъ Вольтера возсталъ синдикъ. Наказъ причисляетъ синдиковъ къ естественнымъ врагамъ народа: это все богатые собственники, а первый синдикъ третьяго сословія изъ дворянъ и кромѣ того субделегатъ интенданства.—При такихъ условіяхъ синдикъ не имѣлъ тѣсныхъ связей со страной, былъ совершенно равнодушенъ къ

---

[164] Desnoiresterres. *Voltaire et la societé au XVIII siècle* VIII, pp. 76—7.
[165] *Oeuvres cimplites.* (Beuchot), t. LXIX p. 364. *Leitre à dipont.*

интересамъ простолюдиновъ, и третье сословіе на собраніяхъ штатовъ не пользовалось никакимъ вліяніемъ [166].

Оказывается, слѣдовательно, Вольтеръ сталъ во главѣ народа противъ привилегированныхъ. Синдикъ именно и выставлялъ Вольтера, какъ агитатора противъ администраціи. Въ высшей степени любопытенъ одинъ пунктъ въ жалобѣ синдика: онъ обвиняетъ Вольтера, будто ему принадлежитъ идея о несовмѣстимости званія синдика и субделегата интендانства. Эта идея съ буквальной точностью воспроизводится въ наказѣ третьяго сословія четырнадцать лѣтъ спустя послѣ агитаціи Вольтера. Изъ той же жалобы мы узнаёмъ кандидатовъ Вольтера—на мѣста синдиковъ: это члены демократическихъ фамилій, даже для дворянства Вольтеръ рекомендуетъ сына второстепеннаго финансоваго чиновника [167]. Мы должны были коснуться всѣхъ этихъ подробностей затѣмъ, чтобы представить въ истинномъ свѣтѣ стремленія Вольтера въ эпоху высшаго расцвѣта его славы и вліянія. Въ то время, когда весь Парижъ преклонялся предъ нимъ, онъ самъ при встрѣчѣ съ Тюрго бросился со слезами цѣловать его руки. Тюрго, конечно, энергически воспротивился, но Вольтеръ прерывающимся отъ рыданій голосомъ воскликнулъ: «Дайте мнѣ поцѣловать руку, подписавшую спасеніе народа». Такъ разсказываетъ Кондорсэ, свидѣтель сцены [168].

Съ демократическими наклонностями Даламбера мы уже знакомы. Вольтеру постоянно приходится укрощать негодованіе своего друга противъ богачей и знатныхъ и оправдывать свое терпимое отношеніе къ нимъ. «Повѣрьте, мой доро-

---

[166] *Cahier général des Doléances, remontrances et voeux du tiers état du pays de Gex*, art 1, 2, 28. *Archives*. III, pp. 394, 396. Весь эпизодъ изложенъ въ соч.: Desnoiresterres: *Voltaire et la société au XVIII siècle*, VIII, pp. 72 etc Авторъ подробно говоритъ о сопротивленіи синдика Fabry планамъ Вольтера,—но считаетъ эту оппозицію исключительно результатомъ страха синдика—лишиться своего званія. Наказъ бросаетъ на вопросъ болѣе серьезный и вѣрный свѣтъ.

[167] Desnoiresterres. *Op. cit.* VIII, pp. 81—2.

[168] Condorcet. *Vie de Voltaire* p. 285.

гой философъ», пишетъ онъ, «я никогда ни одному знатному сеньёру не стану расточать такихъ похвалъ, какія слышала отъ меня г-жа Клэронъ. Личныя заслуги и страданія— вотъ что для меня голубыя ленты. Но и вы также слишкомъ справедливы, чтобы требовать отъ меня жестокихъ нападеній на людей, которымъ я глубоко обязанъ. Развѣ надо оскорблять человѣка, сдѣлавшаго намъ добро,—только потому, что онъ знатный господинъ?»... По этому отвѣту можно судить, до какой высоты поднимался тонъ Даламбера, когда рѣчь заходила о великосвѣтскихъ друзьяхъ Вольтера, и Даламберъ не считалъ даже нужнымъ входить въ подробныя объясненія. «Я люблю *великихъ людей*», писалъ онъ Вольтеру, «только въ томъ случаѣ, когда они, подобно вамъ, велики благодаря личнымъ силамъ и когда дѣйствительно можно считать за честь ихъ дружбу и уваженіе». Пылкій демократъ приглашалъ своего друга и учителя стать во главѣ философовъ и вступить въ открытую борьбу съ продажными пасквилянтами и ихъ благородными покровителями. Это—убѣжденный поклонникъ культурной независимой дѣятельности. На современниковъ онъ производитъ впечатлѣніе человѣка—простаго, но исполненнаго сознанія своихъ силъ и заслугъ. Въ его глазахъ философы—выше всѣхъ власть имѣющихъ, выше самихъ государей. Но его сердце также чутко и отзывчиво на призывъ всѣхъ обездоленныхъ и гонимыхъ. Въ дѣлѣ Каласовъ онъ принимаетъ горячее участіе, и вдова казненнаго именно къ нему обращается раньше чѣмъ къ другимъ. Онъ сообщаетъ Вольтеру, какое сильное впечатлѣніе произвело на него это свиданіе и убѣждаетъ учителя—воспользоваться связями съ министрами для защиты тулузскихъ жертвъ.

Его взгляды на роль философіи въ обществѣ дышатъ тою же гуманностью и той же демократической терпимостью. «Философія должна брать насъ такими, каковы мы на самомъ дѣлѣ,—со всѣми страстями и слабостями, насъ, недовольныхъ собой и другими, отъ природы склонныхъ къ праздности, безпокойныхъ и непостоянныхъ въ своихъ желаніяхъ. Что̀ другое остается дѣлать философіи, какъ не исцѣлять насъ своей красотой отъ

мучительныхъ волненій и удручающаго нравственнаго безсилія»? Это разсужденіе направленно противъ слишкомъ суровыхъ запросовъ къ человѣческой природѣ, составлявшихъ гордость стоицизма и соблазнявшихъ неразъ женевскаго философа. Естественно, — Даламберъ цѣнилъ идеи по ихъ доступности обыкновеннымъ смертнымъ. Онъ не боялся признать зависимость писателя отъ публики. «Общественное уваженіе—главная цѣль всякаго писателя. И первая истина, которую онъ желаетъ преподать своимъ читателямъ,—та, что онъ достоинъ ихъ уваженія». Энциклопедистъ не боится даже такъ называемую толпу—multitude—призывать въ судьи. «Тайный докучливый голосъ подсказываетъ намъ, что все прекрасное, великое, истинное—всѣмъ и нравится, а все, не удостоившееся общаго признанія, лишено, очевидно, какого-нибудь изъ этихъ качествъ. Похвалы толпы не столько лестная награда сами по-себѣ, сколько вѣрнѣйшее свидѣтельство о достоинствахъ. произведенія. Самолюбіе съ умѣренными претензіями, заявляющее, что оно ограничивается одобреніемъ немногихъ,—въ сущности трусливое самолюбіе, желающее утѣшить себя заранѣе, раньше неудачи, или озлобленное самолюбіе, утѣшающее себя послѣ удара» [169].

Третій первенствующій представитель философской мысли Дидро — соединяетъ достоинства мужественнаго борца и гуманнѣйшаго человѣка. Вольтеръ откровенно заявлялъ, что онъ не желаетъ быть мученикомъ, — и не разъ принимался убѣждать Дидро — перенести изданіе *Энциклопедіи* изъ страны «обезьянъ» въ болѣе спокойное мѣсто. Дидро считалъ нравственнымъ долгомъ вынести всѣ испытанія. Особенно тяжело ему пришлось, когда Даламберъ отказался помогать ему въ редактированіи изданія и позже, когда изда-

---

[169] *Oeuvres comp. de Voltaire.* Ed. 1784, t. 68 pp. 377, 236—7, 117, 230 *Lettre à m. J. J. Rousseau. Oeuvres complètes de J. J. Rousseau.* Paris 1822, II, pp. 223, 225—6. „Une voix secrètec et importune nous crie que qui est beau, grand et vrai plaît à tout le monde, et que ce qui n'obtient pos le souppage général manque d: quelqu'une de ces qualités!“

тель—Лебретонъ, подъ вліяніемъ страха, тайкомъ исказилъ множество статей. Даламберъ отстранился отъ дѣла, не разсчитывая съ достоинствомъ вести его при усиленной цензурѣ всей Сорбонны. Онъ полагалъ, что и Дидро послѣдуетъ его примѣру, такъ какъ *Энциклопедія* въ рукахъ богослововъ должна была стать «сборникомъ капуцинадъ», а не философскимъ словаремъ. Въ такомъ смыслѣ было послано письмо Вольтеру,— и патріархъ съ обычной страстностію принялъ сторону Даламбера, самъ отказался отъ сотрудничества и потребовалъ назадъ свои статьи, настаивая, чтобы Дидро также бросилъ изданіе. Дидро не хотѣлъ и слышать объ этомъ. Онъ, покинутый двумя главнѣйшими сотрудниками, проявилъ изумительную энергію и — побѣда осталась за нимъ.

Предъ нами письмо Дидро къ Вольтеру отъ 19 февраля 1758 г.: это одно изъ краснорѣчивѣйшихъ произведеній эпохи, отражающее душу типичнаго просвѣтителя.

«Бросить дѣло», пишетъ Дидро, «значитъ повернуть тылъ у бреши, сдѣлать именно то, чего желаютъ негодяи, преслѣдующіе насъ. Если бы вы знали, съ какой радостью они услышали объ уходѣ Даламбера и на какія хитрости они пускаются, чтобы помѣшать его возвращенію! Нечего ждать, что, наконецъ, воздадутъ должное разбойникамъ, которымъ отдали насъ на жертву: и намъ просто неприлично требовать этого: развѣ они не могутъ оскорблять кого угодно и. между тѣмъ, никто на нихъ не обижается?... Что̀ же дѣлать? То, что̀ подобаетъ мужественнымъ людямъ— пренебрегать врагами, преслѣдовать ихъ, и пользоваться, какъ мы это и дѣлали до сихъ поръ глупостью нашихъ цензоровъ».

Дидро вовсе не ослѣпленъ своимъ предпріятіемъ и его результатами. Онъ не хочетъ уйдти съ поля борьбы только по своему личному глубокому убѣжденію. «Вы, пожалуй, подумаете», продолжаетъ онъ, «что я слишкомъ держусь за

---

[170] *Ib.* t. 68, pp. 69, 70, 81.

Энциклопедію,—и ошибетесь. Мой дорогой учитель, мнѣ минуло сорокъ лѣтъ. Я усталъ отъ дрязгъ. Ежедневно съ утра до вечера я кричу,—покоя, покоя, — и не проходитъ дня, чтобы я не чувствовалъ искушенія уйдти со сцены и умереть спокойно въ моей родной провинціи. Со временемъ все смѣшается вмѣстѣ, и тогда, — какое мнѣ дѣло, Вольтеръ я или Дидро и — дольше будутъ жить ваши три слога или мои? Надо работать, надо быть полезнымъ, слѣдуетъ отдавать отчетъ въ своихъ талантахъ»... Такъ думаетъ философъ, хотя онъ отлично знаетъ, какъ труденъ и, можетъ быть, безцѣленъ путь нравственнаго просвѣщенія. «Быть полезнымъ для людей! Не значитъ ли это только забавлять ихъ, и существуетъ ли на самомъ дѣлѣ большая разница между философомъ и флейтистомъ? Публика слушаетъ того и другаго съ удовольствіемъ или отвращеніемъ, и остается тѣмъ, чѣмъ была. Аѳиняне никогда не были до такой степени жестокими, какъ во времена Сократа и, можетъ быть, его существованію они обязаны только лишнимъ преступленіемъ. Пусть въ моихъ словахъ больше дурнаго настроенія, чѣмъ здраваго смысла,—я все-таки возвращаюсь къ *Энциклопедіи*»....

На требованіе Вольтера — возвратить ему письма Дидро отвѣчаетъ: «больше не сердитесь на меня и въ особенности не требуйте назадъ вашихъ писемъ, потому что я вамъ верну ихъ и никогда не забуду этого оскорбленія».

Спустя нѣсколько времени онъ въ краткихъ и рѣшительныхъ словахъ отвѣчаетъ на колебанія Вольтера—продолжать сотрудничество въ *Энциклопедіи* или нѣтъ. Поведеніе Дидро, очевидно, произвело впечатлѣніе на патріарха, но ему неловко было сразу отступить послѣ столь энергическихъ заявленій о разрывѣ. Въ іюнѣ Дидро пишетъ ему: «Если я хочу вашихъ статей, милостивый государь и дорогой учитель, развѣ въ этомъ можетъ быть сомнѣніе? Ужъ не надо ли совершить путешествіе въ Женеву и на колѣняхъ умолять васъ—присылать ваши произведенія? Выбирайте, пишите, присылайте, почаще присылайте» [171].

[171] *Oeuvres de Denis Diderot*. Paris 1821, XII pp. 288—291, 296.

Наконецъ, Вольтеръ уступилъ,—и даже принялся заботиться о безопасности Дидро. При всякомъ сомнительномъ слухѣ онъ предлагаетъ издателю *Энциклопедіи* перенести свою дѣятельность на сѣверъ, гдѣ къ философіи относятся терпимѣе, чѣмъ во Франціи. И на этотъ разъ убѣжденія Вольтера тщетны.

«Ни въ какомъ случаѣ не думайте», пишетъ Дидро, «чтобы опасность, которой я подвергаюсь, работая среди варваровъ, сдѣлала меня малодушнымъ.... Развѣ понапрасну носятъ имя философа? Какъ! У лжи будутъ свои мученики, а истину будутъ проповѣдывать только трусы? Въ *братьяхъ* особенно нравится мнѣ одинъ фактъ: они менѣе объединены ненавистью и презрѣніемъ къ тому, что вы называете *l'infâme*, чѣмъ стремленіемъ къ правдѣ, чувствомъ гуманности и любовью къ истинѣ, къ добру и красотѣ. Это своего рода тройца, и она нѣсколько получше, чѣмъ тройца нашихъ враговъ. Недостаточно знать больше ихъ, слѣдуетъ имъ показать, что мы лучше ихъ, и что философія создаетъ больше добрыхъ людей, чѣмъ «довлѣющая» или «дѣйствующая» благодать. Другъ Дамилавилль скажетъ вамъ, что моя дверь и мой кошелекъ открыты во всякій часъ и для всѣхъ несчастныхъ, которыхъ посылаетъ мнѣ мой добрый геній. Они располагаютъ моимъ временемъ и моимъ талантомъ, я помогаю имъ совѣтами и деньгами. Такъ я служу общему дѣлу, и фанатики, окружающіе меня, видятъ это и дрожатъ отъ ярости. Они—сами нравственно-извращенные — хотѣли бы, чтобы я какимъ либо дурнымъ поступкомъ далъ имъ поводъ—выставить на позоръ наши чувства. Но, клянусь, имъ не представится такого случая».

Тоже самое Дидро говоритъ и относительно гуманной дѣятельности Вольтера. «Ахъ! великій братъ, вы не знаете, какъ эти презрѣнные, постоянно дѣлая зло и все таки воображая, что только имъ однимъ предоставлено право дѣлать добро, — страдаютъ, видя въ лицѣ вашемъ друга людей, отца сиротъ и защитника угнетенныхъ».

Убѣжденія Вольтера—«покинуть страну обезьянъ, превратившихся въ тигровъ» безпрестанно возобновляются. Пере-

селеніе философовъ изъ варварской страны онъ считаетъ законной местью варварамъ. Дидро сознаетъ всѣ опасности, понимаетъ отлично каждаго врага философіи,—и все таки остается въ Парижѣ. Помимо личныхъ и семейныхъ соображеній, его удерживаетъ здѣсь странный, но не поколебимый оптимизмъ. Каждое утро онъ встаетъ въ надеждѣ, что ночью злодѣи потерпѣли заслуженную кару, что нѣтъ больше фанатиковъ, власти поняли свои настоящія выгоды и сознаютъ наконецъ, что философы лучшіе подданные. Это глупость, но глупость прекрасной души, неспособной долго вѣрить въ силу зла. Въ другой разъ Дидро кажется невѣроятнымъ, чтобы рѣшились преслѣдовать человѣка, отдавшаго лучшіе свои годы на служеніе родинѣ. Развѣ не достаточно уже того, что *они* предоставили другимъ прославлять, награждать и ободрять этого человѣка? Не сдѣлавъ ему добра, они не посмѣютъ причинить зло.

Вольтеръ иногда сравниваетъ Дидро съ Сократомъ.—Энциклопедистъ отвѣчаетъ: «если мнѣ выпадетъ на долю участь Сократа,—повѣрьте—не достаточно только *умереть* какъ онъ умеръ, чтобы заслужить честь—стоять рядомъ съ нимъ» [172].

Эту честь Дидро завоевывалъ страстной отзывчивостью на каждый фактъ въ области дорогихъ ему идей. Врядъ ли какой мыслитель вложилъ въ свое дѣло больше личныхъ страданій, тѣснѣе связалъ личное счастіе съ судьбой своихъ

---

[172] *Ib.* pp. 347—9; 362—3; 364, 367. C'est une bêtise, mais c'est la bêtise d'une belle ame, qui ne peut croire longtemps à la méchanceté“ Не можемъ не указать на совпаденіе этой страницы изъ письма Дидро съ слѣдующимъ мѣстомъ, въ одномъ изъ писемъ Бѣлинскаго. Здѣсь дѣло идетъ также о борьбѣ личнаго прекраснодушія съ удручающей дѣйствительностью но о борьбѣ, переходящей—подъ вліяніемъ другихъ еще болѣе тяжелыхъ условій—въ глубокую скорбь. Бѣлинскій пишетъ: „Я уже не та экстатическая прекрасная душа, которая, обливаясь кровавыми слезами, избичеванная внутренними и внѣшними бѣдами, оскорбленная въ самыхъ законныхъ и святыхъ стремленіяхъ и желаніяхъ, клялась и увѣряла всѣхъ и каждаго, а вмѣстѣ и себя, что жизнь—блаженство, и что лучше жизни нѣтъ ничего на свѣтѣ“. (Пыпинъ. *Бѣлинскій его жизнь и переписка.* С.-Петербургъ 1876. II, 129).

стремленій. У насъ есть подробный разсказъ самого Дидро и его дочери объ эпизодѣ съ Лебретономъ, издателемъ послѣднихъ томовъ *Энциклопедіи*.

Лебретонъ, по выраженію Дидро, «тайно изувѣчилъ, урѣзалъ, обрубилъ, обезчестилъ десять томовъ» словаря. Злополучный редакторъ сознавался своему врагу, что онъ «перестал пить, ѣсть и спать», узнавъ о злодѣяніи, онъ плакалъ надъ погибшимъ трудомъ двадцати пяти лѣтъ.... Дидро до конца жизни не могъ забыть обиды. «Я никогда не слыхала», разсказываетъ дочь, «чтобы онъ могъ хладнокровно вспоминать объ этомъ событіи. Онъ былъ убѣжденъ, что публика, подобно ему, понимала недостатки каждой статьи, и двадцать лѣтъ спустя невозможность поправить дѣло—все еще огорчала его» [173].

Тѣ же воспоминанія дочери многочисленными фактами подтверждаютъ отзывъ Вольтера о добротѣ Дидро. Громадныя познанія не изсушили его сердца: Вольтеру это явленіе казалось исключительнымъ. Дочь прибавляетъ, что познанія ея отца принадлежали всѣмъ. Онъ много работалъ, но три четверти его жизни были отданы тѣмъ, кто нуждался въ его кошелькѣ, въ его талантахъ, въ его помощи. Философъ не отказывалъ въ своихъ услугахъ даже завѣдомымъ врагамъ. Готовность быть полезнымъ первому встрѣчному—граничила съ наивностью и влекла ко многимъ прискорбнымъ ошибкамъ и разочарованіямъ [174].

Таковы были главнѣйшіе проповѣдники новой религіи. Съ личностями второстепенныхъ дѣятелей мы встрѣтимся въ тѣхъ случаяхъ, когда намъ придется говорить о гоненіяхъ на философію. Мы увидимъ, что ея враги не ограничивались нападками на *идеи*. Въ ихъ интересахъ было прежде всего — унизить и опозорить *личности*. Война съ

---

[173] Письмо къ Лебретону въ *Correspondance*. Op, cit. p. 351 etc. *Mémoires pour servir à l'histoire de la vie et des ouvrages de Diderot par m-me de Vandeuil. Mémoires... de Diderot*. Paris. 1841, II p. 352.

[174] *Correspondance. Ib.* p. 311. *Mémoires* pp. 353—4.

этой стороны являлась гораздо понятнѣе большой публикѣ и несравненно опаснѣе для философовъ, чѣмъ борьба на поприщѣ логическихъ доказательствъ. Но противникамъ новой мысли предстояло искажать истину, приписывать всевозможные пороки и нравственные недуги—людямъ, извѣстнымъ своей гуманностью, готовностью оправдать на дѣлѣ высокіе принципы своего ученія. Въ словахъ Дидро: мало знать больше враговъ философіи, надо показать имъ, что философы лучше ихъ и что философія стóитъ католическаго ученія о благодати, — заключается могущественный мотивъ успѣховъ философіи. Старой религіи противопоставлена новая, оправдываемая практической нравственностью. Сверхъестественная благодать замѣняется человѣческой силой, гораздо болѣе дѣйствительной—въ примѣненіи къ общественной жизни и личному совершенствованію. И проповѣдники этой силы пользуются путями, ведущими къ возможно широкому распространенію идей. Ихъ проповѣдь становится постепенно настоящей религіозной пропагандой, и сходство завершается стремленіемъ—осуществлять идеи въ житейскихъ отношеніяхъ къ людямъ, — и притомъ не только въ тѣсной личной жизни, а на широкомъ поприщѣ общественныхъ вопросовъ. При такихъ условіяхъ, партія философовъ являлась государствомъ въ государствѣ,—даже важнѣе, чѣмъ государство. «*Литературная республика*» — *la république des lettres* могла считаться выразительницей болѣе многочисленныхъ, болѣе живыхъ и, слѣдовательно, болѣе сильныхъ стремленій—*общества*, чѣмъ правительство, представлявшее—*государство* въ тѣсномъ смыслѣ слова. Поэтому,—совершенно естественно, въ теченіе вѣка—ученіямъ церкви противополагались идеи философовъ, а въ концѣ вѣка — воля правительства встрѣтила на своемъ пути—силу общественнаго мнѣнія

Мы видѣли, что ни въ самихъ идеяхъ XVIII го вѣка, ни въ ихъ религіозномъ значеніи—не было ничего безусловно-новаго. Исторія уже знала философскую школу, въ высшей степени родственную энциклопедистамъ по теоретическому содержанію и жизненнымъ задачамъ. Сами энциклопедисты

указали на это родство. Но они смѣло и неуклонно пошли по пути, только намѣченному у стоиковъ. Отвлеченную характеристику философа-проповѣдника они осуществили въ жизни, прибавили къ ней всѣ черты и свойства, какія необходимы въ практической борьбѣ, храмъ посвященныхъ — превратили въ форумъ всего человѣчества, — и результаты быстро обнаружились. Въ ученіи римскаго стоика, особенно любимаго философами прошлаго вѣка, до такой степени много христіанскихъ идей, что еще въ древности составилось представленіе о близкихъ сношеніяхъ Сенекой съ апостоломъ Павломъ. Новые изслѣдователи доказали сказочность этого преданія [175], — но внутренняя связь между многими стоическими и христіанскими воззрѣніями отъ этого нисколько не потерпѣла. Только практически она не могла обнаружиться, долженъ былъ явиться апостолъ, чтобы внести въ жизнь принципы, процвѣтавшіе въ далекомъ отъ міра философскомъ уединеніи. Настало время, когда защитникъ разума и гуманности могъ привѣтствовать своего сподвижника—*Павломъ философіи*. Въ этомъ эпитетѣ рядомъ съ остроуміемъ заключалась совершенно серьезная культурная идея, одной чертой изображался исключительный характеръ философіи XVIII-го вѣка. Людямъ не было нужды ожидать другихъ учителей и другихъ мотивовъ учительства: будущее принадлежало философамъ и ихъ разуму.

III.

Современники философскаго движенія съ рѣдкимъ единодушіемъ указываютъ эпоху его разцвѣта. Для насъ, конечно, убѣдительнѣе всего свидѣтельство вождя философовъ. Оно вполнѣ совпадаетъ со всѣми другими извѣстіями [176].

---

175 Объ этомъ вопросѣ существуетъ цѣлая литература. Назовемъ сочиненія: Fleury. *S. Paul et Sénèque*. 1853. Bauer: *Drei Abhandlungen zur Geschichte der alten Philosophie*, 1876. Буассье: *Римская религія*. Москва 1878, стр. 365 и проч.

176 Многія извѣстія собраны въ книгѣ Aubertin'a: *L'esprit public au XVIII, siècle*. Paris, 1873, — преимущественно на основаніи мемуаровъ

Въ *Философскомъ словарѣ* Вольтеръ писалъ: «Около 1750 года нація, пресытившись стихами, трагедіями, комедіями, операми, романами, романическими исторіями и еще болѣе романическими нравственными размышленіями и богословскими спорами о благодати и о судорогахъ, принялась, наконецъ, разсуждать о хлѣбѣ» [177]. Эта тема входила въ программу вновь возникшихъ преобразовательныхъ теорій и знаменовала настоящую революцію общественной мысли. Съ каждымъ годомъ признаки новаго теченія умножались. Со второй половины столѣтія мы безпрестанно слышимъ такого рода заявленія современниковъ: «во всѣхъ произведеніяхъ нашего времени приходится встрѣчать философію или нѣчто философское»; «въ наше время все носитъ философскій отпечатокъ»; «теперь во Франціи все философское, философическое и философія» [178]. Возникаетъ особый родъ брошюръ, соотвѣтствующій духу времени, — такъ называемые—*Esprits*, *Abrégés*, *Pensées*, *Dictionnares*. Ими переполнена литература. Писатели, не одаренные оригинальной мыслью, стремятся познакомить публику съ воззрѣніями болѣе или менѣе знаменитыхъ поэтовъ, философовъ, политическихъ дѣятелей, государей, иногда даже представить общую картину умственныхъ теченій въ какую-либо эпоху. Мы постоянно наталкиваемся на такого рода изданія: *Esprit d' Henri IV*, *Esprit de Leibnitz*, *Esprit de Marivaux*, *Esprit de Montaigne*, *Esprit des monarques philosophes*, *Esprit de m-lle de Scudéry*, *Esprit de la Fronde*, *Esprit des tragédies et tragi-comédies qui ont paru depuis 1630 fusqu'au 1761*. Вольтеръ, характеризуя свой вѣкъ, называетъ его, между

Барбье и сочиненій Даржансова, pp. 272 etc... Мы приводимъ указанія, отсутствующія у Aubertin'а.

[177] *Dictionnaire philosophique*. Art. *Blé Oeuvrs compl*. Paris 1826 p. 12.

[178] *Corréspondance litt*. (Grimm). Paris 1877. IV, 492. (Dec. 1761: il faut compter de voir pendant quelque temps du philosophe ou philosophique dans toutes nos productions.) V, 449 (Fevr. 1764: tout a aujourd'hui une teinte philosophique VII, 225 (Fevr. 1767: tout est aujourd'hui philosophe, philosophique et philosophie en France).

прочимъ, «вѣкомъ брошюръ и извлеченій», а себя самого— *un brochurier* [179]. Всѣ эти часто весьма поверхностные и недолговѣчные продукты досужей компиляціи отвѣчаютъ характерной потребности эпохи. Они—проявленія все той же «философіи вѣка», какъ *Энциклопедія* и книги Вольтера и Руссо. Во всѣхъ этихъ *Esprits* и *Pensées* излагаются взгляды на вопросы о религіи, о государствѣ, о семьѣ, о личности. Публика чувствуетъ жгучую жажду запастись такого рода взглядами въ виду несоотвѣтствія дѣйствительности идеальнымъ стремленіямъ современной мысли. Объ успѣхахъ философской пропаганды особенно драгоцѣнны свидѣтельства людей, не сочувствовавшихъ движенію. Враги далеки отъ мысли уменьшать его размѣры. Напротивъ, въ ихъ представленіи философія является своего рода эпидемическимъ недугомъ времени.

Одинъ изъ талантливѣйшихъ противниковъ новой мысли поэтъ Жильберъ, умершій въ очень юномъ возрастѣ, не достигши тридцати лѣтъ, оставилъ сатиру *Le Dix-huitième siècle*. Здѣсь съ извѣстной точки зрѣнія представлена характеристика основныхъ явленій философскаго вѣка и намъ еще не разъ придется обращаться къ этому произведенію. Жильберъ, между прочимъ, говоритъ: «Публика рабски повинуется волѣ философовъ. По ихъ слову собирается тысяча ученыхъ кружковъ, и здѣсь, въ этихъ свѣтскихъ домашнихъ трибуналахъ, среди двухъ десятковъ красавицъ, мѣщанокъ, увлеченныхъ новой философіей, надменные инквизиторы распредѣляютъ славу, взвѣшиваютъ таланты и оцѣниваютъ умы». Жильберъ, дурно награжденный своей партіей, съ очевидной злобой описываетъ счастье молодого писателя, «ставшаго солдатомъ подъ знамена философовъ». На его долю выпадаетъ слава, обѣды въ знатныхъ домахъ, «весь Парижъ привѣтствуетъ его», «къ его услугамъ издатели», «его осыпа-

---

[179] *Corresp. littéraire adressée à son altesse imperiale m. le grand duc aujourd'hint empereur de Russie.* (La Harpe). Paris, an IX. V, 270.

ютъ богатыми пенсіями», Вольтеръ именуетъ его геніемъ [180]. Нѣсколькими годами раньше парижскій аристократъ, возмущенный всюду проникающимъ философскимъ духомъ, писалъ Вольтеру: «Вы должны чувствовать себя вполнѣ удовлетвореннымъ: философія съ каждымъ днемъ совершаетъ все новые подвиги. Съ тѣхъ поръ какъ вашъ счастливый геній зажегъ во французскомъ святилищѣ свѣточъ гуманности, низведенный когда-то Сократомъ съ неба, онъ не перестаетъ распространять свой свѣтъ. Можно даже сказать, — этотъ свѣтъ началъ дѣлать настоящія опустошенія». Графъ изъ вѣжливости въ началѣ своего письма сказалъ комплиментъ дѣятельности Вольтера: дальше онъ опасается, что явится, пожалуй, второй Сервантесъ: до такой степени расплодились забавные, по его мнѣнію, донкихоты, производящіе только безполезный шумъ въ публикѣ. И въ заключеніе авторъ совѣтуетъ Вольтеру сдержать пылъ учениковъ и научить ихъ чувству мѣры [181]. Совершенно такое же впечатлѣніе французское общество произвело на иностранца, также мало сочувствовавшаго французской философіи. «Знаете-ли вы, что такое философія»,—писалъ этотъ авторъ,—«и что означаетъ здѣсь это слово? Прежде всего, это названіе обнимаетъ собою почти весь свѣтъ» [182].

Изъ всѣхъ этихъ указаній вытекаетъ одно заключеніе: высшій слой французской публики очень быстро и легко поддался новымъ теченіямъ мысли. Во время выборовъ въ Генеральные Штаты этотъ фактъ былъ засвидѣтельствованъ ораторомъ третьяго сословія. Онъ заявилъ, что избиратели «должны оказывать почетъ *мыслящей знати*, умножающейся къ счатью со дня на день» [183]. Эта знать свой новый образъ

[180] *Le Dix-huitième siècle.* Satire à m. Fréron par m. Gilbert. Nouvelle édition. Amsterdam, 1776.

[181] *Lettre à m. de Voltaire sur les opéras philosophi—comiques. Touraille* Amsterdam, 1769. Имя автора—Comte de la Touraille—(*Bibl. Nation.*) не стоитъ на брошюрѣ.

[182] Horace Walpole, у Тэна; *Les orig. de la France contemp.* Paris.1876.I.378.

[183] „Renfermons—nous dans le respect que nous devons à la Noblesse pensante, dont le nombre heureusement va croissant de jour en jour“. *Extrait du discours de M. Maton.* Chassin. *Les élections.* II, 399.

мыслей не замедлила доказать фактами. Они извѣстны въ большомъ количествѣ: Тэнъ тщательно собралъ ихъ въ своемъ сочиненіи о старомъ порядкѣ. Мы укажемъ нѣсколько другихъ, сообщенныхъ современниками и представляющихъ часто большой интересъ. Старая французская монархія исключала самодѣятельность личности въ общественной жизни. Новыя теоріи могли проникнуть въ эту область съ величайшимъ трудомъ, и прежде всего ихъ вліяніе должно было ограничиться семьей и частной жизнью. Въ этомъ отношеніи мы встрѣчаемъ разсказы, на нашъ взглядъ иногда едва вѣроятные. Напримѣръ, аристократическая семья воспитываетъ двухъ своихъ дѣвочекъ, какъ *чужихъ* дочерей. Опытъ имѣетъ цѣлью показать, какое вліяніе производитъ воспитаніе на тѣхъ дѣтей, которыя не знаютъ своихъ родителей сравнительно съ тѣми дѣтьми, которымъ извѣстно ихъ происхожденіе. Опытъ, по мнѣнію родителей, удается блистательно; въ результатѣ получается, по выраженію современника, «характеръ по истинѣ идеальный». Родителямъ, конечно, стоило не малыхъ усилій хранить тайну и сдерживать свои чувства къ дѣтямъ до извѣстнаго періода. Это оцѣниваютъ, и герцогъ Шатрскій награждаетъ отца—именно за его стоицизмъ—сотней тысячъ экю. Бургундскій помѣщикъ учреждаетъ медаль для мальчика, признаннаго отцами семейства «самымъ благоразумнымъ и добродѣтельнымъ» въ округѣ. Такая же заботливость простирается и на нравственное воспитаніе взрослыхъ. Въ 1775 году одно лицо предлагаетъ Академіи капиталъ на премію за сочиненіе, посвященное вопросу, какъ содѣйствовать улучшенію нравовъ. Правительство находитъ предложеніе неумѣстнымъ и запрещаетъ Академіи принять капиталъ. Тогда государственный совѣтникъ Монтіонъ предлагаетъ той же Академіи учредить награду за добродѣтель. Совѣтникъ свое предложеніе обставляетъ настолько искусно, что правительству неудобно на этотъ разъ отказать въ разрѣшеніи. Въ письмѣ въ Академію Монтіонъ писалъ: среди націи есть люди, доблести которыхъ остаются неизвѣстными. «Извлечь эти доблести изъ мрака значитъ—вознаградить ихъ

и бросить въ народъ сѣмена нравственности». «Виновникъ доблестнаго поступка, подлежащаго наградѣ, мужчина или женщина, не долженъ по сословію быть выше буржуа,—желательно, чтобы награждаемый избирался среди низшихъ слоевъ общества». Высказывалось желаніе, чтобы фактъ, подлежащій обсужденію, имѣлъ мѣсто въ Парижѣ или въ окрестностяхъ столицы, — во первыхъ потому что Академіи легче было бы при такихъ условіяхъ навести справки, и потомъ — писалъ Монтіонъ — «нигдѣ нравы народа не нуждаются въ такой степени въ преобразованіи какъ въ столицахъ». Рѣчь которую надлежало произносить при каждомъ назначеніи преміи, учредитель проэктировалъ представлять на усмотрѣніе дофина «Такимъ образомъ», — писалъ Монтіонъ, — первые же взгляды наслѣдника престола будутъ обращены на классъ людей, удаленный отъ трона, и онъ рано узнаетъ, что и среди нихъ существуютъ добродѣтели» [184].

Монтіонъ въ каждой строкѣ своего письма обнаружилъ именно тѣ идеи, какія въ его время признали бы «философскими», — и попытался—искусной рукой юриста—къ общественно-преобразовательному вопросу привязать интересъ высшихъ сферъ. Капиталисты, во имя философіи, приносили и болѣе значительныя жертвы. Со второй половины XVIII-го вѣка французскимъ обществомъ овладѣла настоящая «лихорадка благотворительности». Наши источники полны извѣстіями объ учрежденіяхъ—больницъ, пріютовъ, пенсій, даже даровыхъ юридическихъ консультацій для бѣдныхъ [185]. «Лихорадка» не исчезнетъ вплоть до самой революціи. Наказы всѣхъ сословій будутъ переполнены ходатайствами—въ интересахъ всѣхъ, обиженныхъ природой или обстоятельствами—преступниковъ, неизлѣчимо-больныхъ, глухонѣмыхъ, незаконнорожденныхъ. Богачи покидали свой обычный образъ жизни, отказывались часто отъ самыхъ блестящихъ матерьяльныхъ

---

[184] *Corresp. litt.* (Grimm). XIV, mai 1785; oct. 1785, p. 262; XI, 22; XIII, mai 1782.

[185] *Mémoires secrets* (Bachaumont). Londres, 1777, 11 oct. 1771.

перспективъ и отдавались наукѣ и отвлеченной мысли. Таковы Гельвецій, Ажинкуръ, бывшіе генеральные откупщики. Этого мало. Постепенно начинаетъ преобразовываться весь строй жизни высшаго класса. «Философы»—говоритъ современникъ, — «учили, что нѣтъ болѣе невознаградимой потери, чѣмъ потеря времени»—и сообразно съ этимъ взглядомъ совершенно мѣняется обычное время-препровожденіе аристократовъ и богачей. Исконная французская galanterie исчезаетъ. Салонныя бесѣды на романическія и всякія другія забавныя темы, раньше наполнявшія большую часть дня, становятся предметомъ воспоминаній [186]. Появляется типъ новаго молодого человѣка, чувствующаго отвращеніе къ обычной свѣтской жизни. Современники не ошибаются въ источникѣ и мотивахъ этого чувства: они говорятъ о такомъ юношѣ: «il est trop philosophe» Художественная литература подробно характеризуетъ міросозерцаніе новаго героя и мы находимъ здѣсь всѣ главныя идеи вѣка.

Молодой Сэнвиль, сынъ президента, съ прекраснымъ общественнымъ положеніемъ и независимымъ состояніемъ, ведетъ упорную войну съ отцемъ. Президентъ хочетъ, чтобы сынъ его являлся въ салонахъ, поддерживалъ престижъ семьи, и въ результатѣ выбралъ себѣ богатую партію. Сыну, оказывается, ненавистны всѣ основы, на которыхъ держится современная общественная жизнь. «Онъ обзываетъ низостью взаимныя уступки, которыя по необходимости скрѣпляютъ общественныя связи». «Онъ говоритъ то, что думаетъ» — и въ отвѣтъ на настоянія отца такъ оправдываетъ свое поведеніе:—«Я видѣлъ, какъ безстыдство царствуетъ въ свѣтѣ, и за счастіемъ надо гоняться съ мѣднымъ лбомъ, чтобы пробить себѣ дорогу. Здѣсь приноситъ пользу только искусство импонировать и людямъ дѣйствительно достойнымъ выпадаютъ на долю едва лишь сухая похвала и безплодное уваженіе». Сэнвиль презираетъ «химеры», чарующія общество—благородное происхожденіе, богатство. «Оставимъ», — гово-

[186] *Mem. secr.* XXIII, 258. *Corresp. litt.* (Grimm.) XIV 359 etc.

ритъ онъ отцу,—«толковать о благородствѣ крови. Въ глазахъ справедливости всѣ имѣютъ одинъ и тотъ же рангъ. Будемъ взвѣшивать *дѣйствительныя* права. Самое высокое происхожденіе не должно имѣть здѣсь ни капли вѣса». Дѣйствительнымъ благомъ молодой герой считаетъ добродѣтель—*vertu*, — популярнѣйшее понятіе въ литературѣ XVIII вѣка. Онъ горячо возстаетъ противъ всего *формальнаго*, выдуманнаго общественной прихотью: «La forme est contre moi», говоритъ онъ въ такомъ же смыслѣ, въ какомъ Руссо вскорѣ станетъ декламировать противъ условностей культурной среды [187].

Сэнвилль не скрываетъ что его «образъ мыслей противорѣчитъ нравамъ времени и навлечетъ на него оскорбительныя насмѣшки». Это его отнюдь не безпокоитъ, составляетъ даже его гордость. Придетъ время, когда Сэнвиллей окажется большинство, они побѣдятъ. На эту побѣду, очевидно, разсчитываетъ авторъ произведенія, откуда мы взяли этотъ типъ. Такой разсчетъ тѣмъ характернѣе, что авторъ Лашоссэ—менѣе всего принадлежалъ къ защитникамъ новаго движенія, никто изъ современниковъ не признавалъ его «философомъ» и его свидѣтельство мы можемъ поставить наравнѣ съ сатирой Жильбера и съ вышеупомянутымъ письмомъ къ Вольтеру.

Сэнвилль—сынъ президента, принадлежитъ, слѣдовательно, къ молодому поколѣнію парламентской магистратуры. Авторъ не случайно взялъ типъ *философа* именно въ этой средѣ Впослѣдствіи мы увидимъ, какимъ страшныхъ бичемъ для философіи явились порламенты. Тѣмъ краснорѣчивѣе было появленіе и въ этой фанатической корпораціи сторонниковъ новой мысли.

Философы съ особеннымъ удовольствіемъ отмѣчаютъ этотъ фактъ. Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ Вольтеръ писалъ Даламберу о нарожденіи новаго поколѣнія, исполненнаго ненависти къ фанатизму, и въ этомъ фактѣ видѣлъ залогъ не-

---

[187] *La gouvernante*, drame, I, 3; III, 4.

далекой побѣды разума [188]. Вольтеръ возлагалъ большія надежды на молодежь. Вліяніе на юношей составляло главнѣйшую цѣль его философской пропаганды. «Я люблю развращать юношество», говорилъ онъ,—и современникъ, близко знавшій патріарха, разсказываетъ, какое чарующее дѣйствіе производило общество Вольтера на его юныхъ соотечественниковъ. Онъ умѣлъ вложить въ другаго человѣка такую же пожирающую страсть къ умственной работѣ, какая воодушевляла его самого. «Самая холодная голова», прибавляетъ разсказчикъ, «подлѣ него сдѣлалась бы мыслящей и дѣятельной» [189]. Вольтеръ подтверждаетъ этотъ фактъ,—именно относительно парламентской молодежи.

Тулузскій парламентъ превосходилъ едва ли не всѣ другіе раболѣпіемъ предъ традиціями, религіознымъ фанатизмомъ,—и въ этомъ парламентѣ Вольтеръ имѣлъ множество молодыхъ друзей, состоявшихъ съ нимъ въ самой дѣятельной перепискѣ. Изъ среды такой молодежи вышли впослѣдствіи защитники демократическихъ принциповъ въ родѣ адвоката de Lahaie, издавшаго въ эпоху выборовъ въ Генеральные Штаты брашюру. Одно заглавіе брошюры привело парижскую полицію въ сильнѣйшее безпокойство, заглавіе дѣйствительно, довольно оригинальное: *Ce que personne n'a dit: encore je le dirai*. Это значило говорить въ защиту *черни—la populace*, ея политическаго такта, довѣрчивости и скромности [190].

Такъ широки и быстры завоеванія философіи. Новые прозелиты не остаются безучастными къ вопросу о теоретической пропагандѣ новыхъ идей. Тэнъ указываетъ на интересный фактъ, сказавшійся въ результатѣ философской проповѣди: множество аристократовъ превратилось въ авторовъ.

---

[188] „Il s'élève une génération nouvelle qui a le fanatisme en horreur. Les premières places seront un jour occupées par des philosophes; le règne de la raison se prépare"... *Lettres de M. Voltaire*, 1784, de l'impimerie de la société littéraire-typographique. I, 290. Письмо отъ 1 марта 1764 года.

[189] Chabanon. *Tableau de quelques circonstances de ma vie*. Paris 1795. p. 127—8: „Je veux débaucher la jeunesse"...

[190] *Lettres*, Ib. I, 281; II, 65. Chassin. Les élections II 585.

Историкъ цитируетъ слѣдующее заявленіе одного изъ нихъ: «Мы уже отказались отъ этихъ готическихъ и нелѣпыхъ предразсудковъ касательно занятій литературою. Что касается меня, то я завтра же написалъ бы комедію, если бы только у меня былъ талантъ на это; а если бы меня разсердили немножно, то я и сыгралъ бы ее вдобавокъ». И Тэнъ для доказательства называетъ нѣсколько пьесъ, принадлежащихъ перу аристократовъ [191]. Фактъ аристократическаго авторства слѣдуетъ представлять въ иной формѣ и придавать ему больше значенія, чѣмъ это дѣлаетъ Тэнъ. Не особенно важно, что аристократы во второй половинѣ XVIII вѣка стали сочинять: это они дѣлали гораздо раньше и «готическихъ и нелѣпыхъ предразсудковъ касательно занятій литературою» не держались аристократы познатнѣе автора, упоминаемаго Тэномъ. Ограничимся тѣмъ отдѣломъ литературы, о которомъ говорится въ цитатѣ. Въ полемикѣ о театральныхъ представленіяхъ въ XVII вѣкѣ дѣятельное участіе принялъ принцъ Конти, и въ 1666 году издалъ брошюру *Traité de la comédie et des spectacles*. Аристократическіе романы, поэмы и разнаго рода стихотворенія появлялись въ эпоху гораздо болѣе раннюю, чѣмъ философскій періодъ. Дѣло, слѣдовательно, не въ томъ, что знать начала писать а въ направленіи и цѣли этихъ писаній. Они были посвящены вопросамъ эпохи, и притомъ часто защитѣ новаго движенія. Правда, эти работы не отличаются видными достоинствами, но во всякомъ случаѣ обнаруживаютъ у авторовъ извѣстную тенденцію.

И здѣсь во главѣ идутъ духовенство и парламентская магистратура. Тулузѣ рядомъ съ свободомыслящей парламентской молодежью суждено видѣть еще болѣе смѣлаго аббата. Переписка Вольтера полна извѣстіями объ этомъ ученикѣ Сорбонны, послѣдователѣ философіи и прежде всего самого Вольтера. Аббатъ Одра исполняя обязанности профессора исторіи, публично читалъ лекціи по сочиненію Вольтера *Всеобщая исторія*. Аббатъ даже перепечаталъ книгу

---

[191] *Происх. Соврем. Франціи.*, русск. изд. I. Стр. 410—11.

для своихъ слушателей. Книгу сожгло высшее духовное начальство, но это не мѣшало «почти всему парламенту», какъ пишетъ Вольтеръ, сбѣгаться на лекціи Одра. Фернейскому патріарху удается навербовать нѣсколько богослововъ въ сотрудники *Энциклопедіи.* Статьи ихъ идутъ къ Даламберу чрезъ Ферней, здѣсь редактируются и исправляются. Вольтеру нерѣдко приходится смягчать тонъ и содержаніе произведеній, принадлежащихъ духовнымъ авторамъ. Даламберъ въ свою очередь въ восторгѣ отъ статей, но проситъ чтобы составители не слишкомъ обнаруживали когти по нѣкоторымъ вопросамъ.

Подобную дѣятельность въ области политическихъ вопросовъ за долго до революціи обнаруживаютъ члены парламентовъ. Генеральный адвокатъ гренобльскаго парламента сочиняетъ *Discours sur l' administration de la Jultice criminelle*, — ничто иное, какъ подробное развитіе юридическихъ принциповъ Беккаріи. Потомъ выходятъ въ свѣтъ его же *Discours fur les progrè des connaissances humaines* и *Apologie de la Bastille.* Вторая брошюра отличается особенной ядовитостью: авторъ доказываетъ божественныя и политическія права государственной тюрьмы, замѣняющей всѣ другія учрежденія. Генеральный прокуроръ бретанскаго парламента пишетъ сочиненіе противъ іезуитовъ до такой степени остроумное и философское, что читатели подозрѣваютъ сотрудничество Даламбера. Другая его брошюра *Essai d' l'éducation natinale* обличала восторженныя чувства автора къ современнымъ философамъ. Прокуроръ за свои идеи поплатился тюремнымъ заключеніемъ, — но и тюрьма не пресѣкла его литературной дѣятельности на пользу новой мысли [197].

---

[192] *Voltaire. Oeuvres compl.* Ed. 1784, t. 69, 41. t. 68, p. 51. Въ *Энциклопедіи* принимало участіе четыре католическихъ богослова, самый извѣстный изъ нихъ авторъ брошюръ о которыхъ намъ придется говорить,—аббатъ Морлэ. (Desnoiresterres. *Voltaire.* V, p. 428). О немъ и о четырехъ богословахъ—энциклопедистахъ говоритъ Вольтеръ въ одномъ изъ писемъ къ Даламберу. Oeuvres, Id. t. 68, p. 87. Ср. Bersot. *Etudes sur le XVIII siècle* Paris 1855 pp. 79, 80.

Литературная дѣятельность образованнаго дворянства должна оказаться еще обильнѣе и разнообразнѣе. Мы видѣли,—какъ тѣсно была связана съ литературой салонная жизнь XVIII-го вѣка въ періодъ своего разцвѣта. Даже впослѣдствіи, когда эта жизнь постепенно стала замирать, извѣстные вкусы въ аристократической средѣ не могли исчезнуть. Въ теченіи всей философской эпохи мы встрѣчаемъ длинный рядъ произведеній дворянъ выражающихъ полное сочувствіе современнымъ идеямъ. И именно заурядные авторы въ этомъ случаѣ особенно ярко характиризуютъ явленіе. Одинъ маркизъ, напримѣръ, пишетъ брошюру подъ заглавіемъ *Les bas-reliefs du dix-huitième siècle*. Авторъ сравниваетъ блестящую эпоху Людовика XIV съ царствованіемъ его второго преемника и отдаетъ предпочтеніе этому періоду. По его мнѣнію, во Франціи обновили англійскую философію, уже испускавшую духъ на родинѣ и до такой степени распространили ея идеи, что «гуманность, наконецъ, достигла ступеней трона». Людовикъ XVI восхваляется, какъ истребитель рабства, какъ монархъ, осообождающій обитателя делекихъ странъ, котораго деспоты стремились вырвать изъ лона природы» [193]. Авторъ, очевидно, намекаетъ на участіе Франціи въ освободительной американской войнѣ. Во второй половинѣ XVIII вѣка разгорается страстная полемика по вопросу о «торгующей аристократіи». Въ одномъ 1756 году вышло не менѣе пяти брошюръ по этому вопросу. Аристократы и въ томъ числѣ даже дамы приняли горячее участіе въ спорѣ [194].

Тэнъ имѣлъ полное основаніе указать на дѣятельность аристократовъ преимущественно въ области драматическаго искусства.

Вопросъ о театрѣ, объ общественномъ значеніи сценическихъ представленій не замедлилъ привлечь вниманіе благородныхъ авторовъ. Маркизъ написалъ пьесу съ цѣлью

---

[193] Ed. Londres, 1781, pp. 50. 61. Авторъ Lavalle. *Bibl. Nation.*

[194] Grimm. I, pp. 58.. Въ Амстердамѣ вышла анонимная брошюра *Observations sur la noblesse et le tiers—état,* принадлежащая г-жѣ Belot.

оправдать современное направленіе комедіи, какъ орудія нравственнаго преобразованія общества [195]. Пьеса возникла по поводу *Свадьбы Фигаро*, возбудившей множество нападокъ своимъ будто-бы безнравственнымъ содержаніемъ. Мы оцѣнимъ все значеніе факта — защиту благороднымъ драматургомъ комедіи Бомарше,—если вспомнимъ, что *Свадьба Фигаро* вызвала упреки въ безнравственности и крайнемъ легкомысліи со стороны такихъ судей, какъ Лагарпъ и авторы *Литературной корреспонденціи* [196]. Въ то время, когда эти критики успѣхъ Фигаро приписывали современному развращенію нравовъ, маркизъ въ своей пьесѣ, указывая на комедію Бомарше, говорилъ: «Современный спектакль—школа нравовъ». Другой аристократъ издаетъ сборникъ пьесъ подъ заглавіемъ *Théâtre moral*. Въ содержаніи этихъ произведеній онъ стремится слить англійскую философію съ идеями Руссо. Авторъ, по его словамъ, желаетъ воспитать въ своихъ согражданахъ «энергію и характеръ», и данныя для этого онъ черпаетъ въ современномъ движеніи мысли [197]. Третій авторъ

---

[195] *L'oncle et les deux tantes*, com. en 3 actes, par marquis de la Salle.

[196] Говоримъ *авторы*, потому что отзывъ о комедіи Бомарше принадлежитъ не Гримму, какъ обыкновенно думаютъ. Въ мартѣ 1773 года Гриммъ побывалъ въ Петербургѣ и по возвращеніи въ Парижъ только изрѣдка принималъ участіе въ *Корреспонденціи*. Главнымъ составителемъ съ этихъ поръ является Мейстеръ, нѣмецъ по происхожденію, поселившійся въ Парижѣ съ 1774 года. Подъ его редакторствомъ возникли послѣдніе томы записокъ, начиная приблизительно съ половины X-го. Перемѣну редакторства легко замѣтить въ самомъ тонѣ изложенія, далеко не столь изящномъ и обстоятельномъ, какъ это было при Гриммѣ. Авторъ одного изъ лучшихъ сочиненій о Бомарше—Loménie, упустивъ изъ виду только что изложенный фактъ, ошибочно обвиняетъ Гримма въ непослѣдовательности: Гриммъ дѣятельно хлопоталъ о прочтеніи *Свадьбы Фигаро* у цесаревича Павла, а потомъ будто въ *Корреспонденціи* писалъ объ интригахъ Бомарше—по поводу той же пьесы. Дѣло объясняется проще: разсказъ о представленіи комедіи Бомарше принадлежитъ Мейстеру или кому либо изъ его сотрудниковъ. (*Loménie. Beaumarchais et son temps* Paris 1856, II, 302).

[197] Chevalier de Cubières. *Théatre moral ou pièces dramatiques nouvelles*. Paris. 1786.

переводитъ трагедію Шекспира *Ромео и Джульетта* [198]. Онъ не стѣсняетъ себя излишней вѣрностью подлиннику. Но мы должны принять во вниманіе, что этотъ переводъ явился независимо отъ передѣлокъ Дюсиса и за нѣсколько лѣтъ до полнаго перевода Шекспира [199]. Дальше мы увидимъ, какую ненависть встрѣтилъ англійскій драматургъ со стороны самихъ вождей новаго движенія, вродѣ Вольтера и Даламбера: произведеніе нашего автора при такихъ условіяхъ получаетъ все свое значеніе. Маркизъ Хименесъ, не безызвѣстный и какъ драматургъ, написалъ въ высшей степени интересный отвѣтъ Руссо, когда тотъ напалъ на театръ. Мы будемъ имѣть случай ближе познакомиться съ брошюрой Хименеса,— теперь замѣтимъ, что авторъ, между прочимъ, подвергалъ упрекамъ Корнеля за развязку въ драмѣ *Донъ-Санчо*. Корнель превращаетъ здѣсь сына рыболова въ принца и законнаго наслѣдника аррагонскаго престола. Это превращеніе— уступка вкусу аристократической публики, современной драматургу, неспособной допустить, чтобы доблестный герой трагедіи былъ низкаго происхожденія. Хименесъ замѣчаетъ: и простой пастухъ можетъ быть одаренъ всѣми добродѣтелями. Исторія, по словамъ маркиза, доказала это раньше философіи. Аристократическія дамы и на этомъ поприщѣ не отстаютъ отъ своихъ кавалеровъ. Маркиза издаетъ *Сборникъ новыхъ комедій*: здѣсь, между прочимъ, находится пьеса *L'ascendant de la vertu ou la paysanne philosophe*. Смыслъ пьесы ясенъ изъ заглавія [200].

Подобныя событія въ высшей степени характерны для новаго движенія. На встрѣчу ему идутъ тѣ самые люди, которые, повидимому, должны бы стоять въ первомъ ряду его противниковъ, и спѣшатъ словомъ и дѣломъ оправдать принципы, подрывающіе основы стараго порядка. Предста-

---

[198] Chev. de Chastellux. Пьеса была поставлена на домашнихъ сценахъ парижскихъ аристократовъ. Grimm. IX, avr. 1771.

[199] Первый переводъ произведеній Шекспира, двухтомный, иллюстрированный, вышелъ въ мартѣ 1776 года. Изданіе посвящено Людовику XVI.

[200] Marquise de Gléon. *Recueil des comédies nouvelles*. Paris. 1787.

вители высшихъ сословій, почувствовавъ сомнѣнія въ правомѣрности современной жизни, обращаются за отвѣтомъ—не къ старымъ авторитетамъ церкви и государства, а къ учителямъ-философамъ. Именно такіе факты сообщаетъ Вольтеръ. Онъ разсказываетъ Даламберу объ одномъ «странномъ прозелитѣ». Этотъ прозелитъ выбралъ своимъ духовникомъ фернейскаго пустынника, постепенно сдѣлался вѣрнымъ сыномъ философіи и обѣщаетъ просвѣтить въ ея духѣ свою семью и своихъ друзей. «Виноградникъ Господа не дурно воздѣлывается», прибавляетъ Вольтеръ [201]. При первомъ взглядѣ на эти явленія можно увѣровать въ полное торжество просвѣтительныхъ идей. Новый историкъ революціи такъ и представляетъ этотъ вопросъ. «И въ самыхъ высшихъ, и въ самыхъ низшихъ слояхъ привилегированнаго класса, и въ оффиціальныхъ собраніяхъ, и въ общественныхъ мѣстахъ мы видимъ только людей оппозиціоннаго направленія и реформаторовъ» [202]. Послѣ этого можно удивляться, почему реформа не совершилась постепенно и спокойно и почему потребовался страшный переворотъ, чтобы очистить мѣсто практическому осуществленію реформаторскихъ идей. На самомъ дѣлѣ, положеніе вещей было несравненно сложнѣе, чѣмъ можно думать на основаніи словъ историка и тѣхъ ссылокъ, которыми онъ находитъ возможнымъ подтвердить свое заявленіе. «Привилегированный классъ» увлекался новыми идеями, часто примѣнялъ ихъ, насколько было возможно, на практикѣ, но рядомъ съ этимъ увлеченіемъ во всей силѣ господствовало два факта. Во-первыхъ—поверхностный и легкомысленный характеръ увлеченія философіей въ громадномъ большинствѣ случаевъ, гдѣ это увлеченіе имѣло мѣсто,—во-вторыхъ—ожесточенная вражда къ новымъ идеямъ во *всѣхъ* вліятельныхъ сферахъ—политическихъ, общественныхъ литературныхъ и научныхъ. Этими фактами въ сильнѣйшей степени парализовалось *практическое* вліяніе фи-

---

201 *Lettres*. Id. I, 137, письмо отъ 8 октября 1760 года.
202 Тэнъ: *op. cit*, стр. 309.

лософіи XVIII вѣка и всѣ указанные выше ея успѣхи, имѣвшіе мѣсто въ высшемъ кругу французскаго общества, тонули въ безднѣ легкомыслія и злобы того же общества. Можно даже сказать: если бы завоеванія философіи ограничились указанными предѣлами, жизненный смыслъ просвѣтительной мысли, ея значеніе для будущей революціи были бы крайне ничтожны. Новое движеніе напомнило бы отчасти явленія, имѣвшія мѣсто во французскомъ обществѣ столѣтіемъ раньше. Во время фронды среди высшихъ классовъ бродило не меньше революціонныхъ идей, чѣмъ въ половинѣ XVIII вѣка. Публикѣ того времени предлагались брошюры и памфлеты, неуступавшіе радикализмомъ теорій самимъ трактатамъ Руссо. Парламентскіе магистраты публично произносили рѣчи о контитуціонномъ строѣ и народномъ верховенствѣ. Но ни рѣчи, ни памфлеты не помѣшали быстрому небывалому расцвѣту неограниченной монархіи. Краснорѣчивые юристы, буйные дворяне и принцы превратились въ образцовыхъ слугъ и придворныхъ. Фрондёрскія идеи оказались одной изъ многочисленныхъ модъ, смѣняющихъ другъ друга по мѣрѣ преобразованія вкуса. Такой модой рисковала остаться философія XVIII вѣка среди блестящей толпы своихъ послѣдователей. Одинъ современникъ очень удачно признаетъ новыя идеи «мирнымъ упражненіемъ ума». Тэнъ еще остроумнѣе называетъ ихъ «вечерней иллюминаціей, комнатнымъ фейерверкомъ, потѣшными бенгальскими огнями» [203]. Автору слѣдовало бы сдѣлать логическій выводъ изъ этого опредѣленія. Именно въ такой формѣ являлась философія среди привилегированныхъ классовъ. Разница по существу была невелика—разрѣшался ли въ салонныхъ бесѣдахъ вопросъ о *l'état naturel* или *le royaume du Tendre*. Въ прошломъ французскаго общества встрѣчались даже образцы такихъ же «философовъ», какого мы охарактеризовали выше на основаніи комедіи XVIII вѣка. Въ половинѣ предшествовавшаго вѣка много шуму производили такъ называемые *sabotiers*,—

[203] *Ib.*, 368.

юные аристократы, чувствовавшіе презрѣніе къ модѣ и свѣту и искавшіе уединенія съ серьезными цѣлями [204]. Эти «пустынники» отнюдь не исправили современнаго общества и безслѣдно исчезли въ измѣнчивомъ потокѣ свѣтскихъ прихотей. Всѣ эти соображенія относительно просвѣтительной эпохи блистательно подтверждаются отлично освѣдомленными источниками.

Мы должны съ особеннымъ вниманіемъ остановиться на этихъ свидѣтельствахъ. Тѣневая сторона философской пропаганды менѣе всего оцѣнена въ ученой литературѣ, истинный смыслъ успѣховъ философіи среди высшихъ сословій остается почти не освѣщеннымъ. А между тѣмъ, только такимъ путемъ можно рѣшить вопросъ о размѣрахъ практическаго вліянія философскихъ идей и о конечной цѣли просвѣтительнаго движенія. Начнемъ съ высшихъ аристократическихъ сферъ.

IV.

Намъ приходилось указывать на пристрастіе Вольтера къ аристократическимъ ученикамъ и на усилія Даламбера—открыть другу глаза. Вольтеръ съ своей точки зрѣнія былъ все-таки отчасти правъ: ему, какъ онъ выражается, не разъ удавалось таскать каштаны при помощи знатныхъ покровителей. Самъ Даламберъ сообщаетъ, что у каждаго кандидата философской партіи на академическое кресло есть сторонники въ Версали [205]. Эти указанія ни на минуту не колеблютъ совершенно другихъ фактовъ, подрывающихъ вѣру въ придворный либерализмъ. Ниже мы увидимъ, въ какихъ мрачныхъ краскахъ Вольтеръ при всякомъ случаѣ рисовалъ нравственное и умственное развитіе двора. Въ эпоху предсмертнаго путешествія въ столицу онъ получилъ новое и самое краснорѣчивое подтвержденіе именно

---

[204] Gaillardin. *Histoire du règne de Lous XIV, Paris 1871.* Première partie
[205] *Lettres de Voltaire.* Ed 1784, II, 6—7; I, 133.

такого взгляда на дворъ. Онъ былъ почтенъ тріумфальной встрѣчей въ Парижѣ, въ театрѣ, въ Академіи, но при дворѣ отказались его видѣть. Это глубоко оскорбило всѣхъ болѣе или менѣе безпристрастныхъ. Маркиза Буффлеръ, далеко не принадлежавшая къ фанатическимъ поклонницамъ философіи, писала: «тотъ, кого въ Аѳинахъ обожала бы Греція, кто въ Римѣ присутствовалъ бы за столомъ Августа,— его наши современные цезари не захотѣли видѣть» [206].

Въ этомъ поступкѣ двора не было ничего новаго. Въ теченіи всего философскаго періода дворъ оставался непреклоннымъ врагомъ философіи, иногда снисходя до забавы остроумными произведеніями философовъ и ласковаго, но въ сущности глубоко-лицемѣрнаго обращенія съ авторами. Современникъ свидѣтельствующій, что *все* въ его время носитъ философскій отпечатокъ, считаетъ нужнымъ оговориться: «хотя философія менѣе всего пользуется покровительствомъ» [207]. Эта оговорка имѣетъ въ виду преимущественно дворъ. Ненависть двора къ философіи и философамъ стихійна и, повидимому, ничѣмъ неизлѣчима. Придворная жизнь отличается такимъ легкомысліемъ и пустотой, что здѣсь нѣтъ мѣста *идеѣ* вообще. Одну и ту же характеристику двора мы встрѣчаемъ на пространствѣ всего XVIII вѣка вплоть до революціи. Что это было за общество, доказываетъ одинъ любопытный фактъ, происшедшій въ маѣ 1770 года. Фактъ тѣмъ значительнѣе, что сами заинтересованныя лица оффиціально и торжественно признали его *эпохой*. Можно, поэтому, безошибочно судить о смыслѣ и важности жизненныхъ интересовъ этихъ лицъ.

Дѣло въ слѣдующемъ. Праздновалась свадьба дофина. При

[206] Стихи Маркиза Бufферъ были написаны немедленно послѣ смерти Вольтера:

Celui que dans Athènes eût adoré la Grèce,
Que dans Rome à sa table Auguste eût fait asseoir,
Nos leçons d'aujourd'hui n'ont pas voulu le voir,
Et mr. de Beaumont lui refuse une messe.

[207] Grimm. V, 449.

дворѣ въ это время гостила принцесса Лотарингская. Въ менуэтѣ ей посчастливилось идти непосредственно послѣ принцевъ крови. Это и сочинило эпоху. Французская придворная знать немедленно сочинила письменный протестъ, *Mémoire*, за многочисленными подписями и подала королю. Подача мемуара сопровождалась угрозой, — если не будетъ получено удовлетворительнаго отвѣта, всѣ дамы откажутся танцевать на придворныхъ балахъ. Образовалась настоящая «лига». Собранія происходили подъ предсѣдательствомъ второго пэра церкви, такъ какъ архіепископъ Реймскій былъ боленъ. Балъ въ документѣ именовался *une époque de douleur pour la noblesse française*. Король далъ удовлетворительный отвѣтъ, но дамы продолжали являться на балы en chenille, пока наконецъ, король серьезно не разсердился на протестантовъ и не привелъ ихъ къ покорности [208]. Такіе факты при дворѣ были событіями въ концѣ царствованія Людовика XV. При его преемникѣ жизнь текла въ томъ же направленіи. Въ 1780 году при дворѣ во всемъ расцвѣтѣ старая мода, занимавшая общество Людовика XIV. «При дворѣ», сообщаетъ современникъ, «только занимаются шарадами, пуантами и каламбурами [209]». Не выше этого уровня король и королева. У Людовика XVI единственный захватывающій интересъ — охота. Важнѣйшія политическія событія совершенно изчезаютъ въ мысляхъ короля предъ какой-нибудь травлей оленя [210]. А его супруга поражаетъ легкомысліемъ даже людей, для которыхъ нарушеніе порядка въ менуэтѣ «скорбная эпоха». «Новая пѣсенка», разсказываетъ приближенная Маріи Антуанеты, «послѣдняя острота, да мелкіе скандальные анекдоты составляли единственное содержаніе бесѣдъ въ интимномъ кружкѣ королевы [211]. Нравственныя

---

[208] Grimm. IX, 36.

[209] Grimm. Janvier 1780.

[210] Выдержки изъ дневника Людовика XVI: Тэнъ. *Les orig. de la France contemp.* I, p. 144.

[211] M-me Campan. Cit. Тэнъ. Ib. русск. изд. стр. 155.

достоинства придворныхъ стояли на одномъ уровнѣ съ умственнымъ развитіемъ. Ясно,—въ такой атмосферѣ не было мѣста культурнымъ симпатіямъ. И дѣйствительно, — современныя свидѣтельства единодушно говорятъ намъ о жестокой злобѣ двора на все, что сколько-нибудь связано съ представленіемъ о философіи. Эта злоба достигаетъ часто такихъ предѣловъ, что у современниковъ, заинтересованныхъ судьбой новой мысли, невольно являются опасенія предъ грядущимъ варварствомъ.

«Дворъ увѣренъ», читаемъ у современника, «что всѣ бѣдствія, даже пораженія французской арміи, происходятъ отъ философіи». Понятіе философа здѣсь отождествляется съ понятіемъ дурной гражданинъ, плохой французъ, почти государственный измѣнникъ. Съ каждымъ днемъ обвиненія противъ защитниковъ новой мысли умножаются. Ихъ обвиняютъ въ преступныхъ сообществахъ, въ заговорахъ, и мы не разъ впослѣдствіи встрѣтимся съ этимъ обвиненіемъ, возникающимъ при малѣйшемъ поводѣ, напримѣръ, по поводу какой-либо пьесы. Король принимаетъ живое участіе въ этой ненависти. Людовикъ XV кассируетъ академическіе выборы, потому что избранные, по свѣдѣніямъ приближенныхъ короля, принадлежатъ къ друзьямъ энциклопедистовъ. Этимъ не ограничивается вмѣшательство. Король адресуетъ въ Академію письмо, въ которомъ рекомендуетъ академикамъ тщательно изслѣдовать нравственность и образъ мыслей кандидатовъ. При дворѣ даже не стараются ближе познакомиться съ идеями писателей, которыхъ преслѣдуютъ. Здѣсь, если и читаютъ, то исключительно произведенія враговъ философіи, завѣдомо купленныхъ правительствомъ, — въ родѣ адвоката Лэнгэ и журналиста Фрерона. Немудрено, что въ результатѣ наблюденій за такими фактами очевидецъ восклицаетъ: «Свѣтъ, который началъ было распространяться, скоро погаснетъ, варварство и суевѣріе снова пріобрѣтутъ свои права; два или три геніальныхъ человѣка, которые еще остаются, будутъ въ скоромъ времени или уничтожены, или

разсѣяны въ разныя стороны и не далеко то время, когда утрату ихъ будутъ считать для Франціи счастіемъ [212]».

И эти опасенія вполнѣ основательны, если бы все дѣло зависѣло только отъ двора. Даже когда при дворѣ чествовали философовъ и писателей, будущее новыхъ идей отнюдь не слѣдовало считать обезпеченнымъ. Въ этихъ случаяхъ высшіе представители двора могутъ похвалиться по-истинѣ рѣдкимъ вѣроломствомъ. Приведемъ нѣсколько примѣровъ. Дворъ Monsieur состоялъ изъ ученыхъ и писателей, но это не помѣшало меценату оказать покровительство пасквильной комедіи, направленной противъ современной литературы: только благодаря Monsieur *Les Réputations*, пьеса Біэвра,—о которой намъ придется говорить дальше, могла быть представлена на сценѣ при единодушномъ негодованіи парижской публики. Это опять только проявленіе истинныхъ чувствъ двора къ философіи. Вольтеръ изумляется, до какой степени жестоко озлобленіе двора противъ идей. Оно часто доходитъ до смѣшного, но отъ этого не легче энциклопедистамъ [213].

Всѣ пасквилянты неизмѣнно находятъ здѣсь покровителей и даже сотрудниковъ. Мы впослѣдствіи познакомимся съ дѣятельностью Палиссо,—теперь достаточно замѣтить, что она всецѣло покоилась на сочувствіи двора Наиболѣе громкое его произведеніе—*Les philosophes modernes*—переполнено клеветами на энциклопедистовъ: въ Версали нашли комедію восхитительной и щедро оплачивали кляку. Даламберъ поименно перечисляетъ знатныхъ дамъ, покровительствующихъ Палиссо. Среди нихъ—самая усердная принцесса Робеккъ, давшая автору даже идею самой оскорбительной для философовъ сцены. Вообще Версаль, кишитъ «Палиссо — мужскаго и женскаго пола» [214], и осторожному Вольтеру трудно бороться съ законнымъ негодованіемъ Даламбера.

---

[212] Grimm. IV, 240—1; VI, 246; IX, 127; вмѣшательство Людовика XV въ академическіе выборы—въ апрѣлѣ 1772 года; X; XII, 207.

[213] *Mémoires de Condorcet*. Paris 1824, I, 205, 252. *Lettres*, I, 371.

[214] Такъ сообщаетъ Даламберъ Вольтеру въ письмѣ отъ 14 апр. 1760 г. *Lettres de Voltaire*, E'. 1784, I, 103, 107, 108, 111, 114, 127.

Но все-таки принцесса не главная застрѣльщица въ лагерѣ пасквилянтовъ. Во главѣ всевозможныхъ Палиссо стоитъ зазавѣдомый другъ и покровитель Вольтера — Шуазель. Особенно мѣткіе удары Даламбера направлены на двусмысленную политику этого министра. Въ шестидесятыхъ годахъ вопросъ о Шуазелѣ обсуждается почти въ каждомъ письмѣ Вольтера и его друга. Но правда на сторонѣ Даламбера. Кондорсэ произнесъ суровый, но справедливый судъ надъ отношеніями Шуазеля къ литературѣ и философіи. Этотъ приговоръ въ краткихъ словахъ прекрасно передаетъ смыслъ многочисленныхъ отзывовъ Даламбера о томъ же предметѣ.

Кондорсэ вспоминаетъ, что Вольтера упрекали за похвалы Шуазелю и приводитъ основанія упрековъ—отъ своего лица: «Шуазель былъ извѣстенъ въ литературѣ только потому, что покровительствовалъ Палиссо, заставилъ вывести философовъ на сценѣ, и аббата Морлэ посадилъ въ Бастилію. Онъ говорилъ также, что философы — виновники неудачъ въ войнѣ съ Пруссіей и Англіей». Другой придворный пояснялъ его мысль особымъ соображеніемъ: король прусскій и англичане-философы [215]...

Вольтеръ чувствовалъ невозможность—оправдать Шуазеля, тѣмъ болѣе, что и другой врагъ—философовъ—Фреронъ — нашелъ у него покровительство. Вольтеръ сначала убѣждаетъ Даламбера, что Шуазель— слишкомъ большой баринъ— trop grand seigneur— , а большіе господа на дѣла частныхъ лицъ смотрятъ, какъ на «грызню собакъ». Объясненіе, конечно, оказалось неудачнымъ: энциклопедисты и ихъ споры съ литературными наемниками правительства были нѣчто другое, чѣмъ частныя дрязги и собачья грызня. Тогда Вольтеръ вспомнилъ, что Палиссо—сынъ адвоката Шуазеля, а Фреронъ—régent министра по іезуитской коллегіи. Но Даламберъ до конца остался при своемъ взглядѣ и не могъ помириться съ мыслію, что каждаго вполнѣ безупречнаго гражданина можно подвергать публичному позору съ теат-

---

[215] *Mémoires*. Id. I, 21. Ср. *Lettres de Voltaire*. I, 237.

ральной сцены и бросать въ Бастилію, если обиженный вздумаетъ защищаться [216].

Вмѣстѣ съ Шуазелемъ — Палиссо поддерживалъ герцогъ Ришелье—«вашъ другъ», иронически прибавляетъ Даламберъ, сообщая объ этомъ фактѣ Вольтеру. Фернейскій патріархъ, дѣйствительно, и здѣсь терпѣлъ разочарованіе, но объ этомъ интриганѣ онъ просто умалчиваетъ. Ришелье и позже доказалъ свою «дружбу»: завѣдывая придворными спектаклями, вычеркнулъ изъ репертуара всѣ пьесы Вольтера—за исключеніемъ одной—*Orphelin de la Chine*, посвященной ему лично [217].

До какой степени подобное поведеніе съ философами было въ нравахъ двора, доказываетъ примѣръ дѣтей-принцевъ, воспитанныхъ въ этой атмосферѣ. Извѣстенъ разсказъ Юма, какъ его осыпали комплиментами въ Версали. Между прочимъ шестилѣтній графъ Артуа пролепеталъ ему также панегирикъ. Четыре года спустя тотъ же графъ, по поводу *Велизарія* Мармонтеля отозвался съ глубочайшимъ презрѣніемъ о дерзости педанта,—воображающаго себя наставникомъ королей, и прибавилъ, что если бы онъ, графъ, имѣлъ власть онъ приказалъ бы наказать кнутомъ автора у всѣхъ четырехъ заставъ Парижа. Дофинъ, которому было въ это время тринадцать лѣтъ, возразилъ, что онъ, въ свою очередь, если бы былъ королемъ, повѣсилъ бы Мармонтеля [218].

Настроеніе двора, конечно, не оставалось исключительнымъ. Оно вызывало многочисленные отголоски — прежде всего,—въ аристократическомъ обществѣ.

Общество это отнюдь не отличалось бо́льшей основательностью взглядовъ и устойчивостью поведенія, чѣмъ дворъ. Психологическую основу философскихъ увлеченій среди большинства знати объяснитъ намъ графъ Сегюръ, самъ пережившій эти увлеченія и научившійся правильно смотрѣть на прошлое.

---

[216] *Lettres*. Id. I, 121, 123—4, 233, 386, 391; II, 60.

[217] *Lettres* Id. II, 64—5; Condorcet. *Mémoires*, I, 75—6.

[218] Bersot. *Etudes sur le XVIII siècle*, pp. 87, 116. Факты относятся къ 1763 и 1767 годамъ.

Сегюръ описываетъ послѣдніе годы царствованія Людовика XV. Никто не уважалъ власти въ лицѣ этого короля, все, казалось, дышало лигой и фрондой. Требовались слова, отвѣчающія настроенію,—и они были произнесены философами: *свобода*, *собственность*, *равенство*. «Эти магическія слова прозвучали издали, и сначала ихъ повторяли съ энтузіазмомъ именно тѣ, кто впослѣдствіи приписывалъ имъ всѣ свои бѣдствія».

Никто не помышлялъ о революціи, хотя она быстро совершалась въ области политическихъ и общественныхъ воззрѣній... Всѣ предразсудки одновременно стали жертвой тонкаго, блестящаго остроумія Вольтера, краснорѣчивой логики Руссо, энциклопедическихъ знаній Даламбера и Дидро, могучей декламаціи Рейналя, и въ то время, когда просвѣщеніе внезапно измѣняло нравы, классы стараго общественнаго порядка, утрачивая незамѣтно свои основы, все еще сохраняли исконную гордость, внѣшній блескъ и всѣ признаки власти. Старшее поколѣніе считало себя непоколебимымъ подобно монархіи и преспокойно спало на вулканѣ. Стариковъ занимали придворныя интриги, смѣны министровъ, салонная болтовня. Они одинаково безразлично относились и къ своимъ личнымъ и къ государственнымъ дѣламъ. Ихъ только по временамъ взмущали прихоти моды. Молодежь, не жалѣя о прошломъ, не безпокоясь за будущее, шла весело по пути, усѣянному цвѣтами и скрывавшему пропасть. Юноши смѣялись надъ старыми модами, надъ феодальной гордостью отцовъ, надъ этикетомъ. Все стародавнее казалось стѣснительнымъ и смѣшнымъ. Философія Вольтера увлекала и забавляла ихъ. Они не вникали въ идеи, а восхищались ими, какъ смѣлымъ протестомъ противъ деспотизма. Они беззаботно мѣшали вмѣстѣ всѣ понятія: свободу, королевство, аристократію, демократію, предразсудки, разумъ, моду, философію, не придавая всему этому никакого практическаго значенія и во всемъ ища только наслажденія.

«Таково было ослѣпленіе принцевъ и знати», говоритъ

Сегюръ; «они сочувствовали успѣхамъ просвѣщенія и хотѣли пассивной покорности, возможной только рядомъ съ невѣжествомъ. Они стремились наслаждаться всѣми благами искусствъ и цивилизаціи, не позволяя въ то же время ученымъ, художникамъ и всѣмъ просвѣщеннымъ плебеямъ — выйдти изъ почти рабскаго положенія. Наконецъ, они думали нѣчто невозможное—будто просвѣщеніе и разумъ могутъ блистать и рости, не разгоняя тьмы предразсудковъ—наслѣдія варварскихъ вѣковъ» [219].

Предъ нами, слѣдовательно, общее искони извѣстное явленіе, превосходно изображенное еще Сенекой. Стоикъ въ одномъ изъ писемъ характеризуетъ нѣкоторыхъ посѣтителей философскихъ авдиторій. Эти господа не прочь просидѣть даже нѣсколько часовъ, старательно записывая изрѣченія философа. Но все это дѣлается – ради щегольства *пышными словами — magnificae voces*. Дѣйствительныхъ результатовъ отъ такого сорта учениковъ нечего ждать [220]. Тоже самое происходило съ французской знатью прошлаго вѣка. Сегюръ прибавляетъ только одну черту, столь же обычную — безотчетное пристрастіе молодежи ко всему, что вызываетъ шумъ въ отрицательномъ направленіи, ко всему оппозиціонному и протестующему. Такое пристрастіе не различаетъ ни мотивовъ, ни смысла, ни цѣли протеста. Это своего рода физіологическое удовольствіе, обусловленное, повидимому, инстиктивными потребностями молодости, богатыхъ матеріальныхъ силъ. Ничто не помѣшаетъ съ теченіемъ времени этой слѣпорожденной идеологіи смѣниться образцовымъ филистерствомъ и реакціей.

Такіе послѣдователи философіи должны были на каждомъ шагу напоминать маршальшу Бово, о которой разсказывается забавный эпизодъ въ *Запискахъ* Кондорсэ. Эта госпожа горячо сочувствовала революціи и ея дѣятелямъ. Но адвокатъ Таржэ въ одно мгновеніе измѣнилъ воззрѣнія

---

[219] *Mémoires ou souvenir et anecdotes.* Paris 1827, I, 21, 26—7, 78.
[220] *Epist. mor.* Lib. XVIII, ep. V.

маршальши. Бесѣдуя съ ней, онъ взялъ изъ ея табакерки табаку. Маршальша не могла простить этого оскорбленія, разсчитывая— прибавляетъ авторъ,—что при всеобщемъ равенствѣ она все-таки должна остаться принцессой, а Таржэ— будь онъ даже однимъ изъ первыхъ политическихъ дѣятелей—въ ея салонѣ вѣчный простой адвокатъ [221].

Но драгоцѣннѣе всѣхъ этихъ фактовъ—приговоръ Вольтера, вырвавшійся у него въ минуту горячей искренности. «Успѣхи разума быстры въ нашихъ кантонахъ», пишетъ онъ Даламберу изъ Фернэя, «но въ вашей странѣ, и въ Испаніи, и въ Италіи нѣкоторые господа отвѣчаютъ вамъ: «У насъ сто тысячъ экю ренты и кромѣ того почести. Мы не желаемъ всего этого лишиться ради вашего удовольствія. Мы раздѣляемъ ваши взгляды, но мы заставимъ васъ сжечь при первомъ же случаѣ, чтобы научить васъ, какъ высказывать свои мнѣнія».

Подъ вліяніемъ того же настроенія Вольтеръ написалъ, повидимому, каррикатурный, но на самомъ дѣлѣ совершенно реальный діалогъ въ комедіи *L'Ecossaise*. Предъ нами два героя изъ привилегированнаго класса. Одинъ, являясь на сцену, совершенно неожиданно говоритъ: «правда, философія очень опасна, именно благодаря ей мы потеряли островъ Минорку»... «Философы вызываютъ паденіе государственныхъ бумагъ». Другой герой, въ свою очередь, замѣчаетъ: «Приходится сильно опасаться въ этомъ году за островъ Ямайку. Философы заставятъ его взять» [222]. Этотъ разговоръ, какъ мы видимъ, ничѣмъ не отличается отъ вышеприведенной бесѣды Шуазеля съ знатнымъ политикомъ — на счетъ Пруссіи и Англіи — двухъ философскихъ странъ, виновниковъ несчастій Франціи.

Даламберъ долженъ былъ съ особеннымъ удовольствіемъ слышать подобныя заявленія изъ устъ Вольтера. Онъ въ теченіе многихъ лѣтъ, проживая въ Парижѣ, былъ свидѣ-

---

[221] *Mémoires*. II, 79.

[222] *Lettres*. Id. II. 194. *L'Ecossaise*. I, 3.

телемъ фактовъ, которые Вольтеру могли казаться едва вѣроятными—ему «свободному Швейцарцу», обозрѣвавшему французскія дѣла изъ далекаго замка.

Вѣрнѣйшими друзьями философіи считались хозяйки двухъ блестящихъ парижскихъ салоновъ—г-жа Дюдеффанъ и г-жа Жоффрэнъ. Обѣ онѣ собирали у себя писателей, осыпали ихъ любезностями, и г-жа Жоффрэнъ—кромѣ того, щедрыми пенсіями,—но у Даламбера есть многое, свидѣтельствующее нѣчто совершенно другое. Г-жа Жоффрэнъ всей своей славой обязана энциклопедистамъ. Это знаютъ даже при дворѣ. Когда Вольтера отказались принять здѣсь, Марія Антуанета выразила изумленіе. «Странно», замѣтила она, «мы отказываемся принять Вольтера, главу писателей - философовъ, послѣ того какъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ благодаря интригамъ секты, мнѣ представили г-жу Жоффрэнъ, а она своей извѣстностью обязана титулу—*кормилицы философовъ*» [123].

Но королева не знала, что этотъ титулъ былъ только внѣшнимъ правомъ на славу. Г-жа Жоффрэнъ далеко не отличалась пристрастіемъ къ философіи. Напротивъ, она употребляла всѣ усилія—охладить философскій задоръ своихъ гостей, приходила поперемѣнно въ ужасъ и въ гнѣвъ, вообще вела себя крайне умѣренно и благоразумно, и слишкомъ смѣлые и горячіе собесѣдники не находили доступа въ ея салонъ. Они должны были довольствоваться собраніями у Гольбаха и Гельвеція, гдѣ не принималось мѣръ пресѣченія противъ какихъ бы то ни было мнѣній. Но такая строгость не препятствовала г-жѣ Жоффрэнъ принимать у себя нѣкоего Рэтлиджа, написавшаго еще при ея жизни одинъ изъ грубѣйшихъ пасквилей на философію—*Le bureau d'Eprit*. Г-жа Жоффрэнъ, между прочимъ, не желала, чтобы въ свѣтѣ говорили, будто она дружитъ съ людьми, умирающими безъ исповѣди. Въ видуэтого у нея на случай всегда былъ подъ

---

[123] „... qui devait sa célébrité au titre de nourrice des philosophes". M-me Campan. *Mémoires*. Cp. Desnoiresterres. *Voltaire*, VIII, 257.

рукой капуцинъ, весьма сговорчивый,—и ея друзьямъ поневолѣ приходилось выполнять обрядъ.

Сама г-жа Жоффрэнъ выполнила эту программу въ точности. Опасно заболѣвъ, она стала готовиться къ смерти по всѣмъ правиламъ правовѣрной католички и предоставила полную свободу своей дочери, г-жѣ de la Ferté-Imbault. Чего можно было ждать отъ нея, мать отлично знала, нерѣдко говаривая о ней: «когда смотрю на нее, я удивляюсь, какъ курица, высидѣвшая утенка» [224]. И дочь еще при жизни матери основала свой салонъ, также весьма многолюдный,—общество подъ названіемъ — L'ordre des *Lauturelus* et des *Lampons*—спеціально въ цѣляхъ издѣвательства надъ собраніями энциклопедистовъ, надъ ихъ бесѣдами, которыя ей такъ надоѣдали въ домѣ матери [225].

Когда г-жа Жоффрэнъ отдала въ ея руки всю власть, она немедленно воспользовалась этимъ случаемъ и отказала отъ дома друзьямъ своей матери, и написала Даламберу грубое письмо. Г-жа Жоффрэнъ, повидимому, довольно спокойно переносила эти распоряженія, ограничиваясь остроумнымъ замѣчаніемъ: «Моя дочь дѣйствуетъ подобно Готфриду Бульонскому,—защищаетъ мою могилу отъ невѣрныхъ» [226].

Г-жа Дюдеффанъ, по талантамъ и личной оригинальности, стояла еще выше своей современницы. Даровитая, начитанная, вдумчивая—она съ честью могла поддерживать споры съ энциклопедистами и переписку съ Вольтеромъ. Она даже расположена была смотрѣть на бесѣды съ философами, какъ на свою монополію. Она доказала это поступкомъ съ m-lle Леспинассъ. Подруга Даламбера была сначала компаньонкой у г-жи Дюдеффанъ и имѣла дерзость принимать гостей хозяйки у себя часомъ раньше открытія салона,—устроила такимъ образомъ свой салонъ. Г-жа Дюдеффанъ

---

[224] *Corresp. litt.* (Grim) XI, août, 1776. Desnoiresterres. Ib. p. 258. Bersot. *Op. cit.* pp. 448 etc.

[225] *Correspondance litteraire* (Grimm) XI, 315.

[226] О письмѣ разсказываетъ самъ Даламберъ. *Lettres.* Id. II, 287--8.

страшно вознегодовала, узнавъ объ этихъ пріёмахъ и немедленно разсталась съ компаньонкой. Но это не значило, будто энциклопедистовъ она считала единственно-достойными представителями современной литературы. Салонъ не мѣшалъ ей послѣ вождя философовъ наибольшее уваженіе оказывать презрѣннѣйшему, по мнѣнію Вольтера, пасквилянту — Фрерону. Она усердная читательница его журнала *L'Année littéraire* и даже восхищается его выходками противъ Вольтера. Даламберъ разсказываетъ объ этомъ, какъ очевидецъ. И между тѣмъ она же сообщаетъ фернейскому отшельнику о небывалыхъ козняхъ энциклопедистовъ противъ него [227].

Иногда дамы, увлекавшіяся философіей и наукой, причиняли энциклопедистамъ несравненно болѣе чувствительныя непріятности, чѣмъ покровительство ихъ завѣдомымъ врагамъ. Не всѣ хозяйки салоновъ были откровенны до такой степени, какъ маркиза Ламберъ, собиравшая писателей въ первой половинѣ вѣка. Ея салонъ давалъ кандидатовъ на академическія кресла въ теченіе двадцати лѣтъ, но относительно научныхъ занятій женщинъ маркиза выражалась совершенно опредѣленно: «Женщины должны почти такъ же стыдиться знаній, какъ и пороковъ» [228].

Другія дамы сильно интересовались знаніями и особенно естественными науками и медициной. Г-жа Жанлисъ увлекается хирургіей и платитъ тридцать су всякому за позволеніе — пустить себѣ кровь. Молодая графиня Куаньи такъ пристращается къ анатоміи, что даже въ путешествіи возитъ трупъ въ своей каретѣ — на случай заняться сѣченіемъ. Но на самомъ дѣлѣ всё это — *les papillons-philolophes*, увлеченные модой и отнюдь не проникнутые уваженіемъ къ наукѣ и ея истиннымъ защитникамъ. Ихъ научныя страсти не стояли выше шутки, ходившей въ обществѣ по поводу естествоиспытательницы герцогини Шонъ: «Elle

---

[227] *Ib.* I, 320—1; II, 64.

[228] *Victor du Bled. La société française avant et après 1789* Paris 1892, p. 158—9. Bersot. *Op. cit.* p. 421.

veut toujours savoir qui l'a couvé, qui l'a pondu». Дидро на самомъ себѣ испыталъ, что значитъ серьезно отнестись къ учености знатныхъ дамъ. Его дочь разсказываетъ, какъ онъ попалъ въ Венсенскую тюрьму. Преступленіе заключалось въ неуважительномъ отзывѣ о нѣкоей г-жѣ Dupré de Saint-Maur, занимавшейся анатоміей. Реомюръ допустилъ эту даму присутствовать при операціи надъ слѣпорожденнымъ, а Дидро, крайне заинтересованнаго операціей, лишилъ этой чести. Философъ не стерпѣлъ и произнесъ нѣсколько насмѣшливыхъ словъ по адресу «двухъ прекрасныхъ глазъ», врядъ ли способныхъ оцѣнить научное значеніе факта. Дама обратилась съ жалобой къ министру — маркизу д'Аржансону—и Дидро былъ заключенъ въ тюрьму [229].

Даламберъ, въ свою очередь, попадаетъ въ трагикомическое положеніе, благодаря дружбѣ съ однимъ изъ мнимыхъ сторонниковъ философіи. Суровому геометру приходится помѣняться ролями съ Вольтеромъ и выслушивать тѣ самые упреки и наставленія, какими онъ осыпалъ своего «учителя». Дѣло идетъ объ архіепископѣ тулузскомъ. Даламберъ считаетъ его своимъ другомъ, лучшимъ собратомъ философовъ, полезнымъ литературѣ и философіи. Онъ привлекаетъ его даже — къ подпискѣ на статую Вольтера. Но патріархъ недовѣрчиво встрѣчаетъ рекомендаціи своего друга. Ему недостаточно считать архіепископа своимъ собратомъ, онъ хочетъ видѣть его «защитникомъ невинности», т. е. требуетъ его участія въ дѣлѣ Сирвановъ. Но архіепископъ вмѣсто требуемой защиты обрушивается на аббата Одра, преподававшаго, какъ мы знаемъ, всеобщую исторію въ духѣ Вольтера, лишаетъ его каѳедры, — единственнаго источника существованія. Аббатъ съ горя заболѣваетъ го-

---

[229] *Mémoires par m-me de Vandeuil. Mémoires, corréspondancc et ouvrages inédis de Diderot.* Paris, 1841, II, 351. О дамахъ—философахъ—Du Bled. *Op. cit.* Chap. II, 4. Desnoireterres. *Op. cit.* VIII, 74. Маркизъ Дармансонъ—младшій братъ знаменитаго Дармансона; онъ также считался покровителемъ философовъ.

рячкой и умираетъ на четвертый день послѣ распоряженія архіепископа. Вольтеръ сообщаетъ всю эту исторію Даламберу. Тотъ пытается оправдать архіепископа, ссылается на смягчающія обстоятельства—санъ и положеніе прелата, не всегда позволяющія ему слѣдовать принципамъ терпимости... Очевидно, такіе доводы не могли удовлетворить ни Вольтера, ни самого защитника. Вскорѣ архіепископъ совершенно освободилъ Даламбера отъ труда защищать его: самъ Даламберъ принужденъ былъ извѣстить Вольтера, что въ Парижѣ возникъ проектъ возстановить іезуитскій орденъ подъ другимъ именемъ и авторъ проекта тотъ же архіепископъ тулузскій, разсчитывающій на кардинальскую шапку, бенефицію или парижское архіепископство. Вольтеръ отвѣчаетъ,—такое поведеніе архіепископа кажется ему вполнѣ естественнымъ послѣ исторіи съ аббатомъ Одра [230]. Философы должны разсчитывать на папу и на испанскаго короля, враждебно настроенныхъ противъ іезуитовъ: Фридрихъ II—одна изъ блестящихъ надеждъ философіи — покровительствуетъ іезуитамъ въ своемъ государствѣ и даже пишетъ письма въ ихъ защиту—«какъ лучшихъ священниковъ во всѣхъ отношеніяхъ». Энциклопедисты горько сѣтуютъ и всѣми силами скрываютъ отъ публики содержаніе этихъ писемъ [231]. Въ такое ложное положеніе попадали философы, благодаря двуличной и часто совершенно неожиданной политикѣ своихъ покровителей!

Даламберъ, разсказывая Вольтеру о благосклонности г-жи Дюдеффанъ къ Фрерону, восклицаетъ: «Ахъ, мой дорогой учитель! Сколько у литературы и философіи—враговъ! Враги публичные и открытые ничего не значатъ, ихъ можно покорить и раздавить; но враги *тайные* и *могущественные*, ложные друзья—вотъ кого слѣдуетъ бояться». Дальше Да-

---

[230] *Lettres*. Id. II, 64, 67, 69, 71, 210, 211, 215.

[231] *Mémoires de Condorcet* I, 99, 100—1. Здѣсь приведены два письма Фридриха. О нихъ Кондорсэ выражается: „Ces lettres du roi de Prusse sont abominables“. Ср. *Lettres*. Id. II, 212, 216.

ламберъ гордится тѣмъ, что онъ умѣетъ распознавать и тѣхъ и другихъ и они будто не могутъ похвалиться тѣмъ, что одурачили его [232]. Такъ писалъ Даламберъ въ октябрѣ 1764 года, въ февралѣ 1774—г. онъ сообщалъ Вольтеру объ интригахъ архіепископа тулузскаго... Очевидно, никто не могъ считать себя безопаснымъ отъ «тайныхъ враговъ» и «ложныхъ друзей», отъ «Палиссо мужскаго и женскаго пола», которыми кишѣлъ дворъ и высшее общество.

Дидро—мы видѣли—совѣтовалъ «нести философію ко двору, предъ лицо вельможъ». Крайне мало выиграла бы философія, еслибы ея путь ограничился этими сферами. Правда, ее встрѣчали здѣсь привѣтствіями и даже наградами, но слишкомъ часто это были «дары данайцевъ». Спасеніе философовъ заключалось — въ ихъ демократизмѣ, въ религіозномъ характерѣ ихъ пропаганды, въ стремленіи призвать въ свою церковь не только сильныхъ и разумныхъ, но всѣхъ слабыхъ, всѣхъ, едва сознающихъ свое положеніе и свою настоящую силу—въ современномъ обществѣ, исполненномъ несправедливостей и предразсудковъ. Истинные послѣдователи философовъ были среди той самой парижской толпы, которая привѣтствовала Вольтера крикомъ *l'homme aux Calas*, а не въ салонахъ, гдѣ состязались съ энциклопедистами по части остроумія и свободомыслія, гдѣ, по выраженіи Сегюра, «*мелкая война* казалась очень привлекательной», даже когда она велась противъ вѣковыхъ основъ аристократическаго строя. «Мы смотрѣли на нее просто какъ на интересное зрѣлище», поясняетъ тотъ же авторъ. Очевидно, при такихъ условіяхъ—врядъ ли проповѣдь философовъ могла повести къ прочнымъ и болѣе или менѣе обширнымъ жизненнымъ результатамъ.

Наверху не было *практическихъ* мотивовъ серьезно отнестись къ новой проповѣди и провести ее въ жизнь. Напротивъ, всѣ страсти и привычки должны были поощрить совершенно противуположный образъ дѣйствій. Иныя усло-

---

[232] *Lettres*. I, 320—1.

вія сталкивались съ идеями *внизу* стараго общества. Если идеи воспринимались здѣсь, это значило, — онѣ отвѣчаютъ жизненнымъ потребностямъ людей и выражаютъ—въ ясной и литературно-изящной формѣ — стремленія массы, извнѣ иногда смутныя и сбивчивыя, но, въ сущности, ожидающія только удачной формулировки, чтобы превратиться въ настоящую политическую и общественную программу. Философія XVIII вѣка играла именно такую роль среди громаднаго большинства своихъ читателей и слушателей.

Говоря это, мы въ сущности повторяемъ знакомую уже намъ оцѣнку философіи, высказанную наканунѣ революціи парижскими избирателями. Философы — разсѣяли невѣдѣніе націи на счетъ ея правъ,—и превратили стихійно-покорныхъ подданныхъ въ мыслящихъ и дѣятельныхъ гражданъ. О чемъ мыслили эти граждане и къ какимъ цѣлямъ была направлена ихъ дѣятельность—мы знаемъ: наказы третьяго сословія представили намъ вполнѣ удовлетворительныя свидѣтельства и, сравнивая ихъ идеи съ либеральными заявленіями первыхъ двухъ сословій, мы могли судить, гдѣ философія XVIII вѣка нашла болѣе воспріимчивую и плодотводную почву.

Какими же путями сѣмена философіи проникали въ сравнительно темную массу—горожанъ? Мы знаемъ,—горожане часто являлись учителями и руководителями сельскаго населенія. Но откуда они сами получали идеи и знанія?

Самый естественный отвѣтъ—изъ сочиненій философовъ, изъ *Энциклопедіи*, главнѣйшаго арсенала философіи, а потомъ изъ книгъ и брошюръ, во множествѣ выпущенныхъ каждымъ писателемъ отдѣльно.

Посмотримъ же, насколько отвѣтъ справедливъ. Для этого намъ прежде всего слѣдуетъ познакомиться съ условіями, при которыхъ философамъ приходилось писать и издавать книги. Мы знаемъ «тайныхъ враговъ» и «ложныхъ друзей» философіи. О явныхъ врагахъ Даламберъ отзывается съ большой самоувѣренностью. Это доказываетъ вѣру энциклопедиста въ свое дѣло, но отнюдь не безсиліе и ничтожество

враждебнаго лагеря. Свидѣтельства этихъ философовъ подтверждаетъ совершенно обратное.

V.

Вольтеръ любитъ употреблять религіозныя и церковныя выраженія, говоря о философіи:—онъ называетъ философовъ *pusillus grex*, «ничтожнымъ стадомъ среди волковъ», убѣжденъ, что «царство философовъ не отъ міра сего». Онъ часто тоскуетъ объ уединеніи, мечтаетъ о садѣ, воздѣланномъ его руками и мотивъ *Кандида* звучитъ въ его письмахъ отъ начала до конца. Онъ отчаивается въ лучшемъ будущемъ для свободной мысли, міръ считаетъ «хаосомъ нелѣпостей и ужасовъ». И это отнюдь не фантастическіе ужасы. Достаточно вспомнить сколько мучительныхъ волненій пережилъ Вольтеръ послѣ того, какъ у Лабарра нашли его нѣкоторыя произведенія: съ этихъ поръ философъ не считаетъ себя безопаснымъ даже въ Фернэѣ, въ двухъ шагахъ отъ Женевы и готовъ переселиться въ другую страну. Навремя онъ дѣйствительно оставляетъ свой замокъ, ѣдетъ въ кантонъ Во, ищетъ одновременно безопасности и успокоенія. Друзьямъ стоитъ не малыхъ усилій — разсѣять эти страхи. Но Вольтера до самой смерти не покидала мысль — основать царство философовъ гдѣ-либо вдали отъ Франціи. Онъ даже писалъ Фридриху объ этомъ проектѣ, называя мѣстность, удобную, по его мнѣнію, для философовъ и не переставалъ убѣждать Даламбера и Дидро осуществить планъ [233].

Даламберъ такъ же какъ и Дидро не соглашался на переселеніе, онъ не хотѣлъ покинуть Франціи ни ради Фридриха, ни ради Екатерины и вообще не увлекался никакими фантастическими предпріятіями. Тѣмъ значительнѣе для

---

[233] *Lettres*... I, 415, II, 108, 187—8, 890—1, 196, 127, 304—5. Desnoireterres. *Voltaire*. VI, pp. 497, 501—2.

насъ настроеніе, по временамъ овладѣвающее и этимъ трезвымъ философомъ.

Его соединяетъ тѣсная дружба съ Вольтеромъ, — и для этихъ людей ихъ взаимное чувство—единственное утѣшеніе среди безсчисленныхъ испытаній и огорченій. Они такъ часто сходятся въ стремленіи укрыться отъ грозящихъ отовсюду бурь. Даламберъ также мечтаетъ — удалиться въ деревню и умереть свободнымъ. Иной разъ онъ не видитъ другаго исхода, какъ только «плакать на развалинахъ Іерусалима». Все человѣчество, кажется ему, распадается на двѣ половины—угнетателей и угнетенныхъ, и философъ ненавидитъ однихъ и презираетъ другихъ. Въ такія минуты Даламберъ пишетъ своему другу письма, исполненныя грусти: «Почему я не сижу теперь у вашего очага, не могу раскрыть вамъ своего сердца! Я увѣренъ, что мы во всемъ бы спѣлись съ вами». Вольтеръ отвѣчаетъ въ томъ же тонѣ: «что остается для васъ утѣшеніемъ? небольшой кружокъ друзей, съ которыми вы можете дѣлиться мыслями—при закрытыхъ дверяхъ» [234].

Эти рѣчи мы слышимъ въ теченіе всего философскаго періода. Онѣ чередуются съ извѣстіями о новыхъ завоеваніяхъ философіи, — но почти каждый успѣхъ непремѣнно омрачается какой-либо тѣнью. Энциклопедистамъ нужно было обладать непоколебимой вѣрой въ лучшее будущее просвѣтительныхъ идей, въ неотразимую побѣду разума надъ фанатизмомъ, чтобы остаться на своемъ посту при всѣхъ разочарованіяхъ и опасностяхъ и, подобно Вольтеру, умѣть разсѣевать пессимистическое настроеніе, — смѣхомъ, ѣдкой остротой, презрѣніемъ къ тайной и открытой враждѣ инквизиторовъ и лицемѣровъ и неизмѣнной преданностью одной лишь *poor lady* [235].

---

[234] *Lettres.* I, 384, 387, 123. II, 115, 119.

[235] Въ письмѣ отъ 6 мая 1760 г., Даламберъ, перечисливъ враговъ философіи, прибавляетъ: „Voilà, mon cher philosophe, le triste ètat de la philosophie, que milord Shaftesbury appellerait bien aujord'hui *poor lady*. Vous voyez combien elle est malade, elle n'a de recours qu'en vous; elle attend

Трудно сказать, съ какой только стороны идеи философовъ не встрѣчали самыхъ ожесточенныхъ враговъ. Вражда къ новымъ идеямъ могла проявиться въ двоякой формѣ въ теоретическомъ преслѣдованіи,—въ борьбѣ на почвѣ мысли и въ цензурныхъ стѣсненіяхъ. Первая форма представляла сильнѣйшую опасность, такъ какъ о правильной идейной борьбѣ не могло быть и рѣчи при извѣстномъ отношеніи правительственной власти къ просвѣтителямъ. Теоретической ненависти, если такъ можно выразиться, не мало способствовали взаимныя отношенія философовъ личныя и литературныя. Враги нерѣдко, вмѣсто всякихъ возраженій, ссылались на разногласіе новыхъ писателей другъ съ другомъ, и имѣли полное основаніе [236].

Въ лагерѣ противниковъ философіи было несравненно больше единенія. На это указывалъ Вольтеръ еще въ началѣ философскаго періода. «Ваша Франція», писалъ Вольтеръ Даламберу, «полна всевозможныхъ чудовищъ. Почему—фанатики опираются другъ на друга, а философы разъединены и разсѣяны? Сплотите же это небольшое стадо». По мнѣнію Вольтера—достаточно шести человѣкъ, чтобы одолѣть фанатиковъ, но нѣтъ единства среди защитниковъ разума: ихъ всѣхъ можно передушить по-одиночкѣ [237].

Междоусобицы среди философовъ росли съ каждымъ годомъ. Больше всего шума надѣлала «измѣна» Руссо партіи энциклопедистовъ и война писателей по поводу вопроса, не имѣвшаго въ сущности никакого идейнаго и общественнаго значенія, — пресловутая борьба глюкистовъ и пиччинистовъ. Нападки Руссо на просвѣтителей для насъ не

---

avec impatience et avec confiance ce que vous voudrez bien faire pour elle". *Lettres*. I, 109—110.

[236] *Le pour et contre les spectacles*. Par. M. l'abbé M.—Mons 1772. „Toujours accablé sous le poids de la raison, de la Réligion, de l'autorité, souvent en contradiction avec leurs propres écrits, et rarement d'accord entre eux, ils n'ont réussi qu'à manifester l'impossibilité de leur entreprise aussi irréligieuse que téméraire. p. 25.

[237] *Lettres*. 1 janvier 1757, I, 31, 104.

такъ важны по мотивамъ, какъ по результатамъ. Женевскій философъ поссорился съ Вольтеромъ, укоривъ патріарха въ томъ, будто онъ — театральными представленіями развратилъ его родной городъ. Именно этого упрека Вольтеръ не могъ забыть. Почти одновременно произошла ссора съ Дидро, который оказывалъ автору диссертацій и *Новой Элоизы* — цѣнныя услуги: ихъ призналъ уже послѣ ссоры самъ Руссо, вступая въ полемику съ третьимъ энциклопедистомъ—Даламберомъ. Причина размолвки съ Дидро, какъ излагаетъ ее самъ Руссо, можетъ служить только доказательствомъ больнаго состоянія его духа. Все дѣло загорѣлось изъ-за фразы Дидро въ драмѣ *Fils naturel*: «Jl n'y a que le méchant qui soit seul». Руссо принялъ ее на свой счетъ—завязались объясненія и привели къ разрыву [238]. Ско-

---

[238] *Lettres* I, 137. *Oeuvres compl. de Diderot*, XII. *Correspondance*. Письмо Руссо въ февралѣ 1757 г. pp. 270 — 1. Дочь Дидро иначе излагаетъ исторію ссоры ея отца съ Руссо и излагаетъ на этотъ разъ, повидимому, ошибочно. Всему причиной является свѣтская сплетня: m-me Vandeuil не говоритъ, — какая именно, но изъ другаго источника мы знаемъ, будто Руссо разсказалъ Дидро, какъ его мучаетъ совѣсть за поступокъ съ дѣтьми. Дидро разгласилъ эту тайну. Въ результатѣ Руссо, издавая *Письмо къ Даламберу*, въ предисловіи привелъ цитату изъ *Экклезіаста*, гдѣ говорится о друзьяхъ-измѣнникахъ, разглашающихъ чужія тайны. Дидро въ цитатѣ усмотрѣлъ выходку противъ себя,—и порвалъ сношенія съ Руссо. Этотъ разсказъ многими признается справедливымъ, но врядъ ли—заслуженно. Предисловіе къ *Письму* подписано 20-мъ марта 1758 года, а еще за годъ Дидро и Руссо обмѣнялись крайне рѣзкими письмами и разрывъ со стороны Руссо, несомнѣнно, состоялся уже въ февралѣ 1757 года. По крайней мѣрѣ, такой смыслъ имѣютъ слѣдующія слова изъ письма Руссо: „Homme insensible et dur! deux larmes, versées dans mon sein, m'eussent mieux valu qui le trône du monde; mais tu me les refuses, et te contentes de m'en arracher. Hé bien! garde tout le reste, je ne veux plus rien de toi". Но даже если и не считать это письмо—признакомъ ссоры, все-таки къ концу 1757 года Дидро независимо отъ цитаты изъ Экклезіаста, чувствовалъ къ Руссо глубокое отвращеніе, Извѣстная исторія съ m-me d'Epinay должна была привести междоусобицу къ окончательному результату. Это видно изъ письма Дидро къ Гримму въ октябрѣ или ноябрѣ 1757 года. Исторія съ m-me d'Epinay изложена у Морли (*Руссо*. Москва 1881 стр. 189). Слѣдуетъ замѣтить

пившаяся злоба вырвалась у Руссо по поводу статьи Даламбера *Genève*, о которой намъ предстоитъ говорить дальше. *Письмо къ Даламберу* знаменовало окончательное отпаденіе Женевскаго гражданина отъ партіи философовъ. Послѣдствія были крайне невыгодны для энциклопедистовъ. Руссо теперь не пропускалъ случая—сдѣлать вылызку противъ философіи и философовъ. Такія дѣйстыя одного изъ талантливѣйшихъ писателей эпохи встрѣчались, конечно, съ благодарностью врагами энциклопедистовъ—и Руссо можно считать учителемъ тѣхъ, кто обвинялъ философію—въ эгоизмѣ, безсердечіи, въ равнодушіи къ общему благу. Слѣдуетъ, впрочемъ, замѣтить, — эти обвиненія слетали съ устъ Руссо еще раньше разрыва съ энциклопедистами—ихъ можно встрѣтить во второй диссертаціи — тѣмъ легче было автору продолжать давно открытый путь. Все тлетворное значеніе навѣтовъ Руссо мы оцѣнимъ позже, познакомившись съ войной, поднятой противъ энциклопедистовъ драматической литературой. Два безусловно даровитыхъ человѣка сослужили службу партіи фанатиковъ и пасквилянтовъ: Руссо и Мольеръ. Одинъ далъ матеріалъ, дру-

---

только, что авторъ напрасно негодованіе именно Гримма—на отказъ Руссо сопровождать г-жу Эпинэ въ путешествіи—считаетъ благороднымъ и испытываетъ пріятное впечатлѣніе. Роль Гримма во всемъ этомъ дѣлѣ была далеко не такого свойства и болѣзнь г-жи Эпинэ интересовала его не только какъ безкорыстнаго друга. (См. *Histoire de la vie et des ouvrages de J. J. Rousseau*, par Musset Pathay, Paris 1822, I, 59). Несомнѣнно благородная и искренняя роль выпала здѣсь на долю одного Дидро. *Oeuvres compl de J. J. Rousseau*. Paris 1827, II, 8 — 9, rem. *Mémoires par m-me Vandeuil* p. 359. *Oeuvres compl. de Diderot* XII, pp. 275—6, rem.—По поводу сплетни, на которую m-me Vandeuil намекаетъ, какъ на причину ссоры, замѣтимъ, что Руссо въ романѣ *Эмиль* самъ заявилъ объ укорахъ своей совѣсти за поступокъ съ дѣтьми и даже произнесъ безпощадный судъ надъ самимъ собой, какъ отцомъ. „Celui qui ne peut remplir les devoirs de père n'a point droit de le devenir. Il n'y a ni pauvreté, ni travaux, ni respect humain, qui le dispensent de nourrir les enfants et de les élever lui—même. Lecteur, vous pouvez m'en croire. Je prédis à quiconque a des entrailles, et néglige de si saints devoirs, qu'il versera longtemps sur sa faute des larmes amères et n'en sera jamais consolé“. *Emile* I, 47. Смыслъ этой тирады, совершенно ясный, подтвержденъ Руссо въ *Confessions*, liv. XII.

гой темы. Такъ вышло на самомъ дѣлѣ, хотя, можетъ быть, Руссо, и, по всей вѣроятности, Мольеръ, не разсчитывали на такіе результаты своей литературной дѣятельности.

Теоретическіе ученики Руссо шли по его слѣдамъ и въ своихъ личныхъ отношеніяхъ къ просвѣтителямъ. Мабли, подобно своему учителю, издѣвается надъ «философами острословами» и усердно покровительствуетъ Клеману, одному изъ злѣйшихъ клеветниковъ, открытому врагу Вольтера. Онъ знакомитъ его съ высшимъ свѣтомъ и вообще старается показать свое отвращеніе къ философіи. Такъ разсказываетъ Даламберъ и изумляется, какъ могъ тотъ же Мабли развивать идеи противъ религіи и деспотизма. Это писалось въ 1772 году, когда Мабли еще не успѣлъ вполнѣ высказаться и когда не существовало его сочиненіе *De la legislation ou principes des lois*, проповѣдующее религію и даже религіозный культъ. Насмѣшка надъ «философами-острословами» была высказана именно по поводу ихъ проповѣди вѣротерпимости [239].

Другая междоусобица, повредившая достоинству философской партіи, возникла изъ-за соперничества на французскихъ сценахъ композиторовъ Глюкка и Пиччини. О войнѣ подробно разсказываютъ всѣ современные источники. Началась она весной 1777 года, нѣсколько мѣсяцевъ спустя послѣ прибытія въ Парижъ Пиччини. На сценѣ уже нѣсколько лѣтъ царилъ Глюккъ,—Пиччини быстро завоевалъ симпатіи многочисленной публики и Маріи Антуанеты, академикъ Мормонтель написалъ либретто для его оперы. Но нашлась другая партія, увидѣвшая въ покровительствѣ королевы — новое проявленіе деспотизма, стремленіе по прихоти мѣнять музыкальный вкусъ подданныхъ. На музыку Пиччини напали, какъ на безцѣльное наслажденіе одного слуха, а въ музыкѣ Глюкка находили — драму, развитіе страстей. Она встрѣтила защитниковъ въ лицѣ академиковъ Сюара и Арно,

---

[239] *Lettres* II, 121. *De la législation.* IV, 1, 3. Ср. *Французскій этикъ-соціалистъ XVII вѣка,* проф. Герье. *Русск. Мысль*, 1882, ноябрь.

Мармонтель, конечно, ратовалъ за Пиччини. Загорѣлась небывалая—ожесточенная полемика и раздѣлила писателей и Академію на два лагеря. Противники усердно осыпáли другъ друга сарказмами, и доставляли немалую потѣху публикѣ. По свидѣтельству современника,—Парижъ не видѣлъ ничего подобнаго съ эпохи борьбы янсенистовъ съ молинистами. Враги философіи торжествовали. «Посмотрите», говорили они философы упрекаютъ насъ въ нетерпимости, а сами они, какъ преслѣдуютъ и рвутъ на части другъ друга изъ-за пустѣйшихъ вопросовъ!.. Развѣ предметъ ихъ спора не менѣе теменъ, чѣмъ наши таинства?.. Говорите послѣ этого, что людямъ возможно имѣть различныя мнѣнія и жить другъ съ другомъ въ мирѣ» [240].

Такія соображенія вкладываетъ современникъ, другъ энциклопедистовъ,—въ уста фанатиковъ. И это не вымыселъ: обвиненія въ томъ же смыслѣ безпрестанно повторяются противъ философовъ и подрываютъ ихъ нравственный авторитетъ. Враги не хотятъ понять, что истинные вожди просвѣтительной партіи стоятъ вдали отъ этихъ дрязгъ, что Даламберъ употребляетъ всѣ усилія—прекратить смуту въ философской церкви. Достаточно—двухъ-трехъ второстепенныхъ литераторовъ новаго направленія,—и тѣнь падаетъ на «всѣхъ братьевъ».

Для враговъ философіи было великой выгодой — считать всѣхъ новыхъ писателей одной партіей, связанной своего рода круговой порукой. Ошибки, крайнія увлеченія одного легко было перенести на всѣхъ. Такъ именно произошло по поводу сочиненій Гельвеція и Гольбаха. Ниже мы постоянно будемъ встрѣчаться съ нападками на философію вообще, между тѣмъ, какъ въ сущности, предметы нападокъ почерпались въ книгахъ *De l'esprit* и *Le systême de la nature*. Обвинителямъ философовъ не требовалось знать, что обѣ книги были отвергнуты вождями просвѣщенія и ихъ

---

[240] *Corrésp. litt* (Grimm). XII, 456. *Mémoires de Condorcet*. I, 63. Bersot. *Etudes sur le XVIII-e siecle*. Chap. IX, p. 398.

ближайшими учениками, что Вольтеръ самъ написалъ энергическое опроверженіе на книгу Гольбаха, а произведеніе Гельвеція энциклопедисты считали смертельнымъ ударомъ для свободомыслящей партіи. Эти факты не мѣшали оффиціальнымъ лицамъ громить однимъ взмахомъ и авторовъ и ихъ критиковъ — и пасквилянтовъ не смущала мысль, что они совершаютъ литературный подлогъ, навязывая идеи Гольбаха всей *Энциклопедіи* [241]. Даже крайнія воззрѣнія Руссо, при всей его враждѣ къ философамъ, сходили, какъ увидимъ, за *общепринятое* ученіе «секты».

Слѣдовательно, — пути врагамъ расчищали отчасти сами философы, — и по этимъ путямъ стремились нескончаемые ряды оффиціальныхъ и добровольныхъ борцовъ противъ новаго движенія. Прежде всего, — дѣятели литературы и науки. Эти враги новыхъ идей, несомнѣнно, были гораздо опаснѣе и сильнѣе, чѣмъ оффиціальные, чѣмъ сама цензура. Они подготовляли въ обществѣ почву для правительственныхъ воздѣйствій на философію, заранѣе могли расположить общественное мнѣніе въ пользу мѣропріятій власти. Мы увидимъ впослѣдствіи, что само правительство вскорѣ поняло силу литературныхъ нападокъ на философовъ и поспѣшило воспользоваться ею.

Правительству здѣсь не представлялось большихъ затрудненій. На встрѣчу ему шли исполнители со всѣхъ сторонъ, — и притомъ съ оружіемъ, лучше котораго не могла бы изобрѣсти строжайшая оффиціальная инквизиція. Большого значенія не имѣло, если слишкомъ трусливые или усердные слуги правительства о всѣхъ глупостяхъ говорили — «это философія» и энциклопедистовъ обвиняли въ совершенно неожиданныхъ преступленіяхъ — въ плохихъ урожаяхъ и доро-

---

[241] Voltaire. *Dictionnaire philosophique*. Art. *Dieu Corresp. litt.* (Grimm). II, 292. IX, 116. Даже спокойный Даламберъ отозвался о сочиненіи Гольбаха весьма неодобрительно и прибавилъ: „C'est un terrible livre“. — *Lettres*. II, 687 — Тоже самое впечатлѣніе, какое она, по словамъ Гете, произвела на него и его товарищей - въ ранней идеально-настроенной молодости *Wahrheit und Dichtung*, XI.

говизнѣ съѣстныхъ припасовъ [242]. Но иначе стоялъ вопросъ, когда съ теченіемъ времени особенную популярность пріобрѣли обвиненія философовъ въ безбожіи и политической неблагонадежности. Примѣръ подаетъ король Людовикъ XV. Ему понравилась патріотическая драма Беллуа — *Siège de Calais* и — всякій, кто дурно отзывался о пьесѣ, оказывался, по его мнѣнію, дурнымъ гражданиномъ или философомъ [243]. На поприщѣ литературы начинаютъ выступать личности, повидимому, менѣе всего подготовленныя для него и навѣрное эти люди не взялись бы за перо, если бы философы не представляли имъ очень удобнаго случая заявить о своемъ патріотизмѣ. Напримѣръ, нѣкто Trébuchet, по званію *un ancien officier de la reine* издаетъ брошюру противъ спектаклей,—на самомъ дѣлѣ направляетъ ее противъ людей, «дающихъ уроки безбожія и свободы» (indépendance) [244]. Одновременно выходитъ книга, еще энергичнѣе возстающая противъ «новыхъ геростратовъ, безстыдно ищущихъ популярности, претендующихъ создать новаго человѣка» [245]. Парламентскій адвокатъ пишетъ рядъ писемъ, доказывая отсутствіе патріотизма у новыхъ философовъ [246].

Вообще литературныя нападки на философію очень многочисленны. Лучшіе источники, служащіе намъ для изученія

---

[242] „Dans ce pays—là on dit à toutes les sottises qui se font: *c'est la philosophie*". Письмо Даламбера къ Вольтеру отъ 12 янв. 1763 г. *Lettres*. I. 237. *Corresp. litt.* (Grimm). XII, mai 17 8.

[243] *Corresp. litt.* (Grimm). VI, 244. *Lettres de Voltairè* I, 345. Даламберъ, „Comme cette pièce est pleine de patriotisme, on dit pour rendre les philosophes odieux qu'ils sont dechaînés contre elle".

[244] *Lettre d'un ancien officier de la reine à tous les français sur les spectacles* 1759. На брошюрѣ не означено ни имени автора, ни мѣста изданія. *Trèbuchet*—брош. *Bibl. Nationale.*

[245] *Critique d'un livre contre les spectacles intitulé J. J, Rousseau citoyen de Genève à m. D'Alembert. Amsterdam. 1760. Discours prèliminaire.* Брошюра безъ имени автора. *Bibl. Nat.*—de Mézières.

[246] *Lettres de M. Desp. de B avocat en parlement sur les spectacles.* Paris. 1769.

общественной жизни прошлаго вѣка, заражены злобой на философовъ. Они съ очевиднымъ презрѣніемъ называютъ защитниковъ новой мысли «сектой», «мудрецами дня». «Съ нѣкотораго времени», читаемъ въ *Секретныхъ запискахъ*, во Франціи возникла секта дерзкихъ философовъ, которые, повидимому, задались вполнѣ сознательной цѣлью внести въ умы гибельный свѣтъ, потрясти вѣрованія, ниспровергнуть религію. Легкіе отряды этой партіи, вооруженные сарказмомъ и ироніей, пользуясь довольно прозрачными аллегоріями и остроумными вымыслами, покрыли несмываемымъ позоромъ служителей религіи, ея догматы, ея таинства и ея мораль. Другіе, болѣе глубокіе мыслители, вооруженные ученостью, сильные въ метафизикѣ, явились въ бой съ открытой грудью, напали на религію открытой силой, представили противъ нея самые страшные доводы и, не находя достойныхъ себя противниковъ, завладѣли, къ несчастью, полемъ сраженія»[247]. Другой источникъ—*Секретная корреспонденція* нападаетъ на личности новыхъ мыслителей,—на «банду энциклопедистовъ», по ея выраженію. Авторъ сочувствуетъ выходкамъ Жильбера противъ философовъ и повторяетъ его обвиненія съ буквальной точностью: «эти господа находятъ удовольствіе въ восхваленіи другъ друга и въ униженіи тѣхъ, кто не стоитъ подъ ихъ знаменами». Авторъ считаетъ умѣстнымъ отмѣтить посредственность большинства энциклопедистовъ, хотя за нѣкоторыми изъ нихъ и не отрицаетъ заслугъ. Неизвѣстно, кого разумѣетъ авторъ, потому что въ его глазахъ даже Вольтеръ, проповѣдующій вѣчно однѣ и тѣ же идеи, не выдерживаетъ критики[248]. Мы убѣдимся впослѣд-

---

[247] *Mémoires secrets*, 20 d. 1767; 22 s. 1768; 8 janver 1773: les philosophes du jour valgraiement appelés encyclopédistes. Объ авторѣ *Секретныхъ записокъ*—Bachaumont'ѣ—см. Aubertin *L'ésprit public au XVIII-e siècle* pp. 384 etc. Desnoiresterres. *Voltaire*. VIII, 285. *Corresp*, *litt*. (Grimm). X, 6. Величайшей гордостью Башомона было имѣть такой же парикъ, какой носилъ Вольтеръ,—и ему дали прозвище: *la tête à perruque de M. de Voltaire*. Это не мѣшало Башоману выражать въ *Запискахъ* непримиримую ненависть къ философамъ и дѣлать исключеніе только для Руссо.

[248] *Corr. secrète, politique et littéraire*. Londres. 1787. II, 84—88-

ствіи, что подобныя оговорки — довольно обычный пріемъ противниковъ философіи: выдѣлить, будто для удовлетворенія чувства общественной справедливости, кого нибудь изъ среды философовъ, награждать его похвалами и выместить всю силу злобы на остальныхъ. Имѣлось въ виду двѣ цѣли — выказать безпристрастіе и внести, если возможно, раздоръ въ ненавистный лагерь или, во всякомъ случаѣ, обезоружить нѣкоторыхъ его бойцовъ. Послѣдній результатъ достигался, какъ увидимъ, съ большимъ успѣхомъ.

Въ нашихъ источникахъ находятся свѣдѣнія, обличающія такую же стихійность и безотчетность злобнаго чувства, какую мы видѣли у придворныхъ. Авторъ *Секретной корреспонденціи* обвиняетъ новую философію въ томъ, что она создала у людей равнодушіе къ жизни. Частые случаи самоубійства во второй половинѣ вѣка приписываются философскимъ идеямъ. Это обвиненіе до такой степени распространено, что искренній сторонникъ современнаго движенія принужденъ оправдывать философію во возводимой на нее напраслинѣ. Мерсье въ *Tableau de Paris*, одной изъ самыхъ распространенныхъ книгъ во второй половинѣ вѣка, доказывалъ, что Парижъ дѣйствительно первый въ Европѣ городъ по количеству самоубійствъ. Но въ этомъ нисколько не повинны философы. Самоубійцы—рѣже всего принадлежатъ къ ихъ партіи. Это—бѣдняки, утомленные жизнью, такъ какъ «существованіе стало тягостнымъ и крайне затруднительнымъ» [249]. Бывали самоубійцы и другаго порядка, но столь же мало причастные философскимъ увлеченіямъ. Въ Рождество 1774 года въ кабачкѣ недалеко отъ Парижа, застрѣлились два барчука. Одному было двадцать лѣтъ, другому — двадцать четыре Въ завѣщаніи говорилось: «отвращеніе къ жизни — единственный мотивъ, заставляющій насъ отказаться отъ нея». Къ этому младшій прибавлялъ: «когда человѣку все надоѣло, ему слѣдуетъ отъ всего отказаться». Дальше

---

[249] *Tableau de Paris:* Nouvelle édition. Amst. 1782. III, 194. На сочиненіи нѣтъ имени автора.

изъ письма оказывалось, что изъ двадцати лѣтъ, прожитыхъ юношей, пятнадцать ему были въ тягость [250].

Философія, открывавшая человѣчеству безграничныя перспективы прогресса и разума, не могла вызвать такого настроенія. Оно создано старымъ—отживавшимъ свой вѣкъ—обществомъ. Современники свидѣтельствуютъ, что оно не являлось исключительнымъ удѣломъ немногихъ несчастныхъ. Оно охватывало цѣлую среду и выражалось въ своеобразной нравственной болѣзни, знаменовавшей смертный приговоръ старому порядку. Въ 1776 году въ Парижѣ появилась любопытная комедія Дора—*Le malheureux imaginaire*. Авторъ въ предисловіи въ слѣдующихъ словахъ характеризовалъ среду, гдѣ нашелъ своего героя: «Слѣдуетъ только внимательнѣе присмотрѣться къ картинѣ общества, чтобы увидѣть здѣсь царство смуты, волненій, непрестаннаго безумія больнаго воображенія, создающаго фантастическіе образы, не вѣрящаго ни въ одно изъ тѣхъ благъ, какими оно наслаждается. Оно превращаетъ въ дѣйствительность всевозможныя бѣдствія, какія ему грезятся, жестоко страдаетъ отъ вымышленныхъ наслажденій и отравляетъ себя изъ тѣхъ самыхъ источниковъ, гдѣ слѣдовало искать противоядія» [251]. И авторъ въ видѣ иллюстраціи рисуетъ типъ, страдающій страннымъ недугомъ. Это нѣчто въ родѣ нравственной старости во цвѣтѣ физическихъ силъ, какой-то слѣпой страхъ за каждое свое желаніе и въ результатѣ непреодолимое отвращеніе къ жизни. Предъ нами полный разгромъ духовныхъ силъ человѣка и, очевидно, именно здѣсь менѣе всего могла привиться свѣжая идея, мысль, говорящая о жизни и дѣятельности. Въ лицѣ этихъ людей старый порядокъ казнилъ самого себя, все равно какъ упадокъ древняго міра сопровождался такимъ же равнодушіемъ людей къ жизни, безсиліемъ найти въ окружающей дѣйствительности прочный инте-

---

[250] *Corresp. litt.* (Grimm.) X, janvier 1774.

[251] *Le malheureux imaginaire*, com. en 5 a. par Dorat. Paris. 1777. *Préf.* p. VI

ресъ. Подавленная и обезображенная природа требовала, наконецъ, возмездія. «Смута и безуміе больнаго воображенія», о которыхъ говоритъ современникъ, были результатомъ этихъ требованій, не находившихъ отвѣта въ одряхлѣвшемъ обществѣ. Философія здѣсь, какъ и вездѣ, могла явиться только спасительнымъ средствомъ, а не отравой. Философы XVIII вѣка слишкомъ любили жизнь и слишкомъ много надеждъ возлагали на человѣческія силы, чтобы заражать людей разочарованіемъ и отчаяніемъ. Но пристрастному взгляду вездѣ рисуется извращенная дѣйствительность. Примѣромъ можетъ служить отзывъ *Секретныхъ Записокъ* о Даламберѣ. Этотъ остроумнѣйшій и любезнѣйшій проповѣдникъ новой энергической мысли изображается, какъ нравственно-больной, мрачно-разочарованный отшельникъ. Уединенныя прогулки философа представляются муками какого-то отверженца. «Его иногда видятъ, разсказываютъ намъ, въ Тюльери. Онъ бѣгаетъ одинокій, ища спасенія отъ самого себя» [252].

Все это были болѣе или менѣе добровольные гонители философіи. Правительство, конечно, не упускало возможности вербовать себѣ помощниковъ всюду, гдѣ только случался подходящій матеріалъ. На пенсіи двора существовало нѣсколько журналистовъ и писателей. Больше другихъ прославились Фреронъ, издатель журнала *d'Année littéraire*, Палиссо, издатель *Journal Français*, Клеманъ издатель газеты *Petites affiches*, и позже преемникъ Палиссо, адвокатъ Linguet издатель *Annales civiles politiques et littéraires du XVIII Siècle*, открывшій свою журнальную дѣятельность горькими жалобами на упадокъ феодальныхъ порядковъ [253]. Этотъ самый Linguet надѣлалъ много шуму, какъ адвокатъ и авторъ брошюръ, и въ результатѣ своей дѣятельности удостоился

---

[252] *Mem. secr.* XVIII, 60. Тюльери были любимымъ мѣстомъ прогулокъ философовъ. Только прогулки эти Морлэ описываетъ совершенно въ другомъ тонѣ, чѣмъ Бошамонъ. Bersot. *O. c.* p. 465.

[253] Гриммъ говоритъ, — Linguet такъ тосковалъ о феодальной эпохѣ, какъ поэты не тосковали о золотомъ вѣкѣ. *Corresp. litt.* XI, 453.

во время революціи попасть въ число «враговъ отечества» наряду съ принцами крови и самыми приближенными къ королю лицами [254]. Съ Фрерономъ и Палиссо мы еще будемъ имѣть случай встрѣтиться. Услуги этихъ лицъ награждались богатыми пенсіями и личнымъ вниманіемъ короля и даже королевы [255]. Въ результатѣ на каждомъ шагу читаемъ такія свидѣтельства современниковъ: «журналы сдѣлались своего рода ареной, гдѣ безо всякаго стыда позорятъ для потѣхи глупцовъ и злодѣевъ—науки и тѣхъ,кто ими занимается». Министры безпрестанно вдохновляютъ издателей. Даламберъ едва успѣваетъ сообщать Вольтеру названія подкупленныхъ журналовъ и статей, продиктованныхъ въ министерскихъ канцеляріяхъ. Послѣднее обстоятельство больше всего раздражаетъ Даламбера. «Брошюры и пасквили», пишетъ онъ, «ничего не значатъ сами по себѣ. Другое дѣло—пасквили, покровительствуемые, одобряемые или внушаемые властью, въ особенности, когда эти пасквили извергаютъ на насъ самую отвратительную и позорную личную брань». Подобные памфлеты противъ энциклопедистовъ умножаются съ каждымъ днемъ. Это говорится по поводу брошюры Клемана—*Satire sur la fausse philosophie*. Въ сатирѣ, написанной стихами, авторъ спрашивалъ, буквально подражая Жильберу:—«гдѣ эти герои, образцы доблести, которыхъ *Энциклопедія* высидѣла подъ своими крыльями? Поищемъ подъ знаменами славы и Марса соперниковъ—Немуровъ, Гастоновъ, Баяровъ» [256]... Жильберъ двумя годами раньше восклицалъ: «какое время, какой вѣкъ процвѣталъ до такой степени невѣжествомъ, былъ такъ бѣденъ хорошими стихами, какъ нашъ вѣкъ, именуемый эпохой разума?» Философія, по мнѣнію сатирика,

---

[254] Taine. *Les origines de la France contemporaine*. La révolution. Paris. 1888. p. 44.

[255] Въ февралѣ 1764 года Фреронъ напечаталъ пасквиль на актрису m-lle Клэронъ Заступничество королевы спасло литератора отъ тюрьмы. *Mem. secr.* 21 f. 1764.

[256] *Corresp. litt.* (Grimm). XI, nov. 1770; mai 1778. *Lettres*, I, 43, 69, 75.

лахъ надежду — искоренить также и философовъ. И вражда янсенистовъ была тѣмъ опаснѣе, что они наполняли парламенты и, слѣдовательно, одновременно владѣли всѣми орудіями противъ философіи. Вольтеръ называлъ янсенистовъ *Бузирисами въ судейскихъ мантіяхъ*, — и совершенно естественно долженъ былъ чувствовать отвращеніе къ самой сектѣ и къ парламентамъ [260].

Въ политическихъ вопросахъ парламенты, какъ извѣстно, являлись оппозиціей королевской власти, — все равно какъ янсенисты вели борьбу противъ папской власти. И въ томъ и въ другомъ случаѣ высказывались нерѣдко идеи почти республиканскаго характера,—но это нисколько не отражалось на судьбѣ философскихъ идей—въ смыслѣ терпимости. Янсенисты громили римскую іерархію, но гораздо крѣпче держались за неограниченную власть религіозныхъ преданій, чѣмъ даже іезуиты. Парламенты—протестовали противъ министерскаго деспотизма, но только затѣмъ, чтобы въ свою очередь пользоваться деспотической властью. Парламентскіе адвокаты считали себя непогрѣшимыми и еще за три года революціи извѣстный гонитель философіи Сегье высказывалъ принципъ: «Когда законъ высказался, разумъ долженъ молчать». Но вопросъ,—что̀ значило—*законъ* на парламентскомъ языкѣ?

Парламенты, по словамъ энциклопедистовъ, оказывались фанатичнѣе духовенства. Это и понятно—при связяхъ парламентовъ съ янсенистами. Даже по смерти Вольтера его другъ писалъ Фридриху II, что парламентскіе совѣтники поносятъ его память и обнаруживаютъ «гораздо больше пошлости и невѣжества, чѣмъ Сорбонна». Когда Бомарше вздумалъ издавать произведенія Вольтера и выпустилъ публикацію о подпискѣ, совѣтникъ Депремениль обратился къ парламенту съ доносомъ, сопровождая его воплемъ пророка Іереміи: «Ululate et clamate! Вотъ, милостивые государи, крикъ, обращаемый отечествомъ, религіей и нравственностью ко

---

260 *Lettres*. I, 237, 406, 292, 412: *Busiris en robe*.

всѣмъ добродѣтельнымъ людямъ. Въ настоящее время я осмѣливаюсь быть ихъ выразителемъ и донести всей магистратурѣ о самомъ возмутительномъ предпріятіи». Распоряженія парламентовъ въ теченіе всего философскаго періода поражаютъ нетерпимостью и мракобѣсіемъ. Они, напримѣръ, запрещаютъ оспопрививаніе — уже въ то время, когда принцы крови практикуютъ его на своихъ дѣтяхъ. Они отдаютъ на жертву правительству Людовика XV адвоката, позволившаго печатно заявить свое удивленіе предъ Генрихомъ IV. Они издаютъ все болѣе жестокіе указы, угрожающіе всѣмъ сколько-нибудь причастнымъ къ новой литературѣ. По этимъ ордонансамъ можно повѣсить книгопродавца, уморить въ тюрьмѣ разносчика. О такихъ «преступникахъ», какъ Лабарръ, Каласъ, нечего и говорить. Всѣ проповѣдники терпимости — *сильно подозрительны* — *véhémentement suspectés* — по варварскому выраженію юристовъ. Послѣ этого Даламберъ, конечно, горько смѣется надъ «отцами отечества», какъ именовала членовъ парламента парижская толпа въ эпохи оппозиціи, а Вольтеръ пишетъ: «Парламенты кричатъ противъ деспотизма; но тѣ, кто посылаетъ гражданъ на смерть, не объясняя ихъ вины, несомнѣнно величайшіе деспоты въ мірѣ» [261].

---

[261] Bersot. *Op. cit.* p. 107, 115. *Lettres.* I, 65. *Corresp. litt.* (Grimm) XII, f. 1781. Desnoiresterres. *Voltaire.* VIII, 441. *Lettres.* II, 79. Aubertin. *Op. c.* p. 265. Всѣ эти факты разсказаны въ извѣстной хроникѣ Барбье (*Chronique de la Régence et du règne de Louis XV.* Paris. 1857). Авторъ горячій сторонникъ парламентовъ и ихъ политическихъ претензій. Въ этомъ отношеніи особенно любопытенъ его разсказъ о бесѣдѣ, которую онъ велъ съ членами парламентовъ—по поводу ихъ нерѣшительнаго образа дѣйствій при регенствѣ (I. 70—71). Но такіе подвиги парламентовъ, какъ преслѣдованіе *Энциклопедіи* и сожженіе *Эмиля* — Барбье разсказываетъ или безъ всякихъ замѣчаній, или жалѣетъ, что парламентскія адвокаты иногда слишкомъ пространно излагаютъ въ своихъ протоколахъ философскія идеи: это можетъ послужить соблазномъ для публики (VII, 130, VIII, 145). Барбье можетъ считаться типичнымъ представителемъ цѣлаго класса политиковъ XVIII вѣка: политическій либерализмъ и культурная нетерпимость отлично уживались въ программѣ парламентскихъ дѣятелей и ихъ сторонниковъ. *Lettres* I, 285, 419, 393.

Съ парламентомъ было тѣсно связано высшее ученое учрежденіе Франціи—парижскій университетъ. Парламентскому надзору подлежало внутреннее управленіе университета и парламентъ искони вмѣшивался въ рѣшенія университетскаго совѣта, поддерживая болѣе консервативныя теченія. Естественно, въ университетѣ воспитывалась та же вражда къ новой мысли, какою дышала политика парламента. Въ концѣ 1773 года произошелъ одинъ изъ любопытнѣйшихъ эпизодовъ всей эпохи. Ректоръ университета предложилъ на премію слѣдующую тему: *Non magis Deo quam regibus infesta est ista quae vocatur hodie philosophia*. Намѣренія ректора были вполнѣ благонадежны, но дурное знаніе латинскаго языка погубило ихъ. *Gazette des deux Ponts* такъ извѣщала своихъ читателей объ университетской темѣ: «Въ то время, какъ педанты и лицемѣры декламируютъ противъ философіи, корпорація такая мудрая и уважаемая оказываетъ ей блестящую почесть. Парижскій университстъ предлагаетъ на этотъ годъ слѣдующую тему для соисканія преміи за краснорѣчіе: *Non magis Deo quam regibus infesta est ista quae vocatur hodie philosophia*, т.-е. «философія нашихъ дней не болѣе враждебна Богу, чѣмъ королямъ» —*La phil·sophie de nos jours n'est pas plus ennemie de Dieu que de rois*. Легко представить, въ какой восторгъ привела энциклопедистовъ безграмотность университета. Даламберъ немедленно сообщилъ Вольтеру тему, предлагая ему написать разсужденіе. Тотъ извѣщалъ, что *Non magis* вызвало у него такой хохотъ, что онъ не могъ заснуть всю ночь и писалъ въ теченіе двадцати четырехъ часовъ брошюру на университетскую тему. Но потомъ Вольтера взяло сомнѣніе, возможно ли, чтобы университетъ далъ такой промахъ. Даламберъ досталъ подлинный печатный документъ съ латинскимъ и французскимъ текстомъ темы, переводъ былъ сдѣланъ самимъ ректоромъ и гласилъ: *La prétendue philosophie de nos jours n'est pas moins ennemie du trône que de l'autel*. Вольтеръ кончилъ трактатъ, напечаталъ его въ Монпелье и выпустилъ подъ именемъ *Belleguier*. Даламберъ извѣщалъ, что всѣ *Бертраны*, т. е. парижскіе друзья

Вольтера—благословляютъ *Ратона*, его «лапы» и съ наслажденіемъ «пощелкиваютъ каштаны, такъ ловко вытащенные изъ огня» [262].

Въ другомъ научно-литературномъ учрежденіи, несравненно болѣе вліятельномъ, чѣмъ Университетъ, во французской Академіи,—враги философіи владѣли настоящей крѣпостью. Въ теченіе многихъ лѣтъ они не переставали толковать, будто Академія пополняется Даламберомъ въ союзѣ съ m-lle Леспинассъ. Это именовалось «философскимъ деспотизмомъ надъ Академіей». Къ услугамъ обвинителей нашелся авторъ и написалъ спеціально на этотъ предметъ комедію. Эти навѣты шли со стороны духовенства и ханжей. Партія ихъ была настолько сильна, что, по ея внушенію, король предписалъ академикамъ—тщательно изслѣдовать образъ мыслей каждаго новаго кандидата въ члены. Таже партія устраивала нерѣдко кассацію неугодныхъ ей выборовъ и проводила своихъ кандидатовъ [263]. Находились члены не боявшіеся публично въ торжественныхъ собраніяхъ Академіи выступать противъ философовъ.

Въ 1760 году много шуму надѣлала рѣчь Помпиньяна. Этотъ писатель, разсчитывавшій попасть въ воспитатели къ дѣтямъ дофина, воспользовался своимъ избраніемъ въ члены Академіи и въ обычной вступительной рѣчи напалъ на современную «безбожную» философію и на ея дѣтище *Энциклопедію*. Рѣчь имѣла успѣхъ у «безсмертныхъ». Академикъ-директоръ, отвѣчавшій Помпиньяну, воздалъ ему великія почести. Рѣчь была поднесена королю, тотъ прочелъ её,

---

[262] Напримѣръ, парламентъ въ 1739 году протестовалъ противъ повелѣнія короля—всѣмъ членамъ университета голосовать на университетскихъ совѣтахъ. Ректоръ и старшіе профессора обратились съ жалобой въ парламентъ и настаивали, чтобы эти права имѣли только члены коллегіи старше 30 лѣтъ. Barbier. *Op. cit.* III. 163. Исторія съ университетской темой подробно разсказана въ перепискѣ Вольтера.—*Corresp. litt* (Grimm) X, 147 *Lettres* II, 135. Раньше *Gazette des deux Ponts* университетъ подвергся насмѣшкамъ въ *Avant-coureur*. Lettres II, 146, 150—1.

[263] *Corresp. litt* (Grimm). X avr. 1772; XI, 263.

въ свою очередь бросивъ при этомъ упрекъ по адресу нечестивцевъ и невѣрующихъ. Но *общественное мнѣніе* уже дѣйствовало и торжество оратора оказалось непродолжительнымъ. Появился рядъ отвѣтныхъ брошюръ. Застрѣльщикомъ выступилъ Вольтеръ и въ нѣсколько дней довелъ Помпиньяна до отчаянія. Даже дворъ, и самъ набожный дофинъ, въ сущности главный виновникъ несчастій Помпиньяна, смѣялся надъ бѣднымъ академикомъ. Ораторъ быстро сталъ басней всего Парижа. Популярность вышла крайне обидной: академику пришлось ее дѣлить съ нѣкіимъ аферистомъ, содержателемъ кабачка—Рампоно. Помпиньянъ предпочелъ оставить столицу и навсегда похоронилъ себя въ провинціи, въ своемъ замкѣ [264].

Гораздо больше претерпѣлъ за академическія рѣчи—и на этотъ разъ уже отъ властей—поэтъ Тома. Въ 1764 году онъ сказалъ *Похвальное слово Марку Аврелію.* Слово запретили печатать и автора лишили права—говорить въ публичныхъ засѣданіяхъ Академіи. Впослѣдствіи запрещеніе было снято, но Академія учредила особый цензурный комитетъ для предварительнаго просмотра академическихъ рѣчей. Эта цензура все-таки не спасла того же оратора отъ другой еще сильнѣйшей опасности. Привѣтствуя новаго члена — Ломени де Бріеня 6 сентября 1770 года—Тома произнесъ рѣчь, исполненную похвалъ вообще дѣятельности писателя. Ее онъ ставилъ выше всѣхъ другихъ. Время для такихъ восхваленій было выбрано самое неудобное. Всего двумя недѣлями раньше Сегіе, генеральный адвокатъ и онъ же академикъ производилъ по порученію парламента слѣдствіе надъ философской литературой и присудилъ къ сожженію рядъ сочиненій. Въ рѣчи Тома говорилось, между прочимъ, о клеветникахъ и гонителяхъ литературы. Рѣчь запретили печатать, долго ходили слухи о заключеніи оратора въ Бастилію. Ограничилось тѣмъ, что Тома навсегда запретили публично произно-

---

[264] *Corresp. litt.* (Grimm). III. 240—1.—Desnoiresterres. *Voltaire.* V, 419—447.

сить рѣчи, и сдѣлано это было по настоянію — товарища Тома по Академіи — Сегіе. Но даже парламентъ на этотъ разъ не согласился съ своимъ адвокатомъ: Тома былъ освобожденъ отъ всякой кары.

Академія, несмотря на «философскій деспотизмъ», съ теченіемъ времени повидимому все дальше становилась отъ новаго движенія. Ея засѣданія теряли популярность, съ ея трибуны слышались все болѣе энергическія нападки на новую литературу. Со второй половины вѣка мы встрѣчаемъ извѣстія о скандалахъ, сопровождающихъ торжественныя собранія столь почтеннаго учрежденія. Академію освистываютъ въ 1765 году, три года спустя Академія присуждаетъ премію пятнадцатилѣтнему аббату Ланжаку, сыну маркизы де-Ланжакъ. Публика встрѣчаетъ этотъ приговоръ единодушными свистками, на дверяхъ Академіи появляются оскорбительные стихи, уличающіе въ раболѣпіи ученыхъ критиковъ. Въ результатѣ подобныхъ приключеній Академія сокращаетъ число билетовъ для публики и распредѣляетъ ихъ съ крайней осторожностью, такъ что собранія Академіи иногда превращаются въ домашнія совѣщанія.

Эта мѣра, повидимому, очень цѣлесообразна, потому что ораторы академіи начинаютъ нападать на самыя популярныя произведенія современной литературы. Академикъ Сюаръ, состоящій въ то же время цензоромъ, привѣтствуя новаго члена маркиза Монтескью (Montesquiou) 5 іюня 1784 года, говорилъ: «нельзя не опасаться, что путемъ постоянно возрастающихъ злоупотребленій національный театръ будетъ, наконецъ, опозоренъ изображеніями низкихъ и испорченныхъ нравовъ, изображеніями, которыя даже не могутъ считаться правдивыми и гдѣ безстыдный порокъ и разнузданная сатира увлекательны только своей вольностью. Успѣхъ этихъ изображеній, унижая искусство, оскорбляя общественную нравственность, похититъ у нашего театра славу—быть для всей Европы школой добрыхъ нравовъ и хорошаго вкуса». Въ такихъ выраженіяхъ академикъ отзывался о *Свадьбѣ Фи-*

чаро, волновавшей въ то время всю европейскую публику и литературу [265].

Общественное мнѣніе затаило месть,—и наканунѣ революціи высказалось противъ учрежденія, служившаго—въ лицѣ одной изъ своихъ партій—фанатизму и рабству. Въ Наказахъ избиратели не забываютъ упомянуть о «безсмертныхъ», болѣе умѣренные желаютъ публичнаго конкурса при академическихъ выборахъ, а нѣкоторые—находятъ, что польза Академіи не соотвѣтствуетъ издержкамъ на нее и требуютъ ея уничтоженія [266].

Нападки на философію идущіе, какъ мы видимъ, со всѣхъ сторонъ, не имѣли бы всего значенія, и нѣкоторые изъ нихъ можетъ быть остались бы въ области платоническихъ стремленій, если бы къ нимъ не приходила на помощь реальная и страшная сила—цензура.

VI.

Въ то время,когда духовенство дѣйствовало на правительство памятными записками и добровольными подарками съ цѣлью возбудить его строгость противъ новой литературы, казалось—въ вопросѣ о строгости дальше идти было невозможно. Съ этимъ согласны даже люди, несочувствующіе философамъ. При Людовикѣ XV цензуру современники иначе не называютъ какъ инквизиціей. И цензура, дѣйствительно, походитъ на инквизицію—безпощадно-жестокими мѣропріятіями и изумительной способностью — по всякому поводу разить правыхъ и виноватыхъ. Въ 1757 году королевская декларація опредѣляетъ смертную казнь авторамъ сочиненій «стремящихся нападать на религію, волновать умы, посягать на

---

[265] Bersot. *Op. cit.* p. 101. *Corresp. litt.* (Grimm). IX, 127, X, juillet 1772; VIII, sept. 1768; XIV nov. 1784, juillet 1785.

[266] *Cahier sommaire du tiers-état du district de Bonne nouvelle.* Chassin. *Les élections et les cahiers* II, 447. *Cahier de la paroisse de Ballainvilliers. Archives* IV, 339.

власть короля и нарушать порядокъ и спокойствіе государства». Министры Людовика XV съ своей стороны запрещаютъ писать по вопросамъ администраціи. Не проходитъ двухъ недѣль, чтобы полиція не арестовала книгопродавца или разносчика. Аресты до такой степени многочисленны, что приказы цензоровъ и другихъ агентовъ въ теченіе двадцати лѣтъ сохраняютъ одну и ту же форму. Каждое крупное сочиненіе новаго писателя, даже если бы его воззрѣнія и не раздѣлялись энциклопедистами,— неизмѣнно навлекало гоненіе на всю партію. Особенно краснорѣчивы два примѣра — *О духѣ*—Гельвеція и *Эмиль* — Руссо. Первымъ сочиненіемъ немедленно воспользовался парламентъ противъ *Энциклопедіи* и генеральный адвокатъ, производившій слѣдствіе надъ словаремъ, заявилъ, что книга Гельвеція — «сокращенное изложеніе» *Энциклопедіи*, этого позора французской націи.

Гроза разразившаяся по поводу *Эмиля*, захватила въ своемъ полетѣ произведенія и авторовъ, не имѣвшихъ никакого отношенія ни къ философу, ни къ его книгѣ. Запрещалось все, что сколько-нибудь, въ воображеніи цензуры, напоминало вообще о Руссо. Какъ разъ къ этому году относится слѣдующее извѣстіе современника: «полиція строже, чѣмъ когда-либо. Ничего не пропускаетъ, не дозволяетъ ни малѣйшей шутки. Многіе книгопродавцы ликвидируютъ дѣла. Намъ грозитъ повальная засуха во французской литературѣ» Это пишетъ человѣкъ, не сочувствующій философамъ.

Подобныя заявленія слышатся безпрестанно,—и современники часто впадаютъ въ крайне рѣзкій раздраженный тонъ.

«Послѣ египетскихъ казней», пишетъ одинъ изъ нихъ, «я не знаю сильнѣйшаго бѣдствія, чѣмъ то, которое распространилось во Франціи и произвело всеобщій недостатокъ въ умственной пищѣ... Приходится обманывать цѣлый отрядъ коммиссаровъ, инспекторовъ, полицейскихъ, стражей, если хочешь имѣть эти драгоцѣнные товары». Вопросъ на этотъ разъ идетъ о сочиненіяхъ Вольтера и извѣстіе относится къ 1767 г. Такое положеніе даже не изумляетъ самого Вольтера. Онъ припоминаетъ французскую исторію и находитъ, въ

теченіе послѣднихъ шестидесяти лѣтъ Франція не видѣла ни одного государственнаго дѣятеля, который не приказалъ бы сжечь книгу и автора за проповѣдь терпимости. Отъ вниманія цензуры не ускользаетъ ни одно сочиненіе, сколько нибудь намекающее на новую мысль. Во Франціи не можетъ пройдти безпрепятственно даже геометрическая задача, и математическія книги приходится печатать заграницей. Даламберъ едва разсчитываетъ имѣть одинъ экземпляръ одного изъ подобныхъ произведеній. «Прикащики при таможнѣ мыслей», по выраженію Даламбера, тщательно вычеркиваютъ даже отдѣльныя слова, напримѣръ,— *суевѣріе*, *тираннія*, *терпимость*, *преслѣдованіе*, даже *св. Вареоломея*. Такая строгость относительно философіи не мѣшаетъ представителямъ высшихъ правительственныхъ и общественныхъ сферъ оказывать усердное покровительство — шарлатанамъ въ родѣ Каліостро и Месмера. Каліостро снабжаютъ рекомендательными письмами ближайшіе совѣтники Людовика XVI, —министръ юстиціи, военный, иностранныхъ дѣлъ. Месмеру правительство предлагаетъ пенсію въ 30,000 ливровъ за то, чтобы онъ сообщилъ тайны своего искусства тремъ ученымъ, какихъ укажетъ король. И даже въ томъ случаѣ, если бы отзывъ ученыхъ оказался неблагопріятнымъ для Месмера, «мудрецъ» все-таки сохранялъ право на пенсію. Фанатичнѣйшіе гонители новыхъ идей—въ родѣ парламентскаго совѣтника Депремениля—гордились дружбой Каліостро и преклонялись предъ Месмеромъ, защищали его отъ нападокъ скептиковъ, сравнивая съ Сократомъ. Месмеръ объявилъ курсъ лекцій и собралъ по подпискѣ 340,000 ливровъ. Въ столицѣ и въ провинціи возникло множество обществъ его послѣдователей, *Обществъ гармоніи* — для распространенія месмеризма. Такой успѣхъ могъ соперничать съ завоеваніями философіи, — тѣмъ болѣе что месмеризмъ не встрѣчалъ на своемъ пути никакихъ оффиціальныхъ препятствій, между тѣмъ какъ философы едва могли обозрѣть всѣхъ своихъ цензоровъ. Нѣтъ ни одного учрежденія, которое бы не считало своей обязанностью вмѣшаться въ судьбу книги просвѣти-

тельнаго направленія. Во главѣ цензуры стоитъ «директоръ книжной торговли». Онъ назначаетъ цензора—для каждаго сочиненія отдѣльно. Книгу, пропущенную цензоромъ, можетъ арестовать «лейтенантъ полиціи», министръ. Это одна—цензура. Другая—Сорбонна, запрещавшая сочиненія, дозволенныя королемъ,—напримѣръ *Велизарія*—Мармонтеля, третья цензура—парламентъ, уничтожавшій даже книги. выпущенныя королевской типографіей,—напримѣръ *Consiles*—Гардуэна,—и за ними длинный рядъ добровольныхъ цензоровъ, начиная съ принцевъ крови и кончая наемными шпіонами [267].

Печатаніе книгъ заграницей не устраняло затрудненій и опасностей. На пограничной таможнѣ пропускали только книги изъ извѣстныхъ городовъ и помѣченныя спеціальными цензорами. Но сочиненія съ такой рекомендаціей не могли представлять ни малѣйшаго философскаго интереса. Приходилось выбирать пункты, свободные отъ французскаго надзора, и не подлежащіе полицейскому режиму.

Главными поставщиками парижскаго книжнаго рынка были Амстердамъ, Лондонъ, Женева. Изъ Амстердама появлялись цѣлыя тучи брошюръ, по выраженію современника, и «слѣдовали одна за другой съ невѣроятной быстротой». Лондонъ и Женева въ этомъ отношеніи уступали Голландіи, но и они сослужили службу новой мысли. Въ Амстердамѣ появились

---

[267] Barbier *Op. cit.* VII, 127... „*l'Encyclopédie*, dont il regarde le livre de *l'Esprit* comme l'abrégé, qui devoit faire honneur à la nation et qui en a fait l'approbre par les maximes et les impiétés de tous les anciens auteurs“. . По поводу *Эмиля* была запрещена трагедія Савиньи—*La mort de Socrate*: цензура усмотрѣла въ судьбѣ Сократа намеки на Руссо, потерпѣвшаго за свою книгу. *Corresp. litt.* (Grimm). juillet. 1762—*Mém. secr.* 14 déc. 1762. *Corresp. litt.* (Grimm) VII. 1 août 1767. *Lettres* I, 289, 353, 429 II, 134. Bersot. *Op. cit.* 101—2. Нѣсколько любопытныхъ фактовъ относительно цензуры при Людовикѣ XV приведено въ книгѣ Droz'a: *Histoire du règne de Louis XVI* Bruxelles, 1839. *Introduction*, p 31.—Едва ли не единственнымъ и самымъ энергичнымъ противникомъ месмеризма—оказался театръ. Именно онъ вызвалъ возмущеніе Деипрмениля—комедіей *Les Docteurs modernes* о которой намъ придется упоминать впослѣдствіи —Ср. Droz *Ib.* p. 153.

почти всѣ важнѣйшія сочиненія, касающіяся нравовъ, литературныхъ явленій Парижа во второй половинѣ XVIII вѣка. Здѣсь же напечатано большинство пьесъ, запрещенныхъ къ представленію въ Парижѣ.

Вольтеръ насчитываетъ каждую недѣлю по одной брошюрѣ, приходящей изъ Голландіи. Его письма иногда полны заглавіями сочиненій, «ведущихъ правильную осаду противъ *l'infâme*». Амстердамскій издатель противорелигіозныхъ сочиненій Рей пріобрѣлъ такую популярность, что въ самой Франціи сочиненія философскаго направленія издаются подъ его именемъ [268].

Но несравненно легче было напечатать книгу, чѣмъ распространить ее—и именно въ Парижѣ. Представлялось два способа: разноска и пересылка сочиненій самими авторами. У насъ есть достовѣрныя свидѣтельства о томъ, какъ ненадежны были оба пути. Торговля запрещенными книгами считалась преступнѣйшей контрабандой и каралась съ невѣроятной жестокостью. Участь разносчиковъ съ теченіемъ времени становилась все тяжелѣе. Въ царствованіе Людовика XV ихъ наказывали безпощадно, часто заслуживавшихъ снисхожденія уже потому, что множество ихъ было безграмотно. Бисетръ иногда бывалъ переполненъ ими, какъ это

---

[268] *Corresp. litt.* (Grimm). VIII, 395. *Lettres.* I. 461; II. 6; Condorcet *Mémoires.* I, 118. Главныя сочиненія Руссо были изданы въ Голландіи, и изъ 28 полныхъ собраній сочиненій Вольтера почти половина была напечатана тамъ же, въ томъ числѣ одно въ Гагѣ и остальныя въ Амстердамѣ. Другая половина приходится на Лондонъ, Дрезденъ, но болѣе всего на Женеву и другіе швейцарскіе города. Въ Парижѣ появилось только два изданія и одно въ Ліонѣ. *Voltaire. Bibliographie des ses oeuvres par Georges Bengesco.* IV, Paris. 1890, pp. 1—105. Изданія сочиненій Вольтера начинаютъ выходить почти исключительно въ Парижѣ только послѣ революціи. Ib. pp. 105—196 Вообще Амстердамъ является въ теченія XVIII-го вѣка до такой степени обязательнымъ книжнымъ рынкомъ для Франціи, что брошюры изданныя въ другомъ заграничномъ городѣ, носятъ часто характерную надпись: *et se trouve à Amsterdam.* Дальше мы увидимъ, сколько хлопотъ потребовалось автору незначительной брошюры о театрѣ, напечатанной заграницей, - чтобы пустить её въ продажу въ Парижѣ.

произошло въ 1767 году. Случалось,— разносчику за продажу одной какой-нибудь брошюры или пьесы — отправляться на галеры, — напримѣръ, за брошюру Вольтера — *L'homme aux quarante écus* и за драму *Ericie ou la vestale*, осуждавшую обычай богатыхъ семействъ заключать дочерей въ монастыри [269]. Пятнадцать лѣтъ спустя положеніе разносчиковъ еще ухудшилось: ихъ теперь заключають уже не въ Бисетръ, а въ Бастилію, и не за *Эмиля* Руссо, а за «вздорныя брошюрки, которыя на слѣдующій же день будутъ забыты». Повидимому, правительству Людовика XVI свойственно особенное пристрастіе присуждать тѣхъ же разносчиковъ къ позорному столбу.

Что касается пересылокъ книгъ авторами, этимъ средствомъ можно было пользоваться съ крайней осторожностью. Изъ переписки Вольтера съ Даламберомъ, мы знаемъ, какъ трудно бывало философамъ даже переписываться другъ съ другомъ. И эта трудность существовала не только для писателей. Въ наказахъ одно изъ самыхъ распространенныхъ требованій направлено на неприкосновенность писемъ, посылаемыхъ почтой. Здѣсь единодушны всѣ сословія. Вскрытіе писемъ они называютъ «постыднѣйшей формой шпіонства», «позорнѣйшимъ и безполезнѣйшимъ актомъ, какой только можетъ позволить себѣ правительство», а духовенство призываетъ даже религію на защиту неприкосновенности писемъ. Изъ наказовъ видно, что письма частныхъ лицъ отправлялись въ Парижъ исключительно для осмотра и потомъ уже шли къ мѣсту назначенія [270]. Такъ поступали съ письмами заурядныхъ гражданъ. Что же послѣ этого творилось съ письмами подозрительныхъ авторовъ?

Вольтеръ безпрестанно сообщаетъ Даламберу, что ихъ письма вскрываются на почтѣ, какъ и большая часть вся-

[269] *Mém. secr.* 23 juin 1767. Tableau de Paris III, 191. Bersot. *Op. cit.* p. 105

[270] *Cahier de la noblesse de la province d'Artois. Archives* II, 80. *Remontrances, moyens et avis que le tiers-état du baillage de Nemours charge des députés de porter aux Etats généraux. Ib.* p. 153. *Doléances du clergé du baillage d'Amiens. Ib.* p. 736.

кой другой корреспонденціи. Онъ иногда приходитъ въ отчаяніе, лишенный возможности подѣлиться съ другомъ мыслями и свѣдѣніями. «Нѣтъ больше переписки», восклицаетъ онъ, «нѣтъ довѣрія, нѣтъ утѣшенія; все погибло; мы — въ рукахъ варваровъ». Энциклопедисты не подписываютъ своихъ писемъ, изобрѣтаютъ псевдонимы — Вольтеръ подписывается *Raton*, Даламберъ—*Bertrand*. Условными прозвищами именуются и другіе философы. Въ старости Вольтеръ начинаетъ смѣшивать почерки Кондорсэ и Даламбера, не можетъ различать ихъ писемъ и проситъ Даламбера подписывать какую-нибудь букву. Всѣ стараются пересылать корреспонденцію съ вѣрной оказіей, а не почтой. Но такія оказіи рѣдки,—и мы слышимъ жалобу: «всѣ пути заказаны», Вольтеръ не знаетъ, что дѣлать, не получая отъ друзей извѣстія о своихъ посылкахъ [271].

Само собой разумѣется, — книги пересылать при такихъ условіяхъ еще затруднительнѣе, чѣмъ письма. Только особенно счастливый случай даетъ Вольтеру возможность—переслать въ Парижъ экземпляра три своего новаго произведенія. При этомъ онъ настоятельно повторяетъ, чтобы экземпляры попали въ вѣрныя руки, чтобы ни книги, ни письма не распространялись среди чужихъ. Относительно *Философскаго Словаря* Вольтеръ пишетъ: «Я хорошо знаю, что въ Парижѣ мало экземпляровъ этой книги и что они находятся въ рукахъ у посвященныхъ. Я до сихъ поръ старался, чтобы не проникло къ вамъ больше и чтобы словарь не перепечатывали въ Руанѣ. Но я не въ состояніи воспрепятствовать перепечаткамъ навсегда. Книгу уже переиздаютъ въ Голландіи». Полдюжины экземпляровъ философской брошюры Вольтеръ считаетъ достаточно на весь Парижъ. Даламберъ долженъ роздать ихъ «честнымъ людямъ», тѣ въ свою очередь—другимъ такимъ же читателямъ,—и «виноградникъ Господа процвѣтетъ» [272].

---

[271] *Lettres*. I, 367, 372; II, 195, 208; II, 130, 139—140; 278.
[272] *Ib*. I, 327, 219, II, 195.

Въ результатѣ—книга долго не попадала даже ко всѣмъ «посвященнымъ». Вольтеръ представляетъ Даламберу списокъ книгъ, извѣстныхъ ему и невѣдомыхъ въ Парижѣ. Сочиненія самого Вольтера часто не доходятъ до самыхъ близкихъ друзей энциклопедистовъ. Гриммъ, всѣми признанный лѣтописецъ и критикъ современной литературы, постоянно жалуется на трудность достать тотъ или другой продуктъ «фернейской мануфактуры». Для обыкновенныхъ читателей очевидно, эти трудности часто были непреодолимы [273].

Къ концу царствованія Людовика XV положеніе философіи становится трагическимъ. Даламберъ, нарисовавъ картину гоненій, прибавляетъ: «Литература—въ худшемъ положеніи, чѣмъ когда-либо. Я почти глупѣю съ отчаянія и съ горя». Вольтеръ находитъ только одинъ отвѣтъ: «Литература въ томъ же положеніи какъ и финансы. Наше правительство нуждается въ экономіи, а философы—въ терпѣніи» [274].

Вступленіе на престолъ Людовика XVI зажгло свѣтлыя надежды у политиковъ и писателей. Но и тѣмъ и другимъ предстояло разочароваться,—и скорѣе всѣхъ писателямъ.

На первое время новый король будто ослабилъ цѣпи, сковывшія литературу. Ему случалось даже разрѣшать произведенія, запрещенныя Бомономъ. Но это отнюдь не было перемѣной въ системѣ. Современники рисуютъ положеніе дѣла одними и тѣми же красками — при обоихъ царствованіяхъ.

Мы уже говорили, съ какой жестокостью преслѣдовались въ теченіе новаго царствованія совершенно беззащитные и часто, можетъ быть, безсознательные помощники писателей—разносчики. Дальше мы увидимъ, какъ пристально Людовикъ XVI слѣдилъ за цензурой и поощрялъ ее къ болѣе строгимъ мѣрамъ. До разрѣшенія пьесы, запрещенной парижскимъ архіепископомъ, Людовикъ запретилъ письмо Вольтера о Шек-

---

[273] *Ib.* II, 6: „Vous n'avez point les bons livres à Paris, *le Militaire philosophe, les Doutes, l'Imposture sacerdotale, le Polissonisme devoilé. Corresp. litt.* VIII, 255.

[274] *Lettres* II, 122.

спирѣ. Письмо касалось литературнаго вопроса,—тщательно было просмотрѣно Даламберомъ, прочитано публично, напечатано, — но изъято изъ продажи за нечестивыя идеи, усмотрѣнныя версальскими ханжами. Одновременно Людовикъ выказалъ пренебреженіе къ французской Академіи, по крайней мѣрѣ къ партіи Даламбера. Академія просила у короля, какъ своего протектора, 1500 ливровъ для премій начинающимъ писателямъ,—и встрѣтила отказъ [275].

Вольтеръ могъ особенно не обижаться на свою неудачу. Вскорѣ онъ получилъ извѣстіе о событіи, рѣдкомъ даже въ эту инквизиціонную эпоху. Въ февралѣ 1777 года весь Парижъ былъ взволнованъ процессомъ по поводу книги, пропущенной нѣсколькими цензорами. Авторъ—Делиль де Саль, книга—*Philosophie de la nature.* Исторія можетъ служить примѣровъ, какъ поступали съ писателями, попадавшими въ руки стараго правосудія.

Обвиняемаго подвергли сначала предварительному аресту и держали подъ стражей вдали отъ судебнаго учрежденія. Все участіе автора въ процессѣ заключалось въ томъ, что съ ранняго утра являлись различныя личности взглянуть на него,—шпіоны, пристава, судьи. Обвиняемый не былъ допущенъ къ защитѣ своего дѣла. Обвинительные пункты гласили: авторъ книги утверждаетъ: 1) должно слѣдовать законамъ и требованіямъ природы; 2) о Божествѣ нельзя имѣть точныхъ и ясныхъ представленій, слѣдуетъ довольствоваться безмолвнымъ религіознымъ чувствомъ, 3) авторъ различаетъ религіозный культъ—человѣка и гражданина, 4) въ государствахъ въ періодъ броженія каждый человѣкъ проявляетъ свою личность, короли въ началѣ были простыми людьми. Кромѣ того судьи были недовольны, что авторъ часто употреблялъ въ своей книгѣ слово *jouissance.* Было произнесено нѣсколько приговоровъ. Первый гласилъ: «Ad omnia citra

---

[275] Victor Hallays Dabot. *Hist. de la censure théâtrale en France.* Paris. 1862. p. 124. Драма—*Veuve de Malabar*, о которой намъ предстоитъ говорить. *Lettres.* II, 277.

mortem», т. е. автора присуждали къ наказанію кнутомъ, къ клеймамъ и вѣчнымъ галерамъ. Потомъ автору назначали позорный столбъ, публичное покаяніе паперти собора Богоматери — въ рубашкѣ съ головней въ рукѣ. И, наконецъ, большинствомъ четырнадцати голосовъ противъ семи рѣшили: 1) издателямъ приказать быть осторожнѣе, 2) цензора трехъ послѣднихъ частей сочиненія подвергнуть увѣщанію (admonesté), 3) цензора трехъ первыхъ частей подвергнуть публичному порицанію (blâme), т. е. лишить гражданскихъ правъ, и до исполненія приговора арестовать. Преступнаго автора въ 11 часовъ вечера отвели въ тюрьму; его сопровождали стрѣлки, вооруженные ружьями со штыками Несчастный долженъ былъ ночевать въ тюрьмѣ. Парламентъ отмѣнилъ приговоръ суда и ограничился увѣщаніемъ [176].

Какъ при такихъ условіяхъ былъ правъ драматургъ, перечислявшій въ своей пьесѣ національныхъ героевъ, достойныхъ славы и назвавшій писателя, «рискующаго свободой и покоемъ ради правъ гуманности!» [177].

При Людовикѣ XVI цензура открыла новый способъ мѣшать проникновенію новыхъ идей въ публику. Въ журналѣ *Mercure* сдѣлано было нѣсколько цитатъ изъ новой брошюры Вольтера, между прочимъ перепечатана дѣйствительно весьма характерная фраза: «крестьянину и гугеноту мы обязаны прекраснѣйшими днями, какими только мы когда-либо наслаждались—вплоть до эпохи Людовика XIV». Парламентъ сдѣлалъ выговоръ автору статьи—Лагарпу, издателю журнала и цензору,—и распорядился больше въ журналахъ не дѣлать цитатъ философскаго содержанія. Это рѣшеніе постановлено было напечатать и опубликовать во всеобщее свѣдѣніе [178].

---

[176] *Corresp. litt.* (Grimm). XI, fevr. 1777. *Lettres.* II, 297. Вольтеръ прибавляетъ ко всѣмъ этимъ испытаніямъ еще одно,—будто авторъ сидѣлъ въ казематѣ, закованный въ цѣпяхъ по ногамъ и по рукамъ. Такъ писали изъ Парижа въ Ферней.

[177] *Le Juge,* drame en 3 a. par Mercier. III, 7.

[178] Цитата была взята изъ брошюры *Diatribe à l'auteur des Ephémérides,* т. е. *Les Ephémérides du citoyen,* журнала возникшаго въ 1765 году.

Инквизиція не ограничивалась только уничтоженіемъ и запрещеніемъ книгъ. Она шла гораздо дальше, стремилась— вездѣ и всегда—стоять между читателемъ и авторомъ. Даже если новая книга и проникала въ большую публику, пользоваться ею, обсуждать ея содержаніе—являлось дѣломъ къ высшей степени рискованнымъ для всѣхъ, кто былъ лишенъ удобствъ салонныхъ собраній. Въ сочиненіи Мерсье *Tableau de Paris* цѣлая глава посвящена шпіонамъ. «Если бы», говорится здѣсь, «парижанинъ отъ природы не былъ одаренъ легкомысліемъ, въ которомъ его упрекаютъ, онъ долженъ былъ бы усвоить это легкомысліе совершенно сознательно. Онъ вѣчно окруженъ шпіонами. Лишь только два гражданина начинаютъ разговаривать другъ съ другомъ на ухо, внезапно является третій съ непремѣнной цѣлью подслушать ихъ». Всюду прокрадываются переодѣтые агенты. Ремесломъ шпіона не брезгаютъ. по увѣренію Мерсье, даже знатныя особы. Большинство шпіоновъ носятъ титулы барона, графа, маркиза. Правительство устроило надзоръ у дверей каждой залы, помѣстило подслушивателей во всѣхъ кабинетахъ. Иногда друзьямъ невозможно переговорить о своихъ научныхъ интересахъ. Народу позволяется читать только оффиціальную *Gazette de France* и не выходить изъ круга идей и фактовъ этого органа [279].

Сообщенія Мерсье не опровергаются ни однимъ современнымъ источникомъ. Напротивъ, литература—въ лицѣ Фрероновъ, Палиссо какъ нельзя болѣе подтверждаетъ эту характеристику общественной атмосферы Парижа. Очевидно, при такой внимательной опекѣ правительства кругъ публики, слѣдящей за новыми идеями, по книгамъ, долженъ былъ въ сильной степени суживаться.

Вольтеръ прославляетъ земледѣліе и выражаетъ глубокое сочувствіе земледѣльцамъ, называя ихъ своими братьями. *Oeuvres compl. de Voltaire*. Paris. 1827, XL p. 239, 251. Распоряж. парламента—*Corresp. litt* (Grimm.) XI, 7 sept. 1775.

[279] *Tableau de Paris*. Id. I, 194.

Мы могли сдѣлать этотъ выводъ на основаніи фактовъ, засвидѣтельствованныхъ самимъ Вольтеромъ относительно своихъ произведеній. Тотъ же Вольтеръ неоднократно высказываетъ одно практическое соображеніе, весьма важное въ нашемъ вопросѣ. Во время гоненій на *Энциклопедію* онъ пишетъ: «я желалъ бы знать, какое зло можетъ причинить книга цѣной въ сто экю. Двадцать томовъ in folio никогда не произведутъ революціи. Можно опасаться только маленькихъ карманныхъ брошюръ стоимостью въ тридцать су· Если бы *Евангеліе* стоило тысячу двѣсти сестерцій, христіанская религія никогда бы не распространилась». Десять лѣтъ спустя по поводу сочиненія Гольбаха онъ повторяетъ тоже самое: опасны книги, стоящія десять су, — только ихъ можетъ читать народъ [280].

Но лишь рѣдкія сочиненія могли продаваться по этой цѣнѣ, чаще всего мелкія брошюры мало извѣстныхъ авторовъ. О продажной цѣнѣ главнѣйшихъ произведеній эпохи мы можемъ судить по роману Руссо — *Эмиль*. Въ теченіе мѣсяца, пока его еще не успѣли запретить и сжечь, романъ продавался по восемнадцати ливровъ, а послѣ сожженія стоилъ два луидора. Публика разсчитывала, что книга будетъ перепечатана въ Голландіи [281]. Намъ, къ сожалѣнію, неизвѣстно, по какой цѣнѣ продавались отдѣльныя сочиненія Вольтера, — знаемъ только, что книгопродавцы употребляли всѣ усилія — сообщить изданіямъ возможно больше пикантности, не затруднялись даже среди подлинныхъ сочиненій Вольтера печатать пасквили на частную жизнь автора. Такъ, напримѣръ, въ изданіи 1741—1742 г., въ третьемъ томѣ помѣщены *Les Adieux de Voltaire à m-me marquise du Châtelet*, заставившія Вольтера обратиться къ защитѣ властей. *Les Adieux* были напечатаны въ количествѣ 2000 экземпляровъ. По этой цифрѣ можно судить, что издатели даже при исключительной аферѣ разсчитывали на сравнительно огра-

---

[280] *Lettres*. I, 353; II, 249.
[281] Barbier. *Op. cit*. VIII, 45.

ниченный кругъ покупателей[282]. Самое большое изданіе сочиненій Вольтера въ теченіе всего XVIII вѣка было выпущено Бомарше. Въ сущности было напечатано два изданія, одно, въ 70 томахъ въ количествѣ 28,000 экземпляровъ, другое въ 92 томахъ—въ количествѣ 15,000 экземпляровъ [283]. Издатель надѣялся, очевидно, на восторженный пріемъ публики. Одно изъ изданій было пущено по очень дешевой цѣнѣ. Для привлеченія подписчиковъ Бомарше устроилъ даже преміи и лотерею. Но въ результатѣ—оказалось всего 2000 подписчиковъ. Домъ Бомарше оставался заваленъ книгами вплоть до августа 1792 года, когда парижская толпа ворвалась въ него, ища оружія и хлѣбныхъ запасовъ. Только въ первой четверти XIX вѣка мы встрѣчаемъ извѣстія о широкомъ распространеніи произведеній Вольтера. Въ 1821 воду *избранныя* сочиненія, выпущенныя въ 8000 экземпляровъ и по очень низкой цѣнѣ, быстро разошлись. Изданіе такъ и называлось *Вольтеръ хижинъ*—*Voltaire des chaumières*. Это, повидимому, первый случай, когда книги вождя философовъ могли попасть въ руки народа [284]. До революціи подавляющее большинство изданій сочиненій Вольтера выходило заграницей. Это, конечно, только могло увеличить цѣну книгъ и трудность—достать ихъ, даже если бы иностранные издатели и выпускали дешевыя изданія.

Но «величайшій памятникъ философіи XVIII вѣка», *Энциклопедія* — печаталась въ Парижѣ, и, повидимому, имѣла цѣлью—собрать вмѣстѣ всѣ просвѣтительныя и преобразовательныя идеи эпохи и внести ихъ въ сознаніе общества. Насколько же достигалась эта цѣль?

Количество подписчиковъ на *Энциклопедію* доходило до 4000, въ этомъ числѣ слѣдуетъ считать иностранцевъ. Послѣд-

---

[282] *Voltaire, Bibliographie de des oeuvres*, par Bengesco. Paris. 1890. IV, 18—19.

[283] Такія цифры приняты Bengesco (IV, 123—4) Loménie (*Beaumarchais et son temps* II, 234) говоритъ только объ изданіи въ количествѣ 15,000 экземпляровъ.

[284] *Bibliographie*. IV, 163, 209.

ніе оказывались часто гораздо счастливѣе французовъ и въ особенности парижанъ. Во время преслѣдованій изданіе можно было получить заграницей, но въ Парижѣ—подписчики оставались неудовлетворенными [285]. Но и для иностранныхъ читателей драматическая исторія *Энциклопедіи* имѣла громадное значеніе.

Словарь, какъ извѣстно, пережилъ множество испытаній,—и уже съ первыхъ томовъ, Вольтеръ разсчитываетъ на снисходительность и проницательность потомства: оно должно смотрѣть на *Энциклопедію*, какъ на памятникъ того, что философы рѣшили сдѣлать и чего не могли. Такъ писалъ Вольтеръ въ январѣ 1758 года, когда было напечатано семь томовъ. Эти томы—лучшая часть всего словаря. По словамъ Даламбера, до этого времени энциклопедисты еще могли высказывать нѣкоторыя довольно смѣлыя истины, потому что цензура вела себя сравнительно благоразумно и — что еще важнѣе—богословы цензуровали только богословскія статьи. Дидро, кромѣ того находитъ, что въ теченіе перваго періода *Энциклопедіи* онъ и его сотрудники удачно пользовались глупостью цензоровъ. Это заявленіе, кажется, можно признать справедливымъ, если вспомнить оправданія цензоровъ, когда ихъ допрашивали на счетъ пропущенныхъ ими статей. Они отказывались понять, какъ они могли подписать такія нечестивыя произведенія и обвиняли энциклопедистовъ въ обманѣ. Но съ 1758 года цензура богослововъ распространена на все изданіе,—и Даламберъ не можетъ допустить и мысли, чтобы возможно было съ честью продолжать словарь. «Лучше пусть не будетъ совсѣмъ *Энциклопедіи*», пишетъ онъ, «чѣмъ превращаться ей въ сборникъ капуцинадъ». Вольтеръ, еще три года тому назадъ страдавшій за многія статьи словаря, соглашается съ Даламберомъ,—и если бы

---

[285] Цифра подписчиковъ—4000—у Дидро, Вольтеръ насчитываетъ—въ тоже самое время—около 3000. *Oeuvres compl. de Dénis Diderot*. XII, Вольтеръ пишетъ въ 1765 году, что онъ получилъ экземпляръ словаря—„въ качествѣ иностранца и швейцарца“, а въ Парижѣ книги не выдаютъ подписчикамъ. *Lettres* I, 353.

не Дидро, — изданіе, несомнѣнно, прекратилось бы на седьмомъ томѣ [286].

Но мы знаемъ, какъ дорого пришлось Дидро расплачиваться за свою стойкость. Въ теченіе семи лѣтъ онъ редактировалъ *Энциклопедію* одинъ, – и весь трудъ его былъ разрушенъ однимъ ударомъ. Мы уже говорили, какъ издатель Лебретонъ исказилъ содержаніе послѣднихъ десяти томовъ, и сколько страданій причинили Дидро эти искаженія. Можно представить, въ какомъ видѣ вышли энциклопедическія статьи изъ рукъ трусливаго варвара! Подписчики въ сущности не получили настоящей *Энциклопедіи*, а нѣчто даже гораздо худшее, чѣмъ «сборникъ капуцинадъ». Дидро настоялъ, чтобы ему отпечатали всего одинъ экземпляръ съ подлиннымъ текстомъ [287].—Въ результатѣ *Энциклопедія* менѣе всего отразила въ себѣ именно ту «твердую и смѣлую философію», въ которой Дидро полагалъ всю цѣнность предпріятія, и могла оказать лишь крайне незначительныя услуги дѣлу—ниспроверженія *l'infâme*,—важнѣйшему, по мнѣнію Вольтера, среди всѣхъ задачъ просвѣтителей.

Всѣ эти соображенія, конечно, не имѣютъ цѣлію отнять всякое просвѣтительное значеніе у *Энциклопедіи* и капитальнѣйшихъ произведеній философской эпохи. Мы хотимъ только намѣтить предѣлы ихъ вліянія и показать, что предѣлы эти должны были оставаться въ теченіе всего философскаго періода въ сущности довольно ограниченными. Философія, направленная въ среду только высшихъ классовъ и распространяемая только путемъ *Энциклопедіи* и многотомныхъ дорогихъ сочиненій, заранѣе была осуждена на практическую безплодность. Ей необходима была демократическая

[286] *Lettres de Voltaire* I, 67, 69; *Oeuvres. Compl. de D. Diderot.* XII, *Corresp.* p. 269. *Desnoiresterres. Voltaire* V, 410. Письмо 9 окт. 1755: „Ce qu'on m'a dit des articles de la thèologie et de la métaphysique me serre le coeur. Il est bien cruel d'imprimer le contraire de ce qu'on pense",

[287] Экземпляръ этотъ вмѣстѣ съ библіотекой Дидро перешелъ впослѣдствіи въ Россію. *Mémoires par m-me de Vandeuil*, p. 352.

публика и демократическія средства пропаганды, пути — общедоступныя, пути которыхъ фактически невозможно было бы миновать самому заурядному французу XVIII-го вѣка. Требовалось популизировать произведенія, несомнѣнно популярныя для высшаго круга интеллигенціи, но недоступныя для большинства публики. заинтересованной въ реформѣ существующаго порядка. *Общественный договоръ*, *Эмиля*, *Философскій словарь*, *Энциклопедію* — слѣдовало представить въ самой элементарной формѣ и пустить ихъ въ оборотъ по самой дешевой цѣнѣ. Тогда только философія могла разсчитывать — изъ «мирнаго упражненія ума» превратиться въ могучую общественную преобразовательную силу. Вольтеръ говорилъ о *религіи* и *церкви* философовъ. Эти наименованія лишь въ одномъ случаѣ переставали быть красивыми эпитетами и могли соотвѣтствовать дѣйствительности: когда философъ вступалъ въ непосредственное общеніе съ публикой, когда его проповѣдь изъ книгъ переходила въ живое слово, когда философія завоевывала себѣ такую же всенародную каѳедру, какою владѣла старая церковь.

Вольтеръ слишкомъ хорошо понималъ цѣли философіи и свою роль въ философскомъ движеніи, чтобы не рѣшить вопроса съ полнымъ успѣхомъ. И онъ первый переноситъ философію на сцену. Фактъ до такой степени значителенъ, что всѣ современники — враги и друзья философіи — единодушно отмѣчаютъ этотъ необыкновенно искусный ходъ въ политикѣ Вольтера. Онъ былъ сдѣланъ впервые очень рано, въ самомъ началѣ дѣятельности вождя философовъ, въ трагедіи *Эдипъ*. Первый ударъ со сцены былъ направленъ противъ l'infâme, — и до самой революціи удары не переставали сыпаться — на все, чѣмъ только страдала личность, общество, церковь, государство — стараго порядка [188].

---

[188] *Histoire philosophique et littéraire du theâtre français*, par Hippolyte Lucas. Paris 1843, p. 308. Здѣсь также отзывъ Jos. Chénier о философскомъ преобразованіи сцены Вольтеромъ. — *Lettre à m. de Voltaire sur les opéra philosophe comiques*. Amst. 1769, p. 5. Мнѣніе генеральнаго адвоката Сегье *Corresp. litt.* (Grimm) IX, 116.

Рѣшиться на этотъ шагъ—у Вольтера было не мало основаній, завѣщанныхъ ему тѣмъ же старымъ порядкомъ. Поэтъ не могъ не обратить вниманія на исключительный характеръ дѣятельности великаго драматурга въ эпоху полнаго разцвѣта манархіи. Мольеръ осмѣливался обсуждать вопросы, изъятыя изъ обращенія въ остальной литературѣ. Ни одному писателю не позволили бы свободно распространять сочиненія на темы *Тартюфа*, *Донъ Жуана*, *Мизантропа*. *Смѣшные маркизы*—любимые герои Мольера—могли сколько угодно со сцены возбуждать презрѣніе и смѣхъ демократическаго партера, но всякая попытка—представить въ такомъ же видѣ современную знать—въ брошюрѣ, въ разсужденіи, несомнѣнно, вызвала бы негодованіе самого Людовика XIV, указывавшаго, говорятъ, Мольеру мотивы и типы для его издѣвательства. Впослѣдствіи дѣятели философской эпохи, даже революціи въ лицѣ Альцеста могли открыть черты, достойныя полнаго сочувствія, нѣчто себѣ родное и близкое, — и это было едва ли не единственное литературное преданіе классицизма, признанное поколѣніями XVIII-го вѣка. Только у Мольера они думали отыскать *свои* идеи, въ родѣ *humanité*, только его герои — *Тартюфъ* и *Донъ Жуанъ* олицетворяли въ безсмертныхъ образахъ нравственный позоръ и общественные неправды ненавистнаго строя. И все это—только благодаря сценѣ[28]. Мало этого. Тотъ же Мольеръ осмѣлился защищать публику, столь необходимую для просвѣтителей, предназначенную явиться главной опорой ихъ дѣятельности. Онъ въ глаза маркизамъ заявилъ, что гораздо больше довѣряетъ впечатлѣніямъ партера, чѣмъ критикѣ ученыхъ педантовъ, свѣтскихъ судей — часто слѣпо предубѣжденныхъ или слишкомъ любезныхъ. Только партеръ су-

---

[28] Людовикъ XIV указалъ Мольеру на одного изъ придворныхъ, mr. de Soyecour'a и поэтъ срисовалъ съ него охотника въ комедіи *Les Fâcheux*. *Le théatre français sous Louis XIV*, par Eugène Despois. Paris 1874, p. 165. О роли Альцеста въ концѣ XVIII вѣка намъ придется говорить впослѣдствіи.

дить о самомъ предметѣ, и въ вопросѣ вкуса ничего не значить — платить ли кто за мѣсто полъ-луидора или только 15 су. И уже во времена Мольера — партеръ не раздѣлялъ вкусовъ знатной публики и нерѣдко вызывалъ гнѣвъ у благородныхъ зрителей. Всѣмъ этимъ явленіямъ суждено было развиваться логическимъ путемъ вплоть до революціи [290].

Въ теченіе всего философскаго періода сама жизнь представляла философамъ все новыя побужденія, — слѣдовать примѣру Вольтера. О томъ, что народъ преимущественно въ театрѣ могъ слѣдить за движеніемъ новой мысли — мы знаемъ на основаніи вышеприведенныхъ фактовъ. «Нація собирается только въ партерѣ», писалъ Вольтеръ — и по впечатлѣніямъ партера судилъ о современномъ положеніи философскихъ идей [291]. Назадолго до смерти вождь философовъ могъ окончательно убѣдиться, до какой степени онъ былъ правъ, открывая сцену для философіи. Въ Парижѣ толпа привѣтствовала его — во-первыхъ какъ защитника Каласа и потомъ какъ автора — не *Философскаго словаря*, не историка и энциклопедиста, а какъ автора трагедій *Эдипа*, *Меропы*, *Заиры* и какъ пѣвца Генриха IV [292]. Эти крики свидѣтельствовали одновременно о религіозныхъ и политическихъ идеяхъ парижанъ и о великой услугѣ, оказанной театромъ дѣлу просвѣщенія.

Къ народнымъ привѣтствіямъ могло присоединиться также большинство современной знати. Для людей XVIII вѣка вопросъ объ удовольствіяхъ, о наслажденіи стоялъ на первомъ планѣ. Театръ уже давно удовлетворялъ этой жаждѣ. Просвѣтители искусно дали ему новое назначеніе, не отнимая прежняго. Только театръ съ полнымъ успѣхомъ могъ вы-

---

[290] *La critique de l'école des femmes*, Scène VI, *Dorante*.

[291] *Lettres* II, 128; I, 154: Je regarde le sucеès du *Perè de famille* comme une preuve èvidente de la bénédiction de Dieu et des progrès des frères".

[292] Въ *Corresp. litt* (Grimm) разсказывается: народъ (des gens du peuple) кричалъ: „C'est lui qui a fait *Oedipe, Mérope, Zaire*; *c'est lui qui a chanté notre bon roi*". XII, 72.

полнить программу Вольтера — *украшать разумъ*, философской рѣчи сообщать всю привлекательность художественной красоты, не лишая рѣчь—идейной сущности. Проповѣдь новыхъ разумныхъ началъ пріобрѣтаетъ исключительное вліяніе при тѣхъ условіяхъ, если ей удаётся воспользоваться въ своихъ цѣляхъ вкусами и страстями современнаго общества и существующія силы сдѣлать своими орудіями. Именно въ такія отношенія философія XVIII-го вѣка стала къ театру.

Театръ.

I.

Въ теченіе XVIII вѣка въ Парижѣ дѣйствуютъ четыре главныхъ общественныхъ театра — *Comedie Française*, Итальянскій театръ, опера и комическая опера — съ 1721 года. Рядомъ съ ними существуетъ множество второстепенныхъ сценъ, но менѣе популярныхъ, чѣмъ главныя, — во всѣхъ слояхъ парижскаго общества: это такъ называемые бульварные театры, «малые спектакли». Но все это обиліе театральныхъ зрѣлищъ не удовлетворяетъ публику. Она увеличиваетъ число ихъ безъ конца. Страсть къ театру охватываетъ всѣхъ—начиная съ короля и кончая послѣднимъ ремесленникомъ. Къ концу вѣка, говоритъ современникъ, «всѣ становятся актерами», — это кто можетъ, всѣ прочіе стремятся гдѣ бы то ни было насладиться сценическимъ представленіемъ. Когда дѣло идетъ о театрѣ, у людей исчезаетъ врожденное, и повидимому, непреодолимое отвращеніе къ литературѣ и къ философіи. Ненависть къ новымъ людямъ, къ новымъ идеямъ и ко всѣмъ замысламъ безпокойныхъ реформаторовъ мгновенно задергивается розовой пеленой терпимости и снисхожденія, лишь только исторіи предстоитъ разыграться на театральныхъ подмосткахъ.

---

[1] *Corresp. secrète.* II, 245.

Людовикъ XV, совершенно лишенный литературныхъ наклонностей, дѣлаетъ блестящее исключеніе въ пользу драматической литературы и сцены. Онъ рѣшается поощрять драматическихъ писателей въ такой степени, какъ это не дѣлалось даже въ періодъ меценатства Людовика XIV. Онъ хочетъ установить такой порядокъ: авторъ пьесы, имѣвшей успѣхъ въ первомъ спектаклѣ, долженъ быть представленъ его величеству, послѣ второго спектакля, настолько же счастливаго,—авторъ награждается медалью, и въ случаѣ троекратнаго успѣха пьесы автору назначается пенсія [2]. И король доказываетъ свою симпатію самыми наглядными фактами: нужно только, чтобы пьеса пришлась ему по вкусу.

Настоящее событіе въ этомъ смыслѣ удалось создать второстепенному драматургу Беллуа (Belloy). Онъ содержаніе своей трагедіи *Siége de Calais* взялъ изъ французской исторіи, изъ эпохи столѣтней войны. Въ пьесѣ героями являются граждане Калэ, рѣшившіеся мужественно пожертвовать жизнью за свой родной городъ. Они—числомъ шесть—приходятъ съ веревками на шеѣ въ лагерь англійскаго короля Эдуарда III, когда тотъ, взявши Калэ послѣ одиннадцатимѣсячной осады, въ порывѣ гнѣва потребовалъ казни шестерыхъ главныхъ гражданъ. Достовѣрность факта на столько не установлена, что многіе современники Беллуа, въ томъ числѣ Вольтеръ, отрицали всякое историческое значеніе его трагедіи, а лучшіе историки не признавали даже самого событія—патріотическаго подвига гражданъ Калэ [3]. Но пьеса преисполнена трескучими патріотическими стихами и на первомъ же представленіи, 13 февраля 1765, произвела фуроръ. Авторъ попалъ въ «пѣвцы націи», въ изобрѣтатели новаго драматическаго жанра — «національной трагедіи», вызвалъ восторженныя брошюры напримѣръ, курьозное разсужденіе: «Различіе національнаго патріотизма у французовъ и англичанъ». Беллуа былъ избранъ въ члены академіи, въ

---

[2] *Corresp. litt.* (Grimm). IV, 474.
[3] *Ib.* VI, 246—7.

журналахъ разсказывались достопримѣчательные эпизоды изъ его жизни. Публика, между прочимъ, узнавала, что знаменитый драматургъ весьма темнаго происхожденія, готовился сначала къ адвокатской профессіи, за что подвергся опасности попасть въ тюрьму, бѣжалъ въ Россію и подвизался здѣсь въ качествѣ актера [4]. Но всѣ почести блѣднѣли предъ безпримѣрнымъ вниманіемъ короля къ автору съ его трагедіей. Въ театрѣ публика кричала «да здравствуетъ король и монсиньеръ Беллуа!» Его величество крайне милостиво принялъ эти привѣтствія, распорядился напечатать *Осаду Калэ* въ Луврѣ - честь, насколько извѣстно, доставшаяся въ теченіе вѣка еще только на долю Детуша [5]. Одного изъ жесточайшихъ враговъ философіи,—наградилъ Беллуа тысячью экю и медалью, на которой съ одной стороны былъ изображенъ король, съ другой геній драматической поэзіи съ надписью *Corneille*, *Racine*, *Molière et qui nascentur ab illis*. Людовикъ XV кромѣ того формально взялъ подъ свое покровительство поэтическую дѣятельность Беллуа. Онъ совѣтовалъ ему посвятить свой талантъ исключительно національнымъ сюжетамъ. Никакой отрицательной критики на пьесу король не допускалъ. Герцогу Анжуйскому, выразившему сомнѣніе въ классическихъ достоинствахъ трагедіи, Людовикъ XV замѣтилъ съ укоромъ, что онъ «не добрый французъ», такъ какъ не находитъ произведеніе Беллуа безусловно превосходнымъ. «Добрый французъ! — воскликнулъ принцъ. О еслибы стихи г. Беллуа были настолько же французскими, насколько я французъ»!.. [6].

Осада Калэ долго оставалась спеціально патріотическимъ и національнымъ зрѣлищемъ. Еще въ 1773 году Марія Антуанета требовала, чтобы въ ея присутстуіи давали трагедію Беллуа. И при вступленіи на престолъ Людовика XVI

---

[4] *Memoires secr.*, 13 f. 1765. Брошюра Basset de la Morelle, вышедшаго весной 1766 года. Біогр. Беллуа у Гримма—VI, 266.

[5] Villemain. *Tableau de la litt. du XVIII s.* Paris. 1863, I, 291.

[6] Grimm. VI, 244.

стихи Беллуа служили предлогомъ для патріотическихъ оваций. Правда, самъ авторъ въ это время умиралъ въ крайней бѣдности, лишенный всякихъ средствъ даже на лѣченіе. Судьба въ этомъ отношеніи дѣйствительно сравняла его съ Корнелемъ, съ такой же горестью испытавшимъ превратность королевскаго благоволенія—въ другія, болѣе счастливыя времена для французской литературы [7]. Но исключительное вниманіе такого государя, какъ Людовика XV, къ театральному произведенію и его автору остается не менѣе характернымъ, какими бы обстоятельствами ни сопровождалась позднѣйшая карьера Беллуа.

Тотъ же король останавливается на другой сторонѣ сценическихъ представленій, помимо способности ихъ пробуждать патріотическія чувства. Въ самый разгаръ знаменитаго процесса Бомарше съ судьей Гезманомъ произошло оригинальное событіе. Бомарше, какъ извѣстно, обратился къ общественному мнѣнію, выпустилъ цѣлый рядъ мемуаровъ, переполненныхъ насмѣшками надъ противникомъ и жестокими нападками на его супругу, замѣшанную во взяточничествѣ и судейскомъ криводушіи мужа. Когда Людовику XV прочли второй мемуаръ Бомарше по поводу процесса, король подалъ мысль, что изъ допроса г-жи Гезманъ можно сдѣлать прекрасную комедію. Ее немедленно сдѣлали и разыграли въ присутствіи короля. Король въ первый разъ не могъ отъ хохота досидѣть до конца спектакля и потребовалъ новаго представленія. Такимъ образомъ одна изъ существенныхъ частей *Свадьбы Фигаро*—злая сатира на старые суды—была предвосхищена самимъ монархомъ. Такой же участи, какъ Гезманъ, подверглось лицо, несравненно болѣе важное,—канцлеръ Мопу. Эгильонъ, соперникъ Мопу, далъ аллегорическій спектакль въ присутствіи короля: Мопу былъ изображенъ въ видѣ змѣя, внезапно разгоняющаго своимъ появленіемъ веселую толпу пас-

---

[7] *Mem. secr.* 19 n. 1773. *Corresp. litt.* XI, août 1775.

тушковъ. Людовикъ XV ничего не имѣлъ противъ аллегоріи и самъ объяснилъ канцлеру ея смыслъ [8].

Въ трагедіи онъ былъ поклонникомъ Кребильона, очень интересовался его успѣхами въ виду соперничества Вольтера и не жалѣлъ денегъ на богатую обстановку его трагедій.

Людовику XV съ своими театральными симпатіями часто приходилось идти въ разрѣзъ съ собственной цензурой. Дальше мы подробно познакомимся съ одной изъ любопытнѣйшихъ драмъ философскаго содержанія — *Manco Capac* Леблана: это—очень точное и смѣлое изложеніе политическихъ теорій Руссо. Полиція, конечно, поспѣшила запретить пьесу, между тѣмъ какъ Людовикъ XV приходилъ въ восторгъ отъ ея главной роли [9].

Аббатъ Гальяни разсказываетъ еще болѣе удивительный случай съ тѣмъ же Людовикомъ XV. Въ одномъ спектаклѣ при дворѣ актеры *Comédie Française* вздумали сыграть пьесу Дидро *Père de famille*. Король терпѣть не могъ новое направленіе драмы, къ которому принадлежала пьеса Дидро и сильно негодовалъ на актеровъ. Но спектакль заставилъ его проливать слезы, въ то время, когда придворная публика спѣшила выразить полное пренебреженіе къ драмѣ [10].

Театръ при Людовикѣ XV оказался въ счастливомъ положеніи еще потому, что госпожа Помпадуръ была страстная артистка. У куртизанки было много природныхъ художественныхъ наклонностей. Она прилежно изучила танцы, пѣніе, игру на клавикордахъ, отлично декламировала и разсказывала, даже гравировала—а въ искусствѣ одѣваться и ѣздить верхомъ превосходила всѣхъ современныхъ щеголихъ. Этими талантами г-жа Помпадуръ должна была воспользоваться съ величайшимъ усердіемъ, чтобы удержать за собой измѣнчивое и

[8] Desnoiresterres. *La comédie satirique au XVIII s.* Paris 1885, p. 180, 188. Idem. *Voltaire.* III, 258.

[9] *Mem. secr.* 13 juin 1763.

[10] *Oeuvres compl. de Diderot.* Paris. 1821, IV, 240.

вѣчно пресыщенное сердце короля. Только путемъ безконечнаго разнообразія можно было владѣть этимъ человѣкомъ. Сцена давала всѣ средства для такой тактики. Маркиза могла появляться во всѣхъ роляхъ, способныхъ очаровать зрителя— граціей, добродѣтелью, красотой, интереснымъ любовнымъ приключеніемъ героини. Она отлично это поняла и занявъ свое мѣсто при дворѣ, немедленно принялась за устройство театра. Труппа составилась изъ представителей высшей придворной знати, режиссерство поручалось лучшимъ профессіональнымъ артистамъ и артисткамъ, декораціи писались первыми современными художниками. Парижскіе портные и парикмахеры изощряли все свое искусство, чтобы угодить такому строгому судьѣ, какимъ являлась маркиза въ вопросахъ туалета. Такъ было положено начало «театру маленькихъ кабинетовъ» (théâtre des petits-cabinets). Затѣя стоила громадныхъ денегъ,—но король послѣ спектаклей говорилъ фавориткѣ: «Вы очаровательнѣйшая женщина въ цѣлой Франціи»,—и, конечно, не считалъ издержекъ. Репертуаръ у г-жи Помпадуръ составлялся изъ лучшихъ современныхъ пьесъ. Театръ открылся представленіемъ *Тартюфа*— 17 января 1747 года, потомъ были поставлены—знаменитая въ свое время комедія Лашоссе — *Le Préjugé à la mode* и даже пьеса ненавистнаго двору — Вольтера — *L'Enfant prodigue*. Г-жа Помпадуръ умѣла понять современную силу общественнаго мнѣнія и не отказывала въ своемъ вниманіи писателямъ и артистамъ. Авторы щедро платили ей долгъ. Вольтеръ на представленіе своей комедіи отозвался восторженными стихами. Но онъ слишкомъ неосторожно сравнилъ побѣду г-жи Помпадуръ надъ сердцемъ Людовика XV съ военными успѣхами этого государя и заканчивалъ мадригалъ весьма двусмысленнымъ пожеланіемъ:

Vivez tous deux sans ennemis,
Et gardez tous deux vos conquêtes!

Врагамъ не стоило большаго труда—выхлопотать приказъ объ изгнаніи автора. Но г-жа Помпадуръ все-таки добилась

награды: немного спустя Вольтеръ получилъ одну изъ безчисленныхъ придворныхъ синекуръ. Г-жа Помпадуръ покровительствовала новой драмѣ—сентиментальнаго направленія, такъ какъ у нея была очень счастливая роль въ названной выше пьесѣ Лашоссе. Вольтеръ, какъ вездѣ, умѣлъ и здѣсь воспользоваться страстью фаворитки. Въ случаѣ сомнѣній въ благосклонности цензуры, онъ посылалъ свои пьесы предварительно г-жѣ Помпадурѣ, вообще видѣлъ въ ней—и совершенно основательно—друга новыхъ писателей [11]. Безъ ея участія, несомнѣнно, пьесамъ Вольтера не пришлось бы видѣть придворныхъ подмостокъ. Все это происходитъ въ то время, когда цензура отличается крайней жестокостью.

При Людовикѣ XVI этотъ духъ съ годами даже укрѣпился, между тѣмъ какъ театръ продолжалъ пользоваться привилегіей. Людовикъ XVI, по умственнымъ и литературнымъ интересамъ, врядъ ли многимъ отличался отъ своего предшественника,—и между тѣмъ онъ пишетъ милостивое письмо Седэну, автору комическихъ оперъ, ему посвящаютъ переводъ Шекспира. Онъ, подобно Людовику XV, оказывается либеральнѣе своихъ слугъ, когда вопросъ касается театра. Несмотря на усиленныя ходатайства архіепископа Бомона, король отказывается запретить трагедію Леміерра *Veuve de Malabar*, направленную противъ церковной іерархіи. Людовикъ XVI также не прочь воспользоваться театромъ, какъ орудіемъ насмѣшки. Разъ вечеромъ въ присутствіи короля репетировали *Тартюфа*. Главную роль исполнялъ графъ Прованскій, находившійся въ постоянной ссорѣ съ королевой и, слѣдовательно, непріятный Людовику. По окончаніи репетиціи король, не стѣсняясь присутствующими, замѣтилъ: «Все вышло чудесно, роли вполнѣ подходятъ къ натурѣ

---

[11] Du Bled. *La comédie de société au XVIII s.* Paris 1893. pp. 51, 59. Lenient. *La comédie en France au XVIII s.* Paris. 1888. II, 56. Lanson. *Nivelle de La Chaussée* Paris 1887, 276. M-me Помпадуръ выхлопатываетъ пенсію Мариво. Lenient, *Ib.* I, 354. Поэты часто воспѣвали ея артистическіе таланты. Grimm. I, 131. Ср. Bersot. *Op. cit.* p. 88.

[12] *Corr. litt.* (Grimm) XI, mars 1776. V. Hallays Dabat. *Op. cit.* p. 124.

исполнителей» [13]. Подобной же участи подверглась и сама Марія Антуанета. Король, возмущенный необычайной прихотливостью прически, введенной въ моду королевой, приказалъ актеру представить на сценѣ эту прическу въ карикатурномъ видѣ въ присутствіи Маріи Антуанеты и всего двора. Такимъ же путемъ съ соизволенія Людовика XVI было осмѣяно увлеченіе королевы и графа Артуа — брата короля—скачками и ихъ неудачная игра на бѣгахъ [14].

Но все это королевское вниманіе къ театру не можетъ идти въ сравненіе съ увлеченіемъ Маріи Антуанеты спектаклями и драматической литературой. Ставши супругой дофина, принцесса немедленно воспользовалась своимъ пребываніемъ въ Парижѣ, чтобы возможно чаще посѣщать всѣ театры. Публика на первое время относилась очень благосклонно къ Маріи Антуанетѣ и каждое появленіе ея въ театрѣ сопровождалось восторженными оваціями зрителей и даже артистовъ. Австрійскій посолъ писалъ Маріи Терезіи. «Эти появленія имѣютъ чудовищный успѣхъ. Въ Парижѣ царствуетъ такое очарованіе эрцгерцогиней, что нельзя и описать». Марія Антуанета часто плакала въ театрѣ, тронутая пріемомъ публики. Она не удовлетворяется зрѣлищемъ чужого искусства и сама со страстью играетъ во многихъ пьесахъ. Артистическіе подвиги Маріи Антуанеты начинаются вскорѣ послѣ того, какъ она становится королевой. Въ Тріанонѣ устраиваютъ театръ четыре года спустя послѣ восшествія на престолъ Людовика XVI. Королевѣ стоило извѣстнаго труда уговорить супруга — согласиться на это

---

[13] *Desnoiresterres. La com. sat.* p. 207.

[14] *Correspondance secrète.* Londres 1787. I, 214. Высшая знать слѣдуетъ примѣру короля: такъ, напримѣръ, герцогиня Бурбонская дѣятельно сочиняетъ на своего мужа провербы,—драматическіе эпизоды, быстро вошедшіе въ моду во второй половинѣ вѣка. Другіе европейскіе государи забавлялись сочиненіемъ драматическихъ сатиръ другъ на друга. Іосифъ II приказалъ изобразить Густава III въ оперѣ, тотъ же шведскій король обязанъ Екатеринѣ II сатирой—подъ названіемъ *Горе Богатырь.* Изображался карликъ въ доспѣхахъ великана. Desnoiresterres. *Op. cit.* pp. 210—11.

учрежденіе. Но разъ согласіе получено — королева съ безграничной страстью отдается сценѣ. Когда во время первыхъ родовъ ей запрещаютъ оставлять свою комнату, она приказываетъ устраивать спектакли такъ, чтобы она могла видѣть ихъ съ своей постели. Напрасно Марія Терезія посылаетъ дочери строгія выговоры, напрасно австрійскій посолъ присоединяетъ къ этимъ выговорамъ свои предостереженія: Марія Антуанета искренне убѣждена, что она отличная актриса на роли субретокъ и молодыхъ крестьянокъ. Король скоро увлекается талантомъ жены и съ величайшимъ удовольствіемъ присутствуетъ на спектакляхъ. Послѣдней ролью королевы была роль Розины въ комедіяхъ Бомарше. *Свадьба Фигаро* исполнялась при дворѣ всего за три года до революціи, причемъ на спектакль былъ приглашенъ авторъ комедіи, несмотря на протестъ короля. Графъ Артуа съ большимъ успѣхомъ исполнялъ роль Фигаро и громилъ родовую знать и другія основы стариннаго монархическаго строя... [15].

Экспансивность Маріи Антуанеты не знаетъ границъ. Королева публично пускается въ оцѣнку пьесъ. Она не стѣсняется обозвать комедію «проклятой пьесой» и даже спросить у актера, почему она принята на сцену?—при чемъ получаетъ въ отвѣтъ: «Это тайна труппы» [16]. Королева въ своихъ пристрастіяхъ не держится никакихъ соображеній—политическаго характера. Въ высшей степени искренняя и увлекающаяся, она не скрываетъ, что ей болѣе всего нравятся драматурги, особенно ненавистные правительству и цензурѣ. Она говоритъ, что Мерсье—этотъ *прирожденный революціонеръ*, по выраженію отнюдь не страстныхъ поклонниковъ цензуры,—ее трогаетъ, а Бомарше забавляетъ. Она плачетъ, прослушавши чтеніе драмы Мерсье—*Indigent*, и одобряетъ вообще такого рода сюжеты. Драма Мерсье — соціальнаго содержанія —

---

[15] Desnoiresterres. *Op. cit.* p. 198. Du Bled. *La com. de societé*, pp. 69 etc.
[16] *Corresp. litt* (Grimm), XI, 254, mai 1776. *Corresp. litt* (La Harpe), I, 366.

изображала эксплуатацію бѣдняка богачами. На представленіи пьесы Седэна *Deserteur* Марія Антуанета также растрогана до слезъ [17]. Въ пьесѣ вопросъ шелъ о жестокости военныхъ законовъ. Марія Антуанета ходатайствуетъ за многія пьесы, о которыхъ не желало и слышать правительство, въ лицѣ самого короля, духовенства и свѣтской цензуры.

Въ царствованіе Людовика XV жестокому гоненію были подвергнуты имя и исторія популярнѣйшаго французскаго короля — Генриха IV. И въ этомъ гоненіи главное участіе принималъ король. Онъ наложилъ окончательный запретъ на всякое воспоминаніе о своемъ предкѣ послѣ того, какъ нѣкоторые члены государственнаго совѣта нашли возможнымъ допустить представленіе комической оперы на сюжетъ изъ жизни Генриха. Это было въ 1766 году, но объ «ярости преслѣдованія» современникъ говоритъ и въ самомъ концѣ царствованія Людовика XV. Подданнымъ этого короля не только не разрѣшалось благоденствовать въ настоящемъ, но и всѣ лучшія воспоминанія изъ прошлаго французской исторіи, способныя повести къ невыгоднымъ для настоящаго сравненіямъ и пересудамъ, были тщательно пресѣкаемы. Марія Антуанета до самой смерти Людовика XV упорно защищаетъ *Partie de chasse de Henri IV*. Защита остается безуспѣшной, но за то восшествіе на престолъ Людовика XVI влечетъ за собой цѣлую тучу всевозможныхъ произведеній, прославляющихъ Беарнейца и вмѣстѣ съ нимъ новаго государя. Та же Марія Антуанета упрашиваетъ разрѣшить историческую пьесу *Albert I ou Adéline*. Но дворъ возстаетъ противъ пьесы, потому что въ ней государь изображенъ защитникомъ людей простыхъ и бѣдныхъ противъ придворныхъ интригановъ. Въ 1767 году драматургъ Fenouillot de Falbaire написалъ драму изъ эпохи протестантскихъ гоненій *L'Honnête criminel*. Это — исторія молодого гугенота,

---

[17] Лагарпъ о Мерсье: „Cet homme était revolutionnaire inné" *Corresp. litt.* I, 251. Hallays Dabot. *Hist. de la censure théâtrale*, p. 102, 140.

пошедшаго на галеры вмѣсто своего престарѣлаго отца. Въ основѣ пьесы лежалъ дѣйствительный фактъ, и тѣмъ ярче рисовалась религіозная нетерпимость правительства. Марія Антуанета тронута подвигомъ сыновней любви, описаннымъ въ драмѣ, и, не смотря на всѣ препятствія, заставляетъ сыграть ее на придворной Версальской сценѣ. До какой степени это было исключительнымъ событіемъ, доказываетъ фактъ появленія той же драмы на публичной сценѣ—только въ самый разгаръ революціи,— въ 1790 году [18]. Естественно, — театръ спѣшилъ отплатить королевѣ горячей благодарностью. Оперные пѣвцы брали на себя смѣлость передѣлывать свои аріи, если ея величество присутствовала въ театрѣ и публично обращать къ ней хвалебные гимны. Такъ, напримѣръ, во время представленія оперы Глюка — *Ифигенія въ Авлидѣ*—пѣвецъ вмѣсто аріи либретто—«Chanter, Célébrez votre réine»!.. пропѣлъ, обращаясь къ Маріи Антуанетѣ:

Chantons, célébrons, notre reine,
Et que l'hymen qui l'enchaîne
Nous rende à jamais heureux!

Публика пришла въ неистовый восторгъ, раздались крики *bis*,—и королева прослезилась. Актеры въ ея присутствіи со сцены подавали знакъ публикѣ къ оваціямъ и сами принимали въ нихъ участіе. Факты гуманности, имѣвшіе мѣсто въ ея жизни, немедленно становились достояніемъ сцены. Такъ была написана пьеса *Heureux jour*. Герой ея — раненый крестьянинъ, котораго королева велѣла подобрать на дорогѣ и посадила въ свою карету [19].

Принцы и принцессы немногимъ уступали королевѣ страстью къ театру. Исполнителями на придворной сценѣ

---

[18] *Corresp. litt* (Grimm) X, 174. *Mem. secrets,* 29 s. 1773; 30 oct. 1772. О запрещеніи пьесы *Albert I* упоминаетъ также Мерсье въ сочин. *Du théâtre ou nouvel essai sur l'art dramatique.* Amsterdam 1773. p. 371. О *L'Honnête criminel*—Grimm. VIII, rem. Tourneux, janvier 1768.

[19] *Mem. secr.* 30 juin 1773. Hallays Dabot. *Op. cit.* p. 118.

являются вмѣстѣ съ королевой принцы крови. Среди нихъ отличается графъ Артуа, съ нимъ королева играетъ сначала пьесы Седэна, потомъ они же исполняютъ главныя роли въ комедіяхъ Бомарше. Уже поэтому можно судить, что цензурныя соображенія не имѣютъ никакого значенія въ средѣ этихъ артистовъ. Это доказываетъ также и герцогъ Орлеанскій. Онъ настаиваетъ на представленіи трагедіи Леблана—*Druides* — на сценѣ французскаго театра. Вѣроятно, благодаря герцогу, пьесу играли въ Версали, между тѣмъ какъ сторонники новой философіи признавали трагедію настоящей проповѣдью противъ церкви и духовенства. Тотъ же герцогъ ходатайствуетъ предъ архіепископомъ Бомономъ о разрѣшеніи трагедіи Вольтера—*Lois de Minos*.

Отвращеніе ко всему изящному и утонченному, часто охватывающее пресыщенныхъ господъ высшаго общества, стремленіе спуститься изъ салона до низшихъ слоевъ простонародья—факты обычные въ XVIII вѣкѣ. Въ литературѣ они создаютъ популярность *рыночнаго жанра*, *genre poissard*, крайняго «натурализма» въ содержаніи произведеній и всевозможныхъ арго и жаргоновъ — въ формѣ. Появляются особые сборники—народныхъ выраженій, благородные острословы переписываются на грубомъ языкѣ парижскихъ улицъ и гордятся тонкостью познаній въ этой области. Модная страсть немедленно отражается въ драматическомъ искусствѣ.

На салонныхъ сценахъ постепенно входятъ въ моду грубыя комическія картины. Знать безъ ума отъ типовъ и характеровъ, воспитываемыхъ въ центрѣ парижскаго рынка. На ярмарочныхъ театрахъ безпрестанно разыгрываются такъ называемые *парады*—комическія и чаще всего далеко неизящныя импровизаціи на темы изъ уличной жизни столицы. Эти парады проникаютъ на домашнія сцены придворной аристократіи. Герцогиня Мэнъ подаетъ примѣръ. Принцы посѣщаютъ балаганы и потомъ за ужиномъ пересказываютъ придворнымъ дамамъ свои наблюденія, повторяютъ базарныя остроты, копируютъ балаганныхъ героевъ. Нѣкоторые изъ этихъ разсказчиковъ принимаются сочинять собственные фарсы. Братъ короля

ставить ихъ на своей сценѣ и приводитъ Людовика XVI въ несказанный восторгъ. И чѣмъ выходки откровеннѣе, тѣмъ больше привѣтствій. Достаточно привести такой примѣръ. Разъ на придворной сценѣ актеръ Лекэнъ долженъ былъ исполнить роль беременной женщины и изобразить муки при родахъ. Спектакль давался въ честь двухъ принцессъ. Первое же появленіе артиста на сцену вызвало гомерическій хохотъ во всей залѣ,—и самъ исполнитель не могъ начать роли отъ смѣха. Пришлось отложить пьесу [20].

Еще при Людовикѣ XV принцессы обучались итальянскому языку у поэта Гольдони исключительно затѣмъ, чтобы читать въ подлинникѣ его пьесы. Ему, наконецъ, была дана пенсія въ 4,000 ливровъ, хотя давно минула кратковременная прихоть французскаго правительства поощрять иноземные таланты пенсіями [21].

Во всѣхъ этихъ увлеченіяхъ, какъ бы подъ часъ они ни казались странны и легкомысленны, есть своя серьезная сторона.

Пока мы остаемся въ области театра, насъ поражаетъ либерализмъ придворныхъ сферъ. Можно подумать, Франція управляется самыми терпимыми и просвѣщенными монархами и этому восторженно сочувствуютъ принцы и весь дворъ. Герцогъ Орлеанскій благосклонно выслушиваетъ, какъ авторъ *Друидовъ* поучаетъ духовенство его обязанностямъ, государей — терпимости и громитъ фанатизмъ служителей церкви. Графъ Артуа совершенно свободно произноситъ революціонныя рѣчи Фигаро на счетъ людей, которые даютъ себѣ трудъ только родиться. Герцогъ Шатрскій привѣтствуетъ аплодисментами слова Брута: «жить свободно и безъ государей»,—а весь дворъ приходитъ въ восторгъ отъ другой

---

[20] *Mem. secr.* 10 mars 1772. Grimm. X, 471. Hallays Dabot. *Op. cit.* p. 100—1. Du Bled. *Op. cit.* pp. 88 etc. *O genre poissard* и его вліяніяхъ— Grimm. I, 259, 380; II, 49. Lenient. *La com. en Fr.* II, 183—5. D'Alembert. *Oeuvres compl.* Paris 1821. III, 399. 15 іюня 1787 года на сценѣ ит. т. шла пьеса *La Negresse,* написанная на жаргонѣ негровъ С. Доминго.

[21] *Mem. secr.* 12 janvier 1769.

рѣчи того же героя: «я сынъ Брута и я ношу въ своемъ сердце печать свободы и отвращенія къ государямъ» [22]. *Брутъ* — трагедія Вольтера и она на ряду съ другими не менѣе философскими произведеніями этого автора попадаетъ на придворныя сцены, даже на сцену кабинетнаго театра. Того же самаго Вольтера дворъ ненавидитъ и отказывается принять, несмотря на протестъ всей націи съ литературой и наукой во главѣ. Но когда вопросъ идетъ о театральномъ зрѣлищѣ, пьесы Вольтера признаются такимъ же удобнымъ матеріаломъ, какъ и салонныя упражненія Мариво. Это противорѣчіе — въ высшей степени важный фактъ. Старый порядокъ вообще не могъ похвалиться послѣдовательностью, но ни одно изъ его противорѣчій не принесло столько пользы новой мысли, какъ рядомъ съ слѣпой ненавистью къ философіи такая же слѣпая погоня за театральными удовольствіями въ области той же философіи.

Само собой разумѣется, — аристократическое общество не отстаетъ отъ двора. Еще въ 1738 году въ комедіи Пирона *Metromanie* одинъ герой говоритъ: «Я видѣлъ, какія чудеса творило во Франціи это увлеченіе: наши дворцы превращались въ театральныя залы, наши маркизы, наперерывъ облекаясь въ актерскій костюмъ, представляли Гектора, Сганареля и Криспэна». Десять лѣтъ спустя мы узнаемъ: въ Парижѣ сто шестьдесятъ обществъ, имѣющихъ свои сцены для драматическихъ и даже оперныхъ представленій. Прошло еще двадцать лѣтъ — и современникъ пишетъ: «Всѣ наши сеньеры—военные, церковные, штатскіе напоминаютъ труппы Бріоше (изобрѣтателя маріонетокъ). Всѣ они спѣшатъ устраивать въ своихъ домахъ маленькіе маріонеточные театры, гдѣ и упражняются въ разыгрываніи комическихъ оперъ во славу и на пользу отечества». Несмотря на это, тремя годами позже намъ сообщаютъ, — труппы свѣтскихъ обществъ *особенно* умножились. Въ 1775 году новое извѣстіе: «страсть устраивать спектакли овладѣла всѣми обществами,

---

[22] Lenient. *Op. cit.* I, 169. *Mémoires par le comte de Ségur.* I, 151.

только и слышишь разговоръ о маленькихъ театрахъ на дачахъ въ окрестностяхъ Парижа». А къ концу вѣка — мы уже приводили свидѣтельство современника—всѣ становятся актерами, заставляютъ играть дѣтей въ такихъ трагедіяхъ, какъ, напримѣръ, *Заира* Вольтера [23]. Въ спектакляхъ часто за недостаткомъ благородныхъ исполнителей, участвуетъ прислуга. На этотъ любопытный фактъ указываетъ, между прочимъ, небольшая комедія Дидро—*La pièce et le prologue*, разсказывающая какъ добывали себѣ новыя пьесы аристократическія общества: здѣсь горничная хвалится, что она нѣсколько разъ участвовала въ комедіи. Этого мало. Дѣти пускаются въ авторство и сочиняютъ пьесы въ духѣ новой философіи. Десятилѣтняя дочь Неккера, будущая m-me Staël, пишетъ двухактную комедію—*Les inconvenients de la vie de Paris*. Описываются двѣ сестры: одну мать любитъ и воспитываетъ въ городѣ, другою пренебрегаетъ и заставляетъ ее жить въ деревнѣ. Семью постигаетъ несчастіе — процессъ—и здѣсь то оказывается,—вторая сестра гораздо добрѣе и благороднѣе первой. Пьеса была разыграна на домашней сценѣ родителей автора и Мармонтель, присутствовавшій на спектаклѣ, былъ тронутъ до слезъ. У насъ много свидѣтельствъ, доказывающихъ талантливость свѣтскихъ актеровъ-любителей [24]. Этимъ свидѣтельствамъ легко вѣрить: дѣйствующія лица являлись слишкомъ привычными актерами въ жизни, чтобы оказаться плохими на сценѣ.

Но вопросъ стоялъ иначе, относительно пьесъ, игравшихся спеціально на великосвѣтскихъ сценахъ. Аристокра-

---

[23] *Métromanie*. III, 5. Grimm. I, 158. Lenient. *Op. cit.* I, 155 Grimm. IX, 272. *Correspondance secrète*, II, 245. Вольтеръ въ *Предисловіи* къ пьесѣ *Charlot* (1767 г.) говоритъ о господствѣ театра въ высшихъ кругахъ современнаго общества и оправдываетъ это явленіе слѣдующей горячей тирадой: „Rien n'anime plus la société, rien ne donne plus de grace au corps et à l'esprit, ne forme plus le goût, ne rend les moeurs plus honnêtes, ne detourne plus de la fatale passion du jeu, et ne resserre plus les noeuds de l'amitié".

[24] *La pièce et le prologue*, Sc. II. Grimm. XII, sept. 1778. Объ актерахъ—любителяхъ: Тэнъ, *Ib.* русск. изд. I, 210—211.

тическія общества старались заручиться особыми, собственными авторами, и дѣйствительно бывали драматурги, работавшіе преимущественно для частныхъ театровъ. Но это авторы послѣдняго сорта, авторы, потерпѣвшіе неудачу на публичныхъ сценахъ. Дидро въ вышеупомянутой комедіи изображаетъ трудности, какихъ стоило иногда любительницѣ драматическаго искусства пріобрѣсть новую пьесу спеціально для своей сцены. Она прибѣгаетъ даже къ помощи своей горничной, чтобы убѣдить драматурга — написать пьесу къ извѣстному сроку. Случалось тѣмъ же горничнымъ сотрудничать съ своими госпожами—въ авторствѣ. Дамы особенно любятъ сочинять проверbы. Въ моду эти произведенія ввелъ чтецъ герцога Шатрскаго—Кармонтель. Онъ съ цѣлью «привести въ систему удовольствія общества», впервые издалъ сборникъ *Proverbes dramatiques* въ 1769 году. По его слѣдамъ всѣ стали писать проверbы и здѣсь тѣ же горничныя оказывали иногда немалыя услуги. Герцогиня Мэнъ не пренебрегаетъ такого рода сотрудничествомъ [25].

Аристократическія сцены, конечно, не удовлетворялись такими продуктами. Здѣсь мы опять видимъ любопытный фактъ противорѣчія, указаннаго выше. На частныхъ сценахъ свободно появляются пьесы, запрещенныя буквально на всѣхъ сценахъ, и, повидимому, чѣмъ яростнѣе цензура преслѣдуетъ извѣстное произведеніе, тѣмъ упорнѣе великосвѣтскіе театры его пропагандируютъ. Зимой 1770 года много шума надѣлала драма Лагарпа *Mélanie ou la réligieuse*. Въ основу драмы положенъ дѣйствительный фактъ: дѣвушка принужденная постричься въ монахини въ интересахъ своего брата, повѣсилась наканунѣ постриженья. Произошло это въ одномъ изъ парижскихъ монастырей. Насильственное постриженіе дѣвушекъ являлось фактомъ весьма обычнымъ въ аристократическихъ семьяхъ прошлаго вѣка, не обладавшихъ достаточными средствами надѣлить приличнымъ наслѣдствомъ

[25] Grimm IX, 272. Lenient. *Op. cit.* II, 2. Du Bled, *La comedie de société* p. 103.

всѣхъ дѣтей. На эту тему, какъ увидимъ, написано не одно произведеніе, но *Mélanie* посчастливилось больше другихъ благодаря очень смѣлымъ нападкамъ на жестокость духовной власти. Пьесу запретили играть, авторъ напечаталъ ее и въ три дня было раскуплено 2,000 экземпляровъ. Среди знати образовалась мода ѣздить на вечера съ *Mélanie* Авторъ громко читалъ ее всюду и вызывалъ слезы. Къ числу увлеченныхъ драмой принадлежалъ министръ Шуазель. Но архіепископъ Парижскій вздумалъ примѣнить къ пьесѣ исключительныя мѣры и запретилъ играть ее даже на частныхъ сценахъ. Запрещеніе ни къ чему не повело. Самъ Лагарпъ сообщаетъ, что ее играли въ аристократическихъ обществахъ, роль Mélanie, между прочимъ, два раза исполняла невѣстка маркиза Монтескью и заставила плакать всю публику. Изъ другого источника мы знаемъ, что ту же *Mélanie* играли у m-me Кассини.

Увлеченіе театральными представленіями проникаетъ въ такія сферы, гдѣ менѣе всего можно его ожидать. Гарнизонные офицеры сходятъ съ ума отъ спектаклей, не стѣсняются выступать на сценахъ вмѣстѣ съ актерами и актрисами, и до такой степени злоупотребляютъ своей страстью, что требуется строжайшая инструкція военнаго министра для прекращенія зла. Страсть охватываетъ такихъ воиновъ, какъ Морицъ Саксонскій. Онъ у себя въ лагерѣ устраиваетъ театръ и наканунѣ битвы опереточный пѣвецъ въ куплетахъ объявляетъ военной публикѣ о «великомъ представленіи» (grande pièce) на завтрашній день [26].

Мы уже видѣли, — театръ по преимуществу вызывалъ авторскія наклонности у людей, зараженныхъ всевозможными предразсудками противъ литературы, какъ дѣятельности. Писались не однѣ пьесы, писалось много по поводу пьесъ и театра вообще. Аристократы не всегда оставались равнодушными къ нападкамъ на старый порядокъ, которыя слы-

---

[26] Grimm. VIII, 459. *Mem. secr.* 21 f. 1770. *Corresp. litt* (La Harpe). V, 390.—Hallays Dabot. *Op. cit.* p. 100.

шали со сцены. Особенный взрывъ протеста послѣдовалъ по поводу *Свадьбы Фигаро*. Знаменитый Мирабо стоялъ во главѣ протестантовъ,— Мирабо, воодушевленный на этотъ разъ гораздо больше личной злобой на автора, чѣмъ принципіальными вопросами. Во всякомъ случаѣ онъ говорилъ въ памфлетѣ о ниспроверженіи всѣхъ основъ гражданскаго порядка комедій Бомарше. То же самое писалъ маркизъ Лувуа и также думалъ издатель его письма, принадлежавшій къ той же благородной «расѣ»[27]. Сколько новой жизни, новыхъ идей и новыхъ интересовъ невольно проникало въ консервативную среду высшихъ классовъ—благодаря театру! Казалось, люди искали только удовольствія, а наталкивались на *идею* и *чувство*,—двѣ силы, которымъ суждено было преобразовать старый общественный строй.

Бдительнѣйшій стражъ этого строя — высшее и богатое духовенство—поддается общей страсти. Аббаты участвуютъ въ спектакляхъ, сами устраиваютъ театры, пишутъ произведенія, не уступающія вольностью стиля и содержанія легкомысленнѣйшимъ продуктамъ современнаго искусства. Мы узнаемъ едва вѣроятные факты: юные аббаты играютъ на частныхъ сценахъ роли женщинъ, а ихъ высшее начальство—епископы—апплодируютъ. По поводу одного такого случая возникаетъ *Балетъ двухъ аббатовъ* (Le ballet des deux abbés) и въ теченіе долгаго времени потѣшаетъ парижскіе салоны. Прелаты до такой степени заботятся о судьбахъ сценическаго искусства, что два архіепископа открыто принимаютъ участіе въ подпискѣ въ пользу актера Моле, задолжавшаго 20,000 ливровъ. Низшее духовенство [28] дру-

[27] Памфлетъ Мирабо: *Réponse de Mirabeau a l'écrivain des administrateurs de la compagnie des eaux de Paris*—вышелъ въ началѣ 1786 года. О войнѣ Бомарше съ Мирабо—Loménie. *Beaumarchais et son temps* II. 371. Вопросъ, какъ извѣстно, шелъ въ сущности о выгодахъ двухъ финансовыхъ компаній. Впослѣдствіи Мирабо сознавалъ несправедливость своихъ нападокъ и первый обратился къ Бомарше съ словами примиренія.—О брошюрѣ Лувуа—Grimm. XV, mars 1787.

[28] Lenient. *Op. cit.* I, 157. Тэнъ, русск. изд. I, 210. По поводу подписки въ пользу Molé—у Гримма приведена народная пѣсня, подвергающая осмѣя-

гимъ несравненно болѣе знаменательнымъ путемъ — заявляетъ свое сочувствіе театру. По словамъ современника, на представленіяхъ *Свадьбы Фигаро*— въ Парижѣ перебывало до сорока сельскихъ священниковъ.

О томъ, какую роль играли театральныя представленія среди городской парижской публики, намъ придется говорить впослѣдствіи. Богатѣйшіе буржуа и здѣсь, какъ и въ другихъ случаяхъ, стремились подражать знати и заводили у себя домашнія сцены. Это, очевидно, было далеко не рѣдкимъ явленіемъ и не привилегіей финансовой аристократіи. По крайней мѣрѣ, на основаніи свидѣтельства Мерсье, можно заключить, что даже разбогатѣвшіе башмачники обзаводились домашними сценами. Представленіе, напримѣръ, Вольтеровскаго *Эдипа* или иной трагедіи послѣ роскошнаго обѣда здѣсь было обычнымъ развлеченіемъ [29].

Это вполнѣ естественно для столичныхъ буржуа, но гораздо сложнѣе вопросъ, въ какомъ положеніи находилась провинція относительно современной моды? Людямъ XVIII го вѣка иногда казалось, будто столица и провинція два міра, лишенные взаимнаго пониманія, одаренные различными міросозерцаніями, страдающіе отъ разныхъ золъ. Вольтеръ, въ посланіи къ Тюрго, въ слѣдующихъ словахъ характеризуетъ парижанъ: «Народъ любезный и тщеславный, преданный удовольствіямъ, стремительный, вѣтряный и болѣе всего непостоянный, увлекающійся малѣйшимъ шумомъ и измѣнчивый какъ вѣтеръ, — онъ судитъ вождей, министровъ, государей *и смѣется надъ бѣдствіями, отъ которыхъ плачутъ провинціи*» [30]. Въ столицѣ, естественно, могли не понимать провинціальныхъ интересовъ и относиться насмѣшливо къ самимъ провинціаламъ.

Но такое отношеніе было по меньшей мѣрѣ незаслуженнымъ. Наступившая вскорѣ революція обнаружила, что по-

нію знатныхъ и духовныхъ покровителей актёра. VII, 277. О сельскихъ свящ. *Corresp. secrète* XVII, 87, 20 aout, 1784.

[29] *Tableau de Paris*, III, pp. 31—2.

[30] *Epître à un homme*. Приведено въ *Corresp. secrète*. III, 169.

литическое развитіе большинства провинцій ничѣмъ не уступало политическому развитію парижанъ. Вдали отъ столицы превосходно были усвоены тѣ самыя идеи, какими увлекались парижане и выражены въ такихъ обстоятельныхъ наказахъ, что въ самомъ Парижѣ избиратели считали нужнымъ справляться съ провинціальными проектами и требованіями [31]. И эти факты не представляютъ ничего неожиданнаго. Еще со временъ регентства провинція владѣла многочисленными средствами—узнавать парижскія новости, слѣдить за движеніемъ литературы и столичной общественной жизни. Въ самыхъ захолустныхъ областяхъ къ концу вѣка возникаютъ политическія общества, открывающія въ свою среду доступъ даже *гражданкамъ* [32]. Неккеръ умѣетъ по достоинству оцѣнить подобныя явленія. Онъ превозноситъ *общественное мнѣніе, какъ новую* политическую силу, вспоминаетъ о національной признательности, неоднократно выпадавшей ему на долю,— и при этомъ глубочайшее уваженіе свидѣтельствуетъ провинціаламъ: онъ всегда гораздо болѣе опасался ихъ недовольства, чѣмъ криковъ столицы [33]. Очевидно, что касается усвоенія новыхъ идей, провинція часто не только не оставалась позади столицы, но даже опережала ее. Это—несомнѣнно относительно новыхъ идеаловъ и критики стараго порядка, проникавшихъ въ публику путемъ театральныхъ представленій.

---

[31] Chassin. *Les élections et les cahiers*. III. 187.

[32] Эти средства перечислены у Обертэна,—между прочимъ еженедѣльныя рукописныя газеты, корреспонденція Парижанъ съ друзьями и родственниками, живущими внѣ Парижа. *L'esprit public*, pp. 129 etc. Авторъ ни слова не говоритъ о театральныхъ пьесахъ, а именно ихъ слѣдовало бы поставить на первомъ планѣ.—*Societé patriotique bretonne, Mem. ser.* 1784. Cp. Bersot, *Op. cit.* p. 75.

[33] *De l'administration des finances de la France*, par m. Neckel 1785, I. *Introduction*. p. CVII: Je n'oublierai point que si j'ai eu des peines, j'ai obtenu aussi de grandes récompenses. Je les tiens de vous, ames nobles et distinguées, dont le suffrage a fait si souvent ma consolation je les tiens de vous, peuple sensible, de vous surtout, habitants des provinces, qui avez peut - être aperçu que je redoutais plus vos gémissements fugitifs, que les bruyantes clameurs des hommes avides de la capitale".

Любовь къ театру въ провинціи была распространена въ такой же степени, какъ и въ столицѣ. Кармонтель издавшій сборникъ пьесъ для великосвѣтскаго общества, выпустилъ такое же изданіе нарочно для провинціи и посвятилъ свои новыя произведенія провинціальнымъ обществамъ. По мнѣнію автора, въ провинціи гораздо больше, чѣмъ въ Парижѣ, понимали общественную пользу нравственныхъ пьесъ. Одна изъ героинь Дидро говоритъ про свою провинцію, что она «съ ума сходитъ отъ театральныхъ представленій» [34]. Штаты провинціи Артуа назначаютъ драматическому автору пенсію съ условіемъ, если его новая пьеса выдержитъ три дачныхъ представленія [35]. Послѣ этого не удивительно извѣстіе, что члены изгнанныхъ парламентовъ при Людовикѣ XV занимались по своимъ провинціямъ устройствомъ спектаклей. Между ними особенно отличается первый президентъ парламента въ Руанѣ [36]. Другой президентъ стремится преобразовать всю французскую драму по образцу Шекспира и пишетъ историческую пьесу въ прозѣ «*Францизскъ II*», подражая во всемъ, кромѣ таланта, англійскому драматургу. Въ Марсели большой успѣхъ имѣютъ нравственныя комедіи маркизы Глеонъ, между прочимъ пьеса, прославляющая добродѣтели деревенскихъ жителей. Пускаются въ литературу и провинціальные буржуа. Лѣтомъ въ 1787 году на сценѣ Comédie Française идетъ съ большимъ успѣхомъ комедія *Ecole des pères*, написанная молодымъ купцомъ изъ Нима [37]. Всѣ вопросы, волнующіе столицу, немедленно проникаютъ въ про-

---

[34] *Théâtre de campagne*, Paris. 1775. Бомарше *Essai sur le genre dramatique sérieux* имѣетъ въ виду Кармонтеля, говоря о взглядѣ *quelqu'un*— на судьбу драмъ въ провинціяхъ. *O. compl.* Paris 1828. I, 16. *La pièce et le prologue*, sc. I.

[35] Grimm. X, 68.

[36] Desnoiresterres. *La com. sat.* p. 194.

[37] *Nouveau théâtre français ou François second, roi de France*", en 5 actes, en prose Второе изд. вышло въ 1770 году, первое около 1750 г. *Recueil de comédies nouvelles*. Paris, 1787. Драма—*L'ascendant de la vertu ou la paysanne philosophe*. Объ успѣхѣ въ *Corresp. litt* (Grimm). Тамъ же

винцію. Въ то время, когда въ Парижѣ горячо обсуждаютъ вопросъ о слезливой драмѣ, провинція отзывается цѣлымъ рядомъ пьесъ, подвергающихъ критикѣ новое направленіе [38]. Съ другой стороны, драма Дидро *Père de famille* обходитъ сначала съ большимъ успѣхомъ главнѣйшія провинціальныя сцены въ Тулузѣ, Бордо, Марсели, Ліонѣ,—и этотъ успѣхъ способствуетъ появленію пьесы на столичной сценѣ [39]. Та же отзывчивость проявляется по поводу шума, поднятаго въ Парижѣ *Свадьбой Фигаро*: въ Руанѣ, напримѣръ, идетъ даже свой цирюльникъ—*Barbier de Rouen* [40]. Въ провинціи, подобно столицѣ, публика пользуется театральнымъ представленіемъ, чтобы выразить свое отношеніе къ современнымъ событіямъ,—и пользуется, очевидно, съ большой свободой. Губернаторы вообще крайне рѣдко оказывали давленіе на муниципальныя власти. Театръ заставляетъ нарушать правило. Въ Бордо и Марсели губернаторы возмущаются излишней вольностью театральной публики и отдаютъ приказы городскимъ магистратамъ—принять мѣры къ укрощенію партера [41]. Но старанія губернаторовъ, по всей видимости, остаются безплодными. Мы постоянно слышимъ о шумныхъ спектакляхъ въ главныхъ провинціальныхъ городахъ. Въ Реннѣ вступленіе на престолъ Людовика XVI справляютъ спеціальной торжественной пьесой и устраиваютъ такой

объ авторѣ *L'école des pères*—Pieyr e'ѣ. Критикъ—вѣроятно, Мейстеръ—отзывается о пьесѣ очень благосклонно, ставитъ ее выше комедій Бомарше, но почему то не сообщаетъ о вниманіи, какимъ Людовикъ XVI удостоилъ автора: король подарилъ ему шпагу. Droz. *Hist. du règne de Louis XVI.* Bruxelles 1839. p. 151.

[38] Lanson. *Nivelle de La chaussée,* p. 279.

[39] Grimm. IV, 353.

[40] *Journal des théâtres ou le nouveau spectateur.* Paris 1777, t. I, № 10.

[41] Albert Bareau. *La province sous l'ancien régime.* Paris 1894, I, 287. О губернаторѣ Марсели читаемъ: „Il veut apaiser des troubles, des cabales et des sifflets qui se produisent au parterre, il va jusqu'à donner l'ordre aux magistrats municipaux de faire mettre en prison le capitaine de quartier qui ne les ferait point cesser“.

спектакль, что о немъ долгое время говорятъ въ Парижѣ [42]. Въ Лондонѣ, въ январѣ 1784 г., идетъ на сценѣ опера *Ифигенія въ Авлидѣ*. У всѣхъ въ это время на умѣ недавніе опыты съ воздушными шарами. Въ залѣ случайно присутствуютъ воздухоплаватели, и публика устраиваетъ имъ такую овацію, такъ искусно пользуется каждымъ стихомъ въ пьесѣ, сколько-нибудь подходящимъ къ событію, что исчезаетъ всякое различіе между этими зрителями и столичными [43]. Совершенно естественно, послѣ этого, наканунѣ революціи— въ Парижѣ и въ провинціи на сценахъ будутъ разыгрываться спектакли тождественнаго содержанія, возникшіе независимо одинъ отъ другого, но съ удивительнымъ единодушіемъ направленные на однѣ и тѣ же мѣры отживающаго правительства. И что особенно любопытно—эти пьесы создаются экспромптомъ, *на городскихъ площадяхъ* одновременно въ такихъ различныхъ центрахъ провинціальной жизни, какъ Ліонъ и Руанъ [44]. До наступленія смутнаго періода провинція часто будетъ пользоваться удовольствіями, которыя недоступны самому Парижу. Едва вѣроятно, а между тѣмъ фактъ несомнѣнный, — провинція въ цензурномъ отношеніи занимаетъ сравнительно съ Парижемъ почти такое же привилегированное положеніе, какъ дворъ и аристократическія общества.

Никто искуснѣе Вольтера не умѣлъ обходить цензуру. Даже г-жа Помпадуръ призывалась на помощь, когда другихъ путей не оставалось. А они у Вольтера были многочисленны. Онъ могъ лично вліять на цензоровъ и пресѣчь въ самомъ началѣ козни враговъ философіи: онъ самъ разсказываетъ о такомъ случаѣ въ письмѣ къ Даламберу [45]. Онъ

---

[42] *Mem. secr.* 22 f. 1775, VII, 284. *Corresp. secrète* I, 221.

[43] Desnoiresterres. *Op. cit.* p. 248, на основаніи сообщеній *Journal de Lyon* отъ 19 янв. 1784.

[44] Напримѣръ, комедія *Le grand baillage*, исполнявшаяся въ Ліонѣ и Руанѣ въ то время когда въ Парижѣ появилась сатира—*La cour plenière*.

[45] Дѣло шло о комедіи Палиссо *Le Satirique*. О ней будетъ разсказано дальше.

не отступалъ ни предъ какими сдѣлками. Написавъ *Guèbres ou la Tolérance* и чувствуя, что духовенство возстанетъ противъ пьесы, онъ началъ ухаживать за цензоромъ Марэномъ, столь впослѣдствіи прославленномъ въ процессѣ Бомарше, предложилъ ему часть доходовъ съ пьесы и, чтобы окончательно успокоить его,— самъ указалъ ему въ текстѣ *petits blasphêmes*. Марэнъ все-таки побоялся разрѣшить пьесу къ представленію, но зато помогъ Вольтеру напечатать ее. Духовенство продолжало упорно преслѣдовать трагедію, тогда Вольтеръ отослалъ ее въ провинцію. Ее играютъ въ Тулузѣ, гдѣ еще не забыли происшествія съ Каласомъ, — и новая проповѣдь противъ фанатизма имѣетъ, конечно, громадный успѣхъ [46].

Такая пересылка пьесъ, запрещенныхъ въ Парижѣ,—обычный фактъ въ XVIII вѣкѣ. Началъ дѣлать это Вольтеръ, прочіе подражали ему. Лишь только пьеса возбуждала сомнѣніе, Вольтеръ устраивалъ ее на сценахъ Лилля, Ліона, Бордо. Еще по поводу *Магомета* Вольтеръ называетъ себя «провинціальнымъ авторомъ». Знаменитая трагедія шла въ Лиллѣ раньше, чѣмъ въ Парижѣ и имѣла потрясающій успѣхъ. Когда Вольтеръ не захотѣлъ было разрѣшить третьяго представленія,—партеръ грозилъ настоящимъ бунтомъ. Авторъ въ восторгѣ и находитъ, что трагедія въ Лиллѣ была сыграна такъ, какъ ея не сыграть и столичнымъ артистамъ. Мы увидимъ, — такія побѣды провинціальныхъ актеровъ надъ парижскими въ XVIII вѣкѣ отнюдь не рѣдкость. Такой же успѣхъ во всѣхъ провинціальныхъ городахъ имѣла пьеса—совершенно другаго характера комедія *L'Ecossaise* направленная противъ Фрерона [47]. Вскорѣ послѣ *Guèbres* архіепископъ Бомонъ запретилъ трагедію *Lois de Minos* даже на частныхъ сценахъ. Вольтеръ немедленно переслалъ ее въ провинцію, — и она безпрепятственно и съ обычнымъ успѣхомъ шла въ Ліонѣ. Въ провинціальныхъ

---

[46] Grimm, VIII, 388.

[47] Desnoiresterres. *Voltaire.* III, 307. О *L'Ecossaisse. Ib.* V, 500.

городахъ пьесы къ представленію разрѣшалъ одинъ изъ echevin de la ville, исполнявшій полицейскія обязанности [48]. Пройти эту цензуру было несравненно легче, чѣмъ преодолѣть многоголовное чудовище, бодрствовавшее надъ литературой въ столицѣ. Такимъ путемъ на провинціальныхъ сценахъ появилось множество пьесъ, которыя парижская публика увидѣла только въ эпоху революціи.

Гонимый въ столицѣ Генрихъ IV въ теченіе всего царствованія Людовика XV невозбранно царитъ на провинціальныхъ сценахъ. *Partie de chasse de Henri IV* обошла всѣ провинціальныя сцены, раньше чѣмъ дождалась ея Comédie Française по смерти Людовика XV. Еще важнѣе было появленіе на провинціальной сценѣ драмы Фонтанелля—*Ericie ou la Vestale*—направленной, подобно *Mélanie* Лагарпа, противъ католическихъ монастырей и церковной іерархіи. Въ Парижѣ эту пьесу сожгли руками палача, продавцевъ—ставили къ позорному столбу, долгое время она ходила въ спискахъ, пока, наконецъ, не была напечатана въ Лондонѣ. На парижской сценѣ *Ericie* появилась впервые 19 августа 1789 года [49].

Наконецъ, громадной популярностью въ провинціи пользовались драмы Мерсье. Представители старой эстетики насмѣшливо называли его «провинціальнымъ драматургомъ». Мы поймемъ все значеніе факта, познакомившись съ произведеніями Мерсье. Сами насмѣшники признавали его—и только его, «писателемъ для народа» [50]. Пьесы его въ столицѣ были разрѣшены позже всѣхъ другихъ. На основаніи

---

[48] Hallays Dabot, *Op. cit.* p. 88.

[49] *Ericie ou la Vestale.* Londres 1768. *Предисловіе. Histoire du th. fr. depuis commencement de la révolution,* par C. G. Etienne et A. Martainville. Paris. 1804. II, 49.

[50] Лагарпъ въ *Corresp. litt.* III, 251 по поводу *Tableau de Paris* перечисляетъ оригинальныя черты произведеній Мерсье и, между прочимъ „ses anathémes contre tous ceux qui n'écrivent pas comme lui pour *le peuple*". Авторъ подчеркиваетъ это слово, чтобы обозвать Мерсье „прирожденнымъ революціонеромъ".

этихъ пьесъ мы убѣдимся: если соціальныя идеи вошли въ плоть и въ кровь провинціальнаго населенія, если возстанія носили *соціальный* характеръ, какъ свидѣтельствуютъ современники и какъ признаютъ новѣйшіе изслѣдователи, если свѣдѣнія о рѣчахъ и заявленіяхъ провинціальныхъ революціонеровъ достовѣрны, то нельзя указать болѣе полнаго и доступнаго для народа политическаго руководства, чѣмъ драмы Мерсье [51].

Намъ теперь ясно, какую роль игралъ театръ въ общественной жизни Франціи XVIII вѣка и ясно, какое положеніе относительно его должны были занять проповѣдники новыхъ идей. Перенести эти идеи на сцену являлось дѣломъ совершенно естественнымъ и, что еще важнѣе, въ высшей степени выгоднымъ для философіи. Чего нельзя было сообщить публикѣ путемъ книги, брошюры, журнальной статьи, то легко проходило въ публику, и притомъ гораздо болѣе многочисленную,—путемъ сцены. У писателей было много средствъ,—незамѣтно, не обнаруживая ни цѣлей, ни мотивовъ, — бросить въ среду общества ту или другую идею остановить его вниманіе на томъ или другомъ фактѣ. Въ 1776 году принцъ Конти доносилъ парламенту о книгѣ, выяснявшей «несообразности феодальныхъ правъ», но въ то же самое время совершенно свободно на ту же тему проповѣдывалъ Вольтеръ въ пьесѣ *Droit du Seigneur* и возбудилъ цѣлый рядъ подражаній, начиная съ комическихъ оперъ и кончая комедіями Бомарше [52]. Пустѣйшія брошюры противоцерковнаго содержанія дѣятельно сжигались и продавцы запирались по тюрьмамъ, а рядомъ съ тюрьмами шли представленія трагедій: *Druides*, *Jammabos*, *L'Honnête criminel*

---

[51] Taine. *Les orig. de la Fr. Contemp. La révolution*. Paris 1888 pp. 24—6.

[52] *Des inconvenients des droits féodaux*, Paris 1776. Авторъ Boncerf,—другъ Тюрго. Въ *Corresp. litt.* (Grimm) приводится восторженное письмо Вольтера къ автору книги: Boncerf сравнивается съ Тюрго и письмо заканчивается слѣдующими словами: „je pourrai même mourir martyr de votre hérésie. En ce cas je me recommande à vos prières, et vous supplie de me regarder comme un de vos fidèles“.

и раздавалось множество другихъ «проповѣдей» со сцены противъ духовенства и основныхъ порядковъ католической церкви. Авторъ книги *Philosphie de la nature* едва не поплатился жизнью, а со сцены невозбранно прославлялась природа и въ то самое время когда жгли *Contrat social*, стихотворное переложеніе идей Руссо восхищало публику въ трагедіи *Manco Capac*. Все это казалось слишкомъ несерьезнымъ, простой забавой, невиннымъ удовольствіемъ. «Ça ne tire pas à concequences», говорилъ старый порядокъ, когда вопросъ касался сцены,—другое дѣло, когда содержаніе тѣхъ же стиховъ будетъ переложено въ прозу и напечатано въ видѣ брошюры. Такое отношеніе часто вело къ настоящимъ курьезамъ. Напримѣръ, о брошюрѣ, на которую принцъ Конти жаловался парламенту, врядъ ли даже узнала бы публика, уже потому, что брошюра дурно написана, но принцъ откапываетъ ее и заставляетъ «разорвать и сжечь рукой палача». Это кажется необходимымъ и цѣлесообразнымъ въ то время, когда другой принцъ крови будетъ выступать въ роли Фигаро и, по выраженію графа Мирабо, устами этого героя потрясать всѣ основы нравственности, общества и государства.

Дворъ, аристократія и даже духовенство стараго порядка только и жили наслажденіями и ради наслажденій готовы были идти на какую угодно сдѣлку. Немудрено, когда дѣло шло о самомъ модномъ, о самомъ блестящемъ и разнообразномъ удовольствіи—о театральномъ представленіи—легкомысленное общество, закрывши глаза, покупало его цѣной своего будущаго.

II.

Въ теченіи всего XVIII вѣка мы постоянно слышимъ и отъ друзей, и отъ враговъ философіи: Вольтеръ первый ввелъ на сцену философскія идеи, — и первой пьесой въ этомъ направленіи была трагедія *Эдипъ*, появившаяся въ 1714 году. Это было началомъ могущества французскаго

театра въ области идей, а позже и въ области общественной и политической жизни. Задолго до Вольтера парижская публика слышала со сцены теоріи и идеи: еще Корнель поучалъ ее величію католической церкви и французской монархіи. Но это были только оды, изложенныя въ драматической формѣ, театральные панегирики. Когда они произносились,—всѣ зрители были вполнѣ согласны съ поэтомъ. Онъ не сообщалъ публикѣ ничего новаго, ничего, идущаго въ разрѣзъ съ ихъ будничной дѣйствительностью, ничего имъ не открывалъ и ни въ чемъ не убѣждалъ. Его рѣчи являлись не болѣе какъ порывомъ сердца, переполненнаго патріотическими чувствами. Совершенно иная цѣль явилась у драматической литературы, у театра, когда геній Вольтера завладѣлъ ими. Театръ отнынѣ долженъ былъ просвѣщать, учить и преобразовывать. Онъ говорилъ—*новыя слова*, съ ними не было согласно, по крайней мѣрѣ, въ моментъ представленія *Эдипа*, громадное большинство публики. Ее предстояло завоевать, создать среди нея *новое общество*. Недаромъ, много лѣтъ спустя послѣ перваго представленія трагедіи Вольтера, современники поэта при всякомъ случаѣ повторяютъ стихи, очевидно, особенно поразившіе духовныхъ чадъ католической церкви:

Nos prêtres ne sont point ce qu'un vain peuple pense;
Notre crédulité fait toute leur sciense [53].

И эти стихи, дѣйствительно, создали эпоху. О чемъ раньше принято было говорить только въ книгахъ, тонъ и пріемы, до тѣхъ поръ обычные только на церковной каѳедрѣ,—теперь все это очутилось на сценѣ. Что общаго между храмами и театромъ? По понятіямъ католическихъ правовѣрныхъ служителей храма, «театръ—это, мѣсто гдѣ демонъ выковываетъ огненныя стрѣлы, воспламеняющія похоти, гдѣ смерть входитъ въ человѣка чрезъ чувства». Такъ думалъ первостепенный церковный ораторъ—Флешье. Охотно подписался бы подъ этими словами и непогрѣшимый

---

[53] *Oedipe*, IV, 1.

толкователь исконныхъ католическихъ ученій — Боссюэ, громившій проклятіями театръ, актеровъ, драматическую литературу и поносившій имя Мольера уже послѣ того, какъ великій поэтъ покоился вѣчнымъ сномъ [54]. Проходитъ болѣе шестидесяти лѣтъ со смерти Мольера, лишеннаго погребенія,—служители церкви все еще выказываютъ крайнее отвращеніе къ сценическому искусству, актеры все еще считаются отлученными отъ церкви, — но одинъ изъ краснорѣчивѣйшихъ церковныхъ ораторовъ рѣшается публично привѣтствовать драматическаго писателя, какъ своего товарища по проповѣднической дѣятельности. Мало этого, онъ даже ожидаетъ, что путь христіанской церковной проповѣди будетъ облегченъ, благодаря проповѣдямъ сцены. И архіепископъ-ораторъ совѣтуетъ поэту продолжать свою дѣятельность.

Такъ говорилъ епископъ Ланге, 25 іюня 1736 года, привѣтствуя вновь избраннаго члена академіи — Лашоссе [55]. Этотъ драматургъ не принадлежалъ къ партіи философовъ. Напротивъ, Даламберъ счелъ нужнымъ въ академическомъ *Eloge* въ честь Лашоссе отмѣтить его выходку противъ писателей (gens de lettres): драматургъ въ одной комедіи поставилъ ихъ наряду съ лошадьми, собаками и пагодами [56]. Онъ ненавидѣлъ вождя философовъ, Вольтера, и взводилъ на него всевозможныя обвиненія по части литературной интриги. Дѣятельность Лашоссе стояла вдали отъ философской про-

---

[54] Мнѣнія отцовъ церкви и католическихъ проповѣдниковъ на счетъ театра и драматической литературы собраны въ брошюрѣ *Le pour et contre les spectacles*, принадлежащей неизвѣстному аббату (l'abbé M). Тому же предмету посвящена глава книги *Le théatre français sous Louis XIV*, par Eugène Despois, Paris 1874.—*Polémique au sujet du théatre*, livre IV, chap. III. Свѣдѣнія новаго автора далеко уступаютъ полнотой фактамъ. собраннымъ въ брошюрѣ XVIII вѣка, вообще одной изъ самыхъ серьезныхъ во всей противофилософской литературѣ. Намъ предстоитъ еще упоминать о ней.

[55] D'Alembert. *Oeuvres Compl.* Paris 1821. *Eloge de Languet.* III, 383.

[56] *Ib.* p. 391.

паганды, и все-таки онъ удостоивается признательности за свое направленіе отъ духовныхъ и свѣтскихъ критиковъ. Его называютъ «усерднымъ драматическимъ проповѣдникомъ», «благочестивымъ ораторомъ Парнаса», насмѣшники именуютъ его «достопочтеннымъ отцомъ Лашоссе», его пьесы—homélies, sermons [57].

Лашоссе ничему не учился у Вольтера и талантъ его ни единой чертой не напоминаетъ генія великаго просвѣтителя. Сценическая проповѣдь, слѣдовательно, — не исключительно философское нововведеніе. Это доказываетъ и другой современникъ Вольтера—драматургъ Детушъ. Онъ еще въ болѣе рѣзкой формѣ заявилъ свою антипатію къ философамъ и ихъ идеямъ. На ихъ общественныя теоріи онъ отвѣтилъ комедіей *La force du naturel*, доказывающей органическое нравственное и умственное преимущество благороднаго происхожденія надъ простымъ, а религіозное просвѣщеніе философовъ встрѣтилъ жестокими нападками въ стихахъ и въ прозѣ — богословскаго содержанія. По словамъ Даламбера, онъ писалъ эпиграммы даже на Лютера и Кальвина. Но это поучительное сочинительство автора комедій было только продолженіемъ его пьесъ. «Главной цѣлью» своей драматической дѣятельности онъ считалъ «проповѣдывать добродѣтель и унижать пороки» [58].

Очевидно, сценическія проповѣди—характерное стремленіе вообще литературы XVIII вѣка. Мы найдемъ его не въ одной Франціи и, можетъ быть, здѣсь оно развилось отчасти подъ

---

[57] Lanson. *Op. cit.* 118; 14: „ce zélé prédicateur dramatique, qui a converti tant d'âmes au théâtre par ses homélies, ce pieux orateur du Parnasse qui mit toujours la vertu dans ses drames“,—слова Колле. Op. p. 167.—Пиронъ написалъ стихи, начинающіеся такимъ обращеніемъ:

Révérend père La Chaussée
Prédicateur du saint vallon...

[58] Villemain. *Tableau de la litt. au XVIII-e s.* Paris 1863, p. 291. Богословскія статьи Детушъ печаталъ въ журналѣ *Mercure galant*—органѣ, совершенно не подходившемъ для такого рода произведеній.—D'Alembert. *Ib.*, p. 427.—Lanson. *Op. cit.* p. 117, rem.

чужимъ вліяніемъ. Съ самаго начала столѣтія оно пользовалось уже популярностью въ Англіи и должно было рано проникнуть во Францію. Но Вольтеръ, перенося философію на сцену, дѣйствовалъ самостоятельно, по личнымъ соображеніямъ. Въ его *Англійскихъ письмахъ* не упоминается о вновь направленіи драматической литературы въ Англіи. Въ сообщеніяхъ о театрѣ Вольтеръ ограничился драматургами реставраціи, менѣе всего, конечно, ставившими нравственныя задачи въ своихъ пьесахъ. Лашоссе не зналъ англійскаго языка и уже стоялъ на извѣстномъ пути, повидимому, раньше знакомства съ англійскимъ театромъ [59]. Детушъ долго жилъ въ Англіи, впослѣдствіи подражалъ англійскимъ пьесамъ и могъ усвоить ихъ тонъ. Но въ сущности для самой идеи о пьесахъ-проповѣдяхъ можно было и не ѣздить въ Англію и не читать англійскихъ драмъ. Еще въ въ 1714 году на французскій языкъ былъ переведенъ журналъ Аддисона и Стиля—*Spectator*. Здѣсь разъяснялось нравственно-просвѣтительная роль писателя и особенно драматурга. Аддисонъ возлагалъ большія надежды на театръ въ дѣлѣ преобразованія народной нравственности. Собственныя разсужденія журналиста давали темы для будущихъ драмъ преобразовательнаго направленія. Періодическая печать другихъ странъ указывала на то же назначеніе театра, исчисляла благодѣтельные результаты нравственной проповѣди со сцены и даже предлагала измѣнить духъ и содержаніе французскихъ комедій. Таковы, по крайней мѣрѣ, любимыя разсужденія голландской журналистики [60].

---

[59] Lanson. *Ib.* p. 130.

[60] *The spectator* № 446. „It is one of the most unaccontable things in our age that the lewdness of our theatre should be so much complained of, so well exposed, and so little redressed. It is to be hoped, that some time or other we may be at leisure to restrain the licentiousness of the theatre and make it contribute its assistance to the advancement of moarality ond the reformation of the age". *The spectator*. London 1739, vol. VII, p. 188. Темы перечислены у Лансона, р. 133. Тамъ же о голландскихъ журналахъ, р. 132.

Слѣдовательно, — насколько вопросъ касается вообще нравоучительнаго значенія театра, — французскіе философы шли только за общимъ теченіемъ вѣка. При этомъ Франціи не было неизбѣжной нужды съ самаго начала заимствовать новое направленіе извнѣ. Въ ея обществѣ, въ ея дѣйствительной жизни было столько же поводовъ—поучать, реформировать, сколько и въ Англіи. Старый французскій порядокъ накопилъ несравненно больше пороковъ и общественныхъ уродствъ, чѣмъ даже англійская реставрація, и ничего не было естественнѣе для людей благомыслящихъ — придти на помощь своимъ согражданамъ. Обычные сѣятели нравственности—духовные ораторы—въ громадномъ большинствѣ утратили всякій нравственный авторитетъ, а искреннѣйшіе изъ нихъ жаловались, до какой степени трудно внѣдрять «христіанскія истины» въ современное общество. Это открыто съ академической каѳедры заявлялъ архіепископъ Ланге, восхвалявшій драматурга. Послѣ этого понятна радость, съ какою лучшіе пастыри церкви привѣтствовали драматическаго писателя, просвѣщавшаго умы «нравственными доблестями и чувствами, вдохновленными разумомъ» [61].

Но за философской партіей слѣдуетъ признать двѣ оригинальныхъ черты: во-первыхъ—литературную проповѣдь она сдѣлала достояніемъ *всей* публики, во-вторыхъ — нравственныя идеи она слила съ идеалами политическими, общественными, религіозными. Лашоссе и Детушъ обращались къ *обществу*, т. е. къ привилегированнымъ классамъ и къ высшему слою буржуазіи. Они, поэтому, не могли и не хотѣли касаться общественныхъ и экономическихъ основъ современнаго порядка, оставляли въ покоѣ и краеугольный камень этихъ основъ—католическія вѣрованія. Они не шли дальше.

---

[61] Даламберъ въ *Eloge* цитируетъ рѣчь архіепископа Ланге о пользѣ театральныхъ поученій. По мнѣнію прелата разумъ въ сильной степени облегчаетъ успѣхи нравственности: „Qu'il est difficile en effet de faire de vrais chrétiens de ceux qui n'ont pas encore commencé d'être des hommes raisonnables!“

вопросовъ личной и семейной нравственности и только случайно попадали въ болѣе широкія области. На нравственную проповѣдь драматурги—не философскаго толка — смотрѣли почти съ такой же аристократической точки зрѣнія, какъ большинство англійскихъ философовъ XVIII вѣка—на свои религіозныя и нравственныя идеи. Французскіе энциклопедисты въ нравственной пропагандѣ сдѣлали такой же шагъ впередъ сравнительно съ своими соперниками, какой Вольтеръ сдѣлалъ въ области вообще философскихъ теорій сравнительно съ своими англійскими учителями.

Въ виду исключительнаго общественнаго вниманія къ театру и стремленія философовъ воспользоваться имъ для пропаганды своихъ идей, вопросъ о просвѣтительномъ назначеніи сцены долженъ былъ подвергнуться тщательному обсужденію. Всѣ данныя дѣйствительности наталкивали литературу на это обсужденіе. Достаточно было незначительнаго толчка, чтобы полемика возгорѣлась. Такой толчекъ былъ данъ и притомъ—необыкновенно сильный и въ высшей степени авторитетный.

Въ седьмомъ томѣ Энциклопедіи появилась статья *Женева*. Общій голосъ приписывалъ ее Даламберу и онъ самъ призналъ свое авторство, но главная вина, если не доля въ авторствѣ падала, очевидно, на Вольтера. Въ 1755 году онъ поселился въ замкѣ, недалеко отъ Женевы, устроилъ у себя театръ и привлекъ изъ города немало публики и даже любителей-артистовъ. Интересъ къ спектаклямъ былъ возбужденъ въ высшей степени, оставалось только возникнуть театру въ самой Женевѣ. Статья въ *Энциклопедіи* должна была подѣйствовать на женевскихъ властей [62].

---

[62] Издатели сочиненій Руссо думаютъ, что большая часть статьи была написана „подъ диктовку Вольтера“. (*Oeuvres compl. de Rousseau.* Paris 1827, II, 209). Это врядъ ли справедливо. Немедленно по прочтеніи статьи Вольтеръ писалъ ея автору: „mon cher et courageux philosophe, je viens de lire et de relire votre excellent article *Genève*“. (Письмо отъ 29 дек. 1757. *Lettres.* I, 61). Даламберъ въ своихъ письмахъ вездѣ говоритъ о статьѣ, какъ только о своемъ произведеніи (напр. письмо отъ 11 янв. 1758).

Авторъ сначала разсказываетъ исторію Женевы, хвалитъ городъ, его населеніе, а потомъ выражаетъ сожалѣніе, что въ Женевѣ нѣтъ театра и. доказываетъ, какъ не основателенъ страхъ женевскихъ правителей предъ грядущимъ паденіемъ нравовъ, если въ городѣ водворятся театральныя представленія. Авторъ увѣренъ, что театръ образуетъ вкусъ гражданъ, сообщитъ тонкій тактъ въ житейскихъ отношеніяхъ, воспитаетъ изящество чувства, и все это, по мнѣнію автора, трудно пріобрѣсти инымъ путемъ. Литература быстро усовершенствуется и Женева соединитъ мудрость Лакедомона съ цивилизаціей Аѳинъ. Авторъ касался также предразсудка относительно профессіи актера, — предразсудка, особенно распространеннаго въ республиканской Женевѣ. Авторъ съ горечью указывалъ, какимъ уваженіемъ пользуются въ обществѣ откупщикъ, богатѣющій на счетъ всеобщей нищеты, и современный придворный, пресмыкающійся въ лести и не платящій долговъ. Между тѣмъ какъ актеры необходимы для развитія искусствъ и если ихъ нравственность стоитъ на низкомъ уровнѣ, — это потому, что они

Руссо съ своей стороны вѣрилъ въ авторство Вольтера,—но въ данномъ случаѣ женевскій философъ не можетъ считаться авторитетомъ. Статья, несомнѣнно, стояла въ тѣсной связи съ театральными предпріятіями Вольтера въ Женевѣ и, можетъ быть, Вольтеръ подалъ своему другу—мысль сказать слово въ защиту драматическихъ представленій. Но *диктовать статью* Вольтеру не было никакой нужды. Руссо направилъ свой гнѣвъ главнымъ образомъ противъ Вольтера, потому что фернейскому патріарху дѣйствительно быстро удалось завоевать сердца юной и болѣе просвѣщенной части Женевскаго населенія. Вотъ слова Вольтера, совершенно соотвѣтствующія дѣйствительности: „La ville de Calvin devient la ville des plaisirs et de la talérance... Je corromps toute la jeunesse de la pédante ville de Genève. Je crie les plaisirs; les prédicants enragent, je les écrase. Ainsi soit—il de tous prêtres intolérants et de tous cagots“. Въ сочин. Sayous—*Le dix—huitime siècle à l'étranger* Paris 1861, I, p. 264—приведены, кромѣ того, сообщенія самихъ Женевцевъ въ томъ же духѣ. Ср. Desnoiresterres *Voltaire* V, 183—4; VI, 79, 80—4. Въ книгѣ Sayous'a собраны факты, характеризующіе отношеніе консисторіи къ нравственной дисциплинѣ гражданъ и жестокія гоненія на театръ въ эпоху Вольтера.

лишены уваженія общества и невольно стремятся вознаградить себя за свое отверженное положеніе [63].

Рѣчь о театрѣ въ статьѣ—очень кратка, скромна по тону, и рѣшительно нельзя было ожидать всѣхъ послѣдствій, какія она вызвала. Противникомъ Даламбера выступилъ Руссо и написалъ по его адресу письмо: *J. J. Rousseau, citoyen de Genève, à mr. D'Alembert* — размѣромъ въ цѣлый томъ. Философъ жилъ въ то время въ Монморанси, настроеніе его было крайне мрачное. Онъ, повидимому, готовъ съ одинаковой страстью защищать свою республику и нападать на всѣхъ смертныхъ. По крайней мѣрѣ, въ отвѣтѣ на одно изъ анонимныхъ писемъ, вызванныхъ разсужденіемъ философа, находится такое признаніе: «мое время безполезно для публики, не составляетъ оно большой цѣнности и для меня самого, но я долженъ зарабатывать себѣ насущный хлѣбъ и потому ищу уединенія [64]. При такомъ состояніи духа возраженія далеко оставили за собой тему, затронутую Даламберомъ. Письмо «оказалось настоящимъ трактатомъ противъ французской драмы и комедіи», противъ Расина и особенно Мольера, противъ театра вообще, актеровъ и даже противъ женщинъ. Вольтера эти выходки привели въ ярость. Онъ приглашалъ своихъ читателей простить «бѣдному Жакъ-Жану, такъ какъ онъ пишетъ только затѣмъ, чтобы противорѣчить себѣ» и—на личныя нападки отвѣчалъ жесточайшими обвиненіями—въ безуміи, въ троекратной перемѣнѣ религіи и особенно въ томъ, что самъ же Руссо работалъ раньше для театра, теперь поноситъ его. Обвиненія въ неразрѣшимыхъ противорѣчіяхъ дѣйствительно какъ нельзя болѣе приложимы къ *Письму* [65].

---

[63] Статья перепечатана въ *Oeuvres compl. de Rousseau*. Ib. pp. 385—403: *Du gouvernement de Genève*. Здѣсь же напечатанъ и протестъ женевскихъ пасторовъ противъ части статьи, касавшейся религіозныхъ вопросовъ.

[64] *Réponse à une lettre anonyme. Oeuvres compl. de Rousseau.* Id. II, p. 216. Руссо разсказываетъ объ обстоятельствахъ, при какихъ было написано *Письмо*,—въ *Les Confessions*, II, liv. X.

[65] L'Homme aux quarante écus. *O. compl.* Paris 1826, LIX p. 471—2.

Собственныя признанія Руссо, повидимому, подрываютъ всѣ его нападки. Онъ возстаетъ противъ Расина и здѣсь же утверждаетъ, что этотъ поэтъ «его очаровываетъ», обрушивается на Мольера, какъ на злоумышленника противъ общественной нравственности, но немедленно сознается, что «добровольно онъ не пропускалъ ни одной мольеровской пьесы». Онъ также цѣнитъ и Корнеля, хотя не дѣлаетъ для него исключенія въ своемъ гнѣвѣ противъ трагедіи. А комедію вообще «онъ любитъ до страсти». Въ такомъ же положеніи его нападки на актеровъ и на женщинъ: «у меня всѣ основанія уважать актеровъ», говоритъ онъ, «и дружба единственнаго изъ ихъ среды, кого только я зналъ лично, можетъ сдѣлать честь всякому почтенному человѣку». Относительно расположенія къ женщинамъ нечего и говорить: въ томъ же письмѣ Руссо во всемъ блескѣ своего литературнаго генія изобразилъ любовь и увлеченія... Какъ же послѣ этого относиться къ идеямъ автора и что считать за его настоящія убѣжденія? Остается признать; у Руссо по каждому вопросу два отвѣта: одинъ—конфиденціальный, личный: здѣсь онъ все любитъ и уважаетъ, о чемъ ни заговоритъ; другой — для публики: здѣсь онъ унижаетъ и ненавидитъ все, къ чему чувствуетъ глубокое личное влеченіе. Самъ авторъ, повидимому, желаетъ, чтобы именно такъ смотрѣли на его произведеніе. Въ предисловіи онъ говоритъ, что его вынудилъ писать «долгъ предъ отечествомъ», и въ самомъ *Письмѣ* постоянно напоминаетъ, что «любовь къ общественному благу — единственная страть, заставляющая его говорить публично». Это стремленіе, очевидно, очень сильно. Оно преодолѣваетъ увѣренность автора въ своемъ безсиліи. Руссо сознаетъ, что его перо утратило искусство увлекать публику. «Мимолетное броженіе на одинъ моментъ зажгло во мнѣ нѣсколько искръ таланта. Онъ загорѣлся слишкомъ поздно и рано погасъ. Ставши самимъ собой, я снова впалъ въ ничтожество. У меня было одно мгновеніе, оно прошло, я со стыдомъ переживаю самого себя. Читатель, если ты встрѣтишь это послѣднее произведеніе снисходительно, ты примешь

мою тѣнь. Для самого себя я не существую болѣе». И все-таки авторъ взялся за перо, разсчитывая не на «тщеславную философскую болтовню, а на практическую истину, важную для всякаго народа» и, конечно, прежде всего для согражданъ автора [66]. То же стремленіе къ общему благу, вѣроятно, заставило Руссо забыть и свои личные вкусы и склонности...

Основная точка зрѣнія Руссо на театръ проста и не оригинальна: единственное назначеніе театра — забавлять публику. Ничего другого театръ не въ состояніи дѣлать. При такомъ условіи онъ, очевидно, не можетъ исправлять нравовъ,—напротивъ, долженъ льстить современникамъ въ ихъ вкусахъ и страстяхъ, принужденъ, слѣдовательно, «признавать то чтȏ принято всѣми, и разукрашивать господствующіе нравы и чувства». Руссо доводитъ свое представленіе до крайности, и незамѣтно впадаетъ въ одно изъ поразительныхъ своихъ противорѣчій. Онъ разсказываетъ объ успѣхѣ комедіи Делиля *Arlequin sauvage*. Комедія, какъ увидимъ, дѣйствительно интересна:—почти за тридцать лѣтъ до диссертацій Руссо она превосходно объясняла разницу «естественнаго состоянія» и культурнаго. Пьеса очень понравилась публикѣ. Руссо, повидимому, долженъ бы отнестись къ этому факту вполнѣ благосклонно. Но онъ отрицаетъ всякій серьезный смыслъ у сочувствія публики идеямъ Делиля. Зрители, по мнѣнію Руссо, привѣтствовали пьесу вовсе не потому, что хотѣли усвоить чувства и простоту первобытнаго человѣка, а потому, что она отвѣчала на ихъ страсть—къ новымъ и оригинальнымъ идеямъ. Идеи о природѣ – для нихъ самыя новыя, и поэтому они апплодировали комедіи.

Такія соображенія совершенно уничтожаютъ нападки Руссо на неизмѣнный консервативный характеръ театральныхъ представленій. Если вмѣсто комедіи Делиля мы возьмемъ сочиненія самого Руссо и ихъ успѣхъ въ публикѣ, у насъ не будетъ никакихъ основаній оцѣнить этотъ успѣхъ съ иной

[66] Préface, pp. 8, 10.

точки зрѣнія, чѣмъ дѣлаетъ Руссо, говоря о пьесѣ. Если зрители увлекаются пьесой только потому, что имъ нравятся новыя и оригинальныя идеи, то по какой же другой причинѣ весьма многіе читатели одну книгу предпочитаютъ другой? И развѣ всѣ читатели трактатовъ Руссо стремились превратиться въ естественныхъ людей, отказаться отъ цивилизованнаго состоянія и уйти въ лѣса? На это не разсчитывалъ даже самъ авторъ. Написавъ гимнъ естественному человѣку, онъ счелъ нужнымъ оговориться, что изъ его идей отнюдь не вытекаетъ настоятельная необходимость для всѣхъ удалиться въ лѣса. Люди, у которыхъ, какъ и *у него самого*, страсти навсегда разрушили первобытную простоту, и они не могутъ болѣе питаться травами и желудями и убѣждены, что божественный голосъ призвалъ людей къ просвѣщенію,—эти люди пусть хранятъ священныя узы общества. Руссо, въ интересахъ справедливости, по крайней мѣрѣ, такое же ограниченіе долженъ былъ сдѣлать и относительно театральной публики. Во всякомъ случаѣ, онъ не могъ отрицать, что театръ способенъ сообщать публикѣ «новыя и оригинальныя идеи» и заставить увлекаться ими. А эти идеи, какъ увидимъ, нерѣдко были настолько новы и оригинальны, что диссертаціи и романы философа являлись только повтореніемъ современныхъ драматическихъ произведеній.

Руссо переходитъ къ подробному разбору комическаго и трагическаго жанра, господствующаго на французской сценѣ. Здѣсь, рядомъ съ несправедливыми нападками, отъ которыхъ автору самому пришлось позже отказываться, Руссо высказываетъ нѣсколько вѣрныхъ замѣчаній относительно французской классической комедіи и особенно — трагедіи, считавшихся у многихъ современниковъ идеаломъ искусства. Обвиненіе Мольера—въ желаніи во что бы то ни стало унизить добродѣтель и заставить публику смѣяться на ея счетъ — уничтожаются собственнымъ замѣчаніемъ Руссо: Мольеръ «лично былъ честнымъ человѣкомъ и кисть честнаго человѣка не могла представить въ ненавистномъ свѣтѣ черты

добродѣтели и правды». Замѣчаніе Руссо, будто «комедія ниспровергаетъ священнѣйшія основы общественнаго порядка и поднимаетъ на смѣхъ почтенное право на власть— отцовъ надъ дѣтьми, мужей надъ женами, господъ надъ слугами» — это замѣчаніе не выдерживаетъ критики. Стоитъ припомнить, какихъ властителей Мольеръ поднималъ на смѣхъ и какое «почтенное» право ниспровергалъ у такихъ супруговъ, отцовъ и господъ, какъ Сганарель, Арнольфъ, Жоржъ Дандэнъ, Донъ Жуанъ, Оргонъ,—«смѣшные маркизы» и цѣлый рядъ нравственныхъ уродовъ, заклейменныхъ великимъ сатирикомъ. Особенно странно звучитъ сожалѣніе о господахъ мольеровской комедіи въ устахъ защитника всеобщаго равенства. Отъ удивительной идеи, будто роли слугъ-плутовъ могутъ пріучить исполнителей этихъ ролей — къ мошенничествамъ и обманамъ, — отказался впослѣдствіи самъ авторъ [67]. Съ такой же основательностью Руссо приходитъ въ ужасъ, когда публика апплодируетъ пьесамъ, изображающимъ супружескую невѣрность, ложь и другіе пороки. Всякому другому ясно, что зрители восхищаются не нравственными уродствами, какія изображаются авторомъ, а искусствомъ, талантливостью изображеній. Съ такимъ же правомъ Руссо могъ осудить за тлетворное вліяніе сатиру, эпиграмму и оправдать только произведенія, написанныя въ жанрѣ идилліи и оды.

Критика Руссо, направленная на *Мизантропа* Мольера, до такой степени несправедлива, обличаетъ такую грубость художественнаго и житейскаго чутья автора, что опровергнуть ее не стоило никакого труда.

Можно думать, — комедія Мольера послужила только предлогомъ для Руссо — напасть лишній разъ на ненавист-

[67] Въ новомъ изданіи *Письма* Руссо не только отказался отъ этой идеи, признавая ее „утрированной и смѣшной“, но даже прибавилъ нѣсколько похвальныхъ замѣчаній въ честь актеровъ. Выбросить же нѣсколько фразъ въ текстѣ онъ не рѣшился: „Je laisse le passage, parce que je me suis fait une loi de ne rien ôter; mais je le désavoue hautement comme une très grande injustice“.

ныхъ ему философовъ. Настроеніе Руссо относительно ихъ въ это время было въ высшей степени нетерпимое. Онъ не зналъ, по его словамъ, «зачѣмъ созданы философы и не заботился узнать» [68]. Онъ воспользовался случаемъ—въ лицѣ мольеровскаго героя—воплотить свой идеальный образъ мизантропа, пессимиста, или просто «дикаго человѣка», по выраженію нѣкоторыхъ оппонентовъ Руссо. Филэнтъ рядомъ съ этимъ «естественнымъ мизантропомъ» получилъ наименованіе «философа» — *le philosophe Philinte* и по поводу его авторъ повторилъ ту же самую характеристику, какую раньше написалъ въ диссертаціи *О происхожденіи неравенства*, снова укорилъ философовъ въ эгоизмѣ, безсердечіи и равнодушіи къ общему благу. Въ другомъ мѣстѣ *Письма* авторъ нападаетъ на философовъ за то, что они, «огрубѣвъ въ своемъ тщеславномъ знаніи, затворили свой умъ для голоса разума и свое сердце для голоса природы» [69].

Но рядомъ съ этими партійными выходками Руссо—и въ *Письмѣ къ Даламберу*,какъ и въ другихъ своихъ произведеніяхъ, обнаружилъ изумительную проницательность въ критикѣ многихъ сторонъ современной дѣйствительности. Замѣчаніе, что классическая комедія занималась почти исключительно *смѣшными* качествами людей, а не ихъ пороками—неопровержимо. Герой XVII вѣка—свѣтскій человѣкъ и предметомъ комедіи являлся всякій, кто не удовлетворялъ правиламъ свѣтскаго тона и обычая. Онъ былъ—смѣшенъ, глупъ, забавенъ, стоялъ однимъ словомъ, по выраженію Руссо, въ глазахъ общества ниже человѣческаго уровня. Главной цѣлью комедіи было заставить «смѣяться почтенныхъ господъ»; т. е. дворъ и городъ,— но преимущественно дворъ. Мольеръ, видѣвшій

---

[68] „Je ne sais pourquoi sont faits les philosophes, ni même soucie de le savoir“. Такъ отвѣчалъ Руссо одному изъ своихъ корреспондентовъ,—и протестовалъ даже, когда тотъ выражался: „Un citoyen aussi éclairé que M. Rousseau“. „Je ne suis point“, писалъ Руссо, „un citoyen éclairé, mais seulement un citoyen zèlè“. *Ib.* pp. 212, 214.

[69] *Ib.* p. 123—4.

въ высшемъ обществѣ неисчерпаемый источникъ мотивовъ для своей сатиры и умѣвшій цѣнить сочувствіе демократическаго партера, счелъ нужнымъ признать высокій эстетическій вкусъ у придворныхъ и предложилъ драматическимъ авторамъ такое поученіе: «сужденіе двора—пробный камень для вашихъ комедій. Чтобы имѣть успѣхъ, надо изучить вкусъ двора, потому что нигдѣ приговоры не отличаются такой вѣрностью, какъ при дворѣ». Тому же Мольеру принадлежитъ выше приведенная характеристика комедіи, опредѣленіе трудностей жанра: *c'est une étrange entreprise que celle de faire rire les honnêtes gens* [70]. Мольеръ дѣйствительно старался въ своихъ пьесахъ удѣлить главное мѣсто смѣшному и забавному. — Совершалось это иногда совершенно не кстати: напримѣръ въ комедіи *Донъ-Жуанъ* въ бесѣдѣ героя съ слугой о первой причинѣ всего существующаго, и восклицаніе Сганареля въ концѣ комедіи «Mes gages, mes gages!».. [71]. Но у Мольера была своя публика и все равно какъ для представленій *Мизантропа*, онъ долженъ былъ написать *Врача по неволѣ*, такъ и серьезнѣйшія сцены ему приходилось уснащать шутками для забавы современныхъ

[70] Въ *L'impromptu de Versailles* — Мольеръ перечисляетъ длинный рядъ еще не затронутыхъ имъ, комическихъ типовъ придворныхъ. Sc. III. О bon goût двора—*Les femmes savantes*, IV, 3 и *La critique de l'école des femmes*, Sc. VII. Слѣдуетъ отмѣтить, что въ обоихъ случаяхъ герои—Клитандръ и Дорантъ—защищаютъ придворныхъ въ бесѣдѣ съ педантами и заключаютъ свою защиту выходками противъ педантической учености: *l'esprit du monde* ставится неизмѣримо выше, чѣмъ *tout le savoir obscur de la pédanterie* или *tout le savoir enrouillé des pédants*. Мольеръ, конечно, былъ правъ, подвергая смѣху Триссотэновъ и Лисидасовъ, но сопоставленіе будто бы блестящаго эстетическаго развитія аристократовъ съ жалкой ученостью литераторовъ—несправедливо унижало и безъ того крайне незавидное положеніе работниковъ мысли и слова въ классическую эпоху. Энциклопедисты, какъ увидимъ, не замедлили отмѣтить этотъ фактъ.

[71] *Don Juan*, III, 2: Сганарель стремится вызвать у Донъ Жуана религіозныя соображенія совершенно шутовскими пріемами и въ заключеніе—нечаянно падаетъ: Донъ Жуану ничего не остается, какъ разрѣшить весь вопросъ остроумнымъ замѣчаніемъ: „Bon! voilà ton raisonnement qui a le nez cassé!“

«почтенныхъ людей». Между тѣмъ въ обществѣ, помимо смѣшного было много явленій совершенно другаго порядка. Мольеру это было, конечно, извѣстно: онъ ихъ коснулся съ одной стороны въ лицѣ Тартюфа, олицетворявшаго отвратительнѣйшій изъ современныхъ пороковъ, съ другой — въ лицѣ Ариста, первообраза будущаго *Père de famille*, отчасти въ нѣкоторыхъ другихъ типахъ. Но это—исключенія, если бы ихъ насчитать еще больше, они только ярче освѣтили бы основныя черты классической комедіи.

Можетъ быть, все, что изгонялось комедіей, могло найти мѣсто въ другомъ жанрѣ?—Могло при единственномъ условіи — если пороки и добродѣтели были героическаго происхожденія и не имѣли никакой связи съ обществомъ ниже королей и полководцевъ. Новый изслѣдователь говоритъ: «герои или глупцы—ничего средняго»—вотъ трагедія и комедія XVII вѣка [72]. То же самое высказано у Руссо, и упреки его по адресу трагедіи были приняты его современниками, вѣровавшими въ новое будущее французской литературы, повторялись они много разъ и позже. Руссо жаловался, что онъ не видитъ на классической французской сценѣ обыкновенныхъ людей; въ комедіи они *ниже*, въ трагедіи они неизмѣримо *выше*. Здѣсь предъ зрителями какія-то существа другого міра, герои, полубоги, тираны, узурпаторы, неслыханные злодѣи, отцеубійцы, кровосмѣсители... Руссо приходитъ въ ужасъ, перечисляя злодѣянія, какія проходятъ на сценѣ во французскихъ трагедіяхъ. Если греки изображали извергов,—это были ихъ національныя воспоминанія, Французы, не имѣя никакого отношенія къ этимъ преданіямъ, загромождаютъ свою сцену зрѣлищами, которыя, по мнѣнію Руссо, варварствомъ превосходятъ гладіаторскія сраженія. Но и въ лучшемъ случаѣ, когда въ пьесѣ дѣло идетъ не о тиранствахъ и убійствахъ, когда здѣсь трактуются добродѣтели,—какую пользу, спрашиваетъ Руссо, можетъ принести простымъ зрителямъ изображеніе жизни и приключеній ко-

---

[72] Lanson. *Op. cit*, p. 82.

ролей и героевъ? Что можетъ быть поучительнаго для будничной дѣйствительности въ зрѣлищѣ исключительныхъ и недоступныхъ простымъ смертнымъ событій и подвиговъ? Очевидно, при такихъ условіяхъ театръ и дѣйствительная жизнь будутъ раздѣлены непроходимой пропастью. Руссо съ особенной настойчивостью указывалъ на нее, и здѣсь его указанія неопровержимы.

Какъ же помочь театру? Руссо могъ и не задавать себѣ этого вопроса: онъ самое учрежденіе считалъ безусловно вреднымъ. Но онъ косвенно все-таки давалъ отвѣтъ на вопросъ и лучшаго отвѣта не могли представить искреннѣйшіе защитники просвѣтительнаго назначенія сцены. «Не слѣдуетъ ли желать», писалъ Руссо — «чтобы наши выспренніе авторы удостоили немного понизить ихъ непрерывный паѳосъ и согласились иногда возбуждать у насъ чувство нѣжности къ простымъ страдальцамъ? Иначе можно опасаться, что мы, вѣчно сострадая только къ эгоистамъ — героямъ, навсегда и ко всѣмъ утратимъ состраданіе» [73]. Руссо требовалъ, чтобы вмѣсто героическихъ доблестей и свѣтскихъ талантовъ вниманіе авторовъ привлекла *кроткая и скромная добродѣтель—douce et modeste vertu*. Руссо произносилъ слово, популярнѣйшее у писателей, преобразовавшихъ драматическую литературу. Руссо, повидимому нисколько не сочувствуя ея развитію и безповоротно усомнившись въ ея почетномъ будущемъ, будто невольно высказалъ основную идею новаго литературнаго жанра, указалъ его героевъ,—все, что раньше и позже — наставленіями и примѣрами—пропагандировали философы-просвѣтители. Въ тотъ моментъ, когда Руссо писалъ эти слова, онъ могъ уже видѣть осуществленіе ихъ въ дѣйствительности. Требованіе его *attendrir pour la simple humanité souffrante*—уже выполнялось. Ровно за годъ до *Письма къ Даламберу* появилось драматическое произведеніе, написанное не только во славу *vertu*, но буквально переполненное, почти въ каждой сценѣ,

---

[73] *Lettre à M. D'Alembert, Ib.* p. 46.

этимъ выраженіемъ. *Le Fils Naturel* Дидро вышелъ въ февралѣ 1757 года, а *Письмо* возникло весной слѣдующаго года. Пьеса принадлежала тому самому автору, о которомъ Руссо въ *Письмѣ*, отзывался какъ объ *Аристархѣ*, наставникѣ и руководителѣ. Онъ жалѣлъ, что разстался съ нимъ и не могъ подвергнуть его суду свое новое произведеніе. Руссо удовлетворилъ бы голосу справедливости, если бы не вычеркнулъ изъ своей памяти идей новаго труда своего учителя и не упрекнулъ «новыхъ авторовъ» за то, что они «слишкомъ много поучаютъ» и до такой степени скучны, что лучше слушать проповѣди. Руссо не могъ не знать, что Дидро шелъ во главѣ этихъ авторовъ, и что новыя пьесы имѣли нерѣдко громадный успѣхъ: нѣкоторыя изъ нихъ даже называетъ авторъ *Письма* и въ томъ числѣ *Le Fils Naturel*, не желая отдать отчета — въ смыслѣ и цѣляхъ этой драмы. Авторы такихъ пьесъ, очевидно, были «философы» и, слѣдовательно что бы они ни предпринимали, все наносило ущербъ общественному благу. Таково было убѣжденіе женевскаго гражданина [74].

Руссо высказалъ еще одно замѣчаніе и на этотъ разъ долженъ былъ встрѣтить сочувствіе всей философской партіи. Онъ возсталъ противъ исключительнаго преобладанія любовной страсти на французской сценѣ. Онъ находилъ здѣсь одну изъ причинъ низкаго нравственнаго и художественнаго уровня классическихъ пьесъ. Романическія исторіи замѣняли психологію, характеры и, по мнѣнію Руссо, производили пагубное вліяніе на юную публику. Любовь на классической сценѣ дѣйствительно отодвигала на задній планъ всѣ человѣческія стремленія и вопросы. Господство ея возмущало новыхъ писателей. Вольтеръ жаловался на этотъ

---

[74] *Ib.* p. 71. *Cénie*, драма г-жи Граффиньи, *Nanine*, комедія Вольтера (pp. 33, 75). Руссо видѣлъ тлетворное вліяніе на молодежь въ драмахъ *Le Fils Naturel* и *Cénie*. Въ этихъ пьесахъ изображались идеальные женскіе характеры и юноши, увлекшись ими, могли вообразить, что и въ дѣйствительности они встрѣтятъ такихъ же подругъ. А такое заблужденіе, по мнѣнію Руссо, могло принести пользу только безчестнымъ женщинамъ.

недугъ и стремился удалить его въ своихъ произведеніяхъ [75]. Но борьба оказалась очень не легка, и Вольтеръ долженъ былъ уступать укоренившемуся вкусу. Въ кружкѣ Дидро съ горячей ненавистью относились къ той же язвѣ, «заражавшей» французскій театръ [76]. И несомнѣнно,— сколько удавалось новымъ драматургамъ отвоевать мѣста у этой *безсмысленной любви*, столько приходилось на долю просвѣтительныхъ идей и насущныхъ вопросовъ дѣйствительности.

Нападки Руссо на актеровъ и на драматическую литературу завершаются весьма оригинальными замѣчаніями. Сначала авторъ доказалъ, что актеры не только стоятъ на самомъ низкомъ уровнѣ нравственности, но что даже поднять этотъ уровень невозможно. Таково развращающее вліяніе самаго ремесла. Немного спустя оказывается, — «слѣдуетъ презирать только плохихъ актеровъ», а великіе въ самихъ себѣ носятъ свое оправданіе [77]. Оно заключается въ томъ, что нельзя противостать влеченію природнаго таланта. Такой оборотъ мыслей для насъ не новость. Еще въ первой диссертаціи авторъ, развѣнчивая науки и уничтожая ученыхъ, разрѣшалъ научныя занятія избраннымъ, въ родѣ

[75] Въ *Dissertation sur la tragédie ancienne et moderne.*—Вольтеръ изъ 400 трагедій, шедшихъ на парижской сценѣ съ эпохи разцвѣта драматическаго искусства во Франціи насчитываетъ только 10 или 12—безъ любовной интриги. *Théâtre de Voltaire.* Paris 1801, V, 247—8. Ср. *Lettre à M. Maffei. Id.* IV, 190. О презрѣніи Вольтера къ галантнымъ интригамъ также *Préface* къ *Catilina*: здѣсь говорится о недовольствѣ всей „ученой Европы“ на Францію за ея трагедію VII, 6.

[76] Grimm. *Corresp. litt.* V, 385: „Le théâtre français était infecté de cet amour insipide... C'est un reproche à faire aux mânes du grand Racine de nous avoir affablés de cette passion puérile et subalterne“. Вольтеръ пытается оправдать Расина за то, что онъ—уничтожилъ въ пьесахъ легкіе эпизоды галантнаго содержанія и старался трагедіи всецѣло основывать на роковой силѣ страсти. Такая любовь, по мнѣнію Вольтера, еще мыслима въ трагедіи, но совершенная безсмыслица—intrigues galantes, не заключающія въ себѣ истинной страсти *Lettre à M. Maffei.*

[77] „Les grands acteurs portent avec eux leur excuse; ce sont les mauvais qu'il faut mépriser: *Lettre.* p. 140.

Бэкона, Ньютона, Декарта. Спустя восемь лѣтъ Руссо остается при своёмъ аристократическомъ взглядѣ на профессію. Въ томъ же духѣ дѣлается исключеніе и въ вопросѣ о театрѣ: Руссо согласенъ на устройство театральныхъ представленій въ Женевѣ, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы Вольтеръ снабжалъ репертуаръ пьесами по образцу своихъ трагедій *Смерть Цезаря* и *Брутъ* [78].

Среди доказательствъ, что Женевѣ театръ не нуженъ, Руссо высказываетъ нѣсколько совершенно неожиданныхъ мыслей, доставившихъ истинное наслажденіе остроумію его оппонентовъ. Въ Женевѣ, разсказываетъ авторъ, существуютъ *кружки*, общества женщинъ и мужчинъ. Эти кружки очень симпатичны. Правда, гражданки Женевы пристально слѣдятъ за чужими дѣлами и подвергаютъ ихъ вѣчнымъ пересудамъ. Но, восклицаетъ Руссо: «сколько общественныхъ скандаловъ предотвращено страхомъ предъ этими наблюдательницами!» На это автору замѣчали: если женскія сплетни оказываютъ такое благодѣтельное вліяніе на нравы Женевы, тѣмъ болѣе этого результата можетъ достигать общественная сцена. Далѣе,—кружки женевскихъ гражданъ отличаются другимъ свойствомъ: тамъ много пьютъ и часто напиваются до-пьяна. Руссо посвящаетъ цѣлыя страницы защитѣ вина и опьяненія. Доказательства, между прочимъ, такія: «Въ Швейцаріи пьянство почти въ почетѣ, въ Неаполѣ оно внушаетъ отвращеніе. Но въ сущности, чего слѣдуетъ больше бояться—неумѣренности швейцарца или воздержности итальянца?»... Только одинъ Платонъ могъ здѣсь привѣтствовать Руссо: въ *Законахъ* этого философа предлагается старцамъ напиваться до-пьяна, пѣть и плясать и такимъ путемъ поучать юношество всякаго рода законамъ, догматамъ и преданіямъ [79].

---

[78] Эти трагедіи Руссо считалъ республиканскими. Другія пьесы, по его мнѣнію, могли только *гражданъ* превратить въ *beaux esprits* и тѣмъ погубить Женевскую республику.

[79] Νόμοι, lib. II.

Въ заключеніе Руссо рекомендуетъ своимъ согражданамъ заняться устройствомъ публичныхъ баловъ съ танцами, но здѣсь же прибавляетъ, что танцы наводятъ на него скуку [80].

Письмо Руссо произвело безпримѣрное впечатлѣніе даже для XVIII вѣка, столь обильнаго литературнымъ шумомъ. Со всѣхъ сторонъ посыпались статьи, брошюры, цѣлыя изслѣдованія въ отвѣтъ женевскому гражданину. Годъ спустя современникъ насчитываетъ этихъ отвѣтовъ отъ 300 до 400 [81]. Прежде всего отвѣтъ послѣдовалъ со стороны, болѣе всего заинтересованной въ *Письмѣ*,—отъ Даламбера. Его *Lettre à mr. J. J. Rousseau* написано въ самомъ примирительномъ тонѣ, лишь изрѣдка мелькаетъ добродушная иронія, когда автору приходится говорить о странныхъ противорѣчіяхъ своего противника [82].

Даламберъ повторяетъ основное положеніе просвѣтителей XVIII вѣка: писатель работаетъ для толпы (multitude), какъ бы ее ни презирали. Прекрасное, великое и истинное пріобрѣтаетъ всеобщее признаніе, а если этого нѣтъ—вина не въ публичномъ приговорѣ, а въ самомъ предметѣ. Публика почитаетъ тѣхъ, кто ее просвѣщаетъ, ободряетъ тѣхъ, кто доставляетъ ей удовольствіе, рукоплещетъ тѣмъ, кто просвѣщаетъ ее путемъ удовольствія. И театральныя пьесы соединяютъ всѣ эти выгоды. Это—мораль, представленная въ дѣйствіи, правила, выраженныя примѣрами. На сценѣ мы воочію видимъ то, что мораль доказываетъ намъ отвлеченно и какъ бы издали. Театръ является могущественнымъ союзникомъ разума въ борьбѣ со страстями. Нравственныя истины могутъ не тронуть закоренѣлыхъ злодѣевъ, но они проникнутъ въ сердца другихъ людей и, если не спасутъ погибшихъ, зато помѣшаютъ другимъ погибнуть.

Если здѣсь результаты мало замѣтны, ихъ еще меньше отъ отвлеченныхъ поученій. Даламберъ предлагаетъ Руссо

---

[80] *Lettre*, pp. 196, 200.

[81] Grimm. IV, 150.

[82] Перепечатано въ *Oeuv. compl. de I. I. Rousseau*, II, 217.

справиться у извѣстнѣйшихъ проповѣдниковъ, сколько они совершаютъ обращеній ежегодно? Они отвѣтятъ: если удается одно или два въ цѣлое столѣтіе,—это столѣтіе слѣдуетъ признать счастливымъ. Даламберъ защищаетъ философскія пьесы, которыя Руссо признаётъ безполезными въ дѣлѣ просвѣщенія. Авторъ увѣренъ; если бы *Магометъ* Вольтера, продиктованный философскимъ духомъ—*l'esprit philo sophique*—появился на сценѣ двумя вѣками раньше, онъ, можетъ быть, спасъ бы французскую націю отъ религіозныхъ ужасовъ и жестокостей. Авторъ обращаетъ вниманіе на одно свойство новыхъ трагедій, созданныхъ Вольтеромъ: они заставляютъ проливать слезы, возбуждаютъ чувствительность и укрощаютъ страсти. Онъ поэтому съ особенной настойчивостью защищаетъ новый родъ драмы. Она вводитъ на сцену простыхъ героевъ, *нашихъ согражданъ*. Руссо осуждалъ трагедію именно потому, что она отвергала такихъ героевъ. Почему же онъ не хочетъ признать заслугъ драмы и предпочитаетъ ей проповѣди? А между тѣмъ ничто не въ состояніи возбудить въ нашемъ сердцѣ такого глубокаго чувства, какъ сцены пьесъ, въ родѣ *L'Enfant prodigue*. Наконецъ, Даламберъ съ горечью укоряетъ философію Руссо въ безпощадности, безмѣрной суровости и непослѣдовательности: поработавъ для сцены, теперь онъ стремится уничтожить ее. Вольтеръ—мы видѣли—далеко не съ такой терпимостью указываетъ также на это едва ли не самое рѣзкое противорѣчіе женевскаго гражданина собственнымъ идеямъ [83].

Въ *Письмѣ* Даламбера заключаются исконныя идеи философіи XVIII вѣка о просвѣщеніи, объ его путяхъ и средствахъ, объ его будущемъ. Здѣсь сказалась прежде всего вѣра философовъ въ воспріимчивость человѣческой природы ко всему прекрасному и нравственному, оптимистическое убѣжденіе въ широкомъ развитіи этой воспріимчивости среди людей, твердая увѣренность, что искусство должно служить

---

[83] Даламберъ съ большой похвалой отзывается о *Devin du village*—Руссо. *Ib.* p. 259.

нравственнымъ цѣлямъ и вести людей къ совершенству возможно легкими и прямыми путями. Кромѣ того,— у Даламбера—въ основныхъ чертахъ—выяснилась философская теорія новаго жанра драматической литературы, который долженъ былъ смѣнить классицизмъ и намѣчены двѣ силы грядущаго искусства: чувство и простой герой, будничная жизнь и «движенія растроганнаго сердца», захватывающія всѣ области человѣческихъ отношеній. Мы видимъ, какъ главнѣйшіе вопросы рѣшались *неотразимымъ дыханіемъ* самого вѣка,—къ какой бы партіи ни принадлежалъ писатель. Руссо на пути къ совершенному отрицанію драматической литературы будто инстиктивно выразилъ тоску по «кроткой и скромной добродѣтели», по «простомъ страдающемъ человѣчествѣ». Стоило додуматься до этихъ понятій, чтобы зданіе, разрушаемое женевскимъ гражданиномъ, возникло въ новой красотѣ, съ прочными задатками блестящаго развитія.

Въ полемикѣ приняли участіе люди самаго разнообразнаго общественнаго положенія и образованія. Письмо Руссо встрѣтило горячее сочувствіе не только со стороны естественныхъ враговъ драматической литературы — духовенства. Противъ театра издали по брошюрѣ парламентскій адвокатъ, офицеръ. Адвокатъ ссылался на нѣсколькихъ поэтовъ, какъ на убѣжденныхъ противниковъ театра и даже на актера Риккобони, оставившаго сцену въ виду ея полной безполезности. Послѣдняя ссылка неосновательна. Автору, очевидно, осталась неизвѣстной брошюра Риккобони, вышедшая за нѣсколько лѣтъ до его сочиненія. Брошюра посвящена русской императрицѣ Елизаветѣ. Авторъ выражалъ сожалѣніе, что Петръ I не заботился о театрѣ: его дочери предстоитъ исправить ошибку. Риккобони, дѣйствительно сознается, что онъ оставилъ сцену, но потому, что она въ его время—около 1728 года—не удовлетворяла всѣмъ требованіямъ нравственности и просвѣщенія. Съ тѣхъ поръ авторъ занятъ идеей о преобразованіи театра: такъ называется и его книга *De la réformation du théâtre*. Риккобони особенно настаиваетъ на изгнаніи со сцены любви. Послѣ такой реформы онъ ждетъ

отъ драматической литературы большой помощи въ дѣлѣ воспитанія дѣтей [84].

Вообще *Lettres de M. Desp. de B. avocat en parlement sur les spectacles* [85]—весьма любопытны: они краснорѣчиво свидѣтельствуютъ о беззастѣнчивости и наивности многихъ противниковъ философскихъ стремленій. Авторъ не только не справился добросовѣстно съ своими источниками, но, оказывается, даже не имѣлъ понятія о томъ, на что̀ на нападалъ. Онъ ни ра́зу не былъ въ театрѣ, потому что слышалъ отъ другихъ, «будто въ этомъ потокѣ есть такое мѣсто, гдѣ рискуешь утонуть». Въ виду этого онъ сталъ разспрашивать посѣтителей театровъ и съ ихъ словъ убѣдился въ развращающемъ вліяніи драматической литературы [86].

Нападки офицера являются въ формѣ торжественнаго обращенія ко «всѣмъ французамъ» съ *postscriptum* ко «всѣмъ націямъ». Офицеръ въ качествѣ христіанина и гражданина «доноситъ» въ «трибуналъ справедливости» о посягательствахъ на религію и государство. Оказывается,— онъ уже доносилъ два раза—на книгу Монтескье *De l'esprit des lois* и на *Энциклопедію*. Теперь доноситъ на стремленія философовъ завладѣть сценой. Авторъ понимаетъ все значеніе этого факта, оставляющаго далеко позади книжную пропаганду

---

[84] *De la ref. du théatre*, 1743 (безъ назв. мѣста изданія), p. 49, 97, 102—3.

[85] Брошюра носитъ эпиграфъ: „Frigidus, o pueri fugite hinc, latet anguis in herba. Первое изд. вышло въ 1756 г. 2-е два года спустя. Мы пользовались третьимъ—вышедшимъ въ 1769 г., въ Парижѣ. Въ подтвержденіе своихъ мнѣній авторъ ссылается на статью драматурга Boissy (*Mercure*, мартъ 1756 г. р. 106), на *Discours sur la tragédie*—Ламотта. Во второмъ письмѣ приводятся мнѣнія древнихъ писателей, имѣвшихъ въ виду распущенные нравы театровъ въ эпоху упадка античнаго міра. Едва ли не самая интересная ссылка на совершенно забытаго поэта—Arcere'а, получившаго въ 1748 году премію отъ тулузской академіи за поэму, направленную противъ театра и драматической литературы. Самыя сильныя строки поэмы:

Philosophe equivoque, un auteur vient m'instuire,
Par de fausses leçons propres à me séduire.

[86] „On me dit qu'il ya dans cette rivière un tel endroit, où l'on court risque de se noyer“. p. 20—2.

опасныхъ идей. «Какъ!» обращается онъ къ французамъ, «вы видите, у насъ изъ рукъ вырываютъ книги, преподающія намъ *тайкомъ* уроки безбожія и свободы, и вы допустите, чтобы намъ позволили спектакли *публично* преподающіе тѣ же уроки безбожія и свободы? Quirites, hoc puto non justum est». Авторъ готовъ помириться съ старымъ классическимъ театромъ, его даже возмущаетъ равнодушіе современной публики къ монологамъ Расина и пристрастіе къ выходкамъ философовъ. Авторъ цитируетъ эти выходки: Вольтеръ пробуждаетъ у зрителей чувство свободы и губитъ въ ихъ сердцахъ вѣрноподанническую любовь къ «государю, къ отцу, которому мы дали титулъ *Возлюбленнаго*». То же самое происходитъ съ религіей и церковью: философы одновременно стремятся поразить въ самое сердце и государство и религію. Авторъ ссылается на какого то *Бретанскаго отшельника* (Solitaire de Bretagne), приславшаго въ *Mercure* очень краснорѣчивое письмо противъ философскихъ трагедій. Но больше всего утѣшеній автору доставило *Письмо* Руссо. Онъ въ восторгѣ: женевскій гражданинъ отказался съ такой энергіей отъ собственныхъ созданій—намекъ на его театральныя работы. И все-таки авторъ считаетъ нужнымъ укорить Руссо, — зачѣмъ онъ не сообщилъ этимъ созданіямъ требуемаго духа. Такъ трудно было удовлетворить религіознаго патріота! [87].

[87] *Lettre de u'un ancien officier de la reine à tous les français sur les spectacles.* „Quirites hoc, puto, non justum est". Avec un postscriptum a toutes les nations. „Hic poscis est omnium". 1759. Авторъ называетъ любопытные мотивы возмущавшіе его въ пьесахъ, не извѣстныхъ намъ. Оказывается, уже въ эту эпоху со сцены смѣялись надъ доказательствами бытія Божія, говорили о необходимости работать по воскресеньямъ, ограничить число праздниковъ, такъ какъ они наносятъ ущербъ торговлѣ и заработку рабочихъ. p. 10—11. Энергичнѣйшія выходки въ брошюрѣ противъ театра и философовъ, доказывающія силу цензурныхъ гоненій и практическое значеніе пути, открытаго Вольтеромъ: „Quoi! Vous voyez qu'on nous arrache d'entre les mains des livres qui donnent *sourdement* des leçons d'irréligion et d'indépendance et vous prétendez qu'on nous laissera des spectacles qui nous donnent *publiquement* des leçons d'irréligion d'indépen-

Всѣхъ этихъ враговъ философіи и театра превзошелъ нѣкій аббатъ, написавшій настоящее изслѣдованіе о вредѣ драматической литературы. Книга называется *Le pour et contre les spectacles*, но на самомъ дѣлѣ цѣликомъ направлена *противъ* спектаклей. Аббатъ съ богословской тонкостью относитъ посѣщеніе театра къ «случаямъ, смежнымъ съ грѣхами», т. е. къ случаямъ, располагающимъ ко грѣху, угрожающимъ нравственной опасностью. Съ необыкновеннымъ терпѣніемъ аббатъ собралъ всѣ доводы противъ театра, когда-либо и кѣмъ-либо высказанные. Рядомъ съ проповѣдями и богословскими сочиненіями цитируются статуты парижскаго университета, постановленія парижскаго парламента, выдержки изъ *Письма* Руссо. Авторъ не забываетъ даже негодованія Вольтера на любовную страсть, царствующую въ трагедіяхъ. Книга заканчивается грозными словами Боссюэ: «кто бы вы ни были—защитники театра, вамъ не избѣжать суда Божья. Перестаньте, перестаньте поддерживать этотъ родъ забавы, гдѣ добродѣтель и состраданіе являются постоянно въ смѣшномъ видѣ, а развратъ всегда извиняется».

Этотъ авторъ, какъ и многіе другіе, нашелъ доводъ, повидимому, особенно убѣдительный въ его глазахъ. Если съ полнымъ торжествомъ можно было ссылаться на Руссо, конечно, кстати было вспомнить Грессе, члена академіи и автора нѣсколькихъ комедій, издавшаго *Lettre sur la comédie*, гдѣ просилъ прощенія у Бога и у публики за свою драматическую дѣятельность. Грессе обѣщалъ даже передѣлать свои пьесы и издать въ другой формѣ [88].

---

dance?"—„Plus que jamais ils déchirent la sein de l'Eglise, sans doute pour se venger d'elle de ce qu'élle les a retranché du mombre de ses enfants, et *comme si l'Etat était coupaple à leurs yeux parce qu'il est chrétien ou qu'il les souffre, ils conjurent la perte de l'une et de l'autre, et cherchent à les frapper par le fondement*". pp. 5, 20. курсивъ подлинника. Статья подписанная Solitaire de Brétagne, напечатана въ *Mercure*, avr. 1758 г.

[88] „Occasion prochaine de péché, tout ce qui expose un danger moral on probable de pecher". p. 37. О сочиненіи Грессе въ *Corresp. litt* (Grimm) IV, 124.

Защитники театра были несравненно многочисленнѣе и также принадлежали къ разнымъ слоямъ общества. Изъ партіи новыхъ писателей выступилъ Мармонтель съ очень обширной *Apologie du théâtre.* Его разсужденія послѣ письма Даламбера, не представляютъ ничего новаго и изложены съ гораздо меньшимъ талантомъ и не въ такой серьезной формѣ. Интересны развѣ указанія на общественное и нравственное значеніе *Тартюфа.* Авторъ предлагаетъ вспомнить, что произошло по поводу появленія этой мольеровской комедіи,— вспомнить особенно негодованіе ханжей. Очевидно, комедія была далеко небезполезна для зрителей и небезразлична для тѣхъ на кого была направлена [89].

Заслуживаетъ вниманія въ извѣстномъ отношеніи брошюра маркиза Хименеса: *Lettre à mr. Rousseau sur l'effet des théâtres ou les moyens de purger les passions employées par les poétes dramatiques.* Авторъ приводитъ длинный рядъ примѣровъ, доказывающихъ благодѣтельное вліяніе драматическихъ произведеній. Онъ пользуется одинаково философскими и чисто классическими пьесами. Вольтеръ является во главѣ великихъ наставниковъ. Его *Britannicus*—лучшее поученіе для государей. Послѣ этой трагедіи «они знаютъ, что ихъ преступнѣйшія дѣйствія всегда встрѣтятъ льстецовъ и чтобы быть добродѣтельнымъ, нужно совѣтоваться съ своей совѣстью, а не съ подлыми рабами. Они убѣдились, что злодѣйства никогда не остаются безнаказанными, что преступленіе приноситъ ненадежное удовольствіе и за нимъ всегда слѣдуютъ неизбѣжныя муки... Они не могутъ не признать: кто все можетъ — не долженъ все смѣть... Это безсмертный памятникъ, воздвигнутый руками самой добродѣтели, чтобы приковать изумленные взоры всѣхъ королей». Авторъ обращается къ драмамъ новаго направленія, называетъ пьесу Лашоссе *Le préjugé à la mode* и—спрашиваетъ у читателей,—развѣ они не были поражены слезами публики на представленіяхъ этой комедіи и развѣ эти слезы не

[89] *Apologie. O. compl. de R. Th.* p. 303.

свидѣтельствовали о нравственныхъ принципахъ зрителей и самого автора? Маркизъ увѣренъ, что *Модный предразсудокъ* исправилъ людей: если еще и есть мужья невѣрные и распутные,—безъ сомнѣнія нѣтъ такихъ, которые стыдились бы любить своихъ женъ и сознаваться въ своей любви. Въ комедіи Детуша *Dissipateur* также преподается «высоконравственный урокъ»: изображается слуга, отдающій свое маленькое достояніе господину, промотавшему громадное богатство. Авторъ ссылается на свои впечатлѣнія. «Признаюсь, внимая драматическимъ произведеніямъ, я чувствую себя болѣе расположеннымъ управлять своими страстями, чѣмъ послѣ знакомства со всѣми правилами морали—древними и новыми». Въ заключеніе маркизъ упрекаетъ Руссо, указываетъ ему, что для писателя, краснорѣчиваго и философа, было бы гораздо достойнѣе возбуждать геній молодыхъ поэтовъ, а не унижать столь благородное искусство [90].

Не проходило года, чтобы не появлялась новая брошюра по тому же вопросу. Мы не станемъ останавливаться на этой безконечной литературѣ, болѣе или менѣе повторявшей сказанное раньше. Упомянемъ только брошюру *Considerations sur l'art du théâtre*, представившую серьозную защиту новой драмы. Намъ придется упоминать о ней въ другомъ мѣстѣ. Брошюра заканчивается обращеніемъ къ правительству: правительство должно поощрять драматическое искусство, какъ средство улучшить нравы гражданъ и научить частныхъ лицъ заботиться объ общемъ благѣ. Въ виду этого предлагается сдѣлать театръ общедоступнымъ; тогда французы станутъ собираться, «подъ сѣнью удовольствія, въ истинную школу разума» [91].

---

[90] *Lettre a mr. Rousseau.* 1758, безъ назв. города и имени автора. Ximenes—*Bibl. Nation.* О немъ и его дружескихъ отношеніяхъ съ Вольтеромъ.—*Desnoiresterres* V, 103. „J'avoue qu'en consultant pièces dramatiques je me suis senti plus disposé à régler mes passions qu'après avoir lu toutes les Moralités anciennes et modernes“, p. 16.

[91] Брошюра вышла въ Женевѣ въ 1759 году, безъ имени автора. Villaret—*Bibl. Nation.* Авторъ беретъ тѣ же примѣры, что и Руссо, но дѣлаетъ

Авторы брошюръ не ограничивались защитой театра: многie изъ нихъ жестоко нападали на Руссо, какъ на писателя и даже какъ на личность. Къ числу первыхъ произведенiй относится разсужденiе, вышедшее въ Амстердамѣ въ 1760 году—*Critique d'un livre contre les spectacles intitulé. J. J. Rousseau citoyen de Genève à mr. D'Alembert*. Критиковалась не книга, а вообще мiросозерцанiе Руссо, причемъ авторъ касался страсти философа жить въ одиночествѣ и къ нему самому примѣнялъ извѣстныя слова: «Самый злой человѣкъ тотъ, кто больше всего склоненъ уединяться». Авторъ ссылается на Вольтера, изъ его сочиненiй цитируетъ доказательства, что отцы церкви не имѣли ничего противъ театра, и сознается, что всѣ его стремленiя къ добру связаны съ высокой моралью, вытекающей изъ первой пьесы, видѣнной имъ на сценѣ [92].

Возражали Руссо и актеры. Эти возраженiя или крайне посредственны, или носятъ совершенно нелитературный ха-

---

другie выводы. Въ брошюрѣ нѣсколько довольно меткихъ замѣчанiй о Руссо, какъ авторѣ, напр. p. 21: „quand les raisons manquent, l'imagination vient en secours". Искусно также освѣщены противорѣчивые взгляды Руссо p. 49. Авторъ—изъ партiи умѣренныхъ: онъ хочетъ только нравственныхъ истинъ въ драмѣ, а не политики, предоставляя разрѣшать политическiе вопросы исключительно государю и министрамъ: le but de l'art dramatique est de former les hommes à la vertu et de perfectionner les moeurs". pp. 44—5

[92] Брошюра вышла въ Амстердамѣ въ 1760 году, безъ имени автора Mezières—*Bibl. Nation*. Авторъ въ началѣ говоритъ о новыхъ геростратахъ безстыдно ищущихъ славы и стремящихся создать *новаго человѣка*. Всѣ возраженiя направлены противъ Руссо, и нападки женевскаго гражданина на философовъ сопровождаются замѣчанiемъ: „Il se peint lui—même!" p. 49 Авторъ особенно возмущенъ нападками Руссо на женщинъ и въ своемъ гнѣвѣ нѣсколькими словами изображаетъ современную цензурную инквизицiю: „Quoi on punit d'exil et de prison les premiers d'un état pour une chanson d'un jour que leur jeunesse a fait éclore, qui ne satyrise qu'en particulier! Et on laisse vomir, imprimer et distribuer au citoyen de Genève des libelles infâmes contre ce qu'il y a de plus respectable dans les nations!" p. 57. Противорѣчiями Руссо авторъ воспользовался остроумнѣе всѣхъ: представилъ списокъ „здравыхъ мыслей" изъ *Письма къ Даламберу* опровергающихъ основную идею философа.—Пьеса, о которой говоритъ авторъ,—*Тимонъ Мизантропъ*.

рактеръ. Въ одномъ изъ нихъ, впрочемъ, сообщается рѣдкій фактъ въ доказательство, какъ спектакли ведутъ не къ одному только платоническому возбужденію благородныхъ чувствъ. Одинъ богатый зритель, тронутый представленіемъ комедіи Вольтера *Nanine*, по возвращеніи изъ театра приказалъ прислугѣ всѣхъ принимать—и людей, одѣтыхъ въ лохмотья и деревянные башмаки [93]. Верхомъ неприличія возмутившаго даже тѣхъ, кто не сочувствовалъ идеямъ Руссо, была книга актера Данкура, заявлявшаго, между прочимъ, по адресу Руссо: «vous qui n'êtes pas plus grand que moi», и приходившаго въ восторгъ отъ парижской полиціи и цензуры [94].

Изъ этого видно, какія дебри были взбаламучены *Письмомъ къ Даламберу*. Оно имѣло большое значеніе и для партіи философовъ. Рѣшительно и окончательно отъ нея отдѣ-

---

[93] *Laval, comédien a m. I. I. Rousseau, citoyen de Genève.* A la Haye 1758. Къ экземпляру въ *Bibl. Nation.* приложены рукописные документы, изъ которыхъ видно, что Laval просилъ герцогиню Эгильонъ—помочь ему—доставить книгу въ Парижъ. Благодаря этому покровительству, Мальзербъ далъ распоряженіе цензору въ желательномъ для Лаваля смыслѣ. Брошюра не заключаетъ въ себѣ никакихъ философскихъ идей, за исключеніемъ развѣ только похвалъ пьесамъ Вольтера и личности Даламбера. Но, все таки, потребовалось вмѣшательство директора книжной торговли—для пропуска брошюры въ столицу.

[94] *Dancourt, arlequin de Berlin à mr. I. I. Rousseau.* Berlin. 1759, p. 171: „Aujourd'hui la police entretient la décence et le respect dans le spectacle. Les auteurs soumis à des censeurs irréprochables, et au scrupule sevère du Magistrat, ne peuvent plus se permettre que le langage de la vertu et le talent d'instruire en amusant". Слѣдуетъ комплиментъ „четыремъ джентльменамъ" (quatre gentilhommes de la chambre),—распорядителямъ театра. Какихъ комплиментовъ въ дѣйствительности заслуживали эти джентльмэны,—мы увидимъ впослѣдствіи.—Гриммъ справедливо называетъ книгу „позорной" (infâme—*Corresp. litt.* IV, 75). Совершенно непонятенъ отзывъ Денуартерра о брошюрѣ Данкура—„un des meilleurs écrits auxquels donna lieu la lettre de Russeau".—*Voltaire* V, 190, *rem.* Можно подумать, что авторъ смѣшалъ ее съ какимъ либо другимъ произведеніемъ на туже тему. Достаточно прочесть нѣсколько строкъ посвященія брошюры Фридриху II, чтобы составить понятіе объ авторѣ и его „убѣжденіяхъ".

лился одинъ изъ популярнѣйшихъ писателей вѣка и откровенно заявилъ, что *энциклопедисты* люди для него совершенно безразличные [95]. Вольтеръ до конца жизни не могъ простить Руссо его выходки противъ драматическаго искусства, и если вѣрить женевскому гражданину—мстилъ своему врагу весьма тяжкими подозрѣніями. Въ 1766 году въ Женевѣ возникъ театръ съ разрѣшенія правительства. Менѣе двухъ лѣтъ спустя театръ сгорѣлъ и Руссо жаловался, будто Вольтеръ приписываетъ пожаръ злоумышленникамъ и подстрекательству самого Руссо [96]. Въ кругу энциклопедистовъ, повидимому, навсегда установилось пренебрежительное отношеніе къ художественному вкусу швейцарскихъ республиканцевъ. Даламберъ, по крайней мѣрѣ, не придаетъ никакого значенія популярности комедіи Детуша—*Le Curieux impertinent*—въ тринадцати кантонахъ Швейцаріи, а Вольтеръ не прочь обозвать Женеву—«городомъ ирокезовъ». Но во всякомъ случаѣ патріарху удалось приручить «дикарей» къ своему любимому искусству. Театральныя представленія и послѣ смерти Вольтера оставались популярнѣйшимъ удовольствіемъ республиканцевъ. Этотъ результатъ философія имѣла полное право причислить мъ своимъ побѣдамъ [97].

III.

На основаніи только что изложенной полемики мы видимъ, какъ вопросъ о театрѣ неизбѣжно переносился на политическую почву—и его защитниками, и его врагами. Одни видѣли въ немъ источникъ нравственнаго и гражданскаго

---

[95] Въ *Réponse à une lettre anonyme* Руссо нѣсколько разъ подчеркиваетъ свое обособленное положеніе среди новыхъ писателей, возражая автору письма, причисляющему его къ энциклопедистамъ.

[96] *Oeuvres compl. de R.* II, p. 209.

[97] *Oeuvres compl. de D'Alembert.* Paris 1821, III, 406. *Eloge de Destouches. Lettres de Voltaire*, I, 88—9. *Oeuvres compl. de R.* II, p. 210: исторія театра въ Женевѣ до конца XVIII-го вѣка.

развитія, другіе обвиняли сцену въ тлетворномъ вліяніи на зрителей, какъ добрыхъ гражданъ, какъ послѣдователей извѣстной религіи. Только самое ограниченное меньшинство писателей стремилось отнять у драматической литературы право — обсуждать политическія идеи и событія. И, несомнѣнно, эти стремленія должны были остаться и, какъ увидимъ, дѣйствительно остались совершенно безплодными. Политическая почва давала противникамъ театра благодарнѣйшіе мотивы для нападокъ на замыслы философовъ-драматурговъ. Съ другой стороны энциклопедисты и ихъ ученики съ самаго начала открыто провозглашали сцену—не только нравственной, но и политической и даже научной трибуной.

Въ противовѣсъ энергическимъ напоминаніямъ Руссо женевскому правительству насколько вредно драматическое искусство, философы постоянно развивали идею, что всякое правительство должно пользоваться сценой для просвѣщенія подданныхъ и для вразумленія ихъ по части законовъ и общественныхъ интересовъ.

«Всякій городъ»,—писалъ Дидро,—«страдаетъ предразсудками, которые слѣдуетъ уничтожить, пороками, которые слѣдуетъ искоренить, смѣшными пристрастіями, которыя необходимо преслѣдовать и нуждается въ спектакляхъ сообразно съ своимъ національнымъ характеромъ. Какое могучее средство, если правительство умѣетъ имъ пользоваться, и какъ легко такимъ путемъ подготовить перемѣну въ законодательствѣ или въ обычаяхъ!» Друзья философа постоянно повторяютъ ту же мысль. Драматическое искусство--легчайшій и почетнѣйшій путь, какимъ истина можетъ достигать трона. Это доказывается исторіей. Драматурги припомнютъ, что величайшій изъ королей французскихъ, олицетворявшій идеалъ монарха въ теченіе всего XVIII-го вѣка,— Генрихъ IV, былъ почитателемъ театра и его просвѣтительнаго назначенія. Онъ признавалъ, что изъ комедій узналъ

---

[28] *De la poésie dramatique. Oeuvres.* Paris. 1821, IV, 540.

истины, какихъ ему инымъ путемъ никогда не пришлось бы узнать [99]. «Театръ долженъ стать общественной школой нравовъ и однимъ изъ важнѣйшихъ учрежденій правительства». «Когда же у насъ явятся спектакли, которые перестанутъ пугать дѣтей, будутъ обладать способностью интересовать, трогать, и въ случаѣ нужды, приводить въ ужасъ взрослыхъ людей! Это сбудется, когда правительство признаетъ просвѣщеніе общества первымъ и важнѣйшимъ долгомъ законодательства, самымъ гуманнымъ и надежнымъ средствомъ утвердить свой авторитетъ. Оно тогда не станетъ посылать народъ слушать, зѣвая, скучнаго католическаго патера, оно не ограничится этимъ печальнымъ ископаемымъ средствомъ—просвѣщать гражданъ. Оно призоветъ искусства выполнять свое истинное назначеніе: заставить художественныя произведенія служить прогрессу народной нравственности. Тогда спектакли превратятся въ науку о политическихъ и нравственныхъ установленіяхъ, и поэты не будутъ только геніальными людьми, но и государственными мужами» [100].

Такъ мечтали люди весьма умѣреннаго направленія. Напримѣръ, тотъ самый авторъ, чьи слова мы привели, возмутился, когда французской публикѣ дали случай высказать свое отношеніе къ католическому духовенству. Случилось это на представленіи трагедіи *Druides*. «Величайшій стыдъ»,— писалъ авторъ,— «допускать публичное собраніе высказывать свои затаенныя чувства на счетъ такихъ деликатныхъ предметовъ» [101]. Одно заявленіе, повидимому, противорѣчитъ другому, и это противорѣчіе тѣмъ характернѣе, что взглядъ на театръ умѣреннаго писателя буквально совпалъ съ мнѣ-

---

[99] Седэнъ въ предисловіи къ драмѣ *Maillard ou Paris sauvé*: „De tous les moyens que peut employer la verité pour approcher du thrône, l'art dramatique est sans doute le plus respectueux et d'autant moins fait pour blesser que la leçon n'est jamais directe".—Онъ же о Генрихѣ IV.—*Théâtre de Sedaine*. Paris 1757—1786.

[100] Grimm. (*Corresp. litt*). VI, 33—4; VIII, 80.

[101] Grimm IX, 471.

ніемъ одного изъ радикальнѣйшихъ авторовъ XVIII вѣка. Мы говоримъ о Мерсье: у него только другія, болѣе энергическія выраженія,—смыслъ тотъ же. Посвящая сочиненіе *О театрѣ* брату, онъ пишетъ: «Самое дѣйствительное и самое цѣлесообразное средство вооружить неопредолимой силой человѣческій разумъ и бросить вдругъ въ народъ массу просвѣтительныхъ идей заключается, несомнѣнно, въ театрѣ. Тамъ, подобно потрясающему звуку трубы, который въ извѣстный день долженъ поразить мертвыхъ,— тамъ краснорѣчіе, простое и яркое, можетъ пробудить въ одно мгновеніе уснувшую націю. Тамъ величавая мысль одного человѣка воспламенитъ, подобно электрическому току, всѣ души. Тамъ, наконецъ, законодательство встрѣтитъ менѣе всего препятствій и достигнетъ величайшихъ результатовъ, легко и безъ насилія». Поэтъ въ глазахъ Мерсье рисуется законодателемъ, писатели — полезнѣйшими гражданами своего отечества и всего міра. Такое положеніе создано развитіемъ философіи и во всей силѣ должно обнаружиться при помощи новой драматической литературы. «Корпорація писателей», говоритъ Мерсье, «съ одного конца Европы до другого, воодушевлена повидимому, одной цѣлью, однимъ духомъ и, шествуя впередъ неизмѣнно подъ знаменами философіи, она неизбѣжно станетъ диктовать государственнымъ людямъ и государямъ правила, долженствующія создать счастье народовъ. Наши потомки, несомнѣнно, будутъ счастливѣе насъ» [102].

Это—исконныя идеи XVIII вѣка. Кантъ рисовалъ совершенно такіе же пути и цѣли прогресса. Онъ также мечталъ о народномъ просвѣщеніи, о *Volkserklarung*, о публичномъ поученіи народа относительно его обязанностей и правъ. И поученіе это, по плану философа, должно находиться въ рукахъ не государственныхъ правовѣдовъ, а философовъ, единственныхъ просвѣтителей. Отъ нихъ правители должны за-

---

[102] *Du théâtre ou nouvel essai sur l'art dramatique.* Amst. 1773. *Ep, dédic.* p. VI. p. 4. Мерсье называетъ театръ chef'd'oeuvre'омъ общества.

имствовать идеи и подъ ихъ руководствомъ преобразовывать государства [103].

Нѣмецкій философъ не объяснилъ пути, ведущаго къ этой цѣли. Во Франціи указывали на сцену, какъ на единственное вполнѣ дѣйствительное средство распространить свѣтъ среди народа. Нѣсколько лѣтъ спустя въ Германіи усвоили ту же идею. Величайшій нѣмецкій поэтъ-просвѣтитель Шиллеръ писалъ: «Театръ—это каналъ, которымъ льется непосредственно въ народныя массы то, что вырабатываетъ наука и знаніе». Это—относительно просвѣщенія. Но энциклопедисты стремились также карать и приводить въ ужасъ порокъ и преступленіе, пользуясь сценой. Въ обществѣ немало недуговъ, которые щадитъ общественное мнѣніе. Противъ нихъ единственное средство — «цензура театра» [104]. Шиллеръ и эту идею впослѣдствіи обобщилъ въ немногихъ словахъ: «гдѣ кончается власть законовъ, тамъ начинается власть театра» [105].

Трудно опредѣлить границы, гдѣ по мнѣнію философовъ, кончалась роль театра. Они достаточно выяснили принципъ: сцена для нихъ общественная школа нравственности и политики. Но рядомъ съ этимъ они мечтали устроить и другую

---

[103] *Streit des Facultäten.* „Volkserklärung ist die öffentliche Belehrung des Volks von seinen Pflichten und Rechten in Ansehung des Staats, dem es angehört. Weil es hier nur natürliche und aus dem gemeinen Menschen verstande hervorgehende Rechte betrifft, so sind die natürchichen Verkündiger und Ausleger derselben, im Volke nicht die vom Staat bestellten Amtsmässigen, sondern freien Rechtslehrer, d. i. die Philosophen“... *Sämmtliche* Werke Leipzig, 1838, X p. 351—2.

[104] Condorcet. *Oeuvres compl.* An XIII, X, p. 130.

[105] *Театръ какъ нравственное учрежденіе.* Во всей этой статьѣ нѣтъ ни одной идеи, незнакомой намъ изъ французской литературы философскаго періода, и идеалы Шиллера въ области драматическаго искусства тождественны съ идеалами энциклопедистовъ. О прямомъ заимствованіи идей врядъ ли здѣсь можно говорить. Гоголь отнюдь не учившійся у французскихъ просвѣтителей, повторилъ ихъ взглядъ на нравственное и общественное значеніе театра:—требовалось только поставить вопросъ на извѣстную почву, и отвѣтъ получался логически—у писателей всѣхъ временъ и національностей. (*Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями.* XIV: *О театрѣ*).

общественную школу. Даламберъ привѣтствуетъ историческія пьесы — не такого сорта, какія появлялись на классической сценѣ, гдѣ вся исторія ограничивалась именами дѣйствующихъ лицъ. Онъ хочетъ, чтобы пьесы точно и добросовѣстно изображали историческія событія и характеры, чтобы зрители получали здѣсь вполнѣ достовѣрныя свѣдѣнія о важнѣйшихъ эпохахъ родной исторіи. Эта мысль имѣла исключительное значеніе. У насъ множество свидѣтельствъ, доказывающихъ, что во французскихъ школахъ XVIII вѣка крайне дурно преподавалась исторія. Одинъ современникъ разсказываетъ: «Во всѣ восемь лѣтъ моего ученія имя Генриха IV ни разу не было произнесено передъ нами; а въ семнадцать лѣтъ я еще не зналъ, когда и какимъ образомъ домъ Бурбоновъ утвердился на нашемъ тронѣ» [106]. Школа, слѣдовательно, забыла одно изъ популярнѣйшихъ именъ французской исторіи, но за то это имя не сходило со сцены. Идеалъ Даламбера оказывался дѣйствительностью. Мы имѣемъ на этотъ счетъ прямыя свидѣтельства современниковъ.

Въ сочиненіи, вышедшемъ за три года до революціи и трактующемъ, между прочимъ, объ умственномъ развитіи современныхъ парижанъ, авторъ пишетъ слѣдующее: «Парижъ и даже дворъ переполнены людьми, которые чему-либо научаются исключительно въ театральныхъ спектакляхъ. Тамъ они почерпаютъ свою ученость, свои убѣжденія, тамъ даже складывается ихъ характеръ. Присмотритесь къ нимъ въ общественныхъ собраніяхъ, на прогулкахъ: разъ разговоръ зайдетъ о литературныхъ или политическихъ вопросахъ, — прислушайтесь внимательнѣй, — собесѣдники неистощимы насчетъ доводовъ, цитатъ, извлеченныхъ изъ трагедій и комедій. Случается имъ сослаться на пословицу, какую-либо аксіому, — все это непремѣнно заимствовано у Мольера или у *Севильскаго цирульника*. Они тридцать разъ видѣли любую комедію и не одного раза не читали Монтэня... Естественно авторъ комедіи—даже посредственной—

[106] Тэнъ *Происхожд. обществ. строя совр. Франціи*, русск. изд. стр. 425—6

въ ихъ глазахъ геніальный человѣкъ, а между тѣмъ, они едва ли знаютъ, существовалъ ли въ дѣйствительности Бэконъ».

Дальше авторъ говоритъ объ особой породѣ молодыхъ людей, весьма распространенной во всѣ эпохи и во всѣхъ обществахъ. Это—юноши, сознающіе пользу знаній и готовые усвоивать ихъ, но лишенные необходимыхъ для этого качествъ—трудолюбія и энергіи. Театръ въ такихъ случаяхъ является прекрасною школой: онъ просвѣщаетъ, забавляя,—«le theâtre les instruit en les amusant». Вольтеръ разсчитывалъ именно на подобныхъ юношей, когда выводилъ на сцену Цицерона въ трагедіи *Catilina*. Онъ открыто заявлялъ это публикѣ и, конечно, долженъ былъ и здѣсь возбудить соревнованіе своихъ современниковъ [107].

Въ результатѣ всякій, кто только обладалъ малѣйшимъ драматическимъ талантомъ и былъ заинтересованъ въ распространеніи новыхъ идей, шелъ за Вольтеромъ и переносилъ на сцену всѣ плоды своихъ научныхъ изысканій и житейскихъ наблюденій.

Особая группа философовъ—экономисты воспитали даже спеціальнаго драматурга — Леблана. Онъ писалъ пьесы во славу земледѣлія и вообще бѣднаго класса. Экономисты аккуратно, по словамъ современника, являлись на представленія этихъ пьесъ и усердно поддерживали автора. Мерсье также питалъ большое сочувствіе къ экономическимъ теоріямъ и сочинилъ пьесу исключительно для прославленія и пропаганды этихъ теорій. Мы встрѣтимся съ ней позже Замѣчательнѣйшія философскія произведенія немедленно передѣлывались въ драмы и публика, не имѣвшая возможности прочесть книгу, подробно знакомилась съ ея содержаніемъ со сцены. Такимъ путемъ были переработаны *Ingénue*, *Кандидъ* Вольтера, *Новая Элоиза* Руссо. Романы Вольтера являлись даже въ формѣ комической оперы: это считалось

---

[107] *Essai sur la comédie* предисл. къ I т. *Théâtre moral*, par de Cubières, Paris 1786, p. 187. *Théâtre de Voltaire*. Paris An IX,VII, p. 6.

надежнѣйшимъ средствомъ сообщить неотразимый интересъ легкомысленному жанру [108].

Впрочемъ, о легкомысліи жанра можно думать съ перваго взгляда, по названію: на самомъ дѣлѣ комическая опера XVIII вѣкѣ отнюдь не легкомысленнѣе большинства легкихъ произведеній философскаго направленія. Она являлась только популярнѣйшимъ, доступнѣйшимъ путемъ распространенія новыхъ идей, и, можетъ быть, ничто до такой степени не характеризуетъ неограниченное господство философскаго духа, какъ именно превращеніе комической оперы въ своеобразную проповѣдь философіи. Правительство и особенно духовенство преслѣдовало комическую оперу съ замѣчательнымъ упорствомъ. Мы позже увидимъ,— цензурныя кары падали на нее одинаково съ самыми серьезными произведеніями эпохи,—и не за ея легкомысліе, а напротивъ, за излишнюю серьезность, за идеи, которыя она преподносила публикѣ въ формѣ арій и летучихъ сценокъ.

Естественно — Вольтеръ питалъ отеческую нѣжность къ этому жанру, а представители стараго порядка при всякомъ случаѣ выставляли на видъ опасный характеръ комической оперы [109]. Ограничимся двумя фактами по поводу произведеній, съ которыми намъ придется познакомиться подробнѣе.

Въ 1769 году на сценѣ появилась комическая опера *Lucile*, ратовавшая за брачные союзы между лицами различнаго общественнаго положенія. Это до такой степени возмутило аристократовъ, что одинъ изъ нихъ обратился къ Вольтеру съ письменной жалобой на оперу, злоупотребляю-

---

[108] О связи Леблана съ экономистами—Grimm. X, 119; *Mem. Secr.* 7 f. 1775. Пьеса Мерсье—*Le compagnard ou le riche désabusé*—съ подробнымъ разборомъ теорій экономистовъ—*L'Ingénu* передѣланъ въ ком. оп. *Huron* и шелъ на итальянской сценѣ 20 ав. 1768; драма *J. Preux et Julie d'Estanges* была поставлена на той же сценѣ 6 февр. 1787.—*Corresp. litt* (Grimm). *Mem. Secr. Candide marié*, op. com. на от. сценѣ 20 ян. 1788. *Corr. litt*, XV, 312.

[109] Письмо Вольтера къ m-me Favart отъ 5 марта 1768. Въ *Mémoires et corresp. litt, dramatique et anecdotique*, Paris 1808, III, p. 245.

щую философскими идеями. Авторъ усмотрѣлъ здѣсь «философскій фанатизмъ»: по его мнѣнію, изъ оперы *Lucile* вытекала такая мысль: «почтенный человѣкъ и крестьянинъ-земледѣлецъ — синонимы» (l'homme de bien et le laboureur sont assurement synonimes). Театръ комической оперы авторъ называетъ «излюбленнымъ лицеемъ философскихъ идей» [110].

Годъ спустя послѣ *Lucile* появилась одноактная комическая опера *Silvain* — на ту же тему, съ одной только разницей: похвалы простымъ людямъ здѣсь еще энергичнѣе и кромѣ того затрогиваются феодальныя права, напримѣръ, право охоты, упоминается *droit de la nature*. Все это страшно возмутило «дворъ и свѣтъ». Въ этихъ сферахъ были «глубоко убѣждены», что подобныя темы преднамѣренно разрабатываются философами—съ цѣлью распространить опасныя мнѣнія о равенствѣ всѣхъ людей, и что *Silvain* былъ сочиненъ вслѣдствіе спеціальнаго рѣшенія партіи *энциклопедистовъ* — проповѣдывать на итальянской сценѣ въ теченіе поста о призрачности знатнаго происхожденія» [111].

Такое значеніе получила комическая опера въ глазахъ лицъ, заинтересованныхъ устойчивостью стараго порядка.

---

[110] *Lettre sur les opéra philosophi—comiques.* Amst. 1769. Авторъ особенно возмущается сочувствіемъ „безсмысленной черни“ философскимъ пьесамъ и шумными „безумными“ апплодисментами партера. p. 4—5. „Le théâtre italien, l'opéra comique sont devenus son (т. е. de la philosophie) lycée favori“.

[111] *Corresp. litt* (Grimm) VIII, 468—9: „Les gens de la cour et du monde se sont beaucoup recriés sur le but et la morale de cette pièce: M. le duc de Noaylles a dit que son resultat en deux mots était qu'il faut épouser sa servante et laisser braconner les paysans. Ce qu'il a de plaisant ce qu'on est intimement persuadé à la cour et dans le grand monde que de pareils sujets sont taités à dessein par les philosophes pour repandre leurs opinions dangereuses sur l'égalité de tous les hommes, sur le préjugé de la naissance et que *Silvain* par exemple a été composé en vertu d'une déliberation prise par tout le corps des encyclopédistes le faire prêcher à la comedne Italienne pendant le carême de 1770 par le Rev. Père Caillot et notre chère soeur en Dieu Laruette le sermon de la chimère des naissances illastres et la doctrine abominable de la liberté de la chasse“.

Это возбуждало изумленіе даже у современниковъ, и сильнѣйшая степень негодованія «двора и свѣта» объясняется именно неестественностью факта. Авторъ письма къ Вольтеру готовъ помириться, что Мельпомена, — разумѣется, вообще трагедія и драма — «облачилась въ философскій плащъ», но, по его мнѣнію, даже Вольтеръ врядъ ли ожидалъ царства философіи на сценѣ Итальянскаго театра и въ комической оперѣ. Письмо написано ровно пятьдесятъ лѣтъ спустя послѣ того, какъ, по наблюденіямъ современниковъ, на сценѣ *Comédie Française* появилась философская трагедія. Теперь философія царила на всѣхъ сценахъ — и даже гораздо болѣе на сценахъ, чѣмъ вообще въ литературѣ. Это мы знаемъ со словъ очень компетентнаго свидѣтеля. Генеральный адвокатъ Сегье, дѣлавшій сыскъ о нечестивыхъ книгахъ, заявлялъ парламенту: вся литература была заражена ядомъ философіи раньше театровъ, но теперь, благодаря театрамъ, ядъ достигъ высшаго вліянія на духъ націи. Протоколъ Сегье относится къ 1770 году. Наконецъ, король Густавъ III, имѣвшій возможность воочію наблюдать общественную роль французскаго театра, писалъ актеру, посвятившему ему пьесу, — о «неограниченной власти французскаго театра надъ нравами»[112]. Очевидно, — все это удостовѣряетъ насъ, что стремленія философовъ увѣнчались блестящимъ успѣхомъ.

Тайна этого успѣха только отчасти объясняется запросами общества XVIII вѣка и искусствомъ современныхъ писателей отвѣчать на нихъ. Это относится къ *содержанію* философской пропаганды. Но для нея не менѣе существенный интересъ представляла *форма* произведеній, разсѣвающихъ новыя идеи. Въ силу самихъ условій пропаганды, въ силу настоятельной необходимости для философовъ завоевать возможно обширнѣйшій кругъ послѣдователей, — вопросъ о формѣ былъ въ то же время вопросомъ успѣха. Философы рѣшили воспользоваться сценой, — немедленно имъ предстояло выбрать или создать наиболѣе цѣлесообразную

---

[112] Grimm. IX, 116, XIV, 184.

формy драматическаго творчества. Счастливѣйшимъ рѣшеніемъ задачи являлось открытіе такой драматической формы, какою съ одинаковымъ удобствомъ и съ одинаковыми выгодами для просвѣтительной мысли могли воспользоваться всѣ сцены,— начиная старинной классической и кончая вновь народившейся—сценой комической оперы. Философамъ нужна была *вся публика* и при томъ демократическая. Они не могли, слѣдовательно, пренебрегать никакимъ, даже самымъ легкимъ жанромъ. И имъ удалось призвать на помощь силу, неограниченно царствующую надъ большой публикой, и воспользоваться формой, способной слиться со всѣми жанрами драматической литературы:—эта сила—*чувство*, форма—*драма*.

Драма.

I.

Классическій вѣкъ завѣщалъ своимъ наслѣдникамъ трагедію Корнеля и Расина и комедію Мольера. Наслѣдство въ теченіе нѣкотораго времени считалось драгоцѣннымъ и незамѣнимымъ,—но, наконецъ, стало вызывать недовольство, часто въ высшей степени рѣшительное и нерѣдко вполнѣ справедливое. Мы видѣли критику Руссо, направленную на комическія произведенія французскаго театра. Критика не во всѣхъ выводахъ была безпристрастна и вѣрна: женевскій философъ, по обыкновенію, наговорилъ не мало парадоксовъ и неразрѣшимыхъ противорѣчій самому себѣ. Но нѣкоторыя его положенія съ буквальной точностью повторены его противникомъ. Даламберъ также осуждалъ пристрастіе трагедіи къ исключительнымъ героямъ, признавалъ, что несчастія королей слишкомъ далеки отъ насъ, и не могутъ чтобы возбуждать въ нашемъ сердцѣ такого же участія, какъ бѣдствія людей, подобныхъ намъ. Мы невольно сознаемъ: если несчастія королей дѣйствительно таковы, какъ ихъ изображаетъ трагедія, — они являются отплатой за высокую ступень величія и путемъ ихъ судьба сближаетъ государей съ остальными смертными. Совершенно другое впечатлѣніе производитъ на насъ изображеніе будничной жизни, ея событій. Они вѣрное отраженіе нашихъ собственныхъ страданій—настоящихъ или будущихъ. Король почти не похожъ

на насъ, и судьба намъ подобныхъ имѣетъ гораздо больше правъ на наши слезы.

Даламберъ несогласенъ съ основными взглядами Руссо на драматическую литературу, — но когда дѣло коснулось классической трагедіи—оба писатели пришли къ одному и тому же выводу: трагедія не знала простой жизни и обыкновенныхъ людей,—слѣдовательно, оставалась совершенно безполезной, какъ просвѣтительное и воспитательное средство. Кондорсэ исповѣдывалъ ту же идею и въ академической рѣчи пространно доказывалъ, насколько выше и полезнѣе для общества драма, представляющая картины будничныхъ, всѣмъ понятныхъ страданій, чѣмъ трагедія, витающая въ неземномъ мірѣ героевъ и полубоговъ. И таково единодушное мнѣніе всѣхъ, кто дорожилъ нравственнымъ развитіемъ общества и будущимъ драматической литературы [1].

Въ тоже время представлялись еще болѣе наглядныя основанія—отказаться отъ наслѣдства Корнеля и Расина.

Классическую трагедію поднималъ на смѣхъ уже Мольеръ и жестоко унижалъ, сравнивая съ комедіей. Одинъ изъ его героевъ—Дорантъ—въ комедіи *La critique de l'école des femmes*—бросаетъ слѣдующую тираду по адресу трагическихъ авторовъ, слишкомъ гордыхъ своимъ сочинительствомъ: «Я думаю, гораздо легче витать въ области высокихъ чувствъ бросать въ стихахъ вызовъ счастью, осыпать обвиненіями судьбу, поносить боговъ, чѣмъ проникать въ смѣшныя стороны человѣческой природы и заинтересовывать публику несообразностями повседневной жизни. Когда вы изображаете героевъ,—вы дѣлаете это, какъ вамъ вздумается. Это совершенно произвольные образы, въ нихъ нечего искать какого-либо сходства съ какой бы то ни было дѣйствительностью. Вы слѣдуете только порывамъ вашего личнаго вообраҗенія, которое часто естественность и правду приноситъ въ жертву чудесному. Но когда вы беретесь изобра-

[1] *Oeuvres compl. de R. Ib. Lettre.* p. 247. *Oeuvres compl. de Condorcet.* An. XIII, X, 126.

жать дѣйствительныхъ людей, вы должны ихъ брать, какими они являются въ жизни. Необходимо, чтобы ваши созданія походили на дѣйствительность,—и ваша работа утратитъ всякое значеніе, если въ ней не узнаютъ типовъ современниковъ» [2]. Если такъ разсуждалъ писатель, переживавшій славу талантливѣйшихъ представителей классической трагедіи,—съ теченіемъ времени кредитъ этого жанра могъ только упасть еще ниже. Такъ и случилось: классическая трагедія постепенно вырождалась. Вырожденіе началось такъ рано, что совпало съ полнымъ разцвѣтомъ классицизма. Первый ударъ нанесъ Расинъ. Онъ унизилъ трагическое творчество, подчинивъ его «безсмысленной любви». Онъ наполнилъ сцену метафизикой и галантностью, изгналъ чувство и страсть [3]. Говорятъ, онъ сознавался, будто поступалъ такъ ради современныхъ петиметровъ. Но публикѣ XVIII вѣка это казалось верхомъ безвкусія и даже безнравственности. Расинъ не подозрѣвалъ, что будущему поколѣнію его герои явятся въ комическомъ свѣтѣ, будутъ возбуждать даже презрѣніе. «Герой влюбленный съ высоты своего величія», — пишетъ новый авторъ,—«по нашему мнѣнію, болѣе достоинъ презрѣнія, чѣмъ состраданія... Хорошо назначеніе Мельпомены—завоевывать сердце любовницы! Не смѣшно ли отправляться искать героя среди величайшихъ мужей древности только затѣмъ, чтобы изобразить влюбленнаго» [4]. Такъ судили о расиновской трагедіи очень скромные судьи, не думавшіе ничего ни реформировать, ни создавать. И это было настроеніемъ всей публики: она упорно отказывалась смотрѣть пьесы классическаго репертуара и требовала отъ театра другой пищи [5].

---

[2] *La critique*, sc. VII.

[3] Grimm. V, 385. D'Alembert. *Lettre à M. J. J. Rousseau*: „La plupart des personnages de Racine même ont à mes yeux moins de passion que de mêtaphysique, moins de chaleur que de galanterie". Слѣдуютъ примѣры. *Oeuvres compl. de R.* II, p. 239.

[4] *Le Bâtard legitimé, ou le triomphe du comique larmoyant.* Amst. 1757. Безъ имени автора. Abbé Garnier—брош. *Bibl. Nation.* p. 31.

[5] Grimm. I, 263, 15 juillet 1753.

Трагедія послѣ Расина шла быстрыми шагами къ совершенному упадку. Любовь продолжала царствовать, интересъ зрителей приходилось поддерживать всевозможными романическими вымыслами и прикрасами. На сцену были перенесены такого рода ужасы и хитросплетенія, предъ которыми совершенно блѣднѣли злодѣйства классической трагедіи, возмущавшія Руссо. Любовная страсть переплеталась съ противоестественными преступленіями. Казалось, изобрѣтательнѣйшему преступнику трудно было измыслить столько звѣрствъ, сколько ихъ громоздили авторы трагедій на своихъ сценахъ. Особеннымъ искусствомъ въ этомъ направленіи отличался Кребильонъ, составившій вмѣстѣ съ Корнелемъ и Расиномъ, во мнѣніи классиковъ, такую же тройцу трагическихъ геніевъ, какая существовала въ древности [6]. Онъ, повидимому, задался цѣлью перенести интересъ трагедіи въ среду иныхъ существъ, чѣмъ люди. У него герои угощаютъ другъ друга человѣческой кровью (*Атрей и Тіестъ*), отецъ и сынъ являются соперниками въ любви и одинъ изъ нихъ, по волѣ оракула, долженъ убить другаго (*Идоменей*), женщина, убившая мужа, влюблена въ своего сына (*Семирамида*).. И нѣтъ конца этимъ преступленіямъ, при чемъ сыноубійство и отцеубійство приправляются чувственными увлеченіями. Даламберъ разсказываетъ, какъ представленіе *Атрея и Тіеста*, гдѣ на сценѣ появляется чаша, наполненная человѣческой кровью, повергало въ ужасъ не только парижанъ, но даже англичанъ, привыкшихъ къ лондонскимъ театрамъ и переносившихъ спокойно самыя мрачныя сцены Шекспира. Публика отказывалась смотрѣть пьесу всякій разъ, когда актеры пытались ее возобновить [7].

При такомъ представленіи писателя о трагическомъ паѳосѣ—сочинять трагедіи становилось весьма легкой работой. «Въ наши дни»,—жалуется современникъ, — «нѣтъ шалуна,

---

[6] *Corneille grand, Racine tendre, Crébillon tragique*. D'Alembert. *Eloge de Crébillon. Oeuvres compl*. III, p. 555.

[7] D'Alembert. *Eloge de Créb*., rem. 5.

который бы по выходѣ изъ школы не считалъ своимъ долгомъ сочинить трагедію» [8]. Говоря о пьесѣ шестнадцатилѣтняго автора такого сорта, другой современникъ замѣчаетъ: «изъ всѣхъ произведеній ума единственное можно въ настоящее время создать не обладая ни умомъ, ни воображеніемъ, ни талантомъ, это — посредственную трагедію». Если не доставало изобрѣтательности, преспокойно пользовались старыми образцами и передѣлывали ихъ на новый ладъ. Такимъ путемъ возникли сотни копій съ классическихъ трагедій. Способъ сочинительства былъ до крайней степени простой. Его съ полной откровенностью изложилъ одинъ провинціальный священникъ. «Я нашелъ изумительный планъ для всѣхъ пьесъ», говорилъ онъ. Напримѣръ, въ моей трагедіи *Валтасаръ* вопросъ идетъ о томъ, будетъ ли царь ужинать или нѣтъ, потому что если онъ не будетъ ужинать, рука не напишетъ роковыхъ словъ. Мнѣ остается изобрѣсти только двухъ дѣйствующихъ лицъ;—изъ нихъ одинъ желаетъ, чтобы царь ужиналъ,другой не желаетъ этого. Если я, поэтъ, хочу, чтобы царь ужиналъ, первымъ будетъ говорить тотъ, кто хочетъ ужина. Такимъ образомъ у меня составится первый актъ:—царь будетъ ужинать. Второй актъ—царь не будетъ ужинать; третій актъ, онъ будетъ ужинать, четвертый—не будетъ, пятый — будетъ. Если, напротивъ, я не хочу, чтобы онъ ужиналъ, я начну первый актъ съ того, что онъ не будетъ ужинать и т. д. Вотъ весь секретъ» [9].

Такъ смотрѣли на дѣло компетентнѣйшіе дѣятели современной литературы. Мармонтель въ своихъ *Запискахъ* передаетъ разговоръ, бывшій у него съ Вольтеромъ, когда онъ еще только что выступилъ на литературное поприще. Вольтеръ совѣтовалъ юному писателю сочинять для театра, потому что только такимъ путемъ можно достигнуть славы и выгодъ. «Но что же я могу написать», спросилъ Мармонтель, «я молодой, неопытный, незнающій свѣта?»—«Хоро-

[8] *Corr. litt.* (Grimm), nov. 1766, VII.

[9] *Ib.* XV, 238. Lanson. *Op. cit.* p. 104.

шую комедію», отвѣтилъ Вольтеръ рѣшительнымъ тономъ.— «Увы! какъ же я создамъ характеры? Я не знаю жизни».— Онъ улыбнулся и прибавилъ: «Ну, такъ сочиняйте трагедію». Мармонтель послѣдовалъ совѣту и имѣлъ успѣхъ [10].

Вольтеръ, очевидно, безъ большаго уваженія относился къ старымъ трагедіямъ, но онъ самъ былъ не безгрѣшенъ въ униженіи этого жанра. По крайней мѣрѣ, современники неоднократно жалуются на него, что онъ ввелъ въ моду «историческія пьесы», въ которыхъ историческаго не было ни одного факта, ни одной черты. Именно этимъ открытіемъ и могъ воспользоваться «всякій школьникъ» [11].

Въ такомъ положеніи находилась трагедія, завѣщанная классической эпохой. Очевидно, на старыхъ основахъ развитіе ея становилось невозможно. Она должна была или принять въ себя новую жизненную струю или уступить мѣсто другому роду драматической литературы. Она наполовину сдѣлала и то и другое. Такая же судьба предстояла и другому классическому наслѣдію—комедіи.

Здѣсь положеніе оказалось еще болѣе критическимъ: комедія постепенно исчезла съ французской сцены. Если Мольеръ признавалъ весьма труднымъ дѣломъ —«заставить смѣяться почтенныхъ людей»,—для его преемниковъ это оказалось, конечно, еще труднѣе, стало прямо неисполнимой задачей. У Корнеля и Расина наслѣдникомъ могъ считаться Вольтеръ, у Мольера — не было никого. Даже если бы народился поэтъ, обладавшій такимъ же комическимъ талантомъ, онъ не нашелъ бы новаго нетронутаго матеріала для своего смѣха. По крайней мѣрѣ, такъ думали писатели, пристально наблюдавшіе современное общество и подробно оцѣнившіе творчество Мольера. Смѣшное en grand, т.-е. характеры и типы были исчерпаны Мольеровской комедіей, насколько вопросъ шелъ о французскомъ обществѣ. Оставались развѣ только отдѣльныя комическія черты свѣтскихъ

---

[10] Marmontel. *Mémoires livre*, III. *Oeuvres compl.* Paris 1819, I, 112—113.
[11] Grimm. VI, 484, VII, 399.

нравовъ, неинтересныя для большой публики и неоучительныя для тѣхъ, кто не вращался въ свѣтѣ [12].

Современники точно объясняютъ намъ, почему мольеровской комедіи нѣтъ больше мѣста. Даже тѣ комическіе характеры, какіе создалъ Мольеръ, обязаны своимъ появленіемъ его генію, а не выработаны цѣликомъ, во всей своей оригинальности, французскимъ обществомъ. Это общество слишкомъ мелко, ничтожно и шаблонно. Оно не заключаетъ въ себѣ яркихъ, своеобразныхъ типовъ. Его «ничтожные нравы» на всѣхъ людей налагаютъ одну окраску и одну физіономію. Здѣсь личностей нѣтъ. «Войдите въ общество изъ пятнадцати человѣкъ, говоритъ современникъ, оставайтесь тамъ въ теченіе трехъ часовъ, вы съ трудомъ отличите глупца отъ умницы. Всѣ заняты одними и тѣми же вопросами, всѣ говорятъ однимъ языкомъ, всѣ похожи другъ на друга,—другими словами, мы ни на что собственно не похожи. При такихъ условіяхъ съ каждымъ днемъ суживается «поприще театра»—*la carrière du théatre* и въ то время, когда исчерпываются всѣ комбинаціи, изъ которыхъ можно создать трагедію,—ничтожество и мелочной характеръ общества наноситъ смертельный ударъ комическому творчеству [13]. Это одна причина, пресѣкшая развитіе классической комедіи. Она уничтожала возможность появляться новымъ пьесамъ этого жанра,—но существовали данныя, подрывавшія популярность комедій самого Мольера и устранявшія ихъ со сцены. Его пьесы оказывались здѣсь настолько же нежелательными, какъ и трагедіи Корнеля и Расина. И на этотъ разъ борьба вышла бы не подъ силу даже генію новаго Мольера.

Даламберъ, говоря объ исчезновеніи мольеровскаго жанра, не одинъ разъ указываетъ на перемѣну, происшедшую въ настроеніи и въ развитіи французской публики со времени Мольера. Классическому поэту приходилось завлекать зри-

---

[12] D'Alembert. *Eloge de Nivelle de La Chaussée. Ib.* p. 396.

[13] Grimm. VI, 370: „nos petites moeurs", I, 267—9; XIII, janvier 1783.

телей въ театръ при помощи фарсовъ, чтобы заставить ихъ выслушать серьезную комедію. И здѣсь не обходилось безъ курьезовъ, немыслимыхъ, по мнѣнію Даламбера, въ его время. Напримѣръ, мольеровская публика встрѣтила единодушными апплодисментами сонетъ, сочиненный однимъ изъ героевъ комедіи *Мизантропъ* и была непріятно поражена критикой Альцеста. Зато она отличалась большой смѣшливостью и являлась въ театръ съ единственной цѣлью—позабавиться. Съ этимъ долженъ былъ считаться поэтъ. Теперь же,—говоритъ Даламберъ,—хохотъ въ театрѣ считается неприличнымъ, современные зрители смѣются только «кончиками губъ» и то въ исключительныхъ случаяхъ [14]. Такое впечатлѣніе публика производитъ и на другихъ наблюдателей. «Теперь меньше смѣются,—пишетъ Мерсье,—чѣмъ въ прошломъ вѣкѣ, у публики стало больше такта, она умственно развилась». Она неспособна теперь интересоваться стишками, мадригалами и подобными пустяками [15]. «Нашимъ современникамъ,—говоритъ авторъ сочиненія *De la sensibilité*,—нравится языкъ разума, и писатель, умѣющій подбирать красивыя слова, въ настоящее время не имѣетъ никакого значенія» [16]. Автору книги *Les bareliefs du XVIII siècle* кажется, что смѣхъ покинулъ французскую націю съ первыхъ лѣтъ текущаго столѣтія [17]. Значеніе этихъ свидѣтельствъ очевидно:—мы поймемъ его еще яснѣй, когда ближе познакомимся съ образомъ мыслей и впечатлѣніями публики XVIII вѣка. Безъ особыхъ качествъ этой публики исчезла бы безслѣдно громадная доля просвѣтительныхъ стремленій

---

[14] *Eloge de Marivaux. Oeuvres*, p. 585; *Eloge de Nivelle*, p. 396; „le rire éclatant nous paraît aujourd'hui bourgeois et ignoble,—si nous consentons à rire, c'est tout au plus du bout des lèvres. et à la pointe de l'esprit".

[15] *Tableau de Paris*. Amst. 1782. IV, 386. *Du théâtre*. Amst. 1773, p. 136, rem.

[16] *De la sensibilité par rapport aux drames aux romans et à l'éducation*. Par M. Mistelet. Amst. et Paris. 1777. p. 21.

[17] Londres 1786: авторъ очень точно указываетъ эпоху—1709-й годъ. p. 71—2.

философовъ и неизмѣримо понизилась бы общественная роль театра. Она могла во всемъ объемѣ осуществляться только на извѣстной почвѣ, и эта почва была нѣчто совершенно другое, чѣмъ «почтенная публика» Мольера, представлявшая только пробный камень для смѣхотворныхъ способностей автора. Очевидно, сообразно съ настроеніемъ и духовнымъ развитіемъ публики должны были измѣниться и ея зрѣлища. Это являлось до такой степени неизбѣжнымъ фактомъ, что трудно сказать — кто шелъ во главѣ новой драматической литературы и рѣшилъ ея побѣду — авторы или зрители и читатели. Можно сказать одно: драматурги-просвѣтители имѣли предъ собой самыхъ отзывчивыхъ, благодарныхъ и надежныхъ слушателей. Съ ихъ помощью они могли довести свое дѣло до конца. Успѣхъ всецѣло зависѣлъ отъ общественнаго сочувствія, и оно засвидѣтельствовано самими участниками движенія и безпристрастными свидѣтелями. Первые съ полной увѣренностью предоставляли послѣднее слово публикѣ и приглашали своихъ противниковъ положиться на ея судъ [18]. Вторые въ слѣдующихъ словахъ выражали свои впечатлѣнія: «Авторы трагедій и комедій—всѣ противъ новаго направленія драматической литературы, всѣ изощряются въ сатирахъ на это направленіе. Одна только публика упорно покровительствуетъ ему, она сбѣгается на представленія новыхъ пьесъ, она любитъ отдаваться глубокимъ волненіямъ гуманнаго чувства» [19].

Вотъ, слѣдовательно, чего искала публика въ театральныхъ представленіяхъ. *Il aime à être penetré et atendri*,—говоритъ современникъ и со всѣхъ сторонъ идутъ поясненія и доказательства этихъ словъ. Публика хотѣла *чувства*. Откуда пришло это желаніе? Надо думать,—среди милліоновъ французской націи оно всегда существовало и находило удовлетвореніе тамъ, гдѣ могло. Въ наше время французскій кри-

---

[18] Даламберъ говоритъ и такомъ рѣшеніи Лашоссе и его послѣдователей. *Eloge*, p. 395.

[19] *De la sensibilité*. p. 12.

тикъ, объясняя широкое и быстрое распространеніе русской литературы въ своемъ отечествѣ и популярность такихъ писателей, какъ Диккенсъ, объясняетъ этотъ фактъ врожденной любовью французскихъ читателей къ «исторіямъ чувства»[20]. Несомнѣнно, въ народѣ въ низшихъ сословіяхъ въ XVIII вѣкѣ чувство и сердце являлись законными силами. Если о нихъ приходится говорить, какъ о новомъ открытіи,—это простирается исключительно на высшія сословія. Фактъ до такой степени несомнѣнный, что въ свѣтской средѣ проникновеніе чувствомъ, возвращеніе къ природѣ и простотѣ значило *s'encanailler*, т.-е. спуститься до низшихъ слоевъ общества. Всякое проявленіе чувства въ глазахъ классическаго аристократа является «буржуазной манерой». Кто хочетъ природы, а не формы, чувства, а не словъ, правды, а не притворства, жизни, а не комедіи—долженъ сбросить съ себя оковы свѣтскаго общества [21]. Въ силу реакціи—чувство и чувствительность становятся популярнѣйшими интересами людей, въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій жившихъ искусственною жизнью. Они теперь фанатически преслѣдуютъ то, отъ чего бѣжали и не щадятъ силъ — доказать, насколько они исправились и обновились.

Общество, не перестававшее смѣяться, переходитъ въ другую крайность: оно теперь также охотно плачетъ. Плачутъ всѣ, начиная съ короля и кончая дѣтьми. Людовикъ XV проливаетъ слезы на представленіи драмы Дидро. Марія Антуанета плачетъ въ комической оперѣ, всегда готова прослезиться, если публика принимаетъ ее радушно и кавалеры свиты привѣтствуютъ эти слезы стихотворными экспромптами, гдѣ говорится: — если народу и можно смѣяться, то несомнѣнно, только подъ властью государей, умѣю-

---

[20] „Ils ont triomphé par leur caractère ardemment sentimental". Hennequin. *Les écrivains francisés*. Paris. 1889. Préface IV, p. 108, 297—8. Любопытно, что и Эннекэнъ говоритъ исключительно о буржуазной публикѣ.

[21] Впослѣдствіи мы приведемъ рядъ примѣровъ, подтверждающихъ это положеніе. Cp. La Chaussée. *Le préjugé à la mode*, I. 4 etc.

щихъ плакать [22]. Мы постоянно читаемъ сообщенія современниковъ,—*вся* публика плакала въ такомъ-то спектаклѣ и чаще всего извѣстія падаютъ на комическую оперу. На нѣкоторыя, особенно поучительныя представленія, привозятъ дѣтей и они плачутъ «такъ трогательно, что увлекаютъ всѣхъ зрителей и тогда небольшая пьеска заставляетъ публику пролить столько слезъ, сколько видятъ очень немногія трагедіи» [23]. Слезы въ это чувствительное время играютъ роль для насъ едва вѣроятную—оружія противъ цензуры.

Въ правительственныхъ сферахъ большое неудовольствіе возбудила драма Седэна—*Philosophe sans le savoir*. Въ драмѣ отецъ изъ чувства чести разрѣшаетъ своему сыну драться на дуэли. Цензура рѣшительно отказалась пропустить пьесу. Тогда авторъ добился позволенія представить драму предъ спеціальной коммиссіей цензоровъ и полицейскихъ чиновниковъ и просилъ только, чтобы эти зрители взяли съ собою и женъ.—«Но они ничего не понимаютъ въ законодательствѣ», возразилъ lieutenant général de police.—«Все равно», отвѣтилъ Седэнъ, — «онѣ будутъ судить объ остальномъ». Ожиданія автора увѣнчались блестящимъ успѣхомъ: зрительницы расплакались и судьи, говоритъ современникъ,«не могли устоять предъ прекрасными глазами, проливавшими слезы». Автору указали кое-что выбросить и драма прошла [24]. Такимъ путемъ была спасена одна изъ лучшихъ

---

[22] Diderot. *O. compl.* IV, 240. Desnoiresterres. *La com. sat.* p. 199. Экспромтъ приведенъ въ *Corresp. secrète*. V, 121, 16 août, 1777.

[23] Напримѣръ въ *Mém. secr.* 5 janvier 1769 о представленіи *Lucile* въ мт. т.: „cette pièce romanesque a produit à ce théâtre le rare spectacle d'un auditoir fondant en larmes... chacun est sorti pleurant et enchanté".—*Corresp. litt.* (Grimm) по поводу *Fanfan et Colas*, ком. Бонуара. „Les enfants que leurs mères s'empressent de mener à ce spectacle garnissent le devant des loges tandis qu'elles mêmes sont dans le fond, et depuis le commencement de la représentation jusqu'à la fin on les voit pleurer avec un attendrissement que partagent tous les spectateurs. Il y a peu de tragédies qui fassent répandre autânt de larmes". XIV, 226, sept. 1784.

[24] Эпизодъ разсказанъ у Гримма—VI, 449—и повторяется почти во всѣхъ сочиненіяхъ, посвященныхъ драмат. литературѣ XVIII-го вѣка.

пьесъ Седэна и одно изъ замѣчательнѣйшихъ произведеній цѣлой эпохи.

Литература всѣми силами поощряетъ это настроеніе. Авторы комедій увѣряютъ, будто «честныя женщины чувствительнѣе, чѣмъ другія», и что даже не надо человѣку давать уроковъ нравственности, если онъ «чувствителенъ и нѣженъ» [25]. Журналы твердятъ: «въ чувствительности заключается весь нашъ геній». Авторы, не всегда согласные съ новымъ направленіемъ, восхваляютъ «сладостныя слезы чувства». Они считаютъ высшимъ достоинствомъ писателя «чувствительное сердце». Актеры въ своихъ обращеніяхъ къ публикѣ благодарятъ ее за одобренія и аплодисменты именно потому, что все это возбуждаетъ и развиваетъ у нихъ «чувствительность» [26].

Съ какой быстротой распространяется новое увлеченіе,— можно судить по слѣдующимъ фактамъ. Въ 1750 году въ Гагѣ былъ изданъ романъ *Le triomphe du sentiment*. Героиня кокетка и свѣтская щеголиха возымѣла фантазію—найти человѣка съ чувствомъ—*un Homme à sentiment*—«нѣчто рѣдкостное и смѣшное въ современный вѣкъ» espèce rare et ridicule dans le siècle où nous sommes. Эта рѣдкость, «это чудовище» cette espèce de monstre отыскивается и въ результатѣ перерождаетъ героиню: «дѣлаетъ ее благоразумной и

---

[25] *Isabelle et Gertrude*, op. com. 1765, Dorlis—герой: „Les femmes honnêtes sont plus sensibles que les autres". *La bergère des Alpes*, com. pastorale. Fonrose—герой: „A-t-on besoin de leçons, quand on est sensible et tendre". Cp. *Histoire anécdotique et raisonné du théâtre italien*. Paris. 1769. VII, 108, 137.

[26] *Journal des théâtres*; „La sensibilité fait tout notre génie", II, 18, 1 août, № 9. Paris 1777. *Corresp. secrète*, IV, 220.—*Compliment pour la clôture du théâtre*, 16 mais 1682. Mouhy. *Abrégé de l'hist. du th. fr.* IV, 189. Напомнимъ, что Неккеръ въ своей книгѣ о финансахъ обращался съ рѣчью къ „чувствительной націи", и Мирабо въ своемъ *d'Ami des hommes* старался употреблять *jargon sensible*, по выраженію Гримма, не уважавшаго дѣятельности маркиза. Что касается *cahiers*, мы уже знаемъ ихъ пристрастіе къ чувствительнымъ изліяніямъ и выраженіямъ въ родѣ—*le peuple sensible*, *la sensibilité nationale*, *la religion sensible*.

нѣжной». Въ половинѣ вѣка эта идея была «новостью»: такъ относится къ ней современникъ [27].

Спустя двадцать семь лѣтъ одновременно въ Амстердамѣ и въ Парижѣ выходитъ брошюра—*О чувствительности*. Авторъ пишетъ: «Соединеніе разума и чувствительности дѣлаетъ человѣка геніальнымъ и добродѣтельнымъ. Разумъ рѣдко бываетъ тамъ, гдѣ нѣтъ чувствительности. Тотъ чье сердце нечувствительно, отличается обыкновенно страстями низкими, темными, своекоростными». Авторъ считаетъ публику на своей сторонѣ. Даже увлекаясь новой комической оперой, преобразованной въ сущности въ чувствительную драму, она ясно доказываетъ свою любовь къ чувству. Авторъ совѣтуетъ призвать чувство на помощь въ воспитаніи юношества, образовать у дѣтей прежде всего сердце. Сколько безконечныхъ золъ создаются тѣмъ, что дѣвушки въ Парижѣ воспитываются безъ всякаго участія чувства! Для блага семьи и общества оно должно занять мѣсто галантности и кокетства [28].

Мы видѣли,—театръ пытался совершить эту замѣну, призывая матерей и дѣтей плакать на спектакляхъ. Позже мы убѣдимся, что здѣсь дѣйствительно осуществлялись серьезнѣйшія стремленія—воспитывать дѣтей въ духѣ новаго направленія.

Проникнуть чувству въ школу было крайне трудно,—для этого требовались цѣлыя десятилѣтія, можетъ быть вѣка. Но за то чувство сказалось въ жизни, въ ея серьезныхъ и мелкихъ явленіяхъ. Источники сообщаютъ исторіи, немыслимыя въ предыдущую эпоху. Любовь начинаетъ проявляться со всей силой и правдой естественной страсти. Галантное пустословіе становится исключительнымъ достояніемъ вымирающихъ поколѣній. Въ жизни совершаются событія, заставляющія предчувствовать грядущій романтизмъ: повторяется исторія, разсказанная Руссо въ романѣ *Новая Элоиза*. Въ

---

[27] Гриммъ. I, 419: „idée neuve et assez belle".

[28] p. 15—16. 29: „c'est le coeur qu'il faut corriger avant tout, c'est lui qu'il faut diriger, toucher, attendrir".—Комич. оперы въ родѣ—*Lucile, Silvain* авторъ называетъ—*drames—opéras*.

дѣйствительности оказывается еще больше энергіи, страсти, самоотверженія и несравненно меньше риторики. Бѣдный домашній учитель полюбилъ одну изъ своихъ учениць знатнаго происхожденія и застрѣлился, оставивъ записку, любопытную для характеристики старыхъ общественныхъ отношеній и для оцѣнки новаго симптома: «непонятный контрастъ между благородствомъ моихъ чувствъ и моимъ низкимъ происхожденіемъ; любовь на столько же дерзкая, насколько же и неопреодолимая къ обожаемой дѣвушкѣ, страхъ опозорить ее, необходимость выбирать между преступленіемъ и смертью—все это заставило меня умереть. Я родился для добродѣтели, могъ стать преступникомъ: я предпочелъ смерть» [29]. Подобная исторія входитъ въ біографію Седэна. Женщина, любившая его, покончила самоубійствомъ, послѣ того какъ Седэнъ вздумалъ жениться и невѣста его не взяла и 50,000 за отсрочку свадьбы на одинъ годъ [30].

Эти происшествія возбуждаютъ горячій интересъ общества. Высказываются взгляды, совершенно чуждые эпохѣ всевозможныхъ ограниченій, предразсудковъ, ханжества и безсердечія, взгляды, которые потомъ будутъ усвоены романтизмомъ и лягутъ въ основу творчества величайшаго поэта Франціи — Виктора Гюго [31]. Одно время все аристократическое общество, парижская публика и литература единодушно отдаютъ свое вниманіе вопросу о романическомъ умопомѣшательствѣ. Фактъ этотъ тѣмъ интересенъ, что героиня, завладѣвшая умами, крестьянская дѣвушка. Весной въ 1786 году на сценѣ итальянскаго театра шла драма *Nina ou la folle par amour*. Пьеса заимствована изъ разсказа Арно, основаннаго въ свою очередь на дѣйствительномъ фактѣ. О героинѣ въ самомъ началѣ пьесы заявлялось: «Elle était née sensible. Она сошла съ ума, по-

---

[29] *Corresp. litt* (Grimm) XIII, 529—30, mai 1784.

[30] *Mem. secr.* 18 mai 1767.

[31] *Corresp. litt.* (Grimm) XIV, 197: разсказывается исторія дѣвушки, вызывающая у разсказчика тѣ самыя соображенія, какія руководили Викторомъ Гюго при созданіи драмъ *Angelo, Marion Delorme.*

тому что не вернулся изъ отлучки ея женихъ. Ежедневно Нина — дѣйствительная героиня — выходила встрѣчать его, останавливалась въ гостинницѣ недалеко отъ деревни, спрашивала два прибора, обѣдала и потомъ уходила, говоря: «онъ сегодня не придетъ,—я вернусь завтра». Въ драмѣ исторія происходитъ иначе. Нина превращена въ дочь графа и покровительницу бѣдныхъ и несчастныхъ, мотивъ также разсчитанный на чувствительность публики. Въ результатѣ, съ популярностью *Нины*, по словамъ современниковъ, могла сравниться развѣ только популярность *Свадьбы Фигаро*. Появилось множество новеллъ съ героинями, сошедшими съ ума отъ любви и это называлось: *Folies sentimentales ou les egarements de l'esprit par le coeur*. Въ аристократическихъ салонахъ увлекались новой игрой въ сумасшедшую [32].

Среди стараго французскаго общества все должно было принимать болѣе или менѣе каррикатурную форму: то же самое произошло съ ново-открытой силой, съ чувствомъ, лишь только оно попало подъ власть моды. Она сейчасъ же сообщила ему характеръ смѣшного, преувеличеннаго. Марія Антуанета, страстная любительница оригинальныхъ прическъ, довела даже Людовика XVI до открытой насмѣшки надъ ея фантазіями. Этимъ воспользовался итальянскій театръ и повторилъ каррикатуру, внушенную королемъ. Насмѣшка не произвела никакого дѣйствія: прически продолжали изображать современную исторію въ самыхъ фантастическихъ формахъ. Была въ модѣ Англія—на головѣ женщины появляется англійскій садъ, возгаралась сѣверо-американская война—парижанки носятъ прическу *Aux Insurgents*, при помощи аллегорическихъ фигуръ изображающую торжество свободы, славу Франклина, развитіе земледѣлія, торговли и искусствъ — въ Америкѣ и униженіе Англіи. Правительство сочло нужнымъ запретить эту аллегорію. Процессъ Бомарше сопровождается особой прической *quesaco*, ее смѣнилъ *le pouff*

---

[32] Grimm. XIV, 382, 15 mai 1786. *Mem secr.* XXXII, 241; XXXIII, 158.

aux sentiments. На этотъ разъ отличилась герцогиня шатрская: она носитъ на головѣ цѣлую картину своего семейнаго счастія: изображенія ребенка, кормилицы, попугая, маленькаго негра, и все это перевито волосами мужа и другихъ родственниковъ. Современники приходятъ въ восторгъ и хвалятся, что ихъ вѣкъ самый чувствительный, какой только знаетъ исторія [33].

Мы видѣли, какое значеніе имѣла чувствительность въ литературѣ, какое вліяніе приписывали ей. Она всеобъемлющая сила въ личной, семейной и общественной жизни. Она—единственный источникъ гуманности—ставится выше всѣхъ другихъ свойствъ человѣческой природы. Одинъ авторъ, жестоко нападавшій на новое направленіе драматической литературы, съ теченіемъ времени отказался отъ своихъ нападокъ и сталъ вѣрнѣйшимъ защитникомъ чувствительности и ея безчисленныхъ благодѣяній. «Чувствительность», писалъ онъ, «дѣлаетъ человѣка благодѣтелемъ бѣдныхъ, благороднымъ въ отношеніяхъ къ врагамъ, скромнымъ и добрымъ въ счастіи, мужественнымъ и твердымъ въ несчастіи. Чувствительность, укрѣпляя кровныя связи, привязываетъ сильнѣе отца къ сыну, сына къ отцу и она же сообщаетъ столько энергіи и трогательности материнской любви. Чувствительность въ особенности оберегаетъ супружескую вѣрность, и если нація хранитъ священныя основы нравственности, — стражъ этихъ основъ чувствительность. Не было бы пороковъ, убійствъ, обмановъ, если бы всѣ люди были чувствительны и не подавляли такъ часто въ своихъ сердцахъ возвышеннаго и кроткаго голоса милосердія. Слѣдуетъ безпрестанно стараться укрѣплять эту силу. А гдѣ же успѣшнѣе всего можно этого достигнуть, какъ не въ драматическихъ произведеніяхъ? Гдѣ еще можно слить вмѣстѣ кроткое и нѣжное милосердіе съ спокойной веселостью? Гдѣ эти двѣ сестры, умѣряя другъ друга, могутъ производить

[33] *Corresp. secrète*. I, 214, 158. О запрещ. прически. *Mem. secr*. 30 mai 1778, *Le pouff aux sentiments*. Ib. 26 août 1774.

такое обаятельное впечатлѣніе взаимнымъ контрастомъ и раскрывать невиданную прелесть, безпрестанно мѣняя внѣшнія формы» [34].

Эти слова — отголосокъ современнаго увлеченія, защита новыхъ «философскихъ» пьесъ, и здѣсь же намѣчены главнѣйшіе практическіе результаты. Чувствительность въ литературѣ вызвала произведенія, въ которыхъ «сливались черты нѣжнаго милосердія съ спокойной веселостью», въ жизни явилась преобразовательницей семейныхъ и общественныхъ отношеній. Никто яснѣе и энергичнѣе не раскрылъ многообразнаго значенія той же чувствительности, чѣмъ Кондорсэ, — одинъ изъ искреннѣйшихъ поклонниковъ философской драмы XVIII вѣка. Идеальный человѣкъ, по его словамъ, «чувствительное существо, способное составлять умозаключенія и пріобрѣтать нравственныя идеи». — При помощи одной этой истины,—поясняетъ авторъ,—публицистамъ удалось вывести всѣ права человѣка [35]. И мы видимъ этотъ процессъ во-очію. Стоило проникнуть чувству въ литературу, въ сознаніе общества — будущее самыхъ широкихъ реформъ было обезпечено. Съ одной стороны *идеи*, съ другой — *чувство*, философія и чувствительность, разумъ и сердце, логика и паѳосъ—эти элементы до такой степени неразрывно связаны въ просвѣтительной литературѣ, что трудно сказать — идеи возбуждали извѣстное настроеніе, или онѣ только были результатомъ настроенія. Въ драматической литературѣ чувствительность, конечно, должна была стать общимъ фономъ для всѣхъ идей. Какихъ бы вопросовъ авторъ ни касался, какую бы основу стараго порядка ни развѣнчивалъ,—онъ непремѣнно дѣлалъ это, возбуждая чувствительное настроеніе зрителей. Даже поэты, по натурѣ менѣе всего склонные къ паѳосу сердца, принуждены

---

[34] De Cubières. *Dialogue entre auteur et un homme de goût.* II t. *Théâtre moral.* Paris 1786, pp. 28—30.

[35] *Tableau des progrès de l'ésprit humain. Oeuvres Compl.* Paris. an XIII, VIII, 233.

были насиловать свои таланты въ угоду общему теченію. Вольтеръ—типичнѣйшій представитель галльской веселости и французскаго esprit, запросами современной публики былъ превращенъ въ автора чувствительныхъ пьесъ.

II.

Въ новой драматической литературѣ сказалась сначала одна черта—*чувствительность*, потомъ къ ней, въ силу указанной выше связи, присоединилась другая — *простонародность*. Въ тотъ моментъ, когда авторы стали защищать права семьи, искреннихъ, сердечныхъ отношеній между супругами, отцами и дѣтьми,—положено было начало чувствительной драмѣ и одновременно произнесено слово осужденія надъ одной изъ тлетворнѣйшихъ язвъ — стараго порядка — надъ отсутствіемъ семьи въ высшемъ обществѣ. Сдѣланъ былъ этотъ шагъ драматургами, не принадлежавшими къ философскому лагерю, но тѣми самыми, которые, также независимо отъ философовъ, превратили театръ въ трибуну нравственныхъ проповѣдей. Въ 1727 году на сценѣ появилась комедія Детуша—*Le Philosophe marié*. Смыслъ и сюжетъ комедіи достаточно выясняется изъ слѣдующаго признанія героя своему другу: «Между нами будь сказано, — я имѣю слабость краснѣть отъ почетнаго и пріятнаго имени, на которое я имѣю всѣ права,—отъ прекраснаго имени супруга. Оно заставляетъ меня дрожать, когда я произношу его: до такой степени нравы нашего времени сдѣлали его смѣшнымъ» [36]. И вся пьеса состоитъ изъ борьбы сердечнаго влеченія съ предразсудкомъ. Спустя восемь лѣтъ на ту же тему появилась комедія другого автора — Лашоссе—*Le prejugé à la mode*: здѣсь еще энергичнѣе прославлялась супружеская любовь и подвергались стыду великосвѣтскіе фаты, поднимающіе на смѣхъ сердечныя семейныя отношенія. Герой, въ началѣ стыдившійся своей любви къ женѣ, въ концѣ объ-

---

[36] *Le ph. m.* I, 2.

являетъ торжественно: «Да, я больше не скрываю своихъ чувствъ. Я люблю мою жену и только ее обожаю. Пусть судятъ объ этомъ другіе какъ хотятъ,— для меня достаточно моего счастія». Онъ выражаетъ надежду, что предразсудокъ окончательно исчезнетъ [37]. Пьеса имѣла громадный успѣхъ, возбудившій даже соревнованіе Вольтера. А между тѣмъ, еще два года тому назадъ Лашоссе сомнѣвался въ расположеніи публики къ новому жанру. Въ предисловіи къ комедіи *La fausse Antipathie* онъ крайне осторожно и боязливо выступилъ предъ публикой и хотѣлъ только испытать ея вкусъ. Попытка оказалась настолько удачной, что Вольтеръ задумалъ написать пьесу въ томъ же направленіи [38]. Этотъ фактъ тѣмъ замѣчательнѣе, что Вольтеръ отказался отъ сюжета *Préjugé à la mode*, предложеннаго ему m-lle Quinault, артисткой французскаго театра. Та же актриса вскорѣ разсказала Вольтеру другую исторію—и на другой день послѣ разсказа поэтъ принесъ ей планъ драмы *L'enfant prodigue*. Вольтеръ сильно опасался за успѣхъ будущей пьесы и просилъ помощи у своей вдохновительницы: до такой степени онъ сомнѣвался въ достоинствахъ новаго жанра! [39]. Онъ открылъ публикѣ свое авторство только спустя два года, когда драма имѣла уже около тридцати представленій [40]. Съ этихъ поръ новый жанръ вступаетъ въ область теоретическаго выясненія и серьезной критики. Вольтеру суждено было написать первую защиту въ его пользу. Въ *Предисловіи* къ *L'Enfant prodique* сліяніе трагическаго съ комическимъ признается необходимымъ въ интересахъ бóльшаго соотвѣтствія, драматическихъ произведеній дѣйствительной жизни. И вообще по мнѣнію автора, «всѣ жанры хороши, за исключеніемъ скучнаго жанра».

[37] *Le pr. à la m.* V, 6.

[38] Такъ разсказ. La Harpe: *Lycée ou cours de la litterature.* Paris. 1834. II, 316. Вольтеръ самъ не упоминаетъ объ этомъ вліяніи, говоря о драмѣ Лашоссе въ *Dict. philos.* art. *Art dramatique. Oeuv. compl.* Paris 1826, LII, p. 226. Здѣсь же о разсказѣ m-lle Quinault.

[39] Lenient. *La com. en France.* II, 49—50.

[40] *Préface* къ изд. пьесы въ 1738 году.

Это было только началомъ вольтеровской критики. Поэтъ до конца своей дѣятельности не переставалъ говорить о новой драмѣ. Послѣ *L'Enfant prodigue* онъ написалъ «драматическое произведеніе» (ouvrage dramatique) — *Socrate*—въ прозѣ, выдалъ его за переводъ съ англійскаго и снова въ предисловіи защищалъ сліяніе «патетическаго съ комическимъ». Въ слѣдующемъ году появилась комедія *L'Ecossaise*. Она приписывалась также англійскому автору, въ предисловіи ея жанръ назывался «высокой комедіей» (haut comique) и съ особенной похвалой отмѣчались сцены, «трогательныя до слезъ». Заставить публику плакать — было исконнымъ стремленіемъ Вольтера [41]. Онъ возставалъ только противъ безраздѣльнаго царства слезъ, онъ непремѣнно хотѣлъ смѣха и веселиться рядомъ съ чувствительностью. Слезливая драма по его мнѣнію, «жанръ совершенно не художественный и непріятный». Но за то Вольтеръ употребляетъ всѣ усилія доказать, до какой степени умѣстно и естественно пользоваться одновременно и слезами и смѣхомъ, разсказываетъ по этому поводу случаи изъ жизни [42]. Вольтера принято обвинять въ крайней непослѣдовательности по вопросу о новой драматической литературѣ. Говорятъ, будто онъ попеременно признавалъ и отвергалъ genre larmoyant [43]. Стоитъ внимательнѣй прослѣдить мнѣнія Вольтера въ различныя эпохи, чтобы отказаться отъ этихъ обвиненій. Онъ остался невѣренъ себѣ развѣ только въ одномъ отношеніи: въ 1770 году онъ отвергаетъ прозу въ трагедіи, а въ 1759

[41] По поводу трагедіи *Olympie* Вольтеръ писалъ къ Даржанталю: „Lisez, jugez: mais pleurez: *Oeuv. compl.* LX, 24. Та же самая надежда возлагается на трагедію *Scythes*: слезы публики должны спасти эту пьесу и авторъ заранѣе знаетъ, какія сцены заставятъ зрителей плакать. Ср. Desnoiresterres, *Voltaire* VII, 175. Одновременно на сценѣ фернейскаго замка появилась трехъактная *pièce dramatique—Charlot*, также преисполненная чувствительности: она, между прочимъ, прославляетъ Генриха IV. Защищая сюжетъ *Мерты* - Вольтеръ писалъ: „On a pleuré à Vérone et à Paris: Voilà une grande réponse aux critiques“. *Théâtre*. P. An IX p. 209.

[42] Въ предисловіяхъ къ *Nanine*, *Enfant prodigue*.

[43] Такъ думаютъ Lanson. *O. c.* p. 277; Lenient. *O. c.* I, 271.

году написалъ *Сократа* въ прозѣ [44]. Но даже и этотъ фактъ врядъ ли можно считать вполнѣ доказаннымъ противорѣчіемъ: Вольтеръ не допуская прозы въ трагедіи, встрѣтилъ смѣхомъ трагедію Ламотта *Oedipe en prose* [45]. Но *Сократъ* — не трагедія, а «ouvrage dramatique» и Вольтеръ съ строжайшей точностью отдѣляетъ трагедію отъ всѣхъ другихъ жанровъ, и стремится сохранить ее въ первичной классической чистотѣ. Исключительно слезливая драма возмущала его до послѣднихъ дней. Онъ отвергъ ее въ предисловіи къ *Nanine*, осудилъ много лѣтъ спустя въ *Философскомъ Словарѣ*, признавъ слезливыя драмы результатомъ художественнаго безсилія писателей. Это, очевидно, было твердымъ и непоколебимымъ убѣжденіемъ Вольтера [46]. Онъ хвалилъ пьесу Дидро *Père de famille* вѣроятно, потому, что въ ней трогательныя сцены чередовались съ комическими, насколько это было въ талантѣ автора. Но подвергая критикѣ излишнюю чувствительность, Вольтеръ постепенно переходитъ на сторону другаго болѣе важнаго новшевства, созданнаго сторонниками новой драмы, не противорѣча себѣ, а только сознавая съ теченіемъ времени весь смыслъ явленія.

Мы видѣли,—въ новую драму на ряду съ чувствительностью долженъ былъ войти простонародный элементъ, буржуазный и деревенскій. Вопросъ возникъ о *новыхъ герояхъ* новыхъ пьесъ. Сначала авторы, увлеченные исторіями чувства въ разнообразныхъ его проявленіяхъ, не занимаются этимъ вопросомъ У Лашоссе нѣтъ никакой связи между содержаніемъ пьесы и происхожденіемъ дѣйствующихъ лицъ. Предъ нами

---

[44] *Corresp. litt.* (Grimm) приводитъ письмо Вольтера къ Даржанталю по поводу трагедіи Седэна въ прозѣ *Maillard ou Paris sauvé*. 26 сент. 1770 г. Вольтеръ считаетъ этотъ фактъ для себя ударомъ. IX, 163.

[45] „Oeuvrez, ouvrez, c'est mon Oedipe en prose". Lenient. *o. c.* I. p. 155.

[46] Оно краснорѣчивѣе всего выразилось въ слѣдующихъ словахъ въ предисловіи къ *Nanine:* „La comédie peut donc se passionner, l'emporter, attendrir, pourvu qu'ensuite elle fasse rire les honnêtes gens. Si elle manqueit de comique, si elle n'était que larmoyante, c'est alors qu'elle serait un genre très vicieux et très désagréable". *Dict. phil.* Paris 1826, II, 227.

отвлеченныя формулы того или другаго чувства, той или другой добродѣтели. Это—чувствительная драма въ ея первичной, общей формѣ, можно сказать,—нечленораздѣльный тонъ для будущихъ драмъ. Только въ послѣдней пьесѣ автора *L'homme de fortune* на сцену выступаютъ герои съ характерами и стремленіями, обусловленными извѣстнымъ общественнымъ положеніемъ: появляется *буржуазная драма* и, слѣдовательно, немедленно поднимается вопросъ о сословныхъ отношеніяхъ. Герои—отецъ и сынъ—буржуа, сами заявляютъ себя таковыми и даже гордятся своимъ происхожденіемъ, по крайней мѣрѣ, не намѣрены заискивать у знати и преклоняться предъ ея родовыми преимуществами. Это—въ полномъ смыслѣ новые герои. Появились они на сцену не въ силу какихъ-либо теоретическихъ, еще менѣе философскихъ соображеній автора. Лашоссе не имѣлъ ничего общаго съ философами и реформаторами. Буржуа *должны* были, наконецъ, явиться на сцену героями драмы, потому что драматурги стали основывать свои пьесы на мотивахъ, искони принадлежавшихъ буржуазной средѣ. Съ этого момента начиналась для всѣхъ очевидная общественная роль драматической литературы, независимо даже отъ идей, какія авторы вздумали бы вложить въ свои произведенія. Великой и новой идеей былъ уже самый фактъ—стремленіе поэтовъ рисовать серьезными, драматическими и нерѣдко величавыми красками людей, которые раньше допускались на сцену чаще всего только затѣмъ, чтобы потѣшать публику своей глупостью и невѣжествомъ.

Вольтеръ немедленно понялъ опасность для основнаго классическаго жанра—для трагедіи и заявилъ протестъ въ предисловіи къ *Nanine*, къ той самой пьесѣ, которою онъ намѣренъ былъ растрогать публику. Онъ никоимъ образомъ не хотѣлъ допустить на трагическую сцену обыкновенныхъ людей *des hommes du commun*. По его мнѣнію, это значило «унижать котурнъ» — *avilir le cothurne* — одновременно нарушить законы трагедіи и комедіи, это «было бы нѣчто незаконнорожденное, чудовищное, возникшее по причинѣ без-

силія авторовъ создать настоящую комедію или трагедію». Въ тѣхъ же выраженіяхъ Вольтеръ осудилъ «буржуазную трагедію» въ стихотворной сатирѣ *Pauvre Diable*. Первое изданіе этой сатиры вышло въ 1758 году. Эту эпоху слѣдуетъ считать поворотной во взглядахъ Вольтера на новую драму. Два года спустя ему пришлось вступить въ борьбу съ Фрерономъ,—съ этой цѣлью написать комедію. *Предисловіе* къ пьесѣ вѣетъ уже совершенно другимъ духомъ, чѣмъ раннія разсужденія автора о драматической поэзіи. Теперь онъ соглашается, что на сцену слѣдуетъ выводить «всѣ сословія и всѣ званія людей» и ссылается на англичанъ, считающихъ предметомъ комедіи всѣ характеры и всѣ общественныя положенія. Все, что существуетъ въ природѣ, должно появляться на сценѣ. Французы страдаютъ излишней деликатностью. Мораль «высокой комедіи» отнюдь не наноситъ ущерба священному достоинству автора и не можетъ оскорблять самого изысканнаго вкуса. Такое свободное отношеніе къ комедіи должно было отразиться на давнишнемъ преклоненіи Вольтера предъ другимъ классическимъ жанромъ. Въ *Философскомъ Словарѣ* онъ все еще исповѣдуетъ старую эстетику, ему будто тяжело признать право гражданства за новой драмой, но онъ не можетъ отрицать ея успѣха, ея заслугъ предъ обществомъ. Онъ произноситъ остроумное опредѣленіе для драмы—*une espèce bâtarde*—весьма желательное для враговъ новой литературы, но не отрицаетъ у авторовъ драмы ни талантливости, ни искусства—торжествовать надъ мнѣніями противниковъ. Въ письмѣ къ Сумарокову онъ соглашается съ русскимъ авторомъ, негодующимъ на новыя драмы. Онъ повторяетъ свое старое выраженіе—*ces pièces bâtardes*, но, очевидно, на этотъ разъ въ критикѣ Вольтера гораздо больше любезной снисходительности къ мнѣніямъ иностраннаго писателя, его восторженнаго поклонника, чѣмъ дѣйствительно личныхъ воззрѣній. Все письмо написано въ крайне лестномъ для Сумарокова тонѣ. Оказывалось,—въ началѣ 1769 года—Сумарокову еще долго предстояло являться славой для своего народа, а Вольтеръ

уже умеръ для французовъ... Но умирающій не замедлилъ разсѣять недоразумѣнія,—и въ томъ же году высказалъ свой настоящій взглядъ на вопросъ. Въ обширномъ разсужденіи, написанномъ по поводу трагедіи *Гебры*, читаемъ: «Чтобы легче внушить людямъ доблести, необходимыя для всякаго общества, авторъ выбралъ героевъ изъ низшаго класса. Онъ не побоялся вывести на сцену садовника, молодую дѣвушку, помогающую своему отцу въ сельскихъ работахъ, офицеровъ, изъ которыхъ одинъ командуетъ небольшой пограничной крѣпостью; другой — служитъ подъ его командой, наконецъ, въ числѣ дѣйствующихъ лицъ—простой солдатъ. Такіе герои, стоящіе ближе другихъ къ природѣ, говорящіе простымъ языкомъ, произведутъ болѣе сильное впечатлѣніе, и скорѣе достигнутъ цѣли, чѣмъ влюбленные принцы и мучимыя страстью принцессы. Достаточно театры гремѣли трагическими приключеніями, возможными только среди монарховъ и совершенно безполезными для остальныхъ людей» [47]. Здѣсь уже нѣтъ никакихъ ограниченій и оговорокъ. Авторъ исповѣдуетъ новую эстетику во всей ея полнотѣ. Образцовый консерваторъ въ художественныхъ вопросахъ долженъ уступить вкусамъ своего времени. Уступки были рѣшены успѣхами драмы. При всемъ уваженіи къ трагедіи Вольтеру удалось спасти только форму. Содержаніе и духъ измѣнились до самыхъ основъ и такъ же мало напоминали классическіе образцы, какъ *Философскій Словарь* мало походилъ на проповѣди Боссюэ. Но какъ бы сдержанно Вольтеръ ни относился къ буржуазному жанру, — новая драма — въ смыслѣ идей—съ самаго начала повліяла на него въ высшей степени глубоко и оригинально. Онъ только *примѣшивалъ* чувствительныя черты къ комической основѣ, и результаты

---

[47] *Dict. philos*. Art. *Art dramatique*, p. 225. Лансонъ совершенно опускаетъ оговорки, какими Вольтеръ сопровождаетъ свои неблагосклонныя замѣчанія на счетъ „буржуазныхъ трагедій". *O. c.* p. 134. Первое изданіе *Dict. phil.* вышло въ 1764 году. Bengesco. *Bibliographie* I, 73, 412. Письмо къ Сумарокову отъ 26 февр. 1769: *Oeuvres compl. de V.* Paris 1828, *Corréspondance générale*, IX, p, 396.

выходили тѣ же, если бы даже онъ писалъ въ полномъ смыслѣ «буржуазныя трагедіи». Каждая пьеса Вольтера, отражавшая вліяніе новой драмы, была — по характерамъ, по сюжетамъ и по авторской тенденціи — краснорѣчивой проповѣдью въ демократическомъ направленіи. Вольтеръ— свободный мыслитель въ поэзіи и публицистикѣ въ комедіи—защитникъ равенства—и, какъ мы убѣдимся ниже, прямой предшественникъ Фигаро.

Путь новой драмы, слѣдовательно, совершенно выяснился во второй половинѣ XVIII вѣка: онъ начался защитой *чувства*—въ личныхъ и семейныхъ отношеніяхъ людей, независимо отъ ихъ общественнаго положенія. Здѣсь торжествуетъ супружеская любовь *Le philosophe marié* Детуша *La fausse Antipathie*, *Le prejugé à la mode*, *Mélanide* Лашоссе, взаимная довѣрчивость, искренняя сердечныя отношенія между родителями и дѣтьми *Le glorieux* — Детуша, *Ecole des mêres*, чувство дружбы *Ecole des amis* — Лашоссе. На сцену постепенно выступаютъ и болѣе широкіе вопросы. Современники чувствительность понимаютъ какъ силу, преобразующую всю жизнь и дѣятельность человѣка, одинаково—въ семьѣ, въ кругу близкихъ, въ обществѣ, даже въ государствѣ. Всѣ эти мотивы должна разрабытывать драма. *Conditions*—появляются на сцену у Лашоссе, сначала не оказывая замѣтнаго вліянія на характеры и поведеніе дѣйствующихъ лицъ, хотя подъ вліяніемъ чувства имъ приходится высказывать истинно-философскія идеи. Отецъ, защищая дочь передъ матерью, говоритъ: «равенство,—законъ природы», сынъ, отказываясь отъ выгоднаго брака и чувствуя любовь къ бѣдной дѣвушкѣ, заявляетъ отцу: «оставимъ въ сторонѣ благородство крови. Въ глазахъ справедливости всѣ одинаковаго ранга Взвѣсимъ дѣйствительныя права. Самое знатное происхожденіе не должно прибавить здѣсь и одной крупицы вѣса». Но это пока частные вопросы въ каждой пьесѣ. Съ теченіемъ времени тѣ же идеи станутъ единственными мотивами драмы,—и уже Лашоссе рисуетъ двухъ буржуа, чувствующихъ подъ собой совершенно твер-

дую межу рабами съ аристократіей, а Вольтеръ въ первой же драмѣ провозглашаетъ естественное равенство слугъ съ господиномъ и открываетъ у людей гораздо больше чувства и чести, чѣмъ у этихъ благородныхъ друзей своего героя. Личное достоинство является новымъ элементомъ рядомъ съ старыми основами общества — происхожденіемъ и привилегіей.

Въ такомъ положеніи находилась драматическая литература, когда на сцену выступилъ Дидро съ теоріей новаго жанра и представилъ образцы.

III.

Первая пьеса Дидро—*Le fils naturel* появилась въ 1757 году,—ее сопровождали объяснительные *Разговоры*. Въ слѣдующемъ году Дидро издалъ *Le père de famille* и приложилъ обширное разсужденіе *О драматической поэзіи*. Теоріи автора, конечно, возникли раньше, чѣмъ образцы, и мы должны съ нихъ начать свое знакомство съ реформой Дидро.

Въ Разговорахъ затронуто много общественныхъ вопросовъ по поводу отдѣльныхъ сценъ комедіи. Герой — суровый и строгій по характеру—ведетъ длинную бесѣду съ слугой, когда тотъ не исполняетъ его воли. Для современника стараго порядка это—въ высшей степени странно. Авторъ замѣчаетъ: «Развѣ они, ставши нашими слугами, перестали быть людьми?» Женская прислуга играетъ другую роль. Горничная является повѣренной своей госпожи: воспитаніе, сожалѣетъ авторъ, еще не достигло такого совершенства, чтобы отцы и матери были повѣренными своихъ дѣтей. Во второмъ *Разговорѣ* подробно раскрывается способность простыхъ людей къ патетическимъ настроеніямъ. По поводу сцены господина съ слугой въ минуты испытаній авторъ останавливаетъ вниманіе на чувствительности слуги, его преданности и мужествѣ. Онъ съ восторгомъ вспоминаетъ сцену «расточительнаго сына» съ слугой въ комедіи Вольтера: тамъ слуга идеализируется на счетъ благородныхъ господъ,

онъ является единственнымъ другомъ и утѣшителемъ своего господина, потерпѣвшаго страшное несчастье. Эта сцена, очевидно, вдохновила Дидро. Онъ называетъ жанръ «домашней и мѣщанской трагедіей», горько сѣтуетъ, что Вольтеръ пренебрегаетъ имъ, хотя самъ же основалъ его. Комплиментъ, какъ мы знаемъ, не совсѣмъ справедливый, но онъ очень характеренъ для дѣятельности Вольтера и ея значенія въ глазахъ современниковъ—даже въ тѣхъ случаяхъ, когда Вольтеръ шелъ по чужимъ слѣдамъ и притомъ медленными шагами. Въ третьемъ *Разговорѣ*—предлагается новый терминъ *серьезный жанръ* (le genre serieux), и этотъ жанръ признается «наиболѣе полезнымъ и самымъ распространеннымъ». Ему подлежатъ будничныя явленія жизни, «не возбуждающія ни смѣха, ни ужаса, о которыхъ поэту приходится говорить такимъ же тономъ, какимъ мы бесѣдуемъ о серьезныхъ дѣлахъ». Такихъ явленій очень много, и помимо трагедій и комедій долженъ существовать еще особый жанръ, совершенно независимый отъ первыхъ двухъ. Дидро отрицаетъ всякую возможность пріурочивать драматическіе жанры къ извѣстнымъ сословіямъ, какъ это дѣлалось классической эстетикой. Случаются забавныя приключенія при дворѣ и очень трогательныя происшествія въ городѣ. Комедія и трагедія, слѣдовательно, свойственны одинаково всѣмъ состояніямъ,—съ одной только разницей: подъ кровлями подданныхъ еще чаще бываютъ горе и слезы, чѣмъ забавы и веселья въ дворцахъ государей. Дидро различаетъ два жанра въ новой драматической литературѣ—*серьезную комедію* и *мѣщанскую трагедію*. Первую уже давно призналъ Вольтеръ, но Дидро и для второй ждетъ блестящей будущности: изображеніе несчастій, окружающихъ насъ въ ежедневной жизни, сообщитъ драмѣ реальную правду. Дидро постоянно повторяетъ совѣтъ драматургамъ: приблизьтесь къ дѣйствительной жизни—*rapprochez vous de la vie reelle*, изображайте «состоянія», *conditions*, покажите на сценѣ жизнь, обязанности каждаго сословія, семейную и общественнуя обстановку. Въ нашъ вѣкъ, говоритъ авторъ, не имѣютъ ни малѣйшаго представленія, напримѣръ, о томъ,

[illegible]

[illegible] больше успѣха, чѣмъ гдѣ-либо. Дидро въ числѣ героевъ этихъ пьесъ называетъ крестьянъ и вспоминаетъ комедію Бре *L'orphéline [illegible]*, изображающую благородство и идеальную [illegible] любовь деревенскаго парня въ противоположность лицемѣрію и жестокости дворянина. Эта комедія — «вполнѣ въ нравственномъ и серьезномъ жанрѣ». Она должна нравиться всему міру, во всѣ времена неизмѣнно вызывать слезы [illegible]. Дидро, какъ истинный философъ XVIII вѣка, глубоко убѣжденъ въ исконной добротѣ человѣческой природы. Въ порокахъ и преступленіяхъ виноваты «презрѣнныя условности», созданныя обществомъ, человѣческая природа сама по себѣ благородна. Поэтъ всегда встрѣтитъ здѣсь отголосокъ на все возвышенное и нравственное, и особенно драматическій поэтъ. «Партеръ театра — единственное мѣсто,

---

[illegible] „Lorsque j'entendis les scènes du Paysan dans le *Faux généreux*, je dis: „Voilà qui plaira à toute la terre, et dans tous les temps; voilà qui fera fondre en larmes".—C'est épisode est tout—à—fait dans le genre honnête et sérieux".

гдѣ проливаютъ слезы добродѣтельный и злой». «Злой выходитъ изъ театра, меньше склонный дѣлать зло, чѣмъ если бы онъ услышалъ суровую и жестокую проповѣдь карающаго проповѣдника».

Въ этихъ идеяхъ мы встрѣчаемъ обобщенія многихъ фактовъ, намъ уже извѣстныхъ. *Conditions* изображались Вольтеромъ и Лашоссе за нѣсколько лѣтъ до трактатовъ Дидро. Но было бы неосновательно отрицать въ разсужденіяхъ Дидро всякую оригинальность и даже унижать его сравнительно съ Лашоссе, какъ дѣлаетъ это новѣйшій авторъ [49]. У Лашоссе не было яснаго представленія объ общественномъ значеніи новой драмы. Появленіе *conditions* для самого автора было случайностью, а не результатомъ идейнаго стремленія. *Чувство*, введенное Лашоссе въ драму, логически должно было привести къ вопросу объ общественныхъ отношеніяхъ. Но личная воля автора не играла здѣсь никакой роли. Дидро, напротивъ, ясно и открыто поставилъ цѣлью драмы—изображеніе всевозможныхъ общественныхъ положеній и состояній. Другая еще болѣе важная идея Дидро является также его достояніемъ. Дидро съ особенной энергіей настаивалъ на *реализмѣ* драматическихъ изображеній, на сближеніи поэзіи съ жизнью,—Лашоссе сочинялъ невѣроятные романы и строилъ свои драмы на приключеніяхъ, скорѣе напоминавшихъ сказки, чѣмъ какую бы то ни было дѣйствительность. Наконецъ, просвѣтительное вліяніе театра на народъ, идущее путемъ правды, путемъ воспроизведенія горя и радостей—не пышныхъ дворцовъ, а убогихъ хижинъ,—эта идея всецѣло принадлежитъ Дидро. Энциклопедистъ и здѣсь остался вѣренъ своему призванію — распространять знаніе и свѣтъ въ народѣ ради самого народа. Сердечность, какою проникнуты

---

[49] Lanson *O. c*, p. 270. Авторъ даже находитъ возможнымъ укорить Дидро въ широковѣщательности его теорій Талантливѣйшіе современники энциклопедиста были другаго мнѣнія. Нельзя не обратить вниманія, что рѣзкая перемѣна во взглядахъ Вольтера на *буржуазную трагедію* относится къ эпохѣ появленія трактатовъ Дидро, а Бомарше, какъ увидимъ, свою драматическую дѣятельность ставилъ въ зависимость отъ ученій Дидро.

даже теорія Дидро, доходитъ до изумительной искренности и чистосердечія. Вторую пьесу ему пришлось писать въ самый разгаръ преслѣдованій, постигшихъ *Энциклопедію*. Онъ говоритъ объ «исключительныхъ обстоятельствахъ, сдѣлавшихъ для него жизнь тягостной и работу ненавистной». Его томила скорбь, неудачи сосредоточивали его мысль на личномъ существованіи. Ему трудно было жить чужою жизнью, входить въ характеры своихъ героевъ: энтузіазмъ угасалъ и пламя генія переставало свѣтить... И все-таки автору удалось представить для своихъ теорій вполнѣ удовлетворительные образцы.

На нашъ взглядъ, герои Дидро страдаютъ слезливостью и наклонностью къ риторическимъ изліяніямъ. Авторъ не довольствуется замѣчаніями: «плачетъ, рыдаетъ», иногда соединяетъ и то и другое — *en sanglotant*, *en pleurant*. Въ сцены вставляются цѣлыя разсужденія. Напримѣръ, героиня обѣщаетъ герою быстрое распространеніе философскихъ и гуманныхъ идей въ современномъ обществѣ, герой цитируетъ стихи Вольтера, героиня выражаетъ твердую надежду на окончательное торжество разума и гуманности и кстати намѣчаетъ планъ воспитанія своихъ дѣтей, хотя она говоритъ еще только съ женихомъ [50]. Всѣ герои, — выражаясь словами одного изъ нихъ, — «изливаютъ потокъ чувствъ» — un torrent de sentimens. Семейное счастіе прославляется въ длинныхъ рѣчахъ, обстоятельно излагающихъ всѣ наслажденія родительской любви [51]. Но все это совершенно въ духѣ современной философіи и во вкусѣ самихъ зрителей. Этотъ вкусъ не измѣнился со временъ классицизма — въ одномъ отношеніи: публика любитъ красивыя рѣчи, легко прощаетъ резонерство, если герои умѣютъ говорить изящно и остроумно и, что̀ еще важнѣе для публики XVIII вѣка, — влагаютъ въ свои рѣчи чувство и паѳосъ. Дидро зналъ своихъ современниковъ, когда даже со сцены восхвалялъ

---

[50] *Le Fils Naturel.* IV, 3.

[51] *Le Père de famille* II, 2, рѣчь главнаго героя.

«уроки, звучащіе въ театрахъ» [52]. т. е. когда хвалилъ именно то самое краснорѣчіе и патетическое резонерство, какимъ самъ пользовался въ своихъ пьесахъ. Это не была холодная риторика: монологи произносились — *d'une voix tremblante, avec humanité, d'une voix basse et sanglotante*—цѣлая гамма сердечныхъ ощущеній. Содержаніе монологовъ дышало невѣдомымъ раньше духомъ терпимости, свободы, братства. Герои описывали незамѣтную, но честную и благородную жизнь бѣдняковъ, разсказывали, какъ они начинаютъ работу до разсвѣта и просиживаютъ ночи, описывали обстановку ихъ жилищъ [53]. «Въ мірѣ слышится столько жалобъ только потому, что бѣднякъ лишенъ мужества, а богачъ—гуманности» [54]. Сильный богачъ въ одно мгновеніе могъ погубить счастіе бѣдняка, онъ доставалъ *lettre de cachet* съ именами, какія ему требовались—и жертвы теряли свободу по одному его капризу [55]. И все-таки,—юношамъ твердили, что этотъ порядокъ созданъ непогрѣшимымъ обществомъ, оно требуетъ безусловнаго повиновенія своимъ обычаямъ и предразсудкамъ: они сами—эти юноши—должны признать все благо *lettres de cachet* и благоговѣть предъ мнѣніемъ людей, совершающихъ насилія. Тогда послышалась новая патетическая рѣчь и старое общество узнало, что юному герою «нужна честная и *чувствительная*—honnête et sensible—спутница, которая научила бы его переносить житейскія испытанія, а не богатая и титулованная жена, способная умножить ихъ». Защитникъ общественнаго авторитета называетъ такія чувства—«стремленіемъ разрушить общество, уничтожить привилегіи происхожденія и ранговъ, унизить семью». Новый человѣкъ находитъ, что современное общество «все ниспровергло, все исказило, природу

---

[52] *Le Fils Naturel*, IV, 3; Constance: „Voilà les leçons dont nos théâtres retentissent, et dont ils ne peuvent retentir trop souvent".

[53] *Le Père de famille.* I, 7.

[54] *Ib.* II, 3.

[55] *Ib.* V, 8. Такова роль одного изъ героевъ—M. le commandeur d'Auvilé.

подчинило жалкимъ условностямъ», — и стремленія героя ясны—возстановить права чувства и личности [56].

Одинъ предразсудокъ падаетъ за другимъ. Возстановляются права незаконнорожденнаго сына и бѣдняка на любовь и уваженіе, потому что благородное происхожденіе и богатство—случайны, достаются одинаково хорошимъ и дурнымъ, а добродѣтели зависятъ отъ личной воли и только онѣ рѣшаютъ вопросъ о значеніи человѣка. Личная дѣятельность также ставится выше привилегій. Дворянинъ принимается за торговлю, нисколько не страшась унизить себя, напротивъ, желая обладать состояніемъ, облагороженнымъ работой и опасностями. Женщина, до сихъ поръ игравшая роль украшенія и забавы, теперь хочетъ стать матерью—воспитательницей, и учительницей своихъ дѣтей и участвовать въ трудахъ и стремленіяхъ мужа [57]. Отцы не поручаютъ дѣтей «наемникамъ», они сами пристально изучаютъ душу и наклонности ребенка и на основаніи этихъ наблюденій составляютъ планъ воспитанія. Родители гордятся тѣмъ, что они лично научили своихъ дѣтей говорить, думать и чувствовать [58].

На такихъ мотивахъ строилась новая литература — «семейная или мѣщанская трагедія». Самый терминъ указываетъ на ея значеніе: преобразованіе семьи и общественныхъ отношеній. Окончательно измѣнилась и форма. Пьесы Дидро установили прозу для новаго жанра,—необходимое слѣдствіе реальныхъ стремленій драмы.

Разсужденія Дидро не прекратили споровъ о новыхъ пьесахъ. Защитники и противники не переставали заявлять о себѣ цѣлыми книгами, статьями, эпиграммами, и даже пьесами, спеціально написанными для защиты или осмѣянія новаго направленія. Для насъ интереснѣе всего соображенія общественнаго характера—той и другой стороны. Классики за-

---

[56] *Ib.* II, 6.
[57] *Le Fils Naturel.* IV, 3, 5.
[58] *Le Père de famille.* II, 6.

щищали исключительныя права коронованныхъ героевъ на трагедію: этимъ и ограничивались идеи противниковъ *общественнаго* содержанія драмы. Художественные критики чаще всего прибѣгали къ выраженіямъ Вольтера—*une espèce bâtarde, un monstre* и, подобно ему, указывали на легкость новаго жанра [59]. Авторы бугто забыли, что трагедіи было писать

[59] Наиболѣе видная работа—книга члена Академіи de la Rochelle—Charassin'a: *Reflexions sur le comique larmoyant*—вышла въ 1749 году, т. е. раньше драмъ Дидро. Но на нее постоянно ссылаются оппоненты Дидро и вообще враги новаго жанра. Авторы, принимавшіе участіе въ полемикѣ, перечислены у Lanson'a, p. 277. Къ списку можно присоединить имя драматурга Piron'a: объ его насмѣшкахъ надъ Лашоссе мы говорили, хотя слѣдуетъ замѣтить, что Пиронъ былъ однимъ изъ родоначальниковъ чувствъ драмы. Въ 1728 году появилась его пьеса *Les fils ingrats*, принадлежащая по всѣмъ признакамъ къ жанру Лашоссе. Г-жѣ Граффиньи - автору одной изъ популярнѣйшихъ драмъ—*Cénie*—принадлежитъ защита классическихъ героевъ—въ *Lettres péruviennes*. Ср. La Harpe. *Lycée*. II, 325. Взглядъ г-жи Граффиньи не лишенъ оригинальности и въ общихъ чертахъ выражаетъ обычные доводы сторонниковъ классицизма: „dans la tragédie les grands crimes sont liés à de grands intérêts qui les annoblissent en quelque sorte, et sans rendre celui qui les commet moins coupable le rendent moins vil à nos yeux".—До самаго конца XVIII-го вѣка не переставали появляться все новыя брошюры по вопросу о драмѣ. Кромѣ того, каждый драматургъ пишетъ предисловія и послѣсловія къ собственнымъ произведеніямъ. Укажемъ на брошюру, вышедшую въ Амстердамѣ, въ 1775 году—*Lettre à M. de Milcent, jeune littérateur, sur les drames bourgeois ou larmoyants par M. de la Viéville*. Брошюра любопытна, какъ одно изъ свидѣтельствъ о рѣшающемъ значеніи идей Вольтера, когда бы то ни было высказанныхъ имъ. Авторъ—относительно мѣщанской драмы—знаетъ только взгляды Вольтера въ пятидесятые годы и, повторяя ихъ, гордится, что сошелся во мнѣніяхъ съ геніальнымъ писателемъ. Другая довольно содержательная брошюра—*Lettre sur le drame a M P...* Amsterdam, 1774. Авторъ врагъ драмы и вообще философіи. О XVIII вѣкѣ этомъ, „le siècle philosophique par excellence" онъ говоритъ: „on lui doit *Le systemè de la Nature*, le Drame et l'opéra comique". p. 5. Такой взглядъ на драму не новость. Мы постоянно слышимъ, что это „жанръ въ полномъ смыслѣ философскій", „одинъ изъ плодовъ новой философіи" (Condorcet. *O. compl.* XIII, X p. 126). Связь драмы съ философіей, несомнѣнно, была главнѣйшей причиной ожесточенныхъ нападокъ на нее многихъ литераторовъ и снисходительнаго отношенія къ ней Вольтера. Авторъ брошюры ссылается на предисловіе къ

еще легче и посредственности набрасывались на этотъ жанръ, какъ на ремесло. Даламберъ, по странному недоразумѣнію, поддержалъ эту выходку противъ драмы, и даже совѣтовалъ — отвести для драмы второстепенную сцену — итальянскій театръ, а во французскомъ продолжать трагедію [60]. Въ высшей степени любопытна брошюра аббата Гарнье, вышедшая въ Амстердамѣ въ 1757 году, т. е. одновременно съ *Разговорами* Дидро. Брошюра носитъ названіе *Le Bâtard legitimé ou le triomphe du comique larmoyant*. Здѣсь встрѣчаемъ страницы, буквально повторенныя въ *Письмѣ къ Даламберу*. *Письмо* возникло годомъ позже и, можетъ быть, совпаденія не случайны. Но въ то время, какъ Руссо одинаково поражаетъ классическую трагедію, комедію и драму, Гарнье — горячій поклонникъ новой литературы. Драму онъ называетъ «жанръ въ полномъ смыслѣ философскій» — (*genre de spectacle tout philosophique*), привѣтствуетъ ея стремленія изображать людей среднихъ и ссылается на Сократа, поучавшаго гражданъ примѣрами изъ жизни ремесленниковъ. Дидро восхваляется, какъ первый писатель, сблизившій театръ съ обыкновенными людьми и съ ихъ интересами, какъ первый драматургъ реалистъ. Героевъ классической трагедіи—влюбленныхъ грековъ—авторъ называетъ амфибіями и отрицаетъ у нихъ дѣйствительное значеніе такъ же, какъ у неестественно-глупыхъ и ничтожныхъ персонажей комедіи [61].

Nanine, но ни слова не говоритъ о предисловіи къ трагедіи *Guèbres*, хотя она вышла за пять лѣтъ до брошюры. Эта же брошюра—единственная изъ извѣстныхъ намъ Мольера дѣлаетъ орудіемъ противъ философіи, цитируя извѣстныя стихи о трехъ педантахъ въ комедіи *Les femmes savantes*,—пріемъ, усвоенный всей драматической сатирой—стихи дѣйствительно весьма благодарные для *политическихъ* враговъ философіи (IV, 3: Clitandre). Авторъ даже прибавляетъ что онъ особенно часто думалъ надъ этими стихами. Его приводитъ въ крайнее недоумѣніе, какъ авторы могли драму соединить съ политикой? Но онъ не считаетъ нужнымъ то же самое настроеніе перенести на классическія трагедіи—въ родѣ произведеній Корнеля *Cinna ou la clémence d'Auguste*, *Pompée*, *Polyeucte*.

[60] *Eloge de Marivaux. O. compl.* III, 609, *Notes*, 9.

[61] *Le Bâtart legitimé* pp. 31, 42, 88.

Нельзя не обратить вниманія еще на одинъ фактъ въ этой полемикѣ. Фреронъ оказался въ числѣ защитниковъ драмы и по мотивамъ, которыхъ менѣе всего можно было ожидать отъ непримиримаго врага философіи и усерднаго слуги правительства. Фреронъ возражалъ противъ исключительнаго права королей и героевъ — занимать вниманіе зрителей и готовъ даже совершенно отвергнуть дальнѣйшее развитіе классической трагедіи. Товарищу Фрерона — аббату Дефонтену — новый жанръ обязанъ названіемъ, получившимъ вскорѣ всеобщую популярность. Онъ предложилъ называть новыя пьесы — *драмами* [62].

На этотъ разъ Фреронъ разошелся во мнѣніяхъ съ Людовикомъ XV о новой драмѣ. Король заявлялъ, что онъ любитъ смѣяться, а не плакать, и систематически не допускалъ на Версальской сценѣ пьесъ новаго направленія [63].

Также энергично возсталъ противъ новаго жанра Фридрихъ II. Въ письмѣ къ Вольтеру онъ признавалъ достоинства *Nanine*, но крайне рѣзко выражался вообще о драмахъ. «Моя страсть къ хорошей комедіи, писалъ онъ, до такой степени велика, что я предпочелъ бы быть осмѣяннымъ въ комедіи, чѣмъ одобрить это незаконнорожденное немощное чудовище, введенное въ моду дурнымъ вкусомъ нашего времени» [64].

Драмѣ приходилось разсчитывать на популярность преимущественно въ среднихъ и низшихъ слояхъ публики. Къ этой цѣли было направлено ея дальнѣйшее развитіе. Оно сдѣлало громадный шагъ, когда въ число вѣрныхъ послѣдователей Дидро вступилъ Бомарше. Авторъ *Свадьбы Фигаро* самъ сознался, что его драматическое призваніе было рѣшено пьесой Дидро — *Отецъ семейства*. Теоріи Дидро вызвали у него желаніе изложить свои идеи о новой драматической литерату-

---

[62] Fréron. *Lettres sur quelques ecrits de ce temps*. IV, 6. О терминѣ *драма* — *Histoire philos. et litt. du th. fr*, par Hipp. Lucas. Paris 1843 p. 262

[63] *Mem. secr*. XIX, 91.

[64] Lenient. *O. c*. I, 271.

рѣ. Въ результатѣ явился *Essai sur le genre dramatique sérieux.*

Бомарше, конечно, пришлось многое повторить изъ того, что мы уже знаемъ отъ другихъ авторовъ. Онъ не ограничился однимъ *Опытомъ*,—позже по поводу комедіи *Свадьба Фигаро*—онъ написалъ настоящій оправдательный трактатъ, представилъ теорію новой комедіи.

Въ *Опытѣ* Бомарше является фанатическимъ защитникомъ драмы, считаетъ ее гораздо интереснѣе комедіи: это любопытно слышать отъ неудачнаго автора драмы и геніальнаго творца комедіи. Для Бомарше важнѣйшая цѣль драматической литературы—*убѣжденіе — путемъ чувства—persuader par le sentiment.* Съ этой точки зрѣнія авторъ оцѣниваетъ всякій жанръ. Классическая трагедія оказывается полезной и художественной только въ тѣ моменты, когда она возбуждаетъ у зрителей чувство состраданія, когда зритель забываетъ, что предъ нимъ необыкновенные смертные, исключительные герои, а обыкновенные люди, ставшіе жертвами невзгодъ и испытаній. «Истинный интересъ сердца, его естесственная отзывчивость всегда направлены *отъ человѣка къ человѣку*, а не *отъ человѣка къ герою*». Ясно, слѣдовательно, чѣмъ дѣйствующее лицо по своему общественному положенію ближе стоитъ къ простому зрителю, тѣмъ сильнѣе и глубже этотъ интересъ, эта отзывчивость.

Другая цѣль драматической литературы—нравственное поученіе. Мораль — не что иное, какъ плодотворный выводъ, являющійся послѣ того какъ зритель лично къ самому себѣ примѣнитъ соображенія, вызванныя въ его умѣ сценическимъ представленіемъ. Интересъ—невольное сочувствіе извѣстному лицу, на мѣстѣ котораго мы можемъ вообразить самихъ себя жертвами такихъ же страданій. Очевидно,—и классическая трагедія можетъ трогать зрителей только въ тѣхъ случаяхъ, когда она превращается въ чувствительную мѣщанскую драму.

Бомарше въ первый періодъ своей драматической дѣятельности склоненъ унижать комедію на счетъ драмы,—и на

этомъ пути даже впадаетъ въ парадоксы Руссо. По его мнѣнію, комедія весьма часто не достигаетъ нравственныхъ цѣлей: зритель, на котораго направлена эпиграмма, смѣется вмѣстѣ съ другими и спасаетъ себя среди общаго хохота отъ стрѣлъ, лично для него опасныхъ. Кромѣ того зритель въ комическихъ спектакляхъ поддается нерѣдко весьма предосудительному чувству: увлекается продѣлками плутовъ и несравненно меньше интересуется честными людьми, потому что плуты гораздо забавнѣе. Наконецъ, вообще, веселое настроеніе, смѣхъ—враги вдумчивости, разносторонняго обсужденія вопроса, между тѣмъ какъ чувствительность сосредоточиваетъ мысль и среди молчанія заставляетъ человѣка углубиться въ самого себя. «Тотъ, кто плачетъ въ театрѣ,— въ эту минуту одинъ, и чѣмъ сильнѣе онъ это чувствуетъ, тѣмъ съ большимъ наслажденіемъ проливаетъ слезы, въ особенности въ пьесахъ нравственнаго (honnête) и серьезнаго жанра,—въ пьесахъ, волнующихъ сердце столь правдивыми, столь естественными впечатлѣніями. Часто, среди увлекательной сцены, сердечное волненіе вызываетъ невольныя обильныя слезы, сквозь эти слезы свѣтится улыбка, исполненная любви,—лицо зрителя тогда озарено одновременно и состраданіемъ и радостью. Развѣ такая трогательная борьба чувствъ—не прекраснѣйшее торжество искусства и не счастливѣйшее настроеніе, какое только доступно чувствительной душѣ?»...[65].

Эти изліянія Бомарше—обычные отголоски эпохи. Но въ его разсужденіяхъ есть другая сторона, полная смысла для всѣхъ эпохъ. Ее мы уже видѣли въ *Разговорахъ* Дидро и она должна быть признана величайшимъ завоеваніемъ новой художественной литературы. Бомарше нападаетъ на классическую трагедію, помимо всѣхъ другихъ причинъ, еще потому, что она лишена *реальныхъ*, жизненныхъ основъ. Актерская, напыщенная игра разрушаетъ въ трагическихъ спектакляхъ

---

[65] *Essai sur le genre dramatique Sérieux. Oeuvres compl.* Paris 1828, I, 11, 13—4.

всякое впечатлѣніе правды, дѣйствительности. Герои, ихъ приключенія, самый ихъ языкъ—все носитъ фантастическій характеръ. А между тѣмъ на сценѣ должна быть реальная жизнь. Авторъ долженъ всѣми силами оторвать зрителя отъ кулисъ, отъ актерскаго фокусничества, отъ всей театральной крикливой обстановки: ничто не должно мѣшать зрителю стоять лицомъ къ лицу съ живыми людьми, съ живою истиной. Излюбленная форма классической трагедіи—рифмованные стихи—кажется Бомарше нелѣпой. Онъ энергически защищаетъ прозу, какъ единственный реальный языкъ сцены. Эта форма уничтожитъ въ пьесахъ множество реторическихъ прикрасъ, безсмысленнаго, хотя и красиваго, пустословія. Только жизнь, человѣкъ, чувство будутъ наполнять сцену: представленіе на самомъ дѣлѣ и неизбѣжно станетъ нравственнымъ и *серьезнымъ* ".

Бомарше потерпѣлъ неудачу въ *драматической* дѣятельности. Постепенно, будто ощупью, онъ напалъ наконецъ, на жанръ, несравненно болѣе свойственный его таланту,—комедію, не ту, о которой онъ отзывался съ такимъ пренебреженіемъ.

По поводу комедій—*Севильскій цирульникъ* и *Свадьба Фигаро* — возникли статьи, обсуждающія тѣ же вопросы — о драмѣ, о комедіи, о нравственномъ значеніи театра. Въ *Скромномъ письмѣ*, написанномъ послѣ неудачнаго представленія первой комедіи, Бомарше бросалъ насмѣшкой и презрѣніемъ въ старую классическую комедію, изображавшую «людей средняго круга» не иначе, какъ въ «шутовскомъ нарядѣ», не признававшую, что въ этой средѣ возможны горе, страданія и, слѣдовательно, истинная драма. Новый «комическій» авторъ если и будетъ забавлять публику,— отнюдь не шутовскими выходками и не на счетъ униженія какого бы то ни было сословія. Напротивъ, онъ ни на минуту не утратитъ серьезнаго взгляда на жизнь, совершающуюся на сценѣ, и постарается извлечь изъ своего представленія не-

---

" *Ib.* pp. 21—24.

премѣнно нравственный урокъ. Въ предисловіи ко второй комедіи Бомарше защищаетъ себя отъ обвиненія въ легкомысліи и безнравственныхъ пріемахъ. «Не порокъ и не обстоятельства, порождаемыя имъ, непристойны на сценѣ, а отсутствіе поучительнаго и моральнаго элемента. Если авторъ по неспособности или вслѣдствіе застѣнчивости не рѣшается слить его съ своимъ сюжетомъ, — тогда пьеса становится двусмысленной или прямо безнравственной».

Слѣдовательно, Бомарше ясно и точно опредѣлилъ признаки новой драматической литературы: герои «средняго круга» и поучительная цѣль пьесы. И тотъ и другой принципъ расширяли творчество автора, сближали поэзію съ жизнью и окончательно уничтожали схоластическія оковы, лежавшія на драматургахъ классической школы. Бомарше представилъ блестящій примѣръ свободнаго и разносторонняго изображенія дѣйствительности. Въ геніальномъ образѣ Фигаро сливается въ изумительной полнотѣ—забавное, трагическое и поучительное. Это сліяніе въ художественномъ отношеніи,—истинное торжество новой драмы; на такой же высотѣ стоитъ и общественный смыслъ комическаго творчества Бомарше.

Раньше чѣмъ Бомарше нашелъ свою настоящую дорогу и создалъ произведеніе, которое самъ потомъ признавалъ предвѣстіемъ и даже пропагандой революціи,— въ Амстердамѣ появилась книга, предвосхитившая всѣ будущія идеи Бомарше въ пользу демократіи. Книга даже далеко превзошла ихъ, потому что авторъ былъ убѣжденнымъ революціонеромъ съ самаго начала своей литературной дѣятельности,— по словамъ современниковъ, даже родился имъ. Ни того, ни другого, конечно, нельзя было сказать о Бомарше: революціонныя свойства своей комедіи онъ открылъ только потому, что дѣйствительно наступила революція. Роли авторовъ въ этотъ періодъ оказались различны. Одного новые люди не признавали своимъ, другой—въ теченіе всѣхъ смутъ шелъ въ первомъ ряду, и тѣмъ энергичнѣе, чѣмъ сильнѣй разгорались демократическія страсти. Это можно было предска-

зать на основаніи его книги, изданной за шестнадцать лѣтъ до собранія Генеральныхъ Штатовъ. Мы уже упоминали и объ авторѣ и о сочиненіи: *Du théâtre ou nouvel essai sur l'art dramatique*—Мерсье.

IV.

Въ книгѣ Мерсье мы встрѣчаемъ прежде всего обычныя нападки на классицизмъ, обычную рѣчь о буржуазной средѣ: пока это идеи старыя—но уже для нихъ существуютъ иныя выраженія, скрывающія за собой нѣчто новое и для самихъ идей. Классицизмъ осуждается за отсутствіе *реальности* (realité), а драма именуется «представленіемъ *гражданской жизни*» (la représentation de la vie civile). Одно слово — новость въ эстетикѣ, другое — уже давно употреблялось, но въ политической литературѣ и не проникало въ разсужденія объ искусствѣ. Дальше—въ характеристикѣ новаго поэта встрѣчается рядъ такихъ же необычныхъ словъ: поэтъ держитъ въ своихъ рукахъ *кормило общественнаго мнѣнія*, истинные писатели—почетнѣйшіе *граждане*. Это только *Epître dédicatoire*, и мы уже въ атмосферѣ скорѣе политическаго трактата, чѣмъ эстетическаго опыта. Вопросы объ искусствѣ, которые занимаютъ еще такъ много мѣста въ *Разговорахъ* и особенно въ *Разсужденіи* Дидро, въ *Опытѣ* и пояснительныхъ статьяхъ Бомарше, — здѣсь отступаютъ на задній планъ. Литература трактуется, какъ общественная, политическая и *соціальная* сила. Какая разница между общественнымъ міросозерцаніемъ Мерсье и его предшественниковъ,— видно изъ очень простого сопоставленія: Онъ такъ же, какъ и Дидро, требуетъ на сценѣ *conditions* и ожидаетъ громаднаго интереса отъ изображенія ихъ. Но самыя *conditions* критиковъ совершенно различны. У Дидро: писатель, философъ, комерсантъ, судья, адвокатъ, политикъ, гражданинъ, магистратъ, финансистъ, le grand siegneur, интендантъ и дальше отецъ семейства, супругъ, сестра, братья. Дидро особенно занимаетъ отецъ семейства, философъ, въ родѣ Сократа, и

судья [67]. У Мерсье слѣдующій списокъ драматическихъ мотивовъ: ткацкій челнокъ, молотокъ, вѣсы, наугольникъ, квадрактъ, ножницы. Перечисливъ ихъ, Мерсье восклицаетъ: «Какъ! читаютъ съ увлеченіемъ техническое описаніе ремеслъ, а тотъ, кто измышляетъ, налаживаетъ, изобрѣтаетъ эти остроумныя машины,— не представляетъ интереса! Это чудовищное разнообразіе промысла, личныхъ взглядовъ, образа мыслей кажется мнѣ во сто разъ увлекательнѣе, чѣмъ пошлости маркизовъ, которыхъ выдаютъ намъ за единственныхъ дѣйствительно существующихъ людей и которые при всей болтливости не имѣютъ и сотой доли ума, какимъ обладаетъ честный ремесленникъ» [68].

Очевидно, въ то время, когда изъ теорій Дидро и Бомарше вытекала «буржуазная трагедія» и пьесы съ демократическими идеями, Мерсье требуетъ *соціальной* драмы. Его герои не буржуа, не *honnêtes gens*,—среда противоположная *monde*, а ремесленники *artisans*, имъ противоставляются *fainéants*: въ числѣ послѣднихъ могутъ быть и маркизы, и финансисты и буржуа. Разсматривая драмы Мерсье, мы увидимъ, что онъ именно такъ и понималъ *драматическое положеніе*: съ одной стороны бѣднякъ, съ другой богачъ—безразлично къ какому бы сословію онъ ни принадлежалъ.

Мерсье, при всемъ своемъ радикализмѣ, чувствуетъ глубокое уваженіе къ современной философіи. Онъ приписываетъ ей благодѣтельное вліяніе на поэзію. Философія доказала, что поэзія заключается не въ механическомъ подборѣ словъ, не въ избитыхъ фигурахъ, — ея назначеніе трогать сердца людей, царствовать надъ толпой, пользуясь ея языкомъ, ея порывами, ея страстями стремительными и правдивыми, заимствуя даже, если нужно, грубыя и дикія манеры, характеризующія толпу. Философія—демократическая наука: она черпаетъ свои свѣдѣнія и идеи въ широкомъ потокѣ

---

[67] Entretiens sur *de fils naturel*. O. compl. IV, p. 209. *De la poésie dramatique*. *Ib*. pp. 444, 449.

[68] *Du théâtre*. Amst. 1773. p. 109.

жизни и переноситъ ихъ въ художественную литературу. Дидро также посылалъ поэта въ среду людей и заставлялъ его изучать общественную жизнь во всѣхъ ея проявленіяхъ. Это значило—поэту быть философомъ [69].

Мерсье расширяетъ общественную роль поэта въ направленіи, указанномъ энциклопедистами.

Прежде всего, вмѣсто различныхъ общественныхъ состояній, Мерсье говоритъ исключительно о народѣ. «Всякій другой человѣкъ съ положеніемъ презираетъ толпу, пренебрегаетъ ею,—остается идти поэту рядомъ съ ней» [70]. Мерсье подробно излагаетъ художественные и соціальные принципы новой литературы. Онъ смѣется надъ классиками, искавшими вдохновенія и мотивовъ въ книгахъ и имѣвшими смутныя представленія о живой дѣйствительности. Они лишены національнаго значенія для самихъ французовъ, они оторваны отъ народной почвы, они—искаженные, поддѣльные греки, а не французы. Образцомъ дѣйствительно національнаго поэта Мерсье считаетъ Шекспира. Онъ кажется смѣшнымъ во Франціи, но онъ дорогъ своимъ соотечественникамъ, потому что обладалъ тайной говорить со всѣми гражданами, составляющими эту почтенную націю. Общедоступность, въ которой его укоряютъ,—драгоцѣнный естественный даръ. Всѣ его герои—люди, и это соединеніе простоты и героизма составляютъ интересъ его созданій. О немъ слѣдуетъ судить не въ Парижѣ, гдѣ все дѣлается для богачей, гдѣ только о нихъ и думаютъ, а въ Лондонѣ, гдѣ каждый живетъ личною независимою жизнью. Мерсье ссылается на писателя, видѣвшаго, какъ простые люди изъ народа плакали у статуи Шекспира: она напоминала имъ сцены его трагедій, потрясавшія ихъ души. Мерсье соглашается и сами англичане начинаютъ понимать, что Шекспиръ часто оставляетъ въ сторонѣ приличіе, но этотъ не-

---

[69] *Ib.* pp. 206, 207. Diderot. O. compl. IV, 440.

[70] „C'est au poète à parler à la multitude, puisque tout autre homme en place la dédaigne et la méprise“. *Ib.* p. 205.

достатокъ сторицею выкупается жизненною правдой и энергіей изображеній. Это, конечно, должно изумлять французскихъ риөмачей (nos petits rimailleurs français), которые кричатъ, будто они проявляютъ особенный вкусъ, отвергая вкусъ народный. Они безпрестанно твердятъ о граціи, изяществѣ, правильности — потому что у нихъ нѣтъ ни смѣлости, ни силы.

Въ особой главѣ *Des études du poète* Мерсье рѣшаетъ вопросъ, какимъ путемъ поэтъ долженъ подготовить себя къ общественной дѣятельности? — «Закрывъ книги, посѣщая общество,—придворныхъ, финансистовъ, адвокатовъ, маркизъ, входя въ лавки купцовъ, въ мастерскія артистовъ, сосредоточивая вниманіе на самыхъ низкихъ состояніяхъ, вѣрнѣе, самыхъ полезныхъ—они могутъ сообщить творчеству правду и интересъ. При этомъ изученіи не должна ускользать ни одна мелочь. Мелочи вѣрнѣе всего характеризуютъ человѣка. Геніальный писатель тщательно собираетъ мельчайшіе факты, неуловимыя черты, которыхъ не замѣчаетъ посредственный авторъ [71].

Все это—идеи, вошедшія цѣликомъ въ эстетику литературнаго реализма. Мерсье не останавливается на этой границѣ. Негодованіе на классицизмъ, чуждавшійся простой неприглядной дѣйствительности, увлекаетъ Мерсье въ страстную проповѣдь натурализма. Онъ не знаетъ этого слова, но его принципы нисколько не уступаютъ возврѣніямъ крайнихъ послѣдователей Золя, можетъ быть,—даже идутъ еще дальше. Существуетъ только одно въ высшей степени важное отличіе натуралистическихъ идей Мерсье отъ новѣйшей школы. Мерсье требуетъ *правды* въ поэзіи, ищетъ поэтическаго вдохновенія преимущественно *въ средѣ несчастныхъ*. Въ основѣ его стремленій лежитъ не идеально-безстрастное, «естественно-научное» изслѣдованіе явленій жизни, а горячая, личная отзывчивость художника на изображаемую дѣйствительность. Не къ «протокольной точности» стремится Мерсье,

---

[71] *Ib.* chap. XVI.

а къ потрясающему, непреодолимому воздѣйствію жизни на поэта и поэзіи на жизнь.

«Почему»,—восклицаетъ онъ,—«у меня нѣтъ достаточно таланта, чтобы воспроизвести предъ глазами богача картину больницы? Сюда часто попадаютъ благодѣтели и отцы богачей. Я заставилъ бы трепетать ихъ сердца, въ которыя ни разу не проникало чувство сострадания. Въ то время, когда изображались бы жестокости, причиняемыя бѣднымъ и несчастнымъ,—счастье злыхъ, ихъ эгоистическое спокойствіе было бы прервано на нѣсколько часовъ. Больницу!.. скажутъ мнѣ. Да,—и, если угодно, я на сцену перенесу самый Бисетръ. Я раскрою то, чего не знаютъ, или о чемъ забываютъ. Я изображу человѣка, виноватаго только въ неосторожности, всю жизнь изнывавшаго въ борьбѣ съ отчаяніемъ и злобой. Я заставлю взглянуть, какъ обращаются съ человѣческими существами». Чтобы отомстить за поруганное чувство гуманности—Мерсье готовъ представить на сценѣ не только тюрьмы и больницы, но даже застѣнки и подземелья. «Вы придете въ ужасъ, надменные судьи», восклицаетъ онъ, «или вы не станете читать меня» [72].

Современниковъ автора изумляла необычная форма его произведеній, его стиль — слишкомъ рѣзкій, патетическій и страстный. Въ сущности этотъ стиль немногимъ отличается отъ языка, какимъ написаны *Разговоры* и *Разсужденія* Дидро и почти одинаковъ съ языкомъ его драматическихъ героевъ. Восклицаній и риторическихъ фигуръ у Мерсье больше, но это соотвѣтствовало его цѣли—«писать для народа». Критики, осмѣивая форму сочиненій Мерсье, принуждены были въ то же время отнестись иронически и къ ихъ цѣли: и то и другое нераздѣльно. Но было бы ошибкой въ виду страсти Мерсье къ реализму—обвинять его въ наклонности къ преувеличеніямъ и раздирательному мелодраматизму, входившему въ моду вмѣстѣ съ драмой. «Природу», говоритъ авторъ, «слѣдуетъ заставлять говорить, а не кри-

---

[72] *Ib.* p. 135—6.

чать». Потрясающія драмы, о которыхъ пишетъ Мерсье, являлись не плодомъ его горячаго воображенія, а были вполнѣ достовѣрной жизненной правдой, жившей подъ кровомъ стараго порядка. Тюрьмы, насилія оффиціальныхъ и даже частныхъ лицъ практиковались слишкомъ часто, чтобы писатель, требующій сближенія поэзіи съ дѣйствительностью, могъ забыть эти явленія. Мерсье требуетъ только — полнаго воспроизведенія современной жизни на сценѣ, — и картины сами собой должны оказаться мрачными и жестокими.

Онъ хочетъ подвергнуть суду публики всѣ законныя и незаконныя злоупотребленія стараго государства и общества. Поэтъ долженъ стремиться возстановить *естественное равенство*, сословныя пристрастія и интересы «должны исчезнуть предъ его возвышеннымъ взоромъ». Но здѣсь снова оговаривается Мерсье, доказывая, что онъ серьезно хотѣлъ провести свои идеи въ жизнь современнаго общества и стремился сохранить въ своихъ стремленіяхъ чувство мѣры. Поэтъ долженъ сознавать неизбѣжность различныхъ общественныхъ состояній, — и вмѣстѣ съ тѣмъ — необходимость всеобщаго равенства предъ законами. Онъ долженъ во всемъ сообразоваться съ этимъ великимъ принципомъ и хранить убѣжденіе, что люди могутъ подчиняться развѣ только затѣмъ, чтобы стать счастливѣе [73].

Важнѣйшія разсужденія Мерсье касаются его идеальнаго героя—народа. Авторъ посвящаетъ цѣлыя страницы доказательствамъ, насколько важно изучать и изображать въ художественной литературѣ народъ и его жизнь. До сихъ поръ, — жалуется онъ, — во французской литературѣ не умѣли какъ слѣдуетъ представить честнаго земледѣльца, — жителя полей, несравненно болѣе полезнаго для государства, чѣмъ 200.000 бездѣльниковъ (fainéants), пребывающихъ въ столицѣ. Онъ собственными руками обрабатываетъ поле, въ работѣ воспитываетъ дѣтей и хранитъ такую чистоту нра-

---

[73] *Ib.* p. 151—2.

вовъ, о какой и не подозрѣваютъ въ столицѣ. Онъ не знаетъ, куда идутъ деньги, которыя онъ платитъ въ видѣ налога, онъ не вѣдаетъ даже именъ королей, живущихъ и умирающихъ вдали отъ него. Въ тридцати лье отъ столицы—о ней говорятъ, какъ о сказочномъ мірѣ. Крестьянинъ не знаетъ, какихъ тунеядцевъ питаетъ онъ и его собратья, претерпѣвая стужу и непогоды. Онъ ни разу не подумалъ проклясть жизнь или произнесть богохульство, между тѣмъ какъ беззаботные сибариты изрекаютъ проклятія всякій разъ, когда портится погода и разстраиваетъ ихъ вздорныя удовольствія [74].

Авторъ знаетъ, какъ грубы и неизящны извнѣ его герои. У нихъ часто нѣтъ ни денегъ, ни хлѣба, они живутъ въ сараяхъ, открытыхъ со всѣхъ сторонъ, говорятъ особымъ жаргономъ. Именно ихъ такими и слѣдуетъ выводить на сценѣ. Мерсье возмущается пасторальными пьесами, рисующими добрыхъ мужичковъ въ цвѣтахъ и лентахъ: на сценѣ у каждаго должна быть своя физіономія и свое платье, какъ и въ дѣйствительной жизни. Истинныя общественныя и политическія драмы совершаются не въ дворцахъ, не среди королей и придворныхъ, а въ хижинахъ. Ученому достаточно увидѣть одинъ зубъ, чтобы опредѣлить, какому животному онъ принадлежитъ. Такъ и философу — достаточно взглянуть на хижину, на бѣдную лачугу, на тростниковую крышу,—чтобы опредѣлить величіе и слабость государства. Болѣзнь дерева въ корняхъ, скрытыхъ въ землѣ,—а не въ вершинѣ, величественной на видъ. Среди крестьянъ, земледѣльцевъ и бѣдняковъ искусный поэтъ гораздо успѣшнѣе можетъ рѣшать вопросы національнаго благоденствія, чѣмъ въ дворцахъ. И нѣтъ человѣка настолько темнаго, чтобы его можно было считать непричастнымъ дѣлу общественнаго блага.

Мерсье убѣжденъ въ здравомъ смыслѣ и отзывчивомъ чувствѣ народа. Это —самая благодарная публика. Поэту не

---

[74] *Ib.* p. 112—3.

слѣдуетъ подниматься на облака метафизики, пускаться въ ученыя тонкости и изслѣдованія: пусть онъ изобразитъ картину простую и трогательную, выскажетъ истину искренне и правдиво,—всѣ сердца отзовутся на его рѣчь. У него окажется въ рукахъ могущественная нить, управляющая идеями и чувствами народа — и тогда раскроется народная душа и заинтересуетъ своимъ міромъ философа. И для доказательства Мерсье ссылается даже на ту публику, которую онъ считаетъ ниже настоящаго народа, на «самую низкую чернь» (la plus vile populace): даже этой публикѣ удается схватывать собственнымъ чутьемъ лучшіе моменты пьесъ и восторгаться ими такъ же горячо, какъ это бываетъ среди просвѣщеннѣйшихъ зрителей [75].

Взглядъ Мерсье на соціальную роль поэта намѣчаетъ множество новыхъ темъ и сюжетовъ для драматическихъ произведеній. Авторъ хочетъ воспользоваться «всѣми источниками паѳоса», не щадитъ ни предразсудковъ, ни увлеченій современниковъ: онъ воображаетъ, что его слушаетъ «гражданинъ всѣхъ вѣковъ». Поэтъ — ходатай за несчастныхъ, трибунъ угнетенныхъ, «его долгъ донести ихъ стоны до слуха гордыхъ и жестокосердыхъ». Онъ, поэтому долженъ брать темы и сюжеты всюду, гдѣ только есть или было человѣческое страданіе. Современная жизнь дастъ ему множество фактовъ изъ судебной хроники, и онъ выведетъ на всеобщій позоръ людей-чудовищъ и заставитъ народъ рукоплескать законамъ. Онъ будетъ взывать къ милосердію законодателей и къ справедливой карѣ въ томъ случаѣ, если сами законы будутъ покровительствовать злу или власть ихъ заснетъ въ рукахъ недостойныхъ исполнителей. Онъ воспользуется случайнымъ, всѣмъ извѣстнымъ происшествіемъ, чтобы лишній разъ поразить крикомъ горя и нужды сознаніе общества. Съ тою же цѣлью онъ станетъ изображать на сценѣ историческіе факты,—и Мерсье указываетъ одинъ изъ нихъ, дѣйствительно стяжавшій обширную популярность въ XVIII

---

[75] *Ib.* p. 158—9; 202.

вѣкѣ — преслѣдованіе гугенотовъ при Людовикѣ XIV: «сюжетъ новый и по истинѣ философскій» [76]. Существуютъ еще темы, которыхъ не подозрѣвали ни классицизмъ, ни творцы новой драмы. Провинцію мало знали въ Парижѣ и не интересовались узнать. Случалось только разорившимся аристократамъ удаляться въ провинціальную глушь—или затѣмъ, чтобы скрыть разореніе или отыскать средство вновь разбогатѣть, напримѣръ, удачно жениться. Другого интереса въ парижскомъ свѣтѣ не чувствовали ни къ провинціи, ни къ ея населенію. Мерсье совѣтуетъ выводить на сцену провинціальную жизнь и такимъ путемъ помочь сближенію столицы съ провинціей и поднять умственный уровень провинціаловъ. Этому проекту—культурной децентрализаціи—суждено было оставаться въ области мечтаній до самаго конца стараго порядка; даже великая революція не оправдала ожиданій Мерсье, и въ новѣйшей французской исторіи сліяніе интересовъ провинціи и Парижа въ первый разъ отмѣчено историкомъ-очевидцемъ во время смутъ 1848 года [77].

Мерсье путемъ драмы стремился уничтожить еще одну пропасть — слить французовъ съ другими націями Европы. Ему ненавистно національное тщеславіе соотечественниковъ, увѣренность въ полнѣйшемъ превосходствѣ французской образованности надъ цивилизаціей всѣхъ другихъ народовъ. Безпристрастное и жизненноправдивое изображеніе характеровъ, нравовъ и образа мыслей чужихъ націй показало бы французамъ, что имъ не достаетъ еще многихъ добродѣтелей. Писатели, слѣдовательно, помогли бы развитію своего народа и сгладили бы предубѣжденія между націями, питающими взаимную ненависть и презрѣніе только потому, что руко-

---

[76] *Ib.* pp. 135, 153, 160, 174.

[77] Tocqueville. *Souvenirs*. Paris 1893 p. 235, chap. IX *Journées de Juin* разсказавъ о стремительномъ нашествіи провинціаловъ на Парижъ—съ цѣлью подавать движеніе рабочихъ, авторъ заключаетъ: „spectacle aussi étrange et aussi nouveau dans nos annales révolutionnaires que cellui offert par l'insurrection même“.

водятся призраками, а не дѣйствительностью и плохо знають другъ друга [78].

Идеи Мерсье важны во многихъ отношеніяхъ. Онѣ отражають высшую ступень идеаловъ, составлявшихъ философію прошлаго вѣка, и показывають, какъ въ драматической литературѣ—художественный и нравственный протестъ постепенно превращался въ общественный, политическій и соціальный. Сначала классическій театръ осуждаютъ, какъ нѣчто фальшивое, нереальное, нежизненное, и чуждое нравственнымъ стремленіямъ. Потомъ, классицизмъ отрицается всѣми, кому ненавистны общественныя ограниченія и привилегіи стараго порядка: писатели требуютъ—открыть драматическую сцену для новыхъ героевъ, для тѣхъ самыхъ *conditions*, за которыя въ то же время ратовала политическая литература. Все это было высказано до выступленія Мерсье въ качествѣ художественнаго критика. Онъ сравнительно мало говоритъ объ эстетическихъ недостаткахъ и нравственныхъ заблужденіяхъ стараго театра. Его вниманіе сосредоточивается преимущественно на общественной сторонѣ вопроса и здѣсь этотъ вопросъ обогащается новыми идеями потому, что расширяется кругъ conditions, доставляющихъ новыхъ героевъ на сцену. Путь совершенно логическій и соотвѣтствуетъ движенію общественной мысли XVIII вѣка.

Идея нравственной свободы, право личнаго чувства и сознанія въ личной жизни—первый шагъ, сдѣланный старымъ обществомъ. Это наслѣдіе янсенизма, никогда не исчезавшее въ среднемъ сословіи и особенно пышно разцвѣтшее въ самой столицѣ [79]. На эту идею художественная литература

[78] Mercier. p. 111—2.

[79] Основныя черты янсенизма, „пламя сердца, ревнивое чувство личнаго достоинства",—по меткому выраженію Обертэна. *L'esprit public*, p. 261. Барбье въ своей хроникѣ посвящаетъ много вниманія политической и церковной оппозиціи янсенистовъ въ первой половинѣ XVIII вѣка. Онъ же постоянно указываетъ на господство ихъ ученія въ Парижѣ и на ненависть къ нему двора: напр. II, 202: La bonne ville de Paris est janséniste de la tête aux pieds, въ другомъ мѣстѣ (III, 106) узнаемъ, что янсенисты

отвѣчала чувствительной комедіей, упавшей на воспріимчивую и давно подготовленную почву. Чтобы создать такую комедію не требовалось реформаторскихъ наклонностей, никакой новой философіи. И мы видѣли, чувствительность введена на сцену писателями, не имѣвшими ничего общаго съ философскимъ движеніемъ эпохи. Слѣдующій шагъ неразрывно связанъ съ предыдущимъ. Герой чувствительной пьесы говоритъ: «L'amour est sans prejugé» [80]. Это можно было сказать вообще о *чувствѣ* и лишь только ему дано первое мѣсто на сценѣ,—предразсудки должны немедленно подвергнуться ударамъ. Чувствительность неизбѣжно превращалась въ *общественный* мотивъ,—философы поспѣшили закрѣпить это превращеніе. Мы встрѣтимъ длинный рядъ всевозможныхъ драматическихъ произведеній, рѣшающихъ вопросъ о сословныхъ отношеніяхъ въ либеральномъ смыслѣ—на основаніи власти чувства въ различныхъ житейскихъ отношеніяхъ. Авторамъ чувствительность даетъ поводъ высказывать идеи, героямъ и, слѣдовательно, самимъ идеямъ сообщаетъ неотразимую привлекательность въ глазахъ публики. Такимъ путемъ распространяется ненависть къ предразсудкамъ — уже не инстинктивная, не случайная, а формулированная въ превосходныхъ рѣчахъ и сентенціяхъ, на какія только были способны философы XVIII вѣка. Явилась *мѣщанская трагедія*, *общественная драма*. Она соотвѣтствовала политической либеральной мысли. Третій и послѣдній періодъ въ развитіи новой литературы наступилъ, когда рядомъ съ сословнымъ вопросомъ сталъ имущественный,—либерализмъ смѣнился соціализмомъ. Здѣсь художественная литература по энергіи, широтѣ и ясности принциповъ — опередила политическую. Знаменитѣйшіе публицисты, касавшіеся соці-

---

составляютъ двѣ трети столичнаго населенія. Назвавъ короля, дофина, его супругу и сестеръ короля—Барбье говоритъ: „Ils ont en horreur tout ce qui porte le nom de janséniste",—и здѣсь же подтверждаетъ преданность Парижанъ сектѣ V, 228; ср. V, 2.

[80] *Le Fils Naturel*, IV, 5.

альнаго вопроса, ограничивались нападками на собственность, отрицаніемъ ея законности и не вѣрили въ какой бы то ни было путь—исправить зло. Руссо во второй диссертаціи объявилъ собственность результатомъ насилія и обмана и первой стадіей «прогресса» призналъ установленіе права собственности, преобладаніе богатаго надъ бѣднымъ. Прогрессъ представлялся философу постепеннымъ развитіемъ различныхъ видовъ рабства. Иного спасенія отъ этого оригинальнаго прогресса кромѣ перехода человѣчества въ первобытное состояніе, Руссо не зналъ. Въ *Общественномъ договорѣ* авторъ долженъ былъ, конечно, признать право собственности, — но онъ не останавливается на этомъ вопросѣ, сосредоточиваетъ все вниманіе на общихъ политическихъ идеяхъ и ограничивается единственнымъ болѣе или менѣе цѣннымъ замѣчаніемъ: право частной собственности всегда подчинено праву общины, распространяющемуся на всѣхъ. Этотъ принципъ не только не рѣшаетъ соціальнаго вопроса, но даже не ставитъ его [81]. Послѣдователь Руссо—Мабли считаетъ собственность учрежденіемъ до такой степени противоестественнымъ, что даже затрудняется объяснить, какимъ путемъ она возникла. Идеалъ Мабли—коммунизмъ золотаго вѣка или уравненіе собственности законодательнымъ порядкомъ. Ни то, ни другое, по мнѣнію автора, неосуществимо въ Европѣ, т. е. вообще въ культурныхъ странахъ, — и Мабли изрекаетъ смертный приговоръ всѣмъ цивилизованнымъ народамъ [82]. Эти воззрѣнія не помѣшали Руссо и Мабли исповѣдовать совершенно аристократическія тенденціи. Руссо въ польской конституціи проектировалъ публичныя почести лицамъ благороднаго сословія, сѣтовалъ на народъ, не умѣющій цѣнить умственныхъ достоинствъ человѣка, политическую свободу объявлялъ удѣломъ избранныхъ—и рекомендовалъ полякамъ съ

---

[81] *Du contrat social*, t. I chap. IX.

[82] *De la législation ou principes des loix*. Lausanne 1777. Livre I, chap. 3, 4; livre II, ch. 3.

крайней осторожностью приступать къ отмѣнѣ крѣпостнаго права [83]. Мабли требуетъ, чтобы народъ не принималъ участія въ законодательствѣ: если народъ издаетъ законы, онъ непремѣнно будетъ ихъ презирать [84].

Слѣдовательно, радикальнѣйшія идеи о происхожденіи собственности у Руссо и Мабли уживались рядомъ съ крайнимъ, можно сказать, безнадежнымъ пессимизмомъ въ вопросѣ о политическомъ и общественномъ прогрессѣ. Гораздо логичнѣе и жизненнѣе взгляды Мерсье. Въ художественныхъ теоріяхъ и въ драмахъ онъ возставалъ противъ эксплуатаціи бѣдняковъ богатыми собственниками, не намѣренъ былъ отрицать принципа собственности и не могъ, конечно, отдѣлять соціальную реформу отъ политической, когда дѣло шло объ устояхъ старой французской монархіи. Мерсье только расширилъ представленіе о свободѣ и правахъ личности: его идеалъ—гражданинъ, нравственно, политически, имущественно независимый. И онъ воплощалъ такой идеалъ въ своихъ герояхъ. Насколько это было художественно и реально,—вопросъ поэтическаго таланта, но общественныя стремленія автора вполнѣ послѣдовательны и ясны. Другого онъ и самъ не требовалъ отъ писателя. Совѣтуя молодому поэту вмѣсто классическихъ трагедій съ королями и заговорами попытаться вникнуть въ будничную жизнь и воспроизвести ее,—онъ

---

[83] *Condiderations sur le gouvernement de Pologne*, chap. III. *O. compl.* Paris 1827, VI, 246—7 длинная тирада о свободѣ chap. VI, pp. 263—4. Вся смута экономическихъ воззрѣній Руссо отразилась въ его статьѣ *Economie politique*, напечатанной въ *Энциклопедіи*. Впечатлѣніе отъ этой статьи, вполнѣ соотвѣтствующее большинству политическихъ взглядовъ философа, вѣрно передаетъ Бланки въ слѣдующемъ восклицаніи: „Que conclure donc de cet amalgame incohérent de doctrines libérales jusqu'à l'anarchie et, comme on dit de nos jours, *gouvernementales* jusqu'à l'arbitraire!“ *Histoire de l'économie politique en Europe.* Paris 1837, II, 184.

[84] Mably *O. c.* livre III, chap. 3. „quand le peuple fait les loix, il ne manque jamais de les mépriser“. Объ отрицательномъ отношеніи Мабли къ Тюрго и его пессимистическомъ взглядѣ вообще на политическія реформы, въ статьѣ проф. Герье *Французскій этикъ—соціалистъ XVIII вѣка. Р. Мысль.* 1883, XI.

прибавляетъ: «можетъ-быть, авторъ сдѣлаетъ это не съ особеннымъ успѣхомъ, — но въ его трудѣ, по крайней мѣрѣ, увидятъ тенденцію, честныя намѣренія, логику и чувство[85]. Именно такъ долженъ былъ смотрѣть на искусство одинъ изъ энергичнѣйшихъ проповѣдниковъ политическихъ и соціальныхъ идей.

Книга Мерсье появилась, когда уже новая драма торжествовала и развивалась въ томъ направленіи, какое намѣчено у автора. Это не значитъ, будто Мерсье только обобщалъ факты, уже существующіе: напротивъ, — соціальныя идеи, мысль о сближеніи Парижа съ провинціями, Франціи съ остальнымъ культурнымъ міромъ—путемъ драматической литературы, характеристика новаго поэта — натуралиста и демократа—все это оригинально, по крайней мѣрѣ, все это впервые возведено въ ясный опредѣленный принципъ.

V.

Развитіе драмы во Франціи сопровождалось идеями либерализма и терпимости—на родинѣ, и чувствами уваженія и любознательности — относительно другихъ народовъ. Одновременно съ господствомъ драмы на французской сценѣ появляется множество переводовъ и передѣлокъ,—изъ литературъ англійской и нѣмецкой. Современникъ, по количеству заимствованій, ставитъ обѣ литературы на одномъ уровнѣ[86]. Фактъ можетъ показаться неожиданнымъ: англоманія во Франціи XVIII вѣка всѣмъ извѣстна, между тѣмъ какъ о маніи къ нѣмецкому не слышно. На самомъ дѣлѣ, вліянія различаются только широтою дѣйствій: англійское помимо художественной литературы, сказывается въ политическихъ, въ философскихъ сочиненіяхъ и въ частной жизни. Современникамъ казалось, что французамъ впрыснуть *l'esprit anglais*[87]: до такой сте-

---

[85] Mercier. *O. c.* p. 174.
[86] Grimm. X, p. 68. Sept. 1772.
[87] *Corresp. litt.* (Grimm) XIV, 360, mai 1786.

пени при Людовикѣ XVI въ Парижѣ распространились англійскіе моды, языкъ, книги, идеи. Но еще въ царствованіе Людовика XV дворъ съ восторгомъ привѣтствовалъ комедію Сорэна—*Англоманъ*. Сорэнъ въ комическомъ видѣ изображалъ парижанина, увлеченнаго англійскими садами и самими англичанами. Это не мѣшало Сорэну воспользоваться англійской драмой, уже дважды переведенной на французскій языкъ, и, въ свою очередь, вызвать у публики обвиненія въ англоманіи [88]. Для насъ не представляетъ важности вопросъ, насколько англійская драма повліяла на французскую и насколько французская оригинальна. Мы выше познакомились съ почвой, на которой развивалась драма во Франціи, и могли заключить, что для этого развитія достаточно было своихъ мѣстныхъ поводовъ и причинъ. Во всякомъ случаѣ призванный основатель французской чувствительной комедіи Лашоссе, вступилъ на свое поприще независимо отъ чужихъ вліяній и Вольтеръ, первый послѣ него чувствительный авторъ, несомнѣнно слѣдовалъ за нимъ, а не за англійскими драматургами. Оригинальныя чувствительныя драмы во Франціи возникли за долго до появленія переводовъ англійскихъ пьесъ. Только со второй половины XVIII-го вѣка мы встрѣчаемъ во Франціи переводы двухъ англійскихъ

---

[88] *L'orpheline léguée* шла на сценѣ Фонтенебло 5 ноября 1765 года, потомъ авторъ передѣлалъ ее въ *L'Anglomane*. Главный герой—Эрастъ—комиченъ въ своихъ увлеченіяхъ чужеземными рѣдкостями и модами. Его другъ Лизимонъ упрекаетъ его, что онъ своими пристрастіями даетъ глупцамъ поводъ—смѣяться вообще надъ философіей. Сорэнъ, слѣдовательно, отмѣчаетъ въ своей комедіи тотъ самый фактъ, на который мы указывали по поводу литературныхъ и правительственныхъ гоненій на философію. *L'Anglomane*. Paris 1788. *Jugements et anécdotes*. *Com*. sc. XIX. Сорэнъ издалъ въ 1768 году драму Мура—*The Beverley Gamester*. Раньше этого она была переведена Дидро, переводъ оставался въ рукописи, въ 1762 г. вышелъ переводъ аббата Bruté de Loirelle. Эта пьеса и еще драма Лилло—*The London Merchant or the History of George Barnwell*, можно сказать наполнили своей славой нѣсколько десятилѣтій XVIII-го вѣка.—По поводу пьесы Сорэна появилась сатира въ стихахъ на его англоманію. Она приведена въ *Mem. secr.*, 8 mai 1768.

драмъ—*The London Merchant*—Лилло и *The Beverley Gamester* — Мура. Переводы и передѣлки этихъ драмъ не прекращаются очень долго и публика, познакомившись съ одной изъ нихъ—*The Gamester*, въ передѣлкѣ Сорэна — требуетъ другой, и публику удовлетворяютъ также передѣлкой [89]. Но до этой передѣлки *Barnwell* былъ уже извѣстенъ французской публикѣ въ формѣ перевода, поэмы и даже оперы [90]. Кромѣ этихъ двухъ пьесъ, французскіе авторы передѣлывали въ драмы романы Фильдинга, Ричардсона, заимствовали сюжеты изъ англійскихъ газетъ [91].

Сильное волненіе во французской литературѣ вызываетъ Шекспиръ. У него есть страстные поклонники въ родѣ Седэна и Мерсье и безпощадные враги — Вольтеръ и Даламберъ. Раньше полнаго перевода Шекспировскихъ пьесъ появляются передѣлки Дюмсиса, много подражаній, принадлежащихъ даже не профессіональнымъ драматургамъ, а лицамъ изъ общества—лучшее доказательство популярности англійскаго поэта [92]. Появленіе перевода подняло ожесточен-

---

[89] Такъ разсказываетъ Mercier въ предисловіи къ своей драмѣ *Jenneval ou le Barnewelt français*. Paris 1769.

[90] Въ 1764 г. Дора часть *Barnwell'я* издалъ въ формѣ поэмы; въ слѣдующемъ году—пьеса была передѣлана въоперу; но еще въ 1752 году драма имѣла шумный успѣхъ въ Парижѣ—въ переводѣ,—*Corresp. litt.* (Grimm) V, mai 1764; VI, Mars 1765. Лагарпъ также написалъ своего *Barnewelt'a*. *Corresp. secrète*, VI, 418. Наконецъ въ 1773 г. появилась трагедія Blin de Sainmore'a—*Orphanis*—сюжетъ *Barnwell'я*. *Corresp. litt* (La Harpe) III, 132.

[91] Въ окт. 1782 на от. сценѣ—*Tom Jones à Londres*—комедія Desforges'a изъ романа Фильдинга,—*Corresp. litt.* (Grimm). *Le Séducteur*, ком. Bièvre'a изъ ром. Ричардсона—*Кларисса*. *Corresp. litt* (La Harpe) IV, 167. *Памела*—въ драматической формѣ являлась до пяти разъ: нѣкоторую извѣстность пріобрѣли пьесы Boissy и Лашоссе. По поводу ихъ Данкуръ написалъ сатиру: *La déroute des deux Paméla* (*Histoire anecd. et raisonnée du théâtre italien*. Paris 1769; V, 119).—Сюжетъ изъ—англ. газетъ взялъ Fenouillot de Falbaire для драмы *Fabricant de Londres*. Мерсье драму *L'Habitant de la Guadeloupe* заимствовалъ изъ романа англ. писательницы—miss Sidney Bidulph.

[92] Передѣлка трагед. *Ромео и Джульетта*, въ апрѣлѣ 1771 года, принадлежащая chevalier de Chastellux; въ 1773 г. появилась траг. *More de*

нную междоусобицу во французской литературѣ. Вождь философовъ никогда не могъ понять англійскаго поэта и непониманіе постепенно превратилось въ смертельную ненависть. Въ *Англійскихъ письмахъ* Вольтеръ признавалъ у Шекспира «геній, исполненный силы, плодовитости, естественности и благородства—безъ малѣйшей искры хорошаго вкуса и безъ малѣйшаго знанія правилъ». Въ результатѣ, все таки выходило, что Шекспиръ погубилъ англійскій театръ. Особенно Вольтера возмущали такія сцены, какъ разговоры могильщиковъ въ *Гамлетѣ*, участіе римскихъ ремесленниковъ въ *Юліи Цезарѣ*. Вольтеръ не хотѣлъ быть голословнымъ и для своей публики перевелъ гамлетовскій монологъ *To be or not to be*, чтобы дать образчикъ шекспировской поэзіи. По этому переводу развѣ только можно догадаться, что дѣло идетъ о монологѣ Гамлета, но отнюдь не судить о Шекспирѣ [93]. Гораздо позже Вольтеръ представилъ въ Академію переводъ шекспировскаго *Юлія Цезаря* съ очевидной цѣлью—окончательно подорвать авторитетъ англійскаго драматурга. Цѣль отчасти достигается. Даламберъ приходитъ въ изумленіе, какъ цивилизованная нація можетъ восхищаться «столь грубымъ сочинительствомъ». Во всей Академіи не оказалось подлинника, чтобы провѣрить Вольтеровскій переводъ,—но Даламберъ, вполнѣ соглашаясь съ своимъ другомъ вообще

Venise—капитана Douin'a; о трагедіи презид. Эно—*Францискъ II*—мы упоминали. Во время моды на сумасшествіе, о которой мы говорили выше, громадной популярностью пользовался король Лиръ.—*Mem. secr.* XXXIII, 158—приведены куплеты, возникшіе по этому поводу.

[93] *Lettres sur les Anglois.* A Francfort sur le Meyn. 1735, p. 121—4 Въ монологѣ Гамлета вмѣсто первой строчки „To be or not to be,—that is the question„,—у Вольтера слѣд. стихи:

Demeure, il faut choisir et passer à l'instant
De la vil à la mort, ou de l'être au néant.
Dieux cruels, s'il en est, éclairez mon courage...

Въ числѣ бѣдствій жизни Вольтеровскій Гамлетъ не забываетъ упомянуть:

De nos *prêtres* menteurs bénir l'hypocrisie

и въ заключеніе сказать о *le scrupule*—

Et d'un Heros guerrier, fait *un chrétien timide.*

на счетъ Шекспира,—сомнѣвается всетаки, что всѣ мѣста въ подлинникѣ такъ же дурны, какъ въ переводѣ. И онъ въ письмѣ къ Вольтеру приводитъ наугадъ нѣсколько примѣровъ. Сомнѣнія Даламбера, конечно, были вполнѣ основательны [94].

Но публика на этотъ разъ не раздѣляла вкуса своихъ просвѣтителей. Потребность въ полномъ переводѣ шекспировскихъ драмъ—являлась настоятельной,—и переводъ, принадлежавшій Ле Турнэру, вышелъ, наконецъ, въ 1776 году [95]. Переписка Вольтера въ эту эпоху занята исключительно вопросомъ, какъ уничтожить врага. Даламберъ по прежнему на сторонѣ Вольтера и, когда тотъ присылаетъ въ Академію протестъ противъ автора и переводчиковъ, предлагаетъ прочесть записку въ публичномъ засѣданіи [96]. У Шекспира не замедлили конечно, найтись защитники, очень искусно и спокойно возражавшіе Вольтеру [97]. Нѣкоторые драматурги и кри-

---

[94] *Lettres.* I, 208—9, 8 sept. 1762.

[95] Даламберъ говоритъ *о трехъ* переводчикахъ. *Lettres* II, 266.

[96] О тонѣ писемъ Вольтера можно судить по такой фразѣ: „Le grand point, mon cher philosophe, est d'inspirer à la nation le dégoût et l'horreur qu'elle doit avoir pour Gilles le Tourneur, préconiseur de Gilles Shakespeare, de retirer nos jeunes gens de l'abominable bourbier où ils se precipitent, de concerver un peu notre honneur s'il nous en reste". Вольтеръ считалъ себя въ этомъ случаѣ—„бойцомъ за націю" и находилъ умѣстнымъ обратиться за помощью къ королевѣ и принцессамъ. Онъ принужденъ былъ выбросить въ своемъ посланіи нѣсколько слишкомъ смѣлыхъ цитатъ изъ произведеній Шекспира, оно было прочитано публично, напечатано въ академической типографіи,—но запрещено въ продажѣ, — какъ мы уже говорили. Запрещеніе, повидимому, вскорѣ сняли.—*Lettres* II, pp. 266—9, 272—6, 281—2. Въ *Corresp. secrète* III, 209 приводится письмо Вольтера къ Даржанталю, превосходящее раздраженіемъ всѣ письма къ Даламберу: „Il n'y a pas en France assez de camouflets, assez de bonnets d'âne, assez de piloris pour un pareil faquin. Le sang pétille dans mes vieilles veines en parlant de lui".

[97] Лучшій отвѣтъ принадлежалъ Рэтлиджу — *Observations à l'Académie Fr. au sujet de la lettre de M. de V. sur la traduction de Shakespeare*, вышедшій въ 1776 году. Всѣ источники отзываются съ большой и дѣйствительно заслуженной похвалой объ этой брошюрѣ.—*Corresp. litt.* (Grimm) 25 août 1776; *Mem. secr.* 1 janvier 1777. *Corresp. secrète*, III, 416.

тики не знали къ какому лагерю примкнуть и попадали въ самое комическое положеніе. Напримѣръ, Лагарпъ то изумлялъ публику, подвергая критикѣ шекспировскіе стихи въ *Отелло*, не зная англійскаго языка, то въ 24 часа передѣлывалъ трагедію *Коріоланъ* для спектакля въ пользу бѣднымъ и навлекая на себя жестокую эпиграмму Шамфора, то въ своей *Корреспонденціи* пользовался случаемъ укорить Шекспира въ грубости, уродствѣ и фальши по поводу *Короля Лира* и въ отсутствіи искусства по поводу *Макбета*. Руссо поступаетъ искреннѣе: не вѣря въ театръ и драматическую литературу онъ переводитъ только предсмертную пѣсенку Дездемоны [98]. Среди драматурговъ находятся почитатели Шекспира, напоминающіе страстнымъ увлеченіемъ нѣмецкихъ романтиковъ Мы знаемъ восторги Мерсье,—Седэнъ, познакомившись съ драмами Шекспира въ переводѣ, нѣсколько дней ходилъ въ какомъ-то опьяненіи [99].

Всѣ эти факты характеризуютъ эпоху. Идея космополитизма, сліянія народовъ въ одинъ братскій союзъ—любимая мечта людей XVIII вѣка. Увлеченіе произведеніями чужой литературы, горячая полемика по поводу иностраннаго автора, слѣпая ненависть и восторженная любовь къ нему— это все признаки движенія французскаго общества къ идеалу философовъ. Патріотическая самоувѣренность и тщеславіе въ вопросахъ мысли и искусства миновали вмѣстѣ съ классицизмомъ. Онъ оказался слишкомъ немощнымъ и безсодержательнымъ,чтобы удовлетворить новые запросы мысли и чувства,— и французы начинаютъ изучать чужую культуру и пользоваться ея соками.

О значеніи нѣмецкой литературы во Франціи XVIII вѣка, сравнительно съ англійской, чаще всего не находятъ нужнымъ даже упоминать. А между тѣмъ эта роль далеко не такъ ничтожна. Во второй половинѣ XVIII вѣка во Фран-

---

[98] *Corresp. litt.* (Grimm) XI, 299; эпигр. Шамфора *Ib.* XIII, 473.— *Corresp. litt.* (La Harpe) IV, 126, 192. О переводѣ Руссо—Grimm. XII, 95.

[99] Grimm. XI, 216.

ціи появляются переводы и передѣлки классическихъ нѣмецкихъ произведеній въ родѣ *Минны Барнгельмъ*, *Сарры Сампсонъ*,—Лессинга, *Вертера*—Гете, издаются сборники нѣмецкой поэзіи, а заимствованій изъ нѣмецкаго репертуара дѣлается даже больше, чѣмъ изъ англійскаго [100]. Мы постоянно слышимъ жалобы на многочисленность передѣлокъ нѣмецкихъ пьесъ — даже плохихъ, не заслуживающихъ никакого вниманія, одна и та же пьеса является въ нѣсколькихъ передѣлкахъ, особенно если ея содержаніе подходитъ къ модному увлеченію французской публики—добродѣтелями простыхъ людей. Въ Парижѣ идетъ драма Клопштока, переводятся произведенія, повидимому менѣе всего соотвѣтствующія французскому духу—*Мессіада*, *Идилліи* Гесснера, *Басни* Лессинга [101]. Одно изъ любимѣйшихъ драматическихъ произведеній второй половины столѣтія—*Silvain*—заимствовано у Гесснера. Во французскомъ репертуарѣ появляются Вильгельмъ Телль и Филиппъ II — одновременно подъ вліяніемъ иноземныхъ исторій и литературы и отечественныхъ фило-

---

[100] *Minna v. Barnhelm* въ передѣлкѣ Rochon de Chabannes'а подъ заглавіемъ *Amants Généreux* вышла въ 1774 году и имѣла большой успѣхъ. Grimm. X, 503; *Сарра Сампсонъ*, въ переводѣ интенданта Монтаньи очень часто давалась въ Парижѣ, даже на аристократическихъ сценахъ. *Journal étranger*—спеціальный органъ для популяризаціи иноземныхъ литературъ переполненъ хвалебными статьями о Лессингѣ. Переводъ Вертера появился въ 1776 году. *Choix de poesies allemandes*. Paris. 1766 въ 4-хъ томахъ составитель—баварецъ Huber, долго жившій во Франціи.

[101] Напримѣръ, *Chérusques*, др. Шлегеля, передѣлка Bauvin'а, въ Парижѣ, 1774 г. Это тотъ самый авторъ, ради котораго штаты провинціи Артуа назначили пенсію за пьесу, выдержавшую три удачныхъ представленія.—*Henriette*, др. m-lle Baucourt. 1782 г. Въ восьмидесятыхъ *Corr. litt.* отмѣчаетъ особенное изобиліе нѣмецкихъ пьесъ на французскихъ сценахъ. Нѣсколько разъ была передѣлана пьеса *Признательный сынъ*, между прочимъ въ комич. оперу. Grimm., mars 1786. — Очень популярная пьеса *Socrate rustique* переводъ нѣм. драматурга пьесы—Hirzel'я. Обѣ пьесы прославляютъ добродѣтель и умъ крестьянъ. *Смерть Адама*—Клопштока появилась въ 1762 году, *Басни* Лессинга въ 1764 г., *Идилліи* Гесснера—въ 1773—*Nouvelles Idylles*.

софскихъ идей. Другіе народы и литературы также несутъ свою дань.

Среди пьесъ встрѣчаемъ жесточайшую драму изъ русской жизни [102]. Исторія Китая также привлекаетъ «особенный интересъ» и Вольтеръ беретъ отсюда сюжетомъ съ этой стороны для своей трагедіи *L'orpheline de la Chine*. Не оставляется въ покоѣ и датская литература [103]. Что касается итальянской и испанской,—онѣ постоянно, наравнѣ съ англійской, приводятся въ образецъ французскимъ драматургамъ. Впрочемъ, знакомство съ этими литературами унаслѣдовано отчасти отъ классической эпохи. Теперь припоминаютъ, что Корнель, поддавшійся было вліянію испанскаго театра, едва не оставилъ классической трагедіи. Корнель дѣйствительно въ теоріи близко подходилъ къ чувствительной и буржуазной драмѣ. Онъ вѣрилъ, что состраданіе можетъ быть вызвано у насъ скорѣе зрѣлищемъ несчастныхъ людей нашей сферы, во всемъ на насъ похожихъ, чѣмъ приключеніями монарховъ [104]. Но эти благодѣтельныя идеи были подавлены классической эстетикой въ самомъ началѣ. Теперь защитники драмы ссылаются на обмолвку Корнеля и указываютъ своимъ соотечественникамъ на родину Кальдерона и Лопе де-Вега [105]. Итальянская драматическая поэзія въ лицѣ Гольдони пріобрѣтаетъ искуснѣйшаго популяризатора во Франціи. Поэтъ лично является въ Парижъ, остается здѣсь и наполняетъ репертуаръ парижскаго театра своими

---

[102] *Foedor et Lisinka ou Novogorod sauvé*, par Desforges, шла 3-го октября 1786 на ит. сценѣ.

[103] Grimm гов. о такомъ интересѣ къ Китаю въ 1766 году. *Corresp.* VII, 112. О заимствованіи Вольтеромъ сюжета изъ сочиненія о Китаѣ, заключавшаго въ себѣ переводъ китайской драмы—Grimm. III, 82 и *Lettre d'un ancien officier de la reine*, о которомъ мы говорили выше. Подражаніе пьесѣ Гольберга *L'homme d'état imaginaire* появилась уже въ самомъ концѣ стараго порядка, въ іюлѣ 1789 года.

[104] Ср. Lenient. *La comédie en France* I, 280 Lanson. *O. c.* p. 86.

[105] Mercier. *Du théâtre*, p. 104. Авторъ говоритъ о трагедіи *Don Sanche* какъ предвѣстіи новой драмы.

пьесами [106]. Мы уже говорили, что король назначилъ ему пенсію, а принцессы учились у него итальянскому языку, ради его же произведеній.

Французскіе писатели обратились къ чужимъ литературамъ, ища драматическихъ мотивовъ и сюжетовъ. Драма сближала европейскія литературы гораздо скорѣе и тѣснѣе, чѣмъ это дѣлалъ классицизмъ. Тамъ было вліяніе *формы*, изобрѣтенной въ одной странѣ, здѣсь общій *духъ* сливалъ творчество всѣхъ народовъ, оставляя за каждымъ изъ нихъ самостоятельную и оригинальную роль въ новой литературѣ. Драма, по своему существу, требовала изученія, дѣйствительной жизни. Перенесенная въ область международныхъ литературныхъ отношеній она должна была создать во Франціи интересъ къ исторіи, образованности, обычаямъ и нравамъ чужихъ странъ. Чтобы заимствовать классическую трагедію, усвоить классическую эстетику, достаточно было знакомства съ книгами. Чтобы оцѣнить и усвоить чужую драму, надо узнать почву, ее воспитавшую, понять людей, какъ своеобразныхъ личностей, отражающихъ въ своемъ нравственномъ мірѣ и въ своихъ дѣйствіяхъ — національныя преданія и національный характеръ. Совершенно естественно — во Франціи рядомъ идутъ — англійскія драмы и англійская исторія. То же самое повторяется и относительно другихъ народовъ. Около второй половины XVIII вѣка мы встрѣчаемъ длинный рядъ историческихъ сочиненій и компиляцій о чужихъ государствахъ. Иныя изъ этихъ сочиненій представляютъ настоящіе ученые труды. Напримѣръ, десятитомная *Histoire d'Allemagne* Барра явилась въ результатѣ двадцатилѣтней работы автора въ иностранныхъ архивахъ. Издаются исторіи и изслѣдованія по государственному устройству — Голландіи, Швейцаріи, Россіи, Польши, Германіи и Англіи [107].

---

[106] Гольдони былъ приглашенъ парижскимъ ит. театромъ весной 1763 г на жалованье въ 6000 ливровъ съ условіемъ, чтобы онъ работалъ исключительно для этой сцены,—*Corresp. litt* (Grimm) VI.

[107] Книга Барра вышла въ Парижѣ въ 1748 году. Въ томъ же году изданы: Favier—*Essai historique et politique sur le gouvernement présent de*

Страсть къ переводамъ чужихъ сочиненій развивается до такой степени, что современникъ съ нѣкоторымъ раздраженіемъ говоритъ о «демонѣ-переводчикѣ», преслѣдующемъ французовъ: нельзя ничего написать на англійскомъ или нѣмецкомъ языкахъ, не рискуя быть переведеннымъ въ Парижѣ [108].

Трудно, конечно, провести непосредственную связь между развитіемъ новой художественной литературы и произведеніями, знаменующими широкій интересъ французской публики къ исторіи другихъ народовъ. Но важно отмѣтить параллельный ходъ тѣхъ и другихъ явленій. Они имѣютъ одинъ и тотъ же смыслъ: изученіе дѣйствительности и человѣческой природы, одушевленное чувствомъ гуманности, терпимости, симпатіи ко всѣмъ крупнымъ и мелкимъ, роднымъ и чужимъ фактамъ умственной и нравственной жизни. Драма являлась едва ли не сильнѣйшимъ орудіемъ на этомъ пути. Дѣйствуя одновременно логикой и паѳосомъ на чувство и идеи, она подчиняла своему вліянію обширнѣйшій кругъ публики. Это вліяніе оказалось до такой степени неотразимымъ, что духъ новой драмы постепенно захватилъ самыя разнородныя произведенія, по существу не имѣвшія, повидимому, ничего общаго съ драматическимъ паѳосомъ. Фактъ— въ высшей степени важный для характеристики общественнаго вкуса и для полной оцѣнки новой литературы. Мы прослѣдимъ его по всѣмъ сценическимъ зрѣлищамъ французской столицы.

VI.

Вторымъ по значенію театромъ въ Парижѣ былъ итальянскій. Въ началѣ это—крайне не серьезная сцена. Компе-

---

Hollande, въ Лондонѣ, Le coq de Villeray—*Traité hist. et polit. du droit publ. de l'empire d'Allemagne* въ Парижѣ, Raynat. *Hist. du parlement d'Angeterre*, въ Гагѣ; Broquigny: *Hist. des revolutions de Gênes jusqu'en 1748*, въ Парижѣ 1750, 2-е изд. 1752 г.; Solignac—*Hist. de Pologne*, въ Парижѣ 1749; переводъ нѣм. сочин. барона Strahlenberg'a—*Историч описаніе русской имперіи*, въ Парижѣ 1757 г.

[108] „Le démon—traducteur nous poursuit". Grimm. II, 392, 1754.

тентные современники отзываются о ней съ презрѣніемъ. Французское правительство въ XVII вѣкѣ нѣсколько разъ прогоняетъ изъ столицы итальянскихъ актеровъ за грубость и пошлость ихъ представленій [109]. Въ XVIII вѣкѣ все это постепенно измѣнилось. На итальянской сценѣ появляются комедіи такихъ авторовъ, какъ Делиль, Мариво. Открывается золотой вѣкъ театра [110]. Названіе — *итальянскій* — превращается въ звукъ пустой. Сначала главные герои комедій—Арлекинъ и Скапенъ — говорятъ по-французски въ интересахъ партера, потомъ на итальянской сценѣ появляются пьесы французскихъ авторовъ по литературнымъ достоинствамъ и нравственному содержанію не уступающія пьесамъ *Comédie Française*.

Итальянскій театръ присоединяется къ новому направленію драматической литературы, прославляетъ чувствительность, нравоучительныя проповѣди, беретъ темы изъ тѣхъ же англійскихъ драмъ, которыя переводятся для французскаго театра. Итальянцы, не стѣсняемые классическими преданіями, проявляютъ больше демократизма и художественной терпимости, чѣмъ французскіе актеры. На итальянской сценѣ еще въ концѣ второй половины столѣтія появляются жестокія сатиры на аристократовъ, на господъ — въ родѣ комедіи Буасси—*Les valets maîtres*, съ которой мы встрѣтимся ниже. Рядомъ съ сатирой на высшія сословія развивается идеализація буржуазной и особенно крестьянской жизни. Современникъ иронически замѣчаетъ, что у итальянцевъ бальи играютъ роль тирановъ [111]. И театръ дѣйствительно, съ большой лю-

---

[109] Grimm. VI, 380. Такое отношеніе къ театру вполнѣ объясняется извлеченіями изъ пьесъ, сдѣланными въ сочин. *Table alphabétique et chronologique des pièces représentées sur l'ancien Théâtre Italien dépuis son rétablissement jusqu'au 1697* Paris 1750.

[110] Такъ названъ этотъ періодъ въ сочин. *Histoire anecd. et raisonnée du th. italien*. Paris 1769. *Préface*. Но *Arlequin sauvage* поименованъ почему то безъ имени Делиля—I, 490.

[111] *Corresp. litt.* (Grimm) X, 400. Это подтверждаетъ и *Hist du th. italien*. VI, 458. Намъ извѣстенъ цѣлый рядъ пьесъ на эту тему, популярнѣй-

бовью и постоянствомъ воспроизводитъ у себя до самаго конца XVIII вѣка лишенія поселянъ и мелкія злодѣйства захолустныхъ насильниковъ. Гольдони пишетъ серьезныя комедіи изъ мѣщанской жизни. У него та же тенденція, тѣ же характеры, тѣ же нравы, какія у французскихъ авторовъ буржуазной драмы.

Всѣ эти нововведенія увѣнчались блестящимъ успѣхомъ. Игра итальянскихъ актеровъ—горячая и страстная увлекаетъ даже противниковъ ихъ театра. Публика съ величайшею охотой посѣщаетъ итальянскіе спектакли. Въ 1762 году пай итальянскаго актера доходитъ до 11,500 ливровъ. Это обращаетъ вниманіе французскихъ актеровъ и они начинаютъ всѣми силами притѣснять конкурентовъ. Зависть особенно разгорается именно послѣ 1762 года. Въ этомъ году итальянскій театръ началъ ставить на своей сценѣ комическія оперы. Сборы поднялись до невѣроятныхъ размѣровъ. Театръ заставили платить королевской операѣ 35,000 ежегоднаго взноса, за право музыкальныхъ спектаклей, и все-таки въ 1769 году мы узнаемъ, что ежегодная доля итальянскаго актера достигаетъ 12—15,000 ливровъ. Кромѣ того театръ оплачивалъ еще авторамъ пьесы, чего французскій театръ или совсѣмъ не дѣлалъ или дѣлалъ съ крайней неохотой и весьма рѣдко [112].

Французскіе актеры ждали только случая напасть въ свою очередь на итальянцевъ. Случай представился, когда итальянцы вздумали ввести въ свой репертуаръ трагедію. Французы выхлопотали запрещеніе играть на итальянской сценѣ пьесы съ трагическою развязкой, съ насиль-

---

шая—*Annette et Lubin*, *Le bon seigneur*, *Deux Miliciens ou l'Orphéline villageoise*.

[112] Къ числу „побѣжденныхъ“ между прочимъ принадлежитъ Гриммъ, давшій самый безнадежный отчетъ объ ит. театра въ моментъ пріѣзда Гольдони въ Парижъ и потомъ неоднократно восхищающійся и театромъ и его драматургомъ. *Mem. secr.*, 281. 1762.—*Hist. philos. et litt. du th. fr.* par. Hipp. Lucas, Paris 1843 p. 233.—Grimm. VIII, 331. *Mem. secr.*, 22 jan. 1768—споръ Седэна съ франц. т о гонорарѣ.

ственными смертями отъ яда и желѣза. Тогда итальянскіе актеры попытались дать у себя «риѳмованную драму безъ пролитія крови», но труппа оказалась не приспособленной къ такимъ спектаклямъ. Театру пришлось ограничиться комедіями, комическими операми и — по выраженію одного театральнаго журнала — быть благороднымъ только въ мѣщанскомъ жанрѣ» [113].

Эта борьба театровъ, прекрасно характеризующая вѣкъ всевозможныхъ привилегій и ограниченій, нисколько не повредила общественному значенію итальянской сцены. «Быть благороднымъ въ мѣщанскомъ жанрѣ»—значило дѣйствовать во вкусѣ современной публики, и итальянцы оказали не мало услугъ новой драмѣ, работая рядомъ съ французскими актерами, въ общемъ, какъ увидимъ ниже, крайне невѣжественными, заносчивыми по отношенію къ авторамъ и дерзко-равнодушными къ запросамъ публики. Интриги французскихъ актеровъ вплоть до самой революціи мѣшаютъ возникнуть въ Парижѣ второму драматическому театру. Въ теченіе второй половины XVIII вѣка, особенно въ самый разгаръ литературной реформы, мы со всѣхъ сторонъ слышимъ жалобы на монополію *Comédie Française*, но только въ январѣ 1789 года открылся *Théâtre de Monsieur* съ правами королевскихъ театровъ. Неустанныя стремленія итальянской сцены—расширить свой репертуаръ и сообщить ему болѣе серьезное направленіе, были, слѣдовательно, въ высшей степени благодѣтельны для французской драмы. Мы оцѣнимъ все значеніе факта, когда увидимъ, какое количество пьесъ появилось на итальянской сценѣ, — полныхъ общественнаго смысла и безъ помощи итальянцевъ осужденныхъ на немедленную смерть.

Исторію, подобную судьбѣ итальянскаго театра, пережила третья сцена,—комическая опера. Ея родоначальники—бульварные, ярмарочные театры, но ея первые серьезные успѣхи связаны съ знаменитымъ именемъ—Лесажа. Авторъ *Turcaret*,

---

[113] *Journal des Théâtres*. Paris. 1777. I, 41.

подобно многимъ другимъ, поссорился съ *Comédie Française* и сталъ писать для бульварной сцены. Публика оцѣнила такое участіе и вмѣстѣ съ тѣмъ вызвала ожесточенное преслѣдованіе новой оперы со стороны французовъ и итальянцевъ. Одни запрещали діалоги, другіе пѣніе и музыку. Наконецъ, въ 1728 году открылся особый театръ *Opera comique* подъ покровительствомъ Большой оперы и въ союзѣ съ итальянскимъ театромъ. Бульварныя сцены продолжаютъ существовать самостоятельно, а комическая опера постепенно вошла въ общее теченіе современной драматической литературы. Она прежде всего стала «шансонировать» порокъ и воспѣвать добродѣтель. Фаваръ, о пьесахъ котораго намъ много разъ придется говорить, окончательно сообщилъ комической оперѣ — общій духъ XVIII вѣка, философію и чувствительность. Современники называютъ Фавара «отцомъ нравственнаго водевиля», хвалятъ его за то, что онъ «среди смѣха и сценической игры разсѣеваетъ возвышенныя правила, полезные уроки, онъ остроумный поэтъ и забавный философъ». Вольтеръ называлъ его «Мольеромъ оперы»[114]. Комическая опера при Фаварѣ стала чувствительной, идиллической исторіей сельской жизни. Авторомъ руководили идеи чувства и равенства: за это привѣтствуютъ его современники. Превосходною помощницей Фавара была его жена, умѣвшая замысламъ мужа сообщать глубокую трогательность и драматизмъ. Вольтеръ въ своихъ восторгахъ предъ новой

---

[114] „Il chansonna le vice et chanta la vertu“—стихъ Фавара. *Père du vaudeville moral*—выраженіе Мармонтеля. Въ *Mémoires et corresp. litt.*—Фавара приведены стихи, посвященные автору Кассономъ, профессоромъ Collège Mazarin (II, 305). Первыя строки стихотворенія удачно характеризуютъ Фавара и его литерат. жанръ:

O toi qui sais embellir la raison.
Par des attraits d'une sage folie!
Répare dans les ris et les jeux de Thalie.
Un précepte sublime, une utile leçon...
Poète ingenieux, philosophe amusant.

Письмо Вольтера къ Фавару, 1765 г., приведено у Lenient'a *O. c.* p. 198.

комической оперой не отдѣлялъ заслугъ поэта отъ сценическаго таланта его жены [115]. Фаваръ въ летучихъ сценахъ и «аріэткахъ» проводилъ то же міросозерцаніе, какое воодушевляло серьезнѣйшія произведенія эпохи. Преемникъ Фавара—Седэнъ—придалъ комической оперѣ новый оттѣнокъ. Онъ умѣлъ влить въ нее плоть и кровь современной драмы и съ искусствомъ, удивлявшимъ зрителей и критиковъ, пользовался пѣніемъ и музыкой для воспроизведенія трогательнѣйшихъ моментовъ изъ жизни простыхъ людей. Современникъ говоритъ, что по таланту соединять трагическое съ комическимъ, Седэна можно сравнить только съ Шекспиромъ [116]. Въ этой похвалѣ основная мысль справедлива. Комическая опера у Седэна превратилась въ своеобразную драму, патетическую, чувствительную, исполненную въ то же время наивной и свѣтлой поэзіи. Новый жанръ былъ признанъ, наконецъ, Академіей: комическая опера открыла Седэну доступъ въ среду «безсмертныхъ».

Было бы ошибкой новую комическую оперу смѣшивать съ великосвѣтскими пасторалями и салонными идилліями. Защитники старины прекрасно понимали сущность новаго жанра. Одинъ изъ нихъ, будто подражая герою Бомарше, перечисляетъ важнѣйшія преступленія XVIII вѣка: *Система природы*, драма и комическая опера. Другіе называютъ комическую оперу *drame-opéra* или *opera philosophi-comique*. Несмотря на всѣ нападки и насмѣшки, комическая опера процвѣтала и дерзнула даже призвать на помощь исторію. Имя Генриха IV, вдохновлявшее общественную и политическую оппозицію XVIII вѣка, не сходило со сцены комической оперы и никому это не казалось униженіемъ одного изъ популярнѣйшихъ героевъ французской исторіи.

Намъ остается сказать нѣсколько словъ о низшемъ сортѣ сценическихъ представленій—о бульварныхъ театрахъ, такъ

---

[115] *Mem et corresp.*, par. Favart. III, 245. Тамъ же—*air* въ честь m-me Favart. p. 325.

[116] Grimm. VIII, 318.

называемыхъ *petits spectacles*. Уже участіе Лесажа въ репертуарѣ этихъ театровъ показываетъ, что существованіе ихъ въ Парижѣ было далеко не безслѣдно. Но лучше всего значеніе ихъ объясняютъ мѣры, какія цензура и большіе театры принимали противъ маленькихъ сценъ: на этотъ разъ цензура и театры дѣйствуютъ вполнѣ согласно. Цензура запрещаетъ давать на бульварныхъ сценахъ хорошія пьесы или обязываетъ авторовъ «портить ихъ и дѣлать пошлыми». Разсчитывая удержать болѣе чистую публику отъ посѣщенія этихъ театровъ, приказываютъ за первыя мѣста брать не больше 24 су—плата, одинаково доступная и «почтеннымъ людямъ и черни». Еще энергичнѣе бульварные театры преслѣдуются оперой, французами и итальянцами. Лишь только пьеса имѣетъ на бульварѣ успѣхъ, большіе театры, на основаніи привилегій, или запрещаютъ пьесу, или переносятъ ее къ себѣ. Каждая новая пьеса разсматривается актерами привилегированныхъ сценъ и при малѣйшихъ признакахъ серьезной комедіи не допускается на бульварную сцену или лучшія мѣста вычеркиваются. Даже кукольный театръ подвергается стѣсненіямъ. Маріонетки пріобрѣли большую популярность въ Парижѣ,—ихъ немедленно запретили. Антрепренеръ замѣнилъ куколъ - дѣтьми,—дѣтямъ запретили пѣть, ограничили число музыкантовъ въ оркестрѣ и, наконецъ, совсѣмъ изгнали дѣтей со сцены. *Comédie Française* даже подала записку правительству съ жалобой на маленькіе театры и съ историческимъ обзоромъ своихъ привиллегій. Во всѣхъ этихъ преслѣдованіяхъ цензура оставалась на сторонѣ сцены. «Пусть послѣ этого будетъ терпимость въ странѣ, гдѣ съ одинаковою яростью преслѣдуютъ Генриха IV и полишинеля!» восклицаетъ современникъ [117].

---

[117] Grimm. X, 174; XIV, 61. *Corresp. secrète* VIII, 53. Повидимому, формальная цензура актеровъ надъ пьесами бульварныхъ театровъ установилась только къ концу семидесятыхъ годовъ. О мѣрахъ противъ Маріонетокъ— Grimm X, 174, XIV, 196. Съ 1773 года въ теченіе восьми лѣтъ бульварные театры имѣли свой органъ—*Almanach forain ou les differents spectacles des boulevards et des foires de Paris*.

Бульварные театры, какъ и всѣ другіе, въ высшей степени отзывчивы на современную жизнь: въ этомъ тайна ихъ популярности. Съ бульварной сцены впервые былъ произнесенъ эпитетъ въ честь Людовика XV, стяжавшій быстро извѣстность во всей Франціи. Здѣсь, въ эпоху популярности Маріи Антуанеты, былъ воспроизведенъ чувствительный эпизодъ, надѣлавшій много шума: королева приняла въ свою карету раненаго мужика. Въ то же время на бульварной сценѣ царитъ жестокая сатира на свѣтское общество [118]. Уже самыя заглавія пьесъ, приводимыя органомъ ярмарочныхъ театровъ, показываютъ, что авторы ихъ шли въ курсѣ современныхъ событій и идей. Во время *Свадьбы Фигаро*, напримѣръ, на бульварныхъ сценахъ дано было до тридцати пьесъ на эту тему. Нѣкоторыя пьесы выдерживали до 400 представленій. Что касается вообще репертуара,— онъ до самаго конца XVIII вѣка не былъ разграниченъ между бульварными театрами, комическою оперой и даже итальянскою комедіей. Фаваръ, напримѣръ, писалъ для бульварнаго театра, но пьесы попадали на сцену комической оперы; итальянскій театръ съ своей стороны еще въ 1784 году далъ одноактный «парадъ съ водевилями» (parade en un acte et en vaudevilles) *Docteurs modernes* для осмѣянія Месмера и месмеризма. Депремениль, какъ мы уже говорили, жаловался королю, что полиція допускаетъ осмѣивать со сцены лучшихъ людей, при чемъ Месмеръ сравнивался съ Сократомъ. Людовикъ XVI отвѣтилъ смѣхомъ на эту жалобу. Тогда авторъ обратился къ публикѣ уже съ жалобой на актеровъ и властей, допускающихъ актерамъ осмѣивать генія, высшаго чѣмъ Ньютонъ. Эти выходки только побудили публику усерднѣе посѣщать представленія. «Въ результатѣ, — пишетъ современникъ, — можно думать, что

---

[118] Lenient. *O. c.* II, 187. Другіе приписываютъ *Bien-Aimé*—одному изъ придворныхъ проповѣдниковъ. Hallays Dabat. *O. c.* p. 114. Въ пьесѣ—*Curiosités de la foire*—дѣйствующія лица—портреты съ извѣстныхъ членовъ знатныхъ фамилій.

эта комедійка нанесетъ больше вреда новой сектѣ, чѣмъ доклады всѣхъ академій, всѣхъ факультетовъ и всѣ приговоры совѣта и парламента, серьезно осудившіе ученіе и его практику» [119].

Дидро счелъ нужнымъ сказать нѣсколько словъ въ защиту фарса. Аристофанъ ни болѣе, ни менѣе какъ оригинальный фарсеръ, и превосходный фарсъ нельзя написать автору съ заурядными способностями. Будто предвидя сатиру на месмеристовъ, Дидро говоритъ: «фарсеру слѣдуетъ отдать въ жертву всѣхъ энтузіастовъ, возмущающихъ по временамъ общество. Чѣмъ чаще ихъ станутъ выставлять на ярмарочныхъ сценахъ, тѣмъ свободнѣе будутъ тюрьмы» [120]. Любопытенъ терминъ, употребленный Дидро для обозначенія фарса,—*drame burlesque*. Это слово — *драма* — для теоретиковъ XVIII вѣка, очевидно, всеобъемлющее. Родоначальникъ новой драмы, Лашоссе, находилъ возможнымъ вмѣстѣ съ чувствительными комедіями сочинять *парады*. Даламберъ за это жестоко на него нападаетъ, и парады, дѣйствительно, можетъ быть не умножаютъ славы Лашоссе [121]. Но для насъ

---

[119] *Corr. litt.* (Grimm). XIV, 78.

[120] *De la poésie dram. O. compl.* IV, 455.

[121] *Eloge. O. compl.* III, 398—9. Слѣдуетъ замѣтить, что въ нѣкоторыхъ *Cahiers* нашло мѣсто презрительное отношеніе къ *petits spectacles*. Духовенство, враждебное вообще театру, конечно, клеймитъ „малые спектакли" это—вполнѣ естественно. Но на *petits spectacles* нападаетъ *Cahier de la ville de Paris,* между прочимъ, потому что они—„entretiennent l'insubordination et la ruine des serviteurs et garçons ouvriers". (Chassin. *Les elections et les cahiers.* III, 407). Другое *Cahier* отъ третьяго сословія требуетъ уничтоженія тѣхъ же спектаклей, какъ вредныхъ „для труда и гибельныхъ для нравовъ". (*Archives,* VI, 686) Третье *Cahier* и также отъ третьяго сословія—повторяетъ тѣ же мотивы (les p. sp.—sont pour le peuple une source d'oisivité et de dérèglement *Archives,* V, 303). Всѣ три *Cahiers* конечно, исключительно парижскіе. Ихъ слишкомъ мало при общемъ количествѣ столичныхъ наказовъ, и, враги дешевыхъ представленій, повидимому высшая буржуазія, haut tiers, для которой особенно тягостны *l'insubordination* и *l'oisivité* слугъ и рабочихъ. Что касается безнравственности представленій,—мы видѣли вопервыхъ, что власти и главные театры усердно старались ухудшить ихъ сдѣлать „пошлыми" (plats), а потомъ съ точки зрѣ-

важно одинаковое отношеніе драматическихъ авторовъ XVIII вѣка ко всѣмъ родамъ своего искусства: дѣйствовала бы только одна руководящая идея, одинъ господствующій духъ. На практикѣ оказывалось,—однихъ и тѣхъ же результовъ можно достигнуть какою-угодно *драматическою* формой, была бы только сохранена основа новой драмы. Умѣлъ же Вольтеръ философскую и научную идею вложить въ летучую эпиграмму, и въ глазахъ публики XVIII вѣка это именно и являлось особенно счастливымъ даромъ. Отчего же идеи личной и общественной свободы не выразить въ комической оперѣ или даже въ фарсѣ? Весь вопросъ, чтобы эти идеи дошли до публики, — все равно какимъ путемъ, и чѣмъ путь доступнѣе и короче, тѣмъ лучше. Идеальный мудрецъ, по мнѣнію энциклопедиста, одновременно и философъ, и поэтъ, и музыкантъ. Поэзія и музыка придаютъ очарованіе мудрости[122]. При такомъ взглядѣ и комическая опера могла являться продуктомъ философіи: поклонникъ Фавара характеризуетъ его поэтическую дѣятельность тѣмъ самымъ выраженіемъ, какое изобрѣлъ Вольтеръ для просвѣтительной философіи своихъ друзей, — *orner la raison, embellir la raison*. Философія XVIII вѣка открывала своимъ ученикамъ безпредѣльныя поприща для распространенія идей, призывала на помощь пропагандѣ всѣ способности и всѣ таланты, принимала въ разсчетъ всѣ степени умственнаго и художественнаго развитія, — и имѣла всѣ основанія ждать плодородной почвы для своихъ сѣмянъ.

нія составителей наказовъ пьесы могли казаться безнравственными по тѣмъ самымъ мотивамъ, по которымъ Руссо считалъ вредными комедіи Мольера: т. е. за униженіе извѣстнаго сорта господъ, отцевъ, мужей.

[122] Diderot. *Entretiens sur le Fils naturel*. O. compl. IV, 219.

Публика. Театральная цензура. Актеры.

I.

Одновременно съ разцвѣтомъ монархіи, самостоятельная общественная жизнь во Франціи замираетъ и постепенно отливается въ строго-опредѣленныя формы, указываемыя господствующей модой. Эти формы въ теченіи многихъ десятилѣтій остаются единственнымъ интересомъ высшихъ слоевъ столичнаго и провинціальнаго населенія. О какихъ бы то ни было независимыхъ взглядахъ, настроеніяхъ, здѣсь не можетъ быть и рѣчи. Самый кругъ общества — крайне ограниченъ: отсюда исключены всѣ, кто не принадлежитъ къ родовой или финансовой аристократіи. Къ услугамъ ея матеріальныя и культурныя блага. О ней или для нея писатели создаютъ свои произведенія, она — единственная, безусловно выгодная покровительница искусствъ. Естественно,— свѣдѣнія о вкусахъ, объ увлеченіяхъ «общества» переполняютъ литературу. Даже мелочи семейной и салонной жизни сообщаются подробно и обстоятельно. Каждое новое теченіе въ привилегированныхъ сферахъ немедленно отмѣчается современниками и отражается на дѣятельности талантливѣйшихъ авторовъ эпохи.

И всетаки,—мы узнаемъ только о смѣнѣ внѣшнихъ явленій. Предъ нами въ прозаическихъ разсказахъ, посвященныхъ обществу, проходятъ все тѣ же лица и сцены, какія мы видимъ у Мольера—въ его комедіяхъ,—герои и жертвы однихъ и тѣхъ же силъ, кратко и опредѣленно обозначен-

ныхъ позднѣйшимъ драматургомъ—*la forme, le préjugé.* Эти силы господствуютъ одинаково надъ нравственными и художественными взглядами «общества». Что въ области морали—*предразсудокъ,* то въ области искусства — *правило*: и то и другое замѣняетъ личныя идеи и освобождаетъ человѣка отъ труда — воспринимать предметъ чувствомъ и мыслью и сообразовать взгляды съ *своими* непосредственными впечатлѣніями. При такихъ условіяхъ каждому предмету заранѣе отведено свое мѣсто, дана кличка, произнесенъ приговоръ: весь вопросъ, — подходитъ или не подходитъ къ нему разъ принятая мѣрка.

Но одновременно съ обществомъ гораздо ниже его существуетъ совершенно другой разрядъ людей, несравненно болѣе многочисленный и неспособный замкнуть свою внѣшнюю и внутреннюю жизнь въ заказныя рамки. Здѣсь нѣтъ заранѣе составленныхъ шаблоновъ, нѣтъ слѣпого преклоненія предъ «модой» и «тономъ». Люди всегда и во всемъ имѣютъ дѣло съ самимъ предметомъ, безбоязненно отдаются свободному порыву чувства и сужденія о предметахъ составляютъ на основаніи личныхъ впечатлѣній и опытовъ. Такіе критики не принадлежатъ къ «обществу», какъ его понималъ старый порядокъ: это—народъ.

Гдѣ же и при какихъ условіяхъ онъ могъ выражать свои взгляды? Въ эпоху Людовика XIV никто не думалъ справляться съ настроеніемъ народа и его мнѣніями. Лучшіе современные люди могли только изрѣдка указывать на его страданія. Но иногда народъ высказывался такъ же свободно, какъ и самъ король. Новѣйшій историкъ въ исключительныхъ случаяхъ ставитъ рядомъ Людовика XIV и его подданныхъ и поступаетъ такъ на основаніи положительныхъ свидѣтельствъ очевидцевъ. Это случаи, когда народъ превращался въ партеръ, являлся публикой въ театрѣ [1].

«Народъ былъ подданнымъ, но публика свободной», пи-

---

[1] Eugène Despois. *Le théâtre français sous Louis XIV.* Paris. 1874, p. 370, 372.

шетъ авторъ, отнюдь не увлекаясь остроуміемъ, а только характеризуя историческій фактъ. Въ Мольеровской пьесѣ *La critique de l'école des femmes* разсказывается дѣйствительное происшествіе, имѣвшее мѣсто на представленіи комедіи автора. Партеръ шумно смѣялся, въ то время когда «театръ», т. е. сцена, занятая аристократами и ложи хранили серьезное молчаніе. Одинъ благородный зритель не утерпѣлъ и закричалъ: *Ris donc parterre, ris donc...* Мольеръ смѣется надъ этой выходкой и здѣсь же оправдываетъ поведеніе партера[2]. Мы видимъ,—въ чемъ оно заключалось. Партеръ разошелся въ своихъ впечатлѣніяхъ съ аристократической публикой и не побоялся обнаружить это и—что еще возможнѣе—разошелся совершенно основательно: Мольеръ на его сторонѣ. Эти два факта бросаютъ вѣрный свѣтъ на характеръ театральной публики въ теченіе двухъ различныхъ періодовъ,—въ эпоху классицизма и въ XVIII вѣкѣ. Публика, конечно, съ теченіемъ времени развивалась, совершались, какъ увидимъ, внѣшнія и внутреннія перемѣны, — но путь заранѣе намѣченъ и ходъ развитія—логически послѣдователенъ.

Основное явленіе—партеръ—господинъ театра, свободный и самый проницательный критикъ—вполнѣ опредѣлилось еще при Людовикѣ XIV. Прежде всего партеръ превосходитъ численностью всѣхъ другихъ зрителей — на сценѣ и въ ложахъ: онъ всегда составляетъ больше половины всей публики. Изъ кого онъ состоитъ можно судить по цѣнѣ мѣстъ въ партерѣ въ 30 су первыя представленія и 15 су обыкновенныя, въ то время когда самыя дешевыя ложи стоили около двухъ ливровъ. Партеръ, слѣдовательно, исключительно демократическая публика и по доступности платы могъ заключать въ себѣ даже рабочихъ, мелкихъ торговцевъ, прислугу [3]. Но партеръ отличается отъ сцены и отъ ложъ не толь-

---

[2] Sc. VI.

[3] Despois. *Ib.* p. 107, 363. Высшая цифра зрителей въ *Com. Fr.* въ классическую эпоху поднимается до 1394, партеръ вмѣщалъ въ такомъ случаѣ 691 человѣкъ. Въ другихъ случаяхъ—то же отношеніе, напримѣръ—изъ

ко составомъ. Въ сущности исключительно онъ собирался въ театръ ради пьесы, благородные господа скорѣе стремились дать собственный спектакль, чѣмъ смотрѣть игру актеровъ. Современная комедія переполнена разсказами о томъ, какъ вели себя шевалье и маркизы, занимавшіе мѣста на самой сценѣ. Они являлись въ театръ среди представленія, громко требовали мѣста, привѣтствовали другъ друга поцѣлуями, сообщали вслухъ свои приключенія, между ними нерѣдко бывали пьяные... Когда такого господина упрекали, что онъ мѣшаетъ актерамъ играть, а партеру слушать, онъ отвѣчалъ: «я желаю, чертъ побери, чтобы меня видѣли съ головы до ногъ; я плачу экю только затѣмъ, чтобъ въ антрактахъ увиваться около актрисъ» [4]. Отъ такой публики нельзя было, конечно, ожидать серьезнаго отношенія къ спектаклю. Она безъ стѣсненія вмѣшивалась въ представленіе среди самыхъ захватывающихъ сценъ [5], а на счетъ критики справлялась съ мнѣніемъ короля или какого нибудь педанта [6]. Въ

---

944 общаго количества публики, партеръ 514. Despois принимаетъ среднюю цифру „мольеровской публики" въ 1000 человѣкъ.

[4] *Fâcheux,* I, 1, разсказъ главнаго героя:

Les acteurs commençaient, chacun prêtait silence
Lorsque d'un air bruyant et plein d'extravagance,
Un homme à grands canons est entré brusquement
En criant: Holà! Ho! un siège promptement!
Et de son grand fracas surprenant l'assemblée,
Dans le plus bel endroit a la pièce troublée.

Но этимъ не оканчивается поведеніе маркиза. Онъ перемѣняетъ мѣста, загораживаетъ отъ партера три четверти сцены, чѣмъ вызываетъ ропотъ и крики неудовольствія. Въ слѣдующую эпоху слышимъ тѣ же отзывы о маркизахъ въ театрѣ. Regnard. *Le Distrait.* I, 6. *La coquette* III, 7.

[5] Маршалъ de la Feullade, занимавшій мѣсто на сценѣ, во время представленія трагедіи Корнеля *Cinna* закричалъ актеру „Tu me gâtes le *Soyons amis*". *Soyons amis*—фраза Августа, обращенная къ заговорщику—заканчивающая пьесу.

[6] Мольеръ на себѣ самомъ испыталъ всѣ эти критическіе пріемы знатныхъ зрителей. Особенно много огорченій досталось ему по поводу *Bourgeois Gentilhomme.* Людовикъ XIV послѣ перваго представленія комедіи не сказалъ Мольеру ни слова—и придворные принялись возмущаться ко-

результатѣ оказывалось,—только король и партеръ имѣли *свои* взгляды на драматическія произведенія. Расинъ разсказываетъ, какъ аристократы едва не погубили его *Plaideurs*. Даже тѣ, кого пьеса забавляла, пребывали серьезными, «боясь засмѣяться не по правиламъ». Только партеръ не удержался отъ хохота, вмѣстѣ съ нимъ Людовикъ XIV — и тогда, конечно, ложи не замедлили послѣдовать примѣру. Расинъ пользуется случаемъ укорить вообще знатную публику, независимо отъ возмутительнаго поведенія юныхъ маркизовъ. «Большинство высшаго свѣта», говоритъ онъ, «совершенно не интересуется идеями и трудомъ авторовъ». И для доказательства ссылается на собственный опытъ [7]. А между тѣмъ Расинъ считался любимѣйшимъ авторомъ при дворѣ и въ обществѣ. Мольеръ также имѣлъ поводъ—довѣрять партеру, какъ это онъ и заявилъ устами Доранта. Самая смѣлая изъ его комедій — *Тартюфъ*—прошла съ блестящимъ успѣхомъ благодаря партеру. Противъ комедіи единодушно возстали дворъ и духовенство. Король позволилъ его поставить, а партеръ встрѣтилъ ее восторженно. Изданный въ печати *Тартюфъ* — не распродавался. Очевидно, публика, платившая 15 су за представленіе пьесы, не могла или считала излишнимъ покупать книгу, а богачи и знать не желали имѣть у себя кощунственную пьесу.

медіей, слишкомъ будто бы для нихъ пустой. Мольеръ даже стыдился выходить изъ дому, пока, наконецъ, король не одобрилъ пьесы и придворные мгновенно нашли ее геніальной. Эпизодъ разсказанъ въ соч. *Vie de Molière* Grimarest. Ср *Molière's Werke*, ed. Adolph. Laun, IV.

[7] „La plupart du monde ne se soucie point de l'intention ni de la déligence des auteurs... Ceux mêmes qui l'y étaient le plus divertis eurent peur de n'avoir pas ri dans les règles et trouvèrent mauvais que je n'eusse pas songé plus serieusement à les faire rire. Quelques autres imaginèrent qu'il etait bienséant à eux de s'y ennuyer, et que les matières de palais ne pouvaient pas être un sujet de divertissement pour les gens de cour. La pièce fut bientôt après jouée à Versailles; on ne fit point le scrupule de s'y réjouir et ceux qui avaient cru se déshonerer à rire à Paris furent peut-être obligés de rire à Versailles pour se faire honneur. *Plaideurs. Préface de l'auteur. Oeuvres de J. Racine.* Paris 1808, II, 269—270.

Партеръ оставался вѣрнымъ Мольеру, Корнелю и Расину, пока не появилась новая драма. Онъ энергически отвергалъ бездарныя произведенія трагиковъ и требовалъ представленія классическихъ пьесъ, часто прерывая спектакль [8]. Когда давались комедіи Мольера,—онъ по прежнему наполнялъ театръ. Вообще,—это единственный, безпристрастный, свободный и въ то же время признательный цѣнитель авторовъ. Его приговоры настолько справедливы, что потомству рѣдкіе изъ нихъ пришлось измѣнить. Сами авторы рѣшаются со сцены заявить свое уваженіе къ критикѣ партера: они приписываютъ партеру великое благодѣтельное вліяніе на драматурговъ и актеровъ. Грубыя ошибки совершаются не партеромъ, а другими зрителями, и партеръ иногда немедленно отмѣчаетъ странный и смѣхотворный вкусъ ложъ. Такъ, напримѣръ, было во время представленій *Мизантропа*: маркизы пришли въ восторгъ отъ сонета придворнаго риѳмача, партеръ долженъ былъ привѣтствовать критику Альцеста и вмѣстѣ съ нимъ оцѣнить простоту и задушевность народной пѣсни. Партеръ также смѣялся надъ знатной публикой, проливавшей слезы въ трагедіи аббата Буайе—*Юдиѳь*—по поводу участи бѣднаго Олоферна. И на этотъ разъ вкусъ партера нельзя было не раздѣлить компетентнѣйшимъ судьямъ въ вопросѣ [9].

Съ теченіемъ времени эти свойства партера должны были обнаруживаться все чаще и съ большей силой. Если публика

---

[8] Despois - приводитъ цифры сборовъ, доказывающія особенную популярность комедій Мольера и нѣкоторыхъ трагедій Корнеля и Расина въ началѣ XVIII-го вѣка. *O. c.* p. 402—3.

[9] Любопытный отзывъ о партерѣ послѣ Мольера даетъ его талантливѣйшій преемникъ - Реньяръ въ комедіи *La coquette*. Арлекинъ, играющій роль моднаго маркиза, возмущается слишкомъ свободнымъ поведеніемъ партера,—Коломбина отвѣчаетъ: „Vous avez beau pester, le parterre fait du bien à tout le monde; il redresse les auteurs, il tient les comédiens en haleine; un fat ne se campe point impunément devant lui sur les bancs du théâtre: c'est l'étrille de tous ceux qui ex posent leurs sottises au public". III, 7. О *Юдиѳи* Le Sage *La Valise Trouvée*. Maestricht. 1779. p. 198.

чувствовала себя «свободной» при Людовикѣ XIV и умѣла распознавать истинную талантливость писателей среди царства моды и академическаго педантизма, — въ XVIII вѣкѣ эта свобода и художественный вкусъ должны были подняться несравненно выше. Свобода сужденій не ограничивается областью искусства. Публика, равнодушно относившаяся къ политическимъ и общественнымъ вопросамъ въ блестящую эпоху Людовика XIV, постепенно усвоиваетъ другое настроеніе. Оно съ поразительной яркостью обнаруживается въ восторгахъ, какими народъ встрѣчаетъ смерть «великаго короля». Дальше мы увидимъ, что регентство и царствованіе Людовика XV отнюдь не были правительствами такого свойства, чтобы усыпить проснувшуюся впечатлительность,— напротивъ, они могли сообщить ей сильнѣйшую энергію и въ высшей степени рѣзкій характеръ. И по прежнему — театръ остается единственнымъ мѣстомъ, по выраженію Вольтера, гдѣ собирается нація и гдѣ публикѣ можно выразить то или другое чувство по поводу современныхъ событій, общественныхъ и даже научныхъ и историческихъ вопросовъ. Съ теченіемъ времени публика находчивостью, проницательностью и — прежде всего — отзывчивостью на злобы дня переросла даже многихъ писателей. Авторы пьесъ весьма часто не подозрѣваютъ значенія извѣстной сцены, отдѣльнаго стиха, какое въ театрѣ открываетъ публика. Смыслъ спектакля для извѣстнаго момента, и нерѣдко смыслъ въ высшей степени краснорѣчивый и вліятельный, зависѣлъ не столько отъ авторскаго усердія схватить современное настроеніе, сколько отъ чуткости зрителей, проявлявшихъ, совершенно неожиданно для правительства, цензуры, авторовъ и актеровъ, поразительное единодушіе, конечно, безъ всякаго предварительнаго уговора и согласія. И этими качествами отличается преимущественно партеръ.

Передъ нами множество современныхъ свидѣтельствъ о театральной публикѣ XVIII вѣка. Ея роль, очевидно, стала до такой степени замѣтной и оригинальной, что умолчать о ней оказывалось невозможнымъ. Источники, напротивъ, съ особенною

тщательностью отмѣчаютъ общее настроеніе зрителей, въ извѣстные періоды—день за днемъ и подробно описываютъ выдающіеся моменты. Мы будемъ держаться исключительно свидѣтельствъ очевидцевъ.

Публика парижскихъ театровъ одновременно съ развитіемъ философскаго движенія рѣзко мѣняется. Въ классическую эпоху театръ посѣщается преимущественно среднимъ слоемъ столичнаго населенія. Аристократы, конечно, считаютъ своей обязанностью показываться со сцены «всему Парижу», хотя въ исключительныхъ случаяхъ довольствуются самыми скромными мѣстами [10], но это—болѣе юная и легкомысленная часть знати. Солиднѣйшіе члены благороднаго общества избѣгаютъ посѣщать городской театръ, также поступаютъ и наиболѣе почтенные представители разныхъ профессій—судьи, адвокаты, доктора. Причинъ этого равнодушія двѣ: — слабое развитіе вообще литературныхъ интересовъ у людей XVII-го вѣка, и исконный предразсудокъ относительно театра и драматическихъ произведеній, перешедшій въ слѣдующую эпоху и дожившій до самой революціи. Въ результатѣ сцена и ложи находились чаще всего въ распоряженіи мольеровскихъ маркизовъ и шевалье. Этимъ, несомнѣнно, отчасти объясняются недоразумѣнія, имѣвшія мѣсто на представленіяхъ *Цинны*, *Мизантропа*, *Школы женщинъ*.

Съ другой стороны при всей доступности партера низшіе классы парижскаго населенія не чувствовали большаго влеченія къ *Французскому театру*. Онъ казался имъ или слишкомъ серьезнымъ или слишкомъ аристократичнымъ. Такіе взгляды совершенно естественны въ классическую эпоху, проводившую столь рѣзкія грани между сословіями и классами. Разъ цѣны въ партерѣ не поднимаются выше пятнадцати су,—очевидно онѣ разсчитаны на сравнительно небогатыхъ зрителей. Притомъ надо замѣтить, что платой имен-

---

[10] Напр. на представленіяхъ Сида—Lotheissen *Gesch. der französichen Litteratur*. Wien 1879, II, 199. Въ *La critique* Мольера маркизъ жалуется, что онъ едва нашелъ мѣсто на спектакль *Ecole des femmes*. Sc. V.

но этихъ зрителей существуютъ театры: аристократы даже принцы занимаютъ мѣста въ кредитъ и весьма часто не платятъ долга по цѣлымъ годамъ [11]. Партеръ, слѣдовательно, долженъ былъ постоянно наполняться: это—необходимое условіе существованія театра. Но собственно «чернь», городская толпа мало интересуется главными театрами,—вплоть до второй половины XVIII-го вѣка, предпочитаетъ другія удовольствія или ограничивается бульварными театрами. И, повидимому, далеко не всегда проигрываетъ. На бульварныя сцены не затрудняются отдавать свои произведенія такіе авторы, какъ Лесажъ Лашоссе. «Парады» и фарсы подобныхъ авторовъ во всякомъ случаѣ стоили трагедій Буайе и по своей занимательности для демократической публики не уступали классическимъ злодѣямъ самого Кребильона. Но съ преобразованіемъ драматической литературы происходятъ перемѣны въ составѣ благородной и простой театральной публики,—происходятъ постепенно, такъ что на первыхъ парахъ, повидимому, ускользаютъ отъ наблюдательности современниковъ, но къ семидесятымъ годамъ очевидцы говорятъ о новыхъ раньше невѣдомыхъ зрителяхъ, уже какъ о законченномъ явленіи.

Еще въ первой половинѣ столѣтія аристократы не особенно охотно бываютъ въ публичномъ театрѣ. Салонная жизнь поглощаетъ почти все время благороднаго общества. День былъ распредѣленъ въ такомъ порядкѣ, что посѣщеніе театра по необходимости являлось не всегда удобнымъ [12]. Широкое развитіе новыхъ идей отразилось на общей жизни аристократіи. Въ эту среду проникли англійскіе вкусы, англійскіе обычаи, и современникъ опасается, что они окончательно вытѣснятъ «французскую галантность, общественный духъ французовъ, ихъ

---

[11] Despois. *O. c.* p. 108. Напримѣръ, съ принца Конти актеры получили долгъ въ 104 ливра за 1691 годъ только въ октябрѣ 1694 года, принцъ Тюреннъ не желаетъ уплатить театру 8 ливровъ, маркизъ Рошфоръ остается въ еще болѣе ничтожномъ долгу.

[12] Тэнъ *Происх. общ. строя*, русск. изд. стр. 198.

вкусъ къ нарядамъ». Прежде всего, рѣзко измѣнился костюмъ мужчинъ и женщинъ. «Теперь рѣдко въ свѣтѣ можно встрѣтить лицъ, о которыхъ можно сказать, что они одѣты. Дамы носятъ рубашки и шляпы, мужчины — фраки и жилеты». Салонныя бесѣды исчезли, для нихъ не стало времени и выродились охотники вести разговоры съ дамами. Въ Парижѣ, по примѣру Англіи, возникли клубы и мужчины проводятъ здѣсь цѣлые дни. Дамы, въ виду этого, принуждены измѣнить старую программу времяпрепровожденія. Салонныя удовольствія онѣ замѣняютъ театромъ. Раньше обѣдали обыкновенно въ шесть часовъ, теперь обѣдаютъ въ четыре или въ пять: всѣ торопятся поспѣть къ началу спектаклей. Послѣ обѣда будто изъ трактира, бросаются въ спектакль, ужинъ совсѣмъ исчезъ и былыхъ послѣобѣденныхъ бесѣдъ теперь нѣтъ и въ поминѣ. За то раньше, если дама являлась въ театръ болѣе двухъ или трехъ разъ въ мѣсяцъ, въ свѣтѣ признавали это неприличнымъ. Теперь тѣ же дамы ежедневно посѣщаютъ театры [13].

Новому обычаю много помогло изобрѣтеніе «малыхъ ложъ», въ которыхъ можно пребывать безъ вѣдома публики. О количествѣ и популярности этихъ ложъ можно судить по цифрѣ, выручаемой актерами: въ 1768 году въ Comédie Française она достигаетъ 50,000 экю [14]. Ложи абонируются на цѣлый годъ и, такимъ образомъ, большая часть сбора обезпечена актерами заранѣе. Эти ложи являются настоящими салонами второй половины XVIII вѣка и своего рода верхнею палатой въ театральной залѣ. Значеніе этого факта по достоинству было впослѣдствіи оцѣнено *Наказомъ города Парижа*. Избиратели съ крайнимъ негодованіемъ требовали уничтоженія годовыхъ «малыхъ ложъ», видя въ этомъ учрежденіи незаконную привилегію аристократовъ и богачей. «Почтенный буржуа», жаловались избиратели, не находилъ въ театрѣ мѣста, между тѣмъ какъ оно всегда было предо-

---

[13] *Corresp. litt.* (Grimm). XIV, 359—364.

[14] *Mem. secr.*, 22 janvier 1768.

ставлено каждому часто совершенно недостойному зрителю, лишь бы онъ имѣлъ средства оплатить ложу за годъ впередъ. *Наказъ* называлъ это нарушеніемъ принциповъ равенства и братства—и въ особенности — приличія [15]. Мы видимъ, какъ легко демократическая публика превращала вопросъ о театральныхъ зрѣлищахъ въ вопросъ о политическихъ принципахъ и притомъ по мотивамъ, на первый взглядъ, совершенно несерьезнымъ. На самомъ дѣлѣ,—статья *Наказа* свидѣтельствована только о послѣднемъ результатѣ явленій, развивавшихся въ теченіи десятилѣтій, о настоящей общественной борьбѣ, совершавшейся въ театрѣ между вполнѣ опредѣленными партіями. Такой результатъ былъ возможенъ при единственномъ условіи, когда «почтенный человѣкъ, родившійся бѣднякомъ и осужденный на ежедневный трудъ» [16], уже давно занималъ мѣсто оппозиціи рядомъ съ привилегированной публикой и изо дня въ день привыкалъ къ протесту и критикѣ. Именно этотъ зритель гораздо значительнѣе измѣнилъ составъ и характеръ публики чѣмъ ложи. Партеръ, прежде всего, пріобрѣлъ полную свободу наслаждаться представленіемъ. Въ 1759 году графъ Лорагэ заплатилъ французскому театру 12,000 франковъ съ тѣмъ, чтобъ уничтожить мѣста на сценѣ. Это было первымъ шагомъ къ полной демократизаціи театральной залы, и партеръ привѣтствовалъ его бурными аплодисментами [17]. Въ 1770 году Comédie Française перемѣнила мѣстопребываніе—изъ Латинскаго квартала переселилась въ самую демократическую часть города, въ кварталъ S.-Honoré и Palais Royal'я и партеръ пріобрѣлъ новыхъ зрителей. Раньше онъ наполнялся, по словамъ современника, «почтенною буржуазіей», ли-

---

[15] *Le cahier de la ville de Paris. Les promenades et spectacles.* Chassin. *Les élections* III, 374.

[16] Въ томъ же *наказѣ*: „L'honnête homme né sans fortune, après avoir travaillé une partie de la journée pour se procurer de quoi subsister et élever sa famille, a besoin de prendre quelques delassements".

[17] Grimm IV, 118. О маркизѣ Lauragais и его реформѣ любопытныя свѣдѣнія въ *Memoires*, par le compte de Ségur Paris 1827, I, 139 etc.

тераторами, вообще людьми, имѣющими отношеніе къ научнымъ и литературнымъ занятіямъ. Студенты играли въ партерѣ преобладающую роль и, по увѣренію Мерсье, оказывали сильное вліяніе на умственное и художественное развитіе актеровъ [18]. Теперь партеръ наполняется совершенно другою публикой—рабочими, ремесленниками и, вообще простонародіемъ. Прежняя публика перешла въ ложи: буржуа не хотѣли въ этомъ отношеніи, какъ и вездѣ, гдѣ было возможно,—отстать отъ аристократіи. Вкусъ къ театру среди чернаго населенія столицы видимо возрасталъ. «Замѣчено,— говоритъ современникъ,—что ремесленники, которые раньше шли напиваться и отправляться въ кабаки, теперь посѣщаютъ театръ [19].

Эта публика, несомнѣнно, быстро подавила своимъ количествомъ и своею впечатлительностью зрителей, занимавшихъ ложи. Одновременно съ описанными фактами мы слышимъ жалобы на исключительную зависимость спектаклей и пьесъ отъ партера. Авторы провалившихся драмъ обвиняютъ въ своей неудачѣ весь кварталъ R.-Honoré и Palais Royal'я [20]. Сторонники благородной публики, сѣтуютъ, что все «такъ называемое хорошее общество удалилось въ малыя ложи, больше не имѣетъ возможности высказывать свое мнѣніе и довольствуется тѣмъ, что смѣется потихоньку надъ выходками партера [21]. Ложи, прибавляетъ современный театральный журналъ, спокойно подчиняются приговорамъ партера [22]. Авторы теперь направляютъ свои усилія въ другую сторону, чѣмъ раньше. Теперь сцены, описанныя Мольеромъ въ *Критикѣ на «Школу женщинъ»*, отошли въ область преданія. Новѣйшіе драматурги не заботятся о настроеніи знатныхъ дамъ и маркизовъ,—они внѣ себя — *tout effarouchés* — отъ апплодисментовъ и свистковъ артера.

[18] *Tableau de Paris*. I, 252.
[19] *Du théâtre* (Mercier). p. 209 rem.
[20] *Corresp. litt.* Grimm. X, 341.
[21] La Harpe. *Corr. litt.* I. 255.
[22] *Journal des théâtres*. Paris 1777. I, № 9, août

Исконное господство партера въ театрѣ превратилось въ настоящій деспотизмъ, исключающій чьи бы то ни было мнѣнія и вліянія. Партеръ позволяетъ себѣ съ полной свободой относиться не только къ спектаклю, но и къ «верхней палатѣ». Онъ нападаетъ на отдѣльныхъ зрителей, по чему либо ему неугодныхъ. Напримѣръ, еще до реформы Лорагэ онъ свистками и шиканіемъ стремится очистить сцену отъ лицъ духовнаго сословія [23].

Очевидно, характеризовать театральную публику второй половины XVIII вѣка, т.-е. въ эпоху развитія философскихъ идей, значитъ имѣть въ виду партеръ. Если въ настроеніяхъ и дѣйствіяхъ партера принимаютъ участіе ложи, объ этомъ немедленно сообщаютъ современники. Такихъ случаевъ встрѣчается крайне мало и чаще всего самое выраженіе «публика» исчезаетъ въ отчетахъ очевидцевъ и замѣняется словомъ «партеръ».

Что же представляютъ эти зрители? Отвѣтить на вопросъ не легко, въ виду разнообразныхъ, часто противуположныхъ качествъ, проявляемыхъ публикой. Современникъ, пораженный неожиданными капризами и противорѣчіями партера, только и находитъ словъ: «O, Athéniens, vous êtes des enfants!» [24]. Французскіе зрители XVIII вѣка, дѣйствительно, во многомъ напоминаютъ аѳинскую толпу: тѣ же взрывы легкомыслія, та же неимовѣрно-быстрая смѣна настроеній, та же «дѣтская» непослѣдовательность въ приговорахъ объ однихъ и тѣхъ же предметахъ. Легкомысліе парижанъ—общее мѣсто въ литературѣ XVIII вѣка, даже у писателей, чувствующихъ глубочайшую симпатію къ парижской толпѣ. Добродушіе, съ какимъ Парижъ переносилъ политическія и общественныя невзгоды, безпримѣрно въ европейской исторіи. Публика второй половины XVIII вѣка обращала на себя особенное вниманіе наблюдателей

---

[23] *Corr. litt.* Janvier 1774. Эпизодъ съ аббатомъ—жертвой партера—разсказалъ въ книгѣ *La valise trouvée*, pareil. Le sage. Maest. 1779, p. 121—2.

[24] Grimm. VI, 246, etc.

именно потому, что исторически-узаконенное отношеніе парижанъ къ политикѣ рѣзко измѣнилось. Авторъ, превосходно знакомый съ предметомъ по личному опыту, пишетъ о Парижѣ: «Этотъ городъ всегда отличался величайшимъ равнодушіемъ къ своему политическому положенію. Онъ предоставилъ своимъ королямъ творить все, что имъ угодно. У парижанъ бывали только политическіе бунты, всегда легкомысленные и кѣмъ-нибудь навѣянные извнѣ. Парижане на пушечные выстрѣлы отвѣчаютъ водевилями, королевскую власть ограничиваютъ ѣдкими эпиграммами, своего монарха наказываютъ молчаніемъ или изъявляютъ ему прощеніе апплодисментами, отказываютъ ему въ крикахъ *vive le roi*! если имъ недовольны, и награждаютъ привѣтствіями. На этотъ счетъ парижскій рынокъ обладаетъ непогрѣшимымъ тактомъ. Философъ послѣ тщательнаго размышленія видитъ съ крайнимъ изумленіемъ, что настроеніе парижскихъ торгашей вполнѣ основательно». Авторъ прибавляетъ, что настроенія могутъ мѣняться весьма долго безъ всякой опасности для предержащей власти. «Парижанинъ скоро забываетъ невзгоды, постигшія его вчера, и не ведетъ списка своимъ страданіямъ», Но это не значитъ, будто въ Парижѣ не понимаютъ, что именно совершается въ политикѣ и въ городѣ. Напротивъ, парижанину нравится играть роль простака и легкомысленнаго наблюдателя. И онъ сохраняетъ это положеніе, остается «добровольно одураченнымъ», пока его не выведутъ изъ терпѣнія. Тогда онъ способенъ заявить протестъ инымъ путемъ, помимо куплетовъ и остротъ [25].

Эта характеристика съ замѣчательною точностью подтверждается фактами. Наши источники полны эпиграммами, куплетами, шансонетками на всевозможныя событія общественной и политической жизни. Особые сборники: *Альманахи музъ* ежегодно печатаютъ сотни такихъ произведеній минуты. Эти произведенія часто довольно велики по объему, очень мѣтки и злы по содержанію. Нѣкоторыя изъ нихъ даютъ не мало

---

[25] *Tableau de Paris*. I, chap. XXXI.

любопытныхъ чертъ для характеристики народныхъ чувствъ къ правительству и его предпріятіямъ: напримѣръ, куплеты подъ заглавіемъ *Adieux d'un Danois aux Français*, возникшіе по поводу посѣщенія датскимъ королемъ французской столицы [26], и рядъ арій, сочиненныхъ наканунѣ собранія Генеральныхъ Штатовъ: *Considerations pratiqnes des notables de la halle de Paris sur les affaires présentes*[27]. Особенно много эпиграммъ выпало на долю Людовика XV въ послѣдніе годы его царствованія и послѣ его смерти, а нѣкоторые куплеты о маркизѣ Помпадуръ распѣвались даже по деревнямъ, въ самыхъ отдаленныхъ провинціяхъ[28]. «Вообще», – замѣчаетъ современникъ, передавшій множество историческихъ стихотворныхъ произведеній парижской публики: «французы поютъ одинаково и свои горести, и свои радости». Но въ этихъ пѣсняхъ во второй половинѣ XVIII вѣка господствуетъ одна въ высшей степени яркая нота — озлобленное настроеніе, пристрастіе къ ядовитымъ намекамъ и сильнымъ оскорбительнымъ выраженіямъ. Это настроеніе сказалось еще до смерти Людовика XIV. Кончина «великаго короля» была встрѣчена сначала искреннимъ вздохомъ облегченія, но эпоха регентства быстро измѣнила эти чувства въ разочарованіе и горькій смѣхъ, близкій къ тому взрыву, о которомъ говорилъ намъ одинъ изъ психологовъ Парижа. Другой современникъ дѣлитъ исторію французскаго общества XVIII вѣка на двѣ эпохи: къ первой относятся «безумства регентства». ко второй – постепенный и безспорный ростъ бѣдствій государства, рядомъ съ этимъ развитіе новаго искусства и новыхъ идей—драмы и философіи, и—иное отношеніе парижанъ къ общественнымъ вопросамъ. «Безпорядокъ въ политическихъ дѣлахъ,—пишетъ современникъ, — сдѣлалъ насъ печальными. Стали больше плакать, чѣмъ смѣяться, и нахо-

---

[26] Они приведены у Гримма VIII, 237.
[27] *Ib.*, nov. 1788.
[28] Chanson *La Bourbonnoise*. *Mem. secr.* 15 oct. 1768.
[29] *Corresp. secrète.* (Métra). Londres 1787. I, 147.

дали своего рода утѣшеніе въ нападкахъ философіи на королей и боговъ. Безсиліе быть веселыми сдѣлало насъ людьми чувствительными и философами» [30]. Не только чувствительными, но и злыми, и крайне раздражительными. Всякое ѣдкое слово по адресу правительства и господствующихъ классовъ встрѣчаетъ отголосокъ во всемъ Парижѣ. На аристократію нападаютъ по самому пустому поводу, даже по поводу болѣзни актера и подписки, устроенной «герцогинями» въ его пользу [31]. Относительно двора и даже принцессъ крови распространяются стихотворенія и цѣлыя поэмы такого содержанія, что даже авторъ *Секретныхъ Записокъ* не рѣшается сообщить его [32]. Мы постоянно слышимъ о цѣломъ наводненіи пѣсенъ на правительство и самыхъ высокопоставленныхъ лицъ [33]. Современникъ изумляется смѣлости и злости этихъ произведеній: «онѣ достойны скорѣе фурій, чѣмъ девяти музъ» [34]. Ничего нѣтъ удивительнаго, что такое настроеніе съ большею силой, чѣмъ гдѣ-либо, сказывается въ театральныхъ залахъ. «Въ теченіе всей половины XVIII вѣка,—говоритъ новый авторъ, въ театръ ходили исключительно за тѣмъ, чтобы апплодировать сатирамъ на злоупотребленія стараго порядка» [35]. И что особенно характерно— находили эти сатиры не только тамъ, гдѣ онѣ, дѣйствительно, существовали по замысламъ современныхъ авторовъ, но даже въ произведеніяхъ, возникшихъ въ самый расцвѣтъ стараго режима, созданныхъ искреннѣйшими поклонниками его порядковъ, въ родѣ Расина. Но таково было настроеніе публики: даже этотъ авторъ превращался въ сатирика на канцлера Мопу и его реформу.

Всѣ авторы XVIII вѣка согласны въ одномъ: настроеніе партера безошибочно указывало правительству на господ-

[30] Grimm. X, 394.

[31] Въ *Corresp. litt.* приведена *chanson*, направленная противъ участниковъ въ подпискѣ. VII, 277.

[32] *Mem. secr.* 30 jl. 1 août 1776.

[33] *Mem. secr.* 3 jn. 1774. *Corresp. secrète.* 4 jn. 1774; 7 août 1780, etc.

[34] *Corresp. litt.* XI, 171.

[35] Hippolyte Lucas. *Op. cit.* p. 305.

ствовавшее въ извѣстную минуту общественное мнѣніе и нѣкоторые изъ нихъ прямо совѣтуютъ власти прислушиваться къ апплодисментамъ и свисткамъ партера [36]. Эти авторы отнюдь не слѣпые поклонники парижской демократіи,— напротивъ, имъ больше нравится былая аристократическая «высоко-буржуазная» физіономія театральной залы, они только не могутъ отрицать очевиднаго факта: народъ пользуется спектаклями, какъ своимъ органомъ, и пользуется съ замѣчательною послѣдовательностью и тонкостью чутья во время всѣхъ политическихъ событій.

Это не значитъ, что парижскій партеръ является организованнымъ политическимъ собраніемъ, своего рода нижнею палатой, съ опредѣленною программой дѣйствій. Правда, современникамъ нерѣдко приходилось, какъ увидимъ ниже, невольно сравнивать театральные спектакли наканунѣ революціи съ политическими собраніями... Но, во-первыхъ, такой характеръ партера выработался постепенно, а потомъ, и въ эту позднѣйшую эпоху среди публики, часто происходили сцены, возможныя только у парижской толпы, собравшейся на общественное зрѣлище. Наклонность къ легкомысленнымъ выходкамъ и капризнымъ взрывамъ проявляется постоянно: парижане, очевидно, при всей своей новой чувствительности и крайнемъ озлобленіи на современное политическое положеніе не могли отдѣлаться отъ своихъ кровныхъ традиціонныхъ привычекъ.

Парижане способны увлечься невѣроятными пустяками,— увлечься со всею искренностью и страстью. Одно время ихъ сводитъ съ ума обезьяна бульварнаго антрепренера Nicolet, позже весь Парижъ занятъ бульварною пьесой *Battus payent l'ammende*. Она выдерживаетъ до четырехсотъ представленій, главная роль *Jannot* создаетъ временное психическое

---

[36] Авторъ *Corresp. litt.*, разсказавъ объ одномъ бурномъ спектаклѣ во время процесса Бомарше съ Гезманомъ и отмѣтивъ „нескромные намеки“ партера, прибавляетъ: „après tout loin de nuire ne servent-elles pas à éclairer le gouvernement sur l'opinion du peuple?“ X, 398.

разстройство—*Jannotisme*, *Jannomanie*, актеръ, исполняющій эту роль, вдругъ пріобрѣтаетъ такую популярность, что его гравюры и бюсты появляются рядомъ съ изображеніями Вольтера [37]. Это продолжается нѣсколько мѣсяцевъ и потомъ предается полному забвенію. Съ актерами во время представленія публика устраиваетъ неожиданные спектакли. Пѣвецъ дурно поетъ, партеръ отвѣчаетъ ему импровизированной аріей [38]. Актеръ женился или актриса вышла замужъ,—партеръ старается на ближайшемъ спектаклѣ выразить свое сочувствіе при каждомъ стихѣ, при каждой сценѣ, сколько-нибудь подходящихъ къ событіямъ. Иногда все представленіе комедіи превращается въ иллюстрацію свадебнаго торжества и семейнаго счастія популярной актрисы [39]. Но партеръ знаетъ не только браки актеровъ и актрисъ и не стѣсняется показать это заинтересованнымъ лицамъ. Одной актрисѣ и очень видной приходится въ теченіи всего представленія Федры будто исповѣдоваться публикѣ въ своихъ прегрѣшеніяхъ: такъ тщательно партеръ подчеркиваетъ извѣстныя мѣста аплодисментами или свистками.[40]. За то бываютъ и ноожиданные знаки одобренія. Пѣвица, высидѣвшая два дня въ тюрьмѣ за появленіе на сценѣ въ нетрезвомъ видѣ, вдругъ пріобрѣтаетъ сочувствіе партера, и онъ шумно аплодируетъ, когда пѣвица въ слѣдующій разъ поетъ стихи, весьма легко примѣнимые къ ея несчастью:

O jour fatal, que je voulais en vain
Ne pas compter parmi ceux de ma vie..[41]

Заболѣваетъ актеръ Моле и публика каждый спектакль въ теченіе шести недѣль справляется о ходѣ болѣзни, но въ это же время другого актера заставляетъ стать на колѣни и со сцены просить прощенія у публики за свой отвѣтъ:

---

[37] *Corresp. litt.* (Grimm) XIII, 1779.
[38] La Harpe. *Corresp. litt.* I, 254
[39] *Corresp. litt* (Grimm) XII, 12 jl. 1780—указаны факты.
[40] Эпизодъ произошелъ съ m-lle Raucourt. Grimm XII, 336.
[41] *Ib.* Janvier 1781.

ему крикнули изъ партера «громче!» обиженный актеръ отвѣтилъ: «а вы, господа, потише!»[42]. Но иногда самому партеру приходится получить урокъ отъ актера и терпѣливо подчиниться справедливому порицанію. На первомъ представленіи трагедіи *Inès de Castro* при появленіи дѣтей на сценѣ партеръ началъ смѣяться. Артистка, исполнявшая роль Инесы, закричала партеру: «Смѣйся, глупый партеръ, въ прекраснѣйшій моментъ пьесы», Партеръ немедленно притихъ, актриса съ искреннимъ увлеченіемъ исполнила роль и,—прибавляетъ современникъ, слезы исполнительницы смѣшались съ слезами зрителей[43]. Партеръ нисколько не стѣсняется въ выраженіи своихъ чувствъ и впечатлѣній, и наканунѣ революціи въ театрѣ актеры и публика станутъ обмѣниваться рѣчами по поводу современныхъ событій. Пока такой же обмѣнъ происходитъ въ предѣлахъ пьесы: актеры говорятъ словами авторовъ, а публика отвѣчаетъ имъ восклицаніями одобренія или гнѣва. Впрочемъ, ничто не мѣшаетъ актерамъ мѣнять текстъ комедій и драмъ и приспособлять его къ злобамъ дня. Они такъ и поступаютъ, встрѣчая—хотя и не всегда—совершенную признательность зрителей. Авторы и актеры XVIII вѣка чувствуютъ крѣпкую неослабную связь между собой и партеромъ. Авторы всѣми силами стараются затрогивать въ своихъ пьесахъ современную жизнь, пишутъ на тему всѣмъ извѣстныхъ фактовъ, переполняютъ свои произведенія намеками или передѣлываютъ старыя трагедіи, «омолаживая» ихъ текущими вопросами[44]. Темы и сюжеты часто берутся изъ газетъ и журналовъ. Требуется одно,

---

[42] Grimm VII, 273, 275. Dufresne въ роли Севера въ траг. *Polyeucte*.

[43] Diderot. *Paradoxe sur le comédien. Mémoires de Diderot*. II, 312. Актриса—m-lle la Duclos. Здѣсь же Дидро разсказываетъ эпизодъ съ Dufresne'омъ, не упоминая о карѣ, постигшей его.

[44] Въ *Corresp. litt.* разсказывается, какъ Sauvigny въ 1780 году передѣлалъ трагедію *Hirza ou les Illinois,* написанную тринадцать лѣтъ назадъ. „L'auteur cru rajeunir sa pièce et lui assurer le succès le plus éclatant en y mêlant un grand nombre d'allusions aux circonstances actuelles". XII, 366.

чтобы факты и дѣйствующія лица дали возможность раскрыть чувствительность и драматизмъ. Въ виду этого, предпочитаются случаи, характеризующіе нравственныя совершенства низшаго класса и гуманныя отношенія аристократовъ къ простому народу. Философская идея идетъ рядомъ съ новостью дня. Въ 1761 году публика узнаетъ о подвигѣ сыновней любви, совершенномъ въ Лангдокѣ, въ мѣщанской семьѣ: сынъ-гугенотъ пошелъ на галеры вмѣсто отца,— въ результатѣ является драма *L'honnête criminel*. Она возбуждаетъ сильнѣйшій интересъ къ несчастному, публика и даже дворъ сосредоточиваютъ вниманіе на одной изъ тлетворнѣйшихъ язвъ современнаго государства и церкви [45]. Въ драму передѣлывается исторія съ Лабарромъ съ тою же цѣлью протеста противъ католическиго фанатизма [45]. Въ интересахъ патріотическаго чувства на сцену попадаетъ одинъ изъ эпизодовъ сѣвероамериканской войны — спасеніе французскимъ правительствомъ плѣннаго англійскаго офицера отъ смертной казни [46]. Драматурги охотно пользуются извѣстіями о доблестяхъ людей всѣхъ сословій. Прикащикъ жертвуетъ свое состояніе хозяину, когда тотъ разорился,— пишется драма. Знатный баринъ оказываетъ благодѣяніе мальчику, попавшему въ рабство къ тунисскимъ корсарамъ: на эту тему появляется три пьесы Госпожа спасаетъ своего крестьянина отъ смерти, угрожающей ему за дезертирство,— возникаетъ драма *Deserteur* и вызываетъ слезы у Маріи Антуанетты [47].

Все, что волнуетъ общество, непремѣнно попадаетъ на сцену въ той или другой формѣ. Возгорается споръ пиччи-

[45] Драма *Augusta*, шедшая 8 окт. 1787 на сценѣ *Com. Française*.

[46] Драма Sauvigny—*Abdir*, шедшая на сц. *Com. Fr.* 25 янв. 1785 года.

[47] Пьеса Mercier *La brouette de vinaigre*. Герой происшествія съ мальчикомъ—Монтескьё. Пьесы: *Roberts Sciars*, г-жи Montesson; (1777 г.) *Le bienfait anonyme*, par Pilles (1784); *Montesquieu à Marseiles*, par Mercier (1784). M-me Ségur выхлопотала у короля помилованіе своему крестьянину — дезертиру. *Дезертиръ* — пьеса Седэна, ея сюжетъ изложенъ въ діалогѣ между Дидро и крестьяниномъ въ *Dernières années de m-me d'Epinay*. pp. 244—6.

нистовъ и глюкистовъ,—является комедія съ жестокими нападками на нѣмецкую музыку и съ подробнымъ перечисленіемъ ея недостатковъ [48]. Месмеризмъ, опыты воздухоплаванія отражаются на сценѣ особыми произведеніями [49]. Иной разъ театръ даже задается цѣлью пропагандировать извѣстное изобрѣтеніе, идею,—такую услугу, напримѣръ, итальянская сцена оказываетъ оспопрививанію, и партеръ восторженно привѣтствуетъ герцога, привившаго оспу своимъ дѣтямъ [50]. Сколько поводовъ выразить образъ мыслей, испытать сильнѣйшія впечатлѣнія — для зрителей, у которыхъ одинъ необдуманный жестъ актера вызываетъ бурю негодованія, одно слово губитъ или спасаетъ пьесу, удачная острота рѣшаетъ настроеніе на цѣлый вечеръ и остается приговоромъ для автора и его произведенія,—чье ухо не выноситъ неблагозвучнаго сочетанія звуковъ! [51]. Это дѣйствительно истинно аѳинская чуткость, нервозность крайне опасная для авторовъ, актеровъ и совершенно ускользающая отъ всякой цензурной предусмотрительности. А, между тѣмъ, даже серьезнымъ художникамъ, въ интересахъ своего та-

---

[48] Ком. Chabanon'a: *L'esprit du parti ou les querelles à la mode,* особенно жестокія нападки acte—III, 2, 13

[49] La Harpe. *Corresp. litt.* IV, 268.

[50] *La fête de château*, op. com., шедшая 25 сент. 1766. — *Histoire du théâtre italien.* VII, 149.—Эпизодъ съ герцогомъ Шатрскимъ. Ср. Bersot. *Op. cit.* p. 54.

[51] Всѣ эти черты подтверждаются многочисленными фактами, извѣстными намъ отъ очевидцевъ. Даламберъ пишетъ: „Le jugement sans appel de ce parterre equitable qu'une plaisanterie a souvent empêché d'accueillir un excellent ouvrage, et dont plus d'une fois un bon mot a formé l'avis". (*Oeuvres compl.* Paris, 1821, III, 393—4), Источники приводятъ иллюстраціи: 17 дек. 1766 года шла трагедія *Вильгельмъ Телль.* Одинъ изъ героевъ предлагаетъ Теллю поклясться—побѣдить или умереть. Телль отвѣчаетъ: *C'est un voeu trop commun.* Изъ партера въ эту минуту послышалось восклицаніе: *C'est un peu* trop commun,—раздался хохотъ и успѣхъ спектакля былъ подорванъ. Въ другой разъ трагедія *Manco Capac* рисковала провалиться, потому что въ одномъ стихѣ было такое сочетаніе: Manco-Capac capable... Grimm. VII, 196; XI, 13 f. 1777.

ланта, приходится считаться съ этой странной публикой. Нигдѣ въ мірѣ,—говоритъ безпристрастный современникъ,—такъ тонко не чувствуютъ и такъ быстро не схватываютъ пошлыхъ и глупыхъ выраженій.—И критика партера изумляетъ самихъ писателей мѣткостью и художественнымъ смысломъ въ представленіяхъ такихъ пьесъ, какъ, напримѣръ, *Свадьба Фигаро*. «Партеръ,— разсказываетъ очевидецъ,— съ изумительной вѣрностью и быстротой взгляда отмѣтилъ тѣ мѣста пьесы, какія были осуждены уже раньше лучшими критиками, во время многократныхъ чтеній комедіи» [52].

И тотъ же партеръ испытываетъ истинное удовольствіе, когда къ нему обращаются съ комплиментомъ, льстивой аріей. Ловкіе авторы оканчиваютъ пьесы такими льстивыми похвалами — и спасаютъ свои произведенія отъ очевидной опасности. Актеры постоянно прибѣгаютъ къ этому средству. Они придерживаются обычая ежегодно закрывать сезонъ спеціальнымъ «комплиментомъ» партеру, и партеръ часто приходитъ въ «безумный восторгъ» отъ любезностей актеровъ. Здѣсь вопросъ идетъ, конечно, о благосклонности публики, и актеры, не стѣсняясь, широковѣщательно объясняютъ партеру, какое значеніе имѣютъ для нихъ его аплодисменты: партеръ исправляетъ актеровъ и авторовъ, помогаетъ имъ быть правдивыми, вѣрными природѣ и увлекательными, т. е. повторяютъ тѣже рѣчи, какія партеръ уже давно слышалъ отъ талантливѣйшихъ драматурговъ [53].

---

[52] Grimm. VII, 495; XIII, 521, 27 окт. 1784: „On a vu le parterre saisir avec une justesse et une prestesse de tact vraiment admirables la plupart des endroits condamnés d'avance par les gens de goût aux lectures—multipliées que l'auteur avait faites de sa pièce“.

[53] Напримѣръ—комедія *Arlequin marchand de proverbes*, появившаяся на сценѣ ит. т. въ апрѣлѣ 1771, переполнена лестью по адресу партера. О комплиментахъ актеровъ—*Corresp. litt* (Grimm) X, 402, XV, 44. Mouhy. *Arbregé de l'hist. du théâtre fr.* IV, 189.—Какъ впечатлителенъ былъ партеръ, показываетъ фактъ, разсказанный въ *Corresp. litt* по поводу актерскихъ обращеній къ партеру. Въ 1774 году въ мартѣ предъ закрытіемъ спектаклей актриса m-lle Deschamps, уходя со сцены взяла за руку mr.

Иногда авторъ и актеры приглашаютъ партеръ принять участіе въ ходѣ пьесы и устроить развязку, какую ему угодно, Такъ, напримѣръ, на сценѣ итальянскаго театра, французъ женится на негритянкѣ—фактъ при старомъ порядкѣ невѣроятный и поэтому остроумный авторъ предварительно испрашиваетъ согласія демократическаго и либеральнаго партера [54].

Партеръ, конечно, знаетъ свою силу и заявляетъ свои требованія, не стѣсняясь мнѣніемъ остальной публики и намѣреніями актеровъ. Если пьеса ему нравится и ей предстоитъ опасность или быть снятой съ репертуара, или отложенной на неопредѣленное время, партеръ требуетъ ея постановки. Въ мартѣ 1772 года на сценѣ появилась трагедія *Druides*. Передъ наступленіемъ Великаго поста на послѣднемъ представленіи партеръ сталъ требовать возобновленія пьесы послѣ поста. Пьеса успѣла возбудить сильное негодованіе духовенства, и партеръ, предчувствуя запрещеніе *Друидовъ*, «съ такою горячностью настаивалъ на продолженіи спектаклей, что актеры принуждены были обѣщать» [55]. То же самое повторяется нѣсколько разъ съ *Севильскимъ цирюльникомъ* [56]. Вообще партеръ чувствуетъ себя хозяиномъ театральной залы и спектакля. Онъ можетъ, по желанію, заставить актеровъ прекратить представленіе и снова начать его. Желая быть любезнымъ съ Густавомъ III, другомъ энциклопедистовъ, партеръ приказываетъ актерамъ снова начать представленіе *Свадьбы Фигаро*, когда король опоздалъ въ театръ и пріѣхалъ къ концу перваго акта [57].

Такъ же любезно былъ принятъ партеромъ Іосифъ II. Парижанъ приводила въ восторгъ простота его обращенія, воз-

---

Clairval'я и сказала: „Allons, mr. Clairval, vous qui savez si bien faire votre cour aux dames c'est à vous à leur adresser leur compliment“. „Cette naiveté, продолжаетъ разсказчикъ, fut applaudie avec un transport tout à f..it scandaleux.“

[54] Такъ оканчивается op. com. *La negresse*, шедшая 15 іюня 1787.

[55] Grimm. IX, 471 etc.

[56] *Mem. secr.* 12 f. 1774.

[57] *Corresp. litt.* XIII, 551.

буждавшая недовольство въ Версали. На представленіи вольтеровскаго *Эдипа* публика, наконецъ, получила возможность выразить свое сочувствіе Іосифу присутствовавшему въ театрѣ. Іокаста говоритъ Эдипу о Лаѣ:

> Ce roi plus grand que sa fortune,
> Dédaignait comme vous une pompe importune...

Партеръ немедленно увидѣлъ въ этихъ словахъ характеристику австрійскаго императора и привѣтствовалъ его шумными аплодисментами[58].

Не для всѣхъ посѣтителей театра пріятны такія своевольныя и неожиданныя выходки партера. Но даже современникъ, сѣтующій на слишкомъ бурное поведеніе партера по поводу нѣкоторыхъ вопросовъ дня, не можетъ не выразить въ высшей степени характернаго удовольствія. «Партеръ и всѣ шумѣвшія ложи, — читаемъ мы объ одномъ изъ самыхъ грозныхъ спектаклей, — слѣдовало по крайней мѣрѣ отправить въ Бастилію,—согласенъ. Но, признавая грѣхъ публики, я въ то же время въ восторгѣ отъ такихъ спектаклей. Я въ эти минуты воображаю себя въ Римѣ или въ Аѳинахъ и изумляюсь, до какой степени вкусъ къ искусствамъ и особенно страсть къ спектаклямъ располагаетъ умы къ свободѣ»[59].

Это невольное признаніе показываетъ, по какому пути стремились впечатлѣнія парижской публики. Замѣчаніе относится къ 1773 году, и спустя пять лѣтъ мы узнаемъ, что партеръ не боится ни законовъ, ни воли короля. Въ этотъ самый моментъ Вольтеру устраиваютъ въ театрѣ такой пріемъ, что поведеніе публики является настоящей и вполнѣ серьезной оппозиціей правительству. Именно въ такомъ смыслѣ понимаютъ эти оваціи въ честь вождя философіи—сами современники. Иначе ихъ и нельзя было понимать въ то время, когда дворъ упорно отказывался видѣть философа. Представленіе *Ирены* въ присутствіи Вольтера, по мнѣнію очевид-

---

[58] Desnoiresterres. *Voltaire*. VIII, 160. *Oedipe* IV, 1.
[59] *Corresp. litt.* (Grimm) X, 294.

цевъ, вообще было первымъ случаемъ, когда общественное мнѣніе Франціи явилось во всемъ блескѣ своей власти [60]. Но оно сказывалось въ театрѣ и до этихъ овацій, хотя и не съ такой внушительностью.

Мерсье желалъ, чтобы театръ служилъ ареною для публичныхъ почестей національнымъ героямъ, чтобы вмѣсто огней—этой дѣтской забавы—виновникамъ народной славы раздавали вѣнки со сцены. Эта мечта неоднократно осуществлялась въ парижскомъ театрѣ, иниціаторами овацій часто выступали актеры и актрисы. Они со сцены бросали вѣнки къ ногамъ героевъ. Лафайетъ былъ однимъ изъ первыхъ, на чью долю выпали апплодисменты театральной залы и засвидѣтельствовали громадную популярность героя сѣвероамериканской войны. Въ его присутствіи въ оперѣ или въ *Comédie Française* послѣ путешествія въ Америку публика съ жадностью ловила каждый стихъ, каждую фразу, чтобы лишній разъ почтить «Ахилла», «придворнаго, отвергшаго радости недавняго брака, соблазны двора, удовольствія Парижа и полетѣвшаго искать славы на другое полушаріе». Подъ звуки этихъ стиховъ, вставленныхъ въ пьесу, гремѣли восторженные апплодисменты, а рѣчь о побѣдоносномъ Ахиллѣ въ оперѣ сопровождалась обращеніемъ пѣвицы къ Лафайету. Эти привѣтствія популярнымъ личностямъ бывали даже въ присутствіи Маріи-Антуанетты, что, по мнѣнію иныхъ, должно было оскорблять ее какъ королеву и какъ женщину [61]. Но и Марія-Антуанетта, какъ мы уже знаемъ, въ періодъ своей популярности, не разъ встрѣчала тѣ же оваціи. Такъ бывало въ лучшія минуты вѣрноподданическаго настроенія. Тогда парижане въ своемъ увлеченіи доходили до комизма. Вестрисъ младшій, извѣстный танцовщикъ, не могъ

---

[60] „Pour la première fois peut—être on a vu l'opinion publique en France jouir avec éclat de tout son empire". *Ib.* XII, 71.

[61] О популярности Лафайэта въ *Memoires de Condorcet* II, 49 etc. *Memoires* par le comte de Ségur. I, 402. О театральныхъ оваціяхъ. *Mém. secr,* XIV, 30, 50—1; *Corresp. litt.* 17 окт. 1779. Ср. Desnoiresterres. *La com. sat.* p. 232.

разъ танцовать по болѣзни, несмотря на желаніе королевы. Все бы обошлось благополучно, если бы Вестрису не захотѣлось съострить: «увы, это первый случай ссоры нашего дома съ фамиліей Бурбоновъ». При первомъ же появленіи артиста на сцену публика устроила ему безпримѣрный скандалъ. Партеръ требовалъ, чтобы Вестрисъ сталъ на колѣни и исповѣдалъ свою вину. Пришлось прибѣгнуть къ арестамъ [62].

Совершенно иначе относились тѣ же парижане къ своимъ Бурбонамъ при другихъ обстоятельствахъ, и таковыя случались несравненно чаще. Парижъ не пропускаетъ ни одной перемѣны въ высшей администраціи, ни одного королевскаго распоряженія. Брольи за ссору съ Субизомъ удаленъ отъ двора. Въ театрѣ идетъ трагедія Вольтера — *Танкредъ*. M-lle Клэронъ, исполняющая роль Аменаиды, произноситъ жалобу на изгнаніе Танкреда такимъ прочувствованнымъ и многозначительнымъ тономъ, что имя Брольи мгновенно промчалось по залѣ и продолжительные апплодисменты прервали сцену [63]. На слѣдующій день *Танкредъ* былъ воспрещенъ впредь до распоряженія.

Очевидно, для партера не нужно, чтобы пьеса была написана непремѣнно на извѣстное событіе. Партеръ сумѣетъ отыскать намекъ на какой угодно фактъ въ какой угодно пьесѣ. Въ этомъ отношеніи тонкость чутья у парижанъ безпримѣрна и никакія предварительныя соображенія актеровъ и властей не въ силахъ предотвратить взрыва. Неудачныя реформы, непопулярная смѣна министровъ, громкіе процессы—все находитъ свои иллюстраціи въ пьесахъ, не имѣющихъ, повидимому, никакого отношенія къ современнымъ

---

[62] *Corresp. litt.* XIV, 46—8.

[63] *Mem. secr.* I, 52—3, 20 f. 1762. Апплодисментами были покрыты стихи:

On dépouille Tancrède, on l'exile, on l'outrage..
C'est le sort d'un héros d'être persécuté...
Tout son parti se tait: qui sera son appui?
Sa gloire...

событіямъ. Канцлеръ Мопу съ его парламентскою войною подпалъ подъ власть этой неуловимой общественной цензуры. Жесточайшимъ врагомъ Мопу оказался Расинъ. Если на сценѣ шла трагедія *Британникъ*,—Нарциссъ отождествлялся съ Мопу и публика сочинила даже куплетъ на эту тему [64]. Величайшимъ торжествомъ партера надъ ненавистнымъ министромъ оказалось представленіе комедіи того же Расина—*Plaideurs*. Здѣсь одинъ изъ героевъ говоритъ: «Чтобы по крайней мѣрѣ вести дѣло съ блескомъ, нужно съ обѣихъ сторонъ имѣть по адвокату, а у насъ нѣтъ ни одного». Партеръ разразился настолько продолжительными апплодисментами, что актеръ потерялъ было надежду окончить свою роль. Пьесу хотѣли запретить, подобно *Танкреду* Вольтера [65].

Партеръ не стѣсняется выражать свое негодованіе на правительственныя распоряженія въ присутствіи королевы. С.-Жермэнъ очень непопуляренъ, и публика, будто съ намѣреніемъ, выбираетъ спектакль, когда Марія - Антуанетта присутствуетъ въ театрѣ, и сопровождаетъ бурными апплодисментами такую фразу изъ совершенно безобидной комедіи: «это плутъ, все дѣлающій навыворотъ. Его слѣдуетъ прогнать» [66]. Но самыми эффектными сценами театръ обязанъ Неккеру.

Съ судьбой и талантомъ этого министра связывали самыя разнообразныя пьесы. Нападки мольеровскаго Мизантропа

---

[64] Hallays Dabot. *Histoire de la censure théâtrale*. p. 104, приведенъ куплетъ.

[65] *Plâideurs* II, 14. Desnoiresterres. *La com. sat.* p. 178.

[66] Сегюръ въ *Воспоминаніяхъ* говоритъ по поводу отставки С. Жермэна: „Le ministre fut renversé par l'opinion publique, qui devenait déjà une puissance". I, 127. Это было единодушное мнѣніе философовъ, видѣвшихъ въ лицѣ С. Жермэна интригана и покровителя іезуитовъ,—и народа, негодовавшаго на введеніе унизительныхъ тѣлесныхъ наказаній въ арміи. Ср. Condorcet. *Mémoires*. I. pp. 47—52. Театръ послужилъ органомъ для народа и для философовъ, объединенныхъ новой силой общественнаго мнѣнія.—Эпизодъ произошелъ на представленіи комедіи Монвеля *Amant bourru* Приведенной фразы нѣтъ въ той же пьесѣ, посвященной Маріи Антуанетѣ. Фраза извѣстна изъ *Mem de Condorcet*. I, p. 50.

на дворъ, похвалы героя-дикаря въ одной трагедіи бдительному, просвѣщенному и доблестному слугѣ трона—иностранцу — все это вызывало восторги въ честь Неккера [67]. Но исключительный спектакль произошелъ 20 мая 1871 года, когда въ Парижѣ узнали объ отставкѣ Неккера. Объ этомъ спектаклѣ всѣ источники сообщаютъ самыя обстоятельныя свѣдѣнія. Можно судить, какое впечатлѣніе онъ произвелъ на очевидцевъ.

Во французскомъ театрѣ играли комедію *La partie de chasse de Henri IV*, по содержанію дѣйствительно необыкновенно удачно подходившая къ злобѣ дня. Въ пьесѣ шелъ вопросъ объ опалѣ Сюлли, оклеветаннаго передъ Генрихомъ придворными интриганами, — и одинъ изъ очевидцевъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ разсказываетъ о поведеніи партера на этомъ представленіи: «Я часто видѣлъ, какъ въ парижскихъ спектакляхъ съ большой чуткостью схватывала намеки на текущія событія, но мнѣ не приходилось видѣть такого чувствительнаго такого единодушнаго интереса къ подобнымъ намекамъ. Каждый аплодисментъ, казалось, отличался особымъ характеромъ, точно выражалъ оттѣнки чувства, одушевлявшаго публику. Это были аплодисменты — сожалѣнія и печали, благодарности и уваженія, и всѣ эти чувства были до такой степени истинны, правдивы, такъ ярко выражены, что самое слово не могло бы сообщить ихъ болѣе живаго выраженія... Какимъ взрывомъ рукоплесканій былъ встрѣченъ отвѣтъ герцога Белльгарда офицерамъ, дерзающимъ клеветать на государственнаго человѣка, котораго они считаютъ въ опалѣ. «Извольте говорить съ почтеніемъ о вели-

---

[67] Desnoiresterres. *O. c.* p. 234. Трагедія Marignié—*Zorai on les Insulaires de la Nouvelle Zélande*. Здѣсь говорится о министрѣ, единолично создающемъ счастіе націи, „citoyen adopfif“. Пьеса шла 5 окт. въ 1782 на сценѣ *Com. fr*. Въ печати она не существуетъ по спеціальному приказу короля, щадившаго на этотъ разъ англійскую конституцію: Marignié именно съ цѣлью унизить Англію и представительный образъ правленія написалъ трагедію. Содержаніе ея изложено у Mouhy IV, 167. Интересующій насъ отрывокъ напечатанъ въ *Corresp. litt*. XIII, 214.

комъ министрѣ»! Съ какимъ глубокимъ волненіемъ привѣтствовали моментъ, когда Белльгардъ опровергаетъ глухи объ отставкѣ: «Я только что видѣлъ, какъ онъ входилъ въ совѣтъ»! Съ какимъ мрачнымъ молчаніемъ внимали фразѣ герцога Сюлли, раньше всегда встрѣчавшей аплодисменты: «Ваше величество, со всякимъ другимъ государемъ, кромѣ васъ, я считалъ бы себя погибшимъ»! Сколько слезъ смѣшалось съ рукоплесканіями, съ особенной силою привѣтствовавшими столь правдивое восклицаніе Генриха, послѣ того какъ онъ раскрываетъ интригу: «Жестокій народъ: какъ они обманули меня»!—При этихъ словахъ,—прибавляетъ другой свидѣтель,—изъ партера послышалась тысяча голосовъ: «да! да»! Какой ропотъ негодованія поднялся въ залѣ, при напоминаніи о подпольныхъ памфлетахъ, которыми пытались погубить доблестнаго мужа въ глазахъ короля! Ни единаго слова, какое только могло свидѣтельствовать о чувствахъ публики къ Неккеру,—не было пропущено. Часто аплодисменты прерывали актера въ моментъ, когда публика видѣла, что въ дальнѣйшей рѣчи не заключается такого яснаго, такого лестнаго, такого естественнаго намека»... «Въ заключеніе,—говоритъ очевидецъ,—смѣемъ думать, что существуетъ мало примѣровъ такого чувствительнаго, такого изящнаго и, если такъ можно выразиться, до такой степени *невольнаго единодушія* публики въ образѣ мыслей».

Спектакль произвелъ сильное впечатлѣніе и на правительство. У актеровъ немедленно потребовали отчета. Они объяснили, что пьеса стояла въ репертуарѣ уже восемь дней, и представленіе ея ни въ какомъ случаѣ не могло быть преднамѣреннымъ. Актерамъ простили, но журналамъ и газетамъ приказали ни слова не печатать о Неккерѣ. Публика не скоро успокоилась. Въ театрахъ и даже на улицахъ происходило множество столкновеній между поклонниками и противниками павшаго министра. Автора отвѣтной брошюры на отчетъ Неккера едва не убили въ Палэрояли. Парижъ наводнили всевозможныя аллегорическія гравюры [68].

---

[68] Grimm. XII, 511—2. *Corresp. secrète.* 1 X, 280. *Mem. secr.* XVII, 205.

Оппозиціонное настроеніе, овладѣвавшее парижанами въ разныя эпохи, немедленно обнаруживалось въ партерѣ. При Людовикѣ XV оно сказывается съ крайней дерзостью. Во время представленія патріотической комедіи *Anglais à Bordeau* въ отвѣтъ на крики актеровъ *vive le roi!*—партеръ хранитъ молчаніе. Въ то же время громъ аплодисментовъ сопровождаетъ слѣдующія слова въ трагедіи Дора *Théagène et Chariclée*: «Эти монархи, попадающіе на тронъ съ колыбели, имѣютъ право — облеченные въ пурпуръ,—прозябать въ безпробудномъ снѣ и, сваливая всѣ тягости на перваго министра, предоставлять себѣ возможность наслаждаться блескомъ діадемы»[69]. При Людовикѣ XVI публика упорно стремится даже въ мелочахъ выразить свой протестъ. Она теперь свободно хохочетъ въ присутствіи короля, королевы и принцевъ, иногда трагедію превращаетъ въ фарсъ, «несмотря на августѣйшее собраніе». Въ спектаклѣ, напомнившемъ о воздушныхъ шарахъ, партеръ начинаетъ шумѣть такъ безцеремонно, что герцогъ Шатрскій рѣшается уйти изъ театра. Наконецъ, въ самомъ началѣ царствованія Людовика XVI мы узнаемъ, что партеръ съ нѣкотораго времени присвоилъ себѣ право уничтожать приговоры двора и доказываетъ это при всякомъ случаѣ, даже на представленіяхъ старыхъ пьесъ[70]. Что касается новыхъ пьесъ,—если какая-либо провалилась на придворной сценѣ, въ Парижѣ ее навѣрно встрѣтятъ единодушными аплодисментами. Лагарпъ напрасно думаетъ, будто причина лежитъ въ испорченности вкуса партера: слишкомъ странно этотъ вкусъ оказывается испорченнымъ только въ тѣхъ случаяхъ,

---

[69] *Hallays Dabot. O. c.* p. 82—3. стихи слѣдующіе:

Au trône du berceau ces monarques admis,
Ont droit de vegeter dans le pourphe endormis,
Et chargeant de son poids un ministre suprême
De garder pour eux Seuls l'eclat du diadème.

[70] Это произошло съ трагедіей Фонтанелля—*Dorédan*, въ мартѣ 1776 г. *Corresp. litt.* XI, 227; aoû 1777;—XIII, 515; IX, 392.

когда приходится опротестовать критику двора. Если нѣтъ этого обстоятельства, партеръ судитъ о пьесахъ настолько удовлетворительно, что самъ Лагарпъ крайне интересуется его мнѣніемъ и остается довольнымъ, даже когда дѣло идетъ объ его собственныхъ пьесахъ [71]. Г-жа Сталь придаетъ факту другое значеніе: объясняетъ его «республиканскимъ духомъ» Парижа...[72].

Партеру приходится видѣть примѣры оппозиціи — и довольно яркой — въ самыхъ высшихъ сферахъ. Аристократическое общество стараго порядка — легкомысленное и непослѣдовательное — обнаруживало часто, какъ мы уже видѣли, весьма либеральныя наклонности, когда дѣло шло о театрѣ. Ему даже приходилось дѣйствовать здѣсь за одно съ парижскимъ партеромъ. Напримѣръ, два принца крови, графъ Артуа и принцъ Бурбонскій подрались на дуэли и въ тотъ же день демонстративно явились въ театръ. Партеръ немедленно воспользовался случаемъ заявить свой восторгъ по поводу нарушенія «законовъ и воли короля» и привѣтствовалъ принцевъ апплодисментами [73]. Въ другой разъ дворъ и высшее общество попадаютъ въ оппозицію, менѣе всего приличную для такой публики. Цензура запрещаетъ пьесу *Elizabeth de France*, но аристократы ставятъ ее на одной изъ салонныхъ сценъ и апплодируютъ, когда король совѣтуетъ женѣ: стараться нравиться и предоставить ему заботу царствовать [illegible]. [illegible] порицаніе Маріи-Антуанеттѣ [illegible] лева теряла популярность [illegible].

Приговоры [illegible] лѣе важныхъ [illegible] нія Люлвиля [illegible]

---

[71] *Corresp.* [illegible] подробно описаны [illegible]

[72] „Paris [illegible] tombé à [illegible]

[73] *Corresp.* [illegible]

[74] Desnoiresterres [illegible]

Моранжіеса. Только тяжба Бомарше можетъ сравниться съ нимъ по общественному значенію и по вліянію на публику. Интересъ процесса усилился особенно благодаря дѣятельному участію Вольтера и общественному негодованію на реформу Мопу.

Буржуазная семья Вероновъ дала взаймы графу Моранжіесу 100,000 экю и для доказательства имѣла росписки на эту сумму. Моранжіесъ призналъ подлинность росписокъ, но утверждалъ, что получилъ отъ Вероновъ не 100,000 экю, а только 12,000. Вольтеръ, непрестанно боровшійся противъ религіознаго фанатизма парламентовъ и весь проникнутый ненавистью къ этому учрежденію,—принялъ сторону графа и выпустилъ цѣлый рядъ брошюръ, нападая гораздо больше принципіально на старые парламенты, чѣмъ разъясняя процессъ. Вольтеръ разсказывалъ недавніе подвиги парламентовъ, возмутившіе весь просвѣщенный міръ, — совершенно забывая, что Мопу, уничтожая парламенты, не имѣлъ въ виду именно этихъ подвиговъ. Послѣдовала рѣзкая отвѣтная брошюра—адвоката Вероновъ и неизвѣстнаго автора, нападавшаго на общее политическое положеніе Франціи [76]. Сначала процессъ былъ рѣшенъ въ пользу Вероновъ: графъ присужденъ къ уплатѣ долга, судебныхъ издержекъ, штрафа и, кромѣ того, къ выговору (admonesté par la cour). Воль-

---

[75] Всѣ брошюры собраны въ *Oeuvres compl de Voltaire*. Paris 1827, tome XL. Въ числѣ ихъ *Lettre à M. le marquis de Beccaria*. Въ изданіи Бомарше оно напечатано въ *Dictionnaire philos.* art. *Justice*. Вольтеръ знаменитому автору книги *De' Delitti et delle Pene* напоминалъ процессы Каласа, Сирвана, Монбальи и ставилъ рядомъ съ ними дѣло Моранжіеса pp. 113 etc.

[76] Брошюра адвок. Falconet—*Prouves demonstratives en fait de justice dans l'affaire des heritiers de la dame Veron contre le compte de Morangiès* На брошюрѣ не стояло имени автора и Вольтеръ въ *Réponse à l'ecrit d'un avocat* третировалъ автора, какъ безъименнаго пасквилянта.—Вторая брошюра—*Harangue d'Isocrate dans une affaire à peu près semblable à celle de M. de comte de Morangiès avec la famille Véron*—сравнивала царств. Людовика XV съ эпохой 30 тиранновъ и была запрещена. *Corresp. litt.* X, 293.

теръ возсталъ съ новой энергіей, перечиталъ документы, окончательно, по его словамъ, убѣдился въ правотѣ графа,— и написалъ рядъ писемъ дворянамъ-землякамъ Моранжіеса, представляя его процессъ съ Веронами какъ вопросъ всей французской аристократіи. Это съ одной стороны оказалось очень удачнымъ пріемомъ: въ обществѣ достаточно было кому угодно объявить себя сторонникомъ Моранжіеса, чтобы прослыть истиннымъ джентльменомъ. Энтузіазмъ охватилъ земляковъ графа—провансальскую знать, и они вскладчину уплатили нѣкоторые долги Моранжіаса. Подъ давленіемъ этого энтузіазма состоялся пересмотръ дѣла, и графъ былъ оправданъ, а наслѣдники Вероновъ присуждены къ уплатѣ судебныхъ издержекъ и къ трехлѣтнему изгнанію изъ предѣловъ Франціи. Вольтеръ могъ торжествовать, но общественное мнѣніе гораздо ближе знало вопросъ и непосредственно воспринимало политическіе интересы минуты—чего трудно было достигнуть Вольтеру изъ Фернея:—оно высказалось противъ патріарха – за его нападки на парламенты и за его защиту Моранжіеса. Новая сила настолько созрѣла и окрѣпла, что не только заявила свой протестъ противъ двора и аристократіи, но даже отдѣлилась отъ своего признаннаго вождя, по словамъ современника частную тяжбу превратила въ постоянную борьбу патриціевъ съ плебеями. Театръ и на этотъ разъ помогъ высказаться настроенію публики. Въ *Comedie Français* шла пьеса *La reconcilation normande*. Одинъ изъ героевъ говоритъ: «Въ темномъ дѣлѣ судьи, которымъ хорошо заплатили, увидятъ лучше насъ».— «Зала, — разсказываетъ современникъ, — загремѣла такими бѣшеными и такими настойчивыми апплодисментами, что всѣ были безусловно убѣждены въ невозможности окончить пьесу». То же самое произошло во время представленія драмы Бомарше *Eugénie* — при одномъ только намекѣ на процессъ [77].

---

[77] Hallays Dabot. *O. c.* p. 104. *Eugénie* II, 12.

Процессъ Бомарше сопровождался такими же происшествіями. Бомарше съ самаго начала очень искусно воспользовался театромъ, свои мемуары распродавалъ въ фойэ театровъ и настолько успѣшно, что, напримѣръ, четвертый мемуаръ въ одной только оперѣ разошелся въ 6,000 экземплярахъ [78]. Самый процессъ открылъ обширное поле для всевозможныхъ намековъ, тѣмъ болѣе, что громадное большинство старыхъ французскихъ пьесъ непремѣнно касается судебныхъ кляузъ. *Мизантропъ* Мольера, конечно, оказалъ свою услугу. Но настоящая буря произошла во время представленія комедіи *Crispin rival de son maitre*. Криспэнъ говоритъ: «Дорого стоило моему отцу окончить процессъ. Но правосудіе такая прекрасная вещь, что сколько за нее не заплати — не будетъ слишкомъ много». При этихъ словахъ, — пишетъ очевидецъ, — вся зала разразилась самыми неприличными аплодисментами. Взрывы хохота усилились, когда Криспэнъ продолжалъ: «Правда, противной стороной была женщина, но у нея оказался совѣтникомъ нормандецъ, величайшій кляузникъ въ мірѣ»... «Имена Гезмана и Марэна послышались со всѣхъ сторонъ, сопровождаемыя глухимъ насмѣшливымъ ропотомъ» [79].

Судебная хроника вообще пользовалась большимъ вниманіемъ публики. Объясняется это многочисленными вопіющими ошибками и несправедливостями суда, бывшаго одной изъ самыхъ болѣзненныхъ язвъ стараго порядка. Жесточайшія обвиненія взводились безъ всякихъ основаній и пыткѣ судебнаго разбирательства подвергались жертвы, повидимому, совершенно даже неспособныя на преступленія. Въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ велось два процесса: обвинялись двѣ дѣвочки въ убійствѣ, одна даже — въ отцеубійствѣ. Процессы длились два года и обвиняемыя, почти дѣти, находились все время подъ стражей и въ вѣчномъ страхѣ подвергнуться

---

[78] *Mem. secr.* 15 f. 1774.

[79] *Corresp. litt.* X, 398. Жена Гёзмана какъ извѣстно, играла главную роль въ процессѣ.

позорной казни: одной изъ «преступницъ» грозило сожженіе на кострѣ. Дѣвочки были, наконецъ, оправданы и, когда явились въ театръ, публика привѣтствовала ихъ восторженными аплодисментами. Актеры давали подходящія пьесы, актрисы обращались къ партеру со стихами, написанными на случай, актеры со сцены принимали участіе въ оваціяхъ, по окончаніи спектаклей публика провожала своихъ гостей до кареты [80]. Это было въ полномъ смыслѣ торжество чувства общественной справедливости и современники съ видимымъ волненіемъ разсказываютъ о подобныхъ эпизодахъ.

Ясно, какое громадное значеніе имѣла такая публика для авторовъ, являвшихся къ ней съ новыми идеями. Партеръ въ классическую эпоху требовавшій произведеній любимыхъ драматурговъ, съ теченіемъ времени переступаетъ эти сравнительно скромные предѣлы самостоятельнаго заявленія своихъ взглядовъ. Онъ научается играть несравненно болѣе внушительную и энергичную роль. Онъ не только оправдываетъ надежду Даламбера—аплодируетъ писателямъ, «поучающимъ его путемъ удовольствія», — онъ мужественно защищаетъ своихъ учителей отъ ихъ враговъ, вождю философовъ оказываетъ небывалыя почести, охраняетъ ихъ память отъ поруганія и насмѣшки, не допускаетъ даже смѣяться надъ ихъ произведеніями. Мы увидимъ впослѣдствіи, какъ

---

[80] Обвиняемая—Victoire Salmon и Cathérine Estinés, процессъ въ 1786—7 г. До какой степени одинъ изъ этихъ процессовъ заинтересовалъ общественное мнѣніе, показываетъ *Instructions de la paroisse de Saint-Sulpice de Chevannes.* Этотъ наказъ реформу уголовныхъ законовъ мотивируетъ между прочимъ такимъ разсужденіемъ: „A trois lieues de la paroisse de Chevannes habite la fille Salmon, deux fois condamnée et arrachée des flammes par les preuves qu'a rassemblées pour elle un citoyen que son innocence avoit frappé“. *Archives.* IV, 226. Когда съ этимъ защитникомъ Salmon явилась въ театръ ихъ обоихъ восторженно привѣтствовала публика. „Преступница“ оказалась до такой степени наивной, что спектакль приняла за дѣйствительность и закричала „Il ment! Il ment!“, когда одинъ изъ героевъ сталъ клеветать на другаго. *Mem. secr.* XXXII, 129. Другая жертва правосудія—изъ Тулузы, классической страны парламентскихъ неправдъ. *Mem. secr.* XXXV, 371, 397—8.

наканунѣ революціи партеръ своими впечатлѣніями свидѣтельствовалъ о результатахъ полувѣковой дѣятельности философовъ, увидимъ, какихъ благодарныхъ учениковъ оставили просвѣтители среди публики французскихъ театровъ. Еще за долго до революціи партеръ единодушно поднимается съ криками негодованія, когда итальянская сцена хочетъ угостить его пародіей на пьесу — второстепенную, но проникнутую новымъ духомъ. Партеръ заставляетъ не только уничтожить насмѣшки, но, кромѣ того, присоединить похвалы въ честь произведенія, нападающаго на фанатизмъ и лицемѣріе духовенства [81]. Палиссо, несмотря на усерднѣйшую защиту всѣхъ сильныхъ—двора, духовенства, цензуры, полиціи—встрѣчаетъ у публики, по словамъ очевидца, «величайшее презрѣніе» только потому, что онъ—врагъ новыхъ писателей [82]. И при этомъ необычайная чуткость, тонкость художественнаго вкуса, поразительное единодушіе, когда этого требовалъ интересъ минуты, — такая публика была драгоцѣннѣйшею почвой для реформаторской проповѣди и вѣрною опорой просвѣтителей въ борьбѣ съ врагами новой литературы и мысли.

Партеръ умѣлъ на-лету схватить новую идею, оказать услугу философіи въ тѣ минуты, когда этого не ожидали ни философы, ни ихъ враги,—эта была своего рода партизанская война съ существующимъ порядкомъ, ставившая часто въ безвыходное положеніе его защитниковъ.

II.

Непосредственная обязанность бодрствовать надъ драматической литературой и, слѣдовательно, надъ театральной публикой, лежала прежде всего на цензурѣ. Мы можемъ су-

---

[81] Пьеса *La veuve de Cancale* пародія на драму *La veuve de Malabar*, съ которой мы встрѣтимся дальше. Комедія шла на сценѣ ит. театра въ октябрѣ 1780 года.

[82] Это извѣстіе относится къ ранней эпохѣ философскаго періода. По поводу представленія пьесы Палиссо въ іюнѣ 1762 *Mém. secrets.* сообщаютъ: „Le public a temoigné le plus grand mépris pour le sr. Palissot“. I, 99.

дить, до какой степени тяжелой являлась эта обязанность, когда приходилось имѣть дѣло съ парижскимъ партеромъ.

Безцѣльно оказывалось запрещать пьесу, наказывать автора или актеровъ, публика всегда была способна на слѣдующемъ, повидимому, самомъ благонамѣренномъ и невинномъ спектаклѣ подвергнуть критикѣ только что состоявшееся распоряженіе и совершенно неожиданно отвѣтить на него цѣлой демонстраціей. Цензоры, по словамъ современниковъ, теряли головы,—устраняли пьесы, издавна не сходившіе съ репертуара, въ родѣ трагедій Расина, комедій Детуша и Лашоссе, запретили разъ всѣ произведенія Вольтера. Эта мѣра вызвала единодушное негодованіе общества на слабость и распущенность правительства. Она состоялась непосредственно послѣ смерти вождя философовъ и правительство крайне безтактно подчеркнуло свое отношеніе къ нему среди всеобщаго преклоненія предъ его памятью [83]. Подобныя мѣры иногда производятъ прямо комическое впечатлѣніе. У Маріи-Антуанетты рождается дочь въ то время, когда всѣ ждали сына,—и цензура немедленно запрещаетъ фарсъ, назначенный къ представленію въ *Ambigu comique* и носящій заглавіе *Гора родившая мышь* [84]. Такъ великъ страхъ передъ публикой! Изъ-за нея запрещается цѣлый рядъ пьесъ безъ всякихъ опредѣленныхъ основаній, просто подъ вліяніемъ смутнаго опасенія. Людовикъ XVI знаетъ, что̀ такое парижскій партеръ, и рекомендуетъ цензорамъ имѣть постоянно въ виду «чувствительность» публики—съ крайней осторожностью разрѣшать пьесы [85]. Въ результатѣ положеніе цензуры оказывается въ полномъ

---

[83] *Mem. secr.*, 14 juin, 1778: „Le gouvernement dont la faiblesse se manifestent tout, a fait défendre aux Comédiens de jouer aucune pièce de Voltaire jusqu'a nouvel ordre. Il craint quelque fermentation dans le public aussi ressemblé... Quel contraste avec le couronnement du modern Sophocle!"

[84] *La montagne délivrée d'une souris.*, 19 дес. 1778. *Corresp. secrète* VII, 250.

[85] Hallays Dabot. *O. c.* p. 124. Король рекомендовалъ цензорамъ быть осторожнѣе по поводу вышеупомянутой трагедіи *Zorai.*

смыслѣ трагическимъ. Чаще всего она не знаетъ, какъ поступить, и запрещаетъ одинаково и самыя благонамѣренныя рѣчи и сколько-нибудь подозрительныя. Опытнѣйшій цензоръ—Сюаръ—запрещаетъ пьесу, заимствованную изъ *Телемака* потому, что пьеса содержитъ аллегорическія похвалы королю и цензоръ не разсчитываетъ на сочувствіе партера. Цѣлыя произведенія гибнутъ изъ-за нѣсколькихъ словъ. Напримѣръ, въ оперѣ Керубини — *Demophon* находится замѣчаніе: «слову королей слѣдуетъ вѣрить, потому что оно священно и ненарушимо». Цензоръ пишетъ автору: «Вы, конечно, согласны со мной, что лихорадочное настроеніе извѣстной части публики не преминетъ воспользоваться этимъ выраженіемъ и произведетъ скандалъ во время спектакля». Приключеніе съ другой оперой—*Arvire et Evelina* еще любопытнѣе. Здѣсь король Арвиръ говоритъ: «Я былъ на тронѣ, а теперь я ничто,—боги все отняли у меня». Эти слова не понравились цензору, но и вычеркнуть ихъ онъ тоже опасался; могли заподозрить цензуру въ дѣтскихъ страхахъ. Цензоръ рѣшилъ запретить всю оперу [86].

Естественно послѣ этого безпрестанное заявленіе современниковъ, что вопросъ о новыхъ пьесахъ съ теченіемъ времени превратился въ настоящее государственное дѣло. При Людовикѣ XV сообщаютъ: «Драматическія произведенія изслѣдуются въ настоящее время съ такой строгостью, будто отъ нихъ зависитъ судьба имперій. Раньше чѣмъ выбрать сюжетъ, автору приходится собрать свѣдѣнія отъ всѣхъ дворовъ Европы, можно ли ему писать на извѣстную тему» [87]. Въ царствованіе Людовика XVI современникъ пишетъ: «Наши спектакли никогда еще не имѣли чести возбуждать такое строгое, такое священное, такое мелочное вниманіе. Новая трагедія — настоящій государственный вопросъ. Она даетъ поводъ къ важнѣйшимъ переговорамъ. Слѣдуетъ сначала

---

[86] Desnoiresterres, *La com. sat.* p. 263, 265. Пьеса, восхвалявшая короля—*Philoclès ou la vertu d'Idomenée.*

[87] Grimm. VI, 500.

спросить мнѣнія министровъ короля, потомъ совѣщаться съ послами державъ, можетъ быть, заинтересованныхъ въ дѣлѣ,— и только съ разрѣшенія всѣхъ этихъ господъ бѣдный авторъ получаетъ, наконецъ, возможность представить свое произведеніе на судъ партера»[88].

Здѣсь нѣтъ ни одного преувеличеннаго слова. Мы постоянно слышимъ длинные разсказы о приключеніяхъ той или другой пьесы, причемъ въ дѣло вмѣшиваются не только дипломаты, но даже принцы крови и государи. Именно такая судьба постигла трагедію — *Elizabeth de France*. Она прошла всѣ инстанціи французской цензуры, но была запрещена по требованію испанскаго посла, даже не читавшаго пьесы, а просто потому, что въ ней излагалась исторія Донъ-Карлоса. Герцогъ Орлеанскій обратился въ Мадридъ, но безуспѣшно. *Barnewelt* трагедія Леміерра запрещена по требованію голландскаго посла, потому что на сценѣ является принцъ Оранскій, хотя тотъ же принцъ дѣйствовалъ невозбранно въ голландскихъ пьесахъ.—*Zorai*, трагедія Мариньи, запрещена по волѣ англійскаго посла, потому что въ пьесѣ оскорбительно отзывались объ англійской конституціи. Запрещеніе исходило лично отъ Людовика XVI. Ради австрійскаго правительства подверглась исправленію трагедія Леміерра *Guillaume Tell*. Всякая держава считала нужнымъ вмѣшиваться во французскую драматическую литературу, — даже турецкій посолъ пришелъ въ безпокойство, когда появилась трагедія *Магометъ*. И сами французскіе охранители ждали вполнѣ благопріятныхъ результатовъ отъ вмѣшательства посла [89]. Это, конечно, только подтверждало значеніе парижской сцены для французскаго и европейскаго общества, но современники не могутъ не удивляться, что на сценахъ въ тѣхъ самыхъ государствахъ, чьи

---

[88] *Ib*. Avr. 1783. XIII, 299.

[89] *Ib*. VI, 195—6; Desnoiresterres. *O. c*. p. 232. Hallays Dabot. *O. c*. p. 93. О Магометѣ—письмо m-me du Châtelet къ Даржанталю отъ 21 окт. 1742 г. Ср. Desnoiresterres. *Voltaire*. II. 339, *rem*. 2.

послы оказывались особенно чувствительными къ французскимъ драмамъ, шли пьесы, безусловно оскорбительныя для національнаго чувства французовъ, напримѣръ, въ Голландіи. Но, вѣроятно, нигдѣ цензура не отличалась такой податливостью на счетъ запрещеній, какъ во Франціи.

Если такъ успѣшно оскорбляются иностранцы, — природнымъ французамъ, конечно, еще легче вліять на судьбу драматурговъ. Трудно пересчитать всѣ поводы, по какимъ запрещались или даже уничтожались пьесы. Современникъ увѣренъ, — появись пьесы Мольера теперь, во второй половинѣ XVIII вѣка, было бы разрѣшено не болѣе двухъ [90]. Всѣ сословія вмѣшиваются въ обязанности цензуры. Аристократія, конечно и здѣсь пользуется исключительными правами. Если авторы касаются знатныхъ фамилій, пьесы передаются на разсмотръ членамъ этихъ фамилій и за одинъ намекъ запрещается вся пьеса. Дворъ настаиваетъ на запрещеніи драмы Леблана *Albert I*, потому что въ ней изображаются придворныя интриги и государь рисуется защитникомъ бѣдняковъ. Не безопасно также было трогать буржуазію. Родственники г-жи Помпадуръ добились запрещенія пьесы, направленной противъ богатыхъ потомковъ лакеевъ, а сама г-жа Помпадуръ при всѣхъ меценатскихъ наклонностяхъ, заставляетъ Кребильона — «королевскаго цензора» — выбрасывать изъ собственныхъ трагедій стихи, намекающіе будто бы на ея честолюбіе и неспособность къ искреннему чувству [91]. Но впереди всѣхъ по части придирчивости шло, несомнѣнно, духовенство.

Ничего нѣтъ удивительнаго, если архіепископъ запрещаетъ играть драмы, нападающія на управленіе духовенства, же-

---

[90] Grimm. V, 43.

[91] Mercier. *Du théâtre*, p. 371, — о запрещеніи *Albert'a*. На основаніи привилегіи родственники г-жи du Châtelet запретили представленіе пьесы, гдѣ вопросъ шелъ о маркизѣ. — Объ исторіи съ Кребильономъ разсказываетъ Даламберъ въ *Eloge de Crébillon*. *O. compl*. III, 570, *rem*. 9. Здѣсь же приведены стихи изъ трагедіи: *Catilina*, характеризующіе Фульвію. *Cat*. acte II, sc. 3.

стокость церковной власти и религіозный фанатизмъ католичества. Здѣсь, по крайней мѣрѣ, мотивы ясны. Но вотъ, напримѣръ, какъ разсуждаютъ богословы по поводу трагедіи *Druides*: имъ кажется весьма предосудительнымъ. что въ трагедіи дѣло идетъ о принципахъ разума и здраваго разсудка, а не о благодати и не о христіанскомъ ученіи... Всю соль этого разсужденія читатель почувствуетъ, вспомнивъ, что дѣйствіе происходитъ въ Галліи во времена Юлія Цезаря. «Quand on raisonne si mal»,—замѣчаетъ на это Кондорсе,—«on est sûr d'avoir raison». Архіепископъ парижскій возстаетъ противъ одного стиха въ трагедіи *Jeanne de Naples*, потому что въ немъ упоминается священникъ: *Là trente régions fléchissent sous un prêtre* Даламберъ пишетъ по этому поводу: «Эти господа все равно что Скапенъ въ комедіи, который выходитъ изъ себя, лишь только услышитъ слово *maraud* какимъ бы тономъ и при какихъ бы обстоятельствахъ ни произносили его». Тотъ же архіепископъ запрещаетъ пьесы, въ которыхъ аббаты являются въ роли влюбленныхъ, хотя въ дѣйствительности тѣ же аббаты отличаются крайне нецензурною жизнью и цинической литературной дѣятельностью[92].

Чуткость не была удѣломъ только одного партера, — всѣ одинаково умѣли чувствовать намекъ и стрѣлу на самомъ далекомъ разстояніи. Партеръ только пользовался своимъ чутьемъ для политическаго протеста и униженія ненавистныхъ порядковъ и людей, а высшее общество, встревоженное этими грозными, но неуловимыми вылазками, всѣми силами ограждало себя отъ опасности, — и обрушивалось на ту же цензуру, если она не умѣла предупредить ударъ.

Пресловутый цензоръ Марэнъ является истиннымъ мученикомъ авторовъ и правительства. Онъ безпрестанно подвергается карамъ — и часто весьма чувствительнымъ. Его восхитили нравственныя сентенціи, разсѣянныя въ комической опе-

---

[92] Hallays Dabot. p. 101. *Corresp. litt* (Grimm) XIII, 43. Desnoiresterres: *La com sat*. p. 171.

рѣ *Moissonneurs* и онъ вмѣсто обычнаго разрѣшенія пишетъ слѣдующую хвалебную рецензію: «Если бы на нашихъ сценахъ представляли только подобныя произведенія, никто бы не думалъ и поднимать вопроса объ опасности спектаклей и самые строгіе моралисты съ такимъ же усердіемъ рекомендовали бы посѣщать театръ, съ какимъ они часто нападаютъ на него». Іезуиты, разсказываетъ современникъ,— подняли «дьявольскій шумъ» и заставили министра лишить Марэна пенсіи за одобреніе спектаклей, т.-е. наказали его на 2,000 ливровъ [93]. Въ другой разъ Марэнъ попалъ въ Бастилію, за четыре стиха, которые можно было примѣнить къ Людовику XV. Вольтеръ, напротивъ, хвалилъ вѣрноподданническія чувства Марэна, не считавшаго, очевидно, Людовика XV за прозябающаго бездѣльника, о чемъ говорилось въ стихахъ [94]. Извѣстно, какой безпримѣрной казни подвергъ этого цензора Бомарше въ своихъ *Мемуарахъ*. Но и раньше этого позора насмѣшки безпрерывно сыпались на Марэна, особенно ярмарочные театры не давали ему покою.[95].

И, между тѣмъ, какъ бы ограниченъ и несчастливъ ни былъ Марэнъ, вся французская цензура XVIII вѣка стояла врядъ ли выше его. Несмотря на всю бдительность, вѣчный страхъ и изумительную безцеремонность, цензура до самой революціи не могла пріобрѣсти двухъ качествъ—послѣдовательности и солидарности своихъ агентовъ. Мы постоянно наталкиваемся на невѣроятные казусы въ цензурномъ вѣдомствѣ. Цензурныхъ инстанцій множество, начиная съ министровъ и парижскаго архіепископа, и всѣ эти инстанціи въ вѣчныхъ препирательствахъ другъ съ другомъ. Цензоръ

---

[93] Grimm. VIII, 43. Hallays Dabot. p. 94.

[94] Мы приводили эти стихи—изъ трагедіи *Théagène et Chariclée.*

[95] Много фактовъ на этотъ счетъ собрано въ *Mem secr.* Ср. напр. VII, 151: на ярмаркѣ показывали monstre *marin*; XXVIII, 162—спеціальная пьеса на сценѣ ит. театра. Вольтеръ отлично умѣлъ пользоваться ограниченностью цензора и считалъ его полезнымъ человѣкомъ для литературы. Марэнъ отечески—покровительственно относился къ Вольтеру. Его забавное письмо въ этомъ духѣ у Desnoiresterres. *Voltaire* VII, 345.

драматическихъ произведеній запрещаетъ комедію *Le Satirique* за нападки на писателей и подробно мотивируетъ свое запрещеніе, но королевскій цензоръ разрѣшаетъ [96]. Цензоръ запрещаетъ комедію Дора, находя ее оскорбительной для національнаго чувства,—но министръ отмѣняетъ запрещеніе [97]. Полицейскій лейтенантъ не обращаетъ никакого вниманія на цензора и совѣтуется даже съ энциклопедистами [98]. Духовенство очень усердно исполняетъ цензорскія обязанности, но здѣсь самъ король вдругъ начинаетъ вмѣшиваться и разрѣшаетъ пьесу, несмотря на мольбы архіепископа. На сцену являются губернаторы провинцій и принимаютъ сторону не короля, а духовенства. То же самое духовенство жестоко измѣняетъ себѣ, когда дѣло идетъ о философахъ. Актеры отвергаютъ пьесу за ея безнравственное и неприличное содержаніе, но пьеса — пасквиль на энциклопедистовъ, и духовенство, забывъ свою ненависть къ театру, проводитъ комедію на сцену [99]. Въ самихъ запрещеніяхъ нѣтъ системы. Одну пьесу запрещаютъ печатать, но позволяютъ играть, напримѣръ, *Druides*, *Manco·Capac*, съ другими распоряжаются наоборотъ и такихъ безчисленное множество. Случается, пьесы, не запрещенныя къ печати, появляются частями въ журналѣ, и результатъ получается тотъ же. Напримѣръ, *Druides* появились въ *Journal des Ephémérides*, совершенно не подходившемъ по программѣ къ такого рода произведеніямъ. Эта непослѣдовательность, замѣчаютъ современники, раздражаетъ людей благоразумныхъ, но въ особенности ханжей. Иногда уже запрещенную пьесу разрѣшаютъ по самымъ страннымъ соображеніямъ. Трагедія *Manco-Capac*, очень хорошо излагавшая идеи Руссо и затрогивавшая положеніе духовенство, была запрещенной, но скоро ее

---

[96] Desnoiresterres. *La com. sat.* p. 100—1. Объ этой комедіи намъ предстоитъ говорить.

[97] *Chevalier français à Londres. Corresp. secrète.* VII, 160.

[98] Напримѣръ *Le Satirique* былъ посланъ на просмотръ Дидро, а *Магометъ*—Вольтера Даламберу. Bersot. *Etudes sur le XVIII-e s.* p. 106.

[99] *Mem. secrets.* 13 avr. 1775. *Les courtisanes*, Палиссо.

позволили возобновить, потому что «авторъ не имѣлъ тѣсныхъ связей съ философами»[100].

При такихъ условіяхъ возможны были всякія ошибки и недоразумѣнія. Кромѣ того, цензурѣ приходилось считаться съ слѣпою страстью вліятельныхъ сферъ къ театру и преодолѣвать безчисленныя ходатайства королевы, принцевъ, дамъ и господъ изъ общества за ту или другую пьесу. Оставалось болѣе вѣрное средство—дѣйствовать на публику другимъ путемъ, чѣмъ цензура и правительство пользовалось имъ и на этотъ разъ вполнѣ послѣдовательно.

Мы видѣли, — современникъ считаетъ театральныя представленія въ XVIII вѣкѣ школой свободнаго общественнаго мнѣнія. Мы оцѣнимъ всю энергію людей, воспринимавшихъ уроки, только познакомившись съ внѣшними условіями обученія. Можно сказать, — врядъ ли въ какой школѣ вовсемъ мірѣ существовали болѣе строгія дисциплинарныя мѣры, чѣмъ во французскомъ театрѣ XVIII вѣка. Руссо, нападая на театръ и стращая имъ своихъ свободныхъ согражданъ, не забываетъ описать парижскую театральную залу. «Мы не станемъ подражать этимъ печальнымъ спектаклямъ, запирающимъ небольшое количество народа въ мрачную пещеру. Они держатъ публику въ вѣчномъ страхѣ и лишаютъ ее движенія: она молчитъ и бездѣйствуетъ. Она видитъ только запоры, желѣзные крюки, солдатъ — всѣ удручающіе признаки рабства и неравенства»[101]. Руссо, конечно, прикрасилъ картину: французская публика отнюдь не сидѣла въ театрѣ молча и въ окаменѣломъ состояніи, но рѣчь о солдатахъ и удручающихъ признакахъ рабства справедлива. Дидро разсказываетъ слѣдующій случай относительно театральныхъ залъ.

Одинъ провинціалъ, не особенно строгой нравственности, попался въ довольно серьезной продѣлкѣ и долженъ былъ бѣжать въ столицу. Его пріютилъ авторъ разсказа. Спустя

---

[100] *Ib.* 11 mai 1772; 31 oct. 1767. *Corresp. litt.* XIII. 28 Janv. 1782.
[101] *Lettre a M. D'Alembert. O. compl.* II, 191.

нѣкоторое время онъ вздумалъ доставить своему плѣннику удовольствіе и повелъ его въ театръ—въ какой-то изъ трехъ: во французскій, итальянскій или въ оперу. Провинціалъ увидѣлъ повсюду стражу, темные маленькіе входы, желѣзную рѣшетку передъ кассой и страшно перепугался. Онъ вообразилъ, что пріятель привелъ его въ тюрьму и уже схватился за шпагу... Дидро прибавляетъ, что недоразумѣніе провинціала естественно: парижскіе театры дѣйствительно напоминаютъ мѣста заключенія [102].

Ни одного представленія не бываетъ безъ присутствія въ залѣ по крайней мѣрѣ тридцати солдатъ съ огнестрѣльнымъ оружіемъ въ карманахъ. Въ Парижѣ даже существуетъ поговорка: «Il est bien des sifflets, mais nous avons la garde». Эта гвардія всѣми силами старается держать партеръ въ состояніи пассивнаго вниманія, и какое бы чувство зритель ни испытывалъ, онъ не имѣетъ законнаго права выразить его. Совершенно обычныя въ настоящее время дѣйствія публики водворяются во французскихъ театрахъ крайне медленно. Авторовъ, напримѣръ, начинаютъ вызывать только съ конца первой половинѣ XVIII-го вѣка и только за три года до революціи, по желанію Маріи Антуанетты, партеру оффиціально предоставлено право выражать свои впечатлѣнія [103]. Въ этомъ разрѣшеніи партеръ уже давно не нуждался,—но полиція строго слѣдила за тишиной и благонравіемъ. Современники до самой революціи описываютъ одну и ту же картину театра: солдаты окружаютъ публику со всѣхъ сторонъ,—ей одинаково запрещено смѣяться слишкомъ громко въ комедіи и плакать слишкомъ сильно въ трагедіи [104].

---

[102] *Entretiens sur le Fils Naturel. Second entr.* O. compl. IV, 169—170.

[103] Кондорсе въ *Vie de Voltaire*, разсказывая о блестящемъ успѣхѣ *Меропы*, замѣчаетъ, что во время представленія этой трагедіи партеръ впервые вызвалъ автора. О распоряженіи Маріи Антуанеты — Bersot. *O. c.* p. 56. Оно было вызвано слишкомъ свободнымъ поведеніемъ партера, не желавшаго признавать никакихъ запретовъ.

[104] *Tableau de Paris.* II, 312—3. „On ne saurait respésenter une comédie sans 30 fusiliers qui ont en poche poudre et cartouches.“

Мы знаемъ, правительство иногда разрѣшаетъ давать особыя пьесы, чтобы вызвать у публики патріотическія оваціи. Такіе спектакли особенно нравились Маріи-Антуанеттѣ, но при Людовикѣ XV чувствовалась потребность оградить ихъ особыми предосторожностями. Если заранѣе устраивались оваціи въ честь короля и королевы — партеръ наполняли полицейскими, ихъ дѣтьми и родственниками актеровъ Тогда только патріотическія привѣтствія считались обезпеченными [105]. Уже со второй половины царствованія Людовика XV въ театрѣ у каждаго столба, по выраженію современника, стояло по полицейскому [106]. Аресты происходили почти каждый спектакль. Арестовывали за слишкомъ громкій вызовъ актера, иногда цѣлую толпу зрителей отправляли въ тюрьму даже вмѣстѣ съ авторомъ [107]. Съ особенной энергіей полиція дѣйствовала, когда на сценѣ шла пьеса противъ философовъ. Публика не уставала каждую выходку встрѣчать свистками,—въ результатѣ спектакль превращался въ единоборство партера съ полиціей. Именно такія сцены произошли на представленіи комедіи Палиссо *Philosophes* [108]. Другія пьесы того же автора требовали, повидимому, еще большей заботливости. Полиція опасалась интригъ энциклопедистовъ и не только удвоивала караулъ и разсаживала въ партерѣ своихъ агентовъ, но даже ставила особыхъ стражей за спиной зрителей, числившихся въ лагерѣ философовъ [109]. Такой порядокъ продолжается до самой революціи, и легко представить, какое дѣйствіе онъ оказывалъ на настроеніе нервной и крайне впечатлительной парижской публики. Она привыкла считать полицію враждебною партіей и вела съ ней систематическрю борьбу. Необыкновенно бурные спек-

---

[105] *Mém. secr.* о такомъ представленіи драмы Седэна *Deserteur*, 30 jn. 1773.

[106] Grimm. VII, 273.

[107] *Mém. secr.* 7 déc. 1762; 27 sept. 1772; 1 dec. 1772.

[108] Mouhy. *Op. cit.* IV, 228. La Harpe. *Corresp. litt.* III, 385.

[109] Такъ было на представленіи пьесы *Les Méprises ou le rival par ressemblance. Mém. secr.* 7 juin 1762. I, 99. Рядомъ съ аббатомъ de la Porte поставили полицейскаго и даже предупредили его объ этомъ.

такли, о которыхъ безпрестанно сообщаютъ современники, несомнѣнно, были въ сильной степени результатомъ этой войны и взаимнаго постоянно нароставшаго раздраженія партера и его стражей. Парижане проходили, такимъ путемъ многолѣтнюю школу сопротивленія порядку и распоряженіемъ власти. Они впослѣдствіи воспользуются своимъ опытомъ въ самыхъ широкихъ предѣлахъ, когда партеръ займетъ галлереи Національнаго Собранія.

Но партеръ являлся могучимъ помощникомъ новыхъ писателей не только въ борьбѣ съ оффиціальной властью,—онъ принесъ имъ неоцѣненныя услуги въ безпрестанныхъ столкновеніяхъ съ другой силой, враждебной философіи или въ лучшихъ случаяхъ равнодушной къ ней.

Просвѣтителямъ и ихъ произведеніямъ приходилось преодолѣвать препятствіе, не менѣе вредное, чѣмъ цензура, и несравненно болѣе ненавистное, такъ какъ, повидимому, было совершенно противоестественно и безумно.

Для драматурговъ новаго направленія являлось въ высшей степени важнымъ вопросомъ заручиться помощью актеровъ, и если бы эта помощь всегда оказывалась съ полною готовностью и сознаніемъ важности дѣла,—путь философіи былъ бы свободенъ отъ весьма многихъ терній. Но актеры, въ громадномъ большинствѣ, въ теченіе философскаго періода не стояли на высотѣ призванія.

III.

Одна изъ самыхъ краснорѣчивыхъ челобитныхъ, представленныхъ въ Генеральные Штаты, принадлежитъ парижскимъ актерамъ. На этотъ разъ составителямъ *наказовъ*—ихъ два—не требовалось никакихъ риторическихъ пріемовъ, чтобы обратить вниманіе націи на крайне плачевное безправное положеніе служителей драматическаго искусства. Особенно любопытны два заявленія въ актерскихъ *наказахъ*. Актеры жалуются на безпримѣрное презрѣніе къ нимъ со стороны юридическаго сословія. Адвокаты постановили исключать изъ

своихъ списковъ—всѣхъ членовъ карпораціи, вступившихъ въ родство съ актеромъ. Наказъ приводитъ въ примѣръ исключеніе адвоката, женатаго на племянницѣ одного очень извѣстнаго актера. Актеры требуютъ, чтобы нація санкціонировала декларацію Людовика XIII, признавшую званіе актера честнымъ и въ общественномъ отношеніи неприкосудительнымъ. Требованіе довольно скромное. Но еще скромнѣе актеры отнеслись къ своему положенію въ католической церкви. Они только просили, чтобы на нихъ смотрѣли, какъ на шутовъ, потому что этого сорта людей терпятъ въ Римѣ и не подвергаютъ отлученію[110].

По этимъ даннымъ можно судить, каково было общественное положеніе челобитчиковъ. Оно, при всей жестокости, признавалось до такой степени законнымъ, что всякое слово въ пользу актеровъ немедленно подвергалось карѣ. Современникъ подробно разсказываетъ исторію съ однимъ изъ такихъ защитниковъ. Въ 1761 году адвокатъ Huerne de la Mothe, не безызвѣстный и въ художественной литературѣ, издалъ брошюру — *Libertés de la France contre le pouvoir arbirtraire de l'éxcommunication.* Брошюрѣ предпослано письмо знаменитѣйшей артистки XVIII-го вѣка m-lle Клэронъ. Духовенство и парламенты возмутились, послѣдовалъ приговоръ юристовъ — книгу разорвать и сжечь рукою палача, автора исключить изъ адвокатскаго сословія. M-lle Клэронъ выхлопотала у Шуазеля мѣсто для автора, очутившагося безъ заработка, — но распоряженіе парламента одобряетъ разсказчикъ, отнюдь не принадлежащій къ фанатикамъ. По его словамъ,—и въ публикѣ были недовольные поступкомъ Шуазеля, унижающимъ будто бы парламентъ [111].

---

[110] *Les cahiers des comédiens.* Примѣръ—бракъ адвоката François de Neutchâteau съ племянницей Превилля.—Chassin. *Les élections et les cahiers.* III, 221—2.

[111] Исторія разсказана у Barbier. *Chronique de la France.* VII, 363—7. Автору брошюры принадлежитъ романъ—*Les promenades et les rendez—vous doparc de Versailles* появившійся въ печати нѣсколько позже брошюры.

До самой революціи актеры не имѣютъ ни гражданскихъ, ни вѣроисповѣдныхъ правъ. Парламентъ не признаетъ сословія актеровъ, и они, какъ карпорація, не могутъ вести процессовъ и искать своихъ законнѣйшихъ правъ судомъ. Церковь—еще безпощаднѣе. Съ эпохи Людовика XIV, когда Мольеру отказали въ погребеніи, духовенство не сдѣлало ни одного шагу по пути терпимости и милосердія.

Актеры по прежнему считаются отлученными отъ церкви, ихъ браки не признаются законными, передъ смертью они должны раскаяться въ своемъ ремеслѣ, чтобы получить христіанское погребеніе [112]. Архіепископъ парижскій доводитъ такой порядокъ вещей до послѣдней крайности. Онъ приходитъ въ бѣшенство, когда актеры осмѣливаются отслужить панихиду по Кребильонѣ, налагаетъ штрафъ и тяжелое дисциплинарное взысканіе на священника, вступившаго въ сношенія съ актерами [113]. Дальше этого оскорбленія трудно было идти. Но не одно духовенство и парламенты отвергали актеровъ. Даже писатели-философы вродѣ Руссо, въ этомъ случаѣ не отставали отъ архіепископа парижскаго и сама публика не отказывалась иногда нанести обиду актерамъ.

Надъ театромъ и актерами была учреждена особая администрація. Ея первая обязанность, повидимому, должна бы состоять въ обереганіи достоинства подвѣдомственнаго учрежденія и подвѣдомственныхъ людей, тѣмъ болѣе, что администрація облечена безусловно самостоятельной и без-

---

[112] Есть основаніе думать, что ожесточеніе духовенства на актеровъ усилилось особенно со времени появленія Мольеровскаго *Тартюфа*. По крайней мѣрѣ, въ началѣ классической эпохи такой нетерпимости, какая царила позже, не замѣтно. Вѣнчать актеровъ и хоронить ихъ по церковному обряду впервые оффиціально запретилъ архіепископъ кардиналъ de Noailles въ самомъ концѣ XVII-го вѣка. Huerne de La Mothe преимущественно и нападалъ въ брошюрѣ на этого прелата. Папскія буллы, дѣйствительно, ничего не говорятъ объ отлученіи актеровъ, и оно, слѣдовательно, является исключительнымъ изобрѣтеніемъ галликанской церкви.

[113] *Mém. secrets*. 16 jl. 1762. По этому случаю m-lle Clairon предлагала всей труппѣ прекратить свою дѣятельность.

контрольной властью. На самомъ дѣлѣ, — выходило совершенно обратное. Больше всего терпѣли актеры именно отъ своего ближайшаго начальства—отъ четырехъ gentilhommes de chambre, заправлявшихъ двумя главными театрами—французскимъ и итальянскимъ. Эти правители возникли со временъ Людовика XIV, послѣ смерти Мольера, и, пользуясь отсутствіемъ какого-либо устава, опредѣляющаго ихъ обязанности, они стали пользоваться своею властью въ прямой ущербъ театру, драматическому искусству и особенно беззащитнымъ съ этой стороны актерамъ. «Джентльмены» стали вмѣшиваться во всѣ закулисныя дрязги, разбирать ссоры актрисъ, прогонять актеровъ и снова призывать ихъ въ теченіе одного дня. Весной въ 1765 году въ *Comédie Française* эта администрація устроила скандалъ, взволновавшій весь Парижъ и лишній разъ подтвердившій, какого предѣла могли достигать насиліе и капризы властей стараго порядка. Актеръ Дюбуа былъ уличенъ въ клятвопреступленіи, актеры отказались играть съ нимъ, но его дочь пользовалась особенною благосклонностью одного изъ «джентльменовъ»,—въ результатѣ вся труппа во главѣ съ знаменитою m-lle Клэронъ попала въ тюрьму. Партеръ былъ возмущенъ тѣмъ, что его лишили спектакля, актеры должны были принесть униженное извиненіе и въ награду получили аплодисменты. Этотъ фактъ нагляднѣйшимъ образомъ характеризуетъ общественное положеніе актеровъ въ XVIII вѣкѣ. Оно оставалось такимъ вплоть до революціи. Въ *наказахъ* актеры жалуются Генеральнымъ Штатамъ на деспотизмъ MM. gentilhommes, крайне злоупотребляющихъ lettres de cachet. Эти господа посылаютъ актеровъ въ тюрьму за малѣйшіе проступки, не признавая актеровъ—ни людьми, ни своими согражданами[114].

Всѣ эти факты дѣйствительно свидѣтельствуютъ объ одной изъ мрачныхъ страницъ въ исторіи стараго порядка. Оправдывать ихъ, конечно, немыслимо, но слѣдуетъ имѣть въ виду, что безправіе актерской среды только одна сторона дѣла.

---

[114] *Les cahiers*. Chassin. *Ib.* p. 221.

Другая показываетъ жертвы общественнаго презрѣнія совершенно въ другомъ свѣтѣ и крайне нелестномъ. Гуманные современники, возмущенные отношеніемъ публики къ актерамъ, не могутъ скрыть печальной истины, что это отношеніе, по крайней мѣрѣ, по временамъ едва ли не имѣло разумныхъ основаній

Восемнадцатый вѣкъ не зналъ болѣе искренняго и страстнаго поклонника драматическаго искусства, чѣмъ Дидро. Онъ—единственный среди философовъ—представилъ полную теорію драмы и сценической игры и по этимъ вопросамъ до сихъ поръ остается однимъ изъ поучительнѣйшихъ критиковъ. Въ діалогѣ *Paradoxe sur le comédien* Дидро повторилъ обычныя идеи просвѣтителей о важномъ нравственномъ и общественномъ значеніи театра, сѣтовалъ на предразсудки, унижающіе актеровъ,—но здѣсь же представилъ чрезвычайно мрачную характеристику этой среды.

Актеры,—писалъ Дидро—единственные дѣятели—отправляющіе свои обязанности безъ предварительнаго образованія не чувствуя природныхъ наклонностей, не обладая вкусомъ. Театръ—просто источникъ средствъ для жизни, а вовсе—не результатъ сознательнаго выбора. Никогда человѣкъ не становится актеромъ подъ вліяніемъ художественныхъ склонностей, любви къ добродѣтели, желанія—быть полезнымъ обществу, служить своей странѣ и семьѣ, — вообще по какому бы то ни было «почтенному поводу», привязывающему другихъ дѣятелей съ честнымъ образомъ мыслей, съ горячимъ сердцемъ, съ чувствительной натурой—къ какой-либо достойной профессіи. На сцену толкаетъ людей—отсутствіе образованія, бѣдность, нравственная распущенность. Въ результатѣ—по наблюденіямъ Дидро—актеръ—приличный человѣкъ, а актриса честная женщина—рѣдкіе феномены. Это обстоятельство въ сильной степени подрываетъ художественное и нравственное вліяніе театра на публику [115].

---

[115] *Paradoxe sur le comédien. Mémoires et ouvr. inédits de Diderot.* Paris 1851. II, 322.

Въ томъ же тонѣ Дидро судитъ о «комитетѣ актеровъ», т. е. собраніи, рѣшавшемъ вопросы о пріемѣ и постановкѣ на сценѣ новыхъ пьесъ. «Среди всѣхъ ассоціацій», говоритъ авторъ, — «можетъ быть, нѣтъ ни одной, гдѣ бы общіе интересы всѣхъ участниковъ и нтересъ самой публики съ такой настойчивостью и съ такой очевидностью приносился въ жертву жалкимъ ничтожнымъ разсчетамъ». И здѣсь же перечисляются всѣ пороки, нераздѣльные съ профессіей актера и господствующіе надъ всѣми нравственными, литературными и общественными стремленіями: нахальство изависть, ревность къ чужому успѣху, гораздо болѣе развитая среди актеровъ, чѣмъ среди писателей. Авторъ легче проститъ другому успѣхъ пьесы, чѣмъ актриса проститъ другой актрисѣ аплодисменты и вниманіе какого нибудь знатнаго или богатаго развратника [116].

Сужденія Дидро могутъ считаться типичными для всей критики XVIII-го вѣка. Прежде всего невѣжество актеровъ, по единодушному свидѣтельству писателей эпохи, можетъ сравниться развѣ только съ безнравственностью ихъ жизни. На невѣжество постоянно жалуется авторъ *Литературной Корреспондеціи* — основательнѣйшій наблюдатель современной жизни и литературы, составитель *Секретныхъ Записокъ* говоритъ объ умственномъ развитіи актеровъ не иначе, какъ съ презрѣніемъ, авторъ *Секретной Корреспонденціи* питаетъ то же самое чувство въ сильнѣйшей степени [117]. Даламберъ, съ такимъ мужествомъ защищавшій актеровъ отъ нападокъ Руссо, считаетъ ихъ «очень подозрительными судьями» въ драматической литературѣ [118]. Вольтеръ не могъ быть о нихъ хорошаго мнѣнія: это — едва ли не единственные люди послѣ фанатиковъ, причинившіе

---

[116] *Ib.* p. 323.

[117] Grimm. V, 443.—*Mém. secr.* 6 juin 1775, 10 août 1776. *Corrésponce secrète* II, 15. По поводу процесса Mercier съ *Com. Française:* „Il ne faut pas que des histrions puissent entrer en parallèle avec des citoyens dont la France s'honore à tout de titres“.

[118] *O. compl.* III, 397.

вождю философовъ сильнѣйшія огорченія и обиды. Послѣ всего этого отзывъ Мерсье — писателя, какъ сейчасъ увидимъ, очень заинтересованнаго въ вопросѣ, не можетъ показаться пристрастнымъ. «Наши спектакли,—пишетъ онъ,— нуждаются въ особомъ свидѣтелѣ, который бы слѣдилъ за ними, велъ бы, такъ сказать, списокъ оскорбленіямъ, наносимыхъ публикѣ актерами, благодаря ихъ нерадѣнію, лѣности, или глупости»[119]. Что касается нерадѣнія, оно доказывается публичными выговорами публики по адресу актеровъ за небрежную игру и дурное знаніе ролей. Иногда только многочисленные аресты укрощали разгнѣванный партеръ [120].

Но чаще всего мы встрѣчаемъ свидѣтельства о возмутительномъ обращеніи актеровъ съ авторами. Одинъ современникъ рисуетъ такую картину отношеній въ театральной сферѣ: четыре джентльмена—сюзерены, актеры — непосредственные вассалы, актрисы — любимицы и авторы — третье сословіе. Этому сословію приходится страдать отъ дурнаго расположенія владыки, отъ тщеславія вассаловъ и отъ капризовъ любимицъ [121]. Даламберъ также признаетъ «деспотизмъ и жестокость, какими актеры безнаказанно отличаются въ обращеніи съ писателями», и ссылается на Вольтера, объяснявшаго такое поведеніе местью актеровъ за всеобщее презрѣніе къ нимъ [122]. Дидро съ той же точкой зрѣнія смотритъ на непозволительные поступки актеровъ съ авторами [123]. Но публика и авторы, конечно, не перестаютъ возмущаться актерскимъ деспотизмомъ. Лѣтомъ въ 1767 году въ Парижѣ были распространены куплеты подъ заглавіемъ

---

[119] *Tableau de Paris*. II, 314.

[120] *Mém. secrets*. 28 sept. 1772—на представленіи трагедіи *Chérusques*. Авторъ прибавляетъ, что пьеса имѣла успѣхъ именно потому, что партеръ былъ крайне разраженъ актерами и сдѣлалъ выговоръ двумъ изъ нихъ, не знавшимъ ролей и дурно игравшимъ.

[121] *Du théâtre sous les rapports de la nouvelle constitution. Discours presénté à l'assemblée Nationale par de Sauvigny*. Paris 1790 p. 14.

[122] *O. compl.* III, 421.

[123] *Paradoxe sur le comédien. Ib.* p. 326.

Статуты французскаго театра. Нравственность актеровъ, по обыкновенію, подвергалась жесточайшимъ нападкамъ, но въ концѣ — настоятельно повелѣвалось актерамъ измѣнить ихъ отношеніе къ авторамъ, не унижать ихъ, не заставлять ихъ стоять въ переднихъ. Такимъ поведеніемъ актеры навлекаютъ на себя еще больше презрѣнія, потому что они только—отголосокъ авторовъ, ихъ органы. Тотъ же самый совѣтъ далъ актерамъ одинъ изъ достойнѣйшихъ государственныхъ дѣятелей эпохи. На ихъ просьбу о покровительствѣ, Мальзердъ обѣщалъ его—съ условіемъ, что они будутъ оказывать больше уваженія писателямъ, чѣмъ оказывали до сихъ поръ,—писателямъ, достойнымъ почестей со стороны всѣхъ мыслящихъ людей и особенно актеровъ[124]. Оскорбленные драматурги пишутъ на актеровъ сатиры. Въ 1764 года вышла трагедія *Andriscus*, предисловіе адресовано актерамъ. Авторъ требуетъ отъ нихъ, чтобы они отвѣчали на письма почтенныхъ людей, чтобы доступъ къ нимъ не былъ труднѣе, чѣмъ къ министрамъ, и чтобы они держались съ меньшею важностью, чѣмъ сенаторы, и не имѣли переднихъ [125]. Такого рода убѣжденія, очевидно, не помогали. Почти черезъ пятнадцать лѣтъ другой авторъ въ комедіи повторилъ тѣ же упреки и прибавилъ сатирическое изображеніе сцены актерскаго суда надъ пьесой [126]. Случалось, авторы обращались съ жалобой на актеровъ прямо къ партеру—во время спектакля. Партеръ энергично отзывался на эти жалобы и полиціи приходилось въ такихъ случаяхъ автора и всю публику отправлять по тюрьмамъ. Такія отчаянныя мѣры со стороны авторовъ—вполнѣ понятны. Современникъ, отлично знакомый съ положеніемъ дѣла, увѣряетъ, что авторы, измучен-

---

[124] *Statuts de la Comédie Française,* перепечатаны въ *Corresp. litt.* Grimm) VII, 356. О совѣтѣ Мальзерба. *Desnoiresterres* въ предисловіи къ книгѣ Мерсье *Tableau de Paris*, ed. Paris 1853, p. 21.

[125] *Andriscus,* tragedie en 5 actes., par Maton. Amsterdam 1764. *Предисл.* p. 8.

[126] *Les comédiens ou le Foyer. Corresp. secrète.* IV, 180. *Corresp. litt.* X. 120. Sauvigny. *O. c.* p. 33.

ные равнодушіемъ и оскорбленіями актеровъ, впадали въ разочарованіе, озлобленіе, даже ханжество. Надо кромѣ того, имѣть въ виду, что актеры пользовались всѣми выгодами спектаклей. Право литературной собственности за драматургами было признано только незадолго до революціи, благодаря стараніямъ Бомарше. Но это право еще не скоро вполнѣ установилось: авторъ доклада національному собранію ходатайствуетъ о признаніи его во всей странѣ, какъ о главнѣйшей реформѣ въ положеніи теаера [127].

Актерскій судъ въ особенности заслуживалъ полнаго порицанія. Вкусъ актеровъ до конца вѣка остается на первобытной ступени. Они не способны идти за авторами и отрицательно относятся ко всѣмъ нововведеніямъ. Внѣ классицизма они ничего не хотятъ признавать. Въ то время, когда запросы публики явно измѣнились, актеры держатся старыхъ преданій. Мы постоянно читаемъ такого рода извѣстія: публика не любитъ классическихъ произведеній, даже громко заявляетъ, что ей нѣтъ никакого дѣла до интересовъ и заботъ трагическихъ героевъ, и перестаетъ слушать пьесу: ей нужны другіе герои и другая исторія. Она въ восторгѣ отъ патетическихъ сюжетовъ, вся отдается впечатлѣніямъ на представленіяхъ такихъ пьесъ, какъ *Enfant Prodigue*, *Nanine*, *Soliman Second* [128], а, между тѣмъ, актеры отвергаютъ именно эти пьесы и требуютъ одного и того же: расиновскихъ любовныхъ томленій. Новымъ авторамъ приходится употреблять невѣроятныя усилія, чтобы заставить актеровъ сыграть пьесу безъ расиновской любви. И въ числѣ первыхъ неудачныхъ искателей оказывается Вольтеръ.

Въ теченіе шести лѣтъ онъ напрасно добивается доступа къ актерамъ и никакъ не можетъ упросить ихъ даже прочесть пьесу. Говорятъ, будто онъ даже обратился къ по-

---

[127] Къ партеру обратился Billard 30 іюня 1772 г. *Mém. secrets.* Cor. lit. X, 120.

[128] Grimm. I, 263. IV, 48. Mercier. *Du théâtre.* p. 104. Fovart. *Mémoires et Correspondance.* Paris 1808. II, 289—290—разсказъ о восторгѣ крестьянина предъ чувствительной пьесой.

мощи пирожника, вложилъ лучшія сцены *Заиры* въ пироги, предназначавшіеся для актеровъ, и этимъ путемъ довелъ до ихъ свѣдѣнія свою трагедію [129]. Онъ самъ разсказываетъ, сколько испытаній пришлось ему вынести по поводу *Эдипа*. Актеры и особенно актрисы подняли его на смѣхъ, когда узнали, что въ его драмѣ нѣтъ влюбленной героини, и отнеслись съ полнымъ пренебреженіемъ къ сценамъ, заимствованнымъ у Софокла. Авторъ былъ молодъ и рѣшился въ угоду «щеголямъ и большимъ господамъ», т. е. тѣмъ же актерамъ, испортить свою трагедію. Такъ онъ судилъ десять лѣтъ спустя [130]. Когда Вольтеръ достигъ славы, они затруднялись сыграть *Мерону* по той же причинѣ, какъ и *Эдипа*. Сначала,—разсказываетъ Даламберъ, — они совсѣмъ отвергли пьесу, не зная, кто ея авторъ. Имъ открыли имя, —они, все-таки, просили сыграть ее, не объявляя на афишахъ [131]. Такъ мало было мужества у этой карпораціи! Отказаться отъ роли въ какой угодно пьесѣ для актеровъ дѣло обычное и здѣсь они не стѣсняются съ самыми знаменитыми авторами. Лекенъ, напримѣръ, именно такъ поступаетъ съ Вольтеромъ [132]. Идея, — литературная или нравственная цѣль не имѣетъ въ такихъ случаяхъ никакого значенія. Современникъ передаетъ слѣдующую рѣчь, обращенную весьма виднымъ актеромъ Дюфреномъ къ Детушу: «Какъ! ради какой-то ничтожной нравственной цѣли, вы заставляете героя терпѣть наказаніе отъ отца и любовницы. Измѣните конецъ моей роли, смягчите краски, въ особенности постарайтесь сдѣлать моего

---

[129] Sauvigny. *Du théâtre*. p. 32.

[130] *Lettre au P. Porée, jesuite*, приложенное къ пьесѣ. *Théâtre de Voltaire*. Paris. An IX. I, 54—5.

[131] *O. compl.* III. 402. La Harpe отвергаетъ этотъ фактъ. *Corresp. litt.* I, 378. Desnoiresterres вѣритъ Лагарпу и сообщеніе Даламбера считаетъ невѣроятнымъ, не объясняя—почему. *Voltaire* II, 361, rem. 2. Даламберъ, при своихъ въ высшей степени дружескихъ отношеніяхъ съ Вольтеромъ, врядъ ли могъ допустить такую ошибку.

[132] *Mém. secr.* 16 janv. 1778. Фактъ произошелъ, слѣдовательно въ эпоху когда только дворъ могъ отказаться отъ участія въ тріумфѣ поэта.

героя интереснымъ фатомъ. Я вовсе не хочу, чтобы отецъ лишалъ меня наслѣдства, и я желаю жениться на своей любовницѣ». Подобныя рѣчи приходилось выслушивать тому же Вольтеру [133].

Въ этой средѣ очевидно, не можетъ быть и рѣчи о новыхъ идеяхъ. Актеры ни на минуту не задумываются надъ ними. Вольтеръ свои демократическія произведенія выпускалъ безъ имени. Такъ онъ поступилъ съ интереснѣйшею изъ своихъ комедій—*Droit de Seigneur*. Пьесу представилъ актерамъ неизвѣстный юноша, актеры не обратили на нее ни малѣйшаго вниманія и только узнавъ имя автора просили его быть благодѣтелемъ труппы: на этотъ разъ въ пьесѣ была любовь [134]. Къ новому жанру драматической поэзіи—мѣщанской драмѣ — актеры относятся или равнодушно или враждебно. Прежде всего, они не умѣютъ исполнять драматическихъ ролей, буржуа имъ не даются, и въ то время, какъ *Père de famille* съ успѣхомъ идетъ въ Тулузѣ, въ Бордо, въ Марсели, въ Ліонѣ, — на парижской сценѣ драма Дидро не можетъ появиться въ приличномъ видѣ въ теченіе почти двадцати пяти лѣтъ, до 1781 года,—когда и вызываетъ энтузіазмъ публики [135]. Актеры, конечно, принуждены ставить драмы—другихъ пьесъ не пишетъ большинство лучшихъ современыхъ авторовъ,—но новый жанръ, все-таки, не признается всею труппой. Дидро, напримѣръ, долженъ былъ въ 1771 году удовлетвориться однимъ представленіемъ *Père de famille*, послѣ того, какъ драма не появлялась на парижской

---

[133] Sauvigny *O. c.* p. 30. Авторъ разсказываетъ, какъ актеры заставили также Кребильона исказить трагедію, превративъ Электру въ страстно влюбленную принцессу. Вообще, по мнѣнію Sauvigny, актеры неизмѣнно оказывали тлетворное вліяніе на драматическую литературу. М-lle Клэронъ, очевидно, являлась крайне рѣдкимъ исключеніемъ.

[134] *Mém. secr.* I, 16—17

[135] Grimm. III, 353. О представленіи драмы. Mouhy. *Abregé de l'histoire du th. fr.* IV, 111. Приведены стихи, сочиненныя по поводу успѣха пьесы.

сценѣ въ теченіе десяти лѣтъ [136]. Что касается вопросовъ современной политической и общественной жизни,—дѣятельность актеровъ направлена преимущественно на устройство вѣрноподданическихъ овацій. Одинъ изъ добродушныхъ и скромныхъ современныхъ наблюдателей пишетъ. «Французскіе королевскіе актеры всегда съ великой охотою доказываютъ публикѣ, какое живое участіе они принимаютъ во всѣхъ происшествіяхъ интересующихъ націю [137].

Это значитъ—актеры спѣшатъ ознаменовать каждое событіе, совершившееся въ королевской семьѣ, ставятъ подходящія пьесы, мѣняютъ текстъ во время представленія и подаютъ знаки публикѣ, когда слѣдуетъ кричать *vive la roi*. Мы знаемъ, партеръ не всегда раздѣлялъ эти восторги. Въ виду такихъ случаевъ родственники и дѣти актеровъ вмѣстѣ съ полицейскими составляли кляку въ партерѣ [138].

Писатели, представляющіе большой общественный и художественный интересъ, даже для насъ, — съ актерами XVIII вѣка находятся въ самыхъ дурныхъ отношеніяхъ. Седэнъ, вызывавшій фуроръ современной публики, сравниваемой съ Шекспиромъ компетентнѣйшими критиками своего времени, терпитъ отъ французскихъ актеровъ такія же оскорбленія, какъ начинающій писатель. Они не платятъ ему гонорара, въ теченіе семнадцати лѣтъ не ставятъ его трагедіи, потому что она написана прозой [139]). Но еще удивительнѣе отношенія къ Мерсье.

---

[136] Grimm IX, 381. Второе представленіе драмы не состоялась, потому что m-lle Préville и mr. Molé разошлись во взглядахъ на мѣщанскую драму и принципіальный вопросъ обострился еще личными счетами романическаго характера. Molé—стоялъ за Дидро,—слѣдовательно, отъ настроенія далеко не блестящей актрисы зависѣла судьба произведенія, стоявшаго во главѣ современной драматической литературы.

[137] Mouhy. *O. c.* IV, 135.

[138] Такая кляка требовалась преимущественно въ концѣ царствованія Людовика XV. Съ участіемъ ея состоялось, напримѣръ, патріотическое представленіе драмы *Deserteur*. *Mem. secr.* 30 jn. 1773.

[139] *Mém secr.* 22 janvier 1768.—Трагедія *Moillard ou Paris sauvé*. Paris, 1788. *Préface*.

Актеры не любятъ неблагопріятной критики и современники думаютъ, что они даже никогда не привыкнутъ къ ней [140]. Въ виду этого актеры очень настойчиво и искусно ограждаютъ себя отъ непріятныхъ отзывовъ. Они платятъ цензорамъ жалованье и тѣ служатъ имъ съ великимъ усердіемъ. Одинъ запрещаетъ сочиненіе о музыкѣ на первомъ же томѣ: оно не понравилось итальянскимъ актерамъ [141]. Другой арестуетъ номера *Журнала театровъ*,—одинъ за другимъ и заставляетъ издателя объяснить читателямъ задержку изданія болѣзнью. Актеры въ восторгѣ и увѣрены, что въ союзѣ съ цензоромъ они, наконецъ, убьютъ ненавистный органъ [142]). Благодаря такой политикѣ актеровъ, при всемъ развитіи театральныхъ зрѣлищъ въ XVIII вѣкѣ, спеціально театральныхъ журналовъ не появляется до 1770 года и существованіе ихъ большею частью крайне непродолжительно. Вина лежитъ на актерахъ, говоритъ историкъ французской періодической печати [143]. За критику поплатился и Мерсье. Актеровъ оскорбила его книга о драматическомъ искусствѣ, и они обрушились на него съ безпримѣрною злобой: отказались навсегда даже читать его пьесы, перестали пускать его въ театръ, хотя по обычаю авторъ, чья пьеса шла на сценѣ, имѣлъ право свободнаго входа въ театръ. Мерсье началъ процессъ съ актерами. Полиція совѣтовала ему прекратить дѣло, такъ какъ на сторонѣ актеровъ былъ дворъ. Мерсье отказался, заявляя, что онъ въ данномъ случаѣ не подвластенъ полицейской цензурѣ [144].

---

[140] *Journal des théâtres*. 1777. № 11.

[141] *Etat actuel de la musique et des trois spectacles*, 1768. *Mém. secr.* 13 f.

[142] *Ib.* 10 oct. 1776. Авторъ называетъ цензора—„le chef du conseil des comédiens“.

[143] Hatin. *Bibliographie historique et critique de la presse periodique Française. Paris 1866, p. 71.*

[144] *Mem. secr.* 6 juin 1775, *Corresp. secrète* II, 15. О процессѣ Мерсье подробно разсказано у Desnoiresterres'а *Mercier, sa vie et ses oeuvres*—предисловіе къ изданію *Tableau de Paris*. Отвѣтъ Мерсье полицейскому лейтенанту, на его угрозу правительствомъ. „Le ne sais ce que vous voulez dire par le mot *gouvernement*. J'ai un roi et je suis un de ses sujets les

Мы видимъ, при какихъ тяжелыхъ условіяхъ приходилось развиваться на сценѣ философіи и ея сильнѣйшему орудію— драмѣ. Эти условія со стороны театра были въ высшей степени неблагопріятны. Актеры не только не чувствовали желанія войти въ новое теченіе литературы и мысли, — они вступили въ союзъ со всѣми врагами философіи, отдали свои силы цѣлому ряду сценическихъ сатиръ и пасквилей и первому же драматургу, позорившему философію и ея друзей, открыли двери театра съ несравненно большей готовностью, чѣмъ Вольтеру и его соратникамъ. Если бы отъ служителей драматическаго искусства зависѣла судьба новой литературы и новой мысли, они были бы уничтожены въ самомъ началѣ или, по крайней мѣрѣ, успѣхи ихъ отодвинулись бы за неопредѣленное время. Но у сцены находился наблюдатель и критикъ гораздо болѣе чуткій и вліятельный, чѣмъ о какомъ мечталъ Мерсье. Партеръ рѣшилъ судьбу драмы, партеръ взялъ подъ свою защиту просвѣтителей и ихъ стремленія: не даромъ драматурги XVIII вѣка возлагаютъ всѣ свои надежды на партеръ и одинъ изъ вождей энциклопедистовъ откровенно сознавался, что онъ и его друзья пишутъ для толпы, даже для черни—*le vulgaire* [145]).

Судъ этой толпы въ эпоху разцвѣта философскаго движенія признали рѣшающимъ сами враги философіи. Они соединились всѣ въ одинъ союзъ, — дворъ, правительство, духовенство, литература,—призвали на помощь людей равно-

---

plus soumis, lorsqu'il me donnera les ordres je saurai obéir. Mais encore une fois, j'ignore ce que vous entendez par *gouvernement*. Лейтенантъ снова пригрозилъ Мерсье тяжелой карой въ случаѣ упорства. Мерсье отвѣчалъ характерными для эпохи словами: „Monsieur, je n'ai fait que me servir de la loi, je me crois blessé dans mes droits de citoyen, je reclame un tribunal admis par la nation pour recevoir les plaintes de tout homme quelquonque; je ne crains que ses jugements". Покровитель—m-me Vestris, одинъ изъ gentilhommes de la chambre, маршалъ *Doras* досталъ противъ несговорчиваго автора lettre de cochet.—Мерсье спасся въ парламентъ и маршалъ не рѣшился продолжать преслѣдованія.

[145] D'Alembert. *O. compl.* III, 225—6.

душныхъ къ идеѣ и покорныхъ силѣ и сдѣлали общій натискъ на своего врага: парижская публика увидѣла цѣлый рядъ сатиръ на новыхъ мыслителей и ихъ идеи. Это было въ полномъ смыслѣ обращеніе стараго порядка къ третейскому суду публики. И она произнесла окончательный приговоръ. Онъ тѣмъ поучительнѣе и борьба за него тѣмъ выше по своему культурному значенію, что это было единственное въ своемъ родѣ состязаніе старыхъ преданій и новыхъ идеаловъ предъ лицомъ общественнаго мнѣнія. Политическая власть, поощряя борьбу, будто безсознательно вводила въ кругъ общественныхъ вопросовъ новую силу, до сихъ поръ не касавшуюся этого круга. и воспитывала въ ней наклонность къ критикѣ и къ протесту, чтобы затѣмъ пасть подъ ихъ давленіемъ.

Сатира.

I.

Ни одинъ сколько-нибудь замѣчательный фактъ общественной жизни не ускользалъ отъ вниманія французскихъ сценъ XVIII вѣка. Было бы необъяснимымъ исключеніемъ, если бы общей участи не подверглись философія и философы. Вопросъ состоялъ только въ томъ, какое направленіе приметъ критика. Для насъ онъ рѣшается просто и безошибочно. Сцена находилась въ распоряженіи людей или равнодушныхъ къ новой мысли, или враждебныхъ ей. Оставалось появиться сатирѣ въ драматической формѣ,—путь на сцену ей былъ открытъ.

Современники увѣряютъ, что всякая сатира жестоко преслѣдуется французскимъ правительствомъ. Людовикъ XV и его дворъ тщательно устраняютъ малѣйшій поводъ вызвать въ парижской публикѣ критическое отношеніе къ современной дѣйствительности. Именно по этой причинѣ воспоминанія о Генрихѣ IV и самое имя этого короля находятся подъ строжайшимъ запретомъ. Никто не ожидаетъ, чтобы сатира вдругъ стала популярнѣйшимъ родомъ литературы. И между тѣмъ, на сценахъ появляется длинный рядъ драматическихъ пасквилей и правительство не только одобряетъ пасквили, оно даже поощряетъ авторовъ и ограждаетъ ихъ успѣхи на сценѣ. Подавляющее большинство этихъ произведеній направлено противъ философіи, но разрѣшаются сатиры и противъ враговъ ея. Правительстсо, повидимому, хотѣло вызвать войну вообще между писателями и такимъ путемъ унизить ихъ въ глазахъ

публики и обезсилить въ междоусобной борьбѣ. Разсчеты не оправдались прежде всего потому, что публика заранѣе стояла на сторонѣ новой литературы, а потомъ—ея враги выказали слишкомъ мало таланта и слишкомъ явно и усердно покровительствовались властью. Все это не могло принести побѣды, но для философіи было создано множество тяжелыхъ моментовъ и повторялись они вплоть до самой революціи, положившей предѣлъ дрязгамъ стараго порядка.

Благодарнѣйшимъ матерьяломъ для сатиры являлись идеи двухъ философовъ Руссо и Гельвеція. Одинъ нападками на искусства и науки, другой—проповѣдью крайне матеріалистической морали легко вызывали упреки и насмѣшки. Идеи того и другого автора не одобрялись общимъ направленіемъ философіи. Но критики, какъ мы уже указывали, не допускали различій, подъ именемъ философовъ разумѣли Руссо рядомъ съ энциклопедистами и теоріи Гельвеція приписывали всей новой литературѣ. Это была клевета, но критики разсчитывали на большую публику, близко не знакомую съ отдѣльными представителями философіи. Требовалось вообще опозорить и поднять на-смѣхъ самое имя «философъ». Въ результатѣ должны были потерпѣть одинаково всѣ просвѣтители. И за ихъ счетъ неизмѣнно предподносили публикѣ антикультурныя декламаціи Руссо, его идеализацію миѳическаго естественнаго человѣка, его нападки на безсердечіе и эгоизмъ философовъ.—Рядомъ шелъ Гельвецій: его будто-бы небезкорыстное тщеславное занятіе науками, матеріалистическія воззрѣнія, совершенно, впрочемъ, противорѣчившія его личному характеру, англоманія, возбуждавшая добродушный смѣхъ у его друзей, его неосторожное и безцѣльное замѣчаніе, будто онъ желалъ бы видѣть Францію во власти чужеземцевъ,—всѣ эти крайности и парадоксы легко было эксплуатировать и не хитрому уму.

Самую раннюю драматическую сатиру мы встрѣчаемъ на Руссо. По поводу его первой диссертаціи на сценѣ итальянскаго театра была представлена одноактная комедія *La critique*. Здѣсь о современныхъ философахъ безъ всякаго раз-

личія говорилось: «скоро вы увидите, какъ они будутъ выдавать за правило, что цивилизованный народъ способенъ только на преступленіе, и, унижая искусства и любовь къ талантамъ, будутъ утверждать, что глупцы — единственно честные люди». [1] Очевидно,—пьеса не была единственной, хотя у насъ и нѣтъ свѣдѣній о другихъ. Палиссо, по крайней мѣрѣ, въ своей первой сатирѣ на философовъ по поводу Руссо замѣчаетъ, что его идеи давно стали посмѣшищемъ на парижскихъ сценахъ. Палиссо писалъ это въ 1755 году, годъ спустя послѣ представленія *La critique*. О другихъ философахъ авторъ не упоминаетъ, — Руссо, слѣдовательно, первому удалось вызвать сатиры на парижскихъ сценахъ [2].

Въ 1755 году [3] въ день открытія статуи Людовику XV въ Нанси король Станиславъ давалъ праздникъ. Для спектакля требовалась пьеса и ее взялся написать членъ мѣстной академіи — Палиссо Немногимъ раньше онъ посѣтилъ Вольтера, произвелъ на него выгодное впечатлѣніе и обмѣнивался съ нимъ любезной перепиской. Извѣстность его, какъ автора, была крайне посредственна, но Палиссо мечталъ занять мѣсто Мольера. Никто не могъ подозрѣвать пути, какимъ онъ взойдетъ на такую высоту. Внезапно появилась комедія *Le cercle ou les originanx*. По замыслу она напоминала *Improptu de Versailles* Мольера, подвергавшаго казни своего литературнаго врага драматурга — Бурсо: новый авторъ вздумалъ воспользоваться примѣромъ и на сценѣ оказался настоящій пасквиль на философовъ и ихъ послѣдователей. Сначала авторъ издѣвается надъ комедіями, въ которыхъ плачутъ, потомъ надъ ученой женщиной-математикомъ, которая собирается писать статью въ *Энциклопедію*, дальше изображается ученикъ Руссо: онъ долженъ думать, говорить, писать и даже одѣваться иначе, чѣмъ другіе, не

---

[1] *La critique*, одноактная комедія, авторъ Chevrier. Ср. *Année littéraire* I, 89

[2] *Le cercle ou les originaux*. Palissot. *Théâtre et oeuvres divers*. Londres 1763, t. II, p. 39—40.

[3] Lenient. *La com. sat.* называетъ 1756 годъ, но въ сочиненіяхъ Палиссо указанъ день перваго представленія сатиры—26 ноября 1755 года.

признавать денегъ, чтобы не походить на другихъ. Онъ долженъ также избѣгать общества, чтобы возбудить къ себѣ уваженіе. Въ результатѣ — нѣкоторые его считаютъ сумасшедшимъ, но за то другіе называютъ мудрецомъ [4].

Сатира была сочинена неожиданно для устроителей празднества и многихъ изъ нихъ глубоко возмутила. Въ ученой дамѣ всѣ узнали m-me du Châtelet. Нападки на Руссо не понравились самому Станиславу. Но Палиссо дѣйствовалъ необыкновенно искусно. Его пьесу отлично приняли въ высшихъ сферахъ. За него стоялъ Шуазель, весь дворъ и даже дофинъ. Оставалось обезоружить Вольтера. Палиссо немедленно написалъ патріарху льстивое письмо, превознесъ его надъ всѣми современниками и поставилъ рядомъ съ величайшими геніями древности. Вольтеръ пока былъ завоеванъ, другіе философы не внушали страха. Дидро—мы видѣли – въ самый разгаръ «скандала» отказывался защищаться и предоставлялъ месть публикѣ. Даже Руссо — сильнѣе всѣхъ оскорбленный поступилъ въ высшей степени благородно: онъ просилъ Станислава оставить все дѣло безъ послѣдствій—и Палиссо сохранилъ мѣсто въ академіи.

Дворъ рѣшился воспользоваться услугами новаго «Аристофана». Это имя неосторожно было произнесено сторонниками философовъ по поводу комедіи Палиссо: тотъ жадно ухватился за него, вообразилъ себя дѣйствительно Аристофаномъ и впослѣдствіи даже написалъ пасквиль на Сократа [5]. На Палиссо обратились взоры всѣхъ враговъ философіи. Принцессы внушали ему разные остроумные мотивы на счетъ философскихъ идей [6], дофинъ, говорятъ, принималъ самое живое участіе въ успѣхахъ сатиры, Шуазель уже раньше обращался къ Палиссо, заказалъ ему стихи противъ

---

[4] *Le cercle.* Sc. IV, sc. VIII.

[5] *Dialogue historiques et critiques. Socrate et Erasme.*

[6] Принцесса Robecq. Объ ея покровительствѣ Палиссо разсказываетъ Barbier. *Chronique* VII, 249. О томъ, что она дала Палиссо мотивъ для одной изъ самыхъ пасквильныхъ сценъ въ сатирѣ *Les philosophes*—говоритъ Favart—*Mémoires et corréspondance* I, 76.

Фридриха II, написавшаго злую сатиру на французовъ и ихъ короля. Палиссо весьма счастливо исполнилъ порученіе. Его отвѣтная «ода» восхитила даже Вольтера. Но ни патріарху и никому изъ энциклопедистовъ не былъ извѣстенъ авторъ: Шуазель не нашелъ возможнымъ назвать его Вольтеру, посылая стихи [7]. Министръ предпочиталъ вести всѣ дѣла съ продажнымъ поэтомъ въ тайнѣ отъ своихъ «друзей»— философовъ. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя послѣ «оды» Шуазель въ свою очередь долженъ былъ оказать услугу Палиссо— поддержать его пасквили противъ энциклопедистовъ, хотя ничто, конечно, не обязывало Шуазеля именно такимъ путемъ выразить свою признательность услужливому поэту. При такихъ условіяхъ 2-го мая 1756 года на сценѣ *Comédie Française* появилась комедія *Les philosophes*.

Актерамъ пьесу доставилъ Фреронъ и они ее приняли безъ всякихъ затрудненій. M-lle Клэронъ въ это время отсутствовала и потомъ энергично возстала противъ товарищей, согласившихся выставлять на позоръ людей, достойныхъ всякаго уваженія за труды и таланты. Актриса считала такой поступокъ позоромъ для театра [8]. Представленіе состоялось при живѣйшемъ участіи власти, духовенства и двора. Стража въ театрѣ была усилена, зала переполнена публикой въ такомъ количествѣ, какого не видали на пьесахъ Расина, Корнеля, Мольера [9]. Самъ авторъ позже разсказывалъ, что его комедія на нѣсколько времени успѣла примирить съ театромъ исконныхъ враговъ драматической литературы. Это вполнѣ понятно: стóитъ вспомнить, кто были эти исконные враги и противъ кого была направлена пьеса. Первый рядъ ложъ неизмѣнно наполнялся духовенствомъ, въ ложѣ Палиссо по-

---

[7] Сатира Фридриха II и „Ода“ Палиссо приведены у Desnoiresterres— *Voltaire* V, 358, 363. Ср, Hallays Dabot. *Hist de la censure*, 131.

[8] Grimm. IV, 325.

[9] Barbier. *Chronique*. VII, 250. Отъ 2 до 15 мая пьеса имѣла 7 представленій. Барбье указываетъ на преобладаніе аристократической публики въ этихъ спектакляхъ. Здѣсь же сообщаются нѣкоторыя данныя изъ біографіи Палиссо, въ высшей степени нелестныя для его личности и карьеры.

стоянно тѣснились епископы, одинъ аббатъ даже въ пропо-вѣди выразилъ свой восторгъ предъ сатирой на «современ-ныхъ софистовъ». Сатира попала на страницы пастырскихъ посланій и душеспасительныхъ брошюръ. «Никогда комедія», прибавляетъ авторъ, «не встрѣчала такихъ почестей». Здѣсь же Палиссо категорически утверждаетъ, что «*Философы* удостоились личнаго покровительства покойнаго дофина»[10].

Не совсѣмъ было благополучно только со стороны публики. Современникъ разсказываетъ, что послѣ *Философовъ* каждая пьеса Палиссо давалась на сценѣ при усиленной стражѣ полиціи и все-таки «публика свидѣтельствовала величайшее презрѣніе къ г-ну Палиссо»[11]. Спектакль вызвалъ, конечно, множество эпиграммъ, и даже авторъ не помнитъ ни одной благосклонной. Его сравнивали съ Аристофаномъ, но не съ цѣлью сказать любезность. Любопытнѣе всего, что поэты, позже вступившіе на путь Палиссо, увѣряли, будто весь Парижъ осуждаетъ его произведеніе и самый успѣхъ долженъ привести въ ужасъ автора[12]. Самая злая изъ эпиграммъ поражала рядомъ съ Палиссо его придворныхъ покровителей[13]. За то Фреронъ поспѣшилъ въ своемъ жур-

---

[10] *Oeuvres de Palissot.* Ed. 1779. VII, 324.

[11] Mém. secr. 7 juin 1762.

[12] Эпиграмма Dorat приведена у Палиссо. *Ib.*

[13] Grimm. IV; 241:

Un petit grec, singe d'Aristophane,
Veut l'imiter dans ses emportements;
Le roquet mord et de sa dent profane
Va déchirant et sages et savants.
Enfin, le nain compose et fait un drame,
Fruit avorté du cerveau de callot.
De zélateurs tout un peuple fallot
Crie au miracle et pour l'auteur s'enflamme.
La cour, dit—on, protège le marmot...
D'où vient cela? Ie demèle la trame:
C'est que l'outeur à coup sûr est un sot.

налѣ напечатать восторженный отзывъ о пьесѣ [14]... Но каковы бы ни были впечатлѣнія публики, — весь Парижъ горячо отозвался на сатиру. Мѣсяцъ май 1760 года единственный въ исторіи французской литературы. Современникъ пишетъ 8 числа: «Въ настоящее время Парижъ занятъ исключительно литературными распрями. Достаточно обладать заслугами въ наукѣ и въ искусствахъ, чтобы стать добычей самой ядовитой сатиры. Личности, наиболѣе уважаемыя по талантамъ и безупречной жизни, оказываются первыми жертвами этой ненависти» [15]. Съ этого времени, прибавляетъ другой свидѣтель, сатиры на личности входятъ въ моду съ поразительной быстротой [16]. Этотъ фактъ вызываетъ глубокое сожалѣніе у всѣхъ, кому дорога честь французской литературы. Они обращаются съ упрекомъ къ писателямъ, истощающимъ силы въ междоусобной войнѣ, въ то время, когда даже въ Китаѣ люди науки единодушно служатъ родинѣ [17]. Слышатся жалобы и на правительство, допускающее позорить гражданъ на сценѣ Корнелей [18]. Но для правительства соображенія о Корнеляхъ не имѣли никакого значенія. Палиссо, по мнѣнію двора и духовенства, превосходно служилъ цѣлямъ власти—унизить новыя идеи, и ихъ проповѣдниковъ. И Палиссо дѣйствительно не жалѣлъ красокъ, чтобы угодить своимъ покровителямъ.

Планъ комедіи и множество отдѣльныхъ чертъ Палиссо заимствовалъ у Мольера, изъ его пьесы *Femmes Savantes*.

---

[14] Палиссо сообщаетъ, что *L'Année litteraire* первый похвалилъ его комедіею. Похвала сводилась къ такому заключенію: „c'était l'ouvrage d'un homme de beaucoup d'esprit et d'un bon citoyen". *Année litt.* 1760, III, p. 16.

[15] Favart. *Mémoires*. I, 37.

[16] Grimm. IV, 276.

[17] *Discours sur la satire contre les philosophes representée par une troupe qu'un poète—philosophe fait vivre et approuvée par un académicien qui a des philosophes pour collègues.* Athènes, chez le libraire antiphilosophe. 1760. Авторъ—абб. Coyer; poète philosophe—Вольтеръ, цензоръ академикъ—Кребильонъ. Перепечатано—*Oeuvres.* Londres 1765, I, p. 90—1.

[18] Grimm. IV, 240.

Вообще Мольеръ отъ начала до конца остается вдохновителемъ авторовъ драматическихъ сатиръ на энциклопедистовъ. Поэтъ, нападавшій на педантовъ, врядъ ли могъ разсчитывать, что его геніемъ воспользуются противъ такихъ людей, какъ Вольтеръ, Дидро, Даламберъ. Но нельзя отрицать, что насмѣшки Мольера надъ фальшивой ученостью шли иногда слишкомъ далеко и являлись въ такой *общей* нетерпимой формѣ, что выходками его можно было воспользоваться противъ какого угодно писателя и ученаго. Такъ именно понимали комедію Мольера въ XVIII вѣкѣ лучшіе представители просвѣтительной литературы. Даламберъ не можетъ простить автору *Ученыхъ женщинъ* выходки противъ «мошенниковъ, воображающихъ себя важными персонами въ государствѣ, потому что они напечатали и переплели въ телячью кожу свои произведенія». Послѣ этой выходки, говоритъ Даламберъ, только одно можетъ утѣшить писателей — банальныя похвалы того же Мольера художественному вкусу двора, отнюдь не заслужившаго этихъ похвалъ [19]. Таково мнѣніе не одного Даламбера. Авторъ, написавшій одну изъ искреннѣйшихъ защитъ новой литературы, также сѣтуетъ на Мольера за необдуманную сатиру [20]. Но любопытнѣе всего — отношеніе къ этой сатирѣ враговъ философіи. Они всѣ единодушно пользуются ею, цитируютъ ее и чаще всего монологъ, возмущавшій Даламбера, — упоминаютъ имя Мольера какъ авторитетъ, — въ текстѣ пьесъ [21]. Палиссо былъ совершенно

[19] Укоривъ Лашоссе за униженіе писателей, Доламберъ продолжаетъ Peut—être oserions nous faire le même reproche à Molière, sur le mot injurieux, dont il s'est servi dans les *Femmes Savantes,* pour qualifier des écrivains qu'il voulait tourner en ridicule, et qu'il pouvait mettre à leur place, sans dégrader sa propre espèce par l'epithète la plus cruelle et la plus injuste". *Oeuvres compl. III,* 391—2. Здѣсь же Даламберъ, смѣясь надъ комплиментами Мольеровскаго героя эстетическому вкусу двора, приводитъ выраженіе другаго знаменитаго писателя о Версали: „une petite ville à quatre lieues de Paris et à cent lieues du bon goût".

[20] *Essai sur la comédie*, par de Cubières. *Théâtre moral.* Paris 1786. I. *Le cincours académique*, com. en 5 actes.

[21] Dorat. *Les prôneurs ou le Tartuffe littéraire,* com. en 3 actes. En Hollande 1777. Въ предисловіи цитируются стихи о трехъ *gredins*, какъ пророческіе относительно философовъ XVIII-го вѣка.

убѣжденъ, что онъ продолжаетъ дѣло Мольера, не пощадившаго когда-то Бурсо, Котэна и Менажа. Онъ ссылается на эти прецеденты и считаетъ себя совершенно правымъ. Чтб касается Мольеровской ученой дамы—она остается центральной фигурой всѣхъ сатиръ на философію и вообще на новую литературу. Мѣняется только имя Филаминты, — но въ лицѣ ея постепенно являются m-me Du Châtelet, m-me Жоффренъ, m-lle Леспинансъ и цѣлый рядъ безъименныхъ любительницъ просвѣщенія въ XVIII вѣкѣ.

Героиню комедіи *Философы*—Сидализу считали сначала за г-жу Жоффренъ. «Весь Парижъ такъ думалъ», говоритъ Палиссо,—и отрицаетъ вѣрность догадки, заявляя, что могъ бы доказать это стихами, выброшенными изъ пьесы, совершенно ясно обозначавшими оригиналъ Сидализы [22]. Изъ другого источника мы знаемъ,—Палиссо самъ указывалъ этотъ оригиналъ въ лицѣ графини де ла Маркъ, своей покровительницы [23]. Это не особенно удивляло современниковъ: неблагодарность была общепризнаннымъ свойствомъ Палиссо [24].

Сидализа—писательница, сочиняетъ книгу и хочетъ выпустить ее безъ имени. Она окружена философами, получаетъ *Энциклопедію*, которая,—говоритъ она, — «не должна покидать ея кабинета». У нея есть дочь — Розалія. Мать хочетъ ее воспитать въ правилахъ новой философіи и выдать замужъ за философа. «Забота, которую я принимала на счетъ вашего развитія», — говоритъ она дочери, — «въ особенности должна возбуждать вашу благодарность. Вотъ достойный предметъ, къ которому стремятся всѣ мои желанія: научить васъ думать, — вотъ чего я хочу. Поймите, какое счастье развивать свой талантъ, упиваться свѣтомъ философіи, разсѣевать ночь, окутывающую ваши чувства, освобождать умъ отъ гнета предразсудковъ» [25].

---

[22] *Oeuvres*. VII, 324.
[23] Favart. *Mémoires*. I, 47.
[24] *La vision de Charles Palissot*. (*Recueil des faceties parisiennes pour les six mois de l'an 1760*) p. 131. Cp. Barbier. *Chronique* VII, 250.
[25] *Les philosophes* I, 5.

Эту рѣчь могъ признать своей самый добросовѣстный философъ, — но Палиссо немедленно начинаетъ клеветать на философію: оказывается, — предразсудки, по понятію Сидализы—вообще голосъ чувства, любовь къ дочери, къ жениху. Сидализа выше всего этого и пишетъ книгу *Энциклопедія нравственности*, очевидно, напитавшись идеями настоящей *Энциклопедіи*. Въ такомъ же видѣ представлены и друзья Сидализы, — философы. Главный изъ нихъ Валеръ, женихъ Розаліи,—исповѣдуетъ хищные матеріалистическіе принципы въ общественныхъ отношеніяхъ. Одна изъ забавнѣйшихъ сценъ комедіи, представляетъ бесѣду Валера съ слугой. Философъ проповѣдуетъ полное презрѣніе къ законамъ. Слуга спрашиваетъ: «Слѣдовательно—все дозволено?»—«За исключеніемъ дѣйствій, вредныхъ вамъ и вашимъ друзьямъ... Все дѣло въ томъ, чтобы быть счастливымъ, какимъ путемъ — это все равно».—Слуга, наслушавшись такихъ правилъ хочетъ обобрать своего господина. На гнѣвный окрикъ Валера, онъ отвѣчаетъ: «личный интересъ—это скрытый принципъ, вдохновляющій насъ и управляющій всѣми существами». — «Какъ, измѣнникъ, обокрасть меня!» восклицаетъ философъ.— «Нѣтъ, оправдывается его ученикъ. «Я пользуюсь своимъ правомъ. Всякая собственность общая» [26].

Но ужаснѣйшій порокъ философовъ заключается въ безсердечіи и эгоизмѣ. Обвинителемъ является молодой человѣкъ Дамисъ, влюбленный въ Розалію и любимый ею. Онъ возмущается при одномъ словѣ *humanité*, произносимомъ Сидализой. «Это слово — *гуманность*», — говоритъ Дамисъ, «не внушаетъ мнѣ никакого уваженія. Его повторяютъ столько плутовъ, что, можно подумать,—они сговорились пустить его въ ходъ. И они въ этомъ дѣйствительно заинтересованы. Гуманность—почетная и удобная маска, скрывающая ничтожество ихъ чувствъ. Она придаетъ красивую внѣшность ихъ безсердечію. Я видѣлъ, какъ они постоянно чванятся этимъ

[26] II, 1. Именно эту сцену, говорятъ, внушила Палиссо принцесса Робеккъ.

словомъ и въ тоже время остаются равнодушными къ несчастнымъ. Вообще—откровенно говоря—я подозрѣваю что они любятъ человѣчество затѣмъ, чтобы въ сущности никого не любить».

Эта рѣчь—довольно точный отголосокъ уликъ, высказанныхъ Руссо противъ философіи во второй диссертаціи. Но въ той же сценѣ въ высшей степени чувствительный ударъ постигаетъ самого Руссо: «я иногда видѣлъ», говоритъ Дамисъ, забавное противорѣчіе —«самые горячіе поклонники философской системы — любятъ всю вселенную за исключеніемъ своихъ дѣтей»[27].

Идеямъ и личности женевскаго философа отведено вообще много мѣста. Сцена, возбудившая особенный восторгъ друзей автора, посвящена Руссо. Предъ зрителями появляется Криспэнъ, бывшій переписчикомъ у философа а теперь играющій роль его послѣдователя. Онъ входитъ на четвереньках. и обращаетъ къ присутствующимъ слѣдующую рѣчь: «я не справляюсь съ мнѣніями другихъ и вотъ счастливый результатъ моихъ размышленій... На этихъ четырехъ подпоркахъ тѣло мое держится гораздо лучше и я вижу менѣе глупцовъ, оскорбляющихъ мое зрѣніе... Сдѣлавшись цивилизованными, мы все утратили—здоровье, счастье и даже добродѣтель. Я поэтому возвращаюсь къ жизни животныхъ. Вотъ моя кухня, она—проста и экономна». Съ этими словами Криспэнъ вытаскиваетъ изъ кармана латукъ[28].

Но Палиссо хочетъ смягчить свою насмѣшку надъ идеями философа, будто чувствуя къ нему признательность за его вражду съ энциклопедистами. Тотъ же Криспэнъ пытается указать нѣсколько смягчающихъ обстоятельствъ для Руссо: «Я долженъ отдать ему справедливость — онъ никогда ни прибѣгалъ къ изворотамъ и интригамъ. Правда, онъ помѣшался на философіи, но въ сущности остался правдивымъ и искреннимъ. Одновременно—животное, мизантропъ и ци-

---

[27] II, 5.
[28] III, 9.

никъ, онъ, конечно, сумасшедшій, но въ своемъ родѣ единственный» [29].

Дидро также подвергается насмѣшкамъ, но уже безъ всякой пощады. Онъ является въ лицѣ Dortidius'а. Сидализа постоянно цитируетъ отрывки изъ драмы *Fils Naturel*, разносчикъ приноситъ на сцену произведенія Дидро [30]. Dortidius исповѣдуетъ низкіе принципы, ему принадлежитъ презрительное восклицаніе: «Fi donc! c'est se borner que d'être citoyen». Не пропускается и «семейная трагедія» — жанръ, предложенный Дидро.

Въ концѣ комедіи между философами поднимается ссора, они готовы броситься въ драку и одинъ изъ нихъ кричитъ: «Господа! не будемъ подражать педантамъ Мольера! Намъ вовсе не нужно уважать другъ друга, но благоразуміе тре-

---

[29] II, 6. Такъ говорилъ Криспэнъ въ первой редакціи комедіи. Впослѣдствіи, послѣ новой постановки пьесы на сценѣ *Com. Fr.* въ 1782 году, 20 іюня, авторъ принужденъ былъ нѣсколько измѣнить текстъ, слова *animal à la fois* замѣнены *Incrédule, dévot*. Сдѣлано это было послѣ необыкновенно бурнаго спектакля; публика заставила опустить занавѣсъ, когда Криспэнъ появился на четвереньках. *Животное*, очевидно, оказалось въ пьесѣ неумѣстнымъ, но вычеркивая такой сильный эпитетъ, авторъ вознаградилъ себя вновь сочиненной выходкой противъ философовъ, вставилъ стихи:

Ne peut—on pas gagner des acteurs, des actrices
Faire baisser la toile à force de clameurs.

Объ этомъ спектаклѣ намъ еще придется упоминать. Mouhy. *O. c.* Paris 1780, IV, 228. *Corresp. litt.* XIII, 158.—Desnoiresterres страннымъ образомъ по поводу характеристики Руссо открываетъ у Палиссо стремленіе— „racheter le passé et faire oublier les allusions des *Originaux.*" (*La com. Sat.* p. 126). Кромѣ стиховъ Desnoiresterres могъ бы въ своихъ интересахъ сослаться еще на письмо Палиссо въ *Journal de Paris* послѣ спектакля 20 іюня 1782 года; здѣсь Палиссо прямо заявляетъ, что уважалъ Руссо и что виноватъ одинъ Криспэнъ; онъ какъ лакей, утрируетъ идеи господина. Безъ всякихъ поясненій не трудно оцѣнить—искренность и дѣйствительный смыслъ этого оправданія.—Публика имѣла другой взглядъ на „искупленіе" Палиссо.

[30] Разносчикъ рекомендуетъ слѣдующія „философскія" сочиненія: *Bijoux indiscrets, Lettres sur les sourds, Père de famille, Discours sur l'inégalité.* Acte. III, 6.

буетъ, чтобы мы по возможности оставались друзьями. Мы импонируемъ публикѣ хорошими внѣшними отношеніями и мы погибли,--разъ мы поссоримся». Въ заключеніе философовъ постигаютъ несчастья одно за другимъ: на сценѣ готовится комедія противъ нихъ, и философію никто не защищаетъ—ни публика, ни власти, ни дворъ. Сидализѣ попадаетъ въ руки записка, въ которой одинъ изъ философовъ издѣвается надъ ея книгой: немедленно всѣ философы подвергаются изгнанію. Комедія заканчивается моралью. вложенной въ уста здравомыслящей служанки, Мольеровской Мартины: «Мы различаемъ мудрецовъ нашего времени,—изобличаемъ поддѣльныхъ и уважаемъ настоящихъ».

«Настоящимъ мудрецомъ» оставался попрежнему одинъ Вольтеръ. Палиссо немедленно послалъ въ Ферней свою пьесу съ обычными льстивыми изъявленіями чувствъ. Но книга оказалась еще хуже пьесы, –и на этотъ разъ возмутила Вольтера.

Палиссо написалъ предисловіе въ такомъ духѣ, что инспекторъ книжной торговли Мальзербъ запретилъ печатать. Но это, конечно, не помѣшало появиться брошюрѣ. Она вышла въ самый разгаръ гоненій на *Энциклопедію*, и Палиссо счелъ нужнымъ присоединить свой голосъ:—онъ нападалъ на деспотическую секту, пріютившуюся въ тѣни *Энциклопедіи* и поднявшую въ умахъ пожаръ вмѣсто того, чтобы распространять свѣтъ. Палиссо перечислялъ подробно преступленія энциклопедистовъ: безбожіе, матерьялизмъ,проповѣдь свободы. Автора особенно возмущаетъ могучее вліяніе энциклопедистовъ, ихъ «универсальная тираннія». *Энциклопедія* оказывается позоромъ націи, *энциклопедисты* — врагами государства, религіи и нравственности. Даже женщинамъ они внушили идеи анархіи и матеріализма, проникли во всѣ сословія и нашли сильныхъ поклонниковъ даже среди народа [31].

Въ подтвержденіе своихъ обвиненій Палиссо приводитъ выдержки изъ статей энциклопедистовъ,—вѣрнѣе сочиняетъ

[31] *Recueil des facéties parisiennes* p. 113—4.

нихъ. Изъ предисловія къ энциклопедіи цитируетъ слова, какихъ у Даламбера нѣтъ. Палиссо уличаютъ—онъ ссылается на ошибку переписчика. Палиссо выписываетъ статью *Gouvernement* и вставляетъ собственныя слова: «l'inégalite des conditions est un droit barbare», ссылается на книги, принадлежащія автору, не имѣвшему никакихъ отношеній къ *Энциклопедіи*, и приписываетъ его идеи энциклопедистамъ. Современникъ, наблюдающій за этой полемикой, замѣчаетъ: «Палиссо не достаетъ только храбрости на большія преступленія, чтобы сдѣлаться знаменитымъ въ лѣтописяхъ Гревской площади. Когда видите, какъ человѣкъ извлекаетъ цитаты изъ сочиненій другого съ цѣлью возбудить ненависть къ нему, говорите смѣло: «Это — мошенникъ»,— вы не ошибетесь» [32].

Съ такой же энергіей напалъ и Вольтеръ на своего поклонника. Онъ не имѣлъ ничего противъ насмѣшекъ надъ Руссо: женевскій гражданинъ оскорбилъ комедію,—естественно,—она мститъ ему. Но Вольтеръ возстаетъ противъ клеветъ Палиссо, направленныхъ на Дидро, заявляетъ свое право «быть причисленнымъ къ толпѣ бѣдныхъ философовъ, которые не перестаютъ составлять заговоры противъ государства и которые, конечно, причина всѣхъ несчастій». Вольтеръ считаетъ себя весьма виноватымъ въ философіи, слово *humanité* онъ употреблялъ особенно часто и одинъ изъ первыхъ. «Если послѣ этого», пишетъ Вольтеръ, «меня же не хотятъ называть философомъ, это—возмутительнѣйшая въ мірѣ несправедливость». Онъ протестуетъ противъ похвалъ, расточаемыхъ ему Палиссо за счетъ энциклопедистовъ. «Я вѣрю, что сочиняю стихи лучше ихъ и даже исторію знаю не хуже, но, клянусь Богомъ и моей душой, — во всемъ остальномъ я только ихъ ученикъ». Съ особенной рѣзкостью Вольтеръ осуждаетъ поддѣлку цитатъ. «Ваше сообщеніе», пишетъ онъ, «можетъ попасть въ руки принца, министра, чиновника, занятаго важными дѣлами, въ руки самой королевы,

[32] Grimm. IV, 275.

еще болѣе занятой судьбою бѣдныхъ и, по своему положенію, имѣющей мало досуга. Прочтутъ одно ваше предисловіе размѣромъ въ какой-нибудь листъ, не найдутъ времени справиться и сравнить ваши выдержки съ громадными произведеніями, которымъ вы навязываете эти отвратительныя теоріи, не сообразятъ, что авторъ теорій Ламетри, повѣрятъ, что предметъ вашихъ нападокъ—энциклопедистъ, и невинные могутъ пострадать вмѣсто преступника, теперь уже и не существующаго». Въ заключеніе Вольтеръ совѣтовалъ Палиссо—опровергнуть свои навѣты, заявить публикѣ, что онъ былъ введенъ въ заблужденіе [33].

Палиссо не послушался совѣта. На него со всѣхъ сторонъ посыпались брошюры. Особенное вниманіе публики обратили памфлеты подъ заглавіемъ *Les quand adressés au sr. Pallissot* и *La vision de Charles Palissot* — оба безъ имени авторовъ. Но аббатъ Морле, уже неоднократно защищавшій *Энциклопедію* оружіемъ сатиры и прозванный Вольтеромъ *l'abbé Mords—les*—объявилъ себя авторомъ второго памфлета, болѣе остроумнаго и болѣе популярнаго [34]. Оба памфлета разсказываютъ изъ жизни Палиссо крайне позорные эпизоды [35]. Морле, кромѣ того, подвергаетъ жестокому пори-

---

[33] *Recueil.* pp. 262—3.

[34] Первый памфлетъ принадлежитъ неизвѣстному автору заглавіе—*Les quand*—то же что у памфлета, написаннаго Вольтеромъ, но изданнаго анонимно,—противъ Помпиньяна: *Les quand, notes utiles sur un discours prononcé devant l'Académie, le 10 mars 1760.* Вторые *Les quand* врядъ ли принадлежатъ Вольтеру. Во всякомъ случаѣ,—они нашли мѣсто въ *Recueil des facéties*, который, несомнѣнно, изданъ Вольтеромъ. (Grimm. IV, 305; Bibliogr. Voltairienne, № 224). Морле издалъ цѣлый рядъ брошюръ противъ Помпиньяна. Въ своихъ *Mémoires* аббатъ писалъ: „J'imaginai qu'il fallait *faire passer* M. de Pompignan *par les* particules" (Desnoiresterres. *Voltaire* V, 428). Появились les *Si*, les *Pourquoi*. Тотъ же пріемъ былъ употребленъ и относительно Палиссо. О томъ, что *La Vision*—принадлежитъ Морле—*Lettres de M. de Voltaire et de M. D'Alembert*. I, 138.

[35] *Les quand* отличаются сильнѣйшимъ раздраженіемъ противъ Палиссо. Авторъ даже не допускаетъ мысли, что можно быть забавнымъ, говоря о доносчикѣ. *Recueilt*. p. 130.

цанію власти. Онѣ ради сатиръ на философовъ преступили обычные законы, онѣ не позволяютъ выводить на сцену лицемѣріе, развратъ, мошенничество и невѣжество, но благосклонно очищаютъ мѣсто нападкамъ на философію. Морле не щадитъ и актеровъ, которые деньги предпочли чести [36].

Авторъ и издатель брошюры были заключены въ Бастилію. «Морле», разсказываетъ современникъ, «произвелъ сильное впечатлѣніе на своихъ судей твердостью защиты. «Господа, сказалъ онъ, — вы спрашиваете, почему я выпустилъ эту брошюру? Я думалъ, — въ то время, когда позволяютъ разнузданнѣйшимъ нахаламъ чернить жестокими навѣтами безупречныхъ гражданъ, мнѣ также будетъ позволено по всей справедливости разоблачить зависть, злобу и ненавистныя козни ихъ преслѣдователей. Я счелъ своимъ долгомъ и честью націи — взять подъ защиту достоуважаемыхъ людей, и если справедливое негодованіе вызвало подъ моимъ перомъ слишкомъ рѣзкія краски,—развѣ могутъ законы осудить въ моемъ произведеніи то, что они терпятъ и даже повидимому поощряютъ въ комедіи *Философы*?» [37].

Вольтеръ, издавая статьи, вызванныя комедіей Палиссо, перепечаталъ также ея предисловіе и всѣ выходки автора отмѣтилъ крайне рѣзкими примѣчаніями: «какой нахальный доносъ», «какая жестокая публичная клевета!» Въ сборникъ вошли далеко не всѣ продукты на злобу дня. Аббатъ Куайэ въ томъ же году издалъ брошюру *Discours sur la satire* въ защиту философовъ и насчитывалъ *одиннадцать* произведе-

---

[36] Брошюра Морле написана въ забавно-патетическомъ тонѣ. Даламберъ сообщаетъ Вольтеру, что именно она расположила *les rieurs* въ пользу философовъ. О тонѣ памфлета можно судить по началу: „Et le premier jour de mois de Janus de l'an de grâce 1760, j'étais dans ma chambre, rue basse du Rempart, et je n'avais point d'argent.—Et madame de ** ne me payait plus, parce que je ne lui étais plus bon à rien, et je ne pouvais plus vendre ma ** parce que je l'avais déjà vendu plusieurs"... *Ib.* p. 131.

[37] Favart. *Mémoires*. I, 75. По словамъ Даламбера,—Морле попалъ въ Бастилью благодаря принцессѣ Робеккъ и просидѣлъ около двухъ мѣсяцевъ. *Lettres*. I, 123, 127.

ній, посвященныхъ комедіи [38]. Самъ Палиссо съ гордостью разсказывалъ, что его пьеса вызвала «едва вѣроятное количество гравюръ, памфлетовъ, критическихъ статей, апологій» [39]. Онъ возымѣлъ о себѣ самое высокое мнѣніе, открыто заявлялъ, что его талантъ особенно полезенъ для государства, и укорялъ литераторовъ, какъ они могутъ бояться философовъ и не бояться его, который всегда въ состояніи осмѣять ихъ со сцены [40].

Второстепенные драматурги немедленно воспользовались крайне популярной темой. Отмѣтимъ одну изъ этихъ сатиръ, любопытную тѣмъ, что она не въ примѣръ всѣмъ прочимъ, *противъ* Палиссо: *Les philosopphes manqués.* Здѣсь *Parterre*, какъ дѣйствующее лицо, обращаетъ такую рѣчь къ автору *Философовъ*: «Чтобы поднять на смѣхъ философовъ, вы забываете то, чѣмъ вы обязаны предъ законами, властями и предъ самой публикой, вы — безсмысленно и необдуманно ниспровергаете естественный порядокъ вещей» [41]. Вопросъ дня, перешелъ, конечно, и на бульварныя сцены, и даже здѣсь нашлись авторы, оцѣнившіе по достоинству усердіе Палиссо. Въ комической оперѣ сатирики давали совѣтъ — смѣяться надъ философами — *sublato jure nocendi*, т. е. не пользуясь своимъ оффиціальнымъ правомъ — вредить другимъ [42]. Несравненно больше произведеній, безусловно враждебныхъ философамъ. На сценѣ итальянскаго театра появилась комедія Poinsinet младшаго — *Le petit philosophe.* Цензоръ Кребильонъ не хотѣлъ пропускать ее, но снова вмѣ-

---

[38] Coyers выписываетъ заглавія всѣхъ этихъ произведеній. *Oeuvres.* Londres 1765, t. I.

[39] *Oeuvres.* VII, 320. Въ „Письмѣ къ авторамъ *драматическихъ анекдотовъ*“.

[40] *Corresp. litt* (Grimm), mai 1780, по поводу возобновленія сатиръ. Favart. *Mémoires.* I, 53.

[41] *Les phil. m.*, com. nouvelle. A criticomanie, chez la Satyre, rue des Bons-Avis, à la Verité! 1760. Авторъ — Brunet. Favart. *Ib.* p. 38.

[42] Op. com. *Le procès des ariettes et des vaudevilles*, шла на foire de S. Laurent. Favart. *Ib.* p. 31—4.

шался дворъ—пьеса была поставлена и вскорѣ напечатана, хотя автору стоило немалаго труда найти издателя [43].

На заглавной страницѣ нарисовано трое философовъ у стола, на которомъ лежитъ *Энциклопедія*, двое стоятъ съ кадильницами и надпись приглашаетъ клясться въ томъ, что «ученый долженъ презирать всѣ обычаи, отвергать всякое чувство и восхищаться только своими произведеніями». Въ предисловіи авторъ одобряетъ комедію Палиссо и самъ, въ свою очередь, хочетъ спасти юношей отъ увлеченія.

Герой комедіи напоминаетъ фонвизиновскаго Иванушку. Сынъ деревенскаго старосты шесть лѣтъ прожилъ въ столицѣ, вращался въ кругу философовъ, ни слова не писалъ родителямъ. Онъ пріѣзжаетъ домой, отецъ и мать хотятъ его обнять, — онъ возмущается «этими нѣжностями»: такъ могутъ поступать только сумасшедшіе или грубая чернь. «Хорошія чувства слѣдуетъ подавлять, очищать ихъ разсудкомъ. Лишь только они проявляются слишкомъ замѣтно, они становятся вульгарными, только чернь можетъ находить счастье въ чувственныхъ наслажденіяхъ». Родители предлагаютъ сыну посѣтить сеньёра,—юный философъ отвѣчаетъ: «мудрецъ не знаетъ ни обычаевъ, ни законовъ, ни достоинствъ, ни ранговъ, ни преимуществъ. Если бы я вѣрилъ, что кто нибудь имѣетъ права на меня, я проклялъ бы свое рожденіе. Люди равны при всемъ ихъ тщеславіи»... Даже вѣжливость философъ считаетъ позорной для геніальнаго человѣка. Авторъ къ этой рѣчи дѣлаетъ ссылку на какой то *Discours sur l'egalité des conditions*, не зная, вѣроятно, точнаго названія втораго разсужденія Руссо.

---

[43] *Le petit philosophe*, par—Poinsinet le jeune. Гриммъ пишетъ, что пьеса шла 14 іюля, на печатномъ изданіи стоитъ—4 іюля 1760 г. Объ авторѣ, носившемъ прозвище *le Mystifié*—всѣ источники разсказываютъ множество забавныхъ анекдотовъ, гдѣ главную роль играютъ необыкновенное легковѣріе и наивность драматурга. Къ мистификаторамъ принадлежалъ и Палиссо. Favart. *Ib*. p. 50—2. Нѣкоторые эпизоды передаетъ Du Bled. *La societé française avant et après 1789*. Paris. 1892 p. 199.

Дальше на сцену выступаетъ «личный интересъ», эгоизмъ философа, проповѣдь разврата невинной деревенской дѣвушкѣ, отрицаніе брака, обязанностей гражданина. Сынъ, наконецъ, старается посвятить отца въ свою секту и заставляетъ клятвенно обѣщать—пренебрегать знатными, но умѣть во́ время порабол̆ѣпствовать предъ ними, не признавать ни отечества, ни родителей, жить космополитомъ, восхищаться только иноземнымъ [44].

Во всей комедіи нѣтъ ни единой черты оригинальной: сплошные перепѣвы мотивовъ Палиссо. Это — характерный фактъ для сатиры антифилософскаго направленія. Самъ Палиссо воспользовался комедіей Мольера, его послѣдователи не выбьются изъ этого заколдованнаго круга. Давно извѣстныя черты будутъ постоянно проскальзывать въ ихъ произведеніяхъ, какія бы интриги они не изобрѣтали и какіе бы странные типы ни выдумывали. Обвиненія, направленныя противъ новыхъ идей, очень рѣдко отступаютъ отъ начертанной программы. Одновременно съ комедіей Poinsinet въ театрѣ маріонетокъ шло представленіе подъ названіемъ *Les philosophes de bois*. Главная жертва новаго сатирика—Дидро, осмѣивается его стиль, потомъ авторъ старается поднять на смѣхъ Морле и арлекинъ излагаетъ ученіе философовъ: нѣтъ ни слуги, ни господина, нѣтъ личной собственности, но за то есть личный интересъ. Героиня является на сцену на четвереньках и поясняетъ идеи Руссо на счетъ естественнаго состоянія и тлетворныхъ послѣдствій цивилизаціи [45].

Эти сатиры на философовъ появились до 20-го іюля 1760 года. Въ концѣ мѣсяца произошло событіе, которое должно было еще больше оживить сатирическую страсть и вызвать

[44] Сынъ убѣждаетъ отца (Sc. XII):

Jurez d'attester pour les grands
Une indifférence parfaite,
Mais de savoir aux bons moments
Leur faire en secret la courbette.

[45] *Les phil de bois*. Paris. 1760. Авторъ директоръ театра—Cadet de Beaupré.

новыя нападенія на философію. На сценѣ *Comédie Française* была поставлена комедія Вольтера—*L'Ecossaise* [46]. Комедія жесточайшій памфлетъ на одного изъ враговъ философіи—журналиста Фрерона

Пьеса раньше представленія была напечатана въ Женевѣ и въ короткое время «весь Парижъ ее зналъ наизусть». На ней не стояло имени Вольтера, комедія принадлежала будто бы англійскому писателю Юму, родственнику знаменитаго философа, и на французскій языкъ переведена нѣкіимъ Жеромомъ Карре. Цензоръ Кребильонъ потребовалъ измѣнить имя главнаго героя, и Вольтеръ вмѣсто *Frélon* поставилъ *Wasp*: и то и другое одинаково значило оса, перемѣны не произошло. Вольтеръ, кромѣ того, наканунѣ спектакля издалъ письмо къ «господамъ парижанамъ» и объяснилъ имъ значеніе англійскаго слова. Вмѣстѣ съ тѣмъ письмо переполнено оскорбительнѣйшими и совершенно прозрачными нападками на Фрерона, хотя написано отъ имени того же Карре. Хотѣло ли правительство показать безпристрастіе или сильнѣе разжечь литературныя междоусобицы,—комедія была представлена. Палиссо разсказываетъ, съ какой энергіей онъ старался выхлопотать у властей запрещеніе *Шотландки*. Онъ—авторъ *Философовъ*—убѣждалъ всѣхъ, какъ неприлично и безнравственно допускать на сцену такія пьесы [47]. Но представленіе состоялось съ такимъ успѣхомъ,

[46] По словамъ Гримма—первое представленіе состоялось—29 іюля, по словамъ Фавара—27-го,—въ изданіи соч. Вольтера (*Théâtre,* Paris, An IX, t. VIII)—въ августѣ, въ *Année littéraire*—26 августа. Это указаніе безъ всякихъ оговорокъ принимаетъ Lenient. *O. c.* II p. 78

[47] *Oeuvres.* Paris 1801. III p. 384: „J'étais et je suis bien croire, qu'on peut mettre sur une même ligne cette comédie et celle des Philosophes".—*L'Ecossaise* была не первой драматической сатирой Вольтера. Въ 1738 г. онъ написалъ комедію *L'Envieux* противъ предшественника Фрерона по литературной дѣятельности—аббата Дефонтэна. Аббатъ поднялъ на смѣхъ разносторонность талантовъ Вольтера, когда тотъ издалъ *Les Eléments de Newton*. *Zoïlin*—герой комедіи „Чудовище всѣхъ пороковъ" долженъ былъ воплотить критика. M-me du Châtelet настояла, чтобы пьеса не была поставлена на сценѣ. Кромѣ того актеры отказались принять ее, не зная имени автора. Desnoiresterres. *Voltaire.* II p. 174.

на какой никто не разсчитывалъ и менѣе всего авторъ. Очевидецъ пишетъ: «Ни одно произведеніе Вольтера не было принято съ такимъ восторгомъ. Каждое слово апплодировали и ногами и руками, въ особенности все, что относилось къ Фрерону... Г-жа Фреронъ, занявшая мѣсто въ первомъ ряду амфитеатра, чтобы своей красивой фигурой поощрять сторонниковъ мужа, едва не упала въ обморокъ. Одинъ мой знакомый, сидѣвшій рядомъ съ ней, сказалъ: «Не безпокойтесь, сударыня, личность Вэспа нисколько не похожа на вашего мужа. М-г. Фреронъ не клеветникъ и не доносчикъ».—«Ахъ! воскликнула она наивно,— что ни говорите, а его всегда признаютъ»[48]. Вольтеръ изумлялся такому успѣху и писалъ къ Аржанталю: если бы онъ зналъ объ этомъ впередъ, онъ бы гораздо больше поработалъ надъ пьесой; теперь ему приходится терпѣливо сносить ея успѣхъ [49].

Пьеса, дѣйствительно, очень слаба во всѣхъ отношеніяхъ, даже по остроумію она не дѣлаетъ особенной чести Вольтеру. Публика привѣтствовала ее восторженно не за ея достоинства, а за нападки на Фрерона, безпримѣрныя по своей рѣзкости. Фреронъ пользовался совершенно установившейся репутаціей: былъ любимымъ авторомъ при дворѣ, въ городѣ слылъ за сикофанта и продажнаго критика, всегда находилъ покровительство въ высшихъ сферахъ, даже у королевы [50]. Фреронъ платилъ своимъ покровителямъ неустаннымъ преслѣдованіемъ энциклопедистовъ. Его журналъ *Année litteraire* переполненъ пасквилями на философовъ, часто до такой степени грубыми, что даже правительство принуждено было пріостановить журналъ Фрерона за пасквиль на Даламбера [51]. Дидро былъ обвиненъ въ плагіатѣ по поводу драмы *Fils Naturel* [52], но чаще всего преслѣдовался

---

[48] Favart. *Mémoires*. I, письмо отъ 28 іюля 1760 года.

[49] Lenient. *O. c.* p 72.

[50] La Harpe. *Corresp. litt.* III, 83.

[51] *Corresp. litt.* (Grimm). f. 1755.

[52] *Mém. secr.* 30 sept. 1771. Дидро вполнѣ успѣшно защитилъ оригинальность своей драмы.

Вольтеръ. По выраженію единомышленника Фрерона — онъ слѣдилъ за Вольтеромъ, какъ голодный песъ, какъ полицейскій шпіонъ и разоблачалъ его заимствованія изъ иностранныхъ литературъ [53]. Съ тою же цѣлью Фреронъ защищалъ французскій переводъ Шекспира — не столько ради англійскаго поэта, сколько изъ вражды къ Вольтеру. Преслѣдованія Фрерона не ограничивались литературными вопросами: онъ напалъ на Вольтера по поводу дѣла Каласа, причемъ доказывалъ законность приговора надъ Каласомъ [54]. Статьи такого рода носили характеръ доноса, — и раздраженіе Вольтера—совершенно естественно. Вскорѣ послѣ перваго представленія Вольтеръ написалъ *Avertissement* — разсказъ объ успѣхахъ своей комедіи. Фреронъ назывался прямо по имени—*F.*— вмѣстѣ съ своимъ журналомъ *L'Année littéraire* и приводилось письмо какого-то лорда къ Юму, убѣждавшее автора подвергнуть общественному суду всѣхъ «подлыхъ гонителей литературы» и «клеветниковъ добродѣтели», тайно интригующихъ противъ философовъ. Вольтеръ не пощадилъ даже супруги Фрерона. Она будто бы послѣ перваго представленія *Шотландки* поцѣловала автора и поблагодарила за сатиру на ея мужа. Раздраженіе Вольтера не ослабѣвало до глубокой старости. Во время болѣзни онъ писалъ, что согласенъ идти въ чистилище, если только Фрерона пошлютъ въ адъ [55].

Друзья патріарха не раздѣляли его злобы. Они съ сожалѣніемъ видѣли, что великій человѣкъ удостоиваетъ сатиры продажнаго пасквилянта. Такъ думали въ кругу энциклопе-

---

[53] *Testament politique de M. de V.* *** A Genève. 1778. Безъ имени автора, брошюра *Bibl. Nat.*—Marchand. p. 51. Особенно обильны обвиненія Вольтера въ плагіатѣ были во время редактированія Фрерономъ *Journal Etranger* въ 1755 году —очень кратковременнаго: сами издатели отняли у него редакцію.

[54] *Année littéraire* 1763, III, p. 147.

[55] „Il fut barbouillé de deux baisers par la femme de F. Que je vous suis obligée, dit-elle, d'avoir puni mon mari. Mais vous ne le corrigerer pas". *Théâtre de V.* VIII, 15. Письмо къ Палиссо у Lenient. *O. c.* p. 80.

дистовъ и всюду, гдѣ умѣли цѣнить Вольтера и Фрерона [56]. Искреннѣйшіе поклонники Вольтера не скрывали, кромѣ того, до какой степени слабо его новое произведеніе.

Фрелонъ эпизодическое лицо пьесы. Дѣло идетъ о примиреніи двухъ знатныхъ шотландскихъ фамилій. Представитель одной изъ нихъ лордъ Монрозъ долженъ бѣжать изъ отечества и скрываться въ Англіи. Его дочь въ такомъ же положеніи, но въ нее влюбленъ молодой лордъ Муррэй,— сынъ врага лорда Монроза. Примиреніе фамилій должно завершиться бракомъ. Фрелонъ среди этихъ лицъ играетъ роль шпіона и пасквилянта. Комедія открывается его монологомъ. Фрелонъ жалуется на правительство, дурно награждающее его заслуги: одинъ получилъ награду за то, что исполнилъ свой долгъ, другой за изобрѣтеніе машины, облегчающей трудъ рабочихъ. А онъ, Фрелонъ, изводящій бумаги больше, чѣмъ кто-либо, расточающій похвалы глупцамъ и клевету—талантамъ—едва имѣетъ чѣмъ жить.

На эту рѣчь даже преданный читатель Вольтера замѣтилъ, что еще никто такъ глупо не говорилъ съ самимъ собой [57].

Фрелонъ съ первой же встрѣчи съ Монрозомъ посвящаетъ его въ тайны своего ремесла: требуется ли расхвалить пріятеля, опозорить врага, выдвинуть или погубить автора — статейка будетъ стоить всего одну пистоль. Фрелонъ можетъ также устроить какое угодно знакомство. Монрозъ восклицаетъ въ отвѣтъ. «И васъ еще не показывали публикѣ въ желѣзномъ ошейникѣ толщиною вершка въ четыре?» — Фрелонъ отвѣчаетъ: «Вотъ человѣкъ, который не любитъ литературы».

Фрелонъ за плату рѣшается на политическій доносъ противъ молодой дѣвушки, совершаетъ его самыми низменными путями, при помощи «любовницы лакея перваго секретаря министра», и оправдываетъ себя такимъ соображеніемъ: «что

---

[56] Grimm, IV, 276. Пиронъ также находилъ, что Вольтеръ унижалъ свое достоинство, нападая на Фрерона.

[57] Acte I, Sc. 2. Гриммъ. *Ib.*

такое истина? Нѣчто согласное съ нашими идеями. Но то, что говорятъ, всегда согласно съ мыслями, выражаемыми въ бесѣдѣ. Слѣдовательно, въ сущности нѣтъ лжи». На это лэди, только что подкупившая Фрелона замѣчаетъ: «Вотъ, признаться, самый безстыдный и самый подлый плутъ во всѣхъ трехъ королевствахъ. Наши собаки кусаютъ по инстинкту отваги, а онъ — по инстинкту низости». Репутація Фрелона — «шпіонъ, безчестный человѣкъ и плохой писатель», но онъ утѣшается сознаніемъ, что «всѣ его поносятъ и въ то же время даютъ денегъ»:—этого вполнѣ достаточно.

Фрелонъ больше всего терпитъ отъ хозяина кафе,—Фабриція. Фигура эта очень искусно разсчитана на сочувствіе партера. Фабриції рекомендуетъ себя «человѣкомъ изъ народа» (un homme du peuple), у него чувствительное сердце, простая безкорыстная натура, — Фрелонъ ненавистенъ ему, какъ честному и незлобивому труженику. Фабрицій отказывается брать деньги за комнату съ бѣдной безпріютной дѣвушки, настаиваетъ, чтобы она получала у него обѣдъ, и плачетъ отъ умиленія предъ ея мужествомъ и добродѣтелью: «Вы можете презирать мое общественное положеніе», но вы должны уважать мою честность» [58]. Демократическій партеръ не могъ равнодушно слышать такія рѣчи и Вольтеръ въ уста именно Фабриція вложилъ злѣйшія свои нападки на Фрерона. Партеръ долженъ былъ вдвойнѣ апплодировать Фабрицію и совершенно не замѣтилъ, что роль Фрелона легко можно выбросить изъ пьесы: такъ не искусно она прицѣплена къ интригѣ. Фреронъ, конечно, не молчалъ. По поводу спектакля онъ напечаталъ въ своемъ журналѣ *Сатирическій отчетъ о великой битвѣ* и предпринялъ рядъ пасквилей во всевозможныхъ формахъ: правительство, пишетъ современникъ, въ награду дозволило Фрерону какія угодно выходки. На сценѣ Комической оперы появились *Les nouvaux calotins* съ самыми откровенными личными клеветами на философовъ. Въ другихъ сатирахъ философы назывались

[58] Acte II, 1.

прямо по именамъ. Исключительно Вольтеру посвящено нѣсколько сатиръ. *L'oracle des philosophes*, *Anatomie du cerveau de Voltaire*: цензура, по словамъ современниковъ, не смѣетъ ихъ не пропускать [59]. Въ такомъ положеніи относительно пасквилей на философовъ цензура останется до конца столѣтія, пока сама публика, наконецъ, не перестанетъ терпѣть подобныхъ пьесъ.

Проходитъ рѣдкій годъ безъ комедіи противъ философовъ,— и появленіе сатиры всегда сопровождается вѣрноподданическими восторгами героевъ патріотизма съ Палиссо во главѣ. Въ 1764 году заболѣваетъ г-жа Помпадуръ. Выздоровленіе ея Палиссо привѣтствуетъ стихами, невѣроятными даже для такого пѣвца. Современники изумляются, какъ «сатирическая дерзость» можетъ уживаться съ такой «низкой лестью».— «Вы слишкомъ дороги Франціи», писалъ Палиссо, «дороги богамъ искусства и любви, чтобы можно было опасаться за роковой исходъ. Всѣ боги бодрствовали надъ вашими днями, всѣ были воодушевлены горячимъ усердіемъ, всѣ летѣли на помощь къ вамъ и спасли васъ» [60]. Одновременно съ этимъ гимномъ появились два пасквиля на энциклопедистовъ: *Le fanatisme des philosophes* и *Le cercle ou la soirée à la mode*— Poinsinet, автора уже второй сатиры на философію.

Палиссо находился въ дружескихъ отношеніяхъ съ Poinsinet, но въ своемъ *Доносѣ честнымъ людямъ* на *Энциклопедію*, разсказалъ, какъ возникъ *Cercle*. Poinsinet рѣшилъ выкрасть сцены безъ разбору изъ чужихъ пьесъ и провести такимъ путемъ составленное произведеніе на сцену, какъ новость. Никто не повѣрилъ успѣху, но актеры *Comèdie Française* оказались на сторонѣ оригинальнаго автора, и пьеса была поставлена [61]. На сценѣ — чувствительная дама и поэтъ-

---

[59] Grimm. IV, 300. Favart. *Mém.* p. 211.

[60] *Mém. secr.* 5 окт. 1764. Здѣсь же приведены стихи.

[61] *Dénonciation aux honnêtes gens.* 1769. Написано по поводу статьи *Энциклопедіи—Parade*, гдѣ къ этому жанру причислены *Le cerile* и *Les philosophes*. О Poinsinet p. 39.

драматургъ новаго направленія. Дама у себя горько оплакиваетъ умершаго чижа, изъ театра часто возвращается съ заплаканными глазами: такъ ее трогаютъ новыя драмы. Авторъ ихъ изображается, конечно, въ самомъ жалкомъ видѣ: онъ и глупъ, и болтливъ, и невѣжественъ.

Poinsinet прибѣгаетъ къ обычной передержкѣ сатириковъ своего толка. Онъ новое направленіе литературы обвиняетъ во враждѣ къ природѣ, къ искреннему чувству, въ равнодушіи къ народу, къ деревнѣ. На сцену выведенъ баронъ—сельскій хозяинъ, отецъ своихъ крестьянъ и ненавистникъ парижскаго свѣта и философіи. Такое поведеніе и образъ мыслей барона не только заслужили бы единодушную признательность философовъ, но какъ увидимъ ниже, именно такіе аристократы являлись идеальными героями у новыхъ драматурговъ. Poinsinet этого не могъ не знать, но въ передержкѣ заключалось все спасеніе сатиры [62].

Въ то время, когда Вольтеръ почтеннаго буржуа изображаетъ врагомъ Фрероновъ,—въ другомъ лагерѣ сговорились враговъ философіи считать единственно почтенными людьми, а философовъ отождествлять съ мольеровскими gredins [63]. Естественная простота, открытый честный характеръ, искреннее глубокое чувство, все это отрицалось у проповѣдниковъ новой мысли и противоставлялось ихъ свойствамъ, какъ нѣчто враждебное и чуждое. Въ то время, когда вождь философовъ всю жизнь словомъ и дѣломъ велъ борьбу за гуманность и терпимость, глава энциклопедистовъ основалъ новую драму на чувствѣ и семейныхъ добродѣтеляхъ, Руссо только и бредилъ природой и естественной простотой,—на сценахъ не переставали раздаваться противъ философовъ обвиненія въ равнодушіи къ человѣческимъ несчастіямъ, въ спокойномъ замкнутомъ эгоизмѣ, въ нарушеніи правъ чувства и

---

[62] *Le cercle ou la soirée à la mode.* Paris 1770, sc. V, XII.

[63] Даже была написана спеціальная комедія въ 5 актахъ, доказывающая, что почтенные люди—въ родѣ патріота Belloy и его друзей маркизовъ—истинные философы. *Le vrai philosophe,* par Araignon. 1767.

семейныхъ отношеній, въ презрѣніи ко всему естественному. Въ то время, когда новые писатели заслугу свою полагали въ просвѣщеніи и исправленіи возможно обширнѣйшаго круга читателей и зрителей, когда стремились искусство преобразовать на демократическихъ и народныхъ основахъ, когда новые драматурги съ Вольтеромъ во главѣ посвящали свои произведенія защитѣ деревни, крестьянъ, ихъ человѣческаго достоинства и ихъ правъ,—этихъ писателей уличали въ презрѣніи къ народной жизни, въ отсутствіи гражданскаго чувства, въ возмутительномъ раболѣпствѣ предъ чудаками-аристократами и богачами, по глупости или по капризу увлеченными философіей. Палиссо открыто поддѣлывалъ цитаты изъ произведеній энциклопедистовъ и приписывалъ философамъ всѣ дикія идеи, кѣмъ бы то ни было высказанныя: это онъ искренне называлъ—«доносить честнымъ людямъ». Той же самой поддѣлкой занимались *всѣ* сатирики, слѣдовавшіе за Палиссо, и даже тѣ, кто причислялъ Палиссо къ «литературнымъ разбойникамъ». *Философъ* въ сатирѣ XVIII вѣка—личность фантастическая, гораздо меньше похожая на оригиналъ, чѣмъ Сократъ *Облаковъ* походилъ на Сократа въ дѣйствительности. Даже Детушъ, равнодушный къ успѣхамъ просвѣтительной философіи, счелъ долгомъ совѣсти протестовать противъ злоупотребленій враговъ новыхъ философовъ. Въ его комедіи *Le philosophe marié* — представитель старины громитъ философовъ обычными упреками. Молодой герой комедіи отвѣчаетъ ему: «Умѣрьте вашу несправедливую ярость. Вы, какъ я вижу, жертва общаго заблужденія. Вы воображаете педанта, а не философа» [64]. И всѣ сатирики, вдохновляясь Мольеромъ, поступали именно какъ старикъ Детуша,—только конечно, совершенно сознательно, разсчитывая на простоту публики. Другой пріемъ— одинаковой нравственной цѣнности, — сатирики осмѣивали уродливыхъ послѣдователей новыхъ идей. Такіе, конечно, были въ XVIII вѣкѣ, какъ бывали вездѣ и всегда у всѣхъ

[64] Acte IV, sc. 3.

реформаторовъ,—а между тѣмъ—подъ покровомъ всевозможныхъ извращеній—враги философіи стремились развѣнчать самихъ просвѣтителей. Сатиры были направлены на опредѣленныхъ личностей, и имена философовъ не всегда даже прикрывались легкимъ покровомъ. Это — большой промахъ сатириковъ. Защитника Каласа привѣтствовали крестьяне захолустныхъ деревень, а фернейскіе поселяне поклонялись ему: трудно было какому-нибудь Фрерону убѣдить парижанъ, что Вольтеръ — чудовище эгоизма и безбожникъ. Издателя *Энциклопедіи* знали за образованнѣйшаго, остроумнѣйшаго и за добродушнѣйшаго человѣка, — и только Палиссо могъ воображать, что Дидро признаютъ въ его Dortidius'ѣ. Нападки на Руссо съ теченіемъ времени также утрачивали всякій смыслъ. Популярность его произведеній быстро росла и поддерживалась попеченіями духовенства и парламента. *Contrat social* становился настольной книгой въ провинціи, а романы вызывали энтузіазмъ даже у людей, въ другихъ случаяхъ довольно равнодушныхъ къ философіи. При такихъ условіяхъ Палиссо предстояло вскорѣ встрѣтить энергичнѣйшій отпоръ со стороны того самого партера, откуда онъ бралъ своихъ почтенныхъ людей—враговъ философіи. Но пока онъ не переставалъ идти своимъ путемъ и на каждомъ шагу встрѣчать помощниковъ и покровителей.

Въ его претензіи на роль Аристофана увѣровали до такой степени, что цензура сначала запретила трагедію Савиньи— *La mort de Socrate*, а потомъ потребовала выбросить изъ пьесы мѣста, невыгодныя для Аристофана [65]. Неистощимый въ интригахъ, Палиссо изобрелъ, наконецъ, необыкновенно хитрую ловушку для философовъ. Онъ написалъ комедію *Le satirique*, изобразилъ героя, врага философіи въ неблаговидномъ свѣтѣ — интриганомъ и клеветникомъ и обратился къ вліятельному аббату Воузенону—съ просьбой—не допускать

---

[65] О выброшенномъ монологѣ противъ Аристофана. *Mém. secr*, 14 mars 1763. Нападокъ на Аристофана дѣйствительно нѣтъ въ печатномъ изданіи. *La mort de Socrate*. Paris 1763.

комедіи на сцену. Аббатъ принялся хлопотать совершенно серьезно, и комедія была запрещена. Палиссо страшно огорчился: онъ ожидалъ, что философы будутъ настаивать на представленіи пьесы. Теперь онъ «со слезами» открылъ тайну Воузенону и умолялъего походатайствовать снова, въ другомъ направленіи. Аббатъ отказался. Палиссо бросился къ начальнику полиціи—Сартину. Но тотъ не чувствовалъ къ философамъ никакой вражды, даже поддерживалъ съ ними отношенія и, переслалъ комедію Палиссо къ Дидро на его усмотрѣніе. Пьеса, конечно, осталась подъ запрещеніемъ и только спустя двѣнадцать лѣтъ, по указаніямъ свыше, появилась на сценѣ въ годъ необыкновенно изобильный сатирами на философовъ [66].

Герой комедіи—Валеръ иначе называется «опаснымъ человѣкомъ» – *l'homme dangereux*. Онъ хочетъ жениться на Юліи, воспитанницѣ старика, увлеченнаго философіей. Въ Юлію влюбленъ философъ Дорантъ. Оба героя не отстаютъ другъ отъ друга въ злостныхъ выходкахъ противъ философіи. — Валеръ поноситъ философовъ безъ всякихъ оговорокъ и, несомнѣнно, мѣтитъ въ энциклопедистовъ. «Они стремятся исправить нравы при помощи разума, считаютъ себя призванными преобразовать вселенную. Они объявили войну предразсудкамъ, ничтожные темные педанты думаютъ просвѣтить міръ и управлять государями». Дорантъ тоже нападаетъ на философовъ, но на «ложныхъ», современныхъ философовъ очень опасныхъ и хитрыхъ: самъ онъ — «истинный» философъ. Такимъ образомъ Палиссо поражаетъ противниковъ съ двухъ сторонъ. Валеръ выпускаетъ памфлетъ на воспитателя Юліи и оговариваетъ Доранта. Старикъ въ свою очередь декламируетъ противъ «современныхъ сократовъ» — совершенно ясный намекъ, въ виду признанной оффиціально роли Палиссо, какъ Аристофана энциклопедистовъ. Но удивительнѣе всего, что Валеръ, врагъ философіи, обѣщая своей служанкѣ литературную славу, говоритъ: «Парижъ перепол-

[66] Въ маѣ 1782 года. Объ указанія свыше гов. *Corresp. litt.*

менъ осами – *Frêlons*, отвратительнымъ отбросомъ литературы, этой клеветнической позорной шайкой, которую вербуютъ среди лакеевъ»[67]. Палиссо въ своихъ запискахъ съ гордостью разсказываетъ, что послѣ представленія комедіи *l'Ecossaise* онъ не послѣдовалъ «подлости нѣкоторыхъ литераторовъ» и не покинулъ Фрерона[68]. Теперь онъ подвергаетъ того же Фрерона брани, нисколько не уступающей пьесѣ Вольтера, столь, по мнѣнію Палиссо, неприличной и безнравственной. Но Палиссо на этомъ не остановился. Ему скоро удалось написать пьесу, которая своимъ содержаніемъ возмутила даже актеровъ, и они отказались поставить ее.

Палиссо началъ процессъ, заявляя, что наблюдать за нравственностью дѣло полиціи, а не актеровъ, и издалъ брошюру, назвавъ по именамъ актеровъ и актрисъ, возставшихъ противъ его комедіи. Палиссо нашелъ сильныхъ защитниковъ среди духовенства. Архіепископъ парижскій обрадовался, что въ комедіи герой, слывущій подъ именемъ философа, играетъ позорную роль, и нашелъ комедію очень поучительной для общественной нравственности: въ ней разъяснялось, до какого паденія можетъ довести свобода отъ предразсудковъ, проповѣдуемая *Энциклопедіей*[69].

Комедія носитъ названіе: *Les courtisanes ou l'école des moeurs*. Герой философъ научаетъ своего юнаго неопытнаго друга стать выше предразсудковъ и тотъ влюбляется въ дѣвушку изъ простаго сословія. Но скоро разочаровывается въ ея нравственности и отказывается отъ женитьбы на ней. По настояніямъ духовенства пьеса появилась на сценѣ *Comédie française*. Этотъ фактъ заслуживаетъ особеннаго вни-

---

[67] Acte II, sc. 2:

Paris regorge de Frêlons,
De la littérature importuns avertons
Médisante recrue à l'opprobre livrée,
Et dont les candidats sont pris dans la Livrée.

[68] *Oeuvres*. Ed. 1809, III, 384.

[69] *Mém. secr.* брошюру называетъ пасквилемъ. 17 avr. 1775. Здѣсь же о вмѣшательствѣ архіепископа, — 13 avr.

манія. Оказывалось, философія не только прямыми усиліями поднимала общественное значеніе театра, но, благодаря ей, исконные враги драматическаго искусства принуждены были поощрять представленія, проповѣдывать чужими устами съ болѣе влiятельной и популярной каѳедры, чѣмъ церковная, и даже церковныя проповѣди, какъ мы видѣли, — заимствовать изъ произведеній нечестиваго учрежденія. Драматургъ и представленіе его пьесы подъ защитой духовенства вопреки актерамъ и публикѣ, — въ началѣ XVIII вѣка совершенно невѣроятная комбинація стала возможной въ эпоху ожесточенной борьбы съ новой мыслью всѣхъ представителей отживающаго порядка. Противоестественный союзъ театра и церкви свидѣтельствуетъ о критическомъ положеніи могущественнѣйшей основы стараго общества и государства, о неудержимомъ распространеніи вѣры въ новые идеалы и,—что важнѣе всего, — о паденіи авторитета старыхъ борцовъ въ общественномъ мнѣніи и о сознаніи самихъ борцовъ, насколько безполезны старые пути и обычныя средства борьбы.

II.

Исторія Палиссо—какъ бы ничтоженъ ни былъ этотъ авторъ со всѣми его произведеніями—въ высшей степени поучительна для оцѣнки важнѣйшаго момента философской пропаганды. Общественное мнѣніе признано оффиціально самой властью и даже оцѣнена сила этого мнѣнія и важность его при современномъ политическомъ положеніи. Власть начинаетъ сомнѣваться въ безусловномъ значеніи внѣшнихъ воздѣйствій. Она приходитъ къ сознанію, что пора *пресѣченій* и *наказаній* миновала, цѣлесообразнѣе будетъ *убѣждать* и *разъяснять*. Цензоры и тюремщики по прежнему продолжаютъ играть большую роль въ борьбѣ съ идеями, но рядомъ съ ними на помощь призвана другая сила, лишенная всякаго традиціоннаго авторитета, по существу тождественная съ той силой, противъ которой предстояло бороться. Борьба происходитъ на открытой аренѣ, исходъ ея зависитъ

исключительно отъ силы и искусства борцовъ, отъ силы нравственной и культурной, а не традиціонной и матеріальной, отъ искусства, подлежащаго оцѣнкѣ публики, а не безпрекословнымъ воззрѣніямъ правительства. И эта перемѣна создана вновь народившейся властью—общественнымъ мнѣніемъ. Раньше можно было заключить въ Бастилію автора, издателя и продавца, даже нѣкоторыхъ читателей, — но теперь во всѣхъ отношеніяхъ такая мѣра—безполезна. Правда, — полиція неоднократно препровождаетъ партеръ прямо изъ театра въ тюрьму, — но на слѣдующій день въ театрѣ появляется новый совершенно такой же партеръ и даже еще болѣе энергичный и смѣлый. Можно запретить и сжечь сколько-угодно явно-либеральныхъ пьесъ, но тотъ же партеръ сумѣетъ Расина превратить въ политическаго поэта и на представленіи его невиннѣйшей трагедіи—устроитъ настоящій миттингъ. Оставалось сговориться съ этимъ партеромъ и воспользоваться не аббатами и епископами, которыхъ онъ давно не уважаетъ, — а писателями. Судъ надъ новыми идеями пришлось перенести изъ парламента на театральную сцену. Путь вѣрный уже потому, что единственный. Но на несчастье правительства и духовенства въ распоряженіи ихъ оказались критики, безконечно уступавшіе талантами и личнымъ авторитетомъ своимъ врагамъ. Палиссо и Фреронъ, вѣроятно, не привлекли бы вниманія современниковъ и совершенно не интересовали бы потомство, если-бы ихъ имена не были связаны съ именами энциклопедистовъ. Но ихъ дѣятельность не будетъ забыта потому, что обозначаетъ переломъ въ вѣковой системѣ и, чѣмъ ничтожнѣе эти имена, чѣмъ ниже и предосудительнѣе дѣятельность, тѣмъ ярче характеризуется переломъ и тѣмъ легче судить объ его значеніи. Если на сторонѣ новаго Вольтеры, Дидро, Даламберы, Руссо, а старое защищается Фреронами, Палиссо, Poinsinet, Дора, — приговоръ заранѣе подписанъ и борьба представляетъ только картину агоніи одной изъ сторонъ.

Палиссо закончилъ свою сатирическую дѣятельность одноактной пьесой, написанной по случаю пріѣзда Вольтера въ

Парижъ, — *Le triomphe de Sophocle.* Авторъ разсчитывалъ поставить ее на сцену вмѣстѣ съ трагедіей Вольтера *Irène*— въ торжественномъ спектаклѣ, данномъ въ честь Вольтера. Актеры отказались, и на этотъ разъ совершенно основательно. Самъ Палиссо впрочемъ объясняетъ отказъ невозможностью выучить роли въ слишкомъ короткій срокъ, остававшійся до спектакля [70]. Въ пьесѣ описывается тріумфальное шествіе Софокла въ Ареопагъ. Слава поэта возбуждаетъ зависть у его мнимыхъ друзей и одинъ изъ нихъ Никій, потерявъ терпѣніе, восклицаетъ: «я умираю отъ досады и смущенья». Подъ Никіемъ Палиссо разумѣлъ Даламбера, не выносившаго будто бы славы Вольтера [71]. Въ посвященіи Палиссо самъ объяснилъ, что его Софоклъ—Вольтеръ, что онъ, авторъ, не принадлежитъ ни къ какой партіи, и поэтому клеймитъ Никіевъ—завистниковъ Вольтера... Легко представить положеніе Вольтера, если-бы въ его присутствіи на сценѣ появился этотъ «безпристрастный», «драматическій діалогъ», унижающій одного изъ его любимѣйшихъ друзей, которому онъ незадолго до смерти и всего за нѣсколько дней до представленія *Ирэны* писалъ: «я хочу умереть, просвѣщая себя вмѣстѣ съ вами и служа вамъ [72]).

Спустя четыре года Палиссо снова выступилъ на сцену,— на этотъ разъ во всеоружіи своего таланта. По волѣ правительства на сценѣ шли его пьесы—одна за другой. Сначала поставили *Le satirique*, потомъ *Les philosophes* и *Les Courtisanes*. Представленіе *Философовъ* сопровождалось цѣлой бурей. Сначала публика довольно терпѣливо слушала пьесу, но, когда Криспэнъ появился на четверенькахъ, партеръ пришелъ въ страшное негодованіе при видѣ оскорбленія, наносимаго памяти Руссо. Публика поднялась на ноги и требовала прекращенія спектакля. Занавѣсъ опустили, но въ антрактѣ былъ введенъ въ партеръ отрядъ полицейскихъ и съ

---

[70] *Le tromphe de Sophocle. Oeuvres compl.* Londres 1779, t. VII.
[71] *Corresp. litt.* 7 jn. 1778.
[72] Письмо отъ 19 марта. *Lettres.* II, 314.

ихъ помощью представленіе довели до конца. На слѣдующій день Палиссо напечаталъ въ *Journal de Paris* заявленіе, что онъ лично уважаетъ Руссо, а слуга могъ утрировать идеи господина. Но все-таки сатирику пришлось «выбросить вслѣдствіе интриги», по его словамъ, необыкновенно комическую сцену, одинъ изъ «геніальныхъ штриховъ». Онъ не простилъ этой жертвы и вставилъ въ комедію новые стихи. Философы, угрожаемые комедіей, составили будто бы заговоръ — съ цѣлью прекратить ненавистный спектакль. На слѣдующемъ представленіи публика не обратила вниманія на эту выходку, но заставила повторить стихи, въ которыхъ говорится о честности и искренности Руссо, и актеръ съ особенной силой произносилъ эти стихи [73].

Въ послѣдній разъ имя Палиссо встрѣчается уже въ эпоху революціи. Въ Апрѣлѣ 1791 года онъ вздумалъ напасть на актеровъ за неудачное представленіе одной пьесы Ж. Шенье. Актеры быстро переродившіеся подъ вліяніемъ событій, отвѣчали письмомъ такого содержанія: Палиссо — обманщикъ, Палиссо безчеститъ литераторовъ, принадлежа къ ихъ обществу, и странно, что на старости лѣтъ онъ сталъ защитникомъ писателей, будучи въ продолженіе всей жизни ихъ бичомъ [74]...

Палиссо можетъ считаться главой цѣлой школы. По его слѣдамъ шло довольно много драматурговъ, они пользовались его совѣтами и подражали его произведеніямъ. Мы говорили о близкихъ отношеніяхъ Палиссо съ Poisinet, — еще болѣе понятливымъ ученикомъ оказался маркизъ Біевръ. Первая его комедія *Le Séducteur*. Есть извѣстіе, будто она написана въ сотрудничествѣ съ Палиссо, но на изданіи стоитъ только имя Біевра [75]. Въ предисловіи сатирикъ сообщаетъ: онъ мно-

---

[73] *Corresp. littéraire.* III, 385. Monhy. *O. c.* IV, 228.

[74] *Histoire du théâtre français.* par Etienne et Martainville. Paris 1802. II, 93—4.

[75] *Corresp. litt.* XIII, 8 nov. 1783.—*Le séducteur,* com. en 5 actes. Paris 1783. par Bièvre. Эпиграф. Ille ego qui quondam.

гимъ обязанъ автору *Клариссы*, имя его запечатлѣно въ сердцѣ Біевра и успѣхъ пьесы маркизъ приписываетъ своимъ усиліямъ — возвыситься до Ричардсона. И пьеса дѣйствительно имѣла успѣхъ въ Парижѣ, потому что была бурно принята при дворѣ [76].

Главная роль въ пьесѣ принадлежитъ не философу, а маркизу, «соблазнителю», особенно популярному типу на французской сценѣ въ XVIII вѣкѣ. На него указывалъ публикѣ и самъ авторъ, какъ на главнѣйшую цѣль комедіи. Онъ писалъ въ предисловіи: «въ эпоху, когда соблазнъ сталъ, повидимому, предметомъ глубокаго изученія, я счелъ полезнымъ для нравовъ—обнаружить нѣкоторыя тайны этого страшнаго искусства». Маркизъ «соблазнитель» беретъ себѣ въ помощники лакея своего покойнаго отца, производитъ его сначала въ секретари, потомъ въ ученые, даетъ ему имя Зеронеса и приказываетъ «увлекать умы», а онъ, маркизъ, будетъ «соблазнять сердца». Маркизъ ссоритъ дѣвушку, на которой хочетъ жениться, съ ея женихомъ, а Зеронесъ въ это время посвящаетъ ея отца въ тайны философіи, заставляя его дѣлать извлеченія изъ *Энциклопедіи*. Здѣсь предъ нами опять отождествленіе философскихъ принциповъ съ великосвѣтской безнравственностью. Маркизъ развращаетъ неопытнаго юношу—жениха Розаліи, совершенно какъ Зеронесъ развращаетъ старика и какъ «философъ» развращалъ своего молодого друга въ комедіи Палиссо. У Біевра эта параллель особенно ярка: Зеронесъ послушно выполняетъ всѣ планы аристократическаго соблазнителя и пребываетъ въ званіи «философа» и «энциклопедиста». Интрига, какъ всегда, оканчивается неудачей для «философовъ»,—и маркизъ говоритъ Зеронесу: «Пойдемъ въ другомъ мѣстѣ искать прогресса и просвѣщенія. Я очень спѣшу. Пожалѣемъ, мой милый докторъ, тѣхъ, кто такъ дурно цѣнитъ вашъ умъ и мое сердце» [78].

---

[76] La Harpe. *Corresp. litt.* IV, 167.

[77] Предисловіе приложено къ изданію комедіи 1783 года. Въ извѣстномъ изданіи *Répertoire général du théâtre français*—его нѣтъ.

[78] Acte, sc. 4.

Оказывалось, слѣдовательно,—энциклопедисты вмѣсто всякой реформы внесли въ общество новый источникъ безнравственности: у людей было испорчено сердце, а они развратили мысль. Но для парижской публики важнѣе всего было паденіе пьесы на придворной сценѣ,—вѣроятно изъ-за фигуры маркиза, – и она привѣтствовала *Соблазнителя*. Лишь только этотъ поводъ исчезъ, сатира Біевра подверглась полнѣйшему униженію въ томъ же театрѣ *Comédie Française*.

Авторъ не понялъ настоящей причины своего успѣха и явился съ новой комедіей *Réputations*, направленной противъ ученыхъ. Очевидецъ не запомнитъ такого бурнаго спектакля, какимъ вышло представленіе этой пьесы. Цензура удалила предварительно всѣ личные намеки, но публика со втораго же акта начала шикать и на слѣдующій день въ Парижѣ всѣ повторяли злую эпиграмму на автора [79].

Во всѣхъ этихъ пьесахъ оскорбленіямъ подвергались исключительно или преимущественно философы. Послѣ Палиссо только Poinstinet затронулъ «ученыхъ женщинъ» — и притомъ въ общей формѣ, не имѣя въ виду опредѣленной личности. Но женщины играли слишкомъ видную роль среди философовъ и сами философы, въ нѣкоторые моменты не исключая даже Руссо, придавали ихъ уму и философскимъ увлеченіямъ слишкомъ большое значеніе, чтобы сатирики могли оставить въ покоѣ хозяекъ знаменитыхъ салоновъ. Такихъ было двѣ: m-lle Леспинассъ и m-me Жоффренъ. Болѣе всего враговъ было у m-lle Леспинассъ, благодаря ея дружескимъ отношеніямъ къ Даламберу. Обвиненія въ деспотизмѣ, которыми партія академическихъ ханжей, осыпала Даламбера, падали и на голову m-lle Леспинассъ. Въ *Секретныхъ запискахъ* встрѣчаемъ цѣлый рядъ эпиграммъ на Jean le Rond и его

---

[79] Эпиграмма, намекая на происхожденіе Біевра отъ дѣда-хирурга (при Людовикѣ XIV), гласила:

Ton astre ne t'a fait ni marquis, ni poète,
Va quitte aussi la plume et reprends la lancette.

Corresp. litt. 23 janv. 1788.

подругу—по поводу ихъ искусства дѣлать «великихъ людей»: это занятіе прямо называется «ремесломъ Леспинассъ»[80]. Наконецъ, нашелся драматическій мститель за «философскій деспотизмъ» — авторъ многочисленныхъ, но давно забытыхъ пьесъ—Дора. Онъ выбралъ моментъ, когда, по словамъ современника, партіи противъ философовъ проявляли особенную ярость и написалъ трехъ-актную комедію—*Les prôneurs ou le Tartuffe littéraire*[81].

По мнѣнію Дора,—въ его время процвѣтаютъ именно тѣ самые *gredins*, которыхъ поражалъ Мольеръ. Но герой новаго врага философіи произноситъ крайне оскорбительный отзывъ о своихъ предшественникахъ. «Кто до сихъ поръ были противниками философовъ?» —спрашиваетъ онъ.—«Презрѣнные люди, литературные бродяги, — а теперь за меня авторитетъ современныхъ нравовъ»[82]. Палиссо не могъ, конечно, пропустить безъ вниманія такой краснорѣчивый намекъ и категорически заявилъ, что намекъ къ нему не относится, но поспѣшилъ обвинить Дора въ плагіатѣ и совершенно уничтожилъ его комедію[83]. Враги философіи, очевидно, никакъ не могли придти къ единодушію, хотя ихъ цѣли, мотивы и даже источники вдохновенія были одни и тѣ же и главный среди нихъ — Палиссо — не принадлежалъ, по его словамъ, ни къ какой партіи.

Авторъ неудачно выбралъ противника философіи. Это — недалекій, суровый старикъ, безпрестанно повторяющійся и

---

80 Напримѣръ, рядомъ двѣ эпиграммы приведено—25 sept. 1771.

81 *Corresp. litt.* XI, mars. Впослѣдствіи *Les proneurs* были передѣланы въ пьесу *Morlin bel esprit*.

82 Acte I, sc. 1.

Quels ont jusqu'à présent été leurs adversaires?
Des hommes méprisés, des brigands littéraires...
Aujourd'hui j'ai pour moi l'autorité des moeurs.

83 *Oeuvres* Ed. 1779, VII, 377. Палиссо сначала заявляетъ что онъ съ гордостью читалъ пьесу Дора: „il a visiblement eu le projet de refaire la comédie des *Philosophes*“. Но, очевидно, „brigands littéraires“ достигли цѣли и—отзывъ оканчивается совершенно въ другомъ духѣ.

вмѣсто доказательствъ прибѣгающій къ угрозамъ и отеческой власти. Его сынъ увлеченъ философами, и ненавистникъ философіи пользуется своимъ положеніемъ въ самыхъ широкихъ предѣлахъ. Сынъ говоритъ ему: «это великіе умы, знаменитые писатели, философы»... Отецъ прерываетъ его гнѣвнымъ крикомъ: «Какъ! самые пустые люди. Ихъ слѣдуетъ избѣгать—слышишь? *Я* тебѣ приказываю, а твой отецъ никому не уступаетъ, разъ чего захочетъ». Дальше слѣдуютъ упреки по адресу философовъ, въ гордости, сварливости, въ самозванствѣ и въ особенности въ томъ, что они все преобразовывая, лишили французовъ узды и отняли у нихъ веселое настроеніе. Старикъ жалуется, что теперь не пьютъ, а «если не пьютъ,—тогда все идетъ хуже и хуже», и въ Парижѣ совсѣмъ не стало веселья [84].

Этотъ упрекъ повторяется довольно часто въ произведеніяхъ, направленныхъ противъ философіи. Въ то время, какъ энциклопедисты съ удовольствіемъ указывали на развитіе болѣе серьезныхъ взглядовъ у французской публики, на ея вдумчивость, на болѣе пристальное отношеніе къ современнымъ событіямъ, — враги философіи оплакивали прежній смѣхъ и легкомысліе, тосковали по тѣмъ временамъ, когда, по выраженію современника, «французы всякое горе забывали въ пѣснѣ», на улицахъ пѣли куплеты, а въ театрѣ требовали фарса и водевиля. Все это прошло и любители старины даже стали опасаться, не разучились ли смѣяться въ Парижѣ [85]. Перемѣна, очевидно, была очень замѣтна, ее приписывали исключительно философіи, продолжая вообра-

---

[84] Acte I, sc. 5.

Des docteurs,—il en pleut!... mais où sont vos convives?
Depuis qu'on ne boit plus, tout va de pis en pis.
La rage calculante a glacé tout Paris.
Nos ancêtres étoient des gens de tout autre étoffe
Va mon fils, l'honnête homme est le seul philosophe.

[85] „On a, toujours dit que les français se consolaient de tout par une chanson commençait à craindre que la nation n'eût perdu son caractére". *Mém. secr.* 8 janv. 1772.

жать себя все еще въ «счастливой эпохѣ милаго, распутнаго регентства, когда глупость, потрясая трещоткой, легкой стопой носилась по всей Франціи» [86]. Именно по этимъ временамъ тоскуетъ врагъ философіи у Дора.

Сынъ замѣчаетъ отцу: «тѣ, на кого вы нападаете, — люди всѣми уважаемые». — «Уважаемые!» кричитъ отецъ, «одни ихъ боятся, другіе чувствуютъ къ нимъ отвращеніе! И ты не боишься меня сердить? Брось свои возраженія». Въ такомъ духѣ ведутся всѣ антифилософскія бесѣды. Единственный авторитетъ у отца — сердце: «тамъ написаны законы самой природой», но читать ихъ, очевидно, разрѣшено только старику; сынъ долженъ влеченія своего сердца направлять сообразно толкованіямъ отца. А этотъ отецъ отказывается вообще разсуждать: «это на меня наводитъ скуку», — говоритъ онъ, ему знакомо только краснорѣчіе сердца» [87].

Но такую именно идею можно найти и въ новой философіи. Дама-философъ объясняетъ это суровому любителю веселой старины. Она говоритъ о гуманности, разрушившей множество предразсудковъ, открывшей людямъ права человѣка. Она видитъ наступающее царство идей, надѣется, что нетерпимость не помѣшаетъ имъ разсѣять всюду свѣтъ истины, уничтожить злоупотребленія, предотвратить вражду и создать міръ. Но если развитіе идей будетъ пріостановлено,—міръ погибнетъ [88].

---

[86] Извѣстные стихи Вольтера въ *la Pucelle*, chant XIII:

Voici le temps de *l'aimable Régence*
Temps fortuné, marqué par la licence,
Où la Folie, agitant son grelot,
D'un pied léger parcourt toute la France

[87] Act. III, 1. „Il ne raisonne pas, moi,—tout cela m'ennuie".

L'éloqnence du coeur l'est le meilleur lot.
Oui, le coeur, entre nous, c'est le meilleur lot.

[88] *Ib.* M-me de Norville, между прочимъ произноситъ настоящую критику на всю пьесу Дора:

En dépit des clameurs contre eux si peu fondées
Dieu merci nous touchons au règne des idées...
Nous présèrve le ciel de voir l'intolérance
Vouloir inquiéter leur sage indépendance!..

На старика эта рѣчь, можетъ быть нѣсколько восторженная, но дѣйствительно философская, производитъ впечатлѣніе напыщенной «догматической болтовни». Міръ стоялъ безъ философовъ, обойдется безъ нихъ и впредь. И вообще герою-нефилософу ненавистны возвышенныя мысли: «Ахъ, оставьте облака, высокія сферы мнѣ невѣдомы», говоритъ онъ — и предлагаетъ заняться женитьбой его сына на дочери его собесѣдницы. Вмѣсто всякихъ разсужденій съ философами онъ кладетъ руку на свою шпагу и кричитъ имъ: «Вотъ мой геній и моя литература»[89].

Таковъ этотъ новый борецъ противъ философіи, очевидно сильно запоздавшій съ своей «литературой» и, конечно, менѣе, чѣмъ кто-либо, страшный философамъ. Въ концѣ пьесы онъ говоритъ дамѣ: «Пойдемъ, будемъ царствовать въ веселіи, все намъ улыбается. Чтобы быть счастливымъ—достаточно жить съ дѣтьми и любить друзей». Болѣе легкомысленнаго совѣта и правила публика не могла услышать всего за десять лѣтъ до революціи и философіи оставалось желать, чтобы всѣ ея враги не шли дальше такого «веселаго царства». Ничего не было легче, какъ завоевать какія угодно владѣнія у такихъ проницательныхъ властителей.

Философы представлены въ комедіи въ обычномъ свѣтѣ. Авторъ не можетъ скрыть ихъ всесвѣтнаго вліянія. Философы держатъ совѣтъ, какъ вытѣснить отовсюду своихъ противниковъ, и дѣлятъ между собой вселенную: аббатъ долженъ возмутить Петербургъ и его академію, Версаль пошлетъ памфлетъ въ Италію, безстрашный Фюре разошлетъ двадцать повѣстей по обоимъ полушаріямъ, предсѣдатель совѣта беретъ на себя Англію. Онъ же ведетъ интригу съ дамой, требуетъ, чтобы она отдала дочь свою за кого-нибудь изъ философовъ. Въ награду онъ обѣщаетъ ей власть надъ Парижемъ, надъ Парнасомъ, обѣщаетъ допустить ее въ засѣданія и по ея волѣ производить выборы: «Наши приговоры будутъ зависѣть отъ вашей фантазіи, вы будете Аспазіей новыхъ сократовъ»[90].

---

[89] Acte III, 5.
[90] Acte II, 1, 4.

Вольтера нѣтъ на сценѣ, но къ нему отправляютъ письмо и по этому случаю характеризуютъ его значеніе для философіи. Каждый философъ хвалится, что онъ по своей волѣ, можетъ пускать въ ходъ авторитетъ Стелля. Этотъ Стелль-Вольтеръ выдѣляется изъ среды философовъ: онъ только добродушная жертва, геніальное орудіе корыстныхъ интригановъ.

Въ заключеніе дама подвергается ужасному позору: на сценѣ играютъ комедію противъ философовъ и противъ ея самой. Зрители узнаютъ ее, она должна уйти изъ театра. Этимъ моментомъ пользуется строгій отецъ, — и философы окончательно посрамлены.

Комедію Дора можно считать послѣднимъ словомъ антифилософской агитаціи. Авторъ пользовался несравненно лучшимъ положеніемъ въ публикѣ, чѣмъ Палиссо и его ближайшіе ученики. Ему случалось даже возбуждать гнѣвъ правительства слишкомъ либеральными намеками въ своихъ трагедіяхъ и во всякомъ случаѣ онъ не торговалъ своими мнѣніями [91]. И при всемъ этомъ мы видимъ, до какой степени слабо оружіе Дора. Онъ не ушелъ дальше избитой и въ сущности ничего не означающей сентенціи: *L'honnête homme est le seul philosophe* и не могъ выдвинуть болѣе сильнаго врага философіи, чѣмъ Стародума изъ породы Бригадировъ. Кромѣ того, пьеса указываетъ на несомнѣнный фактъ: въ старомъ обществѣ не было силъ, сколько-нибудь способныхъ бороться съ новымъ движеніемъ. По крайней мѣрѣ, комедія не знаетъ такихъ силъ. Другіе сатирики преслѣдовали философію лично отъ себя и мы по ихъ пьесамъ могли судить объ ихъ искусствѣ. Дора первый выставилъ особаго героя, ведущаго войну съ философіей, — и по его сатирѣ мы можемъ судить о силахъ самого общества въ борьбѣ съ новыми людьми. И въ томъ и въ другомъ случаѣ выводы получаются одни и тѣ же.

---

[91] Мы приводили выше отрывокъ изъ трагедіи *Theagène et Chariclée* и говорили о запрещеніи пьесы *Chevalier français à Londres*.

Почти въ одно время съ пьесой Дора, появилась сатира на m-me Жоффренъ—пятиактная комедія Рэтлиджа—*Le Bureau d'esprit.* Рэтлиджъ—ирландецъ по происхожденію—пріобрѣлъ популярность довольно искусной полемикой съ Вольтеромъ изъ-за Шекспира [92]. Современники крайне разнорѣчиво отзываются о пьесѣ Рэтлиджа. Одни считають ея выходки грубыми и глупыми, другіе — не безусловные враги философіи — находять ее справедливой и не видятъ въ ней преувеличеній и грубостей, третьи называютъ ее «одной изъ забавнѣйшихъ комедій» [93]. На энциклопедистовъ, по словамъ современника, она произвела весьма сильное впечатлѣніе. Они будто бы привели въ движеніе своихъ покровителей и устроили строжайшіе розыски, произвели между прочимъ обыскъ въ редакціи Фрерона—сына и застали его за перепиской комедіи [94].

Безпокойство энциклопедистовъ понятно. Во первыхъ они глубоко были возмущены нападками на г-жу Жоффренъ, когда она, по ихъ мнѣнію, заслуживала только состраданія. была опасно больна [95]. А кромѣ того,—въ комедіи съ величайщей прозрачностью были названы главнѣйшіе члены партіи. Одновременно съ пьесой появилась сказка подъ заглавіемъ: *Le café promis par m-me Geoffrin*, гдѣ проектъ *Энци-*

---

[92] *Corresp. litt.*, порицая комедію, одобряетъ полемику съ Вольтеромъ, находя ее искусной и деликатной. Рэтлиджъ между прочимъ защищалъ—пріемъ Шекспира—выводить на сцену народъ для характерности историческихъ эпохъ и общественнаго построенія. Мы уже говорили, что Рэтлиджъ былъ гостемъ въ салонѣ г-жи Жоффренъ.

[93] *Corresp. litt.* (Grimm).—*Mém. secr.* 28 nov. 1776 „elle se rapproche plus des *Femmes Savàntes*“.—*Corresp. secrète* IV, 22, 30 nov. 1776.

[94] *Mém. secr.* 4 déc. 1776. *Corresp. secr. Ib.*

[95] Даламберъ писалъ Вольтеру: „Croiriez—vous que je ne sais quelle canaille vient de faire imprimer une comédie intitulée *le Bureau d'esprit*, où cette pauvre femme mourante est fort dénigrée, à la vérité si platement que cela ne se peut lire?.. Ces libraires vendent de tout pour gagner de l'argent. Oh, que de canailles, grandes et petites, dans ce meilleur des mondes possibles!“ Lettres II, 288.

клопедіи приписывался ея обѣдамъ и говорилось, что Мольеръ могъ бы написать комедію на «этотъ комитетъ»[96].

На самомъ дѣлѣ, комедія нисколько не выше другихъ въ томъ же направленіи и гораздо грубѣе пьесы Дора. Ея дѣйствующія лица—философы: *Cocus* — Дидро, химикъ *Cocurbitin*—баронъ Гольбахъ, геометръ *Rectiligne*—Даламберъ, маркизъ *d'Ortimort*—Кондоре, *Calchas*—аббатъ Арно, *Tomassin*—академикъ Тома, *Faribole*—Мармонтель, *Duluthe*—Лагарпъ.

Неизбѣжная горничная. застрѣльщица въ войнѣ съ учеными, рекомендуетъ намъ свою госпожу и ея друзей: госпожа собирается въ *Варшаву* просвѣщать *русскихъ*, а философы «говорятъ какъ попугаи и ѣдятъ какъ страусы». Самая комическая черта философовъ—прожорливость, они занимаются открытіями на счетъ поварскаго искусства, устраиваютъ античные обѣды. Другой мотивъ комизма—крайняя бѣдность философовъ. *M-me Folincourt* не только кормитъ ихъ, но и одѣваетъ. На сценѣ читается счетъ отъ портнаго, обшивающаго, по заказу покровительницы, ученыхъ бѣдняковъ. Горничной и ея барышнѣ, такой же положительной какъ ея служанка, счетъ портнаго даетъ случай сдѣлать нѣсколько остроумныхъ замѣчаній на счетъ «наготы пятидесяти ученыхъ». Къ обѣду среди гостей *m-me Folincourt* готовится заранѣе. Она беретъ записную книгу и читаетъ: *Bons mots* для варшавскаго двора»—не то, «*элементы политики* примѣнимые ко всѣмъ предметамъ и случаямъ», — за обѣдомъ эта глава не потребуется; «ловкіе и остроумные отвѣты на всякаго рода похвалы»—дамѣ именно, эти вещи нужны будутъ за десертомъ[97].

Современникъ сообщаетъ, что сцены у г-жи Folincourt—точное воспроизведеніе того,что въ дѣйствительности происходило у г-жи Жоффренъ: «такъ ему говорили»[98]. Это картина шутовскаго апоѳеоза Вольтера. Бюстъ патріарха украшаютъ

---

[96] *Corresp. secrète.* II, 388—9; 24 f. 1776. Напечатана *conte*.

[97] *Le bureau.* I, 1, 8. Въ наше время нашлись авторы, усвоившіе эту характеристику гостей г-жи Жоффренъ и отъ себя повторявшіе выходки горничной Рэтлиджа. *Idées et Sensations,* бр. Гонкуровъ. Ср. Antoine Guillois. *Le Salon de M-me Helvetius.* Paris, 1894. p. 15.

[98] *Mém. secr.* 26 nov. 1776.

лавровымъ вѣнкомъ, потомъ читаютъ письмо Вольтера такого содержанія: Фридрихъ, великій Фридрихъ былъ его другомъ, развѣ когда-либо раньше монархи бывали друзьями писателей? Этотъ монархъ водворилъ на сѣверѣ искусства и цивилизацію. Пройдетъ нѣсколько лѣтъ — и польскіе магнаты не будутъ бить своихъ крестьянъ и пріѣзжать въ Парижъ учиться танцамъ. Варварство исчезнетъ во всей Европѣ и трагедіи Вольтера переведутъ на калмыцкій языкъ. Въ концѣ письма Вольтеръ жестоко нападаетъ на Шекспира и не хочетъ, чтобы читали драмы англійскаго поэта: иначе публика пожалуй отыщетъ связь между этими драмами и трагедіями Вольтера. Дальше оказывается, — никто изъ философовъ не знаетъ англійскаго языка, но они достаютъ экземпляръ сочиненій Шекспира и жгутъ его на алтарѣ Вольтера [99].

Противъ философовъ ведется интрига со стороны обычнаго юноши, влюбленнаго въ племянницу ученой дамы и любимаго ею. Генріетта ненавидитъ философовъ, ея сестра Анжелика считается ученой, но не прочь отбить неученаго жениха у своей сестры [100]. Это конечно, не удается. Философы въ присутствіи хозяйки поднимаютъ страшный споръ, кому изъ нихъ быть наслѣдникомъ Вольтера. Приходитъ извѣстіе о появленіи на сценѣ *Le Bureau d'esprit*,—антифилософская партія въ домѣ m-me Folincourt одерживаетъ побѣду. Женихъ Генріетты обязывается только достать письмо отъ Вольтера и принести его ученой дамѣ.

Въ комедіи весьма видную роль играетъ поэтъ Duluthe— Лагарпъ. Ни одинъ членъ философской партіи не подвергается такимъ нападкамъ, какъ этотъ авторъ. Его любимое слово—*le goût*—подало поводъ къ безчисленнымъ эпиграммамъ. Обычный эпитетъ для него—*Le fils trouvé de la philophie* [101]. Лагарпъ нѣсколько разъ жаловался на журналы,

---

[99] *Le bureau*. IV, 8.

[100] Авторъ, слѣдовательно, взялъ у Мольера не только интригу пьесы, но даже имя юной героини, чувствующей отвращеніе къ ученымъ—*Henriette*.

[101] *Corresp. secrète*, IV, 78.

26

дворъ встрѣчалъ смѣхомъ эти жалобы, но все-таки запрещалъ дурные отзывы о произведеніяхъ поэта [102]. Такое распоряженіе, конечно, должно было еще сильнѣе раздражить насмѣшниковъ, и одновременно съ запретомъ—Лагарпъ появляется на сценѣ въ комедіи Рэтлиджа, а два года спустя удостоивается особой драматической сатиры. Лагарпъ недолго оставался вѣренъ философіи. Во время революціи онъ раскаялся совершенно. Въ *Лицеѣ* выражалъ полное сочувствіе обычнымъ нападкамъ на эгоистическое равнодушіе философовъ къ общему благу, [103] въ *Корреспонденціи* высказалъ презрѣніе «къ такъ называемой философіи XVIII вѣка» и не пропускалъ случая бросить упрекъ въ сторону энциклопедистовъ [104]. Многіе современники революціи относились къ этой измѣнѣ съ изумительнымъ великодушіемъ. Шенье, напримѣръ, все прощалъ ему за то, что онъ когда-то написалъ трагедію *Mélanie*. Историки театра въ эпоху революціи съ горечью говорятъ о заблужденіяхъ и неблагодарности Лагарпа, но не рѣшаются даже порицать его, вспоминая прекрасный стихъ Лафонтена: «Быть несчастнымъ—значитъ быть невиннымъ» [105]. Дореволюціонные сатирики не имѣли основанія быть снисходительными и *незаконный сынъ философіи* терпѣлъ больше всѣхъ. Исключительно ему посвящена сатира—*Les jurnalistes anglais*. Авторъ ея—Calihava d'Estandoux—представляетъ въ своемъ родѣ типическое явленіе.

---

[102] *Mém. secr.* 9 août 1776—первое запрещеніе. Но оно, очевидно, плохо дѣйствовало, потому что спустя восемь лѣтъ Лагарпъ возобновилъ ходатайство. Дворъ отдѣлался шутками, а въ городѣ на Лагарпа сочинили эпиграмму, гдѣ и выраженіе *le goût* не было пропущено. Напечатана въ *Corr. litt.* XIII. 473.

[103] Особенно суровъ отзывъ о Дидро и его талантѣ. Съ полнымъ сочувствіемъ цитируются стихи антифилософской комедіи:

Pour moi je les soupçonne
D'aimer le genre humain mais pour n'aimer personne.

Lycée. Paris 1834. II, 326.

[104] *Corresp. litt.* III, 257; IV, 329.

[105] *Histoire du th. fr.* par Etienne et Martainville. Paris 1802. Предисл. VII—VIII.

Въ прошломъ вѣкѣ при громадной популярности театра и драматической поэзіи почти всякій литераторъ стремился написать пьесу, «всякій школьникъ», по выраженію современника, сочинялъ трагедіи. Въ результатѣ никогда не было столько неудачныхъ драматическихъ авторовъ, сколько въ философскую эпоху. Потерпѣвъ крушеніе въ качествѣ творцовъ, они принимались за учительство и писали эстетическіе трактаты. Это — обычный фактъ, и къ числу такихъ случайныхъ наставниковъ принадлежитъ сатирикъ Лагарпа. Очень плохой драматургъ, Калигава въ 1772 году издалъ четырехтомное сочиненіе—*De l'art de la comédie.* Онъ нападаетъ на мѣщанскую драму, защищаетъ исключительное право королей и принцевъ быть трагическими героями и восторгается, между прочимъ, развязкой Мольеровскаго *Тартюфа...*[106] Послѣ этого можно судить объ уровнѣ художественныхъ взглядовъ автора. Шесть лѣтъ спустя явилась сатира. Главный герой — журналистъ Discord долженъ олицетворять Лагарпа, комедія, по замыслу автора, мстила Лагарпу за его оскорбленія литераторамъ, вѣрнѣе авторъ неудачныхъ драмъ мстилъ своему критику.

Дискоръ—журналистъ продажный, врагъ всѣхъ соперниковъ, допускающій свою жену вмѣшиваться въ критическій отдѣлъ журнала. Онъ въ дружбѣ съ богачемъ Стэрлингомъ. Тотъ пишетъ страшныя драмы. Человѣкъ отъ природы добродушный, Стэрлингъ устроилъ мрачное подземелье, повѣсилъ клѣтку съ совой, стѣны убралъ старыми декораціями дрюрилэнскаго театра. Намѣреваясь писать драму, Стэрлингъ запирается въ подземелье, наполняетъ его дымомъ,— мозгъ сочинителя окончательно затмѣвается. Тогда онъ беретъ перо изъ крыла ворона, очиненное ножомъ, принадлежавшимъ Юнгу, и въ священномъ ужасѣ созерцая замогильныя видѣнія, начинаетъ писать. Здѣсь авторъ приводитъ рядъ цитатъ изъ сочиненій Лагарпа Дискоръ, не смотря на

---

[106] Мы пользовались двухтомнымъ изданіемъ 1786 года. Драму авторъ называетъ *genre nouveau et philosophique.* I, 20.

превосходныя отношенія со Стерлингомъ, въ корыстныхъ цѣляхъ пишетъ пасквиль на его драму — и авторъ снова цитируетъ фразы Лагарпа, отмѣчая ихъ курсивомъ. Жена Дискора ведетъ себя крайне дерзко съ драматургами, — одному изъ нихъ кричитъ: «Ваша трагедія провалится,— предупреждаю васъ. Ни одной тирады за женщинъ, ни одной нападки на государей. Это верхъ чудовищнаго!» [107].

Сатира, слѣдовательно, носила не только характеръ литературной мести: по примѣру большинства подобныхъ произведеній, она впадала въ тонъ доноса. Авторъ, кромѣ того, переполнилъ свою пьесу многочисленными намеками на личную жизнь Лагарпа. Послѣ этого естественно было современнику возмущаться «подлостью» актеровъ, поставившихъ на своей сценѣ пасквиль противъ писателя, оказавшаго имъ не мало услугъ своими произведеніями [108].

Но актеры не переставали давать скандальныя представленія, — и это тѣмъ удивительнѣе, что послѣ принятія на сцену *Философовъ* Палиссо, они нашли нужнымъ извиниться предъ публикой въ томъ, что опозорили свой театръ подобной сатирой [109]. Партеръ привѣтствовалъ аплодисментами это извиненіе, но оно не мѣшало актерамъ угощать публику такими же пасквилями вплоть до самой революціи. Послѣднимъ спектаклемъ въ этомъ духѣ было представленіе комедіи Біевра *Réputations* 23-го января 1788 года. Публика, какъ мы знаемъ, сама положила предѣлъ сатирическому вкусу авторовъ и актеровъ.

Не было недостатка и въ чисто-литературныхъ сатирахъ на чувствительное направленіе, на новую драму—и съ другой стороны въ отвѣтныхъ насмѣшкахъ надъ классической трагедіей. Любопытна комедія, принадлежащая маркизѣ Глеонъ—*La fausse sensibilité*. Маркиза не обладала сатириче-

---

[107] *Théâtre de Calihava.* Paris 1782. t. III. *Les journalistes.* Предисл. p. 8. Acte I, 2; II, 2.

[108] *Corresp. litt.* (Grimm) XIII, 183.

[109] Grimm. IV, 365.

скимъ талантомъ, у нея не было и личной злобы, замѣнявшей у другихъ драматурговъ талантъ,—и поэтому личности и факты въ пьесѣ г-жи Глеонъ возбуждаютъ часто скорѣе сочувствіе, чѣмъ смѣхъ.

Главное лицо комедіи—маркиза—*héroïne de Sentiment.* Въ началѣ служанка бесѣдуетъ съ лакеемъ и мы узнаемъ, что госпожа пріютила у себя двухъ хромыхъ, однорукаго и трехъ кривыхъ. Они напиваются и ссорятся ежедневно. Недавно двое параличныхъ убѣжали, похитивъ кошелекъ и вещи изъ несессера маркизы. И она со всѣмъ этимъ примиряется. На-дняхъ у Булонскаго лѣса она нашла деревенскую дѣвчонку, въ лохмотьяхъ, страшно голодную, крикливую, привезла домой и зоветъ ее «несчастной пастушкой». Мы присутствуемъ при подвигахъ этой пастушки. Она является на сцену съ кускомъ сыра въ одной рукѣ и съ хлѣбомъ въ другой, бросаетъ сыръ на колѣни къ графинѣ, гостьѣ маркизы, и обзываетъ ее старой и безобразной. Та, конечно, приходитъ въ бѣшенство. Маркиза увлечена поэтомъ Галлеромъ, въ восторгѣ отъ его идиллій и въ особенности отъ посланія Маріаннѣ. Но ей объясняютъ, что Галлеръ былъ дважды женатъ и послѣ Маріанны писалъ такія же посланія второй женѣ. Маркиза въ отчаяніи. Это извѣстіе убиваетъ ее. Она не вѣритъ больше въ единственную безсмертную любовь и отказывается выйти замужъ за графа, своего жениха: ея душу терзаютъ ужасы, сомнѣнія,—и она не можетъ связать свою жизнь съ жизнью другого человѣка. Но она остается такой же доброй и сострадательной ко всѣмъ несчастнымъ. Ея слова, обращенныя къ грубой дѣвушкѣ, дышатъ искренностью: «Всѣ тебя отвергаютъ, милое дитя. Какъ мало надо, чтобы оттолкнуть холодныя сердца: сыръ, лохмотья —этого вполнѣ достаточно, чтобы погасить ихъ чувство!» [110].

Эти слова имѣютъ смыслъ, не какъ сатира, а какъ истинное отраженіе образа мыслей современниковъ просвѣтительной эпохи. Произведенія Галлера дѣйствительно были популярны

[110] *La fausse sensibilité.* Comédie en 5 actes. Paris 1787. Acte V, 8.

во Франціи въ концѣ XVIII вѣка, о нихъ съ восторгомъ говоритъ писатель, не имѣвшій никакихъ связей съ обществомъ маркизы—Мерсье, и нѣтъ сомнѣнія,—поэзія природы не была звукомъ пустымъ ни для Мерсье, ни даже для маркизы. Не было сплошь «ложной чувствительностью» и пристрастіе благоводной дамы къ нищимъ и убогимъ. Это факты вполнѣ достовѣрные и менѣе всего смѣшные.

Противъ новой драмы направлена довольно остроумная сатира Кюбіера—*La manie des drames sombres*, шедшая на придворной сценѣ въ Фонтебло въ 1776 году съ большимъ успѣхомъ. Успѣхъ, вѣроятно, въ сильной степени объясняется комплиментами Людовику XVI, ловко вставленными въ сатиру.

Авторъ въ предисловіи объясняетъ, что онъ признаетъ чувствительныя драмы, видѣлъ, какъ публика и самъ онъ плакалъ на представленіи *Perè de famille*, *Philosophe sans le savoir*, *Eugénie*, но онъ противъ ужасовъ на сценѣ, противъ похоронныхъ фарсовъ» — *farses sépulcrales* и ссылается на вопросъ Вольтера, обращенный къ нему: «Все ли еще на парижскихъ сценахъ играютъ въ мячъ мертвыми головами?» [111].

Здѣсь, конечно, негодованіе автора справедливо. Но онъ забылъ, что *трагедія* несравненно больше виновата въ «мертвыхъ головахъ» и дѣйствительно невѣроятныхъ ужасахъ, чѣмъ драма. Только авторамъ трагедій могло прійти въ голову воспользоваться на сценѣ чашей съ человѣческой кровью и заставить ревниваго мужа убить любовника жены, изжарить его сердце и угостить этимъ блюдомъ преступную жену [112]. «Ужасы» новой драмы, насколько намъ извѣстно, въ XVIII вѣкѣ не шли дальше «мѣщанской трагедіи»—Сорэна—*Beverley*, изображавшей роковыя послѣдствія страсти къ игрѣ. Но и въ этой драмѣ являлся такой нѣжный, такой высоко нравственный образъ жены и матери, что пьеса вызвала

---

[111] *La manie des drames sombres*. Paris 1777. Lettre à une femme sensible. p. 3.

[112] Траг. Кребильона *Atrée et Thyeste*, траг. Беллуа—*Gabrieie de Vergy*.

лирическія стихотворенія,—въ то время, когда трагедій Кребильона не выносили даже лондонцы. *Beverley* привлекалъ самую чувствительную публику. Кюбіеръ не называетъ поименно «мрачныхъ драмъ» и переходитъ къ насмѣшкамъ вообще надъ мѣщанской поэзіей.

Сестра «мрачнаго драматурга» укоряетъ его, что онъ изгналъ со сцены «личную поэзію», т.-е. героевъ, принцевъ и королей и замѣнилъ ихъ «глупыми мѣщанами» ». Самъ драматургъ излагаетъ буквально идеи Мерсье: хочетъ искать героевъ на рынкѣ, въ больницахъ восклицая: «Слѣпцы мы! развѣ бѣдняки—не люди? Почему же не обратить вниманія на этихъ добрыхъ людей. На землѣ ничего нѣтъ низкаго и подлаго за исключеніемъ злыхъ». Собесѣдникъ драматурга соглашается,—народъ достоинъ уваженія, и среди него часто встрѣчаются добродѣтели, какъ и среди знатныхъ. Но онъ слишкомъ далекъ отъ высшихъ сословій, обожаемыхъ имъ; и его поведеніе не можетъ служить образцомъ. Ошибки простолюдина никого не исправляютъ, а ошибки монарховъ служатъ намъ урокомъ,—и сами поэты обязаны скорѣе воспѣвать принцевъ, чѣмъ пастуховъ [113].

Особенно понравилась придворной публикѣ сцена драматурга съ секретаремъ. Драматургъ заставляетъ секретаря читать газеты съ цѣлью напасть на исключительно страшный случай—въ родѣ отцеубійства, самоубійства, убійства изъ ревности. Но во французскихъ газетахъ не оказывается ничего подобнаго, нѣтъ даже вѣстей о грабежахъ и воровствахъ: такъ счастливо живутъ французы подъ властью Людовика XVI. Даже чувство ревности не ведетъ къ преступленіямъ.

Трудно было въ героѣ Кюбьера не узнать одного изъ энергичнѣйшихъ и послѣдовательныхъ защитниковъ новой поэзіи. Мерсье не вступалъ въ личную полемику, но три года спустя въ драмѣ *Le Campagnard*, осмѣивая жизнь столичнаго общества, бросилъ кстати нѣсколько камней и въ

---

[113] *La manie* I, 6 II 3.

классическую трагедію. Деревенскій житель спрашиваетъ у гостей, что новаго въ Парижѣ, и между прочимъ, — какъ идетъ трагедія? Все ли еще надменный Агамемнонъ и горячій Ахиллъ продолжаютъ довѣрять свои интересы буржуа съ улицы С. Дени? Дама въ ужасѣ: «варваръ», очевидно, хочетъ напасть на Расина. «Отнюдь не больше», отвѣчаетъ помѣщикъ, «чѣмъ на кого-нибудь другого. Безпрестанно копируютъ этого *божественнаго* Расина, — и все для усовершенствованія и расширенія искусства, которое уже полтора вѣка вращается въ заколдованномъ кругу и все остается такимъ же скучнымъ. Арабы, римскіе и греческіе герои, вывернутые на новый ладъ, все еще вѣрны своей риѳмѣ? Парижанинъ постоянно горячится изъ-за свободы и величія римлянъ и апплодируетъ изо всѣхъ силъ, когда послѣ двадцатичетырехчасоваго заговора тирана душатъ, какъ барашка? А онъ умираетъ съ большой граціей, на рукахъ тѣлохранителей и съ двустишіемъ на устахъ» [114].

Побѣдить суждено было Мерсье. Ровно черезъ десять лѣтъ послѣ сатиры на драму, Кюбьеръ издалъ сборникъ сочиненій—*Théatre moral ou pièces dramatiques nouvelles* и предпослалъ обширное предисловіе—*Essai sur la comédie*. Вспоминая о *La manie des drames sombres*, авторъ говоритъ: «нападая на драмы, я искоренялъ то, чего не зналъ... Я поносилъ одновременно чувство и разумъ въ угоду вкусу... Съ теченіемъ времени мои идеи опредѣлились и исправились»,—и теперь онъ напечаталъ пьесу затѣмъ, чтобы наказать себя. Но это не все. Раньше онъ явно смѣялся надъ идеями Мерсье, теперь буквально повторяетъ ихъ: для него писатель также посредникъ между бѣднякомъ и богачомъ, трибунъ несчастныхъ и слабыхъ. Тотъ, кто страдаетъ и говоритъ: «Я страдаю»,—интересуетъ писателя гораздо больше, чѣмъ тиранъ, заставляющій страдать свою жертву, и писатель изобразитъ ихъ—и того и другого—въ достойномъ свѣтѣ» [115].

[114] *Le campagnard ou le riche désabusé*. Haye 1779. Acte II, 3.

[115] *Théâtre moral*. Paris 1786. *Dialogne entre l'auteur et un homme de* goût. II, 31, 35. О Вольтерѣ авторъ отзывается. „Seul il est le tragique

Пьесы Кюбьера написаны по этимъ принципамъ,— онѣ носятъ соціальный характеръ. Особенно ярко настроеніе автора сказывается въ комедіи *Ecole des riches*. Обѣднѣвшій герцогъ заканчиваетъ пьесу такими словами: «Я гордился положеніемъ бѣдняка... Несчастные обращались ко мнѣ, я не могъ помочь имъ и тогда только я почувствовалъ цѣну богатства». Авторъ пишетъ комедію въ защиту писателей и ставитъ ихъ выше всѣхъ общественныхъ ранговъ и состояній: *Le concours académique ou le triomphe des talents*. Говоря объ академическомъ креслѣ своего ученаго героя, авторъ восклицаетъ: «Это тронъ, это алтарь. Только произведенія ума безсмертны, все остальное погибаетъ»[116]. Самая наивность выраженій свидѣтельствуетъ объ искренности раскаянія автора въ грѣхѣ предъ писателями и новой литературой.

Раскаяніе Кюбьера интересный симптомъ въ настроеніи противниковъ новаго движенія; оно яснѣе, чѣмъ всѣ надежды философовъ, говоритъ объ его успѣхахъ. И въ эти успѣхи не могли не вѣрить самые настойчивые враги философіи. Во всѣхъ сатирахъ можно замѣтить одинъ въ высшей степени характерный фактъ: энциклопедисты подвергаются всевозможнымъ навѣтамъ и оскорбленіямъ, но главнѣйшій виновникъ философскаго направленія эпохи «герой вѣка», «всеобщій учитель», какъ выражаются современники, общепризнанный патріархъ философской церкви — остается не только внѣ ударовъ, но даже встрѣчаетъ лесть и похвалы въ самыхъ дерзкихъ пасквиляхъ противъ энциклопедистовъ. Голоса Дефонтена, Фрерона прозвучали глухо и не произвели впечатлѣнія на современниковъ. Въ самый разцвѣтъ дѣятельности Фрерона Вольтеръ успѣлъ погубить Помпиньяна въ глазахъ парижской публики, одержалъ надъ нимъ быструю и блестящую побѣду. Представленія *Шотландки* окончательно должны были убѣдить патріарха въ неопре-

---

philosophe et ce titre vaut bien celui de *grand*, qu'on o donné à quelques autres". I, 14.

[116] *Th. mor*. I, 327.

одолимой силѣ его авторитета. И эту силу признаютъ даже враги философіи. Фрерона поражаютъ вожди сатириковъ — въ родѣ Палиссо, а другіе спѣшатъ выдѣлить имя Вольтера изъ числа именъ, подлежащихъ издѣвательствамъ. Съ теченіемъ времени Вольтеру придется рѣзко разойтись съ общественнымъ мнѣніемъ — въ политикѣ по вопросу о парламентахъ, въ литературѣ—во взглядахъ на Шекспира, — но это нисколько не поколеблетъ его обаянія. Дворъ ненавидитъ философа, относится враждебно къ его пріему въ Парижѣ, послѣ смерти запрещаетъ вдругъ играть на сценѣ его произведенія, но усерднѣйшій агентъ двора продолжаетъ льстить Вольтеру въ самый разгаръ его парижскихъ тріумфовъ. Даже уступки Вольтера католическому культу, разсчитанныя на удовольствіе высшихъ сферъ и повергающія въ смущеніе философскую церковь, не ободряетъ враговъ философіи—возстать, наконецъ, на ея вождя [117]. Мерсье рѣшается упрекнуть Вольтера въ непослѣдовательности идей и литературныхъ мнѣній [118],— но онъ остается одинокимъ: сатирикъ не пользуется даже этимъ случаемъ — возмущенія новаго писателя противъ учителя эпохи. При этомъ любопытенъ одинъ фактъ: Вольтеру при жизни рѣшаютъ воздвигнуть статую и рѣшеніе исходитъ отъ собранія философовъ,

---

[117] О впечатлѣніяхъ въ Парижѣ послѣ извѣстныхъ поступковъ Вольтера въ Пасху 1768—Grimm. VIII, 63.

[118] Больше всего Мерсье нападаетъ на Вольтера за непослѣдовательность во взглядахъ на драму, (Du théâtre, 169). Непослѣдовательность, мы видѣли, далеко не такая рѣзкая, какъ это казалось Мерсье и позже —другимъ авторамъ. Серьезнѣе другое заявленіе Мерсье о Вольтерѣ: „il a presque toujours écrit pour le moment et selon le besoin“. Фраза, несомнѣнно, партійнаго происхожденія. Мерсье принадлежалъ къ партіи демократовъ, дѣйствовавшихъ отдѣльно отъ общества энциклопедистовъ. Кружокъ этотъ имѣлъ свои *dejeuners philosophiques* у Grimod de la Reynière'a и относился къ энциклопедистамъ, какъ радикалы къ умѣреннымъ, хотя далеко не съ такимъ ослѣпленіемъ, какъ Руссо. Мерсье, мы видѣли, признавалъ всѣ блага просвѣтительной философіи и ея пропаганды.—О *dejeun phil.* разсказалъ самъ Мерсье въ *Tableau de Paris*. О томъ же предметѣ книга Desnoiresterres'a *Grimod de la Regnière et son groupe*. Paris 1877.

въ числѣ семнадцати, всѣхъ *видныхъ* представителей новыхъ идей. Руссо не участвуетъ въ собраніи, но присылаетъ свой взносъ, пытается внести деньги даже Фреронъ, ихъ возвращаютъ назадъ. Но попытку Фрерона врядъ ли слѣдуетъ приписывать исключительно его нахальству. Можно думать, его настроеніе въ этомъ случаѣ отчасти походило на настроеніе Руссо: всемірный авторитетъ Вольтера не могъ не импонировать Фрерону и если Руссо сочувствовалъ статуѣ Вольтера, Фреронъ своимъ поступкомъ какъ бы хо тѣлъ удержать за собой право числиться въ литературномъ мірѣ, участвовать въ общемъ дѣлѣ писателей. Невольное сознаніе, что предъ его глазами совершается чествованіе мірового генія, стоящаго выше временныхъ и партійныхъ дрязгъ, не могло не коснуться даже Фрерона и тотъ «святой духъ», который, по словамъ одного изъ участниковъ философскаго собранія внушилъ идею о статуѣ Вольтеру, не могъ по временамъ не вѣять надъ всѣми, кого сколько-нибудь касался вопросъ о литературѣ и мысли—въ какомъ бы то ни было направленіи.

Исключительной фигурой остается Помпиньянъ, прославившійся шутовской рѣчью въ Академіи противъ философовъ. Въ 1771 году онъ написалъ оперу въ защиту религіи и культа. Опера называлась *Прометей* и изображала сначала тріумфъ Вольтера, а потомъ окончательное разрушеніе всѣхъ его замысловъ. Прометей обвинялся въ томъ, что онъ научилъ людей искусствамъ, презрѣнію къ богамъ и все это развратило человѣчество [119]. Въ произведеніи Помпиньяна не все оказалось празднымъ вымысломъ, — и именно апоѳеозъ Вольтера, изображенный сатирикомъ, осуществился съ изумительной точностью въ дѣйствительности. Не оправдался только финалъ оперы, составлявшій для самого автора всю

---

[119] Между прочимъ, Ѳетида, мать Прометея, упрекаетъ сына:

Tes arts ont pris la place et les lois des dieux.

Villemain. *Tableau de la litterature au XVIII-e siècle.* Paris 1852, I, 280. Desnoiresterres. *Voltaire.* VIII, 505.

ея сущность. Благодаря Помпиньяну, сатира впервые появилась въ оперѣ, но не возбудила ни малѣйшаго вниманія публики. Тріумфальное путешествіе патріарха въ Парижъ вызвало одноактную комедію *Voltaire apprecié*: осмѣивается необыкновенная разносторонность талантовъ Вольтера и совѣтуется ему не писать въ преклонномъ возрастѣ [12]. Но объ этихъ сатирахъ приходится упоминать только въ интересахъ исторической точности: никакого общественнагъ значенія онѣ не имѣли и даже не привлекали любопытства публики, не поднимали шума, чѣмъ, по крайней мѣрѣ, могли похвалиться произведенія Палиссо и его соратниковъ.

Дѣятельность вождя философіи шла могучимъ потокомъ и всѣ критики и нападки казались мелкими безпомощными обломками въ этихъ волнахъ. Такова судьба сатиры противъ учителя. Судьбу ея противъ учениковъ мы знаемъ. Публика въ теченіе второй половины вѣка встрѣчала насмѣшки надъ новыми идеями и мыслителями съ постепенно возрастающимъ негодованіемъ, а наканунѣ переворота совершенно прекратила вылазки противъ философіи и литературы. Актъ побѣды философіи совершился въ театральной залѣ раньше чѣмъ, вопросъ о старомъ и новомъ перешелъ въ залу политическаго собранія. И, мы видѣли, само правительство подготовляло этотъ результатъ, въ теченіе десятилѣтій поощряя литературную войну на театральныхъ сценахъ. Въ продолженіе всего этого времени публика научалась съ тѣхъ же сценъ новымъ идеямъ и съ каждымъ спектаклемъ выносила изъ театра свѣжее оружіе противъ основъ стараго порядка, — противъ *всѣхъ* старыхъ основъ, потому что ни одна просвѣтительная и реформаторская идея XVIII вѣка не миновала сцены.

---

[12] Печатное изданіе безъ обозначенія города и авторъ названъ E.*** B.*** Mouhy не знаетъ его имени. Энц. *Bibl. Nat.*—Billard.

Реформа семьи.

I.

Въ *Секретной корреспонденціи* подъ 5 ноября, 1778 г. напечатана лирическая рѣчь: *Чувства благодарности матери обращенныя къ тѣни Ж. Ж. Руссо.* Здѣсь, между прочимъ, читаемъ слѣдующее: «Если все, что обезображиваетъ благую природу, если все, что подавляетъ чувства милосердія и нѣжности — навсегда уничтожено для будущихъ поколѣній, если въ семьяхъ царствуетъ единеніе, если дѣти любятъ тѣхъ, кому они обязаны больше, чѣмъ существованіемъ, если видъ матери, окруженной своими дѣтьми, внесъ въ брачный союзъ счастье и миръ — всѣми этими благодѣяніями человѣчество обязано тебѣ». Дѣти въ свою очередь привѣтствуютъ тѣнь писателя такими словами: «Мы одержали побѣду. Руссо мы посвящаемъ наши удовольствія: наши игры это—праздники въ честь его памяти». Дальше Руссо именуется благороднымъ освободителемъ юнаго поколѣнія, его могила увѣнчивается цвѣтами отъ лица благодарныхъ дѣтей [1].

Эти слова написаны четыре мѣсяца спустя послѣ смерти Руссо и точно и правдиво выражаютъ настроеніе современниковъ, оплакивавшихъ кончину женевскаго философа. Здѣсь выразился взглядъ на дѣятельность Руссо—читателей сравнительно умѣреннаго направленія, не питавшихъ сочувствія

---

[1] *Sentiments de reconnaissance d'une mère adressés à l'ombre de J. J. Rousseau. Corresp. secr.* VII, 101.

ни къ парадоксальнымъ разсужденіямъ ни къ революціонному *Общественному договору*. Для нихъ лучшими произведеніями Руссо были *Новая Элоиза*, *Эмиль*. Въ этихъ книгахъ подвергались критикѣ явленія, ненавистныя всѣмъ, кто и не думалъ, разрушать политическія основы стараго порядка. Въ романахъ поднимались вопросы нравственности—семейной и общественной, вопросы, находившіе отголосокъ у всѣхъ, кто не былъ совершенно равнодушенъ къ будущему Франціи. У этихъ наблюдателей невольно являлась мысль, повѣритъ ли потомство, что существовали подобные нравы. По крайней мѣрѣ, нѣсколько поколѣній подрядъ не могли бы жить при такомъ порядкѣ вещей: исторія—говоритъ одинъ изъ наблюдателей,—непремѣнно должна будетъ разсказать, какъ эпоха разврата была возмѣщена эпохой добродѣтелей, – иначе слава и блескъ націи подвергнутся сильнѣйшей опасности [2].

Это соображеніе высказано ровно за четверть вѣка до революціи и неоднократно повторялось самыми умѣренными современниками, произносилось даже слово *революція*—не въ смыслѣ наступившаго впослѣдствіи переворота, а въ смыслѣ преобразованія искусственной жизни общества и его уродливыхъ воззрѣній [3]. Произведенія Руссо падали на благодарную почву. Никто краснорѣчивѣе его не клеймилъ современныхъ извращеній и никто не умѣлъ въ такой блестящей рѣшительной формѣ представить идеалъ будущаго,—и никогда его рѣчь не казалось громадному большинству современни-

---

[2] Grimm. *Corresp. litt.*, 1764. „On peut croire qu'elle (la postérité) s'enquerra avec quelque curiosité si ces moeurs ont été réellement les moeurs d'une grande et illustre nation, puisqu'enfin toutes les comédies du temps les ont ainsi représentes... Il faut esperer que les curieux d'alors pourront se répondre que les moeurs ont été effet celles d'une génération aussi courte que frivole, dont les travers ont été réparés par des siècles de vertu. Car si de telles moeurs avaient été duré plusieurs générations de suite, l'histoire apprendrait sans doute du même temps aux curieux des siècles à venir les funestes influences que leur durée aurait eues sur la gloire et la splendéur d'une telle nation".

[3] *Ib.* VI, 246.

ковъ такой неотразимой какъ въ нападкахъ на модную семью, модную женщину и модную нравственность.

Въ то самое время, когда очевидецъ высказалъ свой безнадежный отзывъ о нравахъ французовъ, вышелъ первый романъ Руссо. Сенъ-Прэ, герой романа, переселяется въ Парижъ изъ идиллической страны патріархальныхъ нравовъ. Онъ пораженъ жизнью столицы, особенно семейными отношеніями парижскаго «свѣта». Онъ подробно разсказываетъ свои наблюденія въ письмахъ къ Юліи. Одно изъ нихъ должно было особенно заинтересовать читателей и читательницъ аристократическаго міра. Сенъ-Прэ пишетъ:

«Кажется весь строй естественныхъ чувствъ здѣсь разрушенъ. Сердце не создаетъ никакихъ привязанностей; дѣвушка не имѣетъ на нихъ права; оно принадлежитъ только замужнимъ женщинамъ, которыя не исключаютъ при выборѣ никого, кромѣ своихъ мужей. Приличнѣе матери имѣть двадцать любовниковъ, чѣмъ дочери одного. Прелюбодѣяніе ихъ не возмущаетъ, въ немъ не находятъ ничего непристойнаго; имъ переполнены самые скромные романы, поучающіе общество, и развратъ не подлежитъ осужденію, лишь только онъ связанъ съ супружескою невѣрностью. О Юлія! здѣсь такая женщина, которая не побоится сто разъ осквернить свое брачное ложе, осмѣлится своими грязными устами осудить нашу цѣломудренную любовь и оскорбить узы двухъ искреннихъ сердецъ, никогда не измѣнявшихъ другъ другу... По словамъ парижанъ, бракъ есть таинство, но таинство, не имѣющее у нихъ силы даже самаго ничтожнаго гражданскаго договора. Повидимому, это ничто иное какъ соглашеніе двухъ свободныхъ лицъ жить вмѣстѣ, носить одну фамилію и признавать своихъ дѣтей; затѣмъ бракъ не даетъ болѣе никакихъ правъ одного супруга надъ другимъ. Поэтому, мужъ, который вздумалъ бы осуждать поведеніе своей жены. возбудилъ бы здѣсь противъ себя такой же ропотъ, какъ у насъ мужъ, который допустилъ бы свою жену до публичнаго разврата. Съ своей стороны жены не особенно строги къ мужьямъ, и не было примѣра, чтобы жена отомстила мужу за то,

что онъ подражаетъ ея невѣрности. Впрочемъ можно ли ожидать другихъ болѣе честныхъ отношеній тамъ, гдѣ въ основаніи брачнаго союза сердце не принимаетъ никакого участія? Кто женится ради состоянія или положенія, тотъ не налагаетъ на себя никакихъ нравственныхъ обязательствъ».

«Даже любовь и та потеряла здѣсь свои права и извращена не менѣе, чѣмъ бракъ. И если здѣсь супруги ни что иное, какъ мужчины и женщины, которые ради большей свободы согласились жить вмѣстѣ, то и любовники также совершенно равнодушны другъ къ другу. Они видятся или для развлеченія, или изъ тщеславія, изъ привычки или ради животной потребности. Сердце не принимаетъ никакого участія въ такой связи, въ ней ищутъ только удобства и нѣкотораго сходства въ характерахъ».

Сенъ-Прэ обличаетъ парижанку въ полнѣйшемъ рабствѣ передъ модой, въ забвеніи собственной личности и природы. За это рабство кавалеры отплачиваютъ ей поклоненіемъ: женщина кажется царицей общества. Но отъ наблюдательности Сенъ-Прэ не ускользаетъ сущность дѣла. «Власть женщины», пишетъ онъ, «зависитъ не отъ привязанности или уваженія къ ней мужчины, а является только слѣдствіемъ учтивости и свѣтскаго обычая, такъ какъ французское волокитство, при всей своей угодливости, не исключаетъ презрѣнія къ женщинѣ».

По наблюденіямъ Сенъ-Прэ—это презрѣніе вполнѣ сознательно, даже мотивируется несомнѣнными данными: мужчины презираютъ современныхъ женщинъ, потому что хорошо знаютъ ихъ. «Того, кто уважаетъ ихъ», пишетъ Сенъ-Прэ, «считаютъ за неопытнаго новичка, за древняго рыцаря, за мужчину, который знаетъ женщинъ только по романамъ».

Дальше мы узнаемъ еще болѣе удивительныя вещи. Оказывается, сами женщины иного отношенія и не ждутъ къ себѣ. Онѣ не только допускаютъ скрытое презрѣніе мужчинъ, но даже начинаютъ презирать тѣхъ, кто питаетъ къ нимъ противоположныя чувства. «Сами женщины», говоритъ Сенъ-Прэ, «судятъ о себѣ съ такой справедливостью, что-

чувство уваженія къ нимъ не заслуживаетъ ихъ одобренія. Первое качество счастливаго волокиты заключается въ его крайнемъ нахальствѣ»[1].

Это — портреты героевъ и героинь стараго общества, приговореннаго къ смерти. Рядомъ съ ними авторъ рисуетъ новыхъ людей и развертываетъ перспективу идеальнаго союза по чувству, по влеченію сердца. Юлія—новая женщина, освободившая себя отъ гнета современныхъ общественныхъ предразсудковъ. Мода не имѣетъ надъ ней никакой власти. Мнѣнія свѣта въ ея глазахъ старый хламъ, не заслуживающій вниманія. Она получила совершенно другое воспитаніе, чѣмъ свѣтскія столичныя дѣвушки. Ея не запирали въ монастырь и потомъ не передавали съ рукъ на руки будущему мужу, какъ нѣчто безличное и безвольное. Ея учитель — «мелкій буржуа» и по своимъ взглядамъ онъ стоитъ выше сословныхъ границъ. Сенъ-Прэ одушевленъ высшими принципами современной ему мысли, Юлія его убѣжденная и мужественная послѣдовательница. Она даже поднимается выше учителя, когда тотъ по легкомыслію или по слабости воли измѣняетъ своимъ убѣжденіямъ и сбивается съ намѣченнаго пути. Въ отвѣтъ на подробныя извѣстія Сенъ-Прэ о парижскомъ свѣтѣ Юлія пишетъ: «Какъ! неужели вы хотите изучать людей, наблюдая ничтожные обычаи какихъ то жеманницъ и бездѣльниковъ, и неужели этотъ внѣшній мѣняющійся лоскъ, который едва ли заслуживалъ вашего вниманія, могъ послужить основаніемъ всѣхъ вашихъ наблюденій?» Она негодуетъ на Сенъ-Прэ, почему онъ не занимается людьми. равными по положенію съ нимъ самимъ, ничего не пишетъ о честныхъ труженикахъ, «составляющихъ, быть можетъ, самый уважаемый классъ людей въ странѣ».

У Юліи есть, слѣдовательно, извѣстные нравственные и общественные взгляды. Они принадлежатъ ей лично, и она не поступится ими не только для общества, но и ради сво-

---

[1] *Nouvelle Héloise.* Partie II, lettre XXI. Цитаты сдѣланы по русскому изданію, Москва 1892.

его учителя. Она будетъ требовать отъ него той же стойкости и жесточайшей мукой будетъ для Юліи паденіе и отступничество ея друга. Она должна не только любить его, но и уважать, т.-е. сознательно относиться къ его личности, къ его поведенію. Она не отступаетъ предъ самыми энергичными упреками, лишь только этому чувству грозитъ опасность. Сенъ-Прэ палъ духомъ въ виду разлуки съ подругой. Юлія спрашиваетъ у него: «Гдѣ же та высокая любовь, умѣвшая возвышать всѣ чувства и воспламенять ихъ, добродѣтелью? Гдѣ эти гордые принципы? Что сталось съ подражаніемъ великимъ людямъ? Гдѣ тотъ философъ, котораго не можетъ поколебать никакое бѣдствіе и который падаетъ при первой случайности, разлучающей его съ подругой? Чѣмъ извинить мнѣ въ своихъ глазахъ мой стыдъ, если въ томъ, кто увлекъ меня, я вижу только обыкновеннаго человѣка съ трусливымъ сердцемъ, подавленнаго первыми неудачами, безумца, который не внимаетъ голосу разсудка въ то время, когда онъ болѣе всего ему необходимъ. Боже! Неужели въ такомъ крайнемъ униженіи я должна краснѣть столько же за свой выборъ, сколько и за свою слабость?..»[5].

Этотъ упрекъ направленъ противъ личнаго заблужденія Сенъ-Прэ. Юлія зорко слѣдитъ за его идеями, выходящими за предѣлы личной жизни. Она даетъ ему совѣты, какъ лучше всего воспользоваться пребываніемъ въ Парижѣ. Она требуетъ, чтобы онъ вошелъ въ сношенія съ учеными, присматривался къ общественной дѣятельности серьезныхъ людей и не забывалъ при этомъ, что «тайныя пружины общественной жизни познаются мудрецомъ въ хижинѣ бѣдняка». Сенъ-Прэ долженъ отвѣчать ей на вопросы, занимавшіе передовыхъ мыслителей эпохи. Юлія представляетъ ему цѣлую программу общественныхъ изслѣдованій. Она и теперь хочетъ учиться у своего учителя и въ то же время воодушевляетъ его на дѣятельность, исполненную благородныхъ и гуманныхъ цѣлей. Она хочетъ во всемъ быть его подругой

---

[5] *Ib.* Partie II, lettre VII.

и помощницей. «Не отказывайте мнѣ въ удовольствіи знать и любить все, что вы дѣлаете хорошаго. Вы не захотите оскорбить меня и не заставите меня думать, что если небо соединитъ нашу судьбу, вы сочтете недостойной вашу подругу мыслить вмѣстѣ съ вами»[6].

И Сенъ-Прэ подчиняется двойной власти—любьщаго сердца и благородной мысли. Письма Юліи – его жизненный руководитель. Онъ переписываетъ ихъ въ одну книгу и обѣщаетъ не покидать ихъ во всю жизнь. Они будутъ служить ему противоядіемъ противъ искушеній и превратныхъ взглядовъ свѣта, утѣшеніемъ въ бѣдствіяхъ, будутъ предупреждать и исправлять его заблужденія. «По моему мнѣнію», прибавляетъ Сенъ-Прэ, «это будутъ первыя любовныя письма, изъ которыхъ будетъ сдѣлано такое примѣненіе».

Это справедливо, потому что и самый романъ первый и единственный въ своемъ родѣ. Онъ опьянилъ читательницъ, сдѣлался ихъ любимѣйшей книгой. И это не было скоропроходящимъ увлеченіемъ: на романѣ воспитался рядъ поколѣній французскихъ женщинъ, отъ современицъ автора до Жоржъ-Зандъ. Велико также историческое значеніе романа. Ни въ одномъ произведеніи XVIII вѣка съ такой мѣткостью не обрисованы семейныя отношенія стараго порядка, не представленъ въ такихъ смѣлыхъ чертахъ грядущій союзъ мысли и чувства изъ двухъ равноправныхъ членовъ свободнаго общества. Романомъ *Новая Элоиза* полагалась первая основа новой семьи.

Руссо съ большимъ удовольствіемъ разсказываетъ о необыкновенной популярности *Новой Элоизы*, приписываетъ эту популярность врожденному влеченію даже испорченнаго человѣка къ чистымъ, нѣжнымъ и благороднымъ чувствамъ другого,— т. е. самого автора. Руссо здѣсь кромѣ того не приминулъ въ краткихъ словахъ повторить основныя положенія романа. Очевидно,—гордое сознаніе побѣды наполняло писателя [7].

---

[6] *Ib.* lettre XXVII.

[7] *Confessions*. Partie. II, livre XI. Paris 1869. p. 538—9.

И все-таки, не этотъ романъ сосредоточилъ всѣ усилія, всѣ сочувствія женевскаго философа. Годомъ позже *Новой Элоизы* — вышла въ свѣтъ другая книга. Ее Руссо считалъ своимъ главнымъ, лучшимъ и достойнѣйшимъ созданіемъ, на него авторъ свои надежды на славу [8].

Эмиль велъ читателей дальше. Мужчины и женщины дѣйствовали въ новой роли, также невѣдомой старому обществу,— въ роли воспитателей своихъ дѣтей. Руссо и здѣсь являлся пророкомъ новыхъ идей и новаго строя. Обѣ книги окончательно закрѣпили за авторомъ право считаться реформаторомъ семьи на всѣхъ ея отвѣтственныхъ путяхъ. Онъ возсталъ на защиту чувства и природы, на защиту порабощенной женщины, сорвалъ съ нея кукольные уборы и всѣ модныя цѣпи и прикрасы, открылъ обаятельную даль искренняго равноправнаго союза съ любимымъ человѣкомъ, счастья матери и воспитательницы гражданъ. Это онъ сдѣлалъ къ шестидесятымъ годамъ столѣтія и—говоритъ новый историкъ—«вторая половина вѣка принадлежитъ ему» [9]. Принадлежитъ, главнымъ образомъ двумъ романамъ. *Общественный договоръ* имѣлъ особую публику — будущихъ избирателей, членовъ революціонныхъ собраній, и зрителей галлерей. *Эмиля* и *Новую Элоизу* читали всѣ, кто вообще интересовался литературой или просто беллетристикой, и увлекались также всѣ, начиная съ придворныхъ дамъ и кончая писателями, вообще не расположенными къ новой философіи [10]. Самъ авторъ отмѣчаетъ безпримѣрную популярность романовъ среди публики, которая должна была остаться равнодушной къ его политической математикѣ.

И несомнѣнно,—все, что бы ни возникало на тѣ же темы позже прославленныхъ сочиненій, должно было исчезнуть въ ихъ лучахъ. Для почитателей Руссо такая же судьба постигла

---

[8] *Confessions. Ib.* p. 559, 561.

[9] Тэнъ. *Происхожд. общ. строя.* Русск. изд. стр. 357.

[10] *Corresp. secrète* называетъ *Эмиля* лучшимъ, что создано человѣческимъ умомъ. VII, 114.

и все, что было извѣстно раньше его—довольно обыкновенная участь предшественниковъ генія. Онъ часто беретъ едва ли не самый существенный матеріалъ у другихъ, часто у своихъ старшихъ современниковъ, изъ обломковъ чужихъ зданій строитъ свое, — и оно признается новымъ и оригинальнымъ не только въ потомствѣ, нерѣдко даже у современниковъ. Такова судьба главнѣйшихъ идей Руссо. Безусловно вѣрно, что его политическіе и общественные взгляды отнюдь не могли являться новостью для парижанина даже, никогда не читавшаго политическихъ трактатовъ. Вся заслуга Руссо состояла въ искусномъ и дѣйствительно оригинальномъ изложеніи теорій, раньше его пущенныхъ въ оборотъ. Руссо любитъ заявлять, что онъ пишетъ безъ помощи книгъ [11], и у него дѣйствительно мало цитатъ и ссылокъ. Это отнюдь не значитъ, чтобы вовсе нельзя было ихъ сдѣлать и къ мыслямъ автора—отыскать параллельныя мѣста въ ближайшихъ къ нему источникахъ.—Напротивъ. Можетъ быть, необыкновенная популярность произведеній Руссо и легкость ихъ усвоенія для средней публики объясняются именно ихъ неоригинальностью, ихъ значеніемъ, какъ общедоступнаго повторительнаго изложенія уже знакомыхъ идей. Мы не можемъ этого утверждать о всей дѣятельности Руссо, какъ мыслителя,—но извѣстная часть ея и едва ли не главнѣйшая унаслѣдована философомъ отъ своихъ старшихъ современниковъ, въ этомъ отношеніи или совершенно забытыхъ или несравненно менѣе цѣнимымъ, чѣмъ ихъ наслѣдникъ.

Идеи *Новой Элоизы*, легшія въ основу новаго семейнаго строя, были высказаны раньше Руссо и многія изъ нихъ онъ умѣлъ оцѣнить по достоинству. Онѣ явились одновременно съ драмой. Мы видѣли, — она по самой своей сущности должна была овладѣть вопросами о семьѣ и съ теченіемъ времени—объ общественныхъ отношеніяхъ. Область чувства всецѣло принадлежитъ драмѣ и, слѣдовательно, тамъ, гдѣ личное стремленіе сталкивается съ внѣшними препят-

---

[11] Напримѣръ, неоднократно въ *Письмѣ къ Даламберу*.

ствіями, возникаетъ истинная *драматическая* борьба — въ тѣсномъ смыслѣ слова, т. е. борьба, подлежащая анализу новой поэзіи. Чувство—простѣйшее непосредственное выраженіе личности, а борьба за него—первый шагъ къ личной свободѣ. Старое общество не знало чувства и личность была поглощена обществомъ, ея ни существовало. Жизнь была построена на *формѣ*, на внѣшнихъ условностяхъ: только такимъ путемъ и можно было достигнуть полнаго уподобленія людей другъ другу. Идеальнымъ человѣкомъ во французскомъ обществѣ считался тотъ, кто походилъ на всѣхъ вмѣстѣ и ни на кого отдѣльно, и мы слышали жалобу современника на отсутствіе во французскомъ обществѣ индивидуальныхъ характеровъ, на невозможность возникнуть семейному роману во французской литературѣ. Другими словами, — гдѣ нѣтъ необходимой основы для семьи, т. е. чувства, тамъ нѣтъ характеровъ и личностей. И то и другое неразрывно связано. Драма, поставившая своей задачей вдохновляться чувствомъ, этимъ самымъ взяла на себя изображеніе *личной* жизни, борьбы отдѣльнаго человѣка съ внѣшними условіями. Чувство и личная жизнь, конечно, ближе всего проявляются въ любви и семьѣ: чувствительная драма необходимо превращается въ семейную. Но чувство любви не всегда можетъ встрѣтить свободный путь, особенно въ обществѣ, переполненномъ предразсудками и привилегіями: — неминуемо произойдетъ столкновеніе между личной волей и общественными формами, — предстанетъ, слѣдовательно, вопросъ о предразсудкахъ и привилегіяхъ. То же чувство подскажетъ и рѣшеніе вопроса—независимо отъ общихъ отвлеченныхъ соображеній. Такимъ путемъ, безъ всякихъ теорій и философскихъ тенденцій—художественная литература превратится въ литературу о личной и общественной свободѣ. И мы знаемъ, — и та и другая освобода первоначально подвергаются обсужденію писателей, не принадлежащихъ къ философской партіи, даже враждебныхъ ей. Вопросъ, слѣдовательно, самъ по себѣ, возникалъ независимо отъ дѣятельности просвѣтителей, — подобно вопросамъ о театрѣ и драмѣ. И въ томъ и въ дру-

томъ случаѣ энциклопедисты *подходили* къ вопросу, уже начатому и практически даже предрѣшенному. Жизнь шла впереди теоріи и литература впереди философіи. Философіи оставалось выяснить и обобщить данное явленіе, вывести возможныя слѣдствія,—представить прочную логическую систему. Это именно и сдѣлали философы съ вопросами о театрѣ и о драмѣ. Ту же роль они выполнятъ и относительно вопроса о семьѣ. Раньше, чѣмъ на сцену выступятъ энциклопедисты, и гораздо раньше Руссо—мнимаго творца идеи,—она уже будетъ намѣчена, потому что она родилась вмѣстѣ съ драмой, независимо отъ философскаго движенія эпохи.

Къ тому времени, когда вышелъ романъ Руссо, французская публика во всѣхъ подробностяхъ знала, что такое свѣтская семья, модный мужъ, модная жена и мать. Драматическая литература неустанно изображала эти фигуры, и еще за четверть вѣка до *Новой Элоизы*—новыя женщины впервые появились на сценѣ и раньше писемъ Юліи успѣли высказать свое міросозерцаніе и свои идеалы.

II.

Съ начала XVIII вѣка на французской сценѣ непрестанно появляется одинъ и тотъ же герой изъ аристократическаго міра, по нѣкоторымъ признакамъ потомокъ мольеровскихъ типовъ—Донъ-Жуана-соблазнителя и авантюриста Доранта, безстыднаго эксплуататора буржуазной глупости и тщеславія. Но съ теченіемъ времени потомокъ ушелъ много дальше своихъ предковъ. Онъ соединилъ соблазнъ съ эксплуатаціей, — одновременно развращаетъ всѣхъ, кто довѣряется ему, и живетъ на счетъ своихъ жертвъ. Онъ, наслѣдникъ разорившейся семьи. Сердце у него убито со дня рожденія, остались хищническіе инктинкты, вооруженные титуломъ и свѣтскими талантами. Въ ранней молодости онъ, можетъ быть, и пытался идти честнымъ путемъ, думая даже о бракѣ по любви, но этимъ намѣреніямъ не было мѣста въ салонахъ, женщины поступили съ юнымъ мечтателемъ совершенно,

какъ писалъ объ этомъ Сенъ-Прэ,—и маркизъ превратился въ хладнокровнаго, своекорыстнаго поѣдателя неопытныхъ сердецъ. Такая карьера описывается въ извѣстной намъ комедіи, посвященной *Соблазнителю*. Но это исключительный случай. Отъ другихъ маркизовъ, шевалье, герцоговъ мы не слышимъ ничего подобнаго. У нихъ не было «бурнаго періода»,—они съ самого начала шли однимъ и тѣмъ же путемъ. Образецъ ихъ появляется еще въ концѣ XVII вѣка—въ комедіи Данкура *Le chevalier à la mode*. Его жизнь и нравственность рисуются въ слѣдующей картинѣ: «У него обыкновенно пять или шесть коммерческихъ аферъ съ такимъ же количествомъ красавицъ. Онъ поочередно обѣщаетъ имъ жениться, смотря потому, насколько нуждается въ деньгахъ. Одна заботится объ его экипажѣ, другая оплачиваетъ его игру, третья платитъ по счетамъ его портного, четвертая покупаетъ мебель для его квартиры. И всѣ эти подруги для него своего рода фермы съ прекраснымъ доходомъ»[12].

Въ этой комедіи для русскаго читателя особенно любопытна одна сцена—шевалье съ горничной—Лизеттой. Сцена сильно напоминаетъ отношенія Молчалина къ Лизѣ и Софьѣ. Положеніе горничныхъ совершенно тождественное, чувства, питаемыя шевалье къ госпожѣ Лизетты тѣ же самыя, какія доставляютъ не мало хлопотъ Молчалину въ его интригѣ съ Софьей. Разница общественнаго положенія благороднаго французскаго афериста и секретаря русскаго чиновника въ данномъ случаѣ не является существеннымъ вопросомъ. Въ нравственномъ отношеніи шевалье Данкура стоитъ не выше молчалинскаго уровня, — и наше сравненіе вполнѣ точно опредѣляетъ взглядъ самого автора на своего героя[13].

Герой остается неизмѣннымъ въ теченіе цѣлаго столѣтія. Эта характеристика повторяется нерѣдко съ буквальной точностью до самой революціи. Въ комедіи Лесажа *Turcaret*—шевалье—родной братъ герою Данкура. Онъ «ощипываетъ»

---

[12] Acte III, 2.
[13] Acte I, 6.

баронессу, великосвѣтскую кокотку и откровенно сознается ей, что безъ нея онъ нарушилъ бы довѣріе всѣхъ игроковъ, его слово потеряло бы всякое значеніе и онъ заслужилъ бы презрѣніе всѣхъ честныхъ людей. «Какъ пріятно»—восклицаетъ онъ, «видѣть, что твою честь спасаетъ предметъ твоей любви!»[14]. У него такой же пріятель маркизъ. Этому случайно удалось завести интригу съ провинціалкой, онъ не знаетъ, какъ отдѣлаться отъ привязчивой барыни: выказывать слишкомъ много пыла и «бѣгать за женщиной»—буржуазно: «сердечная афера» вовсе не по немъ: онъ спитъ по цѣлымъ днямъ и пьетъ ночами [15]. Такой же шевалье, какъ у Данкура и Лесажа, рисуется полвѣка спустя въ комедіи Буасси *Les valets maîtres*. Здѣсь у героя тоже цѣлый рядъ интригъ, всѣ съ особыми цѣлями: графиня забавляетъ его кокетствомъ, президентша—очень богата и на ней можно будетъ жениться, баронесса—старуха дѣлаетъ ему подарки и надняхъ осчастливитъ экипажемъ [16]. Таковы собственныя признанія шевалье. Вообще эти господа не стѣсняются и высказываютъ свои воззрѣнія не только между собой, но даже иногда своимъ жертвамъ. У маркиза—въ комедіи *La coquette corrigée*—спрашиваютъ, зачѣмъ онъ ухаживаетъ за женщинами,—можетъ быть добивается любви. Маркизъ возмущенъ такимъ подозрѣніемъ. «Эта идея лишена всякаго смысла», говоритъ онъ. «Мое назначеніе, моя роль—гасить повсюду ненавистное мнѣ уродство—чувство, называемое нѣжностью. Оно одному человѣку отдаетъ въ собственность то, что должно принадлежатъ обществу». И онъ дальше объясняетъ средства, какими совращаетъ женщинъ: онъ старается уничтожить въ нихъ «предразсудки», т.-е. чувства приличія и нравственности, разжигаетъ въ нихъ страсть къ блеску, къ шуму, желаніе бравировать общественнымъ мнѣніемъ и жить

---

[14] Acte I, 9.

[15] Acte IV, 2.

[16] Acte II. Пьеса напечатана въ *Dictionnaire des théâtres de Paris*. Parfaict. Paris. 1767.

для себя. Самъ онъ владѣетъ твердыми и постоянными принципами: если бы ему на одну минуту показалось, что женщина можетъ полюбить его, хотя бы на два дня, онъ немедленно бросилъ бы ее [17].

Остроумная современница имѣла послѣ этого полное основаніе высказать такую аксіому: Маѳусаилъ любви жилъ во Франціи не болѣе шести дней, а современный идолъ свѣтскихъ красавицъ, герцогъ Лозэнъ, типичный *homme à bonnes fortunes* заявлялъ, что онъ *un peu mariè*,—настолько *un peu*, что объ этомъ не стоитъ и говорить. Бракъ для такихъ господъ, по выраженію Шамфора—*indecence convenue* — допускаемое свѣтомъ неприличіе, а любовь — *l'échange des deux fantasies, le contact des deux épidermes* [18].

Современная эпиграмма вѣрно уловила эту черту,— совѣтовала дѣвушкамъ избѣгать современной молодежи: она изгнала изъ Франціи искреннее чувство и—сознательно—всюду разсѣяла развратъ [19]. Изгнала чувство во всѣхъ его проявленіяхъ. Модный кавалеръ одинаково былъ дурнымъ сыномъ, другомъ, мужемъ и отцомъ. Его отношенія къ брату и семьѣ совершенно опредѣленны. Если вообще любовь для него чувство буржуазное,—слова *отецъ*, *сынъ*—не менѣе смѣшны и неприличны. Отца онъ называетъ *monsieur*, потому что *père* мѣщанское выраженіе; сынъ то же *monsieur*, потом что *mon fils* звучитъ «слишкомъ подѣтски» [20]. Свѣтъ требуетъ отъ него только двухъ качествъ: онъ долженъ быть *dur et poli*, и то и другое можетъ прикрывать самый ограниченный эго-

---

[17] Acte I, 6.

[18] Du Bled. *La societé française* p. 18, 121.

[19] *Les jeunes gens du siècle*,—приведено въ *Corresp. litt.* XIII, 266.

[20] *L'Ecole des mères*, комедія Лашоссе. Отецъ негодуетъ на сына, называющаго его monsieur:

> Le nom de *père* est—il devenu trop bourgeois
> Pour pouvoir à présent sortir de votre bouche;

Les deux pères. ком. Moissy. Модный отецъ пишетъ сыну monsieur, потому что „*mon fils* est puérile“. Ср. *La mère coupable*, Бомарше, Acte, I, 12.

измъ и непоколебимое безсердечіе [21]. Прежде всего, конечно, они сказываются на семейныхъ отношеніяхъ аристократическаго общества.

Комедія и драма оставила безчисленное множество признаній модныхъ женщинъ и мужей. Фактъ, очевидно, слишкомъ бросался въ глаза, преобладая надъ всей современной жизнью. «Мы любимъ не какъ буржуа», говоритъ шевалье въ комедіи Реньяра: мы умѣемъ сокращать дорогу къ сердцу... Мы вступаемъ ежедневно въ союзъ со всѣми женщинами Франціи» [22]. Невѣста и жена безразличны, не въ нихъ дѣло, шевалье и маркизы женятся не для брака Ничего нѣтъ смѣшнѣе мужа одержимаго *демономъ супружества* [23]. Любить жену просто—*стыдно. On est honteux d'aimer la femme*— и это до такой степени законное правило, что женихи не стѣсняются объяснять его во всѣхъ подробностяхъ своимъ невѣстамъ.

Передъ самой свадьбой происходитъ бесѣда между маркизомъ и его невѣстой изъ буржуазіи. Невѣста наивно заявляетъ жениху: «я буду имѣть великое счастіе—видѣть васъ ежеминутно»... *Маркизъ*: «Эхъ, m-lle, у васъ благородная внѣшность и вы должны оставить эти мѣщанскіе разговоры и чувства» — Что же въ нихъ страннаго? — Маркизъ изумляется! «Какъ что въ нихъ страннаго! Развѣ вы не знаете что при дворѣ такъ не говорятъ? Сами женщины думаютъ совершенно иначе и вовсе не хоронятъ себя въ любви къ мужу. Именно мужей они видятъ рѣже всего! Дѣвушка въ свою очередь удивлена: какъ же не видѣть мужа, котораго любишь? Маркизъ принимается хохотать: «мужа, котораго

---

[21] *Mélanie*, драма Лагарпа—отецъ о сынѣ:

Oui, je crois qu'il pourra réussir dans le monde,
Il est dur et poli—c'est beaucoup (I, 8).

[22] *Le Distrait*. III, 2.

[23] *Préjugé à la mode*, Лашоссе. Одинъ герой говоритъ другому про такого мужа:

Cet homme est possédé du démon conjugal,
Possédé de sa femme... Eh! ris—en donc, Durval! (II, 4).

любишь! Но это очень мило! продолжайте смѣлѣй! Мужа, котораго любишь! Остерегайтесь выражать при другихъ такія чувства. Васъ застыдятъ, надъ вами станутъ смѣяться. Вотъ, скажутъ, маркизъ Моннадо, но гдѣ же его женушка? Она не теряетъ его изъ виду, она только и говоритъ о немъ, она бредитъ имъ. Какъ это мелко! Какъ это дико!» Бенжамина все-таки не понимаетъ маркиза. Развѣ дурно любить своего мужа?—По меньшей мѣрѣ смѣшно,—отвѣчаетъ маркизъ. При дворѣ мужчины женятся, чтобы имѣть наслѣдниковъ, женщины—чтобы имѣть имя. И это все что у нея общаго съ мужемъ. Невѣста въ ужасѣ: «Жениться безъ любви! Какъ же жить послѣ этого вмѣстѣ?» *Маркизъ*: Живутъ какъ нельзя лучше, добрыми друзьями. Не преслѣдуютъ другъ друга мѣщанскими нѣжностями и ревностью, которая унижаетъ приличнаго человѣка. Мужъ, напримѣръ, встрѣчаетъ любовника своей жены.—Здравствуй, мой дорогой шевалье! Гдѣ ты пропадаешь? Я отъ тебя, цѣлый вѣкъ тебя разыскиваю. Кстати, какъ здоровье моей жены? Вы еще все ладите? Она, правда, мила и клярусь честью, не будь я ея мужемъ, я бы любилъ ее. Но почему ты не съ ней? Ахъ, вижу, вижу... Держу пари, вы поссорились. Хорошо Я ее приглашу сегодня ужинать, ты придешь также и я васъ помирю». Бенжалина не можетъ опомниться отъ изумленія: въ ея средѣ всѣ эти вещи понимаются совершенно иначе. Но таковъ высшій свѣтъ, заканчиваетъ маркизъ и вполнѣ убѣжденъ, что лучшаго объясненія невозможно придумать [24]. Для такого мужа—«постоянная жена—невиданное чудовище. палачъ, посылаемый небомъ въ наказаніе» [25]. Супружеская невѣрность доставляетъ удовольствіе въ свѣтѣ: крестьяне— этотъ порокъ считаютъ спеціальной привиллегіей «важныхъ

---

[24] *L'école des bourgeois*, par Allainval. Amsterdam. 1774. Acte I, 5.

[25] *Le philosophe marié*, Детуша. *Маркизъ:*

Une femme constante est un monstre nouveau,
Que le ciel produit pour être mon bourreau. (III, 5).

господъ» [26]. И съ этимъ согласенъ одинъ изъ нихъ, утверждая, что съ сердцемъ супругамъ было бы крайне трудно жить: чувства создаютъ лишнія неудобства [27].

Свѣтскія женщины вполнѣ мирятся съ такимъ порядкомъ. Негодованіе Руссо на парижскихъ дамъ переполняетъ всю литературу XVIII вѣка. Слово *герцогиня* часто производитъ впечатлѣніе оскорбительнаго эпитета: до такой степени писатели единодушно клеймятъ паденіе современныхъ аристократокъ. Даже авторы, больше другихъ заинтересованные вниманіемъ двора и высшаго свѣта, на этотъ разъ не отстаютъ отъ суроваго женевскаго философа. Палиссо позволяетъ въ своей комедіи крайне рѣзкую выходку по поводу герцогинь. Одна изъ героинь сообщаетъ, что Альцестъ великосвѣтскій донъ-жуанъ—бросилъ герцогиню ради падшей дѣвушки: «говорятъ, онъ выигрываетъ этой отъ перемѣны?»—Да, отвѣчаетъ собесѣдница—«со стороны нравственности».—Эта сцена, по словамъ современника, всѣхъ привела въ восторгъ [28]. Жильберъ, авторъ сатиры *Восемнадцатый вѣкъ*, считался однимъ изъ талантливыхъ враговъ философіи. Но и онъ не позабылъ тѣхъ же герцогинь и посвятилъ имъ едва ли не самые ядовитые стихи въ своей сатирѣ:

I'aurois pu montrer nos duchesse fameuses
Tantôt d'un histrion amantes scandaleuses...

И эти стихи, по свѣдѣнімъ очевидца, многихъ расположили въ пользу молодаго поэта [29]. Въ эпиграммахъ и пѣсняхъ постоянно встрѣчаются тѣ же мотивы: баронессы, маркизы и герцогини вмѣстѣ съ актерами и актрисами раздѣляютъ обвиненія въ развратѣ и крайнемъ легкомысліи.

---

[26] *L'ascendant de la vertu*, въ *Recueil de comédies nouvelles*. Paris 1787. Крестьянина Моника: „Il n'y a que les grands qui s'amusent de l'infidélité, c'est le plaisir des oeuvres" (I, 3).

[27] *Les deux frères*. II, 2.

[28] Grimm. XI, avr. 1775.

[29] *Le dix—huitrieme siècle*. Amst 1776, 6—7.—*Corresp. secrète*. II, 84—8.

«Свѣтскія барыни ставятся наравнѣ съ «Лизеттами» [30]. Комедія, рисуя безнравственность высшаго общества, не отдѣляетъ кавалеровъ отъ дамъ. Молодая женщина, увлекавшаяся раньше аристократическимъ обществомъ, въ порывѣ разочарованія восклицаетъ: «Я, наконецъ, признаю свои заблужденія, я отрекаюсь отъ нихъ. Не говорите мнѣ больше объ этихъ обществахъ, объ этихъ разнузданныхъ мужчинахъ, о нравственно-погибшихъ женщинахъ, смѣло глядящихъ въ лицо стыду, насмѣшкахъ, пороку» [31].

И дамы дѣйствительно ведутъ образъ жизни, исповѣдуютъ принципы, напоминающіе нашихъ шевалье. Онѣ играютъ въ карты съ такою же страстью, плутуютъ въ игрѣ, не платятъ прислугѣ, разоряются на любовныя приключенія [32].

Онѣ ночь превращаютъ въ день, кутятъ вмѣстѣ съ маркизами; для нихъ послѣ полночи наступаетъ вечеръ и онѣ никогда не видятъ солнца, считая это низкимъ удовольствіемъ: солнце создано исключительно для народа [33]. Онѣ, конечно, такъ же, какъ и кавалеры, относятся къ браку. Графиня вполнѣ раздѣляетъ взглядъ маркиза на бракъ, какъ на

---

[30] Въ *Chanson* по поводу подписки въ пользу Molé. *Corresp. litt.* VII, 275. Подобная эпиграмма въ *Mém. secr.* 23 f. 1769.

[31] *La coquette corrigée.* V, 2.

[32] Въ ком. *Le valets maîtres*—горничная хочетъ:

Contrefaire la voix de ma joueuse antique
Qui perd toujours en fripponant,
Qui joint à ce défaut le travers plus choquant
De vouloir plaire, avec un visage gothique;
Dans le besoin le plus pressant
Refusant tout au domestique
Prodiguant tout à son amant;
Car l'amour est chez elle égal à l'avarice;
C'est point par une vertu,
Que dans son coeur un vice est combattu
C'est toujours par un autre vice.

[33] *Les moeurs du temps,* com. par Saurin., Sc. XII. На вопросъ героя — буржуа: „Est—ce que le plaisir d'un beau soleil...", графиня немедленно возражаетъ: „Eh! fi, monsieur; c'est un plaisir ignoble: le soleil n'est fait que pour le peuple".

коммерческую сдѣлку. Она исчисляетъ молодой дѣвушкѣ всѣ выгоды быть «знатной дамой», жить при дворѣ, а заявленіе невѣсты, что «самое существенное любить» — встрѣчаетъ презрительнымъ *Fi donc!..* [34]. Послѣ веселой молодости знатная дама съ удовольствіемъ выходитъ замужъ за молодого человѣка ниже себя по происхожденію. Совершенно такъ поступали шевалье и маркизы, пріобрѣтая въ своей преждевременной старости молодую жену въ качествѣ «гувернантки». Они говорили: «бракъ долженъ служить послѣднимъ убѣжищемъ. Молодость создана не для него. Весной и лѣтомъ должно знать только удовольствіе и свободу, но въ старости, когда свѣтъ покидаетъ насъ и грозитъ одиночество и скука,—тогда можно жениться» [35]. Такъ разсуждали и веселыя герцогини. Одна изъ нихъ, въ шестьдесятъ лѣтъ выходя замужъ за тридцатилѣтняго буржуа: заявляла: «герцогиня для буржуа никогда не бываетъ старше тридцати лѣтъ» [36]. Въ такой средѣ совершенно естественна жалоба героя драмы Дидро: «такъ мало въ наше время женщинъ для человѣка, который думаетъ и чувствуетъ!» [37]. О чувствѣ здѣсь нечего и говорить, а что касается мыслей, онѣ, по мнѣнію одного шевалье, прямо — «унизительное занятіе» и такого человѣка въ свѣтѣ никто не полюбитъ [38].

Чтобы предъ этими людьми явиться мужемъ и женой, любящими другъ друга, нужна исключительная храбрость.

---

[34] *Ib.* sc XIV.

[35] *Le vieux garçon.* com. par Dubuisson. Paris 1783. Acte IV, 2.

[36] Герцогиня de Chaulnes. *Corresp. litt.* XV, mai 1788.

[37] *Le père de famille.* IV. 2.

[38] *La campagne*, com. en facte. Напечатано въ *Histoire du théâtre italien.* Paris 1769, VI, 174. Авторъ Chevrier. Шевалье говоритъ пріятелю:

Voudrais-tu qu'on aimât un jeune homme qui pense?
Tu connais les façons, ardent à les saisir
Ne vas pas s'ennuyer par excès de prudence,
Dans ce siècle amusant, penser c'est avilir.

Любопытно, что Ренанъ въ драмѣ *Caliban*, характеризуя отживающее аристократическое общество, изобразилъ совершенно такихъ же молодыхъ людей и дамъ, вложилъ въ нихъ уста даже тождественныя рѣчи. Acte IV.

Мужья въ отчаяніи при одной мысли, что свѣтъ замѣтитъ ихъ неравнодушіе къ женамъ. «Я никогда не посмѣлъ бы въ Парижѣ показаться въ качествѣ мужа», говоритъ одна изъ жертвъ предразсудка [39]. Другой не можетъ допустить мысли— вращаться въ свѣтѣ вмѣстѣ съ женой и навлечь на себя стрѣлы эпиграммы [40]. И мы знаемъ, — въ дѣйствительности мужья, искренно любившіе своихъ женъ, осмѣливались встрѣчаться съ ними только случайно [41]. Въ одной пьесѣ мужъ подкупаетъ своихъ слугъ, чтобы они молчали объ его свиданіяхъ съ женой, и скрывается отъ нея по потаенной лѣстницѣ [42]. Комедія весьма близко стояла къ дѣйствительности тамъ, гдѣ даже такіе люди, какъ Лувуа, считали нужнымъ обзаводиться любовными интригами [43]. Король откровенно говорилъ обманутому мужу, что измѣна жены — не стоитъ вниманія [44].

При такихъ основахъ брачнаго союза—всѣ семейныя отношенія должны принимать крайне уродливыя формы. Родители и дѣти не знаютъ естественныхъ взаимныхъ чувствъ. Самая распространенная мѣра въ знатныхъ семьяхъ XVIII вѣка—принесеніе въ жертву дочерей сыновьямъ. Драма найдетъ здѣсь богатѣйшіе мотивы глубочайшихъ и несправедливѣйшихъ страданій. Дочь въ глазахъ отца и сестра въ глазахъ брата всегда виноваты. Отецъ говоритъ: «Невзгоды, возмущающія семьи, всегда возникаютъ по винѣ дочерей».— Эти слова произносятся потому, что дочь сопротивляется насилію и не хочетъ быть проданной подобно рабыни [45].

Братъ, узнавъ о свадьбѣ сестры, восклицаетъ: «Какая не-

---

[39] *Le philosophe marié*. IV, 6.

[40] *La campagne*. Sc. VI.

[41] Примѣры приведены въ *Запискахъ* герцога Luynes. X, 403. Ср. Lanson. *O. c*. p. 147.

[42] *Le Quart d'heure d'une jolie femme, ou les amusements de la toilette*, par Chevrier.

[43] Lenient. *La com. en France*. I, 298.

[44] Людовикъ XV маршалу Бриссаку. *Corresp. secrète*. I, 51.

[45] *L'Enfant prodigue*. I, 5.

справедливость, о небо! меня обкрадывають, меня грабять. Это не въ порядкѣ вещей. Извѣстно,—дѣвушка, чтобы обогатить брата и сдѣлаетъ его большимъ бариномъ, должна отказаться отъ свѣта»[46]. Шевалье дѣйствительно высказываетъ общепринятое правило. Отцы и матери въ высшемъ обществѣ постоянно прибѣгаютъ къ этому средству—спасать сыновей отъ потери какой бы то ни было части имущества. Драма въ первый же періодъ своего существованія немедленно напала на вопіющую несправедливость. Лашоссе въ этомъ направленіи затрогиваетъ цѣлый рядъ вопросовъ, подлежащихъ дальнѣйшей разработкѣ философовъ.

Мать въ интересахъ сына хочетъ похоронить свою дочь въ монастырѣ. «У насъ два ребенка», говоритъ она мужу, «обычай разрѣшаетъ мнѣ оставить одного навсегда въ монастырѣ»[47]. На сцену непосредственно выступаютъ другіе вопросы, тѣсно связанные съ судьбой дѣвушки: о родительской власти, о монастырѣ, о монахахъ, о привилегіяхъ духовенства, объ отношеніи религіи къ церковнымъ уставамъ. Всѣ эти вопросы будутъ впослѣдствіи рѣшаться въ связи съ темой, поставленной Лашоссе,—но драматургъ не философъ, — и онъ ограничивается опредѣленіемъ истиннаго чувства любви къ дѣтямъ. Преемники его не будутъ такъ осторожны и односторонни.

Драмы, исполненныя живѣйшаго негодованія на деспотизмъ церкви, основаны на семейныхъ злодѣяніяхъ въ богатыхъ и знатныхъ семьяхъ. Авторы негодуютъ на отцовъ, приносящихъ въ жертву предразсудкамъ, гордости, праву старшинства—беззащитныхъ дочерей, взываютъ къ голосу природы и естественной справедливости, невольно рядомъ съ семейнымъ вопросомъ поднимая всеобъемлющія идеи. Мы постоянно видимъ родителей, продающихъ дочь выгодному жениху, чтобы сынъ имѣлъ возможность пріобрѣсти полкъ, а семья—уплатить долги. Герцогъ откровенно заявляетъ:—чѣмъ ниже

---

[46] *Le Distrait*, par Regnard. IV, 2.
[47] *L'école des mères* III, 3.

тесть происхожденіемъ, «тѣмъ дороже онъ—герцогъ—продастъ свою дочь»[48]. Графиня увѣрена, что судьба ея дочери ничего не стоитъ въ сравненіи съ необходимостью отца и матери жить въ столицѣ, а брату пріобрѣсти полкъ. Графиня даже считаетъ продажу дочери на такихъ условіяхъ —доказательствомъ неустанной заботы своего родительскаго сердца о дѣтяхъ [49]. Въ другомъ случаѣ братъ уже по смерти родителей хочетъ водворить свою сестру въ монастырь, чтобы воспользоваться ея частью наслѣдства [50]. Одинъ изъ буржуазныхъ отцовъ обобщаетъ всѣ эти явленія аристократической жизни: «Жить только для себя, избѣгать всякой досадной обязанности — такова система высшаго общества. Эти правила принесли свои плоды: они открыли дверь смутамъ, преступленіямъ, они изолировали человѣка, порвали связи, создающія хорошихъ сыновей и добрыхъ гражданъ. Вмѣсто друзей, супруговъ, отцовъ, мы видимъ жесткихъ эгоистовъ и холодныхъ холостяковъ. Нѣтъ больше патріотизма и благородныхъ сердецъ. Всякое чувство угасло»...[51].

Въ эту пустыню драма начала вносить новую жизнь и предъ глазами эгоистовъ и безсердечныхъ насильниковъ стала рисовать новыхъ людей, одаренныхъ чувствомъ и «природой».

III.

Представленіе о другой семьѣ, чѣмъ модная, давно существовало и сами аристократы знали объ этомъ: всѣ искреннія отношенія между супругами, отцами и дѣтьми они презрительно обзывали буржуазными. Мы видѣли, какого труда стоило маркизамъ и свѣтскимъ дамамъ посвятить мѣщан-

---

[48] *Le faux noble*, par Chabanon. II, 9.

[49] *Le bienfait rendu ou le négociant*, par Dampierre. Paris 1763. Acte III, 5.

[50] *L'orphéline ou le faux généreux. Théâtre de Bret.* Paris 1778. 1-е представленіе въ *Comédie Française* 1758 г.—Acte II, 5.

[51] *L'école des pères*, par Pieyre. *Com. Française* 1787. Acte II, 3.

скихъ дѣвушекъ въ тайны свѣтской семьи. Всѣ эти Бенжамины, Юліи отказываются понимать уроки «хорошаго тона». Юлія, выслушавъ графиню, наивно замѣчаетъ: «я не знаю, что она хочетъ сказать. Что это значитъ—жениться, чтобы не любить? Я этого совершенно не понимаю. Графиня и я говоримъ на одномъ и томъ же языкѣ, и большую часть ея разговора я не понимаю. Почему это?» Юліи говорятъ, — графиня объясняетъ ей модный бракъ. «Мода!» восклицаетъ Юлія. «Я хорошо знаю, что существуетъ мода для прически, для платья, но развѣ есть мода для любви? Это значитъ — сердце слѣдуетъ модѣ?» — «Нѣтъ, отвѣчаютъ Юліи, — сердце не слѣдуетъ модѣ, но мода заключается въ томъ, чтобы обходиться безъ сердца». Юлія не хочетъ слышать объ этомъ: «Для меня такая мода ничего не стоитъ. *Я чувствую*, что у меня есть сердце [52]...

Такъ разсуждали мѣщанки, и драма воспользовалась ихъ міросозерцаніемъ, чтобы нарисовать новую семью. Новые женскіе типы заняли первый планъ въ этой картинѣ.

Въ *Письмѣ къ Даламберу* Руссо пытается доказать вредъ даже добродѣтельныхъ и прекрасныхъ сценическихъ образовъ. Увидѣвъ, напримѣръ, на сценѣ Констанцію, юноша можетъ увѣровать въ существованіе женской добродѣтели и начнетъ искать ея въ дѣйствительности. Онъ рискуетъ погибнуть, не распознавъ поддѣльнаго золота отъ настоящаго. Это въ высшей степени важное заявленіе въ устахъ женевскаго философа. Въ то самое время, когда онъ осуждалъ воплощеніе добродѣтели въ лицѣ драматической героини, онъ создавалъ не менѣе увлекательный женскій характеръ въ романѣ. *Новая Элоиза* возникла одновременно съ *Письмомъ къ Даламберу*. Неужели Руссо могъ думать, что героиня романа менѣе соблазнительна для увлекающихся юношей, чѣмъ героиня драмы? О жертвахъ Констанціи, одной изъ героинь Лашоссе, мы ничего не знаемъ, но самоубійство аббата, учителя знатной дѣвицы, упомянутое нами раньше, невольно напомнило

[52] *Les moeurs du temps*, par Saurin. Sc. III.

современникамъ исторію Сенъ-Прэ и Юліи. Интереснѣе всего связь двухъ женскихъ характеровъ — въ романѣ и въ драмѣ. Протекло больше двадцати пяти лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ появился *Модный предразсудокъ* Лашоссе. Вышелъ романъ Руссо, и читательницы будто забыли, что въ старой драмѣ онѣ продолжали видѣть на сценѣ двухъ героинь, прямыхъ предшественницъ Юліи. Онѣ слышали тѣ же самыя идеи о любви, о равноправныхъ отношеніяхъ мужчины и женщины, о протестѣ слабѣйшей стороны. Все это въ пьесѣ изложено не въ такой пространной краснорѣчивой формѣ, какъ въ письмахъ Юліи, но сущность одна и та же.

Драма Лашоссе направлена противъ отрицанія брака и сердечнаго союза между супругами. Герой любитъ свою жену, но боится обнаружить это чувство предъ обществомъ. На эту тему уже существовала комедія Детуша — *Le philosophie marié*. Но внутреннее различіе между пьесами бросается съ перваго взгляда. Герой Детуша скрываетъ вообще свой бракъ, не чувства къ женѣ, а самый фактъ, и скрываетъ по личнымъ, отчасти своекорыстнымъ, соображеніямъ. Предразсудокъ противъ брака затрогивается, какъ вопросъ второстепенный для пьесы: на первомъ планѣ остается частный случай и личный интересъ героя. У Лашоссе драма перенесена на общественную почву. Всѣ знаютъ, что Констанція — жена Дюрваля, но никто не подозрѣваетъ, что онъ ее можетъ любить. Это слишкомъ смѣшно. Дюрваль покоряется, и, горячо любя жену, всѣми силами старается скрыть свое чувство даже отъ самой Констанціи. Драма кончается побѣдой чувства: Дюрваль на колѣняхъ проситъ у жены прощенія, торжественно свидѣтельствуетъ свою любовь къ ней и выражаетъ надежду, что его примѣръ подѣйствуетъ на другихъ и что столь ложный предразсудокъ не можетъ всегда оставаться непобѣдимымъ [53].

Пьеса имѣла необыкновенный успѣхъ. Констанція возбудила энтузіазмъ зрителей и особенно зрительницъ. Всѣ по-

---

[53] Acte V, 6.

няли, что въ лицѣ этой героини рѣшался вопросъ о чувствѣ и о значеніи жены въ семьѣ. Констанція побѣждала глубиной и силой супружеской любви и преданности мужу, совершенно невѣроятной въ современномъ обществѣ. Героиня Лашоссе, оскорбляемая равнодушіемъ мужа, говорила: «Долгъ супруги—всегда казаться счастливой. Возмущеніе принесло бы мнѣ только вредъ. Оно возбудило бы ненависть противъ меня въ человѣкѣ, который мнѣ дорогъ. Не буду прибавлять еще этого наказанія къ моимъ мученьямъ. Непостоянство мужа менѣе ужасно, чѣмъ его ненависть»[54].

Это одинъ типъ новой женщины—самоотверженной и покорно ждущей своей награды. У Констанціи есть кузина Софія. Это другой характеръ — гордый, протестующій, полный сознанія своихъ личныхъ правъ. Она негодуетъ при одной мысли, будто человѣкъ имѣетъ возможность наносить ей оскорбленія и безнаказанно отравлять жизнь только потому, что онъ носитъ имя мужа и связанъ съ ней клятвами. «Права должны быть равны,—говоритъ Софья,—и этого нѣтъ только потому, что мужья одни писали законы[55].

Эти рѣчи французская публика слышала въ 1735 году и съ тѣхъ поръ онѣ не переставали раздаваться со сцены. Въ слѣдующемъ году шла драма Вольтера *L'enfant prodigue*. Здѣсь героиня еще полнѣе высказываетъ новыя идеи. Лиза произноситъ длинную рѣчь о бракѣ и нѣсколько разъ возвращается къ этому вопросу,—очевидно, вполнѣ современному, если Вольтеръ посвящаетъ ему свой талантъ. «По моему мнѣнію,—говоритъ Лиза,—бракъ можетъ быть или величайшимъ благомъ, или величайшимъ зломъ. Средины нѣтъ. Замужество — самое высокое положеніе въ человѣческомъ обществѣ, если умъ, сердце, чувства, вкусы и характеры скрѣпляютъ узы, созданныя природой, образованныя любовью и очищенныя сознаніемъ личной чести. Боже! какое счастіе любить открыто и носить имя того, кого любишь!

---

[54] Acte I, 2.
[55] Acte I, 5.

Вашъ домъ, ваши люди, ваша прислуга—все вамъ кажется въ какомъ-то высшемъ свѣтѣ. Ваши дѣти,—этотъ драгоцѣнный залогъ любви, — являются новыми звеньями ея. Такой союзъ можно назвать небомъ на землѣ. Но продать по контракту свою свободу, свое имя, свое положеніе, отдать все это на волю деспота, занять мѣсто его первой прислуги, ежедневно ссориться или избѣгать другъ друга, сидѣть за столомъ въ тоскѣ и ночь проводить безъ любви, вѣчно бояться измѣнить и вѣчно бороться, обманывать своего господина или жить безъ всякой надежды, влача ненавистный долгъ, стонать, сохнуть въ глубокой скорби,—такой бракъ—истинный адъ на землѣ»[56].

Личное чувство Лиза считаетъ свободнымъ и предупреждаетъ отца, что избранный имъ женихъ не можетъ разсчитывать на ея сердце и вообще нѣтъ силы, способной подчинить его. Лиза возвышается до идеи о высшемъ вліяніи чувства. Она предвосхищаетъ грозныя письма Юліи къ Сенъ-Прэ. «Истинная, неподдѣльная и постоянная любовь,—говоритъ она,—величайшая узда для порока. Кто умѣетъ держать себя въ этой уздѣ, тотъ честный человѣкъ или, навѣрное, станетъ имъ»[57]. И герой драмы оправдываетъ этотъ принципъ: любовь Лизы является для него на всю жизнь спасеніемъ и руководствомъ[58].

Въ драмѣ Вольтера всѣ главнѣйшіе мотивы, какіе потомъ появились въ письмахъ Сенъ-Прэ и Юліи. Сцена расточительнаго сына съ Лизой въ немногихъ словахъ заключаютъ всѣ изліянія героевъ Руссо. Нравственная сила чувства, значеніе сердечнаго союза и роль супруги выяснены. Новой программы и новыхъ положеній изобрѣтать не приходится. Остается развить намѣченныя идеи. И драма развиваетъ ихъ съ поразительной быстротой и чуткостью къ общественнымъ запросамъ.

---

[56] Acte, II, 1.
[57] Acte I. 2, 3.
[58] Acte V, 6.

Вольтеръ и позже не переставалъ прославлять идею семейнаго союза и материнскаго чувства. Онъ дѣлалъ это подъ часъ въ формѣ, довольно рискованной при литературныхъ условіяхъ стараго порядка.

Въ трагедіи *L'Orphelin de la Chine* главная роль отдана супругѣ и матери. Идамеѣ предстоитъ спасти ребенка-сына, котораго отецъ хочетъ принести въ жертву своему вѣрноподданическому долгу. Покоритель Китая хочетъ во что бы то ни стало истребить послѣднюю отрасль національной династіи. Одинъ изъ китайскихъ придворныхъ, мужъ Идамеи, подмѣниваетъ наслѣдника престола своимъ сыномъ. Противъ этого плана возстаетъ мать. Весь интересъ трагедіи сосредоточенъ на борьбѣ женщины за права своего сердца. Въ порывѣ негодованія на замыслы мужа, она высказываетъ идеи, охватывающія всѣ основы культурнаго строя. «Нѣтъ!» восклицаетъ она, «имя подданнаго не святѣе для насъ, чѣмъ столь священныя имена—отца и супруга. Природа и бракъ— вотъ первичные законы, обязанности, узы цѣлыхъ народовъ. Эти законы установлены богами, все прочее — твореніе людей» [59].—Мужество Идамеи производитъ сильное впечатлѣніе даже на враговъ. «Крикъ природы и сердце матери» воплощается въ лицѣ самоотверженной женщины, и враги невольно преклоняются предъ этой органической мощью. Идамея — такая же доблестная супруга, какъ и мать. Она отказывается отъ гнусной сдѣлки съ побѣдителемъ, обѣщающимъ всевозможныя блага ей и ея сыну—за ея любовь. Вся драма производитъ впечатлѣніе настоящаго апоѳеоза семейныхъ добродѣтелей женщины.

Вольтеръ беретъ отдѣльное драматическое положеніе: другіе авторы незаботятся представить общую характеристику новой героини.

Наравнѣ съ Констанціей Руссо ставитъ героиню другой чувствительной драмы—*Cénie*, принадлежащей г-жѣ Графиньи. Драма по идеямъ не представляетъ ничего новаго сравни-

---

[59] Acte, II, 3.

тельно съ произведеніями Лашоссе и Вольтера. Герой говоритъ о любви — къ сердцу и душѣ женщины, а не къ ея внѣшности. Мы видимъ самоотверженную супругу, готовую раздѣлить съ мужемъ одиночество и бѣдствія [60]. Одновременно съ драмой г-жи Графиньи появляется пьеса Муасси *Le provinsialà Parie*, изображающая нравственное вліяніе любящей женщины: новое подтвержденіе идей вольтеровской Лизы. Легкомысленный провинціалъ, фатъ и поклонникъ парижскихъ удовольствій, превращается въ скромнаго, вѣрнаго мужа, тронутый высокими достоинствами и терпѣливымъ чувствомъ дѣвушки [61]. Еще краснорѣчивѣе этихъ пьесъ-комедія Колле, написанная въ 1756 году,—*La veuve*.

Предъ нами эмансипированная женщина въ лучшемъ смыслѣ слова. Г-жѣ Дюрваль еще нѣтъ 26 лѣтъ, она красива, богата, вполнѣ самостоятельна. Въ самомъ началѣ пьесы мы узнаемъ образъ жизни этой удивительной хозяйки: «она проводитъ время за книгами и писаніемъ, избѣгаетъ общества, она нелюдима и видается только съ своими друзьями». До 18 лѣтъ она воспитывалась въ Англіи. По принципу она избѣгаетъ связей съ высшимъ свѣтомъ, такъ какъ сама не принадлежитъ къ знати. Она любитъ, но не хочетъ выходить замужъ: ни въ защитникѣ, ни въ помощникѣ не нуждается, сама ведетъ свои дѣла, обходится даже безъ приказчика и находитъ время слѣдить за научной литературой. Г-жа Дюрваль отлично знаетъ, какъ современные мужчины относятся къ женщинѣ. «Вы изумлены,—говоритъ она одному изъ нихъ,—встрѣчая женщину, которая думаетъ по своему и не расположена слѣпо повиноваться тому, кого любитъ. Вы хотите, чтобы женщина смотрѣла, судила и дѣйствовала собразно чужимъ впечатлѣніямъ... Вы думаете, женщина не любитъ, если она не порабощена... Нѣтъ! Пусть я буду вся проникнута любовью къ вамъ, буду питать

---

[60] Acte II, 5.

[61] *Le provincial à Paris, ou le pouvoir de l'amour et de la raison. Com. Fr.* 4 mai 1750.

къ вамъ нѣжнѣйшее и страстное чувство, я все-таки надѣюсь сохранить за собой извѣстную свободу. Развѣ по справедливости вы можете отнять у меня свободу чувствовать, какъ я чувствую, думать, какъ я думаю, дѣйствовать, какъ я считаю долгомъ дѣйствовать?.. Любовь можетъ существовать только между личностями свободными и равными. Нашъ полъ чувствуетъ это еще лучше, чѣмъ вы». Г-жа Дюрваль соглашается выйти замужъ только послѣ такихъ откровенныхъ объясненій и когда любимый ею человѣкъ теряетъ состояніе и самъ отказывается отъ женитьбы на ней въ виду своей бѣдности. Развязка нѣсколько преднамѣренная и отчасти странная, но она не противорѣчитъ характеру героини—оригинальному и крайне любопытному среди общества половины XVIII вѣка. [62].

Важнѣе всего воспитаніе, полученное г-жей Дюрваль. Энциклопедисты энергично ратовали за реформу въ женскомъ образованіи. Даламберъ писалъ: «Философы! васъ природа разсѣяла по всему лицу земли, вамъ надлежитъ разрушить роковой предразсудокъ, насколько это въ вашихъ силахъ. Тѣмъ изъ васъ, которые испытываютъ радость или горе быть отцами, слѣдуетъ первымъ дерзнуть сбросить иго варварскаго обычая—дать дочерямъ такое же воспитаніе, какъ и другимъ дѣтямъ. Пусть онѣ получаютъ это драгоцѣнное воспитаніе, какъ предохранительное средство противъ праздности, оружіе противъ несчастій, а не какъ пищу для празднаго любопытства и предметъ легкомысеннаго тщеславія». Энциклопедистъ видѣлъ въ этомъ надежнѣйшее средство облегчить цѣлой половинѣ рода человѣческаго тяготу жизни и борьбу съ житейскими невзгодами [63]. Драма шла навстрѣчу этимъ стремленіямъ и спѣшила создавать типы, воплощающіе философскій идеалъ. Типы появились раньше, чѣмъ героиня Руссо писала философскія письма своему учителю.

---

[62] Одноактная пьеса Колле написана въ 1756 году издана въ Парижѣ—въ 1764.

[63] *Lettre à M. J. J. Rousseau. O. compl. de R.* II, 255—6.

Послѣ *Новой Элоизы* тѣ же идеи не представляли, конечно, ничего новаго. Самый романъ былъ скоро переработанъ въ пьесы и Юлія стала истинной «героиней времени». Монологи въ духѣ г-жи Дюрваль повторялись безпрестанно и съ гораздо большей страстью и гнѣвомъ. Вопросъ перешелъ на трагическую сцену и, по исконному обычаю французовъ, попадалъ въ самыя неожиданныя условія мѣста и времени. Въ 1773 году въ *Comédie Francaise* была представлена трагедія *Orphanis*. Дѣйствіе происходитъ въ Египтѣ во времена Сезостриса,—но героиня поражаетъ мужчинъ упреками въ деспотизмѣ, въ присвоеніи себѣ исключительной власти. «По какому праву»—спрашиваетъ она, «ихъ гордость осмѣливается ограничивать всѣ наши силы единственнымъ талантомъ—нравиться и увлекать?»[64].

Философское воспитаніе женщинъ—*éducation philosophique*—подробно характеризуется драмой, какъ и всѣ другія идеи энциклопедистовъ. Отецъ герой пьесы, далъ своей дочери именно такое воспитаніе и объясняетъ, что это значитъ: «ты была единственнымъ предметомъ моихъ заботъ. Я хотѣлъ собственными руками создать твое счастье,я просвѣтилъ твой умъ, образовалъ сердце. Я хотѣлъ избѣжать современнаго преступнаго способа воспитывать дочерей. Я не думалъ, что скучный монастырь долженъ быть колыбелью твоего дѣтства и юности. Подлѣ меня ты узнала свѣтъ. Мы вмѣстѣ изучали его. Я видѣлъ,—ты привычнымъ взглядомъ смотрѣла на его блескъ, оставалась равнодушной къ его соблазнамъ и въ трудномъ выборѣ мужа ты будешь крайне осмотрительна»[65].

Послѣднія слова подтверждаются фактами. Дѣвушки, получившія новое воспитаніе и умѣвшія изучить свѣтъ, не спѣшили замужествомъ. Мерсье пишетъ: «Что бы сказалъ Ликургъ, если бы увидѣлъ, какъ современныя дѣвушки презираютъ бракъ, остаются незамужними и защищаютъ своеобразную свободу жизни, невиданную еще нигдѣ у жен-

[64] *Orphanis*, tragédie par Blin de Sainmore Paris 1773. Acte I, 1.
[65] *Le vieux garçon*, par Dubuisson. Paris. 1783. Acte II, 2.

щинъ» [66]. И это совершенно естественно. Отецъ сообщаетъ своей дочери слишкомъ вѣрную характеристику модныхъ взглядовъ на бракъ, чтобы у нея возникло желаніе выйти замужъ за перваго встрѣчнаго. И дѣвушка основательно понимаетъ этотъ вопросъ. Къ ней сватается холостякъ преклонныхъ лѣтъ, проведшій весьма веселую молодость. Героиня объясняетъ ему весь эгоизмъ его сватовства, проситъ припомнить, сколько радостей онъ испыталъ, не позаботившись раздѣлить ихъ съ семьей,—а теперь, когда нѣтъ больше силъ гоняться за наслажденіями, онъ хочетъ заручиться молодой сидѣлкой. На это каждая дѣвушка имѣетъ право отвѣтить ему: «Я не дѣлила радостей вашихъ юныхъ лѣтъ и не обязана заботиться о вашей старости. Попытайтесь сами перенести ея тягости и болѣзни. Въ 20 лѣтъ я не намѣрена похоронить себя подлѣ васъ и связать свой вѣкъ съ вашимъ» [67].

Софья—отнюдь не синій чулокъ. Бракъ, при всемъ ея развитіи и знаніи людей, кажется ей такимъ же высшимъ благополучіемъ, какъ Лизѣ Вольтера. Она мечтаетъ сдѣлать своего мужа счастливѣйшимъ изъ мужей. У нея единственное желаніе—сохранить его сердце въ теченіе всей своей жизни. Она не можетъ допустить мысли. чтобы любящая жена увлекалась пустяками. Подлѣ мужа все ея счастье, и въ ея жизни не будетъ мѣста разорительнымъ прихотямъ и удовольствіямъ [68].

Вольтеръ съ своей стороны воспользовался случаемъ—предоставилъ идеалъ новаго брака по чувству. Въ трагедіи *Les Scythes* онъ прославляетъ естественное состояніе, сравниваетъ его съ цивилизованнымъ, исполненнымъ всевозможныхъ нравственныхъ извращеній. Вопросъ идетъ между прочимъ о бракѣ и семьѣ. Въ лицѣ персовъ не трудно узнать современныхъ Вольтеру его соотечественниковъ. Одинъ

---

[66] *Tableau de Paris*. IV, 41.
[67] *Le vieux garçon*. IV, 2.
[68] *Ib*. Acte III, 1.

изъ героевъ такъ описываетъ бытъ скиѳовъ: «Бракъ въ нашей странѣ является узами, которыя создаетъ природа своею свободной и чистой рукой — между двумя существами, любящими другъ друга. У персовъ, говорятъ, ненавистный матеріальный разсчетъ, безумное тщеславіе, гордость, честолюбіе, невыносимый деспотизмъ всевозможныхъ странныхъ законовъ—подчиняютъ—на великое горе—любовь фортунѣ. Здѣсь у насъ — все зависитъ отъ сердца; здѣсь живутъ своею жизнью, не вѣдаютъ о продажныхъ брачныхъ союзахъ, устраиваютъ по своему желанію свою судьбу. Здѣсь мужественная дѣвушка, раздѣляетъ славный путь своего дорогаго воителя, его труды, его участь, она сопровождаетъ его въ битвахъ и умѣетъ мстить за его смерть»[69].

Совмѣстная дѣятельность мужа и жены на разумномъ жизненномъ пути, общіе духовные интересы, борьба единодушными усиліями — такова программа новой литературы.

Это дѣйствительно философскій идеалъ семьи. Энциклопедисты не забыли ни одного вопроса, связаннаго съ семейными отношеніями. Дидро представилъ систему *семейной трагедіи* и въ своихъ произведеніяхъ изобразилъ всѣхъ ея героевъ. Его Констанція—типичная женщина новаго направленія. Она—опора своего мужа и воспитательница своихъ дѣтей [70]. Дидро защищаетъ бракъ, раскрывая роковыя послѣдствія холостой жизни для мужчинъ и дѣвушекъ, рисуя счастье супруга и отца [71]. Это разсужденіе станетъ образцомъ для множества сценъ въ драмахъ XVIII вѣка[72]. Одинъ діалогъ Дидро будетъ распространенъ на нѣсколько актовъ и превратится въ настоящій диспутъ о бракѣ и безбрачіи; тоже самое произойдетъ съ идеями его героини относительно будущаго поколѣнія. Вопросъ о супругахъ неразрывно связанъ съ вопросомъ объ отцахъ и дѣтяхъ.

---

[69] Acte II, 2.

[70] *Le Fils Naturel*, IV, 3.

[71] *Le Père de famille*. II, 2.

[72] Напримѣръ въ пьесахъ *Le Vieux garçon*. III, 5. *Le Vieux célibataire* com. par Collin d'Harleville. V, 9.

IV.

Классическая комедія знаетъ множество исторій о сыновьяхъ и дочеряхъ, обманывающихъ своихъ родителей или, подобно Донъ-Жуану, выказывающихъ чисто—злодѣйское безсердечіе и лицемѣріе. Отцы не были выше своихъ дѣтей. На классической сценѣ неизбѣжно присутствуютъ наперсникъ и наперсница. И это не фантазія авторовъ, а вѣрнѣйшее отраженіе дѣйствительности. У дѣтей не было другихъ повѣренныхъ, кромѣ слугъ. Отцы и матери не знали ихъ тайнъ и не интересовались знать. Дидро сѣтуетъ что онъ въ своей драмѣ отвелъ много мѣста повѣреннымъ—слугамъ. Но они,—говоритъ авторъ,—должны оставаться на сценѣ до тѣхъ поръ, пока воспитаніе дѣтей не улучшится и отцы не станутъ ихъ друзьями и хранителями ихъ тайнъ [73]. Это постепенно достигается. У самого Дидро «Отецъ семейства»—другъ своего сына, «повѣренный всѣхъ его радостей и всѣхъ его огорченій». Онъ самъ воспитываетъ сына, не поручаетъ его наемнику, пристально слѣдитъ за его умственнымъ и нравственнымъ развитіемъ [74]. Сынъ во имя этихъ отношеній умоляетъ отца пощадить его чувство любви и искренне разсказываетъ ему свое увлеченіе. Больше нѣтъ предъ нами комическихъ сценъ плутоватыхъ юношей съ одураченными старцами. И ничего не можетъ быть смѣшнаго у *этого* отца, плачущаго тайно о заблужденіяхъ сына и бладодарящаго Бога, что онъ далъ ему друга къ его лицѣ [75].

На чемъ же основаны такія чувства? Отецъ у Дидро приписываетъ ихъ природѣ, мать въ драмѣ Вольтера — богамъ. Это нѣчто врожденное, инстинктивное, безсознательное. Ничего подобнаго не знало старое общество: сыновья для него были только наслѣдниками, а дочери—бременемъ или предметомъ сдѣлки. Драма и философія впервые заговорили

---

[73] *Entretiens sur le Fils Naturel. Premier entretien.* p. 122.

[74] Acte I, 7; II, 6.

[75] Acte I, 5.

объ *инстинктѣ* отеческой и сыновней любви. Дѣйствіе его ощущаютъ невольно: оно въ крови и обнаруживается неожиданно, при взглядѣ на незнакомое лицо, вызывается какими то таинственными нитями, связывающими двухъ человѣкъ на пространствѣ долголѣтней разлуки. Отецъ не узнаетъ сына, но видъ именно этого человѣка почему то заставляетъ трепетать его сердце [76]. «Ты моя дочь», говоритъ другой. «Я это чувствую сердцемъ» [77]. Даже поступки сына отецъ знаетъ инстиктивно. Эту безсознательную силу авторы нерѣдко склонны преувеличивать. Голосъ природы, молчавшій полтора вѣка, теперь слышался людямъ непрестанно, былъ для нихъ слишкомъ новъ и дорогъ, особенно тамъ, гдѣ ему естественнѣе всего господствовать и гдѣ онъ до сихъ поръ былъ подавленъ. Знатный отецъ, прогнавшій сына за неравный бракъ, встрѣчается случайно съ малютками, — и съ нимъ начинаетъ совершаться нѣчто для него непонятное. Онъ ощущаетъ невѣдомое раньше удовольствіе, онъ не можетъ оторваться отъ нихъ: малютки оказываются его внуки [79]. Юноша съ первой встрѣчи инстинктомъ отгадываетъ отца любимой дѣвушки [80]. Эта сила волнуетъ даже людей, всю жизнь не ощущавшихъ ея и бѣжавшихъ отъ чувства и природы. Знатный сеньоръ, неисправимо легкомысленный, вѣчно бредившій городомъ и его удовольствіями, видитъ простаго не свѣтскаго юношу, воспитаннаго въ деревнѣ. Его образъ мыслей и его манеры не

---

[76] *L'Enfant prodigue.* III, 3.

[77] *Cénie.* Paris 1751. p. 92.

[78] *Le philosophe sans le savoir.* I, 1.

[79] *Silvain,* com. en un acte par Marmontel:

Ce qui se passe en moi ne peut se concevoir.
Je sens un plaisir à les voir!
J'éprouve un charme à les entendre!
C'est en vain que je m'en défends.
Je n'éprouvai jamais lee sentiment si tendre.

[80] *Le bienfait rendu du le Négociant.* На заявленіе старика, что онъ отецъ дѣвушки, героини пьесы, влюбленный въ нее юноша говоритъ à part:
Mon coeur me le disait.—Acte IV, 3.

могутъ нравиться аристократу, но въ первый разъ въ жизни въ немъ начинаетъ говорить какой-то внутреній голосъ: у сеньора оказывается сердце. Это потому, что деревенскій юноша его сынъ, только подъ другимъ именемъ [81]. То же самое происходитъ съ молодымъ богатымъ развратникомъ. При встрѣчѣ съ своими бѣдными родственниками раньше ему неизвѣстными, онъ восклицаетъ: «У меня есть сердце!.. я его ощущаю. Я испытываю чувство, какого прежде не зналъ. Это—первое, неизвѣданное удовольствіе моей жизни»... [82].

Руссо во второй диссертаціи выступилъ съ прославленіемъ инстинкта, «голоса природы», и заявилъ, что «состояніе рефлексіи — противоестественно», «размышляющій человѣкъ—существо извращенное». Женевскій гражданинъ требовалъ безграничнаго царства инстинкта, желалъ бы всю жизнь человѣка свести къ стихійнымъ ощущеніямъ организма. Это было неисполнимое желаніе, и отъ него вскорѣ отказался самъ авторъ. До появленія разсужденій Руссо, вопросъ объ инстинктѣ обсуждался со сцены, и первую ясную постановку его слѣдуетъ приписать Вольтеру. Философъ, конечно, не думалъ подчинять весь нравственный міръ человѣка безсознательной жизни организма и не намѣренъ былъ способность мышленія и развитія причислять къ величайшимъ бѣдствіямъ человѣчества. Власть инстинкта ограничивалась кровными отношеніями людей, ихъ естественными связями. Здѣсь голосъ природы не могъ подлежать сомнѣнію. Его не знало старое общество и не имѣло поэтому семьи, среди него не было ни отцовъ, ни дѣтей, ни сестеръ, ни братьевъ. Были извѣстныя опредѣленныя обществомъ формулы. Каждая семья обязана была свои отношенія привести къ этимъ формуламъ и если какой-нибудь членъ семьи не укладывался въ формулу, его спокойно отсѣкали и гово-

---

[81] *Les deux frères ou la prevention vaincue*, par Moissy. *Com. Fr.* 1768. Acte V, 6.

[82] *Le Juge*, drame, par Mercier. IV, 5.

ряли: «общепринятый обычай оправдываетъ насъ». Заговорить здѣсь о врожденной сердечной связи между членами семьи, показать здѣсь права безсознательнаго непреодолимаго влеченія—значило совершить дѣло нравственнаго просвѣщенія. Идеи Руссо шли обратнымъ путемъ, и въ то время, когда за инстинктъ Вольтера боролась сама жизнь, инстинктъ Руссо угасъ въ рукахъ самого автора, какъ мимолетное больное видѣніе.

Отношенія между отцами и дѣтьми рѣзко различаются въ зависимости отъ сословнаго положенія семьи, и писатели XVIII вѣка съ большой тонкостью проводятъ границу. Различіе совершенно естественно. Семья въ высшемъ обществѣ и семья въ мѣщанскомъ не походили одна на другую. Сколько бы буржуа ни увлекались аристократическимъ развратомъ, какъ бы охотно ни подражали двору въ разрушеніи семейныхъ основъ, разница между двумя мірами не могла исчезнуть. Что̀ при дворѣ являлось правиломъ жизни, въ мѣщанствѣ было исключеніемъ, порчей, занесенной извнѣ. Мольеровскій буржуа, задумавшій попасть въ дворяне, немедленно замышляетъ измѣну своей женѣ и начинаетъ ухаживать за маркизой. Дѣлается это изъ подражанія, подъ вліяніемъ соблазна аристократизмомъ. Это—болѣзнь и уродство. Такой процессъ, вѣроятно, проходили тѣ столичные *particuliers*, о которыхъ говоритъ современникъ, какъ о нарушителяхъ семейной нравственности [83]. Супружеская вѣрность считалась и должна была считаться исключительно—мѣщанской добродѣтелью и еще больше добродѣтелью низшихъ классовъ. Мерсье, не питающій особенной склонности къ буржуазіи, пишетъ: «единственныя честныя женщины принадлежатъ буржуазіи,—матери, жены, хозяйки» [84]. Здѣсь, конечно, естественнѣе всего господствовать инстинкту, вошедшему въ просвѣтительную проповѣдь въ видѣ новой идеи для высшаго общества.

---

[83] Выраженіе Барбье. Ср. Lenient. *O. c.* I, 296.
[84] *Tableau de Paris*. IV, 290.

Писатели, рисующіе высшіе слои, весьма часто изображаютъ борьбу двухъ поколѣній—отцовъ и дѣтей. Эту борьбу знаетъ мольеровская комедія, но совершенно въ другой формѣ. Классическіе отцы и дѣти ведутъ между собой хищническую войну на почвѣ личной силы и ловкости. Принципіальные вопросы не входятъ въ житейскія отношенія первобытныхъ деспотовъ стариковъ и шаблонныхъ юныхъ любовниковъ. Условія измѣнились. Отцамъ, желающимъ по старому примѣнять на дѣтяхъ свою власть, приходится оправдывать ее извѣстными общими доводами и выслушивать такія же возраженія. Типичныя сцены въ этомъ отношеніи—бесѣды президента съ сыномъ въ комедіи Лашоссе и «отца семейства» также съ сыномъ—въ драмѣ Дидро. Предъ нами—въ полномъ смыслѣ единоборство отживающихъ воззрѣній съ новыми идеями,—и сторонникамъ старины приходится очень плохо: сила логики и чувства на сторонѣ дѣтей. Единственный доводъ отцовъ—ссылка на общество, свѣтъ, установившіеся обычаи. *Quand tout le monde a tort, tout le monde a raison*, говоритъ президентъ. Тоже повторяетъ и «отецъ семейства»: «Вы не измѣните идей свѣта; сообразуйтесь же съ ними». [85]. Вѣчная исторія, неизбѣжная при смѣнѣ отживающаго строя новымъ. Ту же борьбу приходится выносить и дочерямъ. Отецъ Констанціи не понимаетъ, почему она огорчается легкомысліемъ мужа: онъ—ея отецъ,—былъ такимъ же въ молодости, какъ и Дюрваль. По мнѣнію старика,—оскорблять жену измѣнами—въ порядкѣ вещей. Дочь не признаетъ этого порядка. Горячій споръ происходитъ и въ драмѣ Вольтера между Лизой и ея отцомъ. *Il faut du bien*, говоритъ отецъ, намѣренный по старому обычаю продать свою дочь.—*Il faut de la vertu*, — отвѣчаетъ Лиза, представляющая по своему смыслъ брака. Мы видимъ ясно намѣченныя новыя начала и энергичныхъ юныхъ защитниковъ и защитницъ этихъ началъ. Всѣ сочувствія писателей сосредоточены на умѣ и сердцѣ этой молодежи,—и

---

[85] *La Gouvernante*. I, 3, III, 4. *Le Père de famille* II, 6.

новые люди отвѣчаютъ за побѣду своихъ героевъ и героинь «Не слѣдуетъ никогда отчаяваться въ молодежи»,—заканчиваетъ Вольтеръ свою драму, изображающую героизмъ дѣвушки, нравственное возрожденіе юноши и полную побѣду ихъ надъ старымъ поколѣніемъ. Но за эту побѣду еще предстояло бороться съ президентами, сеньорами, богатыми буржуа. Авторы открываютъ намъ міръ, осуществившій ихъ идеалъ семейныхъ отношеній безъ всякой борьбы, міръ—гдѣ любовь въ бракѣ, супружеская вѣрность и сердечныя связи между отцами и дѣтьми — исконныя и вполнѣ естественныя явленія.

Въ драмѣ *L'honnête criminel* идетъ сцена между отцомъ и сыномъ, простыми бѣдняками. Они гугеноты, постигнутые жестокимъ закономъ, оспариваютъ другъ у друга право идти на каторгу за свою вѣру. Графъ, начальникъ галеръ, присутствуетъ при этой сценѣ. Онъ не можетъ скрыть своего изумленія и восторга. «О, истинный сынъ своего отца!» — восклицаетъ онъ. «Ты и старикъ,—мои друзья—придите въ мои объятья. На сколько ваши сердца выше, и благороднѣе нашихъ! Вы у моихъ ногъ,—мнѣ слѣдовало бы быть у вашихъ. Ваша добродѣтель дѣлаетъ честь всему человѣчеству». [86]. Мысль высказана въ очень громкихъ выраженіяхъ, но это не мѣшаетъ ей быть обобщеніемъ основныхъ воззрѣній у всѣхъ драматурговъ новаго направленія. Семья у низшихъ сословій, у мелкихъ горожанъ и крестьянъ считалась идеальной. Писатели вмѣсто теоретическихъ разсужденій рисуютъ семейныя условія въ деревняхъ, среди городского трудового класса. Еще въ классическую эпоху на сцену стали появляться идиллическія картины сельской жизни. Тогда это было простой забавой, своего рода лакомствомъ. Приходилось часто «развлекать людей, уже болѣе недоступныхъ развлеченію» [87] и пресыщенный вкусъ могъ наброситься на что

---

[86] Acte V, 6.

[87] M me Maintenon говорила о своихъ обязанностяхъ относительно Людовика XIV: „amuser un esprit qui n'est plus amusable". *Corresp. litt.* X, 392.

угодно, даже на деревню и мужиковъ, въ сущности презираемыхъ и занимающихъ мѣсто рядомъ съ животными. Въ философскую эпоху продолжали сочинять идилліи, но онѣ получили теперь совершенно другой смыслъ. Мы знаемъ, какое опасное ядро прикрывалось легкомысленными, повидимому, аріетками и маскарадными костюмами. Комическая опера присвоила себѣ, какъ привилегію, воспроизведеніе сельской жизни и сельской любви. Итальянская сцена до самой революціи не переставала показывать публикѣ красивыхъ крестьянокъ, убранныхъ лентами и цвѣтами, но въ тоже время отлично усвоившихъ новыя идеи и не желающихъ скрывать ихъ отъ публики. Прежніе идиллическіе герои и героини забавляли скучающій дворъ, — нынѣшніе возбуждали его гоненіе наравнѣ съ *Энциклопедіей* и книгами Руссо. И гоненіе, съ точки зрѣнія стараго порядка, являлось вполнѣ основательнымъ, когда дѣло касалось общественныхъ вопросовъ Болѣе безобидно пристрастіе комической оперы и итальянскаго театра къ сельскимъ семейнымъ картинамъ. Ежегодно возникаютъ десятки пьесъ, поучающихъ парижскихъ зрителей на счетъ семейнаго счастья поселянъ. Обладатели этого счастья не забываютъ предупредить публику, къ какому сословію они принадлежатъ, и объяснить, что они отнюдь не стыдятся своего положенія: никакое сословіе не позоритъ человѣка, а напротивъ—многіе люди въ наше время позорятъ свои сословья. Послѣ такого невиннаго вступленія начинаются пѣсенки на тему супружеской любви, родительскихъ радостей, скуднаго обѣда, превосходящаго въ такой обстановкѣ всякое пиршество богачей. Каждый стихъ живая сатира на положеніе людей въ обществѣ. [88]. Простодушные Туаноны и Туанетты, постоянно мѣшавшіе лирическіе мотивы съ современными идеями, причиняли сильное безпокойство маркизамъ и герцогинямъ. Притомъ семейныя идилліи комическихъ оперъ ничѣмъ не отличались по со-

---

[88] *Toinon et Toinette*, op. com. 20 juin. 1767. *Histoire du th. italien.* VII, 173. Авторъ означенъ *M. D. B.*, можетъ быть, Dubuisson.

держанію отъ монологовъ въ мѣщанскихъ драмахъ. Констанція Дидро разсуждала совершенно такъ же, какъ героини Седэна, и никто изъ современниковъ, даже Академія, принявшая Седэна подъ свой куполъ, не думалъ комическія оперы этого автора по значенію и серьезности содержанія ставить ниже драмъ.

Но была одна разница между сельскими идилліями итальянскаго театра и пьесами, изображавшими въ прозѣ ту же деревню и тѣхъ же героевъ. Свѣтлыя стороны оставались тѣ же, но фонъ совершенно измѣнялся. Густыя тѣни были бы неумѣстны въ «аріеткѣ», реальная проза бѣднаго существованія прикрашивалась искусственнымъ весельемъ и фальшивыми цвѣтами. Философскія идилліи возмущали аристократическій міръ, но онѣ не удовлетворяли наиболѣе энергическихъ проповѣдниковъ новыхъ идей. Мерсье негодуетъ на посторали и пѣсенки счастливыхъ мужичковъ. Онъ требуетъ на сценѣ дѣйствительности во всей ея прозаической правдѣ. [89]. Онъ самъ удовлетворялъ этому требованію, у него были предшественники и подражатели. Въ предисловіи къ одной изъ своихъ драмъ онъ говоритъ: «Поэтъ, который изобразилъ бы мнѣ бѣднаго рабочаго, окруженнаго женой и дѣтьми и, несмотря на работу отъ зари до глубокой ночи, удрученнаго всѣми ужасами нужды, — представилъ бы картину правдивую, не сходящую со сцены дѣйствительности. Эта картина просвѣтила бы чувства гражданъ, вызвала бы здравыя идеи относительно государства и законовъ, раскрыла бы предъ ними недостатки ихъ общественной жизни и принесла бы, слѣдовательно, гораздо больше пользы, чѣмъ исторіи о древнихъ переворотахъ, происходившихъ въ государствахъ, совершенно для насъ постороннихъ». [90]. Этотъ взглядъ усвоенъ всѣми драматургами XVIII вѣка. Они изображаютъ тяжелое положеніе низшихъ классовъ и на этомъ мрачномъ фонѣ рисуютъ идеальные образы героевъ семейной любви и преданности.

---

[89] *Du théâtre*, p. 139.

[90] *Jenneval ou le Barnewelt français*. Paris 1769. Предисловіе, p. 12.

Здѣсь и слѣда нѣтъ эгоизма, отравляющаго жизнь знатныхъ фамилій. Дѣти бѣдняковъ мужественно жертвуютъ своимъ счастьемъ, даже своей свободой ради благоденствія отцовъ. Въ то время, когда знатный баринъ, гнусный лицемѣръ, хочетъ заточить свою сестру въ монастырь,—крестьянинъ идетъ въ солдаты, чтобы заплатить отцовскій долгъ. Оба явленія поставлены рядомъ, очевидно, для сильнѣйшаго эффекта. Исторія оканчивается обращеніемъ свидѣтельницы событій—знатной госпожи—къ юному герою деревни: «Подите, Любенъ, и сообщите своему господину, что вы *на самомъ дѣлѣ* такой, какимъ онъ хочетъ *казаться*. Жертвовать свободой за своего отца и дѣлать это съ наслажденіемъ— вотъ истинная гуманность [91].

Крестьянскій мальчикъ попадаетъ въ богатую семью. Ему дарятъ красивыя и цѣнныя игрушки, но онъ помнитъ, сколько безпокойства его отцу приходится выносить отъ сборщиковъ податей «Это его раздражаетъ», разсказываетъ ребенокъ, «и онъ тогда кричитъ, бранитъ мою мать». Ребенокъ возвращаетъ игрушки и проситъ вручить ихъ сборщикамъ, лишь бы они оставили его «бѣднаго отца въ покоѣ на всю жизнь» [92]. Тотъ же самый сынъ, ставши взрослымъ, уплачиваетъ налоги за свою мать деньгами, добытыми тяжелымъ трудомъ на женитьбу. Онъ отказывается отъ горячо любимой дѣвушки, лишь бы успокоить мать. «Развѣ я былъ бы достоинъ, говоритъ онъ—счастья съ своей женой, если бы не былъ добрымъ сыномъ» [93].

Крестьянинъ попадаетъ въ тюрьму за то, что оказалъ сопротивленіе сборщикамъ податей, когда тѣ стали продавать домашній скарбъ бѣдныхъ поселянъ. Сынъ переселяется въ городъ вмѣстѣ съ сестрой, работаетъ день и ночь, чтобы

---

[91] *L'orphéline.* III, 2.

[92] *Fanfan et Colas ou les frères de lait*, com. en un acte, par m-me Beaunoir. Ит. т. 7 сент. 1784. Paris 1784. p. 44.

[93] *Rose, suite de Fanfan et Colas, com. en 3 actes, par Beaunoir.* Ит. т. 1785. Paris 1806. Acte II, 5.

достать денегъ на платье и бутылку хорошаго вина для своего отца. Сынъ живетъ его горемъ и каждую минуту посвящаетъ нѣжнѣйшей заботѣ объ узникѣ [94]. Крестьяне знаютъ, насколько крѣпки у нихъ семейныя основы, и при случаѣ со всей суровостью людей убѣжденныхъ и искреннихъ поучаютъ благородныхъ искателей приключеній. Въ деревню является графъ, встрѣчаетъ молодую крестьянку, влюбляется въ нее и хочетъ увезти въ городъ, оторвать ее отъ мужа и дѣтей. Мужъ обращается къ графу съ такой рѣчью: «Послушайте меня, милостивый государь. Помните-ли вы честнаго угольщика, на чьей дочери я женился? Она создала мое счастье, и я всю жизнь буду стараться отплатить ей тѣмъ же. Отецъ былъ при смерти, — его мы будемъ оплакивать всю жизнь,—онъ говорилъ намъ: мой сынъ, мой дорогой Лука, моя возлюбленная Като,—мнѣ нечего оставить вамъ въ наслѣдство, кромѣ доброй жизни. Я служилъ для васъ добрымъ примѣромъ, пока жилъ. Вотъ все мое наслѣдство. «Я никогда не забуду этихъ словъ»,—продолжаетъ Лука.— «Они въ моемъ сердцѣ и останутся наслѣдствомъ для нашихъ дѣтей. Мы никогда не будемъ искать богатства, которое заставило бы краснѣть насъ. Вотъ наши чувства. Откажись отъ меня, Като, если тебѣ позволитъ совѣсть». Като готова скорѣе умереть. «Вотъ», обращается Лука къ графу, «нашъ образъ мыслей и вашъ»... Онъ объясняетъ, сколько эгоизма и жестокости въ минутной прихоти графа и сколько несчастій повлекла бы эта прихоть [95].

Разсказы о крестьянскихъ дѣтяхъ, преданныхъ семьѣ, очевидно, пользуются особенной популярностью. Плохая нѣмецкая пьеса *Признательный сынъ* передѣлывается нѣсколько разъ, потому что герой ея — сынъ крестьянина, вышедшій въ офицеры и сохранившій всю любовь и уваженіе къ родителямъ.

---

[94] *L'Indigent*, drame, par Mercier. Acte I, 6.

[95] *L'epreuve d'un moment*. com. en un acte, par Monvel. Предст. 1773 г., Paris. 1773.

Материнскія чувства признаются врожденной добродѣтелью крестьянокъ. Драма рисуетъ не только идеальныхъ матерей рядомъ съ ихъ родными дѣтьми, она создаетъ необыкновенно привлекательный типъ деревенской кормилицы и няньки. Въ то время, когда благородные родители или портятъ дѣтей неумѣренной снисходительностью къ ихъ капризамъ и ко всѣмъ нерѣдко порочнымъ наклонностямъ, или проявляютъ обычное равнодушіе и безсердечіе,—крестьянки являются превосходными воспитательницами и замѣняютъ отвергнутымъ дѣтямъ матерей и семью. Крестьянка выкормила барича и по наивности вообразила, что ея молочный сынъ долженъ считать своимъ братомъ ея родного сына. Но у юнаго сеньора, благодаря поблажкамъ матери, развились деспотическія наклонности. При первой же попыткѣ мальчика поздороваться съ нимъ, онъ кричитъ на сына своей кормилицы, «ты мужикъ, деревенщина, вовсе не братъ мой»,—и даже бьетъ его. Перетта—мать побитаго ребенка не ожидала подобной жестокости: «Какъ, ты не братъ ему? Какъ это противоестественно! Вернемся, Коласъ, въ деревню. Тамъ не презираютъ бѣдныхъ людей... Ваша слуга, г-жа Фіервиль. Господинъ Фанфанъ—вашъ сынъ, но я предупреждаю васъ, что не считаю его своимъ сыномъ, потому что онъ можетъ бить своего молочнаго брата. Поди, мое бѣдное дитя, поди: гдѣ нѣтъ равенства, тамъ нѣтъ дружбы... Мы только крестьяне, но и у насъ есть душа, природное влеченіе, чувство... Хотя онъ побилъ моего сына, я желаю ему всякаго счастья, я сію минуту отдала бы за него не одну каплю крови (une pinte de not'sang), лишь бы онъ былъ счастливъ [96].

Еще трогательнѣе исторія *Благородной служанки.* Мачиха удаляетъ сына своего мужа, его беретъ на руки служанка

---

[96] *Fanfan et Colos.* „Qu'tu n'étois pas son frère? Queu dénaturé! t'as raison, Colas, t'as raison: r'tornons au village, on n'y méprise pas le pauvre monde: vot sarvante, m-me Fierval; mr. Fanfan est votre fils; mais j'vous prévenons que je n'le regardons pas comme le notre, puisqu'il peut battre son frère de lait. Viens-t-en, mon pauvre fieu, viens-t en: où n'y a pus d'égalité, n'y a pas d'amiquié... Je n'sommes que des paysans, mais j'ons eune ame, un naturel, du sentiment. pp. 32—3.

до сихъ поръ терпѣвшая въ домѣ одно презрѣніе и обиды. Она принимается работать день и ночь, продаетъ подарки, когда-то полученные ею отъ прежней госпожи, — и даетъ прекрасное воспитаніе юношѣ. Въ заключеніе отецъ, бросившій сына, обращается къ его воспитательницѣ: «Какъ мнѣ оцѣнить твое мужество? Мой сынъ всѣмъ обязанъ твоимъ благороднымъ заботамъ, его добродѣтели созданы тобой». И мы сами можемъ оцѣнить, въ чемъ заключаются достоинства этого воспитанія: Клитандръ не страдаетъ ни завистью къ богатымъ, или знатнымъ, ни суетнымъ честолюбіемъ. Онъ уважаетъ свое общественное положеніе и не хочетъ мѣнять его. Онъ воспитанъ въ принципахъ гуманности и равенства [97].

Вліяніе такихъ воспитательницъ часто сказывается въ жизни людей, успѣвшихъ усвоить взгляды высшаго общества, вступившихъ на путь насилія и жестокихъ прихотей. Писателямъ XVIII вѣка вѣрилось, что даже у такихъ героевъ современнаго разврата просыпались по временамъ сѣмена, посѣянныя въ дѣтствѣ крестьянками, взлелѣявшими ихъ первые годы.

Предъ нами въ высшей степени интересный, почти исключительный женскій характеръ. Крестьянка—по имени Моника — уже шестидесяти лѣтъ, занимаетъ особое положеніе среди своихъ односельчанъ. Она обо всемъ заботится, во все вмѣшивается и, конечно, далеко не всегда встрѣчаетъ признательность. Пріѣзжаетъ сеньоръ, графъ, когда-то вскормленный Моникой. Онъ хочетъ завладѣть дочерью садовника и уже заручается согласіемъ отца. Но Полина прибѣгаетъ къ помощи Моники,—завязывается борьба между сеньоромъ и его бывшей кормилицей. Графъ рѣшается силой завладѣть дѣвушкой,—но въ самый критическій моментъ его останавливаетъ Моника, и онъ невольно отступаетъ. Онъ самъ изумленъ, въ немъ заговорило какое-то давно забытое чувство.

---

[97] *La Suivante généreuse*, comédie en 5 actes. *Com. Fr.* 1759. *Théâtre d'un Inconnu.* (Charles Sablier). Paris 1765. Acte II, 9; IV. 2; V, 9.

Крестьянка объясняетъ ему. Она указываетъ на свой преклонный возрастъ, на свою жизнь, прожитую безупречно, напоминаетъ, что она любила графа, какъ сына, носила его на рукахъ, приводитъ на память его умершую мать... Графъ тронутъ, и побѣда остается за Моникой [98].

Надо замѣтить, — чувства крестьянъ чаще всего излагаются на ихъ же жаргонѣ. Авторы съ точностью слѣдуютъ правилу Мерсье: деревня должна представляться на сценѣ со всѣми ея особенностями, съ языкомъ, платьемъ, манерами и обычаями. Въ классическій вѣкъ только Мольеръ рѣшился показать зрителямъ, какъ говорятъ и держатъ себя крестьяне—въ извѣстныхъ сценахъ *Донъ-Жуана*. Въ философскую эпоху на крестьянскомъ языкѣ пишется большинство сценъ въ пьесахъ, взятыхъ изъ народной жизни. Это нисколько не шокируетъ публику,—напротивъ, именно эти сцены вызываютъ слезы и восторженныя привѣтствія матерей и дѣтей [99].

Народная жизнь идеализируется по двумъ причинамъ — изъ сословныхъ соображеній и на основаніи соціальныхъ идей авторовъ. Постепенно съ полной опредѣленностью потокъ соціальныхъ стремленій выдѣляется среди демократическаго теченія эпохи. Буржуа и крестьянинъ являются героями новой литературы не только потому, что въ современномъ обществѣ требовалось распространить идеи политическаго равенства. Вопросъ объ экономическомъ положеніи низшихъ классовъ не сходитъ со сцены ни въ философскомъ трактатѣ, ни въ новой драмѣ. Онъ не могъ, конечно, не отразиться на семейныхъ и воспитательныхъ идеяхъ драмы. Идеализація семьи *низшаго сословія* идетъ рядомъ съ идеализаціей семьи *бѣдняковъ*—все равно, къ какому бы сословію они ни принадлежали. Та же идея, какъ увидимъ, приметъ

---

[98] *L'ascendant de la vertu ou la paysanne philosophe*. Com. en 5 actes. *Recueil de comédies nouvelles*. Paris 1787.

[99] Разсказъ въ *Corresp. litt.* о представленіяхъ *Fanfan et Colas*. XIV, sept. 1784.

еще другую форму—идеализаціи *несчастныхъ*, форму еще болѣе широкую, обнимающую всѣ отношенія и состоянія. Всѣ эти мотивы не противорѣчатъ другъ другу. Бѣднякъ при старомъ порядкѣ принадлежалъ чаще всего къ низшему сословію и, конечно, больше всѣхъ другихъ гражданъ рисковалъ испытать горе и подвергнуться экстреннымъ обидамъ и невзгодамъ, изобрѣтеннымъ въ громадномъ количествѣ для непривеллигированныхъ и слабыхъ. Естественно, поэтому, общее заявленіе драматурга, изображающаго идеальныя черты крестьянской семьи: «только несчастные умѣютъ любить»[100]. Въ устахъ свободнаго демократическаго мыслителя прошлаго вѣка это—логическій выводъ изъ наблюденій надъ любимыми героями, звучитъ одинаково съ общепризнаннымъ правиломъ: «только въ народѣ знаютъ чувство», и извѣстную намъ характеристику семейныхъ отношеній среди низшихъ классовъ въ XVIII вѣкѣ авторы безъ всякихъ колебаній присвоятъ семейнымъ отношеніямъ бѣдныхъ и обездоленныхъ.

Одна изъ драмъ, восхищавшихъ Марію Антуанетту и запрещенная по требованію двора, принадлежитъ Леблану, драматургу-экономисту. Содержаніе драмы основано на дѣйствительномъ эпизодѣ изъ жизни австрійскаго императора. Съ одной стороны изображено жестокое, эгоистическое и рабское существованіе придворныхъ, съ другой — трудовая, честная и мужественная жизнь бѣдняковъ, вдовы и ея дочери. Идея пьесы заключается въ восклицаніи императора: «О небо! Какое величье! Сколько доблести живетъ въ безднѣ несчастій среди людей безъ всякихъ средствъ, среди всевозможныхъ тревогъ... Я не могу удержаться отъ слезъ». Императоръ подробно узналъ, сколько взаимной любви проявила эта семья беззащитныхъ бѣдняковъ, какою вѣрностью къ памяти мужа могла гордиться вдова и какую борьбу за существованіе вынесла преданная дочь. Ничего подобнаго

---

[100] *L'Indigent*, par Mercier „Il n'y a que les malheureux qui sachent aimer“, Acte I, 1.

государь не могъ указать въ жизни окружающихъ его сановниковъ и аристократовъ [101].

Трогателенъ съ точки зрѣнія эпохи сюжетъ другой драмы, постигшей также бѣдную семью. И здѣсь мать семьи вдова и безъ всякихъ средствъ. Одинъ изъ ея сыновей долго и напрасно искалъ какой-либо работы. По сосѣдству убиваютъ богатаго сеньора, и сынъ убитаго обѣщаетъ богатую награду, кто отыщетъ убійцу. Бѣднякъ рѣшается выдать себя за преступника и уговариваетъ братьевъ донести на него. На судѣ открывается обманъ, судья отдаетъ за примѣрнаго сына свою дочь, увѣренный, что «нѣжнѣйшій сынъ будетъ такимъ же супругомъ» [102].

Но семейными добродѣтелями не ограничиваются преимущества бѣдняковъ передъ богатыми, низшихъ передъ привелегированными. Мы видѣли, съ какой довѣрчивостью и трогательной наивностью крестьянскій мальчикъ хочетъ привѣтствовать своего молочнаго брата. Дружба также обычна на сельской почвѣ, какъ и всѣ другія нѣжныя движенія сердца. Въ свѣтѣ на дружбу смотрѣли отнюдь не выше, чѣмъ вообще на какое-либо чувство. Одна умная дама XVIII вѣка такъ характеризовала свѣтскихъ друзей— въ письмѣ къ своему другу: «тѣ, кого называютъ друзьями,— не убьютъ васъ, — этого вы можете не опасаться, но и не помѣшаютъ убійцамъ». На склонѣ лѣтъ та же дама, отлично познавшая свѣтъ и его нравственныя качества, писала человѣку, возбудившему ея симпатіи: «Будемъ друзьями, но друзьями безъ дружбы» [103]. Болѣе горькой ироніи нельзя вложить въ одну фразу, повидимому, совершенно спокойную.

---

[101] *Albert I ou Adéline.* Com. héroïque en 3 actes. *Com. Fr.* 1775. Paris. 1775. Acte III, 3.

[102] *Joachim ou le triomphe de la piété filiale*, drame en 3 actes. Amsterdam. 1775. Авторъ Blin de Sainmore. Герой, рѣшаясь на отчаянное средство, ободряетъ себя, между прочимъ такимъ соображеніемъ: „En servant la nature on ne s'avilit pas". Acte I, 1. Пьеса основана на дѣйствительномъ происшествіи, имѣвшемъ мѣсто не во Франціи, а въ Японіи. Оно разсказано въ *Mercure de France*, mai 1775, p. 207.

[103] Г-жа Du Deffand къ Вальполю. Victor du Bled. *La société française avant et après 1789.* Paris 1892. p. 144.

Литература не замедлила и здѣсь свѣтскимъ извращеніямъ противоставить возвышенный взглядъ на чувство дружбы и выбрала путь, наиболѣе симпатичный для современниковъ.

Является драма на тему дружескихъ отношеній между деревенскими мальчиками—*L'amitié au village*. Одинъ бургундскій сеньоръ учредилъ медаль для мальчика, признаннаго въ округѣ «самымъ благоразумнымъ и добродѣтельнымъ». Ее получаетъ достойный. Но немного раньше въ рѣкѣ утонулъ другой мальчикъ, его пріятель—и награжденный приноситъ свою медаль на могилу друга, признавая его болѣе достойнымъ награды. Это—дѣйствительный фактъ,—изъ него авторъ дѣлаетъ драму и приводитъ въ восторгъ публику [104]. Для другой публики такія произведенія и такіе герои могли показаться слишкомъ наивными и дѣтскими. Но въ XVIII вѣкѣ извѣстная идея все покрывала и за ея блескомъ, за благородной цѣлью автора—въ глазахъ зрителей исчезали всѣ художественные и психологическіе изъяны литературнаго произведенія. На сценѣ было чувство и ему приносились большія и малыя жертвы: этого было достаточно, чтобы люди прошлаго вѣка все простили и объяснили въ лучшую сторону.

Власть чувства и естественныхъ явленій была бы не вполнѣ осуществлена, если бы драма забыла несчастнѣйшихъ пасынковъ семьи, — незаконнорожденныхъ. Драма затронула этотъ вопросъ съ самаго начала. Въ пьесѣ Лашоссе *Mélanide*—на сценѣ юноша,—сынъ и наслѣдникъ, непризнанный закономъ. Его отчаяніе не имѣетъ границъ. Онъ жалуется небу на день своего рожденія, жизнь называетъ «бременемъ стыда и позора». Это—отверженецъ общества, не знающій своего мѣста на землѣ: болѣе мрачной трагедіи не могла создать даже фантазія классическихъ авторовъ. Послѣ Лашоссе вопросъ о незаконныхъ дѣтяхъ не сходитъ со сцены,—

---

[104] Пьеса шла на сценѣ Ит. театра 31 окт. 1785 г. Авторъ Desforges XIV, 262.

[105] Acte IV, 5.

рѣшается, по обычаю времени, одновременно и въ драмѣ и въ комической оперѣ [106]. Дидро посвящаетъ «незаконному сыну» свое первое драматическое произведеніе,— и здѣсь разсказъ героя о своихъ нравственныхъ испытаніяхъ—лучшее, что написано Дидро въ области поэзіи. «Покинутый почти со дня рожденія», говоритъ Дорваль, «среди общества, какъ въ пустынѣ, я искалъ связей, скрѣпляющихъ меня съ людьми — и не находилъ ихъ. Въ теченіе тридцати лѣтъ я блуждалъ среди людей — одинокій, непризнанный, пренебрегаемый, не вызывая чувства любви и не встрѣчая, кто бы искалъ моего сочувствія». И Дорваль пришелъ къ убѣжденію, что во всемъ мірѣ ему не найти спутника. При одной мысли о бракѣ онъ приходитъ въ ужасъ: «Дорваль осмѣлится взять на себя отвѣтственность за счастье женщины! Онъ будетъ отцомъ! У него будутъ дѣти!... Дѣти... Когда я подумаю, въ какой хаосъ предразсудковъ, варварства, пороковъ и бѣдствій попадаемъ мы со дня рожденія, — мною овладѣваетъ дрожь». Констанціи требуется не мало труда убѣдить Дорваля, что «рожденіе намъ дается, а добродѣтели зависятъ отъ насъ» и что внѣшнія блага безъ разбору выпадаютъ на долю злымъ и добрымъ, и для любящаго мужа важны не общественные предразсудки, а мнѣніе любимой женщины [107].

Это «философскій взглядъ» на предметъ: такъ его будутъ называть драматурги, слѣдующіе за Дидро, — и проповѣдовать еще съ большей энергіей. Въ пьесѣ *Les prejugés* разбиваются всѣ доводы сторонника господствующаго предразсудка. Дядя говоритъ племяннику: «чистота нравовъ» не допускаетъ брака съ незаконной дочерью».— «Чистота нашихъ нравовъ!»— восклицаетъ юноша. «Но развѣ вы считаете наши нравы чистыми, когда они дѣлаютъ отвѣтственнымъ, налагаютъ клеймо позора—на ребенка двухъ свободныхъ личностей! Развѣ онъ виноватъ въ этомъ и развѣ не-

---

[106] Напримѣръ ор, com. Седэна — *Felix ou l'enfant trouvé*. Paris. 1782.
[107] *Le Fils Naturel*. Acte IV, 3.

достаточно для него — не имѣть права на имущество отца и матери и еще необходимо унижать его? Вотъ гдѣ наши нравы страдаютъ недостаткомъ чистоты, гуманности и справедливости. Проклятые предразсудки! неужели они всегда будутъ держать разумъ въ оковахъ». Племянникъ ссылается на «болѣе философскій взглядъ» воспитательницы его невѣсты: по ея мнѣнію, — каждый отвѣчаетъ только за личныя ошибки [108].

Еще пространнѣе изображено общественное положеніе незаконнорожденныхъ въ драмѣ *Le vieux garçon*. Здѣсь жертва предразсудка имѣетъ возможность самому отцу излить годами накипѣвшее негодованіе. «Вы, неразумные», восклицаетъ онъ, — «даете сыновьямъ жизнь подъ вліяніемъ страсти и не даете имъ отца. Вы не понимаете, на какія жестокія мученія обрекаете этихъ несчастныхъ созданій. Они должны существовать одиноко среди цѣлаго міра и умереть, не встрѣчая сочувствующаго сердца. Они должны вѣчно страшиться, что ихъ позоръ перейдетъ на ихъ кровь и даже бракъ для нихъ недоступенъ». Дальше описываются страданія обманутой дѣвушки, — страданія, падавшія и на ея сына. Такъ шли десятки лѣтъ для двухъ отверженцевъ общества [109]. Отецъ глубоко тронутъ, онъ не знаетъ, чѣмъ загладить свою вину. Къ счастію для его сына и здѣсь оказываются люди, стоящіе выше предразсудка. Ихъ оскорбляетъ одно даже предположеніе, будто они не способны голосу природы принести въ жертву заблужденія людей и законовъ: «благородство сердца для нихъ выше всего» [110]. Такъ именно разсуждаетъ дѣвушка, получившая отъ своего отца «философское воспитаніе». Оно, очевидно, шло наперекоръ всѣмъ обычаямъ и установленіямъ стараго общества, подавлявшимъ идеи справедливости и гуманности. Молодое поколѣніе начи-

---

[108] *Les préjugés*, par Moissy. *Les jeux de la petite Thalie*, Paris 1769. p. 306—7.

[109] Acte V, 3.

[110] Acte V, 5.

нало воспитываться на другихъ принципахъ, считало своимъ долгомъ «вознаграждать людей, терпѣвшихъ отъ жестокости законовъ и предразсудковъ»[111]. Возникалъ другой міръ рядомъ съ отживавшимъ и—въ ожиданіи всеобщихъ коренныхъ преобразованій—спѣшилъ исцѣлять старыя язвы, насколько это было возможно въ личныхъ и семейныхъ отношеніяхъ. Эта частная и сравнительно незамѣтная дѣятельность послѣдователей новой мысли расчищала путь грядущему строю.

До сихъ поръ мы неоднократно встрѣчались съ вопросомъ о новомъ воспитаніи дѣтей. Онъ непосредственно примыкаетъ къ реформѣ взаимныхъ отношеній членовъ семьи и мы видѣли, какъ общія основанія философской педагогики неизбѣжно должны были опредѣлиться, лишь только была установлена законная власть чувства и личности. Но независимо отъ этой связи съ внутренней жизнью семьи, вопросу о воспитаніи предстояло занять обширное самостоятельное мѣсто въ новой литературѣ.

---

[111] Одинъ изъ героевъ комедіи *Le Vieux Garçon* говоритъ незаконнорожденному:

Me feriez vous l'injure
De croire qu'en mon sein s'étouffe la nature
Pour étouffer l'erreur d'un cruel préjugé?
Des rigueurs de la loi soyez dedommagé
Par nos tendres égards et notre amitié constante.—Acte V, 5.

У Вольтера есть также трагедія, гдѣ одинъ изъ главныхъ героевъ незаконнорожденный—*Don Pèdre*. Transtamare—братъ короля Кастильскаго Донъ Педро, онъ bâtard légitimé и ведетъ борьбу за свои права. Средствами онъ пользуется несимпатичными для автора трагедіи,—вмѣшательствомъ сената—надо разумѣть парламента—въ высшую политику. Такой образъ дѣйствій долженъ бросать извѣстную тѣнь на личность героя, какъ революціонера и мятежника. Transtamare торжествуетъ, но совершаетъ страшное преступленіе—братоубійство.—Возставать противъ предразсудка по поводу *такого* героя—автору было невозможно. Вольтеръ все таки заставляетъ Transtamare'а произносить энергическія рѣчи противъ „обиды наносимой природѣ слишкомъ несправедливымъ закономъ", т. е. противъ унизительнаго положенія незаконнорожденныхъ сравнительно съ другими членами семьи. Acte I, 1.

Это былъ вопросъ объ образованіи философской арміи и подготовкѣ гражданъ новаго отечества.

Здѣсь мы снова встрѣчаемся съ именемъ Руссо.

V.

Педагогическая роль женевскаго философа единогласно признавалась современниками. *Эмиль* многими считался его лучшимъ произведеніемъ [112]. Въ дѣйствительности романъ произвелъ несравненно болѣе серьезное и болѣе оригинальное вліяніе, чѣмъ *Новая Элоиза*. Онъ вызвалъ множество воспитательныхъ и образовательныхъ учрежденій, оживилъ педагогическіе интересы. *Дѣти* заняли одно изъ первыхъ мѣстъ въ литературѣ,— и драма немедленно отозвалась на новые запросы. Возникаютъ особые сборники драматическихъ произведеній, предназначенные для нравственнаго воспитанія юношества [113]. Авторы, правда, ссылаются иногда на Локка и не упоминаютъ о книгѣ Руссо,—но со времени книги Локка о воспитаніи прошли десятки лѣтъ, — а во Франціи послѣ янсенистовъ, никто не придавалъ большаго значенія педагогическимъ вопросамъ. *Эмиль* заставилъ вспомнить о нихъ. Педагогическіе журналы появляются даже въ провинціальныхъ городахъ [114], разными путями надѣются сообщить дѣтямъ идеи современной философіи. По крайней мѣрѣ, въ пьесахъ для юношества встрѣчаемъ нападки на серьезнѣйшіе предразсудки стараго общества на счетъ незаконныхъ дѣтей, образованныхъ женщинъ, для младшаго возраста изображаютъ въ лицахъ дурныя качества избалованныхъ дѣтей, «опасности свѣта» [115]. Все это происходитъ

---

[112] Напримѣръ отзывъ Даламбера, приводимый самимъ Руссо. *Confessions*. Partie II, liv. XI, p. 567.

[113] Таковы—упомянутые выше *Les jeux de la petite Thalie*, par Moissy; *Théâtre à l'usage des jeunes personnes*, г-жи Жанлисъ, вышедшій въ 1779 г.

[114] *Journal d'éducation*, въ Амьенѣ съ 1768 года.

[115] Въ пьесѣ Moissy—*Le goûté*—разъясняются преимущества простыхъ деревенскихъ мальчиковъ предъ городскими избалованными дѣтьми. Пред-

по выходѣ книги Руссо. Раньше, чѣмъ слѣдить за отраженіемъ ея идей въ драмѣ, посмотримъ, что было сдѣлано до появленія книги Руссо.

Было бы совершенно ошибочно думать. будто *Эмиль* явился безусловно оригинальнымъ исключительнымъ вдохновителемъ общества XVIII вѣка. Мы видѣли,—какъ мало новаго по существу могли узнать читатели изъ перваго романа Руссо:—то же самое, можно сказать и о второмъ.

За нѣсколько лѣтъ до славы Руссо — «воспитателя человѣческаго рода» — идеи и планы, предложенные имъ въ крайне энергической «пророческой» формѣ,— стали общимъ достояніемъ художественной литературы и публики.

Мы снова должны начать съ произведенія, не разсчитаннаго на философскую пропаганду.—Оно, напротивъ, подвергаетъ насмѣшкамъ одну изъ важнѣйшихъ просвѣтительныхъ идей Но именно — путемъ смѣха — авторъ раскрываетъ положительное явленіе, отнюдь не комическое, явленіе съ блестящей будущностью въ литературѣ и въ жизни.

Комедія Детуша *La force du naturél* написана въ 1750 году. Она доказываетъ стихійную власть крови. Происхожденіе сказывается, несмотря ни на какія внѣшнія условія и вліянія. Въ семью маркиза попадаетъ — путемъ обмана кормилицы – крестьянская дѣвочка и, несмотря на всѣ усилія благородныхъ родителей, съ годами обнаруживаетъ свойства, менѣе всего терпимыя въ аристократической средѣ. Характеристика этой мнимой аристократки — весьма любопытна. Детушъ, конечно, не хотѣлъ выставить крестьянку въ розовомъ свѣтѣ, но его кисть нарисовала настолько правдивый и привлекательный образъ, что онъ совпалъ съ идеаломъ воспитателей философской школы.

ставителемъ новыхъ идей является отецъ, мать—недовольна и обращается къ нему съ упрекомъ: „Ah, mr. Blandineau, voilà de la philosophie,—elle se fourre partout". Мужъ отвѣчаетъ: Non, m-me, ce n'est que du bon sens".—Въ сборникѣ г-жи Жанлисъ напечатаны пьесы *L'enfant gâté*, *Les dangers du monde*,—идеи ясны изъ заглавія.

Юлія настоящее дитя природы. «Она до безумія любитъ открытый воздухъ, зелень, уединеніе», не разстается съ садомъ. Она сама воспитываетъ себя и энергически стоитъ за свою програму. «Я откровенна»,—говоритъ Юлія. «Наиболѣе открытыя сердца всегда самыя лучшія». — «Что вамъ кажется страннымъ во мнѣ?»—спрашиваетъ она у маркиза своего мнимаго отца.—«То, что я правдива и хочу остаться такою, что я презираю искуство вести напыщенные разговоры, что я ненавижу притворство и ни съ кѣмъ не умѣю сдерживать себя? У меня нѣтъ кокетливаго вида благородныхъ дамъ, ихъ гримасъ. Къ несчастію, я съ своими простыми манерами не похожу на этихъ кривлякъ. Всякій непремѣнно найдетъ во мнѣ что-нибудь заслуживающее порицанія и всякій хочетъ передѣлать меня на свой ладъ. А что касается меня—я предпочла бы жить въ деревнѣ. Быть всегда простой—вотъ всѣ мои манеры. Человѣкъ въ моемъ вкусѣ, будь онъ изъ захолустной провинціи, принадлежи къ какому угодно сословію, понравится мнѣ больше принца. Деревня на мой взглядъ красивѣе двора и я хотѣла бы навсегда остаться въ ней». Юлія, наконецъ, прямо сознается въ ненависти къ людямъ высокаго происхожденія и заявляетъ, что свое чувство она ставитъ выше всякихъ предковъ. Она предупреждаетъ графа, что у нея также есть личная воля и личные взгляды и ему придется считаться съ ними. [116].

Въ этихъ признаніяхъ основные причины философскаго воспитанія: культъ простоты, чистосердечія, личнаго чувства, пристрастіе къ деревнѣ и людямъ низшаго сословія, развитіе самостоятельной воли и критическаго взгляда на общество и его воззрѣнія. Другой предшественникъ Руссо—глава энциклопедистовъ.

Дидро изложилъ требованія новой педагогики въ драмахъ и въ *Посвященіи* второй изъ нихъ принцессѣ Нассау-Заарбрукской. Въ пьесахъ говорится о нравственномъ союзѣ отцовъ и дѣтей, о неустанномъ наблюденіи родителей за

---

[116] Комедія шла въ *Com. Fr.* 11 февр, 1750 г.—Acte I, 5.

каждымъ шагомъ ихъ умственнаго и нравственнаго развитія. Въ *Посвященіи* вопросъ обсуждается подробнѣе. Здѣсь съ особеннымъ вниманіемъ указывается на развитіе демократическихъ наклонностей въ дѣтяхъ и подробно излагаются результаты воспитанія Дѣти познакомятся съ жизнью деревни, бѣдныхъ поселянъ, увидятъ, какъ голыя крестьянскія дѣти играютъ въ пыли, какъ мать-крестьянка кормитъ своею грудью ребенка, а мужчины добываютъ хлѣбъ. На дѣтей произведутъ меньше впечатлѣнія колоннады и дворцы, чѣмъ деревня и ея полуразвалившіяся хижины. Дѣти увидятъ нужду, и привыкнутъ быть чувствительными. Они узнаютъ по личному опыту, что кругомъ существуютъ такіе же люди, какъ и они и, можетъ быть еще выше ихъ и у этихъ людей едва есть солома для постелей и нѣтъ хлѣба. Дидро хочетъ, чтобы воспитанникъ входилъ въ деревенскія хижины, подробно знакомился съ ихъ обстановкой, видѣлъ крестьянскій хлѣбъ и одежду. Онъ будетъ помнить, что изъ-за одного могущественнаго и злого человѣка сто тысячъ людей плачутъ стонутъ и проклинаютъ свое существованіе. Онъ усвоитъ также истину, что природа не создаетъ рабовъ и никто подъ солнцемъ не имѣетъ больше власти, чѣмъ та же природа. [117].

Вольтеръ считалъ это *Посвященіе* «образцомъ краснорѣчія и торжествомъ гуманности». [118].

Дѣйствительно, вся философская партія, не исключая и Руссо, могла подписаться подъ этой программой. Четыре года спустя вышелъ *Эмиль* и, по единогласному заявленію современниковъ, создалъ эпоху въ воспитаніи дѣтей. Какія же идеи ознаменовали эту эпоху?

Въ первой же книгѣ романа Руссо ставилъ во главѣ воспитанія ребенка—жизнь въ деревнѣ. [119]. Философъ давно уже привыкъ нападать на города, теперь эти нападки онъ

---

[117] *Oeuvres*. Paris. 1821. IV, 244—5.

[118] Въ письмѣ къ Палиссо 1760 г.

[119] *Emile*. Livre I, p. 104.—Paris. 1827. Tome I.

строилъ на самыхъ справедливыхъ и внушительныхъ основаніяхъ, какія только можно было придумать въ XVIII вѣкѣ. Дѣло, конечно, не обошлось безъ обычныхъ разсужденій на счетъ тлетворнаго вліянія всякаго общества на отдѣльнаго человѣка. Мы узнаемъ, что человѣкъ — «существо менѣе всего созданное для стадной жизни». «Дыханіе одного человѣка смертельно для другого въ собственномъ и переносномъ смыслѣ слова». Все это давнишніе отголоски спеціальныхъ парадоксовъ, знакомыхъ публикѣ и уже не производившихъ на нее впечатлѣнія. Но за то разсужденія о физическомъ здоровьѣ и нравственномъ развитіи ребенка — среди простой деревенской обстановки, на чистомъ воздухѣ полей, — являлись какъ нельзя болѣе современными, хотя и не новыми. Не ново было также требованіе Руссо воспитывать ребенка въ демократическомъ направленіи, знакомить съ трудовой жизнью поселянъ, внѣдрять уваженіе къ личному труду, честной непрестанно дѣятельной бѣдности. Руссо совѣтуетъ пріучать воспитанника смотрѣть на бѣдныхъ и несчастныхъ, какъ на людей близкихъ себѣ, родныхъ, испытанія и лишенія другихъ считать своимъ удѣломъ. Это въ высшей степени мудрое и гуманное правило, по обычаю Руссо, уснащается сентенціями совсѣмъ другаго характера. Восторги предъ народомъ являются для автора предлогомъ — бросить лишній камень въ ненавистныхъ философовъ. Это опять исключительное настроеніе писателя, но — рядомъ съ нимъ — въ высшей степени краснорѣчивое сопоставленіе труженика изъ народа съ тунеядцемъ изъ такъ называемаго общества. Такая картина должна была поразить современныхъ читателей гораздо глубже, чѣмъ общія разсужденія о вредѣ цивилизаціи и партійныя выходки противъ ея представителей [120]. Другія наставленія Руссо не менѣе своевременныя, — отличались большей оригинальностью.

Рисуя идеалъ семьи Руссо обращался прежде всего къ

---

[120] *Ib.* Livre IV, p. 34—9. Tome II.

матерямъ, и на женщину возлагалъ свои надежды—видѣть новую расу людей. «Пусть матери начнутъ кормить своихъ дѣтей», писалъ онъ, «и нравы преобразуются сами собой, чувства природы воскреснутъ въ сердцахъ у всѣхъ, населеніе государства умножится... Лишь только женщины станутъ матерями, мужчины сдѣлаются отцами и мужьями». [121].

Философъ въ яркихъ краскахъ описывалъ, при какихъ условіяхъ ростутъ дѣти на рукахъ наемныхъ кормилицъ, какъ наемницы вѣшаютъ на гвоздь спеленатыхъ младенцовъ и несчастные по цѣлымъ часамъ остаются въ такомъ положеніи.

Лишь только ребенокъ вскормленъ—кормилицу немедленно удаляютъ отъ него. Къ кормилицамъ, если бы онѣ даже и честно выполняли свой долгъ, относятся, какъ вообще къ прислугѣ и даже дѣтямъ внушаютъ презрѣніе къ нимъ. Свѣтская мать такимъ путемъ хочетъ единолично овладѣть сердцемъ ребенка. Но она достигаетъ только одного: сѣетъ въ дѣтскую душу сѣмена неблагодарности и научаетъ ребенка такъ же впослѣдствіи презирать родную мать, какъ онъ презираетъ ту, которая вскормила его своей грудью [122]. Идеи Руссо, слѣдовательно, охватываютъ младенческій и дѣтскій періодъ воспитанія. Драматической литературѣ нелегко было отъ начала до конца идти по слѣдамъ философа,—и все-таки нашлись въ полномъ смыслѣ самоотверженные послѣдователи. Подъ несомнѣннымъ вліяніемъ *Эмиля*—появилась драма *La vraie mère*—съ эпиграфомъ: *La véritable mère est celle qui nourrit.* Все произведеніе посвящено доказательству этой истины, теоріи Руссо превращаются въ сценическіе образы.

Пьеса разсчитана на высшее сословіе, такъ какъ, по заявленію автора, въ мѣщанскихъ семьяхъ кормленіе дѣтей матерями—обычный порядокъ. Научную часть пьесы авторъ заимствуетъ изъ медицинскихъ сочиненій, одобренныхъ па-

---

[121] *Emile*, t. I, 36—9.
[122] *Ib.* I, 33—8.

рижскимъ факультетомъ [123]. Героини пьесы слѣдующія: дама родившая семь мѣсяцевъ назадъ и кормящая своего ребенка; дама, беременная въ послѣднемъ періодѣ; дама, родившая девять съ половиной мѣсяцевъ назадъ: нянька; сидѣлка при родахъ; кормилица и мужья всѣхъ дамъ. Одинъ изъ нихъ— противникъ кормленія,—и сцены драмы наполнены рѣчами *за* и *противъ* кормленія. Въ пьесу введенъ драматическій эпизодъ: ребенокъ, порученный кормилицѣ, сломалъ руку и та молчала цѣлый мѣсяцъ. Авторъ обнаруживаетъ также разныя интриги нянекъ и кормилицъ. Въ заключеніе высказывается надежда на будущую «расу честныхъ людей» если матери сами будутъ кормить дѣтей [124].

Авторъ оказался слишкомъ фанатическимъ защитникомъ теоріи и заслужилъ ироническое прозвище—«акушера-моралиста» [125]. Другіе авторы пропускали первый періодъ младенческаго воспитанія, слишкомъ рискованный для воспроизведенія на сценѣ,—и предлагали программы умственнаго и нравственнаго развитія дѣтей. Многія изъ этихъ произведеній имѣли поразительный успѣхъ: современники описываютъ его иногда съ такими же подробностями, какъ, напримѣръ, успѣхъ *Свадьбы Фигаро*. Можно представить, до какой степени былъ приподнятъ интересъ публики къ вопросу!

Во всѣхъ программахъ мы находимъ одинъ еще раньше Руссо установленный параграфъ: дѣтей слѣдуетъ воспитывать въ деревнѣ. Къ иному выводу нельзя было придти на основаніи литературныхъ и практическихъ свѣдѣній о семейныхъ явленіяхъ въ высшихъ и низшихъ классахъ общества. Вп интересахъ нравственности и разносторонняго жизненнаго опыта новое поколѣніе, конечно, должно было стоять

---

[123] *La vraie mère*, drame didacti—comique, en 3 actes, par Moissy. Paris 1771. *Предисловіе*, p. VII.

[124] Одна изъ матерей говоритъ ребенку такую рѣчь: „L'amour, la nature, le devoir, la raison—tout me parle pour toi"... Она желаетъ, чтобы ея чувства къ ребенку видѣли другія матери - „pour ranimer en elles le sentiment de l'humanité". Acte I, 3, 4.

[125] *Corresp. litt.* IX, avr. 1771.

ближе къ деревнѣ, чѣмъ къ модному свѣту. Это превосходно понималъ Дидро и новаго по существу въ позднѣйшей литературѣ указать ничего. Но драма изорѣтала крайне любопытныя положенія для доказательства общаго принципа. Идея поясняется фактами, часто въ высшей степени реальными художественно обрисованными. Даже слабѣйшія произведенія на эту тему не лишены обще-литературнаго и психологическаго интереса.

Въ комеъіи *Les deux freres ou la prevention vainuce* на сценѣ два молодыхъ человѣка, воспитанныхъ различно. Одинъ выросъ въ городѣ и превратился въ блестящаго бездѣльника: онъ мечтаетъ исключительно о полкѣ и богатой невѣттѣ. другой—его братъ—скромкый, правдивый, гуманный и основательно образованный—жилъ въ деревнѣ. Разница бросается съ перваго взгляда и конечно, не въ пользу городскаго воспитанія, развившаго эгоизмъ и легкомысленное отношеніе къ людямъ и икъ жизни. Воспитанникъ деревни—идеальный представитель развитаго ума, глубокаго чувства и тонкаго вкуса. [126].

На деревню единственная надежда въ случаѣ опасности городскому ребенку испортиться окончательно. Въ пьесѣ *Le Goûté* испорченнаго барчёнка привозятъ изъ города, вводятъ его въ среду деревенскихъ мальчиковъ, заставляютъ обращаться съ ними, какъ съ равными и преподаютъ тѣ же наставленія о полезности почтенныхъ тружениковъ, какія проповѣдывали философы.

Пьеса съ точностью подтверждаетъ одно изъ разсужденій Руссо. «Города», читаемъ въ романѣ, «это—гибель для человѣческаго рода. Въ теченіи нѣсколькихъ поколѣній расы вымираютъ или вырождаются. Ихъ нужно обновлять, — и

---

[126] Воспитатель идеальнаго юноши, его дядя, говоритъ о своемъ питомцѣ:

Le mien est doux, sincère, humain, plein de droiture,
Mon art chez lui n'a fait qu'embellir la nature.
Il ne babille pas effrontement de tout,
Il a du jugement, de l'esprit et du goût. Acte I, 4.

Авторъ пьесы Moissy. *Com. Fr.* 27 іюля 1768.

всегда только деревня способствуетъ этому обновленію. Посылайте же своихъ дѣтей, такъ сказать, возрождаться и набирать среди полей силъ,которыя растиряваются обыкновенно въ тлетворной атмосферѣ слишкомъ густаго населенія». [127].

Тѣ же мотивы развиты съ большимъ искусствомъ въ комедіи *Fanfan et Colas ou les frères de lait*. Комедія имѣла громадный успѣхъ. Современникъ разсказываетъ о потокахъ слезъ, пролитыхъ матерями и дѣтьми на представленіяхъ этой пьесы, и вѣритъ въ благіе результаты этихъ впечатлѣній. [128]. Вскорѣ появилось продолженіе комедіи—*Rose ou la suite de Fanfan et Colas* и съ такимъ же успѣхомъ.

Фанфанъ—сынъ знатной дамы — избалованный и надменный ребенокъ. Ему предстоитъ опасность вырости съ жестокимъ эгоистическимъ сердцемъ. Наставникъ Фанфана—аббатъ —предлагаетъ матери произвести надъ ребенкомъ тяжелый, но единственно спасительный опытъ. Фанфанъ долженъ переселиться въ среду крестьянъ. «Только подъ тростниковой кровлей», говоритъ наставникъ,—«онъ познаетъ достоинство человѣка и научится гуманности». И Фанфанъ мѣняется жилищемъ съ своимъ молочнымъ братомъ. Мать-крестьянка опасается, чтобы ея сынъ въ свою очередь не испортился въ большомъ свѣтѣ. Но аббатъ обѣщаетъ показать ему этотъ свѣтъ въ такомъ видѣ, что воспитанникъ будетъ крайне радъ вернуться въ деревню. Опытъ удается. Фанфанъ возвращается домой совершенно перерожденнымъ. Мать говоритъ ему: «Твое сердце измѣнилось. У тебя развилась чувствительность и я—счастливѣйшая изъ матерей». Чувствительность и аббатъ считаетъ «первою изъ добродѣтелей», и нигдѣ сѣмена ея не даютъ такихъ зрѣлыхъ плодовъ, какъ въ средѣ бѣдняковъ, рядомъ съ нуждой и лишеніями. [129].

[127] *Emile*, I, 71.

[128] *Corresp. litt.* XIV, 7 sept. 1784.

[129] Въ концѣ пьесы аббатъ обращается къ публикѣ съ такою рѣчью: „Bonnes mères, en aimant vos enfants n'oubliez jamais qu'ils ne seront heureux qu'avec des moeurs, avec de la sensibillté, et que l'éducation seule développe dans leurs coeurs le germe des vertus et des vices". Авторъ пьесы—m-me Beaunoir, продолженіе же написано г-номъ Beaunoir.

Впослѣдствіи это воспитаніе отражается на всей жизни Фанфана. Вторая пьеса показываетъ его юношей, семнадцатилѣтнимъ маркизомъ. Онъ на жизнь и на семью смотритъ глазами новаго человѣка, философа. «Развѣ мы обязаны»,— говоритъ онъ, — «жертвовать своимъ счастьемъ суетнымъ предразсудкамъ? И развѣ существуетъ болѣе высокое, болѣе чистое счастье, чѣмъ счастье чувствительнаго человѣка?» Онъ выбираетъ себѣ спутницу жизни въ безвѣстной, бѣдной, но почтенной семьѣ, и становится для своей жены «любовникомъ, другомъ, супругомъ, благодѣтелемъ». Дядя маркиза всѣми силами возстаетъ противъ этихъ идей, но аббатъ предупреждаетъ, что ему врядъ ли удастся разрушить въ натурѣ Фанфана основы полученнаго имъ воспитанія. Онъ въ дѣтствѣ вблизи видѣлъ простой народъ, научился быть гуманнымъ и чувствительнымъ. И аббатъ остается правъ. [130].

Новыя воспитательныя теоріи быстро вошли въ сознаніе французскаго общества и стали вытѣснять старые порядки въ самыхъ вліятельныхъ семьяхъ. Даже дѣти успѣвали проникаться новой системой и усвоивали философскія идеи, наполнявшія, можно сказать, самый воздухъ. Двѣнадцатилѣтняя дочь Неккера, будущая m-me Stael, сочиняетъ двухъактную пьесу *Les inconveniens de la vie de Paris*. Двѣ сестры получаютъ разное воспитаніе — одна въ городѣ, другая въ деревнѣ. Мать оказываетъ предпочтеніе первой. Но дни испытаній горько разочаровываютъ ее. Деревенское воспитаніе, оказывается, развило въ нелюбимой дочери ея сестрѣ, добродѣтель и мужество, какихъ недостаетъ горожанкѣ.

Юный авторъ имѣлъ полное право взять темой своей

---

[130] *Rose*. Paris 1806. Acte I, 5.—Въ концѣ пьесы одинаково благородными оказываются и Colas и Fanfane, одинъ благодаря *природѣ*, другой— воспитанію. Аббатъ говоритъ о Colas'ѣ: „C'est la nature toute brute, mais c'est une nature excellente". Объ обоихъ: „Voilà la fleur de la nature,— voilà le fruit de l'education". Драматическое столкновеніе въ пьесѣ заключается въ любви Фанфана къ Розѣ, невѣстѣ Коласа. Фанфанъ побѣждаетъ въ себѣ страсть—подъ вліяніемъ нравственнаго мужества Коласа и собственныхъ чувствительныхъ побужденій.

пьесы—женское воспитаніе. Его личный опытъ и направленіе лучшаго современнаго общества ставило эту тему на первый планъ. Пожеланія Даламбера не оставались гласомъ въ пустынѣ. Философская эпоха воспитала немало женъ, матерей и общественныхъ дѣятельницъ, съ достоинствомъ встрѣтившихъ и переживщихъ наступившіе годы смутъ. Благородныхъ барышенъ переставали запирать по монастырямъ. Драматурги вслѣдъ за энциклопедистами требовали, чтобы дѣвушки воспитывались въ трудѣ и истинномъ просвѣщеніи, а не ограничивались танцами, рисованіемъ, игрой въ свѣтское кокетство, составленіемъ мемуаровъ еще съ дѣтскаго возраста. Находятся отцы, дающіе дочерямъ «философское воспитаніе», т.-е. развиваютъ въ нихъ самостоятельную мысль и сознаніе личныхъ правъ и человѣческаго достоинства. [131].

Такой отецъ на сценѣ и у Дидро. Раньше чѣмъ Руссо заявилъ свое возмущеніе наемными воспитателями, [132] ненавистные ему философы показали публикѣ истинныхъ отцовъ-воспитателей, не различающихъ въ своей дѣятельности сыновей отъ дочерей. Естественно въ обществѣ появляются женщины, обладающія практическими талантами и умственнымъ развитіемъ наравнѣ съ мужчинами. Онѣ отлично умѣютъ справляться съ личными дѣлами, но не упускаютъ изъ виду и высшихъ интересовъ. Литература и современное движеніе мысли имъ знакомы такъ же близко, какъ всѣмъ лучшимъ дѣятелямъ эпохи. Еще въ половинѣ XVIII вѣка мы видѣли этотъ типъ во французской драмѣ. Ничего нѣтъ удивительнаго, если конецъ вѣка будетъ гордиться такими женщинами, какъ m-me Роланъ, m-me Сталь, и за два года до революціи Кондорсе будетъ требовать для женщинъ гражданскихъ правъ, одинаковыхъ съ правами мужчинъ, такъ какъ, по мнѣнію философа «между полами существуетъ только та разница, какую создаетъ воспитаніе». Эпоха выбо-

---

[131] Въ упомянутыхъ пьесахъ *Le goûté*, *Le vieux garçon*.
[132] *Emile*. I, 47.

ровъ въ Генеральные Штаты вызоветъ дѣйствительно гражскую энергію у парижанокъ. Онѣ не замедлятъ представить множество собственныхъ *наказовъ*. И это движеніе отнюдь не ограничивается высшими классами.

Гораздо ниже салоновъ условія нравственной и умственной жизни быстро мѣняются. Философскія идеи вступили въ союзъ съ чувствительной литературой,—и этимъ путемъ проникли въ темные заброшенные углы. «Нравственное воспитаніе» — *education honnête* получаютъ даже дочери крестьянъ. Онѣ теперь не такъ легко поддаются соблазнамъ и насиліямъ знатныхъ господъ, — мало этого онѣ встрѣчаютъ соблазнителей рѣчами, повергающими юныхъ развратниковъ въ крайнее изумленіе. И между тѣмъ, источникъ рѣчей крайне простъ и доступенъ. Шарлотта — дѣвушка изъ народа—героиня одной изъ драмъ Мерсье—вмѣстѣ съ братомъ читала *Памелу:* чтеніе было для нихъ отдыхомъ среди работы. Романъ Ричардсона, вѣроятно, былъ не единственной книгой, услаждавшей досуги обитателей подвала. Шарлотта прекрасно усвоила содержаніе и смыслъ чувствительнаго романа, умѣетъ оцѣнить истинное значеніе блестящихъ обѣщаній богатаго господина. Ей доступно понятіе о самоуваженіи, о личномъ достоинствѣ. [131]. Всему этому она научилась въ трогательныхъ образахъ и сценахъ современной литературы. Недаромъ *Памела* безпрестанно передѣлывалась и переводилась во Франціи до самой революціи и чаще всего драматургами. Театръ неуклонно шелъ во главѣ современныхъ вопросовъ. Онъ предупредилъ важнѣйшія оригинальныя французскія произведенія о семьѣ и воспитаніи— *Новую Элоизу* и *Эмиля* Руссо.

---

[131] *L'Indigent.* Acte II, 5. Шарлотта говоритъ соблазнителю: „Que je suis heureuse d'avoir reçu une éducation honnête! Sans elle je risquerais peut—être d'être séduite par ces faux biens que vous me proposez. Je perdrais le plus précieux des trésors cette estime de soi-même qui n'appartient qu'à celui qui fait se respecter“.

VI.

Шарлотта Мерсье—отнюдь не продуктъ личной фантазіи демократическаго автора. Семья ея живетъ въ Парижѣ въ то время, когда происходитъ дѣйствіе піесы. Но раньше эти люди были простыми землепашцами и принесли въ столицу совершенно готовые нравственные и общественные взгляды. Шарлотта читала романъ Ричардсона, братъ ея, помимо романа, знакомъ съ другими популярными произведеніями своего времени. Онъ—горячій сторонникъ личнаго достоинства, критически относится къ общественнымъ условіямъ, и позже, когда ему придется заявлять свои желанія въ оффиціальной бумагѣ, онъ безъ всякаго затрудненія, вполнѣ сознательно, станетъ на сторону гуманности, просвѣщенія и свободы.

Какого практическаго значенія достигли идеи о семьѣ и воспитаніи—краснорѣчиво свидѣтельствуютъ многочисленные столичные и провинціальные *наказы*. Избиратели въ своихъ челобитныхъ воспроизводятъ лучшія чаянія просвѣтителей и теоретическіе принципы стремятся закрѣпить новыми политическими и общественными учрежденіями.

Прежде всего составителей *наказовъ* глубоко волнуетъ вопросъ о семейныхъ устояхъ, о нравственномъ достоинствѣ домашняго очага, о правильномъ развитіи общества на основахъ супружеской вѣрности. Избиратели изслѣдуютъ вопросъ о бракѣ и семьѣ — во всѣхъ его періодахъ. Они начинаютъ негодованіемъ на громадное количество холостой молодежи, уклоняющейся отъ семейныхъ узъ—и требуютъ карательныхъ мѣръ, обыкновенно—особаго налога. Проэкты весьма часто сопровождаются крайне суровыми упреками по адресу ненавистниковъ брака. Кромѣ налога избиратели предлагаютъ пополнять холостыми милицію. Они клеймятъ этихъ дурныхъ гражданъ — бездѣльниками, эгоистами, безъ всякаго различія обвиняютъ ихъ въ подлости, въ

развратѣ, въ отягощеніи общества незаконными дѣтьми [134]. Налоги, предлагаемые для холостыхъ должны быть вдвое выше налоговъ съ людей семейныхъ [135].

Избиратели идутъ дальше. Они стремятся опредѣлить взаимныя отношенія супруговъ и становятся на сторону бѣдныхъ и слабыхъ. Они разбираютъ дѣйствующій порядокъ — separation de corps, d'habitation и находятъ, что благами его пользуются только богатыя или вліятельныя жены. А всѣ другія женщины, не принадлежащія къ этимъ двумъ классамъ, принуждены погибать подъ гнетомъ «тиранніи своихъ мужей». Если онѣ рѣшаются обратиться въ судъ — процессъ покрываетъ ихъ несмываемымъ позоромъ. Избиратели требуютъ уничтожить привилегіи сильнаго. Они кромѣ того ходатайствуютъ объ учрежденіяхъ, могущихъ спасти бѣдныхъ дѣвушекъ отъ нужды и, слѣдовательно, отъ соблазновъ. Между прочимъ мужчинамъ должно быть запрещено заниматься работами, составляющими спеціальность женскаго труда. Вдовы по смерти мужей должны пользоваться тѣми же правами, какія принадлежали ихъ мужьямъ [136].

Женщины сами напоминаютъ о своемъ безправномъ положеніи. Онѣ еще безпощаднѣе возстаютъ противъ холостыхъ эгоистовъ, предлагаютъ лишить права занимать какой либо государственный постъ всякаго, кто не женатъ и не имѣетъ, по крайней мѣрѣ, одного ребенка. Челобитчицы хо-

---

[134] *Cahier de la paroisse de Béssancourt*. О милиціи изъ „celibataires fainéants et inutiles". *Archives*. IV, 356. Тоже предлагаетъ — *Cahier des habitans de Sucy en Brie*. *Ib*. V, 124. Въ одномъ изъ парижскихъ наказовъ — *Cahier du Solitaire* — читаемъ: „La classe des *célibataires* est aujourd'hui innombrable. Que ceux parvenus à l'âge de trente ans, non infirmes, restent dans cette classe... ou lâches, ou libertins, ou égoistes,... soit! mais qu'ils payent à peu près ce qu'ils supporteraient, s'ils avaient l'honneur d'exister civilement". Chassin. *Les cahiers* III, 186.

[135] *Cahier du tiers—état de la sénéchaussée du Beaujolais*. *Archives*. II, 283. Купцы города Тіонвилля налогъ въ такомъ же размѣрѣ мотивируютъ обиліемъ незаконнорожденныхъ дѣтей. *Ib*. III, 783.

[136] *Cahier du bourg et paroisse de chelles*. *Archives*. IV, 423.—Chassin. *Les cahiers*. II, 489; III, 386; II, 458.

датайствуютъ о реформѣ женскаго образованія, объ «уничтоженіи принциповъ, превращающихъ женщинъ въ рабынь». Въ порывѣ желанія—обезпечить свободу чувству, личному выбору — онѣ проектируютъ — «обязать мужчинъ жениться на безприданницахъ» [137].

Во всѣхъ этихъ часто наивныхъ и мало практичныхъ заявленіяхъ живетъ одна безусловно серьезная идея — о самостоятельности женской личности и женскаго труда, — идея, всецѣло возникшая на почвѣ философіи. *Наказы* стремятся въ дѣйствительности создать тѣ самые женскіе типы, какіе описывали энциклопедисты и воплощала драма.

Дѣти занимаютъ въ *наказахъ* не менѣе почетное мѣсто, чѣмъ вообще интересы семьи. *Наказы* дышатъ глубокимъ гуманнымъ чувствомъ по отношенію къ нимъ, обнаруживаютъ пристальную заботливость объ ихъ судьбѣ съ самаго дня рожденія. Заявляя, сколько гибнетъ жизней ежедневно по причинѣ невѣжества повивальныхъ бабокъ, челобитчики требуютъ учрежденія публичной школы акушерства [138]. Они сознаютъ всю важность ухода за дѣтьми и разрѣшаютъ этотъ вопросъ наравнѣ съ важнѣйшими вопросами общественнаго и политическаго порядка. Оказывается, въ кормилицы попадаетъ часто первая встрѣчная, не снабженная никакимъ свидѣтельствомъ и удостовѣреніемъ со стороны властей. Челобитныя настаиваютъ, чтобы всякая кандидатка въ кормилицы имѣла медицинское свидѣтельство о здоровьѣ и удостовѣреніе отъ мѣстнаго священника касательно порядочности и нравственности—*l'honnêteté et les moeurs*. Это требованіе идетъ отъ священниковъ и сельскихъ прихожанъ. Послѣдніе пользуются случаемъ и здѣсь заявить сожалѣніе о гибели и увѣчьяхъ множества дѣтей въ рукахъ наемныхъ кормилицъ [139]. Матери, кормящія дѣтей, берутся подъ осо-

---

[137] Chassin. *Ib.* II, 596—7.

[138] *Cahier des habitants de l'île d'Oleron. Archives.* V, 683.

[139] *Cahier de l'ordre du clergé des baillages de Melun et Moret. Archives.* III, 738. *Cahier* прихода Asnières—Saint-Mahiel въ окрестностяхъ Парижа. *Ib.* IV, 319.

бое покровительство: челобитчики ходатайствуютъ, чтобы во время кормленія новорожденнаго съ хозяина семьи не взыскивались долги, а напротивъ—заботились о поддержаніи ея, хотя бы путемъ налога на холостыхъ [140].

Обученіе дѣтей стоитъ на первомъ планѣ именно въ деревенскихъ челобитныхъ. Мы уже указывали, какъ высоко составители *наказовъ* цѣнятъ грамоту и просвѣщеніе и съ какой настойчивостью и единодушіемъ требуютъ даровыхъ школъ въ интересахъ крестьянскаго населенія.

Выражая такую заботливость о воспитаніи и образованіи дѣтей, избиратели не могли пройти молчаніемъ цѣлый разрядъ несчастныхъ и обездоленныхъ, возбуждавшихъ глубокое сочувствіе новой литературы. *Наказы* настоятельно требуютъ—измѣнить законодательнымъ путемъ общественное положеніе незаконнорожденныхъ.

Избиратели называютъ старый предразсудокъ «постыднымъ» (honteux), требуютъ допущенія ни въ чемъ неповинныхъ отверженцевъ общества ко всѣмъ частнымъ и общественнымъ занятіямъ. Они должны быть такими же полезными гражданами государства, какъ и всѣ другіе [141]. Таково желаніе третьяго сословія одного изъ парижскихъ приходовъ. Крестьяне также заботятся о судьбѣ незаконныхъ дѣтей. Одна община выражается очень точно и энергично: «Пусть будутъ предоставлены гражданскія и политическія права незаконнорожденнымъ, по примѣру того, какъ сдѣлано въ нѣкоторыхъ сосѣднихъ государствахъ... Французская нація не должна уступать никакой другой — въ гуманности». То же самое слово въ слово повторяется крестьянами другой общины [142]. Иногда обсужденіе вопроса становится настолько

[140] *Cahier du district des Enfants Rouges à Paris*. VI. 688. „Il ne sera jamais prononcé de contrainte par corps pour mois de nourrice, et on suppléera aux besoins des pères indigents par un impôt sur les célibataires“.— *Cahier particulier et local du tiers—état de la ville de Paris*—возлагаетъ на администрацію обязанность приходить на помощь семью, кормящей новорожденнаго.—*Ib*. IV, 296.

[141] *Cahier des Théatins*. Chassin *Les cahiers* II, 437.

[142] *Cahier de la Communauté d'Allen*. *Archives*. VI, 242. *Cahier de la comm. du Vernègues*. *Ib*. p. 441.

подробнымъ, что рекомендуется какимъ именно молокомъ кормить незаконнорожденныхъ, а въ случаѣ, если обязанность кормленія будетъ лежать на кормилицахъ, имъ увеличивается содержаніе. Эта мѣра признается необходимой въ виду поощренія, такъ какъ,—говорятъ челобитчики,—въ настоящее время кормилицы относятся къ незаконнорожденнымъ крайне небрежно [143].

Слѣдовательно,—далеко не безслѣдно прошли идеи просвѣтителей—о семьѣ, о взаимныхъ отношеніяхъ отцовъ и дѣтей, о воспитаніи новыхъ поколѣній.

И намъ не трудно видѣть какъ ярко отразились въ *наказахъ* основные принципы энциклопедистовъ и ихъ соратниковъ—драматурговъ, строившихъ новую семью на основахъ гуманнаго *разума* и свободнаго *чувства*. Ни одна черта философскихъ идеаловъ не была пропущена художественнымъ творчествомъ. Всякая *идея* неизбѣжно воплощалась въ *образъ* и, когда настало время—*литературный образъ* долженъ былъ превратиться въ *фактъ дѣйствительности*. Къ новой литературѣ, построенной на чувствѣ,— естественно ближе всѣхъ другихъ вопросовъ, стояла семья. Но она только первая ступень—и среди явленій, подлежавшихъ преобразованію и въ развитіи самихъ преобразовательныхъ силъ—разума и чувства. Дальше слѣдовало общество—съ его многообразными отношеніями — сословными, религіозными, политическими. И здѣсь новымъ идеаламъ предстояло пройдти тотъ же тройственный путь, какой мы видѣли въ области семьи и воспитанія.

---

[143] *Cahier des ordres réunis de la noblesse et du tiers-état du gouvernement de Péronne, Montdidier et Roye. Archives*. V, 360. „Que les enfants trouvés, souvent malsains, soient nourris, dans les hospices, au lait de vache ou de chèvre“. *Cahier du tiers-état de la sénéchaussée de la ville et gouvernement de la Rochelle*—дѣлаетъ такое же предложеніе, мотивируя его тѣмъ, чтобы питомцамъ не передавались болѣзни кормилицъ. — *Archives*. III, 488. *Cahier du clergé de Lille*—указываетъ, что отъ небрежности кормилицъ гибнетъ три четверти дѣтей. *Ib*. p. 524.

Реформа общественныхъ отношеній.

I.

Среди революціонныхъ произведеній XVIII вѣка одно изъ первыхъ мѣстъ занимаютъ комедіи Бомарше, а наиболѣе опасными мѣстами въ нихъ считаются выходки противъ двора и высшаго сословія. Такъ поняла эти пьесы демократическая публика Франціи, такъ понимала ихъ проницательнѣйшая часть аристократіи и самъ Людовикъ XVI. Но дворъ и даже цензура совершенно не замѣтили опасности тамъ, гдѣ она дѣйствительно существовала. Фигаро производитъ впечатлѣніе такого безпечнаго и легкомысленнаго забавника, что казалось страннымъ ожидать отъ него какихъ-либо разрушительныхъ замысловъ. Именно въ такомъ смыслѣ высказался послѣдній изъ цензоровъ, рѣшившихъ судьбу *Свадьбы Фигаро*. Онъ тщательно разсмотрѣлъ, удовлетворительны ли сцены комедіи съ точки зрѣнія приличія, и безъ всякаго затрудненія пропустилъ всѣ сарказмы Фигаро противъ господъ, «дающихъ себѣ трудъ родиться». [1] Цензоръ

[1] Цензоръ академикъ Gaillard писалъ: „La pièce est d'une grande gaieté: mais quand les gaietés, quoiqu'approchant de ce qu'on nomme gaudrioles ne sont pas jusqu'à l'indécence, elles font plaisir sans faire de mal". Дальше цензоръ, считая Бомарше совершенно безопаснымъ для государственнаго порядка, приводитъ то самое соображеніе, на основаніи котораго Вольтеръ отвергъ обвиненіе Бомарше въ отравленіи жены. „Les gens gais ne sont pas dangereux", писалъ цензоръ. Lénient. *O. c.* II, 275. Loménie. *Beaumarchais et Son temps.* II, 313.

счелъ эти нападки, очевидно, вполнѣ невинными и даже знаменитый монологъ пятаго акта. Фактъ, едва вѣроятный послѣ того, какъ сама революція по части теоріи врядъ ли многое могла прибавить къ разсужденіямъ Фигаро и самъ Бомарше въ разгаръ переворота заявлялъ о несомнѣнно революціонномъ значеніи своихъ комедій. Фактъ странный, но объясняется весьма просто. Выходки Фигаро противъ двора и аристократіи, при всей рѣзкости и смѣлости, не могли поразить цензора новизною, показаться ему исключительнымъ свободомысліемъ. Напротивъ, всѣ тѣ рѣчи, гдѣ Фигаро издѣвался надъ придворными, крайне непочтительно описывалъ ихъ таланты и вообще нравственность знати,—все это на цензора должно было произвести впечатлѣніе избитыхъ современныхъ истинъ. Фигаро не говорилъ рѣшительно ничего оригинальнаго,—ни остроумныхъ замѣчаній о придворномъ секретѣ въ трехъ словахъ: «брать, получать и просить», ни злыхъ отвѣтовъ графу насчетъ негодности господъ быть добродѣтельными слугами, ни даже насмѣшекъ надъ министрами.

Все это цензоръ давно могъ прочесть въ произведеніяхъ, безпрепятственно проникавшихъ въ публику и цѣнимыхъ даже при дворѣ и у министровъ, могъ онъ то же самое слышать ежедневно въ какомъ угодно французскомъ театрѣ. Монтескьё былъ вполнѣ дозволеннымъ авторомъ, книга его даже являлась своего рода символомъ умѣреннаго либерализма, онъ заявлялъ, что отнюдь не хочетъ порицать какое бы то ни было учрежденіе и въ какой бы то ни было странѣ [2]. И дѣйствительно, здѣсь высказывается принципъ, враждебный всякимъ новшествамъ. «Древнія учрежденія обыкновенно исправляютъ людей, а новыя оказываются злоупотребленіями», [3] и въ силу этого правила Монтескьё ща-

---

[2] „Je n'ai point naturellement l'esprit désapprobateur... Je n'ecris point pour censurer ce qui est établi dans quelque pays que ce soit“. *Esprit des lois. Préface.*

[3] *Ib.* livre V, chap. VII.

дилъ такія «древнія учрежденія», какъ смертная казнь, тѣлесныя наказанія, преслѣдованіе еретиковъ, отдачу государственныхъ налоговъ на откупъ [4]. Ничего нѣтъ удивительнаго, если книга эта постепенно вытѣсняется другими, болѣе послѣдовательными произведеніями. За двадцать лѣтъ до революціи она считается устарѣлою, ее цѣнятъ только въ самыхъ знатныхъ фамиліяхъ судебнаго сословія [5]. И въ этой слишкомъ консервативной книгѣ современники могли прочесть замѣчанія, цѣликомъ предвосхитившія нѣкоторыя идеи Фигаро. Они могли прочесть одну изъ самыхъ безпощадныхъ характеристикъ, какія только были посвящены двору въ теченіе XVIII вѣка. Они могли отъ политическаго мыслителя узнать, до какой степени придворные заражены всевозможными нравственными недугами [6].

Вообще, по мнѣнію Монтескьё—«придворная наука состоитъ въ томъ, чтобы человѣкъ отказывался отъ личнаго величія и жилъ чужимъ» [7]. Министры подвергались не менѣе рѣшительной критикѣ. На этотъ счетъ достаточно одного

---

[4] Монтескьё о нѣкоторыхъ византійскихъ императорахъ, отказавшихся практиковать смертную казнь, говоритъ: „les empereurs grecs avaient oublié que ce n'était pas en vain qu'ils portaient l'épée". Liv. VI, chap. XXI. Относительно тѣлесныхъ наказаній авторъ выражается съ крайней осторожностью: „Un bon legislateur prend un juste milieu: il n'ordonne pas toujours des peines pécuniaires; il n'inflige pas toujours des peines corporelles". Ib. chap. XVIII. Относительно религіозныхъ преслѣдованій:—Монтескьё приводитъ нѣсколько фактовъ жестокости, вызванныхъ суевѣріемъ и заключаетъ: „Je n'ai point dit ici qu'il ne fallait point punir l'hérésie; je dis qu'il faut être très circonspect à la punir". Liv. XII, chap. V. Объ отдачѣ налоговъ на откупъ. Liv. XIII, chap. XIX.

[5] Тэнъ *Происхож. общ. строя.* Русск. изд. стр. 426.

[6] Liv. III, chap. V. „L'ambition dans l'oisivité, la bassesse dans l'orgueil le desir de s'enrichir sans travail, l'aversion pour la vérité, la flatterie, la trahison, la perfidie, l'abandon de tous ses engagements, le mépris des devoirs du citoyen, la crainte de la vertu du prince, l'espérance de ses faiblesses, et, plus que tout cela, le ridicule perpétuel jeté sur la vertu, forment, je crois, le caractère du plus grand nombre des curtisans, marqué dans tous les lieux et dans tous les temps".

[7] Liv. IV, chap. II.

характернаго замѣчанія: Министры,—пишетъ Монтескьё,—обязанные въ Англіи дѣйствовать на виду у публики, оказываются здѣсь «нѣсколько болѣе честными людьми» [8].

Всю важность этихъ замѣчаній мы оцѣнимъ, вспомнивъ, что Монтескьё благоденствіе и самое существованіе монархіи ставитъ въ связь съ положеніемъ и нравственными качествами знати и ближайшихъ исполнителей воли монарха.

Въ книгѣ Монтескьё опредѣляются принципы, управляющіе различными политическими формами. Для монархіи такимъ принципомъ является *l'honneur*, чувство чести, «предразсудокъ каждой личности и каждаго состоянія», предразсудокъ въ дѣйствительности, конечно, свойственный только высшимъ сословіямъ. Въ республикахъ дѣйствуетъ *vertu*, и объясненіе, какое Монтескьё даетъ этому термину, въ высшей степени важно для оцѣнки политическаго развитія французскаго общества въ XVIII вѣкѣ.

Политическая добродѣтель есть любовь къ равенству и личной независимости; *vertu c'est un renoncement à soi-même*. Если тотъ или другой принципъ признается всѣмъ обществомъ, предъ нами совершенныя формы монархіи или республики. Но при извѣстныхъ условіяхъ оба принципа одновремено могутъ входить въ сознаніе гражданъ. Монтескьё не говоритъ о совмѣстномъ существованіи двухъ противуположныхъ принциповъ въ одномъ и томъ же обществѣ, но косвенно указываетъ, когда такія условія могутъ наступить.

«Монархія» и, слѣдовательно, монархическій принципъ «гибнетъ, когда государь, пріурочивая все къ своей личности, государство призываетъ въ столицу, столицу ко двору и дворъ къ собственной особѣ». Въ этомъ случаѣ «знать утрачиваетъ свой престижъ, становясь жалкимъ орудіемъ въ рукахъ произвольной власти» [9]. Основной принципъ при такомъ положеніи вещей утрачиваетъ нравственный смыслъ. *L'honneur* является уже не основой государства, а злоупо-

---

[8] Liv. XIX, chap. XXVII.

[9] Liv. VIII, chap. VI, VII.

требленіемъ,—не правомъ, а насиліемъ. Монтескьё, описывая въ мрачныхъ чертахъ высшую французскую аристократію, тѣмъ самымъ произноситъ приговоръ современному общественному строю. Называя *l'honneur предразсудкомъ—préjugé*, онъ говоритъ гораздо больше, чѣмъ хочетъ сказать. Принципъ, дѣйствительно, остается только предразсудкомъ, если у него нѣтъ другихъ защитниковъ, кромѣ придворныхъ и министровъ, изображаемыхъ авторомъ. Не разсчитывая ничего осуждать и преобразовывать, Монтескьё высказалъ идею и далъ ей выраженія, усвоенныя всею просвѣтительною литературой. Автора *Духа законовъ* можно считать однимъ изъ первыхъ и авторитетнѣйшихъ критиковъ политическаго положенія общества и государства въ философскую эпоху. Монтескьё не подозрѣвалъ только, что указанный имъ республиканскій принципъ уже входилъ въ жизнь и немного спустя долженъ былъ сдѣлаться популярнѣйшею идеей новой литературы.

Vertu Монтескьё понимаетъ какъ стремленіе къ равенству, какъ сознаніе личнаго достоинства у каждаго гражданина отдѣльно. Это понятіе буквально заполняетъ литературу второй половины столѣтія. Нельзя раскрыть ни одного политическаго, нравственнаго, художественнаго разсужденія, нельзя встрѣтить ни одной драмы, чтобы слово *vertu* не повторилось у автора нѣсколько разъ. Оно иногда испещряетъ цѣлыя страницы. Публика придаетъ ему какое-то исключительное значеніе, – по крайней мѣрѣ, она возмущается, когда его произносятъ съ бульварной сцены, и кричитъ, что произносить его здѣсь неумѣстно. Что же понимаютъ подъ этимъ словомъ? Конечно, не республиканскую *virtus*, но нѣчто такое, чего не знали въ предыдущую эпоху и что носитъ печать новой свободной мысли.

Vertu противуполагается всѣмъ преимуществамъ человѣка, въ которыхъ онъ лично не виноватъ: знатному происхожденію, богатству, привилегіямъ. *Vertu* цѣнится какъ нѣчто *личное*, независимое отъ внѣшнихъ условій. «Всѣ химеры, созданныя людьми, исчезаютъ въ моихъ глазахъ, лишь только

я начинаю сравнивать ихъ съ добродѣтелью» [10]. «Простая добродѣтель замѣняетъ собой знатное происхожденіе» [11]. «Если случайное происхожденіе создаетъ для насъ различные ранги, добродѣтель всѣ ихъ уравниваетъ». [12] «Суетныя отличія происхожденія изобрѣтены гордостью затѣмъ, чтобы замѣнить ими добродѣтель и скрыть ея отсутствіе» [13]. Это все рѣчи людей привилегированныхъ. Онѣ имѣли бы меньше значенія, если бы мы слышали ихъ только изъ устъ низшихъ и обдѣленныхъ. Но философскія идеи находятъ отголосокъ вездѣ и вмѣстѣ съ ними немедленно начинается прославленіе *vertu*, какъ силы, враждебной предразсудкамъ. Наверху общества еще царствуетъ старый принципъ, но снизу идетъ другое теченіе и захватываетъ прирожденныхъ носителей старой идеи. И мы видимъ, — эта непрестанно выдвигаемая *vertu* недалеко стоитъ отъ опредѣленія, даннаго у Монтескьё: гдѣ не хотятъ больше признавать предразсудковъ, тамъ, конечно, принципъ равенства встрѣтитъ сочувствіе, — не республиканскаго равенства, не равенства гражданъ-законодателей, а равенства гражданъ-подданныхъ. *Vertu* на первый взглядъ только нравственное понятіе, и оно съ этой точки зрѣнія такимъ радикальнымъ писателемъ, какъ Руссо, отождествляется съ чувствомъ, съ чувствительностью. Въ такой формѣ *vertu* впервые появилось въ новой драмѣ. Раньше Руссо—у Лашоссе—добродѣтельный человѣкъ значитъ чувствительный. Идеальные герои Дидро безразлично восхваляютъ *vertu* и *sentiment*. Вмѣсто *vertueux*, они гово-

---

[10] *Cénie,* pièce en 5 actes, par Graffigny. Acte IV, 5.

[11] *Silvain,* com. en 1 acte, par Marmontel. „La simple vertu tient lieu de la naissance".

[12] *La suivante généreuse,* com. en 5 actes, imitée de M. Goldoni, par Sablier. Acte II, 9:

Si le hasard de la naissance
A dans nos rangs mit la différence
La vertu les approche tous.

[13] *L'Honnête criminel,* Drame en 5 actes, par Fenovillot de Falbaire. Acte I, 2.

рятъ *sensible:* это качество свойственно идеальной супругѣ, идеальному отцу, идеальному юношѣ [14]. Если человѣкъ попадаетъ въ несчастье, онъ разсчитываетъ найти помощь у людей добродѣтельныхъ и *чувствительныхъ* [15]. Но мы здѣсь же видимъ, что это—объясненный выше принципъ, идущій противъ людей нечувствительныхъ, порочныхъ, т.-е., по толкованію философовъ, зараженныхъ предразсудками. Герой хочетъ искать помощи у чувствительныхъ противъ враговъ, желающихъ подчинить его волю предразсудкамъ, и намъ прямо говорятъ, что чувство и *honneur de préjugé*—двѣ воюющихъ другъ съ другомъ силы [16]. Эта война возгорается на каждомъ шагу и выростаетъ въ сильнѣйшую опасность для стараго общества, къ концу вѣка становится цѣлью министра и крестьянина.

Государственный дѣятель, разъясняя свои обязанности, не преминулъ опредѣлить все значеніе добродѣтели. Ея принципы, по его словамъ, гораздо шире, чѣмъ силы генія: «нравственность—духъ вѣковъ, таланты—отдѣльнаго человѣка». Отъ *vertu* зависитъ общественное благо, оно руководитъ человѣкомъ на пути его самыхъ сложныхъ обязанностей по отношенію къ государству и обществу. Безъ нея нѣтъ ни истиннаго гражданина, ни достойнаго министра [17].

Тѣ же идеи перейдутъ впослѣдствіи въ *Наказы*. Избиратели заявятъ Генеральнымъ Штатамъ, что «благородство состоитъ исключительно въ добродѣтели». Они будутъ опре-

---

[14] *Le Fils Naturel.* V, 2, 3.

[15] *Père de famille.* II, 8.

[16] „Voilà comme un honneur de préjugé etouffe les sentiments de la nature et de la réconnaissance". *Le philosophe sans le savoir.* Acte II, 5. У Даржансона проводится такая же параллель между *vertu* и современной *honneur.* Разсуждая по поводу идей Монтескье, онъ пишетъ: „nous avons placé aujourd'hui cet honneur à fuir la vertu et le véritable mérite, lesquels donnent le ridicule à ceux qui les ont". *Mémoires.* Paris 1858, V, 212.

[17] *De l'administration des finançes de la·rame*, par Necker Ed. 1785. I. *Indroduction* p. XX—XXI.

дѣлять *vertu* словами Монтескьё и на основахъ этого опредѣленія—строить новый общественный порядокъ [18].

Такимъ путемъ нравственное понятіе въ силу условій эпохи неминуемо превращается въ общественное и политическое. Литература не различаетъ чувствительныхъ отъ добродѣтельныхъ и *философовъ*. Одного изъ чувствительнѣйшихъ героевъ въ драмѣ Лашоссе защитникъ старины характеризуетъ: *Philosophe un peu jeune et même trop ardent* [19]. Герой у другого писателя, считающій сердце лучшею нравственною книгой и убѣжденный врагъ феодальныхъ правъ, здѣсь же именуется *философомъ* [20]. Множество другихъ чувствительныхъ людей прославляютъ добродѣтель, чувство и равенство. Всѣ эти понятія входятъ въ составъ *философскаго* міросозерцанія – одинаково *крестьянки-философа* и знатнаго сеньора-героя вольтеровской комедіи *Nanine*. Это фактъ въ особенности важенъ. Онъ указываетъ на первоначальный источникъ общественныхъ и политическихъ стремленій въ XVIII вѣкѣ. Этотъ источникъ—*нравственное негодованіе* низшихъ на привилегированныхъ. Первые французскіе революціонеры—моралисты, обличающіе пороки сильныхъ и правящихъ. Общество построено на такихъ основахъ, что всякое искреннее нравственное поученіе принимаетъ форму политическаго памфлета. Естественно, послѣ этого,—даже церковныя проповѣди лучшихъ проповѣдниковъ XVIII вѣка нерѣдко буквально совпадаютъ съ жесточайшими нападками современной общественной комедіи и иногда поднимаются на такую высоту гражданскихъ идей, что ихъ могли бы привѣтствовать «прирожденные революціонеры», въ родѣ Мерсье. А между тѣмъ, проповѣдники говорятъ только о гордости богачей и «великихъ міра сего» и противуставляютъ скромныя добро-

---

[18] *Cahier de la paroisse d'Essonnes.* „Qu'est ce autre chose que la vertu, si non le sacrifice généreux et volontaire de sa personne ou de tout interêt personnel au service de la patrie". Cp. *Cahier de la paroisse de Fosses. Archives.* IV, 525, 565.

[19] *La gouvernante.* Acte I, 2.

[20] *Le bon seigneur.* Comédie en 1 acte. *Histoire du théâtre italien.* IV, 514.

дѣтели бѣдняковъ. Массильонъ преимущественно такимъ темамъ посвящалъ свое краснорѣчіе и стоитъ прочесть одну его проповѣдь, чтобы почувствовать изумительное родство идей у придворнаго прелата и у философа энциклопедической школы. И Массильонъ—не единственный примѣръ. Аббатъ Бовэ, только что посвященный въ епископы, произнесъ въ присутствіи короля и двора проповѣдь, за которую философъ неизбѣжно попалъ бы въ Бастилію. Проповѣдникъ, по словамъ современника, изобразилъ праздное и тунеядное прозябаніе богачей и дѣятельную и полезную жизнь бѣдныхъ. Ораторъ представилъ патетическую картину бѣдствій народа и искусно далъ понять, что онъ лучше, чѣмъ кто-либо, знаетъ эти бѣдствія; онъ самъ вышелъ изъ народа. Проповѣдникъ напомнилъ королю объ его болѣзни, счастливѣйшемъ эпизодѣ его царствованія, такъ какъ именно по случаю болѣзни сказалась восторженная любовь подданныхъ къ нему. Ораторъ указалъ, что эта любовь ослабѣла, народъ, отягощенный налогами, стонетъ подъ бременемъ лишеній. Онъ далъ почувствовать монарху,—хотя у его трона и есть друзья, но лучшимъ его другомъ долженъ быть народъ. Епископъ закончилъ эту необыкновенную проповѣдь убѣжденіемъ, чтобы король не полагался исключительно на своихъ министровъ, склонныхъ къ корыстолюбію и обманамъ: пусть собственное сердце государя руководитъ имъ [21].

Призывъ былъ обращенъ къ Людовику XV, гуманныя идеи не могли, конечно, вызвать отголосокъ въ этомъ сердцѣ. Но для насъ важно отмѣтить, въ какой неразрывной связи стояли въ XVIII вѣкѣ мотивы нравственности и политики. Массильонъ шелъ еще дальше. На тему тѣхъ же пороковъ знатныхъ онъ представилъ Людовику XV настоящую теорію *Общественнаго договора*. Въ *Sermon sur les ecueils de la pieté des grands* знаменитый ораторъ напомнилъ королю о происхожденіи его власти. Король обязанъ этою властью первоначальному соглашенію націи. Его предки были избраны

---

[21] *Mem. secr.* 17 avr. 1774.

волей народа затѣмъ, чтобы они и ихъ потомки, помня источникъ своей власти, пользовались ею только для блага того же народа [22].

Существенныя политическія идеи XVIII вѣка, очевидно, неизбѣжнымъ естественнымъ путемъ возникали на основаніи нравственныхъ. Путь моралистовъ, приходившихъ къ выводамъ и принципамъ, общимъ съ просвѣтительною литературой, въ подробностяхъ и частностяхъ, конечно, также совпадалъ съ новымъ движеніемъ мысли. Массильонъ въ своихъ проповѣдяхъ давалъ такія же характеристики высшаго общества, какія были представлены у Монтескьё и какая безпрестанно повторялась въ драматической литературѣ. Это совпаденіе идей въ различныхъ, даже противуположныхъ, областяхъ мысли доказываетъ неотразимый, удручающій реализмъ явленій и краснорѣчивѣе всякихъ разсужденій оправдываетъ дѣятельность просвѣтителей.

Высшій классъ общества утратилъ нравственное право пользоваться исключительнымъ положеніемъ, — эта очевидная и простая истина влечетъ цѣлый рядъ послѣдствій. Полнѣе всего они отражаются въ драматической поэзіи. Здѣсь авторы воплощаютъ идею и ея вліяніе на жизнь въ типичныхъ образахъ, соединяя силу идеи съ ясностью живой иллюстраціи и не отступая, подобно политикамъ и проповѣдникамъ, предъ изображеніемъ силъ, стремящихся разрушить предразсудки и водворить новый принципъ.

[22] „Un grand, un prince n'est par né pour lui seul; il se doit à ses sujets. Les peuples, en l'élevant lui ont confié la puissance et l'autorité et se sont reservé en echange des soins, son temps, sa vigilance. Ce n'est pas une idole qu'ils ont voulu se faire pour l'adorer, c'est un snrveillant qu'ils ont mis à leur tête pour les protéger et pour les défendre... Ce sont les peuples qui, par l'ordre de Dieu, les ont faits tout ce qu'ils sont; c'est à eux à n'être ce qu'ils sont que pour les peuples. Oui, Sire, c'est le choix de la nation qui mit d'abord le sceptre entre les mains de vos ancêtres, c'est elle qui les éleva sur le bouclier militaire, et les proclama Souverains. Le royaume devint ensuite l'héritage de leurs successeurs; mais ils le durent originairement au consentement libre des sujets. En un mot comme la première source de leur autorité vient de nous, les rois n'en doivent faire usage que pour nous". *Petit Carême.* Paris 1865 p. 148—9.

II.

Крайне унизительное изображеніе на сценѣ двора и высшей аристократіи идетъ со временъ классической комедіи. Мольеровскія *Marquis ridicules* открываютъ галлерею комическихъ и ничтожныхъ героевъ сословнаго эгоизма и привилегій. Во времена классическаго поэта галлерея уже была неисчерпаема: по крайней мѣрѣ, Мольеръ не разсчитывалъ срисовать всѣ ея портреты до конца своей жизни. [23]. Его наслѣдники продолжали дѣло при еще болѣе благодарныхъ условіяхъ. Дворъ, очевидно, падалъ все ниже и возбуждалъ презрѣніе даже среди лучшей части аристократіи. Драматурги рисуютъ сцены и характеры едва вѣроятные въ культурномъ обществѣ. Реньяръ, ближайшій преемникъ Мольера, неоднократно изображаетъ одинъ и тотъ же типъ свѣтскаго фата. Въ комедіи *Le Distrait* шевалье выслушиваетъ такую рѣчь: «Вы считаете честью быть откровеннымъ распутникомъ. Вы гордитесь тѣмъ, что много пьете. Съ головой, переполненной винными парами, едва держась на ногахъ, вы являетесь въ театръ и здѣсь среди такихъ же пріятелей, какъ вы сами, вы дурачитесь, цѣлуетесь, какъ барышни, стараетесь, чтобы васъ видѣла вся публика, толкаете другъ друга, разсказываете свои похожденія, своимъ голосомъ покрываете рѣчь актеровъ, и весь Парижъ, видя ваши безумства, гораздо чаще смѣется надъ вами, чѣмъ надъ комедіей. [24]. Ѳто говоритъ дядя своему племяннику. Отъ слугъ господамъ приходится выслушивать то же самое. Одинъ изъ нихъ заявляетъ: «Довольно часто я видалъ васъ совершенно пьянымъ и принужденъ былъ за руки доводить васъ до постели». [25].

Но кутежами не ограничиваются доблести благородныхъ героевъ. Мы видимъ ихъ въ качествѣ жениховъ, мужей,

---

[23] *L'impromptu de Versailles.* Sc. III.

[24] *Le Distrait.* I, 6.

[25] *Les Menechenes*, com. par Regnard. Acte I, 2.

обольстителей и питомцевъ кокотокъ и молодящихся старухъ. Они простираютъ эксплуататорскія наклонности еще дальше. Регенство, повидимому, нанесло последній ударъ сословной чести высшей аристократіи. Въ эту эпоху баснословнаго разврата, роскоши и разореній произошло настоящее нашествіе благородныхъ нищихъ на буржуазію. Процессъ, известный въ высшемъ светѣ подъ именемъ *s'encanailler*, совершался теперь безъ малѣйшихъ разсужденій: никогда, по словамъ современника, не было столько браковъ маркизовъ съ буржуазками, сколько въ годы регенства. [26]. Если вѣрить драматической литературѣ, маркизы дѣйствовали съ поразительною откровенностью.

Благородные люди, прежде всего, заявляютъ, что онѣ выше всякихъ нравственныхъ соображеній.

«Я совершенно не вѣрю въ принципы»,—заявляетъ маркиза, сватающая богатую буржуазку за своего сына. Но она за то преклоняется предъ табуретомъ—отличіемъ герцогинь при дворѣ—и не можетъ понять, какимъ образомъ женщина можетъ толковать о принципахъ въ виду такого искушенія. [27]. Подобная же сцена происходитъ у графа съ крестьянкой, тоже разсуждающей о принципахъ, невѣдомыхъ ея благородному собесѣднику. [28]. А если у аристократовъ и оказываются принципы, они въ свою очередь повергаютъ въ изумленіе всѣхъ честныхъ людей. У герцоговъ, маркизовъ и графовъ единственный идеалъ—жить при дворѣ. Они приходятъ въ ужасъ при одной мысли похоронить себя въ провинціи. Но жизнь при дворѣ разорительна, деньги требуются безъ конца,—остается доставать у буржуа, у провинціаловъ. Шевалье откровенно говоритъ богатому буржуа: «Какъ же вы хотите, чтобы поступала знать? Все золото въ рукахъ подобныхъ вамъ людей,—чтобъ имѣть *свою часть* намъ остается единственное средство—много занимать и ни-

---

[26] Cp. *Hist. philos. et litt. du th. fr. par Hippolyte Lucas.* p. 270 etc.
[27] *La veuve,* com. cyr 1 acte. par collé. Paris 1764.
[28] *La paysanne philosophe,* dr. par m-me de Gléon.

чего не платить». [29]. И знать не брезгуетъ никакими средствами. Баронъ продаетъ свои пергаменты тщеславному буржуа, захотѣвшему пощеголять знатнымъ титуломъ. Герцогъ продаетъ дочь, зная, что его будущій зять — поддѣльный графъ. Во время торга является баронъ и заявляетъ, что онъ «долженъ имѣть свою долю въ *грабежѣ*». [30]. Если не удается афера въ столицѣ, шевалье отправляется въ провинцію, присвоиваетъ себѣ какой угодно титулъ – и пользуется кошельками буржуа или устраиваетъ выгодную женитьбу. [31]. Аристократы не пренебрегаютъ и менѣе существенными услугами: толпой собираются на обѣды богатаго торговца, завѣряютъ его въ искреннѣйшей дружбѣ и немедленно разбѣгаются, лишь только дѣла амфитріона начинаютъ имъ казаться ненадежными. [32]. Бываетъ еще хуже. Маркиза живетъ на счетъ своего брата. Онъ—изъ новыхъ и занятъ торговлей, считая это занятіе вполнѣ благороднымъ. Но маркиза не прощаетъ ему такого униженія, беретъ у него деньги, бываетъ въ гостяхъ, но требуетъ, чтобы онъ не называлъ ее своею сестрой и никому не говорилъ объ ихъ родствѣ. [33].

---

[29] *Le Bienfait rendu*. Com. en 5 actes, par Dampierre. Acte III, 4.

[30] *Le faux noble*, com. par chabanon. Acte III, 3· Баронъ:

A parler sans fard
Je dois bien du pillage avoir aussi ma part.

[31] *L'école des pères*, com par Pieyre. Буржуа говоритъ о знатномъ героѣ:

Monsieur le chevalier
A proprement parler n'est qu'un aventurier.
Il cite fort son nom, vante fort sa naissanre.
Mais des siens et de lui j'ai pleine connaissance.
C'est un de ces messieurs si communs à Paris,
Qui sont comme il leur plait des comtes ou marquis,
Dont les provinciaux entretiennent la bourse
Et de qui l'industrie est l'unique ressourse:
Classe inéséstimée et cependant reçue. (Acte III, 7).

Характеристикѣ такого же рода господъ посвящена Ор. com. *Le petit—maître en provence,* шедшая на сценѣ ит. т. въ октябрѣ 1765 года.

[32] *Lés amis du jour,* com. en acte par Beaunoir. Ит. т. 1 сент. 1786 г. Paris 1786.

[33] *Le Philosophe sans le savoir*. com. par Sedaine. Acte II, 5.

Богатые аристократы, случается, поступаютъ до крайней степени позорно: отнимаютъ всѣми неправдами у родственниковъ наслѣдство и отдаютъ деньги въ ростъ, но все это не мѣшаетъ имъ играть роль благороднѣйшихъ въ мірѣ людей. [34]. Одинъ изъ этихъ господъ обобщаетъ подобныя дѣйствія въ такой нравственной сентенціи: «Что вы говорите мнѣ о друзьяхъ, о родителяхъ? Родители, если говорить по правдѣ, годятся только для фамильной галлереи. Въ единственномъ случаѣ ихъ можно цѣнить, когда они оставляютъ наслѣдство». Это совершеннѣйшій скептикъ: онъ рѣшительно ни во что не вѣритъ, ни въ честность мужчинъ, ни въ любовь женщинъ, ни въ какія-либо обязательныя отношенія между людьми. Это — представитель полной нравственной анархіи, или, по выраженію другой комедіи, идеальный *l'homme du jour*—«герой времени». [35].

Послѣ этого можно представить, какими насмѣшками и злыми нападками полна литература по адресу двора и высшей аристократіи. И литература на этотъ разъ только вѣрный отголосокъ дѣйствительности. Маркизъ Даржансонъ, министръ иностранныхъ дѣлъ при Людовикѣ XV, нѣсколько разъ въ своихъ *Запискахъ* принимается описывать дворъ, его міросозерцаніе, его нравственность и въ особенности его тлетворное вліяніе на всю націю и—описанія одно другаго безотраднѣе. Чѣмъ дворъ многочисленнѣе, тѣмъ народъ бѣднѣе, нравы распущеннѣе, финансы запутаннѣе, правосудіе слабѣе. «Дворъ! въ одномъ этомъ словѣ заключается все бѣдствіе націи!»—восклицаетъ маркизъ и не находитъ словъ изобразить всѣ гибельные результаты этого учрежденія—въ законодательствѣ и въ дѣятельности правительства. Что касается отдѣльныхъ личностей, по мнѣнію Даржансона,—со-

---

[34] *L'orpheline ou le faux généreux*. Com. par Bret, *Com. Fr.* 18 янв. 1758. въ *Théâtre de Bret*. Paris 1778.

[35] *L'Impertinent*, com. par Desmahis. Sc. VII. *L'homme de jour ou les Dehors trompeurs*, com. par Boissy. Графиня даетъ совѣтъ барону:

Ne soyez plus ami, ne soyez plus amant,
Soyez *l'homme du jour*, et vous serez charmant. (Acte V, 2).

временный ему придворный вполнѣ соотвѣтствуетъ портрету Катилины у Саллюстія. «Дворъ зараженъ всѣми пороками ума и сердца» —стало общепринятою истиной, пишетъ другой современникъ во второй половинѣ вѣка. [36]. Авторъ одной изъ самыхъ жестокихъ сатиръ на высшую знать— академикъ Шабанонъ—считаетъ нужнымъ оговориться, что онъ въ принципѣ сторонникъ аристократіи, но въ послѣднее время она утратила всякое достоинство, — честь и доблести исчезли, а гордость и привилегіи остались. Сочувствуя жалобамъ на такое неестественное положеніе вещей, авторъ и написалъ сатиру. [37]. Всѣ другіе наблюдатели стоятъ на той же почвѣ. Сочиняя комедіи и драмы противъ знати, они стараются *всѣ* сословія и общественныя состоянія сдѣлать органами своего гражданскаго негодованія. Въ одной драмѣ, очень понравившейся Маріи-Антуанетѣ, императоръ нападаетъ на безполезное существованіе придворныхъ среди интригъ и лести и первыми гражданами считаетъ земледѣльцевъ, видитъ въ нихъ *единственную* опору трона. Это говорится въ лицо придворнымъ и министрамъ. [38]. Въ другой пьесѣ королева сѣтуетъ на низкихъ придворныхъ льстецовъ, окружавшихъ ее въ молодости и воспитавшихъ въ ней своевольныя наклонности и легкомысліе. [39]. Старый аристократъ, отлично изучившій дворъ, рисуетъ его, какъ очагъ всевозможнаго притворства и клятвопреступленія. [40]. Въ драмѣ,

---

[36] *Mémoires et journal inédit du marquis D'Argenson.* Paris. 1858. II, 319; V, 210, 349. „Le fameux portrait de *Catilina* par Salluste, c'est celui de nos courtisans d'aujourd'hui“.—*Corresp. secrète.* II, 35.

[37] *Oeuvres de théâtre et autres poésies.* Paris 1788. *Le faux noble. Préface.* p. 30—3.

[38] *Albert. I.*, par Le Blanc. Acte III, 2.

[39] *Jeanne de Naples*, trag. en 5 actes, par de la Harpe. *Com. Fr.* 12 d. 1787. Brest. 1814. Acte I, 4.

[40] *L'Officieux*, com. en 3 actes, par m-me de la Salle. Ит. т. 18 янв. 1780. Paris 1780. Acte II. 5. „Les protestations que le coeur dement, des offres de services interessées, et presque toujours sans effet, des visites importunes, des egards simulés, des serments qu'on se promet bien de rompre:

посвященной исключительно характеристикѣ двора, одинъ изъ героевъ — поэтъ, секретарь притворнаго — изображаетъ своего господина въ не менѣе мрачныхъ краскахъ, чѣмъ Сганарель—Донъ-Жуана. «Его положенiе,—говоритъ секретарь,—не болѣе, какъ печальное рабство. Судьба ремесленника во сто кратъ счастливѣе». И дальше красворѣчиво описывается вѣчный страхъ придворнаго предъ каждымъ словомъ и взглядомъ монарха, нескончаемыя интриги, зависть, зависимость отъ каждой малѣйшей случайности. Но отъ этого не легче тѣмъ, кто ниже придворнаго. Онъ всѣ свои униженiя и разочарованiя вымещаетъ на слабѣйшихъ: «возвращаетъ намъ по мелочамъ то, что даютъ ему оптомъ». Въ той же комедiи герцогъ еще енергичнѣе нападаетъ на придворныхъ: они вдали отъ столицы играютъ роль самодержцевъ, угнетаютъ народъ, дѣлаютъ тысячу низостей, чтобы поддержать свой блескъ и, бравируя народною нищетой, разоряются на женщинъ. [41].

Буржуа, столь часто попадавшiе въ благородныя когти маркизовъ, умѣютъ нерѣдко, по горькому опыту, оцѣнить достоинства знатныхъ друзей. Они въ лицо говорятъ шевалье и графамъ, что ихъ отнюдь не прельщаетъ унизительное право знатныхъ — пользоваться деньгами глупцовъ, смѣяться надъ законами общества, поднимать шумъ и вести роскошную жизнь на чужой счетъ и, въ то же время, обманывать короля, грабить народъ и величаться своимъ бездѣльнымъ существованiемъ. [42]. Даже мужикъ на своемъ жаргонѣ умѣетъ сказать по адресу придворнаго весьма ядовитое замѣчанiе: »Queu chien de conte! ça vit à la cour et ça ne ment jamas! Eh! c'est mentir ça». [43]. Гораздо красворѣ-

voilà le fantôme trompeur qu'on met dans ce pays à la place de l'amitié mais son temple est dans nos provinces". Такая характеристика тѣмъ краснорѣчивѣе, что пьеса принадлежитъ маркизѣ.

[41] *L'homme de cour.*, com. en 5 actes, par Chauveau. Londres 1767. Acte I, 2; IV, 10.

[42] *Le Bienfait rendu.* Acte II, 5, 7; IV, 9.

[43] *La partie de chasse de Henri IV.* Com. en 3 actes, par Collé. Paris 1766. Acte II, 11.

чивѣе и богаче наблюденіями молодая бойкая крестьянская дѣвушка, проведшая нѣсколько времени при дворѣ. Она умѣетъ представить всѣ комическія стороны придворныхъ, скопировать ихъ сюсюкающій лепетъ, ихъ кукольныя физіономіи, ихъ манекенные жесты, посмѣяться надъ мелкими хитростями придворныхъ красавицъ и въ результатѣ высказать вполнѣ серьезное соображеніе. Она видѣла сеньора, весьма строгаго и грубаго съ крестьянами, надменнаго со всѣми, но при дворѣ онъ обыкновенно тихъ и любезенъ и, къ удивленію Нинетты, никому не внушаетъ страха. Она спрашиваетъ: «Развѣ дворъ дѣлаетъ ихъ лучшими?» Здравый смыслъ подсказываетъ отвѣтъ: «Нѣтъ! если они поступаютъ хорошо здѣсь, безъ сомнѣнія, только потому, что имѣютъ право дѣлать зло въ другомъ мѣстѣ». Общее впечатлѣніе Нинетты: дворъ—рабство—*la cour n'est qu'un esclavage.* [44].

---

[44] *Ninetté à la cour ou le caprice amoureux*, com. en 3 actes, mêlée d'ariettes. Ит. т. 15 ф. 1755. Разсказъ Нинетты о придворной жизни. (Acte II, 7):

Des merveilles c'est le sejour.
Tout change ici le caractère:
Les hommes y sont différents.
Je viens de rencontrer le seigneur d'un village
De notre voisinage;
Ce gentillâtre âltier, qui sur les paysans
Roulait les yeux, levoit la canne,
Dans la foule des courtisans
Ici s'abaisse et fait la cane.
Pourquoi sont-ils si complaisants,
Tous ces maîtres si fiers qu'au village on redoute?
La cour en les changeant les rend-elle meilleurs?
Non s'ils font bien ici, sans doute,
C'est pour avoir le droit de faire mol ailleurs.

Дальше Нинетта, разговаривая съ молодымъ крестьяниномъ копируетъ придворную даму. (Acte II, 12).

Si vous cercez fortune
Ze vous en promets une:
Mais quelle vapeur vient me saisir!
Daignez me soutenir

Замѣчательно. дворъ не спасается отъ сатиры со стороны авторовъ, менѣе всего склонныхъ создавать себѣ враговъ въ этой области. Мариво смѣется надъ дворомъ и противоставляетъ испорченности высшаго общества простоту и нравственность крестьянъ. Мариво не пользовался благосклонностью ни у публики, ни у писателей философской эпохи. Вольтеръ отзывался о Мариво, будто «онъ въ теченіе своей жизни взвѣшивалъ пустяки на вѣсахъ изъ паутины», [45] въ кругу энциклопедистовъ его находили невыносимымъ. [46]. Критика Даламбера сводится къ единственной похвалѣ: «у него были моменты чувствительности». Философъ, очевидно, не придавалъ большого значенія влюбленнымъ героинямъ Мариво, борьбѣ ихъ чувства съ предразсудками. [47]. Но архіепископъ Ланге, принимая Мариво въ академію, отмѣтилъ даже у этого нефилософскаго и малочувствительнаго драматурга любопытную черту: Мариво «изобличалъ лицемѣрныя добродѣтели, гордость и тщеславіе, скрывающія пороки у людей, которыхъ обманутый свѣтъ называетъ великими людьми, но которые часто бываютъ настоящими чудовищами». [48]. Но если Мариво и представ-

---

Ah la saleur m'assomme!
Je vais mourir.

Результатъ всѣхъ этихъ разсказовъ самый безнадежный:

Quel pays! quel chaos! ah! le bon sens murmure
De tout ce qui s'offre à mes yeux
On ne s'occupe dans ces lieux
Qu'à contrarier la nature (III, 4).

Въ подражаніе этой пьесѣ вскорѣ появилась *Colinette à la cour*.

[45] Приведено у Гримма. *Corr. litt.* VIII, 254. Въ другой разъ, впрочемъ Вольтеръ, отозвался о Мариво благосклоннѣе, находилъ даже въ произведеніяхъ Мариво „свои собственныя чувства“.—D'Alembert. *Eloge de Marivaux. Notes*, 2. Но и здѣсь Вольтеръ не преминулъ укорить Мариво въ искусственности стиля, въ выборѣ слишкомъ ничтожныхъ сюжетовъ, въ запутанности интриги.

[46] *Corresp. litt.* VI, juin 1765.

[47] *Eloge de Marivaux.*

[48] Рѣчь приведена въ книгѣ Hipp. Lucas. *Hist. du théâtre.* p. 232.

дялъ въ такой формѣ сильныхъ людей, онъ дѣлалъ отсюда выводъ, совершенно неудовлетворительный для XVIII вѣка. У него есть пьеса *L'île des esclaves:* изображаются печальныя послѣдствія общественнаго неравенства, и мораль пьесы такая: «Различіе сословій — испытаніе, посылаемое богами. Больше я ничего не скажу». [49]. Для парижскаго партера такой выводъ могъ показаться насмѣшкой, и комедіи Мариво не имѣли никакого значенія во второй половинѣ XVIII вѣка. Онъ никогда и не искалъ, и не могъ искать демократической популярности, и тѣмъ краснорѣчивѣе его сатира на придворныхъ и «великихъ людей».

Вольтеръ отнюдь не хотѣлъ ссориться съ дворомъ. Даламберъ, мы знаемъ, не разъ укорялъ его въ излишней снисходительности къ «большимъ господамъ». Вольтеръ любилъ посвящать свои произведенія вліятельнымъ и знатнымъ лицамъ, на что̀ впослѣдствіи презрительно намекалъ Робеспьеръ, оцѣнивая политическое значеніе энциклопедистовъ. Но никакая осторожность и терпимость не помѣшали Вольтеру рисовать нравственность двора въ самыхъ мрачныхъ краскахъ. И дѣлаетъ онъ это вездѣ, лишь только заходитъ рѣчь о придворныхъ. Они играютъ роль предателей, клеветниковъ, низкихъ угодниковъ власти и гонителей несчастныхъ. Придворные, окружая тронъ, отдаляютъ отъ своего владыки всѣхъ истинно добродѣтельныхъ, предоставляютъ имъ коснѣть въ неизвѣстности и лишеніяхъ. Ради удовольствія господина они готовы на всякое варварство и измѣну. Величайшіе государи иногда снисходятъ до простыхъ подданныхъ, ищутъ среди нихъ спасенія отъ «льстивыхъ рѣчей, надменной низости и обманчивыхъ почестей» знатныхъ. [50].

Лично отъ себя Вольтеръ выражался не менѣе энергично. «Вы», писалъ онъ къ Даламберу, «дѣлаете свое имя безсмертнымъ, въ то время когда у насъ большіе господа стре-

---

[49] *L'île des esclaves.* Sc. XI

[50] *Les Scythes.* Acte I, 3. *Les Guèbres.* Acte I, 1; III, 2; IV, 1.

мятся на первыя мѣста государства, плутуя въ игрѣ и воруя по карманамъ [51].

Какъ бы рѣзкимъ ни казался этотъ отзывъ, онъ для самого Вольтера былъ только логическимъ выводомъ изъ фактовъ. Вольтеръ былъ свидѣтелемъ, какъ при дворѣ обыграли m-me du Châtelet въ одинъ вечеръ на восемьдесятъ четыре тысячи франковъ. Вольтеръ не сдержался и заявилъ маркизѣ, съ кѣмъ она имѣетъ дѣло. Заявленіе было сдѣлано на англійскомъ языкѣ, но, конечно, Вольтеръ и маркиза немедленно должны были оставить Фонтенебло. [52]. Подобные факты—обычны при дворѣ въ XVIII вѣкѣ. Воровство и нечестная картежная игра даже въ комнатахъ королевы—предметъ постоянныхъ толковъ въ свѣтѣ и во всемъ городѣ. Легко представить,—какъ это отражалось на общественной репутаціи двора.

Парижъ пользовался всякимъ случаемъ выказать свое презрѣніе къ двору. Онъ апплодируетъ тѣмъ пьесамъ, которыя проваливаются при дворѣ, и дѣлаетъ это до такой степени тенденціозно, что современники напередъ могутъ предсказать судьбу того или другого спектакля. Всякій, кто находитъ покровительство при дворѣ, рискуетъ подвергнуться въ Парижѣ величайшимъ оскорбленіямъ. Именно вмѣшательство двора раздуло процессъ графа Моранжіеса и превратило его, по словамъ очевидца, въ борьбу патриціевъ съ плебеями. Графу нельзя было показаться въ театрѣ: толпа встрѣчала его криками: *escroc! voleur!...* Ничего подобнаго современники не помнили ни объ одномъ завѣдомомъ преступникѣ. Ненависть и крайнее недовѣріе ко двору были распространены по всей Франціи. Въ годъ революціи солдаты были убѣждены, что принцы и придворные желаютъ уморить парижанъ и приказываютъ бросать муку въ Сену [53].

---

[51] Письмо отъ 19 дек. 1777. *Lettres.* II, 307.

[52] Desnoiresterres. *Voltaire.* III, 132.

[53] Тэнъ. *O. c.* русск. изд. стр. 491.

Кромѣ родовой аристократіи, существовала другая. не менѣе хищная и едва ли не болѣе тягостная для народа и государства—денежная, въ лицѣ крупныхъ откупщиковъ и финансистовъ. Старый порядокъ зналъ не мало такихъ аристократовъ, вышедшихъ изъ лакеевъ. Типъ—въ высшей степени благодарный для комедіи, нарисованный впервые во всей красѣ Лесажемъ. Авторъ нѣкоторое время служилъ по откупамъ и видѣлъ собственными глазами бѣдствія, приносимыя откупщиками. Результатомъ опыта явилась комедія *Turcaret*. О мѣткости ея содержанія можно судить по ужасу, охватившему финансистовъ при одномъ извѣстіи о ней: автору предлагали 100,000 экю, лишь бы онъ не ставилъ своей пьесы на сцену. Тюркаре, бывшій лакей, неизвѣстно какими путями разбогатѣвшій, является со всѣми пороками современной знати: расточителенъ, развратенъ, циниченъ въ вопросахъ нравственности и общественнаго приличія. Вокругъ него группируется достойное общество: баронесса-кокотка, маркизъ и шевалье—типичные hommes du jour. Взаимныя отношенія этой шайки характеризуетъ Фронтенъ, слуга шевалье, въ словахъ краткихъ, но сильныхъ: «Удивляюсь теченію человѣческой жизни. Мы щиплемъ кокотку, кокотка ѣстъ финансоваго дѣльца, финансовый дѣлецъ грабитъ другихъ. Выходитъ забавнѣйшій въ мірѣ рикошетъ плутовства» [54]. Здѣсь однимъ клеймомъ отмѣчены всѣ «великіе люди» XVIII вѣка.

Монтескье и въ этомъ случаѣ можетъ считаться сотрудникомъ и отчасти вдохновителемъ комедіи. Въ *Персидскихъ письмахъ* онъ неоднократно принимается описывать лакеевъ, пробравшихся въ знать. «Во Франціи сословіе лакеевъ гораздо болѣе уважается, чѣмъ въ другихъ странахъ: это—разсадникъ вельможъ, они пополняютъ пробѣлы въ другихъ сословіяхъ. Принадлежащіе къ нему люди замѣщаютъ неудачниковъ-вельможъ, разорившихся судей, дворянъ, убитыхъ среди ужасовъ войны, а если они не могутъ замѣщать вакансіи

[54] *Tarcaret*. Acte I, 13.

лично, то спасаютъ знатные дома отъ всякихъ бѣдъ посредствомъ своихъ дочерей, изображающихъ нѣчто вродѣ навоза, удобряющаго каменистую и безплодную почву». [55].

Дѣйствительно, — знать и дѣльцы находятся между собой въ тѣснѣйшемъ союзѣ. Деньги всегда нужны при дворѣ, ихъ съ каждымъ годомъ становится здѣсь меньше и въ половинѣ XVIII вѣка Тюркаре приняты не только у баронессъ—это едва ли не влiятельнѣйшiе члены аристократическаго общества. «Когда-то финансистъ умѣлъ только считать,—говоритъ герой комедiи,— въ этомъ заключалась вся его наука, и онъ не смѣлъ показываться въ свѣтъ. Теперь его всюду принимаютъ съ наслажденiемъ, онъ проводитъ свои досуги въ избранныхъ салонахъ, онъ приноситъ туда утѣхи жизни и не только не вредитъ, но даже создаетъ новыя удовольствiя» [56].

Эти господа подражаютъ аристократамъ въ ихъ презрѣнiи къ низшимъ и слабѣйшимъ. Они ни во что не цѣнятъ личность бѣдняка. Это соцiальные тираны, рядомъ съ сословными, и стремятся создать своихъ рабовъ. Одинъ изъ такихъ героевъ изображенъ въ драмѣ Бре *Protecteur bourgeois*, взятой изъ жизни извѣстнаго современнаго финансиста. Къ этому финансисту имѣлъ несчастiе обратиться за помощью бѣдный поэтъ: финансистъ ссудилъ ему 50 луидоровъ и далъ мѣсто у себя. Поэтъ нѣсколько разъ пытался возвратить эти деньги, но его не принимали. Наконецъ онъ добился аудiенцiи и сталъ жаловаться своему покровителю. «Это потому, что вы—глупы,—отвѣтилъ тотъ:—слѣдовало сказать моему привратнику, что вы принадлежите мнѣ» (vous êtes à moi). Оскорбленный поэтъ воскликнулъ: «Свидѣтель Богъ, я никому не принадлежу. Вотъ ваши деньги, и я не хочу больше служить у васъ». Таковъ дѣйствительный фактъ [57]. Въ драмѣ

[55] Письмо XCVIII Русск. изд. Москва 1892.

[56] *L'esprit du jour*. Com. en 1 acte. Напечатано въ *Histoire du théâtre italien*. VI, 189. Шла на сценѣ 11 сент. 1754 г.

[57] Разсказанъ въ *Journal historique*—Collé. II, 331. Ср. *Corresp. litt.* V, 431, rem.

прибавлены нѣкоторыя черты, характеризующія вообще представителей денежной аристократіи. Но правительство искони щадило ее больше, чѣмъ родовую знать. Мольеръ, получавшій отъ самого Людовика XIV мотивы для «смѣшныхъ марказовъ», не трогалъ современныхъ ему Гурвилей, за комедію Лесажа долженъ былъ вступиться дофинъ, а драма Бре была безусловно запрещена.

Всѣ указанныя злоупотребленія нашли впослѣдствіи въ высшей степени энергичный отголосокъ въ *Наказахъ*. Всѣ сословія съ точностью воспроизвели мотивы, вдохновлявшіе новую литературу. Дворяне, горячо принимавшіе къ сердцу родовое достоинство сословія, должны были особенно строго отнестись къ повальному стремленію городской и придворной знати — *s'encanailler*. Нѣкоторые избиратели прямо требуютъ, чтобы бракъ дворянина съ буржуазкой влекъ за собой потерю наслѣдственнаго дворянства [58]. Другіе, менѣе прямолинейные, желаютъ освободить свое сословіе отъ разныхъ нечистыхъ элементовъ. Въ *Наказахъ* весьма распространено требованіе — розыскивать людей, неправильно присвоивающихъ себѣ дворянскіе титулы, и строго наказывать. Со стороны знати эта заботливость вполнѣ естественна. Она проявляется даже у избирателей, обнаруживающихъ демократическія чувства [59]. Но и третье сословіе не хочетъ преклоняться предъ самозванцами—будутъ ли они мѣщанскаго или благороднаго сословія. Избиратели выражаются совершенно въ томъ смыслѣ, какъ — мы видѣли — говорилъ буржуа, герой комедіи. Они желаютъ, чтобы roturiers

---

[58] *Cahier de la sénéchausiée de Lauzerte*, art. 36. „Que la noblesse ne soit héréditaire à l'avenir qu'autant que les personnes nobles ne s'allieront point avec celles du tiers-état; et que le seul fait de misaillance opère la dérogeance à perpétuité“. *Archives*. V, 501.

[59] Напримѣръ дворянство сенешальства Э требуетъ уничтоженія „унизительныхъ отличій, безчестившихъ третье сословіе на послѣднихъ собраніяхъ Генеральныхъ Штатовъ“. Оно также отказывается отъ податныхъ привилегій знати,—но требуетъ, чтобы дворянскій титулъ носили только дѣйствительные дворяне. *Archives*, I, 694.

не украшали себя дворянской кличкой, и чтобы дворяне въ свою очередь не называли себя разными титулами, имъ не принадлежащими—шевалье, виконта, графа, барона. За всякое самозванство назначается штрафъ [60].

Финансовая аристократія не пользуется сочувствіемъ ни одного сословія. Это—*Haut-Tiers*—одинаково ненавистно народу и дворянству. Финансисты, какъ истые parvenus, презираютъ народъ больше, чѣмъ настоящіе аристократы: объ этомъ открыто заявляютъ избиратели третьяго сословія [61]. Въ виду этого благопріобрѣтенныя привилегіи буржуа преслѣдуются *наказами* всѣхъ сословій. Всѣ единодушно желаютъ, чтобы дворянство давалось исключительно только за «добродѣтель и услуги, оказанныя государству». Въ этомъ актѣ должны принимать участіе Генеральные Штаты, по требованію нѣкоторыхъ избирателей,—даже муниципалитеты и общины [62]. *Les faux nobles* и *roturiers annoblis*—два класса людей, относительно которыхъ сошлись во взглядахъ кровные аристократы и избиратели мелкой буржуазіи. Ненависть противъ самозванныхъ маркизовъ и откупщиковъ, осчастливленныхъ привилегіями, соединила и тѣхъ, кто заботился о возстановленіи стариннаго блеска дворянства и тѣхъ, кто мечталъ о всеобщемъ равенствѣ. Комедія въ теченіе почти цѣлаго столѣтія рисовала героевъ эксплуатаціи, какъ бы закрѣпляя въ умахъ публики ихъ истинное значеніе для всѣхъ слоевъ

---

[60] *Cahier général du tiers état de la ville et faubourg de Dinan. Archives.* IV, 150.

[61] Chassin. *Les cahiers.* II, 402. Объ этомъ фактѣ намъ уже приходилось упоминать.

[62] *Demandes et doléances du clergé d'Anjou. Archives* II, 30. *Cahier général du tiers-état du baillage de Bar-le-Duc. Ib.* 194. *De la noblesse du baillage de Crépy.* III, 74. *Cahier du tiers-état de la ville Dinan*—требуетъ участія въ актѣ дарованія дворянства—мѣстныхъ властей—муниципальныхъ и общинныхъ—по мѣсту жительства подлежащаго лица. III, 150. Нѣкоторые избиратели третьяго сословія предлагаютъ: „la suppression des charges annoblissant, ou en tout, des privilèges de noblesse“ (*Extrait du cahier de Tours* VI, 52), Изъ этого сопоставленія видно, какое значеніе придавалось реформѣ, направленной противъ финансистовъ.

общества. Комедія воспользовалась весьма остроумнымъ средствомъ—съ цѣлью всесторонне выяснить нравственныя и общественныя стороны современнаго явленія. Она призвала на помощь его естественныхъ критиковъ, — тѣхъ самыхъ, которымъ впослѣдствіи предстояло составлять челобитныя въ Генеральные Штаты.

Упадокъ аристократіи, прежде всего, конечно, должны были замѣтить люди, ближе всѣхъ къ ней стоявшіе,—слуги. Они къ XVIII вѣку утратили всякое уваженіе къ господамъ, въ лицо говорятъ имъ чего стòитъ нынѣшняя аристократія. Графу приходится отвѣчать кислою улыбкой на рѣзкія реплики Фигаро, — въ такомъ положеніи находились господа почти за сто лѣтъ до комедіи Бомарше. Сганарель еще боится говорить правду своему господину, онъ рискуетъ быть побитымъ и прогнаннымъ, но у преемника Мольера, Реньяра, слуги разговариваютъ съ господами совершенно свободно и часто съ явнымъ презрѣніемъ.

«Я подражаю вамъ во всемъ, — говоритъ слуга господину,—вы ругаетесь въ комнатѣ, я — на лѣстницѣ»[63]. Но во всемъ подражать господамъ слуги считаютъ даже ниже своего достоинства. Маркизы изобрѣли словечко *s'encanailler* для выраженія своихъ связей съ буржуазными семьями. У слугъ есть свое несравненно болѣе оскорбительное — *s'acoquiner*, и сопровождается оно соображеніями несравненно болѣе серьезными, чѣмъ насмѣшки аристократовъ надъ мѣщанами. «Становишься плутомъ—говоритъ слуга,—служа этимъ мошенникамъ»... «Они не платятъ жалованья, они ссорятся, нерѣдко дерутся. Ты, гораздо умнѣе ихъ, помогаешь имъ жить. Изобрѣтай сколько угодно плутовскихъ продѣлокъ,— на ихъ долю непремѣнно придется бòльшая половина барышей, и послѣ этого мы все-таки ихъ слуги, а они—господа. Это несправедливо. На будущее время я хочу работать за свой счетъ. Кончено. Я также хочу сдѣлаться господиномъ»[64].

---

[63] *Les Menechmes.* Acte I, 2.

[64] S'acoquine à servir ces gredins là"... *Le Sérenade.* Asc. XII.

Въ 1748 г. на сценѣ итальянскаго театра идетъ комедія *Les valets-maîtres*. Можно изумляться, какъ цензура стараго порядка могла пропустить такое безпощадное униженіе вліятельнѣйшаго сословія. На сценѣ слуги собираются устроить спектакль и представить своихъ господъ. Лизетта—горничная президентши, старой кокетки, плутующей въ карточной игрѣ: слуги ея умираютъ съ голоду и остаются безъ жалованья, а она разоряется на любовника. Ла-Флеръ—курьеръ маркиза, напыщеннаго моднаго глупца, сладкорѣчиваго, тщательно завитаго салоннаго комедіанта. Арлекинъ—слуга шевалье, легкомысленнѣйшаго созданія въ мірѣ, «бездѣльника по общественному положенію и вѣчно занятаго на-показъ изъ чванства»—*c'est l'oisif par l'état et l'affairé par faste*. Онъ постоянно въ суетахъ и самъ разсказываетъ о себѣ: «У меня столько дѣлъ, что силъ не хватаетъ. Нужно десятокъ мужей повергнуть въ отчаяніе, обмануть мать, справиться съ двумя тетками, утѣшить трехъ вдовицъ, написать двадцать писемъ, представить четыре судебныхъ заявленія, велѣть переписать докладную записку, начать два процесса, наконецъ, полкъ, который я хочу купить. У меня уже все кончено,—остается занять денегъ». Лизетта думаетъ, что ея госпожа и шевалье, можетъ быть исправятся, если увидятъ ихъ представленіе. Коломбина, горничная баронессы, не вѣритъ этому: «Старая кокетка и молодой фатъ никогда не могутъ ни покраснѣть, ни перемѣниться. «Я имѣю честь слишкомъ хорошо ихъ знать. Еслибъ они могли краснѣть, они покраснѣли бы скорѣе отъ добродѣтели, чѣмъ отъ порока». Остальныя двѣ героини — баронесса, старуха, жертва шевалье, и графиня, выбѣгающая на сцену съ крикомъ: «Point de reflexion et vive la folie!»

Было бы невѣроятно, если бы слуги продолжали серьезно относиться къ такимъ господамъ и работать на нихъ. Въ комедіи Реньяра слуга намѣренъ трудиться для себя, и немедленно принимается за дѣло. У Лесажа лакеи шевалье, баронессы, финансиста работаютъ за свой счетъ, и такъ искусно, что Фронтэнъ занимаетъ мѣсто Тюркаре. Въ дру-

гой комедіи Лесажа—*Crispin rival de son maître*—лакей рѣшается на дерзкій замыселъ—отбить у господина невѣсту и богатое приданое. Его нисколько не затрудняетъ мысль разыграть роль свѣтскаго франта и достигнуть успѣха, выпадающаго на долю аристократовъ. Мы видимъ, какой большой шагъ сдѣлали слуги съ тѣхъ поръ, какъ господа посылали ихъ играть заданную роль кавалеровъ и, по окончаніи игры, прогоняли ударами палокъ. Теперь сословный авторитетъ исчезъ совершенно, барину приходится серьезно бороться со своимъ лакеемъ и не трудно предсказать, на чьей сторонѣ останется побѣда. Отчаяніе графа, безсильнаго справиться съ уловками Фигаро,— одинъ изъ безчисленныхъ актовъ аристократической трагикомедіи. Всѣ эти Фронтэны, Жасмэны, Криспэны задолго до Фигаро успѣли совершить тотъ самый путь, на которомъ заблудился графъ Альмавива.

Въ описанной борьбѣ идетъ дѣло объ энергіи и силѣ ума. Нравственный вопросъ рѣшается господами и слугами въ одномъ и томъ же направленіи: всѣ герои—плуты и мошенники, — побѣждаетъ тотъ, кто искуснѣе и изворотливѣе. Правда, слуги жалуются, что они сдѣлались плутами на службѣ у господъ и въ своей дѣятельности часто подражаютъ имъ. Это справедливо, но, конечно, нисколько не возвышаетъ учениковъ надъ учителями. Фронтэнъ прямо разсчитываетъ явиться новымъ Тюркаре. Это характерно для оцѣнки всей бездны разврата и безпринципности, созданной въ обществѣ Тюркаре и его пріятелями – баронессой, маркизомъ, шевалье. Само общество нисколько не выигрывало, все равно, кому бы ни доставалась побѣда, Криспэну или его господину,—до тѣхъ поръ, пока борьба шла съ хищническими и эксплуататорскими цѣлями. Проигрышъ былъ несомнѣнный для высшаго сословія: оно упало до такой степени, что принуждено или входить въ стачку со своими лакеями, какъ дѣлаетъ шевалье Лесажа, или покорно очищать имъ мѣсто, даже привѣтствовать ихъ, какъ поступаетъ родовая знать съ финансистами вродѣ Гурвиля и Буре. Истинное прогрессивное теченіе обнаруживалось не въ лакей-

скихъ и салонахъ, не въ этой темной свалкѣ низменныхъ инстинктовъ, а внѣ свѣтскаго общества, за предѣлами господскихъ замковъ и службъ, тамъ, гдѣ съ одинаковымъ презрѣніемъ относились и къ барину, и къ лакею. Презрѣніе это создалось тѣми же явленіями, какія заставили слугъ утратить всякое серьезное чувство по отношенію къ господамъ. Но здѣсь, вмѣсто того, чтобы вызвать такія же хищническія стремленія, какими были воодушевлены господа, оно выдвинуло новые нравственные принципы и опредѣлило основы грядущаго общественнаго строя. Фронтэнамъ и Криспэнамъ, людямъ, лишеннымъ почвы и самостоятельнаго положенія, естественнѣе всего пуститься въ приключенія и аферы и здѣсь выказать на благородныхъ союзникахъ свое превосходство. Среди подданныхъ старой монархіи, вооруженной безчисленными ограниченіями и пропитанной рабскими идеалами, конечно, не могло быть рѣчи о гражданскомъ равноправіи и открытыхъ гражданскихъ стремленіяхъ. Самое слово гражданинъ—*citoyen*—до конца XVIII вѣка звучитъ странно и слишкомъ либерально; произнесенное со сцены въ 1761 году, рядомъ съ словомъ *sujet*—оно вызываетъ у публики тенденціозный восторгъ. Но и подъ властью Людовиковъ стояли милліоны подданныхъ, обладавшихъ извѣстною матеріальною независимостью и не обязанныхъ пресмыкаться въ лакейскихъ. Здѣсь господствовалъ другой нравственный строй, та *vertu*, которая прославлялась просвѣтительною литературой и которая, какъ мы видѣли, естественнымъ путемъ превращалась въ политическій принципъ. Паденіе аристократіи рѣзко выдвигаетъ нравственныя достоинства низшихъ классовъ—буржуа и крестьянъ. Эти достоинства, конечно, существовали и раньше, но для нихъ не было такого благодарнаго, исключительно мрачнаго фона, какимъ постепенно становились нравы высшаго сословія. Кромѣ того, и сами обладатели этихъ достоинствъ никогда не имѣли такихъ могущественныхъ побужденій и вполнѣ законныхъ основаній придавать имъ рѣшающее практическое значеніе, какъ въ XVIII вѣкѣ. Въ результатѣ,—рядомъ съ

развращенными, безпринципными маркизомъ и шевалье,— мы видимъ новыхъ буржуа и крестьянъ, исполненныхъ сознанія и личнаго достоинства и сословнаго значенія. Они такъ же, какъ и слуги аристократіи, отлично видятъ ея нравственное и общественное банкротство и ставятъ вопросъ· почему же послѣ этого эти люди — господа, а мы только мужики и мѣщане? И здѣсь также объявляется война сословію, незаслуженно стоящему наверху общества, но во имя совершенно другихъ соображеній. Фронтэнъ велъ ее, потому что онъ болѣе умный и энергичный плутъ, чѣмъ его господинъ. Буржуа и крестьянинъ ведутъ ее, потому что они болѣе полезные граждане, несравненно болѣе достойные отцы и мужья и видятъ въ своей средѣ истинныхъ людей будущаго — сильныхъ, принципіальныхъ, одушевленныхъ любовью къ отечеству и общему благу. Маркизы и шевалье должны очистить имъ путь не потому только, что знать лишена практическихъ талантовъ, а потому, что она мертвый и загнившій членъ общественнаго и политическаго организма. Лакеи боролись съ господами за право *эксплуатировать* общество, другіе борцы—за право спасти его отъ эксплуатаціи шевалье-авантюристовъ, лакеевъ-дѣльцовъ и поднять на уровень гражданской политической силы.

III.

Новый типъ крестьянина, подвергающаго критикѣ общественныя явленія, — непосредственно-остроумнаго и простодушно-насмѣшливаго,—появляется въ драматической литературѣ очень рано и независимо отъ философской пропаганды. Достаточно указать на Мариво. Въ его комедіи *Le denouement imprévu* происходитъ такой діалогъ: «*Дорантъ*. Ты не понимаешь меня. Я хочу сказать, что въ моей семьѣ нѣтъ благородныхъ. *Пьеръ*. Ладно! Развѣ это по-вашему такъ важно, чтобы изъ-за этого огорчаться? *Дорантъ*. Не въ этомъ дѣло, но слѣдуетъ быть благородной крови. *Пьеръ*. Благородной крови? Что за чортовская выдумка—различать въ крови

сорта, когда она течетъ изъ одного и того же источника!» [65] «Съ теченіемъ времени подобныя разсужденія все чаще слышатся въ въ деревенскихъ хижинахъ. Личности героевъ ясны изъ заглавія пьесъ: *Socrate rustique*, *La paysanne philosophe*, *La suivante généreuse*. Ихъ отличительная врожденная черта — сознаніе собственнаго достоинства. Они ни шагу не уступаютъ сеньору, его притязаніямъ, и совершенно не смущаются блескомъ его привилегированнаго положенія. Авторы влагаютъ въ уста крестьянъ простыя, но въ высшей степени краснорѣчивыя идеи личной чести. Одинъ изъ этихъ новыхъ героевъ говоритъ сеньору, затѣявшему съ нимъ неправый процессъ: «Вы, очевидно, считаете насъ очень нечувствительными, угнетая до такой степени. Вы, благородные, полагаете, что мы должны спокойно переносить всѣ обиды, какія вамъ вздумается причинить. Разъ, ты — мужикъ, ты—ничтожнѣе собаки съ задняго двора, которую прогоняютъ пинкомъ ноги. Если бы мы воспротивились вашимъ притѣсненіямъ, мы немедленно попали бы въ тюрьму, къ позорному столбу, на каторгу и не дождались бы даже, чтобы судъ насъ выслушалъ. Подобные вамъ съ нами дѣйствуютъ смѣло. Они, не стѣсняясь, говорятъ: «Рисковать нечѣмъ. Съ деньгами мы укротимъ этихъ бѣдняковъ и они еще придутъ лизать намъ руки». Вотъ какъ вы обращаетесь съ нами, а мы еще такъ уважаемъ всѣ ваши права,—уважаемъ до такой степени, что ваши кролики размножаются тысячами и съѣдаютъ насъ живьемъ. Вашъ сторожъ убилъ нашу собаку за то, что она погналась за кроликомъ, съѣвшимъ весь нашъ привароκъ. Я былъ при этомъ и не сказалъ ни слова... Вы хотите, чтобы мы были откровенны, господинъ графъ... Эти длинныя аллеи, эти большія дороги, эти загороди, гдѣ нѣтъ ни единаго плодоваго деревца, все это отнято у земледѣльцевъ. И я не могу безъ стона смотрѣть, когда мѣшаютъ привозу продуктовъ. Между тѣмъ, Богъ излилъ на эту землю такую благодать, что отнятаго пространства хватило бы на

---

[65] *Le denouement impréru*. Sc. I.

прокормленіе цѣлой провинціи. Вы оскорбляете самого Бога: вѣдь это настоящая кровь народа, растраченная на дѣтскія забавы [66].

Такимъ тономъ и такія истины говорятъ новые крестьяне своимъ сеньорамъ. Они больше не допускаютъ фамильярностей съ собой и немедленно протестуютъ при малѣйшей презрительной выходкѣ большого барина. «Ты мнѣ кажешься добрымъ собесѣдникомъ, — говоритъ ему аристократъ, — и я буду въ восторгѣ познакомиться съ тобой». Мишо «хмуритъ брови»: «Съ тобой!... Да, вы фамильярны, господинъ королевскій офицеръ. Но мы, можетъ, стоимъ васъ. Чортъ возьми! Не тыкайте меня. Я не люблю этого». Ему отвѣчаютъ шутливымъ тономъ: «Тысячу извиненій, сударь, простите». Мишо и этимъ недоволенъ: »Э, нѣтъ не зубоскальте! Я не гордъ, но не допускаю только фамильярности съ кѣмъ бы то ни было, не зная, заслуживаетъ ли онъ ея. Вотъ въ чемъ дѣло» [67]. Такой же отпоръ встрѣчаетъ богатый городской джентльменъ. Въ разговорѣ съ бѣднымъ рабочимъ, сыномъ крестьянина, джентльменъ обращается къ нему: «другъ мой», но тотъ быстро прерываетъ его: «Милостивый государь, я Жозефъ, рабочій, а не другъ вашъ. Еслибъ я былъ имъ, мы бы могли говорить другъ другу ты. Не заставляйте меня краснѣть. Я бѣденъ только потому, что слишкомъ много богатыхъ» [68].

Мы видимъ, какъ чувство личнаго достоинства постоянно связывается съ общими идеями: сельскій житель переходитъ непосредственно къ обсужденію феодальныхъ правъ, горожанинъ къ соціальному вопросу. И это потому, что обладатели правъ и богатства въ ихъ глазахъ стоятъ ниже ихъ. Они *лично* не уступаютъ имъ ни одного шага, — не хотятъ помириться съ ихъ преимуществами и на почвѣ общественной. Буквально то же самое настроеніе обнаружится потомъ

---

[66] *Le Juge*, drame en 3 actes, par Mercier. Londres 1774. Acte II, 5.
[67] *Le partie de chasse de Henri IV*. Acte II, 2.
[68] *J'Indigeut*, drame en 4 actes, par Mercier. Paris 1774. Acte II, 2.

при составленіи *Наказовъ*. Крестьяне *vertu* объявятъ единственной основой благородства, на сознаніи личнаго достоинства построятъ отрицаніе унизительныхъ феодальныхъ порядковъ [69]. Новый крестьянинъ не хочетъ ни въ чемъ быть обязаннымъ сеньору. Онъ любитъ родную деревню, уважаетъ свое сословіе и не хочетъ слышать о городѣ и еще менѣе о подчиненныхъ отношеніяхъ къ господамъ. Городъ кажется ему очагомъ всевозможныхъ пороковъ, великолѣпные дома ничего не стоятъ въ его глазахъ, въ сравненіи съ деревенскими крышами. А жить можно и въ деревнѣ: «природа—добрая мать, она обо всѣхъзаботится и кто работаетъ, тому нечего бояться нужды» [70]. Когда крестьянина зовутъ изъ его лачуги и хотятъ измѣнить его общественное положеніе, онъ заявляетъ:«Я своими достоинствами, можетъ быть, и обязанъ только своему положенію. Оставьте вашу знатность при себѣ» [71]. «Хотя я и бѣденъ, — говоритъ другой, — но у меня есть чувства, честь бываетъ и у бѣдныхъ людей» [72]. Крестьянинъ хочетъ только, чтобы сеньоръ оставилъ его въ покоѣ, и совершенно равнодушно относится къ смѣнѣ господъ въ замкахъ и имѣніяхъ. Онъ знаетъ свою землю. Ни за какія богатства онъ не покинетъ хижины, гдѣ родился. «Это счастіе, какого вы не знаете,— говоритъ крестьянинъ феодалу.— «Съ тѣхъ поръ, пока стоитъ наша деревня, эта земля перемѣнила двадцат владѣльцевъ. Но мои виноградники не мѣняли хозяевъ, ихъ не вырвутъ затѣмъ, чтобы выстроить дворецъ». И всѣ предложе-

---

[69] „La noblesse ne consiste que dans la vertu". *Cahier de la paroisse d'Essonnes. Archives.* IV, 525. Крестьяне въ Провансѣ феодальныя права считаютъ „несовмѣстимыми съ достоинствомъ человѣка". Chassin. *Le génie de la revolution* I, 175.

[70] Favart. *Les amours de Bastien et de Bastienne.* Sc. III.

[71] *Le roi et le fermier*, com. en 3 actes, par sédaine. Acte III, 14.

[72] *Les Moissonneurs*, com. en 3 actes, par Favart. Ит. т. 27 янв. 1763. Paris 1768. Acte III, 4.

Quoique pauvre, il est irai, j'avons des sentiments;
L'honneur est chez les pauvres gens.

нія богача купить родовую крестьянскую землю остаются безъ результата [73]. Другой въ такомъ же положеніи, прибавляетъ еще укоръ въ легкомысленныхъ и мимолетныхъ капризахъ, одолѣвающихъ знатныхъ господъ [74].

Въ деревнѣ крестьянинъ разсуждаетъ, что лучше претерпѣть всѣ невзгоды, чѣмъ обратиться за помощью къ сеньору, а одна мысль о службѣ у господъ въ городѣ повергаетъ его въ отчаяніе. Новый крестьянинъ глубоко презираетъ лакейскую обязанность. Это презрѣніе — одинъ изъ любимѣйшихъ мотивовъ драмы. Деньги, заработанныя въ услуженіи у господъ, кажутся крестьянамъ «дурно пріобрѣтенными» [75]. Это—стыдъ для крестьянской дѣвушки и крайнее униженіе для парня. Одинъ изъ молодыхъ крестьянъ на приглашеніе маркизы поѣхать съ ней въ городъ отвѣчаетъ: «Богъ далъ намъ руки не затѣмъ, чтобы безпрестанно играть въ карты въ передней, или не затѣмъ, чтобы стоять на запяткахъ кареты и подпрыгивать, возбуждая смѣхъ всѣхъ встрѣчныхъ. Мы не хотимъ называться слугой, мы думаемъ, что имя земледѣльца или винοградаря гораздо лучше» [76]. Пренебреженіе къ лакейству рисуется иногда въ самыхъ крайнихъ формахъ. Сынъ покупаетъ для своего отца ливрейный плащъ и приказываетъ ему немедленно спороть шитье, чтобы на его «почтенномъ отцѣ не увидѣли ливреи». «Онъ простой земледѣлецъ, орошалъ землю своимъ потомъ, но всегда питалъ отвращеніе къ низкимъ работамъ рабства» [77].

[73] *Rose*, com. en 3 actes, par Beaunoir. Acte I, 8. Баронъ предлагаетъ крестьянину въ обмѣнъ за его владѣніе вдвое больше земли. Крестьянинъ отвѣчаетъ: „Vous nous offiriais la centuple que vous ne nous feriais pas deserter la chaumière sous laquelle j'sommes nés; c'est un bonheur que vous n'connaissais pas; d'puis qu'not'village existe, cette terre a changé vingt fois de maîtres, mes vignes n'en ont point changeais, on ne les arrache pas pour y élever des palais“.

[74] *Le Juge. Ib.*

[75] *Les Moissonneurs. Le jardinier et son seigneur*. Op. com. О заработкѣ городской прислуги крестьянинъ выражается: „Un argent mal acquis est toujours un mécompte“. Acte II, 3.

[76] *Le Campagnard* drame, par Mercier. Hayes 1779. Acte I, 4.

[77] *L'Indigent*. Acte I, 6.

Эта сравнительно второстепенная черта доживетъ до революціи и оставитъ слѣдъ въ тѣхъ же *Наказахъ*. Избиратели будутъ съ презрѣніемъ отзываться о лакеяхъ, какъ «скопищѣ людей одинаково унижаемыхъ и своею должностью и праздностью, хотя, къ несчастью, лакеи набираются изъ сильныхъ и здоровыхъ молодыхъ крестьянъ». Лакеевъ избиратели признаютъ «безспорно, самой безполезной, самой обременительной и самой развращенной частью націи». Даже бракъ не исправляетъ ихъ. Они, женившись, принимаются за самыя недостойныя профессіи. Составители наказовъ въ виду всего этого измышляютъ даже особый налогъ на лакеевъ [78].

Феодальныя права не могли, конечно, избѣжать критики. Крестьяне пользуются всякимъ случаемъ заявить свое негодованіе. Объ этихъ правахъ безпрестанно напоминаетъ драма, они переходятъ на сцену комической оперы. Крестьянка поетъ куплеты о разорительности охотничьихъ увлеченій сеньоровъ: «чтобы затравить одного зайца, они опустошаютъ сорокъ десятинъ» [79]. Появляется комическая опера *Droit du seigneur*, тѣмъ болѣе интересная, что тема и заглавіе даны Вольтеромъ. Современный источникъ говоритъ даже о заимствованіи [80], но сравненіе обоихъ произведеній указываетъ только на общее сходство въ сюжетѣ, — подробности различны. Во всякомъ случаѣ, важно отмѣтить фактъ: Вольтеръ первый написалъ комедію на ту самую тему, которой позже воспользовался Бомарше, и Вольтеръ исчерпалъ основную идею раньше всѣхъ своихъ современниковъ.

Комедія сначала появилась подъ названіемъ *L'ecuieil du sage* и безъ имени Вольтера; первое представленіе ея состоя-

---

[78] *Cahier du tiers-état de la ville et juridiction de Langon*. Archives II, 270. Налогъ на лакеевъ проэктируется во всѣхъ тѣхъ *наказахъ*, гдѣ предлагается обложить предметы роскоши. Для слугъ сельскихъ хозяевъ, напротивъ, проэктируется пенсія за двадцатилѣтнюю безупречную службу. *Cahier du bourg de Vicheray*. *Archives*. VI, 26.

[79] *Ninette à la cour ou le caprice amoureux*. Acte I. 2.

[80] Авторъ Desfontaines. La Harpe *Corresp, litt*. IV, 194.

лось на сценѣ *Comédie Française* 18 января 1762 года,— партеръ восторженно привѣтствовалъ разсужденія о феодальномъ правѣ.

Молодой парень Матюрэнъ вздумалъ жениться. Бальи предупреждаетъ его на счетъ феодальнаго права сеньора при бракѣ вассала. Матюрэнъ крайне возмущенъ этимъ правомъ. «Довольно того, — говоритъ онъ,—что сеньоры пользуются частью нашего имущества, имъ еще нужны наши жены... Подлое право». Онъ хочетъ знать происхожденіе права, бальи объясняетъ ему: «предки сеньора были господами предковъ крестьянъ и царствовали надъ деревнями». По мнѣнію Матюрэна,—предки крестьянъ, очевидно, были большими глупцами. И вообще почему существуютъ феодальныя права?— спрашиваетъ онъ.—«Развѣ мы созданы не изъ одной глины, не питаемся молокомъ, также какъ и сеньоры? Развѣ у насъ не тѣ же руки, ноги, и еще болѣе стройныя, сильныя и ловкія, или мозгъ, которымъ мы думаемъ,—и гораздо лучше, чѣмъ они, потому что мы ихъ часто проводимъ. Когда я остаюсь одинъ, я глубоко задумываюсь надъ этимъ вопросомъ. Я вижу—рожденіе людей, смерть ихъ и въ городѣ, и въ деревнѣ похожи, какъ двѣ капли воды. Почему же жизнь различна? Я не вижу разумныхъ основаній. Меня это мучитъ. Матюрэны, волокиты и бальи, ей-Богу, всѣ равны»[81].

Матюрэнъ не ограничивается теоретическими сомнѣніями. Онъ хочетъ принципъ равенства и личнаго достоинства осуществить въ дѣйствительности, насколько достанетъ у него силъ. У него есть деньги. Женившись, онъ купитъ должность королевскаго сборщика податей при соляной конторѣ. Его сынъ будетъ совѣтникомъ, а дочь спасетъ отъ разоренія какую-нибудь знатную фамилію. Внуки сдѣлаются президентами и потомки сеньора современемъ будутъ ухаживать за потомками Матюрэна. Карьера по существу не представлявшая ничего фантастическаго, и Матюрэнъ имѣетъ право еще больше сердиться, сравнивая эту перспективу съ феодальнымъ рабствомъ.

[81] Acte I, 1.

Въ комедіи не обходится безъ ядовитыхъ замѣчаній по адресу знати, независимо отъ феодализма. Колетта, будущая жена Матюрэна, не можетъ вынести заявленія, будто у благородныхъ умъ и чувства выше, чѣмъ у крестьянъ. «Да,— говоритъ она,—съ первыхъ лѣтъ съ великой заботой образовываютъ ихъ душу. Наша, увы, прозябаетъ въ полномъ пренебреженіи. Свѣтскіе люди такъ же учатся думать, какъ пѣть и танцовать»[82].

Опера *Le droit du seigneur* не представляетъ особеннаго интереса. Заслуживаетъ вниманія развѣ только сцена совмѣстнаго протеста всѣхъ подданныхъ сеньора противъ ненавистнаго права [83].

Драматическіе авторы во всевозможныхъ формахъ воплощаютъ на сценѣ презрѣніе крестьянъ къ дворянскимъ привиллегіямъ и энергично развитое чувство личнаго достоинства. Въ пьесѣ *Rose* — молодой крестьянинъ, вступаетъ въ борьбу съ юнымъ сеньоромъ за свою невѣсту, является на дуэль съ палкой. Сеньору не удается отдѣлаться отъ своего соперника, хотя онъ и заявилъ со всею надмен-

---

[82] Acte I, 6. Слѣдуетъ замѣтить, что Вольтеръ нерѣдко проводилъ идею равенства въ самыхъ серьезныхъ своихъ произведеніяхъ. Въ трагедіи *Магометъ* одинъ изъ героевъ говоритъ:

Les mortels sont égaux; ce n'est point la naissance,
C'est la seule vertu qui fait leur différence (Acte I, 4).

Въ трагедіи Скифы—идеальный первобытный человѣкъ высказываетъ тотъ же принципъ:

Je sais, que les humains sont nés égaux et frères. (Acte I, 3).

Другой герой восклицаетъ: „L'heurense égalité!“ (Acte IV, 2). Въ эпоху Генеральныхъ Штатовъ появилась брошюра крайне демократическаго содержанія противъ дворянства—*Le cri de la Nation et Doléances de Vingt—trois millions de Français*. Эпиграфомъ авторъ взялъ вышеприведенныя два стиха изъ *Магомета*.—Chassin. *Les élections*. III, 209.

[83] Acte II, 11. На изданіи 1783 года стоитъ надпись: „par exprès commandement de sa majesté“. Пьеса шла въ первый разъ въ Фонтэнбло. Толпа вассаловъ объявляетъ сеньёру, что она протестуетъ противъ „унизительнаго права“: „Nous respectons votre puissance, mais nos coeurs, nos coeurs sont à nous“. Ясно, какая разница между этимъ чувствительнымъ изліяніемъ и мучительными вопросами вольтеровскаго Матюрэна.

ностью, что онъ, какъ маркизъ и офицеръ, не можетъ драться съ мужикомъ. Со второго представленія вызовъ этотъ былъ уничтоженъ: онъ, по словамъ современника, вредилъ успѣху пьесы [84]. Къ сожалѣнію, у насъ нѣтъ болѣе опредѣленнаго извѣстія, въ чемъ заключался этотъ вредъ. А, между тѣмъ, весьма важно было бы указаніе, какъ та или другая публика отнеслась къ этому, дѣйствительно, слишкомъ смѣлому пріему. Можно думать,—даже демократическій партеръ, чуткій ко всѣмъ крайностямъ и противохудожественнымъ увлеченіямъ, не проявилъ особеннаго сочувствія къ герою-крестьянину. На самомъ дѣлѣ, авторъ пьесы врядъ ли былъ особенно далекъ отъ дѣйствительности. Незадолго до революціи крестьяне встрѣчали оскорбленіями аристократовъ и даже грозили имъ палками. Современники единодушно говорятъ о полномъ исчезновеніи былаго почета низшихъ сословій къ высшимъ [85]. И сцены революціонной эпохи, конечно, давно были подготовлены въ идеяхъ и чувствахъ угнетеннаго класса: этимъ объясняется быстрое распространеніе пожара по всей странѣ и тождественность настроенія народа всюду, гдѣ только предстояла борьба съ феодализмомъ.

Мы видѣли, съ какимъ пренебреженіемъ крестьяне въ своихъ *наказахъ* отзывались о свѣдѣніяхъ министровъ на счетъ жизни и потребностей деревень. По мнѣнію сельскихъ избирателей,—каждый крестьянинъ въ этомъ отношеніи превосходилъ почти всѣхъ государственныхъ людей Франціи, во всю свою жизнь хорошо видѣвшихъ только одинъ Парижъ. Легко представить, какъ эти избиратели думали вообще о правящихъ и привилегированныхъ классахъ. Монологи драматическихъ героевъ отнюдь не являются безпочвенными вымыслами поэтовъ,—вѣроятно, даже, по цензурнымъ условіямъ, не соотвѣтствуютъ вполнѣ чувствамъ дѣйствительныхъ лицъ. На самомъ дѣлѣ, Матюрэны, можетъ быть, и не пускались въ такой тонкій анализъ, Нинетты не блистали

---

[84] *Corresp. litt.* XIV, 226.

[85] Тэнъ *Происх. общ. строя.* Русск. изд. стр. 495.

такимъ остроуміемъ, какъ мы читаемъ это въ драмахъ и комедіяхъ. Но настроеніе, духъ, воодушевлявшій деревню наканунѣ революціи, воспроизведенъ авторами съ исторической точностью,—и несомнѣнно,—весьма часто въ сильной степени возбуждался ими. Крестьянинъ, попавшій въ итальянскій театръ на представленіе комедіи Фавара, и пришедшій въ восторгъ отъ гражданскихъ чувствъ автора, былъ, конечно, не единственнымъ явленіемъ своей эпохи. Это не значитъ,—будто крестьяне должны были отправляться въ театръ за идеями для будущихъ *наказовъ*. Тѣ же самые избиратели, которые обличали министровъ въ невѣжествѣ, объяснили, какимъ путемъ могли возникнуть *идеи* у самаго простаго обитателя деревни: стоило только присмотрѣться къ современнымъ злоупотребленіямъ и неправдамъ. Мы хотимъ указать, до какой степени тѣсно примыкала драматическая литература къ насущнымъ вопросамъ времени. Даже крестьяне могли съ живѣйшимъ интересомъ слѣдить за спектаклемъ и изъявляли желаніе—«расцѣловать» автора [86].

IV.

Драматическая литература, давая такую полную картину нравственнаго переворота въ жителяхъ деревни, должна была еще ярче нарисовать подобный же переворотъ въ горожа-

---

[86] Письмо Beauchamp'а къ Фавару отъ 10 апр. 1761 г. „J'étais auprès d'un homme simplement vêtu et dont l'exterieur n'annonçait rien de distingué, sa tête en avant, sa bouche béante pendant toute la pièce, des eclats de rire interrompus par une prompte attention, attriroient de tems en tems mes regards de son côté. La pièce finie, il a enfin rompu le silence qu'il avait gardé jusque là pour me dire d'un ton brusque et en me serrant le bras. „Mr! qu'est-e-qu-a fait ça?“—Charmé de son enthousiasme, je vous ai nommé. „Morbleu je voudrais tenir c't'homme là“, m'a-t-il repondu,—„je le baiserais jusqu'à lui enlever la peau des joues“. Cet epanchement de coeur, dans une espèce de paysan, m'a paru délicieux. Ce n'est pas un conte que je vous fais, mr., je vous donne ses expressions à la lettre“. Спектакль состоялъ изъ комедіи *Soliman second*, гдѣ между прочимъ *citoyen* противополагалось *sujet*.—Favart. *Mem. et corresp.* II. 289—290.

нахъ. И мы заранѣе можемъ угадать его основныя черты. Онѣ вызваны тою же причиной. Феодальные тираны въ деревняхъ, въ городѣ являлись придворными авантюристами. Въ былое время крупная буржуазія считала особеннымъ счастьемъ пользоваться милостями этихъ господъ, вступать съ ними въ родство, подражать имъ въ образѣ жизни, въ нравственныхъ и общественныхъ взглядахъ. *Мѣщанинъ въ дворянствѣ*—одинъ изъ реальнѣйшихъ типовъ французской комедіи. Но аристократія слишкомъ быстро и открыто падала на глазахъ всей Франціи, слишкомъ цинически стремилась эксплуатировать буржуа, и если мольеровскій герой еше не умѣетъ оцѣнить по достоинству своего маркиза,— ближайшіе потомки его не только сдѣлаютъ эту оцѣнку, но по пути произведутъ переоцѣнку и собственнаго сословія, критическимъ взглядомъ посмотрятъ на претензіи и привилегіи маркизовъ, сначала попытаются стать на собственныя ноги рядомъ съ маркизами, а вскорѣ заявятъ въ лицо самимъ маркизамъ, что они, буржуа, болѣе почтенное и полезное для отечества сословіе, чѣмъ родовитые банкроты и искатели приключеній. Этотъ процессъ не можетъ занять много времени. Онъ начнется съ эпохи регентсва и закончится въ половинѣ столѣтія. Революція застанетъ поколѣніе буржуа, уже выросшее на почвѣ буржуазной сословной гордости и презрѣнія къ титуламъ. Философскій вѣкъ успѣетъ увидѣть, какъ лучшая, энергичнѣйшая часть французской родовой знати присоединится къ противникамъ старой аристократической исключительности и собственнымъ примѣромъ подтвердитъ несправедливость вѣкового униженія буржуазіи.

До конца классической эпохи комедія продолжаетъ еще рисовать мѣщанъ и мѣщанокъ въ дворянствѣ,—по преимуществу мѣщанокъ. У Данкура такихъ героинь нѣсколько, у Лесажа жена Тюркаре изображаетъ графиню. Всѣ эти фигуры комичны до каррикатурности и среди другихъ кажутся уродливыми пережитками старины. Онѣ встрѣчаются на сценѣ до самой революціи, но уже перестаютъ интересовать пуб-

лику: пьесы съ такими героями падаютъ,—вѣрный признакъ, что жизнь перестала отвѣчать слишкомъ запоздалому вдохновенію поэтовъ [87]. Публика узнала другихъ героевъ буржуазіи одновременно съ появленіемъ новой драмы. Это совершенно понятно. Драма назначалась именно для героевъ и героинь третьяго сословія, здѣсь хотѣли искать паѳоса, добродѣтели, положеній, равныхъ по значенію и серьезности трагическимъ. Драма не могла бы существовать, если бы современная буржуазія не представляла всѣхъ этихъ данныхъ. Драма была бы дискредитирована съ самаго начала, если бы главною фигурой въ третьемъ сословіи былъ мѣщанинъ, изнывающій по дворянству и чувствующій стыдъ въ своемъ состояніи. Драма, наконецъ, не достигла бы своей цѣли, если бы въ средѣ третьяго сословія не могла найти независимыхъ, свободомыслящихъ, исполненныхъ достоинства гражданъ. Объявляя принципы новаго творчества, драма этимъ самымъ предвосхитила позднѣйшія идеи *наказовъ* третьяго сословія и политическихъ трактатовъ вродѣ брошюры Сійэса. Не могло быть сомнѣнія,— она должна была представить достойные типы тѣхъ людей, въ чью пользу будутъ потомъ ратовать вожди національнаго собранія. Это должно произойти независимо отъ философскаго движенія эпохи. Новая художественная литература неразрывно связана съ вопросомъ, вошедшимъ въ просвѣтительную программу, но онъ поставленъ внѣ связи съ философіей, такъ же, какъ и вопросъ о просвѣтительномъ значеніи театра и объ основахъ самой драмы. Мы здѣсь снова встрѣчаемся съ именемъ Лашоссе.

Въ драмѣ *L'homme de fortune* взятъ типъ финансиста, но совершенно не похожій на Тюркаре. Брисъ — богатый купецъ, сохранившій всю простоту и честность энергичнаго буржуа. Онъ обладаетъ добродѣтелями истиннаго гражданина, помогаетъ государству изъ чувства патріотизма, знаетъ

---

[87] Послѣдняя пьеса, написанная на эту тему при старомъ порядкѣ, появилась за годъ до революціи—*le Faux noble*—Шабанона.

нравственную цѣну своихъ услугъ и поэтому высоко ставитъ свое положеніе. Его предки—крестьяне, и онъ гордится ими не менѣе, чѣмъ аристократы своею генеалогіей. «Тѣ, отъ кого я происхожу, говоритъ онъ, — были фермерами близъ Ангулема, земледѣльцы, по крайней мѣрѣ, со времени потопа. По моему мнѣнію, я совершенно случайно въ молодости посвятилъ себя морской торговлѣ. Такова наша исторія. И я могъ бы доказать пятисотлѣтнее существованіе земледѣльческаго сословія»[88].

Брисъ—скромный буржуа, признающій значеніе и достоинства за всякимъ сословіемъ и не желающій свое мѣщанство мѣнять ни на какой титулъ. Рядомъ съ нимъ буржуа другого типа, его сынъ. Онъ ушелъ гораздо дальше отца въ сословныхъ идеяхъ. Онъ несогласенъ признавать преимуществъ родовитой знати. Онъ смѣло ставитъ себя рядомъ съ ней и даже выше. Онъ съ негодованіемъ видитъ, какъ всѣ блага достаются на долю аристократамъ, даже если они лишены личныхъ талантовъ и заслугъ. Каждая мелочь, разъ она касается знати, способна создавать героевъ, а буржуа осужденъ на ничтожество и безсильную злобу. Брисъ-сынъ далеко не такъ равнодушно относится къ титулу, какъ отецъ. Онъ гордится именно благопріобрѣтенною, личною знатностью. Та, что достается по наслѣдству, только жалкіе остатки заимствованнаго блеска, чужихъ заслугъ. Истинный дворянинъ обязанъ дворянствомъ только себѣ[89].

И этотъ юноша, конечно, энергически воспользуется всѣми выгодами своего положенія, не уступитъ ни единаго шага врожденнымъ аристократамъ, — напротивъ, по принципу, оставитъ ихъ позади, презирая ихъ не меньше, чѣмъ они презираютъ буржуа.

L'homme de fortune появился въ началѣ 1751 года. Вторая половина вѣка открылась, слѣдовательно, двумя представителями новой буржуазіи. Они принадлежатъ къ разнымъ

---

[88] Acte II, 1.
[89] Acte I, 3.

поколѣніямъ и старшему, конечно, придется сойти со сцены, а молодому внести свои идеи въ жизнь и дождаться съ ними великаго переворота. Какія это будутъ идеи и въ какой дѣятельности онѣ будутъ осуществляться, нетрудно предугадать. Бриса давятъ привилегіи недостойныхъ людей, какъ личное оскорбленіе, какъ рабское ярмо. Аристократы для него являются незаконнымъ препятствіемъ на пути, какой соотвѣтствуетъ его энергіи и способностямъ. Онъ не можетъ помириться съ мыслью, что для этихъ способностей нѣтъ открытаго поприща,а еслибъ онъ—буржуа—и оказалъ услуги отечеству, на нихъ, навѣрное, не обратили бы вниманія. Если бы онъ даже въ двадцати сраженіяхъ отличился мужествомъ,—его бы не удостоили награды, а знатнымъ ничтожествамъ почести и слава достаются ни за что. Негодованіе Бриса тѣмъ значительнѣе, что оно оправдывается и литературой, и жизнью. Имѣть полкъ—самый распространенный идеалъ юной знати при старомъ порядкѣ и осуществлялся онъ какими угодно способами, только не путемъ личныхъ заслугъ и способностей. Въ комедіи старый аристократъ смѣется надъ такимъ командиромъ, своимъ внукомъ: «Онъ обнаружитъ предъ всѣми свою глупость и бездарность. Раньше, чѣмъ поучиться служить, онъ хочетъ командовать и заставлять *себѣ* повиноваться»[90]. Но это не мѣшало маркизамъ достигать всякихъ почестей. Если же буржуа удавалось выслужиться, его положеніе среди знати нисколько не улучшалось: «они помнятъ о моемъ происхожденіи,—жалуется одинъ изъ этихъ офицеровъ,—и забываютъ шрамы, которыми покрыта моя грудь»[91]. Дѣйствительность едва ли не превосходила драму. «Однажды.—разсказываетъ современникъ,—военный министръ, услышавъ имя одного генерала, добившагося этого чина исключительно своими заслугами, сказалъ:«Ахъ, да, это — генералъ по счастливому случаю!» Разсказчикъ прибавляетъ, что это замѣчаніе возбудило толки и надѣлало

[90] *Les deux frères ou la prevention vaincue.* Acte I, 4.
[91] *Le Deserteur,* drame par Mercier. Acte III, 1.

много зла [92]. И это понятно,—легко представить, какъ эти слова могли быть приняты людьми вродѣ молодого Бриса и сколько злобы должно было накопиться у нихъ до революціи. Въ *наказахъ* они жестоко напали на безправное положеніе третьяго сословія въ арміи. Съ солдатами простого происхожденія—писали избиратели—дворяне обращаются такъ позорно, какъ нельзя допустить относительно вообще человѣка, не говоря о воинѣ. Служащимъ третьяго сословія не даютъ офицерскихъ чиновъ, все равно какъ бы эти служащіе ни были воспитаны и какимъ бы имуществомъ ни обладали. А между тѣмъ,—по убѣжденію избирателей, изъ третьяго сословія выходили офицеры отнюдь не хуже дворянъ. *Наказъ* называетъ такой порядокъ вещей настоящимъ заговоромъ дворянства противъ всѣхъ незнатныхъ. Съ одной стороны имъ не даютъ доступа къ высшимъ обязанностямъ, съ другой подвергаютъ рабской дисциплинѣ. Всѣ эти разсужденія съ изумительной точностью соотвѣтствуютъ монологамъ драматическихъ героевъ [93]. Въ Генеральные Штаты обездоленные буржуа принесли неукротимую ненависть къ людямъ и правамъ, отравлявшимъ ихъ жизнь въ теченіе не одного поколѣнія. Въ революціонныхъ собраніяхъ такихъ Брисовъ, конечно, были сотни и у каждаго изъ нихъ была своя причина негодовать на ту или другую несправедливость, охраняемую старымъ порядкомъ.

У Лашоссе не было никакихъ соображеній на счетъ общественнаго значенія новыхъ типовъ и онъ, конечно, не задавался вопросомъ, какое будущее предстоитъ его героямъ. Общія идеи не входили въ талантъ и стремленія этого автора, и тѣмъ краснорѣчивѣе созданные имъ характеры. Другой авторъ, также не помышлявшій ни о какой пропагандѣ, одновременно съ Лашоссе писалъ въ своемъ журналѣ слѣдующее: «Я только что видѣлъ человѣка, ожидавшаго важ-

---

[92] Тэнъ *О. с.* Русск. изд. стр. 419.

[93] *Remontrances que le tiers-état du baillaige de Nemours charge ses députés de porter aux Etats Généraux. Archives.* IV, 121.

наго сеньера въ залѣ. Я разспросилъ его, потому что на его лицѣ была написана честность вмѣстѣ съ какою-то робкою грустью. Его физіономія и горе расположили меня въ его пользу. Увы,— сказалъ я про себя, честный человѣкъ почти всегда печаленъ, потому что онъ почти всегда бѣденъ и почти всегда униженъ. У него нѣтъ друзей, потому что его дружба не приноситъ выгоды. О немъ говорятъ: вотъ— честный человѣкъ, но, говоря о немъ такъ, избѣгаютъ его, пренебрегаютъ имъ, презираютъ его, даже краснѣютъ, встрѣчаясь съ нимъ. А почему?—только потому, что все его достояніе ограничивается нравственными достоинствами»[94].

Это писалъ Мариво, не имѣвшій ничего общаго съ философіей и политикой, но его *честный человѣкъ—l'honnête homme*— для современнаго читателя значило *буржуа*. *Honnêtes gens* на языкѣ XVIII вѣкѣ все, что не принадлежитъ къ *свѣту*, *le monde*, что не знатнаго происхожденія, и если современникъ успѣхъ драмы приписываетъ ея героямъ—*honnêtes gens*, это значитъ — онъ говоритъ о драмѣ съ героями изъ сословія буржуа [95]. И мѣщанская драма называется *le genre honnête*[96]. Мариво, слѣдовательно, изобразилъ отношенія между сословіями, вѣрнѣе — между привилегированными и непривилегированными. Въ статьѣ Мариво и въ комедіи Лашоссе ничего нѣтъ тенденціознаго, но сами факты тенденціозны до крайней степени и свидѣтельствуютъ о наэлектризованной общественной атмосферѣ. Если *honnête homme* Мариво только жалуется и грустить, молодой герой Лашоссе легко можетъ потерять терпѣніе.

Онъ до самой революціи не сходитъ со сцены. Въ комедіи *Le bienfait rendu* передъ нами снова два буржуа разныхъ поколѣній — дядя и племянникъ. Пьеса на двѣнадцать лѣтъ моложе драмы Лашоссе, и представитель старшаго по-

---

[94] Мариво въ *Spectateur français*. См. *Histoire du th. fr.*, par Hipp. Lucas.

[95] *Corresp. litt.* VII, 486—7.

[96] Beaumarchais. *Essai sur le genre dramatique sérieux*. Oeuvres. Paris 1828, p. 7.

колѣнія уже не довольствуется скромнымъ сознаніемъ буржуазной чести. Онъ не отрицаетъ извѣстныхъ преимуществъ знатнаго происхожденія, но честная и дѣятельная буржуазія рисуется ему въ такихъ краскахъ, что эти преимущества совершенно блѣднѣютъ. «Люди нашего сословія,— говоритъ онъ графу, — и безъ старыхъ пергаментовъ знати, подобно ей, имѣютъ право гордиться своею службой отечеству и множествомъ заслугъ. Въ Бордо вы сами можетъ убѣдиться, мой милый графъ, должно ли внушать стыдъ мое положеніе. Вы увидите офицеровъ, солдатъ, матросовъ, содержимыхъ мной въ такомъ количествѣ, сколько у сеньора вассаловъ. Ихъ успѣшный трудъ обогащаетъ провинцію и часто въ ущербъ врагамъ нашего государя. Наконецъ, если счастье благопріятствуетъ нашимъ заботамъ и посылаетъ намъ богатства сверхъ нашихъ нуждъ, то, вѣдь, они не плодъ темнаго промысла, источникъ ихъ не корыстолюбіе, не ростовщичество, не искусство грабить народъ и обманывать короля: всѣ эти постыдныя средства недостойны меня. Путемъ опасностей я пріобрѣлъ свое богатство и удѣляю часть его своимъ согражданамъ. Полагаю, — это стоитъ благороднаго бездѣлья гордаго сеньора, надутаго своею знатностью и воображающаго, что всѣ преклоняются предъ сомнительною честью—быть сыномъ своего отца»[97].

Младшій герой держится взглядовъ, высказанныхъ Брисомъ сыномъ: онъ не придаетъ никакого значенія случайности происхожденія, но онъ одушевленъ другою, несравненно болѣе благородною гордостью [98].

Полнѣе всего взгляды молодаго поколѣнія буржуа высказаны героемъ комедіи *Le faux noble*. Это сынъ богача, купившаго титулъ маркиза; юноша считается графомъ. Но ему

---

[97] Acte IV, 9.

[98] Acte I, 4:

Du désir des grandeurs si je connais l'écueil,
Je n'ai point abjuré toute espèce d'orgueil,
Et celui qui m'anime est plus noble peut-être
Que celui d'un état où le hasard fait naître.

ненавистенъ титулъ. Онъ ведетъ съ отцомъ непрестанную борьбу по этому вопросу. Отецъ жалуется на сына: «Онъ хочетъ жить въ неизвѣстности. Онъ боится показываться, У него это цѣлая система. Онъ хочетъ, чтобы свое достоинство каждый полагалъ въ самомъ себѣ». Графъ доказываетъ отцу все безуміе его увлеченій: «Никогда человѣческая гордость не могла узаконить болѣе суетнаго предразсудка, чѣмъ права рожденія, удаляющія на такое разстояніе человѣка отъ его ближняго. Этотъ роковой предразсудокъ, усвоенный людьми, награждаетъ одного почетомъ, а десять тысячъ презрѣніемъ. Развѣ этому слѣдуетъ поучать людей? Мы и безъ того игрушки страстей, а намъ еще хотятъ дать особое право дѣлать зло и презирать другъ друга». Графъ протестуетъ противъ явленій, возмущавшихъ также Бриса. Онъ считаетъ жестокимъ оскорбленіемъ гуманности полную возможность знатному глупцу достигнуть чего угодно, въ то время, когда человѣкъ талантливый, «дитя природы», живетъ подъ гнетомъ низкаго общественнаго положенія и чувствуетъ, какъ втунѣ увядаютъ его дарованія [99].

Съ теченіемъ времени аристократамъ все труднѣе становится соблазнять буржуа своимъ блескомъ и отличіями. Искушеніямъ ихъ не поддаются даже женщины. Одновременно съ типами новыхъ буржуа на сценѣ появляется новый типъ женщины изъ мѣщанскаго сословія. Она такъ же, какъ и Брисъ-отецъ, вполнѣ довольна своимъ положеніемъ, не хочетъ даже водить знакомства съ аристократками и по принципу не выйдетъ замужъ за аристократа. «Но вы будете съ

---

[99] Acte I, 11; II, 4.—Графъ говоритъ отцу:

C'est l'humanité que je plains, c'est pour elle
Que je parle; on lui fait une injure cruelle,
Par ces distinctions que l'on veut maintenir.
Un sot de qualité pourra tout obténir,
Et l'homme de talent, enfant de la nature,
Rude seul accablé du poids de sa roture;
Il sent flétrir en lui d'inutiles virtus!
Et vous approuverez de semblables abus.

табуретомъ ставши его мужемъ»,—говорятъ ей. Но и табуретъ нисколько не прельщаетъ ея [100]. Еслибы она не обладала утонченнымъ образованіемъ, она, вѣроятно, выразилась бы словами современнаго ей буржуа. Тотъ на предложеніе табурета для его дочери отвѣтилъ: «Велика важность имѣть табуретъ гдѣ бы то ни было, когда у себя дома можно сидѣть въ хорошемъ креслѣ!» [101]

Свидѣтельства драматической литературы о настроеніи низшихъ сословій вполнѣ подтверждаются *наказами*. Крестьяне и буржуа повторяютъ тѣ же идеи, какія драматурги вкладывали въ уста своихъ героевъ, :и даже выраженія оффиціальныхъ источниковъ часто сходны съ монологами драмъ. Избиратели не ограничиваются рѣзкой критикой аристократическихъ привилегій. Они стремятся вознаградить себя за всѣ вѣковыя нравственныя униженія. Парижане понимаютъ народъ, какъ нѣчто противоположное привилегированнымъ, стоящее выше его по своимъ талантамъ и трудолюбію. Крестьяне прямо выражаются «народъ или третье сословіе»,оно—истинная опора государства,источникъ его славы. Предъ нимъ совершенно блѣднѣютъ духовенство и дворянство —и по своей численности и по своему политическому значенію [102]. Народъ съ одинаковымъ презрѣніемъ относится къ придворнымъ и ихъ лакеямъ. Онъ оберегаетъ своихъ представителей отъ тлетворнаго вліянія милостей двора, требуетъ, чтобы депутаты не принимали никакихъ благодѣяній изъ этого источника не только во время пребыванія въ Генеральныхъ Штатахъ—и послѣ въ теченіе трехъ лѣтъ [103]. Таково требованіе парижанъ. Въ провинціи на этотъ вопросъ смотрятъ еще строже: всякій депутатъ, воспользовавшійся милостями двора, долженъ быть подвергнутъ публичному позору [104]. Такъ же рѣзко отдѣляетъ себя народъ и отъ «кре-

---

[100] *La veuve*, com. en un acte par Collé.

[101] *Les moeurs du temps*, com. par Saurin, sc. XII.

[102] Chassin. *Les cahiers*. III, 212; II, 398. *Archives*. IV, 527.

[103] *Cahier du tiers-état de la ville de Paris*. Archives V, 288.

[104] „Que député du tiers aux Etats généraux qui acceptera des grâces de

атуръ людей богатыхъ и могущественныхъ» — всякаго рода приказчиковъ и слугъ. Мы узнаемъ, что эта, по выраженію избирателей, «наиболѣе развращенная часть націи», не умѣетъ даже вести себя на народныхъ собраніяхъ, заводитъ интриги, поднимаетъ смуту. Истинный народъ, всѣ, живущіе «независимымъ трудомъ»,—отличаются политическимъ тактомъ и благоразуміемъ. Ихъ не слѣдуетъ смѣшивать съ «низкими» наемниками [105].

Избиратели требуютъ даже уничтоженія термина *tiers—état* какъ двусмысленнаго и не соотвѣтствующаго дѣйствительности «только по роковому заблужденію», читаемъ въ *наказѣ*, «называютъ *третьимъ сословіемъ* то, что составляетъ болѣе девяносто девяти сотыхъ націи, и это считаютъ сословіемъ и ставятъ наравнѣ съ двумя классами привилегированныхъ! Это заблужденіе должно прекратиться, и то, что до сихъ поръ называли третьимъ сословіемъ королевства, должно — вмѣстѣ съ привилегированными или безъ нихъ—именоваться народомъ или націей,—единственныя наименованія—справедливыя и соотвѣтствующія достоинству народа. Это достоинство всегда будутъ помнить тѣ, кому достанется честь представлять народъ. Они не потерпятъ, чтобы онъ — въ лицѣ ихъ или какъ нибудь иначе — подвергся какому бы то ни было униженію. Ни одинъ классъ не имѣетъ права — унижать народъ; величіе государя было бы оскорблено этимъ; государь въ Генеральныхъ Штатахъ — отецъ среди семьи, онъ никогда не будетъ столь великъ и любимъ, какъ при томъ условіи, если всѣ его дѣти будутъ пользоваться одинаковымъ уваженіемъ» [106].

Ясно, какъ высоко должно было стоять чувство личнаго достоинства у людей, заявлявшихъ такія воззрѣнія королю. Легко представить, какое нравственное удовлетвореніе полу-

---

la cour, soit déclaré infâme". *Cahier du tiers-état de la sénéchaussée de Rhodes et du baillaige de Milhau. Archives.* V, 557.

[105] Chassin. *Les cahiers.* II, 402.

[106] *Cahier du peuple de la sénéchaussée de Rennes. Archives.* V, 538.

чали будущіе составители *наказовъ*, въ теченіе полустолѣтія видя на сценѣ столь близкіе для нихъ образы «почтенныхъ людей», гордыхъ своими личными достоинствами и плодами своей независимой и плодотворной дѣятельности.

Тѣ же наказы даютъ точный отвѣтъ, съ какими чувствами сама знать переживала послѣднія досятилѣтія стараго порядка. Мы знаемъ о распространеніи философскихъ идей среди высшихъ сословій, о благородныхъ поклонникахъ Вольтера, энциклопедистовъ, даже Руссо. Въ этомъ поклоненіи слишкомъ много легкомыслія, поверхностнаго пониманія, стремленія къ эффекту, чтобы каждое либеральное заявленіе можно было считать серьезнымъ убѣжденіемъ и искренне усвоеннымъ принципомъ. Иначе слѣдуетъ относиться къ *наказамъ* дворянства, обнаруживающимъ гуманныя и гражданскія идеи. Несомнѣнно, и здѣсь не мало реторики, заученныхъ модныхъ фразъ, но рядомъ съ этимъ остается вполнѣ реальное зерно. Подавляющее большинство дворянскихъ наказовъ не имѣютъ его, и тѣмъ дѣйствительнѣе извѣстные взгляды тамъ, гдѣ оно существуетъ.

V.

Преобладающая тема аристократическихъ инструкцій — защита сословныхъ привилегій.

Эта защита нерѣдко подкрѣпляется философскими авторитетами эпохи. Дворяне считаютъ свои привилегіи «въ особенности свойственными монархическому правительству». Составители *наказа* могли здѣсь сослаться на *Духъ Законовъ*. Они даже предвкушаютъ «счастливую революцію», но на ихъ языкѣ это значитъ—утвержденіе «правъ феодальныхъ и сеньеріальныхъ». Они дворянство считаютъ главнѣйшимъ предметомъ заботливости короля. Именно это сословіе сохраняетъ «старинный духъ націи», и между тѣмъ «обыкновенно не пользуется дарами фортуны» [107].

[107] *Cahier de la noblesse de la sénéchaussée de Montpellier. Archives.* IV, 48—9. „Tous vos sujets, sire, ont des droits à la protéction de Votre

Среди «граждан — дѣтей отечества» — «высшее предпочтенiе» принадлежитъ дворянству,— это голосъ многочисленныхъ *наказовъ*. Дворяне въ виду безвыходнаго финансоваго положенія страны отказываются отъ податныхъ привилегій, но здѣсь же немедленно требуютъ вознагражденія болѣе бѣдныхъ за ихъ жертвы, поддержки—«уважаемой и необходимой части сограждан»[108]. На ряду съ феодальными правами и исключительнымъ положеніемъ относительно правительственныхъ заботъ дворяне удерживаютъ за собой привилегію,— особенно ненавистную третьему сословію — на офицерскіе чины. Они или совсѣмъ не хотятъ дѣлить этой привилегіи съ другими сословіями, или допускаютъ крайне скромную оговорку на счетъ «храбрыхъ воиновъ, отличившихся на низшихъ мѣстахъ»[109]. Весьма часто также дворяне подчеркиваютъ свои исключительныя права на знаки отличія. Нѣкоторые требуютъ этихъ знаковъ—для своихъ женъ и дочерей: вся семья должна носить знаки военныхъ чиновъ, въ которыхъ состоятъ отцы и мужья[110].

Очевидно, — это голоса тѣхъ самыхъ маркизовъ и шевалье, какими переполнена комическая сцена со временъ Мольера. Но мы уже знаемъ — изъ заявленія самихъ избирателей третьяго сословія — о существованіи другаго сорта дворянъ—*мыслящей знати—la noblesse pensante.* Она также не приминула заявить свои идеи въ *наказахъ*.

Мы встрѣчаемъ въ полномъ смыслѣ благородные и патріотическіе принципы. Дворяне сѣтуютъ на раздѣленіе, царствую-

---

Majesté, mais cet avantage appartient plus particulièrement au corps de la noblesse. Ce corps, distingué par son zèle pour votre service, destiné à conserver et à transmettre l'ancien esprit national, est ordinairement peu favorisé de la fortune".

[108] *Instructions de la noblesse de la sénéchaussée d'Auvergne. Archives.* V, 566. *Cahier de la noblesse du bailliage du Quesnoy.* Ib. p. 505 „de soulager cette respectable et intéressante portion de nos concitoyens".

[109] *Archives* IV, 48—la sen. de Montpellier; *Cahier de la noblesse du baillage d'Evreux. Ib.* III, 299.

[110] *Cahier de la noblesse du bailliage d'Alençon. Archives.* I, 715.

щее между сословіями, особенно на обособленное положеніе третьяго сословія. Они «горячо желаютъ возродить во всѣхъ сердцахъ духъ мира» и съ этой цѣлью предлагаютъ — вотировать въ Генеральныхъ Штатахъ поголовно. Частные интересы сословій должны быть уничтожены, депутаты будутъ создавать общественное благо на основахъ взаимнаго довѣрія [111]. Нѣкоторые, съ цѣлью обезпечить третьему сословію одинаковое вліяніе съ первыми двумя, предлагаютъ количество непривилегированныхъ представителей уравнять съ числомъ депутатовъ дворянства и духовенства [112]. Дворяне не допускаютъ болѣе «унизительныхъ отличій», какимъ подвергались представители третьяго сословія на прежнихъ Генеральныхъ Штатахъ: они считаютъ эти отличія—униженіемъ вообще достоинства француза [113]. Еще важнѣе желаніе *мыслящей знати* допустить третье сословіе ко всѣмъ должностямъ—гражданскимъ и военнымъ, на основаніи заслугъ и талантовъ и уничтожить одновременно всѣ препятствія въ карьерѣ этихъ лицъ. «Дворянство», пишутъ избиратели, «можетъ считать только за честь,—видѣть на одномъ уровнѣ свои заслуги, таланты и добродѣтель другихъ» [114]. — «Мѣста и должности — церковныя, гражданскія и военныя должны быть цѣной и наградой за добродѣтель и заслугу, а не удѣломъ одного привилегированнаго класса». Дворяне, даже проникнутые чувствомъ уваженія къ своему сословію, рѣшаются признать—«таланты, нравственность и мужество—почетнѣйшимъ правомъ на карьеру» [115]. Естественно—всѣ составители такихъ наказовъ считаютъ долгомъ патріотизма—отказаться отъ податныхъ привилегій.

---

[111] *Cahier de la noblesse de la province du Thimérais. Archives.* II, 640. *Objet des doléances de la noblesse de la sénéchaussée de Forcalquier en Province. Ib.* III, 328.

[112] *Cahier de la noblesse de Sisteron. Archives.* III, 363.

[113] *Cahier de la noblesse de Dôle, Ornans et Quingey. Archives.* III, 155 ср. *Ib.* p. 328, 579; I, 694.

[114] *Cahier de la noblesse du baillage de Saint-Mihiel. Archives.* II, 238.

[115] *Cahier de la noblesse de la prov. du Thimerais.* Archives II, 644. Ср. *Ib.* V, 691.

Осторожнѣе всего дворяне относятся къ сеньеріальнымъ правамъ. Но и здѣсь иногда проявляется большая смѣлость и самоотверженіе, – правда только у избирателей столичныхъ или близкихъ къ столицѣ. Нѣкоторые парижскіе дворяне «согласіе и единеніе трехъ сословій» объявляютъ основами общественнаго блага и желаютъ. чтобы представители всѣхъ сословій вмѣстѣ составили одинъ *наказъ* и представили королю одну челобитную *un seul voeu et un seul cahier* [116]. Въ такомъ *наказѣ* конечно, не могло быть рѣчи о защитѣ феодализма. Другіе избиратели предлагали умолять короля—«уничтожить всецѣло и окончательно имущественную и личную зависимость на всемъ пространствѣ королевства», не щадить и права охоты. Авторъ предложенія указывалъ на эгоизмъ сеньеровъ и ждалъ реформы только отъ отеческаго милосердія короля [117]. Право охоты казалось феодаламъ особенно драгоцѣннымъ и на счетъ этого были согласны люди, въ другихъ отношеніяхъ несомнѣнно либеральные и просвѣщенные. Парижская знать и здѣсь идетъ впереди.

Въ общемъ наказѣ дворянства парижскихъ окрестностей требуется уничтоженія дикихъ животныхъ и изданія закона, по которому владѣльцы охотъ должны будутъ награждать крестьянъ за потраву полей [118].

Одни дворянскія рѣчи, слѣдовательно, соотвѣтствуютъ надменнымъ декламаціямъ традиціонныхъ героевъ французской сцены, другія — свидѣтельствуютъ о свѣжемъ, идейномъ теченіи въ старомъ сословіи. Теченіе живетъ и развивается задолго до революціи, до знаменитой ночи 4-го августа, и драматическая литература, вѣрная своему назначенію, рядомъ съ косными дѣтищами предразсудковъ, выводитъ на сцену благородныхъ дѣятелей будущаго.

---

[116] *Cahier du 8-me département*, art 15. Chassin. *Les Cahiers*. II, 272.

[117] „Abolissez entièrement et complèment la servitude réelle et personnelle dans toute l'étendue de votre royaume: abolissez-la, sire, en conséquence de votre autorité royale et paternelle, puisque plusieurs seigneurs n'ont pas voulu répondre à la généreuse invitation que vous leur en aviez faite et que vous aviez presque commandée par votre exemple. Chassin. *Ib*. p. 267.

[118] Chassin. *Ib*. IV, 424.

Одною изъ популярнѣйшихъ темъ у драматурговъ XVIII вѣка слѣдуетъ признать исторію *О добромъ сеньёрѣ*, его отношеніяхъ къ вассаламъ, феодальнымъ правамъ и дворянскимъ привилегіямъ.

Придворная жизнь не всѣхъ сводитъ съ ума и не для всѣхъ дворянъ провинція и деревня кажутся ссылкой. Въ достоинствахъ придворнаго существованія сомнѣваются представители знатнѣйшихъ фамилій. Родовыя земли они считаютъ прекраснѣйшею резиденціей, дѣятельность помѣщика, покровителя и патріархальнаго судьи своихъ вассаловъ, стоитъ выше придворныхъ удовольствій и почестей. Искреннѣйшіе демократическіе писатели любятъ изображать такихъ феодаловъ и заставляютъ ихъ обсуждать современные вопросы съ «философской» точки зрѣнія.

Въ драмѣ Мерсье, *Le campagnard*, герой—богатый помѣщикъ жившій раньше при дворѣ, превосходно образованный, свѣтски изящный и умственно развитой. Онъ живетъ въ деревнѣ и всѣ заботы посвящаетъ своимъ крестьянамъ. Онъ даже не охотится, не чувствуя желанія убивать, и если бы былъ государемъ, открылъ бы охоту на грабителей государства, ставъ во главѣ честныхъ гражданъ. Утромъ послѣ прогулки онъ принимаетъ всѣхъ, кто нуждается въ его помощи и совѣтахъ, разбираетъ крестьянскія дѣла и ссоры, за что на него недовольны бальи, внимательно выслушиваетъ все, что крестьяне считаютъ нужнымъ сообщить ему, и узнаетъ, по его словамъ, любопытныя, новыя, оригинальныя вещи и знакомится съ трогательными, вполнѣ реальными характерами. Бѣдняки осыпаютъ его благословеніями, и онъ чувствуетъ себя особенно счастливымъ, когда ему удается облегчить чье-нибудь горе, спасти кого-нибудь отъ голодной смерти. Все это сеньёръ разсказываетъ столичнымъ гостямъ. Тѣ не вѣрятъ въ голодную смерть среди крестьянъ и обвиняютъ разскащика въ реторикѣ. Онъ повторяетъ, что это, къ несчастью, слишкомъ горькая правда, и разсказываетъ, какъ землевладѣльцы эксплуатируютъ рабочихъ, уменьшая

заработную плату до такого предѣла, что бѣдняки принуждены работать полуголодными [119].

Этотъ помѣщикъ пристально слѣдитъ не за одною жизнью деревни, онъ посвященъ во всѣ современныя теоріи и, въ качествѣ землевладѣльца, особенно интересуется экономистами. Столичные гости даже считаютъ его однимъ изъ членовъ этой секты. Онъ дѣйствительно признаетъ экономистовъ превосходными гражданами, но ничто не мѣшаетъ ему видѣть заблужденія этихъ философовъ. Они воображаютъ, — на всякой почвѣ можно насаждать благородныя растенія, и политическія условія страны—вопросъ второстепенный. Просвѣщенному и опытному помѣщику это кажется непростительною ошибкой. Нива непремѣнно должна быть подготовлена для извѣстныхъ сѣмянъ. «Первая основа заключается въ политическомъ управленіи страны, о чемъ экономисты забыли или не сочли нужнымъ даже вспомнить. Какую пользу можетъ принести прекраснѣйшее зданіе, если его основа ненадежна и всегда можетъ повлечь внезапное разрушеніе?» Сѣверо-Американскіе Штаты преуспѣваютъ потому, что ихъ земля свободна, и всякое доброе сѣмя можетъ дать здѣсь счастливый плодъ. На почвѣ рабства все гніетъ и благороднѣйшія начинанія остаются безъ результата. Первою реформой, поэтому, нашъ философъ считаетъ реформу политическихъ законовъ. Если государственное устройство испорчено до самыхъ основъ, что бы ни предпринимали благородные дѣятели, ихъ добро на слѣдующій день превратится въ величайшее зло. Слова *добродѣтель*, *справедливость*, *разумъ* не управляютъ государствами. Безусловно необходимы физическіе противовѣсы, чтобы возстановить равновѣсіе въ обществѣ. Если одна часть государства неустанно давитъ другую, вновь открытые источники *плодородія*, *богатства*, *доходовъ* послужатъ на пользу только угнетателямъ, а для всѣхъ другихъ гнетъ станетъ еще сильнѣе. Рядомъ съ общими соображеніями излагаются частные вопросы госу-

---

[119] *Le campagnard ou le riche désabusé*. Acte II, 3.

дарственнаго управленія. Откупа и регаліи признаются язвой страны, требуется одинаковый налогъ на землю и на промышленность [120].

Развѣ это не настоящій политико-экономическій трактатъ? Въ устахъ феодала XVIII вѣка онъ не представляетъ ничего удивительнаго и не является плодомъ поэтическаго воображенія. Напримѣръ, *наказъ* парижскаго дворянства настаиваетъ, чтобы депутаты не вступали съ правительствомъ ни въ какія соглашенія раньше чѣмъ не будутъ признаны и установлены основы политической свободы: личная свобода, имущественная безопасность, свобода печати, неприкосновенность писемъ, періодичность и финансовыя права Генеральныхъ Штатовъ, отвѣтственность министровъ [121].

Въ другихъ пьесахъ нѣтъ такихъ обстоятельныхъ разсужденій, но міросозерцаніе героевъ-феодаловъ не менѣе гуманно и свободно, и, по обычаю времени, драма и комическая опера идутъ рядомъ въ изображеніи «добрыхъ сеньёровъ». Въ комедіи *L'officieux* графъ превозноситъ сельскую дѣятельность знатнаго барина надъ бездѣльнымъ прозябаніемъ придворныхъ. Его идеалъ—хорошій дворянинъ, тратящій деньги на улучшеніе своихъ земель, спасающій отъ нужды заработною платой своихъ крестьянъ, просвѣщающій вассаловъ совѣтами. Онъ самъ поступаетъ по этой программѣ и его крестьяне ничего не предпринимаютъ, не ведутъ никакого процесса, не посовѣтовавшись съ нимъ. Насколько эта дѣятельность полезнѣе для государства, чѣмъ мотовство и развратъ придворныхъ! [122]. Герой комической оперы *Moissonneurs*, особенно возмутившей столичную знать, обращаетъ такую рѣчь къ свѣтскому франту, своему племяннику: «Мы своимъ существованіемъ обязаны труду крестьянъ. Этотъ народъ, который ты презираешь, является жертвою людей, ни на что негодныхъ. Когда вы проигрываете все свое состояніе, вы

[120] Acte II, 1.
[121] Chassin. *Les cahiers*. IV, 419.
[122] *L'Officieux*. Acte I, 3.

начинаете нажимать ихъ, чтобъ они заплатили за ваши глупости. Крайности, какимъ вы предаетесь, ожесточаютъ ваши сердца и дѣлаютъ ихъ недоступными для чувства. Бездѣльники счастливы, а работники —труженики стонутъ. Они увеличиваютъ цѣнность вашихъ имѣній, а вы ихъ тѣсните и разоряете, когда сами разоряетесь. Они воздѣлываютъ землю, а вы ее бремените» [123].

Можно представить, какое впечатлѣніе эти рѣчи производили на парижскій партеръ. Аристократы жаловались даже Вольтеру, а архіепископъ придрался къ упоминанію имени Руфи и запретилъ пьесу [124].

Еще больше шуму надѣлала комическая опера *Silvain* и по той же причинѣ. Здѣсь описывается сеньеръ, поступающій съ своими крестьянами, какъ съ дѣтьми, признающій за ними и за собой одинаковыя права и единственную зависимость—отъ государя и отъ законовъ. Юный герой пьесы, во имя «естественнаго права»—*droit de la nature*, отрицаетъ право феодальной охоты, а его отецъ заканчиваетъ пьесу заявленіемъ: добродѣтель выше происхожденія. Всѣ эти истины высказывались знатными господами. Мы уже говорили, до какой степени дворъ и свѣтъ возмутились моралью пьесы обвинили энциклопедистовъ въ заговорѣ— путемъ комической оперы ниспровергнуть всѣ основы общественнаго порядка.

Любопытнѣе всего—Вольтеръ былъ призванъ въ третейскіе судьи по поводу новыхъ проповѣдей. Между тѣмъ, вождь философовъ могъ только горячо сочувствовать рѣчамъ «добрыхъ сеньёровъ». Они исповѣдывали главнѣйшій членъ въ его философскомъ символѣ—гуманность и глубокую любовь къ несчастнымъ. Герой оперы *Moissonneurs* заявляетъ: «Несчастіе для меня священно», «самые несчастные—всегда самые близкіе». Онъ возмущается гордымъ богачомъ, не приз-

---

[123] *Les Moissonneurs*. Acte I, 5.

[124] *Lettre a M. de Voltaire sur les opéra philosophi—comiques* p. 63—4. Hallays Dabot. *O. c.* p. 94.

нающимъ въ бѣднякѣ своего родственника. Другой сеньоръ «уроки несчастія» считаетъ лучшимъ воспитательнымъ средствомъ и заставляетъ своего внука рости въ деревнѣ и знакомиться съ крестьянскою нуждой [125]. Для этихъ людей высшее удовольствіе—дѣлать другихъ счастливыми [126]. По ихъ мнѣнію, кому это удастся, тотъ самъ не можетъ быть несчастнымъ [127]. Очевидно, чувство состраданія, любви къ ближнему является ихъ первымъ руководителемъ, и оно внушаетъ имъ идеи общественной свободы и равенства.

Вольтеръ еще по другой причинѣ не могъ сочувствовать врагамъ такихъ пьесъ, какъ *Moissonneurs*, *Silvain*, *Lucile*: онъ самъ создалъ двухъ героевъ, тождественныхъ съ «проповѣдниками» комическихъ оперъ. Одинъ изъ нихъ безкорыстный защитникъ гуманности и равенства. У другого та же защита вызвана сильнымъ личнымъ чувствомъ. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ предъ нами типичныя фигуры новыхъ сеньоровъ. Первый является въ комедіи *Le droit du seigneur*.

Маркизъ пріѣзжаетъ въ свою деревню и выражаетъ желаніе навсегда забыть дворъ, «всѣ важные пустяки и пышныя химеры». Онѣ оставляютъ только пустоту въ сердцѣ, свѣтъ порабощаетъ личность, человѣкъ свободенъ и счастливъ только у себя. Маркизъ считаетъ долгомъ служить примѣромъ для своихъ крестьянъ. Въ отвѣтъ на критическое замѣчаніе, что онъ, вѣроятно, философъ, маркизъ защищаетъ философію и клеймитъ ея враговъ—легкомысленныхъ фатовъ, трусливыхъ глупцовъ и негодяевъ: по его мнѣнію,

---

[125] *Les deux frères*, par Moissy. Воспитатель говоритъ своему воспитаннику (Acte II, 3):

Ton âme docile aux leçons du malheur
Ne doit qu'à la vertu sa force et sa candeur.

[126] *Rose*. Acte III, 8. Маркизъ аббату домашнему наставнику: „Ah, mon ami, il est donc un bonheur au dessus du plaisir même, c'est celui de faire des heureux“.

[127] *L'honnête criminel*. „Il n'est point de malhereux pour qui fait de heureux“. Acte IV, 3.

только эти люди могутъ возставать противъ философіи— истинной «любви къ добродѣтели». Маркизъ намѣренъ жениться отнюдь не на богачкѣ, и стать сельскимъ хозяиномъ [128].

Другой герой Вольтера еще популярнѣе въ драмѣ XVIII вѣка. Это—аристократъ влюбленный въ простую дѣвушку. Чувство любви на каждомъ шагу вызывало возмущеніе предразсудками и общественнымъ неравенствомъ. Въ драмѣ Лашоссе влюбленный герой,—отрицая значеніе ранговъ и богатства, оправдывалъ свою любовь къ бѣдной дѣвушкѣ. Борьба чувства съ предразсудками стала любимымъ мотивомъ драматическихъ авторовъ. Ею воспользовался Дидро для второй своей пьесы. Его герой объявляетъ: «Любовь не знаетъ предразсудка», и этотъ принципъ до самой революціи остается однимъ изъ важнѣйшихъ поводовъ къ либеральнымъ рѣчамъ драматическихъ героевъ. Пьеса Вольтера *Nanine* въ этомъ случаѣ можетъ служить образцомъ.

Графъ влюбленъ въ служанку Нанину. Героиня, какъ это постоянно дѣлается въ новыхъ драмахъ, изображена обладательницей всѣхъ идеальныхъ свойствъ. Даже баронесса— фанатическая аристократка—признаетъ эти свойства, видитъ въ Нанинѣ красоту и выдающійся умъ. Но графъ находитъ еще *vertu*—это волшебное качество, неразлучное съ новымъ героемъ и героиней низкаго происхожденія. Онъ преклоняется предъ сердцемъ и чувствами Нанины. Самъ онъ, въ глазахъ баронессы, «чувствительный философъ». Онъ беретъ на себя обязанность развивать богатыя способности Нанины, даетъ читать ей книги новаго философскаго направленія. Нанина, напримѣръ, прочла англійское сочиненіе о братствѣ людей, объ ихъ естественномъ равенствѣ. Графъ возстаетъ на предразсудки, считаетъ ихъ врагами гуманности и добродѣтели. Величіе не въ гербахъ, а въ сердцѣ. Общественное мнѣніе не имѣетъ никакого смысла рядомъ съ голосомъ чувствительнаго сердца. Только обезьяна создана подражать, человѣкъ же долженъ дѣйствовать, какъ свободная личность.

---

[128] Acte III. 1.

Добродѣтельнаго солдата, проливающаго кровь за государя и отечество, графъ цѣнитъ выше, чѣмъ знатнаго проходимца, сосущаго спокойно кровь своей родины [129]. На любовь онъ смотритъ какъ на высоко-нравственную силу жизни. «У меня есть недостатки,—говоритъ онъ,—но небо создало женщину, чтобъ исправлять наше сердце, умягчать наши огорченія, наши нравы, укрощать насъ и дѣлать лучшими. Таково ея назначеніе, и что касается меня, я предпочитаю некрасивую женщину съ благороднымъ сердцемъ—суровой и гордой красотѣ [130]. Предъ Наниной ему не приходится прибѣгать къ такой оговоркѣ: «Я вамъ оказываю,—говоритъ онъ,—только то, чего вы заслуживаете, чего достойны ваша красота и ваша добродѣтель». Но графъ не ослѣпленъ любовью. Сама любовь возникла подъ вліяніемъ исключительныхъ нравственныхъ достоинствъ простыхъ людей. Графъ одинаково восторженно относится къ Нанинѣ и къ ея безкорыстному, благородному отцу. Баронесса упрекаетъ его въ безумномъ увлеченіи. Онъ отвѣчаетъ «Нѣтъ. Страстная любовь не поработила моей мысли; такія доблести заслуживаютъ награды; онѣ только могутъ трогать меня, а не унижать. У этого старика то, что называютъ низкимъ происхожденіемъ, составляетъ заслугу, его благородство, а мое заключается въ томъ, чтобы отдать добродѣтели должную честь. Предъ этими сердцами, благородными, независимо отъ происхожденія,—одушевленными нравственными величіемъ, все кажется слишкомъ обыкновеннымъ. Связь людей, одаренныхъ такими добродѣтелями, съ моимъ домомъ является для него лишнимъ признакомъ благородства». Мать графа, не раздѣляя демократическихъ воззрѣній сына, согласна, что дѣйствительно добродѣтели Нанины и ея отца достойны награды. Графъ становится мужемъ Нанины.

Наше вниманіе невольно останавливается на непрестанно повторяющемся восторгѣ предъ *vertu*, нравственными совер-

---

[129] *Nanine*. Acte III, 5.
[130] Acte I, 1.

шенствами крестьянъ. Эти совершенства считаются, повидимому, такою же привилегіей низшаго сословія, какія существуютъ наверху относительно рожденія, общественнаго ранга. И только что признанная привилегія вступаетъ въ борьбу со всѣми старыми отличіями и побѣждаетъ ихъ, потому что, по мнѣнію самихъ привилегированныхъ аристократовъ, она выше всѣхъ предразсудковъ. Новый принципъ, вытѣсняющій старые,—принципъ личный, существующій независимо отъ какихъ бы то ни было внѣшнихъ условій. Онъ характеризуетъ *человѣка* и *природу*, а не *сословіе* и *общество*. Старый принципъ—*честь*—принадлежалъ опредѣленной группѣ лицъ и былъ немыслимъ внѣ формальныхъ связей. Добродѣтель обусловливается сердцемъ и умомъ, не связана, слѣдовательно, ни съ какими традиціями. Теперь, когда традиціонныя основы поколебались и утратили уваженіе, когда «быть сыномъ своего отца» стало сомнительною честью, когда истинно благородными оказались благородные лично,—по выраженію Вольтера, *annoblis par eux mêmes*, [131] — личныя качества выступили на первый планъ и поэтому о нихъ такъ часто говорятъ представители новой мысли. Драматическіе поэты выбираютъ знатныхъ героевъ для защиты демократическаго принципа. Графъ Вольтера говоритъ, что онъ считаетъ своею *честью* вознаградить *добродѣтель*,—рядомъ съ своей родовой знатностью поставить нравственное совершенство простой дѣвушки: это значитъ—старый сословный принципъ замѣнить новымъ. Дворянскій наказъ мы знаемъ, съ буквальной точностью повторитъ это желаніе. Такимъ путемъ идутъ герои всѣхъ другихъ драмъ и приходятъ къ тому же результату.

Сынъ знатнаго сеньёра полюбилъ крестьянскую дѣвушку и женился на ней. Отецъ его прогналъ, но изгнанникъ встрѣтилъ столько добродѣтелей въ новой средѣ, что не только не раскаялся въ своемъ поступкѣ, но и свою дочь выдаетъ замужъ

---

[131] *Nanine*. Acte III, 5.

за простого мужика. Онъ разсказываетъ, чѣмъ онъ обязанъ этимъ людямъ: «Когда мои руки еще не были достаточно тверды для работы, ихъ благородныя руки обработывали наши поля. Только эти люди облегчали наши страданія. Мы погибли бы раньше, чѣмъ выучились бы работать. Ихъ заботы, ихъ усердная помощь не оставляли насъ въ нашемъ уединеніи. Я нашелъ у нихъ состраданіе, и состраданіе такое естественное, такое благородное, такое нѣжное, столь похожее на дружбу, что мое сердце не могло ошибиться». И эти отношенія рѣшили вопросъ и для сына, и для отца. Люди съ такими добродѣтелями не подлежатъ власти предразсудковъ [132].

Другой знатный герой считаетъ простого крестьянина благороднымъ, потому что онъ честенъ: *La probité l'annoblit* Крестьяне «настолько же почтенный классъ, насколько и полезный». Породниться съ ними, т.-е. «принять въ свою среду честь и мудрость», не значитъ унизить себя» [133].

И такъ безъ конца. До самой революціи, несмотря на гоненія двора, духовенства и цензуры, со сцены изъ устъ привилегированныхъ продолжаютъ раздаваться похвалы людямъ безъ предковъ и оффиціальныхъ отличій,—похвалы во имя личныхъ достоинствъ сердца и ума. Среди парижскихъ аристократовъ эти похвалы далеко не всегда могли встрѣтить сочувствіе, но и здѣсь нашлись бы желающіе подписаться подъ слѣдующимъ разсужденіемъ иностраннаго барона. На сценѣ шла трагедія Сорена *Спартакъ*. Авторъ героя превратилъ въ сына вождя, т.-е. вмѣсто раба, вывелъ знатное лицо, затѣмъ, чтобы придать больше значенія виновнику возстанія: «какъ будто,—пишетъ баронъ—простой военный плѣнникъ, попавшій въ рабство, разбившій оковы

---

[132] *Silvain*, com. en 1 acte.

[133] *Lucile*, com. en 1 acte. Герой изъ привелигиров. сословія говоритъ (Sc. XII):

Ce n'est pas de mesallier
Que d'admettre chez soi l'honneur et la sagesse.

личными благородными усиліями и мстящій тиранамъ великими подвигами, недостаточно интересенъ самъ по себѣ, чтобы еще стоило прибѣгать къ вульгарнымъ отличіямъ крови и рожденія» [134].

Общее настроеніе городской парижской публики сказалось уже по поводу комедіи Вольтера *Nanine*. Авторъ очень опасался за ея судьбу и обставилъ первое представленіе всевозможными предосторожностями, превратилъ его почти въ спектакль для друзей. Но опасенія оказались излишними: комедія имѣла успѣхъ, вызвала эпиграммы, пародіи и наконецъ, побудила Детуша сочинить пьесу, разбивающую идеи Вольтера. Современникъ разсказываетъ, будто благородные отцы и матери боялись за своихъ дѣтей, какъ бы *Нанина* не убѣдила ихъ на самомъ дѣлѣ въ равенствѣ сословій и преимуществѣ личной добродѣтели передъ знатностью. Пьеса Детуша *La force du Naturel* стремилась доказать, что чувства и идеи не зависятъ отъ воспитанія, а исключительно отъ происхожденія. Пьеса не понравилась публикѣ, даже аристократы нашли ее неудовлетворительной. Авторъ, очевидно, переусердствовалъ. [135]. Его произведеніе немедленно было забыто, *Нанина* же Вольтера оставалась въ репертуарѣ до революціи и до такой степени была популярна, что ее давали въ тѣхъ случаяхъ, когда полиція внезапно запрещала какую-либо пьесу передъ самымъ спектаклемъ.

Еще болѣе шумный успѣхъ имѣла драма Седэна *Philosophe sans le savoir*. Дидро, прослушавъ пьесу въ чтеніи, бросился обнимать Седэна и воскликнулъ: «Другъ мой, еслибы ты не былъ такъ старъ, я выдалъ бы за тебя свою дочь!»

---

[134] Grimm. *Corresp. litt.* IV, 189.

[135] *Corresp. litt.* I, 417. У самого Вольтера есть пьеса на тему комедіи Детуша — *Charlot ou la comptesse de Givry*. Она была представлена на фернейской сценѣ въ 1767 году. Авторъ называетъ ее pièce de societé, она спеціально написана для нѣсколькихъ лицъ высшаго круга. Здѣсь и танцы и пѣніе, идейнаго значенія пьеса, очевидно, не имѣла въ глазахъ самаго автора. Единственная черта, заслуживающая вниманія, восторженная характеристика Генриха IV. О ней намъ предстоитъ говорить дальше.

«Вотъ дѣйствія и идеи почтенныхъ людей! — восклицалъ онъ послѣ спектакля. [136]. Такое же впечатлѣніе пьеса произвела и на публику. Даже цензура и полицейскія власти были тронуты. Пьеса продолжала выходить отдѣльными изданіями въ провинціи долго спустя послѣ революціи. [137].

Идеи пьесы были тѣ же самыя, какія въ комедіяхъ Вольтера и въ новыхъ драмахъ, только на этотъ разъ дѣло шло не о крестьянахъ, а о буржуазіи. Герой по имени Вандеркъ — благороднаго происхожденія, бѣжалъ изъ Франціи вслѣдствіе дуэли, попалъ на голландское судно и сталъ купцомъ. Центральная сцена драма — бесѣда Вандерка съ сыномъ относительно занятія торговлей. Со временъ Монтескье вопросъ этотъ ежегодно вызывалъ множество брошюръ и статей. Монтескье запретилъ дворянству заниматься торговлей [138]. Но такое рѣшеніе вопроса далеко не всѣхъ удовлевлетворило, и пьеса Седэна—одинъ изъ отвѣтовъ, противорѣчащихъ Монтескье. Сынъ ссылается на предразсудокъ, освященный авторомъ *Духа Законовъ*. Вандеркъ отвѣчаетъ: «Такой предразсудокъ въ глазахъ разума — ничто. Какъ высоко званіе человѣка, который однимъ почеркомъ пера передаетъ свою волю съ одного конца вселенной на другой! Его имя, его подпись не нуждаются, подобно монетѣ монарха, чтобы цѣнность металла служила залогомъ при займѣ, — его личность дѣлаетъ все. Онъ подписалъ и этого достаточно. Онъ не служитъ одному храму, одной націи, —служитъ всѣмъ націямъ... Онъ міровой человѣкъ». Сынъ соглашается, но не знаетъ, что̀ въ купцѣ почтеннаго? «То же самое, возражаетъ отецъ: — что́ въ дворянинѣ узаконяетъ права рожденія, что служитъ основаніемъ его титуловъ: честь,

---

[136] „Oui, mon ami, voilà la vérité domestique, voilà la chambre, voilà les actions et les propos des honnêtes gens, voilà la comédie". *Corresp. litt.* VI, 441.

[137] Выше было разсказано, какимъ путемъ пьеса Седэна прошла цензуру. Мы пользовались экземпляромъ, изданнымъ въ Труа въ 1816 году.

[138] *L'esprit des lois*, livre V, chap. IX.

правдивость, честность... Нѣсколько дерзкихъ гражданъ возбуждаютъ государей къ войнѣ. Война возгорается, все въ огнѣ. Европа распадается на два враждебныхъ лагеря. Но негоціантъ—англійскій, голландскій, русскій или китайскій, тѣмъ не менѣе, остается моимъ искреннимъ другомъ. Мы на земной поверхности своего рода шелковыя нити, связующія народы и побуждающія ихъ жить въ мирѣ, такъ какъ торговля неизбѣжна. Вотъ что такое почтенный негоціантъ».—«А дворянинъ, военный?» —спрашиваетъ сынъ.— *Вандеркъ*: «Я знаю только два званія, стоящія выше комерсанта: магистратъ, осуществляющій волю законовъ, и воинъ, защищающій отечество»[139].

Это говоритъ шевалье, имѣющій право гордиться своимъ своимъ происхожденіемъ и знатностью родственниковъ. Но *чувство*, *природа*, *гуманность* — единственныя понятія, какія онъ признаетъ для себя обязательными, и не на основаніи какихъ-либо теорій, а въ силу здраваго смысла и совѣсти. Онъ—философъ не сознавая этого. Авторъ хотѣлъ показать, какъ просты и жизненно-правдивы общественные идеалы новой мысли. Достаточно быть честнымъ человѣкомъ, чтобы исповѣдовать взгляды новой философіи. То же самое говоритъ Вольтеръ въ комедіи *Droit du siegneur* устами благороднаго маркиза, нисколько не претендующаго на званіе философа.

Идеи Вандерка должны были встрѣтить сочувственный отголосокъ у многихъ благородныхъ зрителей. Вопросъ о правѣ дворянства торговать, безъ всякаго ущерба дворянскому званію и титулу, занимаетъ много мѣста въ дворянскихъ *наказахъ*. Это право проектируется въ разныхъ формахъ: торговля оптомъ и въ розницу, исключительно для бѣдныхъ дворянъ и для всѣхъ безъ исключенія. Многіе избиратели видятъ прямую государственную необходимость — допустить знать не только къ занятію торговлей, но вообще по всѣмъ профессіямъ, полезнымъ для общества, но по воз-

---

139 Acte II, 4.

зрѣніямъ стараго порядка, не соотвѣтствующимъ дворянскому достоинству [140]. И здѣсь, слѣдовательно, на мѣсто традиціоннаго предразсудка, дворянской чести, ставятся личныя заслуги, понятіе объ общемъ благѣ, независимомъ отъ частныхъ сословныхъ интересовъ.

Драматическая литература не могла ограничиться разборомъ сословныхъ отношеній, хотя они занимали первенствующее мѣсто въ общественной жизни старой Франціи. Идеи просвѣтителей переходили за предѣлы вопроса о привилегіяхъ и стремились освѣтить свѣтомъ разума и безграничнаго человѣколюбія всѣ темные углы, гдѣ страдали слабые и несчастные. Во французской литературѣ второй половины XVIII вѣка сказываются художественные и общественные мотивы, позже воскресшіе въ романтической школѣ. Все, что было у романтиковъ гуманнаго и прогрессивнаго,—мы находимъ въ нашей драмѣ. Чувство природы, глубокая симпатія къ народной жизни, стремленіе изучить ея реальныя условія и проникнуть въ психологію народа, изобличеніе источниковъ гнета и несправедливостей, терпимость и уваженіе къ личности несчастнаго, нищаго, неграраба, даже преступника,— все это проходитъ передъ нами, проникнутое обычнымъ, страстнымъ воодушевленіемъ авторовъ просвѣтительной эпохи. И здѣсь нѣтъ ни одного прихотливаго, бездѣльнаго увлеченія, ни одной случайной, мимолетной черты: назначеніе писателя здѣсь понимаютъ слишкомъ высоко, чтобы даромъ тратить слова. Пусть предъ нами нескромный романъ,—откровенность въ духѣ времени,— летучее стихотвореніе, интимное письмо, — все это имѣетъ жизненный смыслъ, все блещетъ идеей. Чистыхъ художниковъ и досужихъ краснобаевъ здѣсь нѣтъ: они отживаютъ свой вѣкъ вмѣстѣ съ античными героями сцены и тунеядными комедіянтами салона.

---

140 *Cahier de la noblesse de Sisteron. Archives.* III, 364. Ср. V, 667; VI, 68. Chassin. *Les cahiers.* II, 259.

VI.

Въ классическую эпоху иногда заговаривали о народѣ и деревнѣ, сочиняли идилліи и пасторали, но все это такъ же походило на дѣйствительную природу, какъ г-жа Помпадуръ на невинную пастушку.

Писатели философскаго періода съ самаго начала порвали съ этой традиціей. Подъ ихъ перомъ народъ и его жизнь впервые явились во всей неприкрашенной правдѣ. Еще въ началѣ второй половины вѣка *народу* новой литературой было посвящено два въ высшей степени краснорѣчивыхъ произведенія — одно въ стихахъ, другое въ прозѣ. Въ стихахъ—*Epître au peuple*, академика Тома, удостоенное академическаго приза [141], въ прозѣ — статья *Энциклопедіи* — *Peuple*. Оба эти произведенія дополняютъ другъ друга.

Энциклопедическая статья объясняетъ, кого въ ея время разумѣютъ подъ именемъ *народа*. Когда-то народъ считали «полезнѣйшей, драгоцѣннѣйшей и, слѣдовательно, наиболѣе уважаемой частью націи», а теперь — народъ въ сущности только рабочіе и земледѣльцы. Когда-то народъ заключалъ въ себѣ всѣхъ, кто не принадлежалъ къ дворянству—а теперь изъ народа выдѣлилось множество самостоятельныхъ классовъ. Юристы стали знатью, - безъ помощи шпаги, писатели, по примѣру Горація, считаютъ народъ невѣжественнымъ: было бы неприлично назвать *народомъ*—художниковъ, производителей предметовъ роскоши, комерсантовъ, финансистовъ, легко попадающихъ въ дворяне, благодаря деньгамъ Въ томъ блескѣ, какой окружаетъ ихъ, нѣтъ и слѣда *народнаго*. Народъ живетъ совершенно иначе, ѣстъ что при-

[141] Тома вообще возбуждалъ сенсаціи своими академическими рѣчами. Его *Eloge de Sully*, по отзывамъ современниковъ „была первой академической рѣчью, произведшей сильное и всеобщее впечатлѣніе". Bersot. *O. c*, p. 57. О его рѣчи, посвященной восхваленію писательской профессіи мы говорили Среди поклонниковъ Тома числились между прочимъ, Вольтеръ, и г-жа Неккеръ, приходившая въ восторгъ отъ академика—демократа.

дется, во всѣ сезоны носитъ одно и то же платье, терпитъ невзгоды всѣхъ стихій, надменность вельможъ, наглость богачей, разбой откупщиковъ, грабежъ прикащиковъ, хищничество дикихъ звѣрей. Коласъ женится на Колеттѣ, потому что онъ любитъ ее; Лука передъ смертью оставляетъ свое имущество всѣмъ дѣтямъ, а не старшему только, какъ въ обычаѣ у знатныхъ. Статья оканчивается страстнымъ призывомъ — улучшить положеніе народа, вѣрнѣйшаго слуги отечества и трона: такъ смотрѣлъ на него Генрихъ IV [142].

Посланіе Тома обращено къ тѣмъ людямъ, какіе признаны въ *Энциклопедіи* народомъ. Авторъ перечисляетъ гражданскія заслуги народа предъ страной, ставитъ мирный трудъ крестьянина выше военныхъ подвиговъ сотни королей, исключительно народнымъ сокровищемъ признаетъ нравственность, чувствительность, гуманность. Благородное сердце земледѣльца, его открытая простая натура рисуется поэту въ ослѣпительномъ блескѣ сравнительно съ корыстными, праздными, лукавыми эгоистами—придворными. *Посланіе* переполнено идеями времени: «природа всегда обладаетъ собственнымъ благородствомъ», «только порокъ низокъ, и только добродѣтель возвышаетъ», «справедливѣйшій человѣкъ въ тоже время самый великій». Наконецъ, поэтъ обращаетъ къ народу энергическій совѣтъ: «Научись уважать себя и познай свое величіе» [143].

Въ статьѣ и особенно въ *Посланіи* рѣчь не обходится безъ реторики: это вообще въ духѣ всякой французской рѣчи и болѣе всего — стихотворной. Но форма въ данномъ случаѣ отнюдь не вредитъ значительности содержанія. Оно заключается въ возвышенномъ пониманіи политическаго значенія народа и въ вѣрномъ изображеніи — дѣйствительныхъ условій, угнетающихъ народную жизнь. Извѣстный паѳосъ былъ даже полезенъ, когда приходилось выставлять на видъ одну изъ самыхъ вопіющихъ историческихъ несправедливо-

---

[142] *Encyclopédie*. A Génève. 1759, XXV, p. 572—4.

[143] *Epître au peuple*. 1760, безъ назв. города.

стей. Энциклопедическая статья и *Посланіе* Тома могутъ считаться типичными произведеніями эпохи, вызвавшей народъ и деревню изъ міра фантастическихъ видѣній. До самой революціи мы встрѣчаемъ все тѣ же мотивы.

Для всѣхъ новыхъ авторовъ деревня — міръ неустаннаго труда и глухихъ подавленныхъ страданій. Они посылаютъ сюда поэта не за тѣмъ, чтобы показывать потомъ публикѣ взрослыхъ младенцевъ золотого вѣка въ цвѣтахъ и лентахъ. «Въ деревнѣ по необходимости приходится думать о многочисленнѣйшей части человѣческаго рода, ее здѣсь видятъ во-очію, видятъ, какъ она сгибается подъ тяжестью труда, добывая предметы первой необходимости». А въ городахъ, между тѣмъ, утонченнѣйшія искусства существуютъ только затѣмъ, чтобы тѣшить взглядъ богача. Въ деревнѣ земледѣлецъ въ ежедневной работѣ одерживаетъ полезнѣйшую и благороднѣйшую побѣду надъ природой, онъ больше всѣхъ другихъ гражданъ содѣйствуетъ блеску, преуспѣянію и силѣ государства, и, между тѣмъ, его унижаютъ бездѣльники и эксплуататоры. Безъ мозолистыхъ, затвердѣлыхъ рукъ земледѣльца бѣдность и горе проникли бы даже въ мраморные дворцы, въ царство роскоши и легкомыслія, но такова несправедливость человѣческая,—достаточно быть полезнымъ человѣку, чтобы возбудить его презрѣніе и, въ то же время, онъ будетъ чувствовать безсмысленное удивленіе предъ людьми которые давятъ его и топчутъ ногами [144].

---

[144] *Le Campagnard*. Haye 1779 p. XVI. Предисловіе къ драмѣ посвящено восхваленію деревни и ея нравственнаго вліянія—въ особенности на писателя. Оно въ высшей степени любопытно для эпохи видѣвшей возрожденіе чувства природы и художественнаго реализма. „La campagne est eloquente pour l'âme, saine pour le coeur vertueux, elle est animée pour le coeur sensible, elle est mère des sentiments honnêtes... C'est à la campagne que les ecrivains acquierent plus de noblesse et d'élévation dans les idées, deviennent plus forts et plus touchants, c'est là que se composent les ouvrages généreux, c'est à dire ceux qui embrassent le plan de la felicité publique“. Дальше приводятся въ примѣръ нѣмецкіе поэты, умѣющіе вдохновляться природой и сельской жизнью. Мерсье, слѣдовательно, предваряетъ важнѣйшія идеи г-жи Сталь о нѣмецкой литературѣ и о преобразованіи французской.

Такъ заканчиваетъ авторъ свою рѣчь, начавъ съ прославленія природы, сельскаго уединенія, столь краснорѣчиваго для ума и сердца. Эти люди говорятъ о красотѣ и счастьи, чтобы ярче оттѣнить все безобразіе и все горе современной народной жизни.

Эта эпоха знаетъ писателя-крестьянина, сына пастуха, оригинальнаго самоучку, страстно любящаго деревню, ея жизнь и ея жителей, и весь свой крупный литературный талантъ посвящающаго имъ:—Ретифа де ла-Бретонна. Онъ, кромѣ того, распространяетъ идеи Руссо среди малограмотной публики и дѣлаетъ это съ большимъ успѣхомъ при посредствѣ романовъ и драмъ. О достоинствѣ романовъ можно судить по впечатлѣнію лучшихъ современныхъ цѣнителей художественной литературы: они приписываютъ произведенія Ретифа Дидро или Бомарше[145] когда авторъ не ставилъ своего имени на нѣкоторыхъ сочиненіяхъ. Романъ Ретифа *Le paysan perverti* сталъ модною книгой и подвергся запрещенію. Романъ и теперь читается съ интересомъ. Во французской литературѣ трудно встрѣтить болѣе задушевное изображеніе испытаній крестьянина, легкомысленно покинувшаго родную деревню ради городскаго шума. Яркія картины столичнаго разврата чередуются съ жестокою психологическою драмой. Въ пьесѣ *La prevention nationale* авторъ возвращается къ той же темѣ. Въ каждой строкѣ звучитъ страстная любовь къ сельской жизни со всѣми ея невзгодами и нуждой. Здѣсь мы слышимъ отъ самого автора тѣ рѣчи, какія въ драмахъ крестьяне говорятъ сеньёрамъ. Передъ нами почтенный французскій крестьянинъ съ вѣковою привязанностію къ землѣ, съ непоколебимою нравственной силой, когда вопросъ идетъ объ его жилищѣ и семьѣ [147].

---

[145] *Corresp. litt.* XI, 160.

[146] „*Le paysan perverti* est devenu le livre du jour". *Corresp. secrète.* II, 348, 365.

[147] Собраніе сочиненій Ретифа вышло въ Гагѣ въ 1784 году. Въ романѣ—лучшее мѣсто письмо героя къ брату въ деревню—разсказъ о го-

Мы можемъ быть увѣрены,—эти писатели не ограничатся общимъ негодованіемъ на судьбу трудового класса. Они съ точностью экономическихъ изслѣдователей сообщатъ намъ, отъ какихъ причинъ страдаетъ деревня. Передъ нами пройдутъ бальи въ роли маленькихъ мѣстныхъ тирановъ, своевольно устраивающіе браки и сдающіе въ солдаты бѣдныхъ или непріятныхъ для нихъ парней, сборщики податей, всегда готовые за недоимку распродать домашнее хозяйство мужика, сеньоры—деспоты, эксплуататоры рабочихъ и подчасъ ростовщики, полицейскіе сержанты и разные комми, покорные слуги откупщиковъ и помѣщиковъ [148].

Все это публика увидитъ въ драмѣ. Авторъ позаботится, независимо отъ разсказовъ дѣйствующихъ лицъ, воспроизвести внѣшнюю обстановку существованія бѣдняка. Къ первому акту драмы *L'Indigent* читаемъ такое описаніе: «Театръ представляетъ жалкую низкую комнату безъ камина. Табуретъ безъ сидѣнья, остальная мебель старая, сильно подержанная. Кусокъ ткани закрываетъ диванъ. Съ одной стороны столярный верстакъ, у стѣны старая оконная рама, на половину заклеенная бумагой». Здѣсь живутъ братъ и сестра, работая день и ночь. Дальше оказывается,—въ этой «комнатѣ» до такой степени холодно и темно, что нельзя помѣстить двухъ собаченокъ, принадлежащихъ богатому молодому человѣку, сосѣду бѣдняковъ. Хозяинъ подвала соглашается поправить помѣщеніе, но только ради собакъ: бѣдныхъ постояльцевъ при какихъ угодно условіяхъ будетъ достаточно.

родскихъ впечатлѣніяхъ и тоскѣ по родному дому. Письмомъ заканчивается романъ.—Пьеса направлена противъ международной вражды. О Ретифѣ книга—Charles Monselet: *Rétif de la Bretonne, sa vie et ses amours*. Paris. 1858.

[148] Сцена распродажи крестьянскаго имущества за неплатежъ налоговъ описывается въ драмѣ Мерсье—*L'Indigent*. Герой этой драмы, старикъ, попалъ въ тюрьму—за сопротивленіе властямъ во время распродажи: самъ онъ былъ вполнѣ исправнымъ крестьяниномъ и сталъ защищать скарбъ „своихъ братьевъ—земледѣльцевъ“. Acte III, 1.

Такъ живутъ въ городахъ рабочіе, изнывающіа, притомъ ежедневно въ поискахъ, кому сбыть свою работу [149].

Эти картины не являются исключительной принадлежностью крайнихъ демократическихъ произведеній. Они вообще во вкусѣ эпохи. Вольтеръ и здѣсь подаетъ примѣръ. Въ его драмѣ *L'enfant prodigue* на сценѣ слуга, замѣчательно живо напоминающій Фигаро, хотя между произведеніями Вольтера и Бомарше лежитъ сорокъ лѣтъ. Жасмэнъ, слуга «расточительнаго сына», остается единственнымъ утѣшителемъ своего господина въ несчастіи. Его участь также весьма бѣдственна, но онъ о себѣ не жалѣетъ: «Рожденный для страданій,— говоритъ онъ,— я умѣю страдать съ веселымъ духомъ—je sais souffrir gaiment. Во всемъ нуждаться — вотъ моя стихія. Твоя старая шляпа, твои грубыя лохмотья,— все, отъ чего ты краснѣешь, было моимъ нарядомъ. Ты поистинѣ долженъ весьма сожалѣть, что не былъ всегда Жас-

[149] Въ той же драмѣ авторъ не преминулъ указать даже на дурные фальсифицированные продукты, которыми приходится питат ься бѣднякамъ. Сыну узника удалось заработать денегъ на бутылку хорошаго вина для отца. Онъ говоритъ сестрѣ: „Enfin Je crois avoir trouvé du vin qui n'aura pas été falcifié. Heureuse découverte! Je crains toujours d'empoisonner mon père εn voulant reparer ses forces. On nous fait boire la mort, et personne n'y songe pas". (Acte I, 6). Объ этомъ вопросѣ позаботится впослѣдствіи третье сословіе Парижа: въ его *наказѣ* требуется учрежденіе гигіеническаго совѣта (conseil de santé) для надзора за питаніемъ народа и за торговлей рынковъ и съѣстныхъ лавокъ. *Archives.* V, 297. Тѣже избиратели позаботятся и о поденной заработной платѣ бѣдняковъ, подобныхъ герою мерсье, „Que le salaire des macleureux journaliers soit reglé équitablement sur les besoins de l'humanité, au lieu de l'abandonner aux estimations dédaigneuses arbitraires, de riches que la grande concurrence favorise toujours". *Cahier du tiers—état de la paroisse de Noisiel—sur Marne en Brie. Archies.* IV, 771. Интересы бѣднаго городскаго населенія защищаются даже въ мелочахъ и крайне горячимъ тономъ. Напримѣръ въ одномъ парижскомъ *наказѣ* статья противъ неосторожной ѣзды начинается такой рѣчью: „Puisque dans un siècle que l'on dit le plus eclairé, le plus policé de tous, rien ne peut arrêter le délire des hommes opulents; puisqu'ils se fontun barbare plaisir de voler dans les chars rapides à travers une multitude de piétons"... *Cahier des Réatins.* Chassin. *Les élections* II, 439.

мэномъ». Этому Жасмэну нужно было дождаться полнаго паденія господина и раздѣлить съ нимъ одиночество, чтобы тотъ призналъ его человѣкомъ. «Отъ рожденія равный со мной, такъ какъ въ концѣ-концовъ и онъ человѣкъ, — говоритъ благородный герой, — онъ поддерживаетъ меня среди удручающаго горя и весело дѣлитъ со мной мою злосчастную участь въ то время, когда друзья мои покинули меня». Когда господинъ приходитъ въ отчаяніе, Жасмэнъ указываетъ ему на рабочихъ, достающихъ хлѣбъ тяжелымъ трудомъ рукъ своихъ, и совѣтуетъ по примѣру ихъ самому работать на себя. Расточитель завидуетъ ихъ судьбѣ: они, по крайней мѣрѣ, владѣютъ спокойною совѣстью, душевнымъ миромъ и физическимъ здоровьемъ [150]. Въ драмѣ *Сократъ* великій мудрецъ изображенъ другомъ бѣдныхъ и высказано убѣжденіе: благородная и трудолюбивая бѣдность— естественное состояніе человѣка [151].

И новый писатель, идеализируя природу и простоту, идеализируетъ бѣдняка. Въ его уста онъ влагаетъ высокогуманныя рѣчи; онѣ должны казаться современникамъ тѣмъ трогательнѣе, что произносятся на грубомъ крестьянскомъ жаргонѣ. «Мы бѣдные люди, говоритъ одинъ изъ такихъ ораторовъ,—но у насъ есть честь и чувствительное сердце. Мы никогда не могли равнодушно видѣть чужихъ страданій. Пусть несчастный придетъ къ намъ, — всѣ деньги, какія у насъ есть, мы отдадимъ ему. Если онъ богаче насъ и скажетъ, что у него на сердцѣ горе, мы поможемъ ему совѣтами, и, правду сказать, совѣты наши хороши, потому что ихъ даетъ намъ природа» [152].

---

[150] Acte III, 1.

[151] Acte I, 6.

[152] *L'epreuve d'un moment*, com. en acte par Monvel. Ит. т. 14 іюня 1773, Paris 1773. „J'sommes de pauvres gens; mais j'ons d'honneur et l'coeur sensib'. Je n'ons jamais pu voir souffrir personne. Qu'un malheureux vianne anvars nous, tout q'j'ons d'l'argent, il est à li. S'il est plus riche eq'nous et qu'il gniait que son coeur en souffrance, j'l'aidons d'nos conseils et ventreguenne ils sont tous bons car c'est la nature qui nous les donne"

Эти разсужденія не совсѣмъ подходятъ къ деревенскому жаргону, но герои XVIII вѣка, эти философы безъ собственнаго вѣдома, иначе не могли говорить.

Писатели, идеализировавшіе бѣднаго человѣка, не могли пройти молчаніемъ дикарей, дѣйствительно обездоленныхъ цивилизаціей. Преслѣдуя рабство во всѣхъ формахъ, драматурги неоднократно и во всевозможныхъ произведеніяхъ напоминали французской публикѣ о рабствѣ негровъ. *L'esclavage des négres*, чувствительная драма, удостоилась впервые появиться на сценѣ въ декабрѣ 1789 г., хотя напечатана была гораздо раньше. Комическая опера *La Negresse* разсказывала исторію караблекрушенія: негритянка спасаетъ француза, выучивается французскому языку, обнаруживаетъ высокія нравственныя достоинства и съ разрѣшенія партера выходитъ замужъ за спасеннаго ею француза [153]. Въ комедіи *Le marchand de Smyrne* рабство негровъ упоминается мимоходомъ, но очень эффектно. Каледъ, работорговецъ, выводитъ на продажу, между прочимъ, француза. Французъ упрекаетъ его въ позорномъ промыслѣ. Каледъ нисколько не смущается: «Что онъ хочетъ сказать?» — кричитъ онъ на француза.— «Развѣ вы не торгуете неграми? Ну, а я вами торгую. Развѣ это не одно и тоже? Вся разница только въ бѣломъ и черномъ цвѣтѣ». [154].

Мы уже знаемъ, какую популяросту пріобрѣла эта идея къ эпохѣ *наказовъ*. Избиратели всѣхъ сословій поспѣшили заявить свое возмущеніе вѣковой несправедливостью и потребовали освобожденія негровъ. Мотивы реформъ чисто философскаго характера въ духѣ XVIII вѣка—«священныя права гуманности», «священныя права природы». Эти мотивы, вполнѣ естественные въ *наказахъ* низшихъ сословій, приводятся, какъ мы видѣли, въ *наказахъ* дворянства и даже духовенства. *Естественное право*, очевидно, для всѣхъ сословій кажется наиболѣе твердой основой для свободы людей, чье рабство

---

[153] *Corresp. litt.* XV, 120; déc. 1789.

[154] *Le marchand de Smyrne*, com. en 1 acte, par Chamfort. Sc. II.

искони было освящено европейскимъ государствомъ и католической церковью.

Въ той же самой пьесѣ *Le marchand de Smyrne* покупщикъ рабовъ ведетъ остроумную бесѣду съ законникомъ (l'homme de loi). На вопросъ, въ чемъ заключается ремесло юриста, законникъ отвѣчаетъ: «Я вмѣшиваюсь за деньги въ чужія дѣла, часто выигрываю самыя отчаянныя тяжбы или по крайней мѣрѣ, заставляю ихъ тянуться 10, 15, 20 лѣтъ». Купецъ спрашиваетъ, оказываетъ ли онъ свои услуги безразлично—правымъ и виновнымъ? По словамъ законника, въ этомъ нечего и сомнѣваться: правосудіе существуетъ для всѣхъ. Собесѣдникъ не можетъ понять, какъ такого человѣка терпятъ въ странѣ.

Драма не ограничивалась явленіями. Она съ большою охотой излагала подробности судебнаго ремесла и описывала старый процессъ. Въ одной изъ интереснѣйшихъ пьесъ XVIII вѣка, въ комедіи *Arlequin sauvage* главный герой Арлекинъ встрѣчаетъ въ культурной странѣ, между прочимъ, человѣка, только что проигравшаго процессъ. Между ними происходитъ такой разговоръ. *Прохожій.* Десять лѣтъ тому назадъ я началъ процессъ съ своими должникомъ изъ-за 500 франковъ. Я только что проигралъ его, перебывавъ въ тридцати разныхъ судахъ.

«— *Арлекинъ.* Зачѣмъ же назначать тридцать судовъ для одного только дѣла?

« — По причинѣ инцидентовъ, которые накапливаетъ судебная кляуза.

«— Кляуза? Что это такое?

«— Это искуство, которое изобрѣли для того, чтобы запутывать самыя простыя дѣла и они становятся непонятными послѣ того, какъ адвокатъ или прокуроръ поработаютъ надъ ними мѣсяцевъ шесть.

«— Что же это за люди—прокуроръ и адвокатъ?

«— Это—господа, изучившіе законы и формальности.

«— Формальности? Я не знаю, что это такое.

«— Это форма и порядокъ, которые слѣдуетъ соблюдать въ процессахъ, чтобъ избѣжать внезапныхъ затрудненій.

«— Прекрасно! Значитъ, съ этой формой нечего опасаться внезаностей?

«— Напротивъ. Именно самая эта форма создаетъ ихъ.

«— Почему же?

«— Потому что кляуза въ формальностяхъ черпаетъ всевозможные поводы запутывать дѣла.

«— Но вѣдь судьи назначены затѣмъ, чтобъ оказывать правосудіе, почему же они не препятствуетъ кляузѣ?

«— Они не въ силахъ этого дѣлать, потому что кляуза— пріемъ, основанный на законѣ, и установленная форма процесса допускаетъ ее.

«— Слѣдовательно, этотъ законъ и эта форма такъ же запутаны, какъ вашъ разсудокъ?... Но скажи мнѣ, пожалуйста, судьи у васъ не могутъ уничтожить зла, и вы знаете, что адвокаты и прокуроры запутываютъ ваши дѣла, почему же вы настолько глупы, что позволяете имъ совать свои носы въ ваши дѣла? Клянусь небомъ, еслибъ у меня былъ процессъ и еслибъ эти канальи захотѣли прикоснуться къ нему кончикомъ мизинца, я ихъ уничтожилъ бы.

«— Безъ нихъ невозможно обойтись. Они установлены законами. При посредствѣ этихъ людей дѣла должны представлятся въ судъ, потому что самому истцу не дозволяется вести собственное дѣло.

«— Почему же не дозоляется?

«— Потому что истецъ не изучилъ законовъ и не знаетъ формъ процесса.

«— Какъ? Потому, что я не владѣю искусствомъ запутывать свое дѣло, я не могу его вести?

«— Нѣтъ.

«— Послушай, я могъ бы тебѣ расшибить голову за твое безстыдство. — Арлекинъ, внѣ себя, воображаетъ, что съ нимъ шутятъ. Прохожій отвѣчаетъ:

«— Я вовсе не шучу, я говорю вамъ только правду. Законы мудры, судьи—люди просвѣщенные и честные, но

человѣчетская злоба, всѣмъ злоупотребляющая. пользуется правосудіемъ, чтобы поддерживать неправду. Такъ какъ постоянно нужны деньги, бѣдные не могутъ поддерживать своихъ правъ, разоряются и другіе.

«— Какъ,—вы платите деньги?

«— Безъ сомнѣнія. Ихъ всегда нужно имѣть подъ руками, иначе Ѳемида останется глуха и ничего не выйдетъ.

«— Жители этой страны будто одержимы бѣсомъ, все превращающимъ въ деньги. Они торгуютъ даже правосудіемъ.

«— Правосудіе касается только сущности. Но форма стоитъ очень дорого и форма всегда преобладаетъ у насъ надъ сущностью дѣла. Я разорился на своемъ процессѣ. И я проигрываю теперь, потому что не соблюлъ формы.

«— И ты этимъ недоволенъ?

«— Еще бы!

«— По-настоящему, ты—большой глупецъ. Ты долженъ бы радоваться.

«— Почему?

«— Ты отдѣлался отъ такого сквернаго дѣла, что съ радостью могъ бы проиграть его десять лѣтъ тому назадъ. Еслибъ у меня была такая обуза, я ее скоро забросилъ бы». [155].

Это – наиболѣе обстоятельная характеристика стараго суда, изложенная со сцены итальянскаго театра въ 1721 году. До самой революціи жалобы на правосудіе повторяются безпрестанно. Юристъ откровенно заявляетъ, что бѣдняки не въ силахъ вести процесса, и ихъ можно мучить тяжбой всю жизнь, заставить умереть съ голоду раньше, чѣмъ дѣло подвинется на одинъ шагъ. «Мнѣ эти извороты отлично извѣстны»,—прибавляетъ знатокъ закона чтобы уничтожить послѣднія сомнѣнія у своего кліента [156]. Въ такомъ

---

[155] *Arlequin sauvage*, com. par. D''' (Delisle). Ит. т. 17 іюня 1721 года. Acte III, 2. Съ этой пьесой намъ еще придется встрѣтиться.

[156] *L'Indigent*, Acte IV, 3.

же смыслѣ хвастается всякій богачъ, начинающій процессъ съ бѣднякомъ. [157].

Arlequin sauvage появился на сценѣ въ первой четверти XVIII го вѣка, но до самого конца стараго порядка мотивы сатиры оставались дѣйствительными. Составители *наказовъ* нашли богатѣйшую пищу для своихъ жалобъ въ современномъ положеніи суда. Ихъ въ собенности возмущаетъ обиліе судебныхъ инстанцій, дороговизна процесса и кляузы прокуроровъ и адвокатовъ. Избиратели требуютъ—ограничить число инстанцій двумя, дать право низшимъ судамъ разрѣшать споры о незначительныхъ суммахъ безапелляціонно, освободить процессъ отъ судебныхъ издержекъ. [158]. Противъ адвокатовъ и прокуроровъ, для своихъ выгодъ растягивающихъ процедуру, предлагается нѣсколько рѣшительныхъ мѣръ. Нѣкоторые крестьяне прямо требуютъ устранить юристовъ и дать право сторонамъ самимъ вести процессы. [159]. Другіе избиратели предлагаютъ опредѣлить крайніе сроки процедуры и подвергать штрафу прокуроровъ и адвокатовъ, не соблюдающихъ сроковъ. [160]. Другая мѣра—установить опредѣленную и ограниченную таксу за труды юристовъ Избиратели въ этомъ случаѣ доходятъ до величайшей точности въ опредѣленіи гонорара, имѣя въ виду до какой степени тяжело вести дѣла малосостоятельнымъ жителямъ деревень. [161]. Съ особенной тщательностью всѣ эти вопросы обсуждаются въ парижскихъ избирательныхъ собраніяхъ. Ни одно первичное *cahier*, ни одно частное заявленіе отдѣльнаго избирателя необходится безъ указанія на современный процессъ,—и—что

---

[157] *Le Juge*. Acte II, 5.

[158] *Cahiers du tiers-état de la commune de la ville de Douai. Archives*. III, 186. *Cahier des habitants de la ville de Marchiennes*. III, 192. *Cahier de la communauté de Brillon, baillaige de Douai*. III, 218.

[159] *Cahier du tiers-état du village, corps et communauté de Courtiches*. Archives. III, 198.

[160] *Plaintes du tiers-état de la ville de Remiremont. Archives*. IV, 16.

[161] *Cahier du chapitre de Carrouge*. V, 337. *Cahier de la paroisse de Bouffremont* (въ окрестностяхъ Парижа). IV, 367.

особенно любопытно—именно въ столицѣ чаще всего требуютъ дароваго судопроизводства и уничтоженія продажи судебныхъ должностей [162].

Судъ своею дѣятельностью вполнѣ благопріятствовалъ кляузникамъ и насильникамъ. Въ преступники попадали люди, виноватые только бѣдностью и беззащитностью. Драмы не могли миновать этихъ несчастныхъ жертвъ современнаго правосудія. Мерсье совѣтовалъ писателямъ пользоваться судебною хроникой,—раньше совѣта на сценѣ появились отголоски нѣкоторыхъ вопіющихъ несправедливостей суда. Она изъ драмъ носила противорѣчивое, повидимому, но весьма характерное и совершено ясное для современниковъ заглавіе: *L'honnête criminel*—*Честный преступникъ*. Въ этомъ сопоставленіи выразился общій взглядъ драмы на одинъ изъ жгучихъ вопросовъ современнаго общества. Идеи Беккаріи, быстро вошедшія въ программу французскихъ произведеній второй половины вѣка, немедленно отразились на драматической литературѣ. Драма *L'honnête criminel*, разсказывающая дѣйствительную исторію невиннаго каторжника, написана три года спустя по выходѣ книги миланскаго профессора. Здѣсь развивается такая идея «Это несчастный. Развѣ слѣдуетъ быть безчеловѣчными, потому что онъ преступникъ? Его слѣдуетъ только жалѣть и я хочу ему помочь [163]. Начальникъ галеръ свободенъ отъ жестокихъ предубѣжденій, столь обычныхъ, когда дѣло идетъ объ осужденныхъ. Онъ наблюдаетъ за преступниками внимательнымъ, человѣколюбивымъ взоромъ, привѣтствуетъ каждый проблескъ чувства, готовъ признать глубокій смыслъ въ душевной жизни отверженцевъ общества. «Этотъ человѣкъ невиненъ,—говоритъ онъ,—здѣсь не можетъ быть ошибки. У него возвышенная душа и нѣжное сердце. Его совѣсть чиста, я въ этомъ не сомнѣваюсь: онъ только несчастный». [164].

---

[162] *Cahier du tiers-état*. Chassin. *Les cahiers* IV, 442. *Les assemblées primaires*. II, 444, 450, 457.

[163] *L'honnête criminel*. Acte III, 6.

[164] Acte IV, 6.

Другой авторъ «благородствомъ, гуманностью считаетъ чувство состраданія къ людямъ слабымъ, виновнымъ и вообще къ человѣческому роду» [165]. У новыхъ писателей своя система отношеній къ человѣку, совершившему дурное дѣло. Юноша увлекся страстью, растратилъ чужія деньги, и его дядя, потерпѣвшій, высказываетъ такой взглядъ на преступника: «Потерять 2,000 экю — ничего не значитъ, но потерять чувствительное, отъ природы благородное сердце—вотъ эту великую утрату слѣдуетъ предотвратить. Наблюдайте за нимъ, но давайте понять, что вы полагаетесь на его поведеніе, на него самого, выказывайте къ нему уваженіе,—это хорошее средство спасать благородныя сердца отъ ожесточенія. Если онъ раскается, онъ сохранитъ прежнія права на мою любовь... Каждую вину слѣдуетъ цѣнить сообразно съ возрастомъ, характеромъ. Лучше просвѣтить виновнаго, чѣмъ наказать. Не строгость достигаетъ цѣли, а снисходительность» [166]. На этихъ идеяхъ воспитываются новые судьи и новое общество. Въ одной драмѣ приходится рѣшить вопросъ о молодомъ преступникѣ, обвиняющемъ себя въ убійствѣ. Всѣ поражены фактомъ, но не поддатся первому впечатлѣнію. «Не достойнѣе ли, спасти виновнаго, чѣмъ осудить невиннаго?... «Несчастный можетъ быть, заслуживаетъ только сожалѣнія. На приступленіе часто толкаетъ нужда» [167].

---

[165] *Hirza*, tragédie par Sauvigny. *Com. Fr.* 27 май 1767. Paris 1768 „Qu'est ce que la générosité, la clémence, l'humanite, sinon la pitié appliquée aux faibles, aux coupables ou à l'espèce humaine en général?“ Авторъ цитируетъ слова Беккаріи. Предисл. p. III.

[166] *Jenneval ou le Barnewelt français*, drame en 5 actes, par Mercier. Paris 1769. Acte I, 3; III, 2: „Il vaut mieux éclairer le coupable que de le punir... Ce n'est pas la severité qui réussit c'est l'indulgence“.

[167] *Joachim ou le triomphe de la piété filiale*, drame Amst. 1773. Авт. Blin de Sainmoré Acie I, 5.

Ne vaudrait—il pas mieux quand le doute est pressant
Sauver un criminel que perdre un innocent?

Acte II, 8: Hélàs! ce malheureux n'est peut-être qu'à plaindre:
Au crime quelquefois le besoin peut contraindre.

Эти люди заранѣе уяѣждены въ нравственныхъ основахъ человѣческой природы. *Добро* — естественно, а *зло* — только случайное уклоненіе отъ общаго закона. Непоколебимая вѣра въ человѣческую природу руководитъ новыми философами. Эта природа поражаетъ самые затвердѣлые сердца и неотразимые укоры совѣсти подчиняютъ ихъ своему голосу» [168]. Вождь энциклопедистовъ въ слѣдующихъ прекрасныхъ словахъ высказалъ глубокое убѣжденіе всѣхъ просвѣтителей: «Когда я вижу преступника, совершающаго героическій подвигъ, я остаюсь при убѣжденіи, что люди добра болѣе реальные добрые люды, чѣмъ злые на самомъ дѣлѣ злы. Добро неразрывнѣе связано съ нашею природой, чѣмъ зло, и вообще въ душѣ злого остается больше доброты, чѣмъ зла въ душѣ добрыхъ» [169]. Одинъ этотъ принципъ былъ достаточно могущественъ и объемлющъ, чтобы зажечь энергическую борьбу новой мысли со старою жизнью.

Въ концѣ вѣка гуманныя идеи просвѣтителей должны были перейдти къ практическому осуществленію—и въ той области, гдѣ господствовали сильнѣйшіе предразсудки, взгляды, основанные на всевозможныхъ соображеніяхъ — психологіи, нравственности, религіи, общественнаго блага. Писателямъ удалось и сюда бросить лучъ разума. Составители *наказовъ* смотрятъ на преступниковъ, какъ на несчастныхъ и заботятся—облегчить ихъ участь. Вопросъ о тюрьмахъ—одинъ изъ самыхъ популярныхъ среди всѣхъ сословій и рѣшается онъ въ одномъ направленіи: устройство тюремъ должно быть

---

[168] *Jean Hennyer*, *evâque de Lisieuz,* drame ens trois acte. Acte III, 8. „La nature frappe les coeurs les plus 'endurcis et le remord inévitable les tronsforme à ses voix“. На Женевскомъ изданіи этой пьесы—1772 года стоитъ имя Вольтера, на Лондонскомъ—1775 года—имя Мерсье, Гриммъ не знаетъ автора (*Corresp. litt.* X, 88). Авторъ Mercier и пьеса приписана Вольтеру, какъ вообще приписывалось ему множество произведеній, направленныхъ противъ фанатизма. Въ *Библіографіи*—Жоржа Бенжеско—*Jean Hennyer* совершенно справедливо отнесенъ къ апокрифическимъ сочиненіямъ Вольтера. IV, 386.

[169] *Oeuvres complètes*. Paris 1824, IV, 174.

улучшено, чистота воздуха и качество пищи стоятъ на первомъ планѣ. Избиратели напоминаютъ, что заключенные утрачиваютъ «первое изъ всѣхъ благъ», т. е. свободу: заключеніе, поэтому, должно быть возможно гуманнѣе, тюрьмы отнюдь не должны *усиливать* наказаніе, пишетъ третье сословіи Парижа [170]. Крестьяне изъ окрестностей столицы предлагаютъ устроить при тюрьмахъ мастерскіе въ надеждѣ — дать примѣненіе талантамъ и дѣятельности заключенныхъ и тѣмъ «усладить ихъ неволю [171].

Мы видимъ въ какой неразрывной связи стоитъ художественная литература XVIII вѣка съ политическимъ настроеніемъ общества, создавшаго великій переворотъ. Каждая драма является своего рода прологомъ къ статьѣ оффиціальнаго документа, каждое сценическое лицо воплощаетъ современнаго дѣятеля въ той или другой области общественной жизни. Для тѣхъ, кто пристально слѣдилъ за явленіями драматической сцены и отдавалъ вѣрный отчетъ въ ихъ смыслѣ и значеніи,—«принципы восемьдесятъ девятаго года» должны были казаться не болѣе, какъ логическимъ вполнѣ естественнымъ результатомъ идей и впечатлѣній, назрѣвавшихъ въ теченіе полувѣка. Наконецъ, по исключительной, по совершенно цѣлесообразной случайности, за пять лѣтъ до революціи, драма по собственной инціативѣ подвела итоги своей просвѣтительной дѣятельности, представила въ нѣсколькихъ сценахъ обозрѣніе истинъ, уже давно посѣянныхъ въ умахъ публики, свела въ одно цѣлое множество мыслей и образовъ, разбросанныхъ раньше въ произведеніяхъ разныхъ авторовъ. Это обозрѣніе — трилогія Бомарше и преимущественно ея вторая часть,— *Свадьба Фигаро*.

---

[170] *Archives* V, 289. То же самое *Pouvoir du député de l'ordre de la noblesse de sénéchaussée, ville et gouvernement de la Rochelle*. III, 488. Въ *Cahier* третьяго сословія парижскаго прихода des Théatins говорится: „On fera construire à Paris une ou plusieurs prisons, spacieuses, éclairées, salubres, autant que peuvent l'être des lieux où l'on perd le premier des biens“. *Archives* IV, 317. *Chassin. Les cahiers*. II, 43.

[171] *Archives*. IV, 364.

VII.

О комедіи Бомарше принято говорить, какъ о явленіи безусловно-оригинальномъ, исключительномъ во всѣхъ отношеніяхъ. Представленіе *Свадьбы Фигаро* оказалась «событіемъ безъ прецедентовъ», и авторъ сразу произвелъ революцію— по собственному замыслу и собственными силами, не имѣя за собой ни учителей, ни предшественниковъ [172]. Эти мнѣнія не соотвѣтствуютъ дѣйствительности и созданы подъ вліяніемъ необыкновеннаго успѣха, выпавшаго на долю комическихъ произведеній Бомарше и ихъ несомнѣнно высокихъ литературныхъ достоинствъ. Что касается общественнаго содержанія комедій,—здѣсь не было ни одного слова которое бы могло произвести на современныхъ зрителей впечатлѣніе новости, неслыханнно смѣлой идеи. Этого мало. Даже въ художественномъ вопросѣ зрители стояли отнюдь не ниже самого автора.

Бомарше самъ разсказалъ о первомъ представленіи *Севильскаго цирюльника*. Оно вышло крайне неудачнымъ: пьеса провалилась и до такой степени безнадежно, что всѣ прежніе сторонники ея отвернулись отъ автора. Партеръ поднялъ настоящую бурю и едва дослушалъ комедію до конца. Можетъ быть, Бомарше отчасти преувеличилъ картину «кораблекрушенія»,—но во всякомъ случаѣ онъ не рѣшился представить пьесу публикѣ во второй разъ въ прежнемъ видѣ, выбросилъ цѣлый актъ,—и пьеса только въ исправленной редакціи имѣла успѣхъ [173]. *Свадьба Фигаро*, при всѣхъ

---

[172] Напримѣръ, Lenient—сцены даже *Севильскаго Цирюльника* считаетъ для парижской публики „сюрпризомъ". *La com. en France* II, 265. Muret—свое сочиненіе *L'Histoire par le théâtre*" начинаетъ разсказомъ о представленіи *Свадьбы Фигаро*: „Le mardi 27 avril 1784, apparut cette oeuvre bizarre, hardie, sans aucun precédent"...

[173] *Lettre modérée sur la chute et la critique du Barbier de Séville. Oeuvres compl.* Paris 1828, I, 263, 277.

достоинствахъ и зрѣлой опытности автора, въ первый разъ была принята публикой далеко не безъ протестовъ. Мы приводили разсказъ современника, наблюдавшаго, съ какой точностью и тактомъ партеръ отмѣтилъ нѣкоторыя мѣста комедіи, лишнія или неудачно написанныя. Авторъ и на этотъ разъ принужденъ былъ послѣдовать указаніямъ публики и исправить пьесу согласно впечатлѣніямъ партера [174]. Ясно, слѣдовательно, Бомарше отнюдь не пришлось господствовать надъ литературнымъ вкусомъ парижанъ, — напротивъ въ лицѣ ихъ онъ нашелъ самыхъ проницательныхъ и справедливыхъ критиковъ. Успѣхъ комедій созданъ именно готовностью автора — подчиняться указаніемъ публики, его умѣніемъ — приспособить свои произведенія къ современнымъ литературнымъ запросамъ. Въ еще большей зависимости отъ общественнаго построенія находились *идеи* Бомарше. Его великой заслугой было заключить ходячія, всѣми признанныя истины въ превосходную, необыкновенно меткую остроумную драматическую форму. Множество писателей раньше Бомарше подвергали критикѣ различныя стороны современой дѣйствительности. написали не мало сценъ и монологовъ — сатирическаго содержанія,—но никому не удавалось однимъ взмахомъ кисти отмѣтить то или другое явленіе съ такой яркостію, что каждая фраза немедленно превращалась въ пословицу. Бомарше сдѣлалъ своего рода экстрактъ изъ всего, что писалось и говорилось въ теченіи второй половины XVIII-го вѣка, схватилъ сущность современныхъ толковъ, предложилъ публикѣ ея же собственное достояніе, но въ такой геніальной формулировкѣ, что другимъ писателямъ оставалось изумляться его ловкости и смѣтливости. Достаточно нѣсколькихъ примѣровъ. чтобъ понять, какое громадное значеніе имѣла именно *формулировка* всѣмъ извѣстныхъ положеній, до какой степени облегчался путь реформаторскихъ идей, разъ онѣ облекались въ привлекательнѣйшій для фран-

[174] Muret. *O. c.* I, 7.

цузовъ нарядъ — остроты, каламбура, иногда простой игры словъ.

Сколько разъ публика слышала насмѣшки слугъ надъ господами, начиная съ Мольера! Реньяръ потратилъ не мало таланта на монологи лакеевъ, глубоко презирающихъ господъ за разныя плутни и распутство. Мы приводили примѣры: это—искусно составленныя рѣчи, злыя и внушительныя. Но для Фигаро вмѣсто всѣхъ разсужденій достаточно нѣсколькихъ словъ. — «При добродѣтеляхъ, какія требуются отъ слуги, ваша свѣтлость много ли знаетъ господъ, достойныхъ быть слугами?»—Спрашиваетъ Фигаро у графа и тому нечѣмъ возразить, кромѣ кислой улыбки. Еще чаще драматурги нападали на придворныхъ: мы знаемъ, сколько стрѣлъ бросилъ въ этомъ направленіи одинъ Вольтеръ. Подробно были описаны нравственныя извращенія, царствующія при дворѣ, эгоизмъ и эксплуататорскія наклонности вельможъ. Бомарше и здѣсь достаточно нѣсколькихъ словъ,— но за то эти слова горятъ клеймомъ на жертвахъ сатирика. «Получать, брать и просить»—и только, по мнѣнію Фигаро, въ этихъ трехъ словахъ все ремесло придворныхъ. На счетъ дѣятельности вельможъ въ кругу людей непривелигированныхъ и слѣдовательно, по старому порядку, беззащитныхъ, еще Мольеровскій Сганарель выразился: «большой баринъ и при томъ злой человѣкъ — нѣчто ужасное» [175]. Фигаро въ сущности пользуется мыслью Сганареля, но умѣетъ придать ей несравненно больше яркости и осязательности: «знаете ваша свѣтлость, вельможа много ужъ добра оказываетъ намъ въ такомъ случаѣ, если не дѣлаетъ зла». Еще эффектнѣе игра словъ, часто неуловимая, неожиданная, но замѣняющая цѣлый рядъ логическихъ доводовъ: *L' usage est souvent un abus*, бросаетъ Фигаро юристу—крючкотвору разчитывающему *формой* погубить самое *дѣло*—и мы чувствуемъ,—

[175] *Don Juan*. Acte I, 1.

отвѣтъ Фигаро, немедленно запомнятъ всѣ зрители и на слѣдующій же день онъ превратится въ поговорку. И такъ во всѣхъ вопросахъ, какихъ только касается Фигаро, а онъ не упускаетъ изъ виду ни одного, сколько нибудь интересующаго его современниковъ.

Фигаро настоящее олицетвореніе общественной оппозиціи въ послѣдніе годы стараго порядка. Впервые въ одномъ лицѣ собраны мотивы протеста, раньше одушевлявшіе людей различныхъ классовъ низшаго сословія—слугъ, крестьянъ, буржуа. Такой широкій размѣръ критики Фигаро создается непосредственно его крайне пестрой и разнообразной практической дѣятельностью. Авторъ умышленно—на пространствѣ трехъ пьесъ—ставитъ своего героя въ положенія, какія только возможны для энергическаго, талантливаго простолюдина. Авторъ намѣренъ представить «оживленную борьбу между злоупотребленіемъ властью, забвеніемъ всякихъ принциповъ мотовствомъ исключительнымъ благопріятнымъ случаемъ и всѣмъ обаяніемъ соблазна—съ одной стороны,—и огнемъ, умомъ, всѣми средствами, какія можетъ придумать для самообороны задѣтый за живое человѣкъ низшаго сословія,—съ другой»[176]. При такой программѣ можно захватить какую угодно область современной дѣйствительности. На сторонѣ привилегированнаго всѣ силы современнаго строя, всѣ онѣ могутъ быть приведены въ движеніе, — и Фигаро придется считаться со всевозможными злоупотребленіями и предразсудками. Отъ таланта автора зависитъ борьбу одушевить живой страстью цѣльной драматической личности, представить сложную исторію не въ видѣ мертваго случайно набраннаго матеріала, а—вполнѣ естественной, логичесни развивающейся біографіи одного героя. Бомарше блистательно выполняетъ эту задачу и здѣсь онъ поднимается на недосягаемую высоту надъ всѣми своими предшественниками, не исключая Вольтера и Седэна.

---

[176] *Préface* къ *Свадьбѣ Фигаро. O. compl.* II, 16.

Протестующіе и свободомыслящіе герои предшественниковъ Бомарше большею частью довольно блѣдныя фигуры въ драматическомъ отношеніи, и иногда просто отвлеченныя формулы—для выраженія авторскихъ взглядовъ и впечатлѣній. Бомарше удалось создать фигуру, почти исключительную во всей французской комедіи—по своей жизненной типичности, по неотразимой реальной правдѣ. Фигаро быстро превратился въ народнаго героя,— будто всегда жилъ въ чувствѣ и сознаніи французовъ, и поэтъ только извлекъ его и далъ ему имя. Бомарше не трудно было сдѣлать это: онъ въ плоть Фигаро облекъ свою собственную душу, сообщилъ ему не только свои идеи, но даже множество чертъ своей личной жизни. Это должно было еще выше поднять интересъ драматическаго лица и еще рѣзче подчеркнуть его современный животрепещущій смыслъ.

Бомарше сдѣлалъ все, чтобы завоевать сочувствіе публики. Первыя двѣ части трилогіи называются комедіями. Въ *Скромномъ письмѣ* авторъ съ добродушной ироніей вспоминаетъ о своихъ «двухъ печальныхъ драмахъ—произнеденіяхъ, какъ извѣстно, чудовищныхъ». Драмы не имѣли успѣха, но авторъ отнюдь не разочаровался въ самомъ жанрѣ. Онъ и теперь, написавши *Севильскаго цирюльника*, издѣвается надъ сторонниками старой эстетики: драма по прежнему близка его сердцу и онъ доказываетъ это въ своихъ же комедіяхъ. Добиваясь постановки *Свадьбы Фигаро* на сценѣ, Бомарше усиливается придать пьесѣ возможно болѣе легкомысленный характеръ. Это, по его словамъ, «un ouvrage frivole, la plus folle rêverie de bonnet de nuit». Онъ даже выдумываетъ второе заглавіе—*La folle journée*, долженствующее смягчить менѣе всего «забавный» смыслъ комедіи. Герой ея повидимому, обладаетъ неисчерпаемой веселостью, способенъ острить и смѣшить другихъ при самыхъ крутыхъ обстоятельствахъ. Но это совсѣмъ особенная веселость и не то остроуміе, какимъ слуги комедіи обыкновенно потѣшали своихъ господъ. Изъ-за улыбки Фигаро свѣтится серьезный и по

временамъ истинно-драматическій взглядъ. Веселость Фигаро — «веселая философія», созданная у него «привычкой къ горю». Фигаро подъ часъ спѣшитъ смѣяться, чтобы не заплакать. Слезы ему свойственны не меньше, чѣмъ смѣхъ, но Фигаро подавляетъ ихъ, какъ нѣчто совершенно неумѣстное въ той средѣ, гдѣ ему приходится вести борьбу за свою жизнь. Онъ понимаетъ, что показывать свое горе, свои задушевныя чувства—въ роли лакея и притомъ такому господину, какъ графъ Альмавива,— значитъ унижать свое горе, позорить свои чувства и свою личность ставить въ еще болѣе жалкое положеніе, чѣмъ она уже поставлена общественными отношеніями. Это одна причина, почему Фигаро смѣхъ предпочитаетъ слезамъ. Другая — основана на народной пословицѣ: «слезами горю не поможешь». Фигаро буквально слѣдуетъ этой истинѣ. Сусанна и графиня упрекаютъ его,— зачѣмъ онъ не горюетъ вмѣстѣ съ ними, когда вопросъ объ его женитьбѣ принимаетъ дурной оборотъ. Фигаро отвѣчаетъ: «По мнѣ лучше серьезно приняться за него.... И такъ будемъ дѣйствовать»...

Фигаро одаренъ непоколебимой энергіей. Его задача — стоять вездѣ и во всемъ «выше обстоятельствъ», «стойко выносить удары судьбы, подтрунивая надъ своею бѣдностью». По его мнѣнію,— «люди, которые ничего не умѣютъ сдѣлать изъ ничего, никогда ничего не добьются да и не стóютъ ничего». Его энергія и самоувѣренность дѣйствуютъ заразительно даже на другихъ: «Онъ такъ въ себѣ увѣренъ, что я начинаю вѣрить ему», говоритъ графиня. Очевидно, такому человѣку не до слезъ, хотя отъ природы у него чувствительное сердце. Въ первый и единственный разъ въ теченіе комедіи Фигаро плачетъ, когда нашлась его мать и бракъ съ Сусанной—дѣло рѣшенное. Онъ самъ называетъ эти слезы «первыми въ своей жизни», но и теперь ему будто стыдно ихъ: чувствительная роль такъ для него необычна! И она немедленно смѣняется энергическимъ настроеніемъ: «Никакое горе мнѣ теперь не страшно!»—восклицаетъ Фигаро сквозь слезы.

Итакъ, — драма идетъ рядомъ съ комедіей въ первыхъ двухъ частяхъ трилогіи. Фигаро—по натурѣ истинный сынъ своей эпохи,—*чувствительный* и искренній, или, по терминологіи XVIII-го вѣка, — *естественный*, — но, по обстоятельствамъ и общественному положенію, онъ считаетъ болѣе цѣлесообразнымъ—смѣяться и шутить, чѣмъ плакать и жаловаться. Драма переплетается съ комедіей еще и по другой причинѣ: Фигаро—*философъ* въ смыслѣ того же XVIII вѣка, слѣдовательно,—безпощадный критикъ всевозможныхъ нравственныхъ извращеній и общественныхъ неправдъ. Подобная критика неразрывна съ гнѣвомъ и страстью,—и мы знаемъ много примѣровъ въ этомъ смыслѣ. Но гнѣвъ Фигаро облекается въ такую же личину, какъ и его горе; это—*забавный гнѣвъ* — *la joyeuse colère*. Стрѣлы Фигаро окрылены блестящимъ чисто-французскимъ остроуміемъ, — но отъ этого онѣ не становятся менѣе острыми и мѣткими. Напротивъ,—*смѣшное* для француза еще болѣе страшное оружіе, чѣмъ *патетическое*. Вольтера привели въ восторгъ именно пріемы Бомарше въ борьбѣ, разсчитанные на всѣхъ *rieurs*. А ихъ, конечно, было не мало среди публики, возведшей самого Вольтера на высшую ступень литературной славы.

Слѣдовательно, —Бомарше подвелъ итоги не только современнымъ идеямъ, но и современнымъ художественнымъ вкусамъ и исконнымъ симпатіямъ своихъ соотечественниковъ, сумѣлъ совмѣстить комедію и драму, выполнить во всемъ объемѣ двѣ, повидимому, непримиримыя программы просвѣтительнаго искусства: *riez et instruisez*—Вольтера и *persuader par le sentiment* — всѣхъ чувствительныхъ авторовъ. Кто бы осмѣлился слить такія два понятія, какъ *игривое* и *поучительное*? Это дѣлаетъ Бомарше, онъ не боится наименованія — *la moralité badine* — для выраженія смысла своей пьесы [177].

---

[177] *Préface* p. 16.

Соединеніе двухъ силъ—паѳоса и смѣха—въ высшей степени выгодно для автора. Онъ одновременно можетъ разить — все *жестокое* и *безобразное*, *пороки* и *странности*, злоупотребленія общаго характера и эгоистическія претензіи отдѣльныхъ личностей. Фигаро вездѣ окажется на своемъ мѣстѣ.

Онъ — по профессіи лакей — наканунѣ свадьбы. Мы знаемъ, какъ эти событія изображались обыкновенно въ комедіяхъ даже новаго направленія. Примѣръ—любовь и бракъ Фронтэна и Лизетты въ комедіи Лесажа. У Фронтэна много общаго съ Фигаро, — онъ также дѣлаетъ свою карьеру окольными путями, которыя Фигаро признаетъ единственно возможными для людей своего круга при современныхъ условіяхъ, также пользуется глупостью и оплошностью господъ въ личныхъ интересахъ. Но Фронтэнъ—только комическое лицо,—и его бракъ съ Лизеттой—просто новая компанія для дальнѣйшихъ продѣлокъ въ томъ же направленіи. Не то свадьба Фигаро и Сусанны. Фигаро — острословъ и забавникъ — не шутитъ съ чувствомъ и сердцемъ, онъ любитъ ради дѣйствительнаго семейнаго счастья, онъ поэтому дорожитъ вѣрностью своей жены, ея *личными* нравственными качествами, вопросъ о бракѣ—для него въ полномъ смыслѣ драматическій вопросъ, онъ изъ-за него даже выходитъ изъ своей обычной роли—проливаетъ слезы, не можетъ сладить «съ своей натурой», впадаетъ прямо въ отчаяніе и готовъ надѣлать глупостей [178]. Все это черты, исключительныя для лакея комедіи,—и авторъ пользуется ими для защиты одного изъ жгучихъ современныхъ вопросовъ — *семьи*. Фигаро съ презрѣніемъ относится къ современной модной женщинѣ. Для него Сусанна тѣмъ и дорога, что она «исключеніе изъ общаго правила», обѣщаетъ «любить только одного своего мужа». Сусанна не любитъ пускаться въ критику, но и она

---

[178] *La folle Journée*. IV, 15.

въ своей области совершенно единомышленна съ Фигаро: она знаетъ, съ какой непринужденностью лгутъ свѣтскія дамы и уличаетъ въ этомъ искусствѣ свою же госпожу. Очевидно, — предъ нами мужъ и жена въ новомъ смыслѣ слова,—это *почтенные люди*, не смотря на свою профессію, и семья ихъ будетъ построена на новыхъ идеальныхъ принципахъ.

Именно такой возвышенный взглядъ Фигаро на первую основу нравственнаго порядка—на семью—сообщаетъ знаменитому монологу пятаго акта громадную *общественную* силу и патетическая рѣчь является вполнѣ умѣстной и разумной въ устахъ этого лакея. Мы чувствуемъ трепетъ живой человѣческой души, изнывающей въ тоскѣ по истинно-человѣческому благу. Фигаро поднимается на высоту настоящаго драматическаго героя и его рѣчи дышатъ гражданскимъ мужествомъ трибуна именно потому, что въ нихъ вложенъ благороднѣйшій мотивъ сердца, какой только могъ одушевить безправную жертву стараго общества. Безъ этого мотива длиннѣйшій монологъ Фигаро былъ бы утомительнымъ риторическимъ изліяніемъ, повторилъ бы для парижскаго партера уже избитыя истины, — и, конечно, не произвелъ бы и малой доли того впечатлѣнія, какое имъ было вызвано. Цензура, разрѣшая рѣчь Фигаро, была права съ своей точки зрѣнія: она увидѣла только ходячія фразы, и проглядѣла живой духъ, проникающій ихъ: для этого требовалось художественное и психологическое чутье. А между тѣмъ, — Бомарше, оказалось, не даромъ написалъ когда-то «двѣ печальныхъ пьесы»: драматургъ новаго направленія принесъ нооцѣненную услугу автору комедіи, вложилъ плоть и кровь героя въ комическое лицо и старымъ истинамъ сообщилъ непреодолимую силу личнаго чувства.

«Забавный гнѣвъ» Фигаро не щадитъ аристократовъ, какъ мужей, какъ членовъ общества. Мы видѣли съ точки зрѣнія драматическихъ просвѣтителей—эти вопросы стояли въ неразрывной связи. И Фигаро—повсюду—подводитъ тѣ же итоги: относительно феодальныхъ правъ, стараго суда,

воззрѣній привилегированныхъ господъ на низшія сословія. Все—истины, давно знакомыя публикѣ, но впервые приведенныя въ такой стройный порядокъ и такъ естественно связанныя съ содержаніемъ пьесы и личной жизнью дѣйствующихъ лицъ.

Всѣ эти лица одной породы съ Фигаро,— на столько же принадлежатъ комедіи, на сколько и драмѣ. Мы говоримъ, конечно, о лицахъ *протестующихъ*. Марселина, попадающая въ самое комическое положеніе, умѣетъ высказать нѣсколько вполнѣ серьезныхъ истинъ. Онѣ также не новы. Марселина говоритъ о соблазнителяхъ, ихъ жертвахъ, падающихъ въ годы иллюзій, неопытности и нужды и потомъ всю жизнь искупающихъ свой грѣхъ. Все это — мы слышали — прекрасно было объяснено въ другихъ драмахъ. Марселина не забываетъ укорить мужчинъ за ограниченіе женскаго труда, за рабское положеніе женщины—при всемъ видимомъ почтеніи къ ней со стороны мужчинъ. Марселина заканчиваетъ—картиной идеальной семьи. Это—буквальное повтореніе мотивовъ, не сходившихъ со сцены уже около полувѣка. Но оригинальность опять заключается—въ сліяніи трогательнаго съ комическимъ въ одномъ и томъ же лицѣ. Авторъ будто говорилъ публикѣ: смотрите, какъ бы смѣшонъ ни былъ человѣкъ, въ какое бы жалкое положеніе ни ставила его судьба,— въ его природѣ всегда таится источникъ истинной человѣчности, благородства и нравственной красоты. И эту истину авторъ доказывалъ не отвлеченными положеніями, а художественными образами. Философія XVIII вѣка нашла, наконецъ, въ лицѣ Бомарше первостепенный драматическій талантъ. Идеи протеста и реформы, одушевленныя творческимъ геніемъ, могли показаться даже чѣмъ-то новымъ, неслыханно-смѣлымъ очарованной публикѣ,— и представленія *Свадьбы Фигаро* создали, по словамъ современниковъ, революцію на сценѣ [179].

---

[179] До конца 1784 года *Свадьба Фигаро* была сыграна 67 разъ т.-е. шла почти по три раза въ недѣлю. Мы не пересказываемъ сообщеній источ-

Третью часть трилогіи — *J'autre Tertuffe ou la Mere coupable*—самъ авторъ считалъ слабѣйшей, по крайней мѣрѣ онъ настойчиво просилъ критику о снисхожденіи, ссылался на свою старость. Но авторъ недостатки пьесы видѣлъ не тамъ, гдѣ они дѣйствительно существуютъ. Не въ томъ дѣло, что Фигаро пересталъ быть весельчакомъ—за что Бомарше готовы укорять даже новѣйшіе критики, а въ томъ, что онъ пересталъ *протестовать* и *критиковать*, перешелъ въ разрядъ удовлетворенныхъ. Онъ, правда, негодуетъ на лицемѣріе Бежарсса, — но это негодованіе частное, личное. Протестъ Фигаро утратилъ общественный характеръ. Фигаро теперь вѣрный старый слуга и энергичный оберегатель господскаго счастья. Это — *почтенный лакей*, но ничтожный и ограниченный *человѣкъ*. Весь смыслъ натуры Фигаро заключался въ борьбѣ ума и таланта съ привилегіями и матерьяльной силой. Такъ объяснилъ цѣль комедіи самъ авторъ. Но Фигаро, очевидно, прекратилъ всякую борьбу, ставъ мужемъ Сусанны. Онъ остался слугой у графа и вполнѣ примирился съ той самой системой общественныхъ отношеній, какую онъ такъ остроумно и горячо развѣнчивалъ въ день своей свадьбы. Правда, — онъ выказываетъ безкорыстіе, отвергаетъ деньги, предлагаемыя графомъ за услугу,— но этотъ поступокъ не возвышается надъ уровнемъ добродѣтелей «старыхъ слугъ». Зритель въ правѣ спросить,—въ чемъ же состояли идеалы Фигаро, когда онъ громилъ людей «дающихъ себѣ единственный трудъ—родиться?» Отвѣтъ—жить и умереть у добраго господина, графа Альмавивы, излѣчившагося съ годами отъ легкомыслія молодости.

Такой отвѣтъ менѣе всего могъ удовлетворить публику, привѣтствовавшую Фигаро комедій. И — естественно — драма была принята равнодушно—тѣмъ болѣе, что она по-

---

никовъ о первомъ представленіи пьесы, опускаемъ и исторію *Свадьбы Фигаро* до появленія на сценѣ: все это подробно повторяется во всѣхъ сочиненіяхъ, посвященныхъ французской литературѣ XVIII-го вѣка.

явилась уже предъ дѣятелями революціи, въ 1792 году. Но независимо даже отъ эпохи, — драма обличала ограниченность общественныхъ воззрѣній автора. Она доказала, что Бомарше былъ несравненно болѣе художникомъ-писателемъ, чѣмъ политикомъ-философомъ. Онъ, въ самомъ дѣлѣ, могъ искренне удивляться, когда его обвиняли въ «ниспроверженіи государственныхъ основъ» по новоду его комедій [180]. Онъ и самъ не сознавалъ ясно—всего *общественнаго* значенія своихъ произведеній, пока революція не открыла ему глаза. Въ 1779 году Бомарше заявлялъ о своихъ трудахъ на пользу революціи, разумѣя, конечно, своего Фигаро, — дѣйствительно ставшаго революціонной фигурой [181]. Но это заявленіе не помѣшало ему—впасть въ грубую ошибку—идеализировать Фигаро на третьей ступени его развитія. Мы видѣли,—съ какимъ презрѣніемъ говорили о «ливреѣ» составители *наказовъ*, тоже самое до революціи непрестанно слышалось со сцены. Никакой почтенный слуга большого барина не могъ — въ нравственномъ и общественномъ отношеніи сравниться съ простымъ, но независимымъ земледѣльцемъ. На этотъ счетъ просвѣтительная литература и городскіе и деревенскіе избиратели единодушны. Общимъ идеаломъ являлась личная свобода и чувство личнаго достоинства. Фигаро, даже обращаясь къ графу «съ большой чувствительнознтью» [182], не удовлетворялъ этому идеалу, пока графъ оставался сеньеромъ и на одной сторонѣ были привилегіи, а на другой добродѣтели лакея.

Можетъ быть, оппозиція господскаго слуги въ сущности и не могла идти дальше личныхъ интересовъ и немедленно замирала, лишь только исчезалъ частный поводъ — сопротивляться и протестовать. Но Фигаро—по рожденію свободный

---

[180] *Préface* къ *Свабьб Фигаро*. p. 13.

[181] *Corresp. litt.* XV, 75. Годъ спустя въ предисловіи къ *Tarare* Бомарше писалъ: „O citoyens, souvenez vous du temps où vos penseurs inquiétés, forcés de voiler leurs idèes, s'enveloppaient d'allégories et labouraient péniblement le champ de la Rèvolution“.

[182] *La Mère coupable*. IV, 18.

человѣкъ, не феодальный рабъ, въ родѣ юрскаго горца. Поставить его въ положеніе вассальной зависимости—было волей автора. Этимъ самымъ авторъ подорвалъ принципіальную общественную силу своего героя, сузилъ путь его развитія и, вложивъ сначала въ его уста истинно-просвѣтительныя идеи, въ результатѣ сдѣлалъ его человѣкомъ чужимъ и постороннимъ для будущихъ преобразованій. Очевидно,—новый порядокъ должна была создать не свободомыслящая ливрея, какъ бы далеко ни простиралась подчасъ ея критика, а *народъ* строго отграничивавшій себя—одинаково и отъ господъ и отъ ихъ слугъ.

Реформа религіи и церкви.

I.

Философія XVIII вѣка касалась самыхъ разнообразныхъ вопросовъ, но философская борьба въ собственномъ смыслѣ слова происходила на почвѣ религіи и церкви. Этою борьбой открылось движеніе новой мысли, ей по преимуществу посвящена дѣятельность вождя просвѣтителей, она колебала священнѣйшія основы стараго порядка и создала философамъ сильнѣйшія препятствія. Вольтеръ главной цѣлью своей жизни и своихъ соратниковъ считаетъ—*ecraser l'infâme* [1]. Эти слова—его боевой кличъ. Ими онъ постоянно заканчиваетъ свои письма къ друзьямъ, подписываетъ *Ecrlinf*, какъ условный знакъ философской секты. Непосвященные полагаютъ, — это фамилія автора писемъ [2]. Но друзья знаютъ, что значатъ эти таинственные знаки. Называя уничтоженіе *l'infâme* величайшей услугой, какую только можно оказать роду человѣческому, Вольтеръ объясняетъ его смыслъ: «Вы отлично знаете, что я говорю только о суевѣріи. Что касается религіи,—я люблю и почитаю ее такъ же какъ и вы» [3]. Эти

---

[1] „Tâchez toujour d'écraser *l'inf*...; votre principale occupation dans cette vie doit être de combattre ce monstre". Письмо къ Даламберу отъ 30 янв. 1764 года. *Lettres.* I, 279.

[2] „Ce M. Ecrlinf n'écrif par mal".—говорили почтовые чиновники, вскрывавшіе переписку энциклопедистовъ. Voltaire. *O. com.* (Beuchot), t. LXIV, 545.

[3] *Lettres.* I, 121.

слова обращены къ Даламберу, и тотъ немедленно подтверждаетъ увѣренность друга въ его религіозныхъ чувствахъ и вполнѣ соглашается съ нимъ на счетъ толкованія *l'infâme* и борьбы съ нимъ [4]. Вольтеръ идетъ дальше въ раскрытіи своихъ религіозныхъ взглядовъ. Онъ— послѣдователь деизма, т.-е. «чистаго обожанія Верховнаго Существа—безъ всякой примѣси суевѣрія». [5] Дается болѣе точное опредѣленіе и *l'infâme*: оно ничто иное, какъ церковь, религіозный культъ, и прежде всего, конечно, католичество. Философъ прямо отождествляетъ гибель *l'infâme* съ упадкомъ римской церкви, говорятъ безразлично о побѣдахъ свободной мысли подъ суевѣріемъ и священниками [6].

Такой смыслъ религіозной борьбы Вольтера и его ближайшихъ единомышленниковъ опредѣляются на основаніи непосредственныхъ заявленій философовъ, ихъ писемъ. И Вольтеръ неизмѣнно вѣренъ ему. Въ эпоху жесточайшаго озлобленія противъ Руссо онъ признаетъ *Савойскаго викарія*—единственнымъ хорошимъ дѣломъ всей жизни несчастнаго философа [7]. Это едва ли не въ первый и послѣдній разъ оба вождя современной мысли сошлись въ своихъ взглядахъ. Согласіе, конечно, ограничивалось общими религіозными представленіями: Вольтеръ не могъ раздѣлять чувствительныхъ и молитвенныхъ изліяній Руссо, но онъ долженъ былъ привѣтствовать рѣшительное отрицаніе церковныхъ догматовъ и обрядовъ. Онъ не могъ съ такой увѣренностью, какъ Руссо, говорить о свободѣ воли, о безсмертіи души—но пламенный протестъ философа одновременно противъ матеріялизма и церковнаго ученія о вѣчныхъ мукахъ—былъ вполнѣ убѣдителенъ и для Вольтера [8].

Слѣдовательно,—въ вопросѣ религіозной борьбы согласны представители разныхъ міросозерцаній. Этотъ фактъ красно-

---

[4] *Ib.* p. 237.
[5] *Ib.* p. 42.
[6] *Ib.* p. 201, 471.
[7] *Ib.* I, 307.
[8] *Emile.* II, 158, 159, 165, 175.

рѣчиво подтверждалъ настоятельность борьбы и ея глубокій практическій смыслъ. По словамъ Вольтера,—Руссо сдѣлало несчастнымъ именно *исповѣданіе вѣры Савойскаго викарія*. Оно вызвало жесточайшія гоненія на женевскаго философа,—начиная съ его свободнаго отечества и кончая Франціей. Это значило—всѣ христіанскія церкви единодушно возстали противъ новой религіи. Вольтеру требовались его необыкновенные практическіе таланты и исключительное положеніе во всей Европѣ, чтобы избѣжать участи своего соперника. Такъ встрѣтили новыхъ апостоловъ—господствовавшія силы вѣка. Безпристрастные наблюдатели, далеко не страдавшіе слѣпой преданностью философіи, подтвердили значеніе ея дѣятельности именно въ области религіи.

«Величайшее благодѣяніе философіи», говорили они, въ томъ, что она очистила, усовершенствовала, просвѣтила религію... Философія освободила родъ человѣческій отъ множества нелѣпыхъ предразсудковъ и безсмысленныхъ обрядностей, дѣлавшихъ человѣка врагомъ общества, смѣшнымъ и жестокимъ... Философія погасила повсюду костры инквизиторовъ, прекратила человѣческія жертвы, которыя невѣжество—всегда суевѣрное—совершало по всему земному шару» [9].

Въ глазахъ философа — освободить людей отъ суевѣрій—значило вообще сдѣлать ихъ свободными, вернуть имъ человѣческій образъ [10]. Защитники существующаго порядка, съ своей стороны были убѣждены, что вопросъ о суевѣріяхъ неразрывно связанъ съ существованіемъ не только религіи и церкви, но самого общества и государства [11]. Легко представить, какими опасностями грозила философская пропаганда на этомъ поприщѣ и какое значеніе имѣли ея результаты.

Здѣсь вопросъ о побѣдѣ былъ вопросомъ о судьбѣ всей просвѣтительской дѣятельности, и философы болѣе всего риско-

---

[9] Слова Сюара. *Mémoires de Condorcet*. II, 16—17.

[10] *Le Fanatisme*, trag. par Voltaire. Acte I, 3.

[11] Въ *Journal de Barbier* приведено Mandement архіеп. Парижскаго (мартъ 1757): всякая критика религіознаго и церковнаго характера отождествляется съ политическимъ бунтомъ и измѣной государю. IV, 490—1

вали потерпѣть неудачу, если бы положеніе ихъ враговъ въ порядкѣ и въ народѣ отличалось достоинствомъ и устойчивостью. Но съ самаго начала борьбы оказалось, въ старомъ обществѣ ни для какихъ идей не существовало болѣе благопріятной почвы, чѣмъ для критики современной церкви и ея служителей. Здѣсь сочувствующими учениками являлись даже принципіальные враги всѣхъ другихъ новыхъ ученій. Высшее свѣтское общество могло искренно возмущаться проповѣдями о всеобщемъ равенствѣ, о несправедливости и безсмыслицѣ привилегій, могло издѣваться надъ мѣщанскими понятіями о нравственности, но духовное лицо, представленное въ отталкивающемъ или шутовскомъ видѣ, приходилось по вкусу и парижскому буржуа, и придворному маркизу, и даже мужику. Для единодушнаго сочувствія публики требовалось только взять служителя церкви повыше рангомъ. Тогда одни рукоплескали совершенно сознательно, слѣдуя свободному направленію современной мысли, другіе подъ вліяніемъ легкомыслія и скептицизма, питаемаго гораздо болѣе развращеннымъ нравственнымъ чувствомъ, чѣмъ развитымъ умомъ, третьи—и такихъ было особенно много среди простой публики—помня все старое зло, связанное съ Римомъ и его слугами. Здѣсь звучатъ отголоски и протестантскихъ гоненій, и жестокихъ догматическихъ споровъ, и всевозможныхъ феодальныхъ злоупотребленій. Чувства эти прорываются наружу весьма рано, немедленно послѣ Людовика XIV. Эпоха регентства, разоблачившая столько давно назрѣвшихъ, но замаскированныхъ язвъ, и въ этомъ случаѣ выпустила на свободу мятежныя страсти изъ долголѣтняго невольнаго заключенія. Наслѣдники общества Esprits forts классической эпохи, вродѣ Вандома, Конти, Лафонтэна, Фонтенелля, не имѣли больше нужды скрываться, и съ необыкновенной быстротой, поражавшей очевидцевъ, воцарилась настоящая противоцерковная и даже противорелигіозная оргія. Она разгорѣлась тѣмъ свободнѣе, что въ великосвѣтской средѣ не предстояло, въ сущности, никакой борьбы какихъ бы то ни было принциповъ. Религія и церковь легко превратились въ предметы

салонной потѣхи. Какъ это происходило, разсказано въ одномъ изъ *Персидскихъ писемъ* Монтескьё.

Священникъ жалуется на трудность и двусмысленность своего профессіональнаго положенія среди современнаго скептически-настроеннаго общества, на невозможность—открыто защищать религію. «Удивительный народъ эти міряне!»—восклицаетъ онъ,—«они не выносятъ ни нашего одобренія, ни нашего осужденія; если намъ вздумается ихъ исправлять, они находятъ, что это очень смѣшно съ нашей стороны; если мы ихъ одобряемъ, они считаютъ, что мы унижаемъ свое званіе. А нѣтъ ничего унизительнѣе какъ сознать, что скандализируешь самихъ невѣрующихъ. Такъ что намъ приходится вести себя двусмысленно и держать въ повиновеніи вольнодумцевъ не опредѣленнымъ образомъ дѣйствій, а именно тѣмъ недоумѣніемъ, въ которое мы ихъ повергаемъ своею манерой относиться къ ихъ рѣчамъ. Для этого нужно очень много ума; это нейтральное положеніе очень трудно: свѣтскимъ людямъ все ни по чемъ; они позволяютъ себѣ всевозможныя выходки и, смотря по результату, отрекаются отъ своихъ же словъ или на нихъ настаиваютъ, и потому имъ гораздо легче».

Обыкновенно завидуютъ спокойной, вполнѣ обезпеченной жизни служителей алтаря. Это большое заблужденіе. Современное невѣріе давно лишило духовный санъ былыхъ преимуществъ.

«Въ свѣтѣ».— продолжаетъ священникъ,—«мы ничуть не сохраняемъ этого хваленаго, счастливаго и спокойнаго состоянія. Какъ только мы попадаемъ, насъ сейчасъ же заставляютъ спорить: заставятъ, напримѣръ, доказывать пользу молитвы человѣку, который и въ Бога то не вѣритъ, или необходимость поста тому, кто всю свою жизнь отрицалъ безсмертіе души: дѣло ужь и безъ того очень трудное, а надъ нимъ же еще и смѣются. Этого мало: насъ безпрестанно мучитъ желаніе привлечь и другихъ къ нашему взгляду на вещи; это желаніе, такъ сказать, неразрывно съ нашею профессіей. Это такъ же смѣшно, какъ если бы европейцы

вздумали, на благо человѣчества, трудиться надъ тѣмъ, чтобы выбѣлить кожу африканцамъ»[12].

Разсказъ подтверждается множествомъ современныхъ свидѣтельствъ.

Проницательнѣйшіе наблюдатели увѣрены, что религія гибнетъ во Франціи главнымъ образомъ не отъ философской пропаганды, а отъ всеобщей ненависти противъ духовенства—*ненависти, доходящей до крайности*. Въ салонахъ это чувство умѣютъ прикрывать изящными пріемами, но не скрываютъ полнаго презрѣнія къ вѣрѣ и ея проповѣдникамъ. Священникъ Монтескье — еще счастливецъ: съ нимъ по крайней мѣрѣ, вступали въ споръ. Съ теченіемъ времени перестали оказывать духовенству и такое вниманіе. «Больше не спорятъ», пишетъ современникъ, «надо всѣмъ смѣются и пребываютъ въ матерьялизмѣ»[13]. Народъ поступаетъ откровеннѣе. Уже въ самомъ началѣ второй половины XVIII-го вѣка очевидецъ пишетъ: «Священники едва осмѣливаются показываться на улицахъ, ихъ обязательно сопровождаютъ свистками». Авторъ боится, какъ бы это не привело къ упраздненію всякаго священства, откровенія и таинствъ. «Все будто сговорилось — внушать намъ отвращеніе къ священникамъ. Ихъ царство кончилось: тѣ изъ нихъ, которые появляются на улицахъ, въ длинной одеждѣ, рискуютъ жизнью. Большая часть скрывается и показывается рѣдко. Въ хорошемъ обществѣ никто не смѣетъ говорить въ пользу духовенства, — такихъ стыдятъ и считаютъ за прислужниковъ инквизиціи». Дальше авторъ перечисляетъ признаки упадка религіознаго духа во всѣхъ сословіяхъ: число причащающихся уменьшается въ громадной пропорціи, коллегія іезу-

[12] Письмо LXI. Въ *Mémoires* Даржансона находится крайне рѣзкая характеристика весьма многочисленной части духовенства XVIII-го вѣка, совершенно равнодушной ко всякимъ религіознымъ вопросамъ. Характеристика озаглавлена: *Du Scandale. Eteindre l'espèce ridicule d'hommes du monde appelés abbés*. V p. 180—1.

[13] „On ne dispute plus, on se rit de tout, et l'on persiste dans le matérialisme". Слова Даржансона, cit. y Aubertin'a *L'esprit public*, p. 289.

итовъ — пустуетъ, во время карнавала публика съ особеннымъ удовольствіемъ наряжается въ шутовскіе уборы епископовъ, аббатовъ, монаховъ и монахинь. «Вообще», заключаетъ разсказчикъ, «ненависть къ священству и епископству дошла до послѣдней степени»[14].

Такъ пишетъ современникъ, принадлежащій къ высшимъ слоямъ общества. Другой свидѣтель — парламентскій адвокатъ—не только подтверждаетъ эти сообщенія, но даже роковой исходъ для католической церкви и для духовенства — считаетъ вполнѣ естественнымъ въ виду его инквизиціонныхъ наклонностей и жадности къ матерьяльнымъ благамъ [15].

Скептическое теченіе неудержимо разливается, становится глубже и стремительнѣе. Въ шестидесятыхъ годахъ оно уже производитъ впечатлѣніе всеобъемлющей стихіи, захватившей цѣлый рядъ культурныхъ странъ и наложившей свою печать на все столѣтіе. Именно въ такомъ смыслѣ выражается современникъ, отлично освѣдомленный въ настроеніи общества и литературы. «Отвращеніе къ христіанству, пишетъ онъ обнаружившееся со всѣхъ сторонъ и въ особенности въ католическихъ государствахъ, безпокойство, глухо волнующее умы, побуждающее ихъ нападать на религіозныя и политическія злоупотребленія, одно изъ характерныхъ явленій нашего вѣка,—все равно какъ реформація характеризовала XVI вѣкъ. Оно предвѣщаетъ грозную и неизбѣжную революцію» [16].

Революція настала для всего стараго порядка, но ненависть къ духовенству дѣйствительно сказалась едва ли не энер-

---

[14] Даржансонъ Aubertin. *Ib.* p. 281—2.

[15] *Journal de Barbier.* V, 2; IV, 406—о длинныхъ рукахъ духовенства по поводу сопротивленія духовенства налогу съ церковныхъ имуществъ (ноябрь 1749).

[16] Grimm. *Gorresp. litt.* VIII, 13, janvier 1768. — „Cette lassitude du christianisme qui se manifeste de toutes parts, et particulièrement dans les Etats catholiques, cette inquiétude qui travaille sourdement les esprits et les porte à attaquer les abus réligieux et politiques, est un phénomène caractéristique de notre siècle, comme l'esprit de reforme l'était du seizième et présage une révolution imminente et inévitable“.

гичнѣе, чѣмъ къ другому привилегированному сословію. По крайней мѣрѣ, бунтующая толпа хватаетъ и подвергаетъ истязаніямъ вообще духовныхъ лицъ, независимо отъ ихъ ранга: аббатовъ топчатъ, бьютъ кнутами, и здѣсь же осыпаютъ камнями кареты епископовъ и архіепископовъ [17]. Очевидно, такая злоба должна была рости въ теченіе многихъ лѣтъ.

Литературѣ оставалось только отвѣчать на господствующее настроеніе. Большая публика могла и не идти за ней во всѣхъ ея выводахъ,— но, несомнѣнно, должна была встрѣчать сочувствіемъ всякій ударъ, направленный противъ іерархіи и духовенства, какъ сословія. Эта публика въ своемъ творчествѣ не отстаетъ отъ писателей и ведетъ дѣло отрицанія, какъ только можетъ, сочиняя пѣсни, эпиграммы, апплодируя въ театрахъ пьесамъ философскаго направленія.

Нападки на традиціонные священные предметы превратились въ своего рода патентъ на философскій образъ мыслей. Литература ежедневно поставляетъ множество брошюръ отрицательнаго содержанія: изъ одного Амстердама, этихъ сочиненій летятъ во Францію цѣлыя тучи съ невѣроятною быстротой. Вольтеръ, мы знаемъ, не успѣвалъ жаловаться на присвоеніе его таланту той или другой брошюры. И эти произведенія читаются вездѣ съ одинаковымъ удовольствіемъ,—при дворѣ и на улицѣ, въ городахъ и въ деревняхъ. Дѣятельнѣйшій современный прелатъ, архіепископъ Бомонъ, безпрестанно подвергается оскорбленіямъ. Проходитъ рѣдкій мѣсяцъ безъ новыхъ куплетовъ по его адресу [18]. Та же участь постигаетъ и другихъ церковныхъ администраторовъ. Архіепископъ ліонскій издаетъ весьма умѣренное и гуманное пастырское посланіе о современномъ невѣріи, но посланіе все-таки встрѣчаютъ необыкновенно дерзкою пѣсней на частную жизнь прелата [19]. Духовный костюмъ сталъ казаться всюду подозрительнымъ

---

[17] Taine. *Les Origines. La Révolution*. Paris 1888, p. 44—6.

[18] *Mém. secr.* 25 janv. 1764.

[19] *Corresp. litt.* XI. 225, приведена пѣсня.

или смѣшнымъ: театры немедленно воспользовались имъ для потѣхи зрителей: архіепископъ парижскій принужденъ вмѣшиваться въ костюмерную часть даже бульварныхъ сценъ [20]. Но у театровъ было оружіе противъ духовенства, несравненно болѣе серьезное, чѣмъ костюмы и смѣхотворная забава публики. Театръ открылъ войну противъ *l'infâme* и велъ ее до самой революціи съ неустанной энергіей. Иначе и быть не могло: вождь философіи, при всѣхъ своихъ разносторонних литературныхъ работахъ, былъ прежде всего драматургомъ. Мы указывали, трагедіей Вольтера началась власть философіи надъ театромъ. *Эдипъ* создалъ эпоху въ идейномъ развитіи французской сцены: онъ же явился первой страницей въ исторіи противоцерковнаго направленія театра.

Въ классическій вѣкъ нерѣдко обсуждались со сцены вопросы религіи и церкви и, конечно, въ одномъ и томъ же направленіи: авторы трагедій прославляли мучениковъ. Вольтеръ пересчитываетъ этихъ авторовъ, называя ихъ на своемъ обычномъ ироническомъ языкѣ своими предшественниками. Вольтеръ дѣйствительно былъ непосредственнымъ наслѣдникомъ Ротру, Корнеля и Расина; но считать ихъ предшественниками поэта-философа можно развѣ въ томъ же смыслѣ, въ какомъ іезуитовъ—его учителями.

Іезуитскія коллегіи научили отрицательно относиться ко многимъ предметамъ не одного Вольтера. *Педанты* Мольера, можетъ быть, не увидѣли бы свѣта, если бы авторъ не воспитывался въ Клермонтской школѣ. Даже *Тартюфъ*, по всей вѣроятности, не чуждъ ученическимъ впечатлѣніямъ поэта. Въ этихъ впечатлѣніяхъ много сходныхъ чертъ съ извѣстіями изъ школьнаго возраста Вольтера. Школы, воспитывавшія будущихъ геніальныхъ писателей, были пропитаны педантизмомъ, рабскимъ обожаніемъ авторитетовъ и неизлѣчимой косностью мысли. Воспитанники, не смотря на это, въ школѣ умѣли развить въ себѣ свободный взглядъ даже на такіе предметы, какъ современная наука и католическая церковь.

---

[20] *Mém. secr.* XIX, 52—3.

Мольеръ увлекается положительной философіей Гассенди, даже идеями матеріализма. Вольтеръ, если вѣрить преданіямъ, повергаетъ своихъ наставниковъ въ отчаяніе невѣріемъ и ироническими замѣчаніями насчетъ самыхъ священныхъ предметовъ. Одинъ изъ «отцовъ» будто даже предсказалъ грядущую дѣятельность ученика-деиста, разрушителя церковныхъ преданій [21]. Впослѣдствіи Вольтеръ вспоминалъ о своемъ воспитаніи у іезуитовъ совершенно въ томъ же духѣ, какъ и Мольеръ, только въ другой формѣ. Въ *Философскомъ словарѣ* онъ разсказалъ, какіе ученые выходили изъ іезуитскихъ коллегій. Они знали «кое-что по латыни и нѣсколько глупостей», не имѣли представленія объ исторіи и географіи даже родной страны, не слыхали ни о философіи, ни о математикѣ [22]. Вольтеръ не воспользовался для комедіи своимъ знакомствомъ съ такими наставниками, какъ le père Lejay, внушавшій отвращеніе всей школѣ; но ему ничто не мѣшало, подъ вліяніемъ того же опыта, взять болѣе широкую тему и изобразить общій типъ людей, способныхъ даже на мѣстѣ учителей насиліемъ и оскорбленіями подавлять пытливую мысль ребенка [23]. Нѣтъ ничего удивительнаго, если планъ и содержаніе *Эдипа* постепенно сложились у Вольтера еще во время пребыванія у іезуитовъ [24]. Вѣроятно тѣ же условія школьной жизни и взаимныя отношенія воспитанниковъ и воспитателей внушили юному поэту пріёмъ, наиболѣе подходящій въ такой рискованной борьбѣ. Кромѣ того, французскіе драматурги и романисты искони пользовались разными историческими именами и событіями для *прославленія* современныхъ лицъ и происшествій. Людовикъ XIV привыкъ безъ затруд-

---

[21] *Desnoiresterres* Voltaire I, 17 etc. Здѣсь тщательно собраны анекдоты изъ школьной жизни Вольтера.

[22] Art. *Education.*

[23] По разсказамъ, Lejay послѣ какого-то скептическаго замѣчанія Вольтера вскочилъ съ каѳедры и бросился на маленькаго спорщика съ „ужаснымъ" крикомъ: „Malheureux! tu seras un jour l'étendard du déisme en France". Desnoiresterres. *O. c.* p. 18.

[24] Ср. David Strauss, *Voltaire*, франц. изд. Paris 1876. p. 17.

ненія узнавать себя въ лицѣ Оттоновъ, Меровеевъ и Титовъ. Поэтъ новой эпохи пойдетъ тѣмъ же путемъ, но только цѣль будетъ не *панегирикъ*, а *сатира*. И Вольтеръ съ самаго начала въ высшей степени удачно рѣшилъ вопросъ: изъ-за какой засады вести борьбу съ ненавистнымъ *infâme*. Другимъ оставалось слѣдовать его примѣру. На сценѣ оказались всевозможныя религіи, римское и греческое язычество, огнепоклонничество, друидизмъ и браминство. Вопросъ заключался не въ религіи и не въ народѣ, а въ жрецахъ; свойства же жрецовъ предполагались вездѣ тождественныя. Съ нравственной и политической точки зрѣнія не было никакой разницы между друидомъ, магомъ, римскимъ папой, браминомъ и іезуитомъ. Преданія классической трагедіи и здѣсь принесли свою пользу. Французская публика давно привыкла не придавать никакого мѣстнаго и историческаго смысла трагическимъ героямъ съ именами разныхъ странъ и эпохъ. Она искала здѣсь вообще типовъ, олицетвореній тѣхъ или другихъ нравственныхъ свойствъ. Такой вкусъ, несостоятельный съ художественной и психологической точки зрѣнія, въ высшей степени удобенъ для идейной пропаганды. Вольтеръ въ предисловіи къ трагедіи *Guèbres* говоритъ, будто онъ не сдѣлалъ ее христіанскою пьесой только изъ почтенія къ христіанству, и въ то же время, по его мнѣнію, напрасно въ *Гебрахъ* отыскиваютъ намеки на іезуитовъ и инквизицію. Очевидно, заявленія противорѣчатъ одно другому и возмущеніе Вольтера противъ толкователей трагедіи настолько же серьезно, насколько и его уваженіе къ католичеству. Слова Вольтера показываютъ, съ какою свободой можно было пользоваться религіозными темами и какъ легко достигались цѣли авторовъ въ современной публикѣ. Для самого Вольтера ничего не могло быть желательнѣе именно такихъ впечатлѣній публики, какія будто бы его возмущали. Его ученики шли тѣмъ же путемъ, въ твердомъ убѣжденіи, что зрители и читатели съумѣютъ въ должномъ смыслѣ понять ихъ маговъ и друидовъ.

Подъ покровомъ иноземныхъ культовъ на сценѣ подверга-

ются критикѣ важнѣйшія преданія и историческія событія римской церкви: притязанія папы на политическую власть, вліяніе духовенства на государей и подданныхъ, кровавые подвиги инквизиціи, жертвы іезуитскаго ордена, злоупотребленія монаховъ и зло монастырей. И замѣчательно, — наибольшій успѣхъ на сценѣ имѣли трагедіи, нападавшія на церковь окольными путями, какъ-будто публика испытывала двойное удовольствіе—разгадать намѣренія и намеки автора и выразить ему полное сочувствіе.

Все это блистательно обнаружилось на первомъ же представленіи первой философской трагедіи.

Эдипъ появился на сценѣ французскаго театра 18 ноября 1718 года. Мы говорили о препятствіяхъ, какія Вольтеру пришлось преодолѣть: актеры отказывались играть пьесу, такъ какъ въ ней не было любовной интриги, смѣялись надъ Софокломъ по поводу заимствованій новаго автора изъ античной трагедіи... Публика щедро вознаградила Вольтера за всѣ испытанія. Въ началѣ вѣка она выказала всѣ качества, какими впослѣдствіи партеръ приводилъ въ восторгъ новыхъ писателей и повергалъ въ отчаяніе цензуру. Спектакль прошелъ съ оживленіемъ, для самого автора совершенно неожиданнымъ [25]. Во время нѣкоторыхъ сценъ вся зала приходила въ трепетъ и единодушно подчеркнула рѣчь Эдипа, соотвѣтствовавшую недавнимъ политическимъ событіямъ. Эдипъ говорилъ о государѣ, превозносимомъ при жизни и обожаемомъ подданными, а по смерти осужденномъ на жестокое униженіе. [26] Всѣмъ памятна была всеобщая радость по кончинѣ Людовика XIV и отмѣна его завѣщанія регентствомъ. Новое

---

[25] Молодой авторъ врядъ ли отдавалъ себѣ полный отчетъ въ значеніи своей трагедіи. Извѣстна, напримѣръ, его выходка, показавшаяся публикѣ интригой со стороны его враговъ: Вольтеръ вышелъ на сцену, неся въ рукахъ края мантіи первосвященника. Вольтеръ устроилъ этотъ выходъ въ такомъ родѣ, что трагедія едва не превратилась въ фарсъ. Только настроеніе публики и внутреннее содержаніе пьесы спасли автору его первый театральный успѣхъ. Ср. Desnoiresterres. *O. c.* I p. 144.

[26] *Oedipe.* Acte I, 3.

правительство быстро охладило восторги парижанъ и рѣчь Эдипа могла встрѣтить у многихъ искреннее сочувствіе.

Несравненно болѣе сильное впечатлѣніе произвели стихи, направленные противъ духовенства и отнынѣ ставшіе безсмертными въ исторіи французскаго театра. Іокаста, утѣшая Эдипа, хочетъ развѣнчать служителей алтаря, отнять у нихъ исключительное значеніе, какъ посредниковъ между небомъ и людьми. Она возстаетъ противъ вѣры въ ихъ сверхъестественную силу, въ ихъ таинственные обряды, въ ихъ гаданія, бросаетъ имъ упрекъ въ беззаконномъ присвоеніи правъ божества и заканчиваетъ рѣчь словами, приведшими въ страшное волненіе всѣхъ зрителей и позже неизмѣнно производившими сильное дѣйствіе на всѣхъ представленіяхъ трагедіи:

Nos prêtres ne sont point ce qu'un peuple pense;
Notre crédulité fait toute leur science...[27].

Впечатлѣніе должно было усиливаться еще драматическимъ моментомъ: отъ справедливости этихъ словъ зависитъ счастье двухъ человѣкъ, неизвѣстно за что караемыхъ слѣпымъ рокомъ. Чувствительность зрителей приподнималась до крайней степени, и весь актъ этотъ, заимствованный у Софокла, и публикой и критикой единогласно былъ признанъ однимъ изъ прекраснѣйшихъ достояній французской сцены [28].

Но это не единственная стрѣла, направленная въ духовенство и въ религіозный культъ. Приближенный Эдипа указываетъ на интриги жрецовъ: «У подножія святилища часто стоятъ измѣнники», и они по собственной волѣ и въ личныхъ интересахъ управляютъ властью боговъ. «Будемъ вѣрить только самимъ себѣ и на все будемъ смотрѣть собственными глазами. Это—наши треножники, наши оракулы, наши боги». [29].

Такой же рѣзкой критикѣ подвергается вопросъ, напол-

[27] Acte IV, 1.

[28] Съ этимъ согласенъ былъ даже Аббатъ Дефонтэнъ. Desnoiresterres. *O. c.* I, 141.

[29] *Oedipe.* Acte II, 4.

нявшій смутами цѣлые вѣка европейской исторіи—вопросъ о власти свѣтской и духовной. Филоктетъ представитель государственнаго верховенства. «Священникъ, кто бы онъ ни былъ, какой бы богъ ни вдохновлялъ его, долженъ молиться за своихъ государей, а не проклинать ихъ.» Филоктетъ разсказываетъ, сколько бѣдствій причиняетъ государямъ и народамъ честолюбивый первосвященникъ. Безсмысленный народъ, ослѣпленный усердіемъ, изъ чувства благочестія попираетъ ногами священнѣйшіе законы и думаетъ угодить богамъ, измѣняя государямъ. [30].

Наконецъ,—господствующій духъ трагедіи совершенно другой, чѣмъ въ античной. Смертные не склоняются предъ всемогущимъ рокомъ. Они не понимаютъ его дѣйствій и поэтому не чувствуютъ предъ нимъ благоговѣнія. Эдипъ говоритъ: «Я, противъ своей воли, въ состояніи ослѣпленья, былъ рабомъ и орудіемъ невѣдомой силы: вотъ всѣ мои преступленія; другихъ я не знаю. Безжалостные боги! мои вины—ваши и вы за нихъ меня наказываете!» Іокаста умираетъ, но ея рѣчь еще величественнѣе и надменнѣе: «Священники и вы ѳиванцы, мои бывшіе подданные, почтите мою кончину и запомните навсегда, что среди ужасовъ судьбы, меня угнетающей, я заставила покраснѣть боговъ, вынудившихъ меня на преступленіе». [31]. Трудно ярче изобразить чувство человѣческаго достоинства, вѣру личности въ силы своего разума. Жрецы, представители сверхъестественныхъ силъ, кажутся ничтожными рабами или преступными интриганами предъ этими истинно-драматическими образами, воплощающими свободную мысль и нравственное мужество.

Эдипъ выдержалъ сорокъ пять представленій—успѣхъ неслыханный для своего времени, вызвалъ множество брошюръ *за* и *противъ*, иностранцы не замедлили присоединить свой голосъ къ славѣ Вольтера... [32]. Философія, слѣдовательно, вы-

---

[30] Acte III, 4.
[31] Acte. V, 3, 6.
[32] Desnoiresterres. *O. c.* I, 151—3.

ступила на сценѣ при самыхъ благопріятныхъ предзнаменованіяхъ.

Одновременно съ первой философской трагедіей Вольтеръ обдумывалъ первую поэму, посвященную историческому сюжету, но не менѣе философскую, чѣмъ *Эдипъ* и въ томъ же направленіи. Поэма должна была прославить Генриха IV. Вольтеръ съ большимъ усердіемъ работалъ надъ этимъ произведеніемъ, нѣсколько разъ исправлялъ и дополнялъ, выпустилъ сначала въ 1723 году подъ именемъ *La Ligue ou Henri le Grand*, а пять лѣтъ спустя появилась *Генріада*. Автора заставляла столько лѣтъ работать, несомнѣнно, мысль нанести католичеству ударъ болѣе мѣткій и опредѣленный, чѣмъ было сдѣлано въ трагедіи. Тема для этой цѣли избрана необыкновенно удачно: имя популярнѣйшаго короля Франціи, покрывавшее нападки на фанатизмъ римской церкви, заранѣе обѣщало побѣду. Для насъ важна поэма потому, что она знаменовала перемѣну въ философской борьбѣ Вольтера.

Эдипъ принципіально возстаетъ противъ культа и духовенства, съ точки зрѣнія разума и чувства. Историческая роль духовенства затрогивается мимоходомъ и второстепеннымъ героемъ. Отвлеченный характеръ трагедіи соотвѣтствовалъ первой ступени общественнаго развитія автора. Съ теченіемъ времени идеи его становились конкретнѣе, мотивы осязательнѣе, теоретическіе доводы уступили мѣсто исторической дѣйствительности. Это не значитъ, будто Вольтеръ въ трагедіяхъ сталъ на строго-фактическую почву. Это совершенно было не въ духѣ классической эстетики, которой Вольтеръ держался въ трагедіяхъ, и потомъ цѣль Вольтера была не психологическая и не бытовая, а философская. Онъ взялъ *общую* основу дѣятельности католическаго духовенства въ исторіи Западной Европы, религіозныя войны и борьбу властей. Такая постановка вопроса была несравненно ближе публикѣ, чѣмъ общія разсужденія Эдипа и Іокасты.

Генріада опредѣлила новый путь. Она при первомъ же появленіи возбудила живѣйшее недовольство богослововъ.

Вольтеръ самъ объяснилъ причины: «Я слишкомъ рекомендовалъ въ своей поэмѣ духъ мира и терпимости въ вопросахъ религіи, высказалъ слишкомъ много истинъ римской куріи и проявилъ слишкомъ мало желчи противъ реформаторовъ»... [33]. Духовенство находило въ поэмѣ слѣды всевозможныхъ ересей, но Римъ былъ раздраженъ въ особенности отзывами автора объ его участіи въ религіозныхъ смутахъ Франціи.

Вольтеръ обращался къ отдаленной исторіи христіанства и указывалъ, какія извращенія съ теченіемъ времени водворились въ христіанской церкви. Онъ изображалъ первыхъ пріемниковъ Петра и сравнивалъ съ ними позднѣйшихъ папъ, запятнавшихъ свою власть преступленіями и заставившихъ даже Римъ «сожалѣть о своихъ ложныхъ богахъ» [34]. Потомъ авторъ вспоминалъ древнихъ отшельниковъ и противоставлялъ имъ монаховъ различныхъ орденовъ [35]. Римскій первосвященникъ является олицетвореніемъ *Раздора*. Въ уста этого страшнаго бича народовъ вложены принципы свѣтской власти папъ и религіознаго фанатизма католическихъ монаховъ [36]. Въ концѣ поэмы описываются ужасы осажденнаго Парижа. Въ годину всеобщихъ страданій одно лишь духовенство «живетъ въ изобиліи подъ сѣнью алтарей». Оно не дѣлитъ съ народомъ его страданій, ограничивается обѣщаніями загробныхъ благъ и проклятіями на голову еретическаго короля [37]. Правовѣрные священники всюду являются обманщиками, фанатиками и эгоистами, а Римъ—неизсякаемымъ источникомъ бѣдствій народовъ и государей. Духовенство, по смыслу поэмы, не имѣетъ ничего общаго ни съ небомъ, ни съ религіей. Милости неба щедро изливаются на короля-еретика, проклинаемаго Римомъ и священниками, сверхъ-

---

[33] *Ib.* p. 301.
[34] *La Henriade*, chant IV. Paris 1828, p. 57—8.
[35] *Ib.* chant V. p. 69.
[36] Chant IV, p. 62.
[37] Chant X, p. 753.

естественныя силы вмѣшиваются въ его судьбу и католическая политика принуждена преклониться предъ Генрихомъ. Этотъ пріемъ—отдѣлять служителей алтаря отъ истинной религіи и отъ самого Бога—одна изъ основныхъ чертъ противоцерковной философской пропаганды.

Въ тѣснѣйшей идейной связи съ *Генріадой* стоятъ философскія трагедіи, слѣдовавшія за ней,—прежде всего *Магометъ*. Вольтеръ работалъ надъ этой пьесой съ истинно-отеческой любовью, каждый стихъ, каждая сцена отдѣлывались съ безпримѣрной тщательностью. Философъ выступалъ, наконецъ, открыто предъ громадной публикой французскихъ театровъ—противъ *l'infâme*. Цѣль свою онъ объяснилъ въ письмѣ къ Фридриху II [38]. Она, впрочемъ, была ясна всякому читателю. Аббаты «теряли голову и кричали», что трагедія—«кровавая сатира» противъ христіанства и что въ словѣ *Mahomet* столько же слоговъ, сколько въ имени *Jésus-Christ* [39]. Крики не помѣшали блестящему успѣху *Магомета* въ провинціи [40], но въ столицѣ пьеса прошла всего три раза: авторъ счелъ нужнымъ снять ее со сцены послѣ необыкновенно шумныхъ спектаклей, окончательно раздражившихъ католическую партію. Эта уступка не помѣшала Вольтеру посвятить трагедію Бенедикту XIV. Въ письмѣ авторъ спрашивалъ: «Кому же приличнѣе всего посвятить сатиру на жестокость и заблужденія лже-пророка, какъ не намѣстнику и соревнователю Бога мира и истины?» [41]. Отвѣтъ папы могъ заставить замолчать многихъ противниковъ Вольтера, но онъ не отнялъ у трагедіи ея истиннаго смысла.

Въ письмѣ къ Фридриху Вольтеръ говоритъ: «Магометъ ничто иное, какъ Тартюфъ съ оружіемъ въ рукахъ». Эта

---

[38] *A sa majesté le roi de Prusse. Théâtre de Voltaire.* IV, p. 114.

[39] Desnoiresterres. *O. c.* II, p. 337.—Трагедію продолжали преслѣдовать еще въ XIX вѣкѣ. Въ 1823 году *Одеону* правительство не разрѣшило играть Магомета, несмотря на согласіе цензуры. *Georges Bengesco. Bibliographie.* I, 37.

[40] Выше мы говорили о представленіи трагедіи въ Лиллѣ.—

[41] *Lettre de Voltaire au pape Benoît XIV. Théâtre* IV p. 117.

характеристика не вполнѣ соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Магометъ—деспотъ, стремящійся соединить въ своихъ рукахъ духовную и свѣтскую власть и для этой цѣли убить у людей свободную мысль, сознаніе личнаго достоинства и заполонить весь міръ предразсудками и заблужденіями. Все это онъ откровенно высказываетъ самъ: Богъ создалъ его первосвященникомъ и государемъ. Разсуждать—значитъ совершать кощунство; его «торжество во всякое время основано на заблужденіи, предразсудки—цари толпы» [44]. Магометъ непримиримый врагъ всѣхъ идей, неразлучныхъ съ просвѣщеніемъ человѣчества и особенно дорогихъ поэту XVIII вѣка: онъ убиваетъ *чувствительность*, для него *природа* не болѣе, какъ привычка, т. е., поясняетъ онъ, привычка къ безусловному подчиненію [45]; понятіе *человѣкъ* не совмѣстимо съ его властью [46].

Трудно было яснѣе выразить многообразныя нравственныя и практическія свойства фанатизма. Слѣдуетъ отмѣтить еще одну черту. Чудовищность личности Магомета особенно рѣзко подчеркивается его гоненіемъ на чувство, нѣжныя и гуманныя движенія сердца. Въ его глазахъ состраданіе—слабость: «людей слѣдуетъ непрестанно или уничтожать, или обманывать» [47].

---

[42] *Mahomet*. Acte III, 6 „le pontife et le roi"; „On devient sacrilège alors qu'on delibère".

[43] „Mon triomphe en tout temps est fondé sur l'erreur". Acte IV, 2.

[44] „Les préjugés sont les rois du vulgaire". Acte II, 3.

[45] Acte IV, 3; 2: „La nature à mes yeux n'est rien que l'habitude".

[46] Acte V, 4.

Je dois régir en dieu l'univers prévenu;
Mon empire est détruit, si l'homme est reconnu.

Нельзя не обратить вниманія на совпаденіе идей Вольтера и Шиллера въ драмѣ *Донъ Карлосъ*. Здѣсь Магометъ условіемъ своего господства считаетъ отсутствіе *человѣка*, тамъ Филиппъ II, почувствовавъ отвращеніе къ деспотической власти, молитъ Бога—послать ему *человѣка*. Типы вольтеровскаго Магомета и Шиллеровскаго Филиппа по существу тождественны,—и ученикамъ французскаго философа, какъ увидимъ дальше, вполнѣ естественно будетъ перейдти къ изображенію испанскаго короля, какъ совершеннаго деспота и фанатика.

[47] „Faut-il toujours combattre ou tromper les humains!" Acte V, I.

Онъ не понимаетъ естественнаго голоса сыновней и братской любви: уничтоживъ отца и сына, онъ добивается ласкъ дочери и сестры. Всѣ лучшія чувства воплощены въ лицѣ Сеида и Пальмиры: они рабы Магомета. Сеидъ—жертва религіознаго ужаса и подъ вліяніемъ пророка онъ совершаетъ убійство, не вѣдая, что убиваетъ отца. Сеидъ смертью искупаетъ свое преступленіе; за нимъ слѣдуетъ и Пальмира.

Здѣсь всѣ мотивы новой драмы: борьба чувства съ эгоизмомъ и безсердечіемъ, чувство удѣлъ низшихъ, эгоизмъ на сторонѣ владыкъ. Духъ новой литературной эпохи, очевидно, вѣялъ надъ Вольтеромъ, когда онъ сочинялъ трагедію.—И это вполнѣ естественно: еще шестью годами раньше Вольтеръ написалъ чувствительную пьесу — *L' Enfant prodigue*. Это сліяніе драмы съ противоцерковной философіей—въ высшей степени важный фактъ. Онъ созданъ Вольтеромъ—и немедленно завладѣлъ творчествомъ всѣхъ его послѣдователей. Съ нетерпимостью и суевѣріями стали бороться оружіемъ чувствительности и гуманности, а не только отвлеченными разсужденіями. Стоило внушить публикѣ сострađаніе къ жертвамъ,—отвращеніе къ фанатизму являлось само собой. Благородные порывы сердца должны были производить со сцены болѣе глубокое впечатлѣніе, чѣмъ доводы разсудка. Это отлично понялъ Вильтеръ, — и слѣдующая его философская трагедія—*Гебры*—оказалась уже настоящей мѣщанской чувствительной драмой.

Цѣль пьесы, по объясненію автора, «внушить уваженіе къ законамъ, всеобщее милосердіе, гуманность, снисходительность, терпимость». Во всѣхъ этихъ добродѣтеляхъ заинтересованы особенно люди слабые, беззащитные, и авторъ беретъ своихъ героевъ «въ будничной сферѣ». Онъ не боится вывести на сцену садовницу, молодую дѣвушку, работницу у своего отца-поселянина, и даже простого солдата. Эти личности, по мнѣнію Вольтера, ближе къ природѣ и своею простотой, и естественностью, скорѣе могутъ достигнуть цѣли, чѣмъ влюбленные принцы и страстныя принцессы Въ пьесѣ дѣйствуетъ императоръ, но не затѣмъ, чтобы по-

ражать величіемъ и въ напыщенныхъ стихахъ расписывать свое могущество. Онъ появляется въ концѣ трагедіи, чтобы провозгласить идею терпимости.

Герои фанатизма на этотъ разъ жрецы римскаго божества Плутона, ихъ жертва — молодая дѣвушка огнепоклонница. Дѣйствіе происходитъ въ пограничномъ замкѣ, начальникъ гарнизона—трибунъ Ираданъ, при немъ братъ Сезенъ. Жрецы убѣдили императора, что всякая другая религія, кромѣ римской, вредна для государства, и онъ слушаетъ ихъ. Сезенъ возмущается такимъ смѣшеніемъ властей: «Честный подданный во всѣ времена различаетъ государство и вѣру, тронъ и алтарь не зависятъ другъ отъ друга, мое сердце принадлежитъ моимъ богамъ, моя рука—императору». Но жрецы хотятъ дѣйствовать съ одинаковою свободой именемъ боговъ и именемъ цезаря. Они откровенно отрицаютъ возможность служить небу и, въ то же время, быть сострадательнымъ [48]. Ихъ власть Ираданъ объясняетъ обманомъ, переходящимъ въ народѣ изъ рода въ родъ: «чѣмъ древнѣе злоупотребленіе, тѣмъ оно священнѣе», и «преслѣдователи, тираны мысли» пріобрѣтаютъ громадную власть надъ толпой, пользуются ея почетомъ, хотя ложь ясна: боги не могутъ имѣть палачей своими служителями [49]. Трибунъ хочетъ спасти юную огнепоклонницу. Это истинный герой чувствительной драмы. Онъ въ восторгѣ отъ добродѣтели бѣдной крестьянки и увѣренъ, что эта добродѣтель «облагороживаетъ ее». Величіе, блескъ двора исполнены низости, обмановъ: естественная простота поселянина можетъ усладить взоры самого цезаря [50]. Гибель жреца-фанатика еще ярче оттѣняетъ благородство и сердечную красоту огнепоклонницы: жрецъ умираетъ съ проклятіями богамъ, не защитившимъ его. Цезарь окончательно осуждаетъ религіозный фанатизмъ и привозглашаетъ верховную власть государства надъ всѣми рели-

---

[48] *Les Guèbres.* Acte I, 4.
[49] Acte I, 1, 6; Acte II, 1.
[50] Acte IV, 1.

гіозными спорами. «Я думаю, какъ гражданинъ, — говоритъ онъ,—дѣйствую какъ императоръ. Я ненавижу фанатика и гонителя». Въ этихъ словахъ, по указанію самого автора, заключается идея пьесы. Но Вольтеръ не могъ удовлетвориться нападками на фанатизмъ и гоненія. Мы видѣли—въ трагедіи *Магометъ*—онъ хотѣлъ слить въ одинъ образъ два величайшихъ порока—религіозное самовластіе и лицемѣріе. Одновременно съ *Гебрами*, онъ посвятилъ отдѣльную пьесу ханжеству, уже раньше выставленному на позоръ въ лицѣ Тартюфа [51].

Сначала комедія называлась *Le depôt ou Ninon*, потомъ вошла въ сочиненія Вольтера подъ именемъ *Le Dépositaire*. Въ основѣ ея лежитъ дѣйствительная исторія, разсказанная еще Мольеру знаменитою куртизанкой Нинонъ Ланкло. Нѣкое крайне набожное лицо получило на храненіе деньги и не возвратило ихъ владѣльцу. Лицо это, между тѣмъ, слыло примѣрно-добродѣтельнымъ, исполняло обязанности «духовнаго руководителя душъ» у многихъ ханжей [52]. Вольтеръ, чтобы не смущать цензуру, превратилъ героя въ церковнаго старосту. О немъ говорятъ: «Это человѣкъ крайне могущественный, у него много денегъ. На его широкомъ лицѣ видны всѣ его достоинства. Онъ уменъ и часто наслѣдуетъ послѣ лицъ, съ которыми не состоялъ ни въ какомъ родствѣ. Онъ всегда жилъ своими талантами. Онъ состоитъ духовнымъ руководителемъ больше чѣмъ у двадцати фамилій: онъ легко можетъ сдѣлать много добра дѣвушкамъ...» [53].

Въ комедіи онъ играетъ отвратительную роль. Съ его языка не сходятъ нравственныя проповѣди, сожалѣнія о бѣд-

---

[51] Первое изданіе этой пьесы вышло въ 1772 году въ Женевѣ и въ Парижѣ, но она была послана къ Thieriot еще весной въ 1769 году и къ Дидро въ сентябрѣ того же года. Bengesco. *O. c.* I, 72.

[52] *Le Dépositaire. Préface. Corresp. litt.* X, 5. Случай произошелъ съ извѣстнымъ Гурвилемъ, отдавшимъ на храненіе часть денегъ Ланкло и часть—ханжѣ: и только Ланкло возвратила свою долю. Исторія воспроизведена въ комедіи, сохранены имена дѣйствующихъ лицъ.

[53] *Le Dépositaire.* Acte III, 1.

ныхъ, негодованіе на пороки и даже на обыкновенное легкомысліе молодежи. Ему завѣщаны на храненіе деньги двухъ молодыхъ людей, и лишь только заходитъ рѣчь объ этихъ деньгахъ, лицемѣръ изчезаетъ по дѣламъ бѣдныхъ. Онъ хочетъ жениться на Нинонъ, соединить капиталъ молодыхъ людей съ ея приданымъ и путемъ подкуповъ и талантовъ опытной жены добиться хорошаго мѣстечка. Всѣ эти планы рушатся и Тартюфъ получаетъ должное возмездіе. Нинонъ предупреждаетъ одну изъ жертвъ лицемѣра—избѣгать мошенниковъ, залѣзающихъ въ чужой карманъ съ именемъ Бога на языкѣ [54].

Несмотря на всѣ предосторожности Вольтера, пьеса не была разрѣшена къ представленію въ Comédie Française Это не мѣшало ей появляться на частныхъ сценахъ.

Помимо пьесъ, поражавшихъ исключительно фанатизмъ и духовенство, Вольтеръ не пропускалъ случая и въ другихъ трагедіяхъ коснуться ненавистныхъ вопросовъ. Трагедія *Скиѳы* прославляетъ добродѣтели первобытныхъ племенъ,—и въ числѣ достоинствъ изображается простота религіознаго культа: у Скиѳовъ нѣтъ роскошныхъ храмовъ, богатыхъ приношеній богамъ, сложныхъ таинствъ: все это они считаютъ «безполезной пышностью, утомительной для боговъ» [55]. Въ предсмертной трагедіи философа на сценѣ снова защитникъ суевѣрій, нарушающихъ права чувства: онъ провозглашаетъ волю неба непоколебимой, а его обвиняютъ въ томъ, что *онъ* заставляетъ говорить небо и дѣлаетъ людей несчастными [56]. Не имѣя силъ присутствовать на представленіяхъ пьесы,—Вольтеръ справлялся, какія сцены производятъ сильнѣйшее впечатлѣніе на публику. Ему отвѣчали—больше всего аплодируютъ стихамъ, направленнымъ противъ духовенства. Вольтеръ былъ восхищенъ :парижане, очевидно, забыли его исповѣдь и причащеніе [57].

---

[54] „Qui volent dans la poche en vous parlant de Dieu". Acte V, 3.

[55] *Les Scythes*. Acte II, 2.

[56] *Irène*. Acte IV, 3.

[57] *Mém. secr.* XI, 165; 24 mars 1778.

Можетъ быть и не забыли—во всякомъ случаѣ временныя малодушныя уступки Вольтера тому, что онъ самъ назвалъ *l'infâme*—совершенно померкли предъ дѣломъ всей его жизни—въ глазахъ враговъ и сторонниковъ. Одни именовали его *Прометеемъ* ниспровергающимъ власть боговъ [58]. Другіе на его смерть сочиняли пьесу — *Voltaire triomphant ou les prêtres deçus* [59]. Не мало современниковъ обвиняло его въ томъ, что онъ открылъ «эпоху нечестія» на французской сценѣ. Но еще больше нашлось готовыхъ идти по его слѣдамъ. Въ нѣсколько лѣтъ театры превратились въ настоящія позорища католической церкви, ея исторіи и ея служителей. «Во всѣхъ новыхъ пьесахъ,—пишетъ современникъ,—въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, «духовные играютъ на сценѣ роль мошенниковъ» [60]. Перепуганное духовенство начинаетъ вычеркивать стихи въ пьесахъ за одно слово *prêtre*» [61]. Дѣлается это очевидно, въ виду публики, считающей оскорбительныя исторіи о духовенствѣ интереснѣйшимъ зрѣлищемъ. Сѣмена, посѣянныя Вольтеромъ принесли обильную жатву. Длинный рядъ драматурговъ до самой революціи неутомимо ведетъ войну съ католической іерархіей и ея ученіемъ.

II.

Въ вопросахъ о религіи и церкви за Вольтеромъ шли писатели самыхъ разнообразныхъ направленій и далеко не во всемъ согласные съ фернейскимъ патріархомъ. Преданный и усердный подражатель учителя, Лемьерръ стоитъ рядомъ съ экономистомъ Лебланомъ и крайнимъ демократомъ Мерсье. Эти люди исповѣдуютъ различные взгляды на политическія и общественныя реформы,—но они безусловно единодушны

---

58 *Promethée*, опера Помпиньяна о которой мы говорили раньше.
59 *Corresp. secrète*. IV, 388, 18 août—1778.
60 *Corresp. litt.* V, 312.
61 Въ *Jeanne de Naples*. Corresp. litt. XIII, 43.

предъ лицомъ современнаго католичества и его іерархіи. Противоцерковная пропаганда въ драматической литературѣ особенно усиливается съ шестидесятыхъ годовъ: именно къ этой эпохѣ, по наблюденіямъ современниковъ, скептицизмъ въ обществѣ достигаетъ высшей степени развитія. Деизмъ смѣняется матерьялизмомъ. Королевская декларація отъ 21 апрѣля 1757 года заявляетъ о *разнузданной дерзости* свободомыслія. Писатели — злоумышленники подрываютъ основы религіи и королевской власти. Декларація грозитъ смертной казнью авторамъ, издателямъ и даже разносчикамъ и всякимъ распространителямъ противорелигіозныхъ и противомонархическихъ сочиненій. Этого мало. За простое несоблюденіе установленныхъ формальностей при изданіи какой-бы то ни было книги опредѣляются галеры. Смотря по обстоятельствамъ дѣла—даже пожизненныя. Устанавливается громадный штрафъ на всѣ учрежденія и всѣхъ владѣльцевъ, допускающихъ въ своихъ владѣніяхъ частныя и тайныя типографіи [62].

При такихъ условіяхъ театръ долженъ былъ оказать великія услуги просвѣтительной литературѣ. Идеи, гонимыя въ печати, обильнымъ потокомъ нахлынули на драматическія сцены. Королевская декларація не спасла отъ жестокихъ ударовъ ни римское католичество, ни монархію Людовика XV.

Лѣтомъ 1763 года на сценѣ *Comedie Française* появилась трагедія Леблана *Манко-Capac*; она была посвящена собственно вопросу о происхожденіи государства и политической власти. Но, въ силу исторіи и ученія католической церкви, государственный вопросъ естественно связывался съ церковнымъ. Въ трагедіи Леблана великій жрецъ солнца — Тамзи, по своему политическому вліянію и честолюбивымъ стремленіямъ, точное воплощеніе римскаго первосвященника.

Тамзи возбуждаетъ Манко къ жестокости и деспотизму: «милуетъ только слабость, а не могущество», говоритъ жрецъ. Подданные должны трепетать, являться игрушкой въ глазахъ

[62] Barbier. VI, 522—3.

надменнаго владыки. Тамзи требуетъ казней. Его власть основывается на ослѣпленіи толпы. Одинъ изъ приближенныхъ Манко говоритъ жрецу: «Чтобы легче подчинить слабаго игу вашихъ законовъ, вы небо сдѣлали представителемъ своего права. Вы отношенія между человѣкомъ и небомъ превратили въ священный культъ, невѣдомый нашимъ предкамъ, разукрасили пышностью, блескомъ празднествъ и таинствъ и повсюду возбудили благоговѣніе толпы, захотѣли царствовать надъ трономъ и алтаремъ, ни съ кѣмъ не дѣлить верховной власти, держать въ своихъ рукахъ скипетръ и кадильницу» [63]. Манко изумляется, какъ безстыдный обольститель толпы для собственнаго возвышенія злоупотребляетъ именемъ неба. Въ концѣ трагедіи Тамзи провозглашаетъ себя королемъ, поднимаетъ бунтъ противъ Манко, покушается убить его храбрѣйшаго вождя, но самъ гибнетъ отъ руки дикаря, побѣжденнаго Манко, но несравненно болѣе честнаго, чѣмъ жрецъ. Указывая на умирающаго, Тамзи, дикарь произноситъ стихъ, вызвавшій въ публикѣ бурю восторговъ: «Voilà l'homme civil, reconnois le sauvage». Послѣ нѣсколь-

---

[63] *Manco-Capac*, *premier Unca du Pérou*, *Com. Fr.* 12 іюня 1763. Paris 1782. *Idamore*:

Lorsque nous tirant de nos autres sauvages,
Pour mieux lier le faible au nouveau joug des loix,
Vous rendîtes le ciel protecteur de leurs droits,
Quand par un culte auguste, ignoré de nos pères,
Sa pompe, sa splendeur, ses fêtès, ses mystères
On vous vit établir un rapport glorieux,
Nécéssaire peut-être entre l'homme et les dieux;
Vous déviez, en tour lieux imposant au vulgaire,
Regner et sur le trône et dans le sanctuaire.
Sans partager les droits du suprême pouvoir,
Retenir en vos mains le sceptre et l'encensoir,
Et ne point, à nos yeux, livrer l'obéissance
Aux dangers, aux retours, aux chocs d'une balance,
Où l'interêt du ciel peut mettre un poids fatal,
Donner au Prince un maître, ou du moins un égale.

pp. 16--17.

кихъ представленій пьесу запрещено было печатать и давать на сценѣ. Ее возобновили спустя почти двадцать лѣтъ и только тогда напечатали [64].

Но успѣхъ этой пьесы блѣднѣетъ предъ шумомъ, поднятымъ другою трагедіей Леблана—*Druides*. Первое пдредставленіе вышло неудачно, въ дѣло вмѣшались энциклопедисты Тома и Кондорсе, въ теченіе одной ночи сократили и исправили трагедію, и успѣхъ превзошелъ всѣ ожиданія [65]. Партеръ на этотъ разъ сошелся въ своихъ восторгахъ съ герцогомъ Орлеанскимъ и велъ себя такъ, что очевидецъ второе представленіе трагедіи называетъ «истиннымъ скандаломъ въ виноградникѣ Господнемъ». «При такомъ настроеніи всей публики,—прибавляетъ онъ,—невозможно, чтобы власть духовенства уцѣлѣла». Въ Парижѣ немедлено возникло множество догадокъ: друидовъ называли именами современныхъ архіепископовъ и фанатичнѣйшій изъ жрецовъ отождествлялся съ архіепископомъ парижскимъ. Было дано подрядъ двѣнадцать представленій съ полными сборами и партеръ требовалъ все новыхъ спектаклей. Пьесу дали въ Версали, при дворѣ, что̂ привело Парижъ въ неслыханный восторгъ. Парижскій архіепископъ, наконецъ рѣшилъ прекратить смущеніе правовѣрныхъ и настоялъ на запрещеніи *Druides*. Приказъ былъ полученъ передъ самымъ представленіемъ, но спектакля отмѣнить не позволили: актеры сыграли комедію *Nanine*, не менѣе ненавистную для охранителей стараго порядка, чѣмъ *Друиды*. Одновременно появилась трагедія Вольтера *Lois de Minos* на тему далеко не консервативнаго характера. Такимъ образомъ, цензурѣ и духовенству почти не представлялось выхода. Едва спасали архіепископовъ, опасности подвергались графы и маркизы; удавалось удалить со сцены жреца-философа, на ней грозилъ появиться царь-философъ. Зданіе, очевидно, горѣло со всѣхъ сторонъ [66].

---

[64] *Corresp. litt.* V, 313.

[65] Desnoiresterres. *La Com. Sat.* p. 171. Было выброшено до 500 стиховъ.

[66] Вся исторія съ *Druides* подробно разсказана въ *Corresp. litt.* IX, 471 etc.

Въ трагедіи Леблана происходитъ борьба между самими жрецами, великимъ друидомъ Галліи и главой друидовъ племени Карнутовъ. Вождь этого племени обѣщалъ за спасеніе Галліи посвятить богамъ свою дочь, принести ее въ жертву. Глава друидовъ господствуетъ надъ волей вождя и надъ всѣмъ племенемъ. Великій друидъ возмущается честолюбіемъ, притязаніями духовенства и суевѣріемъ толпы. Вождь готовъ сложить корону къ его ногамъ, онъ отвергаетъ всѣ почести. «Да погибнетъ первосвященникъ, опьяненный своимъ величіемъ, питающій безстыдно-тщеславные замыслы... Вы, жрецы, будьте покорны вашимъ королямъ, строго различайте права земли и неба и бойтесь заблужденій слѣпого усердія»» [67]. Указывая на легковѣріе и слѣпоту толпы, великій друидъ считаетъ долгомъ жрецовъ просвѣщать народъ, а не питать въ немъ вѣру, будто небо возвѣщаетъ свою волю устами священниковъ и открываетъ имъ тайны, недоступныя простымъ смертнымъ. Жрецы должны заслужить уваженіе простыхъ людей, а не красть его путемъ обмана и умственной тьмы [68]. Великій друидъ просвѣщаетъ и вождя на счетъ его обязанностей: «Короли не должны покровительствовать заблужденіямъ.. Голосъ неба сказывается въ сердцѣ человѣка. Онъ требуетъ милосердія и справедливости... Разумъ въ свою очередь убѣждаетъ: чѣмъ могущественнѣе Богъ, тѣмъ онъ милостивѣе. Онъ самъ далъ намъ свѣтъ, чтобъ отличать

---

[67] *Les Druides*. На изданіи 1783 года стоитъ—*S.-Petersbourg*.

Périsse le Pontife, ivre de sa grandeur
Qui nourrit, sans rougir, la vanité secréte... p. 32.

[68] *Cyndonax*, великій друидъ:

Que le faible vulgaire enivré d'un faux zèle,
Pense qu'à nos regards, devoilant ses secrets,
Le Ciel, par notre bouche annonce ses decrets,
C'est à nous détruire une érreur dangereuse,
Souvent fatale au monde, au Ciel injurieuse
Que, peut-être, en secret, l'orgueil autorisa,
Et dont plus d'une fois, l'hypocrisie abusa.
Aux respects des humains si nous osons prétendre,
Sachons le mériter, et non pas surprendre. p. 29.

правду отъ обмана: будемъ прислушиваться къ голосу природы и мы постигнемъ истинную волю божества» [69].

Этотъ стихъ: *Ah! ce n'est point aux rois protéger l'erreur*— превратился въ пословицу. Такія же рѣчи произноситъ и жертва друидовъ, юная дочь вождя. Великій друидъ возмущается обычаемъ жрецовъ—принимать вынужденные обѣты отъ суевѣрныхъ поклонниковъ, онъ не допускаетъ мысли, чтобы небо требовало человѣчесскихъ слезъ и какихъ бы то ни было жертвъ. Принцесса, поддерживаемая друидомъ, обращаетъ къ жрецамъ пламенные упреки: называетъ ихъ вѣчными виновниками раздора и ненависти, дикими обманщиками, разрушителями гуманности и величайшими оскорбителями имени Бога [70]. Даже вождь, покорный исполнитель воли духовенства, подъ конецъ драмы возмущенъ представленіемъ друидовъ о Божествѣ: «Какъ, этотъ Богъ, чьи перуны устрашаютъ преступниковъ, на всѣхъ людей смотритъ, какъ на свои жертвы? Вы его изображаете ревнивымъ деспотомъ, онъ вѣчно опьяненъ яростью и пламеннымъ гнѣвомъ. Его нужно укрощать кровью и слезами. Чтó же мы послѣ этого? Со всѣхъ сторонъ окруженные бѣдствіями, мы—жалкія игрушки силы, поражающей насъ по своему усмотрѣнію, и мы можемъ только со страхомъ взирать на небо?» [71].

Великій друидъ одерживаетъ верхъ. Его противникъ подвергается смертельной опасности, но философская гуманность безпредѣльна: «сѣтуя на его заблужденія»,—говоритъ друидъ-философъ,—«щадите его кровь; онъ—человѣкъ, этого достаточно. Не подавайте примѣра злодѣяніямъ, какими онъ самъ загрязнилъ храмъ. Онъ довольно наказанъ, если его совѣсть проснулась. Пусть онъ живетъ для раскаянія... Различайте же впередъ,—заканчиваетъ друидъ,—голосъ неба отъ голоса фанатизма—органа злодѣйствъ» [72]. Среди галловъ воцаряется

[69] *Ib.* p. 54; 83—4.
[70] *Ib.* p. 60, 68.
[71] *Ib.* p. 85.
[72] Ah! de la voix du ciel distinguez désormais.
La voix du fanatisme, organe des forfaits. p. 100.

религія сердца, связывающая людей чувствами любви и терпимости, а не внушающая имъ ужасъ.

Такова проповѣдь, раздававшаяся, — пишетъ современникъ,—въ теченіе цѣлаго великаго поста противъ церкви и духовенства. На этотъ разъ авторъ простеръ свободу своихъ убѣжденій гораздо дальше, чѣмъ въ первой трагедіи. Указать на сердце и разумъ, какъ на единственные источники религіи, — значитъ подорвать авторитетъ вообще церковныхъ установленій. Объявить устами великаго друида священниковъ такими же людьми, какъ и всѣ остальные,—значитъ отвергнуть іерархію и религіозныя таинства. Не признать за священниками исключительнаго права сообщать вѣрующимъ божественную волю — значитъ отринуть преданія церкви и священническій санъ понимать съ точки зрѣнія крайнихъ раціоналистическихъ сектъ. При такихъ взглядахъ, высказанныхъ публично съ театральной сцены, опасность грозила не только римской церкви, но вообще всякому религіозному культу. Церковь какъ нѣчто отличное отъ свѣтскаго общества, теряла право на существованіе и не могла искать защиты у политической власти. Сердце и разумъ—единственные догматы, признанные великимъ друидомъ. Послѣ этого понятно безпокойство даже свободомыслящихъ современниковъ при видѣ всей столицы, привѣтствовавшей эти догматы и настоятельно желавшей, чтобы духовенство познакомилось съ ними непремѣнно въ театрѣ [73].

Пьеса, дѣйствительно, въ свое время являлась единственной надеждой просвѣтителей и публики, сочувствовавшей ихъ дѣлу. Кондорсе, сѣтуя на медленный пропускъ траге-

---

[73] „Le parterre a redemandé la continuation des représentations après Pâques avec toute la chaleur que les comédiens ont été obligés de le promettre; le parterre veut absolument ménager à l'assemblée du clergé l'occasion de voir cette pièce pendant sa tenue au mois de mai, de s'édifier et de s'instruire des devoirs du sacerdoce".—*Corr. litt.* IX, p. 481. Особенно любопытно, что пьесу разсматривалъ духовный цензоръ и пропустилъ ее. Очевидно, эта цензура мало научилась проницательности со временъ первыхъ томовъ *Энциклопедіи*.

діи, писалъ Тюрго въ январѣ 1771 года: «наша литература не произвела ничего, благодаря гасильнику полиціи. Не хотятъ даже дозволить трагедіи *Друиды*, потому что тамъ возстаютъ противъ человѣческихъ жертвъ,— а это сильно оскорбило бы убійцъ Лабарра» [74]. Но пьеса, все таки, была пропущена, къ великому удивленію энциклопедистовъ и вознаградила публику за временное оскудѣніе въ литературѣ.

Тлетворное вліяніе католическаго духовенства на государей — общепризнанная истина у драматурговъ XVIII вѣка. Во всѣхъ пьесахъ жрецы являются первыми руководителями деспотизма, проповѣдниками народнаго рабства, достигаемаго какою бы то ни было цѣной. Цѣлый рядъ трагедій возникъ исключительно для доказательства этой истины. Въ пьесѣ *Olinde et Sophronie* магъ Исменъ обращается съ такою рѣчью къ султану: «Ты царствуешь по волѣ Предвѣчнаго. Это Богъ возвелъ тебя на тронъ, Онъ возложилъ корону на твою главу, вложилъ скипетръ въ твои руки. Вмѣстѣ съ властью онъ даровалъ тебѣ знаніе и духъ мудрости. Отгони же отъ себя пустыя тревоги...» [75]. Исменъ требуетъ истребленія всѣхъ христіанъ: это кажется ему законнымъ въ религіозномъ и нравственномъ отношеніи. «Народъ,—говоритъ онъ,—созданъ затѣмъ, чтобы чувствовать страхъ, жить въ рабствѣ и преклоняться предъ господиномъ» [76]. Въ такихъ принципахъ наставляетъ Исменъ султана съ цѣлью самому пользоваться властью. Его бесѣды съ султаномъ напоминаютъ шиллеровскую сцену Филиппа II съ великимъ инквизиторомъ, и признанія самого Исмена ничто иное какъ политическіе взгляды римской церкви.

Эти же мотивы перенесены и въ античную исторію. Въ трагедіи *Idomenée* происходитъ такая же борьба между чув-

---

[74] *Ouevres de Condorcet.* Paris 1877. I, 180—2. Какое значеніе придавалъ Кондорсе трагедіи Леблана видно изъ письма Вольтера къ Даламберу: Кондорсе сообщаетъ Вольтеру *о Друидахъ*, какъ о „l'abolition de l'ancienne prêtraille". *Lettres.* II, 123.

[75] *Olinde et Sophronie*, drame héroique par Mercier Paris 1761.

[76] „Il est né pour craindre, pour servir et pour adorer". Acte V, 3.

ствомъ и жреческимъ фанатизмомъ, какая въ *Друидахъ*. Царь обязанный пожертвовать сыномъ, жалуется, что онъ не въ силахъ примирить въ своемъ сердцѣ голосъ природы и волю боговъ, а мать обращаетъ къ жрецу вопросъ, одинаково неразрѣшимый для разума и чувства: «Какой же богъ можетъ управлять убійствами и повелѣвать несправедливость?» [77].

Въ трагедіи *Hypermnestre* жрецы являются усерднѣйшими помощниками узурпатора и деспота. Данай замышляетъ погубить семью своего царственнаго брата, онъ намѣренъ обмануть народъ съ помощью жреца: «Плутъ служитъ моимъ желаніямъ. Онъ продалъ мнѣ свой голосъ, свою честь и своихъ боговъ» [78]. Жрецъ пользуется вѣрой народа въ чудеса, въ предсказанія, распространяетъ ужасъ, оправдываетъ свои дѣйствія ссылкой на оракула, на знаменія. Гипермнестра— свободный мыслитель, она подвергаетъ жестокой критикѣ всѣ суевѣрія. Нападеніе на чудеса внушено истинно-вольтеровскимъ духомъ: «Случай въ моихъ глазахъ не можетъ быть чудомъ. Я не могу оказывать такой чести нашему ревнивому самолюбію, чтобъ осмѣлиться вѣрить, будто міровой порядокъ нарушается ради насъ, не дерзаю наносить и богамъ обиду, воображая, что они связываютъ скрытое отъ насъ будущее съ какими-то предзнаменованіями» [79].

Авторъ *Идоменея* и *Гипермнестры*, Лемьерръ, усерднѣйшій, по мнѣнію современниковъ, послѣдователь Вольтера. Его третья драма противъ церкви—*La veuve de Malabar*—одна изъ популярнѣйшихъ пьесъ всего репертуара XVIII вѣка. Современникъ, мало расположенный признавать талантъ Лемьерра, называетъ трагедію «прекраснѣйшею проповѣдью,

---

[77] *Idonenée, Com. Fr.* 13 f. 1764. Paris 1764. Acte V, 3.

[78] *Hypermnestre. Com. Fr.* 31 août 1758. Paris 1759. Acte I, 4.

[79] Acte II, 2:

Le hasard à mes yeux ne peut être un prodige;
Je ne fais point l'honneur à notre orgueil jaloux
D'oser croire aucun ordre interrompu pour nous;
Ni cette injure aux dieux de penser qu'ils attachent
A des signes si vains l'avenir qu'ils nous cachent.

какая только къ теченіе года была произнесена противъ епископской власти, противъ религіозныхъ предразсудковъ» [80]. Публика вполнѣ раздѣляла это мнѣніе. Дора, авторъ противофилософской сатиры *Les prôneurs*, до такой степени былъ восхищенъ этимъ безусловно-философскимъ произведеніемъ, что въ день перваго представленія, смертельно-больной, говорилъ окружающимъ: «Возможно скорѣе извѣстите меня объ успѣхѣ *Малабарской вдовы*: это поможетъ мнѣ спокойно провести ночь» [81]. Спустя десять лѣтъ, въ 1780 году, Лемьерръ передѣлалъ свою пьесу и она снова имѣла блестящій успѣхъ, выдержала двадцать спектаклей, чего современники не помнили въ теченіе послѣднихъ пятнадцати лѣтъ [82].

Интересъ трагедіи заключается, конечно, не въ сюжетѣ: вопросъ идетъ объ извѣстномъ индусскомъ обычаѣ—сожженіи женъ по смерти мужей. Важны идеи великаго брамина и его юнаго товарища относительно преданій и духовенства. Великій браминъ объясняетъ чувствительному юношѣ, что людьми правятъ обычаи, привычки и преданія. Только крѣпостью традицій и держится власть браминовъ и ихъ учениковъ: «Уничтожьте одинъ обычай, упадетъ другой,—говоритъ браминъ,—и наши священнѣйшія, драгоцѣннѣйшія права, наши почести рушатся, храмы опустѣютъ. Передъ этими законами смерти и ужаса пораженные народы всегда склонялись во прахъ» [83].

---

[80] Отзывъ Гримма, которому вообще не нравилось обиліе философіи въ современныхъ трагедіяхъ; онъ сѣтовалъ, что въ пьесахъ мало исторической правды. *Corresp. litt.* V, 455, по поводу *Идоменея* и *Гипермнестра*. О *Малабарской вдовѣ* — IX, 116.

[81] *De l'influence de la chaire, du théâtre et barreau dans la sosiété civile*, par Boieldieu, avocat. Paris, an XII, p. 100.

[82] *Corresp. litt.* XII, 29 avr. 1780.

[83] *La Veuve de Malabar ou l'empire des coutumes. Com. Fr.* 30 jl. 1770. Paris 1780. Acte I, 5.

Une coutume ôtée
L'autre tombe; nos droits les plus saints, les plus chers
Nos honneurs sont détruits, nos temples sont deserts;
Plus la coutume est dure et plus elle est puissante,
Toujours devant ces lois de mort et d'épouvante,
Les peuples étonnés se sont courbés plus bas.

Старикъ борется противъ всего новаго и свободнаго. Его опора—невѣжество и слѣпая покорность толпы. Онъ не перестаетъ повторять, что онъ «органъ небесъ». Юноша отъ природы мягкосердеченъ, чувствителенъ. Онъ не можетъ помириться съ религіознымъ ученіемъ, требующимъ жестокости и рабскаго повиновенія. Его поддерживаетъ начальникъ французскаго войска. Сцена генерала съ браминомъ вызывала особенно шумныя одобренія публики[84]. Генералъ обращается къ брамину во имя гуманности: «Я говорю, какъ человѣкъ». Браминъ отвѣчаетъ: «А я, какъ органъ небесъ, какъ жрецъ, какъ смертный, вдохновленный богами». Французъ возмущенъ до глубины души: «Ты—жрецъ! ты—браминъ! Но ты даже не человѣкъ! Кроткая гуманность—скорѣе инстинктъ, чѣмъ добродѣтель, это первоначальное чувство, никогда не замолкавшее, родившееся съ нами, душа нашего существа, она дѣлаетъ человѣка человѣкомъ, и ты можешь отвергать ее! Какимъ же дыханіемъ былъ ты призванъ къ жизни въ минуту рожденія? Какое чудовище, какая скала создала тебя въ своихъ нѣдрахъ? Ты, несчастный, никогда не проливалъ слезъ! Ты никогда не испытывалъ прелести нѣжнаго чувства! Мнѣ надо было придти къ этимъ мятежнымъ берегамъ, чтобы научить тебя, что существуютъ сострадательныя сердца». Браминъ оправдываетъ индусскій обычай тѣмъ, что жены отравляютъ мужей. Генералъ, какъ истинный ученикъ просвѣтительной философіи, отвѣчаетъ: «Преступленіе на землѣ—всегда явленіе исключительное. Оно мимолетно, какъ всѣ бѣдствія... Если ты лишенъ чувствительности, не будь безчеловѣчнымъ, это не такъ трудно. Оставь свой обычай,—вопросъ въ томъ, чтобы быть человѣкомъ»[85].

Успѣхъ трагедіи, помимо идей, несомнѣнно объясняется ея общимъ характеромъ. Это—чувствительная драма съ без-

[84] *De l'influence de la chaire* p. 63.

[85] *La veuve.* Acte III, 5. *Генералъ*: „Je parle en homme!“ *Вел. Браминъ.* „Et moi comme organe des cieux“.—*Генералъ:*

Le crime sur la terre est toujours etranger,
Comme tous les fléaux il n'est que passager.

престанными напоминаніями о сердцѣ, о чувствѣ, о состраданіи. Противникъ брамина борется съ его консерватизмомъ не доводами разума, а чувствительными изліяніями. Онъ глубоко убѣжденъ, что человѣкъ по природѣ добръ, и буквально повторяетъ идею Руссо: у человѣка врожденное отвращеніе къ страданіямъ ближнихъ, милосердіе—единственная и всеобщая добродѣтель. *L'Etre sensible*—любимое нравственное понятіе женевскаго философа—выставляется идеаломъ человѣчества. Французская публика семидесятыхъ годовъ была достаточно знакома съ произведеніями Руссо, чтобы оцѣнить монологи юнаго брамина и французскаго генерала, а слезы, прославляемыя въ пьесѣ, для XVIII вѣка были рѣшающимъ мотивомъ успѣха драматическаго произведенія. Тѣ же слезы создали популярность драмѣ Совиньи *La mort de Socrate*.

Смерть Сократа въ XVIII вѣкѣ считалась вообще очень благодарною темой для чувствительной философской драмы. Дидро умеръ бы съ радостью, если бы написалъ такую драму [86]. Вольтеръ ради той же цѣли издалъ, противъ своего убѣжденія, пьесу въ прозѣ и согласился, что «сліяніе патетическаго съ будничнымъ имѣетъ свои достоинства» [87]. Совиньи выполнилъ свою задачу въ современномъ духѣ. Сократъ—простой, добрый, исполненный гуманныхъ чувствъ другъ народа. Его философія сильно отзывается мечтаніями Руссо. «Я не занимаюсь, — говоритъ онъ, — безполезными искусствами, этими вѣтряными данниками городской роскоши. Чтобы высвободиться изъ тенетъ заблужденій, я хотѣлъ изучить самого себя и углубиться въ свое сердце». Это — основной принципъ его жизни и философіи. Онъ—*человѣкъ*, противъ него — *жрецъ*. Одинъ изъ друзей, перечисляя его доблести, говоритъ: «Онъ, можетъ быть, на свое несчастіе, отличалъ законъ отъ злоупотребленія, человѣка отъ жреца» [88].

[86] *Oeuvres compl. de Diderot*. Paris 1821, IV, 451.

[87] *Socrate, ouvrage dramatique*. Préface.

[88] *La mort de Socrate*, Paris 1763, Acte II, 6.

[89] Acte I, 5:—Il a distinqué pour son malheur peut—être
La loi d'avec abus, l'homme d'avec le prêtre.

На сторонѣ враговъ Сократа ярость, жестокосердіе: — ученики философа признаютъ единственное средство искоренять заблужденія—кротость. Обвинитель Сократа говоритъ: «Его всегда видѣли среди низкихъ плебеевъ. Онъ попиралъ ногами почести и богатство. Вокругъ него тѣснилась молодежь. Онъ умѣлъ внушить ей свои идеи, свои принципы нравственности. Онъ образовывалъ умы, воспитывалъ сердца»[90]. Передъ нами, слѣдовательно, опять борьба чувствительности, гуманности съ честолюбіемъ и фанатизмомъ. Сократъ и его ученики религію фанатиковъ изображаютъ какъ «политическое орудіе», средство, наводящее ужасъ на темный народъ. Ихъ боги — несправедливые, ревнивые тираны. «Неужели каждый обманщикъ, — восклицаетъ Критонъ — подъ твоимъ именемъ, всемогущій Боже, будетъ владѣть страшнымъ правомъ губить невиннаго?.. Если когда-нибудь несчастный оскорбитъ Тебя, если онъ заглушитъ въ Твоей груди голосъ милосердія, неужели Твоего грома, гремящаго надъ смертными, недостаточно будетъ отомстить за твои алтари?»[91].

Трагедія Совиньи явилась во время гоненій на *Эмиля* и нападокъ Палиссо на философовъ. Цензура усмотрѣла въ лицѣ Сократа сначала намеки на Руссо, потомъ авторъ *Философовъ* присвоилъ себѣ роль Аристофана и въ результатѣ трагедія была запрещена, но въ чтеніи продолжала вызывать обильныя слезы у современниковъ [92].

III.

Если публика XVIII вѣка могла въ высшей степени отзывчиво встрѣчать личности и событія отдаленныхъ историческихъ эпохъ и чужихъ народовъ, тѣмъ сильнѣйшее впечатлѣніе должны были производить на нее преданія евро-

---

[90] Acte I, 6. „Il formait les esprits, il façonnait les coeurs“.
[91] Acte I, 4.
[92] *Corresp. litt.* V, 286.

пейскихъ націй. Вольтеръ и здѣсь показалъ примѣръ. *Генріада* своей популярностью въ сильной степени была обязана своему герою, столь близкому сердцамъ французовъ. Недостатки поэмы въ глазахъ лучшихъ критиковъ отступали на задній планъ предъ свободнымъ чувствомъ авторскаго патріотизма [93] Религіозныя смуты, связанныя съ именемъ Генриха IV, въ теченіе всего XVIII вѣка оставались благодарнѣйшей темой новой литературы: популярность беарнейца росла съ каждымъ годомъ и его враги являлись естественнымъ врагами Франціи. Драматическая поэзія считала своимъ нравственнымъ долгомъ «обновить» прошлое, чтобы спасти современниковъ отъ повторенія старыхъ заблужденій, т.-е. отъ фанатизма [94].

Эпоху лиги драматурги считаютъ «особенно ненавистной для философовъ». Религіозная нетерпимость вызвала гражданскую войну, но не создала гражданскаго порядка. Она надолго лишила націю благъ политической свободы. Религіозныя войны, по мнѣнію людей XVIII вѣка, настоящая причина деспотизма, поработившаго Францію со времени Ришелье [95]. У просвѣтителей, слѣдовательно, были всѣ основанія – идти по слѣдамъ Вольтера.

Подражаніе иногда доходитъ до полнаго воспроизведенія на сценѣ разсказовъ *Генріады*. Такова драма *La destruction de la ligue*. Ея содержаніе—осада Парижа Генрихомъ IV.

Первый актъ ничто иное, какъ десятая пѣснь вольтеровской поэмы. Предъ нами усердный католикъ, отецъ семьи, едва не умирающій съ голода, но глубоко вѣрующій—и въ католичество и въ его служителей. Священники утѣшаютъ несчастныхъ обѣщаніями небесныхъ радостей по смерти,

---

[93] *Consid. généralis sur la Kenriade. O. compl. de V.* Paris 1828, XIII, 396.

[94] *La destruction de la ligue ou la réduction de Paris,* pièce nationale en quatre actes. Amsterdam 1782. *Préface*, p. I. На изданіи не стоитъ имени автора, но уже стиль предисловія обличаетъ перо Мерсье.

[95] *Ib.* p. IV. Тотъ же самый смыслъ имѣютъ характеристики Ришелье, Мазарини и Людовика XIV въ *Генріадѣ*, chant VII, p. 108—9.

дѣйствуютъ на ихъ воображеніе процессіями, предсказаніями чудеснаго избавленія и неминуемой гибели короля-еретика. Но истинный смыслъ дѣйствій духовенства раскрывается въ бесѣдѣ двухъ священниковъ. Оказывается, у нихъ большіе запасы продовольствія, но они искусно скрываютъ отъ народа свое положеніе, умѣютъ послѣ роскошнаго обѣда—явиться предъ толпой съ постными вытянутыми лицами, съ трясущимися ногами, говорить пророческимъ тономъ и вообще превосходно играть роль святошъ и мучениковъ. Здѣсь же они открываютъ другъ другу тайну своей власти надъ народомъ. Ихъ цѣль—гасить мысль, народъ — безсмысленное стадо, дающее стричь себя кому угодно:—пока онъ въ такомъ состояніи — власть духовенства обезпечена. Каждый проблескъ разума, свободнаго слова—гибель для церкви,—собесѣдники величайшимъ бѣдствіемъ считаютъ—книгопечатаніе. Но, по ихъ мнѣнію, еще тысячу лѣтъ цѣпь предразсудковъ и невѣжества будетъ сковывать человѣчество и оно искренне будетъ приходить въ ужасъ отъ проклятій Рима и въ восторгъ отъ надежды на мученическіе вѣнцы [96].

Совершенно другой міръ—Генрихъ и его министръ Сюлли. Генрихъ — истинный государь — философъ. Онъ вполнѣ согласенъ съ своимъ другомъ,—государи должны постепенно освободить людей отъ суевѣрій, унижающихъ разумъ, подавляющихъ нравственную энергію,—и создать «разумный культъ, достойный человѣка». Генрихъ представляетъ даже программу ближайшихъ реформъ: уничтоженіе ежегодной дани Риму, отмѣна безбрачія духовенства, упраздненіе монастырей—и вообще «всѣхъ произвольныхъ и странныхъ цѣпей, сковывающихъ права человѣка и гражданина». Генрихъ и Сюлли единодушно преклоняются предъ «священнымъ ученіемъ евангелія», но не могутъ допустить власти священниковъ надъ королями и рабство народа предъ «непроницаемой смутой догматовъ и таинствъ» духовенства [97].

---

[96] *La Destruction*. Acte I, 5.
[97] Acte II, 3.

Общій строй этой драмы—обычный: идеальный Генрихъ IV —*чувствительный* человѣкъ: онъ тайно посылаетъ хлѣбъ осажденнымъ парижанамъ, его сердце—пріютъ «гуманности, покинувшей алтари» [98]. Его враги—лишены всякаго чувства, они отнимаютъ у сына трупъ матери, восьмидесятилѣтней старухи, чтобы бросить его на живодерню...

Ужаснѣйшій эпизодъ религіозныхъ смутъ напомнила драма—*Jean Hennyer, evêque de Lisieux*. Первое изданіе драмы вышло въ 1772 году, въ двухсотлѣтнюю годовщину Варѳоломеевской ночи. Имя Генриха IV и здѣсь, конечно, занимаетъ центральное мѣсто. При крайне возбужденномъ настроеніи общества въ послѣдніе годы царствованія Людовика XV, воспоминанія о популярномъ королѣ легко переходили въ укоризны по адресу современнаго правительства,—и большая часть драмы посвящена политическому вопросу. Дворъ, совѣтники короля подвергаются жестокому униженію, епископъ подробно рѣшаетъ вопросъ о пассивномъ повиновеніи верховной власти. Варѳоломеевской ночи посвященъ въ высшей степени эффектный разсказъ гугенота, избѣжавшаго смерти при всеобщемъ истребленіи протестантовъ. Рѣчи католическаго епископа, исполненнаго гуманныхъ чувствъ, проникнуты сердечностью. Все это на современниковъ производило чарующее впечатлѣніе: автору были благодарны за восторги передъ личностью Генриха IV и за чувствительныя сцены мира и терпимости между гугенотами и католическимъ престоломъ [99]. «Я не сомнѣваюсь, — говоритъ современникъ,—что эта драма скоро появится на сценахъ во всѣхъ странахъ, гдѣ фанатизмъ недостаточно вліятеленъ, чтобы мѣшать прогрессу разума и терпимости. Такіе спектакли гораздо полезнѣе для народа, чѣмъ испанскія

---

[98] Acte II, 7.

[99] Епископъ лицо дѣйствительное, жилъ отъ 1497 до 1578 года. Въ предисловіи къ пьесѣ разсказаны факты, легшіе въ основу ея содержанія. Епископъ отказался привести въ исполненіе приказъ короля—истребить гугенотовъ: единственный примѣръ гуманности въ эту эпоху, прибавляетъ Мерсье.

фанфоронады римлянъ Корнеля и вся благозвучная французская болтовня грековъ Расина»[100].

Но во Франціи драма не могла не только появиться на сценѣ,— даже быть напечатана. Оба изданія ея вышли заграницей: первое—въ Женевѣ, второе—въ Лондонѣ.

Благодаря отмѣнѣ Нантскаго эдикта, писатели могли освободить себя отъ историческихъ изысканій въ области религіозныхъ гоненій: новѣйшая дѣйствительность представляла сколько угодно мотивовъ для драмы. Однимъ изъ нихъ сначала воспользовался Мармонтель для разсказа. Протестантъ изъ города Нима по имени Фабръ былъ захваченъ солдатами на молитвенномъ собраніи гугенотовъ,—и присужденъ къ ссылкѣ на галеры. Сыну удалось заступить мѣсто отца и вытерпѣть за него каторгу. Другъ Дидро Фенуйо-Фальберъ вошелъ въ переписку съ этимъ героемъ: Фабръ—сынъ уже находился на свободѣ послѣ семилѣтняго пребыванія на галерахъ, но все еще былъ лишенъ гражданскихъ правъ. Его письма къ Парижскому автору произвели сенсацію,—новое литературное произведеніе могло только усилить интересъ публики къ «честному преступнику»[101]. Фенуйо, какъ и слѣдовало ожидать, сдѣлалъ изъ эпизода чувствительную мѣщанскую драму. Въ современномъ театральномъ журналѣ писали: «Вотъ одно изъ произведеній, разсчитанныхъ на сердце и душу, драма чувства, которую съ полнымъ основаніемъ можно рекомендовать молодымъ и зрѣлымъ читателямъ всякаго сословія и состоянія»[102].

Въ драмѣ вопросъ о религіи и терпимости остается на второмъ планѣ. Современникъ даже недоволенъ авторомъ: главный герой ведетъ себя слишкомъ скромно, не говоритъ о вѣрѣ, за которую страдаетъ, не обнаруживаетъ восторга среди страданій[103]. Этотъ упрекъ—для автора похвала. Его

---

[100] *Corresp. litt.* X, 54.

[101] *Corresp. litt.* VIII, janv. 1768.

[102] *Affiches*, 23 nov. 1768, № 47, p. 186.

[103] Grimm. *Corresp. litt.* VII, 486—7.

драма не страдаетъ риторикой, не переполнена отвлеченнымъ резонерствомъ и дѣйствуетъ на зрителей силою чувства. Гугеноты защищаютъ себя и оправдываютъ свою религію не доводами разсудка, не словами, а личною жизнью, исполненной самоотверженія и гуманности. Тамъ, гдѣ сынъ идетъ на каторгу вмѣсто отца за общія убѣжденія, гдѣ незаслуженныя страданія не только не ожесточаютъ страдальца, но въ теченіе долгихъ лѣтъ уживаются рядомъ съ чувствительнымъ сердцемъ, чистой отзывчивой душой, отъ такихъ людей, очевидно, естественнѣе всего ожидать гражданскихъ доблестей и образцовой службы отечеству. Именно такимъ выводомъ и оканчивается драма. Старый протестантъ говоритъ католикамъ: «Если мы въ чемъ-нибудь и заблуждаемся и не сходимся съ вами, святыя чувства преданности отечеству и нашему государю соединяютъ насъ съ остальными гражданами»[104].

Судьба гугенотовъ, конечнно, привлекаетъ особенное вниманіе французскихъ драматурговъ. Но эта судьба стояла въ связи съ общеевропейскимъ вліяніемъ католичества. Гоненія на протестантовъ во Франціи находили сочувствіе въ иноземныхъ государяхъ-фанатикахъ,—и авторъ драмы *La Destruction de la ligue* не преминулъ предупредить читателей, что Варѳоломеевская ночь была подготовлена и обсуждалась въ теченіи семи лѣтъ между дворами Карла IX и Филиппа II. [105]. Личность испанскаго короля, слѣдовательно, неизбѣжно возставала въ вооображеніи авторовъ, лишь только они останавливались на исторіи фанатизма. Кромѣ того, Филиппъ II въ XVIII вѣкѣ вообще считался совершеннымъ типомъ фанатика и деспота. Шиллеръ талантливѣйшій выразитель этой идеи. Его драма пріобрѣла всемірную извѣстность, во французской литературѣ появилась пьеса Мерсье *Portrait de Philippe II, roi d'Espagne*. И это была не первая трагедія о Филиппѣ II. Президентъ Эно, поклонникъ и подража-

---

104 *L'honn. crim.* Acte V, 6.
105 *Préface*, p. VII.

тель Шекспира, раньше Мерсье воспользовался этою фигурой. Мерсье говоритъ, что онъ самъ пришелъ въ ужасъ, создавъ своего героя [106]. Филиппъ—принципіальный деспотъ и основываетъ свои принципы на первородномъ грѣхѣ человѣчества. «Съ народомъ ничего не достигнешь путемъ милосердія. Бичомъ и желѣзомъ слѣдуетъ управлять имъ,—и тотъ, кто щадитъ народъ,—рано или поздно становится жертвой своей снисходительности. Человѣческая раса навсегда испорчена въ самомъ источникѣ. Слѣдуетъ безпрестанно свирѣпствовать, чтобы помѣшать естественной склонности человѣческаго рода къ разврату [107]. Его религіозныя убѣжденія не менѣе рѣшительны: «Спасеніе зависитъ отъ слѣпой вѣры». Но религія въ его глазахъ имѣетъ назначеніе преимущественно политическаго орудія. «Лучшее средство,—говоритъ онъ,—довести до полнаго отупѣнія умъ юноши—погрузить его въ крайнюю набожность. Ничто лучше не обезпечиваетъ покорности подданнаго, чѣмъ слѣпая преданность католическимъ догматамъ. Брутъ, связанный исповѣдью, никогда бы не поразилъ Цезаря. Съ религіей и ея священниками я хочу создать болѣе неограниченную и болѣе могущественную имперію, чѣмъ мой отецъ съ своими многочисленными арміями» [108]. И его миссіонеры распространяютъ

---

[106] *Portrait de Phil. II.* Amst. 1785. *Précis historique,* p. II. Въ пьесѣ Мерсье много сходныхъ черть съ драмой Шиллера,—напримѣръ,—отношенія Донъ Карлоса и королевы Елизаветы, сцена между принцемъ и королевой, уговаривающей его—отдать всѣ свои силы народу,—почти буквально соотвѣтствуетъ Шиллеровской сценѣ. Но Филиппъ II у Мерсье является безъ всякихъ проблесковъ гуманнаго настроенія.

[107] „La race humaine tient toujours de son origine carrompue. Il faut sévir sans lesse pour l'empêcher de retourner au penchant qui l'entraîne à la perversité naturelle". Acte I, Sc. 20.

[108] Acte I, 4. „Le meilleur moyen d'abrutir l'esprit d'un jeune homme est de le plonger dans une dévotion outréc... Rien n'assure mieux la soumission d'un sujet, qu'un attachement aveugle aux dogmes catholiques.. Brutus enchaîné, par la confession n'eut jamais frappé César. Avec la réligion et ses prêtres je veux aequérir un empire plus illimité et plus puissant que n'auraient pu faire les nombreuses armées de mon père".

католическое ученіе съ такими жестокостями, что даже находится монахъ, отказывающійся отправиться въ Америку миссіонеромъ. По инициативѣ Филиппа, во Франціи открывается гоненіе на гугенотовъ. Малѣйшій проблескъ свободной мысли приводитъ его въ ярость. Онъ, подобно священникамъ французской лиги, громитъ проклятіями книгопечатаніе, готовъ смести его съ лица земли [109].

Мы видимъ,—въ философскихъ драмахъ раскрываются двѣ основныя черты политики духовенства — стихійное вліяніе на суевѣрную толпу и стремленіе располагать свѣтской властью, пользоваться представителями ея, какъ послушнымъ орудіемъ. Эта политика воодушевила фанатическую дѣятельность Филиппа II и создала религіозныя смуты во Франціи. Но съ эпохи реформаціи папство встрѣчало суровый отпоръ въ лицѣ такихъ государей, какъ Генрихъ IV и—цѣлыхъ націй, въ родѣ нидерландцевъ. Въ средніе вѣка проклятія римскаго первосвященника на непокорныхъ гремѣли невозбранно надъ цѣлыми народами. Протестъ отдѣльныхъ личностей въ результатѣ только усиливалъ блескъ папскаго престола. Одинъ изъ драматурговъ взялъ задачей изобразить эту борьбу, показать публикѣ XVIII вѣка, какія бѣдствія народовъ и государей вызывало честолюбіе католическаго первосвященника.

Въ 1767 году въ Женевѣ была напечатана трагедія Гюдона де-Брюнелля *Lothaire et Valrade ou le royaume mis en interdit*. Въ Римѣ ее сожгли по распоряженію инквизиціи. Черезъ десять лѣтъ вышло второе изданіе въ Женевѣ, но было похищено и автору осталось неизвѣстнымъ, какъ оно разошлось. Въ третій разъ трагедія была напечатана въ Парижѣ въ 1801 году [110]. Второе изданіе посвящено Вольтеру

---

[109] Acte I, sc. 47.

[110] *Corresp. litt.* XI, 309. Тотъ же авторъ въ 1776 году выпустилъ въ высшей степени жестокую сатиру на царствованіе Людовика XV—*Aux mânes de Louis XV et des grands hommes qui ont vécu sous son règne*. Бомарше удостоивается величайшихъ похвалъ: авторъ называетъ его Брутомъ и Катономъ Франціи за его процессъ съ Гезманомъ и *Мемуары*.

съ эпиграфомъ: «C'est la cause des rois. que j'ai voulu défendre». Трагедія направлена противъ папства, хотя, можетъ быть, авторъ несовсѣмъ удачно выбралъ сюжетъ: вмѣшательство папы въ семейныя дѣла короля, оставившаго законную жену ради другой женщины. Подобныя нарушенія брачныхъ союзовъ со стороны средневѣковыхъ государей и феодаловъ нерѣдко были дѣйствительно своеволіемъ сильнаго,—и авторитетъ церковной власти, здѣсь могъ быть голосомъ справедливости. Но для автора, важенъ не самый мотивъ папскаго вмѣшательства, а сопутствующія обстоятельства и въ особенности общіе принципы средневѣковаго католичества. Король Лотарь оставилъ жену Эмирену и женился на Вальрадѣ. Папа прислалъ легата расторгнуть этотъ бракъ и казнить Вальраду. Лотарь разсказываетъ легату, сколько несчастій причиняетъ государствамъ деспотизмъ папы. «Путь пословъ римскаго первосвященника обозначаютъ поля, покрытыя мертвецами, развѣянный по вѣтру пепелъ, кровавыя развалины городовъ...» Легатъ отвѣчаетъ: «Въ крови отлученныхъ омываются судьи».—«На васъ, слѣдовательно, не простирается власть гуманности?»—«Нѣтъ, я слушаю только Бога, я повинуюсь только Его голосу»[111]. Лотарь отказывается исполнить волю легата, тогда тотъ прибѣгаетъ къ интердикту: «Не пощадимъ ничего, покажемъ всѣмъ королямъ, насколько тщетны ихъ стремленія избѣжать нашихъ законовъ»,—и легатъ возбуждаетъ подданныхъ Лотаря къ возстанію: ссылается на безчисленные примѣры, обѣщаетъ отпущеніе всѣхъ злодѣяній, даже убійствъ, тому, кто убьетъ отлученнаго короля. Въ послѣднемъ актѣ въ сильныхъ краскахъ изображена слѣпая покорность толпы представителю церкви. Лотарь—популярный государь, его любятъ всѣ подданные; легатъ внушаетъ отвращеніе, но повинуются ему, а не королю. Одна изъ придворныхъ дамъ разсказываетъ Вальрадѣ о вліяніи легата на толпу: «Этого священника проклинаютъ, но идутъ за нимъ. Высшая непреодолимая власть сообщаетъ

[111] *Lothaire.* A Rome de l'impimerie de Vatican, 1777. Acte IV, 3.

всѣмъ его рѣчамъ непобѣдимую силу. Онъ говоритъ и всѣхъ охватываетъ дрожь. Каждый, исполненный ужаса, повинуется его приказанію и служитъ ему противъ своей воли. И даже я, вся подъ вліяніемъ окружающаго ужаса, я не въ силахъ повѣрить, чтобы Богъ повелѣвалъ намъ измѣнять клятвамъ, ниспровергать законы, изгонять, низлагать, проклинать нашихъ королей,—и я не дерзаю, однако, остаться вамъ вѣрной. Я боюсь оскорбить *его*, питая къ вамъ любовь. Я вижу, что онъ готовъ наказать меня, и я прихожу, охваченная дрожью, и, предлагаю совершить по его приказу возмутительное преступленіе. И короли, когда на нихъ падаетъ его ярость, вмѣстѣ съ нами обрекаются на адскія муки. Спасите же вашу пораженную проклятіемъ жизнь, ваши слишкомъ преступные дни отъ неотразимаго возмездія, отъ вѣчнаго огня» [112].

Дѣятельность легата влечетъ цѣлый рядъ страшныхъ катастрофъ. Онъ самъ дрожитъ при видѣ своихъ преступленій, онъ сознаетъ ихъ, но здѣсь же обращается къ толпѣ съ такими словами: «Вы, народы, свидѣтели преступленія и кары, преклонитесь предъ Вѣчнымъ и страшитесь Его правосудія».

Сожженіе перваго изданія трагедіи, очевидно, было исполнено не совсѣмъ удачно. Спустя двѣ недѣли послѣ сожженія мы встрѣчаемъ такое извѣстіе: «Священники смотрятъ на это произведеніе какъ на одно изъ самыхъ скандальныхъ, какія только появлялись съ давнихъ поръ». Это значитъ, прибавляетъ современникъ, «оно дѣлаетъ особенную честь человѣческому разуму» [113]. Слѣдуетъ замѣтить, — авторъ

---

[112] Acte V, 3. Въ уста легата, говорящаго къ толпѣ, вложены слѣдующія слова:

Songez qu'Aod, Buza, Judith et Samuel
En massacrant des rois ont obtenu le ciel.
Osez, comme eux, d'un Dieu miriter l'indulgence,
Les erreurs, les fortaits, le meurtre, la licence,
Tout sera pardonné, tout au zélé chrétien,
Qui de ce roi proscrit pourra percer le sein. (Acte V, 10).

[113] *Mém. secr.* 14 nov. 1768.

этого вывода здѣсь же выражаетъ глубокое сожалѣніе о побѣдѣ новой философіи надъ религіей, ея нравственнымъ ученіемъ, догматами, культомъ, служителями [114]. Очевидно, католическихъ священниковъ XVIII вѣка естественно было отдѣлять не только отъ религіи и нравственности, но даже отъ настоящихъ служителей церкви.

Всѣ эти нападки на католическое духовенство, собраны въ цѣльную и крайне смѣлую картину Фенуйо де-Фальбэромъ въ трагедіи *Les Jammabos ou les moines japonais*. По словамъ Дидро, этотъ поэтъ всѣ свои силы сосредоточилъ на изображеніи духовенства [115]. Пьеса *Les Jammabos* вызвана современнымъ вопросомъ, бичуетъ іезуитовъ: такъ заявляетъ самъ авторъ въ предисловіи. Трагедія, кромѣ того, изобилуетъ несомнѣнными указаніями на этотъ предметъ, и онъ же подробно излагается въ примѣчаніяхъ. Политика католической церкви выражена въ слѣдующихъ словахъ принца Таммы, обращенныхъ къ его старшему брату, приверженцу Жаммабо: «Священники тебѣ будутъ говорить, что власть на землѣ, установленная небомъ, не можетъ быть ограничена. Они, сдѣлавшись высшими представителями правительства, превратятъ тебя въ деспота, чтобы самимъ быть деспотами. Но если со временемъ ты вздумаешь сбросить иго,—будь увѣренъ,—они внезапно заговорятъ другимъ языкомъ и измѣнятъ взгляды: станутъ оправдывать преступленія противъ верховной власти, взвѣшить на алтаряхъ твои титулы и твои права, разсуждать, когда можно убивать королей, начнутъ проповѣдовать твоимъ подданнымъ свободу и возбуждать среди нихъ духъ мятежа. Такими всегда были эти опасные люди, такими они останутся до конца вѣковъ» [116].

---

[114] *Ib*. 22 sept. 1768.

[115] Письмо къ Гаррику отъ 20 янв. 1764 года. Дидро высоко ставилъ талантъ и благородныя стремленія молодаго драматурга. Онъ совѣтовалъ ему даже писать для лондонскаго театра, такъ какъ французская цензура запрещала выводить на сцену епископовъ, священниковъ, монаховъ, и даже аббатовъ. Ср. Desnoiresterres. *La com. Sat*. p. 168.

[116] *Les Jammabos*. 1779 безъ обознач. города. Эпиграфъ: Sint ut sunt aut non sint. Et respondit terra,—non sint. Рѣчь Таммы. - Acte II, 1. .

Авторъ заставляетъ самого главу Жаммабо открыть принципы ордена: «Пусть каждый изъ насъ пользуется оружіемъ, какое ему больше подходитъ. Будемъ проповѣдовать при всякомъ случаѣ сообразно съ нашими интересами: деспотизмъ государямъ, бунтъ—подданнымъ, однихъ будемъ превращать въ тирановъ, другихъ въ цареубійцъ и будемъ одновременно ихъ оракулами и ихъ вождями». Въ особенности слѣдуетъ овладѣвать людьми предъ ихъ кончиной: «когда человѣкъ ослабѣваетъ, мы становимся его господами» [117].

Первый министръ императора такъ выражается о священникахъ: «Творецъ, создавая всѣ существа изъ глины, обмакнулъ ее въ желчь, создавая священниковъ». Глава Жаммабо, будто подтверждая эту мысль, дѣлаетъ чудовищное признаніе своему наперснику: «слушай, другъ, мы теперь безъ свидѣтелей: если есть боги,—повѣрь мнѣ, я въ нихъ не нуждаюсь. Я не хочу и не жду поддержки неба: оно даетъ мнѣ свое имя, а моя рука дѣлаетъ остальное».

Но, по мнѣнію императора, т.-е. самого автора, теперь эти люди не страшны: «времена перемѣнились». Жаммабо все еще честолюбивы, искусно прикрываютъ свою слабость маской силы,—но писатели уже давно подкопали основы надменнаго колосса. «Писатели безраздѣльно управляютъ общественнымъ мнѣніемъ, величайшей пружиной въ государственномъ порядкѣ. Если Жаммабо будутъ уничтожены,—это будетъ подвигомъ литературы [118].

Орденъ іезуитовъ уже оффиціально не существовалъ во Франціи, когда Фенуйо издалъ трагедію. Шуазелю писатели неоднократно посвящали свои произведенія, Фенуйо свою

---

[117] Acte II, 4:

Que chez nous chacun trouve une arme à son usage.
Oui, prêchons tour à tour selon nos interêts,
Le despotisme aux rois, la révolte aux sujets,
Rendons les uns tyrans, les autres régicides,
Et soyons à la fois leur oracles et leurs guides.

[118] Монологи перваго министра, императора и рѣчь главы монаховъ перепечатаны въ *Corresp. litt* XII, janvier 1780.

пьесу посвятилъ памяти Генриха IV, можетъ быть,—потому, что зналъ участіе министра въ дѣятельности Палиссо противъ философовъ или потому, что хотѣлъ придать своей трагедіи болѣе широкій смыслъ, чѣмъ обличеніе іезуитовъ: въ посвященіи онъ защищаетъ гугенотовъ, ихъ гражданскія добродѣтели и восхваляетъ протестантское вѣроисповѣданіе. По его словамъ, разумъ успѣлъ уничтожить фанатизмъ, но раны, нанесенныя лучшимъ гражданамъ Франціи, еще не закрылись, Очевидно, авторъ не совсѣмъ вѣритъ и въ побѣду разума надъ фанатизмомъ, именемъ Генриха IV Франція умоляетъ потомковъ великаго короля не преслѣдовать религіи, давшей Генриха IV и двухъ Сюлли.

Эти мольбы въ концѣ XVIII вѣка были далеко не излишни. Старинный фанатизмъ правовѣрныхъ католиковъ вспыхивалъ яркимъ пламенемъ при всякомъ случаѣ. За два года до революціи появился *Эдиктъ терпимости*, возвращавшій гугенотамъ гражданскія права. Правительство считало эдиктъ «великимъ актомъ законодательства»[119]. Такъ смотрѣла на дѣло и болѣе гуманная часть французской націи, требовавшая впослѣдствіи въ *наказахъ* «полнаго примѣненія» эдикта на практикѣ[120]. Но нашлось также не мало недовольныхъ *эдиктомъ*,—даже въ самомъ Парижѣ,—прежде всего аристократы, поручавшіе духовнымъ писателямъ составлять памфлеты на новый законъ и усердно распространявшіе ихъ. Монахи совершали торжественныя богослуженія, молясь о томъ, чтобы Богъ отвратилъ короля отъ пагубнаго намѣренія—терпѣть протестантовъ[121]. При такихъ условіяхъ драмы, защищавшія гугенотовъ и идею терпимости не могли появиться на парижскихъ сценахъ. Провинція—мы видѣли—была гораздо либеральнѣе и въ теченіи второй половины XVIII-го вѣка смотрѣла представленія пьесъ, запрещенныхъ въ столицѣ.

---

[119] *Archives* I, 268. *Discours de M. Lamoignon à la séance du roi au Parlement, le 19 novembre 1787.*

[120] Chassin. *Les cahiers.* IV, 40.

[121] Bersot. *Etudes.* p. 202—3.

Въ этомъ отношеніи только Версальскій театръ шелъ иногда наравнѣ съ провинціальными. Маріи Антуанетѣ удалось выхлопотать постановку на придворной сценѣ драмы *L'honnête criminel*. Но одной драмой все и ограничилось. Парижу пришлось ждать революціи, чтобы увидѣть на своихъ сценахъ героевъ вѣковаго фанатизма и ихъ жертвъ [122].

Революція открыла двери театровъ вообще произведеніямъ, нападавшимъ открыто на католичество. Это были старыя пьесы, нѣкоторыя написанныя больше чѣмъ за двадцать лѣтъ до появленія на сценѣ. Фактъ подтверждалъ—полную цѣлесообразность политики Вольтера—поражать *l'infâme* подъ прикрытіемъ разныхъ языческихъ культовъ. Такого рода трагедіи еще могли проникнуть на сцену, но лишь только авторы снимали маски съ своихъ героевъ,—цензура проявляла неумолимую строгость. Та же революціонная эпоха показала, какія именно противоцерковныя пьесы подвергались исключительному гоненію и, между тѣмъ, какъ нельзя болѣе удовлетворяли запросамъ общественнаго мнѣнія. Это—пьесы, направленныя противъ фанатичнѣйшей части духовенства—монаховъ и противъ учрежденій, особенно ненавистныхъ новому духу разума и природы.

IV.

Появленіе на сценѣ драмъ, враждебныхъ монахамъ и монастырямъ, совпадаетъ съ законодательной дѣятельностью революціонеровъ. Лишь только въ національное собраніе было внесено предложеніе аббата Монтескью противъ монашескихъ обѣтовъ, орденовъ и конгрегацій, связанныхъ съ обѣтами,—въ театрѣ ставятъ драмы, *Le Couvent*, *Victimes Cloîtrées*, переполненныя ужасами. Въ *Le Couvent* герои впервые появляются на сценѣ въ монашескихъ костюмахъ. Дальше слѣ-

---

[122] Первое представленіе *L'honn. crim.* состоялось на сценѣ *Théâtre de la Nation* 4 января 1769 года. *Corresp. litt.* XV, 508.—Muret. *L'histoire par le théâtre.* I, 43—4.

дуютъ пьесы, безъ всякаго удержу и мѣры, громящія монашескую жизнь, монастырскіе нравы, изображающія обитателей монастырей въ самыхъ отталкивающихъ положеніяхъ [123]. Этому вновь возникшему репертуару предшествуютъ драмы, написанныя на ту же тему еще при старомъ порядкѣ, но встрѣтившія непреодолимую цензуру *Ericie ou la Vestale*, драма Фонтанеля и *Melanie ou la rѐligieuse*—Лагарпа.

По поводу *Весталки* парижскій архіепископъ устроилъ собраніе священниковъ и докторовъ Сорбонны. Собраніе запретило пьесу представлять и даже печатать. Это не помѣшало ей идти на сценѣ въ Ліонѣ. Но и здѣсь ее вскорѣ запретили, а въ Парижѣ сожгли руками палача. Пьеса, все-таки, появилась въ печати,—разнощиковъ принялись ставить къ позорному столбу [124]. Вышло дѣйствительно, по выраженію современника, настоящее государственное дѣло. *Mѐlanie* Лагарпа появилась въ февралѣ 1770 года и немедленно завладѣла вниманіемъ публики. Въ три дня разошлось 2,000 экземпляровъ, хотя цензура выбросила почти цѣлую сцену [125]. Къ восторгамъ публики присоединилась философская партія—въ лицѣ Даламбера и Вольтера: одинъ считаетъ *Монахиню* лучшимъ произведеніемъ Лагарпа, другой—произноситъ проклятіе на всякаго, кто не будетъ плакать, читая драму [126]. Архіепископъ запретилъ трагедію даже на частныхъ сценахъ,—запрещеніе, какъ намъ извѣстно, не достигшее цѣли. Во время революціи драма имѣла блестящій успѣхъ и служила смягчающимъ обстоятельствомъ для автора, измѣнившаго своимъ убѣжденіямъ.

Обѣ драмы написаны на одну и ту же тему, уже встрѣченную нами раньше, — о насильственныхъ обѣтахъ. Мы

---

[123] *Hist. du th. fr.*, par C. Q. Etienne et A. Martainville. II, 49. Muret. *O. c.* I, 45—46.

[124] *Mém. secr.* 11 jn. 1768.

[125] Выброшенные стихи напечатаны въ *Corresp. litt.* VIII, 472.

[126] *Lettres.* II, 43, 49. Эта пьеса, несомнѣнно, повліяла вообще на отношеніе философовъ къ произведеніямъ Лагарпа, крайне благосклонное и горячее. *Lettres.* II, 104, 112, 207.

слышали въ *Друидахъ*, въ *Идоменеѣ* возмущеніе противъ принудительныхъ жертвъ богамъ. Драмы Фонтанеля и Лагарпа посвящены исключительно этому вопросу. Въ одной героиня—римская весталка, въ другой—будущая католическая монахиня,—но сущность драматическихъ положеній тождественна. Въ уста старой весталки вложена слѣдующая характеристика монастыря: «Отчаяніе, смущеніе, ужасъ царствуютъ со всею яростью въ этой оградѣ. Здѣсь, подъ гнетомъ обязанностей, душа непрестанно стонетъ. Вѣчный коршунъ терзаетъ ее, рыданія не смѣютъ вырываться изъ груди. Здѣсь страшатся слезъ и подавляютъ ихъ. Даже добродѣтель, столь кроткая и мирная въ другомъ мѣстѣ, здѣсь является для насъ жесточайшимъ наказаніемъ» [127].

Это описаніе сопровождается обычнымъ негодованіемъ на жреческое представленіе о богахъ, какъ о тиранахъ и кровожадныхъ мучителяхъ. «Первичный обѣтъ человѣка быть свободнымъ. Какая клятва можетъ отмѣнить этотъ обѣтъ? Тѣ, кто прибѣгаетъ къ насилію, развѣ могли уничтожить его? Развѣ значитъ оскорблять небо и совершать преступленія,—разбивая невыносимое иго рабства? Неужели боги находятъ удовольствіе въ нашихъ мученіяхъ, въ нашихъ слезахъ, въ нашихъ крикахъ и стонахъ? Неужели они обременяютъ насъ оковами и цѣпями? Мы ихъ дѣти, а не рабы» [128]. Но всѣ усилія автора направлены на изображеніе беззащитной участи дѣвушекъ, насильно попадающихъ въ заключеніе. Та же весталка характеризуетъ рабскую судьбу жен-

---

[127] *Ericie*. Londres 1768, безъ имени автора. Acte I, 3.

[128] Acte III, 4.

Le premier voeu de l'homme est celui d'être libre.
Quel serment à ce voeu peut jamais déroger?
Ceux qui imposent la force ont—ils pu l'abroger?
Est—ce offencer le ciel et se rendre coupable,
Que de briser un joug, un joug insupportable?
Les Dieux se plaisent—ils à causer nos tourments,
A voir nos pleurs, nos cris et nos gémissements?
Entassent—ils sur nous les fers et les entraves?
Nous sommes leurs enfants et non pas leurs esclaves.

щины. «Развѣ когда-нибудь нашему полу предоставляется свобода? Жертва моды, раныня обычая, она должна взять себѣ супруга по обязанности, а не по выбору, пресмыкаться предъ его властью, повиноваться его волѣ, выносить его пороки, уважать капризы, ласкать его, оказывать почетъ даже его обидамъ. Развѣ можно желать столь ненавистнаго положенія?»

Весталка не забываетъ и отношеній родителей къ дочерямъ,—ужаснаго обычая при старомъ порядкѣ,—хоронить заживо дочерей въ интересахъ сыновей. Все это дѣйствительно въ высшей степени драматическіе мотивы и показываютъ искусство автора окружить главную идею крайне популярною чувствительною оправой.

О драмѣ Лагарпа говорили, что въ ней больше «жара и чувствительности», чѣмъ въ какой-либо другой его пьесѣ [129]. Въ первой же сценѣ мать, защищающая дочь противъ отца, заявляетъ: «Наше сердце должно имѣть величайшія права надъ нами». Потомъ: «Слезы несчастья священны для насъ». «Гуманность—вотъ что должно защищать насъ» [130]. Эти мотивы проникаютъ каждую сцену, мрачныя описанія монастырской жизни, негодующее изображеніе монаховъ. Мать героини характеризуетъ монастырь: «Тамъ стонутъ, тамъ горькими слезами омываютъ по ночамъ одинокія ложа, тамъ просятъ у неба милости,—силы жить или рѣшимости умереть. Можетъ быть съ теченіемъ времени горе смягчается, въ потухшихъ глазахъ высыхаютъ, наконецъ, слезы, мрачная подавленность, поражая на смерть, смѣняетъ отчаянье, его бурные взрывы. Но это вѣроломное спокойствіе всегда можетъ перейти въ грозу... Этотъ обманчивый ядъ обѣщаетъ сонъ, но пробужденіе сопровождается часто страшными потрясеніями».

Юный герой драмы спрашиваетъ, почему же монахи и монахини разныхъ орденовъ ежедневно убѣждаютъ другихъ

---

[129] *Corresp. litt.* XVI, 207.

[130] *Mélanie*, Amst. 1770. Acte I, 1; II, 5.

произнести обѣтъ? Ему отвѣчаютъ: «Подъ вліяніемъ подлаго, жестокаго, отвратительнаго чувства, совершенно недостойнаго человѣка и, все таки, несомнѣнно, существующаго. Рабъ, лишенный нравственнаго достоинства, проклинаетъ въ другомъ то, что онъ самъ потерялъ. Онъ втайнѣ льститъ себя надеждой, что удручающая цѣпь станетъ легче, если ее наложить на другихъ. Люди часто ожесточаются среди страданій. Даже въ тюрьмѣ жаждутъ вліянія на другихъ. Вотъ что создаетъ этихъ пламенныхъ проповѣдниковъ, чье фальшивое усердіе населяетъ монастыри. Они хотятъ властвовать надъ другими несчастными, заставить носить иго, возложенное на нихъ самихъ, отомстить за свои страданія. Духъ тиранніи легко проникаетъ въ охладѣлую душу. Право угнетать порабощенныхъ плѣнниковъ является удовольствіемъ для того, кто не знаетъ другихъ радостей».

Въ драмѣ появляется священникъ, врагъ религіознаго рабства и принудительныхъ обѣтовъ. Онъ думаетъ, что человѣку-христіанину, всего просящему у неба, не слѣдовало бы ничего обѣщать. Онъ высказываетъ презрѣніе къ людямъ «безъ принциповъ, безъ мужества, глухихъ къ истинѣ, подчиненныхъ обычаю, считающихъ предразсудки въ числѣ обязанностей»[131].

Въ разобранныхъ драмахъ нельзя не отмѣтить одного въ высшей степени любопытнаго явленія. Очень часто свободомысліе и гуманность воплощаются въ лицѣ священника, епископа, жреца, даже монаха-брамина. Очевидно, нападенія на духовенство чужды слѣпой нетерпимости. Писатели готовы признать исключенія въ ненавистной фанатической средѣ, пользуются этими исключеніями съ безпристрастіемъ философовъ и оптимистической вѣрой просвѣтителей. Одинъ изъ самыхъ энергическихъ защитниковъ новой мысли—Мерсье героемъ драмы избираетъ католическаго епископа, дѣйствительно существовавшаго, но, несомнѣнно, забытаго громаднымъ большинствомъ публики при крайне ограничен-

[131] Acte II, 3.

ныхъ историческихъ познаніяхъ людей XVIII вѣка. Епископъ является выразителемъ благороднѣйшихъ и гуманнѣйшихъ идей, доказываетъ, что философы въ самомъ пылу борьбы оставались несравненно терпимѣе и справедливѣе своихъ враговъ, не допускавшихъ ни единаго свѣтлаго проблеска въ новомъ движеніи. У вѣрнаго ученика экономической секты, великій друидъ мыслитъ какъ философъ, какъ почитатель Вольтера рядомъ съ толпой своихъ товарищей-фанатиковъ. Въ драмѣ, популярной даже среди революціонной публики, священникъ ведетъ борьбу за гуманность и прогрессъ. Только у Вольтера сплошная мрачная окраска лежитъ на всемъ, что причастно церкви и іерархіи. Въ результатѣ мы можемъ сдѣлать заключеніе, намѣченное уже выше: противоцерковная борьба въ XVIII вѣкѣ въ общемъ не была противурелигіозною борьбой, и навѣты современниковъ, будто философы разрушаютъ религію, оказываются обвиненіемъ, преувеличеннымъ въ жару полемики. Лагарпъ въ своей *Корреспонденціи* писалъ: «Дидро обезчестилъ свою философію, проповѣдуя атеизмъ»[132]. Основатель *Энциклопедіи* многими идеями могъ подать поводъ къ такому обвиненію, но въ драмѣ онъ обнаруживаетъ глубокое сочувствіе вѣрѣ. У него одно изъ дѣйствующихъ лицъ упрекаетъ автора драмы въ томъ, что онъ не упомянулъ о Богѣ въ извѣстной сценѣ: «развѣ запрещено произносить со сцены святое имя Бога?» Правда, это лицо принадлежитъ къ народу, но Дидро одарилъ его всѣми совершенствами чувствительнаго, т.-е. идеальнаго человѣка. Оно даже приходитъ въ восторгъ отъ «христіанской морали» [133]. Но тотъ же Дидро въ драмѣ *Le père de famille* раньше всѣхъ другихъ авторовъ изобразилъ бѣдствія и общественный вредъ монастырской жизни. Христіанская мораль признается идеальной и другими авторами. Манко-Капакъ говоритъ: «Богъ гражданина, въ обществѣ, долженъ быть богомъ мира, любви, гу-

[132] *Corr. litt.* IV, 275.

[133] *Oeuvres. c.* IV, 150. *Entretiens sur le Fils Naturel.*

[134] Acte II, 2.

манности»[135]. Если служитель религіи удовлетворяетъ этимъ принципамъ, онъ признается служителемъ истиннаго Бога. Генрихъ IV преклоняется предъ «священнымъ ученіемъ Евангелія», и по мнѣнію автора драмы, осуществленіе этого ученія въ дѣйствительности — ничто иное какъ идеальная монархія государя-философа[136]. Намъ говорятъ, что источникъ религіи—сердце, этимъ отрицается, слѣдовательно, историческая церковь и ея іерархія, но не отрицаются вообще духовные руководители вѣрующихъ. Авторы драмъ этого не дѣлаютъ даже въ тѣхъ случаяхъ, когда даютъ полную свободу своимъ идеямъ, не разсчитывая на допущеніе пьесы ни на сцену, ни въ печать. Великій друидъ указываетъ на разумъ и сердце, въ противовѣсъ традиціямъ и суевѣріямъ, и, въ то же время, у него есть готовая программа дѣятельности духовенства: оно должно просвѣщать толпу и бороться съ суевѣріями и предразсудками,—въ нравственномъ отношеніи священникъ долженъ стать человѣкомъ. Свобода мысли и гуманность—основы просвѣтительной философіи—должны входить въ вѣроученіе идеальной религіи и священники такимъ путемъ сливаются съ философами и просвѣтителями. Философы готовы были привѣтствовать мысль и сердце во всякомъ одѣяніи и въ этомъ отношеніи были терпимѣе аристократовъ, издѣвавшихся надъ духовенствомъ при всякихъ условіяхъ, терпимѣе толпы, ненавидѣвшей духовныхъ по принципу. И мы знаемъ философы находили оправданіе своей терпимости въ самой жизни. Среди фанатиковъ, вродѣ архіепископа Бомона, и безчисленныхъ аббатовъ,—шутовъ и соревнователей развратной знати, — встрѣчались люди свободной мысли и рѣдкаго мужества. Двадцатилѣтній монахъ издаетъ трагедію *Marsellus ou les persécutions*, превосходную защиту терпимости, причемъ юный авторъ не можетъ скрыть, какой опасности онъ подвергается[137]. Аббатъ съ церковной ка-

135 *Manco-Capac*, p. 16.

136 *La destruction de la Ligue*. II, 3.

137 Вышла въ Швейцаріи, въ Verdon'ѣ въ 1765 году. Гриммъ горячо хвалитъ трагедію и предисловіе къ ней, ратующее противъ фанатизма. *Corresp. litt.* VIII, 325.

ѳедры защищаетъ новую философію и особенно идеи экономистовъ и реформы Тюрго, за что и платится своимъ мѣстомъ [138]. Другой, мы видѣли, за подобныя проповѣди подвергается жестокому гоненію и умираетъ въ страшномъ горѣ. Нѣкоторые аббаты принимаютъ дѣятельное участіе въ *Энциклопедіи*. Если низшіе и слабые проявляли столько смѣлости на пути къ просвѣщенію, нисколько неудивительно участіе вліятельныхъ духовныхъ особъ въ собраніи философовъ, рѣшившихъ почтить Вольтера статуей [139].

Эти факты превосходно оттѣняютъ усиленные навѣты духовенства и ханжей на Тюрго, обвиненія его въ безбожіи, протестъ архіепископовъ противъ церковнаго обряда подъ прахомъ Вольтера, противъ рѣшенія академіи—допустить похвальное слово философу [140]. Такой разладъ въ средѣ духовенства лучше всего доказывалъ шаткость и этой основы стараго порядка. Что же касается нападокъ на церковь и іерархію съ театральной сцены, — нападокъ особенно чувствительныхъ,—здѣсь безпомощность фанатиковъ и ханжей сказалась съ особенною яркостью. Мы знаемъ — духовенство не побрезгало такимъ оружіемъ, какъ пьеса Палиссо, признанная безнравственной даже актерами. И лучшаго выбора не было. Единственною защитой римской религіи со сцены за весь XVIII вѣкъ оказалась опера Помпиньяна *Прометей*,

---

[138] Аббатъ Fauchet, впослѣдствіи авторъ брошюры *De la rèligion nationale*, въ эпоху Генеральныхъ Штатовъ проявившій мужественную дѣятельность въ пользу реформъ. Мы говорили выше объ его идеяхъ. Fauchet былъ членомъ конвента и казненъ вмѣстѣ съ жирондистами. Chassin. *Les élections et les cahiers*. IV, 411.

[139] *Corresp. litt.* IX, 15 Гриммъ, разсказавъ объ этомъ собраніи, прибавляетъ. „On remarqua comme singulier que le hasard eût placé les pairs ecclésiastiques à la queue, au contraire de ce qui s'observe dans les autres cours des pairs en Europe. Ce qui semblait présager que si jamais il y avait lieu de réformer la chambre, l'élection commencerait par ceux qui étaient le plus près de la porte, a moins qu'ils n'aimassent mieux quitter une uniforme devenu generalement suspect“.

[140] *Mém. secr.* 17 jn. 1775: священники и ханжи не перестаютъ интриговать (cabalent sans relâche) противъ Тюрго, какъ безбожника.

направленная противъ Вольтера. Трудно сказать, могло ли духовенство найти соратника позорнѣе Палиссо или комичнѣе Помпиньяна. А публика въ громадномъ большинствѣ была на сторонѣ философовъ. Это блистательно доказали *Наказы*. Именно борьба просвѣтителей противъ римскаго католичества и современнаго духовенства оставила въ этихъ документахъ самые прочные и наглядные слѣды.

V.

Наказы рисуютъ въ высшей степени яркую картину печальнаго положенія религіи и католической церкви во Франціи XVIII вѣка. Особеннымъ краснорѣчіемъ отличается духовенство, когда изображаетъ «вѣкъ распущенности и нравственной порчи». Оно прежде всего указываетъ не неограниченное распространеніе по всему государству «правилъ новой философіи». Съ каждымъ днемъ, по словамъ священниковъ, появляется «невѣроятное множество сочиненій, гдѣ царствуетъ духъ распутства, невѣрія и свободы, гдѣ съ одинаковой дерзостью нападаютъ на вѣру, совѣсть тронъ и алтарь». Брошюры проникаютъ во всѣ классы общества, даже въ деревни и «заражаютъ ядомъ мирныхъ гражданъ—патріотовъ, одушевленныхъ нѣжнѣйшей любовью къ своему августѣйшему самодержцу и къ благоденствію французской монархіи» [141]. Религіозное чувство стало быстро исчезать. Составители *наказовъ* точно указываютъ эпоху его упадка, совпадающую съ развитіемъ просвѣтительныхъ идей: «религія дошла до плачевнаго состоянія менѣе чѣмъ въ теченіе полувѣка» [142]. Духовенство, слѣдовательно, подтверждаетъ факты, извѣстные намъ отъ самихъ просвѣтите-

---

[141] *Cahier du clergé du baillaige de Châteauneuf en Thimerais. Archives.* II, 639. *Progrès de l'irreligion.—Cahier de la chambre ecclésiastique du diocèse de Riez. Religion.* III, 340—1. Этому *наказу* принадлежитъ выраженіе „un siècle de relâchement et de corruption".

[142] *Cahier du clergé de la sénéchaussée d'Aix. Archives.* I, 692.

лей. Но еще важнѣе результаты «новой философіи», засвидѣтельствованные вполнѣ компетентными очевидцами.

Нечестивыя сочиненія, по словамъ духовнаго *наказа*, «развратили безчисленное множество вѣрныхъ всякаго сословія,— и почти всю молодежь». Священные обряды оказываются въ пренебреженіи. Парижане избѣгаютъ ежегодной исповѣди, обычнаго пасхальнаго причастія — все это считается мелочами, и люди остаются христіанами только по внѣшности. А многіе даже разорвали и эту слабую связь съ христіанствомъ. Ужаснѣйшія богохульства стали вполнѣ обычнымъ явленіемъ [143].

Картина—необыкновенно мрачная,—и духовенство, кромѣ того, судьбу религіи связываетъ съ вопросомъ политическаго и національнаго развитія Естественно, — избиратели стараются указать путь — къ исправленію зла и спасенію страны отъ конечной погибели, и—проявляютъ полное единодушіе.

Вся надежда духовенства на правительственную власть: она должна «вернуть религіи и ея служителямъ уваженіе и почетъ, которому грозитъ смертью систематическое безбожіе въ союзѣ съ легкомысліемъ» [144]. Оружіе противъ враговъ религіи—единственное: по возможности энергичное преслѣдованіе произведеній литературы. Начиная съ парижскаго духовенства и кончая сельскими священниками отдаленныхъ провинцій,—этотъ проектъ повторяется въ каждомъ *наказѣ*. «Свобода печати да будетъ ограничена»,— требуетъ единогласно и въ тождественной формѣ духовенство Парижа и его превотства. Столичные избиратели простираютъ цензуру рѣшительно на всѣ произведенія искусства: статуи, картины, гравюры [145]. Ихъ провинціальные товарищи вмѣсто этихъ

---

[143] *Archives*. III, 340. Ср. *Cahier du clergé de la prévoté et vicomté de Paris*. Chassin IV, 394. *Les cahiers*. *Cahier du clergé de la sénéchaussée de Sisteron*. *Archives*. III, 361.

[144] *Cahier de la sénéchaussée de Condom*. *Archives*. III, 33.

[145] Chassin, *Les cahiers*. III, 310; IV, 394.

подробностей — тщательно описывають обязанности правительственнаго надзора за печатаніемъ и изданіемъ книгъ. Тоже повторяется и въ другихъ наказахъ: все зло отъ философскихъ сочиненій. Книги представляются непреодолимой темной силой, безъ всякаго сопротивленія уничтожающей чувства патріотизма и набожности. Если книги будутъ уничтожены—Франція вновь процвѣтетъ. Нѣкоторые избиратели рядомъ съ цензурой ставятъ усиленную опеку правительства надъ учебными заведеніями, рекомендуютъ при назначеніи профессоровъ обращать вниманіе не на ихъ «таланты и способности», а на ихъ «нравы» И это правило примѣнять также къ школьнымъ учителямъ. Догматы и исторія католичества должны быть «главнымъ и основнымъ предметомъ преподаванія»[146]. Эти проэкты разнообразятся мѣрами противъ гугенотовъ. Предлагается возобновить жесточайшіе законы, дѣйствовавшіе въ эпоху отмѣны Нантскаго эдикта: обязать всѣхъ некатоликовъ приносить новорожденныхъ младенцевъ въ церковь для крещенія по католическому обряду.

Таковы пути, по мнѣнію духовенства, ведущія къ торжеству религіи и нравственности. Всѣ другія реформы имѣютъ второстепенное значеніе и касаются несущественныхъ подробностей бытоваго и финансоваго положенія духовенства.

Первое сословіе, слѣдовательно, въ лицѣ подавляющаго большинства своихъ членовъ, до самой революціи сохранило въ полной неприкосновенности ненависть къ свободной мысли и пристрастіе къ борьбѣ съ идеями—исключительно путемъ матерьяльной силы. Особенно любопытны заявленія духовонства о необыкновенно быстрыхъ и обширныхъ завоеваніяхъ философіи и рядомъ полная увѣренность, что вся причина въ «ядѣ» новой философіи: почему этотъ ядъ нашелъ такую воспріимчивую почву,—правовѣрное духовенство даже не подозрѣваетъ этого вопроса. На него даютъ отвѣтъ *наказы*, составленные не менѣе религіозными, но болѣе правдивыми избирателями.

---

[146] *Cahier de la chambre éclés. du diocèse de Riez*, Collèges *Arch.* III, 341.

Во главѣ идутъ янсенисты. Они — естественные критики римскаго католичества и могли быть не вездѣ безпристрастными. Но ихъ заявленія подтверждаются двумя совершенно различными свидѣтельствами: философскими сочиненіями и *наказами* крестьянъ. Янсенисты утверждаютъ: «религія обезчещена тѣми, кого она награждаетъ почестями и богатствомъ». Въ доказательство приводится характеристика католическаго духовенства. Прежде всего описывается жизнь прелатовъ. Они почти исключительно пребываютъ въ столицѣ и ни въ чемъ не отстаютъ отъ прочихъ придворныхъ: «нѣтъ ни одной интриги, ни одного злаго умысла, гдѣ бы епископъ не былъ творцомъ или подстрекателемъ». Низшее столичное духовенство — слѣдуетъ примѣру своихъ начальниковъ. «Оно совершенно выродилось», и прямо стыдится своихъ обязанностей и самой религіи. Священники пускаются въ роскошь, проматываютъ благотворительные капиталы, устраиваютъ духовныя собранія подъ благовидными предлогами,—на самомъ дѣлѣ для оргій. *Наказъ* приводитъ случай внезапной смерти одного священника на одномъ изъ такихъ пиршествъ. Требы это духовенство выполняетъ только по приглашенію богатыхъ, исповѣдуетъ только богатыхъ женщинъ — les femmes à sac, креститъ только ихъ дѣтей и хоронитъ только богатыхъ прихожанъ. Въ результатѣ—янсенисты предлагаютъ *реформу духовенства* и заканчиваютъ *наказъ* горячей молитвой къ Богу — вдохнуть въ представителей націи мужество — «преобразовать церковь»[147].

Такой же ходъ мысли и въ крестьянскихъ *наказахъ*. Избиратели сравниваютъ первобытную христіанскую церковь съ современной,—и находятъ все зло въ богатствѣ духовенства. «Въ отдаленныя времена намъ проповѣдовали примѣрами; теперь ограничиваются поученіями, довольствуются тѣмъ, что говорятъ намъ: «Дѣлайте то, что мы говоримъ вамъ, и не смотрите на то, что мы дѣлаемъ». Чтобы воскресить счастливыя времена и преобразовать такой порядокъ, ко-

---

[147] *Cahier des jansénistes.* Chassin. *O. c.* II, 94—116.

торый въ сущности является злоупотребленіемъ и источникомъ всѣхъ другихъ золъ, у духовенства слѣдуетъ отнять богатства, развратившія его и мѣшающія ему—заслужить и пользоваться уваженіемъ, приличнымъ его сану». Дальше избиратели назначаютъ точныя цифры содержанія на различныхъ духовныхъ должностяхъ [148]. Тонъ крестьянъ, при всей ихъ сдержанности, часто становится грознымъ. Они надѣются, что Генеральные Штаты непремѣнно исправятъ «злоупотребленіе очень тонкаго свойства». «Скандалы, совершающіеся ежедневно», пишутъ избиратели, «грозятъ разрушить религію окончательно. И какъ устоять ей?» Духовенство, одѣленное громадными матерьяльными благами, только и занимается удовольствіями и кляузами. И первая роль принадлежитъ монахамъ. «Праздность мать всѣхъ пороковъ», говорятъ крестьяне, полная свобода, предоставленная монахамъ, ведетъ къ безчисленнымъ порокамъ и злоупотребленіямъ [149]. И въ такомъ духѣ написано большинство крестьянскихъ челобитныхъ [150]. Крестьяне совершенно не раздѣляютъ взгляда духовенства на просвѣщеніе, какъ причину всѣхъ золъ. Мы видѣли,—они настаиваютъ на всеобщей грамотности, хотятъ поставить школы въ зависимость не отъ мѣстныхъ священниковъ, а отъ сельскихъ обществъ, проектируютъ даже преподаваніе гражданскихъ идей и знакомство учениковъ съ лучшими экономическими произведеніями своего времени. Естественно,—тѣ же избиратели стоятъ за вѣротерпимость— «гражданскую и религіозную», требуютъ, чтобы «не-католики пользовались всѣми правами гражданина и чтобы ихъ гражданское состояніе было обезпечено и санкціонировано Генеральными Штатами» [151]. Мало этого. Крестьяне католики даже ссылаются на протестантскія деревни, гдѣ, по ихъ мнѣ-

---

[148] *Cahier de la paroisse de Villiers-le-Sec. Archives.* V, 214.

[149] *Cahier de la paroisse d'Atilly.* IV, 321. „Cette assemblée respectable de la nation, qui aura pour chef son Roi, et où residera la science et la sagesse, saura certainement remédier à l'abus le plus délicat".

[150] *Cahier de la paroisses de Villiers-le Bel. Archives.* V, 210.

[151] *Cahier de la paroisse de Triel.* V, 144.

нію, «гораздо больше благочестія и набожности». Протестанты также гораздо усерднѣе посѣщаютъ церковь, потому что у нихъ богослуженіе совершается на французскомъ языкѣ. Того же крестьяне требуютъ и въ католическихъ храмахъ [152]. Это требованіе весьма популярно: крестьяне считаютъ его «разумнымъ» и спѣшатъ предупредить, что въ немъ не заключается никакого новаго догмата, и разрѣшить вопросъ можетъ государство своей собственной властью [153]. Въ этой оговоркѣ виденъ и страхъ избирателей предъ религіозными спорами, и желаніе устранить вмѣшательство духовной власти въ насущныя нужды населенія.

Не лишено интереса и еще одно также весьма распространенное желаніе крестьянскихъ *наказовъ*. Крестьяне тяготятся обиліемъ праздниковъ и не только предлагаютъ сократить число ихъ, но настаиваютъ на разрѣшеніи работать по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ. У избирателей есть очень важный мотивъ. «Жители деревень», пишутъ они, «обогащаютъ королевство своимъ трудомъ. Поэтому важно какъ можно рѣже отрывать ихъ отъ работы» [154]. Крестьянамъ, конечно, случалось и безъ всякаго разрѣшенія работать по праздникамъ,— но священники и полиція мѣшали имъ. Теперь они требуютъ, чтобы этого вмѣшательства больше не было [155]. Сельчане иногда пускаются въ довольно странныя разсужденія, не лишенныя наивности, но по существу весьма обидныя для духовенства. Одинъ *наказъ* требуетъ уничтоженія колоколовъ. Они, по мнѣнію авторовъ *наказа*, причиняютъ безчисленныя несчастья,— въ родѣ громовыхъ ударовъ и града. Приводится даже примѣръ. Послѣдній градъ въ извѣстной мѣстности былъ особенно силенъ. Это объясняется исключительно звономъ колоколовъ по случаю торжественной обѣдни. Звуки произвели сильное колебаніе воз-

---

[152] *Cahier de la paroisse de Fosses. Archives.* IV, 565.
[153] *Cahier de la paroisse d'Essonnes.* IV, 532.
[154] *Cahier de la paroisse de Triel.* V, 146.
[155] *Cahier de la paroisse de Ris.* V, 51.

духа; оно въ свою очередь повлекло разрывъ облаковъ и паденіе водяныхъ массъ. Капли воды падали сквозь воздухъ, лишенный солнечнаго жара благодаря густотѣ облаковъ, быстро смерзались—и въ результатѣ градъ причинилъ большія опустошенія [156].

Подобное краснорѣчіе мало свойственно крестьянскому языку. Жителямъ деревни естественнѣе было, напротивъ,—просить разрѣшенія—звонить въ колокола во время грозъ. Такъ и поступаетъ одинъ *наказъ* [157]. Но въ общей картинѣ здравыхъ и вполнѣ практическихъ идей крестьянъ на счетъ церкви, ея служителей и обрядовъ, даже и такое разсужденіе имѣетъ свой смыслъ. Оно показываетъ, что крестьяне научились отдѣлять религію отъ церкви, вопросъ совѣсти отъ обязанностей. Избиратели буквально такъ и выражаются: ихъ представители должны предложить Генеральнымъ Штатамъ «различать интересы духовенства отъ интересовъ религіи» [158]. Духовенство не могло рѣшиться на такое разграниченіе,—и поэтому оно старается обходить вопросъ о *реформѣ* и распространяется о *цензурѣ*. Нападки на духовенство были въ его глазахъ нападками на религію, критическое отношеніе къ служителямъ алтаря, дѣйствительно, нечуждое большинству крестьянъ, казалось ему безбожіемъ, «ядомъ новой философіи». Съ этой точки зрѣнія, конечно, и сама философія являлась сплошнымъ атеизмомъ и Вольтеръ превращался въ разрушителя всякаго религіознаго чувства. Но стоило отдѣлить іерархію отъ религіи—и необходимыя реформы представлялись въ совершенно другомъ видѣ. Оказывалось, — ихъ слѣдовало начать именно съ самого духовенства и его вопли противъ развращающаго вліянія новой мысли были только воплемъ самозащиты, указывали на нежеланіе привилегированнаго сосло-

---

[156] *Cahier du village de Jagny*. IV, 612.

[157] *Cahier de la paroisse d'Herbeville*. IV, 605.

[158] „Les députés—proposeront de distinguer l'interêt du clergé de celui de la religion“. *Cahier de la ville de chevreuse*. IV, 430.

вія разстаться съ своими преимуществами—политическаго характера. Въ виду этого крестьяне совершенно логически потребовали отнять у духовенства право числиться *сословіемъ*. Оно, по мнѣнію избирателей, только корпорація или профессія, все равно какъ адвокаты, купцы, военные, земледѣльцы [159]. Оно, слѣдовательно, въ политическомъ отношеніи должно слиться съ двумя остальными классами. Это требованіе наносило рѣшительный ударъ свѣтскимъ претензіямъ перваго сословія,—тѣмъ болѣе, что избиратели отнимали у духовныхъ лицъ право быть министрами и вообще занимать какую-либо гражданскую должность. Такимъ образомъ, составители *наказовъ* сумѣли рѣшить одинъ изъ самыхъ жгучихъ вопросовъ—безо всякихъ отвлеченныхъ разсужденій, — совершенно нагляднымъ практическимъ соображеніемъ.

Продолжая идти тѣмъ же путемъ—т.-е. отдѣляя религію отъ духовенства, — избиратели должны были повторить всѣ идеи просвѣтителей. Третье сословіе ссылается на мнѣніе «всѣхъ политиковъ» о вліяніи религіи на благоденствіе общества. «Они говорятъ, что народъ безъ религіи — народъ безъ нравственности, а народъ безъ нравственности—народъ безъ законовъ». Въ виду этого избиратели считаютъ нужнымъ — воздѣйствовать на служителей религіи, чтобы сдѣлать ихъ болѣе полезными и уважаемыми [160]. На сторонѣ религіи, слѣдовательно, и политики и народъ,—и они же единодушно—противъ современнаго духовенства. Всѣ вопросы, поэтому, народъ будетъ разрѣшать согласно съ «политиками» и вопреки взглядамъ духовенства.

Прежде всего вопросъ о терпимости. Мы уже видѣли, какъ его рѣшаютъ крестьяне. Третье сословіе не менѣе либерально и чаще всего мотивируетъ свой либерализмъ. Эти мотивы представляютъ особенный интересъ. Третье сословіе Парижа заявляетъ: «Христіанская религія повелѣваетъ

---

[159] *Cahier de la paroisse de Saint-Etienne de Vernouillet-sur-seine.* V, 167. *Cahier de la paroisse de Bagnolet.* IV, 330.

[160] *Cahier du tiers-état du bailliage de Beauvais. Archives.* II, 299.

гражданскую терпимость. Всякій гражданинъ долженъ пользоваться личной свободой совѣсти». Это мотивъ религіознаго характера. Другой парижскій *наказъ* отрицаетъ у человѣка право рѣшать о томъ, что не имѣетъ отношенія къ человѣку. «Всѣ религіи позволены среди просвѣщеннѣйшей націи въ мірѣ». Это—философія [161]. Провинціальное третье сословіе, оба эти мотива ставитъ рядомъ: «свобода совѣсти—естественное право. Всякій только Богу обязанъ отдавать отчетъ въ своей вѣрѣ. Люди, живущіе въ одномъ государствѣ, только одного могутъ требовать другъ отъ друга,—чтобы никто не нарушалъ общественнаго порядка, и интересъ государствъ заключается въ томъ, чтобы собирать подъ своею властью всѣхъ, кто своимъ знаніемъ, искусствомъ, промышленностью, способенъ создать въ странѣ изобиліе и преуспѣяніе». Избиратели желаютъ, чтобы всѣ секты пользовались во Франціи одинаковой терпимостью. Дальше—область религіи: Церковь получила отъ Іисуса Христа единственное оружіе — убѣжденія и добраго примѣра. Всякое преслѣдованіе оскорбляетъ Бога мира и милосердія [162].

Христіанство, слѣдовательно, отнюдь не противорѣчитъ философіи въ вопросѣ религіи. Такъ—мы видѣли—понимали христіанство Вольтеръ и Даламберъ. *Наказы* подтверждаютъ представленія Вольтера о *l'infâme* и по существу ведутъ ту же борьбу. По мнѣнію третьяго сословія воспитаніе должно уничтожать въ дѣтяхъ суевѣрныя идеи, порабощавшія въ теченіи вѣковъ народы и государей. Невѣжество, прибавляетъ *наказъ*, лишаетъ народы разума и дѣлаетъ ихъ рабами [163]. Лучше не могъ бы выразиться сотрудникъ *Энциклопедіи*. Ясно, — у наиболѣе энергической и развитой части французской націи интересы одинаковы съ

---

[161] Chassin. *Les élections et les cahiers*. III, 351. *Cahier des Théatins Ib*. II, 436.

[162] *Doléances du tiers-état du bailliage de Bar-sur-Seine*. *Archives*. II, 256.

[163] *Cahier du troisième ordre de la sénéchaussée de la ville de Signe*. III, 350: „éloigner de leur coeur toute l'idée de supertition qui rétrécit l'esprit, et qui a desolé, pendant des siècles les peuples et les rois“.

просвѣтительными стремленіями философовъ. Отсюда у избирателей совершенно другой взглядъ на литературу, чѣмъ у духовенства. Крестьянскій *наказъ* писателя считаетъ истиннымъ руководителемъ общества на пути къ счастью,— и нигдѣ ни крестьяне, ни третье сословіе не обращаются къ власти съ просьбой—преслѣдовать идеи [164].

Въ частныхъ вопросахъ то же единодушіе *наказовъ* и философіи. Мы видѣли,—съ какимъ чувствомъ говорятъ крестьяне о монахахъ. У избирателей практическая точка зрѣнія: монахи—праздны и совершенно безполезны для общества. Въ результатѣ—болѣе консервативные *наказы*, напримѣръ, дворянскіе, совѣтуютъ предварительно попытаться сдѣлать монастыри «полезными государству и религіи»,—и въ случаѣ неудачи—уничтожить [165]. Третье сословіе не разсчитываетъ на цѣлесообразную реформу монастырей и безъ всякихъ оговорокъ требуетъ упраздненія ихъ [166]. Тонъ избирателей часто въ высшей степени рѣзокъ и суровъ. «До какихъ поръ», обращаются они къ королю, «эти благочестивые бездѣльники будутъ существовать на счетъ дѣятельной и трудолюбивой части вашихъ подданныхъ, безъ всякой пользы, безъ всякаго вознагражденія?» [167]. Другой *наказъ* монашескіе обѣты считаетъ противными «общественному обѣту и благу отечества» [168]. Парижское третье сословіе также желаетъ уничтоженія монастырей,—но опасается, какъ бы не встрѣтилось препятствій—и требуетъ,—по крайней мѣрѣ, ре-

---

[164] *Cahier de la paroissr d'Essonnes.* IV, 531: „l'homme de lettres, par ses lumières, donne à la societé des hommes plus de connaissances pour travailler à leur bonheur".

[165] *Cahier de la noblesse de Saint-Mihiel. Archives.* II, 238. *Cahier de l'ordre de la noblesse de Dôle.* III, 155.

[166] *Cahier du tiers état dubaillage principal de Blois et celui secondaire de Romarantiu. Archives.* II, 388.

[167] *Les assembles primaires, Cahier du 8-e département.* Chassin. *O. c.* II, 268.

[168] *Cahier des Théatins.* Chassin. *Ib.* p. 436· „contraires au voeu social et au bien de la patrie".

формироватьпорядокъ произнесенія монашескихъ обѣтовъ. Наказъ устанавливаетъ предѣльный возрастъ для послушничества,—двадцать пять лѣтъ и для постриженія—тридцать [169].

Не менѣе спорный и въ экономическомъ отношеніи важный вопросъ предстояло рѣшить избирателямъ относительно Рима. И здѣсь отвѣтъ дается такой же рѣшительный и основательно мотивированный. Парижское третье сословіе заявляетъ, что «громы Ватикана больше не гремятъ,—вулканъ, гдѣ ихъ выковывали, погасъ»,—зачѣмъ же послѣ этого платить папѣ деньги? [170]. Избиратели требуютъ уничтоженія конкордата, поставившаго французскую націю въ зависимость отъ папскаго престола. Въ случаѣ отмѣны этого акта—прекращались аннаты и у папы отнималось всякое вмѣшательство въ дѣла галликанской церкви,—начиная съ избранія епископовъ и кончая разрѣшеніемъ браковъ въ извѣстныхъ степеняхъ родства [171]. Въ Парижѣ это требованіе могло быть создано янсенистскимъ духомъ,—но оно не менѣе популярно и въ провинціальныхъ, вполнѣ католическихъ наказахъ. Конкордатъ Франциска I съ папой Львомъ оказывается въ высшей степени ненавистнымъ явленіемъ для всѣхъ сословій,—и самыя энергичныя жалобы принадлежатъ даже духовному *наказу* [172].

Первое сословіе и янсенисты, вооружаясь противъ папскаго вліянія во Франціи, конечно, менѣе всего помышляли о философскихъ идеяхъ. Но у избирателей другихъ сословій совершался здѣсь такой же процессъ мысли, какъ въ вопросѣ объ общей реформѣ, церкви и іерархіи. Папа утра-

---

[169] Chassin. *O. c.* IV, 445. Въ видѣ исключенія можно указать на *Cahier du tiers-état du baillaige de Saint-Lo.* Авторы *наказа* возстаютъ противъ упраздненія монастырей и хотятъ только преобразовать ихъ по образцу древнихъ. *Archives* III, 66—7.

[170] *Cahier du 8-me departement.* Chassin. *O. c.* II, 268.

[171] *Cahier du tiers-état de la prév. et vic. de Paris hors les murs.* Chassin. IV, 443. *Cahier général du tiers-état du grand bailliage de Besançon. Archives.* II, 338.

[172] *Cahier du bailliage de Toul. Archives.* VI, 2.

тилъ значеніе духовнаго главы католическаго міра. Для французскихъ избирателей онъ—мѣстное духовное лицо, когда-то наводившее страхъ ватиканскими громами. Теперь громы недѣйствительны,—потому что французы стали «просвѣщеннѣйшей націей въ мірѣ»,—и они на одномъ и томъ же основаніи требуютъ всеобщей религіозной терпимости и прекращенія аннатовъ.

Другія предложенія *наказовъ*, сравнительно второстепенныя,—не менѣе краснорѣчивы для оцѣнки общественнаго настроенія наканунѣ революціи. Избиратели возстаютъ противъ целибата, о которомъ съ такой осторожностью отозвался Монтескьё [173]. Они во имя нравственности и государственной пользы требуютъ разрѣшенія священникамъ жениться. Одинъ *наказъ* третьяго сословія пишетъ по этому поводу рѣчь въ духѣ философовъ XVIII-го вѣка: «Пусть священники женятся. Нѣжность женъ пробудитъ въ ихъ сердцахъ чувствительность, признательность, состраданіе, столь свойственныя человѣку. Между тѣмъ все это заглушено обѣтами цѣломудрія и одиночества почти у всѣхъ, кто произнесъ ихъ». «Невинныя ласки дѣтей окажутъ безконечное благодѣяніе отцамъ», напомнятъ имъ былыя семейныя радости въ годы ихъ дѣтства, напомнятъ о томъ, что они—священники—такіе же люди, какъ и всѣ другіе и отнюдь не стоятъ выше обыкновенныхъ смертныхъ, — если только не отличаются особыми добродѣтелями. Авторы *наказа* ссылаются на преданія церкви, и вездѣ видятъ опроверженіе ученія о целибатѣ. «Богъ всегда съ изумленіемъ слышалъ обѣты, противные его волѣ, обѣты, которые никогда не могли быть искренними: это подтверждается ежедневно» [174].

Подобныя разсужденія дышатъ наивностью и непосредственностью чувства. Но именно этими качествами они все-

---

[173] *L'esprit des lois*, livre XXIII, chap. XXII. Разбирая законы относительно умноженія населенія, авторъ восклицаетъ: „A Dieu ne plaise que je parle ici contre le célibat qu'a adopté la réligion"...

[174] *Cahier de la ville de Châlais. Archives*, V, 677.

цѣло принадлежать своей эпохѣ. Декламаціи Дидро, Руссо, Мерсье совершенно такого же характера и въ этомъ ихъ сила. Составители *наказовъ* усвоивали реторическій тонъ современной литературы,—но здѣсь не оканчивалось ея вліяніе. *Чувство*, въ какой бы формѣ оно ни выражалось,—дѣйствовало, неизмѣнно, какъ просвѣтительная культурная сила и въ философскихъ произведеніяхъ и въ челобитныхъ. Мы видѣли—оно лежало въ основѣ семейной нравственности и общественной гуманности, создавало новыхъ отцовъ, дѣтей, новыхъ общественныхъ дѣятелей. То-же чувство въ области религіи вызвало протестъ противъ насилій надъ человѣческой природой и совѣстью, создало новаго христіанина, новаго члена религіознаго общества. Чувство въ союзѣ съ разумомъ до самой революціи вело войну противъ предразсудковъ, опутывавшихъ человѣка на всѣхъ путяхъ его личной и общественной жизни. Естественно, — составители *наказовъ* говорили языкомъ современной философской литературы и заявляли признательность своимъ учителямъ, объявляя писателя—творцомъ общественнаго блага.

Реформа государства.

I.

Одинъ изъ любопытнѣйшихъ памятниковъ старой французской монархіи—несомнѣнно—*Записки Людовика XIV-го.* Особеннаго вниманія заслуживаетъ здѣсь отзывъ «великаго короля» о своихъ подданныхъ. Въ 1666 году Людовикъ наставлялъ своего наслѣдника, какъ слѣдуетъ относиться къ народу и его волѣ. Послѣдняя степень униженія для государя, когда онъ принужденъ справляться съ желаніями народа, имѣть дѣло съ презрѣннымъ «сборищемъ черни», т. е. съ какимъ бы то ни было представительнымъ собраніемъ. Всѣ эти собранія страшны только для трусовъ и въ доказательство король разсказываетъ, какъ онъ разъ обошелся съ парламентомъ—съ истинной строгостью надменнаго и самовластнаго господина. Принципъ Людовика: чѣмъ больше народу даешь, тѣмъ больше онъ требуетъ, чѣмъ болѣе его ласкаешь, тѣмъ глубже онъ васъ презираетъ. И на этомъ принципѣ построено государственное ученіе типичнѣйшаго представителя французской монархіи [1].

Авторъ этого ученія пережилъ крайне тяжелые и унизительные дни въ началѣ своей власти надъ Франціей. Онъ бродилъ по странѣ изгнанникомъ, его преслѣдовали отряды иноземцевъ, въ него стрѣляли мятежные подданные. Они успѣ-

---

[1] *Mémoires de Louis XIV.* Paris 1806. Ed. J. L. M. de Gain-Montagnac. I, 60, 62.

ли въ общихъ чертахъ повторить мѣропріятія англійскихъ революціонеровъ, рядъ декларацій 1648 года устанавливалъ во Франціи конституціонные порядки. Молодого короля поучали о происхожденіи власти отъ народа, о зависимости государей отъ народной воли. Въ Парижѣ были сооружены баррикады, взята Бастилія, заходила рѣчь о Генеральныхъ Штатахъ. Мятежъ охватилъ многія провинціи, — и вообще столица и отчасти страна представляли картину, довольно близко напоминающую великій переворотъ, сто сорокъ лѣтъ спустя уничтожившій вѣковой строй власти и общества. Но вся исторія окончилась *lit de justice*. Людовику XIV естественно было смотрѣть съ презрѣніемъ на всякіе «корпусы» — представительные и непредставительные и послѣ всѣхъ декларацій фронды увѣрять дофина, что сущность королевской власти — въ парадѣ, во внѣшнемъ блескѣ: это «долгъ государя предъ современниками и потомками», потому что народъ и публика не въ силахъ проникать въ сущность вещей, судятъ о нихъ по наружному виду и оказываютъ почетъ и повиновеніе сообразно «церемоніямъ и рангамъ» [2].

Ниже этого уровня нельзя, конечно, цѣнить политическое развитіе цивилизованной націи, но Людовикъ XIV былъ, повидимому, совершенно правъ: его подданные блистательно подтвердили его идеи. Политическая мысль и художественная литература не только безусловно прониклись принципами Людовика, — даже превзошли ихъ. Боссюэ обожествляетъ королевскую власть, на основаніи священнаго писанія — подтверждаетъ изрѣченіе Людовика XIV на счетъ тождественности личности государя съ государствомъ, признаетъ священную основу королевскаго сана, которую не можетъ поколебать никакое преступленіе даже у невѣрныхъ государей, отдаетъ во власть господину даже совѣсть его подданныхъ, уполномочивая его на какія угодно понудительныя и карательныя мѣры [3]. Поэты

[2] *Ib.* p. 98—9.

[3] *Politique tirée des propres paroles de l'Ecriture sainte.* Bruxelles 1710. Dieu est le vrai roi. I, 51.—Il n'y a pas de force coactive contre le prince.

сначала пытались выражать сочувствіе фрондѣ: *Сидъ* Корнеля привелъ въ восторгъ благородную публику краснорѣчивыми тирадами въ пользу дуэли, жестоко гонимой правительствомъ. Но даже и такія рѣчи должны были умолкнуть. Ришелье быстро охладилъ испанскій паѳосъ Корнеля, ему не приходилось по нѣскольку разъ повторять знаменитыя слова, обращенныя къ автору *Сида*: *Il faut avoir un esprit de suite*. Съ теченіемъ времени Корнель превратился въ идеальнаго придворнаго поэта. Ему французская монархія и католическая церковь обязаны краснорѣчивѣйшими восхваленіями, а Людовѣкъ XIV—самыми лестными сравненіями съ разными историческими героями [4]. Классическая трагедія свободно вдохновлялась даже романическими приключеніями Людовика,—Корнель воспѣлъ m-lle Лавальеръ, Расинъ—г-жу Ментенонъ [5]. Такіе факты свидѣтельствовали больше, чѣмъ о вѣрноподданническихъ чувствахъ литературы.

Но полувѣковое царствованіе окончилось при совершенно другомъ настроеніи народа. Смерть божественнаго «короля—солнца» привѣтствовали, какъ освобожденіе. Оппозиціонный духъ, уже давно воспитанный бѣдствіями Франціи въ послѣдніе годы правленія Людовика, немедленно сказался въ двухъ главнѣйшихъ областяхъ, чувствовавшихъ тяжелую руку покойнаго короля,—въ религіи и въ политикѣ. Тамъ—скептицизмъ шелъ рядомъ съ нравственной распущенностью: общество протестовало противъ эпохи ханжества и фанатизма, оскорбляя одновременно догматы и принципы,—здѣсь—колебалась идея королевской власти. Эту идею Людовикъ XIV

I, 107.—Tout l'état est en lui I, 202.—Au caractère royal est inhérente une sainteté qui ne peut être effacée par aucun crime, même chez les princes infidèles. I, 234.—Ceux qui ne veulent pas souffrir que le prince use de rugueur en matière de réligion, parce que la réligion doit être libre, sont dans une erreur impie II, 24.

[4] *Cinna ou la clémence d'Auguste*. Защита монархіи въ особенности.—Acte II, 1. *Polyeucte*.

[5] Mlle Лавальеръ узнали въ лицѣ героини трагедіи *Othon*. Г-жа Ментенонъ послѣ трагедіи Расина—*Esther*—сама именовала себя Эсѳирью.

развилъ до такого предѣла, что уже въ его рукахъ она привела къ результатамъ, унизительнымъ и опаснымъ для самой монархіи. Передъ смертью Людовикъ совершилъ поступокъ, смутившій искреннѣйшихъ почитателей королевскаго достоинства: онъ узаконилъ дѣтей г-жи Монтеспанъ, даровалъ имъ права на корону, одинаковыя съ правами законныхъ принцевъ. Этимъ распоряженіемъ подрывалась самая сущность наслѣдственной монархіи,—и ея принципіальные защитники должны были въ этомъ случаѣ сойдтись съ ея противниками. Это обнаружилось тотчасъ же по кончинѣ короля.

Первый актъ новаго правительства заключался въ отмѣнѣ предсмертной воли Людовика. Герцогъ орлеанскій объявилъ себя регентомъ въ то время когда, по смыслу завѣщанія, онъ могъ быть только предсѣдателемъ совѣта регенства, а членами герцогъ Бурбонскій и оба сына г-жи Монтеспанъ, причемъ герцогъ Мэнскій—одинъ изъ этихъ сыновей—назначался опекуномъ малолѣтняго короля. Всѣ эти статьи оказались недѣйствительными. Наконецъ, регентъ отнялъ у незаконныхъ принцевъ права, дарованныя покойнымъ королемъ. Во всѣхъ этихъ актахъ дѣятельное участіе долженъ былъ принимать парламентъ. Со времени фронды эта корпорація не имѣла никакого самостоятельнаго значенія, — теперь герцогъ Орлеанскій обратился къ ней—за толкованіемъ завѣщанія въ желательномъ для него смыслѣ, а потомъ парламенту пришлось разрѣшать споръ о правахъ узаконенныхъ принцевъ. Юристы объяснили завѣщаніе сообразно желаніямъ герцога и въ награду регентъ призналъ право парламента обсуждать правительственные акты. Новый порядокъ пошелъ гораздо больше. Сначала принцы, а потомъ и само правительство провозгласили теорію договора. Герцогъ Мэнскій и его братъ доказывали, что королевская династія получила свою власть отъ народа, и въ случаѣ прекращенія династіи, народъ возстановляется въ своихъ первичныхъ правахъ и можетъ войдти въ новый договоръ, все чтò спасаетъ династію отъ вымиранія,—въ пользахъ націи,—и только она—въ лицѣ трехъ сословій—можетъ рѣшить вопросъ о законо-

мѣрности акта покойнаго короля.—Правительство въ своемъ отвѣтѣ подтверждало теорію договора и именно на основаніи первичныхъ правъ націи отрицало за кѣмъ бы то ни было право отчуждать корону: только нація можетъ путемъ выбора установить новую династію.

Эти событія совершились въ теченіе двухъ лѣтъ по смерти Людовика XIV, — и должны были произвести сильнѣйшее впечатлѣніе на современниковъ. Парламентъ съ этихъ поръ энергически поддерживаетъ свои законодательныя права и самому регенту и королю предстоитъ вести нескончаемую борьбу съ корпораціей, встрѣчавшей такое презрѣніе у его предшедственника. Наступитъ царствованіе *lits de justice et lettres de cachet*. И основаніе такому порядку положено регентствомъ. Публика не останется безучастной зрительницей борьбы. Она принимается политикантствовать съ перваго же дня новаго правленія. Даже женщины, «не исключая и кухарокъ», обсуждаютъ политическіе вопросы [6]. Постоянныя демонстраціи со стороны парламента поддерживаютъ это направленіе. Парижскіе магистраты попадаютъ въ положеніе «отцовъ отечества», «истинныхъ римлянъ». Наиболѣе виднымъ ораторамъ даютъ прозвища Демосѳена, Цицерона. Парижане горячо интересуются засѣданіями парламента, привѣтствуютъ на улицахъ популярныхъ членовъ, записываютъ ихъ рѣчи. Современникъ такое отношеніе публики къ членамъ парламента называетъ «самымъ блестящимъ и лестнымъ» [7]. Имена *Демосѳена* и *Цицерона*, *истинныхъ римлянъ*, являются не случайной игрой словъ, они выражаютъ смыслъ парламентской оппозиціи и тотъ же современникъ, самъ принадлежавшій къ корпораціи адвокатовъ, въ половинѣ вѣка своихъ товарищей признаетъ «отчасти республиканцами» [8]. То же самое повторяетъ и другой наблюдатель,

---

[6] Aubertin. *O. c.* p. 52. Buvat. *Journal de la régence*. Paris 1855. Подробный разсказъ о судьбѣ завѣщанія Людовика XIV—въ *Pièces justifications*. I, 479. О мѣрахъ противъ узаконенныхъ приказовъ—I, 286, 518.

[7] Barbier. *Journal*. „Rien n'est plus glorieux et plus flatteur“. II, 366.

[8] *Journal de Barbier*. V, 253, juillet 1752: „un peu républicains“.

же менѣе знакомый съ вопросомъ [9]. Парламентъ, въ это время, дѣйствительно заявляетъ претензіи, ограничивающія королевскую власть еще больше, чѣмъ она ограничена въ Англіи [10].

Подобныя идеи въ то же самое время проникали въ общество и овладѣвали умами молодого поколѣнія. Въ школахъ никогда не были такъ популярны античные греки и римляне, какъ въ эпоху Людовика XV. Наставники восхваляли древнихъ гражданъ и воспитывали въ своихъ ученикахъ восторженныя чувства къ республикамъ Брута и Ликурга. Политическая литература шла на встрѣчу этому настроенію. Совершалась полная реакція историко-философскимъ воззрѣніямъ предыдущей эпохи. Боссюэ едва считалъ нужнымъ упоминать языческія культуры въ общемъ развитіи человѣчества. Теперь Греція и Римъ заняли центральное мѣсто. Талантливѣйшіе писатели Мабли, Монтескьё посвящаютъ свои труды античнымъ законодательствамъ, характеризуютъ гражданскіе идеалы республиканцевъ, сравниваютъ римлянъ съ французами—и незамѣтно подготовляютъ путь позднѣйшимъ мечтателямъ о возстановленіи Спарты или Крита на почвѣ французской монархіи [11].

Популярность античнаго міра нигдѣ не могла встрѣтить такой благодарной почвы, какъ въ драмѣ. Французскій театръ искони питался исторіей и миѳологіей Греціи и Рима. Но раньше онъ извлекалъ отсюда политику и мораль въ духѣ Боссюэ и Людовика XIV. Республика, по воззрѣніямъ классиковъ, не могла имѣть защитниковъ на столько сильныхъ и добродѣтельныхъ, чтобы не пасть предъ блескомъ монархіи и искушеніями женской любви. Такимъ именно является Цинна, готовый забыть и Римъ и свободу за улыбку Эмиліи и

---

[9] *Mémoires du marquis d'Argenson.* V, 110 Маркизъ также произноситъ слово—*républicanisme.*

[10] *Ib.* V, 42—3, *Le marquis d'Argenson à son frère*, письмо отъ 9 авг. 1751 года.

[11] Droz. *Hist. du règne de Louis. XVI. Indroduction*, p. 28.

въ концѣ трагедіи трепещущій отъ смущенія предъ великодушіемъ Августа. Классики могли выводить на сцену республиканцевъ съ единственной цѣлью—возвысить преимущества монархіи и ея подданныхъ. Иначе будетъ вопросъ поставленъ у поэтовъ, переживших эпоху регентства. Поэтъ, первый заявившій протестъ въ области религіи и подавшій со сцены знакъ къ борьбѣ съ суевѣріями и фанатизмомъ, явился также выразителемъ новаго политическаго настроенія. Цѣль всей дѣятельности Вольтера состояла въ войнѣ съ католичествомъ, но политическія задачи до такой степени захватили общество, что философъ счелъ нужнымъ отозваться на нихъ въ цѣломъ рядѣ своихъ лучшихъ произведеній.

Первая трагедія Вольтера — *Эдипъ* появилась три года спустя послѣ смерти Людовика XIV и, какъ мы видѣли, напомнила зрителямъ судьбу завѣщанія покойнаго короля. Она кромѣ того, заключала нѣсколько общихъ замѣчаній на счетъ королевской власти, немыслимыхъ раньше. Филоктетъ оплакиваетъ смерть Геракла, своего учителя и руководителя, Онъ всѣмъ обязанъ герою: понятіемъ о добродѣтели, мужествомъ, сознаніемъ своего долга. «Чѣмъ бы я былъ безъ него? Только сыномъ короля»[12]. Это значило — отнимать у рожденія его исключительныя права. Регенство, видѣвшее упадокъ родовой знати и поколебавшее основы аристократическихъ привилегій, такое же вліяніе оказало и на высшую изъ всѣхъ родовыхъ привилегій — королевскую наслѣдственность. Зрители могли совершенно основательно привѣтствовать слова, противорѣчившія священнѣйшимъ преданіямъ французской монархіи, — потому что они отъ принцевъ и самого правительства уже слышали настоящую революціонную теорію о договорѣ націи съ государемъ, — и два сына Людовика XIV, на самомъ дѣлѣ оказавшіеся не болѣе какъ сыновьями короля, именно націи приписывали право возвысить ихъ положеніе. Другія замѣчанія трагедіи не столь реальнаго характера,—но и отъ нихъ вѣетъ новымъ духомъ.

---

[12] „Qu'eussé-je été sans lui? rien que le fils d'un roi". *Oedipe.* Acte I, 1.

Эдипъ высшей обязанностью королей считаетъ смерть за свою страну и въ то же время признаетъ за ними способность дѣлать грубѣйшія ошибки: «короли не могутъ читать въ сердцахъ людей, — и ихъ удары часто поражаютъ невинныхъ [13]. Людовикъ XIV думалъ совершенно иначе. Короли, по своему сану непремѣнно понимаютъ вещи лучше, чѣмъ всѣ другіе люди. Короли, занимая мѣсто Бога на землѣ, являются участниками и его власти и его всевѣдѣнія [14].

Событія личной жизни заставили Вольтера еще больше заинтересоваться вопросомъ о государственной власти. Путешествіе въ Англію и почти трехлѣтнее пребываніе въ этой странѣ обогатили умъ молодого философа новыми идеями— по всѣмъ областямъ — религіи, общества, искусства. Идеи нашли довольно полное отраженіе въ *Философскихъ письмахъ*. Здѣсь, между прочимъ, два письма посвящены парламенту и констинтуціи. Англійская нація, по мнѣнію автора, единственная на землѣ — обладающая мудрымъ правленіемъ. Только ей путемъ сопротивленія удалось «регулировать власть королей». Въ Англіи государь всемогущъ для того, чтобы дѣлать добро, — но для зла у него связаны руки. Англійскіе сеньёры — не заносчивы и, не имѣютъ вассаловъ, и народъ участвуетъ въ управленіи съ полнымъ успѣхомъ. Англичане любятъ свободу не только у себя. Они воевали съ Людовикомъ XIV безкорыстно, изъ за его честолюбія. Они сами не заражены «блестящимъ безуміемъ одерживать побѣды» [15].

Вольтеръ писемъ—совершенный демократъ. Онъ считаетъ народъ «полезнѣйшей, добродѣтельнѣйшей и, слѣдовательно самой почтеной частью человѣчества». Онъ въ мрачныхъ краскахъ описываетъ феодальные порядки: тогда все, что не

---

[13] *Oedipe*. Acte II, 4, 5.

[14] *Mémoires*. II, 16. „Il en est sans doute de certaines (fonctions) où, tenant pour ainsi dire la place de Dieu, nous semblons être participans de sa connaissance aussi bien que de son autorité“.

[15] *Lettres sur les Anglois*. A Francfort sur le Mein. 1735. Lettre VIII.

тиранствовало, т. е. народъ, считалось скотомъ и только съ теченіемъ вѣковъ восторжествовала гуманность, поняли, какая ужасная несправедливость — заставлять большинство сѣять затѣмъ, чтобы меньшинство собирало плоды. Авторъ особенно цѣнитъ анлійскую конституцію за то, что она даетъ мѣсто въ политической и общественной жизни всѣмъ гражданамъ. Во Франціи напудренный господинъ, знающій въ какомъ часу король встаетъ и ложится и играющій роль раба въ передней министра, — считается полезнѣе него — ціанта, хотя тотъ обогащаетъ страну и посылаетъ изъ своего кабинета приказы во всѣ концы міра. Совершенно другія общественные взгляды въ Англіи. Авторъ не забываетъ жестоко насмѣяться надъ французской фрондой; сравниваетъ ее съ англійской революціей, «утопившей въ моряхъ крови идола деспотической власти», — и признаетъ ее не болѣе какъ смѣшнымъ бунтомъ»[16].

Письма вышли въ 1734 году, но англійскія впечатлѣнія Вольтера уже выразились въ двухъ поэтическихъ произведеніяхъ.

Генріада воспѣваетъ мудрость англійской конституціи, соединяющей три власти — народныхъ представителей, вельможъ и короля. Вольтеръ наговорилъ много лестныхъ словъ по адресу королевы, но это не мѣшаетъ ему повторить съ буквальной точностью заявленія принцевъ и правительства на счетъ происхожденія королевской власти. Когда династія угасаетъ, — «народъ въ тоже мгновеніе возвращается къ своимъ первичнымъ правамъ. Онъ можетъ выбрать государя, измѣнить законы, собраніе сословій—органъ Франціи—назначаетъ самодержца, ограничиваетъ его власть»[17]. И Вольтеръ такой именно актъ видитъ въ возшествіи Капета на престолъ каролинговъ [18]. Изображая дѣятельность Промысла въ исторіи, поэтъ приписываетъ его благости—появленіе на землѣ добродѣтельныхъ правителей: «неисповѣдимое и справедливое Про-

[16] Lettre X.
[17] *La Henriade.* Chant. I, p. 19—20.
[18] Chant VI, p. 83.

видѣніе не допускаетъ всегда преуспѣвать насилію; иногда его благость, благосклонная къ людямъ, влагаетъ королевскій скипетръ въ достойныя руки»[19]. Это довольно скромное выраженіе монархическаго чувства, хотя герой поэмы—король. Но Вольтеру еще нѣсколько лѣтъ предстояло вдохновляться конституціонными, даже республиканскими мотивами.

Вольтеръ не могъ оцѣнить Шекспира, но и на него подѣйствовали многія созданія англійскаго драматурга. *Гамлетъ*, *Отелло*, *Ромео и Джульетта* нашли свои отголоски въ *Семирамидѣ*, *Заирѣ*, *Танкредѣ*. Въ области историческихъ драмъ сильнѣйшее впечатлѣніе произвелъ на Вольтера *Юлій Цезарь*. Поэтъ задумалъ создать рядъ собственныхъ римскихъ трагедій. Въ результатѣ явились *Брутъ*, *Смерть Цезаря*, *Спасенный Римъ*.

Важнѣйшая изъ этихъ пьесъ—*Брутъ*. Она, какъ и *Генріада*, вышла раньше *Писемъ*, была восторженно принята парижской публикой. Пьеса дѣйствительно отличается краснорѣчіемъ, часто весьма преднамѣреннымъ. Брутъ подробно излагаетъ конституціонный порядокъ. Римляне дали Тарквинію «клятву повиновенія, а не рабства». Онъ въ свою очередь поклялся — соблюдать законы. Онъ нарушилъ обѣщаніе—и «Римъ больше ему не подвластенъ и одинъ лишь царь — бунтовщикъ». Это значило воспроизводить теорію Локка о правѣ возстанія[20]. Дальше Брутъ признаетъ право государства мѣнять политическія формы, разрывать договоръ съ государями, высказываетъ полное недовѣріе къ принципу послѣдственности: «кто родился въ пурпурѣ — тотъ рѣдко его достоинъ», преемство власти въ одной и той же семьѣ «могила доблести»[21] Эта идея могла быть отраженіемъ взглядовъ англійскихъ революціонеровъ съ Мильтономъ во главѣ, доказывавшимъ несовмѣстимость правъ наслѣдствен-

[19] Chant X, p. 159—160.

[20] — Et des qu'aux lois de Rome il ose être infidèle
Rome n'est plus sujette, et lui seul est rebelle (Acte I, 2).

[21] Acte II, 4.

ной власти, съ человѣческимъ достоинствомъ подданныхъ [22]. Впослѣдствіи Руссо усвоилъ тоже самое представленіе, настоятельно совѣтовалъ полякамъ—лучше учредить абсолютную монархію но безъ права преемства, чѣмъ монархію безъ всякой дѣйствительной власти, но наслѣдственную [23]. Вольтеръ изображаетъ Римъ царскаго періода конституціонной монархіей въ духѣ англійскихъ политическихъ мыслителей. Онъ первый переноситъ на почву Франціи важнѣйшія теоріи, созданныя въ Англіи революціями и ея новымъ государственнымъ порядкомъ. Отъ Вольтера французы впервые услышали о гармоніи трехъ властей, поэтъ не давалъ имъ точнаго юридическаго опредѣленія, — но достаточно было, что онъ видѣлъ здѣсь основу политической свободы. Трагедія Вольтера излагала теорію договора и возстанія въ стихахъ — энергичныхъ, прекрасно составленныхъ: запомнить ихъ не стоило ни малѣйшаго труда,—и въ послѣдствіи идеи Руссо должны упасть на почву уже давно для нихъ подготовленную. Вольтеръ не ограничился разъясненіемъ конституціонныхъ порядковъ. Его герои ведутъ борьбу вообще противъ монархіи. Титъ — не допускаетъ никакихъ оговорокъ. «Я сынъ Брута», говоритъ онъ, «въ моемъ сердцѣ запечатлѣна свобода и отвращеніе къ королямъ [24]. Именно это заявленіе вызвало бурные апплодисменты даже принцевъ крови. На этихъ зрителей могла дѣйствовать заразительная смѣлость автора и блестящая форма стиха. Но драма не менѣе блестяща и въ рѣчахъ посла царя Порсенны, восхваляющихъ участь царскаго любимца и придворнаго: эти рѣчи не удостоились вниманія—ни аристократовъ, ни партера [25].

---

[22] *The tenure of Kings and Magistrates.*

[23] *Considerations sur le gouvernement de Pologne*, chap. VIII. *O. compl. de Rousseau.* Paris 1827, VI, 294—7.

[24] Je suis fils de Brutus et porte en mon coeur
La liberté gravée, et les rois en horreur. (Acte II, 2).

[25] Acte II, 2.

Недостатки пьесы Вольтера, какъ трагедіи, ясны всякому современному читателю: она переполнена реторикой, бѣдна жизнью, естественностью, гораздо больше величія въ рѣчахъ героевъ, чѣмъ въ ихъ личностяхъ. Но для французской публики XVIII-го вѣка эти соображенія почти не существовали. Теоріи и идеи вполнѣ вознаграждали ее за художественные пробѣлы. Въ литературномъ произведеніи она искала прежде всего *автора*, его міросозерцанія, а не исторіи и психологіи.

Слѣдующая римская трагедія Вольтера—*Смерть Цезаря*—совпала съ появленіемъ разсужденія Монтескьё — *О причинахъ величія и упадка римлянъ*. Пьеса Вольтера ничто иное, какъ первая часть трагедіи Шекспира — *Юлій Цезарь*. Ея главный герой—Брутъ. У Вольтера онъ сынъ Цезаря, трагическая борьба гражданской доблести и личнаго чувства становится еще напряженнѣе, чѣмъ при обыкновенной дружбѣ заговорщика и его жертвы. Брутъ — идеальный человѣкъ и гражданинъ. Цезарь говоритъ, что онъ былъ бы Брутомъ, если бы не былъ Цезаремъ. Тамъ, гдѣ Вольтеръ отступаетъ отъ трагедіи Шекспира, — онъ повторяетъ мотивъ своей пьесы о Брутѣ старшемъ. Раньше сенатъ предлагалъ отцу рѣшить участь сына-заговорщика, теперь сынъ проситъ республиканцевъ—указать ему путь дѣйствій противъ отца-монарха. Брутъ умоляетъ Цезаря — отказаться отъ власти: тотъ оправдываетъ ее современнымъ положеніемъ римскихъ нравовъ и государства, излагаетъ республиканцу настоящую философію исторіи [26]. Вообще Цезарь производитъ очень выгодное впечатлѣніе. Самъ Брутъ не можетъ отрицать его высокихъ нравственныхъ качествъ. Въ то время когда одинъ изъ заговорщиковъ—Кассій—сыновнія чувства Брута называетъ—«пошлымъ предразсудкомъ» [27], Цезарь является мудрымъ правителемъ, гуманнымъ человѣкомъ, любящимъ отцомъ. По смыслу трагедіи,—онъ—не только не узурпаторъ и не тираннъ, а спаситель римскаго народа, утратившаго

---

[26] Acte III, 4.

[27] „Un préjugé vulgaire impute à la nature". Acte III, 2.

нравственныя силы — охранять гражданскую свободу. Онъ, по законамъ исторіи, не можетъ дѣйствовать иначе. Такая постановка вопроса скорѣе возвышаетъ представителя монархической власти, чѣмъ оправдываетъ заговорщиковъ-республиканцевъ. Кромѣ того, у Вольтера нѣтъ шекспировскаго Брута—идеалиста, предъ которымъ сама природа могла-бы возстать и сказать: «вотъ человѣкъ». Сынъ, идущій на отца, подобнаго Цезарю, даже республиканскими принципами не можетъ оправдать своего противоестественнаго поступка. Въ результатѣ,—трагедія производитъ на насъ другое впечатлѣніе, чѣмъ могли ожидать «республиканцы». Заговоръ является дѣломъ фанатиковъ, не отдающихъ себѣ яснаго отчета въ современномъ политическомъ положеніи и, кромѣ того, нравственно стоящихъ ниже своего врага.

Чему приписать такое недоразумѣніе? Или крайней осторожности автора въ своихъ чувствахъ къ античному гражданству или у автора не хватило поэтическаго таланта возсоздать образъ республиканца, подобный шекспировскому Бруту. По нашему мнѣнію,—и то и другое. Вольтеръ могъ заявлять полное сочувствіе паденію такого царя, какимъ былъ Тарквиній,—но стóило Римомъ завладѣть личности безупречной въ политическомъ и общечеловѣческомъ смыслѣ,—Вольтеръ становился сторонникомъ монархической власти. Его Цезарь—существо высшаго порядка, чѣмъ Брутъ и другіе заговорщики. Это—идеальный государь, какъ его представляли философы: проницательный мыслитель, гуманный владыка, чувствительный отецъ семьи. Предъ этими доблестями, въ глазахъ просвѣтителей, блѣднѣли всякіе республиканскіе принципы. Но лишь только верховная власть попадаетъ или грозитъ попасть въ недостойныя руки,—философъ по прежнему—республиканецъ. Это доказываетъ послѣдняя римская трагедія того же Вольтера—*Катилина*.

Возникла она семнадцатью годами позже *Смерти Цезаря*. Политическіе взгляды Вольтера успѣли совершенно опредѣлиться и,—мы увидимъ—менѣе всего въ пользу республики. Но на сценѣ корыстный, безпринципный заговорщикъ,—и

его противникъ Цицеронъ долженъ явиться во всемъ блескѣ гражданскаго мужества. Онъ громитъ одинаково тирановъ и народъ, уже предвѣщающій эпоху упадка [28]. Одновременно съ самыми рѣзкими нападками на тиранническую власть, Вольтеръ признаетъ принципъ монархіи. Въ трагедіи *Мérope* находится стихъ, повидимому, необыкновенно смѣлый, тщательно замѣченный современниками и позже оказавшійся пророческимъ: «Первый кто сталъ королемъ—былъ счастливымъ солдатомъ» [29]. На самомъ дѣлѣ, въ этихъ словахъ не заключалось ничего оскорбительнаго вообще для королевскаго сана. Герой пьесы только хочетъ выдвинуть на первый планъ личныя заслуги кого бы то ни было предъ страной и повторить уже извѣстную намъ идею поэта о наслѣдственности. «Право повелѣвать — не есть преимущество, даруемое природой, въ видѣ наслѣдства. Оно—плодъ трудовъ, пролитой крови, награда за мужество» [30]. Очевидно,—самый принципъ господства одного надъ всѣми не отрицается. Требуется только, чтобы властитель оправдывалъ свое исключительное положеніе личными качествами Съ этой точки зрѣнія мы должны понимать республиканскія нападки въ трагедіяхъ Вольтера—на тиранію. Деспотизмъ, создающій изъ людей рабочій скотъ, ненавистенъ философу—одинаково и въ эпоху *Писемъ объ англичанахъ* и въ эпоху послѣдней политической трагедіи *Донъ-Педро*, изданной за три года до смерти автора. Но если носитель монархической власти Цезарь или Генрихъ IV—она истинный источникъ счастья и народовъ, и философовъ. Этотъ выводъ философы не замедлятъ подтвердить прямыми личными заявленіями, совершенно искренними, такъ какъ они не разсчитаны на постороннюю публику.

Теперь мы можемъ оцѣнить по достоинству «республиканизмъ», владѣвшій парламентомъ и отчасти обществомъ въ

---

[28] *Catilina ou Rome sauvée.* Acte I, 5; 6:

Les vices des Romains ont vengé l'univers.
La vertu disparaît, la liberté chancelle.

[29] „Le premier qui fut roi fut un soldat heureux". Acte I, 3.

[30] *Mérope.* Acte I, 3.

эпоху регентства и въ царствованіе Людовика XV. Давидъ Штраусъ весьма насмѣшливо отзывается о римскихъ трагедіяхъ Вольтера: *Катилину* онъ называетъ «гимназической драмой»: она могла появиться во всякой школѣ послѣ знакомства воспитанниковъ съ сочиненіемъ Саллюстія, *Брутъ*— почти исключительно декораціи и реторика[31]. Въ этихъ слишкомъ суровыхъ отзывахъ есть доля справедливости. Французы-республиканцы, съ членами парламента и писателями во главѣ, — несомнѣнно, сильно увлекались эффектами фразы и позы, рѣчи ихъ заключали не мало заученныхъ—«классическихъ» тирадъ на тему гражданской свободы. Глубокаго истинно-реформаторскаго жара было не много — и въ блестящихъ протестахъ адвокатовъ, и въ аплодисментахъ толпы. Адвокатамъ, по заявленію одного изъ нихъ, просто не доставало политическаго развитія и опытности[32]. Они являлись то прямолинейными теоретиками, то трусливыми подданными подъ давленіемъ lits de justice. У нихъ никогда нехватало смѣлости—на какую-либо практическую мѣру: все оканчивалось гражданскими изліяніями, иногда и очень смѣлыми,—но для власти только досадными и отнюдь по существу не опасными.—Тоже самое можно сказать и о парижанахъ.

Мы знаемъ,— какое значеніе придавалъ очевидецъ, какъ членъ парламента, привѣтствіямъ толпы, — но онъ же другими сообщеніями—отнимаетъ у этихъ привѣтствій всякую дѣйствительную цѣнность. Вплоть до второй половины вѣка—король—популярнѣйшая личность во Франціи, и въ Парижѣ.

Въ эпоху регентства, когда королевскій принципъ терпитъ, повидимому, столько потрясеній,—малолѣтній король поглощаетъ вниманіе парижанъ. Его восторженно привѣтствуютъ на улицахъ, съ величайшими подробностями узнаютъ объ его здоровьи, привычкахъ, вкусахъ, настроеніи[33]. Позже эти

---

[31] *Voltaire*, франц. изд. Paris 1876. p. 67.
[32] *Journal de Barbier*. I, 70—71.
[33] Buvat. *Journal de la régence*. I, passim.

чувства сказываются во всей силѣ во время метцской болѣзни короля. «Извѣстіе о ней», пишетъ очевидецъ, «повергло Парижъ въ такое безпокойство и отчаяніе, которое нельзя и описать: оно охватило всѣ сословія, знатныхъ, незнатныхъ и народъ» [34]. Дальше разсказывается о томъ, какъ почтовая станція по цѣлымъ днямъ была переполнена экипажами и народомъ, ожидавшимъ вѣстей, какъ Соборъ Парижской Богоматери былъ заваленъ требованіями молебствій, какъ муниципалитетъ устроилъ телеграфъ изъ курьеровъ отъ Парижа до Метца. Не только исключительные случаи вызывали такой интересъ парижанъ къ Людовику XV. Въ обычное время народъ зорко слѣдитъ за жизнью своего короля, узнаетъ много недостойныхъ и часто прямо позорныхъ фактовъ,—но остерегается подвергать ихъ критикѣ. Находятся шутники и скептики, позволяющіе себѣ нескромные разговоры и летучія пѣсенки на счетъ романическихъ увлеченій короля. Но «добрые французы страдаютъ отъ этихъ «вольностей»,—они отъ души желали бы видѣть примѣрное наказаніе виновныхъ [35], потому что даже сердечныя прихоти Людовика считаютъ священными и говорятъ о нихъ съ глубокимъ сочувствіемъ [36]. Г-жа Помпадуръ, напримѣръ, удостоивается настоящей вѣрноподданической демонстраціи. Когда Вольтеру вздумалось написать остроумный, но совершенно неоскорбительный мадригалъ въ честь маркизы, на поэта посыпались эпиграммы. Одни негодовали на «дерзкіе стихи», находили, что «любовныя увлеченія королей и боговъ не созданы для толпы» и смертнымъ остается только «благоговѣть и молчать», другіе прямо грозили Вольтеру Бастиліей «по справедливости» и Шарантономъ, если королъ сми-

---

[34] *Journal de Barbier*. III, 534 etc.

[35] *Journal de police*. *Journal de Barbier*. VIII, 192, 195. „Les bons français gémissent de la licence avec laquelle on parle de leur maître, et désireraient qu'on fit quelques exemples pour apprendre aux imprudents à se taire et à respecter ce qu'ils doivent respecter“.

[36] Aubertin. *Ib.* p. 248.

лосердится [37]. Въ академіи свободомыслящій ораторъ произноситъ рѣчь съ восторженными похвалами Людовику XV и публика апплодируетъ преимущественно этимъ похваламъ [38]. Академія выдаетъ обычную награду за стихи, изображающіе: *Любовь французовъ къ своимъ королямъ*, *освященную публичными памятниками*. Воздвигаютъ памятники и Людовику XV. Столица занята соображеніями на какой площади воздвигнуть монументъ: «Для Людовика *Возлюбленнаго*», пишетъ современный поэтъ, «весь Парижъ превращается въ архитектора [39]. Статуя открывается одновременно съ заключеніемъ Губертсбургскаго мира, на сценахъ устраиваются апоѳеозы короля, сочиняются пьесы патріотическаго содержанія. Все время дѣйствуютъ Людовикъ Возлюбленный и патріоты [40].

Политическое развитіе этихъ патріотовъ возбуждаетъ презрѣніе современнаго наблюдателя. Столица «упивается» всевозможными пустяками. Даже такое событіе, какъ Губертсбургскій миръ, вызываетъ «дѣтскія и мелкія» проявленія чувствъ [41]. На «общественное право не обращаютъ почти никакого вниманія». Монтескье является революціонеромъ въ этомъ отношеніи. Но и его книга не всегда могла принести пользу политической мысли: по признанію просвѣщеннѣйшихъ критиковъ, стоявшихъ въ тоже время во главѣ современной политики, *Духъ законовъ* заключалъ въ себѣ не мало ретроградныхъ воззрѣній [42]. Когда вышла пер-

---

[37] *Corresp. litt.* I, 130, приведены эпиграммы. Мы говорили объ этомъ эпизодѣ: Вольтеръ былъ наказанъ изгнаніемъ.

[38] Рѣчь Даржансона. *Corresp. litt.* I, 153.

[39] *Ib.* p. 380.

[40] *Ib.* V, 254. Въ *Mém. secr.* подробности этихъ спектаклей,—21 jn. 1763. Извѣстнѣйшая изъ патріотическихъ пьесъ этого времени *L'Anglais à Bordeaux*—Дора.

[41] Гриммъ по поводу патріотическихъ торжествъ весной и лѣтомъ 1763 года пишетъ: „Tout ce qui se fait sur nos théâtres de relatif aux évenements publics a d'ordinaire un caractère puéril et mésquin".

[42] Отзывъ Даржансона о *l'Esprit des lois:* „Les chapitres en sont fort inégaux; il y en a d'une tres grande supériorité. Cet auteur est un homme d'une imagination forte, et son jugement ne vient qu'à la suite de son esprit.

вая диссертація Руссо, переполненная парадоксами,—во всей Франціи не нашлось достойнаго оппонента. Нѣсколько замѣчаній короля Станислава оставалось считать лучшимъ возраженіемъ. Среди утонченнѣйшей культуры не нашлось никого, кто бы могъ оправдать ее предъ нападками ничему неучившагося юнаго литературнаго дебютанта» [43].

Но правительство не считаетъ свое положеніе прочнымъ въ виду возникшей «секты» новыхъ философовъ. Мы безпрестанно слышимъ «объ инквизиціи» въ книжной торговлѣ. Этимъ не довольствуются. Въ самый разгаръ патріотическихъ чувствъ открываютъ литературный походъ противъ философіи. Палиссо выступаетъ на сцену одновременно съ патріотическими произведеніями и дѣйствуетъ рядомъ съ королевскими апоѳеозами. Въ *Литературной Корреспонденціи* на разстояніи нѣсколькихъ мѣсяцевъ сообщаются такія извѣстія: «Въ настоящее время цензура пропустила бы развѣ только двѣ пьесы Мольера». «Все, что пишутъ теперь относительно правительства, законодательства, администраціи и общественнаго блага—носитъ характеръ легкомыслія и дѣтскости, вызывающей состраданіе» [44]. Другой очевидецъ къ этому же времени относитъ жесточайшее озлобленіе противъ всѣхъ, кто только обладалъ талантомъ и извѣстностью,—точнѣе,—кто не проявлялъ шумнаго патріотизма [45]. Цензурная инквизиція не помѣшала разыграться безпримѣрной исторіи съ трагедіей Беллуа. Это самый яркій фактъ изъ

Ainsi l'on trouve de grands pas en avant dans la politique, mais quelques—uns rétrogrades, et qu'il foudrait bien se garder de suivre". *Mémoires*. V, 106.

[43] *Corresp. litt.* II, 319.

[44] V, p. 43, 297. Гриммъ сравниваетъ англ. политич. литературу съ французской и отдаетъ преимущество первой, не смотря на рѣзкость партійныхъ нападокъ: „parmi nous dès que quelques excellents esprits, aussi connus que peu nombreux, se taisent, tout ce qu'on ecrit sur les matières du gouvernement, de legislation, d'administration et de félicité publique porte une caractère de futilité et puérilité qui fait pitié".

[45] Favart. *Mém. et corresp.* I, 29.

исторіи драмы въ царствованіе Людовика XV. Онъ рядомъ съ римскими трагедіями Вольтера характеризуетъ уровень *политическаго* развитія публики, разсыпавшей привѣтствія покровителю маркизы Помпадуръ и даже самой маркизѣ.

Намъ приходилось упоминать объ этой пьесѣ. *Siège de Calais* появилась на сценѣ *Comédie Française* въ мартѣ 1765 года и немедленно стяжала титулъ «національной пьесы»—pièce de la nation. Восторги предъ трагедіей стали доказательствомъ патріотизма и вѣрноподданическихъчувствъ. Ее приказано было сыграть во всѣхъ гарнизонахъ, даже на островѣ С. Доминго. Она первая изъ театральныхъ пьесъ была напечатана въ американскихъ колоніяхъ. Авторъ посвятилъ ее королю и въ посвященіи писалъ: «Изъ всѣхъ народовъ на землѣ вашъ умѣетъ особенно любить и вы — король, котораго онъ призналъ достойнѣйшимъ своей любви. Отецъ отечества, удостойте милостиво принять произведеніе, написанное ради отечества». Изъ предисловія видно, что Беллуа кромѣ того намѣренъ былъ спасти вкусъ публики отъ вліяній «резонеровъ», т. е. энциклопедистовъ. И здѣсь, слѣдовательно, патріотизмъ шелъ рука объ руку съ ненавистью къ свободной мысли.

Достаточно было бы отмѣтить успѣхъ трагедіи Беллуа и не заниматься ея идеями, если бы авторъ, помимо патріотизма не коснулся политическихъ принциповъ. Противникъ французовъ — англичанинъ король Эдуардъ III въ слѣдующихъ словахъ описываетъ порядки своего государства: «Я прибылъ съ моего мятежнаго острова, всегда покрытаго кровью, благодаря неизбѣжнымъ ссорамъ между трономъ и свободой. Народъ, соперникъ и тиранъ своего господина, хочетъ чтобы его сдѣлали счастливымъ и отказывается отъ счастья. Государь и подданные, среди ревнивыхъ споровъ, забываютъ общіе интересы, недовѣріе создаетъ ненависть. Король, чтобы поддержать свое непрочное, могущество, принужденъ заботиться только о самомъ себѣ и пренебрегаетъ нуждами государства. Но что я видѣлъ во Франціи? Короля, верховнаго владыку, въ которомъ вы чти-

те само божество, вельможъ; ихъ могущество зависитъ только отъ государя, и они вѣчно признательны своему защитнику,— народъ кроткій, чувствительный: все это—необъятная семья и среди нея одна любовь управляетъ покорностью. Народъ подчиняетъ свои права своему отцу, увѣренный, что этотъ отецъ всегда хочетъ счастья своихъ дѣтей»[46]. Сами французы эту покорность съ восторгомъ называютъ «идолопоклонствомъ»—idolâtrie и отождествляютъ монарха съ отечествомъ. Авторъ не могъ въ самой драмѣ — хотя бы она была изъ эпохи столѣтней войны—не бросить камнемъ въ энциклопедистовъ. «Я ненавижу», говоритъ одинъ герой, «эти ледяныя сердца, мертвыя для своей страны. Эти люди, считающіе несчастьемъ глубокій миръ, хвалятся великимъ именемъ — гражданъ вселенной, воображаютъ, что они повсюду любятъ гуманность затѣмъ, чтобы презирать ее въ собственномъ отечествѣ. Неблагодарныя дѣти, позорное бремя того лона, которое родило ихъ,—они достойны ничтожества и полнаго забвенія»[47].

Эта неизмѣнная связь патріотическихъ чувствъ съ выходками противъ ненавистной партіи, лишенной, повидимому, всякаго патріотизма, совпаденіе вѣрноподданническихъ восторговъ сцены съ драматической сатирой противъ тѣхъ же враговъ короля—показываетъ, что рядомъ съ патріотами и публикой, кричавшей *Vive le roi et monsigneur de Belloy*. существовалъ другой міръ, не признанный и гонимый при дворѣ, но тѣмъ не менѣе жившій своими идеями. Мы отчасти знакомы съ ними по *Генріадѣ* и трагедіямъ Вольтера. Подойдемъ къ нимъ ближе и увидимъ, что онѣ заслуживали гоненія развѣ только со стороны такого государя, какимъ сталъ Людовикъ XV вскорѣ послѣ метцскихъ событій. Мнѣніе Дидро несравненно справедливѣе, чѣмъ филиппика Беллуа: энциклопедисты въ дѣйствительности были «лучшіе подданные» во всякомъ случаѣ не менѣе вѣрные и гораздо болѣе благоразумные, чѣмъ авторы патріотическихъ драмъ и противофилософскихъ пасквилей.

---

[46] Acte III, 2.

[47] Acte IV, 2.

II.

Мы видѣли,—историческія условія, независимо отъ какихъ бы то ни было теорій, привели французское общество начала XVIII-го вѣка къ вопросу о происхожденіи государственной власти. Источникомъ ея оффиціально былъ признанъ народъ — и теорія договора открыто провозглашена лицами, окружавшими тронъ Людовика XV. Эти событія отчасти напоминали вторую англійскую революцію. Послѣ сверженія Іакова II учредительный конвентъ вотировалъ существованіе первичнаго договора между королемъ и народомъ, и на основаніи общечеловѣческихъ правъ была призвана на англійскій престолъ новая династія. Четверть вѣка спустя во Франціи не было нужды мѣнять порядокъ престолонаслѣдія,— но долголѣтнее царствованіе совершеннѣйшаго представителя монархіи поставило на очередь дня тѣже революціонныя идеи,— и мы знаемъ — литература не замедлила воспользоваться ими въ буквальномъ смыслѣ. Въ *Генріадѣ* французская публика читала о томъ, какъ нація въ извѣстныя эпохи исторіи «возвращается къ своимъ первичнымъ правамъ» и «мѣняетъ законы».Въ трагедіи *Брутъ* таже теорія развивалась подробнѣе и яснѣе: государь, не выполняющій своихъ обязательствъ предъ народомъ—бунтовщикъ и — по справедливости—лишается престола. Гораздо раньше Вольтера другой, несравненно менѣе знаменитый писатель, представилъ подробную характеристику вообще гражданскаго общества, сравнивая его съ первобытнымъ состояніемъ человѣчества. Эта картина выходила гораздо эффектнѣе и реальнѣе, чѣмъ отвлеченныя положенія объ одномъ только вопросѣ современной политики—о происхожденіи власти. И въ данномъ случаѣ мы встрѣчаемся съ тѣмъ самымъ фактомъ, на который мы указывали при разборѣ идей въ другой области· драматическая литература идетъ впереди политическихъ трактатовъ и подрываетъ права на оригинальность у Руссо, на этотъ разъ какъ автора знаменитыхъ диссертацій. Больше чѣмъ за тридцать лѣтъ до второго разсужденія Руссо, — на сценѣ появ-

ляется пьеса, предвосхищающая всѣ основныя идеи философа, даже превосходящая его сочиненіе глубиной и основательностью общественныхъ взглядовъ [48]. 17 іюня 1721 года на сценѣ итальянскаго театра появилась комедія Делиля— *Arlequin sauvage.*

Раньше мы приводили взглядъ дикаря на французское правосудіе. Общекультурныя впечатлѣнія Арлекина также безотрадны. «Вотъ», восклицаетъ онъ, «дурная страна. Я вижу здѣсь, какъ одни, нахальные дикари повелѣваютъ другими и заставляютъ служить себѣ, а большинство другихъ настолько трусливо, что боится господъ и остается въ положеніи животныхъ». Арлекину объясняютъ, что онъ теперь не среди дикихъ, а среди цивилизованныхъ народовъ, живущихъ подъ властью законовъ. А законы имѣютъ назначеніе—заставлять людей исполнять свои обязанности, внушаютъ людямъ благоразуміе и честность. Дикарь логически заключаетъ отсюда: цивилизованные рождаются глупцами и мошенниками, если требуются законы, чтобы они были честны и благоразумны. «Я происхожу», говоритъ Арлекинъ, «изъ великаго лѣса, гдѣ живутъ такіе же невѣжды, какъ и я, они ничего не знаютъ о законахъ, но добры отъ природы. Мы не нуждаемся въ наставленіяхъ, чтобы знать свои обязанности, мы настолько невинны, что для насъ достаточно одного разума» [49]. Еще меньше Арлекинъ пони-

---

[48] Морли учителемъ Руссо считаетъ отчасти Морелли; автора поэмы *Basiliade*, появившейся въ 1753 году. Авторъ особенно хвалитъ Морелли за мѣткость экономической критики современнаго общества, и въ доказательство приводитъ изъ поэмы обычную въ XVIII вѣкѣ декламацію. Въ пьесѣ экономическій вопросъ на первомъ планѣ и нападки на имущественное неравенство гораздо остроумнѣе и сильнѣе. Если, слѣдовательно, въ этомъ отношеніи Руссо, по мнѣнію Морли, уступалъ Морелли, онъ еще ниже стоитъ автора комедіи.—*Руссо*, русск. изд. стр. 104—5.

[49] Acte I, 5, 6. „Je suis d'un grand bois où il ne croît que des ignorants comme moi, qui ne savent pas un mot de lois, mais qui sont bons naturellement. Ah, ah! Nous n'avons pas besoin de leçons, nous autres, pour connaître nos devoirs, nous sommes si innocents que la raison seule nous suffit".

маетъ экономическія отношенія цивилизованныхъ народовъ. Ему объясняютъ, что существуетъ два сорта людей—богатые и бѣдные. У богатыхъ всегда есть деньги, у бѣдныхъ ничего нѣтъ. Чтобы имѣть деньги, они должны работать на богатыхъ. Тѣ платятъ, смотря по работѣ, а сами въ это время спятъ, гуляютъ, проводятъ жизнь въ удовольствіяхъ и мотовствѣ. «Это очень удобно для богачей», замѣчаетъ Арлекинъ,—«но знаешь ли, что я думаю о цивилизованныхъ народахъ?... Я думаю, — вы глупцы, мнящіе себя мудрецами, невѣжды, считающіе себя учеными, бѣдняки и рабы, думающіе, что вы богаты и свободны. Вы глупцы, потому что съ великими заботами изобрѣтаете безконечное множество ни на что не нужныхъ предметовъ, вы слѣпы потому, что считаете богатствомъ только деньги и прочую чертовщину вмѣсто того, чтобы просто наслаждаться природой, подобно намъ, не желающимъ ничего, кромѣ свободнаго пользованія ея дарами. Вы — рабы вашихъ богатствъ, ихъ вы предпочитаете свободѣ и вашимъ братьямъ, которыхъ вы заставили бы перевѣшать, если бы они взяли малѣйшую долю изъ того, что вамъ не приноситъ никакой пользы. Наконецъ, вы—невѣжды, вся ваша мудрость заключается въ знаніи законовъ, и вамъ недоступенъ разумъ, который научилъ бы васъ обходиться безъ законовъ, какъ мы». Арлекинъ горько жалуется,— зачѣмъ его вывезли изъ родныхъ лѣсовъ, гдѣ онъ, не зная о своей бѣдности, былъ для себя и государемъ, и господиномъ, и слугой, а теперь—оказалось, онъ бѣднякъ и рабъ»[50]. Въ заключеніе Арлекинъ, олицетворяющій, — по отзыву его цивилизованныхъ пріятелей, природу и разумъ естественной чистоты,—заявляетъ этимъ пріятелямъ: «Я увѣренъ, — самое лучшее, чѣмъ только могутъ законы облагодѣтельствовать васъ,—сдѣлать—столь же разумными, какъ и мы, и вы — *люди* лишь на столько, на сколько похожи на насъ». Слушатели вполнѣ съ нимъ соглашаются [51].

---

[50] Acte II, 3.

[51] Acte III, 4, 5. „C'est la nature et la raison toutes simples qui s'expliquent par sa bouche".—*Arlequin*. „Je connais que tout ce que les lois

Комедія, идеализируя первобытнаго человѣка, не нападаетъ, подобно Руссо на философію, на мышленіе, какъ противоестественную способность, не отрицаетъ у естественныхъ людей наклонностей къ какимъ бы то ни было связямъ. Арлекинъ рядомъ съ природой признаетъ разумъ, готовится заключить брачный союзъ и о своихъ родныхъ говоритъ какъ объ *обществѣ*, руководимомъ, вмѣсто законовъ, побужденіями природы и разума. Въ практическомъ отношеніи комедія стоитъ несомнѣнно выше диссертаціи. Арлекинъ подвергаетъ остроумной критикѣ наболѣвшія язвы стараго порядка—привилегіи, судебную неправду и волокиту,—намѣчаетъ реформы, признанныя настоятельными не только среди поклонниковъ миѳическаго «естественнаго человѣка». Дикарь комедіи является органомъ современной мысли, враждебной вѣковымъ предразсудкамъ и исторически наросшему гнету. Несомнѣнно, дикарь — одаренный гуманными чувствами и логическимъ смысломъ — такое же мало вѣроятное существо, какъ и «естественный человѣкъ» Руссо. Но въ одномъ случаѣ—воплотилась дѣйствительно прогрессивная реформаторская мысль, не теряющая практической почвы, въ другомъ самъ авторъ свою цѣль объясняетъ, «познать состояніе, которое не существуетъ, можетъ быть, никогда не существовало и которое, конечно, не будетъ существовать»[52].

Вопросъ о происхожденіи политическаго общества не сходитъ со сцены въ теченіе всего философскаго періода. Кондорсе сообщаетъ важныя свѣдѣнія о судьбѣ слѣдующихъ стиховъ въ трагедіи *L'orphelin de la Chine*:

> La nature et l'hymen, voilà les lois premières,
> Les devoirs, les liens des nations entières:
> Ces lois viennent des dieux: le reste est des humains.

---

peuvent faire de mieux chez vous c'est de vous rendre aussi raisonnables que nous sommes, et que vous n'êtes hommes qu'autant que vous nous ressemblez".

[52] *Disc. sur l'orig. et les fondem. de l'inégalité parmi les hommes. Préface. O. compl.* I, 231.

Трагедія была представлена 20 августа 1755 г., немного позже выхода въ свѣтъ второй диссертаціи Руссо. По словамъ Кондорсе, публика, услышавъ эти слова въ первый разъ, изумилась и неудомѣвала, «потребовались извѣстныя соображенія, чтобы крикъ природы былъ понятъ». Позже въ этомъ мѣстѣ всегда раздавались восторженные апплодисменты. [53]. Извѣстіе Кондорсе показываетъ, съ какого момента идея о происхожденіи гражданскихъ порядковъ входитъ въ сознаніе публики. И дѣйствительно, рѣдкій годъ на сценѣ не появляется новая пьеса, обсуждающая вопросъ объ естественномъ и политическомъ состояніи. Вольтеръ, столь иронически встрѣтившій парадоксы Руссо, не разъ останавливается на этой темѣ. Руссо быстро перемѣнилъ свой взглядъ на естественнаго человѣка и блага дикого существованія. Но драматическая литература оказалась послѣдовательнѣе и прежде всего Вольтеръ явился однимъ изъ вѣрныхъ защитниковъ дикаря.

Его трагедія *Скиѳы* появилась на сценѣ 16 марта 1767 года, ровно пять лѣтъ спустя послѣ того какъ авторъ *Общественнаго договора* окончательно порвалъ съ своимъ «естественнымъ человѣкомъ». Скиѳы Вольтера — въ сущности философы XVIII вѣка, отлично знающіе условія культурнаго быта и превосходные ораторы на тему свободы, братства и равенства. Они говорятъ: «Мы всѣ равны, живемъ не зная ни государя, ни подданныхъ, всѣ свободные, и всѣ братья». Они презираютъ «безполезныя искусства — орудія изнѣженности», источникъ нравственной порчи, плодъ вражды къ «простой природѣ». Въ среду ихъ попадаетъ культурный человѣкъ, персъ, и приходитъ въ изумленіе отъ ихъ нравственныхъ совершенствъ. Это—правдивый народъ, признающій только власть законовъ. Персъ даже называетъ ихъ гражданами въ республиканскомъ смыслѣ. У нихъ нѣтъ честолюбія, жадности, «они усердные хранители совершенной

---

[53] *Vie de Voltaire. O. compl. de V.* 1790. LXXI, p. 88.
[54] *Le Scythes.* Acte I, 1.

справедливости, ихъ единственная слава — жить въ равенствѣ».[55]. Скиѳъ въ яркой картинѣ изображаетъ персу независимость дикаря и рабское состояніе цивилизованнаго: «Неужели ты осмѣлишься утверждать, что — стоитъ имѣть несчастіе родиться въ твоемъ государствѣ, — и права человѣка немедленно утрачиваются? Развѣ небо, создавая человѣка, создало его рабомъ? Развѣ природа, чей голосъ ты оскорбляешь, можетъ человѣческія существа ярмомъ придавить къ землѣ, какъ мы дѣлаемъ это съ безсмысленными животными? Пусть человѣкъ будетъ рабомъ на поляхъ Мидіи, пусть пресмыкается тамъ — я согласенъ, — но онъ свободенъ въ Скиѳіи». [56].

Въ трагедіи *Законы Миноса* мѣсто Скиѳовъ занимаютъ сидонцы. На представителя культурнаго государства они также производятъ идеальное впечатлѣніе: ихъ «надменная правдивость выше законовъ Крита и всѣхъ искусствъ Аѳинъ» [57]. Они изумлены, какъ люди могли до такой степени утратить свое «первичное достоинство» и «естественныя права», чтобы стать подданными. [58]. Въ той и другой пьесѣ Вольтеръ, конечно, не забываетъ въ числѣ преимуществъ первобытнаго состоянія указать на простоту религіознаго культа, наивныя, но гуманныя вѣрованія дикарей — и здѣсь же поставить рядомъ фанатизмъ и суетную пышность «культурныхъ» жрецовъ. Первобытный человѣкъ, слѣдовательно, ничто иное, какъ врагъ политическаго деспотизма и религіозной нетерпимости. Это—чувствительный гражданинъ энциклопедической республики. Идея Руссо, какъ видимъ, въ чистомъ видѣ осталась только достояніемъ самого философа. До его диссертаціи и позже естественный человѣкъ неизмѣнно является воплощеніемъ разума и мысли—силъ, столь ненавистныхъ женевскому философу въ эпоху идеализаціи ди-

---

[55] Acte I, 3; II, 4.
[56] Acte IV, 2.
[57] *Les lois de Minos*: Acte II, 1.
[58] Acte III, 1.

каря. Это въ высшей степени важный фактъ. Онъ заранѣе указываетъ путь, какимъ философы придутъ къ рѣшенію политическаго вопроса. Имъ не потребуется ни опроверженія собственныхъ взглядовъ, ни новыхъ мечтательныхъ вымысловъ—всего, что вошло въ болѣе зрѣлую политику Руссо. Ихъ дикарь—готовый гражданинъ философскаго идеальнаго государства.

Рядомъ съ логикой разума у дикарей также благородна и могущественна логика чувства. Мы знаемъ, какъ поэтически умѣютъ описывать любовь и бракъ по любви—сцены Вольтера и именно на эти сцены авторъ возлагалъ всѣ свои надежды. Подобныя изліянія свойственны всѣмъ юнымъ дикарямъ. Въ этомъ отношеніи каждый изъ нихъ близкій родичъ естественнаго человѣка Руссо, существа, по преимуществу чувствительнаго но только неумѣющаго говорить о чувствахъ. Одноактная комедія Шамфора—*La jeune indienne*—одна изъ симпатичнѣйшихъ иллюстрацій на эту тему. Она не ставитъ политическихъ вопросовъ, но интересна, какъ образецъ чувствительной критики современнаго общества. Сюжетъ заимствованъ изъ книги Рэйналя *Histoire philosophique des deux Indes* и неоднократно повторяется въ комедіи XVIII вѣка. Европеецъ потерпѣлъ кораблекрушеніе, былъ спасенъ индіянкой, между ними возникла любовь, но, по возвращеніи въ среду европейцевъ предразсудки становятся на пути къ браку. Бетти испытываетъ еще болѣе горькое чувство, чѣмъ Арлекинъ—дикарь: вопросъ идетъ объ ея личномъ счастьи. Бетти приходитъ въ негодованіе, узнавъ какое значеніе у европейцевъ имѣютъ деньги, особенно богатство злыхъ приводитъ ее въ ужасъ. Бельтону—ея жениху—другъ предлагаетъ денегъ, но тотъ отказывается. Бетти снова изумлена,—у европейцевъ могутъ говорить слова на вѣтеръ, любезныя рѣчи могутъ не заключать ни капли искренняго чувства. Наконецъ, она восклицаетъ: «проклятый край, убѣжище несчастья, гдѣ имѣютъ другія потребности, чѣмъ желанія сердца, гдѣ забываютъ благодѣянія, оскорбляютъ любовь. Въ чемъ же здѣсь заключается законъ счастья,

въ чемъ его опора?..» Въ результатѣ искренность и трогательныя рѣчи Бетти торжествуютъ надъ предразсудками — ея добродѣтели, по словамъ европейца, — лучшее ея приданое.[59]. На почвѣ чувствительности построена также трагедія Совиньи—*Hirza ou les Illinois*. Пьеса не имѣла успѣха, Вольтеру это доставило удовольствіе, можетъ быть, отчасти потому что Совиньи обвинялъ его въ плагіатѣ[60],—но независимо отъ личнаго пристрастія Вольтеръ вмѣстѣ съ публикой былъ правъ. Авторъ потерялъ всякую мѣру въ своихъ восторгахъ предъ дикарями и въ негодованіи на европейцевъ, довелъ старыя идеи Руссо до нелѣпости. Главная добродѣтель дикихъ — чувство, необыкновенно благородное и человѣколюбивое сердце. На эту тему написано предисловіе къ пьесѣ. Въ самой пьесѣ Гирза—вождь дикихъ—уличаетъ европейцевъ въ жестокосердіи, въ наклонности «издѣваться надъ слезами» несчастныхъ. Признавая ихъ физическую силу, онъ ставитъ на недосягаемую высоту своё сердце.[61]. У европейца, напротивъ, фальшивое сердце и тираннической умъ. Онъ чувствуетъ себя оскорбленнымъ, если встрѣчаетъ народъ, болѣе счастливый и болѣе свободный, чѣмъ онъ самъ.[62]. Счастье дикарей — въ свободѣ», говоритъ одинъ изъ вождей европейцу. «Она для насъ такъ драгоцѣнна, какъ ты и представить не можешь. Со дня рожденія ты пресмыкаешься предъ господиномъ. Твоя храбрость не имѣетъ въ моихъ глазахъ никакого значенія: ты умѣешь только повиноваться или быть тиранномъ.[63].

---

[59] *La jeune indienne* была представлена на сценѣ *Com. Fr.* въ маѣ 1764 года, издана въ томъ же году въ Парижѣ.

[60] Desnoiresterres. *Voltaire*. VII, 184.

[61] *Hirza*, trag. par Sauvigny. *Com. Fr.* 27 mai 1767. Paris. 1768. „S'ils ont le bras d'un Dieu, je le coeur d'un sauvage. (Acte I, 1).

[62] — Connais l'Européen, connais sa politique,
Son coeur faux, et surtout son esprit tyrannique.
Son oeil parait blessé de rencontrer ici
Un peuple plus heureux et plus libre que lui. (Acte II, 1).

[63] Acte II, 3.

Подобное краснорѣчіе было настоящей медвѣжьей услугой идеальному дикарю. Публика, очевидно, желала видѣть на сценѣ не такого первобытнаго человѣка и не раздѣляла фанатической ненависти автора къ европейцамъ. Ей необходимо было примирить высокія доблести сердца и ума съ цивилизаціей. Свободный сынъ лѣсовъ для французовъ XVIII вѣка — тоже самое, что гражданинъ античной республики. Онъ могъ сколько угодно прославлять свободу и равенство, громить изъяны цивилизаціи—на самомъ дѣлѣ пороки и предразсудки подданныхъ Людовика XV, – но въ результатѣ онъ долженъ былъ признать разумныя основы монархическаго принципа. Республиканецъ на языкѣ питомца просвѣтительной эпохи значилъ не больше чѣмъ—противникъ деспотизма, тираннiи, добродѣтельный дикарь — врагъ рабства и всякаго рода насилій надъ человѣческой природой и личностью. Но эта вражда отнюдь не устраняла изъ идеальнаго строя общества — государя, главы племени и народа Напротивъ, протестанты оказывали высшую честь именно тѣмъ властителямъ, предъ которыми слагали свой протестъ. Монархическая власть получала послѣ этого освященіе разума и сердца, утверждалась на самыхъ прочныхъ основахъ, какія только вѣдомы людямъ.

Новые писатели всевозможными путями старались поднять уровень политическаго развитія общества. Оригинальныхъ сочиненій выходило мало, но за то, какъ мы уже видѣли въ громадныхъ размѣрахъ развивалась переводная литература,—и развитіе шло въ совершенно опредѣленномъ направленіи. Книга Монтескьё, при всѣхъ ея недостаткахъ, счастливо повліяла на своихъ современниковъ, познакомивъ ихъ съ конституціей Англіи въ болѣе подробной формѣ, чѣмъ Вольтеръ. Монтескьё ошибочно понялъ эту конституцію, главнѣйшій его принципъ—раздѣленіе властей—исчезъ окончательно еще въ началѣ вѣка, съ эпохи возникновенія кабинета. Но важно было дать французской публикѣ представленіе о государственномъ порядкѣ, осуществлявшемъ политическую свободу и отличномъ отъ французской монархіи. Фантастическій

принципъ трехъ властей пережилъ самое сочиненіе Монтескьё и носился въ воображеніи французскихъ политиковъ въ то время, когда уже не читали *Духа законовъ*, и автора, если бы онъ жилъ, — навѣрное причисли бы къ врагамъ отечества и свободы.—Интересъ къ англійской конституціи не ослабѣвалъ до самой революціи. Французы подробно знакомились съ исторіей англійскаго парламента, англійской торговли и мореплаванія. Нѣкоторые переводы явились подъ непосредственнымъ вліяніемъ Монтескьё. [64]. Спросъ на эти книги, очевидно, постепенно увеличивался, и политическіе термины — *свобода*, *гражданинъ*, сообщавшіе такую заразительную привлекательность трактатамъ Руссо, успѣли войти въ моду гораздо раньше. Въ 1749 году издается книга *La voix libre du citoyen*, за годъ до *Contrat social* появляется *Dictionnaire du citoyen*, а въ началѣ 1762 года, т.-е. на мѣсяцъ или на два раньше сочиненія Руссо начинаетъ выходить журналъ *Citoyen*. Все это показываетъ, что новыя понятія, впослѣдствіи неразрывно связанныя съ именемъ женевскаго философа,—понятія, характеризующія два оппозиціонныхъ политическихъ мотива XVIII-го вѣка *citoyen* и *l'homme naturel*—стяжали популярность независимо отъ краснорѣчія Руссо. Они выросли одновременно съ патріотическимъ шумомъ. Тюрго восторги поэтовъ въ родѣ Беллуа окрестилъ «*патріотизмомъ передней—patriotisme d'antichambre*,— и эти чувства, дѣйствительно, не проникали дальше «передней» современной литературы. [65]. Въ гостиной царствовалъ другой тонъ, здѣсь критиковали книги Монтескьё, развѣнчивали миѳы Руссо,—но въ тоже время высоко ставили и *гражданина* и *естественнаго человѣка*, — придавали только этимъ словамъ болѣе реальный и прогрессивный смыслъ. Комедія наканунѣ появленія *Общественнаго договора*

---

[64] Сынъ Монтескьё, напримѣръ, выпустилъ переводное сочиненіе *Considérations sur le commerce et la navigation de la Grande Brétagne*. Женева 1750 года.

[65] *Corresp. litt.* VIII, 453.

позволила себѣ крайне смѣлое и оригинальное опредѣленіе идеальнаго государя — *le roi-citoyen*, а въ трагедіи дикарь привѣтствовалъ *царя-человѣка*. Эти два факта бросаютъ истинный свѣтъ на гражданскіе идеалы философіи и ея послѣдователей. Ни англійская конституція, въ теоретически-стройномъ изображеніи Монтескьё ни античныя преданія, въ блестящихъ монологахъ, ни прелести золотого вѣка въ лирическихъ изліяніяхъ Руссо не могли у просвѣщеннѣйшихъ французовъ XVIII-го вѣка поколебать національной вѣры въ монархическій принципъ и надежды подъ покровомъ этого принципа осуществить высшія стремленія разума и гуманности.

III.

Одинъ изъ основныхъ принциповъ просвѣтителей — признаніе монархической власти. Платоновская идея о государѣ-философѣ имъ казалась послѣднимъ словомъ разумной политики. Для Вольтера будущее торжество разума неразрывно связано съ воплощеніемъ этого идеала въ дѣйствительности. Онъ не перестаетъ проповѣдовать союзъ философовъ съ государями противъ духовенства, пресѣкающаго народамъ пути къ свободной мысли. Онъ началъ свою дѣятельность прославленіемъ древняго царя-философа и французскаго короля-протестанта. Эдипъ — сначала жертва, потомъ энергическій врагъ религіозныхъ суевѣрій язычества. Онъ уличаетъ верховнаго жреца во лжи и измѣнѣ. Трагизмъ его судьбы заключается въ борьбѣ съ политикой жрецовъ, внушившихъ народу жестокія, безчеловѣчныя представленія о богахъ и ихъ волѣ. Генрихъ IV-олицетвореніе терпимости и гуманности. Эти два образа, созданные Вольтеромъ въ молодости, не покидаютъ его до самой смерти. Вождь философовъ — убѣжденный монархистъ, и по временамъ доходитъ въ своихъ чувствахъ до крайняго предѣла вѣрноподданической преданности. Онъ не перестаетъ въ поэзіи рисовать государей-философовъ, враговъ фанатизма, — въ личныхъ настав-

леніяхъ друзьямъ развиваетъ идею о культурномъ назначеніи монархіи.

Оно тоже самое что и у философіи. Энциклопедисты принципіальные враги свѣтской власти духовенства, слѣдовательно, заключаетъ Вольтеръ, они первыя опоры королевскаго авторитета.[66]. Вольтеръ радуется любви испанскаго инфанта къ наукамъ. Въ этомъ чувствѣ лучшій залогъ будущаго для всей страны и для наукъ, «которыя особенно нуждаются въ расположеніи государей».[67]. Философъ представляетъ счастье людей при единственномъ условіи, если государи станутъ философами.[68]. Вольтеръ рѣшаетъ вѣковой политическій вопросъ Западной Европы о свѣтской и духовной власти, совершенно просто. Онъ врагъ католичества и прежде всего, конечно, его главы. Одного этого факта достаточно, чтобы онъ смотрѣлъ на себя и своихъ соратниковъ, какъ на людей, возвращающихъ государямъ все, что похитили у нихъ священники[69].

Взамѣнъ этой услуги, государи должны оказывать покровительство философіи не заключать философовъ въ тюрьмы, а, напротивъ, защищать ихъ отъ фанатизма «божьихъ людей», подобно тому какъ философы оберегаютъ права государей отъ злоумышленной политики духовенства.[70].

Ради этой мечты, ради союза монарховъ съ философами, Вольтеръ готовъ многое простить современнымъ государямъ. По поводу Фридриха II, не внявшаго желаніямъ энциклопедистовъ, опредѣлить писателя Делиля на какую-нибудь службу въ Берлинѣ, онъ замѣчаетъ въ письмѣ къ Даламберу: «что дѣлать, мой дорогой другъ? Королей надо брать, каковы они

---

[66] *Lettres*. I, 382. „On ne s'était pas douté que la cause des rois fût celle des philosophes; cependant il est évident que des sages qui n'admettent pas deux puissances, sont les premiers soutiens de l'autorité royale".

[67] *Ib*. II, 183.

[68] „Celui qui dit le premier que les hommes ne pourraient être hereux que sous des rois—philosophes, avait sans doute grande raison". *Ib*. I, 465

[69] *Lettres*. I, 489.

[70] *Ib*. I, 354.

есть». [71]. Такъ писалъ Вольтеръ незадолго до смерти, слѣдовательно, послѣ многочисленныхъ разочарованій, причиненныхъ философской партіи монархами, послѣ того какъ философъ остроумно и не безъ основанія прусскія Аѳины видѣлъ только въ кабинетѣ Фридриха II, послѣ того какъ австрійскій императоръ жестоко оскорбилъ патріарха,—проѣзжая мимо Фернея,—не посѣтилъ «сеньёра», послѣ того. какъ внутренняя политика Екатерины возбуждала серьезныя недоумѣнія того же Вольтера. [72]. Философъ все прощалъ и забывалъ — въ виду сочувственнаго отношенія этихъ правителей къ гуманнымъ стремленіямъ новыхъ писателей, въ виду красоты идеи о государѣ — просвѣтителѣ. Раньше Вольтеръ отзывался съ похвалой даже о Людовикѣ XV. Одновременно съ гоненіями на *Энциклопедію* онъ находитъ возможнымъ писать Дидро: «Повѣрьте, король въ сердцѣ своемъ умѣетъ какъ слѣдуетъ различать философовъ, любящихъ государство, отъ мятежниковъ, поднимающихъ смуты» Послѣ смерти этого короля, когда на его память отовсюду сыпались только эпиграммы, Вольтеръ выражалъ убѣжденіе, что «покойный король могъ желать только добра, но онъ плохо брался за него». Его преемника Вольтеръ считаетъ послѣдователемъ Марка Аврелія. [74].

Такой судъ произносился послѣ того, какъ авторъ въ трагедіяхъ успѣлъ прославить гражданскія чувства, природу и естественное состояніе. Мы видѣли, — во что превращались республиканскіе принципы предъ лицомъ такихъ монарховъ, какъ Цезарь. Та же самая судьба постигаетъ у Вольтера и первобытное равенство. Можно думать,—прелести естественнаго состоянія именно затѣмъ и нарисованы въ яркихъ чертахъ, чтобы еще болѣе возвысить монархическую власть,

---

[71] *Ib.* II, 311, письмо отъ 4 янв. 1778 года.

[72] О Фридрихѣ II,—*Lettres* I, 7; объ Екатеринѣ II, 201.

[73] *Corresp. de Diderot.* Письмо Вольтера въ декабрѣ 1760 г. *Oeuvres de D.* Paris 1821, XII, 313.

[74] *Lettres.* II, 219.

добровольно, даже восторженно признаваемую вождями счастливыхъ дикарей.

Въ трагедіи *Скиөы* — еще въ началѣ идеальный дикарь предупреждаетъ насъ на счетъ своего уваженія къ монархіи и ея порядкамъ. «Я знаю, что люди отъ рожденія равны и братья; но мнѣ также извѣстно, что слѣдуетъ уважать тѣхъ, кого государь отличаетъ среди всего народа и простота нашей республики — отнюдь не указъ монархическому государству»[75]. Очевидно, такой дикарь легко примирится и съ монархами и съ вельможами, если они свою власть и исключительное положеніе будутъ оправдывать личными заслугами. Такъ именно поступаетъ естественный человѣкъ Вольтера въ трагедіи *Законы Миноса*. Онъ убѣдился въ гуманныхъ и разумныхъ стремленіяхъ царя,—и готовъ стать его подданнымъ: «Ты полубогъ на землѣ, великій человѣкъ, великій государь, царствуй вѣчно надъ моимъ народомъ и надо мной![76].

Законы Миноса рѣшаютъ и другой политическій вопросъ, еще глубже волновавшій современное общество, чѣмъ идея республики и естественнаго состоянія. Мы знаемъ,— Вольтеръ первый въ XVIII-мъ вѣкѣ познакомилъ французовъ съ англійской конституціей,—и представилъ ее въ весьма привлекательномъ свѣтѣ. Но уже въ Генріадѣ была сдѣлана существенная оговорка; «три власти»—народные представители, вельможи и король—«счастливы, когда народъ, памятуя свой долгъ, чтитъ верховную власть и еще болѣе счастливы, когда государь, кроткій, справедливый и благоразумный уважаетъ, по своей нравственной обязанности, общественную свободу»[77]. Монархъ, слѣдовательно и здѣсь на первомъ планѣ. Его личность—первое условіе народнаго благоденствія.

Вольтеръ написалъ двѣ трагедіи — для болѣе подробнаго уясненія этой мысли. *Законы Миноса* написаны по поводу

---

[75] *Les Scythes*. I. 3.

[76] *Les lois de Minos*. Acte V, 4.

[77] *La Henniode*. Chant I, p. 20.

парламентской реформы Мопу, — но въ пьесѣ вопросъ поставленъ на общую почву. Дѣло идетъ о преимуществахъ представительнаго образа правленія и монархическаго, — и нѣкоторыя черты взяты изъ польской конституціи — *liberum veto*, избирательный престолъ, періодическая анархія государства. Разсчетъ поэта — очевиденъ: противъ такого порядка весьма легко возражать, — а между тѣмъ въ результатѣ торжествуетъ вообще монархическій принципъ.

Представитель его — царь Тевкръ — государь-философъ, врагъ религіознаго фанатизма и тиранніи вельможъ. Онъ самъ себя называетъ «чувствительнымъ», и своей цѣлью считаетъ — «просвѣтить людей, смягчить нравы своихъ подданныхъ, цивилизовать дикую страну»[78]. Его враги — варвары жрецы, совершающіе человѣческія жертвоприношенія, сильнѣйшіе представители націи — тираны и эгоисты, оставляющіе царю только тѣнь власти. Съ такими противниками Тевкръ защищаетъ свою власть во имя природы и прогресса: онъ сѣтуетъ, что «міръ медленно приближается къ разуму», и государи должны идти во главѣ этого движенія. *Верховная власть — un suprême pouvoir* торжествуетъ и поэтъ считаетъ необходимымъ объяснить, чтó онъ разумѣетъ подъ этой властью: «разумный авторитетъ, основанный на законахъ, сдерживаемый законами, власть справедливая и умѣренная, она не можетъ пожертвовать свободой и жизнью гражданина злобѣ льстеца, она сама покоряется справедливости, которая неразрывными узами связываетъ интересы государства и трона, изъ королевства создаетъ великую семью съ отцомъ во главѣ. Кто имѣетъ другое представленіе о монархіи, тотъ виновенъ предъ всѣмъ человѣчествомъ»[79].

Такой же монархъ на сценѣ въ трагедіи *Don Pèdre*. Вольтеръ началъ работать надъ ней въ 1761 году, а вышла она въ свѣтъ въ 1775 году: это доказываетъ прочность политическихъ взглядовъ Вольтера[80]. Донъ-Педро ведетъ борьбу

[78] *Les lois de Minos*. „Je suis nétrop sensible". Acte I, 1; III, 5.
[79] *Notes sur Les lois de Minos*.
[80] Bengesco. *Bibliographie*. I, 82.

съ своимъ незаконнорожденнымъ братомъ. Тотъ опирается на сенатъ, на сословія и требуетъ отъ короля — полнаго уваженія къ ихъ волѣ. Транстамаръ говоритъ о новыхъ временахъ, низвергшихъ тиранническую власть, вручившихъ политическое верховенство — штатамъ, «всѣмъ истиннымъ гражданамъ» — возстановителямъ общественной свободы [81]. Но оказывается—эти граждане только классъ привилегированныхъ. Донъ-Педро глубоко возмущенный, восклицаетъ: «Какъ! я стану уважать этотъ чудовищный скопъ пустыхъ привилегій, которыхъ я не признаю, этотъ вѣчный источникъ смутъ, возмущеній, который дерзаютъ называть нашими основными законами, этихъ феодальныхъ тиранновъ, надменныхъ бароновъ, всю эту новую знать, анархическій сенатъ, провозглашающій своеволіе общественной свободой, штаты, вѣчно несогласные другъ съ другомъ въ своихъ обширныхъ замыслахъ и готовые раздавить подданныхъ подъ развалинами трона!»...[82]

Конституціонное собраніе, слѣдовательно,—не имѣетъ ничего общаго съ народнымъ представительствомъ. Это не болѣе какъ верхняя палата и король правъ въ своемъ гнѣвѣ. Но тотъ же король чувствуетъ такое же презрѣніе къ черни и призываетъ солдатъ противъ толпы. Ему говорятъ,— съ громомъ въ рукахъ —легко раздуть пламя, поражать гражданъ не значитъ ихъ укрощать [83]. Донъ-Педро остается при своемъ рѣшеніи—и гибнетъ. Его враги—торжествуютъ, но все сочувствіе поэта на сторонѣ побѣжденнаго. На сцену появляется Дю-Гекленъ и торжественно въ присутствіи многочисленныхъ свидѣтелей называетъ Транстамара тиранномъ и лишаетъ его рыцарскаго сана. Самъ Дю-Гекленъ — при всѣхъ совершенствахъ героя — вѣрный подданный своего «господина». Очевидно, — и здѣсь — *le suprême pouvoir*, низвергаемая народомъ, и даже прибѣгающая къ военной

[81] *Don Pèdre.* Acte II, 3.
[82] Acte II, 7.
[83] Acte III, 1.

силѣ для защиты своихъ правъ, въ глазахъ автора остается непоколебимымъ принципомъ. Нельзя, конечно, признать, что Вольтеру удалось опровергнуть конституціонную идею: его феодальная палата — не представительное народное собраніе, все равно какъ польскій государственный строй — только частная форма конституціи. Но Вольтеръ и не разсчитывалъ на подробное обсужденіе вопроса: ему нужно было высказать свой политическій принципъ и къ доказательствамъ онъ относится, не какъ мыслитель, а какъ поэтъ. Драматическій *образъ* долженъ восполнить пробѣлы въ *теоріи*. И предъ нами неизмѣнно идеальный монархъ-философъ, другъ разума и отецъ подданныхъ: Эдипъ, Тевкръ, Донъ Педро, Императоръ въ трагедіи *Гебры*. Въ его лучахъ блѣднѣетъ античная республика, новѣйшая конституція и доисторическая идиллія.

Вольтеръ стоитъ во главѣ драматурговъ-политиковъ. Ихъ воодушевляетъ та же идея, ихъ излюбленный герой — тотъ же «великій царь, великій человѣкъ». Поэтъ Лебланъ, съ такимъ успѣхомъ нападавшій на *l'infâme* въ трагедіи *Друиды* — написалъ политическую драму — *Manco Capac* — въ духѣ вольтеровскаго идеала, представилъ исторію возникновенія государства и совершенный типъ государя.

Эта пьеса отражаетъ одновременно два различныхъ теченія — съ одной стороны идеи *Общественнаго договора* Руссо, съ другой — монархическія вожделѣнія энциклопедистовъ.

Она появилась на сценѣ годомъ позже *Общественнаго договора* и излагала его содержаніе въ монологахъ главнаго героя Манко. *Contrat social* подвергся гоненію даже въ Швейцаріи, былъ сожженъ по распоряженію Женевскаго совѣта. Трагедію Леблана допустили на сценѣ, представили при дворѣ, самъ Людовикъ XV нашелъ роль Манко — интересной, печатать пьесу пока запретили, но позже позволили возобновить и даже напечатать. Возобновленіе разрѣшили потому, что авторъ не находился въ тѣсныхъ связяхъ съ философами. Такъ передаетъ вполнѣ серьезный источникъ, хотя ничего не могло быть страннѣе подобнаго соображенія:

идеи трагедіи нисколько не уступали по своему значенію идеямъ философовъ. До такой степени была слѣпа ненависть правящихъ сферъ къ философіи! [84].

Въ *Общественномъ договорѣ* Руссо отказался отъ идеализаціи дикаго состоянія и въ самомъ началѣ заявилъ: «Общественный порядокъ—священное право, служащее основаніемъ для всѣхъ другихъ» [85]. Дальше читаемъ: «Переходъ изъ естественнаго состоянія въ гражданское измѣняетъ человѣка, вмѣсто инстинкта является справедливость, способности крѣпнутъ и ростутъ идеи расширяются, чувство облагораживается и если бы не злоупотребленія, человѣкъ долженъ бы непрестанно прославлять моментъ, вырвавшій его изъ животнаго состоянія». Теперь естественное состояніе развѣнчивается въ самыхъ энергическихъ выраженіяхъ. Человѣкъ дѣлается нравственно-свободнымъ, господиномъ своей личности только съ той минуты, когда становится гражданиномъ. «Природныя влеченія—рабство, повиновеніе предписанному закону—свобода» [86]. Остается, слѣдовательно, опредѣлить основы и законы, чтобы создать идеальный общественный строй,—точнѣе — отъ организаціи правительства зависитъ судьба культурнаго состоянія, — и Руссо предлагаетъ свой планъ. Придетъ время, когда программа Руссо, его политическіе термины и аксіомы будутъ призваны къ практическому осуществленію, когда даже профессора книгой Руссо будутъ пользоваться какъ наилучшимъ руководствомъ при изученіи общественнаго права [87]. Это будетъ въ послѣдніе годы стараго порядка. Пока изъ посылки Руссо объ естественномъ и гражданскомъ состояніи дѣлаются другіе выводы, чѣмъ у самаго автора.

Король Перу—Манко—такъ объясняетъ своимъ вождямъ происхожденіе государства: «Вы знаете,—до насъ люди ко-

---

[84] Возобновленіе состоялось 28 янв. 1782 г. *Corresp. litt.* XIII.

[85] *Contrat Social.* Liv. I, chap. I.

[86] Liv. I, chap. VIII.

[87] Тэнъ. *O. c.* русск. изд. стр. 416.

чевали какъ жалкія стада, подверженныя случайностямъ,— и, прозябая въ невѣжествѣ, не умѣли наслаждаться жизнью среди изобилія. Ослѣпленные благами, которыя встрѣчали на своемъ пути, они владѣли землей, но не пользовались ею. Мы, подобно имъ,— родились въ лѣсахъ, но скоро познали себя, постигли значеніе и права человѣка и напомнили объ этомъ значеніи и правахъ слишкомъ долго презираемымъ,—изумленнымъ дикарямъ. Благодаря нашимъ заботамъ воздвигся городъ — благородное и гордое убѣжище для искусствъ и добродѣтелей... Темные обитатели лѣсовъ стали являться со всѣхъ сторонъ и населили наши стѣны. Выгодныя торговыя сношенія дѣлали людей — по одиночкѣ слабыхъ — полезными другъ другу. Но едва они собрались вмѣстѣ,—страсти вызвали раздоръ. Чтобы слить эту необъятную семью, мнѣ вручили верховную власть. Я далъ имъ законы и съ этого великаго дня человѣкъ могъ пользоваться своей свободой съ извѣстными ограниченіями. Путемъ дѣятельныхъ усилій я обезпечилъ миръ — и вскорѣ поля стали вознаграждать наши труды, удовлетворять нашимъ нуждамъ. Преступленію грозитъ законная кара, за обиду— возмездіе, робкая добродѣтель находитъ любовь и покровительство и быстро развивающіяся искусства предупреждаютъ наши желанія и открываютъ обширное поприще для новыхъ удовольствій. Такова перемѣна, споспѣшествуемая самимъ Богомъ,—залогъ славы и счастья вселенной»[88].

---

[88] *Manco-Capac*, Paris 1782, Acte I, 2.
Nés comme eux dans les bois, mais prompts à nous connaître,
Reclamant le titre et les droits de notre être,
Nous avons rappelé dans leurs coeurs étonnés,
Et ce titre et ces droits trop longstemps profanés
On a vu par nos soins, s'élever une ville,
Des arts et des vertus noble et superbe asyle.
Des forêts à l'envie, sortis de toutes parts,
Leurs obscures habitants ont peuplé ces remparts,
Et les noeuds fortunés d'un commerce facile,
A l'homme toujours faible ont rendu l'homme utile.
Mais à peine assemblés, le choc des passions

Манко такого же низкаго мнѣнія о дикаряхъ, какъ и Руссо въ эпоху *Общественнаго договора*: «Дикари унижають человѣка своими свирѣпыми чувствами. Просвѣтимъ ихъ свѣтомъ искусствъ и добродѣтелей»... Манко считаетъ для человѣка необходимымъ благодѣяніемъ — узду и законы: они должны сдерживать порочныя наклонности: «Это благодѣтельное иго люди приняли изъ моихъ рукъ, измученные бѣдствіями» [89].

Подобныя рѣчи, повидимому, переходили даже границу основного представленія XVIII-го вѣка о человѣческой природѣ, по существу склонной къ добру. Но Лебланъ оставался только вѣрнымъ ученикомъ Руссо, покорно перелагалъ въ стихи страницы изъ его книгъ. Руссо требовалъ отъ законодателя способности — «измѣнять человѣческую природу», лишить человѣка его естественныхъ силъ и наклонностей и сообщить другія, по природѣ ему чуждыя. Прочность гражданскаго порядка прямо зависитъ отъ упраздненія естественныхъ силъ [90].

Но это не значитъ, чтобы авторъ пьесы хотѣлъ до конца унизить естественное состояніе. Дикарь восхваляетъ счастливую, свободную жизнь лѣсовъ, говоритъ о сердцѣ, какъ

Les eut livrés encore à leurs divisions.
Pour lier sans effort cette famille immense,
On remit en mes mains la suprême puissance:
Je lui donnai des loix et sur sa liberté,
L'homme dès ce grand jour n'eut qu'un droit limité.
De la societé pour jamais réunie
Par ce ressort actif j'assurai l'harmonie...

89 L'homme a besoin d'un frein. Rarement à son choix
Il est juste sans crainte et vertueux sans loix;
Et ne peut être heureux que sous le joug propice
Qui malgré ses penchants l'attache à la justice.
C'est le joug fortuné que les tristes humains
Lassés de tout de maux ont reçu de mes mains.

90 „Plus ces forces naturelles sont mortes et anéanties, plus les acquises sont grandes et durables, plus aussi l'institution est solide et parfaite". Liv. II, chap. VII.

единственномъ источникѣ счастья, и негодуетъ на внѣшнюю пышность цивилизованнаго государя. Манко лично грѣшитъ одной изъ вопіющихъ несправедливостей общества: онъ отказывается выдать свою дочь за мужественнаго героя только потому, что онъ ниже ея рожденіемъ. Но побѣда все-таки должна остаться на сторонѣ монарха. Его политическіе принципы до такой степени благородны и гуманны, что вождь дикихъ добровольно подчиняется такому государю. Онъ—идеальный правитель государства, какъ его понимали современники трагедіи.

Одинъ изъ нихъ называетъ Манко «добродѣтеныльмъ буржуа»[91]. Это говорится иронически, но правда здѣсь, несомнѣнно, есть и доказываетъ лишній разъ, какъ обширно и неотразимо было вліяніе новой драмы. Оно, мы видѣли, проникло въ проповѣди религіозной терпимости, оно же наложило свою печать и на политическій идеалъ. Манко вышелъ похожимъ на буржуа не потому, что у автора не было силъ нарисовать его другимъ, а потому, что «добродѣтельный буржуа» дѣйствительно являлся идеальнымъ типомъ и обожаемый король французовъ — Генрихъ IV—въ XVIII-мъ вѣкѣ слился съ этимъ типомъ. Идеи «добродѣтельнаго буржуа», какъ государя, высказаны Манко. «Пусть они знаютъ», говоритъ онъ о дикаряхъ, «что я смотрю на людей, какъ отецъ, а не какъ господинъ... Съ тѣхъ поръ, какъ я взошелъ на престолъ, я понялъ, что въ моемъ рангѣ заключается счастье людей и что мой долгъ—жертвовать собой. Я долженъ былъ отречься отъ самого себя, и быть только государемъ. Сколько слезъ я пролилъ изъ-за этого великаго имени! Сколько вынесъ тоски, страданій, борьбы, волненій... Имя короля внушаетъ людямъ уваженіе, они почитаютъ въ лицѣ моемъ созданіе рукъ своихъ. Я понимаю всю цѣну этой высокой почести, и если бы я обратилъ свой санъ во зло, я сталъ бы недостоинъ его»[92]. Это рѣчи истиннаго героя чувстви-

---

[91] Гриммъ *Corresp. litt.* V, 93 jn. 1763.

[92] *Manco-Capac.* pp. 11, 13—14.

тельной драмы. Въ пьесу введена обычная борьба идеальнаго государя съ фанатическимъ духовенствомъ. Жрецъ излагаетъ Манко свою теорію деспотической власти. Манко протестуетъ. По его мнѣнію, люди избрали себѣ монарховъ только затѣмъ, чтобы осуществить требованія природы и законовъ. Законы — верховные защитники людей, царствуютъ надъ ними, царствуя въ то же время надъ королями [93]. Вождь дикихъ напоминаетъ Манко объ его человѣческой слабости, объ его зависимости отъ случая и счастья.

Только при такихъ качествахъ государя гражданское состояніе выше естественнаго. Вождь дикихъ подчиняется Манко—убѣдившись въ его гуманности и человѣческомъ смиреніи. Если же король — тиранъ, если онъ не признаетъ въ лицѣ своихъ подданныхъ *гражданъ* и *людей*—онъ «позоръ и ужасъ вселенной» [94].

Философскій идеалъ государя не оставался въ области теоріи. Писатели и государственные люди одинаково жаждали видить его воплощеніе въ лицѣ государей XVIII-го вѣка. Людовику XV-му на ряду съ другими предстояло удовлетворить этимъ запросамъ. *Записки* маркиза Даржансона полное и точное отраженіе политическихъ мечтаній эпохи, на сколько они касались личности монарха.

Людовихъ XV, по мнѣнію его бывшаго министра, обязанъ былъ стать во главѣ общественнаго мнѣнія, во главѣ философіи и справедливости, явиться вождемъ реформаторовъ, вообще долженъ слить въ себѣ «абсолютный авторитетъ съ силой разума» [95]. Это значило—обезпечить французамъ свободу и благоденствіе. Даржансонъ искренне вѣрилъ въ одновременное торжество «свободы Рима и власти Цезаря». Же-

---

[93] Sachez, que l'homme enfin ne s'est donné des Rois
Oue pour venger, par eux la nature et ses loix.
Les loix sont des humains les arbitres suprêmes,
Mais ne régnent par nous qu'en régnant sur nous—mêmes.

[94] *Ib*. p. 71.

[95] Cp. Aubertin. *O. c.* p. 205.

лая быть исторически-понятнымъ, онъ во французской исторіи находилъ совершеннаго главу государства, — того же Генриха IV, прославленнаго Вольтеромъ вмѣстѣ съ царями-философами.

Даржансону не трудно изобразить личность и политику беарнейца: король гугенотъ — во всемъ противоположность Людовику XIV. — Этого государя авторъ развѣнчиваетъ до послѣдней степени. «Людовикъ XIV,» пишетъ онъ, «былъ обожаемъ, какъ прекрасное и гордое божество; наше тщеславіе заставляло восхищаться этимъ прекраснымъ актеромъ въ его роли надменнаго монарха, хотя въ сущности онъ былъ истиннымъ тираномъ своего народа: несправедливыя войны, безмѣрныя постройки, восточная роскошь — настоящая причина нашего разоренія.—Разореніе благодаря истощенію, разореніе благодаря беззаконію и гнету, разореніе благодаря порокамъ совѣтниковъ и исполнителей» [96]. Этотъ «деспотъ» обезлюдѣлъ Францію, создалъ тлетворнѣйшее учрежденіе—дворъ и этимъ подорвалъ всякую надежду на правильную систему управленія и на лучшее положеніе народа [97]. Даржансонъ не признаетъ даже заслугъ Людовика XIV предъ культурой. Искусства и литература въ классическую эпоху не болѣе какъ пустяки, удалившіе людей и отъ природы и отъ добродѣтели. Они только вызвали страсть къ роскоши и устранили всякую серьезную дѣятельность французскаго ума. Даржансонъ смѣется надъ Вольтеромъ за его восторги предъ Людовикомъ XIV. Философъ въ этомъ случаѣ—поэтъ, bel esprit, даже дитя; онъ ради игрушекъ забываетъ существенное, упускаетъ изъ виду счастье людей, восхищаясь блестящими предметами роскоши [98].

Совершенно въ иномъ видѣ рисуется Генрихъ IV. Его преобладающее качество — доброта, — *le bon roi* — постоянно повторяется Даржансономъ. Новое слово аббата Сенъ-

---

[96] *Mémoires*. Paris 1858, V, 277—8.
[97] *Ib*. pp. 300, 312; II, 309.
[98] *Ib*. p. 179; 145—6.

Піерра—*bienfaisance*—характеризуетъ именно отношенія Генриха IV къ подданнымъ[99]. Онъ вполнѣ довѣрялъ народу, жилъ въ Парижѣ, не заводилъ другихъ резиденцій, не собиралъ вокругъ себя многочисленнаго тунеяднаго и развратнаго двора, въ публикѣ не говорили о *suffrages des cabinets* въ важнѣйшихъ государственныхъ вопросахъ, не видѣли —*расточительной анархіи*, вошедшей въ моду съ Людовика XIV [100]. Всѣ дѣйствія Генриха IV и мельчайшія черты его эпохи вызываютъ сочувствіе Даржансона. Генрихъ выбралъ Росни министромъ послѣ того, какъ увидѣлъ благоустройство его имѣній. Онъ былъ другомъ гугенотовъ и заимствовалъ у нихъ здравыя идеи народнаго блага и вѣротерпимости, показалъ примѣръ, на сколько монархія можетъ усвоить черты республики [101]. Съ такимъ же чувствомъ Даржансонъ относится и къ министру Генриха. Онъ восхищается *Записками* Сюлли, заботится издать ихъ въ исправленномъ видѣ, портретъ автора помѣщаетъ у себя въ кабинетѣ, чтобы непрестанно имѣть предъ глазами черты, принципы и образъ дѣйствій великаго государственнаго человѣка [102].

Естественно, — Даржансонъ всѣми силами души будетъ желать, чтобы царствующій король походилъ на его идеалъ. Онъ тщательно отмѣчаетъ факты, сколько нибудь напоминающіе въ Людовикѣ XV его предшественника. Мы узнаемъ, что молодой король читаетъ *Записки* Сюлли, на балу съ нимъ произошелъ эпизодъ, «достойный Генриха IV», онъ, несомнѣнно, хочетъидти по слѣдамъ великаго монарха и репутація его въ этомъ направленіи устанавливается съ каждымъ днемъ. Онъ, правда любитъ развлеченія, но онъ — уменъ, твердъ, а что касается удовольствій—ими увлекался и Ген-

---

[99] *Mémoires*. II, 16; V; 119, 271.

[100] *Ib*. IV, 79; 320—1; V, 344—*une anarchie depensière*.

[101] „L'on voit par l'exemple de ce règne qu'une monarchie peut s'approprier en grande partie les biens de detail et le bonheur d'une république". V, 334.

[102] *Mém*. I, 149. *Mémoires de Sully* вышли въ 1747 году подъ редакціей аббата de l'Ecluse.

рихъ. Вообще — въ глазахъ Даржансона — даже эти черты сходства Людовика XV съ Генрихомъ предзнаменуютъ счастливое царствоованіе [103].

Совершенно такою же тоской томится и вся современная литература. Драма или изображаетъ монарха—философа и отца, или выводить на сцену Генриха IV: она также эти образы считаетъ тождественными. Поэты, подобно Даржансону, возстаютъ противъ деспотическихъ страстей, принесшихъ Франціи столько бѣдствій въ недавнее царствованіе,—и нерѣдко довольно прозрачно указываютъ на «великаго короля». Одинъ такъ описываетъ «обыкновеннаго государя»—какими «кишитъ исторія»: Онъ всюду возбуждаетъ войну, все приноситъ въ жертву своей гордости, своему честолюбію, это Аттилла, Александръ — герой вздорной славы. Гораздо выше—кротость, милосердіе, гуманность.—«Эти добродѣтели, до нашего вѣка не признавались королевскими», говоритъ поэтъ, но именно онѣ достойны всякихъ похвалъ [104]. Другой авторъ знаменитыхъ завоевателей уподобляетъ разбойникамъ, забывшимъ въ пылу побѣдъ, что люди братья» [105]. Другая страсть Людовика XIV — къ пышному двору, къ роскошнымъ постройкамъ изображается, какъ величайшій порокъ государя во время мира. При такомъ королѣ земледѣлецъ стонетъ подъ гнетомъ страшной нужды, приходитъ въ отчаяніе, становясь отцомъ, а рядомъ льстецы жирѣютъ отъ его драгоцѣнной крови и до небесъ высятся надменные дворцы. Такой король не въ состояніи видѣть и понимать—*людей*: онъ окружаетъ себя низкими и лживыми рабами, отравляющими источники общественнаго благосостоянія. Такой король сошелъ со сцены,—и всѣ ждутъ, что преемникъ пойдетъ другимъ путемъ: будетъ отцемъ народа, «рабомъ своего долга», приблизитъ къ себѣ скорѣе безпо-

---

[103] *Ib.* II, 77, 68, 307, 270, 108.

[104] *Théatre de Sédaine.* Paris 1757—1786. II v. *L'ouvrage de coeur.* Предст. въ іюнѣ 1763 года.

[105] Saurin. *Spartacus.* Acte II, 1. *Oeuvres chonsis.* Paris 1812, p. 17.

щадно-правдиваго друга, чѣмъ угодливаго льстеца, станетъ покровителемъ бѣдняковъ и земледѣльцевъ [106]. Именно такими чертами исторія изображаетъ Генриха IV, кормившаго парижанъ во время осады, а потомъ посвятившаго свои заботы довольству крестьянина Теперь начинаютъ припоминать преданія о политической и частной жизни идеальнаго монарха, повторяютъ его изреченія, съ умиленіемъ пересказываютъ его многочисленныя романическія исторіи.

Колле первыйвыводитъ на сцену Генриха, пытается нарисовать «героя en déshabillé», государя, ненавидѣвшаго театральное величіе власти, искренне веселаго, доступнаго, одареннаго гуманнымъ благороднымъ сердцемъ [107]. Всѣ эти качества—совершенная противоположность фигурѣ короля, созданной Людовикомъ XIV. Авторъ и отъ актеровъ требуетъ «наивнѣйшей простоты» въ игрѣ и полнаго отсутствія декламаціи. Это—король буржуа, отецъ семейства среди своихъ подданныхъ. И пьеса Колле воспроизводитъ чувствителную картину изъ жизни простыхъ людей.

Генрихъ поссорился съ министромъ Сюлли, ихъ поссорили придворные интриганы. Интрига открылась и король упрекаетъ Сюлли, зачѣмъ онъ первый не пришелъ опровергнуть навѣты своихъ враговъ: «Ахъ! слезы невольно выступаютъ на моихъ глазахъ... неужели короли не могутъ имѣть друзей?» Онъ разсказываетъ, какъ ему трудно было сохранить холодную серьезность въ бесѣдахъ съ Сюлли во время ссоры какъ онъ едва удерживался, чтобы не броситься на шею своему министру. Сюлли отвѣчаетъ ему прерывающимся голосомъ, и «со слезами радости и нѣжнѣйшей чувствительности» бросается къ ногамъ короля [108].

Король на охотѣ. Онъ заблудился и попадаетъ въ крестьянскую хижину. Генрихъ въ восторгѣ. «Какое удовольствіе! Со мной обращаются, какъ съ обыкновеннымъ человѣкомъ...

---

[106] Saurin. *Blanche et Guiscard*, I, 3.
[107] *La partie de chasse de Henri IV*, Paris. 1766. *Avertissement*, p. VIII.
[108] Acte I, 6.

видѣть неподдѣльную человѣческую природу—очаровательно. Они даже не остерегаются меня». Крестьянская семья садится за столъ, король вмѣстѣ съ ней. Заходитъ рѣчь о Генрихѣ. Крестьяне хоромъ поютъ извѣстную пѣсенку о «прелестной Габріели»; король «едва не плачетъ». Дальше начинаютъ пить за здоровье Генриха, осыпая его всевозможными похвалами: Генрихъ, охваченный волненіемъ, съ трудомъ можетъ отвѣчать на тосты. Хозяева подозрѣваютъ своего гостя въ неискреннемъ отношеніи къ доброму, мужественному, великому государю. Придворные наконецъ, отыскиваютъ короля, Сюлли обращается къ нему съ суровыми упреками въ легкомысліи и король добродушно сознается, что онъ слишкомъ опрометчиво одинъ пустился въ лѣсъ. Пьеса оканчивается богатыми милостями короля и слѣдующими словами Сюлли: «Ахъ, мой дорогой государь! Вы приводите меня въ восторгъ вашей справедливостью и благородствомъ. Вы поступаете, какъ монархъ и отецъ съ этими добрыми крестьянами; они такіе же ваши подданные и ваши дѣти, какъ и ваше дворянство» [109]. Изъ комедіи видно, что даже больше, чѣмъ дворянство. Рядомъ съ искренними, честными, преданными крестьянами придворные являются интриганами, врагами Сюлли, развратниками, прирожденными лжецами.—Сочувствіе и уваженіе Генриха на сторонѣ крестьянской хижины.

Пьеса Колле, мы знаемъ, не могла идти на парижскихъ сценахъ,—но въ провинціи она пожинала обильные лавры. Авторъ получалъ привѣтственныя письма отъ членовъ парламентовъ [110], въ подражаніе его комедіи начали писать провинціалы [111]. Пѣсенка, распѣваемая крестьянами Колле, является излюбленной народной пѣсней до самой революціи:

---

[109] Acte III, 14.

[110] Письмо Dupaty, генеральнаго адвоката въ бордосскомъ парламентѣ. Bersot. *Etudes sur le XVIII-e s.* p. 74.

[111] *Henri IV*, drame lyrique, par M. de Rosoy, Citoyen de Toulouse. Paris 1775. О ней мы скажемъ дальше.

Vive Henry Quatre!
Vive le Roy vaillant!
Ce Diable à quatre
A ce triple talent
De boire et de battre
Et d' être un ver galant.

На тему этихъ словъ Вольтеръ пишетъ комедію *Charlot*. Это одна изъ второстепенныхъ пьесъ философа, написана въ формѣ салоннаго развлеченія и ея единственный интересъ въ характеристикѣ Генриха IV. Король появляется на сцену только въ концѣ послѣдняго акта, но имъ полна вся пьеса: его появленія ждутъ, какъ величайшаго событія, имъ заочно восторгаются, именуютъ его «героемъ французовъ, опорой отечества, королемъ благородныхъ сердецъ» [112]. Юная героиня пьесы произноситъ рѣчь—перезсказъ народной пѣсни, прославляетъ Генриха за его искусство торжествовать одновременно «надъ лигой, римлянами, героями и красавицами» [113]. О приходѣ его докладываютъ: «вотъ — великій Генрихъ!» — Вольтеръ, почти на разстояніи полувѣка хранитъ вѣрность предмету своего юношескаго вдохновенія и имѣетъ полное право считаться первымъ пѣвцомъ политическаго національнаго героя XVIII-го вѣка. Къ шестидесятымъ годамъ имя Генриха IV стало одинаково популярнымъ—среди философовъ, и среди народа. Мы видѣли,— одинъ изъ достойнѣйшихъ государственныхъ людей эпохи присоединилъ свой голосъ къ общему мнѣнію. Какъ же относился къ великому монарху человѣкъ, болѣе всего заинтересованный въ вопросѣ?

IV.

Мы уже говорили—имя Генриха IV въ теченіе всего царствованія Людовика XV—считалось нецензурнымъ для сцены. Ни одна пьеса, посвященная Генриху не могла идти въ

---

[112] *Charlot* Acte I, 5.
[113] Acte II, 1.

Парижѣ, несмотря ни всѣ ходатайства Маріи Антуанетты и герцога Орлеанскаго:—послѣднему Колле посвятилъ свою комедію. Генрихъ IV раздѣляетъ участь философовъ: тѣхъ Людовикъ считаетъ «дурными гражданами», а Генриха—опаснымъ королемъ. Чтеніе сочиненій Сюлли не принесло никакихъ плодовъ и все, напоминавшее въ молодомъ Людовикѣ его доблестнаго предшественника, въ зрѣлый возрастъ исчезло безслѣдно. Тотъ же Даржансонъ шагъ за шагомъ отмѣтилъ это исчезновеніе. Оно сказалось вскорѣ послѣ безпримѣрнаго взрыва вѣрноподданническихъ чувствъ парижанъ послѣ метцской болѣзни короля,—въ августѣ 1744 года,—и около этого времени Даржансонъ даетъ первую печальную характеристику Людовика.

Маркизу будто жаль разстаться съ своими иллюзіями,—и онъ ненавидитъ только одинъ существенный порокъ въ Людовикѣ — *слабость*. Правда, — описаніе этого порока — крайне энергично: онъ зрѣлый возрастъ превращаетъ въ дѣтство, на мѣсто твердости создаетъ упрямство, слабые люди «думаютъ не разсуждая», забываютъ объ опасностяхъ, которыя они сами признали. Таковъ Людовикъ XV. Онъ кромѣ того отличается всѣми недостатками, свойственными французамъ: точенъ въ мелочахъ, непостояненъ и равнодушенъ въ важныхъ предметахъ, неосмотрительный игрокъ въ серьезныхъ дѣлахъ, жаденъ на удовольствія и въ тоже время — подверженъ скукѣ, на минуту чувствителенъ,— но въ общемъ глубоко-апатиченъ. Въ общемъ, замѣчаетъ авторъ, «это добрый господинъ, лишенный общечеловѣческихъ добродѣтелей»[114].

Съ теченіемъ времени Даржансонъ все болѣе разочаровывается въ Людовикѣ, высказываетъ даже надежду, что какая нибудь болѣе достойная фаворитка, можетъ быть, заняла бы мѣсто друга и сдѣлала бы изъ Людовика XV Генриха IV[115]. Очевидно, на такое средство Даржансонъ могъ разсчитывать

[114] *Mémoires*. II, 330. „Au total, bon maître sans humanité“.
[115] *Ib*. III, 378.

только въ минуты, близкія къ потерѣ всякой надежды, — и дѣйствительно къ 1856 году онъ произноситъ окончательный и безнадежный приговоръ.

Авторъ начинаетъ говорить по поводу государственнаго долга и переходитъ къ общей картинѣ современнаго правительства. Никакой власти въ сущности нѣтъ во Франціи: иногда развѣ только фаворитка даетъ направленіе дѣламъ, но чаще всего король—флюгеръ, подчиняющійся малѣйшему дуновенію вѣтра. «Анархія приближается большими шагами»,—и Даржансонъ предсказываетъ моментъ, когда королю откажутъ въ повиновеніи. Повсюду слышатся слова — *свобода*, *республиканизмъ*, общественное мнѣніе — всемогуще. Новая форма правленія можетъ возникнуть каждую минуту. «Горючаго матерьяла накопилось достаточно во всѣхъ классахъ общества, отъ возстанія легко перейдти къ бунту отъ бунта—ко *всеобщей революціи*, избрать настоящихъ народныхъ трибуновъ, консуловъ, учредить комиціи, лишить короля и министровъ непомѣрной власти — вредить». И авторъ не считаетъ эти факты противоестественными: абсолютная монархія — превосходная форма при Генрихѣ IV,— но развѣ всегда царствуютъ Генрихи? — Даржансонъ совѣтуетъ правительству образовать мѣстныя представительныя собранія,—иначе нація создастъ общегосударственный парламентъ на англійскій образецъ, присвоитъ себѣ законодательную власть и оставитъ королю только исполнительную[116].

Не всѣ предсказанія Даржансона были оправданы дѣйствительной революціей, — и прежде всего маркизъ не угадалъ ея вождей. По его мнѣнію, - *національную революцію* могли начать парламенты, стяжавшіе въ половинѣ вѣка всеобщую популярность [117]. На самомъ дѣлѣ,—переворотъ совершился на болѣе широкихъ основаніяхъ, фронда парламентовъ совершенно потускнѣла предъ дѣятельностью народнаго представительства. Но Даржансонъ въ одномъ безусловно правъ:

---

[116] *Finances. Dettes nationales. 1756. Mémoires.* V, 342—9.
[117] *Ib.* IV, 101.

онъ понялъ нравственное банкротство королевской власти въ лицѣ Людовика XV и призналъ этотъ фактъ важнѣйшей причиной революціоннаго настроенія въ обществѣ. Неуваженіе къ личности монарха естественно вызывало вопросъ—о повиновеніи его волѣ. На эту связь указываетъ Даржансонъ, она же подтверждается и явленіями другой области.

Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ парижская публика начинаетъ обнаруживать крайне дерзкое отношеніе къ Людовику XV. Партеръ перестаетъ поддерживать крики актеровъ *vive le roi!*—и восторженно привѣтствуетъ стихи, изображающіе лѣнивыхъ монарховъ [118]. Даржансонъ все зло приписывалъ отсутствію воли и общихъ интересовъ у Людовика,—это, очевидно, было мнѣніемъ всего Парижа. Въ уличной литературѣ, всегда богатой и отзывчивой, мы встрѣчаемъ длинный рядъ сатиръ на короля, на его правленіе, и съ каждымъ годомъ сатиры увеличиваются въ числѣ и становятся энергичнѣе и злѣе по содержанію. Въ 1768 году французскую столицу посѣтилъ датскій король, по случаю его отъѣзда появились куплеты *Les adieux d'un Danois aux Français*.

Авторъ объясняетъ датчанамъ французскіе вкусы и порядки, и «въ особенности покорность французовъ». Онъ рисуетъ картину пышности и мотовства знатныхъ и—рядомъ голодъ всего населенія. «Но образцовые подданные, терпѣливые рабы, приходили въ веселое настроеніе при видѣ блестящихъ огней, вдыхали дымъ, который доносилъ до нихъ сострадательный вѣтеръ и забыли о голодѣ, глазѣя на пышныя процессіи»... «Сколько добродѣтелей!»—восклицаетъ въ заключеніе авторъ. «Какое кроткое терпѣніе. Не знаю, какъ мнѣ и восхвалить его!» [119]. Эпитетъ, данный Людовику во время его болѣзни и когда то принятый съ восторгомъ всей Франціей, теперь становится предметомъ насмѣшки. Парижане поютъ:

---

[118] Стихи изъ траг. Dorat. *Théagène et Chariclée.* Они были приведены выше.

[119] *Les Adieux* напеч. въ *Corresp. litt.* VIII, 238.

Le Bien—Aimé de l'almanac
N'est pas le Bien Aimé de France...
Il fait ab *hoc*, ab *hac*,
Le Bien—Aimé de l'almanac.
Il met dans le même sac
Et la justice et la finance;
Le Bien—Aimé de l'almanac,
N'est pas le Bien-Aimé de France...

Появляются каррикатуры, рисующія Людовика, его министровъ и его тайныя приключенія въ самыхъ откровенныхъ изображеніяхъ и «молитва», обращенная къ королю говоритъ, что его воля «не исполняется ни на небѣ ни на землѣ»[120]. Поэты все еще продолжаютъ мечтать объ идеальномъ государѣ, но рядомъ съ этими мечтами являются произведенія, свидѣтельствующія о разочарованномъ настроеніи литературы. Авторы не всегда заставляютъ торжествовать монархическій принципъ и склоняться предъ нимъ республиканцевъ.

Осенью въ 1766 году на сценѣ французскаго театра шла трагедія Лемьерра—*Guillaume Tell*. Герой швейцарской свободы возмущается тиранами, воображающими, что можно извратить геній цѣлой націи, проповѣдуетъ, что «люди рождены свободными и равными и осуждены носить единственное иго—трудъ», убѣждаетъ швейцарцевъ возстановить «права природы и честь Швейцаріи»[121]. Любопытнѣйшее мѣсто въ трагедіи Лемьерра—сцена Вильгельма Телля съ Клеофе, его женой. Она напоминаетъ отчасти сцену Брута съ Порціей у Шекспира и Гертруды съ тѣмъ же Теллемъ у Шиллера. Клеофе возмущена положеніемъ женщинъ даже въ республикахъ: здѣсь «благородное равенство, поддерживающее свободу», не простирается на женщинъ. Она изумляется, какъ можно порабощать того, кого любишь? Она негодуетъ, что отъ нея скрываютъ политическій заговоръ: пусть въ дру-

---

[120] *Mém. secr.* 11 d. 1770. Молитва напеч. 17 janv. 1771.

[121] *G. Telle*, C. F. 17 nov. 1766. Neuchâtel 1767.

— les humains nés libres, nés égaux
N'ont de joug à porter que celui des travaux (Acte I, 2).

гомъ мѣстѣ у женщинъ нѣтъ голоса въ государственныхъ дѣлахъ, пусть для нихъ молчатъ законы тамъ, гдѣ развращены нравы,—но въ Швейцаріи каждая изъ нихъ — *гражданка*. Онѣ заботятся о дѣтяхъ, онѣ первыя наставляютъ дѣтей, внушаютъ имъ любовь къ законамъ, развиваютъ въ нихъ умъ, съ какимъ впослѣдствіи они выступятъ въ совѣтахъ мужчинъ. «И послѣ этого», восклицаетъ Клеофе, «тамъ, гдѣ насъ не принимаютъ въ разсчетъ, мы будемъ подобно рабынямъ ждать отъ васъ повелѣній? Нѣтъ. Гдѣ дѣйствуетъ сила, тамъ нѣтъ нравственности. У насъ нѣтъ больше обязанностей, законъ связываетъ насъ лишь только въ томъ случаѣ, если онъ принятъ и одобренъ нами. Ты говоришь о тиранахъ,—какая же разница для насъ—быть ихъ рабами, или вашими!..» [122].

Эти рѣчи могутъ показаться слишкомъ громкими, но въ началѣ второй половины XVIII вѣка онѣ входятъ въ жизнь, слово *гражданка* становится такимъ же излюбленнымъ титуломъ, какъ гражданинъ [123]. Лемьерръ только въ безусловномъ прославленіи республики ушелъ слишкомъ впередъ сравнительно съ настроеніемъ большинства публики шестидесятыхъ годовъ. Вѣроятно, и цензура считала это прославленіе безвредной риторикой въ духѣ ложно-классической трагедіи — и безъ затрудненій пропустила пьесу на сцену. Но трагедія Лемьерра цѣнилась очень долго и очень высоко. Въ 1791 году появилась драма *Guillaume Telle* — «гражданина» Седэна. Авторъ посвящалъ ее Лемьерру: «онъ гордо развернулъ на сценѣ знамя свободы, умѣлъ воспользоваться голосомъ Мельпомены для того, чтобы вернуть человѣку слишкомъ долго оспариваемое право и въ поразительной картинѣ показалъ Франціи цѣлый народъ, возстающій на

---

[122] Acte II, 2.

[123] *Mém. secr.* называютъ членовъ—женщинъ *Патріотическаго бретонскаго общества*. Среди нихъ немало аристократокъ, именующихъ себя *гражданками:* „C'est le terme mystique", проническа поясняетъ авторъ. Ср. Bersot. *O. c.* p. 75—6; Тэнъ *O. c.* русск. изд. стр. 387.

зовъ гордой свободы»[124]. Но, очевидно, публика Лемiерра еще не успѣла оз рѣть для этой картины: авторъ принужденъ былъ снять свою пьесу послѣ седьмого представленiя, зрителей хватило только на четыре спектакля[125]. И все-таки произведенiе Лемьерра отмѣчаетъ извѣстный симптомъ въ литературѣ. Она вышла одновременно съ усиленными гоненiями на Генриха IV, и жесточайшими цензурными преслѣдованiями литературы. Людовикъ XV лично запретилъ представленiе пьесы изъ исторiи Генриха IV, воспоминанiя объ этомъ королѣ стали считаться политическимъ преступленiемъ, — и съ этихъ поръ писатели, очевидно, начинаютъ терять надежду на осуществленiе королевскаго идеала въ лицѣ царствующаго монарха.

Людовикъ XV не замедлилъ довести и публику до такого же настроенiя. Парламентская реформа Мопу оказала великое влiянiе на политическое развитiе французовъ, круто повернула даже умѣренную оппозицiю на революцiонный путь. Правительство въ первый разъ могло убѣдиться,— въ какую сплоченную политическую силу выросло общественное мнѣнiе. Обществу не потребовалось ни вождей, ни наставниковъ: оно, напротивъ, безъ всякаго колебанiя разошлось съ величайшимъ представителемъ современной мысли— Вольтеромъ — и единодушно возстало противъ правительственной мѣры.

Раньше громадное большинство, при всѣхъ толкахъ о происхожденiи государства, о республикахъ и конституцiяхъ, сохраняло вѣру въ жизнеспособность монархической власти, —не переставало идеализировать ея представителей, переносило идеализацiю на дѣятелей далекаго прошлаго, если современный властитель окончательно не подходилъ подъ идеальную формулу. Литература обсуждале чаще всего вопросъ не о томъ, какая должна быть власть въ государствѣ,

---

[124] *Guillaume Tell*, drame en 3 actes. Предст. въ мартѣ 1791 г. Paris 2-e année de la rép. fr.

[125] *Corresp. litt.* VII, 243.

а какими качествами долженъ отличаться обладатель власти. Принципіальная сторона не затрогивалась, она пока считалась не подлежащей сомнѣнію. Критикѣ подвергалась *личность* монарха, и критика, слѣдовательно, выходила здѣсь гораздо болѣе нравственной, чѣмъ политической. Кромѣ того, оппозиція находила извѣстное удовлетвореніе въ парламентской фрондѣ. Этимъ объясняется то «всеобщее довѣріе» къ парламентамъ, о какомъ говоритъ Даржансонъ. Разъ парламентъ упразднялся,—исчезала послѣдняя тѣнь общественной свободы, оставался одинъ грозный призракъ деспотизма, воздвигнутый совершенно ничтожнымъ королемъ и его менѣе всего почтеннымъ министромъ. Общество уже привыкло отрицать исключительныя привилегіи за тѣми, кто ихъ не достоинъ нравственно. Такимъ путемъ было дискредитировано духовенство и дворянство. Людовикъ XV, какъ личность, также вызывалъ одно лишь презрѣніе болѣе двадцати лѣтъ и вдругъ заявилъ претензіи, которыя были бы подъ силу развѣ Ришелье или Людовику XIV и то не въ XVIII вѣкѣ.

По единогласному свидѣтельству современниковъ реформа Мопу, замѣнявшая старый парламентъ «высшими совѣтами изъ креатуръ двора»,—вызвала небывалое волненіе во всѣхъ сословіяхъ. Даже принцы крови протестовали. На новую магистратуру со всѣхъ сторонъ сыпались оскорбленія, остроты, эпиграммы, на улицахъ — свистки. Салоны дышали оппозиціей. Дамы принялись разсуждать о конституціи, объ основныхъ законахъ, о неотъемлемости должностей. Въ знатнѣйшихъ семьяхъ происходили разводы изъ-за того, что мужья и жены различно смотрѣли на парламенты Мопу [126]. Гораздо серьезнѣе былъ необыкновенный подъемъ общихъ политическихъ интересовъ въ литературѣ и во всей странѣ. Провинціальные парламенты, протестуя противъ насилія, требовали Генеральныхъ Штатовъ. Въ ко-

---

[126] Г-жа Биронъ развелась съ своимъ мужемъ послѣ 30-лѣтняго супружества, потому что онъ былъ сторонникомъ новой магистратуры. Desnoiresterres *La com. sat.* p. 190.

роткое время вышло до пяти сотъ брошюръ, изъ нихъ только четвертая часть защищала канцлера и то потому, что авторы были подкуплены. Брошюры, на основанiи исторiи и философiи, доказывали права парламентовъ, приводили ихъ въ связь съ исконными правами нацiи и вообще усиливались поколебать самый принципъ абсолютной монархiи, основанной на божественномъ правѣ. Предсказанiе Даржансона отчасти оправдалось: парламенты вызвали революцiонное движенiе: и ихъ члены и защитники представили теорiи и требованiя, лишавшiя короля исконныхъ основъ его власти. Идеямъ еще далеко было до осуществленiя и парламенты, требуя Генеральныхъ Штатовъ, этимъ самымъ полагали конецъ своей роли и указывали настоящiй источникъ революцiи. Но парламентскiй вопросъ показалъ, что французская нацiя достаточно созрѣла для горячаго интереса къ политическимъ событiямъ и для единодушнаго протеста. При такихъ условiяхъ вызывать общество на обсужденiе основъ и правъ монархической власти, — являлось громадной ошибкой со стороны правительства. Историческiя свѣдѣнiя, мы знаемъ, были крайне мало распространены среди французовъ XVIII вѣка. Мопу помогъ и здѣсь. Изгнанные адвокаты въ провинцiяхъ принялись изучать государственное право, исторiя начинаетъ проникать въ среду, не чувствовавшую раньше никакого влеченiя къ этой отрасли знанiя. Впослѣдствiи въ *наказахъ* историческiя ссылки займутъ почетное мѣсто прежде всего потому, что составители пережили эпоху парламентской реформы. Они будутъ писать цѣлыя главы «о происхожденiи парламентовъ», обсуждать, на основанiи ордонансовъ, его права, пользоваться *cahiers* старыхъ Генеральныхъ Штатовъ и цитировать историко-юридическiя сочиненiя [127]. Парижская публика, конечно, принимаетъ въ общемъ протестѣ главное участiе и идетъ путемъ оппозицiи, несмотря ни на какiя внѣшнiя влiянiя.

---

[127] Типичное въ этомъ отношенiе *Cahier de la paroisse d'Essonnes* (Paris hors les murs). *Archives* IV, 519.

Мопу находитъ себѣ защитника въ лицѣ Вольтера. Патріархъ пишетъ рядъ брошюръ противъ старыхъ парламентовъ, сочиняетъ трагедію, вообще пускаетъ въ ходъ весь свой долголѣтній полемическій опытъ. Вольтеръ понимаетъ, что идетъ противъ общественнаго мнѣнія и иногда прибѣгаетъ къ старому средству — маскируетъ свое имя [128]. Никакихъ эгоистическихъ разсчетовъ у Вольтера нѣтъ. Въ вопросѣ о парламентахъ на его сторонѣ—Даламберъ и Кондорсе. Даламберъ только находитъ, что оба учрежденія одинаково дурны—и старый парламентъ и «совѣты» Мопу [129]. Кондорсе пишетъ длинное письмо — съ цѣлью оправдать Вольтера, въ его ненависти противъ парламентовъ. Эта корпорація — совершенно равнодушна къ нуждамъ народа, она проявляетъ «позорную угодливость» въ процессахъ вельможъ, парижскій парламентъ одобрилъ Варѳоломеевскую ночь, прованскій совершилъ цѣлый рядъ насилій надъ протестантами,— и всѣ они непрестанно преслѣдовали философію. Кондорсе даже изумляется, какъ могутъ писатели возставать противъ уничтоженія парламента? [130].

Но публика думала иначе. Для нея на первомъ планѣ стоялъ политическій вопросъ. Являлся благодарнѣйшій случай — излить чувства негодованія и презрѣнія, давно накопившіяся противъ правительства. Она не могла не понимать насколько законна месть Вольтера фанатикамъ; популярность философа нисколько не потерпѣла послѣ его нападокъ на парламентъ. Но еще важнѣе для нея была месть—мини-

[128] *Lettres*. II, 102.

[129] *Lettres*, II, 144.

[130] *Mémoires de Condorcet*. Paris 1824. I, 21. Какъ на примѣръ угодливости парламентовъ людямъ сильнымъ можно указать на бракоразводный процессъ принцессы Монако, рѣшенный въ самый разгаръ борьбы парламента съ короной. Принцъ Конде, заинтересованный въ процессѣ, обѣщалъ адвокатамъ спасти ихъ отъ замысловъ Мопу, если они удовлетворятъ принцессу. Парламентъ немедленно рѣшилъ дѣло въ пользу принцессы. Droz. *Hist. du règne de Louis*. XVI. p. 13.

стерскому произволу,—о чемъ позже безпрестанно будутъ говорить *наказы* [131].

Брошюры стремились объяснить читателямъ разницу между положеніемъ подданнаго въ культурномъ государствѣ и пассивнымъ повиновеніемъ. [132]. Онѣ характеризовали деспотизмъ и истинный политическій порядокъ: публика видѣла, что ея правительство нарушаетъ основныя права человѣка и гражданина,—и привѣтствовала въ литературѣ малѣйшій намекъ, отвѣчавшій этому настроенію.

Художественная литература поспѣшила сказать свое слово. Въ драмѣ явились тѣ же разсужденія, какія читались въ брошюрахъ. Взаимныя отношенія государя и подданныхъ—обычная тема поэтовъ въ эпоху реформы Мопу, и вопросъ рѣшается всегда въ одномъ направленіи. На сценѣ выводятся представители идеи о сверхъестественномъ источникѣ монархической власти и новаго принципа—сознательной *гражданской* вѣрности. Ведется горячій споръ, — и въ заключеніе свободомыслящій герой заявляетъ своему государю: «Истинная вѣрность — отнюдь не рабская безграничная покорность. Я не продавалъ тебѣ своей души и своей мысли» [133].

Въ другой драмѣ предъ нами епископъ, историческое лицо. Онъ во время Варѳоломеевской ночи не исполнилъ варварскаго приказа короля, возсталъ на защиту гугенотовъ—и оправдываетъ свое ослушаніе королевской волѣ слѣдующими соображеніями: «Если монархъ говоритъ, что онъ обязанъ отвѣчать только Богу,—это значитъ онъ отвергаетъ всякую отвѣтственность, потому что не признавая законовъ, онъ не признаетъ источника всякой справедливости... Нѣтъ нужды вдаваться въ глубокія разсужденія, чтобы понять, что мы

---

[131] *Remontrances du tiers état du baillaige de Nemours*—этотъ вопросъ справедливо признаетъ предметомъ ходатайствъ всего королевства *Archives*. IV, 187.

[132] *De la constitution de l'Angleterre*, брошюра Delolme'а вышедшая немедленно послѣ изгнанія парижскаго парламента.

[133] *Olinde et Sophronie*, dram héroique, par Mercier. Paris 1771. Acte III, 1.

прежде люди и христіане, а потомъ подданные, что монархъ, только временно правящій государствомъ, не замѣняетъ отечества, которое безсмертно, и если королевская власть переступаетъ законныя границы, подданный превращается въ жалкое орудіе рабства. Голосъ добродѣтели, искони вѣковъ не умолкающій въ человѣческомъ сердцѣ, долженъ предупреждать насъ когда слѣдуетъ повиноваться и когда слѣдуетъ оказать сопротивленіе... Повѣрьте мнѣ, гуманность имѣетъ высшія права, чѣмъ королевская власть. Кто перестаетъ говорить какъ *человѣкъ*, тотъ не можетъ повелѣвать, какъ король». [134].

Епископъ рѣшаетъ вопросъ о происхожденіи монархической власти и опредѣляетъ ея характеръ. Доказательства епископа весьма близко напоминаютъ нѣкоторыя идеи *Общественнаго договора* Руссо: «Законъ безъ всякаго сомнѣнія выражаетъ всеобщее соглашеніе націи. Но когда же народы избирали себѣ короля деспота, своевольнаго, абсолютнаго? Когда они вручали ему власть умерщвлять подданныхъ ихъ же оружіемъ? Онъ царствуетъ надъ ними только затѣмъ, чтобы защищать противъ врага, поддерживать миръ внутри государства, бодрствовать во время ихъ сна, а не распоряжаться ихъ жизнью по своей прихоти». [135].

Но можно возразить,—предъ глазами короля нѣтъ органа общественнаго мнѣнія, ему трудно открыть истинную волю

---

[134] *Jean Hennyer* Génève 1772. Acte III, 2. „Le monarque qui dit ne devoir repondre qu'à Dieu, dit en d'autres termes ne vouloir repondre a personne, car méconnaissant les loix, il méconnait l'auteur de toute justice... Il ne faut raisonner profondement pour sentir qu'on est homme et chrétien, avant que d'être sujet, que le monarque qui passe n'est point la Patrie, qu'il est des bornes que le pouvoir royal ne saurait franchir, sans quoi le sujet ne seroit plus qu'un vil instrument de servitude; que la vertu enfin est de toute eternité dans le coeur de l'homme pour l'avertir quand il doit obéir ou resister... Humanité, croyez-moi, a ses droits bien avant ceux des la royauté. Qui ne parle plus en homme ne péut plus commander en roi".

[135] „La loi a pour caractère non equivoque le consentement général de la nation; et depuis quand les peuples se sont-ils élus un roi despote, arbitraire, absolu?"...

народа, услышать голосъ справедливости. Епископъ увѣренъ, эту волю всегда легко распознать, развѣ только государь будетъ отвращать свой слухъ отъ ея требованій. Всѣ распоряженія короля должны получить предварительно одобреніе людей закона, посвятившихъ себя правосудію, посредниковъ и представителей правъ гражданъ. Епископъ, очевидно, имѣетъ въ виду парламенты. Ихъ члены, по его мнѣнію, давно пріобрѣли всеобщее довѣріе доблестями и трудами. Епископъ указываетъ на опасности, неразлучныя съ произволомъ. «Нарушеніе священныхъ формъ» ведетъ къ беззаконіямъ, создаетъ для самого виновника множество неожиданныхъ затрудненій. Его власть принимаетъ характеръ жестокой тиранніи, а его исполнители становятся «сообщниками преступленія». [136].

Цензура, конечно, не могла пропустить такое произведеніе на сцену. Дворъ оказался болѣе чѣмъ когда-либо, заинтересованнымъ въ цензурныхъ мѣрахъ Мопу совершилъ свою реформу съ одобренія двора и новую магистратуру составилъ изъ его креатуръ. Двору приходилось зорко оберегать свое достоинство при всеобщемъ негодованіи на дѣйствія Мопу. Цензура двора оказалась въ высшей степени придирчивой и неумолимой. Извѣстный намъ Лебланъ написалъ драму *Albert I*, повидимому, на самый благонамѣренный сюжетъ: прославляется австрійскій императоръ Іосифъ II, и Марія Антуанета всѣми силами добивалась представленія комедіи. Но весь дворъ возсталъ противъ супруги дофина, и пьеса появилась на сценѣ только послѣ смерти Людовика XV.

Лебланъ, вѣрный своимъ учителямъ-экономистамъ, заставляетъ своего героя больше заниматься экономическими вопросами, чѣмъ политическими и преимущественно съ экономической точки зрѣнія подвергасетя униженію дворъ. Императоръ горячо возмущается придворными интригами, льстецами и бездѣльниками. Высшее уваженіе онъ оказываетъ

---

[136] Acte II, 3.

земледѣльцамъ и писателямъ. Принимая фермера, Альбертъ восклицаетъ: «Воздѣлалъ онъ сто десятинъ! насадилъ лѣсъ! Осушилъ два болота!.. Ждите достойной награды. За что же мы обязаны глубочайшей благодарностью, какъ не за труды — источникъ истинныхъ благъ?».. Указывая на земледѣльца императоръ обращается къ придворнымъ: «Да, это первые граждане. Я почитаю ихъ. Заблужденіе слишкомъ жестокое унижаетъ земледѣльцевъ, а между тѣмъ только ихъ полезное усердіе можетъ обезпечить величіе престола». [137].

Такихъ же привѣтствій удостоивается авторъ книги. «Какой возвышенный кодексъ добродѣтели, одушевляющей васъ, — ваша книга! — восклицаетъ государь. Гуманность водила вашимъ перомъ. Благодаря такимъ трудамъ, вы останетесь покровителемъ и излюбленнымъ другомъ среди нашихъ потомковъ такъ же какъ и среди насъ». Снова обращаясь къ придворнымъ, императоръ совѣтуетъ поощрять искусства и талантъ: на нихъ основана слава государствъ. Альбертъ сознается, насколько трудно государю всегда быть справедливымъ и милостивымъ «Гуманность напрасно внушаетъ намъ свои законы, мы вѣчно въ плѣну у собственнаго величія». [138].

Эти мысли,—особенно о покровительствѣ литературы были не менѣе тягостны для правительства Людовика XV, чѣмъ для придворныхъ—укоры въ лицемѣріи и праздномъ пресмыкательствѣ предъ взорами «идола». [139]. Но настроеніе совре-

---

[137] *Albert I ou Adéline. Com. Fr.* 4 февр. 1775. Acte III, 2. Пьеса запрещена осенью 1772 года. *Mém. secr.* 30 oct. 1772. *Corresp. litt.* X, 92

[138] *Ib.* Acte III, 3. —

Encouragez les arts et le genie,
C'est assurer la gloire des Etats.
L'humanité nous dicte en vain ses lois,
Toujours captifs dans nos grandeurs suprêmes.

[139] Придворный, ожидающій авдіенціи, разсуждаетъ о своей участи (Acte III, 1);

Que de dégoûts il faut qu'on dissimule!
Qu'attends—je ici? quel devoir ridicule
Nous faisons—nous de venir chaque jour

менной публики ушло дальше патріархальныхъ понятій насчетъ идеальнаго монарха.

Публика въ сущности мало была заинтересована направленіемъ и судьбой литературныхъ произведеній. Она стойко выдержала рѣчи Вольтера въ пользу учрежденій Мопу и доказала, что вообще не нуждается въ прямомъ руководительствѣ писателей, чтобы произнести свой судъ надъ политическими событіями. Всѣ цензурныя запрещенія и всякія другія правительственныя воздѣйствія оказывались безцѣльными именно въ описываемую эпоху. На несчастіе Мопу его магистратура терпитъ одну неудачу за другой. Два процесса— графа Моранжіеса и Бомарше—сосредоточиваютъ всеобщее вниманіе. Весь Парижъ выступаетъ судьей и произноситъ свои приговоры въ театральной залѣ—независимо отъ содержанія произведеній и намѣреній авторовъ.

Мы говорили, съ какой жадностію публика ловила во время представленій всевозможныхъ пьесъ малѣйшій намекъ на современную злобу минуты, трагедіи Расина превращала въ политическіе памфлеты, его героевъ отождествляла съ Мопу. Слово тираннъ вдругъ утрачиваетъ невинный классическій смыслъ. Публика находитъ, что новѣйшіе правители вполнѣ заслуживаютъ этого имени, Мопу оказывается похожимъ на Нарцисса,—и одинъ только стихъ, клеймящій политическую тираннію, спасаетъ всю трагедію: зала гремитъ рукоплесканіями, услышавъ, что «всякій человѣкъ—солдатъ противъ тиранніи». [140].

Процессы Моранжіеса и Бомарше сопровождаются безчисленными манифестаціями, — и никакая мѣра не въ силахъ

Secher d'ennuie pour augmenter la cour
D'un prince?... un homme enfin, mais notre idole.
Idole vaine! Empressement frivole
De nous montrer, de quêter un regard
Qu'on nous refuse, ou qu'on jette au hasard.

[140] „Tout homme est soldat contre la tyrannie". *Sophonisbe*, trag. de Mairet *Corresp. litt.* X, 338.

предотвратить ихъ, потому что публика является въ театръ съ заранѣе принятымъ рѣшеніемъ — протестовать во чтò бы то ни стало. Исторія Бомарше съ Гёзманомъ окончательно добиваетъ ненавистное учрежденіе,—и преемникъ Людовика XV спѣшитъ упразднить его. Это было настоящей *политической* побѣдой общественнаго мнѣнія. Раньше чѣмъ *наказы* заявили объ отвѣтственности министровъ предъ этой новой силой,—она уже успѣла доказать свою власть и безъ всякихъ законодательныхъ и юридическихъ гарантій, осуществила ее по поводу одной изъ самыхъ важныхъ и смѣлыхъ мѣръ правительства. И произошло это безъ видимой организаціи протестующихъ элементовъ, безъ опредѣленныхъ руководителей. Напротивъ,—самые популярные философы не сочувствовали протесту. Очевидно, — воспитанное ими общество могло теперь обойтись безъ ихъ указаній по каждому отдѣльному случаю. Теперь самому обществу приходилось—по своей волѣ—направлять содержаніе литературы. Мольеръ и Расинъ—въ его рукахъ — становились вдохновителями оппозиціи. Центръ общественной мысли и политическихъ страстей со сцены окончательно переходитъ въ партеръ. Просвѣтительная роль драматической литературы достигла вершины своего развитія,—и съ этого времени тенденціи писателей отходятъ на второй планъ, — энергія протеста и реформаторскихъ стремленій сосредоточивается въ самой публикѣ. Эта перемѣна совпадаетъ съ предпріятіемъ Мопу, оно будто однимъ ударомъ воспламенило горючій матерьялъ, скопленіе котораго еще пятнадцать лѣтъ назадъ замѣчалъ Даржансонъ. Съ этихъ поръ современники начинаютъ сообщать о поразительныхъ спектакляхъ, происходящихъ по поводу политическихъ событій. Поведеніе публики часто изумляетъ очевидцевъ тактомъ и смысломъ и ставитъ правительство въ безвыходныя затрудненія. Запрещать пьесы было, конечно, несравненно проще, чѣмъ предупреждать и укрощать волненія зрителей. Теперь даже запрещенія имѣютъ второстепенный интересъ, потому что публика всегда можетъ найти случай — вознаградить себя. Ей не позволятъ увидѣть на

сценѣ революціонной трагедіи Мерсье, -- она въ итальянскомъ театрѣ, по поводу совершенно незначительной комедіи создастъ зрѣлище, которое современники будутъ называть «прелюдіей къ Генеральнымъ Штатамъ»[141]. И въ слѣдующее царствованіе властямъ придется вести гораздо болѣе серьезную борьбу съ самимъ обществомъ, чѣмъ съ литературой, энергичнѣе дѣйствовать на партеръ, чѣмъ на сцену. Таковъ результатъ царствованія Людовика XV. Онъ намѣчался за много лѣтъ до реформы Мопу. О всеобщей анархіи Даржансонъ говорилъ еще въ концѣ пятидесятыхъ годовъ, когда нравственный престижъ личности короля успѣлъ пасть совершенно. Публика сосредоточила всѣ свои исконныя монархическія чувства на благородномъ образѣ Генриха IV. Правительство принялось упорно преслѣдовать воспоминанія о великомъ королѣ—живомъ укорѣ современному порядку вещей. Оно пошло дальше. Не обладая никакимъ нравственнымъ кредитомъ — оно заявило самыя высокія претензіи на верховную власть. Результаты вполнѣ естественны и логичны. Мопу и Людовикъ XV оказались въ томъ самомъ положеніи, въ какомъ уже давно были первыя сословія. Они—опора монархіи—являлись въ глазахъ народа незаконными обладателями привилегій, людьми—лично и нравственно стоявшими несравненно ниже своего оффиціальнаго положенія. Этотъ оппозиціонный процессъ пока не восходилъ до ступеней трона. Принцы и епископы развѣнчивались, — но монархъ казался недосягаемымъ на своихъ историческихъ основахъ. Правительству Людовика XV суждено было прорвать послѣднюю грань на пути отрицательной критики. Парижскій парламентъ вдругъ оказался центромъ всенароднаго сочувствія. Это характеризовало не столько политическое значеніе парламента, сколько—силу общественнаго недовольства, обиліе горючаго матерьяла. Если парламентъ могъ вызвать такую бурю, что же должно было произойти, когда очагомъ протеста явятся—дѣйствительно народные представители?..

---

[141] *Corresp. litt.* XV, 192 - 3.

Людовикъ XV, при всей своей апатіи, предчувствовалъ грозное будущее. Въ концѣ царствованія онъ пришелъ въ крайнее волненіе, когда въ его присутствіи по поводу парламентскихъ смутъ намекнули на Генеральные Штаты: въ нихъ король видѣлъ—гибель монархіи и государства. И онъ имѣлъ всѣ основанія—ощущать ужасъ предъ націей. Вспоминая подъ старость о своей популярности въ молодые, годы онъ говорилъ съ горькой ироніей: «Людовикъ *Возлюбленный* превратился въ Людовика *Ненавистнаго*» [142]. Смерть краснорѣчиво подтвердила эти слова. Радость народа по поводу кончины Людовика XIV ничто въ сравненіи съ потокомъ сатиръ, эпиграммъ, оскорбительныхъ пѣсенъ, сопровождавшихъ конецъ царствованія его преемника. Злополучное прозвище короля, его тайныя приключенія, неудачный выборъ министровъ ничто не забыто въ этой стихотворной исторіи. Источники устаютъ, наконецъ, сообщать все новыя дѣтища торжествующаго общественнаго презрѣнія и гнѣва, и долго спустя послѣ смерти Людовика ограничиваются замѣчаніемъ: «Саркозмы и пасквили по адресу покойнаго короля не прекращаются» [143].

Но вся эта оргія и теперь не была результатомъ непримиримыхъ революціонныхъ страстей. Унижали только Людовика XV, а не вообще монарха. Насмѣшки надъ покойнымъ королемъ почти неизмѣнно сопровождались восторгами предъ его преемникомъ. Монархическія чувства французовъ вспыхнули въ честь Людовика XVI необыкновенно яркимъ пламенемъ, будто въ послѣдній разъ напрягая всѣ свои силы и сжигая заключительный фейерверкъ на вѣковомъ праздникѣ королевской власти.

V.

Надежды всѣхъ, кто привѣтствовалъ вступленіе на престолъ Людовика XVI, не представляли ничего новаго, выра-

---

[142] „Louis le Bien-Aimé est devenu Louis le Bien-Haï".

[143] *Corresp. secrète.* I, 41. Особенно много этихъ произведеній приведено въ *Mém. secr.* 3 jn. 1774; 1 oct. 1774 etc.

жались въ давнишней формѣ, извѣстной съ самаго начала предыдущаго царствованія. Новый государь долженъ воплотить въ себѣ Генриха IV. Въ этомъ смыслѣ Парижъ даетъ Людовику прозвище *Желаннаго — le Desiré*, съ этой точки зрѣнія оцѣниваютъ нравственныя качества и первые шаги новаго короля. Онъ изображается демократомъ, отцомъ подданныхъ, бережливымъ. Его записка, назначающая раздачу денегъ бѣднымъ парижанамъ, производитъ впечатлѣніе приказовъ Генриха IV, и весь Парижъ, по словамъ современника, тронутъ до слезъ [144]. Всякая похвала коронованному лицу, звучащая со сцены, вызываетъ восторгъ публики [145]. Генрихъ IV, гонимый въ предыдущее царствованіе, теперь не сходитъ со всѣхъ театральныхъ сценъ, парижскихъ и провинціальныхъ. Современникъ, перечисливъ рядъ пьесъ во славу беарнейца, замѣчаетъ: «Обожаніе, вызываемое однимъ именемъ Генриха IV, надежда на новое царствованіе, наполняющая всѣ сердца,—заставляютъ насъ чувствовать столь живой и трогательный интересъ къ этимъ сюжетамъ» [146]. Немало посвящается пьесъ и самому Людовику XVI, причемъ не пропускаютъ случая бросить камнемъ въ его предшественника и слить въ одно—личности Генриха и царствующаго короля [147].

---

[144] *Corresp. litt.* X, 425. Приведена записка.

[145] Напримѣръ съ энтузіазмомъ привѣтствовали стихи въ траг. Дора *Adélaide de Hongrie:*

> J'enchaîne la discorde aux pieds de la justice,
> Je rends aux tribunaux leur auguste exercice.

Mém. secr. VII, 284. Эти стихи должны были намекать на возстановленіе парламента.

[146] *Corresp. litt.* X, 508—9. Въ началѣ 1775 года пьесы о Генрихѣ IV появляется даже на ярмарочной сценѣ, въ дѣтскомъ и маріонеточномъ театрѣ.

[147] Пьеса—Панегерикъ Людовику XVI и вмѣстѣ съ тѣмъ сатира на Людовика XV—*M. Péteau on le gateau des rois.* Въ концѣ вставлено два стиха:

> Il est des sages à vingt ans
> Et des étourdis à soixante.

Сюлли по прежнему раздѣляетъ славу съ своимъ государемъ, — и парижане спѣшатъ находить сходство съ знаменитымъ министромъ въ совѣтникахъ новаго короля. Лѣтомъ 1774 года Тюрго вступилъ въ министерство. Онъ зналъ, съ какими препятствіями ему предстояло бороться и обратился къ Людовику XVI съ трогательной, но мужественной рѣчью: «Я болѣе полагаюсь на Васъ, ваше величество, какъ на честнаго, справедливаго и добраго человѣка, чѣмъ какъ на короля». Эти слова живо напомнили отношенія Сюлли къ Генриху, - и въ ноябрѣ на сценѣ французскаго театра шла драма, проздравлявшая Людовика XVI, «воскресшаго Генриха IV», съ новымъ Сюлли [148]. Здѣсь Генрихъ говоритъ «Парижане добры по характеру, роялисты по природѣ, признательны по склонности: они жаждутъ видѣть короля» [149]. Герои безпрестанно прославляютъ вѣрноподданническія чувства. «Для народа любезнаго и чувствительнаго — первое благо добрый король. Для любви этого народа все возможно чувство—его законъ». — «Воспѣвая любимаго короля, солдатъ смѣло идетъ на смерть, трудолюбивый земледѣлецъ благословляетъ свою судьбу» [150]. Пьеса написана не особен-

Намекъ былъ вполнѣ ясенъ,—и актриса, произнесшая ихъ поплатилась суточнымъ заключеніемъ въ тюрьмѣ, авторъ — Imbert—просидѣлъ нѣсколько дней, а цензора пропустившаго пьесу, на три мѣсяца отрѣшили отъ должности. *Corresp. litt.* XI, 22.—Выше мы говорили о пьесѣ *Le Couronnement d'un roi*, шедшей въ Реннѣ и возбудившей большой интересъ въ Парижѣ.

[148] *Henri IV*, drame lyrique par M. de Rosoy. Paris 1775. Авторъ представилъ первый печатный экземпляръ Людовику XVI—съ стихотворнымъ посвященіемъ. Послѣднія строки:

Joins les jours de Nestor aux vertus de Henri:
Tu veux que notre amour ajoûte à ta puissance;
Le Ciel à ce biênfait devoit sa récompense;
Mais il s'acquitte... il te donne un Sulli.

[149] Acte I, 1. „Les paisiens sont bons par caractère, royalistes par nature, reconnaissants par penchant; ils seront *affamés de voir un Roi*“.

[150] Acte I, 4, 5.

Pour un peuple aimable et sensible,
Le premier bien c'est un bon Roi,
A son amour tout est possible,
Le sentiment devient sa loi.

но изящнымъ языкомъ и нѣкоторыя выраженія возбуждали смѣхъ слишкомъ придирчиваго парижскаго партера. Но—по содержанію драма вѣрно отражала настроеніе своихъ современниковъ. Они въ эпоху вступленія Людовика XVI на престолъ дѣйствительно находились во власти чувствъ, сознавали себя искренними роялистами и, по словамъ другого современника, доблести молодаго монарха вполнѣ оправдывали въ ихъ глазахъ почести родоначальнику Бурбоновъ[151].

Новое правительство на первое время оцѣнило эти чувства и выказало вниманіе и довѣріе къ общественному мнѣнію, невѣдомыя прежде. Цензура не мѣшала появленію въ печати всевозможныхъ проэктовъ по финансамъ, администраціи, политической экономіи и предоставляло публикѣ быть судьей[152]. Протестанты воспряли духомъ и писали королю челобитныя, исполненныя надеждъ. Мы снова слышимъ отъ современниковъ буквально ту самую фразу, какую Даржансонъ написалъ въ началѣ правленія Людовика XV: все сулитъ счастливую эпоху начавшуюся при такихъ предзнаменованіяхъ[153]. Но Генрихъ IV снова оказался только предметомъ поэтическихъ мечтаній. Тюрго могъ походить на Сюлли, ему король даже говорилъ: «Не бойтесь ничего, я васъ поддержу», —и немного спустя тотъ же король, утомленный проэктами министра, воскликнулъ: «Ахъ! опять мемуаръ»[154]. Эти два факта показываютъ, на какомъ шаткомъ основаніи строилась вѣра націи въ новое царствованіе.

Духовенство и возстановленный парламентъ идутъ исконнымъ путемъ фанатизма. Уже въ первые годы правленія мы безпрестанно встрѣчаемъ извѣстія о сожженіи книгъ, о преслѣдованіи авторовъ, — и книги дѣйствительно въ высшей степени характерны. Коронованіе Людовика въ іюнѣ 1775 года сопровождается энтузіазмомъ народа и энту-

---

151 *Corresp. litt.* X, 508.
152 *Ib.* X, 504.
153 *Ib.* X, 425.
154 Droz. *O. c.* p. 57.

зіазмъ еще усиливается, когда король, въ интересахъ экономіи, запрещаетъ оффиціальныя торжества. Но одновременно выходитъ брошюра, доказывающая первичныя права націи и опровергающая принципъ абсолютной власти [155], потомъ брошюры—*Другъ законовъ* и *Катехизисъ гражданина*, возстающія противъ новой формулы коронованія: архіепископъ Реймскій пропустилъ обращеніе къ народу, желаетъ ли онъ королемъ Людовика XVI. Обращеніе, конечно,—чисто формальнаго свойства, но фактъ поднялъ такіе толки, что парламентъ постановилъ сжечь брошюры. Правительство могло судить, до какой степени стало чутко общественное мнѣніе къ мельчайшимъ политическимъ вопросамъ [156]. Въ то же время мы узнаемъ о подавляющемъ изобиліи періодическихъ изданій [157]. Со временемъ доходы ихъ поднимаются до громадныхъ цифръ [158]. Это, несомнѣнно, доказываетъ горячій интересъ общества къ государственной жизни и общимъ вопросамъ. Оно зорко слѣдитъ за распоряженіями двора и дѣятельностью правительства, — смѣлость и нервность его критики растетъ съ поразительной быстротой. Вскорѣ Людовикъ XVI принужденъ лично дать распоряженіе цензорамъ—съ возможной осмотрительностью пропускать пьесы въ печать и на сцену. Его приводитъ въ смущеніе слишкомъ шумный смѣхъ партера въ присутствіи августѣйшихъ особъ [159]. Но онъ не въ силахъ предотвратить самыхъ зажигательныхъ событій. Вынужденный принять отставку Тюрго, онъ сожалѣетъ, что не можетъ, подобно ему, удалиться отъ дѣлъ. И дѣйствительно, съ каждымъ днемъ поднимаются вопросы, спутывающіе всю

---

[155] *Le Sacre Royal, ou les droits de la nation française reconnus et confirmés par cette cérémonie.* Ср. *Mem. secr.* 15 jl. 1775.

[156] *Le cathechisme du citoyen* излагалъ, кромѣ того подробно идеи Монтескьѐ о раздѣленіи властей и – Руссо о договорѣ, защищалъ свободу печати. Ср. *Mém. secr.* 15 jn. 1776.

[157] *Mém. secr.* 21 н. 1775: „задыхаешься (on egorge) отъ газетъ.

[158] *Journal de Paris* въ 1785 году давалъ 100.000 фр. чистой прибыли. *Corresp. litt.* XIV, 162.

[159] *Corresp. litt.* XI, 227 mars 1776; août 1777.

традиціонную систему французской монархіи,—и притомъ поднимаются не только литературой а самой публикой. Государственный человѣкъ, принявшій власть вскорѣ послѣ Тюрго, засвидѣтельствовалъ громадную силу общественнаго мнѣнія. Мы знаемъ съ какимъ покорнымъ чувствомъ и личной признательностью онъ говорилъ объ этой силѣ. Неккеръ не ограничился теоріей. Его *Compte rendu* знаменуетъ эпоху, когда правительстве признало свое безсиліе дѣйствовать безъ поддержки общества. За нѣсколько лѣтъ до выхода *Отчета* парижане сдѣлали, по словамъ современника, первый опытъ— на поприщѣ политической власти. Его вызвало само правительство.

Американская война явилась для французовъ своего рода практической иллюстраціей ихъ утопій. Народъ возставалъ противъ тиранніи и основалъ республику подъ руководствомъ вождей—демократовъ. Особенный энтузіазмъ молодежи былъ вызванъ контрастомъ мужественной республики и старыхъ монархій. Парижане вспомнили Грецію, Римъ,—и современникъ признаетъ, что ихъ увлеченіе «нечувствительно» втянуло правительство въ интересы американцевъ [160]. Медлительность правительства—высказаться открыто за новую республику возбуждала всеобщее негодованіе. Оно достигло крайнихъ предѣловъ, когда въ Парижѣ явился Франклинъ. Философы шли во главѣ страстнаго восторга предъ великимъ демократомъ. Даламберъ не спалъ ночи, придумывая стихи къ его портрету [161]. Даже внѣшній видъ Франклина съ особенной яркостью оттѣнялъ въ глазахъ парижанъ— ихъ «изнѣженную и рабскую цивилизацію» [162]. Одинъ изъ самыхъ блестящихъ представителей этой цивилизаціи рѣшился на самоотверженный поступокъ, чтобы доказать иск-

---

[160] *Mémoires*, par M. le comte de Ségur. Paris. 1827, I, 102.

[161] Въ *Mémoires de Condorcet* помѣщено любопытное письмо Даламбера, разсказывающее, сколько мученій стоило энциклопедисту сочинить стихи. Каждая строка—а ихъ всего четыре—стоили философу продолжительныхъ филологическихъ и эстетическихъ соображеній—I, 165—8.

[162] Ségur. *Mémoires*. I, 104.

ренность своихъ республиканскихъ увлеченій. Маркизу Лафайту было всего девятнадцать лѣтъ. Въ обществѣ онъ слылъ человѣкомъ равнодушнымъ, холоднымъ, неспособнымъ на сильныя увлеченія. Его рѣшеніе — отправиться въ Америку поразило всѣхъ неожиданностью. Дворъ немедленно послалъ запретъ, маркизъ бѣжалъ изъ столицы, его арестовали на пути, ему вновь удалось бѣжать—сначала въ Испанію, оттуда въ Америку. Вѣсть о первыхъ военныхъ подвигахъ Лафайэта была принята въ Парижѣ съ восторгомъ. Общественное мнѣніе брало окончательно верхъ надъ раздумьемъ правительства. Морепа жаловался, что воинственная французская молодежь «обезоружила мудрость совѣта и принудила правительство къ войнѣ»[163]. Но раньше чѣмъ это произошло, — король и дворъ успѣли вызвать въ обществѣ цѣлую бурю негодованія. Въ числѣ противниковъ войны считали королеву. Это было первымъ важнымъ политическимъ грѣхомъ Маріи Антуанетты. Парижане запомнятъ его.

Съ Американской войной и пребываніемъ Франклина въ Парижѣ совпали другія событія, будто заранѣе разсчитанныя на возбужденіе страстей. У власти находился протестантъ и гражданинъ республики. Это было совершенной новостью въ исторіи Французской монархіи и популярность Неккера въ сильной степени основывалась на его исключительномъ личномъ положеніи: «Министръ Франціи — настоящій гражданинъ»—казалось необыкновенно лестнымъ и пикантнымъ[164]. Наконецъ пріѣздъ Вольтера въ Парижъ далъ послѣдній ударъ уже возбужденнымъ нервамъ. Къ патріарху дворъ отнесся такъ же равнодушно, какъ и къ Франклину[165].

---

[163] Подробнѣйшія свѣдѣнія о Лафайэтѣ даетъ Сегюръ, намѣревавшійся вмѣстѣ съ нимъ и виконтомъ de Noailles также плыть въ Америку. Распоряженіе двора остановило Сегюра и виконта. I, 106. О дѣятельности Лафайэта въ Америкѣ также въ *Mémoires. de Condorcet*. II, 49.

[164] „C'était une nouveauté assez piquante que le ministre de France fût un citoyen". *Mém. de Cond.* I, 165.

[165] Относительно Франклина Людовикъ XVI позволилъ себѣ крайне оскорбительную выходку, плохо даже вяжущуюся съ обычнымъ скромнымъ характеромъ этого государя. Bersot. *O. c.* p. 65.

Публика, конечно, почерпнула въ этомъ равнодушіи новый мотивъ для своихъ восторговъ предъ вождемъ философовъ. Представленіе *Irène* въ присутствіи Вольтера является великимъ событіемъ. Энтузіазмъ зрителей создаетъ неслыханное зрѣлище, писателя, ненавистнаго власти, врага опаснѣйшихъ современныхъ силъ—духовенства и парламента,—вѣнчаютъ вѣнками и вызываютъ у него крикъ: «Французы, вы заставите меня умереть отъ удовольствія». Общество и на этотъ разъ производитъ впечатлѣніе на правительство. Хранитель печати, по просьбѣ друзей Вольтера, даетъ цензорамъ распоряженіе, чтобы они не позволяли ничего печатать противъ философа, не омрачали его радости. Правда,—духовенство поспѣшило съ каѳедры возмутиться поступкомъ министра,—но самый фактъ подобнаго распоряженія показываетъ, какимъ могучимъ потокомъ шла протестующая общественная мысль и непреодолимо захватывала самихъ стражей государственнаго порядка. Она теперь одинаково вліяла на внѣшнія и внутреннія дѣйствія правительства. Она вызвала трактатъ съ Американскими Штатами, явилась настолько вѣрной и сильной защитницей Неккера, что онъ счелъ нужнымъ публично выразить ей свою признательность и преданность,—наконецъ,—открыто увѣнчала многолѣтнюю дѣятельность писателя—признаннаго врага католической церкви. И эти побѣды совершились одновременно и должны были укоренить въ обществѣ прочную увѣренность въ своемъ политическомъ значеніи.

Правительство, если и понимало современное настроеніе публики, — дѣйствовало будто съ заранѣе составленнымъ планомъ — волновать и раздражать ее. Въ то время, когда воздухъ былъ переполненъ сочувствіями къ республиканцамъ, идеями о гражданской свободѣ, разочарованіемъ въ старой монархіи,—духовенство и цензура не прекращали инквизиціи въ литературѣ. Мы выше разсказывали о процессѣ надъ книгой Делилля *Philosophie de la nature*. Онъ произошелъ полгода спустя послѣ объявленія независмиости Соединенныхъ Штатовъ, одновременно съ побѣдами республикан-

цевъ, пріѣздомъ Франклина въ Парижъ, наканунѣ прибытія Вольтера. Все вызывало у парижанъ страстную жажду свободы и обновленія,—а рядомъ судъ придумывалъ жесточайшія кары автору весьма посредственной книги. Но на этомъ цензура не остановилась. Не имѣя силъ пресѣчь тріумфы Вольтера, она отомстила философу немедленно по его кончинѣ. Духовенство отказало ему въ церковномъ погребеніи, власти запретили говорить о немъ въ журналахъ и на сценѣ ставить его пьесы. Это распоряженіе свидѣтельствовало о полномъ безсиліи и растерянности правительства. Такъ думали даже современники, менѣе всего склонные къ восторгамъ предъ новой философіей [166]. Вскорѣ послѣ Вольтера умеръ и Руссо. Одновременно сошли со сцены два величайшихъ вдохновителя общества XVIII вѣка. Но смерть поразила учителей уже въ то время, когда ученики совершенно созрѣли и могли идти самостоятельнымъ путемъ критики и протеста. Отставка Неккера сопровождается такими фактами, какихъ не могли ожидать ни Вольтеръ, ни Руссо. Уже давно взволнованное море производитъ бурю,— тѣмъ болѣе грозную, что она обнаруживаетъ полную сознательность и цѣлесообразность дѣйствій.

Событія отчасти напоминаютъ эпоху Мопу.—Тогда оппозиція охватила также всѣ слои общества, — но это былъ скорѣе стихійный протестъ, чѣмъ систематическая самоувѣренная критика. Тогда негодовала толпа подъ вліяніемъ общаго чувства разраженія, не разбирая повода,—представился бы только случай возстать на правительство. Теперь въ лицѣ Неккера Парижъ и провинція чествовали единственнаго, по ихъ мнѣнію, государственнаго человѣка, способнаго спасти Францію. Это убѣжденіе оставалось непоколебимымъ до самой революціи. Еще *наказы* будутъ обращаться къ министру съ лирическими воззваніями, умолять короля—отдать въ его руки всю власть, предсказывать, что имя Неккера «обогатитъ» французскій языкъ и станетъ именемъ гражда-

[166] *Mém. secr.* 14 jn. 1778.

нина, соединяющаго въ себѣ всѣ добродѣтели: предъ такимъ человѣкомъ «будутъ восклицать въ святомъ восторгѣ: вотъ Неккеръ!» [167]. Съ такими чувствами Парижъ встрѣтилъ вѣсть объ отставкѣ Неккера... Политическая оппозиція можетъ являться въ двухъ формахъ: во-первыхъ, исключительно отрицательной, когда нѣтъ предмета, сосредоточивающаго идеальныя стремленія недовольныхъ. Такая оппозиція можетъ достигнуть крайней энергіи, стать опасной,—но безусловно прочное основаніе и могучую внутреннюю жизнь она пріобрѣтаетъ только въ другомъ случаѣ, когда ей удается найдти опредѣленную цѣль своихъ желаній, когда счастливая случайность воплотитъ ея надежды на лучшее будущее въ одной личности.

Первую стадію протестующее общественное мнѣніе Франціи пережило во время парламентской реформы Мопу, вторую—при Неккерѣ. Неккеръ сталъ животворящимъ духомъ всѣхъ, кто только имѣлъ основанія негодовать на дворъ, цензуру, правительство, общественныя отношенія. Въ маѣ 1781 года въ Парижѣ и въ провинціи были увѣрены, что Франція очутилась на краю пропасти, лишившись правителя въ лицѣ Неккера. Такъ думали принцы крови, даже иностранные государи, Іосифъ II и Екатерина,—и мы знаемъ, какъ внушительно, съ какимъ «невольнымъ единодушіемъ» парижскій партеръ выразилъ этотъ взглядъ на слѣдующій день послѣ отставки Неккера, на представленіи пьесы *La partie de chasse de Henri IV*... Съ этихъ поръ публика находится будто въ хроническомъ нервномъ раздраженіи. Она постоянно нарушаетъ правильный ходъ спектаклей, требуетъ однихъ пьесъ и уничтожаетъ другія, заставляя опускать занавѣсъ среди представленій. Важнѣйшія правительственныя мѣры подвергаются насмѣшкамъ и, наконецъ, публичныя оскорбленія поражаютъ личность самой королевы.

Драматическая литература все время идетъ въ уровень съ общественнымъ настроеніемъ. Не всѣ пьесы попадаютъ на

---

[167] *Cahier du village de Jagny* (Paris hors les murs). *Archives*, IV, 613.

сцену, но непремѣнно появляются въ печати, — и публика ничего не теряетъ: она собирается въ театръ уже съ готовыми впечатлѣніями. Республиканскій энтузіазмъ, совпавшій съ цензурными мѣропріятіями, заставляетъ авторовъ защищать исконныя права народа и просвѣтительное значеніе писателей. Въ трагедіи *Jammabos* императоръ говоритъ: «только писатели создаютъ общественное мнѣніе — величайшую силу въ государственномъ порядкѣ» Это писалось наканунѣ появленія *Отчета* Неккера. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя на сценѣ Французскаго театра появляется трагедія Лагарпа *Jeanne de Naples*, доказывающая верховную власть Генеральныхъ Штатовъ. Ихъ созвала сама королева, она допустила убійство своего мужа, возмущенная его пороками. Штаты намѣрены судить преступную королеву и лишить ее короны. Одинъ изъ ея подданныхъ отрицаетъ это право Штатовъ. Онъ сѣтуетъ на королеву, зачѣмъ она созвала народныхъ представителей. «Это зіяющая пропасть для верховной власти, поглотившая уже не одного короля» [169]. Королева во всемъ обвиняетъ придворныхъ, воспитавшихъ въ ней деспотическія наклонности, а теперь покинувшихъ ее. Принцъ Тарентскій, сторонникъ королевы, защищаетъ Генеральные Штаты, признаетъ ихъ власть подъ собой и надъ всѣми подданными Жанны, именуетъ ихъ великими гражданами [170].

За восемь лѣтъ до собранія французскихъ Генеральныхъ Штатовъ эта рѣчь совершенно точно выражала представленіе современниковъ объ источникѣ политическихъ золъ и

---

[168] Les lettrés forment seuls l'opinion publique,
Le plus grand des ressorts dans l'ordre politique.

[169] *Jeanne de Naples* Acte I, 1.

[170] Принцъ говоритъ Неаполитанцу, возстающему противъ Штатовъ. (Acte V, 3).

Il faudrait ménager plus peut-être
Un pouvoir qu'avec moi vous devez reconnaître.
Les Etats sont ici vos maîtres et les miens:
Seul balancez—vous tous ces grands citoyens?

средствахъ исправить ихъ. Публика по достоинству оцѣнила идеи пьесы. Въ теченіе двухъ мѣсяцевъ трагедія не сходила со сцены, пока, наконецъ, на нее не возстали цензоры, полиція, даже архіепископъ и министры иностранныхъ дѣлъ и юстиціи. Любопытное единодушіе послѣ того, какъ весь Парижъ могъ свободно перебывать на представленіяхъ, а хранитель печати только спустя два мѣсяца сообщилъ, что королеву немыслимо подвергать суду Генеральныхъ Штатовъ [171].

Еще энергичнѣе разрѣшался тотъ же вопросъ о правахъ націи надъ государемъ въ драмѣ Мерсье—*La réduction de Paris.* Здѣсь прославлялся Генрихъ IV, но французы уже давно потеряли надежду видѣть на тронѣ его двойника,—и авторъ счелъ нужнымъ объяснить имъ неизбѣжность и законность гражданской войны въ извѣстныя эпохи. Пьеса появилась вскорѣ послѣ отставки Неккера и разсужденія имѣли весьма острый смыслъ. [172] !

Такую радикальную политику рѣшаются проповѣдывать, конечно, не всѣ писатели, даже искренне желающіе преобразованія старой монархіи. Они стараются защитить если не принципъ, по крайней мѣрѣ, личность царствующаго короля, другіе подробно обсуждаютъ разныя политическія формы и отдаютъ преимущество монархической. Но само правитель-

---

[171] *Corresp. litt.* XIII, 21 dec. 1781.

[172] *La reduction.* Amst. 1782. Préface p. XI—XII. „Quand vous verrez la tyrannie, l'anarchie n'est pas eloignée. Nous ferons quelques réflexions sur la guerre civile. C'est la plus affreuse de toutes, sans doute, mais c'est le seule, peut être qui soit utile et quelquefois nécessaire. Quand un état est parvenu à un certain degré de dépravation et d'infortune, il est agité de mille maux intérieurs. La paix, qui est le plus grand bien, lui est échappée et cette paix ne peut plus être malheureusement que l'ouvrage de la guerre civile. Il faut alors la conquérir les armes à la main, pour rétablir l'équilibre. La nation qui sommeilloit dans une inaction molle, sentiment habituel de l'esclave, ne reprendra sa grandeur qu'en repassant par ces épreuves terribles, mais propres à la régénérer. Ce n'est qu'en tirant l'épée que le citoyen, pourra jouir encore du privilege des loix; privilege que le despote voudrait ensevelir dans un éternel silence.

ство чувствуетъ себя въ такомъ безпомощномъ положеніи, что даже боится допускать публичныя похвалы государю и монархической власти, — и дворъ и цензура въ такихъ случаяхъ ссылаются на «неистовое» настроеніе публики [173]. При Людовикѣ XIV Корнель могъ свободно обсуждать вопросы о демократіи и монархіи,—теперь трагедія *Zoroï*, развѣнчивающая даже конституцію, подвергается запрещенію послѣ перваго представленія. Публика, не сочувствуя пьесѣ въ цѣломъ, привѣтствуетъ ссылки на политическія сочиненія: авторъ, напримѣръ, буквально приводитъ изъ *Духа Законовъ* характеристику деспотическаго образа правленія. Бурными аплодисментами сопровождаютъ каждый стихъ, который можно примѣнить къ личности и судьбѣ Неккера, хотя со времени его отставки прошло полтора года. Между прочимъ рѣчь о томъ, какъ иногда одинъ человѣкъ и притомъ иностранецъ — можетъ охранять благоденствіе цѣлой націи, отнесена къ Неккеру и была встрѣчена цѣлой бурей восторговъ: по словамъ очевидца, зрители принимались рукоплескать шесть или семь разъ и надолго прервали спектакль [174]. Стихи, дѣйствительно, весьма близко напоминали бывшаго министра и можно думать,—авторъ при всѣхъ своихъ вѣрноподданническихъ чувствахъ,—въ вопросѣ о Неккерѣ раздѣлялъ взглядъ громаднаго большинства публики. Въ результатѣ, все

---

[173] По поводу оперы *Demophon*—мы приводили выше письмо цензора. Запрещена была также пьеса Севиньи *Abdir*, панегирикъ королю и королевѣ.

[174] *Zoraï, ou les Insulaires de la Nouvelle Zélande,* авторъ Marignié. Пьеса, какъ мы уже говорили, не была напечатана. Стихи, отнесенные къ Неккеру, слѣдующіе:

Les mortels près du thrône appelés par leur maître,
Eclairés, vertueux, car tels ils doivent être,
De ses soins vigilants partagent le fardeau,
Et même l'etranger qui, d'un emploi si beau,
Par d'utiles vertus s'est fait connaître digne,
Citoyen adoptif, monte ce rang insigne
Où des hommes actifs, unissant leurs travaux
Sont pour le souverain des organes nouveaux.

таки тиранніей оказывалась англійская конституція, а не французская монархія. При дворѣ выражали крайнее недовольство, что со сцены обсуждаются такіе предметы [175].

Проницательность двора не поднималась выше подобныхъ соображеній. Одновременно съ гоненіемъ на *Zoraï*, тотъ же дворъ усиленно хлопочетъ о допущеніи на сцену *Свадьбы Фигаро*. По мнѣнію двора, очевидно, эта комедія не заключала *политическихъ* идей, потому что Фигаро не разсуждалъ о республикѣ и не цитировалъ Руссо и Монтескьё. Правда, онъ подрывалъ тѣ силы, которыя Монтескьё признавалъ необходимыми опорами монархіи, условіемъ ея существованія,— но смыслъ благородныхъ критиковъ не шелъ такъ далеко. Кромѣ того, Фигаро острилъ необыкновенно забавно,—и въ результатѣ партеръ испыталъ величайшее наслажденіе — на одномъ спектаклѣ пережилъ все чтò раньше удавалось видѣть по частямъ, въ теченіе нѣсколькихъ часовъ аплодисментами, смѣхомъ, торжествующими возгласами праздновалъ побѣду надъ всѣмъ старымъ порядкомъ. Одинъ только Людовикъ XVI смотрѣлъ на пропускъ Фигаро, какъ на крупный политическій шагъ. Говорятъ, — онъ открыто заявилъ, что Бомарше пріобрѣтетъ въ публикѣ гораздо больше кредита, чѣмъ министры. Это блистательно подтвердилось послѣдующими событіями.

Положеніе литературы и правительства двухъ противоположныхъ силъ, ярко опредѣляется наканунѣ революціи. Писатели философскаго направленія, уже давно сошедшіе со сцены, встрѣчаютъ страстное сочувствіе благодарной публики. Мы уже говорили, съ какой энергіей она прекращала представленія пьесъ, направленныхъ противъ авторовъ. Правительство вздумало было обратиться къ старому средству,— къ пасквилямъ на философію,—и распорядилось о возобновленіи комедій Палиссо. Теперь онъ вызываетъ бурю негодованія и во время самыхъ эффектныхъ сценъ публика вынуж-

---

[175] *Corresp. litt.* XIII. 214. Людовикъ XVI, запрещая пьесу личнымъ приказомъ, дѣлалъ видъ, что онъ щадитъ честь англичанъ.

даетъ актеровъ опускать занавѣсъ. Цензура удаляетъ изъ сатиры всѣ личныя намеки на писателей,—партеръ не поддается уловкѣ и со второго акта прерываетъ пятиактную комедію. Современнику кажется, что никогда и не бывало такого бурнаго спектакля [176].

Совершенно иное отношеніе къ мѣрамъ правительства Оно во что бы то ни стало хотѣло избѣжать Генеральныхъ Штатовъ и собрало сначала нотаблей. Идея принадлежала Калонну. Онъ еще раньше удостоился особой драматической сатиры: министръ являлся здѣсь въ видѣ гарпіи [177]. Пьесу, конечно, запретили, но кредита Калонну не создали даже при дворѣ. Въ Версали во время представленія оперы *Païsiello* въ ту минуту, когда герой попадаетъ въ затруднительное положеніе, — въ театрѣ раздался вопросъ: «Отчего вы не соберете нотаблей?» Также насмѣшливо отнеслись къ затѣѣ Калонна и въ Парижѣ. Здѣсь осмѣяли собраніе, какъ шутовской спектакль названія актовъ комедіи *Fausses Apparences*, *Dettes*, *Méprises* [178]. Появилось множество эпиграммъ,—Людовику совѣтовали лично безъ всякихъ совѣтниковъ приняться за управленіе государствомъ, жестоко насмѣхались надъ нотаблями, возлагали надежду на монарха и его единеніе съ третьимъ сословіемъ [179]. Но въ самомъ фактѣ собранія нотаблей общество увидѣло серьезное желаніе короля — помочь странѣ. Путь былъ выбранъ неудачно,—вину приписывали совѣтникамъ Людовика и ожидали спасенія отъ Генеральныхъ Штатовъ и—неизмѣнно—отъ Неккера. Отъ народныхъ представителей король долженъ, узнать чего хочетъ Франція, а Неккеръ «зло замѣнитъ добромъ» [180].

---

[176] Дѣло идетъ о *Réputations*, Біэвра, спектакль въ *Com. Fr.* 23 янв. 1788 г. *Corresp. litt.* XV, 216.

[177] Пьеса Фавара (сына)—*Les trois folies.* Ср. *Corresp. litt.* XIV, 345.

[178] *Corresp. litt* XIV, janv. 1787.

[179] Эпиграммы такого содержанія напечатаны въ *Mém. secr.* 4 jn. 1787 XXXV, 196 и *Mémoires de Condorcet.* I, 245.

[180] Любопытнѣйшій памятникъ политической стихотворной литературы этого времени—*Considérations politiques des notables de la Halle de Paris*

Авторы этихъ произведеній не щадили рядомъ съ привилегированными сословіями и парламента,—и имѣли всѣ основанія. Парламенты немедленно послѣ нотаблей доказали, что интересы народа и коренныя реформы были такъ же для нихъ безразличны, какъ для дворянства и для высшаго духовенства. Бріеннъ, обратившійся къ парламентамъ за помощью, встрѣтилъ упорное сопротивленіе всякимъ преобразованіямъ. Снова загорѣлась борьба — и привела къ учрежденію *Cour plenière* въ Парижѣ и *Grands bailliages* въ провинціяхъ — вмѣсто парламентовъ. Новые суды тотчасъ же напомнили публикѣ реформу Мопу и этого было достаточно, чтобы общественное мнѣніе возстало противъ правительства. Появилась пьеса *La Cour plenière, héroi-tragi-comédie*. Главныя дѣйствующія лица Ламуаньонъ и Мопу. Канцлеръ Людовика XV восторженно привѣтствуетъ «кузэна». Соль привѣтствій заключалась въ томъ, что Ламуаньонъ когда то протестовалъ противъ насилій Мопу, и теперь, сдѣлавшись хранителемъ печати, самъ пошелъ по его дорогѣ. Въ пьесѣ онъ самъ наединѣ подробно объясняетъ свои интриги [181]. Въ провинціи появились свои представленія—*Le grand bailliage*, въ Руанѣ и Ліонѣ. Спектакли давались даже на площадяхъ, экспромптомъ. Парламенты снова побѣдили, опять не по своему политическому достоинству, а по своему оппозиціонному положенію. Король вынужденъ былъ снова призвать Неккера.

Парижъ и Франція встрѣтили безумной радостію это рѣшеніе. Снова вспыхнула вѣра въ новаго Генриха IV,—но

---

sur les affaires présentes. Это рядъ куплетовъ на народномъ языкѣ. Каждый поется отдѣльнымъ лицомъ. Главнѣйшей реформой предлагается—обложеніе первыхъ двухъ сословій. Жестокимъ нападкамъ подвергается также магистратура. Напечатано въ *Corresp. litt.* XV, 343.

[181] *La cour-plenière*, com. jouée le 14 jl. 1788 par une societé d'amateurs dans an château aux environs de Versailles, par l'ablé Vernon, lecteur de la reine. Baville 1788.—Верновъ, конечно, нисколько не повиненъ въ этомъ произведеніи. Авторъ ея—адвокатъ парижскаго парл.—Daveyrier. Acte I, 6; II, 1.

Генриха съ *Генеральными Штатами*. Ихъ давно уже ждала нація: еще во время собранія нотаблей, по словамъ современника, каждый день приносилъ все новыя брошюры о Генеральныхъ Штатахъ и именно Неккеръ долженъ былъ осуществить надежды. Нетерпѣніе достигло крайнихъ предѣловъ...

Въ ожиданіи настоящаго политическаго собранія, парижане устраиваютъ миттинги въ театрахъ,—въ итальянскомъ «прелюдію», во французскомъ — настоящее засѣданіе, — и то и другое по поводу совершенно благонамѣренныхъ пьесъ.

О «засѣданіи» сохранился подробный полицейскій протоколъ. Главной жертвой публики оказалась королева.

Популярность Маріи Антуанеты, столь блестящая въ первые годы ея пребыванія въ Парижѣ, постепенно исчезала и къ восьмидесятымъ годамъ королеву оскорбляли одинаково при дворѣ и въ городѣ. Дворъ, по словамъ современника, наводненъ пасквилями.—Этого мало,—дворъ рѣшается публично бросить камнемъ въ королеву во время представленія исторической трагедіи. Зала разражается аплодисментами, когда со сцены произносится судъ надъ женщиной, — занимающейся политикой [183]. Именно въ политикѣ, ненавистной французамъ, и заключалось несчастіе Маріи Антуанеты. Королева усердно поддерживала интересы Австріи, заставила Людовика заплатить Іосифу значительную сумму денегъ — лишь бы предотвратить войну между Австріей и Голландіей, вмѣшивались въ назначеніе и смѣну министровъ и въ тоже время продолжала вести себя крайне легкомысленно, совершенно не сообразуясь съ достоинствомъ своего положенія. Извѣстная исторія съ ожерельемъ нанесла окончательный ударъ: въ Парижѣ больше не уважали супруги короля.

---

[182] *Corresp. litt.* XV, 343.

[183] *Corresp. secrète.* X, 114, 7 août 1779.—О представленіи *Elizabeth de France* мы говорили выше.

Шестнадцатаго августа 1787 года шла трагедія Расина — Athalie. Полицейскій протоколъ точно отмѣчаетъ количество и силу апплодисментовъ во всѣхъ сценахъ: мы видимъ, какъ всякій стихъ, сколько нибудь намекавшій на политическую роль женщины и на тлетворное вліяніе совѣтниковъ короля,—тщательно подчеркивается зрителями. Въ результатѣ— королева и министры оказываются виной всѣхъ бѣдствій, но на монархѣ попрежнему сосредоточиваются надежды [184].

Этотъ спектакль показываетъ, съ какими чувствами ждали въ Парижѣ грядущихъ событій. Попытки правительства — устранить неурядицы въ финансахъ при помощи различныхъ собраній немедленно отразились на общественномъ настроеніи. Нація не вѣрила ни въ нотаблей, ни въ парламенты, но она видѣла, что правительство сознало свое безсиліе — традиціонными средствами — справиться съ современными политическими затрудненіями. Калоннъ и Бріеннъ — засвидѣтельствовали свою несостоятельность, сами произнесли при-

[184] Протоколъ въ *Mémoires de Condorcet*. I, 231. Конецъ документа заслуживаетъ особеннаго вниманія: онъ раскрываетъ общее политическое настроеніе публики. На сценѣ говоритъ *Ioad*.—„Grand silence qui semblait préparer les battements, qui presque à chaque vers ont interrompu l'acteur".

Ioad: De l'absolu pouvoir vous ignorez l'ivresse,
Et des lâches flatteurs la voix enchanteresse...
(Première interruption à force de battements de mains).
Bientôt ils vous diront que les plus saines lois
Maîtresses du vil peuple, obéissent aux rois...
(Seconde interruption),
Qu'un roi n'a d'autre frein que sa volonté même...
(Troisième interruption).
Qu'aux larmes, au travail, le peuple est condamné...
(Cinquième interruption).
Et d'un sceptre de fer veut être gouverné...
(Sizième interruption)
Ils Vous teront enfin hair la vérité
(Septième; interruption).
Vous peindront la vertu sous une affreuse image;
Hélas! ils ont des rois égaré le plus sage.
(Explosion générale de battements de mains dans toute la salle).

говоръ «министерскому деспотизму», перенесши обсужденіе дѣлъ изъ тѣсныхъ предѣловъ совѣта въ многолюдныя собранія. Общество понимало, что эти предпріятія неизбѣжно приведутъ къ Генеральнымъ Штатамъ—и еще до возвращенія Неккера въ министерство его имя неизмѣнно сливалось съ идеей о рѣшительномъ шагѣ правительства. Въ публикѣ упрочилось убѣжденіе, что Штаты были бы созваны давно, если бы у короля нашлись болѣе честные и благоразумные совѣтники. Вѣдь одобрилъ же король созваніе нотаблей, лишь только Калоннъ предложилъ эту мѣру. Такой взглядъ неминуемо долженъ былъ поднять популярность Людовика XVI и вмѣстѣ съ тѣмъ санъ короля. И дѣйствительно, - съ эпохи нотаблей мы опять слышимъ о Генрихѣ IV, о монархѣ-отцѣ, о подданныхъ какъ его большой семьѣ. Еще въ началѣ царствованія драма, прославляя новаго короля и его великаго предшественника, заставляла Генриха IV — обѣщать послѣ войны собрать «нотаблей всѣхъ городовъ»: — «пусть они будутъ оракулами мира», и первые представители знати станутъ голосовать вмѣстѣ съ ними [185]. Въ этой рѣчи—самая либеральная программа, какую могло представить третье сословіе. И оно впослѣдствіи въ *наказахъ* воспроизведетъ идеи Генриха; наканунѣ революціи оно вѣритъ въ ихъ осуществленіе.

Собраніе нотаблей было рѣшено въ концѣ 1786 года [186]. За нѣсколько мѣсяцевъ на сценѣ шла послѣдняя «республи-

[185] *Henri IV,* drame lyr. par Rosoy. Acte III, 5. Генрихъ говоритъ своимъ сподвижникамъ: „Mes amis, vous et moi avons combattu en braves chevaliers: assemblons maintenant les Notables de toutes mes bonnes villes, déposons nos lauriers sur la table du Conseil; que ces bonnes gens soient les oracles de la paix, vous avez été ceux de la guerre. Et je vous assure alors, Monsieur Roger que les Sulli, les Durfort, les la Trémoille ne seront pas jaloux de vous voir opiner avec eux; votre roi, leur frère d'armes, leur en donnera l'exemple".—Roger—буржуа, купецъ.

[186] Король такъ мотивировалъ цѣль созванія: „pour leur communiquer les vues qu'elle se propose pour le soulagement de son peuple, l'ordre de ses finances et le réformation de plusieurs abus". Уже это заявленіе должно было встрѣтить сочувствіе націи. *Extrait du procès verbal de l'Assemblée des Notables.* Archives. I, 182.

ская» трагедія. Ея автору предстояло въ недалекомъ будущемъ превратиться въ горячаго реакціонера, — но теперь онъ давалъ весьма смѣлое опредѣленіе *гражданина* въ отличіе отъ *подданаго*. *Virginie* Лагарпа была представлена 11 іюля 1786 года и не произвела большаго впечатлѣнія. Идеи и рѣчи римскаго трибуна Ицилія отлично были знакомы публикѣ. Она готовилась скоро перейти къ дѣлу, — героическая декламація уже не производила на нее зажигательнаго дѣйствія. Зрители выслушивали ее въ благосклонномъ спокойствіи. Ицилій много говорилъ о «злоупотребленіи властью», о «верховенствѣ законовъ», объ «общей волѣ», *la volonté commune* — создающей законы, объ единственномъ свойствѣ *подданнаго* — *повиноваться* и о *мужествѣ* и *бдительности* — гражданина, грозилъ тиранну Аппію — роковымъ пробужденіемъ народа, уснувшаго только на время, порядокъ при деспотическомъ правленіи называлъ «молчаніемъ и спокойствіемъ могилъ» [187]. Все это было сказано очень краснорѣчиво, но тотъ же Ицилій не забылъ оговориться на счетъ королей. Онъ считаетъ ихъ власть законной, если она основана на общей волѣ [188]. Республиканецъ, признающій монархическій принципъ—это вполнѣ въ духѣ XVIII вѣка. Но вскорѣ исчезаетъ республиканское краснорѣчіе и въ теченіе двухъ лѣтъ предъ собраніемъ Генераль-

---

[187] *Virginie*. Acte II, 3. Эффектнѣйшіе стихи—Acte III, 2:

Un sujet a tout fait quand il sait obéir;
Il suffit d'être vil pour savoir être esclave:
Le citoyen doit être et vigilant, et brave.

[188] La volonté commune...
C'est elle qui peut tout sous le saint nom de loi,
Qui fait les magistrats, qui légitime un roi.

[189] Пьеса Фабра д'Эглантина: *Les gens de lettres* была ошикана, но аппло-дисменты сопровождали разсказъ крестьянина, въ первый разъ попавшаго на Pont-Neuf:

Monté sur un cheval on voit un vieux grand père:
C'est un saint, car un pauvre y faisait sa prière...
Je donnerais cent beaux louis, je crois,
Pour que ce mot heureux fût entendu du roi.

ныхъ Штатовъ со сцены слышатся спокойныя и, повидимому, совершенно вѣрноподданническія рѣчи. Въ самый разгаръ парламентской борьбы, публика строго отличаетъ монарха отъ его министровъ. Издѣваясь надъ *Cour plenière*, она восторженно привѣтствуетъ имя Генриха IV и вообще имя короля. Она даже съ особенной силой подчеркиваетъ свои чувства. Она проваливаетъ всю пьесу, но апплодируетъ стихамъ, посвященнымъ Генриху [189]. Pont-Neuf -- становится центральнымъ мѣстомъ столицы: здѣсь у статуи беарнейца всегда толпа, она останавливаетъ экипажи и заставляла даже женщинъ кричать: *Vive Henri IV! au diable Brienne et Lamoignon!* [190]. Это одновременно и политическій протестъ и монархическій идеализмъ. Знаменитѣйшему драматургу эпохи удалось слить оба мотива въ одной пьесѣ. Бомарше, творецъ Фигаро-революціонера, пишетъ оперу — *Tarare* -- и снова вызываетъ энтузіазмъ публики. Болѣе типичнаго и для своего времени болѣе краснорѣчиваго произведенія невозможно было написать.

Бомарше раскрываетъ на сценѣ весь процессъ происхожденія монархической власти. Предъ нами два монарха— наслѣдственный, и имѣющій смѣнить его—избирательный. Въ прологѣ природа создаетъ двухъ человѣкъ—государя-деспота и солдата—его подданнаго. Они по природѣ—*равны*, общество должно отдѣлить ихъ другъ отъ друга неизмѣримымъ пространствомъ. Спустя сорокъ лѣтъ—они являются дѣятелями въ полномъ развитіи. Атаръ—деспотъ, лично ничтожный, праздный, пресыщенный властью. Тараръ—его военачальникъ, покрытый славой, обожаемый народомъ. Атаръ завидуетъ славѣ и достоинствамъ Тарара и горитъ желаніемъ — унизить, уничтожить его. Ему помогаютъ жрецъ— лицемѣръ и обманщикъ народа, юноша знатнаго происхожденія, но низкихъ нравственныхъ свойствъ. Борьба насилія и добродѣтели даетъ автору возможность высказать цѣлый рядъ философскихъ истинъ: жрецъ хвастается тѣмъ, что онъ

---

190 Droz. *O. c.* p. 127.

постигъ тайны политики, въ его рукахъ сердце императора. Знатный юноша возстаетъ противъ власти «счастливаго солдата» Тарара надъ вельможами. Тараръ «гордо» отвѣчаетъ: у него вмѣсто предковъ—побѣды въ сотнѣ сраженій. Пѣвецъ при дворѣ Атара убѣжденъ, что «злоупотребленіе верховной властью — потрясаетъ самую власть»[191]. Тараръ является—человѣкомъ «чувствительнымъ» и идеальнымъ подданнымъ. Онъ защищаетъ Атара противъ народа, хотя деспотъ отнялъ у него жену, провозглашаетъ,—что «уваженіе къ королямъ — первый долгъ» подданныхъ, и принимаетъ власть только послѣ того, какъ Атаръ кончаетъ самоубійствомъ. Конецъ оперы — прославленіе королевской власти въ лицѣ идеальнаго короля. Народъ обращается къ Тарару: «Король, мы слагаемъ свободу къ стопамъ твоей верховной доблести. Царствуй надъ народомъ, любящимъ тебя, - царствуй по законамъ и по справедливости». Таинственный хоръ поетъ: «Человѣкъ! твое величіе на землѣ заключается не въ твоемъ положеніи, а въ твоей личности»[192].

Цѣль оперы объяснилъ самъ авторъ. Ему казалось, что нація переживаетъ счастливый переломъ, свѣтъ разума распространяется всюду. Всѣ охвачены волненіемъ, жаждутъ реформъ, всѣ классы общества увлекаются идеями и желаніемъ — осуществить ихъ[193]. По мнѣнію автора, — господствующія силы вѣка — разумъ и философія достигли высшей ступени развитія и — недалеко преобразованіе самой жизни Онъ въ свою оперу включаетъ всѣ основы будущаго,— и даетъ отвѣтъ на самый жгучій современный вопросъ — о монархіи. Она торжествуетъ — среди свободнаго, равноправнаго, просвѣщеннаго народа. Общественные предразсудки, религіозныя суевѣрія, политическій деспотизмъ гибнутъ одновременно: торжествуетъ *высоко-нравственная личность — человѣкъ*, остающійся таковымъ и на тронѣ. Бомарше

---

[191] *Tarare.* Acte II, 2, 8.
[192] Acte V, 6, 9, 10.
[193] *Aux abonnés de l'opéra. O. compl.* II, 362.

въ оперѣ совершилъ то же самое, что и въ комедіяхъ,— обозрѣлъ однимъ взглядомъ культурные результаты своего вѣка. Раньше онъ представилъ сводъ критики и протеста, *отрицательныхъ* выводовъ философской мысли, теперь—собралъ въ одно цѣлое ея *положительныя* завоеванія, ея идеалы. Фигаро—революціонеръ-разрушитель, Тараръ—революціонеръ-творецъ. И публика съ одинаковымъ единодушіемъ привѣтствовала оба произведенія, видя въ нихъ отраженіе своихъ собственныхъ сѣтованій и надеждъ. Въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, съ іюня до самого конца 1787 года, успѣхъ *Тарара* не прекращается. Современнику кажется, что публика слушаетъ оперу съ такимъ вниманіемъ, — «своего рода восторженнымъ изумленіемъ», какого еще не бывало ни въ одномъ театрѣ». Нотабли отступаютъ на второй планъ; о нихъ говорятъ гораздо меньше, чѣмъ о *Тарарѣ* [194].

Немного спустя на сценѣ появляется пьеса, также подводящая итоги положительнымъ идеямъ эпохи—*L'Optimiste*. Авторъ — Collin d'Harleville — гораздо менѣе талантливъ, чѣмъ Бомарше, но онъ вложилъ въ свою комедію личное искреннее чувство и оно въ извѣстной степени также соотвѣтствовало настроенію современниковъ. Дыханіе наступающей революціи вѣяло надъ обществомъ, — но оно вызывало у многихъ не мучительное безпокойство за будущее, а сладкія неопредѣленныя волненія. Всѣ благородныя идеи просвѣтительной философіи теперь въ концѣ вѣка возставали предъ людьми, готовыми пойдти новымъ путемъ—разума, природы, свободнаго чувства. Всѣ эти понятія казались необыкновенно ясными и практически дѣйствительными. Авторы *наказовъ* рядомъ съ политическими проэктами будутъ высказывать такія истины: «Франція возрождается въ просвѣщенный вѣкъ, въ зрѣломъ возрастѣ и совершенно вооруженная, какъ Минерва вышла изъ головы Юпитера... Пусть никогда не забываютъ, что ея счастливый климатъ и природа создаютъ сердца—гуманнѣйшія, благороднѣйшія и чувствительнѣйшія».

---

[194] *Corresp. litt.* XV, 98, 173.

Та же природа, по убѣжденію избирателей, одарила французовъ образомъ мыслей — возвышеннымъ, умѣреннымъ и мудрымъ [195]. Такъ думали не только наивные мечтатели захолустій, буквально тѣже рѣчи повторяетъ одинъ изъ самыхъ видныхъ дѣятелей революціи — Малуе, и несомнѣнно тѣ же чувства испытываютъ столичные избирателя, восклицающіе во главѣ *наказа*: *Une glorieusse révolution se prépare*! Поэтому составители *наказовъ* съ такой любовью останавливаются на отвлеченныхъ терминахъ философіи: эти термины имъ кажутся своего рода конституціонными и юридическими опредѣленіями,—и избиратели не считаютъ даже нужнымъ доказывать основы важнѣйшихъ реформъ, потому что все это «выяснено уже съ излишней ясностью», можно приступить къ дѣлу «безъ всякихъ колебаній» [196]. При такомъ взглядѣ на практическіс результаты эпохи — оптимизмъ и чувствительныя идиллическія изліянія вполнѣ естественны. Колланъ переноситъ это настроеніе на сцену, онъ самъ чувствительный оптимистъ—въ нравственномъ и политическомъ смыслѣ.

Герой комедіи—M. de Plinville — «всегда доволенъ». Его счастіе невозмутимо. Во всемъ онъ находитъ хорошую сторону, даже въ томъ, что «одна половина міра служитъ другой». Оптимистъ восхищенъ Провидѣніемъ, создавшимъ богача и бѣдняка рядомъ: одинъ нуждается въ рукахъ, другой въ деньгахъ, — и гармонія остается ненарушимой [197]. Въ результатѣ — личность выходитъ нѣсколько утрированной и утомительной. На автора не замедлили сдѣлать жесточайшее нападеніе. Фабръ д'Эдлантинъ противопоставилъ *Оптимисту*— героя совершенно другого склада, мольеровскаго Альцеста. Комедія Фабра—*Le Philinte de Molière* впервые появилась на сценѣ уже въ революціонную эпоху, 22-го февраля 1790 года,—но идея ея созрѣла гораздо раньше, возникла по поводу пьесы Коллэна.

---

[195] *Remontrances du tiers-état du bailliage de Nemours. Archives* IV, 188.
[196] *Archives.* IV, 180.
[197] *L'Optimiste.* Acte I, 8.

Фабръ не разсмотрѣлъ въ *Оптимистѣ* типичнѣйшихъ чертъ своего времени—вѣры въ прогрессъ, въ неизсякаемыя благодѣтельныя силы природы, въ идеальную основу существа человѣка. Все это было не менѣе законнымъ достояніемъ эпохи, чѣмъ пессимистическія декламаціи Руссо противъ общества и цивилизаціи. Но Фабръ увлекся исключительно идеями женевскаго философа, премущественно его критикой на Мольеровскаго *Мизантропа* и создалъ Альцеста по указаніямъ Руссо. Фабръ смотрѣлъ на свое произведеніе, какъ на подлинное завѣщаніе философа, ставилъ себя и своего героя подъ его покровительство [198]. Комедія носитъ названіе *Le Philinte de Molière* и, по замыслу автора, изображаетъ *оптимиста* и *философа*, какъ его понималъ Руссо. Филэнтъ униженъ до послѣдней степени. Эгоизмъ, по мнѣнію Руссо, отличительная черта философовъ, мѣшаетъ Филэнту принимать какое-либо участіе въ своихъ ближнихъ. Альцестъ, напротивъ, постоянно раздраженъ, горитъ желаніемъ всѣмъ помочь и всѣхъ защитить. Намѣренія автора очевидны, и онъ самъ ихъ объяснилъ. Фабръ открыто обвинялъ Коллэна - въ защитѣ богачей, всякаго рода эксплуатацій и насилій и считалъ «своей обязанностью гражданина—спасти истину». Вопросъ, слѣдовательно, былъ поставленъ на крайне опасную почву, тѣмъ болѣе что Фабръ заявленіе свое сдѣлалъ въ 1791 году, —наканунѣ террора. Оно, несомнѣнно, въ это время могло найдти благодарную почву въ обществѣ, быстро совершавшемъ путь революціи. Но въ началѣ 1788 года — комедія Коллэна несравненно больше соотвѣтствовала настроенію націи, чѣмъ ненавистническія чувства его врага. Нападки Фабра, перешедшія въ революціонную эпоху, являются краснорѣчивымъ симптомомъ смѣны одного настроенія другимъ. Вскорѣ эта смѣна погубила и самого Фабра: онъ умеръ на эшафотѣ жертвой террористовъ. Но всего за пять лѣтъ парижане

---

[198] *Collection de pièces de théâtre.* Tome III. Paris 1830. *Details historiques sur le Philinte de Molière,* p. 149.

восторженно привѣтствовали другое произведеніе автора *Оптимиста* — и Фабръ въ началѣ 1789 года могъ сочувствовать идеямъ пьесы, даже ненавидя Коллэна. Самъ онъ только что прославлялъ Генриха IV: Коллэнъ эту славу распространилъ вообще на представителя монархической власти.

Въ концѣ 1788 года было, наконецъ, рѣшено созвать Генеральные Штаты. Въ слѣдующемъ январѣ появилось *Письмо короля* къ губернаторамъ провинцій. Людовикъ XVI заявлялъ: «мы нуждаемся въ помощи нашихъ вѣрныхъ подданныхъ, чтобы преодолѣть всѣ затрудненія, въ которыхъ мы находимся относительно финансовъ, и чтобы установить, сообразно съ нашими желаніями, постоянный и неизмѣнный порядокъ во всѣхъ частяхъ правительства, затрогивающихъ счастье нашихъ подданныхъ и благоденствіе нашего королевства». Дальше король говорилъ о «взаимномъ довѣріи и взаимной любви между самодержцемъ и подданными»[199]. Въ февралѣ послѣдовалъ приговоръ государственнаго совѣта, обезпечивавшій свободу выборовъ и составленіе наказовъ непремѣнно самими избирателями, и опять король ссылался на свои «доброжелательныя цѣли и волю націи»[200]. Вся страна немедленно пришла въ движеніе,—и мы говорили, съ какой силой оно охватило даже крестьянъ самыхъ отдаленныхъ провинцій. Теперь французы видѣли несомнѣнное доказательство заботливости монарха объ ихъ нуждахъ: въ результатѣ — горячія заявленія вѣрноподданическихъ чувствъ. Въ то же время,—не даромъ прошло полъвѣка философской пропаганды:—въ результатѣ проэкты декларацій, конституцій, трактаты, часто наполовину списанные съ популярныхъ книгъ и брошюръ.

Чего хотѣла Франція, посылая своихъ представителей въ Генеральные Штаты? Изслѣдователь, подробно разсмотрѣвшій желанія, проэкты и требованія всѣхъ трехъ сословій,

---

[199] *Lettre du Roi pour la convocation des Etats généraux à Versailles 26 avril 1789. Archives.* I, 611.

[200] *Arrêt du conseil d'état du roi. Archives.* I, 629.

приходитъ къ крайне печальному выводу. Онъ находитъ «туманность и сбивчивость понятій», «антагонизмъ не только политическихъ воззрѣній или партій, но противоположныхъ намѣреній и противорѣчивыхъ принциповъ у однихъ и тѣхъ же лицъ, въ одной и той же программѣ»[201]. Эта путаница идей началась задолго до составленія *наказовъ* и при томъ съ самаго общаго основнаго политическаго вопроса. Даржансонъ мыслилъ, конечно, несравненно самостоятельнѣе и отчетливѣе, чѣмъ большинство составителей *наказовъ*. У него не мало разсужденій о «хорошемъ правительствѣ»,— и отвѣтъ весьма эффектный: *La démocratie dans la monarchie*, т.-е. соединеніе принциповъ республиканскаго и монархическаго [202]. Тотъ же Даржансонъ мечталъ и о Генеральныхъ Штатахъ и предлагалъ, какой политикѣ слѣдуетъ королю держаться съ этимъ собраніемъ. Отвѣтъ на этотъ разъ дается въ стихахъ:

Pour forcer les François à devenir heureux
Etre de ses sujets le vainqueur et le père.

По мнѣнію Даржансона «добрый король» долженъ во что бы то ни стало «добиваться Генеральныхъ Штатовъ», и непремѣнно въ результатѣ явится—*монархическая демократія* съ государемъ-отцомъ во главѣ [203]. У Даржансона были свои подробности на счетъ этого устройства,—но важно общее представленіе, вѣра въ сліяніе двухъ противоположныхъ принциповъ. Французы XVIII-го вѣка научились восторгаться республиками, свобода и равенство — боевыя идеи эпохи. — но тѣ же французы прожили вѣка подъ властью монархіи, они дѣйствительно *royalistes par nature*, по выраженію поэта, и — начиная съ Даржансона и кончая Парижемъ 1789 года—мы неизмѣнно видимъ двухъ героевъ одинаково прославляемыхъ и чествуемыхъ—Генриха IV и Бру-

---

[201] *Понятія о власти и о народѣ въ наказахъ 1789 года*, проф. Герье *Рѣчь и отчетъ, читанные въ торж. собр. И. М. У.* Москва 1884, стр. 127

[202] *Mémoires*. V, 311.

[203] *Ib*. p. 263.

та, государя — просвѣтителя и идеальнаго дикаря. Между этими крайними образами движется политическая мысль философской эпохи, и, какъ мы видѣли, часто сливаетъ ихъ въ одинъ—*Le Roi—Citoyen*. Что именно заключалось въ этомъ понятіи—подробный, дѣйствительно конституціонный, юридическій отвѣтъ не могло дать ни одно сословіе, и вѣроятно, ни одинъ ораторъ революціонныхъ собраній. Наканунѣ революціи — одновременно говорили о добромъ сердцѣ короля и о свободномъ народѣ: двѣ силы вѣка—чувствительность и отвлеченный разумъ—дѣлили власть надъ умами избирателей и заставляли ихъ вотировать монументъ *Людовику XVI — Возстановителю свободы, Возродителю націи* и вслѣдъ за этимъ сочинялись конституціи на философскихъ основахъ. Ясно было одно — вся нація находится въ состояніи броженія, въ нее брошено множество новыхъ идей,—и старый монархическій порядокъ уже немыслимъ. *Наказы* съ презрѣніемъ говорили о временахъ варварства и невѣжества и спѣшили въ первой же строкѣ установить: *Une révolution se prépare*. Такъ, между прочимъ, заявило третье сословіе Парижа,—но дальше свою *конституцію* построило на знаменитомъ принципѣ Монтескье, никогда и нигдѣ не существовавшемъ и врядъ ли вообще возможномъ въ дѣйствительности. Людовику XVI, слѣдовательно, приходилось разсчитываться за всѣ теоріи, выросшія въ теченіе полувѣка, за всю политическую незрѣлость своихъ подданныхъ, всегда и вездѣ идущую рядомъ съ крайними утопіями, королю предстояло вступить въ борьбу съ отвлеченнымъ республиканизмомъ, съ фантастическимъ представленіемъ о демократіи, вмѣщающей въ себѣ свойства—и античнаго римлянина и первобытнаго человѣка, осуществить республику и золотой вѣкъ и спасти также свое положеніе. Всего этого рѣшительно желали составители *наказовъ*. Они искренне вѣрятъ въ непоколебимость монархическаго принципа, хотя самому монарху предлагаютъ разрѣшить жесточайшую дилемму, какую только можно придумать. Личной слабости короля и ошибкамъ его министровъ врядъ ли можно придавать рѣшающее значеніе.

Задача, поставленная 1789 годомъ, оказалась бы не посильной для какого угодно правительства. Старый порядокъ роковой неизбѣжной карой расплачивался за вѣковое порабощеніе нравственныхъ и умственныхъ силъ націи. Она явилась преобразовывать государство, имѣя самыя смутныя представленія о государственной жизни, съ единственнымъ сознаніемъ—своей стихійной силы и съ единственнымъ оружіемъ—теоріями, часто не только не осуществимыми на почвѣ вѣковой культуры, а вообще невозможными на нашей планетѣ. А между тѣмъ, -- эти люди считали себя вѣрными подданными короля и его дѣтьми.

Въ февралѣ 1789 года во французскомъ театрѣ произошелъ послѣдній «праздникъ чувства». Публика уже во всей силѣ обнаруживала революціонное возбужденіе. «Судьба пьесъ», пишетъ современникъ, «весьма печальна съ нѣкотораго времени. Нетерпѣніе публики не дозволяетъ даже освистать болѣе одного или двухъ актовъ»[204]. Но Коллэну удалось вызвать всеобщій энтузіазмъ комедіей—*Les Châteaux d'Espagne*. Мы приведемъ разсказъ очевидца[205]. Онъ превосходно изображаетъ настроеніе общества наканунѣ переворота.

Коллэнъ вставилъ въ свою пьесу стихи о послѣднихъ мѣрахъ правительства, напомнилъ обращеніе короля къ націи и публика восторженно отозвалась на призывъ къ — *монархическому чувству*. Герой комедіи говорилъ:

Etre élu chef des siens, et devenir leur roi!
S'il allait m'arriver la même chose, à moi!
Roi, je choisis d'abord un ministre honnête homme;
Le choix est bientôt fait quand le publie le nomme.
Et j'attache un grand prix à son opinion
Je fais plus: je ressemble un jour ma nation,
Et me fais un plaisir d'invoquer ses lumières
Les peuvres, les petits, du fond de leurs chaumières,
Ont leurs représentants, le peuple un protecteur
Dans ce digne ministre, et surtout dans mon coeur.

---

[204] *Corresp. litt.* XV, 383, janv. 1789.
[205] *Mémoires de Condorcet.* II, 55

J'apporte un esprit droit, des bontés paternelles:
„Aidez-moi, leur dirai-je, amis vrais et fidèles,
„A rendre mon état solide et florissant;
„Vous serez plus heureux, j'en serai plus content.
„Oui, d'un jour doux et pur j'ose entrevoir l'aurore
„Et le bonheur public est sur le point d'eclore".

«Было бы трудно», разсказываетъ современникъ, передать впечатлѣніе, какое произвела въ первый разъ на публику эта картина: ея идея была такъ близка нашимъ желаніямъ и надеждамъ. Можетъ быть, никогда въ театрѣ не было такихъ рукоплесканій, — и эти рукоплесканія тѣмъ замѣчательнѣе, что съ ними сливались слезы радости и нѣжнаго чувства. Въ эту минуту мало занимались вопросомъ, удачно или нѣтъ созданъ этотъ Испанскій замокъ. Столь яркое изображеніе любви и признательности націи къ своему королю, всеобщее вниманіе къ нему, безконечные восторги и рукоплесканія, не дали публикѣ замѣтить—комизмъ положенія, когда слуга говоритъ своему, господину съ выраженіемъ глубочайшаго уваженія:

„Sire, on a servi le thé,
Et chacum n' attend plus que Votre Majesté!"

Фраза несомнѣнно комичная, но ее можно было примѣнить къ величайшему современному событію: въ Генеральныхъ Штатахъ нація тоже ждала его величество и также исполненная признательности и вѣрноподданническихъ чувствъ...

Спектакль, только что описанный, послѣдняя краснорѣчивая страница въ общественной и политической исторіи драмы и театра XVIII-го вѣка.

Революція немедленно признала значеніе этой исторіи. Послѣ открытія Генеральныхъ Штатовъ на сценахъ начинаютъ появляться пьесы, запрещенныя раньше. Эти спектакли будто преднамѣренно разжигаютъ революціонныя страсти. Духовенство теперь безсильно — удалить со сцены исторіи о религіозномъ фанатизмѣ, о насильственныхъ монашескихъ

обѣтахъ. Партеръ бурно протестуетъ, если цензура рѣшается показать свою прежнюю власть. Въ августѣ 1789 года публика требуетъ полной отмѣны театральной цензуры. Агитація начинается съ партера и переходитъ въ періодическую печать [206]. Театръ быстро становится очагомъ революціонной агитаціи. Мирабо встрѣчаетъ здѣсь горячія привѣтствія, и первый громовымъ голосомъ требуетъ представленія популярной пьесы, Здѣсь же впервые пробѣгаетъ по залѣ страшный крикъ *à la lanterne* — угроза всякому, кто нарушитъ представленіе философской трагедіи [207]. Національное собраніе считаетъ долгомъ поддерживать театръ: иначе «новый порядокъ вещей заслужилъ бы упреки». Народные представители стараются пробудить гражданскія чувства у актеровъ и поднять ихъ до уровня современныхъ политическихъ интересовъ [208]. Среди возобновленныхъ пьесъ главное мѣсто занимаетъ *Брутъ* Вольтера. Онъ появляется на сценѣ 17 ноября 1790 года и производитъ на парижанъ впечатлѣніе настоящей трибунской рѣчи. Мирабо привѣтствуютъ именемъ Брута; каждая сцена, говорящая о республикѣ, сопровождается бурнымъ энтузіазмомъ, но имя короля — пока еще по прежнему окружено уваженіемъ: измѣнилась только формула патріотическаго крика: къ *Vive le roi*, непремѣнно прибавляютъ— *Vive la nation*! *Vive la liberté* Провинція слѣдуетъ примѣру столицы--- *Брутъ* и тамъ создаетъ «гражданскія» зрѣлища. Возобновляется другая трагедія Вольтера *Смерть Цезаря* и— съ такимъ же успѣхомъ. Тогда рѣшаются въ самомъ театрѣ поднять вопросъ о величайшей почести, такую только нація можетъ оказать писателю. На третьемъ представленіи *Брута* одинъ изъ зрителей обращается къ публикѣ съ рѣчью — о гражданскихъ заслугахъ

---

206 По поводу неразрѣшенія трагедіи *Charles IX*, 19 авг. 1789 г. *Corresp. litt.* XVI, 509.

207 Всѣ эти происшествія относятся къ той же пьесѣ Шенье. Muret. *Hist. par le théâtre* I, 32. *Corresp. litt.* 4 nov. 1789.

208 Corresp. litt. XVI, 27.

Вольтера—и предлагаетъ перенести его прахъ въ базилику Св. Женевьевы.

Основывается «храмъ для великихъ людей»,—Вольтеръ первый удостоивается почестей Пантеона—и ихъ впервые предлагаетъ не политическое собраніе, а театръ, превращенный самимъ поэтомъ въ школу просвѣщенія и свободы [209]. Это одинъ изъ самыхъ блестящихъ примѣровъ исторической логики. Вольтеръ могъ не сочувствовать всѣмъ выводамъ, какіе дѣлала революціонная публика изъ его трагедій,—но онъ врядъ ли могъ желать для себя болѣе умѣстной и болѣе высокой похвалы, чѣмъ слова, раздавшіяся въ театральной залѣ въ ноябрѣ 1790 года — при глубокомъ и единодушно-сочувственномъ вниманіи публики: «Господа! я требую во имя отечества, чтобы гробъ Вольтера былъ перенесенъ въ Парижъ. Это перенесеніе будетъ послѣднимъ ударомъ фанатизму. Великій человѣкъ, создавшій характеръ Брута, въ настоящее время былъ бы первымъ защитникомъ народа» [210].

Въ этотъ моментъ торжествовалъ не только геній Вольтера: люди новой эпохи вѣнчали въ лицѣ вождя философовъ культурныя силы, проложившія широкіе пути къ разуму, терпимости и свободѣ.

Въ эпоху привилегій и предразсудковъ, узаконеннаго безправія личности, господства моды и лицемѣрнаго формализма у лучшихъ людей родилась страстная жажда обновленія,—и *драма* явилась любимымъ, общепризнаннымъ дѣтищемъ этой страсти. Раньше чѣмъ философская мысль двинулась на просвѣтительную борьбу во всеоружіи разума и логики, драма уже воплощала новаго человѣка въ художественныхъ образахъ. Онъ—одновременно проповѣдникъ и герой — вно-

---

[209] „Nous avons assez de temples pour les réliques des saints, qu'il y en ait un pour nos grands hommes“.—Слова Камилла Демулэна. Desnoiresterres. *Voltaire* VIII, 479.

[210] Desnoiresterres. *Ib.* p. 474. Laurent. *Etudes sur l'hist. de l'humanité* XIII, 263.

силъ въ старое общество представленія о свободномъ чувствѣ, о человѣческомъ достоинствѣ, о личной независимости. Онъ, вдохновляемый гуманными порывами сердца, пересоздавалъ семью на основахъ природы и правды, общество—на началахъ нравственной справедливости, религію—на идеяхъ терпимости и свободной совѣсти, государство на единеніи и взаимномъ довѣріи между подданнымъ и государемъ. Съ теченіемъ времени драматическій герой сталъ философомъ и чувствительный паѳосъ слилъ съ критическимъ анализомъ. Драма достигла высшаго литературнаго и идейнаго развитія. Она упразднила искусственное и экзотическое — все, чѣмъ жило старое искусство. Она стала во главѣ всѣхъ новыхъ жизненныхъ направленій въ творчествѣ. Ея преклоненіе предъ естественностью и будничной дѣйствительностью открыло путь реалистамъ, ея культъ идеи предвосхитилъ благородные принципы романтиковъ, ея мужественныя гражданскія стремленія стали источникомъ демократической струи въ искусствѣ.

У новыхъ проповѣдниковъ не было ни трибуны, ни каѳедры: они *театръ* превратили въ свой храмъ и свой парламентъ. Въ эпоху всепоглащающей правительственной власти и инквизиціонныхъ гоненій на свободную мысль, въ стѣнахъ театра, въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, каждый французъ чувствовалъ себя господиномъ своихъ идей и впечатлѣній. Здѣсь онъ становился лицомъ къ лицу съ передовыми представителями націи, оффиціальная преграда между литературой и публикой оказывалась недѣйствительной,—и все что волновало умы и сердца талантливѣйшихъ и умнѣйшихъ людей эпохи, становилось общественнымъ достояніемъ, неизсякаемымъ потокомъ художественныхъ образовъ и свѣтлыхъ идей подмывало старые устои. За стѣнами театра надъ народомъ все еще царила вѣковая опека и независимый взглядъ на нее считался политическимъ преступленіемъ,—надъ партеромъ вѣялъ духъ критики и протеста и немыслимое для подданнаго являлось обычнымъ дѣломъ зрителя. Въ теченіе полувѣка общество несло въ театръ всевозможныя чувства, вызванныя фактами государственной жизни, — и ни-

что не могло предотвратить—ни восторговъ и привѣтствій въ честь популярныхъ дѣятелей, ни насмѣшекъ и оскорбленій—противъ ненавистныхъ. Театральная публика выдержала долголѣтній искусъ политическаго развитія, пріобрѣла необыкновенно нервную чуткость къ злобамъ минуты и неослабный интересъ къ общимъ вопросамъ. Писатели XVIII-го вѣка провозгласили величайшій принципъ новой литературы: поэтъ долженъ быть *учителемъ* и *трибуномъ* и всѣ таланты писателя ничто, если они безполезны для общественнаго прогресса. Просвѣтители умѣли найдти и *общественную школу* и *народную площадь*. Въ то время когда драма, предупреждая философію, изображала *новыхъ людей*, театръ, предупреждая революцію, воспитывалъ *новыхъ гражданъ*.

СОДЕРЖАНІЕ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Философія XVIII-го вѣка.

его покровители.—Роль Шуазеля въ философскомъ движеніи.—Герцогъ Ришелье. — Юмъ и принцы.—Гр. Сегюръ о либерализмѣ высшихъ классовъ.—*Magnificae voces* Сенеки.—Приговоръ Вольтера.—Хозяйки философскихъ солоновъ.—Г-жа Жоффренъ.—Г-жа Дюдеффанъ.—*Les papillons-philosophes.*—Исторія аббата Одра.—Демократическое назначеніе философіи.—V (117—140). Явные враги философіи.—Пессимизмъ философовъ.—*Poor lady.* — Междоусобицы философовъ. — Руссо и энциклопедисты.—*Музыкальная война.*—Вліяніе идей Гельвеція и Гольбаха на положеніе философіи.—Литературные враги просвѣтителей.—Вопросъ о самоубійствахъ въ Парижѣ.—*Le malheureux imaginaire.*—Періодическія изданія, враждебныя философіи.—*Satire sur la fausse philosophie.*—Духовенство.—Парламенты.—Университетъ.—Французская академія.—Помпиньянъ.—Рѣчи Тома.—Отношеніе общества къ академіи.—Академическія собранія.—*Cahiers* о французской академіи.—VI (140—158). Цензура.—Декларація 1757 года.—Вліяніе сочиненій Гельвезія и Руссо.—Сравнительное положеніе Месмера, Каліостро и философовъ. — Печатаніе и распространеніе книгъ въ XVIII вѣкѣ.—Положеніе почты.—Цензура при Людовикѣ XVI.—Процессъ по поводу сочиненія *Phiolosophie de la nature.*—Шпіоны.—Кругъ читателей главнѣйшихъ философскихъ сочиненій. — Распространенность *Энциклопедіи* и ея философское содержаніе.—Вольтеръ переноситъ философію на сцену. - Классическія преданія французской сцены.—Популярность Вольтера какъ драматическаго писателя.

Театръ.

I (159—185). Популярность театральныхъ зрѣлищъ въ XVIII вѣкѣ,—Театральные интересы Людовика XV.—*Siège de Calais.*—Сатира на суды по иниціативѣ короля.—*Manco-Capac.* -- *Père de famille.*—Маркиза Помпадуръ какъ артистка и покровительница новой литературы.—Мадригалъ Вольтера.—Отношеніе къ театру Людовика XVI.— *Veuve de Malabar.*— *Tartuffe.*—Сценическая дѣятельность Маріи Антуанеты.—Мерсье и Бомарше.—Роль Генриха IV на сценѣ XVIII вѣка.—Популярность Маріи Антуанеты. — Отношеніе къ театру принцевъ и высшей аристократіи.—Театръ въ войскахъ.—Аббаты въ роли актеровъ и авторовъ. —Театръ среди буржуазіи.—Интересъ провинцій къ драматической литературѣ. Провинціальная публика и провинціальные авторы.—Вліяніе парижскихъ событій на провинцію. — Вольтеръ и Мерсье — „провинціальные драматурги“.—Сравнительная свобода драматической литературы. II (185—215). *Эдипъ* Вольтера какъ первая философская трагедія.—Нравственно—просвѣтительное направленіе театра XVIII вѣка.—Рѣчь епископа Ланге о Лашоссе.—Взглядъ на театръ европейской періодической печати.—Обсужденіе вопроса въ философской литературѣ.—Статья Даламбера въ *Энциклопедіи.*—Письмо Руссо.—Отвѣтъ Даламбера.—Полемика.—Брошюры адвоката и офицера.—Брошюра *Le pour et contre spectacle.*—*Apologie du théâtre*—Мармонтеля.—Брошюра Маркиза Хименеса.— Брошюра *Considerations sur l'art du théatre.* - Личныя нападки на Руссо.—Значеніе спора для энциклопедической партіи. III (215—225). Философскій взглядъ на новое назначеніе театра.— *Volkserklärung*—Канта.—Образовательная роль театра.—

Экономическія идеи на сценѣ.—Характерныя черты комической оперы XVIII-го вѣка.—Философія проникаетъ на всѣ театральныя сцены.

Драма.

I (226—243). Судьба классической трагедія и комедіи въ XVIII вѣкѣ.—Характеристика трагедіи у Мольера.—Взглядъ новой критики на героевъ Расина. — Вырожденіе трагедіи.—Совѣтъ Вольтера Мармонтелю.—Судьба классической комедіи.—Главная цѣть стараго комическаго жанра.—Перемѣна въ настроеніи публики и истинный смыслъ этой перемѣны.—Роль чувства въ высшихъ классахъ.—Исторія чувствительности во Франціи.—Теоретическое значеніе новаго мотива.—II (243 - 251). Первый періодъ французской драмы.—Отношеніе Вольтера къ новому жанру.—Мотивы драмы до Дидро.—III (251—265). Теоріи и пьесы Дидро.—*Le genre sérieux.—Rapprochez—vous de la vie réelle.—Les conditions.*—Мотивы драмъ Дидро.—Полемика о новомъ жанрѣ.—Статьи Бомарше—IV (265—278). Идеи Мерсье о новой литературѣ, о театрѣ, объ обязанностяхъ новаго поэта. Теорія соціальной драмы.—Демократическій натурализмъ.—Періоды въ развитіи новой драмы —Положеніе Мерсье среди другихъ радикальныхъ писателей.—V (278—287). Иностранныя вліянія на французскую драму.—*L'esprit anglais*.—Вопросъ о Шекспирѣ.—Роль нѣмецкой литературы во Франціи.—Отголоски другихъ литературъ.—Изученіе исторіи, политическаго и общественнаго строя иностранцевъ. VI (287—296). Характеристика парижскихъ театровъ: *итальянскаго, комической оперы*, бульварныхъ сценъ.—*Docteurs modernes*.—Дидро о *drame burlesque*. *Cahiers* о *petits spectalles*.—Отношеніе философіи къ различнытъ жанрамъ сценической литературы.

Публика. Театральная цензура. Актеры.

I (297—332). Французское общество и народъ при старой монархіи.—Театральная публика въ классическую эпоху.—Партеръ въ театрѣ Мольера.—Отношеніе партера къ зрителямъ—аристократамъ и ихъ вкусамъ.—Роль театра при старомъ порядкѣ.—Публика XVIII-го вѣка.—Перемѣны въ составѣ театральной публики —аристократической и демократической—Вопросъ о *малыхъ* ложахъ въ парижскомъ *Cahier*.—Реформа Лорагэ.—Переселеніе *Comédie française* въ кварталъ *S. Honoré* и *Palais-Royal*.—Господство партера.—Общая характеристика партера.—*Альманахи музъ*.—Эпиграммы и народныя пѣсни.—Увлеченія парижанъ.—*Jannotisme, Jannomanie*.—Отношеніе партера къ актерамъ.—Злобы дня на драматической сценѣ.—*L'honnête criminel.—Deserteur*.—Месмеризмъ.—Вопросъ о воздухоплаваніи и оспопрививаніи.—Художественное чутье партера. — Комплименты актеровъ. — Вліяніе партера на репертуаръ.—*Druides.—Севильскій цирульникъ*.—Представленіе *Свадьбы Фигаро* въ присутствіи Густава III и *Эдипа* въ присутствіи Іосифа II.—Тріумфъ Вольтера. — Популярность Лафайэта, Маріи Антуанеты.—Эпизодъ съ Вестрисомъ.—Представленіе *Танкреда*.—Чуткость партера къ намекамъ пьесъ на современныя событія.—*Британникъ.—Plaideurs*.—Гоненіе на С. Жер-

мэна.—Исторія по поводу Неккера.—*La partie de chasse de Henri IV.*— Другіе примѣры оппозиціи.—*Anglais à Bordeau.*—*Théagène et Chariclée.*— Оппозиція партера двору.—Оппозиція двора Маріи Антуанетѣ.—*Elizabeth de France.*—Юридическіе процессы предъ судомъ партера: графа Моранжіеса, Бомарше, *Victoire Salmon* и *Cathérine Estinés.*—Партеръ защищаетъ философовъ.—II (332 - 343). Театральная цензура и ея затруднительное положеніе. — *La montagne délivrée d'une souris.*— *Démophon.*- *Arvire et Evelina.*—Вмѣшательство иностранныхъ правительствъ. — *Elizabeth de France.* — *Barnenelt* — *Zorai* — *Guillaume Tell.*—*Магометъ.*—Вмѣшательство двора и высшихъ классовъ.—Духовная цензура.—*Druides* — *Jeanne de Naples.*— Вопросъ о *prêtre,*— Цензоръ Марэнъ.—Составъ цензуры и дѣйствія ея отдѣльныхъ агентовъ.— Театральная стража.—Патріотическія оваціи. — Представленіе антифилософскихъ комедій.—Нравственное вліяніе театральной обстановки на парижскую публику.—III (343—357). *Cahiers* актеровъ.—Брошюра *Libertés de la France contre le pouvoir arbitraire de l'excommunication.*— Отношеніе церкви къ актерамъ.— Театральная администрація.— *Cahiers* о M. M. gentilhommes.—Характеристика актеровъ въ литературѣ.—*Le paradoxe sur les comédiens.*— *Correspondance littéraire, Memoires secrets. Correspondance secrète.*—Даламберъ, Мерсье—объ актерахъ.—Отношеніе актеровъ къ авторамъ. — *Statuts de la Comédie Française.* — Совѣтъ Мальзерба актерамъ.—*Andriscus.*—Комитетъ актеровъ.—Отношенія актеровъ къ Вольтеру, Дидро, Седэну, Мерсье.—Политическіе интересы актеровъ.—Актеры и театральная критика.—Процессъ Мерсье.—Роль партера какъ художественнаго судьи и выразителя общественнаго мнѣнія.

Сатира.

I (358—388). Отношеніе правительства къ сатирѣ.—Положеніе Руссо и Гельвеція.—Первая антифилософская сатира.—*La critique.*—Дѣятельность Палиссо.—*Le cercle ou les originaux.*—Роль двора и Шуазеля.— *Les Philosophes.*— Роль публики.—Май 1760 года.—Элементы мольеровской комедіи въ антифилософскихъ сатирахъ.-- Руссо и Дидро въ сатирѣ Палиссо.—Отношенія Палиссо и Вольтера.—Брошюры и пьесы по поводу *Les Philosophes.*—*Les quand.*—*La vision de Charles Palissot.*—*Discours sur la satire.*—*Les philosophes manqués.*—*Le petit philosophe.*— *Les philosophes de bois.*—Вольтеръ и Фреронъ.—*L'Ecossaise.*—Сатиры на Вольтера.—*Le fanatisme des philosophes.*—*Le cercle ou la soirée à la mode.*—Общіе пріемы сатириковъ.—Детушъ о философахъ —Палиссо —*Аристофанъ.*—*Le satirique.*—*Les courtisanes.*—Отношеніе духовенства къ Палиссо.—II. (388—412). Значеніе сатиръ Палиссо въ исторіи философской пропаганды.—Антифилософскія сатиры въ концѣ вѣка.— *Le triomphe de Sophocle.* — Возобновленіе комедій Палиссо. - Партеръ защищаетъ память Руссо.—Актеры и Палиссо въ эпоху революціи.—Маркизъ Біевръ и его сатира. *Le Séducteur. Réputations.* — Сатиры на „ученыхъ женщинъ.“ Дора и его комедія *Les Prôneurs.*—*Le Bureau d'esprit.*—Лагарпъ въ сатирической литературѣ.—Calibava d'Estandoux и его сатира *Les journalistes anglais.* — Сатира на драму.—*La fausse*

sensibilité.—*La manie des drames sombres.*—Мерсье о классическихъ трагедіяхъ. — *Le Campagnard.* — Раскаяніе врага новой драмы.— *Théâtre moral.*—Кюбьера.—*Ecole des riches.*—*Le concours académique.*—Результаты борьбы сатириковъ противъ философіи.—Положеніе Вольтера.—Опера Помпиньяна.—*Прометей.*—*Voltaire apprecié.*

Реформа семьи.

I (413—423) Руссо какъ реформаторъ семьи.—*Sentiments de reconnaissanse d'une mère.*—*Новая Элоиза.*—Сенъ-Прэ о семейныхъ отношеніяхъ парижанъ. — Юлія,—ея нравственныя и общественныя идеи.— *Эмиль.*—Отношеніе романовъ Руссо къ современной мысли.—Значеніе драмы въ реформѣ семьи.—II (423—434). Аристократическая семья въ комедіи XVIII-го вѣка.—*Le chevalier à la mode.*—Французскій шевалье и русскій Молчалинъ.—*Turcaret.*—*Les valets-maîtres.*—*La cocquette corrigée.*—Бракъ и любовь—по понятіямъ высшаго свѣта.—Модный кавалеръ въ роли отца, сына и мужа.—*Les jeunes gens du siècle.*—*L'école des mères.*—*Les deux pères.*—*La mère coupable.*—*Mélanie.*—*Le Distrait.*—*Prejugè á la mode.*—*L'école des bourgeois.*—*Le pholosophe marié.*— Свѣтскія женщины.—*Герцогиня* - въ сатирѣ XVIII-го вѣка.—*Les moeurs du temps.* — *La campagne.*—Положеніе мужей въ свѣтѣ. — *Le quart d'heure d'une jolie femme.*—Положеніе дочерей — Роль монастырей въ аристократическихъ семьяхъ. III (354—444). Буржуазная семья въ комедіи XVIII-го вѣка. — Новыя женщины. — Драмы Детуша и Лашоссе.— Типъ новой героини въ драмахъ Вольтера, г-жи Граффиньи, Муасси.—Типъ эмансипированной женщины.—*La veuve.*—Взглядъ энциклопедистовъ на женское образованіе.—*Education philosophique.*—Мерсье о новыхъ дѣвушкахъ.—Идеалы семьи въ трагедіи Вольтера.—IV (445—464) Отношенія родителей и дѣтей въ классической комедіи.—Новыя отцы.—*Le père de famille.*—*Le pholosophe sans le savoir.*—*Silvain.*—*Le bienfait rendu.*—*Les deux frères.*—*Le Juge.*—Вопросъ объ инстинктѣ у Руссо и въ новой драматической литературѣ.—Борьба поколѣній.—*La Gouvernante.* — Отцы и дѣти въ низшихъ классахъ. — *L'honnête criminel.*— Крестьянская семья.—*Toinon et Toinette.*—Семья рабочаго.—*Jenneval ou le Barnewelt français.*—*L'orphéline.*—*Fanfan et Colas.*—*Rose.*— *L'Indigent.*—*L'epreuve d'un moment.*—Крестьянка-кормилица.—*La Suivante généreuse.* — *L'ascendant de la vertu.*—Семья бѣдняковъ. — *Albert I.*—*Ioachim.*—Чувство дружбы среди аристократовъ и среди крестьянъ.—*L'amitié au village.* - Вопросъ о незаконнорожденныхъ дѣтяхъ.— *Le fils Naturel.*—*Felix ou l'enfant trouvé.*—*Le préjugès.*—*Le vieux garçon.*—*Don Pèdre.*—V (464—475). Педагогическіе вопросы.—*Эмиль.*— Вопросъ о воспитаніи до романа Руссо.—*La force du naturel.*—Идеи Дидро.—Вліяніе романа Руссо.—Вопросъ о кормленіи.—*La vraie mère.*— Воспитаніе дѣтей въ деревнѣ.—*Le Goûté.*—*Fanfan et Colas.*—Пьеса дочери Неккера.—*Education honnête.*—Героиня Мерсье.—VI (476—480). *Наказы* о семьѣ и воспитаніи.—Вопросъ о нравственныхъ и юридическихъ отношеніяхъ супруговъ.—*Cahiers* женщинъ.—Вопросъо дѣтяхъ.— Защита незаконнорожденныхъ.

Реформа общественныхъ отношеній.

I (481—490) Обычный взглядъ на комедіи Бомарше и отношеніе къ нимъ цензуры XVIII-го вѣка.—Неоригинальность ихъ идей.—Политическіе принципы Монтескье.—Значеніе понятія *vertu* въ литературѣ XVIII-го вѣка и въ *Cahiers*.—Нравственный вопросъ предшествуетъ общественному и политическому.—Идеи церковныхъ проповѣдниковъ объ общественномъ и политическомъ строѣ.—II (491—509). Благородные герои въ комедіи и драмѣ.—*Marquis ridicule*—Мольера. *Шевалье*—Реньяра. — Отношеніе аристократовъ къ буржуа.—*Le faux noble*—*L'école des pères*.—*Les amis du jour*.—*L'impertinent*.—*L'homme de jour*.—Характеристика двора въ *Запискахъ* маркиза Даржансона.—*Jeanne de Naples*.—*L'Officieux*.—*L'homme de cour*.—Взглядъ крестьянъ на придворныхъ.—*Ninette à la cour*.—Придворные у Мариво.—Вольтеръ о дворѣ.—Отношеніе парижанъ къ двору.—Денежная аристократія.—Карьера откупщиковъ по *Персидскимъ письмамъ* Монтескье.—*L'esprit du jour*.—*Protecteur bourgeois* — *Наказы* о *faux nobles* и *roturiers annoblis*.— Новый типъ слуги.—*Les Menechmes*.—*La sérenade*.—*Les valets-maîtres*.—*Crispin rival de son maître*.—Общественный смыслъ борьбы слугъ съ господами.—III (509—518). Новый типъ крестьянина.—*Le denouement imprévu*.—Крестьянинъ въ драмахъ Мерсье.—Взглядъ крестьянскихъ *наказовъ* на источникъ благородства.—Отношенія крестьянъ къ сеньёрамъ и къ лакеямъ.—Презрѣніе къ городской жизни и привязанность къ деревнѣ.—*Les amours de Bastien et Bastienne*.—*Le roi et le fermier*.—*Les Moissonneurs*.—*Le jardinier et son seigneur*.—*Le campagnard*.—Отзывы и проекты *наказовъ* о лакеяхъ.—Критика феодальныхъ правъ.—Вопросъ о феодализмѣ и о естественномъ равенствѣ у Вольтера,—*Наказы* крестьянъ, отражающіе новый типъ.—IV (518—529). Новое положеніе буржуа.—Послѣдніе *мѣщане въ дворянствѣ*.—Новый типъ буржуа неразрывно связанъ съ самой сущностью драмы.—*L'homme de fortune*.—*L'honnete homme* въ изображеніи Мариво.—Взгляды двухъ поколѣній буржуа на сословныя привилегіи.—*Наказы* третьяго сословія, воспроизводящіе идеи драматическихъ героевъ.—V (529—545). *Наказы* дворянства о сословныхъ привилегіяхъ.—Консервативная знать и *la noblesse pensante*.—Взглядъ либеральной аристократіи на положеніе третьяго сословія въ генеральныхъ штатахъ, на должностныя, податныя и сеньеріальныя привелегіи.—Типъ *добраго сеньёра*.—Экономическія и политическія идеи сеньёровъ въ драмахъ и комическихъ операхъ.—Либеральный феодалъ у Вольтера.—Отзывы знатныхъ героевъ о крестьянахъ.—Вопросъ о „торгующей знати" въ драмѣ и въ *наказахъ*.—VI (545—561). Идея о народѣ въ XVIII-го вѣка.—Энциклопедическая статья—*Peuple*.—*Epître au peuple*—Тома.—Представленіе о деревнѣ и деревенской жизни въ новой литературѣ.—Писатель-крестьянинъ.—Изображеніе крестьянскаго и рабочаго быта на сценѣ.—Типъ благороднаго слуги у Вольтера.—Идеализація бѣдняка.—Защита лакеей-рабовъ.—*Le marchaud de Smyrne*.—Вопросъ о судѣ и процессѣ.—*Arlequin sauvage*.—*Наказы*—объ адвокатахъ и судебной волокитѣ.—Гуманный взглядъ на преступника.—Оптимизмъ философовъ.—*Наказы*, воспроизводящіе новыя идеи о преступленіи, о наказаніи и о человѣчномъ

отношеніи къ преступникамъ и заключеннымъ въ тюрьмахъ.—VII (562—574). Комедіи Бомарше.—По *идеямъ* онѣ не представляютъ ничего оригинальнаго.—Ихъ значеніе въ удачной формулировкѣ раньше выработанныхъ принциповъ и взглядовъ. — Разносторонній жизненный смыслъ типа Фигаро въ комедіяхъ.—Его полное преобразованіе въ драмѣ *Mère coupable.*—Типъ свободомыслящей „ливреи".

Реформа религіи и церкви.

I (575—597). Значеніе религіознаго и церковнаго вопроса въ философіи XVIII-го вѣка. — *L'infâme*—Вольтера. — Взглядъ философовъ на суевѣрія.—Отношеніе къ духовенству общества и народа.—Жалобы священника въ *Персидскихъ письмахъ.*—Даржансонъ о положеніи духовенства.—Обиліе брошюръ критическаго направленія.—Эпиграммы на прелатовъ.—Вольтеръ первый пользуется театромъ въ борьбѣ съ *l'infâme.*—Вліяніе іезуитовъ—наставниковъ на Мольера и Вольтера.—Пріёмъ, введенный Вольтеромъ въ философскія трагедіи.—Представленіе *Эдипа.*—Философская борьба на почвѣ исторіи.—*Генріада.*—*Магометъ.*—Мотивы чувствительной драмы въ философской трагедіи.—*Гебры.*—*Le depôt de Ninon.*—*Скифы.*—Значеніе философской борьбы Вольтера въ глазахъ современниковъ.—*Voltaire triomphant ou les prêtres deçus.*—II (597—609). Послѣдователи и соратники Вольтера.—Лемьеръ, Лебланъ, Мерсье.—*Manco-Capac.*—*Druides.*—Кондорсе о *Друидахъ.*—Вліяніе католическаго духовенства на государей.—*Olinde et Sophronie.*—*Idomenée.*—*Hypermnestre.* — *La veuve de Malabar.* — *La mort de Socrate.*—III (609—622). Драмы изъ эпохи религіозныхъ смутъ. — *La destruction de la Ligue.*—*Jean Hennyer.*—*L'honnête criminel.*—*Portrait de Philippe II.*—Средневѣковая дѣятельность папства.—*Lothaire et Valrade.*—Вопросъ объ іезуитахъ и монашескихъ орденахъ.—*Les Jammabos.*—Фанатизмъ въ концѣ XVIII-го вѣка.—IV (622—630). Драмы противъ монаховъ и монастырей.—*Ericie.*—*Mélanie.* — Терпимость философовъ. — Религіозныя идеи въ драмѣ Дидро.—Философская дѣятельность нѣкоторыхъ представителей духовенства.—Литературные защитники фанатиковъ.—V (631—642). Положеніе религіи и духовенства во Франціи по свидѣтельству *наказовъ.*—Духовные *наказы* объ упадкѣ религіознаго чувства и мѣры, предлагаемыя ими, противъ зла.—*Наказы* янсенистовъ.—Вопросъ о реформѣ духовенства въ крестьянскихъ *наказахъ.*—Отношеніе крестьянъ-католиковъ къ протестантамъ.—Взглядъ крестьянъ на праздники.—Крестьяне отдѣляютъ вопросъ о религіи отъ вопроса о духовенствѣ.—Проповѣдь терпимости.—Вопросъ о монастыряхъ, о папской власти, о целибатѣ,

Реформа государства.

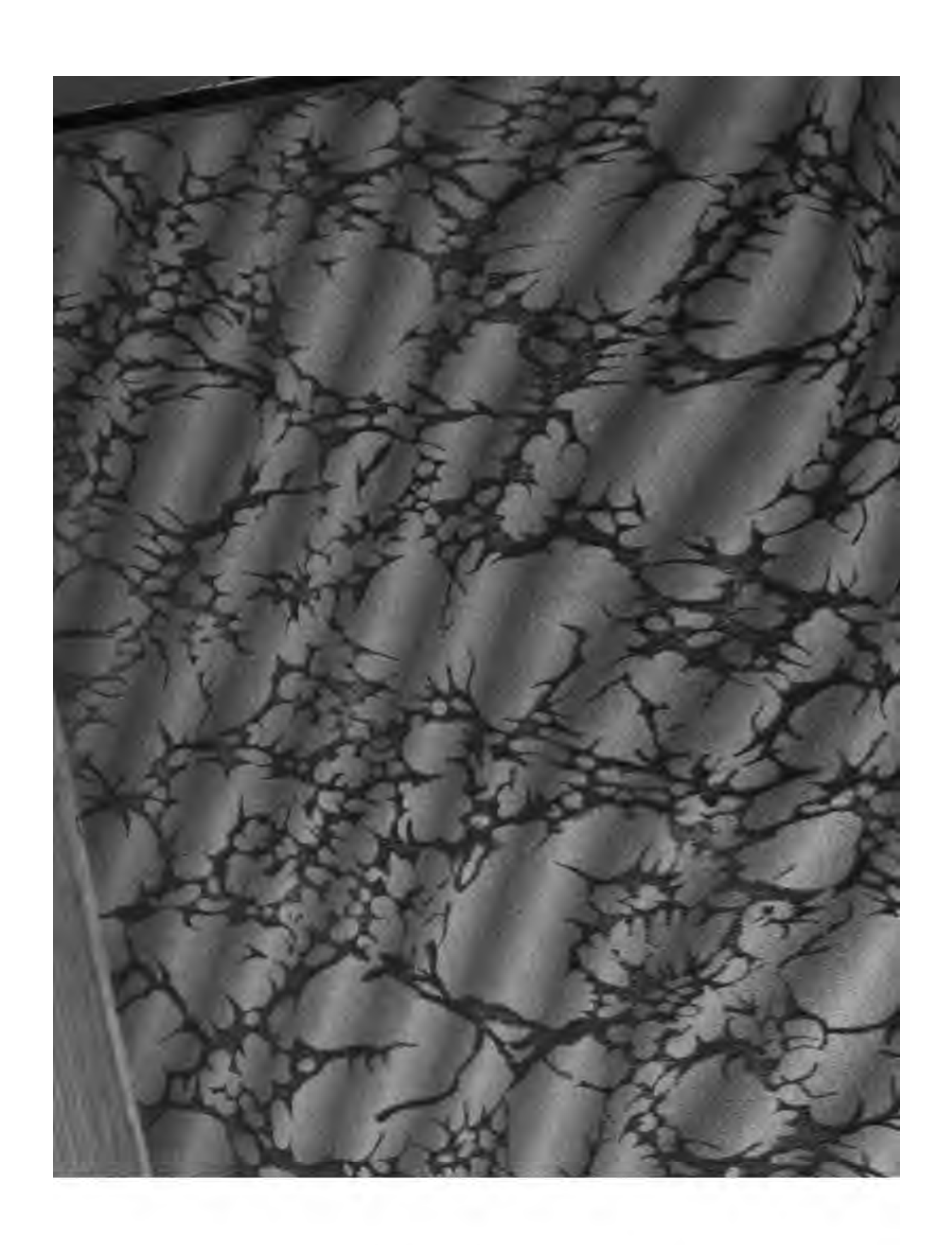
I (642—662). Идеальныя основы старой французской монархіи.—*Mémoires de Louis XIV.*—Отраженіе монархическихъ идей въ литературѣ.—Регентство и завѣщаніе Людовика XIV.—Популярность парламента.—Античныя воспоминанія.—Вольтеръ о завѣщаніи Людовика.—*Философ-*

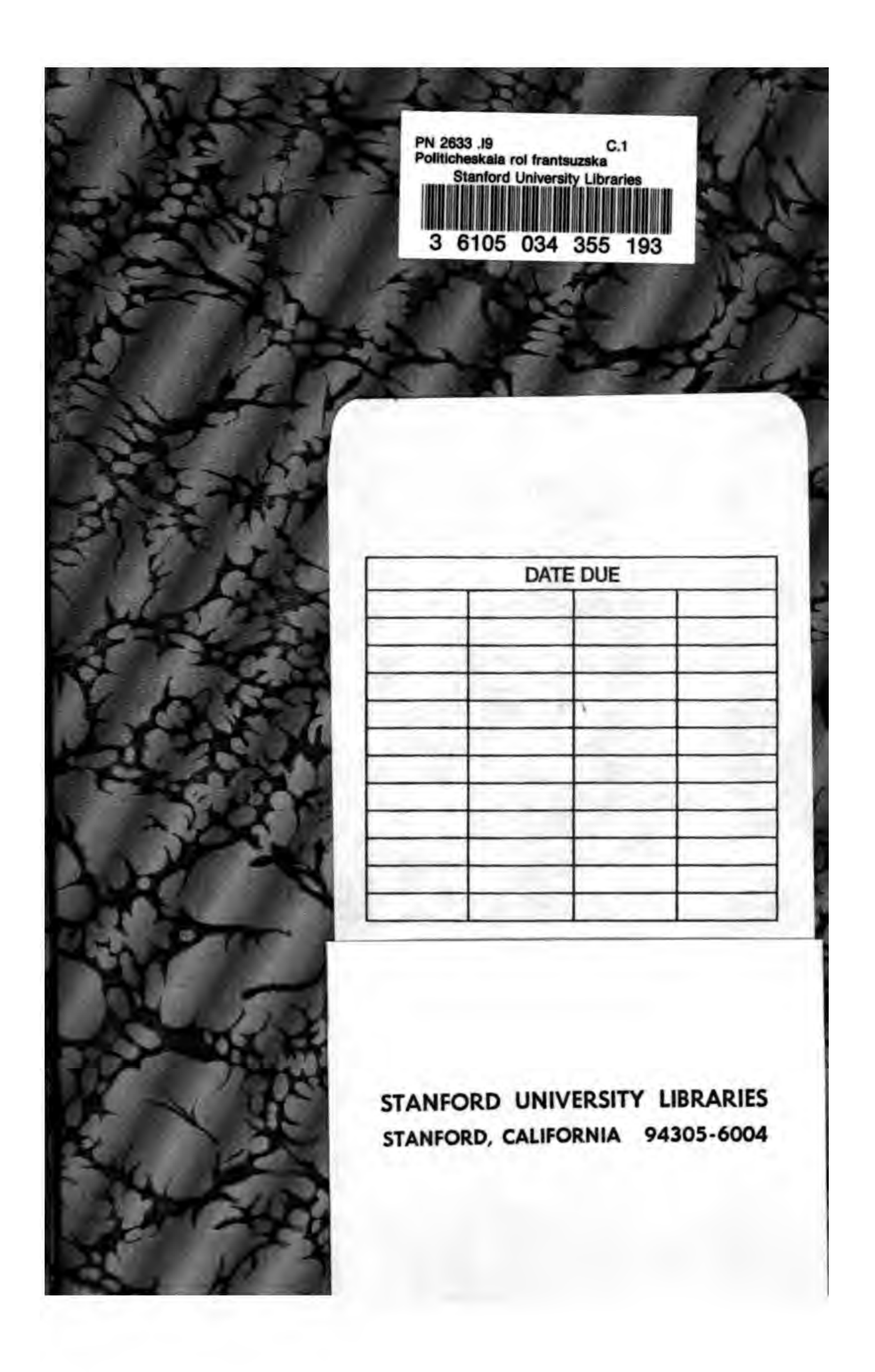
ВАЖНѢЙШІЯ ОПЕЧАТКИ.

Стран.	*Строки.*	*Напечатано.*	*Слѣдуетъ.*
46	предпосл.	пороками	пророками
95	25	d· e'ducation	de l'éducation
103	3	сочинило	создало
159	5	но	не
181	2	Лондонѣ	Ліонѣ
189	6	вновь	новомъ
224	20	актеру	автору
237	rem. 26.	1682	1782
245	14	веселиться	веселья
258	rem. 2.	Charassin	Charisson
299	12	возможнѣе	важнѣе
308	12	отправляться	отравляться
309	rem. 23.	parell	par
324	4	1871	1781
329	23	постоянную	настоящую
350	10	Мальзердъ	Мальзербъ
394	14	бродяги	brigands
—	rem. 81.	Morlin	Merlin
410	15	ободряетъ	ободряютъ
420	5	авторъ	возлагалъ
428	23	Бенжалина	Бенжамина
429	rem. 26.	крестьянина	крестьянка
466	25	причины	мотивы
551	rem. 149.	Réatins	Théatins
573	10	1779	1789
629	12	подь	надъ
646	29	больше	дальше
647	rem. 1.	приказовъ	принцевъ
692	2	1856	1756

PN 2633 .I9 C.1
Politicheskaia rol frantsuzska
Stanford University Libraries
3 6105 034 355 193
DATE DUE
STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
STANFORD, CALIFORNIA 94305-6004